НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЮСТИЦИИ СССР

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

ПО ДЕЛУ

АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА"

РАССМОТРЕННОМУ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
2—13 марта 1938 г.

ПО ОБВИНЕНИЮ

Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Бессонова С. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Плетнева Д. Д., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П.

в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58^{1a}, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}. 58^{9} и 58^{11} Уголовного кодекса РСФСР, а *Иванова, Зеленского* и *Зубарева*, кроме того, в преступлениях, предусмотренных ст. 58^{13} Уголовного кодекса РСФСР

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА

МОСКВА 1938
ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ СССР

2007083682

8199-38

Ответственные за выпуск — *В. Усков* и *В. Машуков*
Техническое оформление — *Л. Васильев*. Ответственный за корректуру — *В. Пчелинцев*.
Сдано в набор 20/III 1938 г. Подписано к печати 28/III—6/IV 1938 г. Печ. листов 44,25.
Уч.-авт. листов 52,31. Уполномоченный Главлита № Б-42812.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28

СОДЕРЖАНИЕ

Утреннее заседание 2-го марта

Открытие судебного заседания 7
Обвинительное заключение 11
Допрос подсудимого Бессонова 39

Вечернее заседание 2-го марта

Допрос подсудимого Гринько 66
Допрос подсудимого Чернова 84

Утреннее заседание 3-го марта

Допрос подсудимого Иванова 104
Допрос подсудимого Зубарева 128
Допрос свидетеля Васильева Д. Н. 138

Вечернее заседание 3-го марта

Допрос подсудимого Крестинского 141
Допрос подсудимого Рыкова 146

Утреннее заседание 4-го марта

Допрос подсудимого Шаранговича 183
Допрос подсудимого Ходжаева 194

Вечернее заседание 4-го марта

Допрос подсудимого Розенгольца 222
Второй допрос подсудимого Крестинского 238
Допрос подсудимого Раковского 259

Утреннее заседание 5-го марта

Продолжение допроса подсудимого Раковского 265
Допрос подсудимого Зеленского 283

Вечернее заседание 5-го марта

Допрос подсудимого Икрамова 305
Допрос подсудимого Бухарина 331

Утреннее заседание 7-го марта

Продолжение допроса подсудимого Бухарина 351
Допрос свидетеля Яковлевой В. Н. 390

Вечернее заседание 7-го марта

Продолжение допроса свидетеля Яковлевой В. Н. 403
Допрос свидетеля Осинского В. В. 407
Допрос свидетеля Манцева В. Н. 414
Допрос свидетеля Камкова Б. Д. 430
Допрос свидетеля Карелина В. А. 440
Вопросы к экспертизе 451

Утреннее заседание 8-го марта

Допрос подсудимого Левина 454

Вечернее заседание 8-го марта

Допрос подсудимого Буланова 488
Допрос подсудимого Ягоды 502
Допрос подсудимого Крючкова 515

Утреннее заседание 9-го марта

Допрос подсудимого Плетнева 520
Допрос подсудимого Казакова 526
Ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем 535, 544
Допрос подсудимого Максимова-Диковского 537
Допрос свидетеля доктора М. Ю. Белостоцкого 542
Закрытое судебное заседание 549

Утреннее заседание 11-го марта

Речь государственного обвинителя Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского 550

Вечернее заседание 11-го марта

Речь защитника И. Д. Брауде 615
Речь защитника Н. В. Коммодова 621
Последнее слово подсудимого Бессонова 630
Последнее слово подсудимого Гринько 633
Последнее слово подсудимого Чернова 636

Утреннее заседание 12-го марта

Последнее слово подсудимого Иванова 640
Последнее слово подсудимого Крестинского 644
Последнее слово подсудимого Зубарева 649
Последнее слово подсудимого Рыкова 650
Последнее слово подсудимого Шаранговича 654
Последнее слово подсудимого Ходжаева 656
Последнее слово подсудимого Зеленского 660
Последнее слово подсудимого Икрамова 665
Последнее слово подсудимого Раковского 669
Последнее слово подсудимого Розенгольца 674

Вечернее заседание 12-го марта

Последнее слово подсудимого Бухарина 678
Последнее слово подсудимого Левина 689
Последнее слово подсудимого Буланова 691
Последнее слово подсудимого Ягоды 693
Последнее слово подсудимого Крючкова 696
Последнее слово подсудимого Плетнева 697
Последнее слово подсудимого Казакова 697
Последнее слово подсудимого Максимова-Диковского . . . 699
Приговор 701

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

СОСТАВ СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель
Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

ЧЛЕНЫ СУДА:

Корвоенюрист *И. О. Матулевич,*
Заместитель Председателя
Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

Диввоенюрист *Б. И. Иевлев,*
Член Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер*

*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ:

А. Я. Вышинский,
Прокурор Союза ССР

ЗАЩИТНИКИ:

И. Д. Брауде и Н. В. Коммодов,
члены Московской коллегии защитников

Утреннее заседание 2 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь. Заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР объявляется открытым.

Слушается дело Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича, Ягоды Генриха Григорьевича, Крестинского Николая Николаевича, Раковского Христиана Георгиевича, Розенгольца Аркадия Павловича, Иванова Владимира Ивановича, Чернова Михаила Александровича, Гринько Григория Федоровича, Зеленского Исаака Абрамовича, Бессонова Сергея Алексеевича, Икрамова Акмаля, Ходжаева Файзуллы, Шаранговича Василия Фомича, Зубарева Прокопия Тимофеевича, Буланова Павла Петровича, Левина Льва Григорьевича, Плетнева Дмитрия Дмитриевича, Казакова Игнатия Николаевича, Максимова-Диковского Вениамина Адамовича и Крючкова Петра Петровича, обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве, подрыве военной мощи СССР, провокации военного нападения иностранных государств на СССР, — то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. $58^{1а}$, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР.

Подсудимый Бухарин Николай Иванович, обвинительное заключение вы получили?

Бухарин. Да, получил.

Председательствующий. Подсудимый Рыков Алексей Иванович, обвинительное заключение вы получили?

Рыков. Да.

Председательствующий. Подсудимый Ягода Генрих Григорьевич, обвинительное заключение вы получили?

Ягода. Да.

Председательствующий. Подсудимый Крестинский Николай Николаевич, обвинительное заключение вы получили?

Крестинский. Да.

Председательствующий. Подсудимый Раковский Христиан Георгиевич, обвинительное заключение вы получили?

Раковский. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Розенгольц Аркадий Павлович, обвинительное заключение вы получили?

Розенгольц. Да.

Председательствующий. Подсудимый Иванов Владимир Иванович, обвинительное заключение вы получили?

Иванов. Обвинительное заключение получил.

Председательствующий. Подсудимый Чернов Михаил Александрович, обвинительное заключение вы получили?

Чернов. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Гринько Григорий Федорович, обвинительное заключение вы получили?

Гринько. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Зеленский Исаак Абрамович, обвинительное заключение вы получили?

Зеленский. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Бессонов Сергей Алексеевич, обвинительное заключение вы получили?

Бессонов. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Икрамов Акмаль, обвинительное заключение вы получили?

Икрамов. Да.

Председательствующий. Подсудимый Ходжаев Файзулла, обвинительное заключение вы получили?

Ходжаев. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович Василий Фомич, обвинительное заключение вы получили?

Шарангович. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Зубарев Прокопий Тимофеевич, обвинительное заключение вы получили?

Зубарев. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Буланов Павел Петрович, обвинительное заключение вы получили?

Буланов. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Левин Лев Григорьевич, обвинительное заключение вы получили?

Левин. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Плетнев Дмитрий Дмитриевич, обвинительное заключение вы получили?

Плетнев. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Казаков Игнатий Николаевич, обвинительное заключение вы получили?

Казаков. Получил.

Председательствующий. Подсудимый Максимов Вениамин Адамович, ваша настоящая фамилия Диковский Вениамин Адамович, он же Абрамович?

Максимов. Да.

Председательствующий. Обвинительное заключение вы получили?

Максимов. Да.

Председательствующий. Подсудимый Крючков Петр Петрович, обвинительное заключение вы получили?

Крючков. Получил.

Председательствующий. Состав суда по данному делу:

Председательствующий — председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюрист В. В. Ульрих; члены суда: заместитель председателя Военной Коллегии — корвоенюрист Матулевич И. О., диввоенюрист Иевлев Б. И. и запасный член суда — бригвоенюрист Зырянов И. М.

Обвинение поддерживает Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский.

Защищают подсудимых: Левина — член Московской коллегии защитников И. Д. Брауде, подсудимых Плетнева и Казакова — член Московской коллегии защитников Н. В. Коммодов; остальные подсудимые при окончании предварительного следствия на вопрос о защите отказались от защитников, заявив, что защищаться будут сами.

Я повторяю вопрос о защите.

Подсудимый Бухарин, вы желаете иметь защитника?

Бухарин. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Рыков, вы желаете иметь защитника?

Рыков. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Ягода, вы желаете иметь защитника?

Ягода. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Крестинский, вы желаете иметь защитника?

Крестинский. Нет, я буду защищаться сам.

Председательствующий. Подсудимый Раковский, вы желаете иметь защитника?

Раковский. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Розенгольц, вы желаете иметь защитника?

Розенгольц. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Иванов, вы желаете иметь защитника?

Иванов. Нет, защита мне не нужна, защищаться я не собираюсь. Я здесь нахожусь для того, чтобы нести полную ответственность за свои преступления.

Председательствующий. Подсудимый Чернов, вы желаете иметь защитника?

Чернов. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Гринько, вы желаете иметь защитника?

Гринько. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Зеленский, вы желаете иметь защитника?

Зеленский. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Бессонов, вы желаете иметь защитника?

Бессонов. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Икрамов, вы желаете иметь защитника?

Икрамов. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Ходжаев, вы желаете иметь защитника?

Ходжаев. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, вы желаете иметь защитника?

Шарангович. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Зубарев, вы желаете иметь защитника?

Зубарев. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Буланов, вы желаете иметь защитника?

Буланов. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Максимов, вы желаете иметь защитника?

Максимов. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Крючков, вы желаете иметь защитника?

Крючков. Нет.

Председательствующий. Разъясняю тем подсудимым, которые отказались от защиты, что они имеют право на защитительные речи, независимо от последних слов.

Разъясняю всем подсудимым, что они имеют право задавать вопросы друг другу, а также давать разъяснения по отдельным моментам судебного следствия.

Товарищ Прокурор, вы имеете ходатайства о вызове дополнительных по делу свидетелей или о приобщении к делу дополнительных документов?

Вышинский. Нет, пока не имею, но Уголовно-процессуальный кодекс мне предоставляет право в любое время судебного следствия заявлять ходатайства о вызове свидетелей и приобщении дополнительных документов. Прошу это право за мной сохранить.

Председательствующий. Несомненно. Защита имеет ходатайства?

Защитники. Нет.

Председательствующий. У подсудимых есть заявления о вызове свидетелей или приобщении документов? Нет.

Приступаем к оглашению обвинительного заключения.

Секретарь суда (оглашает обвинительное заключение).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Бессонова С. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина Л. Г., Плетнева Д. Д., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П., — обвиняемых в том, что они по заданию разведок враждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии.

Произведенным органами НКВД расследованием установлено, что по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик, что подтверждается материалами не только настоящего следствия, но и материалами судебных процессов, прошедших в разных местах в СССР, и, в частности, судебных процессов по делу группы военных заговорщиков — Тухачевского и других, осужденных Специальным Присутствием Верховного Суда СССР 11 июня 1937 года, и по делу группы грузинских буржуазных националистов — Мдивани, Окуджава и других, осужденных Верховным Судом Грузинской ССР 9 июля 1937 года.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и за захват власти возлагали исключительно на во-

оруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями указанных выше иностранных государств облегчалось тем, что многие руководящие участники этого заговора являлись давнишними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это прежде всего относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года.

Однако, имеющиеся в распоряжении следствия по настоящему делу материалы устанавливают, что связь врага народа Троцкого с немецкой политической полицией и разведками других стран относится к значительно более раннему периоду времени. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года и с английской «Интеллидженс Сервис» — с 1926 года.

Что касается привлеченных по настоящему делу, то значительная часть этих обвиняемых по их собственному признанию являются шпионами-агентами иностранных разведок уже длительное время.

Так, обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году.

Обвиняемый Розенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, а для английской разведки — в 1926 году.

Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого — являлся агентом английской «Интеллидженс Сервис» с 1924 года и японской разведки — с 1934 года.

Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе обвиняемые по настоящему делу Рыков, Бухарин и другие, были полностью осведомлены о шпионских связях своих соучастников и всячески поощряли расширение этих шпионских связей.

Все это достаточно объясняет, почему эти господа, состояв-

шие на службе иностранных разведок, с такой легкостью шли на расчленение СССР и отторжение целых областей и республик в пользу иностранных государств.

Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками также облегчалось и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охранки.

Пробравшись на ответственные посты в Советском государстве, эти провокаторы, однако, не переставали опасаться разоблачения своих преступлений против рабочего класса, против дела социализма. Охваченные постоянным страхом своего разоблачения, эти участники заговора видели свое единственное спасение в свержении Советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продавались царской охранке и при которой они только и могли чувствовать себя вне опасности.

Так, обвиняемый Зеленский И. А. являлся агентом самарского жандармского управления с 1911 года. С того времени Зеленский под кличками «Очкастый» и «Салаф» систематически информировал жандармское управление о деятельности самарской организации большевиков, получая за это регулярно ежемесячное денежное вознаграждение.

Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 года, когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охранки под кличкой «Самарин».

Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 году и сотрудничал в ней под кличками «Василий», «Палин» и «Прохор».

Как установлено следствием, для достижения своих преступных целей по свержению Советского правительства, захвату власти и восстановлению капитализма в СССР заговорщики, по прямым указаниям иностранных разведок, вели широкую шпионскую работу в пользу этих разведок, организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в целях обеспечения поражения СССР в предстоящем нападении на СССР фашистских агрессоров, всячески провоцировали ускорение этого нападения фашистских агрессоров, а также организовали и осуществили ряд террористических актов против руководителей партии, правительства и выдающихся советских деятелей.

I. ШПИОНАЖ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ИЗМЕНА РОДИНЕ

Следствием установлено, что большинство главарей «право-троцкистского блока», обвиняемых по настоящему делу, осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств.

Агент германской разведки — видный троцкист, обвиняемый Крестинский — на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 года заявил:

«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого, который поручил мне начать по этому поводу переговоры с генералом Сектом...»

(т. 3, л. д. 102).

Касаясь обстоятельств установления связей троцкистской организации с немецкой разведкой, обвиняемый Крестинский показал, что он зимой 1921 года вел с командующим германским рейхсвером генералом Сектом переговоры о получении от рейхсвера денежных средств для ведения троцкистской подпольной работы взамен предоставления троцкистами немецкой разведке шпионских материалов.

Обвиняемый Крестинский по этому поводу показал:

«...Троцкий поручил мне по приезде в Берлин завязать по этому вопросу переговоры с генералом Сектом. Эту директиву Троцкого я выполнил...» (т. 3, л. д. 14 об.).

Обвиняемый Крестинский, говоря далее о своей и своих сообщников изменнической деятельности, показал:

«С генералами Сектом и Хассе мы договорились о том, что будем содействовать рейхсверу в создании на территории СССР ряда опорных разведывательных пунктов путем беспрепятственного пропуска командируемых рейхсвером разведчиков и что мы будем снабжать рейхсвер разведывательными материалами, то есть, попросту говоря, будем немецкими шпионами. За это рейхсвер обязался ежегодно выплачивать 250.000 марок в виде субсидии на контрреволюционную троцкистскую работу...»

(т. 3, л. д. 102).

«Выплата денежных субсидий производилась регулярно, частями, несколько раз в год, главным образом, в Москве и изредка в Берлине...

В Берлине эти деньги, когда их по тем или иным причинам не выплачивали в Москве, получал я непосредственно от Сект а, обычно отвозил в Москву сам и передавал Троцкому».

(т. 3, л. д. 15).

Другой видный троцкист, один из руководителей антисоветского троцкистского подполья и активный участник заговора, обвиняемый Розенгольц, уличенный в шпионаже, подтвердив на следствии факт соглашения Троцкого с рейхсвером, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 году, когда по директиве Троцкого я передал ряд секретных данных командующему рейхсвером Секту и начальнику немецкого генштаба Хассе. В дальнейшем со мной непосредственно связался..... посол в СССР г-н N, которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда г-на N я продолжал шпионскую связь с новым послом г-ном N».

(т. 6, л. д. 131 об.).

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный пораженческий характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию, принимавший активное участие в нелегальных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно, военными кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Розенберга по внешне-политическому отделу фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и проф. Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятаков на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра.

Обвиняемый Бессонов показал, что:

«... как видно из этих условий... центр тяжести подпольной работы троцкистов переносился на подрывные шпионские, диверсионные и террористические акты внутри СССР».

(т. 11, л. д. 106).

Наличие соглашения Л. Троцкого и троцкистской организации в СССР с фашистскими кругами и проведение в СССР подрывной пораженческой работы по указаниям германской разведки признали на следствии и другие обвиняемые по настоящему делу.

Однако, связями с германским фашизмом пораженческая работа троцкистских наймитов не ограничивалась. Они вместе с другими участниками антисоветского заговора, в соответствии с линией Л. Троцкого, ориентировались и на другого фашистского агрессора — Японию.

Фактическая сторона изменнических отношений антисоветских заговорщиков с японской разведкой представляется по материалам следствия в таком виде.

Как показал обвиняемый Крестинский, во время свидания с Л. Троцким в Мексике, в октябре 1933 года, Троцкий ему заявил о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятакову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении Советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Как установлено следствием, обвиняемый Раковский в связи с его пребыванием в Японии летом 1934 года получил от Пятакова указание о том, что —

«... нужно усилить одновременно и внешнюю деятельность в смысле контакта с враждебными СССР правительствами..., надо попытаться использовать поездку в Токио, и что, веро-

ятно, ... предпримет необходимые шаги в этом направлении». (т. 4, л. д. 194).

Это поручение обвиняемый Раковский выполнил и, находясь в Токио, действительно установил преступную связь с ..... кругами.

По этому поводу обвиняемый Раковский показал:

«Все эти обстоятельства имели своим логическим и практическим последствием тот факт, что я... стал со времени моего пребывания в Токио прямым агентом-шпионом ....., будучи завербован для этой цели, по поручению ....., г-ном N, влиятельнейшим политическим деятелем капиталистическо-феодальной Японии и одним из крупнейших ее плутократов». (т. 4, л. д. 186).

Тот же обвиняемый Раковский, говоря о связи врага народа Л. Троцкого с английской разведкой, показал:

«Троцкий, как мне было известно, являлся агентом «Интеллидженс Сервис» с конца 1926 года. Об этом мне сообщил сам Троцкий».

(т. 4, л. д. 363).

Входившие в состав «право-троцкистского блока» группы буржуазных националистов также были теснейшим образом связаны с иностранными разведками.

Так, обвиняемый Гринько, являвшийся агентом немецкой и польской разведок, касаясь антисоветской деятельности украинской национал-фашистской организации, одним из руководителей которой он являлся, показал:

«... к 1930 году относится обсуждение в нашей организации вопроса о необходимости договориться с Польшей об оказании военной помощи повстанческому выступлению на Украине против Советской власти. В результате этих переговоров с Польшей было достигнуто соглашение и польский генеральный штаб усилил переброску на Украину оружия, диверсантов и петлюровских эмиссаров».

(т. 9, л. д. 18).

И далее:

«В конце 1932 года я, на почве моей националистической работы, вступил в изменническую связь с г-ном N. Мы встречались с ним в моем служебном кабинете, куда г-н N являлся по делам германской концессии».

«Во второй половине 1933 года г-н N мне прямо сказал, что германские фашисты хотят сотрудничать с украинскими националистами по украинскому вопросу. Я ответил г-ну N согласием на сотрудничество. В дальнейшем, на протяжении 1933—1934 годов у меня было несколько встреч с г-ном N, а перед его отъездом из СССР он связал меня с г-ном N, с которым я продолжал свои изменнические сношения».

(т. 9, л. д. 286 об.).

Другой участник антисоветского заговора и один из руководителей националистической организации в Узбекистане обвиняемый Икрамов показал:

«Перед нами постоянно возникал вопрос о необходимости ориентироваться на одно из сильных европейских государств, которое оказало бы нам непосредственную помощь в момент вооруженной борьбы против Советской власти...»

(т. 12, л. д. 59, 60).

«...некоторые члены контрреволюционной организации считали Англию наиболее реальной в деле оказания помощи нам, так как она страна мощная и сможет с достаточной силой поддержать нас в момент непосредственной вооруженной борьбы...»

(т. 12, л. д. 60).

Обвиняемый Шарангович, агент польской разведки и один из руководителей антисоветской организации белорусских национал-фашистов, признал, что эта организация вела свою подрывную работу не только по указаниям правых и «право-троцкистского блока», но и по директивам польской разведки.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«К этому периоду (1933 год) сгладились какие-либо разногласия между правыми, троцкистами и национал-фашистами. Все мы ставили перед собой одну задачу — задачу борьбы с Советской властью любыми методами, включая террор, диверсию и вредительство. Конечной целью всех этих трех организаций, действовавших на территории национальной республики, было отторжение Белоруссии от Советского Союза и создание «независимого» буферного государства, которое, несомненно, находилось бы целиком в руках Польши и Германии...» (т. 14, л. д. 27).

И далее:

«Несмотря на то, что директивы, получаемые нами, исходили, с одной стороны, из Москвы, от центра правых и троцкистов, а с другой стороны, из Варшавы — от польских..... .....кругов, никакого различия в их содержании не было, они были едины и нами претворялись в жизнь».

(т. 14, л. д. 31).

Обвиняемый Рыков полностью подтвердил наличие изменнической связи правых с фашистской Польшей, показав:

«...группа участников организации правых, в соответствии с указаниями центра правых и моими личными указаниями, в целях осуществления наших заговорщических, изменнических планов установила связь с фашистской Польшей, с польскими разведывательными органами в частности».

(т. 1, л. д. 118).

Говоря далее о планах отторжения от СССР Белоруссии, обвиняемый Рыков показал:

«Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками... мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской советской республики, на создание «независимой» Белоруссии под протекторатом Польши...» (т. 1, л. д. 119).

Как установлено следствием, вся преступная деятельность входившей в «право-троцкистский блок» антисоветской группы правых доказывает, что правые были такой же агентурой иностранных генштабов, как и другие участники этого заговора.

Одни из правых — непосредственно, другие — через своих сообщников также были связаны с разведками иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против Советской власти они только и рассчитывали.

Обвиняемый Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и, также, как и Л. Троцкий, подготовлял поражение СССР и отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и Средне-Азиатских республик.

Это признал полностью обвиняемый Бухарин, показавший следующее:

«К тому времени, когда Троцкий вел переговоры с немецкими фашистами и обещал им территориальные уступки, мы, правые, уже были в блоке с троцкистами. Радек мне говорил, что Троцкий считает основным шансом прихода блока к власти поражение СССР в войне с Германией и Японией и предлагает после этого поражения отдать Германии Украину, а Японии — Дальний Восток. Радек мне сообщил об этом в 1934 году...» (т. 5, л. д. 107).

По этому поводу обвиняемый Ф. Ходжаев на следствии показал:

«Бухарин указывал, что Узбекистан и Туркмения должны быть отторгнуты от СССР и существовать под протекторатом Японии и Германии, но что при этом не удастся обойти и Англию и потому надо пойти на завязывание связей с англичанами. Реальнее всего стоял вопрос о протекторате Англии и потому упор был взят на нее».

(т. 13, л. д. 89—89 об.).

Показание обвиняемого Ф. Ходжаева находит себе полное подтверждение и в других материалах следственного производства, полностью изобличающих пораженческую линию «право-троцкистского блока».

Так, обвиняемый Рыков по этому вопросу показал:

«Что же касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял и высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы. В частности, именно он внес предложение и формулировал идею открытия фронта немцам в случае войны».

(т. 1, л. д. 152).

Характеризуя свое отношение к этому вопросу, обвиняемый Рыков показал:

«Как и другие члены центра правых, я был осведомлен об изменнических переговорах представителей нашей контрреволюционной организации с германскими фашистами, поддержку которых мы искали. Естественно, что такая поддержка была связана с необходимостью уступок германским фашистам, на что мы и шли».

(т. 1, л. д. 151 об.).

Такова была шпионская и пораженческая работа «право-троцкистского блока», этих изменников, продававших иностранным разведкам советские государственные тайны, торговавших свободой народов СССР, независимостью и неприкосновенностью Социалистического государства рабочих и крестьян.

Осуществляя свои преступные замыслы, антисоветские заговорщики, по прямым директивам иностранных фашистских разведок, организовали в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза разветвленную сеть диверсионных и вредительских гнезд, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота.

Заключив соглашение с фашистскими кругами о предательском открытии армиям этих фашистских государств наших фронтов во время войны, участники право-троцкистского заговора готовили подрыв материально-технической базы Красной Армии — оборонной промышленности.

Рядом подготавливаемых ими разрушительных диверсионных действий заговорщики рассчитывали во время войны взорвать и уничтожить решающие оборонные предприятия нашей социалистической родины. Они подготовляли также проведение крушений железнодорожных воинских поездов с массовыми человеческими жертвами.

Они ставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны, питание армии и снабжение ее вооружением.

Следствием установлено, что целый ряд таких диверсионных и вредительских актов заговорщиками был уже проведен в различных отраслях народного хозяйства.

Наймит иностранных разведок, враг народа Троцкий, как это установлено следствием, в ряде своих писем и личных указаний руководящим участникам антисоветского заговора в СССР, требовал усиления вредительской и диверсионной деятельности внутри Советского Союза.

Руководящий участник заговора — обвиняемый Крестинский показал, что ему лично в 1933 году в Меране Л. Троцкий заявил, что —

«...ему, Троцкому, будет гораздо легче вести переговоры с немцами, если он сможет сказать им, что по линии проведения диверсионно-вредительских актов и подготовки террора действительно ведется серьезная работа».

(т. 3, л. д. 54—55).

Следствием установлено, что ряд совершенных в ДВК диверсионных актов был подготовлен и проведен участниками антисоветского заговора по прямым директивам японских разведывательных органов и врага народа Л. Троцкого. Так, по директиве японской разведки было организовано крушение товарного поезда с воинским грузом на ст. Волочаевка и на перегоне Хор—Дормидонтовка поезда № 501, когда было убито 21 чел. и ранено 45 чел. По тем же указаниям японцев были совершены диверсии на шахтах №№ 10 и 20 в Сучане.

(т. 45, л. д. 1—14).

О таких же директивах, исходящих от Л. Троцкого, подробные показания на следствии дал обвиняемый Розенгольц, показавший следующее:

«Наряду с директивой Троцкого, полученной мною через Крестинского и Седова, о проведении во Внешторге вредительской работы, направленной на оказание прямой помощи Германии и Японии, — характер моей вредительской деятельности определялся еще указаниями..... послов в СССР г-на N и г-на N, связь с которыми в этом отношении сыграла крупную роль, так как мне приходилось руководствоваться в работе их конкретными указаниями.

После установления контакта с Тухачевским и Рыковым я известил первого через Крестинского, а последнего лично о директиве Троцкого по вредительской работе, и оба они одобрили проведение мною этой работы.

Вредительство во внешней торговле в результате всего этого шло, главным образом, по следующим трем линиям: первое — экономическая помощь Германии и Японии за счет СССР; второе — нанесение экономического ущерба и вреда СССР; третье — нанесение политического ущерба СССР».

(т. 6, л. д. 49).

По указаниям «право-троцкистского блока», обвиняемый Шарангович развернул широкое вредительство в области сельского хозяйства и промышленности БССР.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«На местах, для практического осуществления наших вредительских замыслов, была создана сеть вредительских диверсионных групп... Все мы, начиная с руководителей организации и кончая ее рядовыми членами, являлись национал-фашистами и вели работу против Советской власти, за отрыв Белоруссии от Союза ССР, не гнушаясь никакими способами...»

(т. 14, л. д. 40).

Обвиняемый Чернов, связанный на протяжении ряда лет с германской разведкой в качестве ее секретного агента в СССР, также активно использовал свое высокое служебное положение в СССР для организации по заданиям германской разведки ряда диверсионно-вредительских действий в сельском хозяйстве.

Германский шпион, обвиняемый Чернов о своих преступных связях с германским разведчиком — корреспондентом газеты

«Берлинер-Тагеблат» Шефером и о своей вредительской работе в области сельского хозяйства показал следующее:

«Когда я перешел на работу в Комитет Заготовок, то Шефер передал мне задание немцев — проводить вредительскую деятельность по линии Комитета Заготовок, в особенности в области мобилизационных запасов.

Задания разведки по вредительству совпадали с указаниями, которые я, как член организации правых, получал от Рыкова. Тем с большей готовностью я принял их к исполнению».

(т. 8, л. д. 98 об., 25).

По этому поводу обвиняемый Чернов показал:

«В 1934 г., встретившись с Рыковым на его даче, я получил от него задание широко развернуть вредительство в области сельского хозяйства. Это задание я выполнил и проводил вредительскую подрывную деятельность достаточно активно».

(т. 8, л. д. 93).

Значительная подрывная вредительская деятельность в области сельского хозяйства вскрыта следствием и по Узбекистану, где орудовали националистические организации, блокировавшиеся через своих главарей — обвиняемых Икрамова и Ходжаева с центром антисоветского заговора.

Один из руководителей этой националистической организации обвиняемый Ходжаев Файзулла показал:

«Мы не ограничивались только подготовкой кадров для вооруженной борьбы с Советской властью, но мы уже сейчас активно действовали в целях подрыва мощи СССР».

(т. 13, л. д. 66).

Широкое проведение вредительских мероприятий по Узбекистану полностью подтвердил также обвиняемый Икрамов, показавший, что «право-троцкистский блок» поставил перед ним следующие задачи:

«...а) развернуть работу по подготовке в Узбекистане вооруженного восстания, приурочивая его к моменту интервенции;

б) решительно развернуть вредительскую и диверсионную работу во всех отраслях народного хозяйства с тем, чтобы последствиями вредительства вызвать недовольство у трудящихся к Советской власти и тем самым подготовить благоприятную почву для организации в нужный момент вооруженного восстания».

«Кроме того, — показал обвиняемый Икрамов, — по нашему замыслу наша подрывная вредительская работа должна была препятствовать укреплению обороноспособности СССР».

(т. 12, л. д. 95—96).

Разрушительную деятельность как в области сельского хозяйства, так и в ряде других областей народного хозяйства и со-

циалистического строительства вели и другие обвиняемые по настоящему делу.

Так, обвиняемый Гринько вел вредительскую работу в области финансов.

Обвиняемый Гринько показал:

«Подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой Советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберегательными кассами, задержками в выдаче заработной платы и др., что должно было привести к организованному широкому недовольству Советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности».

(т. 9, л. д. 79).

Обвиняемый Зеленский и организованные им в Центросоюзе и системе кооперации вредительские группы запутывали планирование по таким товарам, как сахар, масло, яйца, махорка и т. п., умышленно задерживали продвижение товаров в деревню, запутывали всячески учет и отчетность, что содействовало безнаказанному расхищению и разбазариванию государственных средств, поощряли обсчитывание и обкрадывание потребителя.

Говоря об установленной им в Центросоюзе вредительской системе учета товаров и отчетности, обвиняемый Зеленский показал:

«При таком положении вор оставался безнаказанным, а честный работник, вследствие сложного учета, запутывался и незамедлительно попадал в растратчики».

(т. 10, л. д. 56).

Изменническую вредительскую деятельность в значительных масштабах проводил также ныне разоблаченный агент иностранных разведок обвиняемый Розенгольц.

О своей изменнической деятельности в этой области обвиняемый Розенгольц показал следующее:

«Поскольку Троцкий имел соглашение с Германией и Японией, о чем я был извещен (как во время переговоров — при свидании с Седовым в 1933 году, так и о состоявшемся соглашении — при свидании с ним в 1934 году) и имел в этом отношении соответствующее указание Троцкого, то и моя вредительская работа по внешней торговле служила этой цели».

(т. 6, л. д. 48).

Одновременно с организацией активной диверсионно-вредительской работы заговорщики по приказу фашистских разведок ставили своей задачей вызвать бандитско-повстанческое движение в нашей стране, приурочивая вооруженное выступление

своих повстанческих антисоветских банд в тылу Красной Армии к моменту начала интервенции против СССР.

Обвиняемый Рыков показал:

«Мы стали на путь насильственного свержения руководства партии и Советской власти, решив произвести это свержение путем организации кулацких восстаний».

(т. 1, л. д. 150 об.).

Следствием установлено, что эти подготовлявшиеся кулацко-повстанческие вооруженные выступления в тылу Красной Армии находились в зависимости от планов и расчетов фашистских государств, готовивших нападение на СССР, и что по сигналу генеральных штабов фашистских стран право-троцкистские заговорщики и готовили свое выступление.

Следуя этим директивам фашистских разведок, участники заговора накапливали бандитско-повстанческие кадры, подготавливая их к активным вооруженным выступлениям на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в других местах Советского Союза, в частности, в Узбекистане.

По этому поводу обвиняемый Ходжаев показал:

«Основной задачей практической работы наших организаций была подготовка активных антисоветских кадров и их воспитание в духе борьбы с СССР. Мы ориентировали участников организации на то, что борьба с Советской властью примет острые формы и будет доходить до вооруженных столкновений. Поэтому мы уделяли внимание подготовке боевых сил участников нашей организации».

(т. 13, л. д. 66).

Организаторы бандитско-повстанческих кадров опирались лишь на остатки старых контрреволюционных элементов, ориентируясь на пополнение своих повстанческих резервов за счет перебрасываемых на территорию Советского Союза остатков басмачества, белогвардейцев, а также уголовных бандитов, заключенных в лагерях и т. д.

Обвиняемый Икрамов о бандитско-повстанческой деятельности руководимой им буржуазно-националистической организации в Узбекистане показал:

«Мы сохраняли необходимые кадры, которые в будущем должны были быть использованы для вооруженной борьбы против Советской власти. Этими кадрами в первую очередь являлись остатки кулачества, духовники и бывшие басмачи. Мы дали задание членам нашей организации, находящимся на руководящей районной работе, о сохранении этих кадров. Кроме того, мы предполагали, что во время вооруженного выступления из-за кордона перейдут на советскую территорию ушедшие в свое время остатки басмаческих банд».

(т. 12, л. д. 56).

Материалами следствия и личными показаниями обвиняемых Бухарина, Зубарева, Зеленского и других установ-

лено, что они вели активную подготовку повстанческих кадров, пытаясь охватить возможно больше районов Советского Союза, причем в целях максимального расширения повстанческой базы руководители заговора установили контакт и с нелегально действовавшей эсеровской организацией.

Так, обвиняемый Бухарин показал:

«Установление связей с эсерами относится к периоду ставки организации правых на кулацкие восстания. В связи с тем, что правые шли на организацию этих восстаний, возникла необходимость в связи с эсерами, имевшими корни в кулацких прослойках в деревне.

...Лично я через Семенова установил связь с подпольным ЦК эсеров в Союзе и через Членова — с закордонным ЦК эсеров в Париже».

(т. 5, л. д. 90—91).

Такова цепь позорных злодеяний «право-троцкистского блока», осуществлявшего в течение ряда лет свою предательскую деятельность в интересах враждебных СССР иностранных государств.

II. УБИЙСТВА ДЕЯТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА С. М. КИРОВА, В. Р. МЕНЖИНСКОГО, В. В. КУЙБЫШЕВА, А. М. ГОРЬКОГО. — ЗАГОВОР ПРОТИВ В. И. ЛЕНИНА В 1918 ГОДУ

Не питая надежд на свержение советского строя методами шпионажа, вредительства, диверсий, кулацких восстаний, право-троцкистские заговорщики, охваченные злобой и ненавистью к СССР, перешли к подготовке и совершению террористических актов против руководителей правительства и ВКП(б).

Как установлено следствием, по прямому сговору с японской и германской разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого, «право-троцкистский блок» организовал и совершил ряд террористических актов против лучших людей нашей родины.

Переход «право-троцкистского блока» к террору обвиняемый Рыков мотивировал следующим образом:

«При нелегальном заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем притти к власти, — принятие террора и «дворцового переворота» давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

(т. 1, л. д. 50).

Обвиняемый Бухарин, признавший на следствии, что на путь террора «право-троцкистский блок» стал еще в 1932 году, показал следующее:

«В том же 1932 году при встрече и разговоре с Пятаковым я узнал от него об его свидании с Л. Седовым и получении от Седова прямой директивы Троцкого перей-

ти к террору против руководства партии и Советской власти. Должен также признать, что, по существу, тогда мы и пошли на соглашение с террористами, а мой разговор с Пятаковым явился соглашением о координации наших с Троцким действий, направленных к насильственному свержению руководства партии и Советской власти».

(т. 5, л. д. 105 об.).

Террористическая деятельность заговорщиков была тесно связана со всей их пораженческой работой, о чем свидетельствует, например, следующее показание обвиняемого Иванова:

«Говоря о терроре, Бухарин заявлял, что «ликвидировать», как он выражался, вождей партии и Советской власти... будет очень важно для нашего прихода к власти и будет способствовать поражению СССР в войне».

(т. 7, л. д. 81).

Следуя принятым в этом отношении решениям, заговорщический блок широко развернул организацию террористических групп и практическую подготовку к совершению террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Вот что показал по этому поводу обвиняемый Рыков:

«К тому времени мы уже стали на путь террора, как одного из методов нашей борьбы с Советской властью... Эта наша позиция вылилась в совершенно конкретную нашу и, в частности, мою деятельность по подготовке террористических актов против членов Политбюро, руководителей партии и правительства, а в первую очередь, против Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова. В 1934 году уже я дал задание следить за машинами руководителей партии и правительства созданной мною террористической группе Артеменко».

(т. 1, л. д. 150 об. — 151)

Обвиняемый Бухарин, говоря о предложении эсера Семенова организовать террористическую группу, показал:

«Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это было мною доложено на совещании центра и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп».

(т. 5, л. д. 106 об.).

Следствием установлено, что злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром 1 декабря 1934 года, было осуществлено также по решению «право-троцкистского блока», участники которого привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу.

Следствием установлено, что одним из соучастников этого злодейского убийства являлся обвиняемый Ягода, показавший следующее:

«О том, что убийство С. М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Ену-

кидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью я вызвал из Ленинграда Запорожца, которому и дал указания не чинить препятствий готовящемуся террористическому акту над С. М. Кировым». (т. 2, л. д. 209).

Это же подтвердили на следствии Запорожец и Енукидзе.

Убийством С. М. Кирова не ограничивается злодейская террористическая деятельность право-троцкистских изменников и заговорщиков.

Как установлено следствием по настоящему делу, А. М. Горький, В. Р. Менжинский и В. В. Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию объединенного центра «право-троцкистского блока».

О причинах, побудивших право-троцкистских заговорщиков на неслыханное по своей чудовищности убийство А. М. Горького, обвиняемый Ягода показал:

«Объединенный центр право-троцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены Каменев, Томский и ряд других. Но реальных результатов это не дало. Горький попрежнему верен Сталину и является горячим сторонником и защитником его линии. При серьезной постановке вопроса о свержении сталинского руководства и захвате власти право-троцкистами центр не мог не учитывать исключительного влияния Горького в стране, его авторитет за границей. Если Горький будет жить, то он подымет свой голос протеста против нас. Мы не можем этого допустить. Поэтому, объединенный центр, убедившись в невозможности отрыва Горького от Сталина, вынужден был вынести решение о ликвидации Горького». (т. 2, л. д. 200).

Показания обвиняемого Ягоды полностью подтверждаются и обвиняемым Рыковым, который на допросе Прокурором Союза 10 января с. г. показал:

«Мне известно, что Троцкий через своих представителей в контактном центре всячески разжигал злобные настроения в отношении Горького. Это, естественно, объясняется тем, что Троцкому было хорошо известно, что Горький считает его проходимцем и авантюристом. С другой стороны, общеизвестна близость Горького к Сталину, и то обстоятельство, что он является несгибаемым политическим сторонником Сталина, вызывало злобное отношение к нему нашей организации».

(т. 1, л. д. 166 об.).

К этому обвиняемый Рыков добавил:

«В 1935 году я беседовал с Енукидзе, который прямо мне заявил, что троцкистско-зиновьевская часть блока настаивает на ликвидации политической активности Горького и

для осуществления этого не остановится ни перед какими средствами. Из этого разговора мне стало ясно, что может пойти речь и о террористических методах ликвидации Горького». (т. 1, л. д. 166 об. — 167).

Это же подтвердил и обвиняемый Бухарин, показавший, что в начале 1935 года Томский ему сообщил, что:

«...троцкистская часть объединенного центра блока внесла предложение об организации враждебного акта против А. М. Горького, как сторонника сталинской политики».
(т. 5, л. д. 119 об.).

При этом обвиняемый Бухарин пояснил, что он не исключает, что тогда речь шла именно о физическом устранении Горького. То, что речь шла именно о подготовке физического устранения М. Горького, видно из показаний обвиняемого Бессонова, лично получившего такого рода «установку» непосредственно от Л. Троцкого во время свидания с последним в конце июля 1934 года.

При этом свидании Л. Троцкий, как показал обвиняемый Бессонов, заявив, что —

«... было бы непростительным жеманством, если мы последовательно сейчас же не перешли бы к физическому устранению Сталина и всех его ближайших соратников...»,

сказал —

«М. Горький очень близко стоит к Сталину. Он играет исключительно большую роль в завоевании симпатии к СССР в общественно-мировом демократическом мнении и особенно Западной Европы. Горький широко популярен, как ближайший друг Сталина и проводник генеральной линии партии. Вчерашние наши сторонники из интеллигенции в значительной мере под влиянием Горького отходят от нас. При этом условии я делаю вывод, что Горького надо убрать. Передайте это мое поручение Пятакову в самой категорической форме: «Горького уничтожить физически во что бы то ни стало». (т. 11, л. д. 74—75).

На основе этой директивы врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок» и принял свое чудовищное решение об убийстве А. М. Горького.

«Выполнение этого решения было поручено мне» — показал обвиняемый Ягода.

В качестве непосредственных исполнителей этого злодейского замысла обвиняемый Ягода привлек обвиняемых по настоящему делу д-ра Левина Л. Г., бывшего домашнего врача А. М. Горького, проф. Плетнева Д. Д., секретаря А. М. Горького П. П. Крючкова и своего секретаря Буланова П. П.

Один из организаторов этого преступления, обвиняемый Буланов показал:

«В умерщвлении А. М. Горького принимали непосредственное участие профессор Плетнев, доктор Левин и секретарь Горького Крючков. Я лично, например, был свидетелем того, как Ягода неоднократно вызывал к себе Крючкова, советуя последнему простудить Горького, вызвать у него тем или иным путем болезнь. Ягода подчеркивал, что состояние легких у Горького таково, что всякое простудное заболевание ускоряет шансы его гибели. А уже остальное довершат Плетнев и Левин, которые на этот счет имеют соответствующие задания».

(т. 16, л. д. 72).

Обвиняемый Плетнев, принимавший непосредственное участие в деле убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева, показал:

«Ягода мне заявил, что я должен помочь ему в физическом устранении некоторых политических руководителей страны. Он прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у В. В. Куйбышева и А. М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но в конце концов был вынужден согласиться. После этого Ягода мне сообщил, что моим сообщником будет доктор Левин, а в отношении А. М. Горького кроме того и секретарь А. М. Горького — Крючков П. П.

Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева.

Должен признать, что в моем согласии на эти преступления сыграли свою роль и мои антисоветские настроения. Эти свои антисоветские настроения я до ареста всячески скрывал, двурушничая и заявляя о том, что я советский человек».

(т. 18, л. д. 72, 73).

Это же подтвердил и обвиняемый Левин, показавший:

«Я признаю себя виновным в том, что, применив умышленно неправильное лечение и использовав несоответствующие данному заболеванию лекарства, я вместе с моими сообщниками, по согласованию с Ягодой, был виновником преждевременной гибели Максима Горького и Куйбышева».

(т. 17, л. д. 10).

Обвиняемые Левин и Плетнев на следствии дали подробные показания о том, как они практически осуществили умерщвление А. М. Горького и В. В. Куйбышева.

Как установлено следствием, в организации смерти В. В. Куйбышева активное участие принимал также секретарь В. В. Куйбышева обвиняемый Максимов, показавший следующее:

«На это преступление я пошел как член контрреволюционной организации правых, к которой я примкнул еще в 1928 году.

Ягода также знал о моей принадлежности к контрреволюционной организации и присутствовал при одном из моих разговоров с Енукидзе, когда мы разрабатывали план устранения Куйбышева». (т. 20, л. д. 45 об.).

По прямому указанию Ягоды обвиняемыми д-ром Левиным и д-ром Казаковым был убит также председатель ОГПУ В. Р. Менжинский.

Обвиняемый Казаков на допросе Прокурором Союза 4 февраля с. г. показал:

«Ягода заявил мне, что Менжинский ко мне хорошо относится и доверяет мне и поэтому мне вместе с доктором Левиным должно удаться устранение Менжинского. Ягода дал мне следующее указание: я должен выработать с доктором Левиным такой метод лечения В. Р. Менжинского, который обеспечит ускорение его смерти и закончит как можно скорее его жизнь...».

(т. 19, л. д. 51 об.).

Изложив далее содержание разговора с ним обвиняемого Ягоды о необходимости ускорить наступление смерти В. Р. Менжинского, обвиняемый Казаков показал:

«После этого разговора с Ягодой я выработал совместно с Левиным такой метод лечения В. Р. Менжинского, который фактически разрушал его последние силы и обусловливал скорейшее наступление смерти. Фактически, таким образом, я и Левин убили В. Р. Менжинского.

Я дал доктору Левину составленную мною смесь лизатов, которые в сочетании с алкалоидами привели к нужному нам результату, то есть фактическому убийству Менжинского». (т. 19, л. д. 51 об.).

Это полностью подтвердили и обвиняемые Левин Л. Г. и Буланов П. П.

Обвиняемый Левин Л. Г. подтвердил, что, получив от обвиняемого Ягоды поручение ускорить наступление смерти В. Р. Менжинского, он, Левин, решил привлечь к осуществлению этого преступления д-ра Казакова.

Обвиняемый Левин показал:

«Я сказал, что лучше всего это может сделать Казаков, так как он действует препаратами, которые сам бесконтрольно приготовляет в своей лаборатории, что он впрыскивает — известно только ему одному.

После предварительных подготовительных бесед с Казаковым я передал ему полученную мною директиву от Ягоды. Он вначале очень колебался, боясь раскрытия преступления, но потом согласился. Я не спрашивал, что он применял, тем более, что он обычно засекречивал свои препараты, но я знал, что возможности в этом отношении у него широкие.

Смерть В. Р. Менжинского произошла внезапно среди сна, если не ошибаюсь, накануне смерти Максима Пеш-

кова (сына А. М. Горького), от паралича сердца. Я не сомневался, что это дело рук Казакова».

(т. 17, л. д. 54—55).

Обвиняемый Буланов по поводу убийства В. Р. Менжинского показал:

«Физическое устранение Менжинского Ягода задумал давно. Он не раз в моем присутствии высказывал недовольство тем, что Менжинский продолжал жить и занимать пост руководителя ОГПУ. Потом он прямо сказал, что надо убрать Менжинского. Организовать это через д-ра Левина было трудно, потому что Менжинский Левина не любил и лечиться у него не хотел. Тогда я предложил Ягоде «пристроить» к Менжинскому какого-либо другого врача. Так и было сделано. И при содействии д-ра Левина к Менжинскому «пристроили» д-ра Казакова, который и довел дело до конца, то есть, попросту говоря, ускорил смерть Менжинского путем заведомо неправильного его лечения». (т. 16, л. д. 75).

Помимо убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева, обвиняемые Левин и Крючков, по прямому заданию обвиняемого Ягоды, аналогичным путем в 1934 году умертвили также и сына А. М. Горького—М. А. Пешкова.

По этому поводу обвиняемый Левин показал:

«Признавая себя виновным в убийстве Максима, я хочу здесь указать на то, что сделал это по прямому требованию Ягоды. У меня не хватило гражданского мужества отказаться и я стал убийцей». (т. 17, л. д. 138 об.).

Обвиняемый Крючков, принимавший активное участие в организованных Ягодой преступлениях, показал:

«В этих преступлениях я руководствовался директивами некоторых участников антисоветской организации правых. В частности, директивами Ягоды. Именно от Ягоды я получил указание насильственно устранить Максима Пешкова, а затем и Алексея Максимовича Горького».

«Кроме меня, Ягода привлек к участию в этих преступлениях врачей Левина и Виноградова и профессора Плетнева». (т. 21, л. д. 16).

Обвиняемый Ягода, подтвердив, что М. А. Пешков был убит по его заданию, показал:

«В мае 1934 года, при содействии Крючкова, Макс (М. А. Пешков) заболел крупозным воспалением легких, а врачи Левин, Виноградов и Плетнев залечили его до смерти». (т. 2, л. д. 193).

Обвиняемый Ягода после снятия его с должности Народного комиссара внутренних дел СССР принял меры также к осуществлению убийства Народного комиссара внутренних дел СССР тов. Н. И. Ежова.

Обвиняемый Ягода так объясняет в своих показаниях причины, побудившие его форсировать террористический акт против Н. И. Ежова:

«Мое отстранение от работы в НКВД, приход на мое место Ежова означали полный провал нашего заговора потому, что удержать разгром кадров антисоветской организации нельзя будет. Ежов раскопает все, — надо избавиться от Ежова. Это было единственное решение, к которому я пришел и которое я начал решительно готовить...»

(т. 2, л. д. 141, 142).

Этот свой замысел Ягода пытался осуществить через своих сообщников, виднейшая роль среди которых принадлежала обвиняемому Буланову.

По признанию обвиняемого Ягоды и обвиняемого Буланова, убийство тов. Н. И. Ежова предполагалось осуществить путем отравления специально приготовленным для этой цели ядом.

«Когда Ягода был снят с НКВД, — показал обвиняемый Буланов, — он дал мне и своему личному порученцу Саволайнену прямое задание — отравить Ежова».

(т. 16, л. д. 27).

Подробно описав способы, при помощи которых обвиняемый Ягода пытался осуществить убийство тов. Н. И. Ежова, обвиняемый Буланов показал, что, он, Буланов, сам делал смесь ядов, предназначенных для отравления тов. Ежова.

Обвиняемый Ягода на допросе в Прокуратуре Союза ССР полностью признал это свое преступление, показав:

«Да, вынужден признать, что я подготовлял это преступление. Организовывал подготовку убийства Ежова, как человека, опасного для контрреволюционного заговора и могущего разоблачить нашу контрреволюционную организацию».

(т. 2, л. д. 209).

Таким образом, следствие считает установленным с несомненностью, что привлеченные по настоящему делу к уголовной ответственности руководящие участники «право-троцкистского блока» совершили террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, М. А. Пешкова и подготовляли ряд других террористических актов, которые осуществить не успели.

Убийства советских деятелей завершили собой круг тягчайших государственных преступлений, при помощи которых банда презренных отщепенцев нашей родины, провокаторов царской охранки, наймитов иностранных разведок, продававших иностранным капиталистам нашу землю и нашу свободу, стремилась осуществить фашистский план свержения советского строя и восстановления в нашей стране капитализма.

**
*

Как теперь выяснилось, эти чудовищные преступления не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых.

Следствием установлено, что уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В. И. Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров.

Допрошенный в Прокуратуре Союза 19 и 20 февраля с. г. бывший член центрального комитета партии «левых» эсеров Карелин В. А. дал следующие показания о заговорщической деятельности в 1918 г. эсеров и бухаринцев:

> «Окончательное соглашение с «левыми коммунистами» в борьбе против Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым было нами достигнуто после VII съезда Коммунистической партии.
>
> Переговоры с «левыми коммунистами» вели по поручению ЦК «левых» эсеров Камков, Прошьян и я».
>
> (т. 44, л. д. 86).

Говоря о характере этих переговоров и роли обвиняемого Бухарина Н. И., Карелин В. А. далее показал:

> «Предложение Бухарина было — не останавливаться на аресте правительства, а провести физическое уничтожение руководителей Советской власти и, в первую очередь, Ленина и Сталина». (т. 44, л. д. 38).

Это же подтвердили и другие лица, допрошенные в качестве свидетелей по настоящему делу.

Один из бывших руководителей центрального комитета партии «левых» эсеров Камков Б. Д. показал:

> «Я лично имел разговор с Бухариным, который мне заявил, примерно, следующее: «борьба у нас в партии против позиции Ленина по вопросу о Брестском мире принимает острые формы. В наших рядах дебатируется вопрос о создании нового правительства из «левых» эсеров и «левых коммунистов». При этом Бухарин назвал Пятакова, как возможного кандидата в руководители нового правительства, и заявил, что смена правительства мыслится путем ареста его состава во главе с Лениным.
>
> Дальнейшие переговоры с Бухариным велись Карелиным и Прошьяном. К концу марта месяца между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами было достигну-

то окончательное соглашение о том, что: 1) «левые коммунисты» в борьбе с большевиками и Советским правительством оказывают «левым» эсерам организационную и политическую помощь; 2) совместными действиями «левых» эсеров и «левых коммунистов» должно быть свергнуто правительство Ленина и сформировано новое правительство в составе «левых коммунистов» и «левых» эсеров.

После этого «левые» эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж. В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа «левые коммунисты» были полностью». (т. 44, л. д. 92 об.).

Допрошенные в качестве свидетелей в Прокуратуре СССР 19 февраля с. г. бывшие руководители и активные участники группы «левых коммунистов» Яковлева В. Н., Осинский В. В. и Манцев В. Н. полностью подтвердили наличие в 1918 году заговора, организованного по инициативе обвиняемого Бухарина блоком «левых коммунистов» и «левых» эсеров против В. И. Ленина, как главы Советского правительства.

Так, Яковлева В. Н. показала:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении...»

(т. 44, л. д. 77)..

Осинский В. В. по этому поводу показал:

«Основной разговор о наших мерах по свержению правительства Ленина у меня был с Бухариным Н. И.... Приблизительно в мае 1918 г. (или конце апреля) я имел беседу с Бухариным, в которой спросил его, насколько правдивы мои сведения о его намерениях подвергнуть аресту правительство Ленина.

Бухарин не отрицал такого своего намерения».

(т. 44, л. д. 54).

Говоря далее об этих «мерах», Осинский В. В. показал:

«О блоке «левых коммунистов» с «левыми» эсерами мне стало известно от Яковлевой, а затем от Бухарина. Мне было также известно от них, что в марте или апреле 1918 года Бухарин выступил на бюро (московском областном) с предложением арестовать Ленина, Сталина и Свердлова. При этом Бухарин подчеркнул, что он склоняется к той точке зрения, что после ареста правительства нужно будет Ленина, Сталина и Свердлова физически уничтожить». (т. 44, л. д. 88 об.).

Аналогичное показание дал и Манцев В. Н., допрошенный в Прокуратуре Союза 20 февраля с. г., а именно:

«Я подтверждаю, что между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами был заключен блок.

Я подтверждаю, что, примерно, в марте — апреле на узком заседании бюро Бухарин сделал доклад, в котором допустил ряд клеветнических утверждений по адресу Советского правительства и предлагал организовать свержение Советской власти и арестовать Ленина, Сталина и Свердлова с тем, чтобы физически их уничтожить». (т. 44, л. д. 82).

О роли Л. Троцкого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году обвиняемый Бухарин показал:

«К этому времени вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно, очевидно, как я предполагаю, от Пятакова». (т. 5, л. д. 124).

Допрошенная на предварительном следствии Яковлева В. Н. показала:

«Троцкий считал, что политическая борьба находится лишь в самом начале, что она может дойти до самых агрессивных форм, что против позиции Ленина по вопросу о мире «левые коммунисты» найдут поддержку у «левых» эсеров и у других партий, что надо готовиться к смене правительства и аресту его вождей, с Лениным и Сталиным во главе. Троцкий считал, что в столь острый период революции, при дальнейшем развитии борьбы, дело может не ограничиться одним лишь арестом вождей, что из ареста с логической неизбежностью вытекает и вопрос об их физическом устранении». (т. 44, л. д. 78).

Один из руководителей группы «левых коммунистов» Манцев В. Н., допрошенный на предварительном следствии, показал:

«Через несколько дней после разговора с Яковлевой меня пригласил к себе Троцкий. Я с ним имел тогда большой разговор на его квартире, причем Троцкий тогда пространно развивал мысль о необходимости убийства Ленина и Сталина». (т. 44, л. д. 84).

Следствие в настоящее время располагает неопровержимыми данными о том, что произведенное 30 августа 1918 г. эсеровской террористкой Ф. Каплан злодейское покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом осуществления преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным Н. И., и их сообщников — «левых» и правых эсеров, и по инициативе обвиняемого Бухарина.

На допросе в Прокуратуре Союза ССР от 19 февраля с. г. Карелин В. А. показал:

«Я должен также признать самое тяжелое преступление — участие «левых» эсеров и «левых коммунистов» в организации покушения на Ленина. 20 лет скрывался этот факт от советского народа. Было скрыто, что мы совместно с правыми эсерами по настоянию Бухарина пытались убить Ленина. Процесс правых эсеров не вскрыл подлинной обстановки этого преступления и не выявил роли в нем «левых» эсеров и «левых коммунистов».

После июльского мятежа ЦК «левых» эсеров принял решение о переходе к террористическим методам борьбы с Советским Правительством.

Необходимо заметить, что Прошьян и после мятежа встречался с Бухариным, который прямо поставил перед ним вопрос о физическом уничтожении Ленина. Точнее, вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят Бухариным во второй половине июля 1918 года. Об этом Прошьян доложил нам, членам ЦК «левых» эсеров.

Такого рода требование «левых коммунистов» сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК правых эсеров».

(т. 44, л. д. 86—87).

Это же подтвердил и Осинский В. В., на допросе от 19 февраля с. г. показавший следующее:

«В конце 1918 года Стуков, который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился результатом мероприятий, намеченных в свое время блоком «левых коммунистов» с эсерами и направленных к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова». (т. 44, л. д. 89).

На произведенных Прокуратурой Союза ССР очных ставках с обвиняемым Бухариным свидетелей Осинского В. В., Яковлевой В. Н., Манцева В. Н., Карелина В. А. и Камкова Б. Д. последние полностью подтвердили свои показания, изложенные выше.

Под тяжестью этих улик обвиняемый Бухарин признал ряд преступных фактов и показал:

«Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с «левыми» эсерами, который базировался на платформе насильственного свержения Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, с последующим арестом Ленина, Сталина и Свердлова и созданием нового правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров...» (т. 5, л. д. 122 об.).

Установленные в настоящее время данные о преступлениях, совершенных обвиняемым Бухариным и врагом народа Троцким в 1918 г. против Советского государства и его

руководителей В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, проливают полный свет на всю последующую преступную контрреволюционную деятельность банды Бухарина и Троцкого, обвиняемой в настоящее время в тягчайших государственных преступлениях, совершенных ею по прямым заданиям фашистских разведок в период 1921—1937 г.г.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным, что:

1. В 1932—33 г.г. по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств обвиняемыми по настоящему делу была составлена заговорщическая группа под названием «право-троцкистский блок», поставившая своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, поражение СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии.

2. «Право-троцкистский блок» вступил в сношение с некоторыми иностранными государствами в целях получения с их стороны вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов.

3. «Право-троцкистский блок» систематически занимался в пользу этих государств шпионажем, снабжая иностранные разведки важнейшими государственными секретными сведениями.

4. «Право-троцкистский блок» систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т. п.).

5. «Право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства и осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького.

Все обвиняемые уличаются как показаниями свидетелей, так и имеющимися в деле документальными данными и вещественными доказательствами и полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

На основании изложенного обвиняются:

1) **Бухарин** Николай Иванович, 1888 года рождения; 2) **Рыков** Алексей Иванович, 1881 года рождения; 3) **Ягода** Генрих Григорьевич, 1891 года рождения; 4) **Крестинский** Николай Николаевич, 1883 года рождения; 5) **Раковский** Христиан Георгиевич,

1873 года рождения; 6) **Розенгольц** Аркадий Павлович, 1889 года рождения; 7) **Иванов** Владимир Иванович, 1893 года рождения; 8) **Чернов** Михаил Александрович, 1891 года рождения; 9) **Гринько** Григорий Федорович, 1890 года рождения; 10) **Зеленский** Исаак Абрамович, 1890 года рождения; 11) **Бессонов** Сергей Алексеевич, 1892 года рождения; 12) **Икрамов** Акмаль, 1898 года рождения; 13) **Ходжаев** Файзулла, 1896 года рождения; 14) **Шарангович** Василий Фомич, 1897 года рождения; 15) **Зубарев** Прокопий Тимофеевич, 1886 года рождения; 16) **Буланов** Павел Петрович, 1895 года рождения; 17) **Левин** Лев Григорьевич, 1870 года рождения; 18) **Плетнев** Дмитрий Дмитриевич, 1872 года рождения; 19) **Казаков** Игнатий Николаевич, 1891 года рождения; 20) **Максимов-Диковский** Вениамин Адамович (Абрамович), 1900 года рождения; 21) **Крючков** Петр Петрович, 1889 года рождения, —

в том, что, являясь активными участниками антисоветского заговора, совершили тягчайшие государственные преступления, указанные в п. п. 1—5 формулы обвинения, предусмотренные ст.ст. $58^{1а}$, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР, а обвиняемые **Иванов, Зеленский и Зубарев,** кроме того, совершили преступления, предусмотренные ст. 58^{13} УК РСФСР.

Вследствие изложенного все указанные выше обвиняемые подлежат суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Дела в отношении **Осинского В. В., Яковлевой В. Н., Манцева В. Н., Карелина В. А., Камкова Б. Д., Стукова И. Н., Артеменко Е. В., Запорожца И. В., Саволайнена И. М., Семенова Г. И.** и **Членова С. Б.** — выделены в особое производство.

Дело в отношении д-ра **Виноградова А. И.** за его смертью производством прекращено.

Дело в отношении **Енукидзе А. С.** рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 декабря 1937 года.

Настоящее обвинительное заключение составлено в г. Москве 23 февраля 1938 года.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Бухарин. Да, я признаю себя виновным в предъявленных мне обвинениях.

Председательствующий. Подсудимый Рыков, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Рыков. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Ягода, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Ягода. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Крестинский, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Крестинский. Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником «право-троцкистского блока», о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного

из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой.

Председательствующий. Ваше признание на предварительном следствии вы подтверждаете?

Крестинский. Да, на предварительном следствии признавал, но я никогда не был троцкистом.

Председательствующий. Повторяю вопрос, вы признаете себя виновным?

Крестинский. Я до ареста был членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и сейчас остаюсь я таковым.

Председательствующий. Вы признаете себя виновным в участии в шпионской деятельности и в участии в террористической деятельности?

Крестинский. Я никогда не был троцкистом, я не участвовал в «право-троцкистском блоке» и не совершил ни одного преступления.

Председательствующий. Подсудимый Раковский, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Раковский. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Розенгольц, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Розенгольц. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Иванов, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Иванов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Чернов, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Чернов. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Гринько, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Гринько. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Зеленский, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Зеленский. Да, признаю себя виновным в участии в организации правых, признаю себя виновным во вредительской деятельности, которую проводил по поручению центра правых, признаю себя виновным в засорении аппарата Центросоюза чуждыми и повстанческими кадрами, признаю себя виновным в службе в царской охранке.

Председательствующий. Подсудимый Бессонов, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Бессонов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Икрамов, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Икрамов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Ходжаев, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Ходжаев. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Шарангович. Я признаю целиком и полностью себя виновным.

Председательствующий. Подсудимый Зубарев, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Зубарев. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Буланов, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Буланов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Левин, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Левин. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Плетнев, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Плетнев. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Казаков, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Казаков. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Максимов, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Максимов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Крючков, вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Крючков. Да, признаю.

Председательствующий. Объявляется перерыв на двадцать минут.

***

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь. Заседание суда продолжается. Товарищ Прокурор, у вас есть предложения о порядке ведения судебного следствия?

Вышинский. Да, имею. Я просил бы установить следующий порядок ведения судебного следствия: начать допрос с подсудимого Бессонова. Далее я прошу допросить Гринько, Чернова, Иванова, Крестинского, Зубарева, Рыкова, Шаранговича, Ходжаева, Зеленского, Икрамова, Раковского, Розенгольца и затем Бухарина, Левина, Буланова, Ягоду, Плетнева, Крючкова, Казакова и последним Максимова.

Председательствующий. У защиты есть возражения против предложенного порядка?

Брауде. Нет.

Председательствующий. У подсудимых есть возражения против предложенного Прокурором порядка ведения судебного следствия?

Подсудимые. Нет.

Председательствующий. Прежде чем приступить к допросу подсудимых, я считаю необходимым предупредить стороны и подсудимых, что те пропуски и умолчания, которые были при оглашении обвинительного заключения, должны быть приняты во внимание в ходе судебного следствия.

Подсудимый Бессонов, вы подтверждаете те показания, которые дали на предварительном следствии?

Бессонов. Да, подтверждаю.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, у вас есть вопросы к подсудимому Бессонову?

Вышинский. Да, есть вопросы.

Подсудимый Бессонов, сообщите суду коротко, в нескольких словах вашу биографию.

Бессонов. Я родился в 1892 году в городе Киржаче, Владимирской губернии. Учился я во Владимирском духовном училище, в духовной семинарии, затем был направлен за границу.

Вышинский. Вы окончили духовную семинарию?

Бессонов. Нет, не окончил. Я был два раза исключен.

Вышинский. А чем объясняется, что вы поступили именно в духовную семинарию?

Бессонов. Отец был дьячком — этим и объясняется то, что я поступил в духовное училище, а затем и в духовную семинарию.

Вышинский. Кем вы были отправлены за границу?

Бессонов. Московским меценатом Шаховым в 1912 году.

Вышинский. В 1912 году? Затем?

Бессонов. Затем я вернулся в Россию, чтобы получить диплом. Был выслан в Вологодскую губернию вследствие того, что принимал участие в эсеровской организации.

Вышинский. Вы вступили в эсеровскую партию в 1912 году?

Бессонов. Да.

Вышинский. И в этой партии пробыли?

Бессонов. До 1918 года.

Вышинский. Следовательно, Октябрьская революция вас застала в рядах эсеров?

Бессонов. Да.

Вышинский. Ваше отношение к Октябрьской революции?

Бессонов. Эсеровское.

Вышинский. То есть?

Бессонов. Вместе с другими эсерами я не принимал Октябрьской революции. В августе 1918 года я порвал с эсерами и в октябре 1918 года об этом заявил официально.

Вышинский. Но до 1918 года?

Бессонов. До 1918 года разделял целиком и полностью установки эсеровской партии за исключением военного периода, когда я был пораженцем.

Вышинский. В этот период времени ваше отношение к Октябрьской революции, к Коммунистической партии было какое? Положительное или отрицательное?

Бессонов. Отрицательное.

Вышинский. В чем заключалось ваше отрицательное отношение?

Бессонов. Я выступал по поручению вологодского городского и областного комитетов эсеровской партии в качестве докладчика на собраниях, развивая и обосновывая позиции эсеров в отношении Октябрьской революции и по событиям текущего дня. Последним моим публичным выступлением было выступление по поводу Брестского мира.

Вышинский. В чем выражалось это ваше выступление?

Бессонов. Я резко и отрицательно относился к заключению Брестского мира.

Вышинский. В 1919 году?

Бессонов. В 1919 году я стоял целиком и полностью на платформе поддержки Советской власти, пошел добровольцем в Красную Армию.

Вышинский. Когда вы вступили в Коммунистическую партию?

Бессонов. В 1920 году, в мае месяце.

Вышинский. Когда вы вступили на путь троцкистской деятельности?

Бессонов. Я просил бы разрешения дать мне возможность рассказать об этом подробнее.

Вышинский. Это дело суда.

Председательствующий. Изложите только основные факты.

Бессонов. Моя троцкистская деятельность началась в 1931 году в Берлине.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Бессонов. Я работал в 1931 году в Берлинском торгпредстве СССР и заведывал отделом торговой политики. В процессе переговоров, которые Советское правительство вело в 1931 году с германскими промышленниками относительно предоставления кредитов, я оказался одной из наиболее активных фигур в переговорах. И на этой почве тесно связался с Пятаковым, который и вовлек меня в троцкистскую организацию.

Вышинский. В чем выразилась ваша подпольная троцкистская деятельность в тот период времени?

Бессонов. Основная задача, которую передо мною тогда поставил Пятаков, независимо от моего участия в переговорах с германскими промышленниками, — переговорах, которые, конечно, заслуживают того, чтобы на них остановиться несколько более подробно позже, — основной задачей, которую поставил передо мною Пятаков, было установление постоянной, регулярной связи с Троцким.

Вышинский. Почему именно к вам обратился Пятаков с предложением организовать эту связь?

Бессонов. Насколько я понимаю, Пятаков находился в связи с Троцким и до того. Но эта связь носила нерегулярный характер, страдала целым рядом дефектов. А между тем, обстоятельства требовали от Пятакова и от всей троцкистской организации установления регулярной, постоянной связи, при которой получение директив Троцкого и информации о деятельности троцкистов в СССР было бы постоянным. Это был основной мотив, который привел к созданию в Берлине постоянного пункта связи, функционировавшего вплоть до моего отъезда из Берлина в феврале прошлого года.

Вышинский. По каким же обстоятельствам выбор остановился на вас?

Бессонов. Я представлял из себя одну из наиболее, я бы сказал, прочных фигур в составе Берлинского торгпредства.

Вышинский. Какую должность вы там занимали?

БИБЛИОТЕКА

Бессонов. Я занимал должность члена советского торгпредства.

Вышинский. В Берлинском торгпредстве?

Бессонов. Да, в Берлинском торгпредстве, которое было тогда наиболее центральным торгпредством, через которое велись торговые переговоры с десятью европейскими странами. Работа эта требовала очень длительных навыков, и совершенно естественно, существовало определенное мнение о том, что в этой обстановке я, вероятно, останусь и наиболее длительно буду сидеть в Берлине.

Вышинский. Следовательно, ваше служебное положение представляло значительное удобство для выполнения обязанностей связиста?

Бессонов. Совершенно правильно.

Вышинский. Вы согласились на эту роль?

Бессонов. Да, я согласился.

Вышинский. Почему?

Бессонов. Я уже сказал, что Пятаков вовлек меня в троцкистскую организацию...

Вышинский. Следовательно, согласились как троцкист?

Бессонов. Пятаков вовлек меня в троцкистскую организацию, следовательно, я принимал на себя тем самым и определенные обязательства в отношении этой организации. Если мне давалось поручение, в частности, организовать с Троцким связь, то я это поручение выполнял.

Вышинский. В то время вам было известно, что троцкистская организация под руководством Пятакова, как представителя Троцкого в СССР, и самого Троцкого, ведет уже определенную заговорщическую конспиративную подрывную работу?

Бессонов. Да.

Вышинский. Каким образом это вам стало известно и при каких обстоятельствах?

Бессонов. Пятаков, когда он вел со мною один из решительных разговоров в этой области, дал мне картину состояния оппозиции внутри СССР. Кроме того, он обрисовал положение в СССР в совершенно ложном, клеветническом виде. Картина, которую он нарисовал, была достаточно выразительной, чтобы повлиять на меня определенным образом. Кроме того, сам Пятаков, как личность, не мог не импонировать мне. Из среды людей, с которыми до сих пор сталкивала меня жизнь, он великолепно ориентировался в европейских делах и импонировал мне как хозяйственник.

Я стал слушать Пятакова со значительно большим вниманием, чем при других обстоятельствах. Я, как и многие другие сотрудники за границей, широко знакомился с иностранной нелегальной, в наших советских условиях, литературой, в частности, с выпускавшимся Троцким бюллетенем. И, наконец, Пятаков, когда он пришел для того, чтобы меня организовать — завербовать — он дал мне картину состояния оппозиционных сил внутри СССР. Прежде всего он отметил факт общения троцкистов и зиновьевцев на общей платформе. Он указал далее на то, что предприняты шаги, установлен контакт с правыми, шаги, которые обещают быть очень успешными. Говорилось о фактическом недо-

вольстве среди широких слоев нелегальных объединений троцкистско-зиновьевских организаций, к которым потом предполагалось привлечь и правых, с которыми в действительности контакт был установлен. Пятаков ставил довольно решительно вопрос о том, что идет речь о смене руководства.

Вышинский. Вы тогда из разговоров с Пятаковым узнали, что существует оформленная организация?

Бессонов. Да.

Вышинский. Под чьим руководством эта организация действовала?

Бессонов. Пятаков нисколько не скрывал, что организация в целом руководствовалась директивами Троцкого.

Вышинский. Что конкретно вам говорил Пятаков относительно правых и кого он называл?

Бессонов. Пятаков говорил, что предпринимаются шаги для установления организационного контакта с правыми.

Вышинский. С кем именно?

Бессонов. С Бухариным, Рыковым и Томским.

Вышинский. А эти последние — Бухарин, Рыков и Томский — со своей стороны делали какие-либо шаги в этом направлении?

Бессонов. До 1931 года таких разговоров я не знаю.

Вышинский. А были ли такие разговоры?

Бессонов. В 1932 году Пятаков об этом говорил, правда, не останавливаясь на этом подробно.

Вышинский. Что говорил?

Бессонов. В 1932 году Пятаков говорил о том, что контакт установлен.

Вышинский. В 1932 году, следовательно, задача налаживания такого контакта удалась?

Бессонов. Да.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Бессонов. В 1932 году я виделся с Пятаковым несколько раз. Он очень длительное время был в Германии по делам торговых переговоров. Я видался с ним очень часто, и в один из разговоров он мне сказал об этом.

Вышинский. Словом, троцкистская группа организована под руководством своего центра, к ней примыкают зиновьевцы и в этот период времени ведутся, по вашим данным, переговоры с бухаринцами?

Бессонов. Да.

Вышинский. Позвольте спросить у Бухарина.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы можете подтвердить показания Бессонова, что в этот период ваша группа вела переговоры с зиновьевской организацией о вашей работе?

Бухарин. Я подробно показал в своих показаниях на предварительном следствии, что попытки контакта правых с зиновьевцами, а потом и с троцкистами были и раньше.

Вышинский. Вы — обвиняемый Бухарин, а также Рыков и Томский — вели переговоры с Пятаковым и другими троцкистами об объединенных действиях против Советской власти?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Я это подтверждаю.

Вышинский (к Бессонову). Продолжайте ваши объяснения.

Бессонов. Пятаков поставил передо мной задачу — организовать систематическую, постоянную связь с Троцким.

Вышинский. Что же реально вы сделали в этом отношении?

Бессонов. После нескольких разговоров с ним на эту тему (это было в начале мая 1931 года) и по его совету я с рекомендательной запиской Пятакова разыскал в Берлине сына Троцкого — Седова и через него передал первое письмо Пятакова к Троцкому.

Вышинский. Скажите, где, когда, в какое время и при какой обстановке вы вручали ему письмо?

Бессонов. Седов стоял тогда в центре внимания германской, я бы сказал, бульварной прессы, ибо перед этим с его сестрой — дочерью Троцкого — произошло одно происшествие, в результате которого германская печать очень много писала о самом Троцком, об его детях и, в частности, о Седове, который в то время учился в Берлинском политехникуме. Разыскать Седова не представляло для меня никаких трудностей, точно также как не представляло трудностей разыскать любого человека в Берлине, потому что я располагал в Берлине очень многими связями. Я мог установить связь с Седовым любым образом, но по совету Пятакова для того, чтобы не очень афишировать это дело, воспользовался адресом, который он указал в одной из дневных берлинских газет...

Вышинский. ...и по этому адресу?

Бессонов. ...и по этому адресу в конце мая 1931 года с рекомендательной запиской Пятакова я разыскал Седова и имел с ним краткий разговор.

Вышинский. Седов вас знал до этого?

Бессонов. Нет, не знал.

Вышинский. Вы для него были совершенно новый человек?

Бессонов. Да, новый человек.

Вышинский. Почему же Седов согласился вести с вами, с незнакомым ему человеком, разговор на эту тему?

Бессонов. Я передал записку Пятакова — этого было достаточно.

Вышинский. И после этого?

Бессонов. После этого он со мной разговаривал довольно подробно по вопросу об организации этой переписки. Он сразу сказал, что речь идет не об одном-двух письмах, которые можно взять для переотправки, а об установлении систематической связи.

Вышинский. Чем кончился разговор с Седовым?

Бессонов. Он считал, что необходимо, если ставить перед собой задачу постоянной связи, выделить специального человека, не столь стоящего на виду, как стоит он, Седов. Через некоторое время, встретившись с Седовым заранее условленным спосо-

бом — на одном из берлинских вокзалов, я ему передал письмо от Пятакова к Троцкому, которое Троцкий и получил и на которое в сравнительно непродолжительном времени был получен ответ. Вместе с тем были переданы и первые деньги, которые дал мне Пятаков.

Вышинский. Какие деньги?

Бессонов. Он дал мне 2 000 марок для передачи Седову специально на расходы, связанные с переотправкой первых писем.

Вышинский. Что это были за деньги?

Бессонов. Я не знаю. Пятаков располагал довольно большими суммами.

Вышинский. Какие это были суммы, ему лично принадлежащие?

Бессонов. Я думаю, что они не принадлежали Пятакову.

Вышинский. А чьи же они были?

Бессонов. Это были деньги Советского государства, предоставленные Пятакову как председателю комиссии по переговорам...

Вышинский. Для чего они были предоставлены?

Бессонов. Я так полагаю, что они были предоставлены для так называемых представительских расходов.

Вышинский. То есть расходов, связанных с его официальной работой?

Бессонов. Да, конечно. Но эти деньги были использованы для организации первоначальной связи с Троцким.

Вышинский. Как вы можете это квалифицировать в соответствии с нынешней обстановкой на языке Уголовного кодекса? Как можно квалифицировать такое использование чужих средств в преступных целях?

Бессонов (молчит).

Вышинский. Может быть я вам помогу?

Бессонов. Я думаю, что вы это сделаете лучше меня. То, что у меня может звучать сейчас неискренно и неубедительно, у вас будет звучать по-настоящему.

Вышинский. Выходит так, что Пятаков крал государственные деньги? Воровал их и направлял эти деньги на помощь троцкистской организации?

Бессонов. Да, совершенно верно.

Вышинский. А вы ему помогали в этом деле?

Бессонов. Да.

Вышинский. Он воровал, вы ему помогали, передав от Пятакова 2 000 марок, принадлежащих Советскому государству.

Бессонов. Да, это так, но на этом денежные отношения с Седовым кончились, потому что, насколько я помню, в тот период через Седова было отправлено и получено не больше трех писем.

Вышинский. А вообще денежные отношения с троцкистами на этом кончились?

Бессонов. Я предпочитаю коснуться этого позже, потому что имею показать по этому вопросу целый ряд фактов. Должен ска-

зать, что, конечно, денежные отношения с троцкистами на этом отнюдь не закончились.

Вышинский. Они продолжались и дальше?

Бессонов. Я бы не сказал, что было прямое финансирование из советских денег...

Вышинский. Но что имело место?

Бессонов. Но имело место использование ситуации, создавшейся в Германии, и советского служебного положения для широкого получения средств на нелегальную троцкистскую работу. Это не подлежит никакому сомнению.

Вышинский. Финансирование троцкистской организации за счет интересов Советского государства продолжалось и дальше?

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. Продолжайте.

Бессонов. Во время первого свидания с Седовым он поставил вопрос о том, чтобы для постоянной связи с Троцким выделить специального человека.

Вышинский. Это была инициатива Седова?

Бессонов. Да, я говорил об этом с Пятаковым. Он считал это совершенно правильным и вскоре (это было в начале июля или в конце июня 1931 года) познакомил меня с инженером Райхом, в то время работавшим в отделе черной металлургии Берлинского торгпредства, человеком, который очень хорошо знал Европу, в частности, европейскую металлургию, бывал в разных странах, говорил на нескольких европейских языках.

Вышинский. А главное?

Бессонов. И самое главное, с 1923 года был троцкистом.

Вышинский. Вы его до этого момента не знали?

Бессонов. Я его до этого момента не знал.

Вышинский. Совершенно?

Бессонов. Совершенно.

Вышинский. И не встречались с ним?

Бессонов. Я видел его иногда в коридорах торгпредства.

Вышинский. Если вы его видели в торгпредстве, значит знали?

Бессонов. Я не знал его фамилии.

Вышинский. Хорошо, но знали этого человека в лицо? Знали, что есть такой Райх, но не знали его лично?

Бессонов. Да, до тех пор пока меня не познакомил с ним...

Вышинский. До тех пор пока вас с ним не познакомил, как с троцкистом, Пятаков, вы Райха знали?

Бессонов. Как сотрудника торгпредства.

Вышинский. Это не был для вас новый человек?

Бессонов. Нет.

Вышинский. Вы только не знали, что он связан с Троцким?

Бессонов. Нет.

Вышинский. И вас связал с ним как с троцкистом Пятаков?

Бессонов. Да.

Вышинский. А когда Райх стал Иогансоном?

Бессонов. Райх заявил, что техника связи представляет собою очень простое, несложное дело, правда, это требует довольно большого количества денег и большой скромности от человека,

который осуществляет эту связь. Но сотруднику советского торгового представительства, который всюду ездит с советским паспортом, это довольно затруднительно, потому что на каждой границе он будет вызывать специальное внимание и с этой точки зрения нужно найти другого человека, который мог бы осуществлять эту работу по связи таким образом, чтобы курсировать через границу, не возбуждая подозрения.

Когда об этом было сообщено Пятакову, он сказал, что иностранца искать для этой цели нет смысла, а можно Райха сделать иностранцем. И действительно, Райх стал иностранцем, то есть в 1931 году, я думаю это было в декабре месяце, Райху удалось не без помощи троцкистов превратиться в Карла Иогансона.

Вышинский. При помощи троцкистов?

Бессонов. Да, при помощи троцкистов.

Вышинский. При помощи троцкистов он получил паспорт?

Бессонов. Я знаю, что получение паспорта связано с подкупом должностных лиц, я не исключаю возможности, что это имело место при денежной поддержке троцкистов, потому что мне Пятаков говорил, что это стоит известных денег.

Вышинский. Троцкисты достали паспорт?

Бессонов. Паспорт они достали датской натурализации.

Вышинский. Но все это было подложной механикой, на самом деле он не датчанин, в Дании до этого не был?

Бессонов. Никогда он не был в Дании.

Вышинский. Какая же тут натурализация, когда он не был в Дании?

Бессонов. Паспорт был форменный, настоящий.

Вышинский. Но по существу?

Бессонов. По существу здесь имело место двойное гражданство. В конце 1931 или начале 1932 года Райх, будучи советским гражданином, сотрудником торгпредства, сделался, благодаря содействию троцкистов и деньгам, датским гражданином. Весной 1932 года он был откомандирован в Москву, но в Москву он не поехал и стал невозвращенцем. И с тех пор я его знаю как Иогансона, который служит для связи между мною и Троцким.

Вышинский. Райх стал датчанином и невозвращенцем. Он был двойником?

Бессонов. Некоторое время он имел два гражданства, из них одно — советское гражданство — было открытое, а датское — тайное.

Вышинский. Какое гражданство было открытое?

Бессонов. Советское гражданство было открытое, а датское — тайное.

Вышинский. Следовательно, здесь подлог, и кроме того невозвращенство, а это измена уже, когда советский гражданин превращается в невозвращенца, этим самым он изменяет своей родине.

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. Вы это знали и этому делу содействовали, так я понимаю?

Бессонов. Это совершенно правильно.

Вышинский. Что же этот Райх играл крупную роль в смысле связи по троцкистским делам?

Бессонов. Безусловно, он играл большую роль.

Я знаю, что Райх выполнял поручения Троцкого и по ряду других стран. Я хочу говорить только то, что я знаю.

Вышинский. Нас интересует не то, что вы предполагаете, а то, что вы знаете.

Бессонов. Его работа выражалась в систематическом привозе и отвозе корреспонденции. Во-вторых, он организовывал встречи с Троцким или с Седовым, когда это нужно было.

Вышинский. Встречи с вами?

Бессонов. Я имею в виду встречу Пятакова в 1932 году, затем я имею в виду встречу Крестинского с Троцким, которая была в октябре 1933 года.

Вышинский. Значит, в октябре 1933 года, при помощи Райха, была организована встреча Крестинского с Троцким?

Бессонов. Да, была организована встреча Крестинского с Троцким.

Вышинский. А вам откуда было известно, что Райх организовал встречу?

Бессонов. О существовании Райха, кроме меня и Пятакова, никто не знал.

Вышинский. А Крестинский знал о существовании Райха?

Бессонов. Он, вероятно, знал.

Вышинский. Почему вы так полагаете?

Бессонов. Крестинский работал в Берлине в качестве полпреда.

Вышинский. Райх был в полпредстве как официальное лицо. Это верно?

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. Каким образом этот Райх организовал свидание Крестинского с Троцким?

Бессонов. Я, собственно говоря, технических условий этого свидания не могу рассказать суду, ибо их не знаю.

Вышинский. А что вы можете показать?

Бессонов. Когда Крестинский поздним летом 1933 года приезжал лечиться в Германию, он долгое время оставался в Берлине. Он имел со мной два раза разговор, который можно было характеризовать, как разговор членов троцкистской организации. Первый разговор касался условий свидания между Троцким и Крестинским.

Вышинский. Кто же желал этого свидания: Троцкий или Крестинский?

Бессонов. Крестинский. Нужно сказать, что это была нелегкая задача в тот период. В этот период Троцкий стал в известной степени в центре европейского внимания, о нем много писали в газетах, и в этих условиях организовать свидание было нелегко. Я не сомневался, что Иогансон располагает широкими связями и это дело может без труда устроить. Я вызвал его в Берлин и, действительно, через некоторое время он вернулся и сообщил, что свидание может состояться в октябре 1933 года.

Вышинский. Когда?

Бессонов. В октябре 1933 года.

Вышинский. Следовательно, вы оказали Крестинскому содействие в организации встречи с Троцким?

Бессонов. Крестинский знал, что я организовал это дело, но как я организовал это дело, Крестинский не знал.

Вышинский. Технической стороны?

Бессонов. Да, технической.

Вышинский. Значит, мы можем установить такие факты: первое это то, что Крестинский проезжал через Берлин.

Бессонов. Я думаю, что это было в сентябре или в конце августа 1933 года.

Вышинский. Куда он ехал?

Бессонов. В Киссинген.

Вышинский. Зачем?

Бессонов. Он лечился. Он остановился в торгпредстве и я с ним разговаривал. Дважды мы разговаривали на троцкистские темы.

Вышинский. А он говорит, что никогда троцкистом не был. Может быть он порицал троцкистов? Вы слышали сами здесь, что он говорил, что он троцкистом не был. Как это, правильно или нет?

Бессонов (улыбается).

Вышинский. Что вы улыбаетесь?

Бессонов. Я улыбаюсь потому, что я стою здесь на этом месте, потому что Николай Николаевич Крестинский назвал меня как связиста с Троцким. И кроме него и Пятакова никто об этом не знал. И если бы в декабре 1933 года Крестинский со мной не говорил об этом обстоятельстве, то я бы не находился на скамье подсудимых.

Вышинский. Так что вы считаете, что вы обязаны ему в этом деле? Позвольте спросить подсудимого Крестинского.

Подсудимый Крестинский, вы действительно проезжали в Киссинген в 1933 году в августе или сентябре?

Крестинский. В начале сентября.

Вышинский. Этот факт подтверждаете?

Крестинский. Подтверждаю.

Вышинский. С Бессоновым виделись?

Крестинский. Да.

Вышинский. Разговаривали?

Крестинский. Да.

Вышинский. О чем? О погоде?

Крестинский. Он был советником полпредства в Берлине, в это время исполнял обязанности поверенного в делах. Он информировал меня о политическом положении в Германии, о настроениях фашистской партии, которая в то время была у власти, об их программе и установке к СССР.

Вышинский. А о троцкистских делах?

Крестинский. Мы с ним не говорили. Я троцкистом не был.

Вышинский. Никогда не говорили?

Крестинский. Никогда.

Вышинский. Значит, Бессонов говорит неправду, а вы говорите правду. Вы всегда говорите правду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Не всегда. Подсудимый Крестинский, нам придется с вами разбираться в серьезных делах и горячиться не нужно. Следовательно, Бессонов говорит неправду?

Крестинский. Да.

Вышинский. Но вы тоже не всегда говорите правду. Верно?

Крестинский. Не всегда говорил правду во время следствия.

Вышинский. А в другое время говорите всегда правду?

Крестинский. Правду.

Вышинский. Почему же такое неуважение к следствию: когда ведут следствие, вы говорите неправду? Объясните.

Крестинский (молчит).

Вышинский. Ответов не слышу. Вопросов не имею. Подсудимый Бессонов, когда имели место ваши разговоры с Крестинским о троцкистских делах?

Бессонов. В Берлине был не первый разговор, а второй.

Вышинский. А где был первый?

Бессонов. Первый имел место в Москве, в мае 1933 года.

Вышинский. При каких обстоятельствах, когда и о чем именно вы говорили с Крестинским в Москве о троцкистских делах?

Бессонов. Вернувшись в Москву со всей торговой организацией из Англии, я был назначен советником полпредства СССР в Германии. Прежде чем принять этот пост, я имел длительную беседу с Пятаковым и Крестинским.

Вышинский. Пятаков меня сейчас не интересует, сейчас интересует Крестинский. Где вы разговаривали с ним?

Бессонов. В кабинете Крестинского, в НКИД.

Вышинский. О троцкистских делах?

Бессонов. Да, Крестинский мне сказал, что на основе рекомендации и разговора Пятакова он считает необходимым со мною говорить совершенно откровенно относительно тех задач, которые стоят передо мною в Берлине. Он сказал мне, что он уже говорил о моем назначении с немцами, московскими немцами, — имея в виду немецкое посольство в Москве.

Председательствующий. Подсудимый Бессонов, вы не забыли моего предупреждения в начале судебного следствия?

Бессонов. То, что я хочу сказать, ни в какой степени, вероятно, не затрагивает чести ни одного из посольств и что германская страна довольна моим назначением, потому что я долго работал в Германии, хорошо знаю Германию и они меня знают и что с этой точки зрения они довольны тем, что имеют знакомую фигуру. Действительный смысл, конечно, всего этого замечания заключался в том, что очень ярко формулировал раньше, до этого, Пятаков, неоднократно и до этого говорил мне Крестинский, что моя работа в Германии в течение 1931—1932 годов, безусловно, создала мне, как члену троцкистской организации, определенную популярность и симпатии среди известных кругов германских промышленников и отчасти германских военных, популярность, которая теперь должна быть ис-

пользована для новых задач. Эти задачи Крестинский формулировал следующим образом...

Вышинский. Коротко, потому что я думаю, что об этих задачах будет говорить сам Крестинский позже.

Бессонов. Если бы совершенно кратко формулировать основные мысли Крестинского и то задание, которое я от него получил, — оно заключалось в том, что я на должности советника Берлинского полпредства должен в первую очередь и раньше всего приложить все усилия к тому, чтобы задержать и по возможности не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на обычном, нормальном дипломатическом пути.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы не припомните таких «дипломатических» разговоров с Бессоновым?

Крестинский. Нет, у нас не было таких разговоров.

Вышинский. Вообще не было дипломатических разговоров?

Крестинский. Я не совсем расслышал, что говорил Бессонов в последнюю минуту. Здесь плохо слышно.

Вышинский. А вы очень близко к нему сидите.

Крестинский. Здесь сзади плохо слышно то, что говорит Бессонов.

Вышинский. Разрешите мне просить вас, товарищ Председатель, пересадить Крестинского поближе к Бессонову, чтобы он хорошо слышал, а то я опасаюсь, что в наиболее острые моменты Крестинскому будет изменять слух.

(Крестинский пересаживается ближе к Бессонову.)

Вышинский. Я прошу Бессонова специально для Крестинского повторить то, что он сказал, а Крестинского попрошу внимательно слушать, напрячь свой слух.

Бессонов. Я повторяю. Задание, которое я тогда получил от Крестинского, заключалось в том, что я на должности советника Берлинского полпредства СССР, где я, конечно, располагаю известными возможностями для осуществления этой задачи, должен всеми доступными мне средствами, — само собою разумеется, соблюдая весь дипломатический декорум,— всеми доступными мне средствами помешать, задержать, не допустить нормализации отношений между Советским Союзом и Германией на нормальном дипломатическом пути и тем самым вынудить немцев искать нелегальных, недипломатических, секретных и тайных путей к соглашению с троцкистской организацией.

Вышинский. Вы слышали это?

Крестинский. Да.

Вышинский. У вас в мае месяце 1933 года были разговоры с Бессоновым?

Крестинский. У меня были разговоры с Бессоновым перед его отправлением в Берлин.

Вышинский. Были. О чем, не помните?

Крестинский. Я не помню деталей.

Вышинский. Вы деталей не помните, а Бессонов помнит.

Крестинский. Не было ни одного звука о троцкистских установках.

Вышинский. Вы говорили о том, что он должен делать за границей или не говорили?

Крестинский. Конечно, говорил.

Вышинский. Говорили, что он должен делать?

Крестинский. Да.

Вышинский. Что он должен делать?

Крестинский. Что он должен стараться создавать нормальные отношения в тех пределах, в которых это возможно.

Вышинский. В каких возможно. А если невозможно?

Крестинский. Если не будет удаваться — другое дело, но он должен стараться.

Вышинский. Обвиняемый Бессонов, правильно говорит Крестинский?

Бессонов. Совершенно неправильно. Больше того, Крестинский в этом разговоре дал мне подробную организационную директиву, каким образом я должен с ним сноситься в будущем. Помимо официальных писем, которыми обменивается полпредство в Германии с НКИД, я должен буду состоять в переписке с Крестинским. И если в этой переписке Крестинский оговорится, что он держится в текущих вопросах советско-германских отношений такой-то точки зрения, что он советует обождать в этом вопросе официальных директив, то это означает, что я должен буду действовать в духе его «личной» точки зрения, независимо от того, какие будут официальные директивы.

И, наконец, в-третьих, Крестинский отправлял к своему ближайшему сотруднику по троцкистской линии и по служебной линии Штерну, для того чтобы я мог получить адреса для установления связи с Троцким.

Вышинский. Вы слышите, что Бессонов достаточно подробно говорит о ваших разговорах, которые носят далеко не такой характер, который вы им придаете. Как же быть?

Крестинский. Таких разговоров не было, хотя на очной ставке, которая была в январе месяце, я часть разговора признал.

Вышинский. Вы на очной ставке с Бессоновым подтверждали эту часть?

Крестинский. Да.

Вышинский. Значит, был такой разговор?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Значит, то, что говорит Бессонов, надо понимать наоборот?

Крестинский. Не всегда.

Вышинский. Но ваше признание?

Крестинский. На следствии я несколько раз давал неправильные показания.

Вышинский. Вы говорили, что «в состав троцкистского центра я формально не входил». Это правда или неправда?

Крестинский. Я вообще не входил.

Вышинский. Вы говорите, что формально не входили. Что здесь правда, что здесь неправда? Может быть, все правда или

все неправда, или наполовину правда? На сколько процентов, на сколько граммов здесь правды?

Крестинский. Я не входил в состав троцкистского центра потому, что я не был троцкистом.

Вышинский. Вы не были троцкистом?

Крестинский. Не был.

Вышинский. Никогда?

Крестинский. Нет, я был троцкистом до 1927 года.

Председательствующий. В начале судебного заседания на мой вопрос вы ответили, что никогда троцкистом не были. Вы это заявили?

Крестинский. Я заявил, что я — не троцкист.

Вышинский. Итак, вы до 1927 года были троцкистом?

Крестинский. Был.

Вышинский. А в 1927 году вы когда перестали быть троцкистом?

Крестинский. Перед XV съездом партии.

Вышинский. Напомните дату.

Крестинский. Я датирую мой разрыв с Троцким и с троцкизмом 27-м ноября 1927 года, когда я через Серебрякова, возвратившегося из Америки и находившегося в Москве, направил Троцкому резкое письмо с резкой критикой...

Вышинский. Письма этого у нас нет в деле. У нас есть другое письмо — ваше письмо на имя Троцкого.

Крестинский. Письмо, о котором я говорю, находится у судебного следователя, потому что оно изъято у меня при обыске, и я прошу о приобщении этой переписки.

Вышинский. В деле есть письмо от 11 июля 1927 года, изъятое у вас при обыске.

Крестинский. Там же есть письмо от 27 ноября.

Вышинский. Нет такого письма.

Крестинский. Не может быть...

Вышинский. У нас сейчас ведется судебное следствие, а ведь вы на следствии не всегда говорили правду. Вы говорили на предварительном следствии, что вы формально не входили в центр. Значит, на предварительном следствии вы признали, что входили вообще, по существу, в троцкистский центр. Вы признавали это на предварительном следствии?

Крестинский. Нет, не признавал.

Вышинский. В ваших показаниях (т. 3, л. д. 9) вы показали: «Формально не входил...».

Значит, можно понимать так, что не формально входили. Верно?

Крестинский. Я не входил вообще в состав троцкистского центра.

Вышинский. Значит, вы дали неправильные показания?

Крестинский. Я же заявил, что эти мои показания не соответствуют действительности.

Вышинский. Когда я вас допрашивал на предварительном следствии, вы мне говорили правду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Почему вы мне говорили неправду? Я вас просил говорить неправду?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Просил я вас говорить правду?

Крестинский. Просили.

Вышинский. Почему же, когда я вас прошу говорить правду, вы все-таки говорите неправду и заставляете следователя писать это, потом подписываете? Почему?

Крестинский. Я дал прежде, до вас, на предварительном следствии неправильные показания.

Вышинский. ...и потом держались?

Крестинский. ...и потом держался, потому что на опыте своем личном пришел к убеждению, что до судебного заседания, если таковое будет, мне не удастся опорочить эти мои показания.

Вышинский. А теперь вы думаете, что вам их удалось опорочить?

Крестинский. Нет, не это важно. Важно то, что я заявляю, что не признаю себя троцкистом. Я не троцкист.

Вышинский. Вы сообщали, что вы находились на особо конспиративном положении. Что это значит — «особо конспиративное положение»?

Крестинский. Вы же знаете...

Вышинский. Вы меня в качестве свидетеля не привлекайте к этому делу. Я вас спрашиваю, что значит — на особо конспиративном положении?

Крестинский. Это было сказано в моем показании...

Вышинский. Вы не хотите отвечать на мои вопросы?

Крестинский. Эта фраза о том, что я нахожусь на особо конспиративном положении, есть в моем показании от 5 или 9 июня, которое от начала до конца является неправильным.

Вышинский. Я не об этом вас спрашиваю, поэтому прошу не спешить с ответами. Я спрашиваю, что значит — нахожусь на особо конспиративном положении?

Крестинский. Это не соответствует действительности.

Вышинский. Это мы потом будем выяснять. Я хочу понять смысл заявления о том, что вы находитесь на особо конспиративном положении.

Крестинский. Если бы это соответствовало действительности, то это означало бы, что я, будучи действительно троцкистом, принимаю все меры для того, чтобы скрыть свою принадлежность к троцкизму.

Вышинский. Прекрасно, а чтобы скрыть, надо отрицать свой троцкизм?

Крестинский. Да.

Вышинский. Сейчас вы заявляете, что вы не троцкист. Не для того ли, чтобы скрыть, что вы троцкист?

Крестинский (после молчания). Нет, я заявляю, что я не троцкист.

Вышинский (обращаясь к суду). Можно спросить обвиняемого Розенгольца? Обвиняемый Розенгольц, вы слышали этот диалог?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Как вы считаете, Крестинский был троцкистом?

Розенгольц. Он троцкист.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, прошу слушать, а то потом вы будете заявлять, что не слышали.

Крестинский. Мне стало нехорошо.

Вышинский. Если обвиняемый заявляет, что ему нехорошо, я не имею права его допрашивать.

Крестинский. Мне нужно только принять таблетку и я могу продолжать.

Вышинский. Вы просите вас пока не допрашивать?

Крестинский. Несколько минут.

Вышинский. А вы можете слушать, как я буду допрашивать других?

Крестинский. Могу.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц, какие у вас данные, что Крестинский троцкист и, следовательно, он говорит здесь неправду?

Розенгольц. Это подтверждается теми переговорами, которые были у меня с ним как троцкистом.

Вышинский. Когда были эти переговоры?

Розенгольц. Эти переговоры были, начиная с 1929 года.

Вышинский. До какого года?

Розенгольц. До последнего периода.

Вышинский. То есть?

Розенгольц. До 1937 года.

Вышинский. Значит, переговоры велись с 1929 до 1937 года. 8 лет вы «переговаривались» с ним как с троцкистом? Правильно я вас понимаю?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Обвиняемый Гринько, что вам известно о Крестинском как о троцкисте?

Гринько. Известно.

Вышинский. Что же вам известно?

Гринько. Я в своей заговорщической работе имел с Крестинским связь как с заговорщиком-троцкистом, как с членом право-троцкистского заговорщического центра по вопросам весьма серьезного свойства, о которых я должен буду давать показания.

Вышинский. Кратко можете сказать, по каким вопросам? По вопросам поддержки Советской власти или борьбы с ней?

Гринько. По вопросам борьбы с Советской властью, установления связи с враждебными Советской власти иностранными государствами.

Вышинский. А вам известно, был ли Крестинский связан с другими иностранными разведками?

Гринько. Он помог мне установить связь с одной из иностранных разведок.

Вышинский. Значит, Крестинский вам помог установить связь с иностранной разведкой. Вы слышите это, обвиняемый Крестинский? Это правда?

Крестинский. Нет.

Вышинский. А вы дали показания, что это правда.

Крестинский. О том, что я помог Гринько установить связь?

Вышинский. Больше того, что вы сами были иностранным разведчиком.

Гринько. У меня есть еще один факт, о котором я хочу здесь сказать. Это то, что я помогал Крестинскому, как бывшему заместителю Наркоминдела, использовать те валютные средства, которые накапливались в курсовых разницах за границей и которые нужны были ему для целей финансирования троцкистов.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, не было случая чтобы Крестинский просил вас не производить ревизию валютного фонда?

Гринько. Об этом я и говорю.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, у вас был валютный фонд?

Крестинский. Да, был.

Вышинский. Вы просили Гринько, бывшего Наркомфина, не ревизовать этот фонд?

Крестинский. Не просил.

Вышинский. А он ревизовал?

Крестинский. Не лично он, а его аппарат.

Вышинский. Подсудимый Гринько, вы ревизовали?

Гринько. Нет.

Вышинский. А вот Гринько говорит — нет. Вы его ревизовали?

Крестинский. Нет, я не ревизовал его.

Вышинский. А кто же ревизовал?

Крестинский. Аппарат Наркомфина.

Вышинский. Назовите, кто.

Крестинский. Я знаю, что каждый год производилась ревизия.

Вышинский. Кто именно, по поручению Гринько, бывшего Наркомфина, ревизовал ваш фонд?

Крестинский. Работники Наркомфина, ведающие валютой.

Вышинский. Кто?

Крестинский. Там были Каган, Мартенсон. Каждый год при обсуждении сметы проверялись наши расходы за предыдущий год.

Вышинский. Гринько, правильно это?

Гринько. Нет, это неправильно. Крестинский говорит не о том, о чем я говорю. Конечно, когда рассматривалась официальная валютная смета Наркоминдела на очередной год, то проверялись расходы предшествующего года. Я говорю не об этой смете, а говорю о том, что благодаря колебаниям валютного курса в разных странах в распоряжении Наркоминдела накапливались средства от валютной разницы.

Вышинский. Правильно это?

Крестинский. В распоряжении Наркоминдела не накапливались, но у отдельных полпредств получались суммы.

Вышинский. Значит, накапливались?

Крестинский. Нет, не накапливались. Мы переводили меньше валюты.

Вышинский. Значит, правильно говорит Гринько?

Крестинский. Нет, дается неправильная картина положения вещей. Дело было в следующем: отпускалась известная сумма.

Если бы полпредство производило размен валюты по официальному курсу, то оно получало бы валюту на большую сумму, если бы по неофициальному курсу, то надо было бы перевести меньше денег. Мы переводили меньше денег, а остальное оставалось у Гринько.

Вышинский. Вы Гринько, как бывшего Наркомфина, просили не ревизовать ваш валютный фонд?

Крестинский. Не просил.

Вышинский. А что вы скажете, Гринько?

Гринько. Я подтверждаю, что он просил, и я эту просьбу выполнил.

Вышинский. Перейдем теперь к Бессонову. Что это за встреча в Меране, кого с кем?

Бессонов. Я показывал, что в начале сентября 1933 года, проезжая через Берлин, Крестинский попросил меня устроить ему свидание с Троцким. Причем, после предварительного обсуждения вопроса о том, где это свидание устроить, мы оба пришли к единодушному выводу, что это свидание нельзя устроить ни во Франции, ни в Германии. Тогда Крестинский предложил место свидания в Италии, в бывшем австрийском, а теперь итальянском курорте — в Меране, в Тироле. Я вызвал Иогансона, который мог организовать эту встречу, дал ему соответствующее задание и через некоторое время получил от него уведомление, что, несмотря на трудности, поездка Троцкого в Меран может иметь место. И потом я узнал от Иогансона, что свидание Крестинского с Троцким в Меране состоялось. Николай Николаевич предполагал, что я должен приехать в это время, но приехать я не мог, и поэтому я в этой встрече не участвовал и знаю из рассказов самого Николая Николаевича и Иогансона, который организовал эту встречу.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, в Меране вы были?

Крестинский. Да, был.

Вышинский. В каком году?

Крестинский. В 1933 году, в октябре месяце.

Вышинский. Значит, вы были тогда, как об этом говорит Бессонов?

Крестинский. Это правильно.

Вышинский. Правильно? Место сходится?

Крестинский. Сходится.

Вышинский. Месяц сходится?

Крестинский. Сходится.

Вышинский. День сходится?

Крестинский. Сходится. Я был для проведения лечения и никого из троцкистов не видел.

Вышинский. С кем же вы проводили этот нахкур?

Крестинский. Я проводил вместе с женой и никого из троцкистов не видел.

Вышинский. Значит, Бессонов неправ, а вы говорите правду?

Крестинский. Да, он неправ. Он повторяет мои показания, которые являются неправильными.

Вышинский. Когда мы на предварительном следствии спрашивали у вас, как вы говорили по этому поводу?

Крестинский. Давая показания, я не опровергал ни одного из своих прежних показаний, которые я сознательно подтверждал.

Вышинский. Сознательно подтверждали. Вы вводили прокуратуру в заблуждение. Так или нет?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Зачем вам нужно было вводить меня в заблуждение?

Крестинский. Я просто считал, что если я расскажу то, что я сегодня говорю, что это не соответствует действительности, то это мое заявление не дойдет до руководителей партии и правительства.

Вышинский. Но ведь протокол вы подписывали?

Крестинский. Подписывал.

Вышинский. Вы помните, что я вам прямо поставил вопрос, нет ли у вас какого-либо заявления или претензии к следствию. Было так?

Крестинский. Да, было.

Вышинский. Вы мне ответили?

Крестинский. Да.

Вышинский. Я спрашивал, есть ли у вас претензии или нет?

Крестинский. Да, и я ответил, что претензий нет.

Вышинский. Если спрашивают, есть ли претензии, то вам надо было бы сказать, что есть.

Крестинский. Есть в том смысле, что я не добровольно говорил.

Вышинский. Я зачитаю ответ, который вы дали следователю Шейнину на заданный вам вопрос. Ответ Крестинского: «никаких претензий к следствию я не имею» (т. 3, л. д. 103).

Крестинский. Я подтверждаю это.

Вышинский. Подтверждаете?

Крестинский. Подтверждаю.

Вышинский. У меня нет больше вопросов. У меня есть вопрос Бессонову.

Обвиняемый Бессонов, почему вы говорите факты, которые отрицает и оспаривает Крестинский?

Бессонов. Я не знаю других фактов.

Вышинский. Может быть, вы что-нибудь путаете? Может быть, там был не Крестинский, а кто-нибудь другой?

Бессонов. Нет, у меня с Крестинским был еще целый ряд других разговоров.

Вышинский. Скажите, у вас в тот период времени отношения с Крестинским были хорошие, дружественные или плохие?

Бессонов. Я бы не назвал мои отношения с Крестинским очень хорошими, но я бы сказал все же, что это были отношения просто хорошие.

Вышинский. Можно спросить обвиняемого Крестинского?

Обвиняемый Крестинский, какие у вас отношения с Бессоновым? Плохие или хорошие?

Крестинский. Хорошие.

Вышинский. Позвольте спросить Розенгольца.

Обвиняемый Розенгольц, какие у вас отношения были с Крестинским? Хорошие?

Розенгольц. У меня с ним никаких разногласий не было.

Вышинский. В какой области?

Розенгольц. Ни в какой области. Во всех областях была полная согласованность.

Вышинский. И в том числе по подпольной работе?

Позвольте спросить у Крестинского.

Обвиняемый Крестинский, какие у вас были отношения с Розенгольцем?

Крестинский. У нас были не плохие отношения. У нас были разногласия по вопросам внешней политики.

Вышинский. Отношения с Розенгольцем у вас были хорошие или плохие?

Крестинский. Не плохие.

Вышинский. Не плохие, это значит хорошие?

Крестинский. Хорошие.

Вышинский. С Гринько у вас какие отношения были?

Позвольте спросить обвиняемого Гринько.

Обвиняемый Гринько, какие у вас были отношения с Крестинским?

Гринько. Я считаю, что хорошие.

Вышинский. А вы как считаете, обвиняемый Крестинский?

Крестинский. Хорошие.

Вышинский. И вот три человека с хорошим отношением к вам, подсудимый Крестинский, говорят то, чего не было?

Крестинский. Да.

Вышинский. Позвольте продолжать допрос Бессонова.

Обвиняемый Бессонов, о чем у вас были разговоры с Крестинским в последующее время?

Бессонов. В том же 1933 году у меня был разговор с ним относительно того положения, которое создалось в германских промышленных кругах в связи с известным ослаблением советских заказов в Германии. Я говорил, что среди германских промышленников существует известное разочарование ходом развития советско-германских хозяйственных отношений. Крестинский в этой связи еще более резко, чем это было сделано в мае месяце, подчеркнул передо мною задачу показать немецким промышленникам, что никакие серьезные и большие сношения с Советским Союзом невозможны, покуда у власти в Советском Союзе теперешнее руководство. Чем в большей степени будут разочаровываться германские промышленники и военные круги в возможности нормализации отношений с Советским Союзом, хотя бы дипломатических, тем в большей степени и более решительно они будут итти на сговор с группами, борющимися с Советской властью. Он подчеркнул мне, что задача очень трудная, но он сказал мне: на то вы и дипломатический работник. Правда, в то время я был молодым дипломатом, но задачу, которую он поставил передо мной, я выполнил.

Во время проезда Крестинского через Берлин он касался того

зондажа, который в то время в наших кругах произвел руководитель внешне-политического отдела национал-социалистической партии Германии Розенберг по вопросу о возможности тайного соглашения между национал-социалистами в Германии и русскими троцкистами, в частности и прежде всего по вопросу о сырьевой базе для Германии. И в этой связи по вопросу об Украине. Этот зондаж стал известен мне через Крестинского. Крестинский вызвал меня в день отъезда в Киссинген, он был очень взволнован этим сообщением, советовался со мной, — что делать. И в этой связи подчеркнул, что зондаж, сделанный Розенбергом, имел в виду именно пребывание Крестинского в Берлине. И Розенбергу и другим германским деятелям физиономия Крестинского была достаточно известна. Поэтому это сообщение имело совершенно определенный политический смысл. В этой связи Крестинский просил меня ускорить решение вопроса о его свидании с Троцким, потому что ему казалось целесообразным по такому важному вопросу получить директивы. Таким образом, вот те три разговора или основные три темы, которые развивались во время пребывания Николая Николаевича Крестинского в Берлине в сентябре 1933 года. На обратном пути из Мерана я его не видел, а увидал только в следующем году и, собственно говоря, тогда актуальной какой-то информации, которую он мог бы сообщить мне о разговоре с Троцким, не было; но все же я узнал, что разговор в основном сводился прежде всего к апробации той линии, которая наметилась уже, повидимому, раньше и о которой Николай Николаевич в общих чертах говорил мне еще при моем отправлении в Берлин в мае 1933 года, то есть за несколько месяцев до этого, и кроме всех тех моментов, о которых я уже говорил и узнал от Пятакова, содержался еще тот момент, что у него, Николая Николаевича Крестинского, и затем у другого, о котором он говорил, как «мы», сейчас нащупывался и устанавливался определенный контакт с военными кругами Советского Союза, и в этой связи он называл фамилии Тухачевского и Уборевича, что потом, по его собственной информации, было подтверждено в Меране.

Второй момент этого меранского свидания, который мне известен и который тоже представляет не что иное, как развитие тактики, которая раньше была и которая наметилась в конкретных переговорах в 1931 году, это достижение особого специального соглашения оппозиционных групп в Советском Союзе в борьбе за власть, соглашения с иностранными государствами, которые могли бы им в этом деле помочь, причем объектом для этого соглашения была национал-социалистическая партия в Германии, причем не в ее официальном выражении, а в иных кругах, на чем бы я сейчас не считал необходимым специально останавливаться потому, что это увело бы меня далеко от вопроса, поставленного вами.

Повторяю, в развитие этой самой тактики имелось установление в меранских переговорах Николая Николаевича Крестинского с Троцким, в первом варианте наиболее отчетлива и ярка формулировка пораженческой тактики, хотя по сути дела и на очной

ставке с Крестинским я так и говорил, что, по существу говоря, пораженческая тактика получалась уже и тогда, когда он заключал торговое соглашение, которое проводилось, когда он работал в Германии в качестве полпреда, проводилась Пятаковым при его экономических переговорах и теперь намечалась в качестве основной тактики.

Ряд моментов из переговоров Крестинского с Троцким в Меране мне известен по информации самого Крестинского. Информация Иогансона подтверждала это свидание, и, насколько я понял из разговоров Иогансона, свидание это произошло в Меране в отеле «Мерангоф», название я точно не помню. Не нужно забывать, что это было в октябре месяце, когда в Меране господствует так называемый виноградный сезон, и что в это время для лиц, едущих в Меран для проведения виноградного сезона и обратно, возможности проезда облегчены, а я вполне допускаю, что это Троцкому могло вполне удаться, несмотря на то, что Троцкому исчезнуть из Франции в этот период времени было до крайности трудно.

Вышинский. Расскажите о вашей троцкистской подпольной деятельности непосредственно в последующие периоды.

Бессонов. Я хотел бы закончить об организации пункта связи. Пункт связи организован в 1931 году, существовал до 1937 года и, как берлинский пункт связи, исчез вместе с моим отъездом из Берлина в Советский Союз в феврале месяце 1937 года.

За это время было получено от Троцкого и отправлено большое количество писем. Я не могу сейчас вспомнить, какое количество, но во всяком случае речь шла о 6—7 директивах-письмах в обе стороны в год. Кроме этого, был целый ряд писем, которые посылались дипломатической почтой. Кроме того, существовали письма, которые пересылались дипломатической почтой на иностранных бланках, главным образом, германских и бельгийских фирм, которые на деловом языке сообщали очередные, наиболее срочные, сведения. Задача этого пункта связи заключалась в том, чтобы организовать личные встречи. Иогансон был тем самым лицом, которое вместе с Пятаковым совершало поездку в Осло и об имени которого он умолчал, когда давал показания на Военной Коллегии в январе 1937 года.

Вышинский. От кого вам известно, что Иогансон организовывал Пятакову поездку и свидание с Троцким в Осло?

Бессонов. От самого Пятакова и Иогансона

Вышинский. От самого Пятакова и Иогансона? Продолжайте.

Бессонов. Наконец, мне в 1932 году была известна встреча с Седовым. Я не считал возможным затрагивать эту тему в разговоре о значении этого берлинского пункта связи в целом ряде встреч, и я не буду об этом говорить потому, что я не знаю этого. Я мог бы еще сказать, что с помощью Иогансона и при помощи Иогансона был организован контакт и установлено условие предварительного соглашения между троцкистами и трудовой крестьянской партией, возглавлявшейся Масловым, находившимся в Праге. Я об этом смогу дать более подробные

показания, потому что я принимал в этих переговорах непосредственное участие.

Вышинский. Расскажите про встречу с Троцким в Париже в 1934 году, что именно вам поручал Троцкий и что вы сделали во исполнение этого поручения?

Бессонов. Я получил через Иогансона короткое письмо-записку от Троцкого, в котором он писал об организации свидания с одним из троцкистов, имеющихся в Германии, для информации о событиях в Германии 30 июня. Я был единственным человеком, который мог туда поехать. В конце июля 1934 года я приехал в Париж дневным поездом и уехал оттуда тоже дневным поездом. Весь разговор происходил в одной из гостиниц, в которой всегда останавливался Иогансон. Троцкий сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам Пятакова и по рассказам Николая Николаевича Крестинского.

Вышинский. Что вы говорили с Троцким по поводу ваших троцкистских подпольных задач?

Бессонов. Он поставил задачу перед своими сторонниками, работающими на дипломатическом поприще, о взятии линии на саботаж официальных соглашений, чтобы стимулировать интерес немцев к неофициальным соглашениям с оппозиционными группировками. «Они еще придут к нам», — говорил Троцкий, имея в виду Гесса и Розенберга. Он говорил, что нам в этом вопросе стесняться нечего, что нам может быть обеспечена действительно серьезная, настоящая помощь со стороны Гесса и Розенберга. Мы не должны, — говорил он, — останавливаться перед тем, чтобы пойти на широкие территориальные уступки.

Вышинский. Именно?

Бессонов. Мы пойдем на уступку Украины,— говорил Троцкий, — учтите это в своей работе и в своих разговорах с немцами, и я напишу об этом еще и Пятакову и Крестинскому. Дальше он остановился на вопросах, связанных с работой троцкистских организаций в Советском Союзе, и при этом с особенной силой подчеркнул, что в обстановке назревающей неизбежной войны единственно возможной формой прихода троцкистов к власти является поражение Советского Союза в этой войне.

Затем он остановился на вопросе о методах работы троцкистских организаций в Советском Союзе, с особой силой подчеркнув вопрос о необходимости обострения самых крайних террористических методов борьбы. Здесь он сказал как раз те слова, которые приведены в обвинительном заключении и сегодня здесь зачитаны, слова о том, что было бы, конечно, непростительным жеманством, если бы мы, его сторонники в Советском Союзе, не перешли сейчас к прямому уничтожению и устранению Сталина и всех его ближайших сторонников.

Неожиданно для меня он остановился в этой связи на Максиме Горьком, характеризуя роль Максима Горького как совершенно исключительную в смысле его влияния не только в Советском Союзе, но прежде всего и раньше всего за границей, указывая на его чрезвычайную близость к Сталину и на то, что высказыва-

ния Максима Горького самым определенным образом отталкивают многих сторонников Троцкого из европейской интеллигенции от него, приближая их к позиции руководства партии. И в этой связи он пришел к выводу и прямо мне сказал о необходимости устранить Горького, сказал те самые слова, которые здесь приводились, о необходимости физического уничтожения Горького во что бы то ни стало. Такая была директива.

Вышинский. Вы ее передали?

Бессонов. Да. Вскоре после этого, осенью 1934 года, я был в Москве и подробно рассказал об этом разговоре Пятакову.

Вышинский. Дальше.

Бессонов. На этом, собственно говоря, кончается все то, что я могу сказать о своем свидании с Троцким в 1934 году.

Вышинский. После 1934 года вы с кем-нибудь из руководителей подпольной троцкистской организации имели свидания, встречи, разговоры?

Бессонов. Да, я каждый год встречался с Пятаковым вплоть до того года, когда его арестовали. Осенью 1936 года я его уже не видел. Каждый раз, когда я приезжал в Москву, я встречался с Николаем Николаевичем Крестинским и, в частности, виделся с ним осенью 1936 года уже после ареста Пятакова.

Вышинский. О чем же вы вели беседу после ареста Пятакова?

Бессонов. В самом конце сентября или в первых числах октября 1936 года я встречался с Крестинским в Москве. Крестинский, очень взволнованный, сообщил мне о том, что дела у троцкистского центра обстоят очень неважно, что имеется целый ряд провалов, что арестованы Пятаков, Радек и целый ряд других, что не исключена возможность его собственного ареста и что он просит меня, при моем возвращении в Берлин, немедленно отправить об этом письменное сообщение Троцкому; он говорил, что придется, в случае его ареста, передать все организационные связи Карахану, хотя он не представляет себе, как это конкретно можно сделать; он просил меня даже два раза повторить, правильно ли я его понял, что положение, сложившееся у троцкистов в Советском Союзе к осени 1936 г., нужно характеризовать как исключительно тяжелое и что соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей приход троцкистов к власти, должно быть форсировано во что бы то ни стало.

По приезде в Берлин я очень подробно изложил Троцкому об этом, получил от него на письмо ответ, который я направил Крестинскому. Затем, это было в декабре 1936 г., может быть, в самом начале января 1937 года, вернее это было в декабре 1936 года, я получил от Крестинского еще письмо для Троцкого, которое я видел, но не вполне в нем разобрался, потому что оно было написано условным языком.

Вышинский. Это письмо было кем, кому, когда написано?

Бессонов. Это письмо было написано в декабре 1936 года Крестинским Троцкому, которое мною было передано.

Вышинский. Вы его передали?

Бессонов. Я его передал через Иогансона в декабре 1936 года.

Вышинский. По приезде в Берлин?

Бессонов. Да, по приезде в Берлин.

Вышинский. Передали через Иогансона?

Бессонов. Да, через Иогансона. И получил через несколько дней ответ от Троцкого.

Вышинский. Вы ознакомились с этим материалом?

Бессонов. Нет, ответа я не знаю.

Вышинский. А с письмом Крестинского знакомы?

Бессонов. Письмо Крестинского я читал, потому что оно было послано на мое имя. Но я могу сообщить общее впечатление, потому что письмо было написано очень туманным языком, понятным Крестинскому и Троцкому и не вполне понятным мне.

Вышинский. Что вы там вычитали?

Бессонов. Речь шла о том, что положение складывается таким образом, что дожидаться, пока раскачаются немцы, троцкисты не могут, и поэтому они просят санкции выступить до развертывания войны, до выступления немцев, при помощи центра, который они организовали. Что это за центр, я не могу сказать, потому что с трудом мог расшифровать содержание этого письма.

Вышинский. Что еще вы желаете добавить в ваших показаниях или вы исчерпали свои объяснения?

Бессонов. Если отвечать на последний поставленный вопрос,— кто принимал наибольшее участие, с кем была наиболее систематическая связь, то я должен ответить, что с Пятаковым, которого я рассматривал как своего ближайшего начальника по троцкистской линии и виделся с ним вплоть до последнего раза, до декабря 1935 года, когда он рассказывал о своей поездке к Троцкому.

Вышинский. Кто были ваши ближайшие начальники по троцкистской линии?

Бессонов. Только три человека, с которыми я общался и которые знают о моей работе,— это Пятаков, Крестинский, Троцкий. О том, что я являлся участником троцкистской организации, знает Розенгольц. Осенью 1931 года, когда я был связан с вопросом о германских переговорах, у меня с Аркадием Павловичем Розенгольцем установились такие взаимоотношения, которые могут быть только среди членов троцкистской организации, причем Пятаков рекомендовал Розенгольцу меня как члена троцкистской организации.

Вышинский (обращаясь к Розенгольцу). Обвиняемый Розенгольц, вы знали Бессонова как троцкиста?

Розенгольц. Нет, я этого не знал.

Вышинский. Пятаков вам его рекомендовал?

Розенгольц. Я на эту тему с ним разговоров не вел.

Вышинский. А вы знали Бессонова как троцкиста?

Розенгольц. Я знал это от Крестинского.

Вышинский. Что же вы знали от Крестинского о Бессонове?

Розенгольц. Знал, что он является троцкистом и что он, Бессонов, помогает Крестинскому в троцкистской работе.

Вышинский. Кто это вам говорил?

Розенгольц. Это мне говорил Крестинский.

Вышинский. Лично Крестинский?

Розенгольц. Да, лично Крестинский.

Вышинский. Вы не припоминаете, в каком году это было?

Розенгольц. Точно не могу сказать.

Вышинский. Примерно в 1933?

Розенгольц. Да, примерно, в этом году.

Вышинский. Он вам это говорил при каких обстоятельствах и по какому поводу?

Розенгольц. Он сообщил о тех работниках, которые ему помогают из Наркоминдела по той работе, и в числе их назвал Бессонова.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы слышали это показание?

Крестинский. Я это отрицаю.

Вышинский. Отрицаете?

Крестинский. Отрицаю.

Вышинский. Безусловно?

Крестинский. Безусловно.

Вышинский. Конечно?

Крестинский. Конечно.

Вышинский. У меня больше нет вопросов.

Председательствующий. Объявляется перерыв на два часа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Бессонов. Я его передал через Иогансона в декабре 1936 года.

Вышинский. По приезде в Берлин?

Бессонов. Да, по приезде в Берлин.

Вышинский. Передали через Иогансона?

Бессонов. Да, через Иогансона. И получил через несколько дней ответ от Троцкого.

Вышинский. Вы ознакомились с этим материалом?

Бессонов. Нет, ответа я не знаю.

Вышинский. А с письмом Крестинского знакомы?

Бессонов. Письмо Крестинского я читал, потому что оно было послано на мое имя. Но я могу сообщить общее впечатление, потому что письмо было написано очень туманным языком, понятным Крестинскому и Троцкому и не вполне понятным мне.

Вышинский. Что вы там вычитали?

Бессонов. Речь шла о том, что положение складывается таким образом, что дожидаться, пока раскачаются немцы, троцкисты не могут, и поэтому они просят санкции выступить до развертывания войны, до выступления немцев, при помощи центра, который они организовали. Что это за центр, я не могу сказать, потому что с трудом мог расшифровать содержание этого письма.

Вышинский. Что еще вы желаете добавить в ваших показаниях или вы исчерпали свои объяснения?

Бессонов. Если отвечать на последний поставленный вопрос,— кто принимал наибольшее участие, с кем была наиболее систематическая связь, то я должен ответить, что с Пятаковым, которого я рассматривал как своего ближайшего начальника по троцкистской линии и виделся с ним вплоть до последнего раза, до декабря 1935 года, когда он рассказывал о своей поездке к Троцкому.

Вышинский. Кто были ваши ближайшие начальники по троцкистской линии?

Бессонов. Только три человека, с которыми я общался и которые знают о моей работе,— это Пятаков, Крестинский, Троцкий. О том, что я являлся участником троцкистской организации, знает Розенгольц. Осенью 1931 года, когда я был связан с вопросом о германских переговорах, у меня с Аркадием Павловичем Розенгольцем установились такие взаимоотношения, которые могут быть только среди членов троцкистской организации, причем Пятаков рекомендовал Розенгольцу меня как члена троцкистской организации.

Вышинский (обращаясь к Розенгольцу). Обвиняемый Розенгольц, вы знали Бессонова как троцкиста?

Розенгольц. Нет, я этого не знал.

Вышинский. Пятаков вам его рекомендовал?

Розенгольц. Я на эту тему с ним разговоров не вел.

Вышинский. А вы знали Бессонова как троцкиста?

Розенгольц. Я знал это от Крестинского.

Вышинский. Что же вы знали от Крестинского о Бессонове?

Розенгольц. Знал, что он является троцкистом и что он, Бессонов, помогает Крестинскому в троцкистской работе.

Вышинский. Кто это вам говорил?

Розенгольц. Это мне говорил Крестинский.

Вышинский. Лично Крестинский?

Розенгольц. Да, лично Крестинский.

Вышинский. Вы не припоминаете, в каком году это было?

Розенгольц. Точно не могу сказать.

Вышинский. Примерно в 1933?

Розенгольц. Да, примерно, в этом году.

Вышинский. Он вам это говорил при каких обстоятельствах и по какому поводу?

Розенгольц. Он сообщил о тех работниках, которые ему помогают из Наркоминдела по той работе, и в числе их назвал Бессонова.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы слышали это показание?

Крестинский. Я это отрицаю.

Вышинский. Отрицаете?

Крестинский. Отрицаю.

Вышинский. Безусловно?

Крестинский. Безусловно.

Вышинский. Конечно?

Крестинский. Конечно.

Вышинский. У меня больше нет вопросов.

Председательствующий. Объявляется перерыв на два часа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

объясняется теми представлениями, которые у нас были тогда в разгар нэпа. Мы считали, что не исключена эволюция нэпа в сторону, желательную нам. С другой стороны, в Европе мы не видели такой силы, в блоке, в союзе с которой мы могли бы делать более решительные шаги вперед. Во второй период обстановка изменилась — это был уже период развернутого социалистического наступления, когда позиции капиталистических элементов в стране были резко подорваны, когда ни о какой эволюции нэпа в сторону капитализма не могло быть и речи. Это и слепой видел. Тогда постепенно мы нащупали внешне-политические силы, которые могли нам оказать помощь. В этот второй период украинская националистическая организация уже целиком становится на позиции правых в общеполитических вопросах, то есть на позиции борьбы против индустриализации и коллективизации. Хотя прямых организационных связей с правой организацией в этот период у организации не было, у меня лично были отдельные связи с отдельными довольно второразрядными людьми из правого лагеря.

Вышинский. С Рыковым у вас была тогда связь?

Гринько. В тот период политической связи у меня с ним не было. Моя связь с Рыковым относится к более позднему периоду создания национал-фашистской организации, к которой я перейду дальше; это относится к 1934—1935 годам. В этот период националистическая организация давала директивы своим членам о собирании сил и активной борьбе, главным образом, против коллективизации, вплоть до организации повстанчества. В этой борьбе мы уже имели связь с некоторыми кругами одного враждебного Советскому Союзу государства. Эти наши союзники помогали нам. Для поддержки партизанской борьбы они усилили переброску на Украину диверсантов, петлюровских эмиссаров, оружия и т. д. Эта связь велась через Конара, через Коцюбинского. Я не знаю, должен ли я называть здесь все эти государства.

Вышинский. Нет, в закрытом заседании вы их назовете.

Председательствующий. И фамилии назовете в закрытом заседании.

Вышинский. Вы лично участвовали в организации переброски оружия и прочего?

Гринько. Я был в курсе переговоров и давал на них согласие.

Вышинский. Руководили этим делом?

Гринько. Руководил.

Вышинский. Продолжайте.

Гринько. Этот период закончился в начале 1933 года в связи с арестом почти всей этой группы. Тогда не был арестован один я. Но я не сложил своего националистического оружия в своей борьбе против Советской власти. К этому периоду относится начало моей личной связи с фашистскими заграничными организациями, с влиятельными элементами фашистских организаций и некоторыми правительственными кругами. Эта связь была направлена к установлению контакта в целях подготовки отторже-

ния Украины от СССР и организации борьбы против Советской власти.

Подробные факты и фамилии я назову в закрытом заседании. Я только скажу сейчас, что эта связь установилась рядом последовательных моих разговоров с представителями этих враждебных кругов, занимавших довольно видное официальное положение здесь, в СССР.

В начале 1935 года мне от Любченко стало известно о создании на Украине национал-фашистской организации, поставившей себе целью отторжение Украины от СССР и рассчитывавшей на помощь военной интервенции со стороны тех сил и элементов, с которыми у меня в то время уже была персональная связь. Национал-фашистская организация ставила также своей задачей соединение с «право-троцкистским блоком», установившим связь с военными заговорщиками.

Когда мне стало известно об этой организации, я дал согласие на вступление в нее. На меня была возложена задача установления связи с право-троцкистским центром, с правительственными кругами некоторых враждебных Советской власти государств и содействие Любченко в развороте этой работы на Украине.

Организация к тому моменту, когда я с ней связался, уже начала кристаллизоваться как национал-социалистическая организация.

Любченко рассказывал мне о центре этой организации на Украине, куда входили Любченко, Порайко и другие. Он рассказывал, что в этом центре дискутировался вопрос о характере партийной организации и о типе Украинского государства, если бы эта организация имела успех. По словам Любченко, организация стала на путь создания централизованной партии по типу национал-социалистической партии. В случае успеха организация предусматривала создание буржуазного Украинского государства по типу фашистского государства.

О таком характере организации я рассказывал видному участнику право-троцкистского заговора Яковлеву. В право-троцкистских кругах, с которыми мне приходилось разговаривать, эта тенденция превращения нашей организации в организацию фашистского типа несомненно существовала.

Как я выполнил те задачи, которые были возложены на меня этой национал-фашистской организацией?

Во-первых, связь с право-троцкистским центром. Связь эта пошла у меня по такой линии — Гамарник, Пятаков, Рыков. С Гамарником я связался через Любченко, имевшего связь с Якиром и Гамарником. Через Гамарника связался с Пятаковым, затем с Рыковым. Одновременно выполнялись внешне-политические задачи, поскольку и Пятаков и Гамарник рассказали мне, что Троцкий договорился по поводу компенсации за счет Украины за военную поддержку нашей борьбы против Советской власти.

Одновременно с установлением связи с «право-троцкистским блоком» я форсировал установление связи с иностранными силами через Крестинского, с которым меня связал Пятаков.

Установление связи моей с Гамарником, Пятаковым и Рыковым относится, примерно, к концу 1935 года.

Вышинский. Расскажите о вашей связи с Рыковым, в чем она заключалась?

Гринько. Заключалась она в том, что украинская организация стала под команду право-троцкистского центра.

Вышинский. В чем это выразилось?

Гринько. Это выразилось, во-первых, в том, что украинская организация получила задание от право-троцкистского центра. Я, как член этой организации, получил задание...

Вышинский. Вы получили задание от кого?

Гринько. От Рыкова.

Вышинский. Затем?

Гринько. Главным образом, от Рыкова.

Вышинский. Хорошо. Дальше.

Гринько. В 1935 году, в начале 1936 года мною в основном были выполнены те задачи, которые были на меня возложены украинской организацией. Я установил связи с право-троцкистским центром. Через Крестинского установил связь с фашистскими кругами одного из иностранных государств, которые приняли ту точку зрения, которой мы добивались. Через Крестинского я передал формулу нашей украинской организации и через него же я получил ответ, что соответствующие силы эту формулу принимают. Имея свои старые персональные связи с фашистскими кругами, я лично потом проверил этот факт и получил подтверждение.

Вышинский. Позвольте остановиться на этом вопросе. Следовательно, вы в 1935 году уже установили связь с правыми, как вы показываете, в лице обвиняемого Рыкова. Я так понимаю?

Гринько. Да.

Вышинский. С кем вы установили связь через Крестинского?

Гринько. С фашистскими кругами одного враждебного Советскому Союзу государства.

Вышинский. С представителями этих кругов? С представителями фашистских кругов?

Гринько. Да.

Вышинский. Когда это было?

Гринько. Конец 1935 года, начало 1936 года.

Вышинский. А до 1935 года у вас лично не было связей с какими-нибудь фашистскими кругами?

Гринько. Были, с конца 1932 года.

Вышинский. Для чего вам понадобилось в 1935 году прибегать к содействию Крестинского?

Гринько. Потому что троцкисты вели свою линию связей в отношении Украины. Я считал, что официальные отношения этой украинской национал-фашистской организации нужно установить официальным путем, через Крестинского, чтобы знать, что речь идет об одном и том же, а не так, что в одном месте об одном будут договариваться, а в другом месте — о другом.

Вышинский. Тут была известная перестраховка.

Гринько. Да, я хотел проверить действительно эту связь теми связями, которыми я располагал персонально.

Вышинский. И уличили Крестинского?

Гринько. Нет, не уличил, подтвердил. Мне не в чем было его уличать.

Вышинский. Нет, на суде?

Гринько. Это другое дело.

Вышинский. Сейчас уличили Крестинского?

Гринько. Да.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, вы слышали эту часть показаний?

Крестинский. Слышал. Но ни с какими фашистами я его не связывал, я его знакомил с деловыми людьми.

Вышинский. Не связывали, а «знакомили»?

Крестинский. С фашистами нет.

Вышинский. Тогда вам не нужны и фамилии на закрытом заседании. Или связывали, или не связывали?

Крестинский. Сейчас я не могу сказать.

Вышинский. Конечно, вы отрицаете?

Крестинский. Я отрицаю, что я разговаривал с фашистами для троцкистских целей.

Вышинский. Вы отрицаете, а вы (*обращается к Гринько*) подтверждаете. Скажите, подсудимый Гринько, может быть, вы путаете это обстоятельство с каким-нибудь другим? Может быть, он знакомил с каким-нибудь приятным человеком, хотя бы иностранным человеком, а вы...

Гринько. Я думаю, тут не место шутками заниматься.

Вышинский. Но выходит так.

Гринько. Я удивляюсь тому, что говорит Крестинский.

Вышинский. А вы, подсудимый Гринько, можете сказать, где у вас происходили переговоры с Крестинским?

Гринько. Я могу сказать то, что это было в моем бывшем кабинете в Наркомфине.

Вышинский (*Крестинскому*). Вы бывали в кабинете Гринько?

Крестинский. Бывал довольно часто на разных совещаниях.

Вышинский. По финансовым делам или по наркоминдельским?

Крестинский. Бывал, потому что меня назначали в какую-нибудь комиссию вместе с Гринько, комиссию, которая была и по наркомфинским и по наркоминдельским делам.

Вышинский. Это было естественно при вашем положении.

Гринько. Я сказал Крестинскому, что у нас такая-то позиция, что меня направил Пятаков, что я прошу передать об этой позиции и дать мне ответ. Крестинский сказал, что передал об этой позиции, сообщил мне, что эту позицию принимают. А я потом с тем самым лицом, которому передал Крестинский, разговаривал лично в Большом театре.

Вышинский. Лиц, их фамилии вы можете назвать на закрытом заседании?

Гринько. Конечно.

Вышинский. Чем вы объясните, что Крестинский отказывается?

Гринько. Это я не могу объяснить.

Вышинский. Кроме этого случая, у вас были еще переговоры с Крестинским по вопросам антисоветской деятельности?

Гринько. Было то, о чем я говорил на утреннем заседании относительно использования валюты. В большем посредничестве я не нуждался, так как имел свои прямые связи.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Вы подтверждаете эту часть показаний, где Гринько делает ссылку на вас?

Рыков. Да, у нас с ним было два свидания. Одно в конце 1935 года, а другое в начале 1936 года.

Вышинский. Какого характера были свидания?

Рыков. Это были свидания членов нелегальной организации, борющихся против партии и Советского правительства.

Вышинский. Вам не приходилось говорить с Гринько о Крестинском?

Рыков. О Крестинском нет. Мне с Гринько не было надобности говорить, потому что я лично знал и без Гринько, что Крестинский троцкист. Точно так же Крестинский знал, что я член нелегальной организации.

Вышинский. Выходит, что Крестинский говорит здесь неправду и пытается отвертеться от связи с троцкистами?

Рыков. Он не только говорит неправду, а хочет спутать ту правду, которая здесь есть.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы слышали это?

Крестинский. Да, слышал.

Вышинский. Вы подтверждаете это?

Крестинский. Я не подтверждаю, что я говорил неправду, и не подтверждаю, что хочу спутать правду.

Вышинский. У меня вопрос к Крестинскому.

Но вам известно было, что Рыков занят подпольной борьбой?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Неизвестно?

Крестинский. То есть я знал об этом из тех сообщений, которые делались на пленуме Центрального Комитета.

Вышинский. Ах, только так.

Крестинский. Только так.

Вышинский. А как вы скажете, обвиняемый Рыков, он откуда должен был знать о ваших позициях в то время?

Рыков. Прежде всего, если на пленуме Центрального Комитета делается сообщение о нелегальной работе члена Центрального Комитета, то этот член Центрального Комитета перестает быть членом Центрального Комитета.

Мы по этому поводу имели разговоры с ним, разговоры достаточно откровенные для того, чтобы знать доподлинно, кто с кем разговаривает. По-моему это было в 1932—1933 годах, точных дат я не помню.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете, что вам было известно, что Крестинский троцкист и член «право-троцкистского блока»?

Рыков. То есть в тот период такого полного блока не было, но что он член троцкистской организации, это так.

Вышинский. И он с вами вел разговоры?

Рыков. Он разговаривал со мной как член нелегальной организации.

Вышинский. Разговаривали о делах нелегального порядка?

Рыков. Разговаривали о нелегальных делах.

Вышинский. Вы утверждаете, что и Крестинскому известно было о ваших делах в нелегальной партии, а Крестинский отрицает это; выходит, что Рыков говорит теперь неправду, а вы, обвиняемый Крестинский, правду?

Крестинский. Я говорю правду.

Вышинский. А вы с какого времени начали говорить правду?

Крестинский. По этому делу?

Вышинский. Да.

Крестинский. Сегодня говорю правду.

Председательствующий. С двенадцати часов?

Крестинский. Да, на заседании суда.

Вышинский. Хорошо, значит это было с Рыковым и Крестинским. Дальше, обвиняемый Гринько, скажите, пожалуйста, вам известно было о том, что еще кто-нибудь из сидящих здесь на скамье подсудимых в тот период времени уже являлся участником вашей подпольной организации? Перечислите.

Гринько. Мне было известно об участии Бухарина.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, подтверждаете это?

Бухарин. Подтверждаю. Я усиливаю это, потому что однажды был у меня разговор с самим Гринько.

Гринько. Да, был.

Вышинский. Значит, правильно говорит Гринько?

Бухарин. Да.

Вышинский. Видите ли, я проверяю, потому что Крестинский говорит, что обвиняемый Гринько неправ.

Бухарин. Я внес эту поправку в целях просто уточнения, потому что речь идет не только о том, что он мог знать от Рыкова о моей подпольной работе, а у меня были свидания с Гринько непосредственно.

Гринько. Это было позже.

Затем мне было известно от Гамарника об участии Розенгольца и о прямой его связи.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц, вы подтверждаете это?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Дальше.

Гринько. Мне было известно об участии Зеленского и прямой его связи.

Вышинский. Обвиняемый Зеленский, правду говорит подсудимый Гринько?

Зеленский. Правду.

Гринько. От Рыкова я узнал об участии Ягоды в этой организации, но прямой связи с Ягодой не было.

Вышинский (обращается к суду). Разрешите спросить Рыкова.

Обвиняемый Рыков, вы об этом говорили с Гринько?

Рыков. Я точно помнить не могу, но не могу исключать этого факта.

Вышинский. Значит, вы об участии Ягоды говорили?

Рыков. Да.

Вышинский (обращаясь к суду). Позвольте спросить Ягоду.

Обвиняемый Ягода, вы это подтверждаете?

Ягода. Да, в отношении меня — это правда, но что Гринько был, я не знал.

Вышинский. Позвольте спросить Крестинского.

Обвиняемый Крестинский, все подсудимые находят, что в отношении их говорят правду, вы говорите, что этого не было. Вы правду говорите?

Крестинский. Я говорю правду.

Вышинский. Сегодня?

Крестинский. Да.

Вышинский. Подсудимый Гринько, продолжайте ваши показания.

Гринько. Постепенно расширяя свои связи с право-троцкистским центром и знакомясь с его участниками, я составил себе в начале 1934 года представление о том, что из себя представлял право-троцкистский центр.

На основании ряда разговоров, связей и заданий, которые давались Рыковым, Бухариным, Гамарником, Розенгольцем, Яковлевым, Антиповым, Рудзутаком, Ягодой, Варейкисом и целым рядом других людей, для меня стало ясным, что право-троцкистский центр в это время базировался, главным образом, на военной помощи агрессоров. Это было общей позицией и для троцкистов, и для правых, и для националистических организаций, в частности для украинской националистической организации. Это означало: подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности; открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны; это означало расширение связи с агрессивными антисоветскими элементами за границей; это означало согласие на расчленение СССР и на компенсацию агрессоров за счет окраинных территорий СССР.

Наряду с этим у право-троцкистского центра существовал вариант захвата Кремля.

Вышинский. В каком году это было?

Гринько. Разговоры об этом велись на протяжении 1935—1936 годов. Об этом говорили все время. Может быть, это было и раньше.

Террористические настроения, и не только настроения, а террористическая работа у право-троцкистского центра, несомненно, имели место.

Мне известны две попытки подготовки террористических актов, которых в обвинительном заключении нет и о которых я должен здесь суду рассказать.

Вышинский. Расскажите о террористической деятельности.

Гринько. В этот период террористическая работа была одним

из основных орудий в общем арсенале борьбы против Советской власти.

Вышинский. От кого вы об этом узнали?

Гринько. От Рыкова, Яковлева, Гамарника и Пятакова.

Вышинский. А из числа обвиняемых по настоящему делу?

Гринько. От Рыкова я знал, что это террористическая организация. Когда Рыков знакомил меня с характером этой организации, он мне сказал, что террор включен в программу.

Вышинский (к Рыкову). Подсудимый Рыков, вы подтверждаете показания Гринько?

Рыков. Подтверждаю.

Вышинский. Откуда пришли эти террористические установки?

Гринько. От Троцкого. Я об этом знал от Гамарника.

Вышинский. Расскажите конкретно о фактах подготовки террористических актов, которые вам лично известны.

Гринько. Хочу сказать о двух подготовлявшихся, но не осуществленных террористических актах. Это относится уже к последнему периоду, примерно, к первой половине 1937 года, связанному с начавшимся разгромом заговорщических организаций. Когда прошел процесс Пятакова и других, в право-троцкистском центре, особенно после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 году, была большая растерянность. Тогда мне рассказывал об этом Гамарник, причем он ссылался на то, что он советовался об этом ранее с Рыковым и Бухариным. Тогда стоял вопрос о том, что должно быть сделано что-нибудь чрезвычайное для того, чтобы спутать карты и задержать то наступление на заговорщиков, которое вели в этот период партия и органы НКВД. После февральского пленума ЦК в кругах заговорщиков была поднята кампания против Ежова, в котором концентрировалась целеустремленность и собранность партии по разгрому заговорщиков. В право-троцкистском центре эта кампания шла по двум направлениям: с одной стороны — дискредитировать Ежова и его работу внутри партии, оклеветать его. Ставился также прямо вопрос о необходимости убрать Ежова, как человека наиболее опасного для заговорщиков.

Вышинский. Что значит «убрать»?

Гринько. Убрать — это значит убить.

Вышинский. Так и надо говорить.

Гринько. Я сказал «убрать» потому, что это имело двойной смысл: с одной стороны, дискредитация Ежова внутри партии, подрыв его авторитета, с другой стороны, — убрать физически.

Вышинский. Это я понимаю, но мне также небезынтересно, что понималось под словом убрать, в криминальном смысле.

Гринько. Убрать — значит убить.

Вышинский. Так вы и разговаривали?

Гринько. Мне от Гамарника было известно, что Якир и Гамарник поручили троцкисту Озерянскому, который работал тогда в Наркомфине, подготовку террористического акта против Ежова.

Вышинский. Озерянский работал под вашим непосредственным начальством?

Гринько. Да.

Вышинский. Кем?

Гринько. Он был начальником управления сберегательных касс.

Вышинский. Он участвовал в вашей организации?

Гринько. Участвовал. Я знал это от Гамарника, но прямых связей по подготовке террористического акта у меня с ним не было.

Вышинский. А по другим контрреволюционным делам?

Гринько. По подрывной работе в Наркомфине связь была.

Вышинский. Озерянский подходящий человек для подобного рода преступлений?

Гринько. Он боевик, бывший анархист...

Вышинский. И головорез?

Гринько. Он способен на подобные вещи.

Второй факт, который мне известен и который относится к тому же периоду, это подготовка Бергавиновым из Главсевморпути террористического акта против Сталина. Об этом я знал также от Гамарника. Об этом знали Антипов и Яковлев, об этом я знал и от самого Бергавинова, который говорил мне, что он задание Гамарника принял и пытается его осуществить.

Одним из заданий, которое было возложено на меня право-троцкистским центром, явилась организация подрывной работы по Наркомфину. Я дал подробные показания на предварительном следствии. Я здесь остановлюсь только на самых главных линиях и моментах этой подрывной работы.

Это задание право-троцкистского центра было мне передано Рыковым, причем он подчеркнул, что руководство центра, он и Бухарин, придает большое значение развороту подрывной работы в Наркомфине, ввиду той особенной важности и политического значения, которое имеют деньги. При этом была дана бухаринская формула — ударить по Советскому правительству советским рублем. Это мне передал Рыков и на эту тему мы говорили с Бухариным. Надо сказать, что это задание казалось право-троцкистскому центру настолько серьезным, что Рыков был у меня в Наркомфине по этому поводу и мы совместно с ним разрабатывали программу этих мероприятий.

Вредительская работа должна быть развернута по тем финансовым мероприятиям, которые связаны с широкими массами населения: налоговое дело, сберегательное дело, займовое дело и другие. Программа была разработана мною и Рыковым. Вредительская работа была развернута мною через моего заместителя Левина, через Озерянского, через Четверикова и некоторых других.

Например, в налоговом деле. Те искривления, которые нашли наиболее яркое выражение в Лепельском деле в Белоруссии, являлись одной из частей этих подрывных мероприятий. И если разоблачение Лепельского дела не было повернуто остро против Наркомфина в тот период, то объясняется это тем, что разоблачать это дело ездил Яковлев, который в тот момент отвел удар от Наркомфина.

В области сберегательного дела было проведено два мero-

приятия, связанных с сокращением сети сберегательных касс и с кампанией по залогу облигаций государственных займов. Сокращенная сеть сберегательных касс была не подготовлена к этому широкому мероприятию, а так как эти операции связаны с обслуживанием десятков миллионов людей, то они вызывали раздражение широких масс населения.

Большая подрывная работа была проведена в области государственного бюджета. Работа эта клонилась к подрыву бюджетной финансовой дисциплины, к ослаблению финансового контроля и тем самым к возможности использования государственных средств в центре и на местах для целей заговора. Вся эта работа осуществлялась мною через ряд людей в аппарате Наркомфина по директивам, которые были мне даны право-троцкистским центром.

Однако подрывная работа этим не ограничилась. От право-троцкистского центра я получил задание, используя финансы, содействовать подрывной работе по ряду других отраслей народного хозяйства. Например, право-троцкистским центром была разработана довольно большая программа в области подрыва капитального строительства. В разработке программы участвовали Пятаков, кажется, Бухарин и я. Эта программа была направлена к тому, чтобы замедлить темпы капитального строительства, сузить масштабы капитального строительства, полностью применить бухаринскую теорию «узких мест» в капитальном строительстве, тем более, что капитальное строительство имеет значение не только как важнейшая отрасль народного хозяйства, но и как дело огромного оборонного значения.

Я участвовал также и в подрывной работе в области сельского хозяйства, осуществляя вредительские финансовые мероприятия. Подрывная работа в области сельского хозяйства в право-троцкистском центре ставилась как очень важная задача.

Сталиным была выдвинута задача коллективизации, как решающее средство преодоления отсталости сельского хозяйства. На основе успехов коллективизации была поставлена задача достичь урожая в 7—8 миллиардов пудов в год. Право-троцкистским центром был разработан план подрывных мероприятий, которые, если бы и не сорвали, то во всяком случае оттянули бы получение урожая в размере 7—8 миллиардов пудов. В частности, Рыков ставил вопрос так: надо, чтобы колхозник меньше получал на трудодень. Это, с точки зрения политической подготовки антисоветской борьбы, имело огромное значение, тем более, что вопрос хлебных резервов имеет решающее оборонное значение, что также трактовалось в право-троцкистском центре, когда разрабатывалась эта программа.

Проведению вредительских мероприятий и вредительских инструкций по финансированию сельского хозяйства немало помогли Рудзутак, который занимался вопросами финансов в Совнаркоме, и Яковлев.

Из общеполитических моментов я как будто бы все основное и главное назвал. Таким образом, я хотел бы сказать, что

я здесь, перед Верховным Судом Советского Союза, должен отвечать и отвечаю за длинную цепь тягчайших преступлений против Советской власти и за острейшую борьбу против Советской власти, во-первых, как один из участников националистической контрреволюционной борьбы на Украине, которая через ряд этапов выродилась в национал-фашистскую организацию, одним из руководителей которой я являюсь, и как один из участников «право-троцкистского блока», который не ограничивался только работой по линии национал-фашистской организации Украины, но, начавши со связи с «право-троцкистским блоком» этой организации, «право-троцкистским блоком» я втянулся в более широкую работу по заговорщической право-троцкистской работе, и одновременно я отвечаю за измену родине и за прямые связи с влиятельными кругами некоторых фашистских государств, направленные к выполнению задач «право-троцкистского блока», к свержению Советской власти и к отрыву от СССР целого ряда областей.

Я целиком и полностью признал себя виновным, и мне нечего добавлять, что я ни в малой мере не намерен в своих показаниях смягчать размеры своей вины.

Председательствующий. Есть ли еще у кого-либо вопросы к подсудимому Гринько?

Вышинский. Я хотел бы уточнить несколько вопросов.

Во-первых, известно ли вам, подсудимый Гринько, о вредительской работе «право-троцкистского блока» в области снабжения населения предметами первой необходимости — хлебом и так далее?

Гринько. Наряду с вредительством в капитальном строительстве и в сельском хозяйстве «право-троцкистский блок» осуществлял довольно большую подрывную работу в области товарооборота. По этой линии я имел прямую связь с Зеленским.

Вышинский. Эту связь вы непосредственно установили с Зеленским по собственной инициативе или по его инициативе или по указаниям третьих лиц?

Гринько. Я затрудняюсь сказать, боюсь точно сказать, но, кажется, я без посредников установил, моя инициатива была. Тут было промежуточное звено. Меня Гамарник связал с одним из заместителей Зеленского, с Майоровым, который меня с ним связал. Но я связался с ним скорее всего непосредственно. Потом припомню — точно скажу.

Вышинский. Какие же преступления в этой области?

Гринько. В области товарооборота Зеленский и другие вредители в этой области, например Болотин по Наркомвнуторгу, осуществляли подрывную работу, создавали товарный голод, товарные затруднения в стране. Это относится как к пищевым, продовольственным товарам, так и к товарам первой необходимости. Скажем, громадное значение имеет вопрос о правильном территориальном распределении товарных масс в соответствии с размерами урожая, с размерами покупательного спроса населения, с зажиточностью населения в отдельных районах. Зеленский, по директивам «право-троцкистского блока», в недо-

родные районы завозил большую массу товаров, а в урожайные районы посылал товаров меньше, что создавало затоваривание в одних районах и товарную нужду в других.

Вышинский. Вам откуда известно, что так поступал Зеленский?

Гринько. Это мне известно от Зеленского, и с Рыковым мы говорили, что такие мероприятия целесообразно проводились и проводятся. С точки зрения, конечно, заговорщической организации.

Вышинский. Значит, вам известно это лично как от Зеленского...

Гринько. ...так и от Рыкова и Болотина.

Вышинский. Так что вы это утверждаете не голословно, а на основании таких твердых данных?

Гринько. Разумеется.

Вышинский. Зеленский, вы слышали эту часть показаний Гринько? Как вы относитесь к ним?

Зеленский. Гринько говорит правильно.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, что вы скажете?

Рыков. Я частично вынужден отрицать. Если о Зеленском, я не говорил.

Вышинский. Не о Зеленском, а о самом факте, о вредительстве в товарообороте.

Рыков. Я об этом не говорил с ним о таких деталях. Вообще о вредительстве было, но чтобы я разрабатывал конкретный план вредительства в Наркомфине, этого не было.

Вышинский. Что вы припоминаете?

Рыков. Я припоминаю, что был разговор относительно низвержения Советского правительства. Вспоминаю, что как раз тогда был процесс вредителей в Сибири. На этом процессе были вскрыты, пойманы вредители. У меня был разговор с Гринько о том, что вредителей в области финансовой поймать труднее.

Вышинский. Это был теоретический разговор?

Рыков. Нет, мы говорили как два человека, которые признают вредительство одним из методов контрреволюционной работы.

Вышинский. То есть говорили как два члена вредительской организации?

Рыков. Да.

Вышинский. О том, что следует вредить таким-то образом?

Рыков. Да, да, это несомненно.

Вышинский. И вы вспоминаете?

Рыков. Да.

Вышинский. А детали вашей беседы вы не припоминаете?

Рыков. О разработке плана или программе вредительства в Наркомфине — этого я не могу припомнить.

Вышинский. Относительно того, что принципиально, что нужно вредить, чтобы затронуть наиболее острые вопросы?

Рыков. Нет, я этого не припоминаю.

Вышинский. А вы, Гринько, припоминаете?

Гринько. Я напомню: Рыков, вы были у меня в Наркомфине по вопросу о развертывании сельской сети почтовых отделений (вы тогда были Наркомпочтелем). После окончания, так сказать, легальной части, вы остались, и у нас были общие политические разговоры — и об украинских делах и о связях украинских подпольных организаций с право-троцкистским центром. Вы тогда говорили, что вредительство в области финансов отстает.

Вышинский. Вы говорите, что обвиняемый Рыков говорил об отставании Наркомфина, но в чем?

Гринько. Во вредительстве.

Вышинский. Рыков сказал, что вы вредите плохо.

Гринько. Тогда мы уговорились об основных линиях, по которым нужно будет развернуть работу.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете этот разговор с Гринько насчет вредительства?

Рыков. Этого не принимаю. Я это отрицаю и не только потому, что я хочу смягчить свою вину. Я сделал много вещей гораздо более тяжелых, чем это.

Вышинский. Но разговор насчет вредительства припоминаете?

Рыков. Да.

Вышинский. И относительно того, что в этой области трудно поймать. А вы предпочитали вредить там, где трудно поймать, а не там, где легко поймать?

Рыков. Не всегда можно исходить вредителю из этого.

Вышинский. Вы признаете себя виновным во вредительстве?

Рыков. Да.

Вышинский. Во всяком случае разговоры о вредительстве у вас были с Гринько в плоскости возможных встречных вредительских мероприятий, то есть преступных дел.

Рыков. В области того, что эта мера нужна и должна быть как одна из мер борьбы против Советской власти.

Вышинский. Следовательно, он, Гринько, имел право говорить, что Рыков в должной степени давал ему указания о направлении вредительства?

Рыков. Тут мы друг другу не могли указывать, потому что у нас разногласий не было.

Вышинский. А в области Наркомфина, нуждался ли Гринько в ваших указаниях как вредитель или он сам знал?

Рыков. Я буду говорить об этом в своих показаниях. Мы разговаривали в начале 1936 года, а он перечислил целый ряд таких вещей, что если они имелись, то они должны были появиться гораздо раньше. О результатах можно было судить по бюджету, а результаты бюджета были после моего ареста, то есть бюджета на 1937 год.

Вышинский. Вы не принимаете формулировку, которую сказали,— ударить по Советской власти советским рублем?

Рыков. Я этого не говорил.

Вышинский. Но задача была такова?

Рыков. Я помню его слова о тезисах Клемансо.

Вышинский. Разве Клемансо тоже хотел кого-нибудь советским рублем ударить?

Рыков. В свое время был известен тезис Клемансо как формулировка стремления к смене правительства.

Вышинский. Это понятно о тезисах Клемансо, а в отношении вредительской работы в области Наркомфина? Это какое имеет отношение?

Рыков. К вредительской работе это непосредственного отношения не имеет. Это одна из насильственных форм.

Вышинский. Здесь Гринько говорил о военной группе изменников — Тухачевского и других, которые были в свое время осуждены Верховным Судом. Вы подтверждаете ту часть показаний, которая касается вас?

Рыков. Я знал о военной группе Тухачевского.

Вышинский. Что вы знали?

Рыков. Эта военная группа была организована независимо от блока, независимо от оттенков — троцкисты это или бухаринцы. Военная группа ставила своей целью насильственное устранение Правительства Союза и, в частности, участвовала в подготовке кремлевского переворота.

Вышинский. Об этом вам было известно?

Рыков. Да.

Вышинский. Когда вы об этом узнали?

Рыков. Я узнал об этом от Томского в 1934 году.

Вышинский. В 1934 году?

Рыков. Вероятно.

Вышинский. Показания Гринько в этой части соответствуют действительности?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Гринько, относительно урожая какие разговоры были у вас с Рыковым? Уточните, пожалуйста.

Гринько. У меня с Рыковым был такой разговор, что право-троцкистский центр придает огромное значение развороту подрывных мероприятий в области сельского хозяйства, что подчеркивает и сам Рыков, что на этой точке зрения стоит Бухарин, что это вытекает из следующего положения: коллективизация должна дать устранение противоречия между уровнем промышленного развития страны и уровнем развития сельского хозяйства, устранение, которое является абсолютно необходимым для дальнейших быстрых темпов социалистического строительства. С другой стороны, есть громадная программа о 7—8 миллиардах пудов хлеба, которая решит вопрос о зажиточности деревни и об устранении противоречий между городом и деревней. Эта программа в значительной мере делает большой шаг вперед и имеет огромное значение с точки зрения оборонной для Советского Союза в смысле создания запасов хлеба.

Рыков говорил о том, что ему известно о программе право-троцкистского центра, что должна разворачиваться подрывная работа.

Вышинский. Меня интересует вопрос, почему Рыков счел нужным по этому вопросу говорить с вами?

Гринько. Я с Рыковым говорил, что когда я устанавливал связь украинских организаций, мы неизбежно должны были за-

тронуть все главные политические вопросы. У нас получился обмен мнений, который дал информацию. Моя вредительская работа в Наркомфине являлась последующим приложением к той общеполитической связи. С другой стороны, я когда-то работал в Наркомземе, был заместителем наркома, у меня была персональная связь. Для сельского хозяйства, для МТС, для колхозов и так далее огромное значение имеет весь механизм финансирования и в связи с этими обстоятельствами Рыков вел со мной разговор, рассказывал мне о подрывных мероприятиях в сельском хозяйстве и направлял меня в этом отношении.

Вышинский. Подсудимый Гринько, а с Бухариным вам приходилось говорить?

Гринько. С Бухариным у меня был короткий разговор в Кремле относительно принципиальной основы подрывных мероприятий в области финансов, разговор об отрицательном отношении «право-троцкистского блока» к франко-советскому договору.

Вышинский. Бухарин не объяснял вам, почему он недоволен франко-советским договором?

Гринько. Я об этом скажу дальше. Затем на ходу, в коридорах был разговор вообще о допустимости вредительства, как метода политической борьбы, потому что тут есть громадные экономические потери, но он указывал, что поскольку довлеет политика в данном случае, вредительство следует допустить, с другой стороны, установление более широких экономических связей с капиталистическим миром даст возможность наверстать те потери, которые будут.

Что касается франко-советского договора, то в право-троцкистском центре (у меня был разговор с Рыковым, с Бухариным), было довольно широко распространено отрицательное отношение к франко-советскому договору потому, что франко-советский договор был одним из тех этапов мирной политики Советской власти, который устранял или отдалял столкновение с агрессором, столкновение, на которое делал ставку «право-троцкистский блок»; расторжение франко-советского договора в целях развязывания возможностей для агрессора входило в программу «право-троцкистского блока».

Вышинский. Скажите более подробно о пораженческой линии «право-троцкистского блока».

Гринько. Те первые разговоры, которые мне приходилось вести с целым рядом руководящих людей «право-троцкистского блока», показали мне, что основная политическая ставка, — если говорить реально, а не вообще, — была на поражение Советского Союза в войне с агрессором, на компенсацию агрессора за счет окраинных территорий Советского Союза и на свержение Советского правительства на этом пути. Кроме того, о чем я уже показал, могу напомнить, например, что когда я рассказывал Рыкову некоторые подробности продажи КВЖД...

Вышинский. Не забудьте, что у нас будет еще закрытое заседание суда.

Гринько. Я не забываю. У нас произошел такой обмен реп-

ликами, в результате которого было ясно, что это — устранение одного из поводов к возможной войне с Японией, которая стоит в плане «право-троцкистского блока».

Вышинский. Значит, «право-троцкистский блок» ориентировался на войну?

Гринько. Да, на войну, на военное поражение Советского Союза и на содействие агрессора в захвате власти.

Вышинский. Ориентировка на военное поражение и содействие агрессора в захвате власти?

Гринько. Да.

Вышинский. Кроме Рыкова, вы еще с кем-нибудь разрабатывали план подобного рода преступлений?

Гринько. Из числа участников настоящего процесса?

Вышинский. Да, из числа сидящих здесь на скамье подсудимых.

Гринько. Из числа подсудимых по настоящему делу — не помню.

Вышинский. Значит, вы разговаривали об этом с Рыковым?

Гринько. Да, с Рыковым, а о франко-советском договоре с Бухариным.

Вышинский. С Розенгольцем?

Гринько. Связь с Розенгольцем дал мне Гамарник. Уже одно это обстоятельство говорит, что это связано с некоторыми военными троцкистскими планами, но с Розенгольцем у меня разговор был главным образом по тем мероприятиям, по той подрывной работе, которую он проводил в области внешней торговли.

Это является экономическим аспектом той же пораженческой позиции, поскольку Розенгольц проводил мероприятия, направленные в помощь агрессору за счет Советского Союза.

Вышинский. Одним словом в преступной деятельности Розенгольца были те же пораженческие мотивы, что и в вашей деятельности?

Гринько. Они лежали в основе всего.

Вышинский. Так что можно сказать не только о Рыкове, Бухарине, но и о Розенгольце. Еще один последний вопрос. Вам известно было о заговоре Тухачевского, от кого именно?

Гринько. От Гамарника.

Вышинский. А кто, кроме Рыкова, знал об этом заговоре из участников этого процесса, сидящих на скамье подсудимых?

Гринько. Знал Розенгольц.

Вышинский. А еще кто?

Гринько. Со слов Рыкова, знал об этом Бухарин.

Вышинский. А еще кто?

Гринько. Больше никто. Я не имел связи со всеми. Думаю, что знал Ягода...

Вышинский. Вы думаете или вам кто-нибудь говорил? Почему вы так прорицательно думаете?

Гринько. На основе тех общих разговоров о Ягоде, которые были у меня с Рыковым.

Вышинский. Понятно, вы говорите осторожно, чтобы не сказать лишнего.

Гринько. Вообще о Ягоде Рыков говорил больше намеками.

Вышинский. Таким образом, о заговоре Тухачевского и о связи «право-троцкистского блока» с заговорщической группой Тухачевского известно, кроме вас, Рыкову, Розенгольцу, Бухарину и, вы допускаете, Ягоде?

Гринько. Да и целому ряду других людей, которые не сидят сейчас на скамье подсудимых.

Вышинский. Я говорю о тех лицах, которые являются участниками данного процесса.

Больше у меня вопросов нет.

Гринько. Я хотел бы сказать два слова в заключение.

Председательствующий. Пожалуйста.

Гринько. Показание, которое я дал на предварительном следствии, я мог бы и должен квалифицировать, с одной стороны, как разоблачение меня, потому что показание мое было дано после ареста, но вместе с тем, в процессе дачи этих показаний, в процессе всего того, что я переживал в ходе предварительного следствия, эти мои показания явились одновременно и раскаянием. Я хотел бы подчеркнуть в заключение своих показаний, что я здесь отвечаю как разоблаченный, но вместе с тем и как раскаявшийся в своих преступлениях изменник родине.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 20 минут.

***

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий (Прокурору). У вас есть еще вопросы к подсудимому Гринько?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Защита. Нет.

Председательствующий. У подсудимых есть вопросы?

Подсудимые. (Нет).

Председательствующий. Подсудимый Чернов, показания, данные при допросе на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Чернов. Подтверждаю целиком и полностью.

Председательствующий (к Прокурору). Желаете задать вопросы?

Вышинский. Подсудимый Чернов, сообщите суду краткие биографические сведения.

Чернов. Родился в 1891 году. Учился два года в духовной семинарии. Поступил в Московский университет, где учился около двух лет. Однажды арестовывался за революционную работу, но без тюремного заключения. Вступил в 1916 году в партию меньшевиков и оставался меньшевиком до января 1920 года, когда вступил в Коммунистическую партию (большевиков).

Вышинский. Это формально?

Чернов. Да.

Вышинский. А по существу?

Чернов. Вступивши в Коммунистическую партию (большевиков) в январе 1920 года, до 1927 года я честно выполнял те задания, которые партия на меня возлагала.

Вышинский. До 1927 года?

Чернов. Да. Но должен со всей откровенностью признаться, что старое меньшевистское нутро во мне безусловно сохранилось, и как только от методов ограничения партия перешла к методам наступления на кулацкие элементы в деревне, так это меньшевистское нутро немедленно себя дало знать.

Вышинский. В чем это выразилось, как оно дало себя знать, это меньшевистское нутро?

Чернов. С осени 1927 года у меня начались определенные сомнения в правильности генеральной линии партии.

Вышинский. К чему это привело?

Чернов. Я в это время работал в качестве Наркомторга Украины и руководил хлебозаготовками, а хлеб являлся как раз тем оселком, вокруг которого наиболее сильно обострилось сопротивление кулачества и его борьба против Советской власти. Этой осенью на Украину приехал Вячеслав Михайлович Молотов и поставил перед ЦК Украины и перед нами, как хлебозаготовительными работниками, вопрос о хлебозаготовках совершенно по-иному, чем он ставился раньше. Раньше методом хлебозаготовок была свободная купля-продажа. Это отвечало моему меньшевистскому нутру. Тут был поставлен вопрос о применении чрезвычайных мер против кулацко-зажиточной верхушки деревни. Это было началом решительного наступления на кулака. Я считал это неправильным, считал, что это поведет к разорению сельского хозяйства, к уменьшению товарности сельского хозяйства, и вот тут и начались мои сомнения.

Вышинский. Вот я и спрашиваю — к чему они привели, ваши сомнения?

Чернов. Эти сомнения укрепились к 1928 году. В 1928 году на Украине был недород, и я объяснял этот недород не теми климатическими условиями, которые лежали в основе этого недорода — была очень плохая зима и плохая весна тогда на Украине, которая погубила посев,— а считал, что этот недород есть не случайное, а органическое явление, вызванное применением чрезвычайных мер в хлебозаготовках, поскольку эти чрезвычайные меры, по моему мнению, повели к уничтожению у крестьянства, и у середняка в том числе, заинтересованности в развитии своего хозяйства, в уходе за посевами, в лучшей обработке земли и так далее.

Я не ограничился тем, что только сам имел у себя эти сомнения, уже укрепившиеся в 1928 году, я свои сомнения излагал среди тех работников, с которыми я работал, искал среди них соучастников своих взглядов.

Вышинский. И нашли?

Чернов. Нашел.

Вышинский. Кто это были?

Чернов. Гольдин — это председатель Укрхлеба, потом Ва-

сильев, работавший в сельском Господаре, и ряд лиц, с которыми я тогда работал в области хлебозаготовок на Украине. И, кроме того, таких же единомышленников видел, находил и среди лиц, которые не были непосредственно со мной связаны по хлебозаготовкам, но которые со мной, руководителем хлебозаготовительной работы, знающим положение в деревне, очень часто беседовали и также выражали свое недовольство политикой Центрального Комитета в деревне. К числу их относятся Затонский, Порайко, Гринько и еще ряд лиц, которых я уже всех не помню.

Вышинский. Это было в каком году?

Чернов. Это было в 1928 году.

Вышинский. Вы были членом нелегальной организации правых в 1928 году?

Чернов. Я считаю, поскольку я свои взгляды излагал перед своими единомышленниками, выражавшими недовольство политикой партии, — это уже было началом того, чтобы начать создавать такую организацию на Украине, но считаю, что формальным моментом своего вхождения в организацию правых явился момент после моей первой встречи с Рыковым.

Вышинский. Вас вовлек в эту организацию Рыков?

Чернов. Да, но я был к этому уже подготовлен.

Вышинский. Собственно говоря, вы нашли друг друга?

Чернов. Да, надо так понимать. С Рыковым я встретился осенью 1928 года.

По предложению Наркомторга Союза Микояна, я должен был поехать в Мухолатку, в санаторий в Крыму, где Микоян проводил отпуск, для доклада по вопросу о своей наркомторговской работе на Украине. Там в то время находился Рыков, как я узнал, между прочим. Среди моих единомышленников мы между собою делились мыслями о том, что хорошо бы кому-нибудь из нас повидаться с Рыковым и побеседовать по тем вопросам, по которым мы беседовали на Украине, о которых я говорил. Я решил воспользоваться этим пребыванием Рыкова в Мухолатке, и мы с ним увиделись. При встрече я информировал Рыкова о положении в украинской деревне, о том недороде, который на Украине есть, о том разорении, которое в украинской деревне наблюдается. Рыков особенно интересовался перегибами, которые допускались, которые имели место в отдельных случаях в хлебозаготовительной работе, и я эти случаи Рыкову излагал. Затем помню, Рыков на мою информацию и на изложение отдельных случаев перегибов мне сказал: «Вы думаете, что это отдельные случаи головотяпства хлебозаготовительного аппарата? Вы неправильно понимаете. Это результат политики ЦК партии, которая ведет деревню и сельское хозяйство к разорению».

Вышинский. Ну а как вы реагировали?

Чернов. Я на это реагировал большей смелостью в изложении перед ним тех сомнений, о которых я суду сейчас рассказал. Рыков изложил передо мною взгляды правых по этому вопросу, то есть, не только по этому вопросу, а взгляды и программу

правых, направленные против коллективизации и против индустриализации страны.

Я Рыкову при этой встрече сообщил, что имею на Украине единомышленников. На это Рыков мне ответил, что все это известные люди, большинство которых он знает и которые могут оказать большую пользу в деле правой организации. Но, дескать, вам не следует сейчас широко выступать и тем самым раскрывать свои силы. Время для нашего широкого выступления еще не настало. Вы, дескать, должны знать, какому разгрому ЦК подверг троцкистов, и если мы сейчас уже свои силы будем раскрывать, то это будет отрицательным для нашей организации правых.

Я на это Рыкову сказал, что если я его правильно понимаю, то значит мы должны создать тайную, подпольную организацию. Это он подтвердил, причем к этому еще добавил, что вот, говорит, вы, Чернов, являетесь Наркомторгом Украины, сидите на весьма ответственном участке работы. Ваша задача заключается в том, чтобы вы свою работу вели таким образом, чтобы добиться озлобления середняка путем распространения на середняцкие массы деревни тех репрессивных мер, которые правительством установлены были по отношению к кулакам. Углубляйте перегибы, озлобляйте середняка, учтите особо национальное чувство украинского населения и везде объясняйте, что эти перегибы являются результатом московской политики, и таким путем мы будем и создавать наши кадры и поднимать крестьянство против Советского правительства и против ЦК. В заключение мы установили с Рыковым, что я при приезде в Москву буду к нему заходить и поддерживать с ним связь для координации действий правой организации на Украине.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, скажите, в этой части указание Чернова соответствует действительности?

Рыков. Я с Черновым виделся и старался убедить его в правильности моей тогдашней контрреволюционной деятельности, собирался сделать его своим сторонником, но нашел готового сторонника в лице Чернова.

Вышинский. Стараться особенно не пришлось?

Рыков. Не только особенно, а совсем не пришлось стараться. Я не могу с такой подробностью, как он, передать. Все что он говорит, по существу и в основном правильно, но то, что я являлся сторонником перегибов, в этой части, мне кажется, он неправ. Во всем остальном он прав.

Вышинский. Вот давайте говорить о всем остальном.

В 1928 году действительно ли к вам являлся Чернов и действительно ли он перед вами, как перед одним из руководителей правого течения — будем так говорить — того времени ставил ряд вопросов политического порядка, и вы освещали эти вопросы с вашей точки зрения, причем рассчитывали его склонить к участию в вашей группе? К этому времени уже у вас была группа правых на подпольном положении?

Рыков. На подпольном нет.

Вышинский. Но была уже оформленная группа?

Рыков. Да. О создании такого же типа организационного гнезда, полулегального, могла итти только речь.

Вышинский. Значит была полулегальная группа во главе с вами, а еще с кем? С Бухариным и Томским? Я так понимаю?

Рыков. Да, была такая группа.

Вышинский. И вы решили вовлечь Чернова в эту группу?

Рыков. Да, я нашел сторонника в лице Чернова. Когда я в 1928 году был в Мухолатке, я не знал позиций Чернова в этом вопросе и стремился его, что называется, убедить или обработать. Для меня в тот период было неожиданным, что в лице Чернова я нашел готового сторонника.

Вышинский. Нашли готового партнера. Потом встречались с Черновым?

Рыков. Да.

Вышинский. В каком году?

Рыков. Через несколько месяцев после этого, когда он ехал за границу.

Вышинский. Обвиняемый Чернов, это правильно?

Чернов. Нет, я встречался еще, не один раз. То, что я встретился с Рыковым перед поездкой за границу, я подтверждаю, но дополняю, что это не единичная встреча, а было еще несколько встреч, о которых, если суд пожелает, я расскажу.

Вышинский. Если это относится к предмету обвинения. Пока, обвиняемый Рыков, можете сесть.

Чернов. Я еще раз подтверждаю, видимо Алексей Иванович забыл, а я прекрасно помню и помню, как это было выражено. Я не могу поручиться за каждое слово, но содержание и конструкцию фразы слов Рыкова, что я в своей работе должен организовать ее так, чтобы углублять перегибы и тем самым вызывать озлобление середняка, и учесть в своей работе, как члена правой организации, националистические чувства украинского населения. Это я прекрасно помню.

Вышинский. Это мы дополнительно можем уточнить. Пока идет речь о ваших конспиративных связях с Рыковым. Продолжайте дальше.

Чернов. Дальнейший характер моей работы несколько изменился в связи с тем, что я рассчитывал раньше работать на Украине, а потом меня перевели на работу в Москву.

Я перехожу к следующему эпизоду. В конце 1928 года я должен был поехать в Германию на лечение. Зная о том, что в Германии живет мой старый товарищ по меньшевистской организации, я решил с ним повидаться.

Вышинский. Кто это?

Чернов. Кибрик, с которым я переписывался до 1925 года, проживающий в Германии под чужой фамилией.

Перед поездкой в Германию я решил зайти в Москве к Рыкову.

Вышинский. Почему вы обратились к Рыкову?

Чернов. Потому, что я с ним условился, что будем координировать свои действия, как члены правой организации, и, кроме того, узнать, не будет ли каких поручений в Германию.

Вышинский. Поручений по... подпольной работе?

Чернов. Я не думал об этом.

Вышинский. По какой линии были поручения?

Чернов. До разговора с Рыковым, я не знал, что будут за поручения.

Вышинский. Вот вы думаете себе — поеду за границу, какие же будут поручения — легальные или нелегальные?

Чернов. Я об этом не думал.

Вышинский. Не будет ли каких поручений по подпольной линии?

Чернов. По правой организации.

Вышинский. По правой организации?

Чернов. Я позвонил секретарю Рыкова — Нестерову, кажется, о том, что я еду за границу и мне по валютным делам, по вопросу повышения валюты, нужно поговорить с Рыковым, рассчитывая на то, что Рыков меня поймет и примет. Я позвонил секретарю и действительно получил час свидания с Рыковым.

При этом свидании я информировал его о положении на украинской деревне, о том, как там идут хлебозаготовки, и сообщил о том, что я еду в Германию. Не будет ли каких поручений? Рыков, зная меня как старого меньшевика, поставил передо мной вопрос о том, не смогу ли я, будучи в Германии, встретиться с Даном, установить связь с ним и передать поручение от имени правого центра. Я Рыкову ответил, что такую возможность я имею и думаю, что в этом отношении может оказать помощь мой товарищ по меньшевистской работе, о котором я уже говорил, — это Кибрик. Тогда Рыков дал мне поручение установить связь с Даном и передать ему поручение от правого центра.

Вышинский. Какое поручение?

Чернов. Я забыл сказать, что при этой моей беседе с Рыковым присутствовал еще Томский. Поручения заключались в следующем: через партии II Интернационала поднять общественное мнение капиталистических стран против Советского правительства, через лидеров II Интернационала добиться у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу; заручиться от II Интернационала, а через его лидеров — и от буржуазных правительств, — поддержкой в случае захвата власти правыми в стране. Я на это Рыкову сказал, что недостаточно будет передать Дану только эти поручения. Безусловно Дан поставит ряд вопросов о силах правой организации, о том, что правая организация будет делать после прихода к власти. На это Рыков сказал: «вы можете заверить Дана, что мы располагаем достаточными силами в стране для того, чтобы свергнуть существующую у нас власть и захватить ее в свои руки». Причем он особо указал, что мы располагаем этими силами, в том числе среди видных ответственных военных работников. Второе, что он указал, что я могу заявить Дану, что правые после их прихода к власти установят правительство с учетом требований как II Интернационала, так и буржуазных правительств, и пойдут на соглашение с буржуазными правительствами как по

вопросам экономического порядка, так, если потребуется, и по вопросам территориального порядка. Как сейчас помню, Томский, присутствовавший при этой беседе, заявил, что антисоветские партии формально не существуют, но фактически они работу ведут, борются за свержение Советской власти. Мы,— говорил он,— не только должны их использовать, но и должны их привлекать к управлению государством.

Вышинский. Подсудимый Рыков, перед поездкой Чернова в Берлин вы виделись с Черновым?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы с Черновым разговаривали в присутствии Томского или с глазу на глаз?

Рыков. В присутствии Томского.

Вышинский. Вы давали поручения Чернову связаться в Берлине с Даном?

Рыков. Да.

Вышинский. В каких целях?

Рыков. Насколько я помню, было две: во-первых, освещение в заграничной печати положения в деревне, недовольства крестьян...

Вышинский. В какой печати?

Рыков. В зарубежной печати.

Вышинский. В какой именно?

Рыков. Я не перечислял ни партий, ни газет, имел в виду печать и социалистическую, и буржуазную.

Вышинский. И меньшевистскую?

Рыков. Да.

Вышинский. Может быть специально «Социалистический вестник»?

Рыков. В частности и его.

Вышинский. А кстати сказать, вам вообще не приходилось за этот период времени направлять в «Социалистический вестник» какие-нибудь корреспонденции непосредственно или через кого-нибудь?

Рыков. У меня была связь с «Социалистическим вестником» через Николаевского.

Вышинский. У вас была связь с «Социалистическим вестником», значит вы являлись корреспондентом «Социалистического вестника»?

Рыков. Я давал материал.

Вышинский. Это и есть корреспондент?

Рыков. Корреспондентом считается тот, кто пишет.

Вышинский. А вы не писали, вы только давали материал. Вы были сокорреспондентом?

Рыков. Это вопрос слов и стиля.

Вышинский. Да, но смысл таков. Вы имели связь с «Социалистическим вестником» и снабжали его разного рода материалами. Какими материалами?

Рыков. Эти материалы касались, главным образом, того же вопроса, о котором говорил Чернов, в период 1928—1930 годов,

в связи с теми затурднениями кулацкого порядка, которые партия в то время преодолевала.

Вышинский. Этот материал был тенденциозно подобран?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Может быть клеветнического характера?

Рыков. Тенденциозный и клеветнический — одно переходит в другое очень легко.

Вышинский. Я спрашиваю, переходил ваш материал из тенденциозного в клеветнический?

Рыков. Тут трудно установить разницу между этими понятиями.

Вышинский. Одним словом, и то и другое?

Рыков. В таком остром вопросе, как этот, всякая тенденциозность является клеветнической.

Вышинский. Вы в то время какую занимали должность?

Рыков. Я в то время был председателем Совета Народных Комиссаров Союза ССР и РСФСР.

Вышинский. И одновременно направляли в «Социалистический вестник» материал клеветнического характера? Правильно я вас понимаю?

Рыков. Совершенно правильно.

Вышинский. Похвальное занятие!

Рыков. Если бы это было похвальное занятие, я бы не имел несчастья разговаривать сейчас с вами.

Вышинский. Это совершенно правильно.

Рыков. Теперь о второй задаче. Чернов очень ускоряет события, так как в данном случае вопрос о захвате власти, который стоял у нас и который и я ставил, относится не к 1928 году, а к началу 1930 года. Тогда я этого не говорил и не мог говорить, потому что сказал об этом через 2—3 года, а в то время вопрос об этом не стоял.

Вышинский. Тогда позвольте установить, что именно вы говорили в то время. Вы говорили о двух целях. Первая цель — это осведомление Дана о внутреннем положении СССР?

Рыков. Да, через Дана стараться дать определенные тенденциозные сообщения о положении в деревне и политике партии в деревне.

Вышинский. Это одна задача, а другая?

Рыков. Вторая задача — получить поддержку со стороны партий II Интернационала в нашей позиции, занимаемой нами в этом вопросе.

Вышинский. Расшифруйте, пожалуйста.

Рыков. Позиция наша в 1928—1929 годах была такова: борьба, главным образом, в легальных формах, выражавшаяся в выступлениях Бухарина, в борьбе с Центральным Комитетом, в использовании съездов профсоюзов, и мы имели только первый этап создания нелегальной организации, которая начала создаваться, но еще не была решающей в нашей борьбе с Центральным Комитетом.

Вышинский. Это я понимаю. Но когда вы говорите о том, что Чернов и Дан ставили вопрос перед партиями II Интернационала

о поддержке вашей борьбы, что вы имеете в виду? В каких формах эта борьба выражалась, в чем должен был вас поддержать II Интернационал?

Рыков. Добиться такого давления через общественную организацию буржуазных государств на Центральный Комитет ВКП(б), чтобы он изменил свою политику. В период 1928 года эта возможность и эти надежды еще не были потеряны у меня, так же как и у других членов организации.

Вышинский. Следовательно, вот эти две задачи перед вами стояли и в этой области вы давали поручения Чернову?

Рыков. Да. И он потом мне сообщил непосредственно, или через третье лицо — точно я сейчас этого не помню, о том, что это поручение он выполнил.

Вышинский. Когда это было вам сообщено?

Рыков. Это было после возвращения Чернова месяца через три-четыре.

Вышинский. А в 1930 году у вас был с Черновым особый разговор, когда вы поставили вопрос о свержении Советской власти?

Рыков. С Черновым я не помню такого разговора, но возможность подобного разговора, конечно, не исключена.

Вышинский. Раз вы ставили такую задачу, конечно, эта возможность не была исключена.

Подсудимый Чернов, вы считаете правильным то, что говорил здесь подсудимый Рыков?

Чернов. Подтверждаю, но считаю, что Рыков говорит полуправду. Он умалчивает перед судом о том, что давал мне поручения к Дану о том, чтобы не только говорить относительно помощи самих социалистических партий, входящих во II Интернационал, но и о том, чтобы Дан через лидеров II Интернационала добился у буржуазных правительств усиления враждебного отношения к Советскому Союзу.

Вышинский. Так вы понимали поручение Рыкова?

Чернов. Да, я так понимал, так это и было.

Вышинский. Это недалеко одно от другого.

Чернов. Это недалеко, но это полуправда.

Вышинский. Подсудимый Рыков, вы настаиваете на своем показании?

Рыков. Да, настаиваю.

Вышинский. Стало-быть, в такой острой постановке вы этого указания в тот период не давали?

Рыков. Этот вопрос встал позже.

Вышинский. Следовательно, вы, подсудимый Чернов, утверждаете, что основная задача и основное поручение, которое давал вам подсудимый Рыков, заключались не столько в информации, сколько в организации помощи со стороны враждебных СССР империалистических государств, — вы так утверждаете?

Чернов. Да, да, утверждаю.

Вышинский. Вам впоследствии приходилось говорить с Рыковым на подобного рода темы?

Чернов. Да, приходилось. Я потом об этом расскажу.

Вышинский. Расскажите сейчас.

Чернов. По возвращении из-за границы я виделся с Рыковым и передал ему, как выполнено мною поручение, данное мне к Дану.

Вышинский. А вы выполнили это поручение?

Чернов. Выполнил. Я повидался с Даном, сообщил поручение от правого центра и получил ответ не сразу, потому что Дан сказал, что сразу он не может дать ответ, а должен посоветоваться с руководителями II Интернационала. Через несколько дней, при второй встрече я получил от Дана положительный ответ на все эти вопросы.

Вышинский. И вы об этом сообщили Рыкову?

Чернов. Да, я об этом сообщил Рыкову.

Вышинский. С глазу на глаз?

Чернов. Да.

Вышинский. Можно Рыкова спросить по этому поводу? Вы подтверждаете это?

Рыков. Я уже сказал, что он при возвращении, я не помню, лично или через третье лицо, сказал, что он поручение выполнил.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Чернов.

Чернов. Я еще позабыл сказать о том, что при этом же свидании не от Рыкова, а от Томского я получил поручение создать правую организацию из моих знакомых, если таковые имеются среди сотрудников торгпредства и полпредства в Германии, что я тоже выполнил по приезде в Германию, встретившись с Яновицким. Я узнал от него, что он разыскал Кибрика, знает его телефон и адрес, и я могу с ним там связаться. По приезде в Берлин я позвонил Кибрику, и мы условились с ним встретиться в баварском зале ресторана «Фатерланд». Эта встреча там с ним и произошла. Встретились мы с Кибриком довольно радостно, как старые знакомые. В беседе я ему изложил, как своему хорошему товарищу, о своих настроениях, политических, конечно, и поставил между прочим перед ним вопрос о том, что мне очень необходимо увидеться с Даном и сказал, для каких целей мне это нужно. Кибрик сказал, что эту встречу он мне устроит.

Вышинский. Встреча состоялась?

Чернов. Да, я сейчас расскажу все это подробно. Мы условились, что Кибрик устроит мне эту встречу с Даном в Кенигштейне, куда я поехал для лечения, и встреча в Кенигштейне состоялась. Ко мне зашел Кибрик, и мы с ним пошли в гостиницу, где Дан остановился, и там встреча у меня была с Даном с глазу-на-глаз, так как Кибрик ушел. Я рассказал Дану относительно положения внутри Советского Союза, в мрачных красках описал положение сельского хозяйства на Украине и передал Дану все поручения, которые я от правого центра, в лице Рыкова, получил.

Дан ответил, что он считает предложение правого центра вполне приемлемым, «но должен, — говорит, — вам задать особый вопрос. Я вас давно знаю. Как вы сами оцениваете силы правой организации?» Я ему на это ответил, что правые

обладают достаточными силами для того, чтобы власть захватить и удержать, в том числе указал и на наличие достаточных связей среди военных работников. На это мне Дан ответил, что тут, дескать, вы неправы. Если правые власть и захватят, то удержать власть хоть сколько-нибудь длительно без надлежащей помощи, и, прежде всего, вооруженных сил со стороны капиталистических государств, не удастся. Кроме того, вы должны, дескать, вести свою работу таким образом, чтобы подорвать экономическую и политическую мощь Советского Союза. Причем, как сейчас помню, выражение, которое им было допущено,— что вы, говорит, не должны останавливаться ни перед какими средствами. Тот, кто борется за свержение власти и останавливается перед теми или другими средствами, является политическим Маниловым, и нужно капиталистическим государствам оказывать помощь в их борьбе против Советского Союза уже сейчас. Вот результаты встречи с Даном. Через несколько дней я получил приглашение от Кибрика ехать в Берлин. Я приехал. Эта вторая встреча с Даном состоялась на квартире Кибрика. Дан сказал, что он успел связаться с лидерами II Интернационала и просил меня передать Рыкову о том, что лидеры II Интернационала вполне приемлют те предложения, которые я им от имени правого центра передал. Тут же Дан опять вернулся к вопросу о том, что без помощи вооруженных капиталистических правительств не удастся удержать власть правых. Опять подчеркнул, что вы, дескать, в частности, как член правой организации, борющейся против Советской власти, должны помогать капиталистическим государствам в их борьбе против Советской власти, поскольку ваши цели сходятся. Я задал вопрос: в чем эта помощь может выражаться? Дан на это не дал прямого, определенного ответа, а ответил так, что помощь может быть самая различная, встретится она в вашей жизни, вы эту помощь должны оказать. Еще я поставил перед Даном вопрос о том, как установить связь между правым центром и между ним, Даном, на последующее время. На это мне Дан ответил, что вы, дескать, об этом не беспокойтесь, Рыков найдет возможность установления этой связи. Но, я, говорит, хочу, чтобы вы лично поддерживали связь со мною через Кибрика. Вот результат этой моей встречи с Даном.

После беседы с Даном, происходившей, как я сказал, на квартире Кибрика, Дан уехал, а мы с Кибриком остались ужинать. После ужина я должен был поехать на вокзал. За ужином сильно выпили. Кибрик, сославшись на какую-то особую занятость, сказал, что он не может меня проводить на вокзал, и посадил меня в автобус, и я поехал для того, чтобы отправиться обратно в Кенигштейн.

Вышинский. На вокзал попали?

Чернов. Нет, не попал, а попал в полицей-президиум. В автобусе, в котором я ехал, ко мне пристало несколько немцев. Один из них меня толкнул, я его тоже в свою очередь толкнул.

Вышинский. Крепко?

Чернов. Ну, я не так физически силен, чтобы крепко толкнуть, во всяком случае толкнул насколько было сил

Вышинский. Ну и что же случилось?

Чернов. Случилось то, что меня схватили три немца, остановили автобус, пересадили в такси и повезли в полицей-президиум.

Я в полицей-президиуме протестовал и требовал, чтобы меня выпустили. Мне сказали, что я должен дожидаться утра и прихода начальника. Я переночевал там. Утром явился какой-то чиновник, хорошо говоривший по-русски, которому я тут же заявил протест. Он говорит, что должен доложить начальнику. Через некоторое время явился человек. Он назвался полковником Обергауз. Он вынул протокол, перевел мне его — я обвинялся в изувечении немцев и что за это я должен отвечать как уголовный преступник, а кроме того, копию этого протокола, сказал мне, направят в наше полпредство, и тут же предложил мне стать сотрудником немецкой охранки, немецкой разведки. Я отказался. Тогда Обергауз сказал, — что, я, дескать, знаю кое-что о ваших делах в Германии. Я спросил, что? Он ответил — о ваших встречах с Даном, и показал мне несколько фотокарточек встреч с Даном, снятых как в Кенигштейне, так и в Берлине и, кроме того, передал мне коротко содержание беседы с Даном.

Вышинский. Чьей?

Чернов. Моей беседы с Даном. Причем в этом изложении было ясное повторение слов Дана. Тогда для меня стало абсолютно ясно, что та ловля меня, которая происходила в Германии, организовывалась немецкой разведкой при полном содействии самого Дана и при участии Дана, и что сам Дан безусловно является агентом немецкой разведки, равно как Кибрик.

Вышинский. А то, что вам было предъявлено в полиции, соответствовало действительности?

Чернов. Протокол? Он был составлен тенденциозно, увечить человека я не мог.

Вышинский. Относительно разговора с Даном?

Чернов. Это соответствовало тому, о чем действительно с Даном говорили.

Вышинский. А разговор с Даном у вас был в присутствии кого?

Чернов. В Кенигштейне разговор был с глазу-на-глаз. Кибрик привел меня в комнату Дана и сам ушел.

Вышинский. Значит, полицейский чиновник мог знать разговор от вас или от Дана?

Чернов. Да.

Вышинский. Если вы не могли передать разговор, значит полицейский знал об этом от Дана, а если Дан сообщил это полиции, значит он — сотрудник полиции?

Чернов. Да, иначе он бы не передавал.

Я после этого дал согласие и стал немецким шпионом.

Вышинский. Значит, сами попались?

Чернов. Да. После этого начались формальности, анкеты, подписка. Обергауз проинструктировал меня о той работе, которую я должен вести в Советском Союзе в пользу Германии. Причем, видя то волнение, в котором я находился, он говорил: вы на-

прасно волнуетесь. Вы боретесь против Советской власти, мы боремся против Советской власти и наверное даже методы нашей борьбы в ближайшее время сойдутся.

Вышинский. Это вас успокоило?

Чернов. Не успокоило.

Вышинский. Но он вас успокаивал?

Чернов. Задания, которые давал Обергауз, сводились к тому, что я должен давать систематические информации немецкой разведке по тем вопросам, которые ее интересуют и которые будут даваться через представителя немецкой разведки в Москве, и должен организовать диверсионно-вредительскую работу на том участке, на котором я работал. Так как я в то время работал по хлебозаготовкам, то в первую очередь я должен был вредить в хлебозаготовках.

Вышинский. В чем выразилось ваше сотрудничество с германской разведкой?

Чернов. Мне советовал Обергауз, во избежание провала, не расширять сильно связь с правыми, а держать связь с ограниченным количеством людей и закрепить эту связь. Тут же Обергауз сказал, что в течение некоторого времени меня в Москве не будут беспокоить, давая возможность наладить мою разведывательную работу в Советском Союзе. И действительно, сначала ко мне никто не являлся. Прошло несколько месяцев, и в 1930 году у меня произошла встреча с представителем немецкой разведки.

Вышинский. Как же она произошла?

Чернов. Я работал тогда, — не помню, заместителем наркома или членом коллегии Наркомторга. Ко мне позвонили из информбюро Наркоминдела и сообщили, что корреспондент немецкой газеты «Берлинер-Тагеблат» Пауль Шефер должен со мной поговорить по вопросам информации. Я должен сообщить ему сведения, которые не являются секретными. Действительно, через некоторое время ко мне явился Шефер и сказал, что он явился от полковника Обергауза и назвал мне пароль «Рейнольд»; это была моя кличка, как немецкого шпиона. Я спросил Шефера, что требуется полковнику Обергаузу? В данное время он потребовал от меня информации по вопросам внутрипартийной жизни, по вопросам состояния работы среди правых троцкистов, о положении в деревне. Кроме этого, потребовал специальные сведения о запасах промышленных товаров. Особенно интересовался он запасами промышленных товаров в городе. Потребовал сведения о ходе хлебозаготовок и о мобилизационных запасах хлеба. Одну часть требуемых сведений — информации о положении в партии, о работе среди правых — я ему тут же передал словесно, а сведения цифрового порядка передал ему через несколько дней.

После этого у меня был ряд периодических встреч с Шефером. Я передавал для немецкой разведки информации, и через него получал от немецкой разведки указания об организации вредительской работы. Я имел особенно продолжительную

беседу с Шефером по вопросу организации вредительской работы в области заготовок и хлебоснабжения. Основное задание, которое немецкая разведка мне тогда дала, заключалось в том, чтобы организовать порчу хлеба в стране. Для этого надо было задержать строительство складов и элеваторов, чтобы создать разрыв между растущими хлебозаготовками и складской емкостью, и тем самым, как говорил Шефер, добиться двух вещей: во-первых, самой порчи хлеба и, во-вторых, вызвать озлобление крестьян, которое неминуемо, если они увидят, что хлеб гибнет. Требовалось также организовать сплошное заражение хлебных складов амбарными вредителями и, особенно, клещем. Шефер особенное требование предъявлял к организации заражения амбарными вредителями и клещем мобилизационных запасов. Эти задания, полученные от Шефера, мною выполнялись. Затем Шефер из СССР уехал. Перед отъездом он сообщил мне о том, что, ввиду опасности провала, он должен уехать в Германию, но немецкая разведка не преминет со мной связь установить.

Моя связь с представителями немецкой разведки снова восстановилась уже тогда, когда я перешел на работу в Комитет заготовок. Шпионско-вредительская работа особенно усилилась с моим назначением наркомом земледелия. Через несколько месяцев после назначения меня наркомом земледелия Союза ко мне в Наркомзем явился некий Райвид — мой товарищ по меньшевистской организации в Иванове, работавший в Наркоминделе в течение длительного периода. Мы с ним изредка встречались, поэтому я не удивился тому, что он зашел ко мне в Наркомзем. Но когда мы с ним остались в кабинете одни, он сказал: «Нам надо с вами серьезно поговорить, Рейнольд». Этим все было расшифровано, все стало ясным. Оказалось, что Райвид является резидентом немецкой разведки в Советском Союзе и получил от Обергауза указание установить со мной связь. Мы встречались с Райвидом неоднократно. Когда я пришел на работу в Наркомзем, наши встречи были посвящены тому, чтобы разработать подробную программу вредительской и диверсионной работы в области сельского хозяйства по основным, узловым вопросам. Эта программа, разработанная на основе требований немецкой разведки, заключала в себе вредительство: по семенам, по севообороту, по машинно-тракторным станциям, по животноводству, причем особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства, с тем, чтобы, как Райвид говорил, не дать лошадей для Красной Армии. В части, касающейся семян, мы включили в свою программу — запутать семенное дело, смешать сортовые семена и тем самым понизить урожайность в стране. В части, связанной с севооборотом, путем неправильного планирования посевных площадей поставить колхозное крестьянство в такое положение, при котором колхозники фактически не могли бы осуществлять правильный севооборот и были бы вынуждены занимать под посевы луга и пастбища. Это должно было привести к уменьшению урожая в стране и, вместе с тем, вызывало бы озлобление крестьян, которые никак не могут понять, почему их заставляют распахи-

вать луга и пастбища, когда колхозы хотят развивать животноводство и нужна кормовая база.

Что касается МТС, то здесь была поставлена задача — выводить из строя тракторы, комбайны, сельскохозяйственные машины, запутать финансовое хозяйство МТС, для чего сажать во главе МТС людей негодных, провинившихся и, прежде всего, членов нашей правой организации.

В части животноводства были поставлены задачи — вырезать племенных производителей, добиваться большего падежа скота, не давать развиваться кормовой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное заражение скота различного рода бактериями.

Вышинский. Скажите более подробно о падеже скота, откуда получали бактерии, какие и так далее.

Чернов. Я должен сказать о том, что рассказывал и Рыкову при своих встречах с ним в 1935 году. Я говорил, что мною подготовлены такие-то диверсионные акты и получил одобрение со стороны Рыкова.

Мною были проведены следующие диверсионные акты. Для того, чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику Ветеринарного управления Гинзбургу, участнику организации правых, а через него начальнику Ветеринарного снабжения, также участнику организации правых, не завозить противоязвенные биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовка эта велась в 1935 году, и когда весной 1936 года там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было погублено — я точно не могу сказать, — во всяком случае, больше 25.000 лошадей.

Второе. Я поручил Гинзбургу и заведующему бактериологическим отделом Бояршинову произвести искусственное заражение в Ленинградской области свиней рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — чумой. Выбрал я эти две бактерии потому, что прививка эта производится свиньям не убитыми микробами, а живыми, только ослабленными. Поэтому технически организовать искусственное заражение было довольно просто. Во-вторых, потому, что по этим двум болезням существует правильный порядок, при котором в случае заболевания чумой в той или иной местности подлежит поголовной прививке все находящееся в этой местности поголовье свиней. Это давало возможность сразу придать массовый характер этому заболеванию.

С этой целью были выделены, по моему предложению, три фабрики: Кашинцевская, Орловская и Ставропольская. Там были изготовлены биопрепараты с неослабленными бактериями под особыми номерами серий. Номера этих серий были сообщены Бояршинову, который сообщил их на места тем начальникам ветуправлений, на которых можно было положиться в этом случае, а они в свою очередь передали их в районы тем ветврачам, ко-

торые были антисоветски настроены и в случае большого падежа скота не стали бы поднимать большого шума.

Таким образом, эти биопрепараты были завезены и искусственная прививка была произведена в этих трех областях.

Трудно оценить результаты, но во всяком случае нужно считать, что благодаря этому диверсионному акту было погублено несколько десятков тысяч свиней.

Вышинский. Это все?

Чернов. В части, касающейся диверсионных актов, это все. В части, касающейся моих связей с немецкой разведкой, я добавить ничего не имею и хотел бы вернуться к продолжению показаний о моих связях с правым центром и с Рыковым.

Вышинский. Еще один вопрос по части связей с немецкой разведкой. Вы получали какие-нибудь деньги от разведки?

Чернов. Да, я совершенно упустил это из виду.

Вышинский. Ну, конечно, это такой маловажный вопрос, вы о нем забыли.

Чернов. Это вопрос, конечно, немаловажный, но я его упустил из виду. Я в Берлине получил 2 тысячи марок...

Вышинский. А всего сколько?

Чернов. Примерно около 30 тысяч в немецких марках и около 150 тысяч рублей советскими рублями. Значительная часть этих денег была использована на мои личные нужды, а некоторая часть — для подкупа членов правой организации, которых я считал нужным подкупить.

Вышинский. Таким образом, часть полученных денег была использована для подкупа, а большая часть — на свои личные нужды?

Чернов. Абсолютно правильно.

Вышинский. Стало быть, можно сказать, что вы не только попали в ловко расставленные сети немецкой разведки, но что вы сознательно продавались за деньги врагам?

Чернов. Абсолютно точно.

Вышинский. Расскажите о ваших дальнейших связях с Рыковым.

Чернов. Продолжаю насчет своих связей с правой организацией и с Рыковым. Кроме тех встреч с Рыковым, о которых я рассказывал, я имел следующую встречу с ним в декабре 1930 года. Был я вызван им самим, встреча происходила у него на квартире. При этой встрече было очень радужное настроение у Рыкова и у Томского, который тоже присутствовал при этой встрече.

Настроение было такого порядка, что неминуемы в ближайшее время крестьянские восстания, которые помогут при надлежащем руководстве со стороны правой организации перейти к захвату власти в стране. Тут же Томский между прочим сказал о том, что сейчас правый центр принял меры к тому, чтобы добиться получения некоторых видных постов представителями правой организации. Нам, дескать, это очень нужно для совершения «дворцового переворота» в стране. Тут же от Рыкова я получил и указание об организации вредительской работы. Задача, ко-

торую Рыков поставил передо мной в этом деле, должна была заключаться в том, чтобы путем распространения на середняцкие массы деревни репрессивных мер, установленных для кулаков, вызвать озлобление крестьянства против политики партии и против Советской власти и путем дезорганизации снабжения хлебом вызвать недовольство среди рабочего населения.

Следующий раз я встретился тоже по приглашению Рыкова с ним, кажется, в октябре, но во всяком случае осенью 1932 года. Эта встреча происходила в тот момент, когда в деревне произошло резкое изменение. Колхозное движение окрепло, кулачество было разгромлено и деревня уже начала реально ощущать результаты индустриализации страны. Хотя Рыков внешне и старался казаться спокойным человеком, но видно было, что он ошеломлен неудачей тех политических прогнозов, которые он до этого делал, и он в беседе со мной поставил вопрос таким образом, что нам нужно еще дальше уйти в подполье и ориентироваться в деле захвата власти на совершение «дворцового переворота». Я ему сказал: о «дворцовом перевороте» вы говорили и в 1930 году со мной, в чем же разница между установкой 1930 года и установкой 1932 года? Он мне ответил: «разница в том, что в 1930 году это был один из возможных вариантов, а сейчас это наиболее решающий и наиболее важный вариант для захвата власти». Как он говорил, мы должны путем «дворцового переворота», то есть ареста и убийства руководителей партии и правительства, захватить власть в стране.

Вышинский. Это уже вторая встреча после 1930 года?

Чернов. Первая встреча была в 1930 году, а это было в 1932 году.

Вышинский. Следующая встреча когда была?

Чернов. Следующая встреча была в 1934 году, через несколько месяцев после назначения меня наркомземом Союза. Происходила она по вызову Рыкова, у него на даче. Эта встреча была у нас с глазу-на-глаз. И содержание этой встречи относилось, главным образом, к вопросам организации моей работы, как члена правой организации, в связи с моим назначением в Наркомзем Союза. Здесь Рыков поставил передо мной задачу, сводившуюся к тому, что я должен организовать свою работу так, чтобы добиваться подрыва колхозного строя, а для этого вести руководство колхозами так, чтобы не было заинтересованности у колхозника в участии в колхозном производстве. А для этого вести колхозное хозяйство так, чтобы колхозник, как он говорил, получал гроши за трудодни. Конкретно мы всего плана вредительской работы не устанавливали и условились о том, что я вместе с узкой группой членов правой организации Наркомзема разработаю и начну проводить конкретный план вредительских мероприятий в области сельского хозяйства.

Следующая и последняя моя встреча с Рыковым состоялась или в конце 1935 года, — я точно не помню, — или в начале 1936 года. Это было в период, когда происходили известные кремлевские совещания руководителей партии и членов правительства с передовиками сельского хозяйства. При этой встрече

указания Рыкова сводились к следующему. Он говорил, что мы, дескать, не можем не учитывать того роста и укрепления колхозов, которые имеются в стране, и того роста новых колхозных кадров, которые на этих совещаниях выявлены. Но это, дескать, отнюдь не означает, что у нас нет сил в деревне, которые мы могли бы организовать. И в качестве этих сил указывал кулацкие элементы в лице возвращенцев из спецпоселений и антисоветски настроенные элементы из старой сельской интеллигенции: агрономов, врачей, зоотехников и так далее. Эти, дескать, силы мы должны всячески мобилизовать и использовать для нашего дела. И особо подчеркивал, что для возможности захвата власти правых в стране имеются только два выхода: это насильственное устранение руководства партии и руководства правительства, то есть, их арест или убийство, или то и другое вместе. И особенно он упирал на необходимость поражения Советского Союза в войне с капиталистическими странами, в случае нападения последних на нас, и в этом свете особо указывал на всю важность организации вредительской и диверсионной работы, говоря, что раз нам необходимо поражение Советского Союза для завоевания власти в стране, то мы это поражение должны ускорить, а равно ускорить и самое наступление войны путем уменьшения экономической и оборонной мощности Советского Союза. Вот к этому сводилась наша беседа в 1935 году. Повторяю, что при этой встрече о тех диверсионных актах, о которых я говорил, в частности, об искусственном заражении скота, я сообщил Рыкову, как равно при каждой встрече информировал его о той вредительской работе, которая мною организовалась как в области работы по хлебозаготовкам в Комитете Заготовок, так и в области Наркомзема, в области сельского хозяйства.

Вышинский. Это все? Значит, в 1936 г. вы имели последнюю встречу с Рыковым?

Чернов. Или в конце 1935 года или в начале 1936 года. Я должен добавить: тут как раз Рыков мне сказал, что дальше он не может со мною встречаться, так как боится провала, так как установлена очень большая слежка за ним, и сказал, чтобы я установил связь с другим запасным центром через Любимова.

Вышинский. Значит, первая ваша заговорщическая встреча с Рыковым была в 1928 году, а последняя в 1936 году или в конце 1935 года?

Чернов. Правильно.

Вышинский. Значит, в 1928 году вы с Рыковым встречаетесь и говорите с ним о вашем участии в борьбе против Советской власти?

Чернов. Правильно.

Вышинский. Вы выполняете его поручение во время поездки за границу по связи с Даном?

Чернов. Да.

Вышинский. В 1929 году вы с ним встречаетесь?

Чернов. В 1929 году на короткое время для информации.

Вышинский. В 1930 году вы опять имеете с ним встречу на той же почве ваших общих преступлений?

Чернов. Да.

Вышинский. В 1932 году вы опять имеете встречу на почве тех же ваших общих преступлений?

Чернов. Да.

Вышинский. В 1934 году вы вновь с ним встречаетесь на той же почве преступной общей деятельности и наконец в конце 1935 года или начале 1936 года вы встречаетесь с ним также на той же общей почве преступной деятельности и дальше с ним прерываете связь по конспиративным соображениям?

Чернов. Да.

Вышинский. Ваши встречи с Рыковым носили характер получения указаний и инструктажа со стороны Рыкова в отношении вашей преступной деятельности. Так это?

Чернов. Так.

Вышинский. Это не было связано с официальным положением обвиняемого Рыкова?

Чернов. Абсолютно нет.

Вышинский. Вы, будучи назначены народным комиссаром земледелия СССР, отправляетесь к человеку, занимавшему пост наркомпочтеля, и получаете какие-то указания. Значит, связь исключительно преступная?

Чернов. Исключительно преступная.

Вышинский. Исключительно преступная связь в области организации преступлений против Советской власти и против партии.

Позвольте спросить подсудимого Рыкова.

Подсудимый Рыков, вы согласны с оценкой вашей связи с Черновым?

Рыков. После того свидания, при котором он информировал о свидании с Даном. Все последующее, что излагал здесь Чернов, я лично припомнить не могу, хотя многое из того, что он говорит и излагает, совпадало и совпадает с теми контрреволюционными установками и той контрреволюционной работой, которой я в соответствующее время занимался, но относительно «дворцового переворота» я не допускаю, чтобы я мог информировать Чернова об этом, потому что это было для нас величайшей степени конспирацией, и я мог информировать тех людей, которые будут непосредственно привлечены к этому делу. А что касается других вопросов, которые он задел, я не возражаю. А по существу, когда до меня дойдет очередь, я скажу о тех формулировках, о которых говорил Чернов. Я скажу о своей контрреволюционной и изменнической работе, которую я вел.

Вышинский. Значит, по существу, то, что он говорит, — правильно?

Рыков. Да, но относительно последнего свидания я не знаю.

Чернов. Как он мог забыть, Алексей Иванович, об этих трех свиданиях.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, у вас в тот период времени с 1930 по 1936 годы были встречи и с другими лицами в вашей преступной деятельности?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Многочисленные встречи?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Значит, вы могли забыть, с кем говорили и о чем?

Рыков. Но что говорил Чернов, чтобы целиком все забыть, 5—6 встреч, этого не может быть.

Вышинский. Подсудимый Рыков, таких, как Чернов, у вас соучастников было много?

Рыков. Это была моя ошибка, но я его к очень крупным соучастникам не причисляю. Он по дороге из ресторана на вокзал успел попасть в полицей-президиум.

Вышинский. Вот, скажем, скамья подсудимых, здесь не мало ваших соучастников, Чернов один из них?

Рыков. Да.

Вышинский. А у вас, подсудимый Чернов, таких руководителей, как Рыков, было много?

Чернов. Кроме Рыкова и немецкой разведки — никого.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Чернов. У меня есть вопрос к Рыкову.

Как вы не можете объяснить, ведь вы — один из главнейших руководителей правого центра, а я являюсь народным комиссаром земледелия.

Вышинский. Являлись.

Чернов. Да, являлся. То есть я руковожу сельским хозяйством. Вы знаете о том, что я — член вашей организации, и как вы могли допустить, имея члена своей организации на посту наркома земледелия, не вызвать его к себе для переговоров по вопросу об использовании моего положения в целях правой организации.

Простите, пожалуйста, за грубость: или вы — плохим были руководителем правой организации, чего я не думаю, или не хотите сознаваться. Никак в голову не лезет, чтобы забыть. Я не хочу сказать, что я был большим человеком и так далее, но чтобы забыть встречу с наркомом земледелия по вопросам вредительской работы — очень трудно.

Вышинский. Обвиняемый Чернов, вы эти встречи хорошо помните?

Чернов. Хорошо помню, часть выражений хорошо помню. То, что я рассказал суду, повторяю, я рассказал всю правду.

Председательствующий. Обвиняемый Рыков, на вопрос Чернова желаете ответить?

Рыков. Он слишком хорошо ответил. Может быть я должен был действовать так, как он говорит. У меня вышла ошибка.

Председательствующий. На этом сегодняшнее заседание заканчивается. Завтра продолжение заседания в 11 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Утреннее заседание 3 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь.

Заседание Военной Коллегии Верховного Суда СССР продолжается.

Переходим к допросу подсудимого Иванова.

Подсудимый Иванов, показания, которые вы давали на предварительном следствии о вашей антисоветской деятельности, подтверждаете?

Иванов. Целиком и полностью подтверждаю. Признаю себя ответственным и виновным в совершении тягчайших преступлений. Я был одним из активных работников группы правых, «право-троцкистского блока». За эти тягчайшие свои преступления я готов нести любую ответственность, которую советское правосудие найдет нужным на меня наложить, и принять все возможные и зависящие от меня меры, поскольку мои способности к этому позволят, чтобы разоблачить всю свою предательскую деятельность и вскрыть всю подлость, гнусность и измену всему Советскому Союзу, партии и народу, изменническую, предательскую деятельность «право-троцкистского блока» и группы правых.

Председательствующий. Вопросы у вас есть, товарищ Прокурор?

Вышинский. Подсудимый Иванов, вы признаете себя участником подпольной право-троцкистской антисоветской организации?

Иванов. Признаю себя активным участником.

Вышинский. Расскажите, при каких обстоятельствах и когда вы вступили в эту подпольную антисоветскую организацию.

Иванов. Может быть мне будет позволено дать некоторые критерии, что создало обстановку и толкнуло меня на этот путь?

Вышинский. Я об этом и спрашиваю.

Иванов. Первое мое грехопадение началось в 1911 году, когда я был учащимся тульской гимназии, в 8-м классе. Царской охранке удалось меня завербовать в качестве своего агента.

Вышинский. Как именно вас завербовали?

Иванов. Я был очень бузотерным элементом в гимназии, мне несколько раз грозило исключение из гимназии в 8-м, последнем, классе.

Вышинский. С каким именно учреждением вы были связаны как охранник, в каком городе?

Иванов. В городе Туле. Первое предательство я совершил следующим образом...

Вышинский. Я вас спрашиваю: с каким учреждением вы оказались связанным?

Иванов. С жандармским охранным управлением в городе Туле.

Вышинский. Значит, с губернским жандармским управлением в Туле?

Иванов. Да, в самом городе Туле.

Вышинский. В чем выразилась ваша работа и деятельность как агента охранки?

Иванов. В Туле я был участником большой завирухи, которая была у нас в 8-м классе и которая привела к удалению учительницы немецкого языка, очень ненавистной гимназистам. Я тоже был одним из активных участников этого удаления. Я выдал группу участников, которые организовали это дело, — некоего Фромерда и Юдина.

Вышинский. А далее?

Иванов. Потом, перед поступлением в Московский университет и отъездом в Москву, я порвал связь с охранкой. Месяца за два-три до отъезда в Москву я уже не имел с нею сношения. В 1912 году я поступил в Московский университет. В университете в 1913 году я принимал участие в одной из забастовок. Меня из университета исключают; исключили тогда большую массу студентов. В Москве меня вновь связывает с собой охранное отделение.

Вышинский. В Туле вы с кем были персонально связаны?

Иванов. С ротмистром Маматказиным.

Вышинский. В течение какого времени вы были в Туле агентом охранного отделения?

Иванов. В конце 1911 года я был завербован и приблизительно в июне — июле 1912 года у меня порвалась связь...

Вышинский. Я хочу выяснить обстоятельства самой этой связи. Значит, в Туле вы были связаны с ротмистром Маматказиным как агент тульского жандармского управления. У вас была конспиративная кличка?

Иванов. Была: «Самарин».

Вышинский. У вас был шпиковский номер?

Иванов. Был: 163.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за свою работу?

Иванов. Получал вознаграждение и в Москве и в Туле.

Вышинский. Значит, вы были платным...?

Иванов. Платным агентом царской охранки.

Вышинский. Это начало вашей политической деятельности?

Иванов. Это позорная полоса в моей жизни.

Вышинский. Затем вы приезжаете в Москву, поступаете в Московский университет в 1912 году.

Иванов. Да.

Вышинский. Никаких неприятностей в связи с забастовкой у вас не было? Вы их ликвидировали своим предательством?

Иванов. Да.

Вышинский. Вы приезжаете в Москву, поступаете в Московский университет в 1912 году?

Иванов. Да.

Вышинский. На какой факультет?

Иванов. На медицинский.

Вышинский. Вы приезжаете в Москву и не привезли ли с собой связь с охранкой?

Иванов. Нет, эти связи у меня порвались.

Вышинский. В чем выразился разрыв ваших связей?

Иванов. Месяца за два до отъезда в Москву я не явился туда и меня больше не тревожили. Я не пошел на очередное свидание...

Вышинский. И вас не трогали?

Иванов. И меня не трогали.

Вышинский. Не то, что вы порвали эту связь, заявив, что не желаете работать?

Иванов. Нет, я просто не пошел и меня не трогали.

Вышинский. А если бы вас тронули?

Иванов. А если бы меня тронули так, как было дальше, когда мне все время угрожали тем, что разоблачат, я наверняка пошел бы.

Вышинский. Как это и случилось...

Иванов. Как это и случилось в 1913 году в Москве.

Вышинский. Таким образом, можно говорить не о разрыве ваших связей, а о временной приостановке вашей провокаторской деятельности по обстоятельствам, не вполне зависящим от вас.

Иванов. Правильно.

Вышинский. В 1913 году вы ведете активную работу в охранке.

Иванов. Да.

Вышинский. В Москве?

Иванов. Да.

Вышинский. С кем вы связываетесь?

Иванов. С ротмистром Грязновым и подполковником Колоколовым.

Вышинский. В чем выражалась ваша провокаторская работа?

Иванов. Я информировал о революционном движении в студенческих организациях, информировал об отдельных товарищах, которые вели революционную работу. Так, например, по гульскому землячеству я выдал революционеров Северного и Поморова. В 1916 году я выдал Каплуна — одного из активнейших участников революционной работы на медицинском факультете.

Вышинский. Кто этот Каплун?

Иванов. Он, по-моему, сейчас профессор по вопросам охраны труда.

Вышинский. Профессор социальной гигиены Московского университета?

Иванов. Не знаю, он работал, главным образом, в советских учреждениях, ученое звание он получил.

Вышинский. В то время он был студентом?

Иванов. Да, студентом последнего курса и одним из активнейших участников революционной работы. Он возглавлял наш старостат.

Вышинский. При каких обстоятельствах вы его выдали?

Иванов. Я точно не помню, было это в 1915 или 1916 году. Меня вызвал подполковник Колоколов и потребовал информацию о Каплуне, который был известен своей революционной деятельностью на медицинском факультете. С этого времени я и начал свою информацию. В 1916 году по инициативе Каплуна созывается собрание представителей студенческих организаций в связи с нарастанием революционной волны. Это нелегальное собрание я выдаю и тогда же выдаю Каплуна. Остаюсь у него ночевать и пытаюсь его сагитировать на то, чтобы он не уничтожал революционную литературу, так как я знал, что он этой же ночью должен быть арестован. Каплун оказался гораздо умнее меня и предупредительнее по отношению к охранке и литературу эту уничтожил еще до собрания. Арестован он был, но прямых улик, в частности революционной литературы, охранке найти не удалось, и Каплун после месяца отсидки был освобожден.

Потом я информировал о деятельности большевистской организации в Коммерческом институте. У меня там была связь с руководителем тамошних большевиков Тером.

Вышинский. Стало быть, вы проникли и туда?

Иванов. Да, я был связан с большевистской организацией этого института и передо мной была поставлена задача проникнуть туда и давать информацию.

Вышинский. Кем была поставлена такая задача?

Иванов. Подполковником Колоколовым.

Вышинский. Какую же информацию вы давали об этой организации?

Иванов. Я информировал о революционных настроениях, о том, кто является наиболее инициативными, активными людьми. Потом предупредил об одном собрании студентов с рабочими. На этом собрании должны были взять Тера, но он ухитрился выпрыгнуть в окно.

Вышинский. Из среды участников этой большевистской группы вы тоже выдали охранке некоторых лиц?

Иванов. Одного Тера выдал, но ему удалось ускользнуть.

Вышинский. У вас были еще какие-нибудь акты предательской работы в этот период времени?

Иванов. По-моему, это все.

Вышинский. Сколько времени вы состояли агентом московской охранки?

Иванов. С 1913 года по конец 1916 года.

Вышинский. Получали вознаграждение?

Иванов. Да, получал.

Вышинский. Какое же вознаграждение вы получали?

Иванов. В тульской охранке получал сначала 15, потом 20 рублей.

Вышинский. А в московской охранке?

Иванов. Получал сначала 30—40 рублей, а затем дошел до 60—75 рублей. В процессе улучшения качества моей работы моя ставка подымалась.

Вышинский. До конца 1916 года вы были связаны с московской охранкой. А с конца 1916 года?

Иванов. С конца 1916 года я порвал с охранкой.

Вышинский. Как в Туле порвали?

Иванов. Нет, я порвал решительно и для себя решил в случае нужды даже уйти из университета и скрыться.

Вышинский. Чем объясняется это ваше решение?

Иванов. Я вырос в таких условиях, так был связан с интересами революции и рабочего класса...

Вышинский. Как были связаны? Вы были связаны в обратном направлении.

Иванов. Когда я рос...

Вышинский. Вы в 8-м классе гимназии становитесь провокатором. В момент своего роста вы — провокатор.

Иванов. Да.

Вышинский. В 19 лет — провокатор.

Иванов. Да.

Вышинский. В 20 лет вы — провокатор.

Иванов. Да.

Вышинский. Весь рост ваш был в провокаторстве.

Иванов. Вы меня не поняли...

Вышинский. Я спрашиваю вас, почему вы в конце 1916 года решили порвать с охранкой?

Иванов. Меня это тяготило, с одной стороны, а с другой стороны, подымающаяся революционная волна и перспективы победы рабочего класса меня страшили, я боялся, что когда победит рабочий класс, документы охранки могут попасть в руки революционных организаций, и я буду разоблачен как провокатор.

Вышинский. Вот это другое дело. Вы просто испугались расплаты?

Иванов. Правильно.

Вышинский. Тогда причем здесь то, что вы были связаны с революционным движением?

Иванов. Нет, я не говорил, что с революционным движением.

Вышинский. Вы говорили о вашем революционном воспитании. Воспитание у вас совершенно определенное. Начали вы свое политическое воспитание под руководством ротмистра тульской охранки Маматказина, а закончили — под руководством Бухарина и Рыкова. Так я вас понимаю?

Иванов. Правильно.

Вышинский. Вот это ваше политическое воспитание.

Когда вы проникли в большевистскую партию?

Иванов. В 1915 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах? По личному побуждению?

Иванов. Было указание от подполковника Колоколова о том, чтобы я вступил в большевистскую партию.

Вышинский. Значит, вы вступили в партию по указанию подполковника московской охранки Колоколова?

Иванов. Да.

Вышинский. Это было служебное поручение?

Иванов. Никаких сомнений в этом нет.

Вышинский. В каких целях?

Иванов. В целях возможно более глубокого освещения деятельности большевистской организации.

Вышинский. С провокаторскими целями?

Иванов. Да, с провокаторскими целями.

Вышинский. Как вы считали свой партийный стаж?

Иванов. В анкетах я писал, что я член партии с 1915 года.

Вышинский. А о том, что вы вступили в партию по поручению подполковника Колоколова, это, конечно, вы оставляли при себе?

Иванов. Этого я никому не рассказывал.

Вышинский. До какого момента?

Иванов. До момента моего ареста.

Вышинский. Скажите пожалуйста, вы имели связь с группой «левых коммунистов»?

Иванов. Да.

Вышинский. А кто вас вовлек в эту группу?

Иванов. Здесь никто меня не привлекал по сути дела, потому что самое мое грехопадение и страх, что я могу быть разоблачен при Советской власти, меня толкали и гнали в стан врагов, и я, как ворон, летящий по запаху на падаль, вливаюсь во всякие враждебные группы, которые борются с Советской властью, потому что я рассчитывал, что тогда при реставрации власти буржуазии я не буду разоблачен.

Вышинский. Когда вы примкнули к «левым коммунистам»?

Иванов. В конце 1917 или в начале 1918 года.

Вышинский. Значит, вы примкнули к этой группе, как враг, который рассчитывал, что с этой группой вам удастся свалить Советскую власть?

Иванов. Да.

Вышинский. И это вы объясняете тем, что этим путем вы рассчитывали легализоваться?

Иванов. Да.

Вышинский. Значит, вы действовали как враг Советской власти?

Иванов. Да.

Вышинский. А «левые коммунисты» для вас были наиболее подходящей группой?

Иванов. Да, они боролись с Советской властью, с партией.

Вышинский. Провокационными методами. И вам это было как раз понутру?

Иванов. У «левых коммунистов» я находил то, что мне было нужно, как врагу Советской власти и рабочего класса.

Вышинский. То есть, конкретно, что вы находили в группе «левых коммунистов»?

Иванов. Возможность борьбы с Советской властью и партией.

Вышинский. Возможность борьбы с революцией, борьбы с рабочим классом? Значит, если остановиться на этом периоде, то можно сказать, что, начиная с 1911 года и до тысяча девятьсот, по крайней мере, восемнадцатого года, вы ведете борьбу с рабочим классом?

Иванов. И предаю, и веду борьбу.

Вышинский. Вы тогда с Бухариным были связаны?

Иванов. Мы были на нескольких совещаниях, потом Бухарин однажды поставил передо мною вопрос о том, что в знак протеста против партии и против линии Ленина нужно выйти из Коммунистической партии и организовать свою партию. Расчет был на то, что это может привести к распаду Коммунистической партии и победе «левых коммунистов». Но к этому времени вскрывается следующее. Я работал тогда партийным организатором в Басманном районе. Мне не удалось получить поддержку в партийной массе по линии «левых коммунистов». Масса шла целиком за Лениным. Мне было ясно, что вся работа «левых коммунистов» обречена на провал, на банкротство. Я тогда уезжаю на фронт.

Вышинский. Зачем?

Иванов. С тем, чтобы порвать с «левыми коммунистами».

Вышинский. Зачем же на фронт уезжаете?

Иванов. На фронт я уехал... (пауза). Здесь у меня были некоторые колебания и потом я думал, что подальше от глаз я буду менее заметен и меньше опасности разоблачения как бывшего провокатора.

Вышинский. Опять спасаясь от опасности разоблачения, а не для того, чтобы защищать советский строй?

Иванов. Нет, нет.

Вышинский. Я этим интересуюсь. Что же вы потом делали?

Иванов. Потом я встретился с Бухариным на X съезде партии, где у нас с Бухариным был следующий разговор. Он поставил вопрос о том, что у меня, мол, с Лениным расхождения по коренным вопросам; я сейчас занят подготовкой своих кадров, которые готовы были бы по первому моему, Бухарина, зову выступить против Ленина. Это, по-моему, было преддверие к созданию «школки» Бухарина.

Вышинский. Как Бухарин рассчитывал выступать против Ленина? В каких формах он готовил выступление?

Иванов. Он был довольно резко настроен. Он просто ждал подходящего момента. Он хотел иметь свои кадры.

Вышинский. Для чего?

Иванов. Для того, чтобы устранить Ленина.

Вышинский. Как устранить?

Иванов. Вплоть до физических методов.

Вышинский. А вы говорите о «школке». Хорошая «школка»!

Иванов. Она известна в партии как «школка» «левых коммунистов».

Вышинский. А в действительности это не «школка», а банда, которую создал Бухарин. Продолжайте свои объяснения.

Иванов. Я говорил здесь о бухаринской «школке», как известной уже по терминологии.

Вышинский. А в действительности это не «школка», а банда. Значит, у вас с Бухариным старые знакомства?

Иванов. Они у нас и не прерывались до момента ареста.

Вышинский. Меня интересует вопрос, старые знакомства или не старые знакомства у вас с Бухариным?

Иванов. Старые.

Вышинский. По группе «левых коммунистов», по заговорщическим планам, по 1918 году. Так я вас понимаю?

Иванов. Так.

Вышинский. Продолжайте свои объяснения.

Иванов. Интересен был разговор с Бухариным в 1926 году. Он прямо говорил, что нужно готовиться к борьбе в открытом бою с партией. Имейте в виду следующее, что мы выступаем и своими выступлениями даем программу для консолидации всех недовольных элементов внутри страны. Но это, говорит, не основное и не главное, а главное в нашей работе — работать в подполье по собиранию кадров, по завлечению в наши сети наиболее влиятельных членов партии. К этому времени очень резко уже складывается озлобление против руководства партии.

Вышинский. Дальше.

Иванов. В 1928 г. я еду на Северный Кавказ вторым секретарем. Тут Бухарин ставит вопрос о том, чтобы я на Северном Кавказе создал группу правых. Причем он говорит о том, что Северный Кавказ в нашей борьбе с партией и Советской властью имеет очень большое значение. Мы, говорит, должны возглавить соответствующее крестьянское движение, особенно казачество, движение против Советской власти. Нашей задачей является — Северный Кавказ превратить в русскую Вандею. Вы знаете, говорит он, что сейчас капитализм вступил в новую фазу своего развития, и на этой стадии капитализм показывает довольно высокие элементы организованности и плановости. Капитализм, говорит, обнаруживает новые свежие силы, которые выражаются в прогрессе техники, означающем по сути дела техническую революцию и как бы омоложение капитализма. И что, в соответствии с этим, должен быть нами пересмотрен вопрос о противоречиях, о классах, о борьбе классов и так далее. В Маркса нужно внести коренные поправки. Постановка вопроса Маркса о пролетарских революциях сегодня не годится. Учение Ленина и Сталина об эпохе империализма, как об эпохе пролетарских революций, представляет из себя, говорит, вреднейшую утопию. Это, по сути дела, наша исходная позиция, которая нас приводит к фашизму. Тут я вынужден забежать немного вперед. К этому вопросу мы с Бухариным несколько раз возвращались, потому что у меня не совсем в голове это укладывалось, потому что наружу перли противоречия в капиталистическом обществе. Я Бухарину и приводил те факты, которые ясны были бы сейчас какому-нибудь ученику 3-го класса нашей десятилетки. Я ему указывал на обострения между капиталистическими государствами в борьбе за передележку рынков (захват

Абиссинии Италией, захват Японией Манчжурии), я ему указывал на кризис 1930 года, я ему указывал на рост безработицы. Потом я ему в конце концов указал: смотрите, фашизм по сути дела вырос на резком обострении, классовом обострении в капиталистическом обществе. Неужели именно такое обострение оголтелой кровавой буржуазии и нужно для того, чтобы капитализм вышел как-нибудь из обострения капиталистического общества.

Бухарин заявил — вы как следует не продумали этого вопроса. Фашизм, — говорил Бухарин, — соответствует новейшим тенденциям в развитии капитализма.

Мы пришли прямо к фашизму.

Вышинский. Практически, что вам предлагал Бухарин?

Иванов. Практически Бухарин предложил создать группу правых. Я ее создал. Он предложил связаться с враждебными элементами. Я эту работу тоже провел. Мы связались с казацким кулачеством, со злобными элементами эмигрантов и все подготовили для того, чтобы обеспечить кулацкое восстание на Северном Кавказе.

Вышинский. Значит, вы предприняли целый ряд практических мер в этом направлении?

Иванов. Да.

Вышинский. По прямому указанию Бухарина?

Иванов. Да.

Вышинский. Продолжайте дальше.

Иванов. Наибольший интерес представляет моя предательская работа в Северном крае.

Вышинский. Когда вас отправили в Северный край?

Иванов. В 1931 году. С Кавказа я переехал секретарем Северного крайкома. В 1931 году, 1—2 апреля.

Вышинский. Этими указаниями Бухарина, о которых вы сейчас говорили, вы руководствовались и в последующие годы?

Иванов. Да.

Вышинский. В качестве общей установки?

Иванов. Да. Работу в Северном крае нужно разделить на два периода. Один период — 1931—1932 годы, второй период—1934 год.

Вышинский. В чем разница?

Иванов. В 1931—1932 годах у правых вопрос о захвате власти считался предрешенным. Так, по крайней мере, мы считали.

Вышинский. Что значит предрешенным?

Иванов. Я сейчас скажу. У нас было следующее. Трудности роста, которые переживала страна, мы принимали за кризис социалистического хозяйства, озлобление кулачества мы принимали за рост недовольства крестьянских масс и на основе этого считали, что обстановка благоприятствует для захвата власти. Бухарин прямо ставил вопрос о том, что власть прямо прет в руки.

Вышинский. Прямо прет в руки?

Иванов. Да, прямо прет в руки.

Вышинский. Только, значит, раскрывай ворота?

Иванов. Вроде этого.

Вышинский. А как же он, Бухарин, мыслил себе захват власти, если она сама прет в руки. Можно сидеть сложа руки?

Иванов. Когда я уезжал в Северный край и от Бухарина получил задание организовать...

Вышинский. Вы ответьте на мой вопрос, если можете. Вы говорите, что у Бухарина была концепция, что власть прет прямо в руки. Я спрашиваю, какие-нибудь меры предпринимал Бухарин и его сообщники для того, чтобы обеспечить успех этого процесса, когда власть прет в руки?

Иванов. Я говорил, что на Кавказе, в частности мы, правые, организовали кулацкие элементы для восстания внутри страны. Это же делали и в других местах.

Вышинский. Но здесь не решает вопрос Северный Кавказ. Я спрашиваю, какие были даны установки Бухариным в связи с этим его прогнозом, как вы видите, весьма ошибочным для Бухарина; какая у него была практическая программа?

Иванов. Практическая программа его была — подготовить восстание.

Вышинский. Об этом я вас и спрашиваю, была ли такая установка или разговоры были?

Иванов. Нет, была установка. Когда я был на Северном Кавказе, тогда была ориентировка. Когда я поехал в Северный край, была дана установка готовить вооруженное восстание.

Вышинский. Это вытекало из задачи захвата власти?

Иванов. Это вытекало из задач захвата власти и свержения Советской власти.

Вышинский. Ставился ли тогда вопрос Бухариным, Рыковым о захвате власти?

Иванов. О захвате власти до 1931 года ставился вопрос.

Вышинский. И вам в этой связи было дано конкретное задание организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе?

Иванов. Да, организовать повстанческие отряды на Северном Кавказе и потом в Северном крае.

Вышинский. Это было в 1931 году?

Иванов. Да, это было в 1931 году. Но информацию о том, что создан руководящий центр, я получил от Бухарина в 1928 году, что создан центр в составе Бухарина, Томского и Рыкова, а в 1929 году он меня информировал, что установился блок между троцкистами, зиновьевцами и правыми.

Вышинский. В каком году?

Иванов. В 1929 году. Я развертываю очень активную работу в Северном крае и создаю группу правых. В 1934 году, когда победа партии и рост социалистического хозяйства необычайно укрепили влияние партии на массы, все это, естественно, стало для нас ощутимым, и когда мы увидели, что внутренних сил в самой стране нет для того, чтобы захватить власть, здесь стал вопрос по-иному, Бухарин поставил вопрос. Я забыл сказать, что в 1932 году меня Бухарин связал с Лобовым.

Вышинский. Сейчас меня не интересует, с кем Бухарин связал

вас, меня интересует ваша связь с Бухариным, ваша связь с центром правых.

Иванов. В 1934 году я получил от Бухарина задание.

Вышинский. Где вы в это время находились?

Иванов. Я находился в том же Северном крае до октября 1936 года.

Вышинский. В бытность вашу в Северном крае какое вы получили задание от Бухарина?

Иванов. Следующее — о том, что внутри страны у нас сил нет.

Вышинский. Я не спрашиваю вас о том, как он характеризовал положение.

Иванов. Без этого я не могу сформулировать, я прямо иду.

Вышинский. Я спрашиваю, какое задание давал Бухарин?

Иванов. Бухарин дал задание — силами правых организаций приступить к подготовке поражения Советской власти при интервенции, при войне с капиталистическими фашистскими государствами.

Вышинский. Вот теперь я слышу прямой ответ. Успеете еще рассказать то, что вы захотите, но сейчас я веду допрос и я ставлю те вопросы, которые интересуют суд. В 1934 году Бухарин дает установку на подготовку в благоприятных условиях поражения Советской власти, в случае нападения интервентов?

Иванов. Да, и рекомендует следующую систему мероприятий: во-первых, перейти к организации повстанческих групп так и таким образом, чтобы они могли во время войны перерезать коммуникационные связи в Северном крае, так как Архангельск и Северный край...

Вышинский. «Так как» мы не будем говорить — мы понимаем, для чего это должно было быть сделано. Нам интересно — что он вам предлагал организовать повстанческие отряды для борьбы с Советской властью.

Иванов. Да, развернуть повстанческие отряды, развернуть диверсионную и вредительскую работу и организовать террористические группы.

Вышинский. Все?

Иванов. Как будто.

Вышинский. Какие указания давал Бухарин насчет шпионажа?

Иванов. Он сказал о том, что Лобов специально организует это дело и он должен меня информировать о том, как это дело будет осуществляться. Он сказал: «вы должны резиденту, который будет там посажен, своей партийной организацией оказывать всемерную помощь с тем, чтобы обслуживать потребности английской разведки».

Вышинский. Значит, Бухарин вам давал наставления о том, как обслуживать английскую разведку?

Иванов. Да.

Вышинский. А вы выполняли эти наставления?

Иванов. Выполнял, обслуживал, направлял материал, получал указания через этого резидента. Причем эти указания, получае-

мые от английской разведки, целиком совпадали с теми директивами, которые я получал от центра правых.

Вышинский. Целиком совпадали? Так что вы иногда не различали, где действует центр правых, а где иностранная разведка?

Иванов. Да, здесь было полное совпадение.

Вышинский. Это не удивительно. А чем аргументировал Бухарин свое указание вам связаться с английской разведкой?

Иванов. Он говорил, что эта страна имеет очень большие интересы в Северном крае.

Вышинский. В каком крае?

Иванов. В Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении Советской власти и в удержании правыми захваченной власти, и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников лесным хозяйством Северного края. Бухарин ставил вопрос о том, что лесопильные заводы надо будет сдать в концессию англичанам, а новые лесопильные заводы, которые были построены при Советской власти, придется отдать в счет погашения царских долгов. Затем в 1934 году он поставил вопрос о том, что мы должны будем все-таки сегодня уже реально расплачиваться. Он сказал, что мы должны выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой стороны, — не потерять доверие. В соответствии с этими указаниями через Розенгольца и Лобова были осуществлены следующие мероприятия.

Лес наиболее высококачественный продавался по сниженным ценам. На этом Советскому государству нанесен ущерб в несколько миллионов рублей в валюте. Бухарин пояснял эту меру как аванс английской буржуазии за ту поддержку, которая ею обещана. Иначе, говорил он, нас не будут считать серьезными людьми и потеряют к нам доверие.

Вышинский. Кредит?

Иванов. Да.

Вышинский. Теперь перейдите к вопросу о террористической деятельности и террористических планах.

Иванов. Перед нашей организацией в Северном крае была поставлена задача создать террористическую группу.

Вышинский. Кем была поставлена эта задача?

Иванов. Бухариным. Бухарин несколько раз к этому делу возвращался, в частности, после убийства Кирова. Он говорил о том, что выстрел в Кирова показал, что одиночные террористические акты результатов не дают, что нужно готовить массовые террористические акты, и только тогда мы получим результат. Его установка была на то, чтобы ликвидировать руководство партии, причем были такие рассуждения: если это удастся сделать до войны, тогда дело будет ясно, и возможно вслед за этим вспыхнет немедленная война с Советским Союзом. Если же нам почему-либо не удастся осуществить акты по ликвидации руководства партии до войны, то мы это сделаем во время войны, что внесет большое смятение, подорвет оборono-

способность страны и будет резко содействовать поражению Советской власти в войне с империалистами. Бухарин просил назвать нам фамилии людей, которых мы завербовали в качестве террористов. Мы передали фамилии этих людей Бухарину.

Вышинский. Следовательно, в вашей преступной деятельности известное место занимала также и подготовка террористических актов?

Иванов. Да.

Вышинский. И это, вы подтверждаете, делали по прямым указаниям...

Иванов. Бухарина.

Вышинский. Только Бухарина или еще кого-нибудь?

Иванов. Бухарина, Лобова.

Вышинский. Нет, из подсудимых по настоящему делу?

Иванов. Нет, больше никто указаний не давал.

Вышинский. Значит, вы действовали по прямым указаниям Бухарина. В каком году это было?

Иванов. Первое указание об организации террористической группы я получил в 1934 году. Нажим был в 1935 году, когда говорилось о том, что мы плохо развертываем работу.

Вышинский. Что вы имеете еще показать о вашей вредительской деятельности?

Иванов. Повстанческую работу мы тоже вели.

Вышинский. Об этом вы уже говорили.

Иванов. Мы собирали повстанческие группы, главным образом, вокруг Архангельска, с тем, чтобы в момент интервенции разорвать связь Архангельска с центральными магистралями нашей страны и тем самым облегчить англичанам захват этого лесного района и важнейшего порта.

Затем диверсионная работа проводилась, главным образом, в лесной промышленности, потому что Северный край — край лесной. Направление этой деятельности шло по пути срыва технического перевооружения лесного хозяйства, засорения, разрушения механизированных пунктов, срыва сплава. В 1936 году в результате вредительской деятельности нашей правой организации в Северном крае мы недоплавили лесопильным заводам значительное количество кубометров леса. Это обрекло ряд лесопильных заводов на остановку и увеличило голод в нашей стране на лесные материалы, что крепко ударило по капитальному строительству в нашей стране.

В Наркомлесе я продолжал ту же вредительскую деятельность, готовил террористические акты. Главное внимание было направлено на срыв технического перевооружения лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном пайке и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетрадями и этим вызвать недовольство в широких массах. Мы принимали все меры к тому, чтобы задержать постройку новых предприятий и сорвать работу существующих предприятий. Целый ряд мероприятий реконструктивного порядка, которые должны были улучшить ра-

боту бумажной промышленности, мы тоже сознательно срывали и этим самым сорвали программу по выработке бумаги.

Вот, кажется, все. Может быть у вас есть какие-нибудь вопросы?

Вышинский. Значит, ваша преступная деятельность прекратилась в связи с каким обстоятельством?

Иванов. В связи с арестом.

Вышинский. Следовательно, вплоть до вашего ареста...

Иванов. Вплоть до моего ареста я продолжал состоять в «право-троцкистском блоке» и вести активную подрывную, шпионскую, террористическую, диверсионную и вредительскую работу по заданиям центра правых.

Вышинский. У меня вопросов пока нет.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Защита. Нет.

Бухарин. У меня есть один вопрос. Я хочу спросить гражданина Иванова. Если не ошибаюсь, в последний раз мы виделись в марте 1936 года?

Иванов. По-моему, мы с вами виделись и после. На одном из осенних пленумов Центрального Комитета партии, где мы с вами имели разговор. Разговор был о том, что в организации очень большое упадочничество в связи с победами партии, большие колебания, люди начинают отходить, сил больших мы не имеем. Я хочу напомнить сущность разговора, может быть Бухарин вспомнит об этом разговоре. Мы с вами, гражданин Бухарин, так много подличали против Советской власти, что вы все календари могли перепутать, я вам напоминаю детали нашего разговора.

Вышинский. Вас спрашивал обвиняемый Бухарин о том, когда вы виделись с ним в последний раз.

Иванов. Я виделся с ним в 1937 году. В 1937 году он уже конспирировался от нас.

Вышинский. Он уже от вас конспирировался?

Иванов. Да, конспирировался, боясь, что его могут «наколоть». Гражданин Бухарин говорит о том, что наша связь была порвана в марте 1936 года...

Вышинский. Он ничего не говорит, он только спрашивает. Вы утверждаете, что до самого ареста... до какого месяца? Когда вы были арестованы?

Иванов. Я был позже его арестован.

Вышинский. Значит, до его ареста связь не порывалась?

Иванов. Не порывалась, но встречи эти были случайные, встречи эти были в такой обстановке, чтобы никто не подумал, что мы организуем встречи друг с другом.

Вышинский (Бухарину). Вы отрицаете, что до момента вашего ареста вы встречались с Ивановым?

Бухарин. Нет, я не отрицаю, но я просил просто Иванова, чтобы он мне напомнил, когда мы с ним встречались в последний раз, где он со мной встречался и о чем он со мной разговаривал.

Иванов. Мы на протяжении 1936 года несколько раз виде-

лись, в частности, в декабре или в ноябре 1936 года, я перед Бухариным ставил вопрос о том, что организация разваливается, что победы партии и успехи социалистического строительства, энтузиазм масс в этом строительстве действуют таким образом, что колебания, и особенно в периферийной части, необычайно растут, что убийство нами Кирова привело к тому, что ярость масс поднялась на невероятную высоту и это исключительно затрудняет нашу предательскую, подлую работу правых, что там и сям самими массами разоблачаются наши участники, и я поставил вопрос, не выходит ли из всей сложившейся обстановки внутри страны то, что мы становимся целиком банкротами.

Вышинский. Это вы говорили Бухарину?

Иванов. Да. И никогда я Бухарина не видел таким яростным и злобным, как тогда.

Вышинский. Это когда было?

Иванов. В конце 1936 года. Он на меня набросился, — вы трус, вы паникер, вы мне все тычете — «массы», массам не нужно потакать, вы должны знать, что организация правых против масс будет вести войну, а вы хотите им потакать.

Вышинский. Он хотел вести войну против масс?

Иванов. Да. И дальше, он поставил таким образом вопрос, что если есть отходы, то нужно пойти на более развернутые шаги по уничтожению тех, кто решится открыто раскаяться перед Советской властью и этим самым может разоблачить нашу правую организацию. Дело в том, что в самой организации правых была директива о том, что отходящих от правых, разоблачающих свою деятельность, надо приканчивать. Это было сделано над одним из людей, который собирался написать заявление в НКВД с разоблачением деятельности правых на Северном Кавказе, как мне Лобов говорил, одного такого человека прикончили. И Бухарин мне прямо намекнул, что вы, де, знаете, что мы ни с кем не поцеремонимся, если у нас кто сдрейфит и задрожит, и что у нас есть специальные люди, которые осуществляют необходимые мероприятия, значит убийства.

В 1937 году у нас разговор был тоже очень короткий.

Вышинский. Короткий?

Иванов. Короткий, потому что здесь уже была очень большая настороженность. Вся организация жила страхом, я бы сказал, что деятельность правых была по сути дела накануне коренного разоблачения. В этом разговоре, в частности, был поставлен мною вопрос: а где же интервенция, где же нападение на Советский Союз? Бухарин меня информировал, что принимаются меры, чтобы обязательно побудить в 1937 году к выступлению фашистские страны — и Японию и Германию — и что на это шансы есть.

Вышинский. Все вопросы?

Бухарин. Все.

Вышинский. У вас нет больше вопросов?

Бухарин. Я не получил ответа на тот вопрос, который я задавал. Я прошу Иванова указать, если он все так хорошо пом-

нит, — в каких месяцах 1937 года я с ним встречался. Если не помнит, пусть скажет, что не помнит.

Председательствующий (Иванову). Отвечайте кратко.

Иванов. Почему обязательно Бухарин думает, что я все месяцы, в которые я с ним разговаривал, я должен помнить. Я сказал о том, что в начале 1937 года. Но это было, может быть, в январе или феврале.

Вышинский. Вы не помните?

Иванов. Я точно не могу помнить, — это было в январе или феврале, потому что у нас было столько всяких разговоров, что всего не упомнишь.

Председательствующий (к Прокурору). У вас есть еще вопросы?

Вышинский. Нет.

Председательствующий (к Бухарину). У вас есть еще вопросы?

Бухарин. У меня нет больше вопросов.

Председательствующий. Объявляю перерыв на 20 минут.

**
*

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь.

Товарищ Прокурор, есть у вас вопросы к Иванову?

Вышинский. У меня есть к Бухарину.

Подсудимый Бухарин, подсудимый Иванов сказал здесь о том, что в 1928 году, даже несколько раньше, он уже имел с вами разговоры по поводу антисоветской работы той организации правых, в какую вы входили. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Да. Разрешите я расскажу, что я подтверждаю...

Вышинский. Меня интересует только этот вопрос, подтверждаете ли или нет?

Бухарин. Да, я подтверждаю. Во-первых, то, что мне Иванов знаком с эпохи Брестского мира, с 1918 года.

Во время X съезда партии я действительно советовал Иванову, считая его контрреволюционно настроенным, продолжать антипартийную работу.

Вышинский. Меня сейчас интересует, правильно ли сказал обвиняемый Иванов о том, что в 1928 году имел с вами разговор относительно антисоветской работы. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы считаете совершенно правильным заявление обвиняемого Иванова, что в 1927—1928 годах, когда он ехал на Северный Кавказ, вы давали ему директивы?

Бухарин. Совершенно правильно, когда он ехал на Северный Кавказ, то я от имени центра правых давал ему директиву относительно вербовки людей и о построении там организации. Причем там имелось в виду и несколько конкретных лиц, както: Степанов, Пивоваров, Толмачев и другие.

Совершенно правильно, что в 1931—1932 годах я, выражаясь на его жаргоне, передал его Лобову, который должен был им руководить.

Совершенно правильно было утверждение обвиняемого Иванова, что я его держал в свете установок правого центра, начиная от рютинской платформы и кончая последующими установками, о которых суду достаточно хорошо известно.

Совершенно правильно, что я встречался с ним и позднее — в 1931—1932 годах, но сроки я здесь не могу назвать.

Вышинский. Это мы спросим дальше. Я еще раз повторяю, меня здесь интересует 1928 год. Следовательно, в этой части вы подтверждаете показания обвиняемого Иванова?

Бухарин. Что я с ним встречался в то время — подтверждаю.

Вышинский. И вели те разговоры, о которых он заявил суду, об антипартийной и антисоветской деятельности?

Бухарин. Говорили.

Вышинский. Подсудимый Иванов показал, что вы предлагали ему создать на Северном Кавказе организацию правых с определенными задачами. Это тоже подтверждаете?

Бухарин. Тут происходит путаница дат.

Вышинский. Раньше всего, сам факт подтверждаете?

Бухарин. Сам факт подтверждаю, что я ему давал указания относительно построения организации.

Вышинский. Законспирированной?

Бухарин. Законспирированной, нелегальной, контрреволюционной. Но в тот период острота борьбы против партии и Советской власти не принимала тех форм...

Вышинский. Меня здесь интересует показание обвиняемого Иванова, которое слышал суд. Он говорит, что Бухарин давал мне, то есть Иванову, указание — приступить на Северном Кавказе к созданию законспирированной организации правых. Вы подтверждаете это?

Бухарин. В этой части подтверждаю.

Вышинский. Следовательно, в 1928 году вы перешли на путь нелегальной подпольной деятельности?

Бухарин. Это был момент такого перехода...

Вышинский. Я не спрашиваю когда, но факт это или не факт?

Бухарин. Я подтверждаю это.

Вышинский. Говорили ли вы тогда же Иванову о том, что уже действует центр правой организации?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. А в каком составе?

Бухарин. В составе троих: Томского, Рыкова и меня, Бухарина.

Вышинский. Говорили, что этот центр готовит свержение Советской власти?

Бухарин. Говорил, но это относится к последующему периоду.

Вышинский. К какому именно?

Бухарин. Мне думается, что это относится примерно к 1932—1933 годам.

Вышинский. Значит, несколько позже, но сам факт такого разговора с Ивановым вы подтверждаете?

Бухарин. Я подтверждаю. Не помню ни даты, ни месяца, но это было общей ориентацией правого центра.

Вышинский. А разговор, что вы готовитесь к открытым боям, вы подтверждаете?

Бухарин. Открытых боев не могло быть в 1926 году. Указание Иванова на то, что мы готовимся к открытым боям — это смешение дат.

Вышинский. А на предварительном следствии вы говорили, что это относится к 1926 году.

Бухарин. Да, но не в том смысле, как здесь понимают, гражданин государственный обвинитель.

Вышинский (*обращается к суду*). Позвольте показания Бухарина, том 5, лист 113. Разрешите огласить.

Бухарин. Простите, какая страница?

Вышинский. Страница 113, том 5, показания Бухарина. Это ваши показания от 25 декабря 1937 года. Здесь, на странице 113, значится: «Вновь я установил связь с Ивановым во время X съезда партии, беседовал с ним в кулуарах... В 1926—1927 годах, когда мы готовились к открытым боям против партии, я рекомендовал Иванову не принимать участия в открытых наскоках на партию, исходя из тех соображений, что Иванов — человек-практик и до поры до времени его целесообразно держать в резерве».

Вы это подтверждаете?

Бухарин. На 113 странице у меня написано другое.

Вышинский. Там ваша подпись есть?

Бухарин. Это подпись моя и это место совершенно правильно. Но у меня том дела, где номерация совершенно другая.

Председательствующий. Обвиняемый Бухарин, дело не в номерации.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, в 1926—1927 годах был ли разговор с Ивановым о том, что вы, группа правых конспираторов, готовитесь к открытым боям с партией?

Бухарин. Я прошу простить меня, дело в том, что речь идет об открытом выступлении, а не открытых боях.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, этот разговор, который я вам процитировал, был?

Бухарин. Был, но слова «открытые бои» не имели смысла насильственных открытых боев.

Вышинский. Вы говорите об открытых боях, об этом же вы говорили и с Ивановым?

Бухарин. Я говорил не о насильственных...

Вышинский. Вы говорили, что Иванова надо сохранить?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы говорили, чтобы Иванов не ввязывался в открытую драку?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы говорили об открытых боях?

Бухарин. У Иванова перепутаны даты.

Вышинский. Простите, у него ничего не перепутано. Мы видим, что у вас перепутано.

Бухарин. Мы говорили об открытых боях не в смысле вооруженного восстания.

Вышинский. Я говорю об открытых боях.

Бухарин. Я вас понял неправильно, гражданин государственный обвинитель.

Вышинский. Извиняюсь, вы меня поняли неправильно, гражданин обвиняемый.

Бухарин. Инцидент исчерпан.

Вышинский. Обратимся к вашему тому, страница 120, найдите там ваши показания.

Бухарин. Об этом я договаривался с Ивановым: «В 1926—1927 годах, когда мы готовились к открытым боям против партии, я рекомендовал Иванову не принимать участие в открытых боях, быть в резерве». Это я не отрицаю.

Вышинский. Потом в 1927 году Иванов поехал на Северный Кавказ и вы ему дали поручение. Вы это подтверждаете? Я для контроля задаю вопрос. Вы дали ему указание заниматься организацией нелегальной группы правых. Правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Именно нелегальной?

Бухарин. Нелегальной.

Вышинский. Это вы подтверждаете. Вы поручили ему также выполнить ряд ваших заданий в связи с этой организацией в период 1928 года. Речь шла не только относительно вербовки, а также относительно организации повстанческих отрядов?

Бухарин. Я в технику этого дела не входил.

Вышинский. Я не говорю о технике организации повстанческих отрядов, я говорю о платформе правых, в которой была установка на повстанчество. Когда вы поручили Иванову создать нелегальную организацию, тогда был у вас разговор относительно повстанческих отрядов?

Бухарин. В это время не был и не мог быть.

Вышинский. А чем должны были заниматься нелегальные организации?

Бухарин. Нелегальные организации должны были заниматься собиранием сил для борьбы против партии, которая обострялась.

Вышинский. Только подготовка к борьбе?

Бухарин. Это было такой стадией в общем развитии правого уклона.

Вышинский. А когда вы поставили вопрос о повстанческих отрядах?

Бухарин. Переход к насильственным мероприятиям относится примерно к 1932 году.

Вышинский. Где тогда был Иванов?

Бухарин. Этого я не помню.

Вышинский. Подсудимый Иванов, где вы находились в 1932 году?

Иванов. В 1932 году я находился в Северном крае.

Вышинский. Вопрос относительно организации и формиро-

вания повстанческих отрядов вами дебатировался и в какой форме?

Иванов. Дебатировался. Бухарин прямо ставил вопрос о связи с недовольными кулацкими элементами казачества.

Вышинский. Это не в Северном крае, а на Северном Кавказе?

Иванов. Да, на Северном Кавказе.

Вышинский. Это относится не к 1932 году. В 1932 году вы были в Северном крае.

Иванов. Да, в 1932 году я был в Северном крае.

Вышинский. А вопрос о подготовке повстанческих отрядов был тогда поставлен?

Иванов. Вопрос о подготовке повстанческих отрядов был поставлен также Бухариным передо мною в 1932 году, когда ставился вопрос о создании правых организаций в Северном крае.

Вышинский. В 1932 году Бухарин не говорил о необходимости усиления повстанческих отрядов?

Иванов. Говорил.

Вышинский. Следовательно, вы помните, что у вас были дважды такие разговоры — в 1928 и в 1932 годах?

Иванов. Да.

Вышинский. В связи с вашей работой на Северном Кавказе и в Северном крае?

Иванов. Да.

Бухарин (обращаясь к суду). А я утверждаю, что в 1928 году не было речи относительно повстанческой ориентации вообще, как об этом свидетельствуют многочисленные документы и данные и в том числе...

Вышинский. А в 1929 году?

Бухарин. Фиксация вопроса относительно повстанческих организаций, которая была апробирована правым центром, была впервые указана в так называемой рютинской платформе.

Вышинский. Рютинская платформа, первый ее вариант, относится к какому периоду?

Бухарин. Варианта никакого не было. Было предварительное совещание, если не ошибаюсь, весною 1932 года, где были намечены тезисы. А в той платформе, которую вы вспомнили — платформе 1928—1929 годов, никакой речи о повстанчестве...

Вышинский. Значит, вы утверждаете, что вопрос о повстанческих отрядах ставится только в 1932 году?

Бухарин. Вопрос о повстанческой ориентации стал в 1932 году.

Вышинский. Вопрос о «повстанческой ориентации». Что это такое — «повстанческая ориентация»?

Бухарин. Это означает, что во всякой линии есть стратегия, тактика, организация и так далее. Повстанческий отряд это есть категория организации, а не категория стратегии и даже не категория тактики. В своей терминологии я обычно различаю это, потому что мне кажется, что это можно различать...

Вышинский. Понятно, можно. Но я спрашиваю: в вашей дея-

тельности была линия на повстанческое движение. Это вы называете «повстанческая ориентация»?

Бухарин. Да. Тактика.

Вышинский. А организация повстанческих отрядов вытекала из этой тактики?

Бухарин. Да, она вытекала.

Вышинский. И что же вами делалось в этом отношении? Директивы какие вы давали?

Бухарин. Мною никаких директив Иванову в этом смысле не давалось.

Вышинский. А Иванов говорит, что директивы давались.

Бухарин. Совершенно естественно, что Иванов говорит...

Вышинский. Да, Иванов это говорит, а вы утверждаете, что прямых директив вы Иванову не давали, но у вас была «повстанческая ориентация».

Бухарин. Совершенно понятно, что из этой ориентации вытекают для практика и соответствующие выводы. Если я делаю такую ориентацию, то я отвечаю и за выводы, которые мною не сказаны. Так что с точки зрения криминала я прошу судить меня и за то и за другое, я отвечу.

Вышинский. Судить и без вашего ходатайства мы будем.

Бухарин. Совершенно верно, и без моего ходатайства. Я не считаю место и время особенно удобными для острот. Острить я тоже способен...

Вышинский. Я не думаю острить и с вами состязаться в этом отношении. Я только хочу сказать, что ваше ходатайство не имеет существенного значения, ибо вас будут судить независимо от ваших ходатайств.

Бухарин. Это я даже без компетентных разъяснений знаю, гражданин Прокурор.

Вышинский. Если вы знаете, то напрасно говорите это. Я вас спрашиваю иное: вы, следовательно, признаете, что показания Иванова в части линии ориентации на повстанческое движение — правильны?

Бухарин. Да, гражданин Прокурор.

Вышинский. В какой форме вы ориентировали Иванова относительно ваших повстанческих планов?

Бухарин. Было несколько разговоров...

Вышинский. Каких, с кем?

Бухарин. С Ивановым.

Вышинский. О чем у вас был разговор? В какой форме?

Бухарин. Я ориентировал Иванова исключительно в форме стратегии и тактики.

Вышинский. А если говорить без этих слов — стратегия и тактика?

Бухарин. Я говорил, что теперь наступил такой период, когда необходимо перейти к массовой тактике, поддержке повстанческих кулацких движений и так далее.

Вышинский. Вот я и хотел это установить. Вы признаете, что вы говорили с Ивановым о том, что надо поддерживать повстанческие, всякого рода кулацкие движения?

Бухарин. Признаю.

Вышинский. Говорили только о том, чтобы поддержать или и организовать их?

Бухарин. Я обо всем с ним так подробно, гражданин Прокурор, не говорил...

Вышинский. Как вы себе представляли?

Бухарин. Естественно, если говорится относительно того, что целесообразно прибегать к такого рода методике, то из этого вытекает и все остальное.

Вышинский. То есть?

Бухарин. То есть организация и руководство.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, говорили вы Иванову, что перед ним стоит задача, поставленная центром правых, — организация повстанческого движения?

Бухарин. Он мог так понять.

Вышинский. Обвиняемый Иванов, вы так и понимали?

Иванов. Директива была передана мне довольно ясно для того, чтобы понять ее простой смысл. Ставился вопрос о том, что кулачество озлоблено. Это — те социальные силы, на которые мы должны ориентироваться. Наша задача состояла в том, чтобы возглавить восстание. Причем, несколько в другой вариации, но и о Северном Кавказе шла речь о том, что на Северном Кавказе имеются большие кулацкие кадры, что там крестьянское и казацкое движение может начаться раньше, чем где-либо, и поэтому мы должны встать во главе этого движения.

Вышинский. Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. Это правильно, но не по отношению к Иванову. Я говорил это другому лицу.

Вышинский. О другом лице будем говорить особо. А мне сейчас важно, что то объяснение, которое здесь приведено, совпадает с той ориентацией на повстанчество, о которой вы говорили.

Бухарин. Я этого Иванову не мог говорить, потому что в 1932 году Иванова не было на Северном Кавказе.

Вышинский. Иванов о каком годе говорил?

Иванов. Я говорил о Северном крае, но одновременно сказал, что в несколько другой вариации это было и по Северному Кавказу.

Вышинский. Вы когда уехали с Северного Кавказа?

Иванов. С Северного Кавказа я уехал 2 или 1 апреля 1931 года.

Вышинский. Когда вы говорили, будучи на Северном Кавказе, с Бухариным?

Иванов. В 1928 году.

Вышинский. А в 1929—1930 годах?

Иванов. Встречался с ним, но таких разговоров как будто не было.

Вышинский. А в 1932 году были разговоры о повстанчестве?

Иванов. Да, были такие разговоры.

Вышинский. Позвольте подвести итог. Судя по показаниям Иванова и вашим (*обращаясь к Бухарину*), что можно

считать твердо установленным? Во-первых, что вы с Ивановым вели разговоры относительно повстанческой линии. Так это?

Бухарин. Так.

Вышинский. Что вы ориентировали Иванова на необходимость использования в интересах борьбы с Советской властью кулацких восстаний.

Бухарин. Да.

Вышинский. Что вы имели в виду также и организацию этих кулацких восстаний.

Бухарин. Хотя прямо об этом не говорил.

Вышинский. Хотя прямо об этом не говорили, но в этом направлении его ориентировали.

Бухарин. Совершенно правильно.

Вышинский. Причем вы утверждаете, что это все относится к 1932 году?

Бухарин. Да.

Вышинский. А в 1928 году говорили только о нелегальной группе правых?

Бухарин. Совершенно правильно.

Вышинский. Повстанческая ориентация все же имела место, но без тех деталей, о которых говорит Иванов?

Бухарин. В 1932 году — да.

Вышинский. А разговор о повстанческой ориентации в 1928 году вы отрицаете?

Бухарин. Да.

Вышинский. А в 1932 году такой разговор имел место?

Бухарин. Совершенно правильно. Я это подтверждаю.

Иванов. Разрешите задать вопрос Бухарину. Может быть Бухарин напряжет свою память и вспомнит, был ли у нас в 1928 году разговор о росте недовольства среди верхушки деревни и о тенденции к резкому выражению этого недовольства Советской властью. Пусть он ответит на этот вопрос.

Бухарин. Разумеется, в 1928 году разговор относительно роста недовольства был, я этого отрицать не могу, потому что мы встречались в 1928 году. Но то, что в 1928 году я говорил относительно повстанчества, я это категорически отрицаю.

Иванов. Еще один вопрос. Ставил ли передо мной Бухарин вопрос о том, что Северный Кавказ в осуществление той линии, которая стоит перед правыми, имеет исключительно большое значение и почему большое значение?

Бухарин. Я, когда говорил о Северном Кавказе, то, совершенно верно, гражданин Прокурор и граждане судьи, говорил относительно того, что Северный Кавказ есть одно из мест, где недовольство крестьянства проявляется и будет проявляться наиболее ярким образом, не делая из этого никаких повстанческих выводов, потому что они наросли в гораздо более поздний период.

Иванов. Бухарин говорил, что возможно проявление яркого недовольства на Северном Кавказе со стороны крестьянства. Это уже ближе подходит к тому, что я утверждаю в отношении этого разговора. В соответствии с вашей концепцией, не ставили

ли вы задачу передо мной и перед правой организацией это недовольство подхватить и всячески разжигать настроение крестьянства против Советской власти?

Бухарин. Вы говорите сначала относительно повстанчества, а я говорил относительно социально подходящей базы для правой организации, относительно вербовки в эту правую контрреволюционную организацию.

Вышинский. С какой целью?

Бухарин. В целях создания массовых опорных точек для борьбы с партийной линией.

Вышинский. Казачьи кулацкие круги для борьбы с партийной линией?

Бухарин. Ну и что же?

Вышинский. Борьба с Советской властью?

Бухарин. Борьба с партийной линией это и есть борьба с Советской властью.

Вышинский. Но борьба с партийной линией выражается в других формах.

Бухарин. Мне кажется, гражданин Прокурор, и граждане судьи, и вся страна заинтересована в том, чтобы видеть, как из известных уклонов формируются в логике борьбы совершенно чудовищные выводы. Поэтому я хочу в этом отношении соблюсти известные пропорции во времени. В 1928 году была сформулирована антипартийная платформа. В конце 1928 года и на переходе к 1929 году был дан лозунг относительно того, чтобы формировать нелегальную организацию. Все это при дальнейшем обострении борьбы привело к тому, о чем вы знаете.

Вышинский. Вопрос заключается в том, не ориентировали ли вы Иванова, исходя из того, что на Северном Кавказе по вашему мнению есть почва для восстания против Советской власти?

Бухарин. Тогда о такой ориентировке речи еще не было. Была ориентировка, что там есть почва для роста недовольства Советской властью.

Вышинский. С чьей стороны?

Бухарин. Со стороны кулацко-зажиточных слоев крестьянства, а отчасти со стороны средних слоев крестьянства, так как среднее крестьянство там очень крепкое.

Вышинский. Нельзя ли отсюда сделать тот вывод, что вы ориентировали Иванова на подпольную контрреволюционную работу, в которой он обопрется на эту кулацкую верхушку в борьбе против Советской власти?

Бухарин. Тогда можно было формулировать так, что всякая социальная база, в данном случае кулацкая, в пределах партии химически выделяет не совсем доброкачественные элементы, то есть там легче вербовать в нелегальную контрреволюционную организацию даже в пределах партии людей, которые будут представлять известную потенциальную силу в дальнейшем. Но перспектива эта тогда не была развернута.

Вышинский. Но она уже намечалась?

Бухарин. Потенциально, в эмбриональной форме она была.

Вышинский. Кроме этих данных, у вас с Ивановым разногласий нет?

Бухарин. Больших разногласий нет.

Вышинский. Иванов показывает, что ему от вас стало известно о существовании блока между троцкистами, правыми группировками и националистическими группами. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Это я подтверждаю.

Вышинский. А знали вы о переговорах Иванова и других с капиталистическими странами?

Бухарин. Да, это относится к гораздо более позднему времени.

Вышинский. Следовательно, эти показания Иванова о связях с английской разведкой...

Бухарин. Относительно разведки и относительно планов я совершенно не был в курсе дела.

Вышинский. А в курсе чего вы были?

Бухарин. Я посвятил Иванова во внешне-политическую ориентацию правого центра, я говорил ему относительно того, что в борьбе против Советской власти можно использовать военную конъюнктуру и целый ряд других вещей.

Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку. В чем заключалась эта установка? Коротко, это установка заключалась в том, что в борьбе с Советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны.

Вышинский. Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?

Бухарин. Да, можно и так сказать.

Вышинский. Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?

Бухарин. В общем, суммарно, повторяю — да.

Председательствующий. Вопросов больше нет?

Вышинский. Нет.

Бухарин. Может быть, вы мне разрешите, гражданин председательствующий, сказать парочку слов относительно теоретических экскурсов?

Председательствующий. Нет, это при вашем допросе.

Приступаем к допросу обвиняемого Зубарева. Обвиняемый Зубарев, те показания, которые вы дали на следствии в НКВД и в органах Прокуратуры, вы подтверждаете?

Зубарев. Да, подтверждаю.

Председательствующий. Полностью?

Зубарев. Полностью подтверждаю.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, вопросы имеются?

Вышинский. Подсудимый Зубарев, когда вы вступили на путь преступной деятельности в контрреволюционной организации правых?

Зубарев. Я был привлечен к контрреволюционной организации правых в 1929 году.

Вышинский. И с тех пор?

Зубарев. И с тех пор вел активную работу по день ареста.

Вышинский. В чем выражалась ваша активная преступная работа, продолжавшаяся по день ареста?

Зубарев. В 1929 году я был вовлечен в организацию правых Смирновым Александром Петровичем, с которым я был знаком с 1919 года. При встрече с ним в начале 1928 года я высказывал свое недовольство и несогласие с линией партии в отношении политики в деревне, он всецело это поддерживал и, наоборот, подкреплял. Зная мои контрреволюционные взгляды, в 1929 году, примерно в мае — июне месяцах, в Москве, он мне подробно охарактеризовал политическое состояние страны, то недовольство, которое возрастает в деревне на почве хлебозаготовок, и на почве применения чрезвычайных мер в отношении кулацкой верхушки деревни, и на почве стеснения частной инициативы крестьянского населения, и о том упадке и сокращении посевных площадей, особенно в экстенсивных районах, в частности на Урале; он развивал такую точку зрения, что изменить этот порядок внутрипартийным способом правым не удается, что остается единственный путь — путь борьбы с Советской властью. Тогда же он меня информировал о том, что организация правых существует, и я впервые узнал в 1929 году, что он является членом этой организации. Тогда же я впервые узнал о том, что существует союзный центр этой организации.

Далее, он говорил о том, что правые придают большое значение Уралу, что Урал ценен в двух отношениях (я говорю не о теперешней Уральской области, потому что тогда существовала Уральская область, которая объединяла и современную Челябинскую область, то есть, этот не только крупнейший промышленный район, но и крупнейший сельскохозяйственный район, объединял всю восточную часть, примыкающую к Уралу), — что как в промышленном, так и в сельскохозяйственном отношениях Урал представляет чрезвычайное в этом отношении значение, и что они (и он, в частности) рассчитывают и на мое участие в контрреволюционной работе.

Когда я дал на это согласие, он мне тогда же заявил о том, что я на Урале буду не одинок, что на Урале уже есть активный член контрреволюционной организации, очень влиятельный, что он связан уже непосредственно с союзным центром через посредство Рыкова. Он назвал Кабакова.

Вышинский. Когда началась связь с Рыковым?

Зубарев. Связь с Рыковым началась в 1930 году, когда он приезжал в Свердловск на партийную конференцию.

Вышинский. При каких обстоятельствах у вас возникла эта связь с Рыковым, как с руководителем правого заговорщического центра?

Зубарев. Я тогда работал по партийной линии. Во время конференции я имел с Рыковым довольно длительную беседу.

Вышинский. О чем?

Зубарев. Рыков ссылался на А. П. Смирнова, что он от него знает, что я являюсь активным участником правой организации.

Я охарактеризовал ему общее положение Урала, состояние нашей организации, указал на то, что уже в конце 1929 года, в декабре месяце, мы с Кабаковым организовали областную руководящую группу, объединяющую всю работу. Я назвал ему состав этой группы, в которую входили: Кабаков, я, Советников и другие. Я рассказал ему и о той работе, которую я проводил по заданиям Смирнова, а через Кабакова — и его, Рыкова.

Работа в основном тогда сводилась к подготовке кадров, к объединению тех распыленных сил, которые были тогда в организации. Рыков одобрил эту работу и со своей стороны дал мне подробную характеристику состояния тогда в стране, так как это было весною 1930 года, то есть в период наиболее напряженной обстановки в деревне, в период классовой борьбы, которая последовала в связи с проведением массовой коллективизации и с политикой раскулачивания.

Он характеризовал состояние, как чрезвычайно напряженное, что на почве массовой коллективизации, на почве раскулачивания и на почве применения административных мер начинаются в целом ряде районов стихийные вооруженные восстания, что политика раскулачивания захватывала не только иногда кулацкую верхушку, но и некоторые середняцкие зажиточные слои деревни, и что эта величайшая драма в деревне создала и враждебное отношение к политике партии. Тут же сказал, что партия заварила эту кашу и пусть она расхлебывает, а нам чем хуже, тем лучше. Рыков говорил, что мы были бы смешны, если бы не вели свою борьбу за это кулацкое восстание, если бы мы сами не принимали абсолютно никаких мер в организации такого кулацкого движения и не стали у руководства. Рыков говорил, что прежде всего необходимо, чтобы со своей стороны мы воспользовались этим моментом для разжигания недовольства в деревне. Задачи, которые выдвигал тогда Рыков в беседе со мной, можно свести к трем основным моментам.

Первый момент. Вредительская работа в деревне: срыв посевной кампании путем несвоевременной выдачи и подвоза семенного материала, понижения его качества; это будет, естественно, озлоблять население; с другой стороны, меры, противоречащие укреплению колхозов, направленные к тому, чтобы возбуждать недовольство крестьянского населения.

Что же касается в отношении промышленности, то конкретно задачи тогда в области вредительства в промышленности не ставились, по крайней мере непосредственно определенных указаний не было.

Кроме того, мы должны в крупной промышленности создать и укреплять кадры и укрепиться в особенно важнейших ее отраслях на Урале и в этой работе не распыляться, так как промышленность слишком разнообразна, а сосредоточить свою работу на основных отраслях промышленности и на основных предприятиях.

Второй момент. Это возбуждение населения путем различного рода провокационных мер — неправильная организация снабжения основными продуктами питания и особенно непра-

вильная организация общественного питания. Это было в целом ряде мест в последующем, 1932 году, в частности в Перми, Лысьве и, насколько мне известно, в районе Кизела и в Березняках.

Третий момент. Консолидация всех элементов, враждебно настроенных к Советской власти, блокирование с существующими тоже на Урале организациями, в частности, с троцкистскими, зиновьевскими и эсеровскими; нам было подчеркнуто, что, надо, не теряя своей самостоятельности, снестись с ними и организовать связь и контакт.

Вот, по существу, те установки, которые были мною получены от Кабакова. Я знаю, что одновременно отдельно у него были тогда беседы в вагоне, довольно длительные, с Рыковым, и содержание, существо этих бесед мне известно от самого Кабакова, который мне передавал. Существо этих бесед сводится к тому, о чем я уже говорил.

Вышинский (обращается к суду). Разрешите спросить обвиняемого Рыкова?

Подсудимый Рыков, что вы можете сказать по этой части показаний подсудимого Зубарева? Вы подтверждаете встречу?

Рыков. Да.

Вышинский. А разговоры, поручения?

Рыков. Подтверждаю разговоры относительно характеристики мной настроений в тот период в деревне. Я должен был давать и давал также поручения. Но тут главное в выводах. В отношении выводов основная постановка вредительства...

Вышинский. Сначала о фактах, а потом о выводах. Давали ли вы поручения Зубареву?

Рыков. Да.

Вышинский. Когда?

Рыков. В мае месяце 1930 года.

Вышинский. Значит, вы давали поручения о подпольной вербовке членов организации правых?

Рыков. Да.

Вышинский. Это вы подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. А дальнейшие указания, которые вы давали Зубареву по линии его преступной работы, вы хотите уточнить?

Рыков. Да.

Вышинский. В основном они правильны?

Рыков. В основном, можно сказать, правильны. В отношении деревни я говорил, выражаясь на нашем языке, о саботаже политики партии в деревне в отношении коллективизации и о поддержке индивидуального хозяйства в деревне.

Вышинский. Вы давали установки на саботаж мероприятий правительства по коллективизации, на срыв коллективизации?

Рыков. И на поддержку индивидуального крестьянского хозяйства.

Вышинский. В целях срыва коллективизации?

Рыков. Одно исключало другое.

Вышинский. О саботаже политики партии вы давали установки?

Рыков. Ну, конечно, и политики партии в деревне вообще.

Вышинский. Вы это подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. Садитесь (обращается к суду). Разрешите спросить у обвиняемого Зубарева.

Обвиняемый Зубарев, скажите, что конкретно вами было сделано для совершения преступлений против Советского правительства?

Зубарев. В области сельского хозяйства мы имели у руководства членов нашей...

Вышинский. Мне не важно, каких вы членов организации будете называть. Мне важно, что вы, Зубарев, сделали по совершению преступлений против Советского правительства.

Зубарев. Я давал указания по линии сельского хозяйства в отношении срыва хлебозаготовок, поощрения враждебных настроений в связи со сдачей хлеба, о противодействии коллективизации, о противодействии мероприятиям, проводимым партией и правительством в отношении укрепления колхозов.

Вышинский. Это в каком году?

Зубарев. Эти указания я давал, когда был на Урале — в 1931 году.

Вышинский. А об организации кулацких восстаний вы давали указания?

Зубарев. Давал. Они находились в прямой зависимости от этих мероприятий.

Вышинский. Скажите, что именно вы припоминаете в этой части?

Зубарев. Что нами делалось в отношении кулацких восстаний в области организационных мероприятий? Создание на периферии организационных групп. Ничего другого в тот момент конкретно мы предпринять, конечно, не могли.

Вышинский. В каких целях?

Зубарев. В целях быть готовыми в подходящий момент к руководству такого рода восстанием и повстанческим движением.

Вышинский. Это вы делали по личной инициативе или не по личной?

Зубарев. Я проводил те директивы, которые я получил от Смирнова, от Рыкова. Эти установки также имел и Кабаков, поддерживавший все время непосредственную связь с Рыковым и Томским.

Вышинский. Дальше — в 1932 году, в 1933 году?

Зубарев. Я должен сказать, что в 1931 году, в конце, я выехал в Москву, но я знал о целом ряде мероприятий, которые проводились на Урале, от участников уральской организации при встрече со мной в Москве. Лично я непосредственных указаний не давал. В конце сентября я выехал и больше на Урал не возвращался, и моя связь поддерживалась только при свидании с отдельными участниками организации. Но я знал о той вредительской работе, которая проводилась по линии промышленности, и о той связи, которую имела уральская организация с троцкистами и эсерами.

Вышинский. Это когда?

Зубарев. В 1932, 1933 и 1934 годах. Это я знаю со слов целого ряда участников и, в том числе, непосредственно от самого Кабакова.

Вышинский. Какие факты вредительства имели место в вашей деятельности?

Зубарев. Я давал вредительские установки, наносящие вред Советскому государству в отношении сельского хозяйства на Урале. Что касается моей работы в Москве, то в Москве контрреволюционная деятельность моя начинается с середины 1933 года.

Вышинский. Скажите, в чем выражается ваша вредительская деятельность?

Зубарев. Когда я работал в области семеноводства по линии Наркомзема Союза, она выразилась в том, о чем говорил вчера подсудимый Чернов: запутывание семеноводства, ухудшение качества семян, применение недоброкачественного материала, плохая его очистка, небрежное хранение, а в результате это вызывало не только снижение урожая, но и враждебное настроение со стороны крестьянства, недовольство этими, так называемыми, сортовыми семенами.

Вышинский. Эти ваши преступления в какой период совершались?

Зубарев. Они имели место в конце 1933 года и начале 1934 года.

Вышинский. А дальше?

Зубарев. А дальше, в марте 1934 года я оставил работу в Наркомземе Союза и перешел на работу в Наркомзем РСФСР. В Наркомземе РСФСР существовала наша организация, и я имел возможность связаться с этой организацией через Муралова, так как Муралов, будучи членом организации, длительное время был народным комиссаром земледелия РСФСР, а его заместителем был Лисицын. От Муралова я знал, что и Лисицын состоит членом нашей организации.

Вышинский. В чем ваша преступная деятельность заключалась в Наркомземе РСФСР?

Зубарев. Здесь моя преступная деятельность заключалась, прежде всего, в неправильном планировании посева овощей, в частности, уделялось слабое внимание развитию посевов овощей в наших восточных районах, где развитие овощеводства имело громадное значение, особенно в связи с развитием промышленности, в частности, в ДВК и в Западно-Сибирском крае. Завоз туда овощей из основных овощных районов центральной части России составлял величайшие экономические трудности и загружал транспорт чрезвычайно невыгодным грузом, — это во-первых. Во-вторых, проводилась точно такая же работа в отношении слабого развития питомников по плодовым растениям. Плодоводство за последнее время начало чрезвычайно быстро развиваться, колхозное население стало предъявлять все более растущий спрос в связи с увеличением материального

благосостояния, а мы не в состоянии были этот спрос удовлетворить. Слабое развитие питомников точно так же осуществлялось как одно из вредительских мероприятий.

По линии совхозов основное вредительство заключалось в том, что до самого последнего времени не были установлены правильные севообороты, а в целом ряде совхозов вовсе не было севооборота. Все это, естественно, снижало урожай. Целый ряд совхозов, имевших большое количество скота, вследствие неправильного построения севооборотов оставался без кормов, в результате — падеж скота, медленное развитие скотоводства. Почему я говорю только об этом круге мероприятий? Дело в том, что по линии Наркомзема РСФСР круг наших мероприятий был крайне ограничен, ибо основные мероприятия были сосредоточены по линии Наркомзема Союза.

Вышинский. Известно вам было, что в программу этого центра и всей группы «право-троцкистского блока» входили террористические акты?

Зубарев. Да, известно.

Вышинский. Значит, вы об этом знали. Вы лично причастны в какой-либо мере к организации террористических актов?

Зубарев. Да.

Вышинский. Когда, против кого?

Зубарев. В конце 1936 года, примерно, в декабре, мы — я и Лисицын — имели директиву об организации в Наркомземе РСФСР террористической группы. В состав этой группы входили...

Вышинский. Это сейчас не существенно, кто входил. Вы входили в эту группу?

Зубарев. Да, я входил.

Вышинский. Вы организовали эту группу?

Зубарев. Я был одним из участников и одним из организаторов ее.

Вышинский. Против кого вы намеревались совершить ваши злодейские террористические акты?

Зубарев. Вначале мы конкретно никого персонально не имели в виду, а вообще намечали террористические акты против руководящего состава Центрального Комитета ВКП(б), в частности, против членов Политбюро. В силу своего положения, в силу своих связей и больших возможностей в смысле организации террористического акта мы остановились на Молотове.

Вышинский. На Молотове — Председателе Совета Народных Комиссаров СССР?

Зубарев. Да, на Молотове.

Вышинский. А еще были у вас преступные замыслы такого рода?

Зубарев. Мы остановились на этом. Других возможностей мы не видели. Вначале ставился вопрос относительно Сталина, Кагановича, Ворошилова и Молотова, но мы остановились на Молотове по тем соображениям, о которых я уже говорил.

Вышинский. Именно по техническим условиям?

Зубарев. По техническим условиям и по нашим возможностям.

Вышинский. Расскажите, при каких обстоятельствах вы оказались агентом царской охранки?

Зубарев. Не охранки, а царской полиции.

Вышинский. Это разница?

Зубарев. Маленькая разница есть, но существо одно и то же.

Вышинский. Я тоже так думаю.

Зубарев. В 1908 году в деревне у моего отца, где я также был в тот момент, был произведен обыск с большим нарядом полиции. При обыске было найдено значительное количество литературы.

Вышинский. Какой?

Зубарев. Нелегальной литературы. Руководивший обыском пристав Васильев поставил передо мной вопрос в такой плоскости: «Если вы, Зубарев, хотите избегнуть репрессии, то у вас есть только единственная возможность — принять мое предложение быть агентом полиции». Я тогда определенного ответа не дал, но сказал ему, что я в случае согласия сумею к нему зайти.

Через некоторое время я был у него на квартире в городе Котельниче, получил от него задания относительно информации о составе котельнической организации, о характеристике отдельных, наиболее активных руководителей — Чибисове, Петухове и Попове, я должен был давать сведения о спичечной фабрике и о воинском гарнизоне. Это было в декабре — ноябре 1908 года. В марте я был у него второй раз, затем выехал из пределов Вятской губернии в Уфимскую губернию и поступил на работу в качестве счетовода в кооперативе в уездном городе. В первый момент мне там не пришлось встречаться с полицией, но затем, в середине 1910 года, у меня установилась связь со стерлитамакским исправником.

Вышинский. Какая связь?

Зубарев. Как агента.

Вышинский. То есть вы стали агентом полиции в Стерлитамаке?

Зубарев. Да. Пристав Васильев мне заявил, что им было послано соответствующее уведомление по месту моего последующего жительства. С этого времени началась моя работа, причем я получил кличку «Парень».

Вышинский. Это вторая ваша кличка?

Зубарев. Да. Первая кличка была «Василий».

Вышинский. Были у вас еще клички?

Зубарев. Была еще кличка «Прохор», в Уфе.

Вышинский. В какое время?

Зубарев. В начале 1916 года.

Вышинский. Вы чем тогда занимались, кроме провокаторской работы? Ваше официальное положение?

Зубарев. Я работал в городе Стерлитамаке уездным инструктором по кооперации.

Вышинский. Кого вы предавали?

Зубарев. Кооперативные кадры и кадры земских работников.

В Стерлитамаке я имел поручение давать сведения о ссыльных, которых было в Стерлитамаке значительное количество.

Вышинский. Освещали ссылку?

Зубарев. Да.

Вышинский. Большевистскую ссылку освещали?

Зубарев. Там был один социал-демократ, агроном Силин, и еще один социал-демократ, фамилию которого я сейчас не помню.

Вышинский. Значит, всех, кого предали, вам трудно запомнить?

Зубарев. Во всяком случае, поскольку я не отрицаю самого факта...

Вышинский. Я и говорю, всех не запомнили. Так. В конце 1915 и начале 1916 года вы переехали на жительство в Уфу?

Зубарев. Да.

Вышинский. При каких обстоятельствах? Почему в Уфу потянулись?

Зубарев. Со стороны губернского земства мне было предложено занять должность губернского инструктора по кооперации. Я приехал в Уфу и через полтора месяца был мобилизован...

Вышинский. Приехавши в Уфу, вы опять связались с полицией?

Зубарев. Да, в начале февраля 1916 года.

Вышинский. И тут получили кличку «Прохор»?

Зубарев. Да.

Вышинский. А затем были призваны в ряды армии?

Зубарев. Да.

Вышинский. А будучи в армии, вы продолжали осведомлять полицию по политическим вопросам?

Зубарев. После выезда из Уфы нет.

Вышинский. Я спрашиваю, когда вы были в армии...

Зубарев. Во всяком случае меня это дело очень тяготило, ибо мое вступление в агенты царской охранки не было вызвано природным органическим пороком.

Вышинский. Не органическим пороком?

Зубарев. Я хочу сказать, что я...

Вышинский. Органическим пороком или не органическим пороком это было вызвано, мы потом выясним.

Значит, вы вступили в связь с полицией в 1908 году?

Зубарев. Да.

Вышинский. На протяжении ряда лет эта связь продолжалась. Потом вы оказываетесь в Стерлитамаке, вступаете здесь в связь с полицией, потому что пристав Васильев сообщил о вас в это новое место. В 1910 году вы живете в Стерлитамаке, в 1911 году тоже.

Зубарев. Я жил там по 1914 год.

Вышинский. За все это время вы поддерживали связь с полицией?

Зубарев. Да, поддерживал.

Вышинский. Значит, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 годы и часть

1915 года вы состояли в связи с полицией, проживая в то время в Стерлитамаке?

Зубарев. Да.

Вышинский. Потом вы переезжаете в Уфу и опять связываетесь с полицией. После этого вы призываетесь в армию. Когда вы были в армии, продолжали вы давать сведения полиции о революционных настроениях в армии?

Зубарев. Я получил задание освещать политические настроения той воинской части, в которой я находился.

Вышинский. Вы это делали?

Зубарев. Да, один раз я это сделал, потом выехал из Уфы.

Вышинский. Значит, не пришлось больше?

Зубарев. Да.

Вышинский. Значит, на протяжении большого периода вы были связаны с полицией вплоть до самой революции?

Зубарев. Да.

Вышинский. Вы получали вознаграждение за эту свою работу?

Зубарев. Дважды от пристава Васильева по 30 рублей.

Вышинский. По 30 серебрянников.

Зубарев. Да.

Вышинский. В два раза больше, чем Иуда?

Зубарев. Да.

Председательствующий. Вы занимались шпионской деятельностью?

Зубарев. Я упустил об этом сказать.

Председательствующий. Вы занимались шпионской деятельностью?

Зубарев. Да.

Председательствующий. Расскажите о своей шпионской деятельности.

Зубарев. Моя шпионская деятельность началась с конца 1935 года. Вовлечен я был в эту организацию для дачи секретных сведений секретарем Сулимова Ивановым. Сведения секретного порядка, касающиеся данных по линии сельского хозяйства, я давал дважды — в январе и в декабре 1936 года. Я подробно освещал состояние деревни, освещал хлебные запасы, семенные и продовольственные фонды, особенно фуражные, говорил о состоянии скота. От Иванова я узнал, что эти сведения давались в пользу фашистской Германии. Но через кого конкретно осуществлялась эта связь — я этих сведений по вполне понятным причинам не имел и мне это неизвестно.

Вышинский. Я прошу вызвать сюда в качестве свидетеля пристава Васильева, который вербовал в свое время Зубарева, для проверки этого обстоятельства.

Председательствующий (Зубареву). Садитесь пока.

Суд определил ходатайство Прокурора удовлетворить и вызвать Васильева в качестве свидетеля на заседание суда.

Вышинский. Я прошу допросить его теперь же. Я позаботился о том, чтобы он был приглашен сюда, однако он находится за пределами зала суда.

Председательствующий. Товарищ комендант, введите свидетеля Васильева.

(Вводят свидетеля Васильева.)

Ваша фамилия Васильев?

Васильев. Васильев.

Председательствующий. Ваше имя, отчество?

Васильев. Дмитрий Николаевич.

Председательствующий. Когда вы родились?

Васильев. В 1870 году.

Председательствующий. Вы в 1907, 1908, 1909, 1910 годах в каких городах жили?

Васильев. В городе Котельниче.

Председательствующий. Какую должность занимали?

Васильев. Я был становым приставом 4-го стана.

Председательствующий. С какого по какой год были приставом?

Васильев. С 1906 по 1917 год.

Председательствующий. Во время вашей работы в качестве пристава приходилось вам кого-нибудь вербовать в качестве провокатора?

Васильев. Приходилось.

Председательствующий. В частности, не приходилось ли вам завербовать Зубарева?

Васильев. Зубарева да, так точно.

Председательствующий. В двух словах расскажите, как вы его завербовали.

Васильев. Полицейский урядник Смердинской волости, где жил в деревне Зубарев Прокопий Тимофеевич в доме своего отца, сообщил мне, что там собираются молодые люди, поют революционные песни, читают революционные книги. Ну, я, конечно, по долгу своей службы тогда с урядником Коневым приехал в деревню, сделал обыск, обнаружил действительно много революционных изданий, последние отобрал, и Зубарева пришлось, конечно, арестовать. В моей канцелярии Зубарев сказал, что у них еще есть в деревне революционно настроенные люди, назвал он мне имена двух человек, но фамилии не сказал, и сказал, что он выявит этих двух людей. Я доложил исправнику. Исправник велел его завербовать и отобрать от него подписку.

Председательствующий. Какого характера подписку?

Васильев. О том, что он обязуется давать полиции сведения. При отобрании этой подписки он сказал, что кличка его будет «Василий».

Председательствующий. Сам сказал?

Васильев. Да, сам сказал. Я хорошо помню.

Председательствующий. О деньгах стал разговаривать?

Васильев. Потом уже о деньгах.

Председательствующий. Какая же плата была установлена?

Васильев. Исправник прислал ему 30 рублей.

Председательствующий. Потом вам приходилось давать ему еще деньги?

Васильев. Я хорошо помню один раз, но может быть и еще давал, я не отрицаю.

Вышинский. В течение какого времени вы были связаны с Зубаревым?

Васильев. С 1908 по 1909 год.

Вышинский. Сколько же времени, в общем?

Васильев. Год, в общем.

Вышинский. Год с лишним?

Васильев. Да. Связался в начале 1908 года, а в начале 1909 года он выехал из Котельнического уезда.

Вышинский. А вы знали его семью по месту?

Васильев. Нет, не знал. У меня было шесть волостей, народу было много.

Вышинский. А как вы запомнили его хорошо? С тех пор времени прошло немало, а вы запомнили этого Зубарева так хорошо.

Васильев. Запомнил.

Вышинский. Значит, вы его запомнили по вашей работе тогдашней?

Васильев. По моей работе.

Вышинский. Он еще с вами встречался?

Васильев. После 1909 года я его в глаза не видел. Он тогда был еще человек молодой, а теперь он как будто бы мужчина пожилой.

Вышинский. Ну я думаю! Вы тогда тоже были моложе (к председателю). Можно Зубарева спросить?

Председательствующий. Подсудимый Зубарев.

Вышинский. Вы не припомните, этот Васильев тогда был приставом?

Зубарев. Так как прошло 30 лет, мне трудно сейчас вспомнить, но, кажется, что этот... Не отрицаю.

Вышинский. Похож?

Зубарев. Да.

Вышинский. Тогда был моложе?

Зубарев. Конечно.

Вышинский. Вы получали деньги от Васильева или от кого-либо другого? И кому давали сведения?

Зубарев. Да, от Васильева и передавал сведения Васильеву.

Вышинский. Сколько раз, не помните?

Зубарев. Я был у него два раза.

Вышинский. Где он жил в то время?

Зубарев. В Котельниче.

Вышинский. И в Котельниче являлись?

Зубарев. Да.

Вышинский. А арестованы вы где были?

Зубарев. Я арестован тогда не был.

Вышинский. Он тогда же вас задержал с литературой?

Зубарев. Да, но он мне поставил тогда такое условие...

Вышинский. У вас был тогда обыск?

Зубарев. Да.

Вышинский. У вас была тогда найдена нелегальная литература?

Зубарев. Да.

Вышинский. Вы были в связи с этим задержаны?

Зубарев. Да, я был задержан, но мне было предложено такого рода условие, что если я буду давать сведения...

Вышинский. Тогда же он взял с вас подписку?

Зубарев. Я не помню сейчас, но, кажется, что так.

Вышинский. Но этот факт вы твердо помните?

Зубарев. Да. Я потом выехал из Котельнича и передавал сведения в Стерлитамаке.

Вышинский. А кличку «Василий» вы сами выбрали?

Зубарев. Я не помню, кто давал, сам ли я взял или с его стороны было предложение, не помню и боюсь отрицать, что он дал или я сам выбрал, но факт этот имел место.

Вышинский. Вы подтверждаете, что свидетель Дмитрий Николаевич Васильев напоминает вам того пристава Васильева, который вас впервые завербовал на службу в полицию?

Зубарев. Да, подтверждаю.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. Обвиняемый Зубарев, у вас есть вопросы к свидетелю?

Зубарев. Я сказал в показаниях, которые давал суду, что меня завербовал пристав Васильев на службу в полиции.

Председательствующий. Тогда свидетеля можно освободить?

Вышинский. Да.

Председательствующий. Можете итти. (Обращается к Прокурору.) У вас вопросы к Зубареву есть?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. Объявляется перерыв до 6 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Вечернее заседание 3 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь. Заседание суда продолжается.

Приступаем к допросу подсудимого Крестинского.

Вышинский. Позвольте мне до допроса Крестинского задать несколько вопросов обвиняемому Раковскому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Раковский, вы признали себя виновным в преступлениях, которые вам предъявлены?

Раковский. Признал.

Вышинский. Вы здесь слышали также ответ Крестинского, который на вопрос суда заявил, что он не троцкист и не совершил преступлений, в которых он признавался на предварительном следствии.

Я хотел бы спросить у вас, как у одного из виднейших представителей и руководителей троцкистского подполья в СССР, что вы знаете о троцкистской деятельности Крестинского в последний период времени?

Раковский. Прежде всего я должен остановиться на тех показаниях или на тех заявлениях, которые сделал вчера здесь Крестинский.

Вышинский. Да, я вот об этом и говорю.

Раковский. Крестинский в доказательство того, что он отошел от троцкизма, заявил, что он в конце 1927 года послал письмо Троцкому, в котором отмежевался от троцкистских позиций. Если не ошибаюсь, таков был смысл заявления Крестинского здесь вчера?

Вышинский. Так мы все поняли.

Раковский. Это письмо Крестинского мне известно.

Вышинский. Известно?

Раковский. Троцкий давал мне его читать. И не только мне. Но для того, чтобы осветить смысл этого письма, я должен прежде всего указать на один факт.

Возвращаясь в Москву, за несколько недель до посылки Крестинским этого письма, накануне пленума ЦК перед XV съездом, я остановился в 1927 году в Берлине, как всегда — в полпредстве, где тогда работал Крестинский, и вместе со мной был Каменев. Он приехал из Рима и тоже отправлялся на пленум ЦК. Между мной, Каменевым и Крестинским, как между

единомышленниками, происходил тогда в Берлине обмен мнений.

Вышинский. Как между единомышленниками?

Раковский. Да, само собой понятно, как между единомышленниками. До этого времени со стороны Крестинского не было никаких признаков отхода от оппозиции. При встрече в Берлине мы вместе обсуждали, что следует предпринимать оппозиции на предстоящем пленуме. Крестинский оставался в Берлине. Он был того мнения, что нужно продолжать и дальше маневрировать.

Вышинский. Маневрировать?

Раковский. Маневрировать.

Вышинский. То есть двурушничать?

Раковский. Тогда это слово не употреблялось.

Вышинский. А смысл?

Раковский. Смысл тот же.

Я не буду говорить о дальнейших спорах, которые происходили между нами. Через некоторое время после этого, когда я уже был в Москве, Троцкий мне показал письмо Крестинского.

Вышинский. Когда это было?

Раковский. Я думаю, что это было в первых числах декабря 1927 года.

Вышинский. Вы припоминаете, что в этом письме было?

Раковский. Точное содержание я не помню, общее впечатление было такое, что это маневр. Когда я прочел это письмо Крестинского, я сказал Троцкому: «Крестинский подготавливает то, что на языке юриспруденции называется свое «алиби». Троцкий подтвердил это. Так впоследствии и получилось, ибо, когда ЦК ВКП(б) обратился к полпредам, разделявшим троцкистские взгляды, с вопросом, как они относятся к исключению руководителей оппозиции из партии, Крестинский написал в ЦК письмо и ссылался в нем на это свое «алиби».

Вышинский. Ссылался на письмо Троцкому как на доказательство разрыва с троцкизмом?

Раковский. Да, на это письмо как на доказательство, что он отошел. Письмо Крестинского в ЦК было напечатано в газетах в 1928 году. Я не помню, что из письма Крестинского было напечатано. Он оставил себе копию. Я не могу сказать, что из его письма было приведено, но ссылка на его письмо была.

Я тоже на положении обвиняемого. Я не имею права перегружать никого из моих тут соучастников новыми обвинениями. Я думаю, достаточно того, если я передам то впечатление, которое тогда было и осталось. Я не считаю, что этот документ свидетельствует об отходе Крестинского от троцкистской оппозиции. Это уже не было делом каких-нибудь временных увлечений. Это уже была борьба, которая продолжалась примерно 7—8 лет, борьба между троцкистами и партией. И как можно предполагать, что достаточно заставить себя в течение получаса или часа написать документ для того, чтобы после этого все прошлое, вся идеология, все привычки, связи — все это исчезло?

Вышинский. Следовательно, письмо, о котором здесь говорил подсудимый Крестинский как о доказательстве его разрыва с Троцким и троцкистами, вы рассматриваете исключительно как маневр, как документ, который должен был бы, в случае необходимости, свидетельствовать о его «алиби»?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Следовательно, на мой вопрос — был ли в ноябре 1927 года и позже Крестинский троцкистом — как вы отвечаете?

Раковский. Да, Крестинский был троцкистом и с троцкизмом никогда не порывал.

Вышинский. Следовательно, как вы расцениваете сделанное здесь вчера заявление подсудимого Крестинского, что он не был троцкистом, по крайней мере с ноября 1927 года?

Раковский. Как не соответствующее действительности.

Вышинский. Вам известно, что обвиняемый Крестинский и позже был троцкистом?

Раковский. Известно.

Вышинский. Вы можете привести какие-нибудь факты?

Раковский. Могу. Я обращусь, если позволит суд, к самому Крестинскому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Раковский (Крестинскому). Николай Николаевич, когда я был в ссылке, ты мне писал?

Крестинский. Да, через дочь, которая ехала в Саратов, я писал.

Вышинский. Позвольте спросить подсудимого Крестинского: в каком году это было?

Крестинский. Это было в 1928 году.

Раковский. Это было в 1929 году, в августе или июле месяце. В 1928 году я был в Астрахани.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, а вы куда писали письмо?

Раковский. Он писал в Саратов.

Крестинский. Точно год я не помню. Но я просил тогда Кагановича перевести Христиана Георгиевича из Астрахани в Саратов, ссылаясь на наши с ним дружеские отношения. Это было удовлетворено. И вот, когда он переехал в Саратов, к нему поехала его дочь, я через нее написал ему письмо. Разрешите мне...

Вышинский. Виноват. У нас все делается по порядку...

Крестинский. Может быть я сократил бы вам работу.

Вышинский. Я не нуждаюсь в сокращении, тем более, что ваши вчерашние заявления не свидетельствуют, чтобы вы хотели сокращать процесс.

Крестинский. Но может быть я...

Председательствующий. Дойдет еще до вас очередь, обвиняемый Крестинский.

Вышинский. Я просил бы, подсудимый Раковский, сообщить, о чем вам писал в 1929 году, во время вашего пребывания в Саратове, в ссылке, обвиняемый Крестинский?

Раковский. Крестинский в этом письме писал, чтобы я вер-

нулся в партию, естественно, в целях продолжения троцкистской деятельности.

Вышинский. Зачем?

Раковский. Он ничего явно противозаконного в этом письме не писал.

Вышинский. Значит, вы сейчас устанавливаете факт его связи с вами, хотя вы были ссыльным троцкистом?

Раковский. Да, и его желание, как и других троцкистов, сохранить троцкистские кадры, по возможности проникнув в партию.

Вышинский. Значит, он уговаривал вас, чтобы вы из тактических соображений, в интересах троцкистского дела, вернулись в партию?

Раковский. Так я понял.

Вышинский. Разрешите задать вопрос подсудимому Крестинскому.

Подсудимый Крестинский, правильно понял содержание вашего письма подсудимый Раковский?

Крестинский. Правильно.

Вышинский. Я прошу суд о следующем. По моему требованию сейчас были проверены документы, изъятые при обыске у Крестинского. Среди них имелась копия его письма Троцкому от 27 ноября 1927 года, того самого письма, на которое ссылался вчера Крестинский и о котором говорит Раковский.

Я прошу разрешить мне предъявить Раковскому и Крестинскому эту копию письма и спросить их, об этом ли письме Троцкому оба они говорят, после чего прошу разрешить мне поставить еще несколько вопросов.

(Копия письма от 27 ноября 1927 года предъявляется Крестинскому, затем Раковскому.)

Крестинский. Это то самое письмо.

Вышинский. Прошу предъявить копию этого письма обвиняемому Раковскому.

Раковский. Автор письма лучше помнит его, чем я.

Вышинский. Это займет у нас две минуты, но факт будет установлен.

Раковский (читая письмо). Да, насколько я могу помнить, это есть то самое письмо.

Вышинский. Прошу разрешить предъявить Раковскому выдержку из газеты «Экономическая жизнь» от 8 апреля 1928 года, где написано: «Выдержка из письма Крестинского от 22 марта 1928 года». Не это ли он имел в виду, когда говорил о письме Крестинского в ЦК, посланном уже после его письма к Троцкому?

Раковский. Да, об этом.

Вышинский. Значит, все факты установлены.

Раковский. Я читал это в «Правде» или «Известиях», но оно могло быть опубликовано во всех газетах.

Крестинский. Это было 8 апреля.

Вышинский. А письмо датировано 22 марта?

Крестинский. Я не помню дату письма.

Раковский. Я помню, было два письма, отправленных троцкистскими полпредами: Антоновым-Овсеенко и Крестинским.

Вышинский. Значит, все факты установлены. Вы не помните ли, обвиняемый Раковский, что письмо, о котором вы сейчас говорили, начиналось именно так, как начинается копия этого письма: «Дорогой Лев Давыдович»?

Раковский. Это была обычная форма.

Вышинский. Подсудимый Раковский, не помните ли вы следующего места из личного письма Крестинского Троцкому, как оно отражено в копии. Крестинский пишет: «По моему глубокому убеждению тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной для целей самой оппозиции, можно сказать трагически неправильной».

Можно ли из этого абзаца сделать заключение, что здесь содержится какое-либо осуждение троцкизма?

Раковский. Нет. Крестинский рассуждает как человек, находящийся в троцкистской организации. Он исходит из троцкистских предпосылок. Он говорит в интересах троцкистской организации, троцкистских целей. Это то, что он заявлял в Берлине, как я уже сказал.

Вышинский. Следовательно, здесь есть просто оценка тактической линии троцкистов, даваемая человеком, в данном случае Крестинским, остающимся на почве троцкистской борьбы против Советской власти?

Раковский. Да, это так.

Вышинский. Позвольте спросить Крестинского. Правильно ли будет так понимать это место из вашего письма Троцкому?

Крестинский. Да, так.

Вышинский. Дальше в копии этого письма говорится:

«Смешно говорить о сохранении кадров, когда они уже фактически уничтожены неправильной политикой самой оппозиции. Нельзя, ведь, считать кадрами пару сотен исключенных и поставленных вне закона товарищей. Это кадры для тюрьмы и ссылки, а не для продолжения внутрипартийной борьбы. Еще смешнее говорить о сохранении влияния на массы. Где это бывало в истории, чтобы группа, потерпевшая полное поражение в борьбе, благодаря собственным ошибкам, могла сохранить влияние на массы? А, ведь, для всякого не ослепленного ясно, что преждевременные, обреченные на неудачу выступления и последующее полное поражение есть результат ошибок, плохого, неверного руководства.

И при капитуляции и при непримиримой тактике потеря влияния неизбежна. Но в первом случае медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

О чем же здесь идет речь? Мне представляется, что речь идет об оценке тактической линии троцкистов с точки зрения интересов троцкистской борьбы против партии, но никак не о разрыве с троцкизмом.

Раковский. Да, это так, я это подтверждаю полностью.

Вышинский (обращаясь к Крестинскому). Вы вы-

слушали подробное объяснение Раковского о так называемом отходе вашем от троцкизма. Считаете ли вы эти объяснения Раковского правильными?

Крестинский. То, что он говорит, правильно.

Председательствующий. Вы подтверждаете то, что говорил Раковский?

Крестинский. Да, подтверждаю.

Вышинский. Если верно то, что говорил здесь Раковский, то будете ли вы продолжать обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. К Раковскому у меня нет вопросов.

У меня один вопрос к Крестинскому: что значит в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский. Вчера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую борьбу. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство.

Вышинский. У меня больше вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет.

Председательствующий. Садитесь, обвиняемый Крестинский.

Переходим к допросу подсудимого Рыкова.

Подсудимый Рыков, ваши показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Рыков. Да, подтверждаю.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, есть у вас вопросы к подсудимому Рыкову?

Вышинский. Имеется ряд вопросов.

Подсудимый Рыков, скажите, когда началась ваша подпольная заговорщическая деятельность против Советского правительства?

Рыков. По существу дела она началась с 1928 года.

Вышинский. С 1928 года она оформилась?

Рыков. Может быть, трудно запомнить.

Вышинский. Приблизительно — в эти годы.

Скажите, в чем выражалась в это время ваша антисоветская деятельность, какие непосредственно ставили организационные задачи, какие вы преследовали цели?

Рыков. В этот период, с 1928 по 1930 годы...

Вышинский. И в последующее время.

Рыков. Я говорю — в этот период потому, что он несколько однотипен. Я боролся активно против всей политики партии и Советского правительства и, главным образом, против политики партии в отношении к крестьянству. Эта деятельность выразилась в моих, что называется, легальных выступлениях. Нелегальная организация в этот период использовывала легальные возможности.

Вышинский. О нелегальной деятельности расскажите. Меня интересует нелегальная деятельность.

Рыков. В этот период одно от другого нельзя отделять, потому что нелегальная организация в этот период существовала для того, чтобы использовать легальные возможности. Легальные возможности давали такой резонанс: давали возможность общения среди лиц и слоев населения, которых в последующий период нелегальная организация была лишена. Поэтому руководящий центр, к которому я принадлежал, легально выступал и использовал все возможности. Поэтому, если говорить обо мне, то легальные мои выступления в это время были; я был председателем СНК и поэтому мои легальные выступления имели специальную роль, которая в партии в тот период еще сохранялась за мной.

Вышинский. Какие у вас были отношения в 1928—1929 годах с Ягодой?

Рыков. В отношениях с Ягодой все было нелегально. У нас уже в этот период, наряду с легальной частью, то есть той группой членов контрреволюционной организации правых, которая выступала легально, существовали кадры, которые были специально законспирированы в целях организации дальнейшей борьбы с партией. К этим людям, в частности, принадлежал Ягода, с которым я был в этот период и перед тем связан лично, от которого я получал специально подобранную информацию, которую я использовал для своих выступлений против политики партии в деревне. Когда, в дальнейшем, на заседании Политбюро было вскрыто сочувствие Ягоды нам по вопросу о чрезвычайных мерах в хлебозаготовках по отношению к кулачеству, он после короткого времени осуществил маневр двурушничества, заявил себя сторонником партии, на самом деле оставаясь членом нашей контрреволюционной организации. Причем сделано это было не только с моего ведома, а, насколько помню, и по моему совету.

Вышинский. Было ли у вас с Ягодой соглашение о том, что члены вашей подпольной организации им не будут репрессироваться?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Было ли с Ягодой соглашение о том, что он будет оберегать подпольную организацию правых, используя свое служебное положение?

Рыков. Да.

Вышинский. А какое служебное положение он в то время занимал?

Рыков. Он был заместителем председателя ОГПУ Менжинского.

Вышинский. Заместителем председателя ОГПУ?

Рыков. Да. Вот в этих целях мы и стремились, главным образом, его законспирировать.

Вышинский (обращаясь к суду). Позвольте спросить Ягоду.

Подсудимый Ягода, вы подтверждаете эту часть показаний Рыкова?

Ягода. Факт подтверждаю, редакцию нет.

Вышинский. Редакция вам не нравится?

Ягода. Факт был, но не так, как говорит Рыков.

Вышинский. В 1929 году это было?

Ягода. Было.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Подсудимый Рыков, вы говорите, что это было в 1929 году?

Рыков. Да, это было в 1929 году.

Вышинский. Во всяком случае это было тогда, когда вы, подсудимый Ягода, были заместителем председателя ОГПУ и когда на вашей обязанности лежала борьба с подпольными группами?

Ягода. Да.

Вышинский. Следовательно, вы совершили прямую государственную измену?

Ягода. Да.

Вышинский. Садитесь. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. Я продолжу эту тему относительно Ягоды. Уже с самого начала нашей открытой борьбы против партии образовалась прослойка членов нашей контрреволюционной организации правых, которая не заявляла себя открыто сторонниками правых. К их числу, кроме Ягоды, принадлежали такие люди, как Антипов, Разумов, Румянцев.

Вышинский. А из людей, которые находятся на скамье подсудимых?

Рыков. Здесь?

Вышинский. С правой стороны от вас.

Рыков. Иванов, он сманеврировал в этом отношении. О нем знали как об участнике правого уклона. Он тоже сманеврировал одним из первых. Больше я здесь никого не могу назвать. Мы с Бухариным выступали открыто, об остальных я не могу сказать — были ли открытые выступления в защиту программы правых. Относительно Иванова могу сказать, что были. Существовали даже отдельные группы, допустим, ленинградская группа целиком в составе Комарова и целого ряда других.

Таким образом, в этот период так называемой открытой борьбы, наряду с легальной, открытой борьбой сразу стал складываться и нелегальный центр правых в составе меня, Бухарина и Томского. Создался он сам по себе, потому что мы трое принадлежали к одному составу Политбюро. Руководство борьбой

было в наших руках. Этот центр удержался и продолжал свою контрреволюционную работу до последнего времени.

Нелегальная работа заключалась в том, что такие же группы в тот период — с 1928 по 1930 год — стали создаваться и на территории Союза. Точного перечисления — где, какие группы создавались, в каком количестве — этого сказать не могу. Был целый ряд участников нашей организации в разных местах, как это перечислено, в том числе и такие, как Кабаков, секретарь...

Вышинский. Этого не требуется.

Рыков. Главными составными частями того, что вошло в состав контрреволюционной организации в Москве, был Томский со своими профессионалистами, Бухарин со своими связями, в частности, со своими учениками, с его «школкой», потом я с целым рядом своих сторонников. Затем Угланов с группой своих сторонников из москвичей. Это сразу составило организацию правых. До 1930 года шло накопление этой организации и использование открытых выступлений для вербовки сторонников и создания определенной популярности организации.

В этих целях, в целях борьбы с партией, мы использовали профсоюзный съезд. Почти все 93 человека, которые голосовали за Томского и против партии на профсоюзном съезде, вошли в нашу контрреволюционную организацию.

Значит, элементы двурушничества, скрытой от партии нелегальной работы тоже были с самого начала.

Тут были отдельные оттенки в отношении оценки легальной или нелегальной контрреволюционной организации. Один из членов, как Антипов, допустим, и целый ряд других настаивали сразу на скорейшем переходе на нелегальность, не придавая никакого значения легальной борьбе, — что легальное положение приведет к провалу кадров, что оно не сулит успеха, а отдельные члены организации, значительное количество их, оценивали легальные выступления очень хорошо. Когда на пленумах, конференциях и съездах партии позиции правых подвергли систематическому разоблачению, было совершенно ясно, что удержаться на легальной позиции было невозможно. Тогда началась серия заявлений об отказе от правых убеждений. Все эти заявления были обманом партии. Из центра, куда и я входил, давались непосредственные директивы о том, чтобы такие заявления подавать.

Несколько позднее, одним из последних, подал заявление об отказе от защиты платформы правых и я, вместе с Бухариным и Томским. Этим заявлением мы хотели обмануть партию. После того, как было вынесено решение съезда партии о несовместимости взглядов правых с принадлежностью к партии, мы перешли полностью на нелегальность. Были также совершенно скрытые методы использования легальной печати, но они редко удавались, да и не могли удаваться, а поэтому пришлось перейти на нелегальность.

Таким образом, с 1930 года контрреволюционная организация была нелегальной на 100%, ее работа была построена на обмане партии.

Кроме этого заявления, которое я подал, мы, в частности я, напечатали в газете несколько статей против своих собственных заявлений и установок. Этим мы преследовали ту же цель — обман.

Вышинский. Так что обман партии это была широко практиковавшаяся вами система?

Рыков. Да, конечно, это была система, которая практиковалась очень широко. Как один из примеров, я приводил свой доклад на областной конференции на Урале. Это было в 1930 году. Характерным для этого доклада было то обстоятельство, что в период, когда главным звеном во всей работе партии, рабочего класса и крестьянства была борьба за коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, — я прочел доклад, в котором этот тезис был совершенно выпущен. Здесь было использовано умолчание, такое умолчание, которое в некоторых случаях говорит гораздо громче, чем оглашение. Этот прием был использован мною на конференции в Свердловске, о которой рассказывал Зубарев, во время которой я с ним виделся. Это — обстановка в 1930 году. Сегодня я могу назвать кое-каких людей.

Вышинский. Это меня не интересует. Меня интересует другой вопрос. В период времени 1928—1929 годов у вас действовал руководящий центр?

Рыков. Да, тройка с самого начала.

Вышинский. В лице кого?

Рыков. В лице моем, Бухарина и Томского.

Вышинский. Следовательно, можно прямо утверждать, что уже в 1928 году у нелегальной группы правых был свой руководящий центр в лице этой тройки?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Перейдем к дальнейшему периоду.

Рыков. Следующий период—1930—1933 годы. Это тот период, когда формировались наиболее преступные методы работы и цели, которые поставила себе контрреволюционная организация. Я должен здесь оговориться, было бы неправильно сказать, что в период 1928—1930 годов никто из правых не говорил о применении таких методов, как террор.

Вышинский. Были такие?

Рыков. Конечно, в этот период отдельные лица уже выставляли требования о применении этих методов, но это были предвестники того, что потом было принято в виде тактики контрреволюционной организации правых. Для периода 1930—1933 годов в смысле принципиальных установок является характерной так называемая рютинская программа. Обсуждалась эта рютинская программа дважды в 1932 году при моем участии, на даче Томского. Кроме меня, на первом собрании присутствовали Бухарин и Томский и целый ряд лиц, в числе которых был Василий Шмидт и Угланов.

Вышинский. Бухарин там был?

Рыков. Бухарин был на первом заседании, когда были выработаны исходные тезисы.

Вышинский. А на втором?

Рыков. На втором заседании Бухарин не был, он был в отпуску, но он потом, ознакомившись с платформой, полностью солидаризировался и присоединился к ней.

Вышинский. На втором собрании вы были и Томский?

Рыков. На первом собрании были я, Томский, Бухарин, Угланов и Шмидт.

Вышинский. Василий?

Рыков. Да.

Вышинский. Василий Шмидт?

Рыков. Да.

Вышинский. А на втором?

Рыков. На втором были те же, кроме Бухарина, плюс еще два других лица, о которых я сказал, и некоторые лица, фамилии которых я не знаю, они были приглашены Углановым, они принимали участие. Тут характерно и содержание, и форма. Платформа называется рютинской, потому что она была издана сторонниками правых, группой Рютина, из московской организации Угланова.

Эта группа, при производстве следствия по поводу этой платформы, приняла всю ответственность на себя. Это было сделано с заранее обдуманным намерением, чтобы нам самим не быть привлеченными к ответственности за эту платформу. Благодаря тому, что Ягода был во главе ОГПУ, нам удалось это сделать.

Вышинский. Значит, Ягода покрыл?

Рыков. И для того, чтобы легче было это сделать, в самой программе была эта фраза, которая заключала в себе некоторое ощущение отмежевания от меня, Бухарина и Томского; там говорилось нечто вроде того, что эти трое являлись как бы отработанным паром. Это было сделано в интересах двурушничества.

Вышинский. Уже тогда, следовательно, элемент терроризма имел место в вашей деятельности?

Рыков. Существо формулировки сводилось к тактике. Платформа признавала (насколько я помню, а я помню, ибо принимал участие в редактировании) насильственные методы изменения руководства партией и страной — террор, восстания. Она давала такую широкую формулировку, которая представляла собой директиву о применении насильственных мер в тех формах, которые могут найтись в нашем распоряжении. Вторая формулировка — это объединение тех сил, тех организаций, которые борются с партией и правительством СССР. Эти два тезиса являлись основными и определяющими в рютинской платформе и вместе с тем для всего последующего периода.

Как осуществлялась эта программа? Этот период характерен, как период острой классовой борьбы в деревне и большой силы сопротивления кулачества, крестьянской буржуазии правительству и партии. Этим накладывался специальный оттенок на этот период. Наша контрреволюционная работа за этот период стремилась опереться, и опиралась до некоторой степени, на те силы контрреволюции, которые в это время активизировались.

Я имею в виду кулацкие выступления, кулацкие восстания, кулацкий саботаж, который в то время был довольно широко развит. Тут мы применили все формы использования антисоветских, буржуазных сил в деревне для борьбы с партией и правительством: от использования уже назревших выступлений до сознательной организации кулацких восстаний. В качестве примеров могу привести два случая, в которых центр принял непосредственное участие. Конечно, центр не мог руководить каждым отдельным выступлением в каждом месте, но в двух случаях, имеющих значение в связи с данным делом, это имело место. Я имею в виду Северный Кавказ и Сибирь.

Вышинский. Северный Кавказ — вы какой год имеете в виду?

Рыков. Тут трудно различать... По-моему, 1931 год, 1932, 1933.

Вышинский. А 1930 год не входит сюда?

Рыков (после молчания). Боюсь ошибиться.

Вышинский. А вот тот спор, который был сегодня в утреннем заседании между обвиняемыми Бухариным и Ивановым по поводу установки на повстанческое движение на Северном Кавказе, как вы вспоминаете, была такая установка?

Рыков. Мое личное участие в контрреволюционной работе центра относится к более позднему периоду и связано с посылкой Эйсмонта на Кавказ, что было осуществлено в 1932 году.

Вышинский. А вы говорили о том, что в 1928 году были связаны с Ивановым?

Рыков. Кто, я?

Вышинский. Нет, группа правых.

Рыков. Я сегодня слышал Иванова и слышал, что он входил в группу правых, но у меня с ним лично связи не было.

Вышинский. Значит, это была особая установка Бухарина и Иванова?

Рыков. Не знаю. Не мог же каждый член центра иметь дело со всеми членами организации.

Вышинский. Это понятно, но Бухарин и Иванов были связаны между собой по подпольной работе. А вы знали об участии Иванова?

Рыков. Я не знал. Может быть я забыл об этом, но у меня в памяти не сохранилась фамилия Иванова.

Вышинский. Но это возможно, что отдельные члены вашего центра имели своих людей, не осведомляя друг друга обо всех лицах?

Рыков. По-моему, это не только возможно, но это абсолютно неизбежно, потому что речь шла не о сотне — другой людей, а речь шла о более значительных кадрах. Это вполне возможная вещь, что не все знали обо всех членах организации.

Вышинский. Даже если речь шла о таком крупном подпольном работнике, каким являлся Иванов?

Рыков. Даже и в таком случае.

Вышинский. Продолжайте.

Рыков. Центр правых обращал на Северный Кавказ особое внимание как в связи с большим удельным весом казачества и зажиточного крестьянства и специфическими традициями, так и

ввиду его политического и хозяйственного значения, как области, граничащей с Украиной, имеющей большое количество национальных республик и дающей большое количество хлеба.

Туда в 1932 году ездил специально Эйсмонт в целях организации нашего участия в кулацком движении, так как оно развивалось там довольно сильно. Эйсмонт поехал туда с моего ведома и после предварительного разговора со мной, с целью, как я уже сказал, всемерного обострения кулацкого движения на Северном Кавказе и содействия его распространению. После этого он мне сообщил, что связался с Пивоваровым, и туда, кроме Эйсмонта, был послан Слепков, один из видных членов бухаринской организации. Он был послан с ведома и по инициативе Бухарина.

Вышинский. С ведома Бухарина?

Рыков. По его инициативе, по-моему, Бухарин не будет от этого отказываться. Я посылал Эйсмонта и Смирнова, а он послал Слепкова.

Вышинский. С какими конкретными заданиями поехал Слепков?

Рыков. Подробные задания давал Бухарин, но основное задание было, как я уже сказал, — всемерное обострение недовольства кулаков, вплоть до всякого рода открытых выступлений.

Вышинский. То есть, иначе говоря, для организации кулацких выступлений, кулацких восстаний?

Рыков. Конечно. Я это и сказал. Только в тех случаях, когда нет данных для вооруженных выступлений, тогда устраивать невооруженные выступления.

Вышинский. Такова была задача Слепкова?

Рыков. Такая задача, по-моему, должна была быть дана ему.

Вышинский. Бухарин давал?

Рыков. Бухарин давал с нашего ведома, так что я считаю себя за это полностью ответственным.

Вышинский. Что вы скажете, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Я подтверждаю все, что говорил здесь до сих пор Рыков. Слепков посылался на Северный Кавказ именно для этой цели. Надо сказать для исторической точности...

Вышинский. Вы для истории не старайтесь говорить, подсудимый Бухарин. Она сама запишет то, что для истории будет интересно. А вот Рыков здесь сказал, что с ведома центра, по прямому заданию центра, в частности его, Рыкова, и вашему, Бухарина, на Северный Кавказ в 1931 или в 1932 году...

Бухарин. Я думаю, что это было весною 1932 года.

Рыков. Да, это было в 1932 году.

Вышинский. Стало быть весной 1932 года по прямому заданию центра, и в частности Рыкова и Бухарина, направляется на Северный Кавказ один из ваших ближайших соучастников по подполью Слепков для всемерной, как сказал Рыков, организации кулацких выступлений. Правильно это?

Бухарин. Я уже сказал, что подтверждаю от первого до последнего слова все то, что сказал здесь Рыков.

Вышинский. Следовательно, вы послали Слепкова для организации кулацких восстаний на Северном Кавказе?

Бухарин. Следовательно, послал для того, чтобы поднять восстание.

Вышинский. Вы лично инструктировали Слепкова?

Бухарин. Слепков никакого инструктажа не требовал, потому что он был достаточно квалифицированным человеком.

Вышинский. Квалифицированным в каком отношении?

Бухарин. Квалифицированным в том отношении, чтобы сделать необходимые организационные и практические выводы.

Вышинский. То есть квалифицированным и для того, чтобы поднять восстание?

Бухарин. И для того, чтобы поднять восстание. Тогда стояла задача всемерного обострения кулацкого недовольства по отношению к Советской власти, задача разжигания этого недовольства, организации кадров и организации выступлений, вплоть до вооруженных кулацких восстаний.

Вышинский. Вот это я и хотел знать.

Бухарин. Это я и говорю.

Вышинский. Теперь можно перейти к Сибири.

Рыков. Относительно Сибири я знаю со слов Бухарина...

Вышинский. О чем?

Рыков. О том, что Яковенко в Сибири осуществлял такую же работу, какая велась на Северном Кавказе, то есть он стремился поднять кулацкие активные выступления. Он неоднократно видался с Бухариным и разговаривал с ним. Конечно, Бухарин давал ему установки, директивы, пропагандировал его.

Вышинский (*обращаясь к суду*). Позвольте Бухарина спросить по этому поводу.

Бухарин. Тут только нужно более или менее решительно сказать, потому что я предлагал Яковенко план....

Вышинский. Какой план?

Бухарин. План восстания при помощи партизан в какой-то области Сибири.

Вышинский. Значит, этот факт имел место?

Бухарин. Этот факт имел место. Я об этом факте докладывал на собрании центра, кажется, там была вся тройка.

Вышинский. Рыков как будто отказывается.

Бухарин. Я говорю, как я помню.

Вышинский. Подсудимый Рыков правильно осветил факт посылки вами Яковенко в Сибирь для организации кулацкого восстания?

Бухарин. Правильно. Яковенко встретил меня случайно в Серебряном бору. Он сказал, что есть достаточные силы для того, чтобы поднять восстание. Я ему согласия сначала не дал, сказал, посоветуюсь со своими единомышленниками. Этот вопрос я поставил формально на обсуждение центра.

Вышинский. В 1932 году?

Бухарин. Да. Они выразили недовольство, что я сразу не ответил Яковенко положительно.

Вышинский. А вы ответили положительно?

Бухарин. Нет, они выразили недовольство, что я не ответил положительно.

Вышинский. Повторите, пожалуйста, я не расслышал.

Бухарин. Извиняюсь, я может быть недостаточно громко говорю. После этого состоявшегося решения я об этом сказал Яковенко.

Вышинский. Что вы сказали Яковенко?

Бухарин. Я сказал, не вдаваясь в детали технической стороны, что центр стоит за то, чтобы движение разжечь и поднять восстание.

Вышинский. И он поехал?

Бухарин. Да, он поехал.

Вышинский. И что же, были там в Сибири кулацкие выступления?

Бухарин. Да, выступления были.

Вышинский. Вы не помните, это было в Бийском районе?

Бухарин. Я не помню, может быть в Бийском районе.

Вышинский. Это не так существенно.

Бухарин. Да, не так существенно.

Вышинский. Скажите, какую вы официальную работу вели, кроме организации кулацкого восстания?

Бухарин. Я был членом ЦК, членом ЦИК.

Вышинский. А потом?

Бухарин. Потом я работал в Наркомтяжпроме.

Вышинский. В качестве кого?

Бухарин. В качестве заведующего одним из отделов.

Вышинский. Какого?

Бухарин. Научно-технического.

Вышинский. И одновременно по совместительству организовывали кулацкое восстание?

Бухарин. Для иронии это можно назвать совместительством, но я, как уже сказал, здесь острить не собираюсь.

Вышинский. В 1932 году вы стали на путь прямой государственной измены. Правильно это или нет?

Бухарин. Совершенно верно. Я сказал, что я считаю датировку с рютинской платформы.

Вышинский. Значит, с 1930 года?

Бухарин. Рютинская платформа была принята этой пресловутой конференцией осенью 1932 года или летом и апробирована на том заседании, о котором говорил Алексей Иванович Рыков.

Вышинский. Значит, с 1932 года?

Бухарин. С осени 1932 года.

Вышинский. С этой даты вы начинаете исчисление своей государственной измены?

Бухарин. Да, с этой даты.

Вышинский. А до этой даты были другие еще даты, о чем будем говорить потом?

Бухарин. Да, это несомненно, были другие.

Вышинский. Например, в 1918 году?

Бухарин. Это сепаратно несколько стоит...

Вышинский. Об этом будем говорить особо, но я говорю теперь о вашей деятельности.

Бухарин. Я говорю, гражданин Прокурор, с точки зрения эволюции правого уклона, переросшего в контрреволюционную террористическую изменническую группу.

Вышинский. В 1932 году этот процесс перерастания завершился?

Бухарин. Да, он завершился, получил идеологическое оформление.

Вышинский. Я сейчас интересуюсь не идеологией, а криминологией.

Бухарин. Но идеология может быть тоже криминальной — действуют мыслящие люди.

Вышинский. Может быть, но нас интересуют действия, практика.

Бухарин. Меня столько раз допрашивали относительно рютинской платформы, может быть это ошибка со стороны следствия, но я должен сказать...

Вышинский. Значит, ваша деятельность заговорщика и государственного изменника вами самим исчисляется с 1932 года в связи с эволюцией правого уклона в контрреволюционную организацию? Правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Значит, у вас на балансе значится: подготовка и организация кулацких восстаний на Северном Кавказе и подготовка и организация кулацких восстаний в Западной Сибири. Так?

Бухарин. Так.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Это, подсудимый Рыков, вам также было известно? Это с вашего ведома делалось?

Рыков. Конечно. Вот относительно сроков, по-моему, это — формальный вопрос. И прежде, чем родить ребенка, рютинскую платформу, нужно было быть беременной, беременность таким документом как рютинская программа, это уже потеря невинности, совершенно определенно.

Вышинский. Ну, ясно.

Рыков. В связи с Северным Кавказом в смысле преступности есть еще один момент, это по линии эсеровской связи, которую перед этим мы обсуждали специально в связи с кулацкими восстаниями, и в связи с тем, что некоторые члены центра и вообще нелегальной организации считали необходимым контактировать, использовать кулацкие движения для работы правой организации и эсеровской. Связь с эсерами на основе совместных антисоветских выступлений кулачества, как сообщил мне Эйсмонт, была осуществлена на практике на Северном Кавказе. Но такая обстановка создала, конечно, необычайно напряженное положение в стране и усилила чаяния, ожидания, надежды на возможность правыми получить власть, хотя эти движения и были кулацкие, то есть антисоветские, но, с другой стороны, это нам представ-

лялось все же как массовое движение в стране, которое являлось поддержкой правого уклона.

Я помню по этому поводу дискуссию, которая была в тройке и среди правого уклона. Тут очень много спорили и приводили в пример Кронштадтское восстание, говорили о том, что на основе кулацкого выступления можно создать не один, а несколько Кронштадтов и получить соответствующий политический успех.

Это первое, что характерно для наших преступлений за период 1930—1933 годов.

В этот же период сформулировались взгляды правых и по вопросу о терроре.

Вышинский. О терроре, да?

Рыков. По вопросу о терроре тоже трудно установить такую совершенно точную грань, скажем 5 числа такого-то месяца и такого-то года. Нарастание террористических настроений началось еще до 1930 года, насколько мне известно. Они имели отражение на Радина, который был близок ко мне. Приблизительно в 1932 году оформилось наше положительное отношение к применению террора, как метода борьбы за власть, причем это нашло свое выражение и на практике. Я не представляю себе теоретического террора. Когда люди говорят о терроре, то это чисто практическая вещь. Нельзя заниматься теорией террора без практики. Как только были приняты установки, сейчас же начались соответствующие организационные и практические выводы из этого, то есть создался целый ряд террористических групп. Я лично давал целый ряд террористических директив, кроме людей близких мне, как Нестеров, Радин, целому ряду других. Я передавал эти директивы и националистическим организациям, говорил по вопросу о терроре с участниками пан-тюркистской и белорусской националистической организаций, и скоро террористические установки с соответствующими выводами были широко приняты. У меня кроме этих разговоров по этому поводу были и другие. Нестеров затем сообщил, что на Урале, в Свердловске была по моим указаниям создана организация.

В позднейшее время, в 1935 году, я имел разговор террористического характера с Котовым, руководящим членом московской организации правых. Приблизительно в 1934 году я дал указание своей бывшей секретарше Артеменко о наблюдении за прохождением правительственных машин.

Предприняты были и другими членами нашей контрреволюционной организации аналогичные же меры. Но мы не выносили решения ни одного раза о том, что должен быть убит тот или иной член правительства. Такого решения центра организации правых не было вынесено, но работа заключалась в том, чтобы подготовить такое отношение к террору и такое состояние террористических кадров, что когда центр такое решение вынесет, чтобы это решение было бы приведено в исполнение.

В этот же период по вопросу о терроре была установлена связь с эсером Семеновым через Бухарина. Я лично Семенова не знал. Бухарин сказал, что через Семенова он готовит поку-

шение на Сталина. Потом мы, насколько помню, обсуждали вопрос о связи с эсерами по этой линии и связь эта была установлена через Бухарина, который имел наиболее прочные связи. Я имел разговор такого же террористического характера и с Белобородовым при поездке на курорт на Северный Кавказ. Это было приблизительно в 1934 году.

Вышинский (обращается к суду). Разрешите остановиться на роли Семенова.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Рыков, откуда вам известно о связи Бухарина с этим эсером-террористом Семеновым?

Рыков. Со слов Бухарина, который говорил, что он был связан с Семеновым со времени эсеровского процесса, в связи с покушением на Ленина; на этом процессе, как известно, Бухарин выступил защитником Семенова.

Вышинский. Бухарин выступил защитником Семенова?

Рыков. Да.

Вышинский. А вы не имели случая видеть Семенова у Бухарина?

Рыков. Однажды я пришел на квартиру к Бухарину, у него сидел неизвестный мне человек, который после моего прихода ушел.

Вышинский. Когда вы говорили об этом, вы как раз имели в виду Семенова?

Рыков. Да

Вышинский. Бухарин вам говорил, что это тот Семенов, который организовывал покушение на Сталина?

Рыков. Он ли организовывал, не могу сказать.

Вышинский. Вы были в курсе организации этого покушения?

Рыков. Я не в курсе этого дела, но, повидимому, знал.

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили, почему я вас об этом и спрашиваю, что «в 1932 или в начале 1933 года я, придя к Бухарину, застал у него неизвестного человека, который вскоре ушел. После его ухода Бухарин сообщил мне, что это тот Семенов, которого он знает со времени процесса эсеров, которого он защищал (то, что вы сейчас показали) — и далее он сообщил, что эсеры готовят покушение на Сталина и Кагановича. Я и Бухарин с удовлетворением приняли это сообщение, так как исполнение его облегчило бы контрреволюционную деятельность правых». Этот эпизод вы подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский (обращаясь к суду). Позвольте спросить обвиняемого Бухарина.

Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. В основном подтверждаю, но тут есть целый ряд...

Вышинский. Разрешите по порядку.

Бухарин. Но я хотел уточнить...

Вышинский. Подсудимый Бухарин, я хочу вам объяснить, что вы будете иметь время уточнять и давать объяснения во время вашего допроса. Теперь я вас спрашиваю по вопросу, ко-

торый связан с другим обвиняемым. Правильно ли говорит подсудимый Рыков, что в 1932—1933 годах он застал у вас человека, которого вы назвали Семеновым?

Бухарин. Возможно. Точно не помню, видел ли он Семенова и произошла ли эта сцена...

Вышинский. Но вы с Семеновым были связаны?

Бухарин. Да, я был связан. В курсе этой связи был и Рыков с моих собственных слов. Было ли это в той форме...

Вышинский. Это не важно. Мне сейчас важно установить, у вас была связь с эсеровским террористом Семеновым?

Бухарин. Правильно, но Семенов был член партии.

Вышинский. Вы тоже были членом партии.

Бухарин. Я Семенова...

Вышинский. Вы его защищали?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы, будучи не только членом Коммунистической партии, но членом ЦК, организовывали террористические акты против руководителей партии?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Поэтому то, что Семенов формально был членом Коммунистической партии, ничего не меняет. Вы с ним были связаны как с коммунистом или как с эсером?

Бухарин. Я с ним был связан, не думаю, как с эсером, а как с террористом, который сочувствует правым.

Вышинский. Поэтому нечего возвращаться к тому, что он был членом Коммунистической партии.

Бухарин. Я не хотел уменьшить своей вины, а хотел отяготить свою вину.

Вышинский. Я не хочу отягощать вины, я говорю о фактах. У вас была связь с Семеновым — эсером-боевиком, связь по террористической линии?

Бухарин. Началось не по террористической линии.

Вышинский. Я не говорю о том, с чего началось, а говорю — в это время.

Бухарин. А в это время была по террористической линии.

Вышинский. Вы тогда знали от Семенова, что готовится покушение на товарищей Сталина и Кагановича?

Бухарин. Нет, Рыков не точно передает. Тут дело обстояло так. Семенов сообщил: у него есть связь с различными эсеровскими террористическими группами, и так как он знает о настроениях среди правых контрреволюционных организаций по линии террора, то он предложил использовать эти связи.

Вышинский. Для чего?

Бухарин. Для террористической работы.

Вышинский. Для какой?

Бухарин. Для террористической работы против руководства партии.

Вышинский. То есть?

Бухарин. Там был назван ряд членов Политбюро.

Вышинский. В том числе?

Бухарин. В том числе Сталин и Каганович.

Вышинский. Значит, у вас с Семеновым были в 1932 году разговоры о том, что следует организовать покушение на товарища Сталина и товарища Кагановича?

Бухарин. Я не говорил, что следует, я говорю, что было.

Вышинский. Я говорю, что в 1932 году у вас был разговор о том, что готовилось покушение на товарища Сталина и товарища Кагановича.

Бухарин. Если такую формулировку давать, то это придает совершенно конкретный характер.

Вышинский. Очень конкретный.

Бухарин. Тогда шла речь относительно террористических актов против руководящих деятелей партии.

Вышинский. Теоретический был разговор?

Бухарин. Нет, организация групп есть не теоретический разговор.

Вышинский. О чем же был разговор?

Бухарин. Разговор был о террористических планах, об организации подготовки и реализации этого плана против членов Политбюро.

Вышинский. В том числе?

Бухарин. В том числе против Сталина и Кагановича.

Вышинский. Это же вполне конкретно.

Бухарин. Вполне конкретно. Я хотел расшифровать и сказать так, как это соответствует точно действительности.

Вышинский. Я прошу суд разрешить мне огласить показания подсудимого Бухарина на предварительном следствии.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Лист дела 105—106. При допросе вас, подсудимый Бухарин, Прокурором Союза 1 декабря вы показывали: «Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это (раньше шла речь о предложении Семенова) было мною доложено на совещании центра, и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп».

Бухарин. Да.

Вышинский. Это правильно?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Это как раз относится к 1932 году?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Значит, в 1932 году вы Семенову поручали по решению центра правых организацию террористической группы. Так это или нет?

Бухарин. Так.

Вышинский. Для чего вы ему поручили организовать террористическую группу?

Бухарин. Для совершения террористических актов.

Вышинский. Против кого?

Бухарин. Против членов Политбюро.

Вышинский. В том числе?

Бухарин. В том числе и против Сталина.

Вышинский. Следовательно, можно сказать, что центр правых решил в 1932 году осуществить террористические акты против

членов Политбюро, в том числе против товарища Сталина и товарища Кагановича, и поручил это осуществить Семенову? Это так?

Бухарин. В смысле линии это так.

Вышинский. Да или нет?

Бухарин. Но это не значит, что вся машина была поставлена и был дан сигнал.

Вышинский. Мы знаем, как машины эти ставятся и как они действуют.

Бухарин. В целях уточнения я это говорю.

Вышинский. Вот мы сейчас и уточнили. Садитесь. Продолжайте, подсудимый Рыков.

Рыков. Повторяю, я не могу ручаться за абсолютную точность моей памяти. Но я эпизод помню буквально так, что...

Вышинский. Что вы приняли с удовлетворением это сообщение Бухарина Семенову, или Семенова Бухарину, или и Семенова и Бухарина?

Рыков. Это значит, что наибольшая одиозность с точки зрения политической заключается в том, что мы хотели чужими руками сделать...

Вышинский. Что сделать?

Рыков. Произвести террористические акты.

Вышинский. Это конкретно было или только теоретически?

Рыков. Я уже сказал, что для меня теоретического террора не существует.

Вышинский. Я тоже так понимаю.

Рыков. Но решения, чтобы в таком-то году убить того или другого члена Политбюро или правительства — такого решения центр не принимал. Он принял такие меры, которые в случае вынесения такого решения давали бы возможность...

Вышинский. В том и другом случае дело шло об использовании эсеровских террористов для покушения на товарища Сталина и товарища Кагановича?

Рыков. Да, я понял дело так. И тут у меня оказывается разногласие с Бухариным. Я думал, что Семенов, состоя в другой организации, это организует. Тот же вариант, который изложен Бухариным, что я поручал Семенову создать какую-то специальную террористическую организацию, я в первый раз слышу.

Бухарин. Это очень просто...

Вышинский. Очень просто.

Бухарин. Это весьма понятно. Понятность заключается в том, что я говорю: я не опровергаю Рыкова, когда он говорит, что он встретил у меня Семенова. Он мог встретить. Но ведь не в этом существо дела. Мог Семенов ему сказать, мог я ему сказать, мог сперва Семенов ему сказать, а потом я, мы могли это оба сказать. Факт заключается в том, что Семенов сделал предложение, это предложение стало известно не только мне, но и другим тогдашним моим единомышленникам по преступным действиям, и они согласились. Я совершенно согласен с Рыковым, что тут есть элемент еще более одиозный — чтобы чужими эсеровскими руками сделать, — это совершенно понятно. Но я говорю, что

была налицо, конечно, несомненная попытка использования эсеровских террористических сил для преступно-изменнической борьбы против руководства партии. Так как я был связан с Семеновым, то в данном случае несомненно инициатива принадлежала мне. Я этой моей инициативности в данном казусе ни в коем случае ни ослабить, ни в той или другой форме обелить, уменьшить — не могу.

Вышинский. Значит, инициатива была ваша?

Бухарин. Кажется, Семенов мне предложил, но по отношению к правым моим единомышленникам...

Вышинский. По отношению к Томскому и Рыкову?

Бухарин. Да, здесь я проявил инициативу.

Вышинский. А с Семеновым чья была инициатива?

Бухарин. Я не помню, может быть, моя. Я во всяком случае этого не отрицаю.

Вышинский. Так, может быть, в этом была ваша, подсудимый Бухарин, инициатива организации террористического акта против товарища Сталина?

Бухарин. Это я признал. Но суть дела заключается в том, и я хочу подчеркнуть этот момент, что моя эта инициатива не исключает того, что в данном случае Семенов получил согласие моих двух единомышленников. Я еще раз подчеркиваю, что это не исключает моей инициативной роли в этом деле, а наоборот...

Вышинский. Позвольте мне констатировать, что у вас, у Бухарина, как члена центра правой подпольной организации была подпольная конспиративная связь с эсеровским террористом, который вместе с вами подготовлял организацию покушения на товарища Сталина и других членов Политбюро, причем эта подготовка террористических актов шла с ведома и одобрения центра правых, в том числе Томского и Рыкова.

Бухарин. Да.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). Рыков с этим согласен?

Рыков. Да.

Вышинский. Значит, здесь никаких разногласий нет?

Бухарин. Я хотел бы подчеркнуть, что инициатива этого дела лежит на моих плечах.

Вышинский. Инициатива ваша перед Рыковым и Томским?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Значит, здесь сошлись линии — эсеровская и бухаринская?

Бухарин. Возможно и это.

Вышинский. Вопросов у меня пока нет.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 20 минут.

***

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь.

Продолжаем допрос подсудимого Рыкова.

Товарищ Прокурор, у вас есть еще вопросы?

Вышинский. Да, конечно (*обращаясь к Рыкову*). Мы разобрали часть ваших преступлений. Закончили мы, примерно, 1933 годом.

Рыков. Конец этого периода совпадает с ликвидацией кулачества. В связи с этим правые потеряли свою последнюю социальную базу — кулачество. И последующий период характеризуется созданием исключительно заговорщического типа организаций и применением самых острых методов борьбы против партии и правительства. Сюда, в частности, относится одна из попыток, которая была сделана, — это подготовка «дворцового переворота».

Вышинский. К какому времени это относится?

Рыков. Этот план ставил себе целью арест членов правительства в связи с насильственным переворотом, произведенным заговорщической организацией при помощи специальной организации, созданной для осуществления этого переворота. Эта мысль, поскольку я помню, среди правых возникла в 1933—1934 годах, когда она начала носить более или менее оформленный характер. Но также как по отношению к террору, когда отдельные террористические высказывания были до того, как террор был принят центром правой организации, — точно так же по вопросу о «дворцовом перевороте» отдельные члены правой организации высказывались в пользу такого метода заговорщической деятельности до того, как центр правых оформил эту мысль и пытался ее осуществить. Это имело место, в частности, в отношении ко мне, когда ко мне в 1930 году пришел один из членов организации правых с уже готовым, разработанным планом «дворцового переворота», с планом ареста правительства при помощи небольшой подготовленной вооруженной силы. В тот период я еще не говорил об этом ни с Томским, ни с Бухариным. Этот вопрос встал в 1933 году. Опорой для осуществления этого контрреволюционного плана явился Енукидзе, который вступил в качестве активного члена в организацию правых в 1933 году. Большую роль играл Ягода, который возглавлял ГПУ. Вот эти исходные линии, которые давали возможность приступить к организации плана переворота. Вернее, впоследствии правый центр вместе с Енукидзе и Томским от времени к времени информировал меня о ходе подготовки и осуществления этого. Неважно, в каком месяце это было, я помню, первая информация была о группе кремлевских работников и особенно тут фигурировали Ягода, Петерсон, Горбачев, Егоров; я имею в виду не начальника штаба, не знаю, что он теперь делает, а Егорова — начальника кремлевской военной школы. Это три фамилии, которые играли большую роль в внутрикремлевской жизни, которые командовали школой и всем хозяйством в Кремле. Несколько раз Томский мне сообщал о привлечении через этих лиц — Енукидзе и Егорова — группы военных работников во главе с Тухачевским, которые тоже были подготовлены к этому плану и ведут в этом направлении работу. Он называл фамилии: Уборевича, был назван Корк. Вот основа отношений, которые давали возможность осу-

ществления или, во всяком случае, попытки осуществления плана с точки зрения нанесения действительного вреда, внутреннего вреда, кроме сношения с заграницей. Реальная попытка не удалась, но она могла нанести очень серьезную рану социалистической свободе.

Я не могу сказать о деталях этой работы, это была очень конспиративная работа. Была создана группа с участием очень влиятельных людей — военная группа. Эта группа с точки зрения подпольной работала независимо от остальных подпольных группировок, она была единственной.

Стал вопрос, как согласовать силы контрреволюции для осуществления «дворцового переворота». Был создан центр для этой задачи с привлечением туда троцкистов и зиновьевцев: Каменева, Пятакова, затем Енукидзе, туда вошли также я, Бухарин и Томский. Мы должны были скомпактовать все силы вокруг этого центра. Причем с этим центром была связана военная группа Тухачевского и группа Ягоды.

В 1934 году уже обсуждалась возможность тактического использования этой организации в связи с предстоящим XVII партсъездом. Я не помню точно, по указанию ли Томского или может быть по указанию Енукидзе, был поставлен вопрос, чтобы осуществить этот переворот во время XVII партсъезда, когда соберутся все ответственные работники и одновременно с виднейшими членами правительства можно будет подвергнуть аресту тех виднейших работников республик и областей, которые могли бы сопротивляться перевороту. Но этот план был отвергнут. Мне кажется, кроме Томского, едва ли нашелся еще сторонник этого плана. Что побудило отвергнуть? Ясно, что главнейшей причиной тут являлось то, что положение в стране не делало ни в какой степени вероятным какой-нибудь успех. Сплоченность партии, популярность правительства, отсутствие какого-нибудь недовольства в стране, конечно, делали такого рода попытки совершенно авантюристскими, совершенно никчемными, и это послужило причиной отвержения этого плана. А организация сама по себе осталась. Это предложение в свое время обсуждалось, хотя, повторяю, всеми, в том числе и мною, было отвергнуто. За него был только Томский. Это подтверждение обвинительного акта, в частности, тех статей, которые говорят об этом, как об одном из крупнейших контрреволюционных мероприятий. В связи с этим же необходимо перейти к первому абзацу обвинительного акта — ставка на поражение и помощь международной буржуазии. Это все относится, во всяком случае, в главнейшей своей части, к периоду, последующему за 1933 г., в соответствии с тем идеологическим, политическим и деловым направлением, которое могло только объясняться потерей последнего базиса в стране. Люди, которые упорствуют в своей контрреволюционной борьбе, прибегают к тем мерам, к тем способам, к тем союзникам, которые в последующий уже за 1933 годом период у нас были. Это — о сношениях «центра» с немецкими фашистами. Естественно, что в этом вопросе мы, и лично я, старались несколько смягчить свои показания, потому что это очень скверная вещь.

Мы изобразили дело так, что мы не обсуждали предварительно в центре эти сношения. Фактически дело обстояло так — инициатива была у Томского. Узнали я и Бухарин об этом после. Но все это формальные моменты, потому что все мы, я и Бухарин, мы ни на минуту не колебались по вопросу о том, что Томский сделал правильно; если бы он спросил, мы бы сказали: так нужно. Во всяком случае, без малейшего упрека к нему мы приступили к обсуждению результатов этого зондажа, как мы называли эти фактически изменнические переговоры, которые имели место. Что характерно в этих переговорах? Характерно то, что Карахан сообщил, что немецкие фашисты отнеслись, конечно, с полным благожелательством к возможности прихода власти правых и всячески будут это приветствовать... И в отношении своих военных действий против Союза, что они соглашаются на сотрудничество, мирное сожительство при определенных уступках хозяйственного порядка в виде концессий, льгот по внешней торговле и так далее, то есть то, что в свое время предлагал Бухарин, что с немцами можно сговориться с такого рода уступками без территориальных уступок. Он говорил, что немцы настаивают на том, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения из системы Союза.

Вышинский. Что это значит по существу?

Рыков. Это означает то, что от СССР отходят крупнейшие национальные республики, из национальных республик они пытаются сделать смежные с ними территории, которые сделают своими вассалами и тем самым получат возможность нападения на оставшуюся часть Союза. Они приближаются таким образом к сердцу СССР, им облегчается возможность ведения с их стороны победоносной войны с СССР.

Вышинский. Прикрываются этим.

Рыков. Скрываются за этим.

Вышинский. Следовательно, это расчленение СССР, отторжение от него ряда республик?

Рыков. Да.

Вышинский. Подготовка фашистам плацдарма для нападения и победы?

Рыков. Да, это несомненно.

Вышинский. Не только орудием, но и сознательными соучастниками.

Рыков. Я не знаю, лучше ли быть сознательным или бессознательным орудием. И то и другое плохо.

Вышинский. Вы изображаете дело так, как будто вы сделались просто жертвой фашистских планов.

Рыков. Нет. Но во всех вожделениях наших мы не были людьми, идущими до конца в отношении фашизма, мы все-таки ограничивали сговор определенными уступками, но мы являлись орудием в том смысле, что этот сговор, то, что приводило к этому сговору, все это облегчало фашизму возможность аннулировать его.

Вышинский. Вы шли к своим преступным целям ценою измены?

Рыков. Конечно.

Вышинский. И шли сознательно?

Рыков. Конечно.

Вышинский. И в этом смысле никаким орудием не сделались?

Рыков. Конечно. Переговоры были...

Вышинский. А что вас использовать хотели фашисты—это особый разговор. Вы их тоже хотели использовать в своих целях.

Рыков. Нет, я думаю, что объективно, ясное дело, движение правых и националистическое движение у нас являются отражением того фашистского и буржуазного окружения, которое есть, потому что, если бы буржуазного окружения и фашизма не было бы, правый уклон в СССР породить их не смог, а они целый ряд буржуазных групп создают. Объективно это так.

Вышинский. Ясно, конечно. Но ваши планы сводились к тому, чтобы захватить власть ценой измены?

Рыков. Знаете, измена измене рознь.

Вышинский. Продолжайте дальше.

Рыков. Таким образом, начала вырастать наша борьба с партией, методы борьбы и цели борьбы все время делались яснее. Тут пришел контактный центр.

Вышинский. Этот контактный центр явился результатом организации «право-троцкистского блока»?

Рыков. Трудно сказать. Выражение...

Вышинский. Я хочу сказать, что кроме контактного центра у вас существовало предварительное согласие, которое вы называли блоком.

Рыков. Не блок, но формально мы разумели блок с троцкистами с 1935 года. Я говорю формально. Но кроме формальных организационных отношений, конечно, моменты блока выражались в свидании членов той или иной организации. Томский часто виделся с Зиновьевым, с Каменевым. Бухарин виделся тоже. Здесь нет формальных отношений блока. Но такого рода свидания, разговоры на политические темы — и политически и фактически без оформления создавали отношения, контактирующие или блокирующие работу этих организаций.

Вышинский. Правильно или неправильно будет сказать, что в период 1932—1933 годов организовалась группа, которую можно назвать «право-троцкистским антисоветским блоком»?

Рыков. Фактически он был. Организационно с 1933—1934 годов выразился в так называемом контактном центре.

Вышинский. Вот, вот, контактный центр явился дальнейшим оформлением организационных отношений?

Рыков. Да. Фактически и политически это будет правильно.

Вышинский. Это будет правильно, причем этот блок поставил своей задачей, как вы формулируете?

Рыков. Поставил своей задачей насильственное свержение советского строя путем измены и путем соглашения с фашистскими силами за границей.

Вышинский. На каких условиях?

Рыков. На условиях расчленения СССР, отторжения национальных республик. Причем я должен сказать, что этого ответа

немцам после зондажа Карахана у нас не было. Я об этом буду рассказывать дальше. Фактически ответ на их предложение шел гораздо дальше и был гораздо хуже, чем формальное принятие их требований.

Вышинский. Этот блок состоял, вы говорили, из правых. Далее, кто в него входил?

Рыков. Правые, троцкисты, зиновьевцы.

Вышинский. Зиновьевцы и потом некоторые националистические группы союзных республик, скажем, Белоруссии?

Рыков. Да. О национальных республиках у меня в последнем абзаце. Я об этом буду говорить.

Вышинский. Входили и эсеры.

Рыков. По отдельным республикам.....

Вышинский. Входили меньшевики, через которых вы были связаны с Николаевским и с Даном за границей. И, наконец, в национальных республиках были отдельные буржуазно-националистические группы. Например в Белоруссии. Кто был там из подсудимых?

Рыков. Из подсудимых — Шарангович.

Вышинский. Это вам известно, что он входил в блок?

Рыков. Я знал от Голодеда, Червякова.

Вышинский. А от Шаранговича? Непосредственно с ним лично связаны не были?

Рыков. Нет.

Вышинский. Но вы знали, что он связан с блоком через других?

Рыков. Это не могу сказать.

Вышинский. Обвиняемый Шарангович, вы входили в «право-троцкистский блок»?

Шарангович. Я был связан непосредственно с Антиповым и знал о связях Голодеда с Рыковым.

Вышинский (к Рыкову). А по Средней Азии?

Рыков. С пантюркистскими организациями.

Вышинский. С кем?

Рыков. С Рыскуловым, Файзуллой Ходжаевым.

Вышинский. Обвиняемый Файзулла Ходжаев, вы подтверждаете?

Файзулла Ходжаев. Подтверждаю.

Вышинский. Что вы входили в этот блок?

Файзулла Ходжаев. Я имел непосредственное отношение к Рыкову, был связан, позже, с Бухариным.

Вышинский. Непосредственно по заговорщическим делам?

Файзулла Ходжаев. По заговорщическим делам.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, правильно ли показывает Файзулла Ходжаев?

Бухарин. Правильно.

Вышинский (обращаясь к Рыкову). А с Икрамовым вы не были связаны?

Рыков. С Икрамовым я лично не был связан.

Вышинский. Обвиняемый Икрамов, вы входили в «право-троцкистский блок»?

Икрамов. С правой группой я был связан через Бухарина. Я могу сказать, что Бухариным был завербован. Когда после этого он начал по национальному вопросу клеветать на партию и на Ленина, по вопросу о том, что, минуя капитализм, отсталые страны при помощи пролетариата могут притти к социализму, он сказал, что это ложь, неправильно. Когда он начал говорить по национальному вопросу открыто, тогда я сказал о своей буржуазно-националистической организации и заключил блок с Бухариным в 1933 году. После этого я с ним разговаривал.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы подтверждаете показания Икрамова?

Бухарин. Подтверждаю.

Вышинский. Значит, в блок входили троцкисты, зиновьевцы, правые, буржуазные националисты, средне-азиатские группы, белорусские группы и через Гринько — украинские группы?

Рыков. С Гринько началась связь.

Вышинский. Обвиняемый Гринько, вы в «право-троцкистский блок» входили?

Гринько. Да, но несколько позже, в 1935 году, входил как представитель национально-украинской фашистской организации.

Вышинский. С кем вы были связаны?

Гринько. С Рыковым, с Бухариным.

Вышинский. Как вы показывали?

Гринько. Да.

Рыков. Должен сказать, что относительно Гринько я знал, что он правый, вел с ним разговоры, что он являлся представителем от Украины, но что он является официальным представителем — этого я не знал.

Вышинский. Мандата он вам не предъявлял?

Рыков. Речь не о мандате...

Вышинский. Но вы Гринько знали как старого боротьбиста или не знали?

Рыков. Конечно, знал и многих других знал, но не каждый из них является представителем организации.

Вышинский. Что же, вы его рассматриваете персонально, как Гринько?

Рыков. Я знал, что он должен быть одним из членов этой организации...

Вышинский. Что он не только член, а руководитель организации?

Рыков. О его роли я мог подозревать, но я этого не знал.

Вышинский (обращаясь к суду). Позвольте спросить обвиняемого Гринько. Обвиняемый Гринько, шла ли речь, что он мог только подозревать вашу роль как руководителя националистической организации на Украине или шла речь о другом?

Гринько. Рыков говорит неправду, потому что моя связь с право-троцкистским центром через Рыкова началась с того, что я в одном из наших разговоров рассказывал ему о национал-фашистской организации на Украине, об ее желании сотрудничать с центральными заговорщическими организациями, о связи наци-

оналистической фашистской организации с немецкими и польскими фашистами.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, говорил с вами Гринько о том, о чем он сейчас сказал?

Рыков. Нет, я не помню.

Вышинский. Не помните? А вы, обвиняемый Гринько, это утверждаете?

Гринько. Утверждаю.

Вышинский. А кроме Рыкова, с кем еще вы были связаны?

Гринько. С Бухариным. Кроме того, с Антиповым. Но с Бухариным я был связан уже не по Украине, а по той подрывной работе в общесоюзном масштабе, которую я как член центра блока, представлявший украинскую организацию, вел.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, показания Гринько вы подтверждаете?

Бухарин. Я знал, что он входил в блок, вел с ним разговоры, и потом мне было известно, в общей форме, что он связан с националистическими украинскими кругами. Я должен сказать, потому что из-за этого здесь происходит некоторая путаница и некоторое непонимание. Ведь «право-троцкистский блок» — это была неоформленная организация, она оформилась только в этом контактном центре. Поэтому совершенно естественно, что тут ни мандатов, ни представительства в общей организации не было, — речь могла итти только о представителе в каком-нибудь органе, а относительно блока тут не возникал вопрос.

Вышинский. Я хочу только выяснить, рассматривали ли вы участие Гринько в этой заговорщической общей группе как роль одного из руководителей националистической украинской организации?

Бухарин. Когда вы говорите «группа», вы имеете в виду всю совокупность организации?

Вышинский. Конечно.

Бухарин. Как представителя — нет, но как человека, фактически выражающего соответствующие настроения, — да.

Вышинский. То есть, вы имели в виду, что через Гринько вы действуете по отношению ко всей националистической украинской группе?

Бухарин. Устанавливается определенная связь, он идет репрезентантом, но не в формальном смысле, а в смысле передачи настроений.

Вышинский. Речь идет не о репрезентантстве, а речь идет об участии...

Бухарин. Речь шла о применении в «право-троцкистском блоке» того комплекса идей, комплекса тех мероприятий, которые хвостом тащились за Гринько.

Вышинский. Имеет ли право обвинение формулировать этот вопрос таким образом, что в «право-троцкистский блок» в широком смысле слова, о котором мы сейчас говорили, который обвиняется в целом ряде преступлений, изложенных в обвинительном заключении, входили троцкисты, зиновьевцы, правые, бур-

жуазные националисты в лице Икрамова, Ходжаева, Гринько, Шаранговича и стоящих за ними националистических групп?

Бухарин. Если речь идет о «право-троцкистском блоке», как совокупной организации, а не о верхушечной группе, я считаю, что вполне правильно поставить вопрос так, как вы его ставите.

Вышинский. Позвольте мне спросить Крестинского.

Подсудимый Крестинский, вам известно о том, что троцкисты входили в «право-троцкистский блок», о котором здесь идет речь?

Крестинский. Мне известно со слов Пятакова, когда он говорил со мной об этом в феврале 1935 года, что образовалась организация, объединяющая правых, троцкистов и военных и имеющая своей целью подготовку военного переворота. Мне было также известно, что в состав руководящего центра входят от правых — Рыков, Бухарин, Рудзутак и Ягода, от военных — Тухачевский и Гамарник, от троцкистов — Пятаков. Что в этот центр входили представители национал-демократических организаций, этого он мне не говорил, и когда в 1937 году мне пришлось с Розенгольцем быть в этом центре, то представителей этих организаций в этом центре тоже не было.

Что же касается объединения сил, то несомненно, что этот самый центр, объединявший правых, троцкистов и военных, опирался и на национал-демократические организации, но организационной формы этого объединения я не знал.

Вышинский. Значит, вы подтверждаете, что в «право-троцкистский блок», как организацию антисоветских сил, входили те группы, о которых говорил обвиняемый Бухарин, то есть правые, зиновьевцы, троцкисты, буржуазно-националистические группы и так далее?

Крестинский. Относительно буржуазно-националистических групп я не решаюсь сказать, что они входили на равных правах.

Вышинский. А я и не говорю, что они входили на равных правах. Причем тут равные права? Это ведь не Лига наций!

Крестинский. Когда мы говорим об организационной структуре...

Вышинский. Я не говорю об организационной структуре, я говорю о политической связи. Вы говорите, что знали это от Пятакова, а сами лично...

Крестинский. В 1937 году, когда я вошел в центр вместе с Розенгольцем, после выхода Пятакова, и мы были там в течение 3—4 месяцев, у нас личной связи с ними не было...

Вышинский. Вы сами лично входили в этот контактный центр?

Крестинский. Я его под этим названием не знал.

Вышинский. Называли вы каждый по-своему, но по сути дела?

Крестинский. В этот центр после ряда арестов входили в 1937 году: Розенгольц и я — от троцкистов, Рудзутак и Ягода — от правых, Тухачевский и Гамарник — от военных.

Вышинский. А Рыков где был?

Крестинский. Рыков был или арестован или был в нетях. Это было не ранее февраля 1937 года.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, вы когда были арестованы?

Рыков. 27 февраля 1937 года.

Крестинский. Я лично сносился только с Рудзутаком, потому что с Ягодой сносился Рудзутак, мы не собирались все вместе.

Вышинский. Следовательно, вы не только со слов Пятакова знали о существовании такого рода объединения антисоветских сил, но и непосредственно в этом убедились?

Крестинский. Это так.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, продолжайте дальше.

Рыков. Главнейшей темой, если считать, что все другие вопросы до некоторой степени уже исчерпаны, является вопрос национальных республик.

Вышинский. Мы в дальнейшем будем специально допрашивать Шаранговича, Ходжаева и других, тогда поговорим об этом подробнее.

Рыков. Из крупных тем осталась как раз тема национальных республик.

Вышинский. Я хочу задать некоторые вопросы в связи с вопросом о «блоке» и его методах преступной деятельности. Линия на поражение разделялась и вами и Бухариным или же у Бухарина была на этот счет особая точка зрения?

Рыков. Мы точных формулировок не давали, но во всяком случае я не знаю о существовавших разногласиях по этому поводу. Помню, что однажды Бухарин в моем присутствии формулировал вопрос об открытии фронта.

Вышинский. Может быть, вы более подробно расскажете об этом.

Рыков. Я бы предпочел дать общее изложение вопроса. В обвинительном заключении говорилось об активных и пассивных методах. Здесь достаточно перечислить ряд фактов. Существование военной группы во главе с Тухачевским, которая была связана с нашим центром и которая ставила своей целью использование войны для низвержения правительства. Это подготовка самой настоящей интервенции. Наши сношения с немцами, которые мы всячески усиливали, должны были всячески стимулировать военное нападение, поскольку здесь заговорщическая организация вступала в изменнические отношения с ними. Есть ли это активный или пассивный метод? Это самое острое, что можно в данной форме из крупных мероприятий выдумать. Взять работу в Белоруссии... У нас для сношений был один Карахан, а там были сношения через Ульянова и целый ряд других лиц. Там отношения были гораздо более близкие и деловые, чем это было с Караханом.

Вышинский. Связь с польской разведкой имела место?

Рыков. Через Белорусскую польскую организацию и Ульянова эта связь существовала. Отношения были очень близкие. Был контакт по вопросу о так называемой независимой Белоруссии. Существовал и целый ряд других дел вплоть до работы Белорусской организации среди белоруссов и в самой Польше, причем здесь помощь была взаимная: белорусская организация оказывала помощь пилсудчикам, польским фашистам в их работе в Коммунистической партии Западной Белоруссии, а те в свою очередь оказывали помощь здесь. Если такого рода отношения

считать активными или пассивными, это была самая настоящая подготовка.

Вышинский. План изменнической деятельности?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы на предварительном следствии говорили о том, что в переговорах с поляками вы были согласны на отторжение от СССР Белоруссии. Вы это на основании каких данных сообщаете?

Рыков. По отношению к белорусской организации. Я был связан с такими деятелями, как Голодед и Червяков.

Вышинский. Какова ваша личная установка в этом вопросе?

Рыков. Этот вопрос обсуждался в свое время в центре, и мы все единогласно — я, Бухарин и Томский — были за то, что в случае возникновения такого национального движения допускаем это выделение.

Вышинский. То есть, отторжение?

Рыков. Ясно, выделение или отторжение, мы употребляли более мягкие слова.

Вышинский. Вы шли прямо на такой изменнический акт, как отторжение Белоруссии от СССР к Польше.

Рыков. На независимость. Белоруссия должна была быть под протекторатом Польши.

Вышинский. В вассальных отношениях (к Бухарину).

Обвиняемый Бухарин, вы согласны по этому вопросу с Рыковым?

Бухарин. Я должен сказать, что Рыкову здесь изменяет память.

Вышинский. Вы стояли, как и Рыков, на пораженческой позиции?

Бухарин. Нет, но я отвечаю за это дело.

Вышинский. Что вы отвечаете — это дело другое. Мне нужно установить факт, был ли у вас разговор с Рыковым и Томским относительно открытия фронта?

Бухарин. Был, не с Рыковым, а с Томским.

Вышинский. О чем?

Бухарин. Это уже относится...

Вышинский. Это неважно, когда и почему, это — вопрос другой.

Бухарин. Был разговор с Томским, он сказал относительно идеи открытия фронта.

Вышинский. Был разговор с Томским об открытии фронта. Кому открыть фронт?

Бухарин. Против СССР.

Вышинский. Кому открыть фронт?

Бухарин. Германии.

Вышинский. Значит, шла речь, чтобы открыть фронт Германии.

Бухарин. Шла речь об отношении. Я хочу сказать, что в этом разговоре не было директивы.

Вышинский. О директивах потом.

Я говорю о фактах, какие имели место. Вы подтверждаете,

что у вас с Томским был разговор, чтобы в случае необходимости открыть фронт?

Бухарин. Этого я не помню.

Вышинский. А вы, обвиняемый Рыков, помните?

Рыков. Конечно, открыть фронт в случае войны.

Вышинский (обращается к Бухарину). Значит, вы не возражали?

Бухарин. Это само собой понятно, что лошади жуют овес. Вы говорите, что значит — открыть фронт противнику. Томский рассказал, что его мнение такое, а я против этого возражал.

Вышинский. Подождите, как вы возражали, мы еще посмотрим. Мы хотим с вами выяснить, что было в действительности. Значит, Томский вам говорил, что нужно или что целесообразно открыть фронт?

Бухарин. Да, он склонялся к этому мнению.

Вышинский. Что целесообразно открытие фронта немцам в случае войны?

Бухарин. Да, в случае войны.

Вышинский. Что же это означает?

Бухарин. Это означает государственную измену.

Вышинский. А как открыть фронт, кто с вами об этом говорил?

Бухарин. Говорил об этом Томский, что есть такое мнение у военных.

Вышинский. У каких это военных?

Бухарин. У правых заговорщиков.

Вышинский. Конкретно?

Бухарин. Он назвал Тухачевского, Корка, если не ошибаюсь, и потом троцкистов.

Вышинский. Значит, Корк, Тухачевский, вообще троцкисты собирались открыть фронт в случае войны с Германией и об этом Томский вам говорил?

Бухарин. Да, что среди них есть такое мнение.

Вышинский. Мнение или план?

Бухарин. План — я не сказал бы. Может быть, это и был план, но в разговоре очень беглом...

Вышинский. А Тухачевский входил в эту группу?

Бухарин. Я же изложил...

Вышинский. Я спрашиваю: входили Тухачевский и военная группа заговорщиков в ваш «блок»?

Бухарин. Входили.

Вышинский. И они разговаривали с членами блока?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Когда члены блока разговаривают о таких вещах, то можно говорить, что это — план.

Бухарин. Становится планом, когда ставится точка над «и».

Вышинский. Можно ли сказать, что Томский поставил точки над «и»?

Бухарин. Совершенно правильно.

Вышинский. Значит, это установлено. А вы были против этого?

Бухарин. Да, я был против.

Вышинский. А ваше мнение, подсудимый Рыков? Можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?

Рыков. Я только хочу изложить факт, который был в моем присутствии (*обращаясь к Бухарину*). Я от тебя услыхал в первый раз термин «открытие фронта».

Вышинский. А что вы именно услыхали?

Рыков. Я и хочу сказать. Может быть, это было продолжением предыдущей дискуссии или обсуждения с Томским, — я это отнюдь не исключаю, но мы были втроем — я, ты и Томский, и тогда ты высказал такого рода мысль, что в случае открытия фронта необходимо, во избежание захвата власти военными, принять определенные меры против военной диктатуры.

Вышинский (*обращаясь к Бухарину*). Правильно это?

Бухарин. Это правильно.

Рыков. То есть Бухарин тогда в моем присутствии дискутировал вопрос о том, как при открытии фронта избегнуть...

Вышинский. С кем дискутировал?

Рыков. Я говорю, что были я, Томский и Бухарин, никого больше не было. Дискутировал, как в случае открытия фронта избегнуть опасности наполеоновщины, военной диктатуры.

Вышинский. А кого подозревали в этой наполеоновщине?

Рыков. Я не помню. Вопрос стоял вообще. Главарем военных был Тухачевский. Я не могу сказать, названо было его имя или нет.

Вышинский. Словом, вы опасались, что Тухачевский возомнит себя Наполеоном?

Рыков. Я излагал то, что сказал Бухарин. Вот это я в первый раз тогда услыхал термин «открытие фронта». Я говорю: услыхал его в этом изложении Бухарина и поэтому в своих показаниях сказал: до этого я не слыхал, я не встречался с этой идеей и не говорил об этом с Томским. Я говорил, что Бухарин занимал крайнюю позицию в этом отношении, потому что впервые я услыхал слова «открытие фронта» от Бухарина и именно в той концепции, которую я изложил сейчас. Когда он излагал, он вовсе не говорил, что есть какие-то мерзавцы, которые хотят открыть фронт, и прочие такие вещи, этого не было.

Вышинский. А как, Бухарин был за это?

Рыков. Он излагал это спокойно: в случае открытия фронта, то есть во избежание такой опасности, нужно то-то и то-то. Но если человек ставит вопрос, что нужно предпринять для избежания определенной опасности какие-то меры, то он об этом говорит только в том случае, если осуществление самой меры считает возможным.

Вышинский. Правильно.

Рыков. Поэтому я вынес впечатление, что Бухарин относится во всяком случае допустимо к этому.

Вышинский. Правильно.

Рыков. По-моему, иначе понимать и толковать это нельзя.

Вышинский. Можно вас так спросить: была ли в этом вопросе у Бухарина пораженческая линия?

Рыков. Это слишком элементарно.

Вышинский. Бывают элементарные вещи, которые не плохо повторить. Да или нет?

Рыков. Конечно, да.

Вышинский. Можно сказать, что Бухарин стоял на точке зрения поражения СССР?

Рыков. Зная Бухарина, я бы сказал, что возможно он не считал это единственным, но считал это то, что называется, дискутабельным, в определенных условиях осуществимым.

Вышинский. Я не говорю — единственно возможным, а одним из средств — открытие ворот врагу. Правильно?

Рыков. Да, но как возможное, но необязательное.

Вышинский. Понятно, как возможное, но необязательное, то есть не только этим путем шел к своей цели. Это и есть измена?

Рыков. Да.

Вышинский. Считаете вы Бухарина изменником?

Рыков. Таким же изменником, как и себя.

Вышинский. Вы подтверждаете показания, которые вы дали Прокурору СССР (*читает*): «что касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял».

Рыков. Я должен поправку внести: первое, в моем присутствии...

Вышинский. Ясно, не в отсутствии.

Рыков. Но вообще до меня с кем-то обсуждал.

Вышинский. Если рассматривать вас, Бухарина и Томского как центр правой части «право-троцкистского блока», то в этом центре о необходимости предварительного соглашения вашей организации с иностранными государствами вы впервые услышали от кого?

Рыков. Я был таким же членом центра, как и он, и если при мне говорят такие вещи и я не веду человека к вам, я уже отвечаю.

Вышинский. Вы хотите здесь по-благородному рассуждать, а как было в действительности: он вам говорил или вы ему говорили?

Рыков. Я писал об этом, я не думал, что это будет так.

Вышинский. Вы же говорили, что в моем присутствии первый он сказал, значит, не вы ему говорили, а он вам. Правильно?

Рыков. Да.

Вышинский. Но вы одинаково за это отвечаете. Он вам сказал. Инициатива была у вас или у Бухарина?

Рыков. Инициатива взятия слова?

Вышинский. Да.

Рыков. Это так.

Вышинский. Дальше: «Он крайне положительно отнесся к информации о переговорах с германскими фашистскими кругами». Это подтверждаете?

Рыков. Да, да.

Вышинский. Подтверждаете это?

Рыков. Да. Разрешите внести точность. Положительность заключалась в том, что когда мы обсуждали вопрос о сближении

с немцами, об избежании войны с ними, Бухарин сделал предложение о ряде уступок.

Вышинский. Дальше: «что же касается нашей пораженческой позиции, то и ее Бухарин полностью разделял». Подтверждаете это?

Рыков. Да.

Вышинский. «И высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы». Кто это мы?

Рыков. Я имел в виду себя и Томского. Я имею в виду вопрос об открытии фронта. Детально, как избежать того, другого или третьего, мы не рассматривали.

Вышинский. Дальше: «...и как пораженец, он высказывался даже более резко, чем мы».

Рыков. Тут может быть лучше изменить формулировку. Я не хочу в этом отношении ставить себя лучшим, чем он. Мы одинаковы.

Вышинский. Это ваши мотивы, а факты?

Рыков. Они были такие же, как и мотивы, потому что я совершенно...

Вышинский. Факты не могут быть такими, как мотивы. Факты остаются фактами. Вы хотите положение Бухарина в этом вопросе облегчить.

Рыков. Не то, чтобы облегчить, но я не хочу себя облегчать за счет Бухарина.

Вышинский. На предварительном следствии вы показывали правду или неправду?

Рыков. Конечно, я показывал правду, я думаю, что все понимают, что я человек достаточно взрослый, опытный и могу делать такого рода отличия. Допустим, я сказал то или другое. Я старше его и моя ответственность не уменьшается и не смягчается.

Вышинский. Могу ли я поставить вам иначе вопрос? Высказывался ли Бухарин за эту позицию, за пораженческую позицию, как вы говорите, достаточно резко, столь же резко, как и вы?

Рыков. Да.

Вышинский. И дальше: «он внес предложение и формулировал идею открытия фронта немцам в случае войны».

Рыков. Вот здесь я должен добавить, что он формулировал в моем присутствии так вопрос об опасности захвата власти.

Вышинский. Это вы подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. Таким образом, если Бухарин говорит, что он против пораженческой позиции, прав он или неправ?

Рыков. Тут я Бухарина не понял и не понимаю. Главное, политический деятель отвечает за свои действия и за результаты своих политических действий. Это единственно, что должно требовать и от меня и от себя, а вовсе не так, что он себе думает. Тогда это будет иметь интерес.

Вышинский. У меня к подсудимому Рыкову вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Рыков, в ваших показа-

ниях о работе организации правых в Белоруссии вы отметили, что фактически ваша организация правых в Белоруссии превратилась в экспозитуру польского генерального штаба. Это правильно?

Рыков. Да.

Председательствующий. И дальше в этом же показании вы говорили, что ваша организация правых на территории Белоруссии получала директивы однородные от польского генерального штаба, с одной стороны, и с другой стороны, — от центра правых. Как это понимать?

Рыков. В каком смысле однородные?

Председательствующий. По вредительской работе, о том, что необходимо уменьшение поголовья скота.

Рыков. Даже больше. Эта директива, как говорил Голодед, была получена своевременно от поляков. Я не помню, чтобы он говорил, что эта директива получена от центра.

Председательствующий. Но задания от поляков, которые получала ваша организация о Белоруссии, совпадали с теми заданиями, которые давал ваш центр?

Рыков. Я не помню, какие давались задания, во всяком случае я не давал.

Председательствующий. Вредительские задания давал ваш центр в области сельского хозяйства, в области животноводства?

Рыков. Нет, задания в этой области не давались.

Председательствующий. Но, если организации, вам подчиненные, получают задания от польской разведки — заниматься вредительством в области животноводства, в частности, в области конского поголовья, и делать другие диверсионные акты, если вы об этом знаете, как это понять?

Рыков. Как понять? Это есть один из моментов измены. Я получал информацию, когда это было сделано. Я виновен в том, что я покрывал. Во всяком случае, эти организации такого типа — это крупные организации, они сами решают на свой риск и страх.

Председательствующий. В том же вашем показании говорится, что «по Белоруссии организации правых поставили задачу: превратить Белоруссию в плацдарм для наступления поляков, для отторжения Белоруссии от СССР в интересах Польши. Эта наша директива совпадала с идентичной директивой, полученной белорусскими организациями от польского генерального штаба».

Рыков. Это неудачное выражение.

Председательствующий. Как неудачное, это в вашем протоколе точно сказано: «директивы наши совпадали с директивами польского генерального штаба». Так вытекало из ваших показаний и таков вывод. В момент показаний вы ответили: «в результате, организации правых в Белоруссии фактически стали экспозитурой польского генерального штаба».

Рыков. Это правильно, но здесь есть известная часть, которая заключается в том, что кроме правого центра, кроме фашистской Польши, были белорусские националистические организации.

Председательствующий. Вы говорите об организации правых?

Рыков. Эти националистические организации имели свое мнение, свои установки, свои тезисы, свои решения.

Председательствующий. Вы в своих показаниях отметили: «наши директивы совпадают с директивами польского генерального штаба». Здесь надо понимать директивы центра — Бухарина, Рыкова, Томского?

Рыков. Когда я это писал, я преследовал цель охарактеризовать окончательно политический результат.

Председательствующий. Результат таков, что ваши организации в Белоруссии превратились в экспозитуру польского генерального штаба.

Рыков. Это есть формулировка политического результата, а не определеннейших организационных отношений.

Председательствующий. Ваши организации правых в Белоруссии развертывали вредительскую работу в сельском хозяйстве, в строительстве дорог по заданию польского генерального штаба?

Рыков. Мне известно два случая со слов Голодеда — это относительно конского поголовья и второе — относительно коров.

Председательствующий. Почему понадобилось польской разведке давать задания — проводить вредительскую работу в строительстве дорог?

Рыков. Это, очевидно, для затруднения продвижения наших войск на защиту границ Советского государства.

Председательствующий. Как вы понимали роль вашей организации правых на территории Белоруссии в отношении разложения революционного движения в Западной Белоруссии?

Рыков. Я это уже изложил. Я говорил, что между нашей белорусской организацией и фашистами был обмен услугами. По просьбе поляков белоруссы-контрреволюционеры посылали в Польшу людей для работы в духе белорусской организации в составе польской коммунистической организации.

Председательствующий. Для какой цели посылались люди? Для провокационной работы или для какой-нибудь другой?

Рыков. В провокационных целях поляки, конечно, их использовали, но едва ли это была непосредственная задача.

Одновременно они хотели среди белоруссов разложить революционное движение, разложить там Коммунистическую партию и вместо нее создать такую белорусскую организацию, которая ставила бы себе цель не только и не столько шпионаж, сколько определенные политические цели.

Председательствующий. Факт это или нет, что организация правых на территории Западной Белоруссии насаждала провокаторов в зарубежные коммунистические организации?

Рыков. Это верно.

Председательствующий. Если вы заявили, что организация правых на территории Белоруссии была, как вы выражаетесь, экспозитурой польского генерального штаба, то что можно сказать об организации правых на территории Украины? Чьей она была экспозитурой или органом какого генерального штаба?

Рыков. Я не знаю точно отношений там. Я не имел об этом подробных разговоров. Но, по-моему, там должно быть положение, аналогичное тому, что было в Белоруссии, то есть — экспозитура немецко-польского фашизма.

Председательствующий. Таким образом, ваша организация на территории Украины была фактически организацией германского и польского фашизма?

Рыков. Да.

Председательствующий. Ваша организация правых на территории Северного края была агентурой разведывательных органов также одного из иностранных государств?

Рыков (молчит).

Председательствующий. Вы слышали показания Иванова?

Рыков. Относительно его шпионской работы?

Председательствующий. Да и относительно возможных уступок леса и лесопильных заводов английским капиталистам?

Рыков. Это я слыхал.

Председательствующий. Вы с этим согласны? Так это было? По крайней мере, такие планы от вашего центра Иванов имел.

Рыков. Я об этом не знал и таких директив не давал, по крайней мере...

Председательствующий. Скажите, какой у вас был разговор с Енукидзе о необходимости убийства Максима Горького?

Рыков. Я...

Вышинский. Разрешите просить отложить это на тот момент, когда мы будем весь этот эпизод выяснять, ибо здесь отдельный вопрос едва ли что-нибудь даст, поскольку этот вопрос связан с целым рядом других вопросов. Я бы ходатайствовал отложить это до выяснения всего вопроса в целом.

Рыков. Я поэтому и не касался...

Председательствующий. Скажите, подсудимый Рыков, когда вы давали показания о работе организации правых на Северном Кавказе, вы упоминали, что вы имели дело с белогвардейской организацией казачества?

Рыков. Я здесь упустил, наряду с второстепенными вещами, одну существенную часть — вопрос о казаках, о казачьей организации правых, которая была там создана. Приступили к ее созданию в период 1930—1931 годов. В дальнейшем об организации работы в казацкой организации меня информировал Пивоваров.

Она окончательно оформилась приблизительно в 1934 году, когда она возглавлялась Лариным...

Председательствующий. Меня интересует характер связей этой организации.

Рыков. Из всех организаций это едва ли не самая крайняя правая. Туда входили, кроме казаков, реэмигранты, которые, как говорил Пивоваров, сохранили связь с оставшимися за границей остатками казацких армий и в своей работе получали помощь от этих казацких белых армий. Через них и с ними были разговоры о том, что если дойдет до восстания в Средней Азии, то эти самые остатки казачьих организаций за границей обещали даже

помощь при помощи десанта. Вот что я знал от Пивоварова относительно казачьих организаций.

Председательствующий. А десант предполагался в каком составе, белоэмигрантский?

Рыков. Я сказал — остатки казачьих белых армий за границей.

Вышинский (обращаясь к суду). У меня, если позволите, два вопроса в связи с показаниями обвиняемого Рыкова к Крестинскому.

Обвиняемый Крестинский, скажите пожалуйста, что вам известно об участии группы Тухачевского в «право-троцкистском блоке»?

Крестинский. Мне об участии Тухачевского известно следующее. Когда я в октябре 1933 года виделся с Троцким в Мексане, он обратил мое внимание на то, что, ориентируясь на государственный переворот, мы ни в коем случае не должны опираться только на свои троцкистские силы, потому что они недостаточны для этого, а что нужно договориться и с правыми, и с военными. Он обратил особое внимание на Тухачевского, человека авантюристического, претендующего на то, чтобы занять первое место в армии и который, вероятно, пойдет на многое. Он просил меня передать об этом Пятакову и переговорить самому с Тухачевским.

Вышинский. Вам пришлось разговаривать с Тухачевским?

Крестинский. Я разговаривал с ним в начале 1934 года уже после того, как с ним говорил Пятаков, передал ему о своем разговоре с Троцким. Тухачевский сказал, что он принципиально относится вообще положительно не только к объединению сил, но и к постановке перед собой этой задачи. Но вопрос, сказал он, требует обсуждения, выяснения возможностей и после этого он будет договариваться на эту тему с Пятаковым. О состоявшейся договоренности я узнал от Пятакова в феврале 1935 года, причем я не спрашивал Пятакова, когда эта договоренность была закончена и когда именно возник этот самый центр. В дальнейшем мне приходилось несколько раз разговаривать с Тухачевским на эти темы. Это было во второй половине 1935 года, в 1936 и 1937 годах. Мне приходилось неоднократно вести такие разговоры. В одном из разговоров в 1935 году он назвал мне несколько человек, на которых он, между прочим, опирается. Он назвал Якира, Уборевича, Корка и Эйдемана. Затем в другом разговоре, очень существенном разговоре, который происходил на Чрезвычайном VIII Съезде Советов, Тухачевский поставил передо мной вопрос о необходимости ускорения переворота. Дело заключалось в том, что переворот увязывался с нашей пораженческой ориентацией и приурочивался к началу войны, к нападению Германии на Советский Союз, и поскольку это нападение откладывалось, постольку откладывалось и практическое осуществление переворота. В этот период начался постепенный разгром контрреволюционных сил. Были арестованы Пятаков и Радек, начался арест троцкистов, и Тухачевский начал бояться, что если дело будет оттягиваться, то оно вообще сорвется. Поэтому он поставил вопрос об ускорении контрреволюционного выступления. Мы об-

судили этот вопрос с Гамарником и Рудзутаком и пришли к общему выводу, что Тухачевский прав. После этого я запросил письменно через Бессонова мнение Троцкого и получил от него ответ положительного характера. Все эти вопросы, связанные с Тухачевским, с Троцким и прочими, стоит ли их вырывать здесь?

Вышинский. Я удовлетворен вашим ответом.

Подсудимый Розенгольц, вы в этой части подтверждаете показания Крестинского?

Розенгольц. Да, подтверждаю.

Вышинский. Вам приходилось разговаривать с Тухачевским и Крестинским?

Розенгольц. У меня был в конце марта 1937 года разговор с Крестинским по вопросу об ускорении организации переворота.

Вышинский. Подробно вы будете об этом говорить тогда, когда вас будут допрашивать. Больше у меня к вам вопросов сейчас нет.

У меня есть один вопрос к обвиняемому Чернову. Обвиняемый Чернов, я хочу остановиться на вашей связи с корреспондентом газеты «Берлинер-Тагеблат» Паулем Шефером. Вы вчера говорили об этом. При каких обстоятельствах вы с ним связались: он к вам явился или вы его нашли?

Чернов. Я вчера по этому поводу говорил. Повторяю, ко мне позвонили из информационного бюро Наркоминдела и сообщили о том, что я должен принять корреспондента газеты «Берлинер-Тагеблат» Пауля Шефера и дать ему информацию по вопросам несекретного порядка для использования в печати. Это было весной 1929 года.

Вышинский. А не 1930 года?

Чернов. Нет, 1929 года.

Вышинский. Вы вчера как будто сказали в 1930 году?

Чернов. Это недоразумение. Если я сказал, что это было в 1930 году, — это оговорка.

Вышинский. Вы с ним виделись один раз или несколько раз?

Чернов. Несколько раз на протяжении 1929 года, пока не прервалась с ним связь.

Вышинский. А в результате чего эта связь прервалась?

Чернов. Он сказал, что боится провала и уезжает из Советского Союза. Точно я не могу сказать, когда это было — или в конце 1929 года, или в 1930 году, скорее это было в 1929 году.

Вышинский. Может быть, Крестинский помнит?

Крестинский. Мне кажется, что Шефер уехал из Советского Союза еще до моего возвращения из Берлина.

Чернов. Я так и говорю.

Вышинский. Вы говорите — или в конце 1929 года или в начале 1930 года.

Чернов. Я на предварительном следствии показал как период, когда я встречался с Шефером, так и период, когда связь прекратилась.

Вышинский. На предварительном следствии за вашей подписью вы показали, том 8, 45 страница: «в конце 1929 года, а

может быть в 1930 году, Шефер из СССР уехал и связь оборвалась».

Чернов. Я, видимо, оговорился или, может быть, волновался.

Вышинский. Во всяком случае, вы помните, что вскоре после этого случая он уехал. У вас был с ним разговор об отъезде?

Чернов. Был разговор.

Вышинский. Больше нет вопросов.

Председательствующий. Перерыв до 11 часов утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Утреннее заседание 4 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Переходим к допросу подсудимого Шарангoвича.

Подсудимый Шарангович, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Шарангович. Полностью подтверждаю. Я хочу рассказать суду полностью, откровенно о своих изменнических и предательских преступлениях. Прошу предоставить мне возможность сделать это в том плане, который я наметил.

Председательствующий (к Прокурору). Подсудимый просит изложить все связно.

Вышинский. Это его право.

Председательствующий (к Шарангoвичу). Остановитесь на основных этапах вашей преступной деятельности.

Шарангович. Изменником родины я стал в августе 1921 года и был им до ареста. В августе 1921 года, после заключения мира с Польшей, я возвращался из польской тюрьмы в порядке обмена, как заложник, с группой осужденных. Я остановился в Варшаве. В Варшаве нас вызывали поочередно в советское посольство, чтобы выяснить лицо каждого из нас. В советском посольстве работал тогда, — я не знаю точно, какую он занимал официальную должность, — некто Вноровский.

Вышинский. Как его звали?

Шарангович. Его имени и отчества я не знаю. С этим Вноровским я имел три разговора. Я не хочу... Не то, что не хочу, а считаю, что нет надобности излагать подробности этих разговоров, но суть их заключается в том, что Вноровский заявил мне, что поляки не хотят меня выпускать и что они смогут это сделать только в том случае, если я дам согласие работать в польской разведке. Я это согласие дал, и после этого польской разведкой и был переброшен в Советский Союз.

По прибытии в Минск этим же Вноровским я был связан с ответственным резидентом польской разведки Богуцким, который занимал тогда ответственный пост в Белоруссии. Длинных разговоров с Богуцким я не имел, да и дополнительной вербовки меня не требовалось, потому что Богуцкий о всех разговорах Вноровского со мною и о моем согласии знал хорошо от Вноровского. Поэтому мы условились с ним, Богуцким, и он мне сказал тогда, что если потребуются какие-нибудь конкретные услуги потом или

задания, которые нужно будет дать, — он мне скажет. Однако, я от Богуцкого конкретных заданий в течение года или двух лет не получал. Богуцкий уехал из Белоруссии в 1923 году и перед отъездом связал меня с ответственным польским резидентом, занимавшим тогда в Белоруссии тоже довольно ответственное положение, — Славинским. Причем Славинский, конечно, все эти подробности и насчет вербовки меня Вноровским, и насчет договоренности, которая существовала с Богуцким, знал хорошо.

От Славинского я уже получил задание. Я сейчас, конечно, не помню конкретно всех этих заданий. Я тогда работал в Белоруссии с половины 1923 года и до половины 1924 года старшим помощником Прокурора Республики. Через меня проходило много дел, шпионских и других дел более важных. По заданию Славинского я информировал его о сущности этих дел и о лицах, проходящих по ним.

Потом я в конце 1924 года перешел на работу в профсоюзы, и поэтому это задание Славинского по этому вопросу оборвалось. В профсоюзах я не получал никаких заданий от Славинского. В 1925 году Славинский уехал из Белоруссии. В самом начале 1926 года я уехал из Белоруссии в Сибирь, и у меня связи с польской разведкой временно оборвались. Оставался я, конечно, агентом польской разведки, но конкретно каких-нибудь заданий я не получал.

Возобновилась у меня эта связь — и более активная, чем предыдущая,— в конце 1932 года или в начале 1933 года, конкретно с консулом одного из иностранных государств, граничащих с Белоруссией. Это было уже после того, когда я вступил в национал-фашистскую антисоветскую организацию в Белоруссии.

Было это так: ко мне обратился некто Жебровский, который тогда занимал пост третьего секретаря ЦК Компартии Белоруссии, но с ним разговор я имел, собственно говоря, зондирующий. Более ясный разговор по этому поводу я имел с Бенеком, который работал в Белоруссии народным комиссаром земледелия. Бенек предложил мне от имени этого консула следующее: что хотя этот консул и имеет уже достаточно тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организацией в Белоруссии, в том числе и с ним, с Бенеком, однако он хочет установить и со мной эту связь, имея в виду, что я нахожусь на партийной работе.

Собственно говоря, я должен сказать, что для вербовки меня тогда каких-нибудь или больших уговоров делать не было надобности, потому что я тогда уже был одним из руководителей национал-фашистской организации Белоруссии, потому что я тогда уже знал относительно тесной связи других руководителей национал-фашистских организаций в Белоруссии с поляками, так — Голодед, Червяков и тот же Бенек. Вообще все прошлые моменты и моя связь с поляками привели меня, как говорится, в это лоно без всяких уговоров.

В это время я передал через Бенека содержание некоторых решений ЦК ВКП(б), относящихся к Белоруссии. Потом дал ин-

формацию о шоссейных дорогах, о сети партийных ячеек и по ряду политических вопросов. Но дело, конечно, заключается не только в том, что я передавал, и не только в моих личных связях, а дело, главным образом, — в том, что уже к тому периоду наша национал-фашистская организация, одним из руководителей которой я был, была по существу тесно связана с польским генеральным штабом. Вот об этом я хочу более полно рассказать после того, как я изложу вопросы, связанные с национал-фашистской организацией.

В национал-фашистскую организацию я был завербован Голодедом и Чернышевичем в начале 1932 года. Я не буду говорить об обстоятельствах связей, о том, что меня побудило вступить в эту организацию, потому что то, что я уже рассказывал, это само за себя говорит. Я находился в этой национал-фашистской организации, а это было тем, к чему я стремился. Об обстоятельствах вербовки или вовлечения, мне кажется, вряд ли здесь нужно говорить.

Когда я вступил в национал-фашистскую организацию, это было, видимо, в марте или в конце февраля, меня...

Вышинский. Какого года?

Шарангович. 1932 года. Голодед подробно информировал меня о составе этой организации и о том, что эта национал-фашистская организация связана с московским центром правых, получает от него директивы, персонально от Рыкова и Бухарина. Основные цели национал-фашистской организации в Белоруссии Голодед коротко формулировал так: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами.

Что же касается методов и средств, то сюда входили: вредительство, диверсия, террор.

Я должен подчеркнуть, что уже тогда меня Голодед информировал об этих установках московского центра правых, получавшихся от Рыкова и Бухарина.

Особенно Голодедом была подчеркнута необходимость установления, в целях осуществления этих задач, тесной связи с польским генеральным штабом. Да, собственно, это совершенно ясно вытекало из этих целей, которые ставятся.

Я не скажу, что мы, все эти установки принимая, выполняя и руководствуясь ими, что мы были, в том числе я, младенцами и не понимали сущности их и, так сказать, не сознавали всей серьезности изменнических преступных целей, методов и средств, о которых я говорю, но, однако, я должен констатировать, что такие установки были. Я должен тут же попутно, если можно так сказать, развить относительно того, почему мы называли себя национал-фашистами. Дело в том, что и основной состав центра, и основные кадры были националистические. Конечно, и в центре и кадры были правые и троцкистские, но между ними нельзя сделать какую-нибудь грань или даже говорить, если хотите, о блоке, потому что, если взять любого из нас, основных руководителей этого центра, то они были и правые и, в первую очередь, националисты. Если взять, например, таких людей, как Же-

бровский, который был активным троцкистом, то он более резко по всем вопросам, связанным с целями и задачами, выступал, чем мы. Если взять Гикало, который был правым, но он не менее резко, чем мы, был настроен по вопросам националистическим, соглашаясь с теми целями, которые мы ставили перед собою.

Поэтому я должен сказать, что, по существу, там были националисты основной группой, собирающей вокруг себя все кадры и силы для борьбы с Советской властью, для свержения Советской власти. Я должен сказать, что у нас связь с московским центром правых была не теоретическая и формальная, и не в порядке даже какого-либо локального блока. В этом направлении мы и получали систематические директивы и инструктировались московским центром правых. Я это хочу подтвердить рядом фактов.

В ноябре 1932 года в Москву ездили Голодед и Червяков. Они встречались с Рыковым и Бухариным, причем я должен сказать, что, насколько мне известно, Червяков был связан с Рыковым еще с 1928 года, а Голодед — с 1930 года. Помню, после поездки Голодеда и Червякова в 1932 году в Москву, когда они возвратились, у нас было в Минске совещание центра нашей организации в полном составе, где они и информировали нас. Информация эта сводилась к тому, что и Рыков, и Бухарин подтверждали все свои прежние установки для нашей организации, выразив недовольство слабой деятельностью нашей организации. Там же в Москве был дан ряд конкретных установок, в первую очередь, по вопросам вредительской, диверсионной деятельности и, во-вторых,— относительно усиления и установления более тесной связи с польским генеральным штабом. Голодед и Червяков потом систематически встречались с Рыковым и Бухариным.

Кроме этих связей, о которых я уже сказал, у меня лично были установлены связи сначала с Сулимовым, по-моему, в октябре 1932 года, когда он приезжал в Белоруссию в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по отгрузке картошки. Я уже тогда с Сулимовым имел подробный разговор. Он сводился к тому, что Сулимов информировал меня о том, что я уже знал от Голодеда и Червякова; я ему также рассказал относительно кадров, относительно того, что делает наша организация. Больше у меня встреч с Сулимовым не было. Но весной 1933 года я связался с Антиповым.

Первую встречу с Антиповым мне устроил Голодед у него же в кабинете. В этой встрече с Антиповым он сначала интересовался относительно деятельности нашей организации, подтверждал те установки, о которых я уже знал. В этом разговоре с Антиповым я поставил перед ним некоторые вопросы, причем поставил я эти вопросы не с точки зрения того, что я с ним был не согласен или мне требовались разъяснения какие-нибудь особые, а с точки зрения подтверждения их от самого Антипова, потому что когда устраивались эти разговоры, Голодед сказал о том, что он является руководителем параллельной группы правых.

Во время этого разговора я поставил перед Антиповым вопрос о том, как он смотрит на такую откровенную резкую уста-

новку о связи с польским генеральным штабом. На это мне Антипов заявил следующее: видите ли, если мы ставим перед собой вопрос свержения Советской власти, если мы ставим перед собой вопрос поражения Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами, если мы ставим перед собой задачу отторжения Белоруссии, — то как же не использовать и не пойти на сговор с такой реальной силой, какой является фашистская Польша.

Второй вопрос, который я поставил перед Антиповым, был вопрос об отторжении Белоруссии и создании, так сказать, под протекторатом Польши буржуазного Белорусского государства. Мы, конечно, понимали все, что значит этот протекторат, потому что это отнюдь не являлось для нас теоретической формулой. Это значило отдать под ярмо польских помещиков и капиталистов Советскую Белоруссию, применяя все те средства, которыми мы тогда уже располагали. На это мне Антипов ответил, что эта формула дает возможность лучше сколачивать все националистические и антисоветские кадры и, во-вторых, этой формулой мы одновременно приманиваем, если можно так сказать, польский генеральный штаб. Вот это была наша первая встреча. Надо сказать, что Антипов в 1933 году довольно часто наезжал в Белоруссию потому, что он был председателем комиссии по чистке белорусской партийной организации.

При второй встрече с Антиповым присутствовали: Голодед, Червяков, Гикало и я. Встреча происходила на даче под Минском. Антипов, выслушав информацию о преступной и подрывной деятельности нашей организации, опять-таки потребовал от нас активизации, особенно в вопросах вредительства и диверсии, в вопросах организации террористических групп и в вопросах о связи с польским генеральным штабом.

Вышинский. Расскажите конкретно о вашей преступной деятельности в области вредительства.

Шарангович. Я к этому подойду.

Вышинский. Вы подходите к этому очень долго, а меня это главным образом интересует. Возьмите конкретно ваше вредительство. Позже мы подойдем и к вашим шпионским связям. Сейчас расскажите, пожалуйста, о вашей преступной деятельности по части вредительства, какие задачи перед вами стояли, как выполнялись эти задачи и так далее?

Шарангович. Мы ставили перед собой задачу — наиболее широко развернуть вредительство во всех областях народного хозяйства.

Вышинский. В каких целях?

Шарангович. В целях подготовки поражения СССР и в целях создания недовольства населения в стране.

Вышинский. В целях провокационных?

Шарангович. Конечно. В целях подрыва обороноспособности. Я, конкретно, по распределению ролей, которое у нас было, занимался вредительством в сельском хозяйстве.

Вышинский. О распределении ролей мы сейчас не будем говорить. Вы мне вот что скажите. Вот эти задачи подрыва мощи

Белорусской республики, ослабления обороноспособности, подготовки условий более благоприятных для нападения со стороны врагов, — вот эти задачи вашей белорусской группой были поставлены самостоятельно или эти задачи были перед ней кем-нибудь поставлены?

Шарангович. Эти задачи были поставлены и сформулированы в общей постановке вредительства, но и в конкретной постановке московского центра правых, Рыкова и Бухарина.

Вышинский. И еще кем они были поставлены?

Шарангович. И польской разведкой.

Вышинский. Значит, вы работали одновременно и под руководством центра правых, и под руководством польской разведки?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. В чем выразилась конкретно ваша преступная деятельность?

Шарангович. Я занимался вредительством, главным образом, в области сельского хозяйства. В 1932 году мы, и я лично, в этой области развернули большую вредительскую работу. Первое — по срыву темпов коллективизации.

Вышинский. Вы какую должность тогда занимали?

Шарангович. Я был вторым секретарем Центрального Комитета Компартии Белоруссии.

Вышинский. Так что возможности у вас были большие?

Шарангович. Конечно. Я лично давал вредительские установки ряду работников...

Вышинский. Своим сообщникам?

Шарангович. Да, сообщникам. Мы организовали выходы из колхозов. Затем мы запутывали посевные площади. Суть этого дела заключалась в том, что мы давали одним районам такие посевные площади, которые они не могли освоить; другим районам, имевшим большие площади для посева, наоборот, давали уменьшенные задания. Кроме того, мы организовали срыв хлебозаготовок. В 1932 году это было проведено таким образом. Сначала наша национал-фашистская организация приняла все меры к тому, чтобы хлебозаготовки шли плохо. То есть срывали их. Потом, когда было вынесено специальное решение Центрального Комитета ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в Белоруссии, то наша организация, боясь провала и возможного разоблачения, приняла срочные меры к тому, чтобы хлебозаготовки несколько подтянуть.

Я должен также сказать, что в 1932 году была нами распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж свиней, причем это делалось таким образом, что прививку чумы свиньям делали вредительски.

Вышинский. По вашим лично указаниям?

Шарангович. Да, здесь были и мои лично указания.

Вышинский. Меня интересует ваша преступная деятельность.

Шарангович. Я повторяю: были и мои указания и других.

Наряду с этим мы проводили организацию совхозов в Республике за счет земель колхозников и единоличников.

Вышинский. С нарушением интересов колхозников и единоличников?

Шарангович. Конечно, да.

Вышинский. В каких целях?

Шарангович. Во вредительских целях, преступных целях, создания недовольства.

Вышинский. Провокационных целях?

Шарангович. Позднее несколько, по линии сельского хозяйства была проведена нами вредительская работа в области наделения колхозников приусадебными участками.

Я должен особо остановиться на вопросе относительно единоличников, потому что это связано с планами нашей националфашистской организации. В Белоруссии к этому периоду еще насчитывалось около 100 000 единоличников. Нами была дана установка, что раз единоличник не идет в колхоз, то он является врагом Советской власти. Это было нами сделано в провокационных целях. К единоличникам, сопротивляющимся коллективизации, мы, исходя из своих провокационных установок, применяли такие налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и повстанческие настроения.

Вышинский. Вы не припоминаете Лепельского дела?

Шарангович. Я это все и связываю с Лепельским делом. Лепельское дело, если можно так выразиться, было просто эпизодом в цепи нашей подрывной работы.

Вышинский. Значит, Лепельское дело это был результат вашей нарочито преступной, провокационной деятельности?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. В чем это выразилось конкретно?

Шарангович. В Лепельском деле вредительство выразилось в том, что там нажим на единоличников был особенно силен. Потом ЦК ВКП(б) принял соответствующие меры для исправления того, что было нами проделано, и положение изменилось. Настроение у единоличников, у той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось. Но я повторяю, что Лепельское дело было одним из эпизодов, потому что подобные факты более резко проявлялись в других районах.

Вышинский. И все это было под вашим непосредственным указанием?

Шарангович. Совершенно правильно.

Дальше, по сельскому хозяйству, я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 году в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Это проводилось нами с целью, так как конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной.

Вследствие этой меры пало, насколько я помню сейчас, около 30 тысяч лошадей. Я должен сказать, что эту меру относительно лошадей мы провели не только по своей инициативе.

Вышинский. А еще по чьей?

Шарангович. Мы имели прямую установку из московского центра правых. Дальше, в области сельского хозяйства была нами

проведена вредительская работа, следствием которой в пограничных районах экономические показатели были худшие, чем в тыловых районах. Вот, собственно, основное.

Вышинский. А в области промышленности?

Шарангович. В области промышленности вредительство охватило такие объекты как торф. Торф как топливная база для энергетики Белоруссии имеет очень большое значение и поэтому подрыв этой топливной базы вел к подрыву всех отраслей промышленности.

Энергетика. Здесь, главным образом, внимание концентрировалось в отношении Белгрэса, который снабжает промышленность Витебска, Орши, Могилева. Здесь топливо не подвозилось своевременно. Тормозилось строительство. Конкретно беру Кричевский цементный завод, Оршанский льнокомбинат, Могилевский труболитейный завод...

Вышинский. И так далее.

Шарангович. Да. И целый ряд еще вредительств, которые шли по линии промышленности. Дальше, говоря о вредительстве, я должен остановиться на культурном фронте, потому что наша национал-фашистская организация придавала этому участку особое значение в условиях национальной республики. На этом участке работало значительное количество участников нашей национал-фашистской организации и, кроме того, там было достаточное количество таких людей, если не участников, то таких, которых и привлекать было легче и через которых легче было эту работу проводить. Это вредительство проводилось в целях компрометации национальной политики партии и Советской власти. Здесь вредительство шло и по линии школ, и по линии писательских организаций, и театра.

Вышинский. Словом, по всем линиям культурного фронта, где только можно было вредить?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Значит, подытоживая вашу преступную вредительскую деятельность, можно сказать, что ни одна отрасль социалистического строительства не осталась вне вашей вредительской деятельности?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. В сельском хозяйстве борьба против коллективизации, беззакония в отношении единоличников с провокационной целью вызвать недовольство среди населения, запутывание посевных площадей в тех же целях...

Шарангович. Правильно.

Вышинский. Срыв совхозного строительства за счет совершенно нерациональных, бесхозяйственных и беззаконных мероприятий, направленных и против совхозов, и против единоличников?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. Срыв хлебозаготовок всякого рода опять-таки незаконными мероприятиями?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. Целая система таких мероприятий. Затем истребление скотопоголовья, так что ли?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. Сознательное заражение скота чумой, эпизоотия чумы, удар по коню?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. Удар по коню с целью развалить и сельское хозяйство и подорвать обороноспособность страны?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. Наконец, торфяная промышленность, срываете развитие энергетики и энергетического хозяйства?

Шарангович. Правильно. Правильно.

Вышинский. Весь культурный фронт, как могли и где могли, сея национальную рознь, разжигая шовинистические настроения и срывая, таким образом, осуществление, проведение в жизнь ленинско-сталинской национальной политики?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. И это все делалось вами, как руководителем организации, по прямым указаниям центра правых, как части блока, и польской разведки...

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. ...агентом которой вы были с 1920 года?

Шарангович. С 1921 года.

Вышинский. В материалах следствия есть данные, что с 1920 года, но это не играет большой роли. Вы, следовательно, появились в СССР уже в качестве польского шпиона?

Шарангович. Да.

Вышинский. И этим польским шпионом продолжали оставаться долгие годы?

Шарангович. До дня ареста.

Вышинский. Значит, 1922, 1923, 1924, 1925, словом, все годы, 16—17 лет?

Шарангович. Совершенно правильно. Были перерывы, но это не меняет положения.

Вышинский. Перерывы, независящие от вас, случайные?

Шарангович. Конечно. Можно продолжать?

Теперь относительно террора. Мы имели установку относительно террора.

Вышинский. От кого?

Шарангович. От московского центра правых.

Вышинский. Непосредственно от кого?

Шарангович. От Рыкова.

Вышинский. Непосредственно или через кого-нибудь?

Шарангович. Я знал от Голодеда, Антипова, Червякова.

Вышинский. Лично с Рыковым не приходилось встречаться?

Шарангович. Нет. Мы, в том числе и я, в 1932 году приняли эту террористическую установку.

Вышинский. Вообще, вы как, теорией интересовались или больше практикой?

Шарангович. Я думаю, что для такой преступной работы, которую я проводил...

Вышинский. И в вашем положении шпиона польской разведки?

Шарангович. Да, моей организации, которую я возглавлял, вообще никакой теории не нужно. Какая теория нужна для таких головорезов, простите, как мы. Подумаешь, большая теория нужна для того, чтобы...

Вышинский. Выполнять задания какой-нибудь разведки. Я это напоминаю вам для того, чтобы вы не ударились в область теории, с чего вы начали. Давайте ближе к практике.

Шарангович. Далее мы приняли и проводили как практическую задачу террор: мы создавали террористические группы, подготовляли террористические акты, в первую очередь подготовляли террористический акт в 1936 году против Ворошилова, когда он приезжал в Белоруссию на маневры. Тогда были нами созданы две террористические группы, но этот террористический акт нам не удалось совершить. Кроме этого, подготовляли террористические акты и против других руководителей партии и Советского правительства. Наряду с этим здесь, в Москве, нами была создана группа, которая находилась в связи с белорусской национал-фашистской организацией и существовала на случай необходимости проведения террористического акта в Москве.

Вышинский. С вами была связана?

Шарангович. Непосредственно?

Вышинский. Как с руководителем организации?

Шарангович. Нет.

Вышинский. Откуда же вам известно, что такая группа в Москве была?

Шарангович. Мне известно об этом было от Голодеда и Волковича.

Вышинский. Ну, одним из руководителей этой организации были вы?

Шарангович. В тот период...

Вышинский. Эта группа существовала в тот период, когда вы были одним из руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии?

Шарангович. Я тогда в центр непосредственно не входил.

Вышинский. Входили или не входили, я не об этом спрашиваю. Арестованы вы в какой должности?

Шарангович. В должности первого секретаря.

Вышинский. Вы были одним из руководителей фашистской группы в Белоруссии, которая являлась частью «право-троцкистского антисоветского блока»?

Шарангович. Когда в 1936 году подготавливался этот террористический акт, я там не был.

Вышинский. А когда вы там были?

Шарангович. В Белоруссию я приехал в марте месяце 1937 года.

Вышинский. Значит, в 1937 году вы были в Белоруссии?

Шарангович. Да.

Вышинский. И руководили этой подпольной антисоветской провокаторской работой?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. И эта группа существовала до последнего момента?

Шарангович. Да.

Вышинский. И вы знали об этом от Голодеда и Волковича?

Шарангович. Да.

Вышинский. Как соучастник?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Следовательно, эта группа действовала с вашего ведома?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. А так как вы были руководителем, то можно сказать, что и под вашим руководством?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Вот об этом я и говорю. Продолжайте.

Шарангович. Кроме этих двух террористических актов, о которых я говорил, была в этой области развернута большая работа и создан целый ряд террористических групп.

Вышинский. Подытожим кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу?

Шарангович. Во-первых, что я изменник родины.

Вышинский. Старый польский шпион.

Шарангович. Во-вторых, я заговорщик.

Вышинский. Заговорщик.

Шарангович. В-третьих, что я непосредственно проводил вредительство.

Вышинский. Нет. В-третьих, вы непосредственно один из главных руководителей национал-фашистской группы в Белоруссии и один из активных участников «право-троцкистского антисоветского блока».

Шарангович. Правильно.

Потом, — что я лично проводил вредительство.

Вышинский. Диверсии.

Шарангович. Правильно.

Председательствующий. Организатор террористических актов против руководителей партии и правительства?

Шарангович. Верно.

Председательствующий. И все это совершал в целях?..

Шарангович. И все это совершал в целях свержения Советской власти, в целях победы фашизма, в целях поражения Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами.

Председательствующий. Идя на расчленение СССР, отделение Белоруссии, превращение ее...

Шарангович. Превращение ее в капиталистическое государство под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Председательствующий. В этом вы себя признаете полностью виновным?

Шарангович. Да, признаю.

Председательствующий. Вопросов у меня больше нет. Садитесь.

Переходим к допросу подсудимого Ходжаева. Показания, которые вы давали о вашей антисоветской деятельности в течение многих лет, вы подтверждаете?

Ходжаев. Подтверждаю. В Узбекистане я проводил антисоветскую деятельность.

Председательствующий. Товарищ Вышинский, у вас есть вопросы?

Вышинский. Скажите, подсудимый Ходжаев, в чем вы себя признаете виновным?

Ходжаев. Я уже на предварительном следствии дал искреннее и честное признание в совершенных мною преступлениях и, не скрывая ничего, намерен перед судом сказать, хотя бы вкратце, основные вехи этих преступлений, которые мною совершены. Мое преступление против революции, против Рабоче-Крестьянского государства, против партии начинается с 1920 г. В 1920 г. я был поставлен во главе советского государства, — я говорю о Бухарской народной республике, — во главе высшей ее исполнительной власти. Вот в этот период моей работы я примкнул к буржуазно-националистической организации «Милли Иттихад».

Вышинский. Что это значит?

Ходжаев. Это значит «национальный союз», который ставил перед собою задачу превратить Бухарскую народную республику в буржуазно-демократическую республику, как буферное государство между Англией и Советской Россией. Я вошел вот в эту буржуазно-националистическую организацию и как активный руководитель этой буржуазно-националистической организации участвовал, руководил ее контрреволюционной антисоветской работой. Это — первый этап.

Вышинский. Продолжается этот этап до которого года?

Ходжаев. Если разрешите, я потом перейду к этому вопросу.

Вышинский. Пожалуйста.

Ходжаев. Я хочу сказать о моих преступлениях.

Вышинский. По существу?

Ходжаев. По существу.

Вышинский. Но, если вам не трудно, говорите и годы. С 1920 г. по...

Ходжаев. Формально для меня до 1921 года, но по существу он продолжался и дальше. В 1925 году я был назначен председателем Совнаркома Узбекистана. Начиная с 1928 года, я сблизился с националистическими кругами бывшей Туркестанской республики, а в последующее время, в Узбекистане, в лице одного из руководителей Компартии Узбекистана, в лице Икрамова, я нашел себе союзника и вместе с ним мы составили то ядро, которое вело в Узбекистане националистическую, антисоветскую работу. Таким образом, это второй этап моей активной антисоветской националистической работы.

Наконец, третий этап — 1930 год, когда я в один из своих приездов в Москву, после деловой встречи с Рыковым в Совнаркоме Союза, беседуя на различные темы, договорился с ним о нашей совместной антисоветской работе.

Вышинский. О какой работе?

Ходжаев. Об антисоветской.

Вышинский. То есть?

Ходжаев. То есть о совместной работе узбекской националистической организации под руководством правых против руководства партии, против Советского государства. Рыков тогда еще мне говорил о том, что в этом случае — в случае нашей совместной работы — центр правых гарантирует независимость Узбекской республики...

Вышинский. Что это значит — независимость Узбекской республики?

Ходжаев. В данном случае эту независимость от Советского Союза надо рассматривать, как зависимость от какой-то другой — капиталистической — страны.

Вышинский. Вы так понимали Рыкова?

Ходжаев. Да, я так и понимал.

Вышинский. А чем он мотивировал это?

Ходжаев. Мотивировка была одна — что и правые, и мы, националисты, боролись против руководства партии, против Советского правительства. Для того, чтобы правые достигли своих целей, для того, чтобы мы достигли своих целей, мы должны были сломать это руководство. В этих целях мы заключили союз. Значит, цель оставалась одна — свергнуть Советское правительство, свергнуть руководство ЦК ВКП(б).

Вышинский. Ослабить СССР?

Ходжаев. Ослабить СССР, безусловно.

Вышинский. А для чего ослабить СССР?

Ходжаев. Для того чтобы к этому перейти, разрешите мне более систематично изложить.

Вышинский. Хорошо, только я вас прошу постараться мне ответить на этот вопрос.

Ходжаев. Я коротко хочу остановиться на бухарском периоде, чтобы было понятно, каким образом я пришел к сегодняшнему моему положению.

В заговорщическую организацию бухарских националистов после революции 1920 года я пришел не случайно, потому что я был воспитан как националист, и то небольшое, кратковременное участие мое в революционном движении, в революции, эмиграция в Советскую Россию, благодаря которым, как я думал, я изжил свой национализм,— этого оказалось недостаточно, и хотя мне казалось, что я изжил национализм — в самом деле это оказалось неправильным. И вот, будучи уже членом партии, я тогда вошел в буржуазную националистическую организацию.

Большинство буржуазно-националистической организации Бухары ориентировалось тогда на Англию. Разумеется, эти националистические круги и тогда совершенно ясно представляли себе, что независимость от Советской России, опора на Англию не могут обойтись так просто, и не ради прекрасных глаз будет Англия оказывать содействие. Они и тогда считали возможным принять протекторат Англии и под этим протекторатом отделиться окончательно от Советской России. Вот в целях осуществления этой задачи мы тогда проводили целый ряд действий.

Мы систематически вытесняли из советского и партийного аппарата действительных членов партии, настоящих советских людей и занимали эти посты .своими людьми. Мы готовили кадры для того, чтобы по-настоящему занимать руководящие посты в советском аппарате, по-настоящему руководить государством. Свои кадры для этого мы формировали, главным образом, из буржуазной молодежи и обучали их не в советских школах, а посылали преимущественно за границу — в Германию, в Турцию. Мы, вместе с тем, вели очень большую работу по организации вооруженных сил, так как мы не имели большого влияния в армии. Наши вооруженные силы формировали, главным образом, в виде милиции. Мы пытались использовать басмачество, которое к этому времени уже появляется в пределах Бухары. Мы пытались создавать новые кадры басмачества.

Вот сущность той работы, которую мы проводили внутри Бухары.

Я уже говорил о внешне-политической ориентации, которая заключалась в том, чтобы ослаблять всемерное влияние Советской России на Бухару и усиливать связи и взаимоотношения с сопредельными капиталистическими государствами, а через них связаться по-настоящему с Англией, которая в те времена была наиболее яркой противницей Советской России. Я имею в виду 1920—1921 годы.

Между прочим, это мое антисоветское настроение выразилось еще в том, что, когда в 1923 году был поставлен вопрос об экономическом объединении Туркестана, Бухары и Хорезма в целях координации действий, я был ярким противником этого экономического объединения, считая, что это экономическое объединение есть преддверие к еще большему усилению влияния Советской России и советизации Бухары.

Дальше, когда в 1924—1925 годах был поставлен вопрос о национально-территориальном размежевании советских республик Средней Азии, я был против этого размежевания, но в историю мое имя вошло как сторонника этого национального размежевания, ибо я говорил об этом, агитировал за это. Но это случилось вот почему, ведь, собственно говоря, бухарского народа, как такового, не было, было Бухарское государство, там жили узбеки, туркмены, таджики и ряд других народностей. В результате роста национального самосознания этих народов возник вопрос об их государственном оформлении, они хотели жить самостоятельно. Ленинско-сталинская политика не ставила этому никаких преград. Отсюда возникал вопрос национального размежевания. Но быть открыто против размежевания означало ставить тогда себя открытым врагом, на что я не мог итти. Я располагал, законспирировавшись, продолжать борьбу.

Вот почему я под маркой сторонника национального размежевания оказался во главе Узбекского советского государства.

Вышинский. Значит, сманеврировали?

Ходжаев. Сманеврировал, сдвурушничал.

Конечно, в 1925—1926—1927 годах я не мог еще вести антисоветскую работу в Узбекистане, хотя я оставался националистом,

буржуазным националистом. Не мог только потому, что у меня не было своих кадров. Часть я растерял в Бухаре в период этой борьбы, часть вообще отошла, а в Узбекистане новых людей я еще не имел. Поэтому для меня эти два-три года прошли как годы подготовки.

Вышинский. К чему?

Ходжаев. Подготовки к формированию буржуазно-национальных сил для борьбы, для продолжения той борьбы, которую я вел еще с 1920 года, когда был в Бухаре.

Вышинский. Против?

Ходжаев. Против Советской власти.

В узбекской парторганизации известна «группа 18-ти». Эта группа возникла в 1918 году. Организатором этой группы был я. Когда проводилась земельная реформа в целях наделения землей бедняцких слоев населения Узбекистана, в этот период значительно оживилась кулацко-байская верхушка. Кроме того, часть ответственных работников Узбекистана была недовольна этой реформой. Я использовал это недовольство и начал формировать группу узбекских националистов.

Если взять «группу 18-ти» как известный этап к переходу к активной националистической работе моей, она объясняется вот таким образом.

Вышинский. Это какой год?

Ходжаев. Это, примерно, середина 1925 года. Эта «группа 18-ти» решила провести известное давление на партию. Исходила она из того, что крупных работников не так-то уже много в Узбекистане. Если эти 18 человек, наиболее видные люди, в виде протеста подадут в отставку, то этого достаточно будет для того, чтобы партия пошла на известные уступки байству и кулачеству, этим путем хотели захватить партийное руководство в Узбекистане. Мы рассчитывали в этом своем маневре тогда на одного из руководителей компартии Узбекистана Икрамова; рассчитывали, зная, что он в период 1918—1920 годов, будучи еще молодым человеком, участвовал в буржуазно-националистических организациях Туркестана. Это знал я, знал ряд других участников и в «группе 18-ти».

Вышинский. В каких организациях?

Ходжаев. Это была пантюркистская организация, которой руководил Рыскулов.

Вышинский. Когда?

Ходжаев. Это было в 1918—1919 годах.

Вышинский. Под каким названием?

Ходжаев. «Иттихад-Выхерты». Это означает «Единение и прогресс». Это по типу младотюркской партии «Единение и прогресс».

Вышинский. Дальше.

Ходжаев. Мне было известно, что Икрамов принадлежал к этой группировке, но почему-то Икрамов с нами не объединялся, а мы с ним не вели никаких непосредственных переговоров. Мы оказались битыми на съезде. После этого опять мы решили законспирироваться, подали заявление, что мы ошибались, неправильно поступали, что мы согласны проводить линию партии.

Вышинский. Второй раз сманеврировали?

Ходжаев. Второй раз сдвурушничал. Между 1925—1928 годами у меня происходило сближение с Икрамовым на почве практической работы. Икрамов работал в ЦК, я — в Совнаркоме. Я-то знал, что я — руководитель националистической группы.

Вышинский. Вы знали?

Ходжаев. Я знал, что я сам — руководитель националистической группы, а что Икрамов принадлежал к той же буржуазно-националистической группе и о том, что у Икрамова есть своя националистическая группа, — этого еще не знал. Это сближение привело к тому, что я узнал, что у Икрамова есть своя националистическая группа, которая называется «Милли Истиклял», что значит «Национальная независимость». Мы с ним не то что объединились, но начали контактировать нашу работу. Если говорить о нашей антисоветской работе конкретно в этот период...

Вышинский. Это было когда?

Ходжаев. Это было в середине 1928 года или в начале 1928 года. Точно сказать очень трудно. Много времени прошло с тех пор.

Вышинский. Вы с Икрамовым контактировали работу?

Ходжаев. Да.

Вышинский (к председателю). Позвольте вопрос Икрамову. Подсудимый Икрамов, вы слышали эти показания Ходжаева?

Икрамов. Да, слышал.

Вышинский. Вы согласны с его показаниями?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, вы были членом подпольной националистической организации в 1928 году?

Икрамов. Да.

Вышинский. Эта организация называлась «Милли Истиклял»?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, в этой части показания Ходжаева правильны?

Икрамов. Правильны.

Вышинский. Ходжаев был членом подпольной националистической фашистской организации «Милли Истиклял»?

Икрамов. Нет, Файзулла Ходжаев не был. У Ходжаева была своя организация.

Ходжаев. Я так и говорил.

Вышинский. Значит Ходжаев был в своей организации, а вы — в своей. Обе организации буржуазно-националистические. Фашистского типа.

Икрамов. Правильно. Но что контакт сами установили — это неправильно. Контакт установлен под нажимом правого центра.

Вышинский. То есть?

Икрамов. Под нажимом Бухарина и под непосредственным руководством Антипова сконтактировали работу двух националистических организаций.

Вышинский. В чем же у вас разногласия с Ходжаевым?

Икрамов. Я говорю, что не в 1928 году, а в 1933 году, под нажимом Бухарина.

Вышинский. А в 1928 году не контактировали?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Действовали порознь? Обвиняемый Ходжаев, в чем тут дело?

Ходжаев. Я с Икрамовым по этому вопросу не говорил перед тем, как давать свои объяснения суду, и не понимаю, из каких мотивов исходит обвиняемый Икрамов, когда он, признавая принадлежность к буржуазно-националистической организации, отодвигает срок нашей совместной работы. Мне кажется, Икрамову хочется кое от каких фактов отмахнуться. Может быть, я ошибаюсь, это мое предположение, но разрешите мне огласить пару фактов.

Вышинский. Пожалуйста.

Ходжаев. До того периода, как мы пошли на союз с правыми, мы с Икрамовым, главным образом (я других людей сейчас не называю, поскольку они на суде не участвуют), были руководителями, по существу говоря, широкой антисоветской работы. В чем она заключалась? Во-первых, в том, что мы поставили перед собой задачу захвата нашими националистическими кадрами целого ряда советских организаций в Узбекистане, таких органов как Наркомпрос, чтобы школы иметь в своих руках, университет иметь в своих руках, печать, плановые организации, Наркомзем и так далее. И должен сказать, что эту задачу мы осуществили.

Вышинский. Кто мы?

Ходжаев. Я и Икрамов. В нашем лице были две националистические организации, о которых я говорил.

Вышинский. Обвиняемый Икрамов, в этой части вы согласны с показаниями обвиняемого Ходжаева?

Икрамов. Согласен.

Вышинский. Захват руководящих должностей в ряде организаций...

Икрамов. Да. Я показания дам более широкие.

Вышинский. Вы тогда делали по своей линии?

Икрамов. Да.

Вышинский. Контактировали с Ходжаевым?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Ваши помощники, может быть, разговаривали?

Икрамов. Возможно.

Вышинский. Во всяком случае тот факт, который приводит обвиняемый Ходжаев, свидетельствующий об определенной вашей преступной политической линии, он верен?

Икрамов. Верен.

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, откуда вам известно, что организация Икрамова тоже действовала?

Икрамов. Пусть он скажет.

Ходжаев. Я в предварительных показаниях указывал конкретные факты. В 1928 году от имени Икрамова ко мне явился некий Бурнашев, ближайший помощник Икрамова.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, был у вас такой помощник по вашей заговорщической организации Бурнашев?

Икрамов. Бурнашев членом националистической организации не был.

Вышинский. А кем он был?

Икрамов. Он был во внутрипартийной группе. Он пошел разговаривать с Файзуллой.

Вышинский. Виноват, не совсем ясно. Вы знаете Бурнашева?

Икрамов. Знаю.

Вышинский. Он был вашим помощником по подпольной работе?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Он знал о подпольной работе?

Икрамов. Как националистической организации — не знал.

Вышинский. А как знал?

Икрамов. Он принадлежал к внутрипартийной группе Икрамова.

Вышинский. Какая такая группа?

Икрамов. Легальная.

Вышинский. В каком году это было?

Икрамов. В 1928 году.

Вышинский. Так что это за группа?

Икрамов. Эта группа существовала в легальном порядке в 1927—1928 годах. На каждом пленуме ЦК Файзуллу и его группу били. Он, говорят, своих людей, бухарскую группу, растерял, а мы его растеряли, то есть разбили.

Вышинский. Почему?

Икрамов. У нас был дуализм. Мы боролись один на партийной позиции, другой...

Вышинский. На националистической?

Икрамов. На националистической.

Вышинский. Значит, вы были руководителем этой организации?

Икрамов. Руководителем организации я не был, был членом организации.

Вышинский. Активным членом?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Пассивным?

Икрамов. Пассивным. Тогда во время дуализма и с точки зрения конспирации я два раза разговаривал.

Вышинский. Но Бурнашев знал, что у вас дуализм?

Икрамов. Наверное знал или подозревал.

Вышинский. Возможно, конечно, что Бурнашев что-то предполагал и на этих предположениях основывал свои переговоры с Ходжаевым. Мне важно знать: то, что говорит Ходжаев, соответствует действительности?

Икрамов. Бурнашев без моего согласия пошел разговаривать с Файзуллой.

Вышинский. Такой факт был?

Икрамов. Был.

Вышинский. О чем они говорили?

Икрамов. Он пришел и сказал...

Вышинский. О чем они говорили?

Икрамов. О чем они говорили, я не знаю, а что он мне передавал, я могу сказать.

Вышинский. Что он вам передавал?

Икрамов. Что Файзулла полностью разоружается и хочет подчиниться во всех отношениях тебе, Икрамову.

Вышинский. Для чего это?

Икрамов. Чтобы прекратить борьбу. Я сказал Бурнашеву: я тебя не уполномачивал и тебе незачем вмешиваться.

Вышинский. Почему?

Икрамов. Потому, что тогда недобиты были кадры Файзуллы Ходжаева.

Вышинский. Это ваша внутренняя политика, мы в ней разберемся еще. Факт тот, что Бурнашев ваш человек?

Икрамов. Мой человек.

Вышинский. У вас были свои люди, у Ходжаева свои люди, и тот и другой были членами националистической организации?

Икрамов. Да.

Вышинский. И этот человек пошел разговаривать к чужому хозяину — Ходжаеву?

Икрамов. Да.

Вышинский. И вы были недовольны?

Икрамов. Был недоволен.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, то, что Ходжаев говорит, что к нему приходил Бурнашев от вашего имени говорить — это факт?

Икрамов. Факт.

Вышинский. Об этом я и хочу знать. Садитесь.

Ходжаев. Если суд разрешит, в связи с этим заявлением я хотел бы привести два факта.

Председательствующий. Пожалуйста.

Ходжаев. Мне опять непонятна такая позиция Икрамова. Это его дело, конечно. Он говорит, что Бурнашев вел со мной разговор, а он не знал, он ссылается на борьбу со мной. Борьба действительно была.

Вышинский. За что?

Ходжаев. Я возглавлял «группу 18-ти». Партия меня била. Икрамов двурушничал. Он стоял во главе партии, меня бил, я ничего не мог сделать.

Вышинский. А сам Икрамов в это время был...

Ходжаев. А сам в это время был националистом. Вот такого рода была борьба.

Я не отрицаю. Я в своих показаниях это указывал.

Вышинский. Один вопрос к Икрамову. Это правильно, что вы в это время двурушничали?

Икрамов. В 1921—1922 годах?

Вышинский. Нет, в 1928 году?

Икрамов. Я двурушничал в 1928 году.

Вышинский. Дальше.

Ходжаев. В конце 1929 или начале 1930 года были арестованы

два ближайших друга Икрамова и участники организации — Рамзи и Бату.

Вышинский. В каком году?

Ходжаев. В начале 1930 или в конце 1929 года. Они были арестованы за контрреволюционную антисоветскую деятельность.

Вышинский. Кем они были?

Ходжаев. Один работал в Наркомпросе, другой — не помню,— кажется, вторым секретарем.

Вышинский. Мы спросим Икрамова. Рамзи и Бату кем они были тогда?

Икрамов. Рамзи был руководителем Научно-исследовательского института, а Бату — в Наркомпросе был главным по культурным делам.

Вышинский. За что они были арестованы?

Икрамов. За участие в националистической контрреволюционной организации.

Вышинский. Под вашим руководством?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Кто тогда был руководителем?

Икрамов. Тогда формально руководителем был Каримов. Я два раза говорил только с этими людьми.

Вышинский. Можно один раз поговорить, но очень существенно. Это были ваши люди?

Икрамов. Мои.

Ходжаев. И вот, когда произошел арест этих людей, — мне трудно сейчас говорить, потому что у меня свидетелей нет.

Вышинский. Свидетель Икрамов.

Ходжаев. Икрамов будет отрицать. Я прошу мне верить, конечно, мне верить тоже нельзя, потому что я фигурирую в такой обстановке. Первый, к кому обратился Икрамов по поводу ареста этих лиц, был я.

Вышинский. Почему?

Ходжаев. Потому что он струсил, он думал, что дело коснется его. Он знал, что я знаю это дело, он вызвал меня по телефону, пригласил к себе домой, у Икрамова мы советовались, как быть, и решили не вмешиваться в дело Рамзи и Бату, чтобы это дело не коснулось, с одной стороны, Икрамова, с другой стороны, меня. Я так же как и Икрамов, в силу солидарности с ним, вел борьбу с тогдашним руководством ЦК Узбекистана, которое хотело, в связи с делом Рамзи и Бату, разоблачить националистов. Я вел вместе с Икрамовым борьбу в связи с процессом над этими работниками, которые вели борьбу против партийного руководства и против тогдашнего Средазбюро.

Вышинский. Это процесс Касымова?

Ходжаев. В связи с процессом Касымова дела националистов могли раскрыть, и мы приняли меры с Икрамовым, чтобы не раскрыли. Правда, я с Касымовым дела не имел, но поскольку Икрамов стремился это дело заглушить и Икрамов является моим союзником, я всячески поддерживал его линию. Не знаю, почему это он вычеркивает и делает связь со мною с 1933 года. Я не возражаю, но я говорю это для того, чтобы суд, по крайней ме-

ре, знал с моих слов, что мне известно. Кому суд поверит, это другое дело, но я со своей стороны говорю все, что я знаю.

Вышинский. У меня вопрос к Икрамову. Насчет ареста Рамзи и Бату вы звонили Ходжаеву?

Икрамов. Я хочу выяснить, в каком городе это было.

Ходжаев. В Самарканде.

Икрамов. Если в Самарканде, то я в то время там не был, я был в Кисловодске.

Вышинский. Я вас спрашиваю, вы звонили Ходжаеву? Арестовали Рамзи где?

Икрамов. В Самарканде.

Вышинский. Вы где были?

Икрамов. В Самарканде.

Вышинский. Звонили Ходжаеву?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Ходжаев к вам приезжал?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Значит, он неправду говорит?

Икрамов. Нет.

Вышинский. А вы хлопотали об освобождении Рамзи?

Икрамов. Я показания дал...

Вышинский. Об освобождении Рамзи вы хлопотали?

Икрамов. Хлопотал.

Вышинский. Садитесь. Обвиняемый Ходжаев, продолжайте.

Ходжаев. Я перехожу к более существенной части моего показания, которая относится к периоду 1928 года, то есть периоду составления первой пятилетки.

Вышинский. Значит, здесь все-таки можно установить, что вы были главарем одной буржуазно-националистической организации в 1928 году, Икрамов был главарем другой националистической организации, по вашим словам, а по его словам — он был участником этой организации.

Ходжаев. Мне нельзя вам задавать вопросы, а то бы я задал вам вопрос один...

Вышинский. Нет, вы лучше задайте вопрос Икрамову.

Ходжаев (Икрамову). Каримова ты считаешь руководителем этой организации? Но ведь Каримов по сравнению с тобой — щенок, он твой ученик, как же он мог руководить тобой?

Икрамов. Я руководство понимаю по усилению работы, какую я с 1931 года вел...

Вышинский. Бывает повседневное руководство и бывает не повседневное.

Икрамов. За три года два раза разговаривали. Если сказать идейное руководство...

Вышинский. У вас Каримов был членом организации?

Икрамов. Был.

Вышинский. Он вами руководил в это время как членом организации или вы им руководили?

Икрамов. Ни я им, ни он мною не руководил.

Вышинский. А кто руководил?

Икрамов. Я так дело понимаю...

Вышинский. Кто у вас был руководителем «Милли-Истиклял»?

Икрамов. Каримов.

Вышинский. Значит, был руководителем Каримов?

Икрамов. Да.

Вышинский. Вы были членом этой организации?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, он вами руководил?

Икрамов. Нет, мне никакого поручения не давал.

Ходжаев. Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория — организовать замкнутое хозяйство, то есть сделать так, чтобы хозяйство Республики развивалось независимо от других частей Союза, чтобы по возможности Республика жила бы без нужды в остальном Союзе, на случай каких-либо возможностей для активной непосредственной борьбы. И вот эту теорию мы претворили в жизнь, то есть мы составили первую пятилетку, которая шла вразрез с директивами Союзного правительства и соответствовала установке националистов на замкнутое хозяйство. Мы планировали хозяйство таким образом, чтобы меньше иметь хлопка, как культуру техническую, которая больше всего связывает Узбекистан с Союзом, во-вторых, развернуть таким образом сельское хозяйство Узбекистана, чтобы иметь в большей мере не только на богарных, на неполивных землях, но и на поливных землях зерновое хозяйство, чтобы не зависеть от привозного русского хлеба, и, наконец, запланировать таким образом развитие промышленности, строительство дорог и прочее, чтобы мы в результате осуществления этой первой пятилетки оказались бы в экономическом отношении более независимыми от Советской России, от Советского Союза, чем когда бы то ни было.

Этот план был расшифрован в Москве. Правительство не приняло эту пятилетку. По инициативе Сталина был поставлен вопрос о пересмотре хлопковой программы. И вот, я сейчас точно не могу сказать, но помню одно, что по директиве дать по Союзу 36 миллионов пудов хлопка, по этому новому решению ЦК ВКП(б) и правительства, Узбекистан должен был дать около 21 миллиона пудов хлопка.

Икрамов. 28 миллионов пудов.

Ходжаев. 28 миллионов — это потом.

И вот мы увидали, что если осуществить эту директиву правительства, тогда от той пятилетки, которую мы составили, ни черта не останется. И вот, для того, чтобы сломать эту новую директиву ЦК ВКП(б) и правительства, чтобы не дать хлопка, мы создали новый план — дутый. Значительно преувеличенный. Так, если правительство требовало по Союзу 36 миллионов пудов хлопкового волокна, то по нашему плану выходило — если бы все остальные республики равнялись по Узбекистану, как мы спланировали,—примерно, 45—48 миллионов пудов вышло бы по Союзу, но чтобы осуществить такой план в 45—48 миллионов пудов хлопка, что надо было бы? Мы стали проводить теорию

монокультуры, то есть теорию одной культуры в сельском хозяйстве, как доминирующей культуры — хлопок. Для этого надо было разбить, разгромить севооборот, уничтожить луга, то есть клевер, корма, вытеснить на поливных землях не только пшеницу, ячмень, но и такую культуру, как рис, которая нигде не растет, вытеснить ее. А это означало вызвать колоссальное недовольство народа, потому что мы представили дело так: план Московский, мы, якобы, московские приказчики, мы осуществляем директивы Москвы. — «Недовольны? Так вот жалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили.

Вышинский. Провокационную задачу?

Ходжаев. Провокационную задачу, поставили ее сознательно и осуществляли в течение ряда лет.

К чему это привело? Это привело действительно к уничтожению севооборота, это привело к снижению поголовья скота, это привело к снижению шелководства, потому что и тут навредили. Это привело, в конце концов, и к снижению самой урожайности хлопка. И поэтому Узбекистан годами не выполнял планы по хлопку.

Мы так планировали, что, скажем, в Фергане — в основной хлопковой базе Советского Союза, в Бухаре — вторая в то время база, процент хлопководства доходил до 96—98%. Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 га или на 9 га посеять хлопок. Сами понимаете, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть. А в Самаркандской, Ташкентской областях, где огромное количество земель, где люди сеяли испокон века экстенсивные культуры, там процент хлопководства 30—35 и 40—45. А ведь можно было бы сделать так, что в Узбекистане занять 50% площади под хлопок, а в Фергане и Бухаре — 80%. В этом случае можно было бы безболезненно выполнить составленные планы. Это и было сделано в 1935 году под давлением. Но в этот период мы этого не сделали. Я хочу здесь сказать, что это не было случайной вещью, что это не было головотяпством или результатом неумелой работы. Это было сделано вполне сознательно, нашей организацией, под моим руководством, под руководством Икрамова. Мы вдвоем — он по партийной линии начальство, а я по советской, — мы вдвоем руководили этим делом.

Вышинский. Разрешите задать вопрос обвиняемому Икрамову.

Подсудимый Икрамов, что вы скажете по поводу этих объяснений?

Икрамов. Я их полностью подтверждаю. Но я еще хочу дополнить. В этом деле нашим союзником (договоренности не было, а было молчаливое согласие), нашими союзниками были троцкисты.

Вышинский. Вы же действовали под руководством блока?

Икрамов. Каждый по своей линии действовал. Словесной договоренности не было, но троцкисты во главе с Хлопкомом, которым руководил Рейнгольд, и под руководством Зеленского эту политику поощряли.

Вышинский. Обвиняемый Зеленский, вы подтверждаете, что эта политика проводилась под вашим руководством?

Зеленский. Я уехал из Туркестана в январе 1931 года.

Ходжаев. А это было в 1928 году.

Вышинский. Обвиняемый Зеленский, не вам ли принадлежит эта формула — догнать и перегнать в Средней Азии передовые районы Советского Союза?

Зеленский. Да, мне.

Вышинский. А что означала эта формула?

Зеленский. Срыв коллективизации.

Вышинский. Не только это, но и срыв хлопковых планов, и разорение дехканских хозяйств. Вы подтверждаете это?

Зеленский. Да, подтверждаю.

Вышинский. Вы тогда кем были там?

Зеленский. Секретарем ЦК.

Председательствующий. Объявляю перерыв на 20 минут.

**
*

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Ходжаев, продолжайте ваши показания.

Ходжаев. Перехожу к третьему этапу. Я уже говорил вначале, что, начиная с 1930 года, я связался с правыми в лице Рыкова.

Я хотел бы рассказать, при каких обстоятельствах и на каких условиях я встретился и на каких условиях мы договорились с Рыковым. Это было в 1930 году, на одном из приемов по официальным делам. Рыков меня расспрашивал о положении в Узбекистане в связи с коллективизацией. Я ему рассказывал известные мне факты о том, что происходит в деревне, говорил об известном недовольстве, которое имелось в тот период в Узбекистане, говорил о целом ряде недостатков. Когда Алексей Иванович у меня спросил: а как у вас с темпами коллективизации, как у вас с поголовьем скота, — я сказал, что есть урон поголовья скота. Темпы большие, что и вызывает известное недовольство, но мы исправляем это на основании соответствующих решений по этому вопросу. Словом, мы действуем на основе директив партии, — таков был мой ответ, примерно. Повидимому, Рыков понял, что я говорю с ним не впрямую, говорю не откровенно, тогда он мне сразу заявил, что ему известно о том, что я принадлежу к буржуазно-националистической группировке Узбекистана, так же, как и Икрамов, о котором он тоже знает, и что незачем нам между собой дипломатничать, а надо говорить начистую.

Рыков охарактеризовал положение Советской страны для того периода критическим в связи с коллективизацией, в связи с недовольством, как он говорил, крестьянства и в связи со всей той безумной, по его словам, линией, которую проводит в жизнь Сталинское руководство. Он говорил, что если это пойдет так, то неминуемо приведет к краху. Мы, мол, правые, боремся за то, чтобы изменить эту линию, но изменить линию возможно только в результате прихода к власти. Значит, наша задача заключается, чтобы сбросить Советскую власть. Мы боремся с руководством партии, с целью захвата власти, с целью захвата пра-

вительства в свои руки. Вы, националисты, тоже, конечно, недовольны этой политикой, но, изолированно действуя, вы не достигнете цели, вот если бы нам объединиться с вами, националистами, есть и другие силы, тогда получилась бы очень большая сила, объединенная сила, тогда мы, конечно, могли бы пойти на то, чтобы изменить это руководство.

Я, конечно, не могу сказать, что передаю его слова дословно, но передаю основной смысл того, что говорил Рыков. Смысл заключается именно в этом.

На такую прямую постановку вопроса я не мог ответить иначе, я сразу раскрылся перед ним и сказал, что это верно, тем более, что предыдущая моя работа, особенно работа с 1928 по 1930 год, в значительной мере меня уже подготовила к тому, чтобы принять не только предложение, которое бы исходило от столь для меня тогда авторитетного лица, как Алексей Иванович Рыков, но и от лица пониже, я бы тоже принял предложение, потому что я был уже подготовлен для этого.

И мы условились насчет методов нашей работы. На первое время Рыков мне дал следующие установки: во-первых, вредительство главным образом в области сельского хозяйства; то, о чем я говорил, в связи с составлением первой пятилетки и планом хлопководства. Это в значительной мере отражало ту директиву, которую я получил от Алексея Ивановича Рыкова и относительно которой я поделился с Икрамовым.

Второе, — это то, что надо объединять все возможные оппозиционные группировки и силы, какие найдутся, и направить эти силы против руководства ВКП(б), против правительства, — активизируя вредительство, провокационные методы работы, антисоветскую деятельность.

В осуществление этой директивы Рыкова (тогда у меня еще ни с кем другим связи не было, да и едва ли у кого-нибудь была эта связь до меня) мы начали проводить это вредительство. Я потом более подробно остановлюсь в отношении отдельных отраслей хозяйства и на других директивах.

В 1933 году осенью приехал в Узбекистан, как будто бы по пути в Киргизию или на Памир,— я уж не знаю, не помню,— Бухарин. Я тогда имел с ним одну только встречу на даче ЦК в Ташкенте, но непосредственных разговоров у меня с Бухариным не было. Со слов Икрамова я знаю о беседах между Бухариным и Икрамовым и о тех директивах, какие оставил Бухарин для нашей националистической организации. Я думаю, что Икрамов сам более подробно это дело расскажет, поэтому я на этом эпизоде останавливаться не буду.

В 1934 году в Узбекистан приехал Антипов. До этого я не знал, что Антипов принадлежит также к правым. В этот период своего приезда Антипов прямо мне сказал, что ему от Рыкова и Бухарина известно о том, что я руковожу одной из националистических группировок Узбекистана, что в моем и Икрамова лице заключен блок между правыми и нашими националистическими группировками и что он по этому поводу хотел бы от имени центра правых переговорить со мной.

Первое, что мне Антипов сказал по этому поводу, заключалось, главным образом, в том, что он упрекал меня и нашу организацию в недостаточной активности, в неумении работать, в работе старыми методами, в непонимании обстановки, что мы не понимаем обострившейся борьбы, что мы этим самым своим непониманием идем на провал.

Антипов мне непосредственно дал директиву активизировать вредительство, диверсионную работу. Мало того, надо провокационную работу усилить, чтобы было достигнуто большое недовольство масс, более активно приступить к формированию повстанческих групп, в Узбекистане надо создать пару террористических групп на всякий случай, понадобятся, мол. И последнее — нам надо связаться непосредственно с Англией, как с той страной, которая больше может быть заинтересована в разрешении судеб Средней Азии.

Вот эту директиву предложил мне Антипов в течение ряда наших бесед. Он там проживал месяц или больше. При этом Антипов мне говорил, что он аналогичные беседы вел и с Икрамовым, что у Икрамова по этому вопросу нет никаких возражений. Разумеется, что и у меня не было возражений. Я после этого с Антиповым имел ряд бесед у него на даче, в Совнаркоме, в его служебном кабинете, но это уже не директивного характера беседы. Я больше его информировал о том, что делается.

В 1936 году приехал в Ташкент Бухарин. Я с ним имел две встречи: одну я имел с ним на даче ЦК, где он жил у Цехера, а вторую встречу я имел с ним у меня на даче под Ташкентом. Это было в августе 1936 года. Бухарин меня спросил, как мы осуществляем директивы правого центра. Я ему рассказал о широких планах вредительства, о том, что в области ирригационных работ пару диверсионных актов намечаем осуществить, что вообще эта работа у нас поставлена довольно хорошо, но в области сельского хозяйства работа затрудняется тем, что политика партии — это исправление перегибов, это передача приусадебных участков колхозникам, это — премии, надбавки за перевыполнение плана, — это, мол, нам мешает работать, это наши планы подрывает, создает затруднения, но тем не менее мы стараемся и сколько возможно выполняем ваши директивы. Что касается других отраслей хозяйства, то я его тоже информировал. Не буду подробно сейчас останавливаться на этом. Но Бухарина эта моя информация не удовлетворила. Не удовлетворила не потому, что мы плохо проводили вредительство и антисоветскую провокационную работу, а потому что, во-первых, отсутствовали повстанческие кадры, во-вторых, отсутствовали оформленные террористические группы и, в-третьих, что мы еще не были связаны с Англией. Эти три вещи вызвали недовольство Бухарина.

Вышинский. В чем это выразилось?

Ходжаев. Он сказал, что плохо работаем, что нельзя так работать. Конечно, он меня не ругал и не мог ругать, а так просто говорил, что это плохо, что это недостаточно, что так союзники не работают.

Вышинский. Предлагал проявлять больше активности?

Ходжаев. Да, лучше, активнее работать...

Вышинский. То есть?

Ходжаев. По организации повстанческих кадров.

Вышинский. Это раз.

Ходжаев. По организации террористических групп.

Вышинский. Это два.

Ходжаев. И связь с Англией.

Вышинский. Что у вас требовал Бухарин, говоря о связи с Англией?

Ходжаев. Я хотел об этом потом рассказать, но могу и сейчас это сделать. Бухарин говорил, что есть соглашение с фашистской Германией, есть намечающееся соглашение с Японией. Но, когда идет речь о средне-азиатских республиках, наиболее близкая мощная страна — это Англия. С ней надо договориться. Что мы, правые, со своей стороны примем участие, но вы ближе стоите от границы, вы сами установите связь.

Вышинский. Близко от какой границы?

Ходжаев. С Афганистаном. Там есть английский представитель. Бухарин сказал, что когда речь идет о помощи капиталистических стран, нам, правым, в захвате власти, и вам — в деле вашей независимости, надо что-нибудь пообещать, что-нибудь дать.

Вышинский. Что дать? Что пообещать?

Ходжаев. Дать — это значит признать протекторат Англии, это — как минимум. Я не говорю об экономических вещах, которые естественны. Не может Узбекистан с пятью миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами — с одной стороны, Советским Союзом, с другой стороны, Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу. Если от одного берега отходишь, к другому берегу пристаешь.

Вышинский. Так говорил Бухарин?

Ходжаев. Я так понял.

Вышинский. И Бухарин указывал на Англию, как на новый берег?

Ходжаев. Я так понимал.

Вышинский. Значит, отход от Советского Союза, независимость Узбекистана, договоренность с Англией означает приход Узбекистана к другому берегу?

Ходжаев. Я так понял.

Вышинский. Когда это было?

Ходжаев. Это было в августе 1936 года.

Вышинский. Это совпадало с вашими настроениями и желаниями?

Ходжаев. Я бы не хотел об этом говорить перед судом сейчас, потому что это наиболее тяжелое с точки зрения личной. Объективно это совпадало. Но мои личные настроения были разные, и я не буду говорить. Я совершил преступления, хочу за них отвечать, как это было.

Вышинский. Ваше право говорить, что вы хотите, и не говорить, что вы считаете необязательным.

Ходжаев. Мы имели с Бухариным довольно продолжительную беседу вокруг этих вопросов. Не знаю, есть ли необходимость

передавать все содержание беседы или достаточно того, что я уже сказал.

Вышинский. Все, что имеет прямое отношение к этому делу.

Ходжаев. Обоснования, как приводилось, для этого были.

Вышинский. Те же, что и по другим подобным вопросам, о которых здесь высказывались, например, Шарангович?

Ходжаев. Несколько большего порядка. Бухарин тогда только что вернулся из поездки по европейским странам.

Вышинский. Из-за границы?

Ходжаев. Из-за границы. Он говорил о стабилизации капитализма, о том, что в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм.

Вышинский. Хвалил фашизм?

Ходжаев. Я понимаю это, как восхваление фашизма. Он говорил, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, что методом для этого у Германии является фашизация всей Европы, фашизация Германии и, таким образом, подготовка соответствующей обстановки внутри европейских стран для создания европейского блока или, так называемого, плацдарма. Что идет подготовка соответствующего соглашения с крупными азиатскими государствами, в частности, с Японией, что возможно соглашение между фашистской Германией и Японией для борьбы с СССР. О намерениях Гитлера мы давно знали, и мы с двух слов понимали, о чем речь идет. Отсюда он делал вывод насчет того, что в блоке этих двух фашистских государств, в союзе этих государств, при фашизации Европы, СССР трудно будет выдержать войну и что СССР должен потерпеть поражение в этой войне.

Затем он делал обзор внутреннего состояния СССР — это трудности, которые имеются в деревне. Он говорил, что коллективизация победила, но все-таки есть значительные слои в деревне, которые не вошли в колхозы, — это единоличники-крестьяне, и их недовольство мы должны учесть. Огромные недостатки внутри колхозов, что колхозы недостаточно укрепились. Хотя индустриализация и победила, но промышленность работает с перебоями, что в промышленности огромные недостатки, что промышленность ширпотреба работает еще хуже, что в области товарооборота у нас в стране такие недостатки, которые не могут не привести к огромному дополнительному недовольству населения. Отсюда он делал вывод, что задача заключается в активизации наших контрреволюционных сил. Икрамова тогда не было в Ташкенте. После приезда Икрамова я его информировал об этой беседе с Бухариным, и так как я уверил Бухарина и от своего имени и от имени Икрамова в том, что мы эти директивы осуществим, то мы и начали их осуществлять.

Теперь перейду к конкретной моей вредительской работе. Я уже о вредительстве частично сказал. Я коротко скажу о сельском хозяйстве еще раз. В сельском хозяйстве наша вредительская задача заключалась в том, чтобы запутать севообороты. Это мы осуществили в течение первой и второй пятилеток. Севооборота ни поливного, ни неполивного хозяйства Узбекистана

больше не существует. Наша задача заключалась в том, чтобы запутать семенное дело. Эту задачу мы осуществили, но благодаря мероприятиям ЦК ВКП(б) и правительства Союза семенное дело по хлопку сейчас выправлено, по всем же остальным культурам оно остается в том положении, в какое мы его поставили.

Наша задача заключалась в том, чтобы вызвать недовольство крестьянского населения администрированием, перегибами. Мы добились этой цели постольку — поскольку. Я вам уже рассказывал о дутых планах по хлопку, о неправильном доведении планов до районов, о разнице между Бухарой и Ферганой, с одной стороны, между Самаркандом и Ташкентом, с другой стороны. Этим мы добились ряда провокационных выступлений, ряда выступлений, основанных на нашей провокации. Затем, нам удалось нанести значительный ущерб поголовью животноводства. Я уже говорил, каким образом мы подошли к этому делу.

Хочу привести один конкретный пример: за 1936 год, согласно решения партии и правительства, мы должны были передать колхозникам около 130 000 телок, овец и прочего поголовья. Мы передали это в течение года. Но итоги учета поголовья за второе полугодие 1936 года и первое полугодие 1937 года показали, что из этих 130 000 голов в наличии оказалось лишь около 30—40 тысяч. Я имею в виду молодняк. Куда же девалось остальное? Во-первых, часть этого поголовья вообще не попадала крестьянам. Это были наши люди, которые сидели в районах и в округах, сами себя наделяли этими телками и овцами, а потом резали их и продавали.

Во-вторых, не была поставлена в колхозах работа по сохранению молодняка. А ведь это дело требует, как всем известно, большой работы. Я уже не говорю о срыве племенных мероприятий, зоомероприятий и так далее. Этого конкретного примера, я думаю, достаточно для того, чтобы я мог более расширенно не отвечать на этот вопрос.

В области шелководства мы осуществили следующую вредительскую меру. Если в 1928 году мы имели около 7—8 тысяч тонн шелка-сырца, то сейчас имеется 10—12 тысяч тонн. Однако возможности Узбекистана по настоящим подсчетам составляют примерно 22—23 тысячи тонн. Этого можно было бы достигнуть, если бы не была осуществлена одна мера. Суду, конечно, известно, что в сельском хозяйстве проводится механизация, то есть вводятся тракторы, машины, а у нас земельные участки небольшие, обарыченные, — проходят канальчики для полива участков. В Узбекистане нет такого арычка, который бы не был обсажен тутовым деревом, это дерево является кормом для шелковичного червя. Так есть план, по которому можно в год от одного до двух процентов вырубать тут старый с тем, чтобы заменять его в другом месте новыми насаждениями. И вот мы под тем видом, что нельзя механизировать сельское хозяйство, нельзя пускать трактор там, где нет большого поля, что это не экономично, что это убыточно, — под флагом механизации мы провели вырубку до 10% тутовых деревьев и тем самым уничтожили кормовую базу шелководства. Если бы об этом деле не

сказали здесь люди, которые это проводили сами, если бы об этом не сказали бы сами специалисты-колхозники, которые больше всех других являются специалистами в этом деле, если бы они этого не сказали, то вообще догадаться о вредительстве в этой области невозможно, трудно. Но это факт, факт такой, что мы это вредительство проводили, проводили все это под хорошей маркой. Людей, которые говорили, что нельзя вырубать, мы били, заявляя: «Ты против механизации, ты против политики партии? Значит, ты оппортунист, тебя надо бить».

Вот это есть те мероприятия вредительского характера, которые мы проводили в Узбекистане.

Я уже не говорю о люцерне, которая сопутствует хлопку и является одной из главных культур в севообороте, люцерне, которая была вредительски почти полностью уничтожена. Она восстанавливается только в последние два года под непосредственным нажимом ЦК ВКП(б). В последнее время мы каждую неделю получали телеграммы за подписью Сталина — «почему люцерна отстает? Почему не сеете?» Только под этим нажимом мы начали исправлять положение с люцерной.

Я не говорю также о целом ряде других вредительских действий в области сельского хозяйства.

Что касается промышленности, я только в общих словах могу сказать, так как непосредственное руководство этим делом принадлежало вот тому Каримову, о котором говорил здесь Икрамов. Я больше был в курсе дел сельскохозяйственных.

Я забыл сказать о двух диверсионных актах, которые были проделаны в области ирригации. Первый акт — это в отношении Рават Хаджа, плотины, построенной Советской властью, огромного вододелителя, делящего воду реки Зеравшан, а эта река командует 2—3 тысячами гектаров земли. В начале 1936 года членом нашей организации Халбатыровым подготовлялся диверсионный акт по уничтожению, по порче этой самой плотины. Ему это не удалось, так как его и его помощников органы НКВД вовремя арестовали.

Другой такой же акт подготовлялся в Фергане, тоже на большом вододелителе, который командует полями почти половины всей Ферганы. Этот акт тоже не удалось полностью осуществить, хотя частично он был осуществлен Рахмановым, начальником Узбекского водхоза, который также являлся членом нашей организации.

Вышинский. Вы имеете в виду какие вододелители?

Ходжаев. Первый вододелитель — это Рават Хаджа и второй Компыр Рават в Фергане.

Что касается промышленности, мне известно о вредительстве на Чирчикстрое. Это — крупное строительство трех электростанций и азотного комбината. Начальником этого строительства был Розит. Он — правый по своему прошлому и настоящему.

Мне, как и Икрамову и другим членам нашей организации, известно, что Розит проводил там вредительство. Вредительство заключалось, как я понимал, в трех вещах. Во-первых, в том, чтобы удорожать стоимость строительства. Во-вторых, дефицит-

ные материалы тратить на второстепенные постройки. Например, все знают, что в Ташкенте лучшие дома строятся обычно из кирпича, а дома обычного типа — из сырца. А на этом строительстве одноэтажный дом построен на железобетоне, в то время как для электростанции нехватало ни цемента, ни железа.

Наконец, в-третьих, это вредительство выражалось в том, чтобы изгонять из Чирчикстроя людей, преданных Советской власти. Советская печать в свое время сообщала о случае с Зильберштейн. Это имеет непосредственное отношение к данному делу.

Вышинский. Что это за случай и какое отношение имеет к данному делу?

Ходжаев. Зильберштейн являлась очень дельным и преданным инженером. Она строила на Чирчикском строительстве плотину. Зильберштейн принадлежала к той группе специалистов, которая вела активную, честную советскую работу. А Розит выжил ее под разными предлогами с этого строительства.

Вышинский. С вашего ведома?

Ходжаев. Безусловно. Мы против этого не возражали.

Вышинский. По вашему указанию?

Ходжаев. Нет, без моего указания, потому что у нас прямой связи с Розитом не было. Но, безусловно, мы против этого не возражали.

Вышинский. А о том, что Розит вредительствует, вы знали?

Ходжаев. Разумеется.

Вышинский. По объективным данным?

Ходжаев. Да.

Вышинский. И покрывали его?

Ходжаев. Да, покрывали. Если бы я хотел вскрыть это дело по-настоящему, то почему бы я два года тому назад не мог написать записку о снятии Розита и предании его суду? Но я этого не хотел.

Второе — это Кувасаевская ГРЭС — крупная электростанция, которая строится в Ферганской долине на 48—50 тысяч киловатт и которая должна дать электроэнергию всей или почти всей ферганской промышленности. Тянулось это строительство очень долго. И это не случайно.

Тут я хотел бы одновременно с указанием о вредительстве на месте сказать и о том, что было в Москве. Эстакаду для подвоза угля и переброски построили исходя из расчета 75 000, здание для электростанции построено на 48 000, а запроектированная мощность станции составляет 70 000. Как видите, в основе проекта уже были элементы вредительства. В строительстве Узбекистана были значительные элементы вредительства, потому что главные средства и силы были переброшены на подготовительные работы, а не на станцию.

И последнее, наконец, что исходило от Москвы, это систематический срыв машин, поэтому станция, начиная чуть ли не с 1929—1930 годов, семь лет строится и еще не построена.

Ряд таких вредительских актов производился в Бухаре, в Самарканде и в ряде других мест.

Вышинский. Хильковский цементный завод?

Ходжаев. Тогда остановили завод якобы на ремонт, для переоборудования его на новый лад, хотя это можно было сделать через два-три года. После того как Кувасаевский цементный завод был пущен на полный ход, а этого не нужно было делать, можно было пустить его позже с тем, чтобы пустить раньше другой завод, все же это было сделано, не дожидаясь. Таким образом, ирригация Чирчикстроя осталась без цемента. Цемент нужно было возить из Новороссийска, а вы знаете, как у нас обстоит дело с дорогами.

Вышинский. Затем серные рудники.

Ходжаев. Я непосредственно лично не был связан с группой, которая работала на Шор-Су.

Вышинский. То есть вредила?

Ходжаев. Я все время имею в виду вредительство. Я не знаю никого из участников нашей группы, которые бы имели непосредственную связь с ними. Но мне одно совершенно ясно было,— в Ташкенте я эту формулу более или менее высказывал, и теперь говорю,— что серный рудник выбыл из строя не сам по себе, но благодаря пожару, потому что Невский — старый троцкист, который был послан Пятаковым, организовал пожар и взрыв на руднике.

В чем я лично считаю себя виновным в этом вопросе? Во-первых, после того, как это дело произошло, Невского надо было немедленно арестовать, если бы мы хотели честно, по-советски разобраться в этом деле и на месте выяснить всю обстановку. Вместо этого мы занимались перепиской с Москвой, надеясь, что его кто-либо возьмет под защиту, все время запрашивали, можно ли Невского привлекать к ответственности или нельзя, все же Невский в конце концов был арестован — мне кажется, что он в своих делах сознался.

Вот это в промышленности. Я повторяю, что более подробно о промышленности говорить я не могу, потому что непосредственно этим делом я не руководил.

Далее, я хочу остановиться на вопросе строительства. Темпы отставания строительства в Узбекистане объясняли тем, что там мало строительных материалов: цемента, железа, леса, но строительство срывалось сознательно. Вот, например, строительство школ. Оно требует главным образом кирпича. На месте, в Узбекистане, можно приготовить миллиарды штук кирпича. Между тем, в строительный сезон, как правило, кирпича у нас не бывало.

Вышинский. Почему?

Ходжаев. Потому, что производством кирпича руководил Рахман, член троцкистской организации, руководимой Цехером, связанной с нами. Я думаю, ясно, почему это происходило.

Вышинский. Понятно.

Ходжаев. То же самое с больницами и с целым рядом других культурно-просветительных учреждений. Я уже не говорю о такой большой задаче, которую мы поставили перед собою уже давно и которую мы осуществляли. Мы захватили в свои руки руководство школами. В этом отношении, конечно, в Узбеки-

стане никто с нами конкурировать не мог. Мы подготовляли буржуазно-националистические кадры и их руками захватывали школы, университеты. Я не рискую заявить, что все школы были буржуазно-националистически настроены, что дети всюду так воспитывались, но, во всяком случае, мы здесь имели большие успехи, особенно в университетах и вузах. Мне трудно опять-таки здесь подробно говорить, потому что это та отрасль, которой руководил единолично Икрамов, область культуры и идеологии, — это область, которой руководил непосредственно Икрамов, сельским хозяйством — мы вместе с Икрамовым, а промышленностью — я вместе с Каримовым. Вот соответствующее разделение.

Что касается выполнения других директив — об организации повстанческих групп в Узбекистане, — мы боялись непосредственно сами взяться за организацию этого дела, потому что это дело могли бы разнюхать сразу. Поэтому после совещания с Икрамовым мы, совместно, в устном виде, дали указания нашим людям из состава секретарей райкомов и председателей исполкомов, чтобы они проводили подготовку к организации ядра, через которое можно было бы уже перейти к массовой организации повстанчества. Это — одна директива.

Другая директива заключалась в том, чтобы из амнистированных рядовых басмачей, сдавшихся еще в свое время, в 1922—1923 годах, была бы подготовлена в кишлаках, селах соответствующая группа. Таковы были директивы. На местах эта работа проводилась, то есть люди вовлекались, группы создавались, хотя и сейчас сказать вам, сколько таких групп, кто возглавляет каждую группу, — не могу, потому что не имею этих данных под рукой.

Вышинский. Эти группы были вами организованы?

Ходжаев. Директива была дана, чтобы они были организованы.

Вышинский. А эта директива была выполнена?

Ходжаев. Была.

Вышинский. А почему же Бухарин был недоволен?

Ходжаев. Бухарин со мною разговаривал в августе 1936 года.

Вышинский. А это было когда?

Ходжаев. А это было уже после. Что касается террористических групп, то об этом деле я никому не говорил, кроме двух лиц. Я сам знаю, знал Икрамов, знал и некий Шермухамедов, которому я, посовещавшись с Икрамовым, поручил организацию этих террористических групп. Икрамов мотивировал это поручение тем, что Шермухамедов — наиболее надежный человек, знает село, знает наши кадры, ему следует поручить, я сам, говорит, с ним переговорю.

Вышинский. Нашел его Икрамов, а не вы?

Ходжаев. Нет, но его и искать не надо было; это был человек известный, он был членом бюро ЦК, его мы оба знали, и когда я с Икрамовым посовещался, кому это дело поручить, он сказал, что поручить это надо Мусламу Шермухамедову.

Вышинский. Это кандидатура Икрамова?

Ходжаев. Я бы не сказал. Это, можно сказать, наша общая кандидатура.

Вышинский. Это ваша общая кандидатура?

Ходжаев. Наша общая. Говорил ли Икрамов с Шермухамедовым — я не знаю, но знаю, что Шермухамедов некоторую работу как в кишлаках, так и среди учащейся молодежи вел, он говорил, что пара групп у него есть.

Вышинский. Я Икрамова хочу спросить.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, насчет Шермухамедова Ходжаев правильно показывает?

Икрамов. Кандидатура Шермухамедова обсуждалась.

Вышинский. А для чего?

Икрамов. Ему было дано поручение относительно террора. Он не сказал, поручил ли Шермухамедову. Эта часть неизвестна, но о том, что кандидатура обсуждалась, — это правильно.

Вышинский. Надо террор подготовить?

Икрамов. Да. Он сказал от имени Бухарина.

Ходжаев. И наконец последний пункт — это насчет связи с Англией. Мне самому непосредственно устанавливать связь с Англией было невозможно. Надо было искать для этой связи какие-то средства. Я мог поискать людей в Таджикистане, потому что там басмачество продолжалось до недавнего времени, значит, некоторые английские эмиссары и прочие могли быть там. Я так предполагал.

Вышинский. Почему вы так предполагали?

Ходжаев. Я говорю, что басмачество там продолжалось до 1930 года, в то время как в Узбекистане басмачество было ликвидировано в 1922—1923 годах. Значит, там было больше оснований найти связи.

Вышинский. Через басмачей?

Ходжаев. Через курбаши, то есть начальников басмачей.

Вышинский. Почему вы думаете?

Ходжаев. Я не докончил свою мысль.

Вышинский. Пожалуйста, докончите.

Ходжаев. Курбаши, если он настоящий начальник басмачей, не может быть не связанным с англичанами, потому что басмачество было организовано с участием англичан.

Вышинский. Ваша практика так говорит?

Ходжаев. Я говорю, как было. Среди работников Таджикистана я мог найти людей, которые могли бы выполнить эту задачу. Я вспомнил, был такой Максум — бывший председатель ЦИК Таджикистана, которого я знал с 1922 года, когда Восточный Таджикистан еще входил в состав Бухары. И вот я ему хотел поручить. Я знал об его англофильских настроениях, он выражал очень часто недовольство советской политикой. Значит, я, зная эти настроения его, хотел использовать его.

Вышинский. А Мухитдинов это кто?

Ходжаев. Мухитдинов один из руководящих деятелей бухарской буржуазно-националистической партии.

Вышинский. Какой ориентировки?

Ходжаев. Английской ориентации. Он работал с 1924 года. Я на него не ссылаюсь потому, что человека нет, на мертвого человека нечего ссылаться.

Вышинский. История есть.

Ходжаев. А для истории такой человек был. Этот Максум — его человек.

Вышинский. Я поэтому о нем и спрашивал.

Ходжаев. Совершенно правильно. Но я к счастью своему к тем огромным преступлениям перед советским народом, перед партией, которые мною совершены, не могу зачислить это последнее, то есть в том смысле не могу зачислить, что я с директивами согласился, принял к исполнению, пытался осуществить, но не успел осуществить.

Вышинский. По обстоятельствам, от вас не зависящим?

Ходжаев. Да, от меня не зависящим. Я хотел бы закончить свои показания указанием на то, что, конечно, я не младенец, я начал эту антисоветскую работу сознательно, как националист, ибо прежде чем перейти к революции и принять в ней участие — я был националистом.

Вышинский. Скажите, вы к каким общественным слоям принадлежите по своему происхождению?

Ходжаев. Я из купеческой семьи.

Вышинский. Кто был отец?

Ходжаев. Торговец.

Вышинский. Крупный, мелкий?

Ходжаев. Крупный. Торговал каракулем, умер в 1912 году. Я остался 14 лет.

Вышинский. Как вы остались?

Ходжаев. Дело отца перешло к опекуну. Я с 16 лет примкнул к подпольной организации, я считал ее подпольной организацией, она по существу и была подпольной, а потом работала против эмирата.

Вышинский. После смерти отца дело продолжали вы?

Ходжаев. Я не мог этим заниматься, мне было 14 лет. Все перешло к моему дяде-опекуну. Раздел имущества произошел в 1917 году. Мне достался дом, часть земли и другое, на сумму около 17 тысяч рублей. Это можно установить по документам.

Вышинский. У вас были связи с буржуазными кругами по вашему прошлому социальному положению?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Когда впоследствии вы возглавляли вредительскую организацию в Узбекистане, вам приходилось заниматься вредительством в области каракулеводства?

Ходжаев. Непосредственно нет. Но в колхозах в 1931 году был урон поголовья под руководством некоего Хисметова, — наши работники...

Вышинский. Кто наши?

Ходжаев. Нашего лагеря. Моего с Икрамовым, хотя мы собственными руками не делали.

Вышинский. Я понимаю, не могли вы все делать собственными руками. Вредительство было?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Вы организовывали?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Почему вы ничего не сказали об этом, когда говорили о вредительстве в сельском хозяйстве?

Ходжаев. Когда я говорил о сельском хозяйстве, мне казалось, что это понятно.

Вышинский. К какой организации вы принадлежали до революции?

Ходжаев. Организация, к которой я принадлежал, — это партия бухарских либералов, конституционно-монархическая партия.

Вышинский. Кадетская?

Ходжаев. Да. В 1917 году я отошел от этой партии и был в числе организаторов другой партии — младо-бухарской партии, программу которой мы напечатали в 1917 году. Мы ставили перед собой задачу буржуазно-националистического развития Бухары. К этой партии я принадлежал.

После мартовских событий 1916 года, когда я принимал участие, руководящее участие, в вооруженных выступлениях против эмирского правительства, я был объявлен вне закона, присужден к смертной казни, бежал в царскую Россию. Провел здесь с марта 1916 года по середину 1919 года, а в конце 1919 года я попал в Ташкент. Там был на руководящей работе. Это было и в 1920 году. Принимал участие в свержении эмирата. Вот мне и хотелось...

Вышинский. Потом опять примкнули к националистам?

Ходжаев. Потом, когда я оказался во главе власти, я примкнул опять к националистам.

Вышинский. И с тех пор вели эту линию?

Ходжаев. И с тех пор эту линию вел.

Вышинский. И вам помогал Бухарин?

Ходжаев. Я об этом и говорю. Я начал свою деятельность как националист, прошел я большой и длительный путь — 23 года из 41 года. Был во всех переплетах, но это неважно, а важно то, что мне особенно больно и обидно, — в этом я сам повинен, — то, что мне пришлось очутиться, благодаря моим действиям, на скамье подсудимых, наряду с людьми, которые поставили перед собой задачу — ударить по революции, с людьми, которые не гнушались никакими средствами для того, чтобы достигнуть своей цели. И я сам, осуществляя целый ряд мероприятий, ничем не отличаюсь от них. Я изменил не только народам Бухары, Узбекистана, но и Советского Союза в целом, я ответил черной неблагодарностью тем, кто в 1917 году, в 1918 году, когда я был объявлен вне закона, когда не было пристанища, открыли мне широкие двери гостеприимства, дали мне приют, пытались меня воспитать, чтобы я рос. Я изменил тому народу, который оказал помощь народам Бухары в деле свержения ненавистной им эмирской деспотии, средневекового произвола. Я изменил партии, благодаря политике которой было ликвидировано политическое и экономическое неравенство, установившееся уже в течение более полустолетия. Я изменил народу, партии, которые

дали эту независимость Бухаре, но независимость не в буржуазном смысле, а советскую независимость. Я особенно чувствую свое положение тяжелым, ибо я являюсь втройне преступником— и как националист, и как участник «право-троцкистского блока», и как человек, который обманул доверие Сталина, руководителей партии и правительства. Меня воспитывали, мне помогали, меня вытаскивали, когда я оказывался в тяжелом положении, как, например, в 1923 году, когда я совершил ошибку, мне хотели помочь. Но, невзирая на это, я изменил и этим лицам, изменил Сталину по директиве правого центра. Я оказался участником в составлении террористических групп. Вот почему я несу полную ответственность перед советским судом, перед советским народом. Я понимаю, что мое позднее раскаяние делу не поможет, но я говорю об этом для того, что может быть это предупредит хоть кого-нибудь, чтобы по моему следу не пошли.

Вышинский. Что вам известно об убийстве Абид Саидова?

Ходжаев. Я слыхал об этом деле в 1931 году.

Вышинский. Что вам известно об убийстве Абид Саидова?

Ходжаев. Мне известно это из двух источников. Был такой Саид Ахмет. Саид Ахмет — это советский судья, ташкентский человек. Он как раз был разоблачителем в деле Касымова. После суда Касымова на него начались гонения в Узбекистане. И вот он приходил ко мне, не зная, что я состоял членом той организации, обращался ко мне за защитой — вот, мол, я сделал советское дело, разоблачил сволочей, а на меня гонения. Я его успокоил и даже однажды разговаривал с Икрамовым, говорил, чтобы не трогать — зачем же гонения на человека устраивать. Не забудьте, это был 1930 год, когда мы еще не были такими, как сейчас...

Вышинский. Не совсем такими, как сейчас?

Ходжаев. Не совсем. Вот тогда Саид Ахмет рассказал мне, что человек, о котором вы меня спросили — Абид Саидов, — был тогда членом коллегии Наркомпроса, что он был убит своим братом.

Вышинский. Абид Саидов тоже был разоблачителем?

Ходжаев. Конечно.

Вышинский. Убит он был за что?

Ходжаев. Он был активным свидетелем на суде. Он был убит своим братом по постановлению националистической организации «Милли Истиклял»...

Вышинский. Которой руководил?

Ходжаев. Я тогда не знал, кто руководил...

Вышинский. В которой кто участвовал?

Ходжаев. В которой участвовал Икрамов.

Вышинский. А Икрамов причастен к этому делу?

Ходжаев. Я об этом ничего не знаю и сказать не могу.

Вышинский. А вам как говорили?

Ходжаев. Мне говорили, что Икрамов, по крайней мере, покровительствует этим людям. Саид Ахмет мне прямо на Икрамова не указывал; возможно, он боялся, потому что Икрамов был секретарем. Затем, второй человек, который говорил мне

об этом, — Абидова, теперешний постоянный представитель Узбекистана в Москве. Она была женорганизатором или заведующей женотделом в то время. Она выступала на суде общественной обвинительницей. Она довольно активный человек и приняла в этом суде очень активное участие. Она говорила мне и тогда, и совершенно недавно, теперь, в июне — июле 1937 года, еще раз повторила, что этот Абид Саидов был убит националистами, что убийцы эти не были разоблачены до конца, не все разоблачены, что не все они понесли наказание, что Икрамов этим убийцам оказывал покровительство, но о том, что Икрамов принимал участие или что-нибудь в этом роде, — она мне не говорила.

Вышинский. Позвольте подсудимого Икрамова спросить?

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Икрамов, был такой факт — убийство Абид Саидова?

Икрамов. Был такой факт.

Вышинский. За что он был убит?

Икрамов. Мне это дело непосредственно от участников убийства не известно, потому что меня не было...

Вышинский. За что он был убит?

Икрамов. Официально, что знаю, то только и могу сообщить.

Вышинский. Ну, что вы знаете?

Икрамов. Официально знаю, что он разоблачал на суде «милли истиклялов», контрреволюционеров, и по заданию этой группы его убили.

Вышинский. Какая группа его убила?

Икрамов. Группа «милли истиклялов».

Вышинский. А членом этой группы вы были?

Икрамов. Был.

Вышинский. Когда это было?

Икрамов. В 1930 году.

Вышинский. Кто тогда руководил этой группой?

Икрамов. «Милли Истиклял»?

Вышинский. Да.

Икрамов. Я сказал, что я с 1926 года состою, и руковожу, и несу ответственность.

Вышинский. В 1930 году вы занимали в этой группе руководящую роль?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Кто ею руководил?

Икрамов. Председателем был Каримов, в то время у нас была поставлена одна задача — захватить вузы, засорить вузы классово враждебными к Советской власти элементами, подготовить кадры. Вот это — основная линия.

Вышинский. А между прочим убили Абид Саидова?

Икрамов. Да.

Вышинский. А кто его убил?

Икрамов. Я официальный материал могу сообщить, который знаю.

Вышинский. Может быть неофициальный сообщите? За что

был убит Абид Саидов? Был ли в числе убийц Абид Саидова Бату?

Икрамов. За то, что разоблачал буржуазных националистов. Бату — участник убийства.

Вышинский. Это тот Бату, который с Рамзи являлся вашим человеком?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, Абид Саидова убил Бату — ваш человек?

Икрамов. Да.

Председательствующий. Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:
Армвоенюрист *В. В. Ульрих*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:
Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер*

Вечернее заседание 4 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Переходим к допросу подсудимого Розенгольца.

Показания ваши, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Розенгольц. Да.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, вы имеете вопросы?

Вышинский. Да.

Председательствующий. Прошу.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, расскажите кратко о вашей преступной деятельности, начиная с того момента, который открывает вам дорогу к «право-троцкистскому блоку».

Розенгольц. Я несколько слов скажу о более раннем периоде. Я, как известно, был участником троцкистской профсоюзной оппозиции во время профсоюзной дискуссии в 1920—1921 годах. Затем, в 1923 году я подписал так называемую платформу «46», хотя со значительными оговоренными разногласиями.

В начале 1925 года у меня наметились известные разногласия с Троцким, в связи с требованием, которое я предъявил Троцкому о том, чтобы он признал ошибочность теории так называемой «перманентной революции». Он это категорически отклонил, и на этой почве было охлаждение отношений и известные расхождения.

С Троцким отношения у меня восстановились, хотя и не непосредственно. В 1929 году Крестинский привез мне директиву Троцкого о том, чтобы Крестинский и я законспирировались и по возможности заняли бы ответственное положение, заняли бы выжидательную позицию до того момента, когда соответствующие силы в стране, по мнению Троцкого, могли одержать верх и мы могли бы принять участие в организации новой власти.

Так было, примерно, до 1933 года. В 1933 году в связи с новой директивой и с нашими решениями мы вступили на путь более активной, нужно прямо сказать — активной преступной деятельности.

Прежде всего, какие за это время были встречи?

Тут было получено письмо Крестинского в начале 1933 года.

Вышинский. А до 1933 года, скажем, в 1929 году, у вас была переписка с Троцким, когда Троцкий был уже за границей?

Розенгольц. Вы говорите о 1929 годе?

Вышинский. Да, я спрашиваю, была у вас в 1929 году переписка с Троцким или может быть вы получили через другое лицо или в письменной форме указание от Троцкого?

Розенгольц. Основным был приезд Крестинского, который передал устную директиву.

Вышинский. Значит, в 1929 году Крестинский привез вам директиву от Троцкого?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Что вы скажете на этот счет, подсудимый Крестинский?

Крестинский. Тут имеется некоторая неточность. Я виделся с сыном Троцкого в конце 1929 года. Я работал тогда за границей и мог передать Розенгольцу эту директиву только в начале 1930 года.

Вышинский. Разница между концом 1929 года и началом 1930 года небольшая. Мне здесь важно установить, что вы действительно передали некую директиву Троцкого Розенгольцу. Значит, это было в конце 1929 года или начале 1930 года?

Розенгольц. Я об этом уже сказал.

Вышинский. Значит, в конце 1929 года, или вернее в начале 1930 года, вы получили от Троцкого через Крестинского некую директиву.

Розенгольц. Я об этом уже сказал.

Далее, в 1933 году Крестинским было получено письмо из-за границы. Затем, когда Крестинский сам был за границей, он имел свидание. В 1933 году я был за границей и в Фельдене в Австрии имел встречу с Седовым, имел с ним несколько продолжительных разговоров вблизи дома, где я жил. Затем я виделся с Седовым в 1934 году в Карлсбаде.

Вышинский. Содержание ваших разговоров?

Розенгольц. Седов передал следующие основные директивы Троцкого. Я здесь излагаю те директивы, которые я получал во время разговоров от Седова и которые сообщались через Крестинского, они были совпадающими в основном. Это — относительно связи с правыми. Рекомендовалось связаться с правыми и работу вести в контакте с ними.

Вышинский. С кем конкретно?

Розенгольц. Мне это не говорилось. Крестинский мне об этом сообщал, но фамилии не назывались, кроме Тухачевского.

Вышинский. Но предполагалось?

Розенгольц. Крестинский сообщал, что он имел указания в отношении Рыкова и Рудзутака. Седов много говорил о необходимости максимальной, возможно более тесной связи с Тухачевским, поскольку, по мнению Троцкого, Тухачевский и военная группа должны были быть решающей силой контрреволюционных выступлений. В разговорах выявилось также имеющееся у Троцкого опасение в отношении бонапартистских тенденций Тухачевского. В одном разговоре Седов сообщил о том, что Троцкий даже высказывает опасение в том отношении, что если Тухачевский удачно совершил бы военный переворот, то он воз-

можно бы не пустил Троцкого в Москву, и в этом отношении указывал на необходимость максимальной бдительности с нашей стороны. Во исполнение этих директив относительно связей...

Вышинский. В чем же должна была заключаться эта бдительность?

Розенгольц. Поэтому Троцкий предлагал во время переворота повсюду ставить своих людей, которые были бы верны троцкизму и на которых можно было бы положиться в отношении бдительности. Я уже не говорю о ряде технических мелочей, которые не имеют здесь значения.

Во исполнение этой директивы Крестинский был связан с Тухачевским. В течение всего этого периода времени, с 1933 по 1937 годы, у меня связь была с Рыковым и с Рудзутаком. Наиболее существенный момент в этих переговорах с Седовым — это вопрос относительно наметки состава правительства.

Вышинский. Ну, это может быть потом немножко. Пока по существу преступной деятельности расскажите.

Розенгольц. Я перечисляю главнейшие вопросы. Седов также передал директивы Троцкого по организации террора, указывая, что в тот период эти указания о терроре не должны иметь непосредственного практического отношения ко мне и к Крестинскому по конспиративным соображениям, так как по этому поводу даются специальные поручения имеющейся террористической организации Ивана Никитича Смирнова. В 1933 же году были директивы и указания в отношении вредительства в области внешней торговли. Поскольку Седов сообщил об имеющемся у Троцкого соглашении с соответствующими германскими кругами, вопрос вредительства имел с этой точки зрения очень существенное значение для Троцкого, для поддержания и его авторитета и поддержания соглашения. Основные линии вредительства шли в направлении возможной помощи в области внешней торговли интересам Германии и Японии. Затем был поставлен вопрос, и он несколько раз и очень настойчиво ставился со стороны Троцкого и Седова, вопрос о финансировании через каналы внешней торговли троцкистского движения. В течение 1935—1936 годов также был известный обмен письмами из-за границы в Москву и обратно по этим вопросам. Я остановлюсь на письме 1937 года, которое пришло на имя Крестинского уже после процесса над Пятаковым.

Вышинский. Это уже 1937 год?

Розенгольц. Да, да.

Вышинский. А несколько раньше? Я бы хотел остановиться, скажем, на 1935 или даже 1934 годе, вот на этой второй вашей встрече в Карлсбаде.

Розенгольц. Я об этом говорил.

Вышинский. Я понимаю, что вы говорили. Как тогда ставился вопрос о войне?

Розенгольц. В отношении войны линия у Троцкого была на поражение.

Вышинский. Предполагалось, что будет война? Когда?

Розенгольц. В 1935 или 1936 году.

Вышинский. Значит, Троцкий предполагал, что война должна возникнуть в 1935—1936 годах, и в этой связи?..

Розенгольц. Стоял вопрос о перевороте. Причем здесь произошло изменение в установках, потому что сначала шел вопрос о желательности и необходимости осуществления военного переворота применительно к срокам возможного начала войны. Тут разница могла быть в течение нескольких недель. А потом, ввиду выяснившейся оттяжки войны, стал вопрос о том, что желательно ускорить переворот, это было уже в 1937 году, не дожидаясь военных событий.

Вышинский. Хорошо. Значит, в 1934 году, во время беседы с Седовым, стоял вопрос о войне в 1935—1936 годах и о ставке на поражение.

Розенгольц. Да, да.

Вышинский. Не пришлось ли вам в 1934 году говорить с кем-либо из руководителей блока на эту же тему?

Розенгольц. Я так точно не вспоминаю в отношении 1934 года, трудно по отдельным датам вспомнить.

Вышинский. Но Рыкова в 1934 году не встречали?

Розенгольц. Несомненно, встречал. Во всяком случае после этих директив такой обмен и контакт был.

Вышинский. Был?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Дальше.

Розенгольц. В 1937 году...

Вышинский. До 1937 года еще один вопрос — не пришлось ли вам с Рыковым на эту тему говорить и в 1936 году?

Розенгольц. Об этом были разговоры в течение всего этого периода — и в 1934, и в 1935, и в 1936 годах.

Вышинский. Шла подготовка?

Розенгольц. Да, да, причем у Рыкова была главная ставка и надежда на восстание в деревне.

Вышинский. Это до 1936 года, а в 1936 году на что была главная ставка?

Розенгольц. На военный переворот, на группу Тухачевского.

Вышинский. Вы не припоминаете, как вообще Рыков относился к оттяжке сроков контрреволюционного выступления?

Розенгольц. Он относился к оттяжке сроков выступления очень нежелательно.

Вышинский. Нервничал?

Розенгольц. Он, понятно, очень нервничал. У Рыкова и других было опасение, что оттяжка может вызвать целый ряд провалов.

Вышинский. Говорил ли вам Рыков, что Тухачевский обещает выступить, а не выступает?

Розенгольц. Да.

Вышинский. А кто еще говорил?

Розенгольц. Об этом говорил и Крестинский, и Седов передавал мнение Троцкого. Так что это был постоянный и основной мотив в разговорах.

Вышинский. Позвольте спросить обвиняемого Крестинского и Рыкова.

Подсудимый Крестинский, подтверждаете ли вы показания обвиняемого Розенгольца?

Крестинский. Да, но есть некоторые сравнительно незначительные неточности.

Вышинский. В основном?

Крестинский. В основном, да. Но неточность заключается в том, что в 1933 году, в начале, у меня не было письма от Троцкого, от него, видимо, имел письмо Радек.

Вышинский. А о письме на имя Радека вы знали?

Крестинский. От Радека я знал.

Вышинский. Он показывал?

Крестинский. Нет, он рассказывал.

Вышинский. Значит, вы знали?

Крестинский. Да, я знал. Но письма я начал получать после меранского свидания и разговаривал с Тухачевским не в 1933, а в 1934 году.

Вышинский. Подсудимый Крестинский, скажите, в 1936 году вы говорили Розенгольцу о том, что Тухачевский медлит с контрреволюционным выступлением?

Крестинский. Говорил, но тут по-моему иначе было.

Вышинский. Говорили на эту тему или нет?

Крестинский. Да. Дело в том, что в 1933 году Троцкий разговаривал со мной в Меране, он подробно развивал пораженческую теорию.

Вышинский. Вы об этом потом скажете, а вы скажите, в части показаний, которые суд слышал от обвиняемого Розенгольца, который говорил, что в 1936 году Рыков нервничал и говорил, что Тухачевский назначает срок осуществления своего преступного плана — восстания, и оттягивает. Об этом сказал Розенгольц, говорил и Крестинский. Я спрашиваю, правда это?

Крестинский. Это не так, потому что с самого начала с Тухачевским было обусловлено, по поручению Троцкого, что выступление будет увязываться с войной. В конце 1936 года вопрос был поставлен одновременно и Троцким за границей в письме Радеку и Тухачевским самим о том, чтобы ускорить переворот и чтобы этого не увязывать с началом войны.

Вышинский. То есть, выступать, не дожидаясь войны?

Крестинский. Да.

Вышинский. То есть, ускорить войну, то есть поторопиться?

Крестинский. Да.

Вышинский. Значит, Тухачевский торопил?

Крестинский. В конце 1936 года Тухачевский стал торопить.

Вышинский. А вы в это время торопили его?

Крестинский. Я с ним согласился.

Вышинский. Торопили или нет?

Крестинский. Я не торопил, но соглашался.

Вышинский. Значит, вы считали, что надо ускорить контрреволюционное выступление, то есть поторопиться. Если держались такой точки зрения, значит, торопили?

Крестинский. Да, но в более поздний период.

Вышинский. В конце 1936 года? Мне важно знать, что вами овладевало нетерпение, нетерпеж, ускорение Тухачевским восстания и об этом вы заявили Розенгольцу.

Крестинский. Да, в 1936 году.

Вышинский. Значит, он правильно говорит?

Крестинский. Это было в ноябре месяце 1936 года.

Вышинский. Но ноябрь 1936 года, это 1936 год?

Крестинский. Да.

Вышинский. Позвольте спросить обвиняемого Рыкова.

Обвиняемый Рыков, правильно ли излагает вопрос обвиняемый Розенгольц?

Рыков. Относительно Тухачевского?

Вышинский. Вы с Тухачевским разговаривали?

Рыков. С Тухачевским? Нет.

Вышинский. С Розенгольцем разговаривали?

Рыков. С Розенгольцем я разговаривал раза два.

Вышинский. Относительно того, что вы торопили и говорили, что Тухачевского надо торопить?

Рыков. Нет, этого не было.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц, где у вас происходила встреча?

Розенгольц. Встреча с Алексеем Ивановичем Рыковым была в кулуарах Совнаркома, и я твердо помню, что такой разговор был.

Вышинский. Был?

Рыков. Я тоже твердо помню, что такого разговора не было.

Вышинский. А о выступлениях, предполагавшихся Тухачевским, вам было известно?

Рыков. Я вчера сообщал, что существовала военная группа, связанная с переворотом и заговором.

Вышинский. А сегодня это подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы только не припомните такого разговора с Розенгольцем, но сам факт остается фактом?

Рыков. Да.

Вышинский. Но с существовавшей заговорщической группой вы были в связи?

Рыков. Я был в связи через Томского и Енукидзе.

Вышинский. Через Томского и Енукидзе?

Рыков. Совершенно правильно.

Вышинский (к Розенгольцу). Вы припоминаете, что Крестинский и Рыков говорили на эту тему?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Как вы реагировали на арест Пятакова в этом плане?

Розенгольц. Уже после суда над Пятаковым пришло письмо от Троцкого, в котором ставился вопрос о необходимости максимального форсирования военного переворота Тухачевским. В связи с этим было совещание у меня на квартире.

Вышинский. А что это за письмо было, нельзя ли подробнее узнать?

Розенгольц. Там Троцким ставилось несколько вопросов. Прежде всего указывалось, что если будут медлить, то произойдет то, что по частям будут разгромлены все контрреволюционные силы. Поэтому, поскольку уже значительный разгром кадров произведен, необходимо ряд возможных акций максимально ускорить.

Вышинский. Например?

Розенгольц. Главным образом ставилось два вопроса: первый вопрос — относительно того, чтобы в ответ на приговор по делу Пятакова ответить террористическими актами.

Вышинский. То есть на приговор суда?

Розенгольц. В ответ на приговор суда о расстреле Пятакова ставился вопрос об организации террористических актов.

Вышинский. В отношении кого?

Розенгольц. В отношении руководителей партии и правительства и вопрос в отношении максимального форсирования военного переворота.

Вышинский. Больше ничего в этом письме не содержалось?

Розенгольц. Ставился вопрос о большей активности моей и Крестинского.

Вышинский. А не содержалось ли в этом письме мнения Троцкого о поведении на суде Пятакова? Не припоминаете ли вы, что в этом письме Троцкий давал оценку поведения на суде Пятакова, сознавшегося в своих преступлениях?

Розенгольц. Я точно не припоминаю этого момента. Здесь мне наиболее запомнились два момента, о которых я говорил: относительно активного момента в предложении Троцкого об ответе террористическими актами и вопрос относительно ускорения военного переворота.

Вышинский. Это два вопроса по существу о преступной деятельности, а третий вопрос по отношению тактики. (К суду). Разрешите спросить обвиняемого Крестинского.

Обвиняемый Крестинский, вы не припоминаете, что Троцкий писал в этом письме?

Крестинский. В одном из писем, полученных в первой четверти 1937 года по линии Аркадия Павловича...

Вышинский. Что значит по линии Аркадия Павловича?

Крестинский. Через его заграничную связь.

Вышинский. Через Розенгольца?

Крестинский. Да. У меня связь после отъезда Бессонова и его ареста оборвалась. В этом письме было негодование Троцкого по поводу поведения Пятакова. Было предложение о том, чтобы в дальнейшем, если такой случай будет, так себя не вести.

Вышинский. А как себя вести?

Крестинский. Не признавать свою вину.

Вышинский. Это еще тогда было указание Троцкого?

Крестинский. Было. Это была в письме как бы деталь, незначительная часть, это не рассматривалось как нечто актуальное, но этому было посвящено несколько предложений.

Вышинский. На предварительном следствии вы так показывали (т. 3, л. д. 72): «Второе письмо... В этом письме Троцкий резко критиковал позицию Пятакова на процессе и предлагал, в случае дальнейших арестов, не признавать себя виновными и не давать показания». Правильно это?

Крестинский. Да.

Вышинский. Так и было?

Крестинский. Да.

Вышинский. Может быть ваше поведение на суде два дня тому назад тоже было продиктовано вот этой директивой?

Крестинский. Нет.

Вышинский. Но эту директиву Троцкого вы помнили?

Крестинский. Помнил, но не этим было продиктовано мое поведение. Это было увязано с теми моментами, о которых я указал вчера.

Вышинский. Вы когда были арестованы?

Крестинский. В конце мая.

Вышинский. А когда вы признали себя виновным на предварительном следствии?

Крестинский. В основном преступлении, которое мне было наиболее тяжело признать, именно о связи моей с немецкой разведкой и с генералом Сектом, я сделал через неделю, на первом допросе.

Вышинский. А неделю отрицали?

Крестинский. К концу первого допроса я признался.

Вышинский. Не потому ли отрицали свою вину, что хотели выполнить директиву Троцкого?

Крестинский. Нет, я просто надеялся, что мне поверят и что...

Вышинский. Что вам удастся обмануть.

Крестинский. Что мне удастся обмануть, что мне удастся тем самым спастись.

Вышинский. Но не удалось!

Крестинский. Не удалось.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц. Момент, на котором я остановился, это совещание, которое было с Тухачевским. Оно было в конце марта. Крестинский на очной ставке внес поправку, что оно было в начале апреля, но это разногласие несущественное. Было совещание с Тухачевским.

Вышинский. Где было это совещание?

Розенгольц. У меня на квартире.

Вышинский. У вас на квартире совещание с кем?

Розенгольц. С Тухачевским и с Крестинским.

Вышинский. Когда было совещание, дайте точную дату.

Розенгольц. Это было в конце марта 1937 года.

Вышинский. Дальше.

Розенгольц. На этом совещании Тухачевский сообщил, что он твердо рассчитывает на возможность переворота, и указывал срок, полагая, что до 15 мая, в первой половине мая, ему удастся этот военный переворот осуществить.

Вышинский. В чем заключался план этого контрреволюционного выступления?

Розенгольц. Тут у Тухачевского был ряд вариантов. Один из вариантов, на который он наиболее сильно рассчитывал, это — возможность для группы военных, его сторонников, собраться у него на квартире под каким-нибудь предлогом, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей партии и правительства.

Вышинский. Это был его план или был ваш общий план?

Розенгольц. Мы этот план его не обсуждали. Он просто сообщил нам его, как один из вариантов, на который он возлагает большие надежды.

Вышинский. А вы предоставляли уже ему действовать?

Розенгольц. Ну, понятно. Мы не могли входить в эти вопросы.

Вышинский. А почему он посвящал вас в этот план?

Розенгольц. Поскольку мы вообще ставили вопрос о военном перевороте.

Вышинский. Как руководители этого выступления?

Розенгольц. Да, да.

Вышинский. Этого заговора?

Розенгольц. Да, да.

Вышинский. Позвольте Крестинского сейчас спросить (к Крестинскому). Вы подтверждаете это?

Крестинский. Да, подтверждаю. Совещание это было у Розенгольца. Это было в начале апреля. Мы на этом совещании говорили уже об аресте Ягоды и исходили из этого ареста, как из факта. Об аресте Ягоды я узнал 2—3 апреля. Значит, это было в апреле месяце.

Вышинский. Вы были также осведомлены об участии Ягоды в заговоре?

Крестинский. Да, я об этом уже говорил вчера.

Вышинский. Садитесь.

Обвиняемый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц. Тут же встал вопрос о террористическом акте. Мы с Крестинским обсуждали вопрос о возможном террористическом акте в отношении Председателя Совнаркома Молотова.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, обсуждали вы вопрос о террористическом акте против Вячеслава Михайловича Молотова?

Крестинский. Мы обсуждали с ним вопрос иначе — в более широком разрезе...

Вышинский. Этот вопрос стоял у вас?

Крестинский. Мы с ним говорили вообще о необходимости восстановить террористическую деятельность троцкистов, прервавшуюся после смерти Пятакова, и на эту тему мы говорили с Розенгольцем и Гамарником, говорили о необходимости террористических актов против руководителей партии и правительства.

Вышинский. Против кого именно?

Крестинский. Имелись в виду Сталин, Молотов и Каганович, но специально террористического акта в отношении Молотова в деталях мы не обсуждали.

Вышинский. Меня не интересуют детали. Был у вас разговор о подготовлявшемся террористическом акте против товарища Молотова?

Крестинский. Не о подготовлявшемся, а о необходимости подготовить.

Вышинский. Итак, вы говорили о необходимости подготовить террористический акт для того, чтобы его совершить?

Крестинский. Да, конечно.

Вышинский. Садитесь.

Обвиняемый Розенгольц, продолжайте.

Розенгольц. Теперь — в отношении отдельных крупнейших отраслей этих преступлений и преступной деятельности...

Вышинский. Позвольте поставить один вопрос предварительно. После ареста Ягоды Крестинский не высказывал ли вам своих требований об ускорении вооруженного восстания?

Розенгольц. Он высказывал это все время и в течение 1936 года и в течение 1937 года.

Вышинский. А после ареста Ягоды?

Розенгольц. Я так точно не помню даты ареста, когда это было, но, во всяком случае, это должно было совпадать, потому что этот вопрос он ставил и в марте, и в апреле стоял этот вопрос.

Вышинский. Мне интересно знать — роль Крестинского в вашем заговоре была достаточно активной или нет?

Розенгольц. Об ускорении переворота Крестинский совершенно отчетливо ставил вопрос.

Вышинский. Одно дело отчетливо ставить вопрос, другое дело — направлять это дело, торопить, организовывать, настаивать на осуществлении плана заговора.

Розенгольц. Все переговоры с Тухачевским вел Крестинский, за исключением одного совещания, которое было у меня.

Вышинский. Насколько я понимаю, по вашей концепции так выходило, что основная ваша надежда в этом преступном замысле была на группу Тухачевского. Так это?

Розенгольц. Да.

Вышинский. С этой группой прямую и непосредственную связь держал кто?

Розенгольц. Крестинский.

Вышинский. Следовательно, он в известной мере как член блока организует деятельность этой группы. Так я понимаю?

Розенгольц. Понятно.

Вышинский. Следовательно, ему в этом деле принадлежит одна из ведущих ролей?

Розенгольц. Он все время торопил Тухачевского...

Вышинский. И когда вы на предварительном следствии говорили, что Крестинский после ареста Ягоды или даже раньше — после ареста Пятакова — особенно остро ставил вопрос перед Тухачевским, то это так и было в действительности? Это харак-

теризует энергию, какую развивал тогда Крестинский в этом вопросе?

Розенгольц. Я не хочу и не имею оснований специально выделять Крестинского...

Вышинский. Вы — нет, а у меня есть основания. Я вас спрашиваю, как человека, который вместе с Крестинским организовывал этот черный заговор.

Розенгольц. Крестинский, также, как и я, считал необходимым ускорение этого переворота и торопил Тухачевского систематически.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, правильно ли, что вы систематически торопили с переворотом Тухачевского?

Крестинский. Начиная с ноября 1936 года, я был решительным сторонником максимального ускорения этого переворота. Торопить Тухачевского не приходилось, ибо у него было такое же настроение, и он сам поставил перед нами — перед правыми, передо мной, Розенгольцем и Рудзутаком — этот вопрос и просил нашего согласия на отделение этого выступления от военного нападения. Так что торопить его не приходилось. Наши настроения в вопросе о перевороте совпадали.

Вышинский (Розенгольцу). Розенгольц, почему вы утверждаете, что Крестинский систематически торопил Тухачевского с осуществлением этого переворота?

Розенгольц. Потому, что он сам информировал меня об этом, информировал о том, что он ведет переговоры в течение длительного времени и что Тухачевский дает ему обещания, устанавливает срок, который не выдерживает.

Вышинский. Обвиняемый Крестинский, вы высказали мысль о необходимости ускорить этот акт?

Крестинский. До ноября 1936 года я не мог этого делать, потому что для всех нас было несомненным в то время, что это выступление не может произойти ранее нападения на Советский Союз иностранных государств. Но после этого у нас были совместные разговоры и стоял вопрос о том, как ускорить это выступление. Это было в пределах марта 1937 года. Со времени возвращения Тухачевского из отпуска и до конца марта я с ним несколько раз говорил на эту тему, а затем сообщил Розенгольцу, но не в такой форме, что Тухачевский назначил какой-то определенный срок и его не выдерживает, потому что срока никакого не было установлено. На квартире у Розенгольца разговор был более определенный. Тухачевский предполагал поехать в Лондон на коронацию английского короля, чтобы не вызывать никаких подозрений. Но когда выяснилось, что эта поездка отменена, он сказал, что в первой половине мая он поднимет восстание.

Вышинский. Значит, Тухачевский заявил, что в первой половине мая он поднимет восстание?

Крестинский. Да, он это заявил.

Вышинский. Продолжайте, обвиняемый Розенгольц.

Розенгольц. Я хочу теперь коснуться преступного использования канала Наркомвнешторга в своей троцкистской деятельности.

Вышинский (Розенгольцу). Что вы скажете о ваших встречах с Гамарником?

Розенгольц. Я подтверждаю те показания, которые я давал на предварительном следствии.

Вышинский. Какие именно?

Розенгольц. Относительно Гамарника основным моментом является то, что Гамарник сообщил о своем предположении, повидимому, согласованном с Тухачевским, о возможности захвата здания Наркомвнудела во время военного переворота. Причем Гамарник предполагал, что это нападение осуществится какой-нибудь войсковой частью непосредственно под его руководством, полагая, что он в достаточной мере пользуется партийным, политическим авторитетом в войсковых частях. Он рассчитывал, что в этом деле ему должны помочь некоторые из командиров, особенно лихих. Помню, что он назвал фамилию Горбачева.

Вышинский. Значит, кроме того, что Тухачевский вас посвящал в план своего преступного заговора, вас также посвящал в этот план и Гамарник?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Крестинский участвовал в этих разговорах с Гамарником в обсуждении этого плана?

Розенгольц. В этом разговоре он не участвовал.

Вышинский. А в другом случае?

Розенгольц. У меня были разговоры с Гамарником без Крестинского.

Вышинский. Крестинский не принимал участия?

Розенгольц. Нет.

Вышинский. А вам не известно — у Крестинского были такого рода переговоры с Гамарником?

Розенгольц. Эти разговоры с Гамарником, которые были у Крестинского, мне неизвестны.

Вышинский. Неизвестны? (К Крестинскому). Крестинский, что вы скажете по этому поводу?

Крестинский. У нас был один общий разговор с Гамарником и Аркадием Павловичем Розенгольцем, где обсуждался вопрос о терроре. Когда мы увидели, что это дело, с которым мы во времена Пятакова не были связаны, после его расстрела осталось беспризорным в наших троцкистских рядах, потому что этим делом никто не занимался, а вместе с тем было ясно и Троцкий писал о необходимости террористических актов, тогда мы встретились втроем, чтобы переговорить относительно того, как быть. И в этом разговоре мы единодушно пришли к тому мнению, что из нас троих, в качестве людей, могущих за это дело взяться, мы с Розенгольцем не подходим, так как по роду нашей работы и наших связей мы не были связаны с теми группами членов партии и граждан, которые бы могли взять на себя задачу по подготовке и совершению террористических актов.

Вышинский. Словом, это дело взял на себя Гамарник?

Крестинский. Да. И после этого мы уже с ним — ни Розенгольц, ни я — не говорили конкретно о том, что он делает, а он

нам говорил, что это у него идет, что он подбирает кадры, подбирает группы.

Розенгольц. Относительно использования каналов связи по внешней торговле для преступных троцкистских целей. Я бы мог назвать, что Иван Никитич Смирнов в свое время использовал внешнюю торговлю. Я знал, что Гольцман работал по внешней торговле, затем Герцберг, работал такой в Берлине и имел связь с Троцким, потом Биркенгоф поддерживал связь с Троцким, с Гавеном. В более позднее время — это Краевский и Шостак. Но основная связь осуществлялась через Наркоминдел, поскольку в руках Крестинского была почта.

Вышинский. Значит, дипломатическая почта использовалась?

Розенгольц. Да, использовали дипломатическую почту и тех лиц, которые имели дипломатический паспорт, так что свободно могли перевозить все, что им надо.

Вышинский. Продолжайте.

Розенгольц. Преступно была использована внешняя торговля в отношении использования и расхищения средств для финансирования троцкистского движения. Не касаясь целого ряда, может быть, незначительных операций, назову два наиболее крупных примера. Первое,—это операции, которые осуществлял Краевский в размере до 300 тысяч долларов, которые были переданы троцкистской организации или Троцкому непосредственно.

Вышинский. В распоряжение Троцкого?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Краевским?

Розенгольц. Да.

Вышинский. По вашему поручению?

Розенгольц. Да. Осуществлялось это через соответствующие фирмы путем использования Седова в качестве комиссионера, затем это финансирование было организовано также мною лично, когда я вошел в соглашение с одним официальным лицом в Москве при заключении договора.

Вышинский. С каким официальным лицом?

Розенгольц. С представителем одного из государств.

Вышинский. Одного из иностранных государств?

Розенгольц. Да. Относительно соглашения, по которому, примерно, около 110 тысяч долларов ежегодно, в течение трех лет, должен был получать Троцкий.

Вышинский. Так что финансирование Троцкого было вами налажено регулярно и как следует?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Это более крупное, а по мелочам? Например, в 1933 году было передано в распоряжение Троцкого 2 тысячи фунтов стерлингов?

Розенгольц. Это помимо меня, но с моего ведома, конечно, я говорю это не к тому, чтобы себя выгородить, но для точности.

Вышинский. Это по линии внешней торговли, а вы были тогда...

Розенгольц. Я был наркомом внешней торговли и с моей санкции и с ведома...

Вышинский. Значит, вами. Значит, 2 тысячи фунтов стерлингов передано. Это тоже крупная сумма, но перед 110 тысячами долларов — это мелочь. А в 1934 году 15 тысяч фунтов стерлингов тоже было передано Троцкому?

Розенгольц. Да, да.

Вышинский. 15 тысяч фунтов стерлингов — это не фунт изюму, это 15 тысяч фунтов стерлингов.

Розенгольц. Да, 15 тысяч фунтов, потом еще один раз 10 тысяч фунтов.

Вышинский. 15 тысяч, потом 10 тысяч, потом 2 тысячи, набирается уже 27 тысяч фунтов стерлингов.

Розенгольц. И еще 20 тысяч марок.

Вышинский. Значит, деньги все-таки приличные?

Розенгольц. Да, да, я назвал с самого начала только две, наиболее крупные суммы.

Вышинский. Я понимаю. К этому еще добавить 300 тысяч долларов. За какой срок?

Розенгольц. Это с 1933 года.

Вышинский. С 1933 года?

Розенгольц. Да, да. По Экспортлесу 300 тысяч.

Вышинский. По Экспортлесу — это особо. Дальше еще что вы имеете показать?

Розенгольц. Теперь я хотел отметить еще, что в более ранние годы — в 1923 году — в связи с имевшимся у меня деловым контактом...

Вышинский. С кем?

Розенгольц. С немецкими военными кругами, Троцкий предложил передать Секту сведения о советских военно-воздушных силах.

Вышинский. И вы передали?

Розенгольц. Да, я эти сведения передал.

Вышинский. Кроме денег Троцкому, вы еще передали шпионские сведения Секту?

Розенгольц. Да, да, это было в 1923 году.

Вышинский. И позже, потом?

Розенгольц. Начиная с 1931 года передавались сведения о заказах по внешней торговле.

Вышинский. Секретные, государственные?

Розенгольц. Да.

Вышинский. В течение долгого срока вы обслуживали, таким образом, иностранную разведку?

Розенгольц. Эти сведения были с 1931 года до 1935 и 1936 годов.

Вышинский. А в 1937 году?

Розенгольц. Не было.

Вышинский. Почему?

Розенгольц. Я говорю просто, какая картина была.

Вышинский. Но почему такая картина? Почему в 1937 году вы ничего не передавали?

Розенгольц. Не было встреч.

Вышинский. Не было случая подходящего?

Розенгольц. Да, не было случая.

Вышинский. А в 1923 году вы передали генералу Секту шпионские сведения по поручению Троцкого?

Розенгольц. Да, да.

Вышинский. Вам неизвестно, еще кто-либо другой передавал ли аналогичные сведения Секту в то время?

Розенгольц. Я знал, что у Крестинского была какая-то нелегальная связь с рейхсвером.

Вышинский. Когда вы об этом знали?

Розенгольц. Примерно, в этот же период и позже несколько, затрудняюсь сказать, но характера этой связи не знаю.

Вышинский. О характере этой связи, может быть, скажет обвиняемый Крестинский.

Обвиняемый Крестинский, о какой связи с рейхсвером говорит Розенгольц?

Крестинский. В 1921 году Троцкий предложил мне, воспользовавшись встречей с Сектом, при официальных переговорах предложить ему, Секту, чтобы он оказывал Троцкому систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы, причем предупредил меня, что если Сект попросит в качестве контртребования оказание ему услуг в области шпионской деятельности, то на это нужно и можно пойти. О том разговоре, который был у меня с Троцким при даче мне поручений, об этом я буду говорить потом. Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом, то есть 60 тысяч долларов в год. Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему, хотя бы и не систематически, некоторые секретные и серьезные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято и, начиная с 1923 года, этот договор стал приводиться в исполнение.

Вышинский. Вы передавали шпионские сведения?

Крестинский. По-моему не я, но мы — русские троцкисты. Но были случаи, когда эти сведения передавал непосредственно я генералу Секту.

Вышинский. Вы лично передавали?

Крестинский. Да, мне приходилось также получать пару раз деньги.

Вышинский. От кого приходилось вам получать деньги?

Крестинский. От генерала Секта.

Вышинский. Где?

Крестинский. У него в служебном кабинете. Я передавал деньги непосредственно Троцкому, когда ездил в Москву.

Вышинский. Лично?

Крестинский. Да, не привлекая к этому никого.

Вышинский. Переговоры с Сектом начались с какого года?

Крестинский. Это было весной и летом 1922 года. В обвинительном акте сказано в 1921 году. Это обстоятельство не имеет большого значения, но эта первая встреча официального характера, которую Троцкий предложил использовать, произошла зимой с 1921 года на 1922 год.

Вышинский. Эта встреча уже была использована?

Крестинский. Узнавши об этих встречах, Троцкий предложил использовать последнюю встречу, которая происходила в конце весны или лета 1922 года. Это не имеет значения с точки зрения моего обвинения.

Вышинский. Уже зимой 1921—1922 года, то есть начиная с 1921 года, вы установили связь с рейхсвером в лице генерала Секта?

Крестинский. Связь преступного характера была установлена с 1922 года.

Вышинский. Вы вначале организовали связь, а потом?

Крестинский. А потом она переросла в преступную связь.

Вышинский. Значит, перешла в преступную связь?

Крестинский. Да, с 1922 года — в преступную связь.

Вышинский. Садитесь.

Значит, вы, Розенгольц, с 1923 года уже связались с германской разведкой?

Розенгольц. С Сектом непосредственно.

Вышинский. Вы это разделяете?

Розенгольц. Я просто для уточнения.

Вышинский. Значит, вы, подсудимый Розенгольц, с 1923 года начали передавать шпионские сведения иностранным государствам?

Розенгольц. Правильно.

Вышинский. Продолжайте дальше.

Розенгольц. Я должен также сообщить, хотя об этом я показывал на предварительном следствии, о том, что мной в 1926 году были даны сведения Фарбману — английскому журналисту, который в то же время являлся троцкистом. Эти сведения касались внешней политики СССР. После этого в период 1932—1935 годов давал сведения приезжавшему от его имени редактору англо-русского журнала Тальботу о заказах по внешней торговле.

Теперь относительно вредительства. Я хочу отметить, что это вредительство ставило задачей помощь Германии, главным образом, и частично Японии.

Из наиболее крупных актов этого вредительства, которое, понятно, является одновременно и изменнической деятельностью, я назову заключение нефтяного договора с Германией, назову факт экспорта золотоотходов в Германию, в то время как рациональнее было бы их перерабатывать в Советском Союзе. Далее, экспорт цинковых концентратов. Авансовый экспорт, затем экспорт чугуна в Японию по удешевленным ценам и в значительном количестве в тот период, когда на рынке была острая нужда в чугуне, выдача фрахтовых ордеров с задержкой, что вызвало переплату, заключение ряда невыгодных условий в договорах,

в частности, формулировку пункта о форс-мажоре. Также задержка экспорта в Монголию, Западный Китай.

Особенно нужно отметить вредительство, вытекающее из задачи на поражение, — это задержка оборонного импорта.

Вышинский. Об этом вы более подробно расскажете в закрытом заседании. Я думаю, что сейчас не следует касаться этого вопроса.

Розенгольц. Вот, собственно, все основное.

Председательствующий. Есть у вас вопросы к обвиняемому, товарищ Прокурор?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Вышинский. Позвольте допросить Крестинского.

Председательствующий. Подсудимый Крестинский, расскажите вкратце о вашей контрреволюционной деятельности, не останавливаясь на тех моментах, которые уже освещены.

Крестинский. Я начал мою нелегальную троцкистскую деятельность в конце 1921 года, когда по предложению Троцкого я дал свое согласие на создание нелегальной троцкистской организации и на включение меня в состав ее центра, предусмотренного в составе: Троцкого, Пятакова, Серебрякова, Преображенского и меня, Крестинского. Это предложение Троцкий сделал мне сейчас же после X съезда. Тогда я это отверг, потому что мне казалось, что разногласия мои с партией носят эпизодический характер и что я смогу по возвращении из моего летнего отпуска для лечения продолжать партийную работу, не чувствуя себя ограниченным в правах, и что у меня никаких оснований и побуждений для какой-либо деятельности совместно с Троцким не было. Но когда во время моего заграничного лечения выяснилось, что я получил назначение в Берлин, и после моего приезда просьба моя об отмене этого назначения была отклонена, Троцкий стал мне говорить, что это назначение вызывается не деловыми соображениями, что я для заграничной работы не гожусь, языка не знаю, заграницы не знаю, что это является шагом отстранить меня навсегда от партийной работы. В результате такого рода систематической, в течение пары недель, обработки меня, я дал свое согласие на вступление в эту организацию, что было явным нарушением как партийного устава, так и специального постановления X съезда о запрещении группировок. Это было преступление еще внутрипартийного характера, которое не повлекло бы за собою для меня, в случае моего рассказа об этом партийному руководству, тяжелых последствий. Годом позднее я совершил преступление — это именно то, о чем я рассказывал во время допроса подсудимого Розенгольца, — мое соглашение по поручению Троцкого с генералом Сектом, с рейхсвером в его лице о финансировании троцкистской организации в обмен на те услуги шпионско-разведывательного характера, которые мы при этом брались оказывать рейхсверу. Тогда, когда Троцкий давал мне это поручение, я главным образом из большого опасения, не страха, а, так сказать, некоторого внутреннего содрогания, отнесся к этому предложению, указав, что это является

шпионажем и изменой отечеству. Но Троцкий аргументировал тем, что наша внешнеполитическая линия с Германией того периода совпадает, что Германия разрушена войной и во всяком случае, ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении к Франции, Англии и Польше, исключено на ближайшее время столкновение ее с Советским Союзом, или в то время Советской Россией, что поэтому можно пойти на это дело без того, чтобы совершать фактически тяжелое преступление. В своем фракционном озлоблении я себя дал убедить этими несерьезными, детскими аргументами. Соглашение было заключено.

Вышинский. Эти аргументы — скорее не детские, а изменнические.

Крестинский. Детские — с точки зрения их неубедительности, с точки зрения их пустоты и легкости, даже для ребенка, опровергнуть эти аргументы.

Вышинский. Но вы ведь не ребенок.

Крестинский. Вот я и говорю, что хотя это были аргументы, которые даже для юноши, для ребенка были бы неубедительными, тем не менее я дал себя убедить этими аргументами.

Вышинский. Почему вы дали себя убедить?

Крестинский. Я уже сказал: во фракционном озлоблении, в стремлении к борьбе с руководством.

Вышинский. Может быть, вас не особенно надо было убеждать?

Крестинский. Я уже сказал, что первые возражения я привел по традиции, по внутреннему, не зависящему от ума побуждению. Это была у меня репульсивная эмоция, не сознательная, но я ее подчинил разуму...

Вышинский. Троцкистскому разуму?

Крестинский. Да, троцкистскому разуму, давши убедить себя этими троцкистскими изменническими аргументами. С 1923 года соглашение с Сектом приводилось в исполнение, главным образом, в Москве, иногда в Берлине. Но поскольку я был человеком, заключившим это соглашение, поскольку я его иногда выполнял и поскольку я был членом той организации, от имени которой это соглашение было заключено, то, конечно, всю политическую ответственность и за те акты, которые были сделаны в Москве, я, естественно, полностью несу. Это соглашение не осталось в неизменном виде. В 1926 году рейхсвер поставил вопрос об отказе от этого соглашения. Я думаю, что это был тактический шаг для того, чтобы поставить нам повышенные требования...

Вышинский. Кому «нам»?

Крестинский. Троцкистам. Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты...

Вышинский. Привыкли к получению денег от иностранных разведок?

Крестинский. Да. Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее...

Вышинский. На что «прочее»?

Крестинский. На разъезды, на агитаторов, содержание некоторых профессионалов в тех или других странах...

Вышинский. На организацию шпионажа?

Крестинский. В тот период, я думаю, на организацию шпионажа, возможно, деньги не нужны были.

Вышинский. Розенгольц передавал шпионские сведения в 1923 году. Почему же деньги не нужны были?

Крестинский. Для этого ему не надо было тратить деньги.

Вышинский. Ему — нет, но кому-нибудь, может быть, надо было. Ведь ваша троцкистская организация тогда уже шпионажем занималась?

Крестинский. Да, но деньги, которые получались, шли не на «издержки производства», а шли на...

Вышинский. Вы не можете ручаться, что шли деньги на это или не шли.

Крестинский. Не могу. Вероятно, Троцкий получал эти сведения в бесплатном порядке от троцкистов, сидевших в разных учреждениях.

Вышинский. Почему, если здесь сидели Розенгольц и Крестинский, то там не могли сидеть свои Розенгольцы и Крестинские, которым тоже нужны были 250 тысяч марок? Словом, можно сказать, что деньги шли на всякого рода троцкистские, преступные цели?

Крестинский. И в 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством, как в Москве, так и у братских партий, отказ от этих денег мог бы подрезать борьбу троцкистов. И поэтому, когда Сект предупредил, что он предполагает прекратить это субсидирование, я, естественно, поставил вопрос — на каких условиях он согласился бы продолжить соглашение. Тогда он выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть, главным образом, требования концессий и заключения другого рода договоров.

После запроса Троцкого — я не помню, было ли это в начале лета, когда Троцкий находился на лечении в Берлине, или это было позднее — и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения.

Вышинский. Таким образом, деньги продолжали к вам поступать?

Крестинский. Да, деньги продолжали поступать.

Вышинский. Не скажете ли вы, сколько было всего получено денег?

Крестинский. Начиная с 1923 по 1930 год мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валюты.

Вышинский. Это составит, примерно, 2 миллиона золотых марок за эти годы?

Крестинский. Да, примерно, 2 миллиона золотых марок.

Вышинский. Это то, что вам известно?

Крестинский. Да, это то, что мне известно.

Вышинский. Это соглашение, заключенное с 1923 года, действовало до 1930 года?

Крестинский. Через меня до 1930 года. До конца 1927 года выполнение этого соглашения шло, главным образом, в Москве. Затем с конца 1927 года почти до конца 1928 года, в течение, примерно, 10 месяцев, был перерыв в получении денег, потому что после разгрома троцкизма я был изолирован, не знал планов Троцкого, не получал от него никакой информации и указаний, и поэтому при получении денег я бы не знал, что с ними делать. С другой стороны, и у немецкой стороны не было побуждений меня торопить, потому что они понимали мое тогдашнее положение, читали в газетах о моем отходе, понимали, что за мной, вероятно, идет наблюдение и что по всем видимостям у меня никаких интересующих их сведений нет. Так продолжалось до октября 1928 года, когда я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо, переданное мне Райхом.

Вышинский. Райхом-Иогансоном?

Крестинский. Нет, это совсем другой человек. Райх-Иогансон был человек Бессонова, с которым он держал связь.

В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову или французским друзьям Троцкого, то есть Росмеру, Мадлене Паз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов. Но с его преемниками у меня не было контакта, и я к ним не стал обращаться. Я обратился к Секту, рассказал ему, что прервалась связь в Москве, я имею определенные указания, и просил его оказать мне содействие в этом деле. Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги он получил.

Вышинский. А кто такой этот Гаммерштейн?

Крестинский. Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 года стал командующим рейхсвером. Сект получил эти деньги, и я к нему зашел — не помню, тогда ли или после, — но я зашел к нему. При нашем свидании он завел со мной, не говоря о нашей обязанности сообщать шпионские сведения, политическую беседу на международные темы с тем, чтобы получить от меня некоторую информацию. Не помню, какой именно разговор был тогда, но раньше, когда я с ним встречался, я ему сообщал относительно переговоров Довгалевского с французами относительно готовившегося тогда соглашения, и об этом я его поставил в курс до того, как это было опубликовано. Затем я сообщил о переговорах Любимова с Муссолини или с помощниками Муссолини о торговом соглашении, о кредитной сделке, опять-таки до того и в более полной форме, чем

это было впоследствии опубликовано. В этот первый визит я не помню, о чем мы говорили. Небольшую информацию секретного характера я ему дал.

Вышинский. Деньги он уплатил?

Крестинский. Да, деньги он дал.

Вышинский. Он знал, за что дает?

Крестинский. Знал. Но я повел беседу так, чтобы не было разговора специально на эту тему.

Вышинский. Но раньше, до этого разговор был? Раньше вы с ним о деньгах уславливались?

Крестинский. Конечно.

До получения денег ко мне позвонил Маслов и эзоповским языком спросил, не был ли у меня кто-нибудь и нет ли чего-нибудь для передачи ему. Я к Маслову относился отрицательно, считая его непринципиальным. Я его не любил не за те или другие его троцкистские или изменнические настроения, а считал его человеком в этих вопросах непринципиальным.

Вышинский. В каких вопросах?

Крестинский. В троцкистских.

Вышинский. А вы считаете себя человеком принципиальным?

Крестинский. Ну, я был троцкистом, а он мог быть сегодня троцкистом, завтра отойти от троцкизма, затем опять становился троцкистом...

Вышинский. Троцкистом вы были всегда?

Крестинский. Я все-таки придерживался более или менее постоянной точки зрения. У меня были некоторые разногласия, были колебания...

Вышинский. Но троцкистом всегда были?

Крестинский. Да, у меня в троцкистских рядах с Троцким были некоторые разногласия, некоторые колебания, но эту троцкистскую линию я вел все время.

Вышинский. Троцкистом вы были всегда?

Крестинский. Да. Маслову я сказал, что для него у меня нет денег, а есть для Росмера и Мадлены Паз. Через десять дней он позвонил и сказал, что приехала Мадлена Паз, сказал, что она остановилась в отеле «Эксцельсиор». Там у меня с ней состоялось свидание и я передал ей деньги. И так продолжалось до осени 1930 года. Когда я уезжал из Германии, я наметил два варианта: первый вариант — связать с Сектом Седова, с которым у меня уже к моменту отъезда была встреча и установился контакт, или же связать Путна, незадолго до моего отъезда назначенного военным атташе в Берлине, о котором я знал от Смирнова, что он был троцкистом, и о котором я думал, что он троцкистом является и сейчас, но с которым я не мог разговаривать о передаче денег от Секта ему. Я дал знать Седову, чтобы он постарался приехать в Берлин до моего отъезда, а Секту сказал, что к нему от моего имени или от имени Троцкого зайдет кто-нибудь. Если зайдет Седов или Путна, то он может не требовать от них никакой письменной рекомендации и легализации и смело иметь с ними дело. Если же зайдет кто-нибудь третий, то тогда должно быть письмо от Троцкого или записка от меня. На этом

мы договорились. Седов не приехал до моего отъезда, и я уехал, не связавши с Сектом никого и предоставив, чтобы это произошло после моего отъезда, когда Седов явится. Я оставил Якубовичу, второму советнику полпредства, который был моим помощником по троцкистским делам, указание — направить Седова к Секту. Седов не попал к Секту. А в 1931 году, когда Пятаков поехал в Берлин заканчивать кредитное соглашение и выдавать заказы, с ним ехал и И. Н. Смирнов. Тогда я сообщил Пятакову о соглашении, которое было между мной и Сектом, и предложил ему выяснить и, если Путна является членом нашей организации, включить его в это дело. Пятаков сказал, что сделает это дело, и при возвращении сказал, что дело сделано и что Путна эту связь принял и поддерживает. Так что я больше к денежным делам отношения не имел, они перешли к Путна, а потом непосредственно к Троцкому и Седову, и переросли потом в более крупное соглашение. Теперь скажу о своих встречах...

Вышинский. Поскольку вы заканчиваете этот период вашей преступной деятельности, я хочу уточнить один вопрос. Вы говорите, что зимой 1921—1922 года у вас возникли эти расчеты на германский рейхсвер?

Крестинский. Планы на использование германского рейхсвера в преступных, троцкистских целях возникли весной 1922 года.

Вышинский. Контакт с Сектом у вашей троцкистской организации имел место даже до 1921 года?

Крестинский. Там был контакт с ним, о котором я не хочу говорить в открытом заседании. Это был контакт одного из членов нашей организации, тогда еще не члена нашей организации, и он носил характер не троцкистский.

Вышинский. Позвольте, позвольте, мы всего не будем говорить в открытом заседании, но кое-что можно сказать сейчас. Во-первых, кто такой был Копп?

Крестинский. Копп был вообще старый меньшевик.

Вышинский. В каких отношениях он стоял к Троцкому?

Крестинский. Он с Троцким еще в период довоенный, дореволюционный находился в добрых отношениях, в деловых и личных.

Вышинский. А в партийных?

Крестинский. Когда я говорю в деловых, я говорю о партийных его, в то время меньшевистских, делах.

Вышинский. Значит, он был связан с Троцким по меньшевизму и по троцкизму?

Крестинский. Если считать...

Вышинский. Мы все знаем, что можно считать.

Крестинский. Был ли он троцкистом формации довоенной, я это просто не знаю.

Вышинский. Я не спрашиваю о формации, я спрашиваю вас, кто такой был Копп? Был ли он тогда ближайшим человеком к Троцкому?

Крестинский. Он был близким человеком к Троцкому.

Вышинский. Как меньшевик?

Крестинский. Как меньшевик.

Вышинский. Как разделявший троцкистские взгляды?

Крестинский. Я думаю, что он был больше меньшевиком, чем троцкистом.

Вышинский. А я думаю, что Троцкий был больше меньшевиком, чем троцкистом. Хорошо, значит, у нас разноречий нет.

Крестинский. Разноречий нет.

Вышинский. У вас с Троцким и Коппом был разговор о том, чтобы достать средства для конспиративной троцкистской работы?

Крестинский. Этот разговор был весной 1922 года.

Вышинский. Значит, Копп занимался троцкистской конспиративной работой?

Крестинский. Да, да.

Вышинский. Значит, можно говорить, что Копп был троцкистом?

Крестинский. Но не в тот период, о котором вы говорили.

Вышинский. А до этого периода он был меньшевиком, связанным с Троцким. Я разницы здесь не вижу. Это для Истпарта.

Крестинский. Нет, но...

Вышинский. Вы говорите так, что в июле 1920 года по вопросу, о котором вы, очевидно, не думаете здесь говорить, а скажете в закрытом заседании, этот самый Копп наладил контакт с Сектом.

Крестинский. Сект обратился к Коппу.

Вышинский. Копп был тогда уполномоченным Красного Креста по эвакуации военнопленных, какое ему дело до Секта?

Крестинский. В то время он был в Берлине фактически неофициальным нашим полпредом.

Вышинский. Вашим или не вашим, в этом потом разберемся. Но Копп, когда был уполномоченным Красного Креста в 1920 году, у него был контакт с генералом Сектом. Правильно это?

Крестинский. Да.

Вышинский. Я делаю из этого вывод, что не только в 1921 и 1922 годах, но это уже было в 1920 году, Троцкий через Коппа прощупывал и нашел дорогу к Секту.

Крестинский. Подробностей этого я не знаю, тогда были официальные встречи.

Вышинский. Такой вывод естественен?

Крестинский. Мне известна другая сторона этого вопроса, чисто официальная.

Вышинский. Вам известна чисто официальная сторона, а вопрос о денежных средствах — это официальная сторона?

Крестинский. Официальная.

Вышинский. Вопрос о денежных средствах на троцкистские цели от германского рейхсвера, — это официальная сторона или нет?

Крестинский. Это секретная троцкистская сторона, преступная вещь.

Вышинский. Которая приходится на 1921—1922 годы?

Крестинский. На 1922 год.

Вышинский. Вы говорите, что зимой 1921 года были уже встречи и разговоры об этом с генералом Сектом?

Крестинский. Не об этом.

Вышинский. Позвольте огласить следующее место в томе 3, лист 13-й оборот: «во время этих разговоров стал вопрос о денежных средствах для конспиративной троцкистской работы... Этот вопрос о денежных средствах поднял Троцкий...».

Крестинский. Верно.

Вышинский. «...у которого были какие-то затруднения в использовании для конспиративных троцкистских целей аппаратных средств. Тогда Копп предложил сделать попытку получить необходимые средства от германского рейхсвера. Этому способствовало следующее обстоятельство. Еще в июне 1920 года...» и так далее.

«Контакт между Коппом и генералом Сектом был уже, таким образом, установлен...»

Это показание обвиняемого Крестинского от 9 июня 1937 года. Обвиняемый Крестинский, вы это подтверждаете?

Крестинский. Да, да, вполне, но несколькими строками раньше говорится о том, что этот разговор между мною, Троцким и Коппом происходил во время моего приезда на XI съезд.

Вышинский. Но этому предшествовал разговор Коппа с Сектом в 1920 году, который вы здесь хотите изобразить как контакт официальный. Я считаю, что это есть уже первый момент вашей троцкистской изменнической связи, с использованием вашего официального положения, с генералом Сектом. Это вы подтверждаете?

Крестинский. Да, да.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, у вас в этой части вопросов нет?

Вышинский. Нет. Подсудимый Крестинский, продолжайте.

Крестинский. В 1929 году осенью, кажется в сентябре, когда я находился в отпуску на юге Германии, в Киссингене, ко мне по телефону позвонил из Берлина Якубович и сообщил, это было сказано эзоповским языком, что сын Троцкого хочет меня повидать по поручению отца. Я предложил ему приехать в Киссинген. На другой день или через день приехали Седов и Якубович. Они остановились в разных гостиницах. Седов остановился в гостинице «Энглишер Гоф», которая не посещалась советскими гражданами. В этой гостинице состоялось свидание.

Так как Розенгольц говорил об этом в общих, суммарных чертах, я скажу более подробно о той информации и указаниях, которые получил. Информация Седова заключалась в том, что Троцкий советует высланным и исключенным троцкистам подавать заявления о том, что они отказываются от оппозиционной борьбы и о принятии их обратно в партию. В частности, он сообщил, что с Пятаковым и Радеком я могу откровенно разговаривать, хотя Пятаков подавал заявление об отходе от троцкизма в 1928 году, а Радек, — кажется, в 1929 году, и указал, что они остаются сторонниками троцкизма.

Далее он сказал, что необходимо отказаться от работы в мас-

сах. До сих пор работа троцкистов ориентировалась на то, чтобы завоевывать массы и притти, что ли, к власти в партии, а потом в Советском Союзе, при помощи широкой массовой работы, приобрести сторонников. Сейчас Троцкий считает, что это, во-первых, утопично, да, наконец, и невозможно, поскольку он предлагает вернуться обманным путем в партию и законспирироваться. Нельзя же одновременно законспирироваться и выдавать себя за честных, верных партии людей и в то же время вести работу среди масс по привлечению их в ряды троцкистов. Нужно озаботиться о том, чтобы сохранить организационный костяк; чтобы эти люди проникали в партийные и советские организации и старались занять там более или менее самостоятельные, ответственные посты, чтобы велась работа в строго законспирированном виде по привлечению новых сторонников из числа надежных людей в единичном порядке для увеличения и укрепления кадрового костяка.

Вопрос о том, когда и каким образом будут использованы эти кадры для прихода к власти в партии и в Советском государстве, — этот вопрос тогда еще не ставился. Когда Розенгольц говорил, что он передавал о свидании, он сказал, что основа свидания заключалась в том, чтобы ему и мне занять ответственные посты и строго законспирироваться. Но не совсем так. Директива относилась к тому, чтобы проникать в партию, на ответственные посты, она относилась ко всем, а не только к нам.

Вышинский. Я не совсем понял вас. Эта директива относилась не только к вам, вы говорите?

Крестинский. Не только к нам двоим, но и ко всем.

Вышинский. Но и к вам?

Крестинский. Я говорю более широко. Она не ограничивала нас тем, чтобы законспирироваться и ждать. Я должен был продолжать отношения с рейхсвером по получению денег и по передаче информации, и я должен был наладить связь между Троцким и его уполномоченными в Европе и троцкистами в Советском Союзе. По отношению к Розенгольцу действительно никаких конкретных заданий по какой-либо его работе, кроме того, чтобы занять какой-нибудь пост, не давалось. Мне было поручено передать об этом разговоре Пятакову и Розенгольцу. Я передал Пятакову в тот же год, в конце моего отпуска. Розенгольцу я передал об этом в начале 1930 года. Затем я переехал через год, в первых числах октября 1930 года, в Москву на постоянную работу в качестве заместителя наркома иностранных дел. Как я поступил с этой связью с рейхсвером, я уже сказал. Она в общем перешла при помощи Пятакова и Смирнова в руки Путна.

Связь с Троцким была установлена следующим образом.

В Берлине еще год приблизительно после моего отъезда оставался Якубович, и мы договорились с ним, что он будет получать от меня в дипломатической почте письма, если будет нужно, для переотправки Троцкому; а он во время свидания с Седовым договаривался о тех парижских адресах, по которым он будет пересылать эти письма.

Кроме того, так как у меня установилась в то время связь

с другим работником полпредства — Штерном, который питал троцкистские симпатии, — я договорился с ним, что если Якубович будет уезжать из Берлина раньше его, Штерна, то я прошу Штерна от Якубовича эти мои поручения и задания перенять, что и было сделано, потому что когда Якубович в 1931 году уезжал, а Штерн оставался до 1932 года, то и парижские адреса и сообщения о связи с Троцким через Париж Якубович Штерну передал полностью, его в этом отношении информировал. До 1933 года в Москве я действительно другой работы не должен был вести. Я на это дело не соглашался. Но когда в ходе дел чувствовалась потребность в информации о событиях в Советском Союзе, в такой информации, которая не оглашалась в советской печати и не попадала через иностранных корреспондентов в нормальном порядке за границу, я по нашим троцкистским соображениям, и кроме того Радек обратился ко мне, я через некоторых моих наркоминдельских работников отдела печати наладил снабжение некоторых иностранных корреспондентов секретной информацией.

Вышинский. Кого именно из иностранных корреспондентов?

Крестинский. Я не называю вам фамилии, потому что сам Миронов, который это дело вел, мне не называл точно этих имен. Я не хотел бы догадываться.

Вышинский. У нас в обвинительном заключении фигурирует фамилия Шефера.

Крестинский. Шефер — это другое дело. Шефер уехал из Германии после моего отъезда и не он имелся здесь в виду.

Вышинский. А его не снабжали через других?

Крестинский. Это я затрудняюсь вам сказать. Он уехал в Америку.

Вышинский. Это уже не имеет значения.

Крестинский. Это я затрудняюсь сказать.

Вышинский. Кого-нибудь назовите из инкоров. Интересно знать, кого вы снабжали?

Крестинский. Имелись в виду немецкие корреспонденты.

Вышинский. А фамилии их?

Крестинский. Фамилии их я не хочу называть. Некоторых мне называли, но они не назывались открыто.

Вышинский. Председатель нас предупредил, обе стороны, что мы не можем называть фамилии и имена официальных представителей иностранных государств. Инкоры к этой категории не принадлежат.

Крестинский. Конечно. Поскольку Миронов не называл мне фамилий, а только говорил, то я догадывался.

Вышинский. Вы фамилии их знаете?

Крестинский. Догадываюсь, предполагаю.

Вышинский. Что вы предполагаете?

Крестинский. Предполагаю, что это был Баум, предполагаю, что это был Юст, что это были Гюнтер, Штейн и Вильям Штейн, потому что с ними Миронов был тесно связан по своей служебной работе и в личных отношениях.

Вышинский. А вы с ними были связаны?

Крестинский. Я с ними был связан официально.

Вышинский. Но вы организовали эту связь?

Крестинский. Я организовал передачу Мироновым сведений иностранным корреспондентам.

Вышинский. Таких сведений, которые было интересно публиковать в троцкистских целях?

Крестинский. Да.

Вышинский. Вы — организатор этого дела?

Крестинский. Да. Я уже сказал, что, конечно, я полную ответственность за это дело несу. Я лишь отмечаю, что я сам непосредственно связан с ними не был.

Вышинский. Я не говорю о непосредственной связи. Тут было известное разделение труда: вы — организатор, он — исполнитель, а они — ваши соучастники?

Крестинский. Конечно.

Вышинский. Таким образом, для осуществления шпионских связей вы привлекли кое-каких инкоров? Правильно это?

Крестинский. Да. Я через Пятакова, отчасти через Радека был несколько в курсе общей работы и интересовался проблемами работы. До 1929 года положение представлялось следующим образом: получались деньги, скажем, от рейхсвера; деньги эти тратились на массовую работу...

Вышинский. На какую массовую работу?

Крестинский. Троцкистскую работу. И теоретически можно было предполагать, что благодаря этой массовой работе троцкисты приходят к власти в партии и в государстве...

Вышинский. Как это «приходят»?

Крестинский. Была перспектива в тот период — до 1929 года: не путем заговоров, не путем восстаний, а путем приобретения влияния на массы, при использовании иностранных денег троцкисты придут к власти. Такова была концепция до 1929 года. Но после 1929 года, когда от массовой работы отказались, эта концепция отпала, а новая концепция не была додумана, не была поставлена. Есть деньги, есть кадры, кадры эти сохраняются и понемножку расширяются, а как эти кадры и их руководитель Троцкий придут к власти — вопрос оставался нерешенным. Через Ивана Никитича Смирнова, и в начале 1933 года через Радека — получается указание о терроре, о вредительской деятельности. Но террор и вредительская деятельность это есть сопутствующие методы, а не методы захвата власти, террор это есть...

Вышинский. Мы же знаем, что такое террор...

Крестинский. Я хочу сказать, какое он имеет значение политическое...

Вышинский. Это мы знаем.

Крестинский. При помощи террора можно убить того или иного человека, дезорганизовать в некоторой степени власть, но нельзя власть захватить в свои руки.

Вышинский. А как можно ее захватить?

Крестинский. Это — вопрос, который стоял, и мы у себя в маленьких разговорах с Пятаковым думали, говорили, что без по-

мощи извне, то есть без интервенции, без вооруженной помощи со стороны не обойтись, и когда я ехал за границу...

Вышинский. Без вооруженной помощи, чьей?

Крестинский. Иностранной буржуазии, буржуазных государств. И поэтому когда я в 1933 году ехал за границу, то я намечал в разговоре с Троцким выяснить перспективу и наметить пути, потому что получалось, что работа идет вхолостую и бесперспективно. Когда я встретился с Троцким в Меране...

Вышинский. Расскажите, как была организована ваша встреча с Троцким в Меране.

Крестинский. Я был проездом несколько дней в Берлине. В Берлине сидел советником наш троцкистский человек — Бессонов, у которого связь с Троцким должна была быть, ибо, когда он в мае 1933 года уезжал в Берлин, я говорил, чтобы он эту связь установил.

Вышинский. Вы ему поручили?

Крестинский. Да, поручил установить эту связь. Дело в том, что Якубович и Штерн из Германии тогда уехали, и у меня связь порвалась. Была связь у Пятакова через его людей, которые ездили в Германию за заказами, но эта связь была нерегулярной, а поэтому требовалось установить связь через Берлинское полпредство, чтобы использовать дипломатическую почту. И это Бессонову было поручено. Я сказал ему, что надо дать знать Троцкому, что я хочу с ним повидаться.

Вышинский. Значит, Бессонов рассказывал нам здесь сущую правду?

Крестинский. Да.

Вышинский. А вы ранее пытались это отрицать?

Крестинский. Это ведь было тогда, когда я сказал, по каким соображениям я отрицал.

Вышинский. Я вас не обвиняю, я только хочу установить факт.

Крестинский. Когда в первый день я отрицал свою виновность, не будучи в состоянии публично ее признать, я, естественно, как логический вывод из этого, отрицал и то, что говорили Розенгольц и Бессонов.

Вышинский. Но согласитесь, что этим вы поставили Бессонова в положение лгуна.

Крестинский. Ну, что же, я же сам лгал. Если я ставил себя в положение лгуна, то тем легче было мне поставить других в это положение.

Вышинский. Такова ваша логика.

Крестинский. Когда я сказал, что хочу повидаться с Троцким, он ответил, что такая возможность есть, причем я сказал, что до конца сентября буду в Киссингене, а числа до 10 октября буду в Меране, и дал ему адрес киссингенской санатории, в которой я всегда останавливался, а также и адрес свой в Меране. Там я два раза останавливался в одной и той же гостинице и полагал, что эта гостиница попрежнему существует. Я сказал, что найти меня по этому адресу (а ехал я под своим настоящим именем) будет нетрудно.

Я еще был в Киссингене, когда мне позвонил Бессонов по те-

лефону и сообщил, что встреча состоится в Мегане, а я в это время получил подтверждение, что гостиница, в которой я останавливался за 8 лет перед этим, существует, это отель «Бавария». Троцкий приехал в Меран около 10 октября вместе с Седовым. Райх, как говорил Бессонов, с ним не приезжал, по крайней мере я этого не слышал, а видел только отца и сына.

Вышинский. А духа святого?

Крестинский. Не видел. Дух святой...

Вышинский. Витал над вами?

Крестинский. Или остался в Париже, если этого Райха можно считать святым духом.

Приехал Троцкий, как он мне говорил, под чужим французским паспортом и приехал тем маршрутом, о котором говорил Бессонов, то есть через франко-итальянскую границу, а не через Швейцарию и Германию. Для Троцкого вопросы, о которых мы думали в Москве, были бесповоротно решены, и он сам перешел к изложению своих указаний по этому поводу. Он сказал, что поскольку мы с 1929 года перешли к организации заговорщического типа, постольку, естественно, захват власти может быть осуществлен только силой. Но наша заговорщическая организация никакого переворота сама произвести не может. Необходимо по этому поводу прямое соглашение с какой-нибудь буржуазной страной. Он отметил, что зачаточным соглашением такого рода является наше соглашение с рейхсвером, но это соглашение ни в какой мере не удовлетворяет ни троцкистов, ни немецкую сторону по двум причинам. Во-первых, нашим контрагентом в этом деле является только рейхсвер, а не германское правительство в целом. Если рейхсвер при прежних правительствах играл решающую роль и можно было считаться с ним, как с правительством в целом, то с приходом к власти Гитлера и стремлением Гитлера подчинить себе рейхсвер и с некоторой настороженностью в отношениях со стороны некоторых руководителей рейхсвера к проникновению Гитлера в рейхсвер нельзя идентифицировать германское правительство с рейхсвером, и надо постараться, чтобы нашим контрагентом стал не только рейхсвер, но и германское правительство в целом. Это первое.

Второе. В чем сущность соглашения с рейхсвером? Мы получаем небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза. А нам нужны не 250 тысяч золотых марок, нам нужны германские вооруженные силы для того, чтобы при их помощи притти к власти, и в этом направлении нужно вести работу. Эта работа есть изменническое соглашение с иностранным правительством об использовании вооруженных иностранных сил для победы над Красной Армией и для открытия пути к власти троцкистам. Но ведь если даже произойдет нападение, скажем Германии на Советский Союз, это еще не даст возможности захватить

аппарат власти, если у нас не будут в этом направлении подготовлены известные внутренние силы, а троцкисты, как таковые, недостаточно многочисленны и сильны, чтобы такую организацию одним создать. Необходимо иметь оплот и в городе и в деревне, у мелкой буржуазии и у кулаков, а там связь имеют, главным образом, правые. Необходимо иметь, наконец, опору, организацию в Красной Армии, среди командиров, чтобы соединенными усилиями в нужный момент захватить важнейшие пункты и притти к власти, заменить нынешнее правительство, которое должно быть арестовано, и посадить на его место свое собственное правительство, заранее подготовленное.

Из этого вытекало: первая установка была на соглашение с иностранными правительствами, вторая — на создание в Советском Союзе объединенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков.

Говоря о правых, о необходимости организационно связаться с ними, Троцкий говорил, что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, так как хотя они и признанные вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометированы и под надзором, и что надо использовать для связи Рудзутака, который в течение многих лет сидел в Советском правительстве с Рыковым в качестве его заместителя и никогда никому не было известно о каких-либо его разногласиях с партией, и поэтому надо на него обратить внимание и связаться с ним.

Что касается военных, то, говоря о них, Троцкий назвал только одно имя — имя Тухачевского, как человека бонапартистского типа, авантюриста, честолюбца, стремящегося играть не только военную, но и военно-политическую роль, который несомненно с нами пойдет.

Дальше Троцкий развил мысль о необходимости террора, вредительства и диверсий, причем диверсионные акты и террористические акты он рассматривал под углом зрения и применения их во время войны и для дезорганизации обороны, Красной Армии, для дезорганизации правительства к моменту переворота, и в то же время эти диверсионные и террористические акты давали бы ему, Троцкому, большую устойчивость и уверенность в переговорах с иностранными правительствами, ибо он мог бы ссылаться на то, что его сторонники в Советском Союзе и достаточно сильны и достаточно активны.

Он брал на себя переговоры с немцами. Что касается японцев, о которых он говорил как о силе, с которой надо тоже договориться, то он говорил, что ему непосредственно с ними пока связаться трудно, что надо будет говорить с ними в Москве, что для этого надо использовать Сокольникова, который работает в Наркоминделе и как раз занимается восточными делами. И поскольку разговор будет происходить только с официальным лицом, и первоначальный разговор будет иметь зондирующий характер, то для начала можно ограничиться такими общими заявлениями о том, что если к власти в Советском Союзе придет правительство из блока оппозиционных группировок, то оно будет благоприятно относиться к японцам и учтет пожелания

японцев при обсуждении и разрешении с ними тех спорных вопросов, которые между Советским правительством и японским правительством существуют. Он просил меня об этих всех установках, и в частности о необходимости сноситься с японцами, снестись с Пятаковым. Кроме того, просил меня, чтобы, не ограничиваясь разговором Пятакова с Тухачевским и Рудзутаком, я тоже с ними повидался, потому что я имею возможность рассказать о непосредственном разговоре с Троцким, о непосредственном впечатлении, а это может в этом смысле оказать несколько большее влияние.

Вышинский. Извиняюсь, вы этим заканчиваете свои объяснения по своему меранскому свиданию с Троцким?

Крестинский. Этим я заканчиваю мое свидание с Троцким в Меране. При меранском свидании он обращал мое внимание на использование нескольких человек. Он говорил мне о Розенгольце...

Вышинский. Меня интересует только Розенгольц, который является подсудимым по настоящему делу. Что он говорил вам о Розенгольце?

Крестинский. О Розенгольце впервые со мной говорил Седов еще в 1925 году, прося меня передать содержание разговора Розенгольцу. А в 1933 году, — что Розенгольц до сих пор ничем не проявляет себя. Между тем Розенгольц — человек очень активный, вообще говоря, настойчивый, упорный и человек, у которого большие связи и по его военной работе, и по партийной работе, по фронтовой работе с разнообразными кругами бывших троцкистов и вообще с широкими кругами, что он в этом отношении, в смысле знания людей, уступает только Серебрякову. Но Серебряков — человек на отшибе, не имеющий связей, а Розенгольц — человек, связанный с людьми, влиятельный человек и что нужно его активизировать в этом вопросе, привлечь к работе. И, кроме того, говорил о необходимости Розенгольцу в его ведомстве развернуть и вредительскую деятельность.

Вышинский. Об этом вы передали Розенгольцу?

Крестинский. Я передал Розенгольцу.

Председательствующий. Объявляется перерыв на полчаса.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Заседание продолжается, садитесь.

Подсудимый Крестинский, прошу только, пожалуйста, будьте короче, не касайтесь тех обстоятельств, на которые давали уже ответы.

Крестинский. Но я должен изложить последствия своих действий по возвращении из-за границы. Возвратившись, я сразу информировал о своих разговорах Пятакова и Розенгольца. Пятаков переговорил с Тухачевским и Рудзутаком. Может быть, он говорил и с другими правыми, может быть, и с Гамарником, я не знаю, но сообщил, что говорил с Тухачевским и Рудзутаком.

В феврале 1934 года я виделся и с Тухачевским и Рудзутаком, передал содержание разговора, получил от обоих принципиаль-

ное подтверждение, признание линии на соглашение с иностранными государствами на их военную помощь, на пораженческую установку, на создание внутренней объединенной организации, они заявили даже, что вопрос у них не в принципе, а в необходимости выяснить свои силы, и после этого будет дан окончательный ответ Пятакову как главному представителю троцкистской организации в СССР.

Еще до получения мною сообщения от Пятакова, что дело уже заверчено и соглашение заключено, я уже тоже начал у себя в наркомате подбирать силы и намечать, на кого я могу опираться в случае контрреволюционного переворота, хотя для меня было ясно, что переворот — это дело не ближайшего будущего и даже не ближайших одного-двух лет, раз это дело увязывалось с началом войны с Германией и, предполагалось, — одновременно с Японией, потому что Германия не выступит без Японии, они выступят вместе.

В начале 1935 года Пятаков сообщил, что договоренность есть, назвал состав центра, который я уже приводил вчера, и сообщил, что я и Розенгольц будем, не входя в состав центра, работать под его руководством, главным образом, по намечению и подготовке будущего правительственного аппарата. Это было разделение труда. Нам было указано, что по этому делу мы будем связаны с Рудзутаком от правых и Тухачевским. У меня осталось впечатление о Рудзутаке. Но Розенгольц принимал в этом активное участие, в дальнейшем передавал мне о своих свиданиях с Рыковым. Вообще Рыков и Рудзутак — от правых, Тухачевский — от военных. Тут не было такого положения, что я знаю о связях с Тухачевским, а Розенгольц не знает, но по разделению труда он взял на себя, главным образом, сношение с правыми, хотя с Рудзутаком встречался я, а с Тухачевским, главным образом, я, но и он. Он говорил о свидании в 1937 году, у меня также было впечатление, об этом я показывал на допросе, что на одном из первых свиданий на даче у Рудзутака его не было, я говорю со слов Розенгольца.

Но поскольку Розенгольц в дальнейшем на очной ставке и здесь говорил о том, что он с Тухачевским столкнулся и говорил впервые в 1937 году, а я говорил со слов Розенгольца, то, очевидно, так это и было.

Теперь относительно намечения сроков выступления. С самого момента свидания в Меране считалось непререкаемо установленным, что выступление приурочивается к началу войны и что поэтому мы самостоятельно здесь, в Союзе, сроков выступления Тухачевского устанавливать не можем и не пытались. Этот вопрос выходил за пределы компетенции моей и Розенгольца; мы были связаны с Тухачевским, Рудзутаком и Рыковым, но по вопросам высокой политики, о сроках выступления велись разговоры Пятаковым.

Поэтому до осени 1936 года, до ареста Пятакова, мне не приходилось на эти темы разговаривать ни с Тухачевским, ни с Розенгольцем, поскольку вопрос стоял вне сферы обсуждения. Мы ждали начала войны, ждали нападения.

Когда после ареста Пятакова и Радека Бессонов уезжал в Берлин, я, пользуясь его отъездом, послал устную информацию Троцкому о том, что я, по согласовании с Розенгольцем и Рудзутаком, формулирую положение так: мы считаем, что арестовано довольно много троцкистов, но тем не менее основные силы этого антисоветского соглашения — троцкисты, правые и военные заговорщики — еще не затронуты, не разгромлены, что выступление может состояться и что для этого нужно центру ускорить внешние иностранные выступления. Это было в октябре 1936 года. Но в конце ноября 1936 года на Чрезвычайном VIII Съезде Советов Тухачевский имел со мной взволнованный, серьезный разговор. Он сказал: начались провалы, и нет никакого основания думать, что на тех арестах, которые произведены, дело остановится. Очевидно пойдет дальнейший разгром троцкистов и правых. Снятие Ягоды из НКВД указывает на то, что тут не только недовольство его недостаточно активной работой в НКВД. Очевидно, здесь политическое недоверие ему, Ягоде, как Ягоде не просто бывшему народному комиссару внутренних дел, а как активному правому, участнику объединенного центра, и, может быть, до этого докопаются. А если докопаются до этого, докопаются и до военных, тогда придется ставить крест на выступления. Он делал выводы: ждать интервенции не приходится, надо действовать самим. Начинать самим — это трудно, это опасно, но зато шансы на успех имеются. Военная организация большая, подготовленная, и ему кажется, что надо действовать. Вот об этом надо просить дать ответ.

И вот он просит дать ответ от имени нашей организации, и если я могу, — чтобы ему не связываться по этому поводу с правыми, — правым это передать. Я тогда разговаривал на эту тему с Розенгольцем. С Гамарником мы тогда, кажется, не говорили. Тухачевский говорил не только от своего имени, но и от имени контрреволюционной организации военных, Гамарник был участником военной организации и участником общего центра от военных. Я поговорил с Розенгольцем, затем поговорил с Рудзутаком и пришли к выводу, что Тухачевский прав, что дело не терпит; решили запросить Троцкого. Я по таким вопросам избегал переписываться, предпочитал устную передачу. С дипломатической почтой я переслал письмо Троцкому через Бессонова. В письме речь шла о перемене установки на непременную связь между нашим внутренним выступлением и войной. Я говорил о необходимости ускорить выступление. Я в этом же письме, без согласования с Тухачевским и прочими, поставил перед Троцким и некоторые другие вопросы на случай его положительного ответа. Для меня было ясно, что придется при такого рода выступлении скрыть истинные цели переворота, обращаться к населению, к армии и к иностранным государствам. Я поставил вопрос так, что, во-первых, было бы правильно в своих обращениях к населению не говорить о том, что наше выступление направлено к свержению существующего социалистического строя. Мы шли на восстановление капиталистических

отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились.

Заявить об этом открыто советскому народу мы не смели. Я поставил перед Троцким вопрос о том, что мы выпустим соответствующие обращения к населению и армии, в которых обойдем все вопросы, связанные с истинными целями переворота, то есть будем обманывать население и выступать под личиной советских переворотчиков: свергнем плохое Советское правительство и возродим хорошее Советское правительство, что точно так же...

Вышинский. Так вы рассуждали там?

Крестинский. Так мы собирались обращаться к населению, так мы собирались говорить, но про себя мы рассуждали иначе. Затем было решено, что в обращениях к иностранным государствам мы не будем говорить о том, что мы тоже изменяем всю основу государства и что мы согласны на известные территориальные уступки, а мы в обращении к населению, к армии и в обращениях к иностранным государствам будем говорить о том, что, ведя мирную политику, уменьшая вооружение и прочее, мы, тем не менее, будем выступать на защиту границ Советского Союза и не допустим насильственного отторжения от Советского Союза тех или других частей.

В своем письме я запрашивал мнение Троцкого по вопросу о роспуске совхозов и колхозов. Мне казалось, что колхозная форма себя хозяйственно, с точки зрения производительности труда, оправдала в глазах колхозных крестьян, я думал, что лучше на время сохранить эту форму, изменивши несколько взаимоотношения внутри колхоза, чтобы дать там возможность выделяться верхушке. Поэтому я полагал, что во всяком случае нам не следует резко выступать по этому вопросу.

Это письмо Бессонов переправил Троцкому, который находился тогда еще в Норвегии. У меня тогда было представление, что Бессонов это сделал, вызвавши к себе Седова, но, как оказывается, он послал письмо через Райха-Иогансона, и на это письмо был получен ответ. Троцкий отвечал, что он согласен.

Вышинский. Когда получили ответ?

Крестинский. Ответ этот, вероятно, был в конце декабря или в начале января. Мне трудно сейчас сказать точно дату. Разговоры у нас были в ноябре на Съезде, послал я письмо в начале декабря, ответ, повидимому, был в конце декабря, а может быть в начале января...

Вышинский. А может быть в средине декабря?

Крестинский. Нет, в средине декабря не могло быть по срокам: пока письмо пошло в Норвегию, пока получился ответ... Оказалось, что Троцкий по своей инициативе поставил вопрос об ускорении выступления и послал это указание в письме на имя Розенгольца — иным, окольным путем. Розенгольц получил это письмо приблизительно в то же время или несколько позднее (кажется, через Шостака). И вот, после получения этого ответа и началась более непосредственная подготовка выступления, — Тухачевскому были развязаны руки, ему дана была карт-бланш—

к этому делу приступать непосредственно. Примерно к началу февраля относится оформление вступления в центр Розенгольца и меня. В ноябре Розенгольцу, мне и Гамарнику пришлось взять на себя руководство троцкистской организацией. Пятакова уже не было, Радека тоже. Нам пришлось вести разговоры с Тухачевским и Рудзутаком, никому не докладывая это по троцкистской линии; так как над нами не было вышестоящих, дающих нам указания, руководящих нами людей, нам пришлось переписываться непосредственно с Троцким, а уже не через Пятакова, как это делалось прежде, при жизни Пятакова. А раз это так, то мы сказали Рудзутаку, что отныне пускай он считается с нами, как основными представителями троцкистов, и числит нас в этом не собирающемся в полном составе, но существующем центре. Тухачевского в этот момент, в феврале, не было — он находился в отпуску в Сочи. Уезжая в отпуск, он своим единомышленникам и помощникам по военной линии дал указание,— приготовиться; затем у нас состоялось совещание на квартире у Розенгольца, о котором Розенгольц рассказывал. Я повторять сущности не буду, потому что Розенгольц довольно подробно это передал. На этом совещании был намечен срок выступления — вторая половина мая. Но в самом начале мая выяснилось, что Тухачевский не едет в Лондон. К этому времени вернулся из Средней Азии Рудзутак. После возвращения Рудзутака и после выяснения того, что Тухачевский в Лондон не едет, он заявил, что может произвести это выступление в первой половине мая. С 1935 года у меня была связь с тремя ответственными работниками московской партийной организации, которые были скрытыми троцкистами,— Постоловским, Фурером и Корытным, которые занимались тем, что они проводили на московские областные и городские ответственные должности скрытых троцкистов, держали контакт с партией в московском масштабе и знали от меня, что может наступить момент, когда понадобится определенное выдвижение людей и для центрального аппарата.

Я связался с ними, сказал, что близится выступление и необходимо поэтому, чтобы они наметили списки людей в Москве, которых нужно будет арестовать и снять с постов в момент выступления, и списки людей, которых можно будет назначить на эти освободившиеся места. Так как в то время в Москве проходила целая серия московских районных конференций и различного рода передвижения, было установлено, что, примерно, к 12 мая соответствующие списки я могу получить. Но в первых числах мая начался разгром контрреволюционной организации, были опубликованы передвижения в военном ведомстве, снят Гамарник с поста первого заместителя наркома, Тухачевский с поста второго заместителя наркома, Тухачевский переведен в Самару, Якир из Киева, Уборевич из Белоруссии, арестованы Корк и Эйдеман. Стало ясно, что выступление становится невозможным, так что вопрос о том, чтобы переворот произошел в половине мая, стал явно недискутабельным.

Я стал готовиться к аресту, говорил с Розенгольцем. Розенгольц не ждал своего провала и брал на себя продолжение сно-

шений с Троцким. Москвичей я тоже предупредил о том, что на случай моего провала нужно связываться с Розенгольцем. Через несколько дней после этого я был арестован.

Я хочу немного дополнить свои показания. Я не говорил о сношениях с Троцким после моего возвращения из-за границы. Эти сношения поддерживались через Берлин и через Бессонова и только после того, как Троцкий переехал в Осло, через нашего полпреда в Осло, Якубовича, фамилию которого я называл, как посредника в моей встрече с Седовым в 1929 году.

Осенью 1935 года Троцкий через Якубовича бросал нам всем упрек в недостаточной активности. Тут речь шла не об активности в смысле ускорения переворота, ибо это было связано с внешними обстоятельствами и началом войны, а в смысле развертывания террористической и диверсионной деятельности. Это я передал всем руководящим товарищам.

Затем Пятаков был за границей и через Бессонова шло значительное количество писем. Шло немало писем и от Пятакова, которые передавались, главным образом, через Бессонова, иногда через Якубовича, и когда этот последний зимой 1935 года уезжал, через него было передано о том положении, которое мы испытывали. Через Бессонова я передавал в 1934 году о результатах моих разговоров с Розенгольцем, Рудзутаком и Тухачевским. Через Бессонова я передавал о том, что сформирован комитет в 1935 году, хотя, вероятно, об этом раньше меня говорил Пятаков, но я тоже считал своим долгом сообщить это.

Вопрос в отношении террористической деятельности. Розенгольц здесь правду говорил о том, что это дело было централизовано, что им занимался Смирнов. Вскоре он был арестован и этим делом стал заниматься Мрачковский. Потом эти вопросы перешли к Пятакову, но когда не стало Пятакова и когда это дело стало безначальным, за него взялся Гамарник.

Во время свидания с Тухачевским последний настаивал на том, чтобы до контрреволюционного выступления были совершены некоторые террористические акты. У нас с Розенгольцем были сомнения не принципиального характера, а сомнения характера политической целесообразности.

Мы думали, что эти террористические акты до переворота могут создать менее благоприятную обстановку для выступления, настороженность и правительства, и рабочих масс, и Красной Армии, что, кроме того, в результате того или иного террористического акта могут последовать радикальные репрессии против многих арестованных, а мы на них рассчитывали как на свои кадры. Если во время переворота будет захвачено здание НКВД и тюрьмы, мы рассчитывали, что можем получить целый ряд ответственных людей, в первую очередь Пятакова, которые могут быть использованы для руководящей работы. Поскольку Тухачевский настаивал на террористических актах, прежде всего в отношении Молотова и Ворошилова, мы дали свое согласие, заявили ему, что террористы-исполнители будут ему даны. Гамарник, который по этому вопросу был человеком в двух лицах — он действовал одновременно и от военной организации,

и от нашей организации, — сказал нам, что у него тоже намечены кадровики исполнителей террористических актов.

Вот, мне кажется, все, что я могу рассказать о своей деятельности и деятельности связанных со мной людей по террористическому подполью, по заговорщической и изменнической работе.

Вышинский. После всех ваших колебаний и противоречивых заявлений, которые были здесь на суде сделаны, вы теперь признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Крестинский. Да, признаю.

Вышинский. Вы признаете, что в течение всей нашей революции вы были одним из активнейших и ближайших участников троцкистской организации?

Крестинский. Не на протяжении всей революции, а с 1921 года.

Вышинский. Вы признаете себя виновным в том, что вы с 1921 года систематически передавали шпионские сведения германской разведке?

Крестинский. Фактически с 1923 начал, хотя договоренность была в 1922 году.

Вышинский. Это тот спор о датах, который у нас был.

Крестинский. Это не спор о датах, в закрытом заседании я укажу об этом подробнее.

Вышинский. Ну, хорошо. Во всяком случае вы сегодня признаете себя германским шпионом с большим стажем, исчисляемым вами по крайней мере с 1923 года, а нами с 1921 года.

Крестинский. Фактически с 1923 года, хотя договоренность была в 1922 году. Когда я договорился с троцкистской организацией относительно этого, я считаю, что преступление уже было совершено.

Вышинский. Признаете вы себя виновным в том, что вы были активным участником «право-троцкистского блока»?

Крестинский. Да, я был активным участником «право-троцкистского заговорщического блока».

Вышинский. С того момента, когда блок сложился?

Крестинский. Он сложился несколько раньше, я вступил в него несколько позже, но готов был к вступлению в этот блок с момента своего свидания с Троцким.

Вышинский. Но до своего вступления в блок ваша деятельность мало чем отличалась от деятельности блока, ваша организация все больше и больше подходила к тем основным задачам, которые были затем записаны в программе блока?

Крестинский. Да, да. С начала 1935 года я участник этой организации.

Вышинский. Далее, что вы не только участник, но и один из организаторов заговора против Советской власти?

Крестинский. Да.

Вышинский. Так признаете?

Крестинский. Да. Не член центральной группы до 1937 года, а один из участников.

Вышинский. Но вы были членом группы при центре.

Крестинский. Да, был членом группы при центре.

Вышинский. Что вы засим непосредственно подготовляли и были участником подготовки плана антисоветского государственного переворота в СССР?

Крестинский. Да.

Вышинский. Путем вооруженного восстания, подкрепленного террористическими актами...

Крестинский. Да.

Вышинский. В расчете на вовлечение СССР в войну и на поражение СССР?

Крестинский. Да.

Вышинский. Со всеми теми политическими выводами, которые из этого факта могли бы вытекать.

Крестинский. Да.

Вышинский. В этом вы себя также целиком и полностью виновным признаете?

Крестинский. Да.

Вышинский. И, наконец, что вы были одним из участников обсуждения и подготовки террористических актов против товарища Сталина, товарища Молотова и товарища Кагановича?

Крестинский. Признаю.

Вышинский. Неизвестно ли, не брал ли на себя специальную задачу осуществить террористический акт и ваш сообщник Розенгольц? кроме Гамарника?...

Крестинский. Нет.

Вышинский. Кроме Гамарника, который брал на себя задачу организовать этот акт?

Крестинский. Я об этом не слыхал от него.

Вышинский. Он с вами этим не делился?

Крестинский. Нет.

Вышинский (к председательствующему). Можно спросить подсудимого Розенгольца?

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Розенгольц, был ли у вас лично преступный замысел осуществить террористический акт против кого-либо из руководителей Советского правительства?

Розенгольц. Да, я об этом показал и подтверждаю.

Вышинский. Вы лично намеревались совершить террористический акт?

Розенгольц. Да.

Вышинский. Может быть, вы скажете, против кого?

Розенгольц. Против, как показано мной на предварительном следствии, против Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вышинский. У меня больше вопросов к Крестинскому нет.

Председательствующий. Подсудимый Раковский, показания, данные вами на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Раковский. Полностью подтверждаю.

Председательствующий (к Прокурору). Есть вопросы у вас?

Вышинский. Да. Подсудимый Раковский, скажите кратко, в чем вы себя признаете виновным по настоящему делу.

Раковский. Позвольте мне одно предварительное замечание.

Вышинский. Если оно не очень длинное будет.

Раковский. Очень короткое.

Вышинский. Пожалуйста.

Раковский. Из процессов, которые развернулись, и из процесса, который мы слушаем здесь уже третий день, можно сделать по отношению ко мне, я так думаю, вывод, что я находился несколько на отлете, потому что никто не будет предполагать, конечно, что мое имя будет умолчено. Но это я говорю не для того, чтобы снять с себя какую бы то ни было ответственность, нет. Я просто хочу сказать, что, наряду с этими организациями, вот перед вами находится виновный в государственной измене, который был с ними связан известными нитями — одни шли горизонтально, а другие шли вертикально, и все сводилось к Троцкому. Это есть, так сказать, руководящее начало во всех этих заговорах, во всех этих предательствах и изменах против Советского Союза, вождей правительства и партии. Вот мое предварительное замечание.

Моя изменническая работа делится на два периода. Между этими двумя периодами проходила моя ссылка. Только это обстоятельство и помешало тому, что я не вошел так глубоко во все эти центры, которые здесь создавались. Поскольку после ссылки моя изменническая работа имела более систематический характер, я позволю себе начать именно со второго периода, а потом вернуться к первому.

Получив разрешение лечиться на озере Ширдо в 1932 году, я летом, проездом через Новосибирск, виделся с Николаем Ивановичем Мураловым. И вот здесь, это было в июле или начале августа, был разговор с ним. Он мне сообщил, что у него имеются чрезвычайно важные новости, и тогда он мне сказал, что от Троцкого получены указания о переходе на новые террористические методы борьбы. Когда я попросил, чтобы он мне выяснил, в чем они заключаются, он сказал: террористические методы борьбы. Троцкий указывал, что после разгрома оппозиции, после того отпора, который она встретила в партии и среди рабочего класса, после того разброда и разложения, которые наступили в ее собственных рядах, старые методы борьбы уже не приведут к захвату власти. Я должен вам заявить не для того, чтобы создавать для себя какое-либо обстоятельство, смягчающее мою вину, а потому, что это соответствует действительности: сообщение Муралова произвело на меня потрясающий эффект и, в то же самое время, вызвало сильную реакцию. Я находился в ссылке, уединенный, занимался всякими теоретическими выкладками, и то, что происходило в Москве, где жили лидеры, руководители троцкистской подпольной оппозиции в сгущенной атмосфере кружковщины, со своим обычным озлоблением, там, — между этой атмосферой и моей, была, конечно, разница. Там эта эволюция троцкизма, которая является естественной, она происходила быстрым темпом. Я не был подготовлен к этому, я заявил Муралову: я возражаю решительно против такой тактики, которая идет вразрез со всем прошлым, со всеми традиция-

ми рабочего движения, не только в России, но и во всем мире. Я просил его написать Троцкому потому, что хотя он мне и дал адрес Троцкого, но из Барнаула, где я был, я не мог написать, поскольку моя переписка находилась под известным контролем.

Это происходило в июле или августе 1932 года. Полтора года спустя, в феврале 1934 года, я дал телеграмму в ЦК ВКП(б), что полностью идейно и организационно разоружаюсь и прошу принять меня обратно в партию. Эта телеграмма была не искренней, я солгал. Я намеренно собирался скрыть от партии и от государства о моей связи с «Интеллидженс Сервис» с 1924 года, о связи Троцкого с «Интеллидженс Сервис» с 1926 года, собирался скрыть мой разговор с Мураловым в 1932 году и тот разговор, который произошел, когда я ехал через Новосибирск в 1934 году, когда получил разрешение возвратиться в Москву. Я с этим Мураловым встретился на улице, он сказал, — вы возвращаетесь в тот момент, когда все ваши товарищи по борьбе вернулись обратно на активную подпольную работу. Муралов считал, что я должен был остаться в ссылке для того, чтобы своим пребыванием там сохранить те остатки троцкистских кадров, которые находились в ссылке в то время.

Приехавши в Москву в мае, я встретился с Сосновским. Сосновский заявил мне: бывшие руководители старой троцкистской оппозиции снова возвращаются на активную подпольную работу. Это есть период, который закончился скоро, период известных колебаний. Я написал Троцкому и снова указывал на безрассудность рекомендуемой им тактики, я указывал на беспочвенность позиции, поскольку на основе тех впечатлений, которые я получил в Москве и на месте, когда я был в ссылке, действительно картина страны была совершенно противоречива тем мрачным прогнозам, которые дала троцкистская оппозиция.

Во второй половине июля 1934 года я получил письмо от Троцкого. Написал я Троцкому в Копенгаген и получил ответ по способу, на который я указывал в моем письме.

В своем ответе Троцкий прежде всего старался рассеять мое благоприятное впечатление о социалистическом строительстве. Он писал, что я поддаюсь мистике статистических цифр, не учитывая подпочвенного процесса и т. д. Что же касается рекомендуемой им тактики, он писал, он, конечно, понимает, что после такой длительной ссылки, ввиду моего возраста, усталости и так далее, я не в состоянии принять участие во всем объеме в активной работе оппозиции. Он в письме просит меня использовать мои обширные связи с заграничными политическими, преимущественно «левыми», кругами. Я понял смысл этих указаний так: нужно укрепить и усилить капиталистическую агрессию против Советского Союза.

Это был компромисс, это, так сказать, шли мне навстречу в том смысле, что рекомендовали мне несколько более близкие методы в смысле знакомства, использования моих прошлых связей. На это предложение я пошел. Я не буду здесь входить в психологические объяснения, почему и как. С этого момента я

уже обеими ногами стоял на позиции троцкизма, я говорю на позиции неотроцкизма, если можно так выразиться.

В сентябре месяце 1934 года я был отправлен в Токио во главе советской краснокрестной делегации на международную конференцию обществ Красного креста, которая должна была состояться там в октябре месяце. На второй же день после моего приезда в Токио в коридоре здания японского Красного креста меня встретил один крупный общественный деятель Японии. Я могу его назвать.

Председательствующий. Нет, не надо.

Раковский. Значит, я назову его на закрытом заседании. Он пригласил меня на чай. Я с ним познакомился, он занимал положение, имеющее отношение к моей миссии, я говорю к миссии не оппозиционной, а правительственной. Я ответил положительно на его любезное приглашение. В разговоре указанное лицо (я тут отметаю различные комплименты, банальные фразы, льстивые разговоры) сказало, что интересы того политического течения, к которому я принадлежу в СССР, и интересы некоего правительства вполне совпадают, и что мой приезд в Токио он лично приветствует, потому что это даст ему возможность поговорить о некоторых вопросах, касающихся обеих сторон, и, в частности, он заявил, что для некоего правительства и для него чрезвычайно ценно знать мою оценку внутреннего политического положения Союза.

Надо сказать, что я этого разговора не ожидал, я не был к нему подготовлен. Я заявил: во-первых, я не являюсь, не вхожу, не участвую в руководящих кругах нашей страны, я теперь занимаю чрезвычайно скромное место, скромный пост в Народном комиссариате здравоохранения, и, к сожалению, я в этом отношении не могу быть вам полезным. Я уклонился от дальнейшего разговора и ушел.

Я передаю вам суть, не ручаясь, конечно, за каждое мое слово. Я хотел выяснить мотивы происхождения такого рода предложения. В тот же вечер я имел беседу с полпредом Юреневым, которого я знал, как троцкиста, еще с 1926 года, когда мы вместе с ним провели лето на юге Франции в Сен-Жан-де-Люз. Я ему рассказываю об этом несколько странном разговоре указанного мною лица. Я его представляю в несколько более острой форме, потому что обыкновенно это дело рассиропливают и даже не дают возможности протестовать. Я сказал Юреневу, что тут речь идет о привлечении меня в качестве шпиона, информатора некоего правительства.

Тогда Юренев вынимает из кармана письмо и говорит мне: «Дело решенное, нечего колебаться». Он даже сказал: «Жребий брошен». Он мне показал письмо Пятакова, которое я привез ему из Москвы сам. Оно мне было послано в таких условиях, что я не мог знать о его содержании.

Я должен вам заявить, что я, приехавши в Москву, подавши заявление в партию, отправился немедленно лечиться, потом приехал, поступил на работу и через два месяца уехал в Токио. За это время я имел возможность видеть только Сосновского, был

два раза по служебным делам в Наркоминделе, где виделся с Крестинским, обменялся несколькими словами, я об этом буду дальше говорить, но в общем и целом это был период, когда я стремился вернуться в партию и вообще избегал каких бы то ни было встреч с известными оппозиционерами.

Однажды перед моим отъездом я получил в Наркомздраве с курьером Наркомтяжпрома конверт на мое имя; в этом конверте был второй конверт на имя Юренева и записка ко мне. Записка была от Пятакова. В ней он меня поздравляет с моим возвращением и просит, чтобы я отвез письмо Юреневу и настаивал перед Юреневым, чтобы он выполнил его просьбу. Письмо было написано клером. Содержание этого письма имело отношение к методам, применяемым Японией для сплава цветных металлов; Пятаков просил Юренева, чтобы он ему сообщил, какие там применяются методы и, вместе с тем, отправил бы ему имеющуюся в Японии литературу по этому вопросу на английском и немецком языках. Но когда после моего разговора с известным общественным деятелем, о котором я упомянул, Юренев вынул письмо из своего кармана, в нем, наряду с текстом, написанным клером, был другой текст, написанный симпатическими чернилами. Тогда Юренев мне прочел прежде всего то, что касается меня. Пятаков ему писал: Раковский, кроме болезни, имеет еще другой мотив остерегаться, это — его желание вернуться в партию; так что в этом смысле нужно его щадить, но, по возможности, использовать его пребывание в Токио. А потом дальше была сказана буквально следующая фраза: «Вероятно некое правительство само предпримет шаги в этом направлении» (то есть в направлении использования Раковского). Дальше Пятаков писал Юреневу относительно Богомолова — полпреда в Китае, указывая ему, что некое правительство недовольно его политической линией, что он больше помогает Великобритании, чем данному правительству.

Дальше было указано, что Юренев должен постараться использовать, по возможности, пребывание в Токио заведующего правовым отделом Наркоминдела Сабанина. Наконец, Юренев сказал, читая письмо: «А вот это мне трудно сделать». Там ему было указано о необходимости использовать известные переговоры о продаже КВЖД для того, чтобы можно было что-нибудь выручить в пользу троцкистов.

Вот я вам рассказал, примерно, содержание письма Пятакова к Юреневу. Юренев был связан с троцкистским подпольем в Москве, с Пятаковым.

На второй или третий день после моего разговора с Юреневым, после одного торжественного обеда, на который были приглашены все делегаты, приехавшие на краснокрестную конференцию, по окончании обеда ко мне подошло лицо, которое заявило, что некое высокопоставленное лицо, присутствующее на этом обеде, хочет познакомиться со мной.

Официальное лицо заявило, что оно очень радо данному знакомству и т. д., а потом заявило, что наши интересы совпадают с интересами некоего государства, что между троцкистами

в СССР и между представителями некоего государства достигнуто соглашение, но мы еще не знаем точных условий этого соглашения.

Крупный общественный деятель, который со мной разговаривал, как я узнал, сделал это по поручению высокопоставленного лица. После этого я имел еще два свидания с общественным деятелем...

Председательствующий. Извиняюсь, подсудимый Раковский. Поскольку сейчас 10 часов и ваше показание продлится еще не менее часа, закончите его завтра.

Объявляю перерыв до 11 часов утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:
Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:
Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер*

Утреннее заседание 5 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Подсудимый Раковский, вы имеете слово для окончания ваших показаний.

Раковский. Вчера я кончил свои показания на том факте, что я имел после моего разговора с высокопоставленным лицом, близким японскому правительству, три разговора с тем общественным деятелем, возглавляющим крупную общественную организацию в Японии, о котором я говорю.

На втором и на третьем свидании с деятелем, возглавляющим крупную общественную организацию в Японии, у нас были установлены характер тех сведений, которые я обещался передавать японской разведке в Москве, а также и техника этой передачи. Еще в Токио я привлек к этому делу доктора Найда, секретаря краснокрестной делегации, принадлежность которого к подпольной контрреволюционной террористической организации мне уже была известна. Я отправил доктора Найда с моей визитной карточкой к общественному деятелю и с ним он уговорился, каким образом в Москве, с кем должен доктор Найда встречаться; он и играл роль агента связи между мною и японской разведкой. В Токио я имел еще одну встречу с третьим лицом. Все эти международные конференции, как вам вероятно известно, сопровождаются всякими приемами, обедами, спектаклями, встречами, которые, обыкновенно, являются рамками для ведения очень серьезных разговоров вполне законных, а иногда и незаконных. Я говорю с точки зрения всяких вербовок. Я был представлен этому третьему лицу вторым высокопоставленным лицом. Он попросил меня пойти с ним вместе пить кофе, — это было после ужина, и засевши за столиком, мы начали разговаривать.

Передавать всю беседу я не буду и это не нужно, я скажу существо. Беседу со мной он начал с того, что заявил мне: «Нам известно, что вы являетесь ближайшим другом и единомышленником господина Троцкого. Я должен вас попросить, чтобы вы ему написали, что некое правительство недовольно его статьями по китайскому вопросу, а также и поведением китайских троцкистов. Мы вправе ожидать от господина Троцкого иной линии поведения. Господин Троцкий сам должен понимать, что является необходимым для некоего правительства. Входить в подробности не нужно, но ясно, что вызвать инцидент в Китае явилось бы желательным поводом для того, чтобы можно было вмешаться

в Китай». Обо всем этом я написал Троцкому — о моих переговорах в Токио, о моих разговорах с Юреневым, о моих встречах и, конечно, об этом последнем предложении.

О всех моих разговорах я ставил также в известность и Юренева. Последнюю неделю я заболел воспалением вен правой ноги и оставался в полпредстве. Я говорю об этом потому, что это давало возможность мне и Юреневу часто видеться. Он приходил ко мне, — в это время другие члены делегации, конечно, отсутствовали, — приходил ко мне и мы разговаривали о наших общих троцкистских делах. Юренева сильно смущало одно обстоятельство. «Мы, — говорит, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься, как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской, и с японской разведкой...»

Вышинский. Кому это — нам?

Раковский. Троцкистам. «Московский центр, Пятаков в данном случае, жалуется, что Богомолов держит сторону англичан. Мне приходится вот в этом всем ориентироваться»... Я ему сказал: вы преувеличиваете трудность вашего положения. Из чего нужно исходить? Нам, троцкистам, приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской. Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна. Я лично считал, что не исключено, что Гитлер будет искать сближения с правительством СССР. Я ссылался на политику Ришелье: у себя он истреблял протестантов, а в своей внешней политике заключал союзы с протестантскими германскими князьями. Отношения между Германией и Польшей тогда были все еще в стадии рождения. Япония же является актуальным агрессором против СССР. Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна, но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Я рассказываю наши внутренние разговоры, которые должны показать, почему мы следуем той или иной линии. В данный момент Англия находится в антагонизме с Японией, но не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась.

Председательствующий. Вы поменьше уходите в область прошлого и побольше говорите насчет троцкистской организации.

Раковский. Таким образом, вывод заключался в том, что нужно держать связь с английской разведкой, а в данный момент направить внимание на японскую разведку.

Вышинский. Я не совсем вас понял. Вы говорите: нужно держать связь с английской разведкой, а внимание направить на японскую разведку.

Раковский. Главное внимание направить.

Вышинский. Значит, надо служить и японской и английской разведке, а вдобавок еще и германской?

Раковский. Последняя, по моему тогдашнему личному мнению, — как перспектива.

Вышинский. Вы видели из показаний Крестинского, что это была вовсе не перспектива.

Вы лично были связаны с какими разведками?

Раковский. С английской и японской.

Вышинский. А Крестинский? Обвиняемый Крестинский, вы с какой разведкой были связаны?

Крестинский. С немецкой.

Вышинский. В перспективе или реально?

Крестинский. В действительности.

Вышинский. В действительности. Продолжайте, пожалуйста.

Раковский. Я вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона. Мне это нетрудно в теперешних моих настроениях сказать открыто и то, что я раньше перед своей собственной совестью не хотел бы признать, признать открыто, перед гражданским судом. Быстро, в течение нескольких месяцев, можно сказать, я завершил ту эволюцию троцкизма, которую другие троцкисты завершили в течение нескольких лет. Я говорю несколько месяцев потому, что я до этого был вне связи, вне активной деятельности. Троцкизм пережил период пассивного пораженчества, когда он злорадствовал каждому промаху, каждой неудаче партийного строительства и Советского правительства в социалистическом строительстве. И в тот период и в моем лице были уже зацепки с той или иной разведкой. Об этом я буду говорить, о моей связи с английской разведкой. Но это было уже, как я сказал вчера, эпизодически. А второй период, период активного пораженчества, период, когда не ждешь промаха или поражения, промаха во внутренней работе, а начинаешь вызывать вредительства по известной системе и программе, когда не ждешь предложений извне, случайно, а начинаешь искать связь — шпионаж становится системой. Вот эту эволюцию троцкизма — от пассивного пораженчества к активному пораженчеству — я пережил в период 1934 года. Троцкизм раньше выдавал себя за известное идеологическое течение, теперь он полностью себя обнажил в моем лице. В 1934 году я уже видел, что все теоретические и идеологические предпосылки, это все отошло в прошлое, это — все без всякого значения, и в том числе пресловутая, схоластическая теория о невозможности строительства социализма в отдельной стране. Теперь мы становимся школой шпионажа, вредительства, государственной измены, террора. Мы — авангард иностранной агрессии, международного фашизма и не только в СССР, но и в Испании, в Китае, во всем мире. Понятно, что тут была какая-то внутренняя увязка и с нашим прошлым. Никто, я думаю, не подведет знак итога между нами и фашистами. Это было бы извращением всей картины и во вред правде и во вред борьбе с троцкистами. Тут были другие, далеко идущие расчеты. Вся политика была поли-

тикой авантюризма, авантюры, но говорил я себе (я и в разговоре с Юреневым не скрывал), что я пишу Троцкому о том, что мы делаем, — является политикой ва-банк, все за все. Но когда авантюра удается, авантюристов называют великими государственными людьми. Какие у нас расчеты? Я возвращаюсь к разговору с Юреневым потому, что я считаю, что они характерны.

Вот японская агрессия. Она может вызвать внутри колоссальное недовольство, а мы в это время явимся уже как друзья, связанные узами сотрудничества, в роли спасителей родины. И тогда уже будут применять программу относительно Приморья, Приамурья и так далее.

Приехав в Москву, я продолжал болеть до 15 января 1935 года. Присутствующий здесь, между прочим, профессор Плетнев и другие врачи меня лечили. Казаков впрыскивал мне лизаты.

В это время пришел навестить меня Сосновский. Да, я позабыл сообщить одну важную подробность, что Юренев в ответ Пятакову написал письмо тем же способом, конечно, о разведывательной связи и шпионской работе. Написано было симпатическими чернилами. Я поставил его в известность о всех моих разговорах в Японии и передал Сосновскому ответное письмо Юренева Пятакову, написанное симпатическими чернилами. В течение 1935 и в первой половине 1936 года, то есть до процесса Каменева и Зиновьева, я передал через Найда японской разведке пять сообщений. Я не буду говорить о проблемах этих анализов, существенное не в этих проблемах. Главное заключалось в том, что я передавал о влиянии отмены карточной системы на уровень заработной платы, о состоянии колхозов, о выполнении промфинплана. Изложение и выводы сознательно делались резко пессимистически, в сгущенных черных красках. Я это сделал для того, чтобы поощрять аппетиты агрессоров.

В начале 1935 года я получил второе письмо от Троцкого. Он возвращался к своей теме, изложенной в первом письме, и давал директивы о необходимости изолировать Сталина, изолировать Советский Союз в международном отношении. Он развивал уже здесь более конкретную аргументацию, которую следует применить в моей работе по международной изоляции Советского Союза.

Конечно, прежде всего шла речь о левых заграничных элементах. Тут надо играть на их пацифистских чувствах. Надо так представлять дело, что СССР может стать причиной войны. Если же я буду говорить с английскими лейбористами, то надо исходить из того, как английские элементы боятся восстановления обязательной воинской повинности, что неминуемо в случае войны. Поскольку речь шла о правых заграничных элементах, тут дело проще, их настроения против СССР достаточно ясны и определенны. С ними можно говорить открытым языком. Что же касается демократических элементов, то тут надо подходить не лобовым ударом, а обходным движением. И вот представился случай, когда я мог применить эту директиву Троцкого. Это

было во время приезда французского премьера Лаваля. Среди журналистов, которые приехали из Франции вместе с Лавалем, был Эмиль Бюре — один мой близкий старый товарищ по Франции, перешедший в лагерь правых республиканцев и ставший директором одной из крупнейших и самых авторитетных французских газет «Л'ордр». Я пошел к нему в гостиницу «Метрополь», поставив себе задачу убедить его, что франко-советское сближение чревато опасностью, что оно может привести к новой превентивной войне со стороны Германии. Я ему заявил, что это не мое только мнение, я ведь знал настроения всей оппозиции, ее пораженческие настроения.

Вышинский. Какой оппозиции? Когда это дело было?

Раковский. Это было в середине 1935 года, когда Лаваль приезжал в Москву.

Вышинский. О какой же оппозиции вы говорите?

Раковский. Я говорю и о правых и о троцкистах.

Вышинский. Какая же это оппозиция? Это бандитская группа контрреволюционеров.

Раковский. Гражданин Прокурор, вы меня простите, долго этот термин...

Вышинский. Вы в своих объяснениях сегодня вообще допускали целый ряд таких выражений, как будто вы забываете, что дело идет о вас, как о члене контрреволюционной, бандитской, шпионской, диверсионной организации изменников. Я считаю себя обязанным вам об этом напомнить, ведя ваш допрос, и просить вас держаться ближе к существу совершенных вами изменнических преступлений, говорить без философии и тому подобных вещей, которые здесь совершенно не к месту.

Раковский. Бюре мне ответил: Франция не может оставаться изолированной перед растущей милитаризацией Германии. На агрессора нужно надеть смирительную рубашку, это есть единственный способ подавить войну. Об этом ответе я написал Троцкому. Повторяю, это было летом 1935 года, когда Лаваль был в Москве.

В начале января 1936 года мне позвонил Пятаков из Наркомтяжпрома и сказал короткую фразу по-французски: «Наш друг недоволен тобой, ты неактивен». Я положил трубку, так как считал абсолютно неуместным вести подобные разговоры по телефону.

Через некоторое время я встретился с Радеком, и он мне рассказал о поездке Пятакова в Осло. Эта встреча была в начале июля, во время приема международной комиссии по гигиене при Лиге наций. Радек поставил меня в известность о переговорах между немцами и Троцким и просил моего содействия. Он предполагал, что следовало бы поддержать Троцкого в Москве, то есть перед представителями германской разведки в Москве. Я делал по этому поводу некоторые критические замечания, но это не имеет значения. Важно то, что я уезжал на юг вместе с этой делегацией и условился с Радеком, что по приезде с юга я заеду к нему за-город, причем Радек дал мне адрес своей дачи в Химках.

Когда я вернулся с юга (это было в конце июля), через очень короткий период времени начался процесс Каменева — Зиновьева, и я Радека больше не видел.

Теперь я возвращаюсь к моей изменнической деятельности до ссылки и начну с показаний относительно того, как я стал агентом «Интеллидженс Сервис».

Дело происходило в конце 1924 года. После падения правительства Макдональда, ко мне в полпредство в Лондоне явились два англичанина — Армстронг и Леккарт, мне лично знакомые.

Вышинский. Кто они такие были?

Раковский. Армстронг — бывший морской офицер, Леккарт и Армстронг составляли часть окружения известного английского крупного капиталиста лорда Инверфорса, бывшего министра кабинета Лойд-Джорджа. С Армстронгом я познакомился еще в Лозанне, вскоре после моего приезда туда, в начале 1923 года во время лозаннских переговоров. Он явился туда и устроил свидание нашего наркома с лордом Керзоном, но это по другой линии.

Вышинский. То есть по какой по другой?

Раковский. По линии форейн-офис.

Вышинский. А ваше знакомство с ним в 1924 году было по какой линии?

Раковский. Первое знакомство, как я сказал, было в Лозанне, а потом я виделся с Армстронгом, который был очень хорошо знаком с морским атташе нашего полпредства Бернсом, и вместе с Армстронгом и Бернсом я имел встречу с лордом Инверфорсом, которая касалась организации кредита, так что я его видел в тот раз...

Вышинский. Меня не интересует, какие встречи у вас были со всякими лордами, а меня интересует ваша преступная деятельность в пользу английской разведки.

Раковский. Но так как вы меня спросили, когда я видел Армстронга...

Вышинский. Я вас спрашивал и вы сказали, что в 1924 году к вам пришел Армстронг.

Раковский. В конце 1924 года.

Вышинский. Что это было ваше знакомство уже по другой линии. Вот я вас и спрашиваю: по какой по другой линии?

Раковский. По линии ведения переговоров для открытия кредита в Англии.

Вышинский. Значит, тоже официальная линия?

Раковский. Линия официальная, где я выполнял директиву.

Вышинский. Каким образом вы оказались завербованным для службы в английском «Интеллидженс Сервис»? Это нас интересует. В этом мы вас обвиняем.

Раковский. Гражданин Прокурор, я понял, что вы меня спрашиваете, когда я познакомился с Армстронгом.

Вышинский. В 1923 году, вы ответили.

Раковский. А потом в Лондоне я его видел и до этого.

Вышинский. Если я вас правильно понял на предварительном следствии и правильно понял то, что содержится в документах

предварительного следствия, то вы уже в 1924 году оказались завербованным в качестве агента «Интеллидженс Сервис». Правильно?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Скажите, при каких обстоятельствах произошла эта вербовка, при каких обстоятельствах вы сделались агентом «Интеллидженс Сервис» в 1924 году.

Раковский. Я позволю себе повторить этот момент, что после падения правительства Макдональда в ноябре 1924 года ко мне явились Армстронг и Леккарт, с которыми я раньше уже был знаком и по другой линии.

Вышинский. Ну, пожалуйста. Дальше, как произошла ваша вербовка. Я понимаю, что это вам может быть не совсем приятно сейчас говорить, но это необходимо.

Раковский. Я все изложил в своем показании и здесь.

Вышинский. Тогда будьте добры, расскажите именно об этом вопросе, об этом факте, как вас завербовали.

Раковский. Армстронг сказал: «мы питаем к вам большую симпатию, хотим предупредить вас против опасности, которая вам грозит». Он вынул из кармана бумажку, которую предъявил мне.

Вышинский. Что это за бумажка?

Раковский. Это было письмо, написанное на машинке и подписанное моей подложной подписью.

Вышинский. Подложной ли?

Раковский. Подложной.

Вышинский. А куда было адресовано это письмо?

Раковский. Без адресата.

Вышинский. Кому предназначалось?

Раковский. Я расскажу содержание письма.

Вышинский. Вы не хотите, чтобы я вам ставил вопросы?

Раковский. Нет, я не имею права.

Вышинский. Вы имеете право.

Раковский. Пожалуйста, задавайте, может случиться так, что о том, о чем я хочу рассказать, вы зададите вопросы и я охотно отвечу.

Вышинский. Для кого было предназначено это письмо?

Раковский. Это письмо было написано в Германию, а адресата не было.

Вышинский. Письмо было предназначено для Германии?

Раковский. Из содержания вытекало, что оно предполагалось для германского правительства.

Вышинский. Для германской разведки?

Раковский. Возможно.

Вышинский. Что же в этом письме говорилось?

Раковский. В этом письме говорилось, примерно, следующее. «Посылаю вам приложенный список румынских торговых фирм и редакций газет, которые следует привлечь на сторону Германии для привлечения самой Румынии в войну на стороне той же самой Германии».

Вышинский. Что означает такое содержание письма?

Раковский. Содержание письма означало, что у меня с германской разведкой, с германским правительством или какой-то германской организацией существовала связь.

Вышинский. И вы помогали Германии в вербовке на территории Румынии румынских граждан для содействия Германии?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Так обстояло дело.

Раковский. Правильно.

Вышинский. А скажите, в Румынии вы были в это время, к которому относится это письмо?

Раковский. Время, к которому относится письмо?

Вышинский. Да.

Раковский. Письмо было помечено из Берна октябрем 1915 года, а в это время меня не было в Берне.

Вышинский. А вы в Румынии были?

Раковский. Был, как же, к рабочему движению я был причастен.

Вышинский. Рабочее движение вы оставьте в стороне, я говорю не о рабочем движении, которому вы изменили по вашим собственным показаниям в 1924 году. Вы сказали, что в 1924 году вы сделались агентом английской разведки?

Раковский. Сделался.

Вышинский. Это есть измена рабочему классу? Давайте здесь уточним, раз мы коснулись этого вопроса.

Раковский. Изменил.

Вышинский. Поэтому поменьше говорите о рабочем движении, а скажите по вопросам, которые ближе к процессу. В каком году вы были в Румынии?

Раковский. В Румынии я был с 1904 по 1907 год и с 1912 по 1917 год.

Вышинский. В период войны вы находились в Румынии?

Раковский. В Румынии.

Вышинский. Чем вы занимались в Румынии официально? Какие у вас были средства к существованию?

Раковский. Мои средства существования?

Вышинский. Да.

Раковский. Я был сыном состоятельного человека.

Вышинский. Кого? В чем состоятельность его выражалась? Фабрикант он был или землевладелец?

Раковский. Мой отец был помещиком.

Вышинский. Помещиком?

Раковский. Да.

Вышинский. Имел какое-нибудь промышленное дело?

Раковский. Промышленного дела не имел.

Вышинский. Какое-нибудь торговое дело?

Раковский. Торговлей не занимался.

Вышинский. Чем занимался?

Раковский. Мой отец умер в 1903 году.

Вышинский. Я вас не упрекаю за вашего отца, вы сами о нем вспомнили. Я спросил — каковы были ваши средства к существованию.

Раковский. Моими средствами к существованию были доходы от имущества отца.

Вышинский. Значит, вы жили на доходы в качестве рантье?

Раковский. В качестве сельского хозяина.

Вышинский. То есть помещика?

Раковский. Да.

Вышинский. Значит, не только ваш отец был помещиком, но и вы были помещиком, эксплоататором?

Раковский. Ну, конечно, я эксплоатировал. Получал же я доходы. Доходы же, как известно, получаются от прибавочной стоимости.

Вышинский. А прибавочная стоимость была в ваших руках?

Раковский. Да, прибавочная стоимость была в моих руках.

Вышинский. Значит, я не ошибаюсь, когда говорю, что вы были помещиком?

Раковский. Не ошибаетесь.

Вышинский. Вот мне важно было выяснить, откуда шли ваши доходы.

Раковский. Но мне важно сказать, на что шли эти доходы.

Вышинский. Это другой разговор. Имели вы тогда отношения с разными помещичьими и капиталистическими кругами в какой бы то ни было мере?

Раковский. Нет, очень мало. Если надо брать деньги в заем в банке, то имел дело с этим банком. Ведь я в самой Румынии жил очень мало.

Вышинский. Но всю войну вы прожили в Румынии?

Раковский. Да.

Вышинский. Я хочу прямо поставить вопрос: у меня есть большое подозрение, что письмо, которое вам предъявил Армстронг, письмо в адрес германской разведки, было подписано не вашим подложным именем, а вами действительно было подписано, потому что вы тогда уже состояли в германской разведке. Правильно это или неправильно?

Раковский. Абсолютно неправильно.

Вышинский. Тогда перейдем к дальнейшему, к вашему сотрудничеству с английской разведкой. Продолжайте.

Раковский. Когда Армстронг и Леккарт предъявили мне этот документ, я сказал: «Да это же грубейший подлог». Документ был помечен Берном 15 октября, а я тогда был в Румынии, а не в Берне. А потом, какой смысл, чтобы я писал германскому правительству о румынских торговых фирмах и о румынских газетах, когда Румыния, являвшаяся десятки лет военным союзником Германии, представляла собой германскую агентуру, там германские фирмы, германские ежедневные газеты имеются, германские банки, — что же я могу им сообщить? Они же в тысячу раз лучше знают, немцы, что собой представляет Румыния и румынские торговые фирмы. Это же абсурд. Это не только подлог, но и нелепый подлог. Тогда они мне заметили: «Вы утверждаете, что является подлогом и письмо Зиновьева, а вот результат: падение правительства Макдональда и предстоящее аннулирование того договора, который вы подписали с английским правительст-

вом». Я должен вам заявить, что с самым большим возмущением я им сообщил: вы просто шантажисты. Нет, мы к вам исключительно являемся побуждаемые хорошими чувствами. Знаете ли вы, — они меня спросили, — каким образом вы получили агреман в Англии? Знаю. Они намекали на то обстоятельство, что данный мне агреман в Англии, когда я был назначен впервые в качестве полпреда, был задержан английским правительством, в связи с известной кампанией, которая началась в английской печати; а потом английское правительство дало его, убедившись, что эта кампания основана на клеветнических данных, относительно мнимой речи, которую якобы я произнес в Харькове, что я еду в Англию для того, чтобы организовать социальную революцию. Тогда они мне сказали: нет, вы не все знаете, мы осведомлялись относительно вас у господина Истмена (Истмен — американский троцкист) и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства «Интеллидженс Сервис» дало агреман на назначение вас полпредом в эту страну. Это заявление изменяло всю ситуацию. Они говорили: «Нет, мы явились сюда не как ваши враги». Я им заявил: прежде всего мне необходимо иметь подтверждение, что вы действительно в данном случае представляете «Интеллидженс Сервис». Через некоторое время я был приглашен на обед в ресторан на улице Оксфорд-стрит, где они меня познакомили с лицом, которое они представили как заведующего русским отделом «Интеллидженс Сервис». Фамилию его я не помню точно, это дело относится к 1924 году, если память не изменяет, — не то Ричардсон, не то Робертсон. Он подтвердил, что Армстронг и Леккарт действуют от имени «Интеллидженс Сервис», что идет речь относительно создания дружественных, близких отношений между известными политическими течениями, что тут не нужно говорить о вульгарном шпионаже и так далее. Но, поскольку сам Ричардсон или Робертсон мне не был известен, я заявил: мне нужно еще подтверждение лица официального, которое я знаю.

Вышинский. А этот ваш собеседник, фамилию какую носил, вы не помните?

Раковский. Я сказал, что не помню точно.

Вышинский. Вы сказали, что Робертсон или Ричардсон?

Раковский. Может быть Никольсон, что-то в этом духе. Они мне обещали, что такое подтверждение я получу. После этого я поехал в Москву. Для меня было важно выиграть время. Я приехал в Москву и сообщил Троцкому. Троцкий говорил, что подложное письмо было предлогом для разговоров, что это такое дело, над которым следует задуматься. Вообще надо учитывать, что наше положение, — говорил Троцкий, — таково, что мы скоро будем сведены на-нет. Тебя сняли с Украины, до этого еще при Ленине вывели из Центрального Комитета Крестинского, Серебрякова, Преображенского, Смирнова.

Председательствующий. Вы говорите о связи с английской разведкой, а перечисляете кого вывели из Центрального Комитета, в каком году. Это уже известно.

Раковский. Троцкий согласился с тем, чтобы войти в связь с английской разведкой, благословил, так сказать, меня на это дело, оговаривая, что нужно быть осторожнее, что нужно еще выявить, что они могут дать для троцкизма. Возвратившись в Лондон, я вскоре был вызван к одному официальному лицу, которое мне подтвердило, что данное «Интеллидженс Сервис» предложение действительно санкционировано. В свою очередь Армстронг и Леккарт заявили, что агентом связи между мной и ими будет журналист Фарбман. К этому делу в качестве агентов связи я привлек, завербовал еще двух сотрудников полпредства. Это произошло уже в начале 1925 года. Перед отъездом из Лондона я успел передать документ — оценку советской политики в Среднеазиатских национальных республиках, с точки зрения человека, который желает поддержать враждебное отношение к СССР. В октябре того же 1925 года я был переведен полпредом в Париж. Держать непосредственную связь с «Интеллидженс Сервис» мне в этом положении было трудно.

И когда ко мне явился снова Фарбман, то, посоветовавшись с ним, решили привлечь к непосредственному обслуживанию «Интеллидженс Сервис» Мдивани.

Вышинский. Вы обсуждаете вопросы, кого привлечь, а нас интересует, что вы делали, чем занимались в шпионских целях?

Раковский. Вербовкой.

Вышинский. Вы об этом сказали. Дальше, помимо вербовки?

Раковский. Затем мои связи с «Интеллидженс Сервис» прекратились с момента моего отъезда из Лондона, вернее не моя связь, а мои доношения.

Вышинский. Обслуживание.

Раковский. Да.

Вышинский. А потом возобновилось?

Раковский. Да.

Вышинский. В каком году?

Раковский. Через 10 лет.

Вышинский. То есть?

Раковский. Обслуживание возобновилось в начале 1936 года. Через 10 лет возобновились связи.

Вышинский. А потом началось обслуживание?

Раковский. Да.

Вышинский. При каких обстоятельствах возобновились связи?

Раковский. Летом 1934 года, после того, как я вернулся из ссылки, мои связи возобновились. В Москву приехала одна моя знакомая английская женщина, которая напомнила мне, что следует возобновить связи с «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Почему этот вопрос интересовал английскую женщину?

Раковский. Я ее знал в Лондоне. Возможно утверждать, что она сама была связана с «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Иначе говоря, английская разведчица?

Раковский. Да.

Вышинский. Как ее фамилия?

Раковский. Лэди Пейджет.

Вышинский. Лэди Пейджет. Какое у нее социальное положение?

Раковский. Она известная крупная филантропка; во время войны она имела госпиталь в Киеве.

Вышинский. Вы ее так и считали филантропкой?

Раковский. По совместительству.

Вышинский. Так же, как и вы филантроп по совместительству?

Раковский (молчит).

Вышинский. Вы возобновили эту связь через Пейджет тоже с ведома Троцкого?

Раковский. Нет.

Вышинский. Вы были с Троцким в связи с 1934 года?

Раковский. Был. В 1934 году я ему писал, то есть в 1935 году.

Вышинский. Вы информировали Троцкого об этой своей связи с «Интеллидженс Сервис» через лэди Пейджет?

Раковский. Нет.

Вышинский. Специально не информировали?

Раковский. Нет.

Вышинский. Расскажите о том, что вам известно о связях Троцкого с «Интеллидженс Сервис»?

Раковский. Это было накануне ссылки Троцкого в Алма-Ату. Первоначально его должны были направить в Астрахань, но он добивался отмены этого назначения и получил Алма-Ату. Будучи у него на квартире на улице Грановского, я нашел его очень довольным тем, что ему обменяли Астрахань на Алма-Ату. Я удивился — ведь до Алма-Аты надо ехать от Фрунзе несколько дней (тогда там еще не было железной дороги). Он ответил: но зато ближе к китайской границе, и он указал мне на сверток карт. Он дал мне понять, что рассчитывает на побег. Я его спросил, каким же образом через Западный Китай, через песчаные пустыни, через горы, без средств, можно организовать побег. Мне поможет «Интеллидженс Сервис», — сказал Троцкий. И тут он мне строго конфиденциально сообщил, что с 1926 года он вошел в преступную связь с «Интеллидженс Сервис».

Вышинский. Через кого?

Раковский. Через одного из представителей концессии «Лена-Гольдфильдс».

Вышинский. А он имел отношение к этой концессионной фирме?

Раковский. Он был тогда председателем Главконцесскома.

Вышинский. Значит, тогда, когда он был председателем Главконцесскома, он вошел в связь с «Интеллидженс Сервис» через представителя фирмы «Лена-Гольдфильдс»?

Раковский. Вполне правильно. Он мне сообщил еще другой факт: он уже успел оказать известную услугу английской «Интеллидженс Сервис», это относится к началу 1927 года. По его словам, он за некоторые услуги этой организации в свою очередь помог консерваторам осуществить разрыв отношений с СССР, что он указал «Интеллидженс Сервис» как на удобный инцидент на возможность организации налета на Аркос. Он назвал

при этом некоторых лондонских троцкистов, работавших там, в том числе Мюллера или Миллера, через которых было обеспечено нахождение в помещении Аркоса специально сфабрикованных документов и что он дал таким образом в руки Джойнсона Хикса (тогдашнего министра внутренних дел) повод к тому, чтобы убедить коллег в необходимости разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией. Оппозиция ожидала тогда, что она сможет использовать трудности. Я сам с конца 1924 года был связан с «Интеллидженс Сервис», потому я легко понял все то, что мне говорил Троцкий о его связи с «Интеллидженс Сервис». Я должен сказать, что к 1927 году относится еще один факт из моей изменнической работы. Это — переговоры с правыми капиталистическими кругами во Франции. Дело началось во время июльского пленума 1927 года. После речи Сталина, где он резко выступил против так называемого тезиса о Клемансо Троцкого, я был у Троцкого на обеде и спросил у него: «Я не понимаю, почему так резко ставит вопрос Сталин. В этом сравнении с Клемансо я не вижу ничего особенного». Троцкий мне заметил: Сталин прекрасно понимает, что он делает, Сталин считает, что если пропасть между оппозицией и партией будет углубляться, то в силу логики вещей оппозиция должна перейти на последовательные пораженческие позиции. На второй день у меня опять был разговор с Троцким. Он сказал: я пришел к выводу о необходимости сделать указание нашим единомышленникам за границей, полпредам и торгпредам, чтобы они зондировали у правых кругов капиталистических стран, где они находятся, в какой степени троцкисты могут рассчитывать на поддержку с их стороны. Я ему сказал, что во Франции приходится иметь дело, главным образом, с Пятаковым. Он просил меня ему об этом сообщить.

Председательствующий. Подсудимый Раковский, то, что вы сейчас говорите, имеет отношение к вашей связи с английской разведкой?

Раковский. Имеет.

Председательствующий. Вы даете показания о вашей связи с английской разведкой. Вы перешли к 1934 году, а теперь возвращаетесь обратно к 1927 году.

Раковский. Я закончил с английской разведкой. Если есть вопросы...

Председательствующий. Я понял, что в 1934 году возобновилась ваша связь и дальнейшая работа в английской разведке, а вы вернулись снова к 1927 году. Скажите, после попыток привлечь вас в английскую разведку в 1934 году, вы принимали какое-нибудь участие в работе английской разведки?

Раковский. Да, я сказал, что в начале 1936 года снова стал обслуживать ее. Я передал анализ новой Конституции с точки зрения отношений периферических республик с центром, причем анализ новой Конституции был дан абсолютно отрицательный.

Председательствующий. Кому вы передали этот анализ?

Раковский. Ко мне явился Донской.

Председательствующий. Какой-такой Донской?

Раковский. Сотрудник Наркомздрава, и я через него передал этот анализ. Это было в начале 1936 года.

Председательствующий. Это были последние сведения?

Раковский. Последние.

Председательствующий (к Вышинскому). У вас есть вопросы?

Вышинский. Нет.

Раковский. Теперь я могу вернуться...

Председательствующий. Тогда уже все.

Вышинский. Нет. К этой части объяснений обвиняемого вопросов больше не имею, но он должен продолжить свои объяснения.

Председательствующий (к Раковскому). О чем вы хотите еще говорить?

Раковский. Я хочу еще сказать относительно тех переговоров, которые мне поручил вести Троцкий летом 1927 года во Франции.

Председательствующий. Пожалуйста.

Раковский. Я встретился с депутатом Николь из Роэ. Николь — очень крупный льнопрядильщик севера, фабрикант. Я его знал потому, что он покупал у нас лен. Я познакомился с ним еще во время первого приезда в Париж и знал, что он принадлежит к правым республиканским кругам. Когда я встретился с ним, он даже сам начал говорить, потому что о тех инцидентах, которые происходили на пленуме, говорила вся французская печать. Одним словом по поводу пленума начался разговор. Я его спросил тогда относительно возможностей или перспектив, которые существуют для оппозиции — можно ли искать опоры среди французских капиталистических кругов, которые настроены агрессивно против СССР. Он мне ответил: «Конечно, и в большей мере, чем вы, может быть, сами ожидаете». Но это будет, как он сказал, главным образом, зависеть от двух обстоятельств. Первое обстоятельство — это то, чтобы оппозиция стала действительно реальной силой, а второе обстоятельство — в какой степени она пойдет на концессии французскому капиталу.

Второй разговор я имел в Париже в сентябре тоже 1927 года с депутатом, крупным зерноторговцем Луи Дрейфус. Нужно сказать, что и этот разговор и заключение — аналогичны с теми, которые у меня были с Николем.

Теперь о моих контрреволюционных связях. Я исчерпал уже период перед моей ссылкой, касающийся моей изменнической деятельности. Теперь — о моих контрреволюционных связях. Приехав из ссылки в 1934 году, я встретился с Сосновским и с ним поддерживал связь. В марте 1935 года Сосновский сообщил мне о том, что уже давно, но в какой период, он не указал мне, заключен блок между правыми и троцкистами, что есть полное согласие в целях и в методах — шпионаж, диверсия, вредительство. Он указывал на такую подробность, что правые говорили о преимуществах той тактики, которую они проводили по отношению к партии, потому что в противоположность троцкистам, которые давали открытый бой и таким образом выявили все свои кадры, правые дали директиву, чтобы все их кадры ушли в глу-

бокое подполье и были бы таким образом неуязвимы. Так они сохраняли свои кадры. Я передаю в общих чертах то, что мне сказал тогда Сосновский.

Другим подпольщиком, с которым я встретился в 1934 году, был Крестинский. Я у него был два раза в наркомате в связи с моей поездкой в Токио. Тогда отсутствовал Литвинов, и Крестинский его замещал. Наш первый разговор касался, главным образом, предстоящего выступления в Токио на токийской конференции. Под конец он меня поздравил с заявлением...

Вышинский. С чем?

Раковский. С моим заявлением.

Вышинский. Кому?

Раковский. В ЦК. Я ему заявил, что я вернулся опять на работу. В первый разговор Крестинский посмотрел на меня и ничего не сказал. Происходило какое-то взаимное щупание. Второй раз, когда я его видел, — он сказал, что работает как подпольщик.

Вышинский. Как троцкист?

Раковский. Как троцкист. А относительно содержания работы, когда я приехал из Токио, тогда мы поговорили. Но я должен сказать, что после этого с Крестинским я не виделся и никаких разговоров не было. С Бухариным я встретился в 1934 году на улице, когда он отправлялся читать доклад на конгрессе литераторов. И этим была исчерпана наша встреча. Рыкова я видел один раз в Совнаркоме. Последняя встреча с Сосновским была в декабре 1935 года.

Вышинский. Скажите, как вы могли бы кратко формулировать признание своей вины перед Советским Союзом.

Раковский. Я признаю, что, начиная с 1924 года, я являлся изменником советской социалистической родины.

Вышинский. А ваша сначала фракционная, потом контрреволюционная подпольная троцкистско-преступная деятельность в каком году началась?

Раковский. С Троцким я был лично знаком с 1903 года. Это знакомство укрепилось, и я являлся его близким другом.

Вышинский. Политическим?

Раковский. Политическим, когда касались политических вопросов.

Вышинский. И личным?

Раковский. И личным.

Вышинский. И оставались таковым до последнего времени?

Раковский. И оставался таковым до последнего времени.

Вышинский. Следовательно, почти 35 лет вас связывает политическая и личная дружба с Троцким?

Раковский. Правильно.

Вышинский. Вы вели борьбу против партии и Советского правительства?

Раковский. В 1921 году была дискуссия о профсоюзах, что называется «проба сил». А с конца 1924 года уже создается нелегальная связь, переходящая в рамки Уголовного кодекса.

Вышинский. С 1924 года создаются нелегальные, преступные,

караемые советским законом, связи и преступная деятельность?

Раковский. Которую я изложил.

Вышинский. Которую вы признали. Во имя чего вы, троцкисты, вели эту борьбу против Советского государства?

Раковский. Во имя захвата власти.

Вышинский. И далее, в каких целях захват власти?

Раковский. Цели сводились, в основном, к ликвидации тех достижений, которые существуют в настоящий момент.

Вышинский. То есть, иначе говоря, к ликвидации социалистического строя?

Раковский. К возвращению, я не говорю открыто, капиталистического строя...

Вышинский. Открыто вы этого не скажете?

Раковский. Я хочу сказать, что в моем сознании не фигурировало это, как открытая, как ясная цель, но в моем подсознании я не могу не отдавать себе отчета, что я на это шел.

Вышинский. Вы исходили из какой предпосылки и из какого прогноза исторического?

Раковский. Прогноз очень неопределенный. Тут была авантюра — удастся захватить власть — хорошо, не удастся...

Вышинский. Но вы исходили, во-первых, из основного троцкистского тезиса о невозможности построения в СССР, как отдельно взятой стране, при ее экономическом и культурном уровне, социалистического общества.

Раковский. Эта идеологическая предпосылка отпала.

Вышинский. Она впоследствии отпала, потому что заменилась какой-то другой предпосылкой?

Раковский. Никакой идеологической предпосылки не было.

Вышинский. Никакой идеологической предпосылки не было?

Раковский. Нет.

Вышинский. А задача заключалась в озверелой борьбе против социалистического государства, в целях захвата власти в интересах — в конце концов, каких же?

Раковский. Гражданин Прокурор, если я скажу вам, что мы хотели взять власть для того, чтобы ее передать фашистам, мы были бы не только преступниками, какими мы являемся, но были бы дураками. Но...

Вышинский. Но?

Раковский. Но, когда мы думали, что можно захватить власть и ее удержать и не передать фашистам, это было безумие, это утопия.

Вышинский. Следовательно, если бы вам удалось захватить власть, то неизбежно она оказалась бы в руках фашистов?

Раковский. Эту оценку я абсолютно разделяю.

Вышинский. Значит, вы хотели захватить власть при помощи фашистов?

Раковский. При помощи фашистов.

Вышинский. Если фашисты вам обеспечивают захват власти, то власть оказывается в чьих руках?

Раковский. История знает...

Вышинский. Нет, вы историю оставьте в покое.

Раковский. Нет тут единого ответа. Но если хотите, получилось бы нечто вроде петлюровщины на Украине.

Вышинский. «Нечто вроде» зависит от многих обстоятельств, которыми вы не управляете. Я спрашиваю вас, рассчитывали троцкисты и «право-троцкистский блок», представители которого сидят здесь на скамье подсудимых, захватить власть и ликвидировать Советскую власть своими собственными силами?

Раковский. Нет.

Вышинский. Нет. При чьей помощи «право-троцкистский блок» рассчитывал на захват власти? При чьей помощи?

Раковский. При помощи агрессора, фашистского агрессора.

Вышинский. Путем поражения, расчленения СССР и так далее, того, что мы здесь все уже выясняли. Я вас спрашиваю теперь: если ваш блок рассчитывал захватить власть, и это было единственной для вас надеждой, при помощи фашистских агрессоров, то в чьих руках была бы эта власть — в руках блока или в руках фашистских агрессоров?

Раковский. В конце концов она оказалась бы в руках фашистских агрессоров.

Вышинский. И в конце концов и в начале начал. Следовательно, ваш «право-троцкистский блок» являлся, и вы в этом признаете себя виновным, как один из активнейших и виднейших троцкистов и руководителей троцкистского подполья в СССР,— «право-троцкистский блок» являлся одним из отрядов фашистских агрессоров?

Раковский. Признаю.

Вышинский. И вы лично действовали в целях и интересах этого фашизма?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Действовали методами шпионажа?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Подготовки поражения СССР в предстоящей войне в случае нападения на СССР?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Подготовки ослабления мощи и обороноспособности СССР методами вредительства, диверсии и террора?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Это реальная действительность или фантазия? Или, как вы говорите, авантюра?

Раковский. Вы меня не поняли. Я говорю авантюра в смысле достижения целей, захвата власти.

Вышинский. Конечно, все это авантюра, потому что это несбыточно.

Раковский. Потому что это не удалось бы.

Вышинский. И никогда не удастся.

Раковский. В этом я не сомневаюсь.

Вышинский. Но это реальная программа?

Раковский. Да.

Вышинский. Так было в действительности?

Раковский. Так было, да.

Вышинский. При вашем участии?

Раковский. При моем участии.

Вышинский. Это есть государственная измена, вами совершенная?

Раковский. Я уже сказал.

Вышинский. Это есть не только измена перед Советским государством, но и перед всем международным рабочим движением. В этом вы себя признаете виновным?

Раковский. Признаю.

Вышинский. Вопросов больше нет.

Раковский. Я должен заявить, что я себя признаю в этом виновным с того момента, когда решил давать полные исчерпывающие откровенные показания. В течение 8 месяцев я запирался, отказывался.

Вышинский. Следуя директиве и тактике троцкистов.

Раковский. Тут переносятся старые революционные навыки, переносятся и контрреволюционные навыки.

Вышинский. Какие же у вас революционные навыки? У вас осталась кое-какая фразеология, это другое дело.

Раковский. Но нельзя отрицать, что я принадлежал когда-то...

Вышинский. Но вы были арестованы не когда-то, а теперь, Советской властью, и вы вообразили, что в отношении следственных органов Советского государства вы можете действовать теми старыми методами, которыми вы действовали когда-то, когда были в числе революционеров?

Раковский. Это значит, что я в течение 8 м-цев продолжал жить той же старой троцкистской контрреволюционной идеологией.

Вышинский. Вот я про это и говорю. И не только идеологией, но и тактикой.

Раковский. И тактикой. А потом, если разрешите, я скажу.

Вышинский. А потом, как говорится, разоружились.

Раковский. Я вам скажу, что меня заставило...

Вышинский. Я не возражаю, если кратко об этом скажете, без больших исторических отступлений, я не возражаю.

Раковский. Очень кратко. Как я заявил, я только на 8-м месяце стал давать показания откровенные, касающиеся моей основной деятельности.

Вышинский. Преступной.

Раковский. Преступной своей деятельности, понятно. Но до этого момента у меня много раз возникала мысль: правильно ли я поступаю, что отрицаю. Никто не будет отрицать — заключение, уединение вообще заставляет переоценивать ценности. Но я помню и никогда этого не забуду, пока буду жив, то обстоятельство, которое меня окончательно толкнуло на путь показаний. Во время одного из следствий я узнал, это было летом, во-первых, что разразилась японская агрессия против Китая, против китайского народа, я узнал относительно неприкрытой агрессии Германии и Италии против испанского народа.

Я узнал относительно лихорадочных приготовлений всех фашистских государств для развязывания мировой войны. То, что

читатель обыкновенно вычитывает каждый день по маленьким дозам в телеграммах, я это получил сразу в крупной, массивной дозе. Это на меня подействовало потрясающим образом. Передо мной встало все мое прошлое. Оно, конечно, может перекрыться и оно будет уничтожено моим позорным действием, но как внутренний мотив никто и ничего не может с этим сделать. Встало мое прошлое и моя ответственность, и мне стало ясно, что я сам к этому делу причастен и ответственен, что я сам своими изменническими действиями помогал агрессорам. Я знал, что я не один, что я в них питал иллюзии. В эти сети попали бывшие председатели правительства, бывшие наркомы, бывшие замнаркомы, бывшие послы. И тогда я стал сам перед собой следователем, я предстал перед своим собственным судом. Это суд, который никто не будет упрекать в какой бы то ни было пристрастности. Я встал перед своим собственным судом. Я с юных лет отдавал себя рабочему движению и к чему я пришел? Я пришел к тому, что я своими действиями облегчал самую гнусную работу, облегчал то, что фашистские агрессоры подготовляли для уничтожения культуры, цивилизации, всех завоеваний демократии, всех завоеваний рабочего класса.

Вот что меня заставило, вот что устранило мое упрямство, мой ложный стыд, проистекающий из самолюбия, мой страх за свою собственную участь, которая недостойна для людей, которые когда-то участвовали в революционном движении. Мое озлобление, которое несомненно у всех, у одних больше, у других меньше, озлобление против руководства, озлобление против отдельных личностей сыграло огромную роль. Озлобление и честолюбие — это все отошло. Я считал, что отныне моя обязанность — помочь в этой борьбе против агрессора, что я пойду и разоблачу себя полностью и целиком, и я заявил следователю, что с завтрашнего дня я начну давать полные и исчерпывающие показания. Я должен заявить, что те показания, которые я давал сейчас, они являются абсолютно полными, искренними и исчерпывающими.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 20 минут.

**
*

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Переходим к допросу подсудимого Зеленского.

Подсудимый Зеленский, вы подтверждаете показания, которые вы давали на предварительном следствии?

Зеленский. Да, я подтверждаю и прошу суд предоставить мне возможность рассказать о разоблачающих моментах как моей предательской, так и преступной деятельности в качестве члена контрреволюционного изменнического «право-троцкистского блока», поставившего своей задачей реставрацию капитализма в Стране советов.

Председательствующий. Покороче и поконкретнее.

Зеленский. Я должен коснуться в первую очередь самого тяжелого для меня преступления — это о своей работе в царской

охранке. Я состоял агентом самарской охранки с 1911 по 1913 год. Обстоятельства, при которых я был завербован, заключаются в следующем.

Летом 1911 года у меня был произведен обыск, у меня были найдены кое-какие документы, изобличающие меня в принадлежности к социал-демократической организации. Я был доставлен в жандармское управление, допрошен полковником Бетипажем, который заявил мне следующее: либо они создадут для меня каторжный процесс, либо я должен стать информатором охранного отделения. Мне было известно несколько случаев, когда самарская охранка создавала такие процессы. Я смалодушничал и вместо того, чтобы отказаться, дал согласие на то, чтобы стать осведомителем, поддался на переговоры, совершил измену и предательство делу революции.

Я не имею никаких смягчающих вину обстоятельств в этом деле. Я не могу сослаться на молодость, потому что мне был 21 год, я не могу сослаться на неопытность, потому что я уже принимал участие в революционном движении с 1906 года. Я дважды до Самары был арестован, высылался и, таким образом, я был человеком «обстрелянным». И тем более тяжелым является мое преступление.

При вербовке мне была дана кличка «Очкастый». Мне было предложено информировать о работе местной социал-демократической большевистской группы, о ее борьбе с ликвидаторами. В дальнейшем я регулярно получал деньги за эту предательскую работу — 25, 40, 50 и даже 100 рублей. Так продолжалось до февраля 1912 года.

За это время моя предательская, преступная работа заключалась в следующем. Я давал сведения о работе большевиков в обществе взаимопомощи клуба печатников, о работе большевиков в обществе потребителей. Я давал общую характеристику работы социал-демократической большевистской группы в Самаре. Само собой разумеется, что я имел встречи на конспиративной квартире с жандармским офицером, фамилию которого я не знал, а называли его — Василий Константинович. Я ему сообщал имена руководящих работников самарской организации. То, с чего начались переговоры и уговоры жандарма, — что с меня не будут требовать имен, — конечно, оказалось фикцией. Сперва требовали информацию общую, а затем потребовали и названия имен активных участников революционного дела. Я выдал ряд людей, которые были арестованы. Помимо работы по осведомлению, жандармы поручают мне и провокаторскую работу: мне было дано поручение связаться с работниками печати местных газет. Это мне выполнить не удалось по той причине, что с социал-демократами, работавшими в одной газете, у меня были очень обостренные, плохие личные отношения, а в другой газете, в которой тогда редактором был покойный Свидерский, дело обстояло таким образом, что Свидерский тогда стоял фактически на позициях кадетской партии. Мне было поручение организовать типографию. Мне было поручено организовать при помощи квитанционных книжек сбор членских взносов с тем, чтобы там бы-

ли печати, то есть мне было дано задание подготовить такой фактический материал, который при аресте организации послужил бы основанием для создания судебного процесса по 102-й статье и высылки людей на каторгу. В феврале 1912 года я был арестован вместе с теми людьми, которых я выдал: Буянов, Благодарова, Левин, Вульфсон, Кучменко. В связи с подготовкой январской конференции и после январской конференции в 1912 году в Самару приезжал Серебряков. Я сообщил и об этом приезде Серебрякова, который был арестован вместе с нами. Я сообщил также адрес, который был привезен Серебряковым для сношения с заграницей. Будучи арестован и заключен в самарскую тюрьму, я обратился к Бетипажу с заявлением о вызове меня на допрос, так как я желал узнать мотивы моего ареста. Бетипаж меня вызвал и заявил относительно мотива моего ареста, что это сделано для того, чтобы предохранить меня — «для вас же лучше, что мы вас арестовали». В тюрьме я просидел 6 месяцев, после чего был выслан в Нарымский край. Перед отправкой ко мне в тюрьму явился тот же самый жандармский офицер, с которым у меня были свидания на конспиративной квартире, и потребовал, чтобы я из ссылки информировал о настроениях ссыльных.

Должен сказать, что кроме непосредственной связи с жандармским офицером охранка связала меня с другим агентом — провокатором Полонко, который доставлял часть той информации, которую я давал, то есть служил связующим звеном.

Обязав меня информировать из ссылки, жандармское управление сообщило мне конспиративный адрес для сношений, именно типографию Авербуха. Позже, на основании этого показания, как мне сообщил следователь, допрошенный Авербух подтвердил полностью мои сообщения. Таким образом, уже в нарымскую ссылку я пришел предателем рабочего движения.

Конечно, смешно сейчас говорить, не время и не место говорить о том, как мучительно я переживал это предательство. Я из Нарыма послал два письма, после чего моя связь с охранкой порвалась. Я должен объяснить обстоятельства, при которых произошел этот разрыв. Передо мной были две возможности разрыва, как мне тогда казалось. Первая возможность честного признания, поскольку можно в этом деле говорить о честной возможности, заключалась в том, чтобы разоблачить свое предательство перед партийной организацией, отдать себя на суд партийной организации и предоставить себя решению партийной организации. Это был путь единственно правильный и честный в данном преступлении.

Я этим путем не воспользовался. Я порвал связь следующим образом. В начале 1913 года я довольно тяжело заболел, после этого наступила распутица, и я был послан в небольшой пункт Нарымского края Парабель, где было незначительное количество ссыльных, и весной уже перебрался в Нарым. Поскольку я скрывал свое преступление от партийных организаций и партийных людей, я пользовался их доверием как член партии. Я принял тогда предложение Александра Смирнова.

Вышинский. Вы уже переходите к следующей части ваших показаний.

Зеленский. Я хочу сначала сказать все, что касается...

Вышинский. Я полагал бы, что нужно закончить сначала этот период вашей работы в охранном отделении.

Зеленский. Пожалуйста.

Вышинский. Относительно вашей работы в качестве осведомителя, охранника, агента самарского жандармского управления вы все уже сказали или хотите еще что-нибудь сказать?

Зеленский. Кажется все.

Вышинский (обращаясь к суду). Тогда позвольте задать несколько вопросов.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. В каком месяце вы были завербованы?

Зеленский. Это было летом, кажется, в июне или в июле.

Вышинский. Июнь, июль какого года?

Зеленский. 1911.

Вышинский. Вы не знаете, вами во время вашего ареста, происшедшего в 1912 году, интересовалось жандармское управление?

Зеленский. Я не понимаю...

Вышинский. Вы были арестованы в 1912 г.?

Зеленский. Да был. Я об этом докладывал.

Вышинский. Неизвестно ли вам, интересовалось ли жандармское управление вами лично во время вашего ареста в 1912 году? Не запрашивало ли оно другие охранные учреждения о причинах ареста, что с вами случилось и так далее?

Зеленский. Не знаю, вероятно, запрашивало. Это мне неизвестно.

Вышинский. Вам неизвестно?

Зеленский. Я думаю, что раз я привлекался в других местах, вероятно, запрашивало.

Вышинский. В августе 1911 года или весной 1911 года, точных данных у меня нет, вы были подвергнуты обыску?

Зеленский. Вот это и был тот самый обыск, после которого я был доставлен в жандармское управление, где и был завербован.

Вышинский. И были завербованы?

Зеленский. Да.

Вышинский. До этого момента вы не были ни в какой связи с охранкой?

Зеленский. Нет.

Вышинский. А чем тогда объяснить, что 11 августа 1911 года был запрос начальника саратовского губернского жандармского управления по району о том, что «из полученных агентурным путем писем видно, что арестованный вами Зеленский весной или летом сего года будто бы был подвергнут вами обыску. Вследствие того, что сообщения об этом от вас не было, прошу сообщить, достоверно ли это, что послужило поводом к его обыску и какие результаты такового». Выходит, что начальник саратовского жандармского управления 11 августа 1911 года интересуется вашим делом специально. Чем это объяснить?

Зеленский. Я сам — уроженец Саратова, в Саратове привлекался, был связан с некоторыми саратовскими работниками, находился с ними в переписке, и очень возможно, что в той мере, в какой следили за моей перепиской с этими людьми, это могло интересовать жандармов.

Вышинский. Значит, безотносительно к тому, что вы были агентом охранки?

Зеленский. Безотносительно.

Вышинский. А может быть и в этой связи?

Зеленский. Не знаю.

Вышинский. Не знали ли вы о том, что 4 сентября 1911 года начальник оренбургского губернского жандармского управления запрашивал: «Прошу уведомить, что такое могло случиться за последнее время с Зеленским». То же самое делает начальник самарского губернского жандармского управления. Выходит, что вами интересуются сразу 3 охранных жандармских управления: самарское, где вы были завербованы в июле 1911 г., затем саратовское — 11 августа 1911 г. и, наконец, в сентябре оренбургское жандармское управление.

Зеленский. Да.

Вышинский. Периферия, как будто, довольно широкая.

Зеленский. Периферия та, где я работал.

Вышинский. «Что такое могло случиться за последнее время с Зеленским». Что это значит?

Зеленский. Я не могу дать разъяснения по этому поводу.

Вышинский. Не можете? Вы лично объяснение этому не можете дать? У меня есть объяснения, но я хотел бы узнать это от вас.

Зеленский. Я объясняю следующим образом. Я работал в Оренбурге, в Оренбурге арестовывался, в Оренбурге у меня были точно также связи и люди, которые были со мной связаны. Я думаю, что поскольку при аресте было известно и до ареста было известно о моей работе и в Саратове и в Оренбурге, жандармские управления этих мест получали уведомления о моем аресте, и, естественно, интересовались, нет ли материалов, которые имеются в саратовском жандармском управлении, могущих уличить или раскрыть кого-либо из находящихся в связи письменной или в иных сношениях в Оренбурге и Саратове.

Вышинский. Но вы посмотрите формулировка какая: «Прошу уведомить, что такое могло случиться за последнее время с Зеленским». Это же формулировка очень определенная: дескать, Зеленский — наш человек, а вы его арестовываете. В чем дело? Что случилось с ним? Только так можно понять. Или по-иному можно это понять?

Зеленский. Я могу сказать следующее...

Вышинский. Можно так понять?

Зеленский. Можно так, а можно и не так.

Вышинский. Вы в 1912 году где находились в заключении?

Зеленский. В самарской тюрьме.

Вышинский. Вы не обращались ли к его высокородию господину начальнику...

Зеленский. Я подал заявление с просьбой вызвать меня для допроса.

Вышинский. Для допроса?

Зеленский. Да.

Вышинский. А не для выяснения вопросов некоторых?

Зеленский. Я уже сказал, что я просил вызвать меня...

Вышинский. Для допроса?

Зеленский. Да. Это было написано в заявлении. Я имел в виду выяснить мотивы моего ареста.

Вышинский. Мотивом ареста для революционера вполне естественно является его революционная деятельность. А вы думали, они вам скажут, кто вас выдал?

Зеленский. Нет, не кто меня выдал.

Вышинский. Что вы хотели?

Зеленский. Я подал заявление с просьбой вызвать меня для допроса.

Вышинский. А я думаю, что вы не так писали. Разрешите огласить ваше заявление, потом можете спорить.

Зеленский. Простите, разрешите мне сказать, может быть не стоит вам терять время.

Вышинский. Разрешите мне потерять время и огласить:

«Его высокородию, господину начальнику самарского жандармского управления. Прошение. Имею честь покорнейше просить вас вызвать меня в управление, или пожаловать в самарскую губернскую тюрьму для выяснения вопросов, связанных с моим арестом, а также разрешите мне свидание с моим братом Яковом Абрамовичем Зеленским». Ваш брат не был агентом жандармского управления?

Зеленский. Нет, не этот, а другой брат.

Вышинский. Как его звали?

Зеленский. Александр.

Вышинский. Он тоже был агентом жандармского управления?

Зеленский. Да.

Вышинский. Какого?

Зеленский. Тоже самарского.

Вышинский. Тоже самарского?

Зеленский. Тоже самарского.

Вышинский. Значит, у вас семейное дело возникло? (*Зеленский молчит*).

Вам неизвестно, что в 1913 году вами интересовался полицмейстер и почему? Его запрос в самарское губернское жандармское управление: «По встретившейся надобности, прошу вас не отказать уведомить меня, куда и на какой срок выслан Исаак Аврумович Зеленский». Это вы?

Зеленский. Да.

Вышинский. В июле 1911 года вас завербовывают агентом самарского жандармского управления, в августе запрашивает саратовское жандармское управление и в сентябре оренбургское жандармское управление, — что могло с вами случиться. Наконец, в 1913 году в январе полицмейстер запрашивает, куда вы выс-

ланы, на какой срок. Все, значит, с вами ищут связи и заботятся о вашей судьбе. Так это или нет? (Зеленский молчит).

Зеленский. Я думаю.

Вышинский. Я спрашиваю, это факт?

Зеленский. Факты таковы.

Вышинский. Вы скажите, что вы были знакомы с Полонко?

Зеленский. Не знаком, а он являлся агентом, провокатором.

Вышинский. Какое отношение вы к нему имели?

Зеленский. Он был агентом охранки и было предложено мне сноситься через Полонко с охранкой.

Вышинский. Я вопросов не имею сейчас, но прошу суд удостовериться, взять том 51 настоящего дела, там имеется архивная справка исполняющего обязанности начальника жандармского управления Истомина. В этой справке жандармского управления говорится: «Полонко Александр Александрович, аптекарский ученик, железнодорожный служащий»...

Зеленский. Я его родословную не знаю.

Вышинский. Не родословная, но это факт, что «Александр Александрович Полонко состоял секретным сотрудником самарского губернского жандармского управления под кличкой «Новикова». Вы знали его кличку «Новиков»?

Зеленский. Нет.

Вышинский. А у вас какая была кличка?

Зеленский. «Очкастый».

Вышинский. Почему?

Зеленский. Очевидно потому, что носил очки.

Вышинский. Нет, я думаю не поэтому. А еще какая?

Зеленский. «Салаф».

Вышинский. Почему?

Зеленский. Не знаю.

Вышинский. По справке того же жандармского управления в 1910 году Полонко получал 40 рублей в месяц. Оплата производилась по ведомости номер 25 за 1910 год: «сентябрь — октябрь — 60 рублей, ноябрь — декабрь — 40 рублей, ... февраль — 60 рублей, март — 60 рублей, в апреле — 100 рублей». А у вас как?

Зеленский. Тоже — 25, 40, 50, тоже 100.

Вышинский. Значит, вы с Полонко двигались параллельно?

Зеленский. Да.

Вышинский. Значит, Полонко установлен у нас документально. Авербух вам известен?

Зеленский. Лично я с ним не знаком, но это та фамилия, на адрес которой я должен был посылать письма в охранку из ссылки.

Вышинский. Из ссылки посылали письма на имя Авербуха. Кто такой был Авербух?

Зеленский. Владелец типографии.

Вышинский. И одновременно агент охранки?

Зеленский. Вероятно, да.

Вышинский. Если вы на его имя посылали свои письма из

ссылки, а он должен был их передавать в охранку, вероятно он был агентом охранки?

Зеленский. Да.

Вышинский. Прошу суд удостовериться, что в том же 51 томе на листе 24 содержится протокол допроса арестованного в декабре 1937 года Авербуха Лейбы Моисеевича. Это он?

Зеленский. Я сказал, что имени его не знаю.

Вышинский. «Я имени его не знаю». Но Авербух есть Авербух?

Зеленский. Полагаю, что это тот самый.

Вышинский. И вот Авербух показывает: «Кроме этого, мой адрес использовался самарским жандармским управлением, агентами жандармского отделения, находящимися даже в ссылке. Помню, через меня шли донесения некоего Исаака Абрамовича, находящегося в ссылке». Это вы?

Зеленский. Полагаю, что так.

Вышинский. «Его письма я передавал в жандармское управление». Вопрос: «Персонально кому вы передавали письма Исаака Абрамовича?» Ответ: «Фамилию лица я не помню». Вопрос: «Сколько писем вы передали?» Ответ: «Всего с 1913 по 1916 год я передал четыре — пять писем в жандармское управление».

Зеленский. Я с 1913 по 1916 год не был в Нарыме.

Вышинский. Это не только вас касается, могли быть письма и от других. А то, что касается вас, это факт?

Зеленский. Факт.

Вышинский. Далее он говорит: «Исаака Абрамовича по фамилии Зеленский я не знаю. Мне известен по письмам, пересылаемым в жандармское управление, Исаак Абрамович, фамилию которого я не знаю, письма которого я получал и передавал в жандармское управление». Сам получал 50 рублей в месяц, вы получали больше. Это все вы подтверждаете, обвиняемый Зеленский?

Зеленский. Подтверждаю.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, был ли такой случай, что обвиняемый Ягода в 1924 году вас посетил и вам предоставил вот эти фотографические и дактилоскопические данные из жандармского управления?

Зеленский. Да.

Вышинский (обращаясь к Председательствующему). Можно обвиняемого Ягоду спросить?

Председательствующий. Да.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вы подтверждаете этот факт?

Ягода. Да. Это было дело его брата.

Вышинский. Это было дело его брата?

Ягода. Да, его брат был арестован, Зеленский очень волновался. Брат был провокатором и расстрелян в 1924 году.

Вышинский. А вы передали этот материал Зеленскому? Почему?

Ягода. Я не передавал этого материала. Дзержинский пред-

ложил мне показать дело Зеленскому. Я Зеленскому сказал, чтобы он приехал. Он был в то время секретарем Московского комитета партии. Он не приехал, но звонил, чтобы я приехал.

Вышинский. Вы были?

Ягода. Был. Я ему показал все дело. Зеленский очень взволновался и просил оставить у него дело.

Вышинский. И вы оставили?

Ягода. Нет, я забрал обратно.

Вышинский. А каким образом эти дела оказались у него?

Ягода. Я не помню.

Зеленский. Он привез мне дело моего брата и мои лично самарские дела.

Вышинский. Вот эти дела?

Зеленский. Да. Я попросил дать мне эти два фотографических снимка.

Вышинский. Два?

Зеленский. Два или сколько там.

Вышинский. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь — целых девять снимков.

Зеленский. Это же все на одной карточке.

Вышинский. Карточка одна, но снимков девять.

Зеленский. Да.

Вышинский. Теперь можете переходить к вашей дальнейшей эпопее.

Зеленский. Но эти карточки не удостоверяют... А удостоверяют то, что я был привлечен к жандармскому дознанию по делу о принадлежности к социал-демократической организации.

Вышинский. Мне важно сейчас зафиксировать показания обвиняемого Ягоды, что вы волновались, интересовались и в результате этих ваших интересов и волнений 9 карточек этого вашего брата, провокатора, оказались в вашем распоряжении.

Зеленский. Не моего брата, а моих карточек. А второй экземпляр остался в деле.

Вышинский. А это осталось у вас?

Зеленский. Да.

Вышинский. Вы кем были тогда?

Зеленский. Секретарем Московского комитета.

Вышинский. Вы сообщили тогда Центральному Комитету партии об этом факте?

Зеленский. О брате? Да?

Вышинский. Нет, о себе.

Зеленский. Нет, не сообщил.

Вышинский. Значит, вы скрыли все это? Рассказывайте теперь дальше.

Зеленский. Значит, я бежал из ссылки, использовав доверие, оказанное мне партийными людьми, в Царицын, с поручением восстановить там партийную организацию и провести там кампанию по перевыборам больничных касс. Я проработал в Царицыне 2—2½ месяца, был арестован и возвращен в Нарым. В Нарыме я продолжал скрывать свои преступления перед партией; окончил ссылку, после чего продолжал находиться в связи

с партийной организацией, выполнять партийную работу. Работал под Москвой — в Богородске, на Электропередаче, работал в Сормове и в сентябре 1915 года был снова арестован и выслан в Верхоленск Иркутской губернии, просидев в тюрьме больше восьми месяцев. В Иркутске я также продолжал скрывать перед ссыльными свое участие, свою предыдущую провокаторскую работу. Бежал из иркутской ссылки в декабре 1916 года. При проезде из ссылки и встрече с братом, я узнал о том, что он также завербован охранкой, и предложил ему, вместо того, чтобы разоблачить его, порвать всякую связь с партийной организацией. Не знаю, сделал он это или нет, потому что в феврале 1917 года он был разоблачен, объявлен провокатором, арестован и судим. Это, так сказать, первая позорная эпопея из моей преступной жизни. Я связался с правыми в конце 1928 или в 1929 году.

Прежде чем рассказать о характере своей связи с правыми, я хочу остановиться на одном своем также антипартийном и преступном шаге, о котором хотя и известно было партии, но который не получил достаточного освещения.

Я хочу сказать о письме, которое я написал из Ташкента Каменеву летом 1924 года. Я хочу об этом сказать не в целях вскрытия только своих преступлений, но и потому, что это имеет некоторый общественный интерес и открывает некоторые вопросы, освещающие состояние московских организаций в то время и подготовку Каменевым нападения на партию уже летом 1924 года. Мое письмо рассматривалось как письмо человека, обиженного снятием с работы. На самом деле это не так. Письмо носит несомненно фракционный характер. В письме содержится антипартийное, антиленинское противопоставление линии Ленина—линии Сталина. Письмо свидетельствует о том, что уже тогда намечалась подготовка антипартийной борьбы против Сталина. Существо вопроса заключается в следующем. Каменев усиленно культивировал в Москве местнические настроения, он стремился к тому, чтобы московская организация фактически явилась вотчиной.

Вышинский. Может быть, покороче об этом. Нас сейчас Каменев не интересует.

Зеленский. Вопрос заключается в том положении, в тех тенденциях, которые могут возникнуть.

Вышинский. Нам не важны тенденции, которые могут возникнуть, а нам важен факт, констатирующий вашу преступную деятельность. Все остальное можете сказать в своем заключительном слове, а сейчас идет допрос суда. Следовательно, будьте добры, сообщите факты, касающиеся вашей преступной деятельности как члена право-троцкистского и антисоветского заговора и блока, а вы — издалека очень.

Зеленский. Я об этом и сообщаю.

Председательствующий. Об этом письме имеются ваши показания, которые не представляют особого интереса для открытого судебного заседания, к делу непосредственного отношения не имеющие.

Зеленский. Имеют отношение в том смысле, что показывают, что летом 1924 года Каменев подготовлял борьбу против Центрального Комитета партии.

Вышинский. Это тоже известно.

Зеленский. А я был соучастником этого дела.

Вышинский. Так и скажите, что вы уже в 1924 году были соучастником Каменева в антисоветской борьбе.

Зеленский. Тогда еще не было антисоветской борьбы, а она подготовлялась.

Вышинский. Но по существу это была борьба против партии и против Советского государства.

Зеленский. Теперь вопрос относительно моей вредительской работы. Я примкнул к организации правых в конце 1928 или в начале 1929 года по мотивам, которые указаны в обвинительном заключении, — из-за боязни разоблачения моей преступной деятельности.

Вышинский. Какой преступной деятельности?

Зеленский. Провокаторской.

Вышинский. Вот так и говорите.

Зеленский. Я примкнул к организации правых не только поэтому, но и потому, что линия партии, принятая в это время: наступление на кулачество, окончательная ликвидация кулачества, последнего эксплоататорского класса, — особенно резко толкнула меня в лагерь контрреволюции. Я связался со Смирновым. Связался с ним по той причине, что я был ранее с ним знаком и близок, и по той причине, что связь с ним представлялась более удобной, так как он занимал высокий партийный пост. Я был завербован А. П. Смирновым. Приезжая из Ташкента, я принимал участие на ряде собраний правых, имевших место у Смирнова в течение 1929—1930 годов. На собраниях участвовал ряд людей, имена которых я называл в своих показаниях и которые разрешите здесь огласить.

Вышинский. Это не имеет значения, кто принимал участие на собраниях 10 лет тому назад. Из подсудимых есть кто-нибудь?

Зеленский. Нет.

Вышинский. Вы участвовали?

Зеленский. Да.

Вышинский. Вот, раньше всего о себе и говорите.

Зеленский. На собраниях резко критиковалась линия партии, вырабатывалась линия борьбы против ЦК партии. Смирнов во время одного из посещений сообщил мне о наличии центра правых в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и его, Смирнова.

Говоря о тактике центра в период 1929—1930 годов, я должен отметить, что Смирнов уже тогда высказывал резкое недовольство. Он считал недостаточно активной и решительной линию правых — Бухарина и Томского. Он требовал более решительных выступлений, более решительных действий в борьбе за смену руководства. Уже тогда он высказывался за необходимость блока с Каменевым, Зиновьевым.

В 1929—1930 годах Смирнов давал мне ряд указаний относительно срыва коллективизации в Средней Азии.

Указания эти заключаются в следующем: необходимо всячески сохранить, как Смирнов выражался, мощное хозяйство, подразумевая под этим кулацкие хозяйства; необходимо всячески тормозить развитие коллективного движения, тормозить и срывать колхозное строительство. Он указывал на необходимость оказать поддержку буржуазно-националистической организации в ее борьбе против партии. Я сообщил эти директивы. По отношению к Средней Азии они заключаются в том конкретно, что я представил в ЦК партии план коллективизации, значительно преуменьшающий фактические возможности и представляющий собой заниженные темпы. Тот план коллективизации, который был мною представлен на первое пятилетие, предусматривал возможность коллективизации 52% крестьянских хозяйств. ЦК отверг этот план и установил процент коллективизации в 68%.

Вместо того, чтобы организовать борьбу за осуществление этого плана путем всемерного усиления организационно-хозяйственной работы в колхозах, подготовки кадров, я, по приезде в Ташкент, выдвинул лозунг «Догнать и перегнать передовые в отношении коллективизации районы Союза». На основе этой директивы местные организации разработали план быстрых темпов коллективизации, приступили к организации колхозов, применяя при этом административные методы. Этот способ срыва колхозного строительства был подхвачен национал-шовинистическими организациями, которые организовали ряд перегибов. Когда недовольство приняло значительные размеры и перед ЦК нельзя было скрывать этих грубых ошибок, допущенных при коллективизации, мною было дано указание о том, чтобы вместо исправления ошибок пустить дело таким образом, чтобы люди выходили из колхозов — не препятствовать этому. Под этой, казалось бы, легальной формулой открывался путь для кулацкой агитации и кулацкой активности в направлении развала колхозов. Из 55% охвата хозяйств колхозами, который был к концу 1930 года, после выхода из колхозов количество хозяйств, объединенных в колхозы, упало до 28%, то есть 15—18% отсеялось из колхозов. Кроме этого вредительства в колхозном строительстве, я поддерживал правых в национальных республиках, в том числе Файзуллу Ходжаева в Узбекистане, Атабаева в Туркмении, Хаджибаева в Таджикистане и т. д.

После снятия меня из Ташкента и по приезде в Москву я продолжал поддерживать отношения со Смирновым, как представителем центра правых. Смирнов в конце 1931 или в начале 1932 года, говоря о провале тактики правых по срыву колхозного строительства, познакомил меня с рютинской платформой. Рютинская платформа, как известно, есть платформа реставрации капитализма. Говоря об этой платформе, Смирнов рассказал мне о той новой тактике, которая намечается центром правых и заключается в следующем: применение двурушничества, конспиративный характер организации, переход к тактике

вредительства, диверсий, подрыва, подготовки повстанческих кадров, переход к террору.

Говоря о необходимости концентрировать свои силы в борьбе по устранению руководства партией и страной, Смирнов считал, выражая этим мнение центра, с которым я также солидаризировался, возможным допускать всякие средства, подразумевая тем самым борьбу и путем восстаний и путем террора.

После того как Смирнов был разоблачен как правый, я стал держать связь с Антиповым, который мне известен как активный участник контрреволюционной организации правых. От него я получал указания относительно активизации вредительской работы в кооперации и Центросоюзе. Цель вредительской работы, которую ставила себе организация правых в торговле, заключалась в следующем: Антипов и все правые придавали особое значение дезорганизации хозяйства в тех отраслях, которые наиболее близко соприкасаются с населением — жилищное дело, кооперация, торговля, товарооборот и так далее.

Председательствующий. Вы говорите об истории организации правых. Лучше скажите о своей вредительской работе, а то вы выступаете как свидетель, а о себе ничего не говорите.

Зеленский. Каждый обвиняемый в то же время и свидетель.

Председательствующий. Хорошо, но о своей вредительской работе не забудьте сказать.

Зеленский. Я свидетельствую о том содержании вредительской работы и о тех целях, которые преследовала вредительская работа. Я полагаю, что это имеет значение.

Так вот, цели вредительской работы заключались в том, чтобы вызвать недовольство населения плохой работой по снабжению, недовольство работой снабженческих, торговых, в данном случае, кооперативных органов, а этим самым вызвать недовольство против правительства, то есть с явно провокационной целью.

Каким путем я осуществлял эту вредительскую работу? Я завербовал как в Центросоюзе, так и на местах...

Председательствующий. Фамилий называть не нужно.

Зеленский. Хорошо. Завербовал несколько работников. Содержание вредительской работы заключалось в следующем. Правые организовали перебои в торговле товарами повседневного спроса. Так, например, такие перебои были организованы в Курской области. В первом квартале 1936 года в торговле сахаром. Многие лавки в течение недели-двух не имели сахара. Такого же рода вредительские перебои были организованы в Ленинградской области в торговле махоркой. Такого же рода перебои были летом 1936 года в торговле печеным хлебом в ряде сельских местностей БССР, расположенных в пограничных районах.

Чтобы дать некоторое представление о том, какого характера были эти перебои, я укажу на следующее: из 30 тысяч лавок, которые были обследованы торгово-кооперативными секциями советов и торговой инспекцией, в первом квартале 1936 года

не было соли в 3700 лавках. Из 42 тысяч лавок в 2 тысячах лавок отсутствовала продажа сахара. В третьем квартале 1936 года отсутствовала продажа махорки в 1600 лавках из 36 тысяч лавок. Так что это были не единичные явления, а довольно распространенные.

Правые не боролись против обмера, обвеса и обсчета населения. Больше того, они содействовали этому преступному делу...

Председательствующий. Вы говорите о себе, а не о них.

Зеленский. Хорошо. Это достигалось следующим образом.

Вышинский. Вы насчет обсчета?

Зеленский. Да.

Вышинский. А насчет масла как обстояло дело благодаря вашей преступной деятельности?

Зеленский. Я перейду к этому. Это я имею в виду осветить.

Вышинский. Это меня интересует по ходу дела следствия, как обстояло дело с маслом. Вы говорили о соли, о сахаре, как вы вредительским образом задерживали продажу этих продуктов населению и так далее. А как было дело с маслом?

Зеленский. Маслом мы в деревне не торгуем.

Вышинский. Я не спрашиваю, чем вы торгуете. Вы торговали раньше всего основным — родиной, а я говорю о том, какие меры предпринимала ваша организация для того, чтобы сорвать товарооборот и лишить население необходимейших первых предметов потребления. Кроме сахара и соли известно ли вам что-нибудь относительно масла?

Зеленский. Я вам сказал, что кооперация в деревне маслом не торгует.

Вышинский. Вы же не кооператор, а вы — член заговорщической организации. Относительно масла вам известно?

Зеленский. Нет.

Вышинский. Например то, что не выпускали дешевых сортов масла?

Зеленский. Это совсем другое дело.

Вышинский. То есть как другое?

Зеленский. Это я могу объяснить вам сейчас. Я хочу рассказать вам то, что имело отношение...

Вышинский. Нет, вы делите свою деятельность на две части: ваша деятельность как кооператора и ваша деятельность как заговорщика, а я хочу, чтобы вы выступали здесь не как кооператор, а как заговорщик.

Зеленский. Правильно, но некоторую последовательность в изложении мне можно разрешить?

Вышинский. Вы же не докладчик.

Зеленский. Но в отношении изложения моей преступной деятельности известная последовательность должна быть?

Вышинский. Я считаю последовательностью ответы на те вопросы, которые предъявляет вам судебное следствие, и спрашиваю вас: известны ли вам преступные операции в отношении снабжения населения маслом, в частности, дешевыми сортами масла, или нет? Операции, которые были проделаны по указа-

нию вашего «право-троцкистского блока», известны вам или нет?

Зеленский. Да, известны.

Вышинский. В чем они заключались?

Зеленский. Они заключались в следующем: все заготовительные организации при выработке масла пользовались мировыми стандартами, определяющими сортность масла.

Вышинский. Это не то.

Зеленский. Вот это и есть.

Вышинский. Нет.

Зеленский. Как нет? Это производилось...

Председательствующий. Подсудимый Зеленский, не пререкайтесь и отвечайте по существу.

Вышинский. Вы хотите мне объяснить технику дела, а я хочу выяснить суть этого дела. Вот вы говорили на предварительном следствии, что подрывной характер работы заключался и в следующем: установленная шкала для определения сортности масла, вырабатываемого из молока, приводила к тому, что получалось масло только высшего сорта, дешевого масла на рынок не поступало.

Зеленский. Я это хотел вам сейчас объяснить.

Вышинский. Факт это или не факт?

Зеленский. Факт.

Вышинский. Дальше. Это отражалось на бюджете потребителя. Так или не так?

Зеленский. Правильно.

Вышинский. Вызывало это со стороны населения удовольствие или неудовольствие?

Зеленский. Неудовольствие.

Вышинский. Вы стремились к этому?

Зеленский. Стремились.

Вышинский. Ваша организация стремилась?

Зеленский. Стремилась.

Вышинский. А то масло, которое выпускалось, всегда было доброкачественным, или вы тоже старались сделать его недоброкачественным?

Зеленский. Да.

Вышинский. Были ли случаи, что члены вашей организации, имеющие отношение к масляному делу, в масло подбрасывали стекло?

Зеленский. Были случаи, когда в масле оказывалось стекло.

Вышинский. Не «оказывалось», а подбрасывалось стекло. Вы понимаете разницу: подбрасывалось стекло? Были случаи такие или нет?

Зеленский. Были случаи, когда в масло подбрасывалось стекло.

Вышинский. Были ли случаи, когда ваши соучастники, сообщники преступного заговора против Советской власти и советского народа, подбрасывали в масло гвозди?

Зеленский. Были случаи.

Вышинский. С какой целью? Чтобы было «вкуснее»?

Зеленский. Это ясно.

Вышинский. Вот это и есть организация вредительской, диверсионной работы. В этом вы себя признаете виновным?

Зеленский. Признаю.

Вышинский. А вы говорите: «мы этим не занимаемся, это не кооперативное дело». Вы член «право-троцкистского заговорщического блока»?

Зеленский. Член.

Вышинский. Вы участвовали во вредительской, диверсионной, террористической, шпионской работе этого блока?

Зеленский. Во вредительской, диверсионной работе участвовал.

Вышинский. О шпионской работе вы пока умалчиваете? (Зеленский молчит.) Вы отвечаете за всю преступную деятельность блока?

Зеленский. Отвечаю.

Вышинский. В том числе за диверсионную?

Зеленский. Отвечаю.

Вышинский. За гвозди, за стекло в масле, которые резали горло и желудки нашего народа?

Зеленский. Отвечаю. Можно продолжать?

Председательствующий. Пожалуйста.

Зеленский. Я остановился на изложении вредительской деятельности в отношении обмера, обвеса и обсчета, которые достигались таким путем, что оптовые местные организации не имели прейскуранта.

Вышинский. Это вы опять насчет обсчета. А вот насчет яиц?

Зеленский. Тогда разрешите установить порядок допроса.

Председательствующий. Подсудимый Зеленский, когда вы будете говорить защитительную речь или последнее слово, никто не будет вас прерывать, а сейчас, если подсудимому задают вопросы, потрудитесь отвечать.

Зеленский. Я отвечаю на все вопросы.

Председательствующий. Подсудимый Зеленский, Прокурор Союза задает вам вопросы, вы можете отвечать или не отвечать, вы можете совсем не говорить и сесть на место, но если вам задают вопросы, потрудитесь отвечать.

Вышинский. Вы говорите об обсчете, а меня интересуют вопросы, которые ближе к маслу, я хочу по поводу яиц говорить, а потом по поводу обсчета. Вы предпринимали такого рода меры, как в отношении масла, и в области снабжения населения яйцами? Этот вопрос тоже интересует население. Например, был ли такой случай или случаи, когда Москву периодически пытались оставить без яиц? Были такие случаи?

Зеленский. Да, были.

Вышинский. В 1936 году был такой случай, что Москва сидела без яиц по вашей вине, по вине не вашей персонально, а одного из активных участников этого заговорщического блока?

Зеленский. Был.

Вышинский. Не припомните ли, когда особенно резко это выявилось?

Зеленский. Я сейчас месяц не могу назвать, но могу сообщить о следующем факте. В 1936 году была допущена вредительская порча 50 вагонов яиц.

Вышинский. 50 вагонов яиц? Это где, в Москве?

Зеленский. Да.

Вышинский. Сознательно?

Зеленский. Я полагаю.

Вышинский. Полагаете только? А кто это допустил, я спрашиваю не фамилию, а кто по отношению к вашей организации?

Зеленский. Это допустил человек, которого я поставил руководить этой организацией, — заведующий яйцо-птичным отделом Кулиновский и заведующий московской конторой, который мной не завербован, но я полагаю, что он был членом организации.

Вышинский. Но они проводили эту операцию с вашего ведома?

Зеленский. Нет, я об этом потом узнал.

Вышинский. Значит, по собственной инициативе?

Зеленский. Повидимому.

Вышинский. А директива была вредить, чем можешь?

Зеленский. Была.

Вышинский. И они, поставленные на яичное дело, вредили в этом деле? Было ли это с вашего ведома?

Зеленский. Да, это было с моего ведома.

Вышинский. Разве это по собственной инициативе?

Зеленский. Нет, под мою ответственность.

Вышинский. Как члена...

Зеленский. Контрреволюционной организации.

Вышинский. А вы кем в это время были?

Зеленский. Председателем Центросоюза.

Вышинский. Значит, на вашей обязанности было снабжение населения предметами питания?

Зеленский. Да.

Вышинский. И вы так вот снабжали население питанием. А в яйца гвозди не подсыпали?

Зеленский. Нет.

Вышинский. Почему? Не выходило? Скорлупа мешала? Теперь можете говорить дальше.

Зеленский. Я считаю, что обсчет, обмер, обвес — не менее вредительское дело.

Вышинский. Да, это серьезное дело.

Зеленский. И я хочу раскрыть механику этого дела.

Вышинский. Расскажите сначала, в чем это заключалось, а потом о механике будете говорить.

Зеленский. Мне кажется, что вопросы обсчета, обмера и обвеса ясны для каждого, это очень ясно. Дело заключается в том, что когда человек приходит за покупкой в лавку, его обсчитывают, обмеривают и обвешивают, то есть ему назначают цену больше, чем та, по которой продается товар, либо ему дают вес меньший, чем это следует, либо отпускается товар не того качества.

Вышинский. Для чего это делается?

Зеленский. Для того, чтобы вызвать недовольство населения.

Вышинский. То есть с провокационными целями?

Зеленский. Понятно. Механика этого дела заключается в том, что в оптовых организациях отсутствует прейскурант цен.

Таким образом, часто ревизующие организации и сами потребители лишены возможности проверить правильность назначенных цен. Цены назначаются торгующими организациями или продавцами лавки очень часто по своему усмотрению, то есть бесконтрольно. Таким образом, поймать человека, обсчитывающего потребителя, почти невозможно. Это явление приняло серьезный характер и большое распространение. Чтобы дать характеристику размеров этого вредительства, я укажу на то, что из 135 000 лавок, которые были проверены инспекцией торгово-кооперативной сети, установлены случаи обсчета и обмана покупателей в 13 000 лавок. Фактически же количество их значительно больше.

Очень важный вид вредительства, также в целях вызова недовольства населения, заключается в замораживании товарооборота, достигаемом путем неправильной или несвоевременной засылки товаров. Так, например, были случаи, когда летние товары засылались зимой и, наоборот, зимние товары прибывали в лавки летом.

Вышинский. То есть летом населению предлагали валенки, а зимой тапочки?

Зеленский. Да.

Вышинский. Это ваш такой был план?

Зеленский. Да.

Вышинский. Это случайность или это план и система?

Зеленский. Раз вредительство, стало быть, случайности быть не может.

Вышинский. Стало быть, это делалось преднамеренно, по вашим указаниям?

Зеленский. Да.

Вышинский. В тех же провокационных целях?

Зеленский. Да.

Вышинский. Какие размеры приняло это вредительство?

Зеленский. Общий размер, который приняло это экономическое вредительство, выражался в следующем. Как правило, размер тех или иных остатков в торгующей сети превышал на 1—1½ процента, то есть составлял 100—150 миллионов рублей...

Фактически же размер замораживания был выше, потому что в некоторых областях — в Западной Сибири, например, в Курской области, Саратове, фактически товарные остатки были выше того, что в плане, на 8—10 дней, и так далее. Я должен еще указать один метод вредительства в завозе и замораживании товаров. В четвертом квартале 1936 года были определены товары для хлебозакупок. Товары были направлены во все районы хлебозакупок, и оказалось, что в Татарии, Башкирии и других местах хлебозакупка идет неудовлетворительно. Товары же, предназначенные для хлебозакупочного фонда, держались там в течение 4—6 месяцев, и только по прошествии этого был постав-

лен вопрос об их разбронировании. Население видело товары в лавках и не имело возможности получить их, и это, в свою очередь, вызывало острое недовольство у населения.

Я должен коснуться еще крупнейшего вопроса — это вопрос о содействии растратам и хищениям.

Председательствующий. Покороче, пожалуйста.

Зеленский. Мое содействие растратам и хищениям выразилось в двух видах. Мною было поручено разработать вредительскую инструкцию по учету. Суть вредительства здесь заключалась в том, что я разрешил производить групповые записи торговых операций по так называемой групповой системе, что ослабило возможность контроля. Кроме того, мною была резко сокращена бухгалтерская отчетность и была сохранена довольно значительная отчетность оперативная, что ослабляло всякую возможность учета подотчетных лиц.

Мною сознательно тормозилась работа ревизионных комиссий сельских потребительских обществ. Осуществить борьбу против растрат и хищений без работы ревизионных комиссий, без организации общественного контроля, невозможно. Мною сознательно не были приняты меры для того, чтобы организовать эту работу. Я должен указать также и на то, что мы принимали меры к разрушению учета пайщиков, учета паевого капитала, что тормозило привлечение пайщиков к управлению делами кооператива. Вот главнейшие виды и отрасли работы, которые были охвачены вредительством, которое я организовал, за которое я несу полную ответственность.

Я должен сказать следующее. Мы, вредители, могли проводить такого рода широкую работу только при наличии пособников. Такими пособниками в товарообороте являлись вредительские организации Наркомвнуторга и Госплана. Пособниками являлись те, кто должен был ревизовать и контролировать, то есть Антипов, а он являлся тем человеком, от которого я непосредственно получал директивы по вредительству.

Но я хочу указать еще на двух пособников. Эти пособники следующие. Во-первых, в нашей вредительской работе мы использовали ведомственные трения и бюрократические всяческие закорючки в советских организациях: это давало возможность прикрывать вредительскую работу, и вредительская работа возможна была при наличии такого пособника как оппортунистическое, терпимое, обывательское отношение со стороны многих коммунистов и беспартийных, терпимо относящихся ко всякого рода проявлениям мелкого вредительства, как, якобы, к проявлению мелких недостатков объективного порядка. Для того чтобы искоренить вредительство, были приняты меры по линии Наркомвнудела, но если можно таких вредителей, как мы, искоренить путем ареста, то таких пособников путем органов Наркомвнудела устранить нельзя, а нужно организовать дело так, чтобы...

Председательствующий. Обойдемся без вас.

Зеленский. Я должен коснуться еще одного вопроса. Правые придавали большое значение использованию кооперативного аппарата в антисоветских целях. Я имел задание и преследовал

цель засорять этот аппарат чуждыми, враждебными, антисоветскими, повстанческими элементами. Засоренность аппарата Центросоюза видна из того, что в аппарате Центросоюза было при мне около 15% бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и так далее. В некоторых областях количество чуждых выходцев из других партий, колчаковских офицеров и так далее, например, в Красноярском крае, Иркутске, Западной Сибири, было значительно выше.

Я давал указания, чтобы не выгонять этих людей из аппарата, имея в виду, что при том разветвленном аппарате в деревне, который имеет кооперация, эти люди могут всегда явиться центром притяжения всякого рода антисоветских элементов и организатором всякого рода повстанческих групп и банд.

Правые имели в виду также использовать кооперацию на предстоящих выборах в Верховный Совет. Но тут ничего сделать не удалось, так как произошел арест. Правые имели в виду использовать сельский аппарат на выставление своих кандидатур в первую очередь в местные кооперативные органы.

Вышинский. В период вашего пребывания в Средней Азии вы вели подпольную контрреволюционную работу?

Зеленский. В период моего пребывания в Средней Азии я вел работу, о которой говорил. Я вел работу по срыву коллективизации.

Вышинский. Вы вели там подрывную контрреволюционную работу?

Зеленский. Я вел работу по срыву коллективизации, что является контрреволюционной подрывной работой.

Вышинский. Значит, вы вели подрывную контрреволюционную работу. Я так вас понимаю?

Зеленский. Правильно.

Вышинский. Затем приехали в Москву? Это в каком году?

Зеленский. В 1931 году.

Вышинский. После этого вы порвали свою связь с вашими сообщниками по Средней Азии?

Зеленский. Я никакой организации в Средней Азии не создавал.

Вышинский. Я про организацию не говорю, а говорю про вашу связь. Прервали свою связь?

Зеленский. Прервал.

Вышинский. А в Москве с Икрамовым не участвовали в нелегальных совещаниях?

Зеленский. Участвовал с Икрамовым на нелегальном совещании у Смирнова, имевшем место в 1929 или 1930 году.

Вышинский. А кто туда пригласил Икрамова? Не помните?

Зеленский. Возможно, что я.

Вышинский. Позвольте спросить обвиняемого Икрамова.

Обвиняемый Икрамов, вы не припомните, как попали на нелегальные совещания в 1929 или 1930 году?

Икрамов. Легальное или нелегальное, сказать не могу сейчас, но у Смирнова было совещание, на которое пригласил меня Зеленский. На этом совещании были все правые.

Вышинский. Кто вас позвал?

Икрамов. Я был два раза: один раз меня пригласил Зеленский, а второй раз Антипов.

Вышинский (к Икрамову). Вас Зеленский приглашал?

Икрамов. Да.

Вышинский. Приводил?

Икрамов. Да.

Вышинский. Связывал?

Икрамов. Нет.

Вышинский. А что?

Икрамов. Не знаю, по каким причинам, но открытых антисоветских разговоров не было, разговаривали намеками.

Вышинский. А не было ли того, что некоторые из участников этого совещания резко высказывались против политики Советской власти?

Икрамов. Я хотел сказать об этом в показаниях.

Вышинский. Были такие высказывания?

Икрамов. Были.

Вышинский. Были, а как же вы говорите, что не было?

Икрамов. Были намеки.

Вышинский. Но намеки достаточно ясные. Например, не было ли там, на этом собрании, допущено прямой клеветы против Кирова?

Икрамов. Была.

Вышинский. Это намек или клевета?

Икрамов. Открытая клевета.

Вышинский. Это антисоветская клевета?

Икрамов. Да.

Вышинский. А Зеленский там участвовал?

Икрамов. Да.

Вышинский. Правильно это, подсудимый Зеленский?

Зеленский. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. Вы ничего не сказали о ваших антисоветских связях с заграницей. Расскажите в двух словах, как вы пытались использовать некоторые личные связи за границей в антисоветских целях.

Зеленский. Я использовал иностранное бюро Центросоюза в целях тенденциозной и неправильной рассылки информации о состоянии кооперации, об ее отношении с Советским правительством. Подчеркивая самостоятельный характер кооперации и преувеличивая ее хозяйственно-политическое значение, я пытался вести разговор...

Вышинский. Вы скажите прямо, использовывали ли вы свое положение, будучи председателем Центросоюза, в аппарате, в котором находилось иностранное бюро, для антисоветской контрреволюционной деятельности за границей?

Зеленский. Я думаю, что рассылка тенденциозных...

Вышинский. Тенденциозных с антисоветским уклоном провокаторских сведений. Это есть антисоветская работа?

Зеленский. Все бюллетени проходили через тщательную цензуру.

Председательствующий. Говорится не об официальных сношениях.

Зеленский. Других не было.

Вышинский. Тенденциозность была?

Зеленский. Да.

Вышинский. Она проходила через цензуру и все-таки оставалась?

Зеленский. Да.

Вышинский. Вы умели использовать легальные возможности в нелегальных целях?

Зеленский (молчит).

Председательствующий. Вы пытались договориться с английскими кругами об оказании возможной помощи на случай восстания против Советской власти?

Зеленский. Я эти показания давал Прокурору.

Председательствующий. В ваших показаниях имеется фраза: «договориться с этими руководителями об оказании возможной помощи на случай восстания против Советской власти». Вы подтверждаете это или нет?

Зеленский. Подтверждаю.

Председательствующий. Как же это вы пытались использовать?

Зеленский. При свидании с некиим Александер...

Председательствующий. Кто этот Александер?

Зеленский. Лидер английской кооперативной партии, входящий в состав рабочей партии. При проезде его я ставил вопрос о том, как отнеслись бы английские кооператоры, если бы в Советской стране к власти пришли правые. Какую помощь они могли бы оказать правительству правых.

Председательствующий. Александер эту помощь обещал или воздержался от ответа?

Зеленский. Александер заявил, что он приветствовал бы приход правительства правых. Что касается помощи, то он заявил о том, что английские кооператоры могут гарантировать получение, во всяком случае, таких кредитов и такой помощи, которая была предоставлена Советскому правительству во время эмбарго.

Председательствующий. У вас вопросов больше нет, товарищ Прокурор?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. Объявляется перерыв до 6 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:
Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:
Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер*

Вечернее заседание 5 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

Подсудимый Икрамов, вы подтверждаете показания, данные на предварительном следствии?

Икрамов. Полностью подтверждаю.

Председательствующий. Расскажите вкратце о вашей антисоветской деятельности.

Икрамов. На путь антисоветских действий я вступил в 1928 году. Правда, еще в сентябре 1918 года я вступил в легальную молодежную организацию националистического типа. К троцкистской оппозиции я примкнул в 1923 году.

В 1928 году я был фактически одним из руководителей контрреволюционной националистической организации, которая по существу являлась национал-фашистской. Эта организация называлась «Милли Истиклял», что значит «национальная независимость». Это название само за себя говорит. Какую другую независимость могут люди ожидать при Советской власти, кроме как буржуазную, реставраторскую независимость? В этой организации я принимал участие. Мы боролись за буржуазную независимость. Вчера я говорил относительно непосредственного руководства. Руководство заключалось вот в чем. Мы тогда ни к каким большим конкретным действиям приступить не могли, надо было накоплять силы, подготовить кадры; с этой целью — принимать в вузы таких людей, которые бы в будущем стали нашими верными кадрами, то есть мы набирали молодежь из среды, социально чуждой Советской власти. Подготовляя этих людей, мы рассчитывали через них захватить советский и партийный аппарат, чтобы в нужный момент этими силами можно было сделать переворот. Но непосредственно в то время ставились две эти задачи и больше никаких других задач тогда не было. Из материалов, которые я давал на предварительном следствии как в НКВД, так и в Прокуратуре, наверное видно, что организация в момент, когда она создалась, и через 2—3 года после этого не была такой, какой она есть сейчас, потому что по мере роста и укрепления Советской власти, по мере накопления кадров в этой националистической контрреволюционной организации, прибавлялись в действиях этой организации новые моменты борьбы с Советской властью.

В 1930 году, в связи с убийством Абид Саидова группой молодежи из этой организации, была арестована группа людей, человек 7—8. Я узнал об этом в Кисловодске. Приехав в Москву, я зашел в ОГПУ и узнал причины ареста. Меня информировали Кауль или Каваль, не помню, и Соболев об убийстве и об аресте. После этого я решил, что провал есть уже совершившийся факт, надо защитить оставшихся людей.

Каким образом можно было их защищать? Просто говорить о том, что они невиновны, было бы смешно, таким образом их защитить было нельзя. Поэтому мы стали проводить двурушническую линию, то есть я, Каримов, Рахими выступали в партийной организации с разоблачением этих людей. И таким образом нам удалось сохранить остальные кадры.

Однако этим я не ограничился и в 1932 году (может быть, — год, я не знаю, имеет ли значение) я начал ходатайствовать об освобождении некоторых арестованных людей из этой группы: Рамзи, Качимбека, Назирова и других.

Вышинский. А Бату?

Икрамов. Об этом непосредственном участнике я не ходатайствовал, у меня была некоторая злоба на него за то, что он стал на путь террора тогда, когда этого не нужно было делать, и это был удар по нашей организации. Я считал, что он своими действиями подрубает сучок, на котором мы сидим. Вот как я оценивал его поведение. Мне удалось добиться освобождения Рамзи.

Вышинский. Рамзи участвовал вместе с Бату в этом убийстве?

Икрамов. Нет, он в убийстве не участвовал, потому что его не было в Узбекистане.

Вышинский. А Бату участвовал?

Икрамов. Об этом я уже сказал вчера. Я могу говорить только на основании официальных материалов.

Вышинский. Но Рамзи в это время был разоблачен как член вашей организации?

Икрамов. Я не помню. Качимбек и Назиров были разоблачены.

Вышинский. А Назиров участвовал в убийстве?

Икрамов. Нет.

Вышинский. А кто из них участвовал в убийстве?

Икрамов. Я могу сказать только на основании официальных материалов. Из участников этого убийства помню: Бату, Саидова...

Вышинский. Это Насыр Саидов?

Икрамов. Да, Насыр Саидов. Кажется, участвовал Садыр Кадыров, остальных я не помню.

Вышинский. Все они члены этой организации?

Икрамов. Да.

Вышинский. Которой и вы были членом?

Икрамов. Да.

Вышинский. А вы хлопотали за них по соглашению с другими членами организации?

Икрамов. Я должен сказать, что я уже не спрашивал мнения

других по вопросам, касающимся вредительских действий в пользу нашей организации. Вам известно, гражданин Прокурор, и вы сами понимаете, что мое преступление становится еще тяжелее потому, что мне как бывшему секретарю ЦК Узбекистана руководство партии и Советской власти оказывало большое доверие. Я этим воспользовался и действовал самостоятельно.

Вышинский. Вы обсуждали с другими членами вашей организации — с Каримовым, с Ширмухамедовым и другими — вопрос о терроре, о тактике и так далее?

Икрамов. После того, как я увидел, что организация разваливается, я вызвал к себе Каримова, Ширмухамедова и сказал им, что надо собирать силы и решительно действовать. Надо проводить настоящую работу.

Вышинский. А насчет террора?

Икрамов. В связи с этим обсуждали вопрос о терроре и решили, что террор сейчас нам никакой пользы не даст.

Вышинский. Пока не даст?

Икрамов. Никакой пользы не даст. Пока у нас должна быть программа накопления сил в то время, тем более, что Абид Саидов из нашей организации ни одного человека не разоблачил и, наоборот, на суде Икрамова хвалил. И его должны были убить милли-иттидихадисты. Это меня страшно возмутило — поведение в отношении Абид Саидова: мы тогда решили террором не заниматься, накопить силы и из той программы, которую я изложил, не выходить.

Вышинский. Значит, террором не заниматься по тактическим соображениям или по принципиальным?

Икрамов. И принципиально, и тактически. Принцип такой, что отдельными террористическими актами никогда цели не добьемся.

Вышинский. А как же нужно действовать?

Икрамов. Я там прямо говорил. Я здесь нарочно не хотел говорить. Я сказал, что нужно взять большевистскую тактику завоевания масс.

Вышинский. Масс? Хотите завоевать массы. Но массы-то вам завоевать не удалось.

Икрамов. Я очень прошу пожалеть мой русский язык. Я изложу сначала, чтобы потом вопросы задавали, как Шаранговичу.

Вышинский. Я постараюсь вам не мешать в изложении, а, наоборот, только помогать. Меня интересует вот что. Это общий вопрос о терроре — одно дело, а вот насчет того, что Саидов Абид делал, насчет того, применять террор по отношению к местным людям, которые шли против вашей организации, или не применять. Как этот вопрос стоял?

Икрамов. Насчет террора — ни в коем случае нельзя.

Вышинский. В данный момент, вы говорите. В то время вы считали, что это вам пользы не принесет. Значит, по тактическим соображениям?

Икрамов. Нет, и по принципиальным.

Вышинский. Пользы не приносит.

Икрамов. Да, пользы не приносит и только мешает достижению цели.

Вышинский. Какой?

Икрамов. Одного убьем, а Советская власть крепкая, раскроет всех нас.

Вышинский. Ну вот, это и есть тактические соображения.

Икрамов. И принципиальные. Мы хотели народ завоевать.

Вышинский. Принцип у вас был один, чтобы вас не разгромили?

Икрамов. Нет, кроме того, мы хотели массы завоевать.

Вышинский. Это удалось вам?

Икрамов. Я хочу еще рассказать...

Вышинский. Нет, вы ответьте сначала на вопрос: удалось вам завоевать массы?

Икрамов. Нет, не удалось.

Вышинский. И не удастся.

Икрамов. И слава тебе, господи, если не удастся.

Вышинский. Какие же вы хотели принимать меры, чтобы оградить себя от тех честных граждан, кто вас разоблачал. Абид Саидова за что убили?

Икрамов. Абид Саидов был нечестный человек, и я убежден, что он попал бы в тюрьму или убежал. Он был раньше организатор басмачества.

Вышинский. Он бы сидел, по вашему мнению, а вы уже сидите. Так что вы нам не говорите, что он нечестный. За что он был убит?

Икрамов. Я это только по официальным материалам сообщаю.

Вышинский. Как вы знаете по официальным материалам, за что убили Абид Саидова?

Икрамов. За то, что он разоблачил «Милли Истиклял».

Вышинский. То есть вашу контрреволюционную организацию?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит, поступил как честный гражданин.

Икрамов. Возможно.

Вышинский. Как это «возможно»? Я думаю, что он поступил как честный человек, разоблачил контрреволюционную организацию. Ведь он погиб за это?

Икрамов. Да.

Вышинский. Погиб за Советскую власть?

Икрамов. Да.

Вышинский. Как же вы позволяете себе говорить о том, что он нечестный человек?

Икрамов. Он был одним из организаторов басмачества.

Вышинский. Кто он был — это один вопрос. А вот кем он стал? Он стал вашим разоблачителем.

Икрамов. Нет, не нашим разоблачителем.

Вышинский. Он разоблачил контрреволюционную организацию?

Икрамов. Да.

Вышинский. Но ведь вы тоже были членом контрреволюционной организации?

Икрамов. Да.

Вышинский. Значит вашим? Вот я спрашиваю вас, вы обсу-

ждали вопрос о том, какими мерами бороться с разоблачением вашей организации? Что вы по этому поводу решили?

Икрамов. Мы этот вопрос обсудили и приняли такое решение: против таких людей, как людей плохих, устраивать гонения, выгонять с работы, чтобы они не могли нам мешать.

Вышинский. Объявлять их людьми антисоветскими, может быть, националистами, устраивать на них гонения, словом, действовать всякими провокационными способами. Правильно?

Икрамов. Правильно.

Вышинский. Это честно?

Икрамов. Нет.

Вышинский. Вот я и напоминаю вам насчет того, что вы говорили относительно Абид Саидова, будто он нечестный человек. Вы на самом деле этим маневром хотели спрятать свое настоящее лицо? Это была ваша тактика?

Икрамов. Да, правильно.

Вышинский. И этим путем вы хотели накопить себе кадры?

Икрамов. Правильно.

Вышинский. Продолжайте.

Икрамов. По мере усиления Советской власти и обострения классовой борьбы перед нами выдвигались новые задачи.

Вышинский. Позвольте еще один вопрос. Может быть я вам немного мешаю, но я задам вам еще один вопрос и больше постараюсь не мешать. У меня такой вопрос: когда вы пришли к этой провокаторской тактике?

Икрамов. В 1931 году.

Вышинский. Вы совещались по этому поводу со своими людьми, собирали их, дали такую директиву?

Икрамов. Да, это было, и эту директиву дал я. По мере обострения классовой борьбы в Узбекистане выдвигались новые вопросы, в частности, вопрос о коллективизации. Зеленский тут говорил относительно своего лозунга «догнать и перегнать». Это правильно. Такой лозунг был выдвинут. Перефразировав установку Зеленского, я дал такую установку: Узбекистан — хлопковый район, сельскохозяйственный район, поэтому в деле коллективизации мы не должны отставать от передовых районов Советского Союза. В результате этого в ряде районов были массовые выступления против колхозов.

Вышинский. То есть этот лозунг был провокационным?

Икрамов. Да, этот лозунг был провокационным.

Вышинский. Что получилось на практике от этого вашего провокационного лозунга?

Икрамов. Были массовые выступления против коллективизации.

Вышинский. А раньше всего удар по хозяйству дехкан?

Икрамов. Это верно, был удар по дехканам. Был также удар по коллективизации и развал крестьянского хозяйства.

Вышинский. Потом поправилось крестьянское хозяйство?

Икрамов. Да, поправилось.

Вышинский. Этот маневр ваш был разоблачен?

Икрамов. Не дали ему ходу.

Вышинский. Не дали ходу — значит, маневр был разоблачен. Продолжайте.

Икрамов. Чтобы нарушить севооборот, мы дали такую директиву, что все поливные посевные площади должны быть засеяны хлопком. Тем самым скот оставался без корма и дехканам не давали сеять для себя продовольственных и бахчевых культур. Я имею в виду дыни, арбузы, лук, морковь и другие важные культуры. Все это вызывало со стороны дехканства недовольство.

Вышинский. Как вы использовали это недовольство?

Икрамов. Это недовольство не могло нарастать. Один год мы провели, но на следующий год партия и Советская власть нас по голове ударили и исправили это.

Теперь я хочу сказать относительно блока нашей националистической организации с центром правых. Меня хотели завербовать, хотели сделать соучастником правых еще в 1931 году. Поэтому меня два раза приглашали на дачу к А. П. Смирнову. Это было перед XVI съездом партии и во время XVI съезда партии.

Вышинский. Первый раз кто вас приглашал?

Икрамов. Первый раз приглашал, кажется, Смирнов, я точно сказать не могу. Я поехал к Зеленскому, а он меня повел к Смирнову. Другой раз приглашал Антипов.

Вышинский. Вы сегодня утром сказали, что Зеленский вас приглашал.

Икрамов. Я утвердительно не могу сказать.

Вышинский. Вы знали, где находится дача Смирнова?

Икрамов. Я знаю, что дача находится в Серебряном бору.

Вышинский. Я не спрашиваю теперь, а тогда вам было известно?

Икрамов. Да.

Вышинский. Зеленский знал?

Икрамов. Может быть, и знал.

Вышинский. Кто же из вас кого вез?

Икрамов. Он меня. Я на этом этапе не был завербован и блок не установил. Поэтому я думаю, что мне можно перейти непосредственно к контрреволюционной связи блока с правыми, которая была. Непосредственную контрреволюционную связь с правыми я установил в 1933 году в Ташкенте. Бухарин приехал в Среднюю Азию отдыхать. До тех пор у меня с ним не было никаких дружеских отношений. Он дал телеграмму, что едет отдыхать. Он приехал ко мне и дней 7 или 8 жил у меня на квартире. Мы вместе ездили на охоту, на дачу, всегда вместе были. В это время у нас установились связи — организационно-политическая связь с правой контрреволюционной организацией и правым центром. Бухарин сначала завел разговор о коллективизации, о колхозах, что это неправильная линия. Повторил старый, общеизвестный, бухаринский тезис о военно-феодальной эксплоатации крестьянства.

Вышинский. В 1933 году?

Икрамов. Да. Сравнивал колхозы с барщиной. Затем дальше,—

вопрос относительно индустриализации, он все время нажимал на это дело.

Вышинский. В каком смысле нажимал на это дело?

Икрамов. Я не хотел говорить, поскольку известна бухаринская концепция. Дальше Бухарин говорил, что партия и Советская власть ведут неправильную линию, что индустриализация не нужна, что индустриализация ведет к гибели.

Вышинский. Индустриализация ведет к гибели?

Икрамов. Да.

Наряду с этим он сказал, что не верит в тезис Ленина, что отсталые колониальные страны при поддержке передового пролетариата могут притти к социализму, минуя стадию капитализма. Бухарин считал, что в таких республиках, как среднеазиатские, это невозможно и что им придется обязательно пройти стадию нормального развития капитализма.

Вышинский. То есть он предлагал в Узбекистане восстановить капитализм?

Икрамов. Да, именно так. Я с ним согласился, так он меня завербовал. Бухарин при этом спросил: «Ты согласен?» «Согласен». «Будешь действовать с нами?» «Буду» говорю. И тут я ему сказал, что я не с сегодняшнего дня контрреволюционный человек, что я не новичок, а руководитель такой же контрреволюционной организации. Я рассказал о своей организации, и мы договорились, что вместе будем действовать, политическая линия единая и организационно установим такую же единую линию. Тогда он сформулировал наше соглашение таким образом: цель одна — свергнуть руководство партии и Советской власти и притти самим к власти для того, чтобы осуществить эти задачи.

Вышинский. То есть?

Икрамов. Для реставрации капитализма.

Вышинский. В целом?

Икрамов. Да, не только в Узбекистане, но и во всем Союзе. Тогда он сказал: какая ваша тактика? Я сказал: накопление сил и контрреволюционный переворот. Конечная цель — отторжение Узбекистана от Советского Союза. Он сказал: ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. И приводил тургеневские слова о том, что русский человек ждет чуда, неожиданности, уповает на бога, что русский человек ожидает случая. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, белорусскими и националистами других республик. Он сказал — других, я о других не спрашивал. Таким образом, политически мы полностью договорились. Тогда Бухарин перед нами поставил ряд задач. Первый вопрос — вредительство, второй вопрос — кулацкое восстание. Эти два вопроса он увязал таким образом, что без организации вооруженной борьбы нельзя достигнуть цели. Он говорил, что надо кулаков организовывать, использовать религиозный фанатизм, привлечь духовенство и, таким образом, создать повстанческую организацию. Что ка-

сается вредительства, мне вначале его указания были не очень понятны. Я боялся, что если мы сами, руководители, будем вредить, то завтра народ скажет: садитесь сами в тюрьму. Он ответил: вы чудаки, если думаете, что будут говорить о том, что вы делали. Надо в каждом таком случае сказать, что это — линия Советской власти и, таким образом, виновата Советская власть. Это поможет оттолкнуть народ от Советской власти. Кулаков теперь у нас мало, духовенство тоже в малом количестве, но под их предводительством надо организовать широкие массы. А как организовать широкие массы, когда все хорошо, все растет? Нужно вызвать недовольство, с тем, чтобы организовать из них повстанческие группы.

Я согласился. Дальше он сказал, что в программе правых стоит вопрос и о терроре. Он прямо приводил тезисы, которые мне через два месяца стали известны как платформа Рютина — об устранении руководства партии.

Вышинский. Он тогда уже рассказал?

Икрамов. Да, да. Через месяц я уже узнал об этой платформе в официальном порядке.

Вышинский. И вы сразу узнали ее?

Икрамов. Это та же самая программа, что Бухарин устно изложил, я получил ее в письменном виде. Относительно террора он прямой задачи не поставил. Потом он указал, что обязательно нужна будет диверсионная, подрывная работа. Вот задачи, которые он поставил тогда. Я согласился, сказал, что будем действовать. Я сначала перечислю все программные вопросы, а потом — как действовали.

Вышинский. Это вы называете программными вопросами?

Икрамов. Это программа, на основании которой мы действовали.

Вышинский. Это изложено было в 1933 году?

Икрамов. Да, в августе или в сентябре.

Вышинский. В течение нескольких дней пребывания у вас в гостях?

Икрамов. Да.

Вышинский. Это все, что говорил и передал Бухарин?

Икрамов. Это все, потом были другие встречи, другие вопросы.

Вышинский. Это уже в другие годы?

Икрамов. Да.

Вышинский. Я Бухарина хочу спросить. У вас было свидание с Икрамовым в 1933 году?

Бухарин. Было, я жил у него в течение нескольких дней в 1933 году.

Вышинский. Значит, он правильно рассказывает?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Были политические разговоры?

Бухарин. Были.

Вышинский. Икрамов правильно излагает их?

Бухарин. В основном я держался рютинской платформы.

Вышинский. В основном правильно излагает?

Бухарин. Что считать основным.

Вышинский. Вы предлагали ему вместе с вами бороться против Советской власти?

Бухарин. Да.

Вышинский. Затем говорили, какие методы в этой борьбе применить?

Бухарин. Методы, которые входят в рютинскую программу. Там было глухо и о терроре.

Вышинский. О вредительстве тоже с ним говорили?

Бухарин. Нет, не говорил.

Вышинский. Что же он неправильно показывает?

Бухарин. Он, очевидно, спутал.

Вышинский. Может быть, попозже говорили?

Бухарин. Дело в том, что Икрамов на очной ставке отрицал всякий разговор политического характера. Я заставил его сознаться.

Вышинский. Бывает, что не хочет говорить, а потом перекрывает.

Бухарин. А потом хочет перекрыть.

Вышинский. Бывает. Вот мы и проверяем.

Бухарин. Я хочу сказать, что я не отрицаю, что все установки давал, что я вербовал его и что я первый завербовал его в правую организацию.

Вышинский. Это вы признаете? Я ставлю вопрос — он ничего не перекрывает, он говорит правду?

Бухарин. Да, да.

Вышинский. Вы первый завербовали его в контрреволюционную организацию правых?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Для борьбы с Советской властью?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Знакомили в пределах рютинской платформы?

Бухарин. Да.

Вышинский. Отрицаете, что в этот раз говорили о вредительстве и диверсиях?

Бухарин. Это был первый разговор...

Вышинский. Почему вы не отвечаете на вопрос?

Бухарин. Я мотивирую мой отрицательный ответ.

Вышинский. Мне мотивировка не нужна.

Бухарин. Я отвечаю отрицательно.

Вышинский. А в последующие годы о вредительстве и диверсиях говорили с Икрамовым?

Бухарин. Нет, не говорил.

Вышинский. Обвиняемый Икрамов, вот вас Бухарин обвиняет в том, что вы хотите перекрыть сами себя.

Икрамов. Когда я не был арестован, я отрицал. Сейчас я никак не хочу прикрываться за Бухарина или «наших вождей», но нужно сказать, что мы научились у них...

Вышинский. Чему?

Икрамов. Вы свидетель тому, сколько дней мы отрицали,

сколько раз мои «руководители» отрицали это на Пленуме ЦК. У нас арсенал один и тот же, один и тот же метод отрицания.

Вышинский (обращаясь к Икрамову). Вы сейчас утверждаете то, что Бухарин с вами говорил о вредительстве?

Икрамов. У нас еще был с ним разговор. Это было в 1935 году, не помню какого числа. Он придирался к кому-то, что перепутали даты и месяц. Я могу указать несколько обстановку. Это было на Зубовском бульваре, в новых домах, на четвертом или пятом этаже. Мы там встретились. Кроме нас, была моя жена, его жена и еще какая-то тетя Соня. Мы в кухне ужинали, а потом Бухарин отвел меня в другую комнату, и мы там говорили.

Вышинский (к Бухарину). Была там тетя Соня?

Бухарин. Если вас интересует матримониальная сторона — другое дело.

Вышинский. Я вас спрашиваю, разговаривали ли вы о вредительстве?

Бухарин. Вы даете формулировки не совсем ясные, гражданин Прокурор, не совсем понятно, что вы хотите спросить.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, я вас спрашиваю, припоминаете ли вы ту обстановку?

Бухарин. Да.

Вышинский. Этот факт встречи с Икрамовым в 1935 году был?

Бухарин. Был.

Вышинский. На какой основе?

Бухарин. Ни одного слова о политике я с ним не говорил.

Вышинский (к Икрамову). Правильно он говорит?

Икрамов. Нет, неправильно.

Вышинский (к Бухарину). А что вас связывало с Икрамовым? Он был членом вашей организации?

Бухарин. Да, в 1933 году я его завербовал.

Вышинский. А в 1935 году он остался членом организации?

Бухарин. Думаю.

Вышинский. А почему вы думаете, если вы с ним на эту тему не говорили?

Бухарин. Я знаю, что Икрамов достаточно серьезный человек. Если он дал определенное обязательство, согласился с целым рядом линий, то он не отступает. Самое существенное, о чем сегодня Икрамов в своих показаниях не сообщил, это один разговор. Я приехал из Москвы и говорю, что тезис Ленина о капиталистической эволюции — неправильный; давайте установим в Узбекистане капитализм. Я не так глуп, так рассуждать не могу, как показывает Икрамов. Разговор начался...

Вышинский. Я не интересуюсь, с чего начался разговор. Я вас спрашиваю, в 1935 году встреча на четвертом этаже была?

Бухарин. Я ответил, гражданин Прокурор, что о политике в этот раз ни одного слова не говорил.

Вышинский. А о чем же?

Бухарин. О чае, погоде, какая погода в Туркестане, но не говорили о политике. Почему не говорили? Потому что...

Вышинский. Потому что вы думаете, что, когда вы в 1935 го-

ду разговаривали о погоде в Туркестане и Узбекистане, то Икрамов оставался членом вашей контрреволюционной организации.

Бухарин. Во время первого разговора у Икрамова было большое эмоциональное чувство, он был озлоблен против руководства партии в связи с теми событиями, которые были в Казахстане.

Вышинский. Это было в 1933 году?

Бухарин. Да.

Вышинский. А в 1935 году?

Бухарин. Я говорю, что в 1935 году я такого разговора не имел, но такая зарядка уже была в 1933 году. У меня сложилось убеждение, что он настолько сильно привязан к антипартийной и контрреволюционной организации, что такое положение должно у него остаться.

Вышинский. И вы, руководитель подпольной организации, встретивши через два года члена вашей организации, вами завербованного, не проверили — остается ли он на позициях вашей контрреволюционной организации, не интересовались этим, а стали говорить о погоде в Узбекистане. Так это было или не так?

Бухарин. Нет, не так. Вы мне задаете вопрос, который содержит в себе иронический ответ. А на самом деле я рассчитывал на следующую встречу с Икрамовым, которая случайно не состоялась, потому что он меня не застал.

Вышинский. Вы замечательно хорошо помните как раз те встречи, которые не состоялись.

Бухарин. Я не помню те встречи, которые состоялись, потому что они — фантом, а помню те, которые реализовались.

Вышинский. Вы хотите убедить нас в том, что вы, встретившись со своим сообщником, с ним на контрреволюционные темы не разговаривали.

Бухарин. Не разговаривал я не из добродетели, а потому, что обстановка была для этого неудобная.

Вышинский. Икрамов, что вы скажете?

Икрамов. Относительно Казахстана он совершенно правильно говорит. О Казахстане был разговор. Ехал, по дороге из окна вагона смотрел, что видел — ужас. Я поддержал это. Я уже объяснил, какой я был до этого человек. Сразу я дал согласие ему.

Вышинский. Это 1933 год?

Икрамов. Да.

Вышинский. А вот 1935 год. Бухарин отрицает, что вы в это время в четвертом этаже какого-то дома на Зубовском бульваре разговаривали с ним на тему о вашей контрреволюционной работе?

Икрамов. Обстановка была действительно такая... Было три посторонних человека...

Вышинский. Там была одна только комната?

Икрамов. Мы в кухне ужинали, потом вышли в другую, хорошо обставленную комнату...

Вышинский. Значит, была другая комната, отдельная, в которой два человека могли поговорить спокойно?

Икрамов. Да.

Вышинский. А почему же Бухарин говорит, что обстановка была неподходящая?

Икрамов. Пусть суд сам рассудит. В квартире три комнаты. Я хорошо помню, что в кухне ужинали, потом было так, что мы, двое мужчин, должны были выйти. Вы понимаете?

Вышинский. Понимаю. Обвиняемый Бухарин, у вас вообще после 1933 года была антисоветская связь с Икрамовым?

Бухарин. Я виделся с ним в 1933—1934 годах или в 1932—1933 годах, точно не помню.

Вышинский. С момента, как вы его завербовали, вы с ним встречались?

Бухарин. Встречался.

Вышинский. Говорили с ним на темы, связанные с вашей антисоветской работой?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. Это самое главное. Садитесь. Подсудимый Икрамов, продолжайте.

Икрамов. Самый главный разговор был такой: Бухарин говорил, почему у нас две группы — Файзуллы Ходжаева и Икрамова. Надо вам совместно действовать. Но почему я не могу с Файзуллой вместе быть, почему у нас не совместные действия? Это никак моих преступлений не увеличивает...

Вышинский. Вы в конце-концов сговорились с Ходжаевым?

Икрамов. В 1925—1927 годах у меня с Файзуллой Ходжаевым была острая борьба. Я не хочу сказать, что был коммунистом, но, может быть, здесь действовало подсознание, что я был союзником, временным попутчиком. Когда проводилась земельно-водная реформа (из присутствующих здесь Иванов и Зеленский это помнят), я был одним из активных инициаторов по проведению земельной реформы. На меня было возложено председательствование, и я довел дело до конца. Может быть, мне как буржуазному национал-демократу фактическое завершение этого дела, ликвидация феодального хозяйства, была мне по душе.

Вышинский. А Ходжаеву не по душе?

Икрамов. Он сам показывал вчера относительно «группы 18-ти». На второй партийной конференции Узбекистана обсуждался вопрос о том, что эта группа выступила по существу с отставкой земельно-водной реформы.

Вышинский. Это мы вчера слышали.

Икрамов. На этой почве развернулась борьба за кадры...

Вышинский. Чем кончилась ваша борьба с Ходжаевым?

Икрамов. Победой линии партии, на которой я стоял.

Вышинский. С Ходжаевым был заключен союз?

Икрамов. Да.

Вышинский. Против кого?

Икрамов. Против Советской власти.

Вышинский. Значит, сначала дрались, а потом помирились?

Икрамов. Да.

Вышинский. И стали драться против Советской власти вместе?

Икрамов. Да.

Вышинский. Ходжаев, правильно это?

Ходжаев. Я хочу дать свои объяснения по этому вопросу, если позволите.

Председательствующий. Пожалуйста.

Ходжаев. Я хочу сказать, что Икрамов не совсем правильно говорил по поводу того, что до 1933 года, до разговора с Бухариным, у нас не было с ним согласованных действий.

Вышинский. Они были?

Ходжаев. Были они. В 1925 году я действительно не был согласен с формой земельно-водной реформы потому, что она слишком ущемляла байско-кулацкую верхушку деревни.

Вышинский. Вам это не нравилось?

Ходжаев. Мне это не нравилось и я выступал против нее. Действительно тогда эта тройка, то есть Зеленский, Икрамов и Иванов, прикрываясь партийной линией, правильной партийной линией, меня побила.

Вышинский. Но прикрываясь?

Ходжаев. Конечно.

Вышинский. Почему вы думаете, что они прикрывались?

Ходжаев. Потому что Зеленский сказал вам, кто он такой. Иванов сказал, кто он такой. Икрамов пытался отрицать, но тоже не выходит. Значит, прикрывались!

Вышинский. Правильно.

Ходжаев. Я хочу сказать, что о моих грехах более или менее было известно. Это облегчало задачу бить меня. В 1926—1927 годах у нас не было совместной работы с Икрамовым, но с 1928 года мы работаем вместе.

Вышинский. В каком смысле работаете?

Ходжаев. В смысле вредительства. Я другого смысла не вкладываю в эти слова. Икрамов неправильно хочет сказать о том, что только после нажима Бухарина в 1933 году он стал на позиции вредительства и со мной вместе работал. Этим он хочет часть вины от себя отвести, так же как руководство националистической организацией хотел свалить на Каримова. Я считаю это недостойным Икрамова.

Икрамов. Разрешите продолжить.

Вышинский. Нет, подождите. Я хочу еще обвиняемого Ходжаева спросить. А все-таки Бухарин сыграл какую-нибудь роль в объединении ваших контрреволюционных сил?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Какую?

Ходжаев. В том смысле, что у нас с 1928 года хотя и была единая работа вместе с Икрамовым, вредительская работа, но борьба за влияние в Узбекистане иногда мешала, если можно так выразиться, плодотворности этой антисоветской работы. Поэтому сначала Бухарин в той беседе, на которую ссылается Икрамов (я тогда непосредственно с Бухариным не говорил), потом

Антипов предлагали мне единение с Икрамовым. Они говорили, чтобы мы вместе работали, вместе вели борьбу...

Вышинский. Против?

Ходжаев. Против Советской власти, против партии, против руководства партии.

Вышинский. Это верно, подсудимый Икрамов?

Икрамов. Верно. Мне разрешили бы — и я бы то же самое сказал.

Вышинский. То, что говорит Ходжаев о том, что в объединении ваших контрреволюционных сил сыграл огромную роль Бухарин, это вы подтверждаете?

Икрамов. Ну, конечно.

Вышинский. А Бухарин подтверждает?

Бухарин. Я бы хотел сказать...

Вышинский. Подождите.

Икрамов. Я хотел сказать, что с 1925 года, поскольку такое обострение было до 1929 года, до 4-го Курултая, у нас с Файзуллой объединения не было. После 4-го Курултая у нас такие совместные действия были. Здесь только о деталях идет речь.

Вышинский. А внешне вы все-таки дрались между собой?

Икрамов. Нет, внешне не дрались.

Вышинский. Позвольте, вы сейчас деретесь, как же вы отрицаете, что вы не дрались?

Икрамов. То драка была неискренняя, видимая.

Вышинский. Петушиные бои?

Икрамов. Даже не петушиные бои. Петухи до крови иногда дерутся.

Вышинский. Даже таких боев не было?

Икрамов. Да.

Вышинский. Даже петушиных боев не было?

Икрамов. Да.

Вышинский. Борьба сначала была молчаливая, а потом приехал Бухарин, вас помирил и по существу. Так я понимаю?

Икрамов. Да, я скажу.

Вышинский. Пожалуйста.

Икрамов. В нашей подпольной националистической организации мы договорились таким образом, чтобы стараться националистов никого не принимать в эту организацию. Не потому, что они нам не нужны, а потому, что на каждого из них есть куча материалов.

Вышинский. Где?

Икрамов. В органах Советской власти, которым все документы доступны. Очень многих на различных участках партия и народ разоблачали, писали об этом в печати. Поэтому для того, чтобы наша конспирация полностью удалась, этих людей решили не принимать. Файзулла вчера где-то нашел, что я хочу что-то прикрыть. Я ничего не прикрываю, что есть, то и говорю. Что мы сделали? Мы этих людей не принимали. Ходжаев говорит, что между 1925—1928 годами у него было затишье, не было людей. У нас большинство наркомов были пантюркистами и националистами: Хидыр Алиев, Хаджибаев, Курбанов и другие. Все это

были люди, связанные с Файзуллой. Если бы они были до сих пор в Узбекистане, — в 1933 году мы, может быть, договорились бы с ними. Сейчас у меня разницы с ними нет. С 1931 года разницы нет.

Вышинский. А с Бухариным?

Икрамов. С Бухариным с 1933 года.

Вышинский. Какая же роль у Бухарина была?

Икрамов. Бухарин сказал, почему у вас две группы? Вам надо объединиться. Я тогда ему определенного ответа не дал. В конце 1934 года приехал к нам Антипов. Он мне сказал, что по поручению центра правых необходимо обе наши организации обязательно объединить, чтобы во всех вопросах была договоренность и совместные выступления. Он требовал не формального объединения, а объединения по существу. После этого произошло фактическое объединение наших двух организаций, как это было между троцкистами и правыми, но при этом каждая из наших организаций сохранила свое особое, отвратительное лицо. Вот поэтому, когда я говорил вчера об этом, я считаю, что с 1929 года у нас с Файзуллой была молчаливая согласная работа. Я об этом сказал. Почему же он здесь говорит, что я на кого-то хочу свалить вину? Это неверно. Я своей вины ни на кого не сваливаю. Такая договоренность между организациями была в 1934 году установлена. Собралась тройка — Антипов, Ходжаев, Икрамов. Мы договорились относительно совместной работы наших организаций.

Теперь дальше. Почему мы не хотели принимать старых интеллигентов националистов? Когда Бурнашев поставил передо мной в 1928 году вопрос о том, что надо с Ходжаевым сблизиться, в это время я, действительно, думал — умный человек, дельный человек, можно сблизиться. Но в это время я получил записку некоего Мухитдинова о том, что он подал заявление в Средазбюро или в ГПУ, что он раскаивается в своих контрреволюционных преступлениях, и он там показывал на Файзуллу ужаснейшие вещи. Я думал, что скоро будет обсуждение, и мы вместе с Файзуллой можем провалиться раньше срока. Он показывал о том, что он принимал Энвер-пашу, это — известный турецкий авантюрист. Так что не так уж все было чисто. Мы оба были грязными, два сапога — пара, но только у меня было тактическое соображение...

Вышинский. На него был материал, а на вас не было?

Икрамов. На меня не было.

Вышинский. Поэтому вы считали, что связываться вам не следует, опасно, провалитесь сами?

Икрамов. Да, правильно. Я об этом сказал и ничем не прикрывался. Я не хочу уменьшать свои преступления.

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, что вы можете сказать относительно басмача Максума?

Ходжаев. Максум был начальником милицейского отряда при председателе ревкома. В 1921 году мы его в Бухаре разоружили, но он бежал. Вскоре был пойман, судим. Это было после того, как была принята басмаческая ориентация.

Вышинский. Кем была принята?

Ходжаев. Нами.

Вышинский. То есть вы ему помогли избежать ответственности?

Ходжаев. Он был амнистирован.

Вышинский. У вас была басмаческая ориентация? Во-первых, Мухитдинов был крупный басмач.

Ходжаев. Не басмач, он был национал-демократ.

Вышинский. Вы с ним держали связь?

Ходжаев. С ним был Максум связан. Он меня мог компрометировать.

Вышинский. А в какой мере он вас мог компрометировать?

Ходжаев. То, что говорит Икрамов, для меня непонятно. Та записка, о которой говорит Икрамов, находится в моем деле.

Вышинский. Максум был?

Ходжаев. Да, был.

Вышинский. У вас свидание с Энвер-пашей было?

Ходжаев. Я имел три свидания.

Вышинский. Когда?

Ходжаев. Два свидания в Бухаре официальные, одно у меня на квартире неофициальное.

Вышинский. Цели этого свидания?

Ходжаев. Цель последнего свидания заключалась в том, чтобы обсудить предложение Энвер-паши о том, какой линии должно держаться бухарское правительство по отношению к Советскому Союзу и какая требуется тактика.

Вышинский. От Советского правительства вы об этих свиданиях скрыли?

Ходжаев. Безусловно.

Вышинский. Это и было в записке Максума?

Ходжаев. Нет, он просто говорил, что о контрреволюции в отношении себя он ничего не сообщает и пытается бухарскую контрреволюционную националистическую организацию свалить на меня. Это было сделано с целью, я тогда ответил соответствующей запиской.

Вышинский. И ссылался на вашу связь с некоторыми?

Ходжаев. Да.

Разрешите к этому добавить. Зеленский как будто очень правдиво говорил о своей деятельности в Средней Азии. Он говорил, что поддерживал правых, Файзуллу Ходжаева, Атабаева. Зеленский поддерживал не меня, а Мухитдинова, который имел английскую ориентацию, об этом он ни слова не сказал.

Вышинский. Мы сейчас спросим.

Подсудимый Зеленский, скажите, этот эпизод с Мухитдиновым имел место?

Зеленский. Я должен был время от времени выступать против Ходжаева, иначе я бы себя разоблачил. Теперь в отношении Мухитдинова. Я не знал о том, что он был награжден орденом Трудового знамени.

Вышинский. Кто его награждал?

Зеленский. Не знаю.

Ходжаев. В 1936 или 1937 году по постановлению ЦИК Узбекистана по предложению Зеленского и Икрамова. Могу соответствующие документы представить по этому вопросу.

Зеленский. Понятия не имею.

Икрамов. С Мухитдиновым один раз я ехал отсюда в вагоне. Один раз видел человека, это страшно ненавистный был человек. У меня с ним была такая ненависть. Он все время таджикский вопрос тащил на себе, противопоставляя таджиков узбекам. Более ненавистного человека я не видел.

Вышинский. А вы скажите, орден он получил?

Икрамов. Не помню, просто. Может, Файзулла просто ошибся. Кого, кого, а этого Мухитдинова я не мог награждать.

Вышинский. А Зеленский был тогда секретарем?

Икрамов. Да.

Вышинский. Во всяком случае если награждали, то без Зеленского это не могло пройти?

Икрамов. Могло и пройти.

Вышинский. Как так, без секретаря Средазбюро?

Икрамов. В практике иногда ЦИК Узбекистана сам рассматривал.

Вышинский. Это частный эпизод. Я его выяснял по просьбе Файзуллы Ходжаева. Можно только Зеленского по одному поводу спросить, пока он не ушел на место?

(К Зеленскому). Вы были в Средней Азии в каком году?

Зеленский. В 1924 году.

Вышинский. И там оставались до какого года?

Зеленский. До января 1931 года.

Вышинский. Значит, вы там пробыли 7 лет?

Зеленский. Да.

Вышинский. За эти 7 лет, занимаясь контрреволюционной вредительской деятельностью, вы имели связи с Икрамовым и Ходжаевым?

Зеленский. Связи с Икрамовым я не имел, а новую линию Ходжаева я покрывал.

Вышинский. Значит, вы вели свою линию самостоятельно?

Зеленский. Самостоятельно.

Вышинский. А чем объяснить, что вы ни с тем ни с другим не столкнулись?

Зеленский. Не было надобности. Может быть, немножко опасался их.

Вышинский. Чего опасались?

Зеленский. Разоблачения.

Вышинский. Провала? Значит, из конспиративных соображений. А вы видели, чем они заняты?

Зеленский. Видите ли, я должен сказать, что в отношении Икрамова у меня до 1928 года не было сомнений в том, что он держится на партийных позициях, уступая время от времени своим националистическим тенденциям.

Вышинский. А с 1928 года?

Зеленский. С 1928 года мне стала яснее связь Икрамова с на-

ционалистической организацией, и когда была раскрыта организация «Милли-Истиклял», тогда в целях самосохранения я очень решительно выступил против Икрамова, — это известно по 4-му Курултаю, ставил вопрос о его снятии вплоть до ареста.

Вышинский. В порядке перестраховки?

Зеленский. Да.

Вышинский. Значит, в порядке перестраховки?

Зеленский. Да.

Вышинский. Следовательно, вам была известна контрреволюционная работа, и по существу вы страховались?

Зеленский. Мне не была известна, я предполагал.

Вышинский. Вы ставили вопрос об аресте только на основании предположения? Вы говорите, что в целях перестраховки ставили вопрос об аресте Икрамова.

Зеленский. Правильно.

Вышинский. На каком основании? За что его арестовывать?

Зеленский. Когда была раскрыта группа «Милли-Истиклял», то ряд участников этой организации в своих показаниях в органах ОГПУ указали на то, что фактическим руководителем этой организации является Икрамов.

Вышинский. Следовательно, вы знали по показанию ряда участников, что Икрамов являлся руководителем?

Зеленский. Да.

Вышинский. И для перестраховки ставили вопрос о том, чтобы Икрамова арестовать?

Зеленский. Да.

Вышинский. А в действительности боролись против его контрреволюционной деятельности?

Зеленский. Я был вскоре оттуда отозван.

Вышинский. Нет, вы же говорите, что с 1928 года вам стало ясно, что Икрамов ведет националистическую контрреволюционную работу.

Зеленский. Да, стало ясно. Я вел против него формально борьбу.

Вышинский. А по существу не вели против него борьбу?

Зеленский. А по существу не вел, не мог вести.

Вышинский. Почему не могли?

Зеленский. Тут Файзулла уже охарактеризовал меня...

Вышинский. Вы согласны с характеристикой, данной вам Файзуллой?

Зеленский. Я сам дал о себе такую же характеристику, — по существу не боролся, не мог бороться, потому что сам был уже изменником.

Икрамов. Теперь дальше. Непосредственно под руководством Антипова, по поручению правого центра, установили блок обе националистические организации. Антипов информировал о германо-японской ориентации и о связи с немцами и японцами. Он говорил также о существовании военной группы и о том, что на случай войны они будут действовать путем открытия фронта для наступающих сил интервентов. Тогда же он сказал, что и нам надо действовать. У нас тогда не было еще разговора о

вредительстве, вредительства тогда вообще не было, по вопросу о повстанчестве практически никаких директив организациям не давали, поэтому он сказал, что надо действовать.

При второй встрече с Бухариным он о политике ничего не говорил, а говорил о том, почему нас связали с Антиповым. Он сказал, что нам с тобой встречаться не совсем удобно, а Антипов почти каждый год ездит в Среднюю Азию по хлопку, что занимаемое им положение таково, что ты всегда сможешь ходить к нему по делам. Мы решили, что постоянную связь нужно держать с Антиповым. Он спросил меня относительно действий. Я сказал: кое-какое вредительство проводим. Он сказал, что этого совершенно недостаточно, надо развертывать, надо действовать, время нельзя упускать.

Третья встреча была связана с вопросом о связи с Англией, о чем говорил вчера Файзулла. Действительно, Файзулла Ходжаев в октябре 1936 года сообщил мне о том, что Бухарин разговаривал с ним, что Бухарин очень оптимистически отнесся к капиталистической стабилизации европейских стран, в особенности фашистских государств. Он сказал, что надо ориентироваться на Англию. Поскольку вопрос был серьезный и крупный, я в конце ноября или начале декабря 1936 года спросил об этом Бухарина. Он ответил утвердительно.

Вышинский. Бухарин ответил утвердительно?

Икрамов. Да.

Вышинский. А где он это сказал?

Икрамов. Это было во время Съезда Советов в ноябре или в начале декабря 1936 года. Во время Съезда Советов я встретил Бухарина на лестнице, никого не было, и я его спросил об этом. Он ответил утвердительно, причем он сформулировал таким образом: если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет — нашему делу капут. Могут всех нас переловить, а вопрос ускорения войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром. Пока она не решится в какую-нибудь сторону, не придет к чему-нибудь, до тех пор войны не будет. А сейчас в этой войне, которая готовится, англичане, до тех пор пока им конкретно не будет ясно, где, что они возьмут, вопроса не поставят. Известно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан, как на лакомый кусочек. Если будет такое предложение, тогда англичане, может быть, скоро перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Вот почему я поверил, когда мне Файзулла Ходжаев сообщил об ориентации на Англию. В Узбекистане народ ненавидит империалистов, в особенности английских. Они раньше приезжали, торговали у нас, потом были их представители, уезжали обратно через этот путь. Они знают, что в Индии...

Председательствующий. Подсудимый Икрамов, внутренними делами чужих государств не занимайтесь. Давайте свои показания.

Икрамов. Народ Узбекистана восстанет против такого предложения, кто бы его ни сделал. Нас выгонят по шапке. Я был

не такой, чтобы испугаться, но настроение народа меня запугивало. Я решил проверить, что Файзулла Ходжаев мне говорил в октябре месяце 1936 года.

Относительно террора мне говорил Антипов. Я сказал: как же так, вы поручили нам создать террористическую группу в Узбекистане? Он говорит: это для проверки вашей готовности, а фактически это будет совершено здесь. Если кто хочет к вам доехать — едва ли доедет. Он хвалился: кого наметили убить правые, тот до Средней Азии не доедет.

Вышинский. Кто это говорил?

Икрамов. Антипов.

Я был связан с националистической контрреволюционной организацией такого же типа, как в Узбекистане, в Таджикии — через Рахимбаева. Правда, один только раз был у нас разговор, но я имел связь с таджикской контрреволюционной организацией через Рахимбаева. Если нужно, я могу рассказать подробно...

Вышинский. Следствие еще не закончено по тому делу, так что лучше подробностей не говорить.

Икрамов. Файзулла мне говорил, что он связался или связывается с туркменской организацией. Я подробно у него не спрашивал.

Теперь разрешите сказать, что сделала наша националистическая контрреволюционная организация в осуществление своего плана, своей программы. После того как Бухарин упрекнул меня в недостаточной активности, я сам совершил непосредственно вредительский акт. В 1935 году мы — я, Любимов и Файзулла Ходжаев — совместно дали директиву за подписью Любимова и Икрамова (подписи Файзуллы, кажется, не было): принять хлопок повышенной влажности против установленного правительством Союза стандарта, в результате чего 14 тысяч тонн хлопка пропало, из них 2 600 тонн пошло на ватную фабрику, а остальное количество — на низкие сорта. Убытки составили несколько миллионов рублей.

Вышинский. Это сознательно было вами сделано?

Икрамов. Конечно. Если бы это были случайные вещи, я бы о них здесь не говорил. По каракулю было вредительство. Мы не сами его непосредственно сделали, но через членов нашей организации, — было снижение сортности. За 1936 год ввиду неправильного ухода была снижена сортность на 27%. В 1937 году была массовая порча каракулевых шкурок при пардозе — при переработке каракулевых шкурок произошло массовое сгорание. Это тоже было сделано членами нашей организации (там работал Сата Ходжаев).

Было осуществлено вредительство и в коммунальном хозяйстве Ташкента и Бухары. В Ташкенте действовал член нашей организации Таджиев — он вредил в области планирования канализации, строительства.

Вот факт вредительства в области строительства. Ташкент делится на две части: старый город и новый город. В старой части канализации нет, огромные пространства занимают земли,

на которых нельзя строить дома. Кроме того, имеется много поглощающих ям. Новое здание Наркомпочтеля начали строить, причем ввиду наличия девятнадцати поглощающих ям надо было начинать закладывать фундамент с 30—40 метров.

В коммунальном хозяйстве Бухары также проводилось вредительство. Разрушали город, распродавали дома. Жителям предлагали платить непосильные налоги, они оставляли дома, которые подвергались распродаже.

Сознательно распыляли, размазывали средства, отпущенные правительством Союза на районное строительство. Незаконченное строительство к 1937 году выражается в сумме 34 миллионов рублей.

Вышинский. Все из-за размазывания средств?

Икрамов. Да. Это дело рук Каримова и Файзуллы Ходжаева.

Вышинский. А ваших?

Икрамов. Я непосредственного участия не принимал, но само собой понятно, что должен нести не меньшую ответственность.

Вышинский. С вашего ведома делалось?

Икрамов. Конечно. И если бы я хотел, я мог раскрыть. Такое же крупное вредительство, на которое мы закрывали глаза, имело место по линии строительства Наркомлегпрома, на хлопковых заводах и шелковых фабриках. Цифры я сейчас не помню, огромные средства вложены в строительство, переходящее из года в год. Кажется, строительство Наркомлегпрома по шелковой промышленности было запроектировано на 300 миллионов рублей. Из них 80 миллионов вложено в строительство, а остальное из года в год идет как переходящее строительство. В Намангане начали строить шелкомотальную фабрику. Полтора-два миллиона израсходовали, а в середине года говорят, что нужно консервировать. Я очень удивился, так как не знал техники этого дела. Говорят, что для консервации потребуется полмиллиона рублей, и действительно Наркомлегпром отпустил для консервации полмиллиона рублей.

На строительство хлопкоочистительного завода в Бухаре затрачено 5 миллионов рублей. Завод готов, но не может работать, хотя и машины привезены. Почему? Потому, что нет прессов.

Вышинский. Сколько стоит пресс?

Икрамов. Наверно 100—200 тысяч. Даже дома построены для рабочих и служащих, а завод стоит и используется сейчас под амбар.

Вышинский. Кто отвечает за это?

Икрамов. За это отвечает, в частности, Наркомлегпром. Но и я как человек, закрывавший на это глаза, конечно тоже отвечаю.

Вышинский. Вы прикрывали это?

Икрамов. Конечно, я делал вид, что не вижу. Такие же самые дела по хлопковым амбарам. Это — относительно вредительства. Теперь относительно повстанчества. Файзулла в своем показании об этом говорил.

Вышинский. Что вы сделали для организации повстанческих отрядов?

Икрамов. Мы дали им такую директиву. Что конкретно сде-

лано, мне неизвестно. Но Балтабаев говорил, что Алмазов заявлял ему, что он уже приступил к этому делу в Маргеланском районе, что у него уже кое-какие кадры есть.

Вышинский. Значит, готовили эти кадры?

Икрамов. Потом, кажется, Файзулла мне говорил, что в Бухаре тоже готовится это дело. Вот относительно моих преступлений перед Советской властью. Если можно подытожить, я сформулирую мои преступления. Это — измена социалистической родине, измена советскому народу, в первую очередь, узбекскому народу, который меня вскормил, взрастил.

Председательствующий (к Прокурору). У вас есть вопросы к подсудимому Икрамову?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. Объявляю перерыв на полчаса.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. (Обращаясь к Прокурору.) У вас есть вопросы к подсудимому Икрамову?

Вышинский (к Председательствующему). У меня есть вопрос к подсудимому Бессонову.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Я хотел бы, подсудимый Бессонов, чтобы вы несколько уточнили один факт относительно свидания с эсером Масловым. Вы говорили в первый день процесса, что получили от Пятакова задание связаться с эсерами.

Бессонов. Да, я об этом говорил.

Вышинский. Вы это осуществили через кого?

Бессонов. Речь идет о связи с «трудовой крестьянской партией».

Вышинский. Эсеровской?

Бессонов. Базой которой являлись остатки бывшей эсеровской партии.

Вышинский. Значит, речь шла о связи с «трудовой крестьянской партией», состоявшей из остатков бывшей эсеровской партии?

Бессонов. Да, правильно.

Вышинский. Продолжайте.

Бессонов. Осенью 1934 года, во время моего очередного свидания с Пятаковым, он впервые коснулся моего эсеровского прошлого, в особенности внимательно расспрашивая меня о вологодском периоде моей работы. Я дал ему подробную характеристику деятелей эсеровской партии по северной группе, в том числе характеристику Сергея Семеновича Маслова, являвшегося в прошлом и являющегося в настоящее время руководителем «трудовой крестьянской партии», которую он основал, будучи в эмиграции за границей. Я спросил Пятакова, для какой цели он интересуется моим эсеровским прошлым. Пятаков сказал, что у него на этот счет имеются соображения, навеянные

отчасти разговорами с правыми и отчасти возникшие у него самостоятельно. Действительно, перед моим отъездом в Берлин, примерно через месяц после этого разговора, Пятаков попросил меня повидаться с Масловым, аргументируя необходимость этого свидания следующим образом. Во-первых, у него имеются указания, идущие из «право-троцкистского блока», что «трудовая крестьянская партия» располагает довольно значительными кадрами деревенской интеллигенции, главным образом, среди кооператоров и агрономов. По своим программным и тактическим установкам она представляет из себя организацию, с которой легко можно и нужно установить контакт. Так как я хорошо знаю Маслова по прошлой работе, когда еще был в эсеровской партии, и так как я живу постоянно за границей, то ему представлялось, что я являюсь подходящей кандидатурой, чтобы произвести зондаж относительно соглашения с «трудовой крестьянской партией».

Вышинский. Соглашения «трудовой крестьянской партии» с кем?

Бессонов. Пятаков говорил от своего имени, то есть от имени троцкистов и от имени блока. Как я уже упоминал, мысль о соглашении родилась у него отчасти самостоятельно, отчасти под влиянием разговоров с правыми.

Вышинский. Не помните ли, с кем он вел эти переговоры?

Бессонов. Никаких фамилий он не называл.

Вышинский. А имелся в виду?

Бессонов. Я думаю, что кто-нибудь из работников Наркомата земледелия, потому что в ходе дальнейших переговоров с Масловым выяснилось участие работников из Комиссариата земледелия.

Несколько позже, после свидания с Масловым, я получил задание — связать Маслова с работниками, бывшими в Чехословакии.

Вышинский. У вас это свидание с Масловым состоялось?

Бессонов. Состоялось, но не в 1934 году, а в 1935 году летом.

Вышинский. Где состоялось?

Бессонов. В Праге.

Вышинский. А почему в Праге?

Бессонов. Маслов живет постоянно в Праге.

Вышинский. С какого времени он там живет?

Бессонов. По моим данным, он живет в Праге с 1922 или с конца 1921 года.

Вышинский. После Октябрьской революции он вскоре переселился в Прагу?

Бессонов. Я не могу точно сказать, но мне кажется, что Маслов эмигрировал из Советского Союза в 1921 году.

Вышинский. Словом, он, по вашим данным, уже долгое время проживал в Праге?

Бессонов. Да.

Вышинский. Чем он там занимался?

Бессонов. Он издавал там журналы и газеты.

Вышинский. А на какие средства?

Бессонов. Это выяснилось в разговоре с ним...

Вышинский. На какие средства он издавал газеты и журналы?

Бессонов. В начале разговора выяснилось, меня тоже занимал этот вопрос, чем он располагает.

Вышинский. Или на какие средства он существует?

Бессонов. Материальные возможности у него хорошие. Он полагается на своих старых друзей. Когда я спросил об этой стороне дела, Маслов говорил, что он получает средства от «трудовой крестьянской партии». Родилась эта партия в 1921 году.

Вышинский. Меня не интересует, как она рождалась, какие у нее идеи, а на какие средства она жила?

Бессонов. Вы хотите, чтобы я ответил, на какие средства?

Вышинский. Да, если вам известно.

Бессонов. Он сказал, — что подобно тому, как вы. Я обращался от имени Пятакова.

Вышинский. Кто это — вы?

Бессонов. Вы — это троцкисты. Он сказал, что если вы не гнушаетесь получать средства для своей работы, то еще в меньшей степени это можно ожидать от Маслова. Он откровенно сказал, что у него имеются источники финансирования из польских, румынских и югославских кругов.

Вышинский. То есть, попросту говоря, как это переложить на язык действительных отношений?

Бессонов. В каждой из этих стран существует довольно большая прослойка правящего класса, которая заинтересована как в деятельности «трудовой крестьянской партии», так и в деятельности «право-троцкистского блока».

Вышинский. То есть, иначе говоря, они находились у них на содержании?

Бессонов. У этих кругов.

Вышинский. У этих реакционных, буржуазных кругов?

Бессонов. Да.

Вышинский. А не были ли эсеры связаны с разведками?

Бессонов. В начале разговора с Масловым выяснилось, что он имеет связь с организацией Генлейна.

Вышинский. Что это за организация?

Бессонов. Организация Генлейна настолько общеизвестна...

Вышинский. Все же расскажите о ней.

Бессонов. Это есть организация, которая ставит перед собой задачу присоединить к Германии Богемию. Это организация, которая и по форме, и по содержанию является фашистской организацией.

Вышинский. Маслов издавал свои газеты и журналы и, в то же время, сам существовал и его организация находилась на содержании реакционных кругов буржуазии Польши, Румынии, Югославии?

Бессонов. Да.

Вышинский. Кроме того, он связан с другими организациями?

Бессонов. Он связан с организацией Генлейна.

Вышинский. Что это за организация? Чем она является?

Бессонов. Агентурой немецкого фашизма в Чехословакии.

Вышинский. Следовательно, он связан с немецкой разведкой?

Бессонов. Я в этих вопросах привык к точности.

Председательствующий. Будьте добры, говорите громче.

Бессонов. Это организация фашистских агентов, которая руководствуется иностранным отделом национал-социалистской партии, которая имеет свой центр в Мюнхене и которая является одной из организаций германского фашизма по развертыванию агрессии, но которую, в точном смысле, разведкой назвать нельзя.

Вышинский. Имеет свои специальные задачи и работает в общем плане с разведкой?

Бессонов. Совершенно верно.

Вышинский. Что у вас был за разговор с Масловым?

Бессонов. Я изложил ему сущность того поручения, которое мне дал Пятаков. Маслов, — после того как дал мне довольно подробную характеристику того, чем «трудовая крестьянская партия» располагает по его мнению или по его характеристике в Советском Союзе, о чем я дал подробные сведения на предварительном следствии, не знаю, нужно ли об этом говорить здесь, — он указал три условия, на которых он согласен предоставить свою организацию под общее руководство «право-троцкистского блока». В эти условия, очень неоднородные, входило и соглашение по некоторым программным вопросам. Он имел в виду прежде всего деревенский вопрос и национальный вопрос, но подчеркивал, что это не имеет существенного значения. Центральное его условие — немедленное предоставление ему известной суммы денег со стороны «право-троцкистского блока» как в иностранной, так и в советской валюте. И затем предоставление для работы «трудовой крестьянской партии» легальных возможностей, которыми располагал блок. В обмен на эти условия он считал возможным дать директиву своей организации в Советском Союзе и соподчинить работу «трудовой крестьянской партии» по всем направлениям «право-троцкистскому блоку». Я, конечно, ответа ему на эти вопросы дать не мог. Но в течение 1936 года я связал Маслова с представителем Троцкого, который с ним по этому пункту и договорился.

Вышинский. Скажите, Маслов в беседе с вами высказал желание связаться с Троцким?

Бессонов. Он говорил, что он пытался установить контакт с Троцким через одного чешского троцкиста.

Вышинский. А он не говорил, по чьей инициативе, у кого возникло это желание установить свидание с Троцким? Он не ссылался на Генлейна?

Бессонов. Говорил. Я указывал на это на предварительном следствии. Так и было. Его ссылка на Генлейна была. Он говорил, что в последнее время подготовлялось слияние с организацией Генлейна, что в ближайшее время предстоит объединение всех оппозиционных группировок, работающих в Советском Союзе и

контактирующих свою деятельность с соответствующими органами фашистской Германии.

Вышинский. То есть всех фашистских группировок?

Бессонов. Да.

Вышинский. Как он рассматривал эту возможность связи с Троцким?

Бессонов. Эта связь была установлена мною.

Вышинский. То есть поручение, которое вы имели относительно того, чтобы установить связь Маслова с Троцким, вы выполнили и в результате было создано соглашение. Это соглашение произошло на тех нескольких условиях, о которых вы говорите.

Бессонов. Эти условия входят составной частью. Что касается организационной стороны, то вот эти два условия: во-первых, предоставление «трудовой крестьянской партии» известной суммы денег со стороны «право-троцкистского блока» в иностранной и советской валюте и предоставление «право-троцкистским блоком» ему, Маслову, и, стало быть, «трудовой крестьянской партии», тех легальных возможностей, которыми «право-троцкистский блок» располагает в силу официального положения своих членов. Входила ли в это соглашение считавшаяся самим Масловым недостаточно существенной договоренность по программным вопросам, не могу сказать, но считаю действительно этот вопрос не имевшим никакого серьезного значения при переговорах, что подчеркивал сам Маслов.

Вышинский. Касались ли вы в разговоре с Масловым в какой-нибудь мере или степени Бухарина и Рыкова?

Бессонов. Маслов сказал, что он очень хорошо ориентирован в развитии антисоветских группировок внутри Советского Союза и что он ориентирован как по информациям своих заграничных друзей, как он выразился, так и по информациям, получаемым им непосредственно от своих ячеек в Советском Союзе.

Кроме того, он сказал, что он предпринимал шаги к установлению контакта с некоторыми правыми. Он упоминал в этой связи фамилию наркомземовского работника Муралова А. И., с которым установил связь посредством какого-то кооператора, фамилию которого сейчас не помню.

Вышинский. Следовательно, он был в курсе антисоветской деятельности Бухарина и Рыкова?

Бессонов. Безусловно.

Вышинский. И сам имел связь с правыми?

Бессонов. Он характеризовал эту связь как шаг к установлению прочной организационной связи с правыми.

Вышинский. Была организационная связь, которая впоследствии, благодаря его шагам, превратилась в прочную организационную связь?

Бессонов. Да, в 1935 году.

Вышинский. Еще что можете сказать, кроме того, что говорили?

Бессонов. Разве только о том, чем располагала «трудовая крестьянская партия».

Вышинский. Это больше интересует следствие по делу «трудовой крестьянской партии», чем по настоящему делу. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Переходим к допросу подсудимого Бухарина.

Бухарин. Я имею ходатайство к суду по следующим двум пунктам: во-первых, предоставить мне возможность свободного изложения перед судом, и, во-вторых, разрешить мне в начале моего изложения остановиться более или менее, насколько это позволяет время, на анализе идейно-политических установок преступного «право-троцкистского блока» по следующим мотивам—во-первых, потому, что об этом говорили сравнительно мало, во-вторых, это имеет известный общественный интерес и в-третьих, гражданин общественный обвинитель этот вопрос задавал на предыдущем, если не ошибаюсь, заседании.

Вышинский. Если обвиняемый Бухарин предполагает ограничить как-либо право государственного обвинителя задавать вопросы в процессе его объяснений, то, я думаю, что товарищу Председателю надлежит разъяснить Бухарину, что право обвинителя задавать вопросы основано на законе. Поэтому я прошу отклонить это ходатайство, как это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом.

Бухарин. Я не так понимал свое ходатайство.

Председательствующий. Первый вопрос к подсудимому Бухарину: подтверждаете ли вы ваше показание на предварительном следствии об антисоветской деятельности?

Бухарин. Я свое показание подтверждаю полностью и целиком.

Председательствующий. Что вы желаете сказать об антисоветской деятельности? А товарищ Прокурор имеет право задавать вопросы.

Вышинский. Позвольте начать допрос обвиняемого Бухарина. Сформулируйте коротко, в чем именно вы признаете себя виновным.

Бухарин. Во-первых, в принадлежности к контрреволюционному «право-троцкистскому блоку».

Вышинский. С какого года?

Бухарин. С момента образования блока. Еще до этого я признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых.

Вышинский. С какого года?

Бухарин. Примерно, с 1928 года. Я признаю себя виновным в том, что я был одним из крупнейших лидеров этого «право-троцкистского блока». Я признаю себя, следовательно, виновным в том, что вытекает непосредственно отсюда, виновным за всю совокупность преступлений, совершенных этой контрреволюционной организацией независимо от того, знал ли я или не знал, принимал или не принимал прямое участие в том или ином акте, потому что я отвечаю, как один из лидеров, а не стрелочник этой контрреволюционной организации.

Вышинский. Какие цели преследовала эта контрреволюционная организация?

Бухарин. Эта контрреволюционная организация, если сформулировать коротко...

Вышинский. Да, пока коротко.

Бухарин. Она преследовала, по существу говоря, — хотя, так сказать, может быть недостаточно сознавала и не ставила все точки над «и», — своей основной целью реставрацию капиталистических отношений в СССР.

Вышинский. Свержение Советской власти?

Бухарин. Свержение Советской власти — это было средством для реализации этой цели.

Вышинский. Путем?

Бухарин. Как известно...

Вышинский. Путем насильственного ниспровержения?

Бухарин. Да, путем насильственного ниспровержения этой власти.

Вышинский. При помощи?

Бухарин. При помощи использования всех трудностей, которые встречаются на пути Советской власти, в частности, при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе.

Вышинский. Которая стояла прогностически в перспективе при чьей помощи?

Бухарин. Со стороны иностранных государств.

Вышинский. На условиях?

Бухарин. На условиях, если говорить конкретно, целого ряда уступок.

Вышинский. Вплоть до...

Бухарин. Вплоть до территориальных уступок.

Вышинский. То есть?

Бухарин. Если ставить все точки над «и», — на условиях расчленения СССР.

Вышинский. Отторжения от СССР целых областей и республик?

Бухарин. Да.

Вышинский. Например?

Бухарин. Украины, Приморья, Белоруссии.

Вышинский. В пользу?

Бухарин. В пользу соответствующих государств, которые географически и политически...

Вышинский. Именно?

Бухарин. В пользу Германии, в пользу Японии, отчасти — Англии.

Вышинский. Так о чем было соглашение с соответствующими кругами? Мне известно одно соглашение, которое существовало у блока.

Бухарин. Да, у блока существовало соглашение.

Вышинский. А также путем ослабления обороноспособности?

Бухарин. Видите ли, этот вопрос не обсуждался, по крайней мере, в моем присутствии.

Вышинский. А как насчет вредительства дело обстояло?

Бухарин. С вредительством дело обстояло так, что в конце концов, в особенности под нажимом троцкистской части, так называемого контактного центра, который возник, примерно, в 1933 году, несмотря на целый ряд внутренних разногласий и манипулярную политическую механику, что не представляет интереса для следствия, — после различных перипетий, споров и прочего, была принята ориентация на вредительство.

Вышинский. Это ослабляло обороноспособность нашей страны?

Бухарин. Разумеется.

Вышинский. Следовательно, была ориентация на ослабление, на подрыв обороноспособности?

Бухарин. Этого не было формально, но по сути дела это так.

Вышинский. Но действия и деятельность в этом направлении были ясны?

Бухарин. Да.

Вышинский. О диверсионных актах вы то же самое можете сказать?

Бухарин. О диверсионных актах, — в силу разделения труда и определенных своих функций, которые вам известны, я, главным образом, занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов.

Вышинский. Я понимаю, что у вас было разделение труда.

Бухарин. Но я, гражданин Прокурор, говорю, что я несу ответственность за блок.

Вышинский. Но блок, во главе которого вы стояли, ставил задачей организацию диверсионных актов?

Бухарин. Насколько я могу судить по отдельным различным, всплывающим у меня в памяти, вещам, это — в зависимости от конкретной обстановки и конкретных условий.

Вышинский. Как вы видите из процесса, обстановка была достаточно конкретной. Вы с Ходжаевым разговаривали о том, что мало вредят, что плохо вредят?

Бухарин. Насчет того, чтобы форсировать вредительство, разговоров не было.

Вышинский. Позвольте спросить подсудимого Ходжаева.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, был у вас разговор с Бухариным о том, чтобы форсировать вредительство?

Ходжаев. В августе 1936 года у меня на даче, когда я разговаривал с Бухариным, он указывал на то, что вредительская работа слабо поставлена в нашей националистической организации.

Вышинский. И что же нужно сделать?

Ходжаев. Усилить и не только усилить вредительство, но надо перейти к организации повстанчества, террора и тому подобного.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, правильно говорит Ходжаев?

Бухарин. Нет.

Вышинский. У вас ставилась задача организовать повстанческое движение?

Бухарин. Повстанческая ориентация была.

Вышинский. Ориентация была? Вы на Северный Кавказ посылали Слепкова для организации этого дела? Посылали вы в Бийск Яковенко для той же цели?

Бухарин. Да.

Вышинский. А это не есть то, что говорит Ходжаев, применительно к Средней Азии?

Бухарин. Я думал, что когда вы спрашиваете о Средней Азии, то речь должна итти в моем ответе только о Средней Азии.

Вышинский. Значит, вы отрицаете этот факт для Средней Азии, но не установку блока, а я вас спрашивал об установке блока.

Бухарин. А я вам указал, что этот вопрос решался от случая к случаю, в зависимости от географических, политических и других условий.

Вышинский. Вы отрицаете показания Ходжаева? Я пригласил сейчас Ходжаева свидетельствовать против вас потому, что мне важно иллюстрировать факт, что ваш «право-троцкистский блок» давал задания, как вы говорите, от случая к случаю, в зависимости от обстановки, на организацию повстанческого, диверсионного, вредительского движения. Вы с этим согласны?

Бухарин. Я с этим согласен. Но только я должен уточнить, чтобы не вышло путаницы. Те восстания, о которых вы говорили, были в 1930 году, а «право-троцкистский блок» был организован, как вам известно, гражданин Прокурор, в 1933 году.

Вышинский. Но его тактика ничем не отличалась от тактики вашего правого центра. Вы с этим согласны?

Бухарин. Согласен.

Вышинский. Значит, организация повстанческого движения имела место и в деятельности «право-троцкистского блока»?

Бухарин. Имела место.

Вышинский. И за это вы несете ответственность?

Бухарин. Я уже сказал, что я за всю совокупность действий отвечаю.

Вышинский. Установка на организацию террористических актов, на убийство руководителей партии и Советского правительства у блока была?

Бухарин. Она была, и я думаю, что эту организацию следует датировать, примерно, 1932 годом, осенью.

Вышинский. А ваше отношение к убийству Сергея Мироновича Кирова? Это убийство было совершено также с ведома и по указаниям «право-троцкистского блока»?

Бухарин. Это мне не было известно.

Вышинский. Я спрашиваю: с ведома и по указаниям «право-троцкистского блока» совершено было это убийство?

Бухарин. А я повторяю, что это мне неизвестно, гражданин Прокурор.

Вышинский. Специально об убийстве Сергея Мироновича Кирова вам не было известно?

Бухарин. Не специально, а...

Вышинский. Обвиняемого Рыкова разрешите спросить.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Рыков, что вам известно по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова?

Рыков. Я ни о каком участии правых и правой части блока в убийстве Кирова не знаю.

Вышинский. Вообще, о подготовке террористических актов — убийств членов партии и правительства — об этом вам известно?

Рыков. Я, как один из руководителей правой части этого блока, участвовал в организации целого ряда террористических групп и в подготовке террористических актов. Как я сказал в своих показаниях, я не знаю ни одного решения правого центра, через который я имел отношение к «право-троцкистскому блоку», о фактическом выполнении убийств...

Вышинский. О фактическом выполнении. Так. Известно ли вам, что «право-троцкистский блок» ставил одной из своих задач организацию и совершение террористических актов против руководителей партии и правительства?

Рыков. Я сказал больше того, что я лично организовывал террористические группы, а вы меня спрашиваете, знал ли я через какое-то третье лицо об этих задачах.

Вышинский. Я спрашиваю, имел ли «право-троцкистский блок» отношение к убийству товарища Кирова?

Рыков. В отношении правой части к этому убийству у меня никаких сведений нет, и поэтому я до настоящего времени убежден, что убийство Кирова произведено троцкистами, без ведома правых. Конечно, я об этом мог и не знать.

Вышинский. Вы были связаны с Енукидзе?

Рыков. С Енукидзе? Очень мало.

Вышинский. Он был участником «право-троцкистского блока»?

Рыков. Был с 1933 года.

Вышинский. Он представлял в этом блоке какую часть, троцкистскую или правую, к какой он тяготел?

Рыков. Должно быть, представлял правую.

Вышинский. Хорошо, садитесь пожалуйста. Позвольте обвиняемого Ягоду спросить. Подсудимый Ягода, известно ли вам, что Енукидзе, о котором говорил сейчас обвиняемый Рыков, представлял правую часть блока и имел непосредственное отношение к организации убийства Сергея Мироновича Кирова?

Ягода. И Рыков и Бухарин говорят неправду. Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве Сергея Мироновича Кирова.

Вышинский. Имели ли к этому отношение правые?

Ягода. Прямое, так как блок — право-троцкистский.

Вышинский. Имели ли к этому убийству отношение, в частности, подсудимые Рыков и Бухарин?

Ягода. Прямое.

Вышинский. Имели ли к этому убийству отношение вы как член «право-троцкистского блока»?

Ягода. Имел.

Вышинский. Правду ли говорят сейчас Бухарин и Рыков, что они об этом не знали?

Ягода. Этого не может быть, потому что когда Енукидзе передал мне, что они, то есть «право-троцкистский блок», решили на совместном заседании вопрос о совершении террористического акта над Кировым, я категорически возражал...

Вышинский. Почему?

Ягода. Я заявил, что я никаких террористических актов не допущу. Я считал это совершенно ненужным.

Вышинский. И опасным для организации?

Ягода. Конечно.

Вышинский. Тем не менее?

Ягода. Тем не менее Енукидзе подтвердил...

Вышинский. Что?

Ягода. Что они на этом заседании...

Вышинский. Кто они?

Ягода. Рыков и Енукидзе сначала категорически возражали...

Вышинский. Против чего?

Ягода. Против совершения террористического акта, но под давлением остальной части «право-троцкистского блока»...

Вышинский. Преимущественно троцкистской?

Ягода. Да, под давлением остальной части «право-троцкистского блока» дали согласие. Так мне говорил Енукидзе.

Вышинский. Вы лично после этого приняли какие-нибудь меры, чтобы убийство Сергея Мироновича Кирова осуществилось?

Ягода. Я лично?

Вышинский. Да, как член блока.

Ягода. Я дал распоряжение...

Вышинский. Кому?

Ягода. В Ленинград Запорожцу. Это было немного не так.

Вышинский. Об этом будем после говорить. Сейчас мне нужно выяснить участие Рыкова и Бухарина в этом злодействе.

Ягода. Я дал распоряжение Запорожцу. Когда был задержан Николаев...

Вышинский. Первый раз?

Ягода. Да. Запорожец приехал и доложил мне, что задержан человек...

Вышинский. У которого в портфеле?

Ягода. Были револьвер и дневник. И он его освободил.

Вышинский. А вы это одобрили?

Ягода. Я принял это к сведению.

Вышинский. А вы дали потом указания не чинить препятствий к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?

Ягода. Да, дал... Не так.

Вышинский. В несколько иной редакции?

Ягода. Это было не так, но это неважно.

Вышинский. Указание дали?

Ягода. Я подтвердил.

Вышинский. Подтвердили. Садитесь.

Председательствующий (к Прокурору). Еще вопросы есть?

Вышинский. К Бухарину еще один вопрос. Ваше отношение к террору положительное или отрицательное, к террору против советских деятелей?

Бухарин. Я понимаю. У меня по этому поводу в первый раз постановка вопроса относительно террора возникла при разговоре с Пятаковым, причем я знал, что Троцкий настаивает на террористической тактике. Я тогда возражал.

Вышинский. Это когда было дело?

Бухарин. Но в конце концов с Пятаковым был найден общий язык под формулой, что все рассосется и так или иначе утрясутся разногласия, а потом я докладывал вам, гражданин государственный обвинитель...

Вышинский. Докладывали суду в моем присутствии...

Бухарин. Докладывал суду в вашем присутствии, что ориентация на террор пошла, по существу дела, фактически уже по рютинской платформе.

Вышинский. Я понимаю. Я хочу знать, что ваше отношение к террору было положительное?

Бухарин. То есть вы что хотите сказать?

Вышинский. Что вы являлись сторонником того, чтобы убивать руководителей нашей партии и правительства.

Бухарин. Вы спрашиваете... Я, как участник «право-троцкистского центра», был ли сторонником...

Вышинский. Террористических актов.

Бухарин. Был.

Вышинский. Против кого?

Бухарин. Против руководителей партии и правительства.

Вышинский. Детали будете после рассказывать. Вы стали таким сторонником, примерно, с 1929—1930 годов?

Бухарин. Нет, я думаю, что примерно с 1932 года.

Вышинский. А в 1918 году вы не были сторонником убийства руководителей нашей партии и правительства?

Бухарин. Нет, не был.

Вышинский. Вы были сторонником ареста Ленина?

Бухарин. Ареста? Было два таких случая, из которых о первом я сказал самому Ленину, а о втором умолчал из конспиративных соображений, о чем могу дать, если вам будет угодно, более подробное разъяснение. Это было.

Вышинский. Это было?

Бухарин. Да.

Вышинский. А о том, чтобы убить Владимира Ильича?

Бухарин. Говорилось в первый раз относительно задержания на 24 часа. Была такая формула, а во второй...

Вышинский. А если не сдастся Владимир Ильич?

Бухарин. Но Владимир Ильич, как вам известно, не вступал в вооруженную борьбу, он не был бреттером.

Вышинский. Значит, вы рассчитывали, что Владимир Ильич, когда вы придете его арестовывать, сопротивляться не будет?

Бухарин. Видите ли, я могу сослаться на другого человека. Когда «левые» эсеры арестовали Дзержинского, он тоже не оказал вооруженного сопротивления.

Вышинский. Это зависит каждый раз от конкретной обстановки. Значит, в данном случае, вы не рассчитывали на сопротивление?

Бухарин. Нет.

Вышинский. А на арест товарища Сталина в 1918 году не рассчитывали?

Бухарин. Тогда было несколько разговоров относительно...

Вышинский. Я спрашиваю не о разговорах, а о плане ареста товарища Сталина.

Бухарин. А я говорю, что если я не согласен с вашей характеристикой этого как плана, то разрешите мне и доказать суду то, что было на самом деле. Тогда, можно сказать, плана у нас не было, а был разговор.

Вышинский. О чем?

Бухарин. Был разговор относительно составления опять-таки нового правительства «левых коммунистов».

Вышинский. Я спрашиваю: у вас был план ареста в 1918 году товарища Сталина?

Бухарин. Не Сталина, а был план ареста Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Всех трех — Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Значит, не товарища Сталина, а товарищей Сталина, Ленина и Свердлова?

Бухарин. Так точно.

Вышинский. Был план ареста?

Бухарин. Я говорю: был не план, а разговоры по этому поводу.

Вышинский. А насчет убийства товарищей Сталина, Ленина и Свердлова?

Бухарин. Ни в коем случае.

Вышинский. Я буду ходатайствовать перед судом вызвать сегодня к концу заседания или в следующее судебное заседание свидетелей по настоящему вопросу: бывшую активную участницу группы «левых коммунистов» Яковлеву, бывшего активного участника группы «левых коммунистов» Осинского, Манцева и затем «левых» эсеров, членов ЦК «левых» эсеров Карелина и Камкова для того, чтобы их допросить по вопросу о том, был ли и какой план ареста и убийства у Бухарина, у «левых коммунистов», которых он тогда возглавлял, вместе с «левыми» эсерами, — в отношении товарищей Ленина, Сталина и Свердлова. Пока вопросов не имею.

Бухарин. Разрешите начинать.

Председательствующий (после совещания с членами суда). Суд определил удовлетворить ходатайство государст-

венного обвинителя о вызове в качестве свидетелей Яковлевой, Осинского, Манцева, Карелина и Камкова.

Вышинский. Это меня вполне удовлетворяет.

Председательствующий. Вопросов к Бухарину у вас нет пока?

Вышинский. Пока нет.

Председательствующий. Я разъясняю подсудимому Бухарину, что он имеет не защитительную речь и не последнее слово.

Бухарин. Я это понимаю.

Председательствующий. Поэтому, если вы желаете что-нибудь сказать о вашей преступной антисоветской деятельности, пожалуйста, вы имеете слово.

Бухарин. Я хочу остановиться на вопросе о реставрации капитализма. Разрешите?

Вышинский. Конечно, это же ваша основная специальность.

Бухарин. Я хотел бы вначале остановиться на идейных установках не в том смысле, чтобы отклонить ответственность за практическую преступную, контрреволюционную деятельность. Я бы вовсе не хотел, чтобы у пролетарского суда сложилось именно такое мнение. Я хочу ответить на тот вопрос, который гражданин государственный обвинитель задал Раковскому — во имя чего «право-троцкистский блок» проводил такую преступную борьбу против Советской власти. Я сознаю, что я не лектор и не должен здесь читать проповеди, а я — подсудимый, который должен нести ответственность как преступник, стоящий перед судом пролетарской страны. Но именно потому, что мне казалось, что этот процесс имеет общественное значение и этот вопрос чрезвычайно мало освещался, я думал, что полезно было бы остановиться на программе, которая никогда, нигде не была записана, на практической программе «право-троцкистского блока» и раскрыть скобки одной формулы — что такое реставрация капитализма, так, как она реализовалась и мыслилась в кругах «право-троцкистского блока». Повторяю, что, когда я хочу остановиться на этой стороне дела, я отнюдь не хочу снять с себя ответственность за различные практические вещи, за свои контрреволюционные преступления. Но я хочу сказать, что я был не стрелочником контрреволюции, а одним из лидеров контрреволюции и как один из лидеров отвечаю в гораздо большей степени, несу гораздо большую ответственность, чем это относится к любому из стрелочников. Так что меня нельзя заподозрить, что я хочу улизнуть или отмахнуться от ответственности, хотя бы даже не был участником право-троцкистской организации.

Суд и общественное мнение нашей страны, как и общественное мнение других стран, поскольку речь идет о прогрессивном человечестве, смогут судить, как люди дошли до такой степени, как мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родине, как мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма и какие, в конце концов, идеи, политические установки «право-троцкистского блока». Мы пошли на предательство, преступление, измену. Но во имя чего мы пошли на это дело? Мы превратились в

повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть столь доблестное руководство Сталина, Советскую власть пролетариата.

Один из весьма распространенных ответов,— что логика борьбы нас заставила быть контрреволюционерами, заговорщиками, предателями, что она нас привела к такому позору, к такому преступлению, в результате которых мы находимся на скамье подсудимых. Я уже не говорю, что такие вещи в общественной жизни не бывают, тут существует логика, логика борьбы сочетается с приемами борьбы, с установкой.

Мне на этих данных хотелось бы остановиться, хотя я убежден, что, по сути дела, такая терминология звучит довольно странно по отношению к столь преступной деятельности, но тем не менее мне кажется, что все-таки важно на этом остановиться.

Доказано много раз и разжевано десятки тысяч раз, что правый уклон, когда он только зарождался и был в эмбриональном состоянии, с момента своего зарождения ставил задачи реставрации капитализма. Об этом я не собираюсь говорить. Я хотел говорить о другой стороне дела, с точки зрения гораздо более важной, с объективной стороны этого дела, потому что здесь выступает проблема вменяемости и суждения с точки зрения преступлений, вскрывающихся на суде, тем более, что я являюсь одним из лидеров на скамье подсудимых. Нужно здесь исходить из исходного пункта.

Правые контрреволюционеры были, как будто, на первое время «уклоном», как будто, на первый взгляд, такие, которые начинали с недовольства в связи с коллективизацией, с недовольства в связи с индустриализацией, что, якобы, индустриализация губит производство. Это было, на первый взгляд, основное. Затем вышла рютинская платформа. Когда все государственные машины, все средства, все лучшие силы были брошены на индустриализацию страны, на коллективизацию, мы очутились, буквально в 24 часа, на другой стороне, мы очутились с кулаками, с контрреволюционерами, мы тогда очутились с капиталистическими остатками, которые тогда еще существовали в области товарооборота. Отсюда и вытекает основной смысл, оценка, с точки зрения субъективной, ясна. Тут получился у нас очень интересный процесс переоценки индивидуального хозяйства, переползание в его идеализацию, в идеализацию собственника. Такова была эволюция. В программе — зажиточное крестьянское хозяйство индивидуала, а кулачок, по сути дела, превращается в самоцель. Над колхозами иронизирует. У нас, контрреволюционных заговорщиков, в то время все больше вылезала такая психология: колхозы — музыка будущего. Надо развивать богатых собственников. Такой громадный переворот произошел в установках и в психологии. В 1917 году никому бы из членов партии, в том числе и мне, не пришло бы в голову жалеть каких-нибудь убиенных белогвардейцев, а в период ликвидации кулачества, в 1929—1930 году, мы жалели раскулаченных из так называемых гуманитарных соображений. Кому бы из нас пришло в голову вменять разруху в области нашей экономики в

1919 году, вменять эту разруху большевикам, а не саботажу? Никому. Это просто звучало бы совершенно открыто, как измена. А ведь уже в 1928 году я сам дал формулу относительно военно-феодальной эксплоатации крестьянства, то есть вменял издержки классовой борьбы не классу, враждебному по отношению к пролетариату, а именно руководству самого пролетариата. Это же — поворот уже на 180 градусов. Это значит, здесь идейно-политические установки переросли в установки контрреволюционные. Кулацкое хозяйство и его интересы стали фактически программным пунктом. Логика борьбы привела к логике идей и к перемене нашей психологии, к контрреволюционизированию наших целей.

Промышленность возьмите. Сперва был у нас крик против переиндустриализации, чрезмерной бюджетной напряженности и так далее. А по сути дела это было программное требование, был идеал кулацко-аграрной страны с индустриальным привеском. А психологически? А психологически мы в свое время проповедовали социалистический индустриализм, стали с пожиманием плеч, с иронией, а потом и с озлоблением, в основном, смотреть на наши громадные, гигантски растущие заводы, как на какие-то прожорливые чудовища, которые все пожирают, отнимают средства потребления от широких масс, и что они представляют собой известную опасность. Героические усилия рабочих передовиков...

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, вы опять не поняли. Вы имеете не последнее слово сейчас. Вам было предложено дать показания о вашей антисоветской контрреволюционной деятельности, а вы читаете лекцию. В последнем слове вы можете говорить, что угодно. Третий раз я разъясняю вам.

Бухарин. Тогда разрешите дать мне очень кратко...

Вышинский. Вы скажите,подсудимый Бухарин, как практически это облекалось у вас в антисоветскую деятельность.

Бухарин. Тогда позвольте мне перечислить некоторые программные пункты. И сейчас же я перейду к изложению моей контрреволюционной практической деятельности. Это можно, гражданин председатель?

Председательствующий. Покороче, пожалуйста. Вы будете иметь возможность сказать речь в качестве собственного защитника.

Бухарин. Это у меня не моя защита, это у меня самообвинение. Я ни одного слова в свою защиту не сказал. Если формулировать практически мою программную установку, то это будет в отношении экономики — государственный капитализм, хозяйственный мужик-индивидуал, сокращение колхозов, иностранные концессии, уступка монополии внешней торговли и результат — капитализация страны.

Вышинский. К чему сводились ваши цели? Какой общий прогноз вы давали?

Бухарин. Прогноз сводился к тому, что будет больший крен в сторону капитализма.

Вышинский. А оказалось?

Бухарин. А оказалось совсем другое.

Вышинский. А оказалась полная победа социализма.

Бухарин. Оказалась полная победа социализма.

Вышинский. И полный крах вашего прогноза.

Бухарин. И полный крах нашего прогноза. Внутри страны наша фактическая программа — это нужно, мне кажется, сказать всеми словами — это сползание к буржуазно-демократической свободе, к коалиции, потому что из блока с меньшевиками, эсерами и прочими вытекает свобода партий; коалиция вытекает совершенно логически из блокировки для борьбы, потому что если подбирать себе союзников для свержения правительства, то на второй день в случае мысленной победы они были бы соучастниками власти. Сползание не только на рельсы буржуазно-демократической свободы, но, в политическом смысле — на рельсы, где есть несомненно элементы цезаризма.

Вышинский. Говорите, просто фашизма.

Бухарин. Если в кругах «право-троцкистского блока» была идейная ориентация на кулачество и в то же самое время ориентация на дворцовый и государственный переворот, на военный заговор, на преторианскую гвардию контрреволюционеров, то это и есть ничто иное как элементы фашизма.

Если действуют в области экономики те моменты государственного капитализма, о которых я говорил...

Вышинский. Коротко говоря, вы скатились к прямому оголтелому фашизму.

Бухарин. Да, это правильно, хотя мы и не ставили всех точек над «и». Вот формулировка, характеризующая нас как заговорщиков, реставраторов капитализма, верная со всех точек зрения. И совершенно естественно, это сопровождалось вырождением и перерождением всей идеологии, всей нашей практики и методики борьбы.

Теперь позвольте перейти сразу к изложению моей преступной деятельности.

Вышинский. Может быть, предварительно мне можно задать два-три вопроса биографического порядка?

Бухарин. Пожалуйста.

Вышинский. Вы в Австрии жили?

Бухарин. Жил.

Вышинский. Долго?

Бухарин. 1912—1913 годы.

Вышинский. У вас связи с австрийской полицией не было?

Бухарин. Не было.

Вышинский. В Америке жили?

Бухарин. Да.

Вышинский Долго?

Бухарин. Долго.

Вышинский. Сколько месяцев?

Бухарин. Месяцев семь.

Вышинский. В Америке с полицией связаны не были?

Бухарин. Никак абсолютно.

Вышинский. Из Америки в Россию вы ехали через...

Бухарин. Через Японию.

Вышинский. Долго там пробыли?

Бухарин. Неделю.

Вышинский. За эту неделю вас не завербовали?

Бухарин. Если вам угодно задавать такие вопросы...

Вышинский. Я имею право на основании Уголовно-процессуального кодекса задавать такие вопросы.

Председательствующий. Прокурор тем более имеет право задавать такой вопрос, потому что Бухарин обвиняется в попытке убийства руководителей партии еще в 1918 году, в том, что вы еще в 1918 году подняли руку на жизнь Владимира Ильича Ленина.

Вышинский. Я не выхожу из рамок Уголовно-процессуального кодекса. Угодно — вы можете сказать «нет», а я могу спрашивать.

Бухарин. Совершенно правильно.

Председательствующий. Согласие подсудимого не требуется.

Вышинский. Никаких связей с полицией не завязывалось?

Бухарин. Абсолютно.

Вышинский. Как у Чернова в автобусе? Я вас спрашиваю о связях с каким-нибудь полицейским органом.

Бухарин. Никаких связей ни с какими полицейскими органами.

Вышинский. Тогда почему так легко вы пришли к блоку, который занимался шпионской работой?

Бухарин. Я относительно шпионской работы совершенно ничего не знаю.

Вышинский. Как не знаете?

Бухарин. Так.

Вышинский. А блок чем занимался?

Бухарин. Здесь прошло два показания относительно шпионажа — Шаранговича и Иванова, то есть двух провокаторов.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, а Рыкова вы считаете провокатором?

Бухарин. Нет, не считаю.

Вышинский (к Рыкову). Подсудимый Рыков, вам известно, что «право-троцкистский блок» вел шпионскую работу?

Рыков. Я знаю, что были организации, которые вели шпионскую работу.

Вышинский. Скажите, белорусская национал-фашистская организация, являющаяся частью вашего «право-троцкистского блока», руководимая обвиняемым Шаранговичем, вела шпионскую работу?

Рыков. Об этом я уже сказал.

Вышинский. Вела шпионскую работу?

Рыков. Да.

Вышинский. Была связана с польской разведкой?

Рыков. Да.

Вышинский. Вы знали об этом?

Рыков. Знал.

Вышинский. А Бухарин не знал?

Рыков. По-моему, знал и Бухарин.

Вышинский. Итак, обвиняемый Бухарин, об этом говорит не Шарангович, а ваш дружок Рыков.

Бухарин. Но, тем не менее, я не знал.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, у вас вопросов больше нет?

Вышинский. Мне хочется объяснить обвиняемому Бухарину. Вы теперь понимаете, почему я спрашивал у вас относительно Австрии?

Бухарин. Связь с австрийской полицией заключалась в том, что я сидел в крепости в Австрии.

Вышинский. Обвиняемый Шарангович, вы были польским шпионом, хотя и сидели в тюрьме?

Шарангович. Был, хотя и сидел.

Бухарин. Я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме.

Вышинский. То, что вы сидели в тюрьме, не служит свидетельством того, что вы не могли быть шпиком.

Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете, что после всех сидок и отсидок в тюрьмах разных стран Бухарин вместе с вами знал о шпионской связи Шаранговича с польской разведкой? Знал и одобрил это?

Рыков. Я знал об организациях, которые ведут шпионскую работу.

Вышинский. То, что Бухарин сидел в разных тюрьмах, не помешало ему одобрить связь с польской разведкой своих сообщников. Вы это понимаете?

Рыков. Нет, не понимаю.

Вышинский. Бухарин это понимает.

Бухарин. Я понимаю, но я это отрицаю.

Председательствующий. Продолжайте дальше.

Бухарин. Я должен коротко сказать по этапам. Моя контрреволюционная деятельность, в сущности говоря, поскольку речь идет о правом уклоне, о его эволюции вплоть до «право-троцкистского блока» с соответствующей методикой борьбы, с соответствующими преступными действиями, по сути дела, заложена сознательно еще к 1919—1920 году, когда я из своих учеников Свердловского университета сколачивал определенную группу, которая очень быстро стала перерастать во фракцию. Состав этой группы известен, он находится в следственных материалах, и, насколько я могу ориентироваться по репликам гражданина Прокурора, он об этом осведомлен.

Вышинский. В числе ваших учеников был Слепков, которого вы послали на Северный Кавказ организовывать восстания?

Бухарин. Совершенно верно. Я могу еще несколько фактов привести.

Вышинский. Такого же рода?

Бухарин. Нет, не такого рода.

Вышинский. Но такого типа?

Бухарин. Нет.

Вышинский. Ну, вроде этого?

Бухарин. Позвольте, в одном слове я не могу раскрыть все содержание.

Вышинский. Продолжайте.

Бухарин. Создалась известная кадровая ячейка, которая потом вошла как одна из составных частей в совокупную контрреволюционную организацию правых, а затем, следовательно, «в право-троцкистский блок».

Примерно в 1923 году я написал так называемый меморандум, который должен был быть вручен в Центральный Комитет, однако я туда его не внес, а он получил хождение в кругах этой «школки», в которой наметился целый ряд установок, кои потом выросли, распустились и принесли соответствующие ядовитые плоды. Там я говорил относительно того, что в руководстве партии кризис один будет сменяться...

Вышинский. Это нам сейчас совершенно неинтересно, что вы там говорили.

Бухарин. В 1928 году, когда в стране наступили элементы кризиса в отношениях между пролетариатом и крестьянством, а партийное руководство во главе со Сталиным наметило линию преодоления трудностей и наступления на кулачество, стала оформляться оппозиция — вначале только как оппозиция. Один из эпизодов заключается в том, что я в этом году приходил за тенденциозно-подобранными материалами к тогдашнему руководителю ОГПУ — Г. Г. Ягоде, который мне и дал соответствующе подобранные материалы, которые я потом использовал для формирования своей контрреволюционной идеологии и соответствующих на основе ее действий.

Вышинский. Когда оформилась ваша контрреволюционная правая организация?

Бухарин. Примерно к 1928—1929 годам относится мое сближение с Томским и Рыковым, потом — связи и прощупывание среди тогдашних членов Центрального Комитета, нелегальные совещания, которые были нелегальными по отношению к Центральному Комитету, а, следовательно, организация перешла границы советской государственной легальности, и на этой уже основе быстро выросла своеобразная организация руководства правой организацией, которую можно изобразить, как иерархическую лестницу, примерно так: тройка — Рыков, Томский и я, которая тогда входила в состав Политбюро, оппозиционные члены Центрального Комитета, по своим установкам тогда уже перераставшие в контрреволюционную группировку, затем различные группировки, основными, составными частями которых следует назвать следующих: Бухарин и его пресловутая «школка», во-первых, Томский и кадры профсоюзников — во-вторых, Рыков и его секретари и люди советского аппарата — в-третьих, Угланов с московскими районными работниками и группа в Промакадемии — в четвертых. Таким образом, здесь сформировалась верхушка этой контрреволюционной организации.

Вышинский. А Ягода куда девался?

Бухарин. Ягода стоял в стороне.

Вышинский. Он был с вами связан?

Бухарин. Да, он был связан.

Вышинский. Помогал вам подбирать тенденциозный материал?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Значит, был участником...

Бухарин. Я говорю сейчас об иерархической лестнице руководства, и потому о Ягоде...

Вышинский. Я не хотел просто обижать обвиняемого Ягоду.

Бухарин. Тут начались поиски блоков. Во-первых, мое свидание с Каменевым на квартире у него. Во-вторых, свидание с Пятаковым в больнице, при котором присутствовал и Каменев. В-третьих, свидание с Каменевым на даче у Шмидта.

Я забыл сказать, что еще в 1928 году на основе и в связи с выступлением оппозиционных, тогда еще не переставших уже в контрреволюционные установки, представителей целой группы Центрального Комитета и на основе соответствующего плана была мною составлена так называемая платформа 1928 года.

Я упоминаю о ней не потому, что она получила широкое хождение и не потому, что, как известно, ее идеи легли тогда во все практические мероприятия и она стала идеологически формирующим началом, — а потому, что во втором зондаже с троцкистско-зиновьевскими кругами, а именно при свидании с Каменевым и Пятаковым, я экономическую часть этой платформы показал означенным лицам.

Я не знаю, заинтересует ли вас подробно...

Председательствующий. По-моему, эти эпизоды можно покороче рассказать.

Бухарин. Хорошо. Свидание с Каменевым у него на квартире. Здесь были резкие клеветнические разговоры насчет руководства партии, партийного режима, организации голода, гражданской войны в стране, клевета на партийное руководство и так далее, и так далее.

Свидание в больнице. Я повторяю, что поскольку здесь экономическая платформа получила это известное звучание, тут никакого соглашения не было, но зондаж, прощупывание и попытка соглашения здесь были.

И, наконец, в-третьих, свидание на даче у Василия Шмидта, которого самого тогда не было и на котором присутствовал я, мой секретарь Цейтлин, Каменев и Томский. Разговор здесь был сравнительно кратким и заключался в обсуждении той тактики, которой должны держаться мы, находившиеся в оппозиции члены ЦК, на предстоящем тогда пленуме Центрального Комитета. Причем, позиция Каменева заключалась в том, что он подзуживал нас на выступление, а мы тоже выжидали. Так что я рассматриваю все эти три попытки как поиски преступной связи и преступной блокировки против руководства партии и против партии с теми кругами, которые группировались вокруг Каменева — Зиновьева, с одной стороны, и троцкиста Пятакова — с другой.

В 1930—1931 годах начинается следующий этап в развитии контрреволюционной организации правых. Тогда в стране было большое обострение классовой борьбы, саботажа кулачества, сопротивление кулачества политике партии и так далее.

Этот этап я считаю переходом к «двойной бухгалтерии» по всему фронту. Тройка превратилась в нелегальный центр, и поэтому если раньше эта тройка была головкой оппозиционных кругов, то она сейчас превратилась в центр нелегальной контрреволюционной организации. А поскольку они, повторю, были нелегальны по отношению к партии, они тем самым стали нелегальными по отношению к органам Советской власти.

К этому нелегальному центру близко примыкал Енукидзе, который имел связь с этим центром через Томского. Близко к нему стоял тогда также Угланов, удельный вес которого в партийной организации был достаточно велик, потому что он в недавнем прошлом, приблизительно к этому времени, руководил московской партийной организацией.

К тому же времени, примерно, к концу 1931 года, участники так называемой «школки» были переброшены на периферию — в Воронеж, Самару, Ленинград, Новосибирск, и этот факт переброски их на периферию был использован в контрреволюционных целях уже тогда.

Вышинский. Каким образом он был использован?

Бухарин. Он был использован в том смысле, что этим разложившимся людям мы, члены этой нелегальной тройки, члены правого центра, в том числе и я, даем прямое задание, прямое поручение в первую очередь насчет вербовки людей. Что касается Ягоды, то, насколько мне память не изменяет, по сообщению Рыкова, он тогда требовал для себя особого положения, как раз именно в тот период с особой настойчивостью.

Вышинский. В каком смысле особого положения?

Бухарин. Особого положения внутри правой организации в смысле особо конспиративных форм прикрытия, что вполне понятно в связи с занимаемым им постом в официальной советской иерархии.

Вышинский. Он добился такого положения?

Бухарин. Он добился такого положения. Примерно к осени 1932 года начинается следующий этап в развитии правой организации, а именно: переход к тактике насильственного ниспровержения Советской власти.

Вышинский. Каким годом вы его начинаете?

Бухарин. Я его начинаю, примерно, летом 1932 года. Но я, гражданин государственный обвинитель, должен сказать, что вообще во всей этой периодизации нужно иметь в виду, что она носит условный характер, потому что, например, укажу на факт посылки Яковенко с согласия моего и правого центра; я упомянул те факты, о которых вы меня допрашивали и о которых я вам дал утвердительный ответ. Они относятся к более раннему периоду. Из этого я только делаю вывод, что несовпадение дат никоим образом не может служить опровержением преступности того или другого акта, потому что здесь не было резко очерченной границы. Кроме того, в некоторых случаях, как в случае с Яковенко, была такая горячая ситуация, что она вызвала соответствующую преступную реакцию с нашей стороны.

Переходя к тактике насильственного ниспровержения, в об-

щем я датирую моменты, когда была зафиксирована так называемая рютинская платформа. О рютинской платформе здесь говорилось достаточно много, и, может быть, не нужно на ней останавливаться. Она была названа рютинской в конспиративных целях, для перестраховки от провала, она была названа рютинской, чтобы прикрыть правый центр и его самые руководящие фигуры. Кроме того, больше я должен сказать: мне кажется, что рютинская платформа, — я поэтому позволю себе задержать ваше внимание несколькими минутами больше, — рютинская платформа, насколько я вспоминаю во время процесса, эта платформа правой контрреволюционной организации, уже, пожалуй, была общей фактической платформой и других группировок, в том числе каменевской, зиновьевской и троцкистской.

Как раз к этому самому моменту получилась такая ситуация, что Троцкий свой левацкий мундир должен был сбросить. Когда дело дошло до точных формулировок того, что же нужно в конце концов делать, то сразу обнаружилась его правая платформа, то есть он должен был говорить относительно деколлективизации и так далее.

Вышинский. То есть вы идейно вооружили и троцкизм?

Бухарин. Совершенно верно. Тут такое было соотношение сил, что Троцкий давил в смысле обострения методов борьбы, а мы до известной степени его вооружали идеологически (к Прокурору). Больше не нужно о рютинской платформе?

Вышинский. Это ваше дело.

Бухарин. Нет, я спрашиваю, вас интересует это или нет?

Вышинский. Меня интересует ваше преступление.

Бухарин. Хорошо, но преступлений этих так много, гражданин Прокурор, что из них нужно выбирать наиболее существенные.

Вышинский. Меня интересуют они все, не на выборку, а от начала до конца.

Председательствующий. Пока еще вы ходите вокруг да около, ничего не говорите о преступлениях.

Бухарин. Значит, вы не считаете нелегальную организацию преступлением, рютинскую платформу тоже не считаете преступлением?

Вышинский. Не в этом дело, но вам говорят, что вы ходите вокруг да около.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, я вас прошу не пререкаться, а говорить, если вы хотите говорить.

Бухарин. Я буду говорить.

Председательствующий. Минут через 15 по регламенту заседание должно быть закончено, я вас прошу закруглить ваши мысли или закончить.

Вышинский. Вы относительно Ягоды тут говорили. Я хочу спросить Ягоду. Обвиняемый Ягода, скажите, пожалуйста, вы предъявляли требование к блоку о том, чтобы вы были поставлены в особо законспирированное положение?

Ягода. Да, такое требование было с моей стороны.

Вышинский. Не припомните ли, при какой обстановке это было и с кем вы об этом говорили?

Ягода. Я говорил с Рыковым.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, вы это подтверждаете?

Рыков. Подтверждаю, я об этом уже говорил в своих предварительных показаниях.

Вышинский. Продолжайте.

Бухарин. В рютинской платформе был зафиксирован переход к тактике насильственного ниспровержения Советской власти.

В связи с этим, мне кажется, нужно остановиться на конференции 1932 года. Эти разосланные периферийные работники, которые, главным образом, состояли из этих «молодых», они вернулись со своих мест и по инициативе Слепкова и с моей санкции они созвали в конце лета 1932 года конференцию, на которой были доклады с мест.

Вышинский. Нелегальные?

Бухарин. Нелегальные. Конференция была нелегальная, работа была нелегальная, доклады были нелегальные и доклады были о нелегальной работе.

Вышинский. Конференция была контрреволюционная, доклады были контрреволюционные и доклады были о контрреволюционной работе?

Бухарин. Да, все это было контрреволюционное.

На этой конференции в числе пунктов порядка дня стоял, между прочим, и вопрос о рютинской платформе, причем конференция эту рютинскую платформу апробировала. После этого состоялось совещание «трех» плюс Угланов. Я на этом совещании не участвовал, так как был в отпуску, но по возвращении из отпуска я вполне с этой платформой согласился и полностью несу за это ответственность. Рютинская платформа была апробирована от имени правого центра. В суть рютинской платформы вошли — «дворцовый переворот», террор, курс на прямую смычку с троцкистами. К этому времени созревает в правых кругах, причем не только в верхушечных кругах, но и, сколько мне помнится, в среде части периферийных работников, идея «дворцового переворота». Вначале эта мысль была высказана со стороны Томского, связанного с Енукидзе. Эта мысль пришла Томскому в связи с возможностями использования служебного положения Енукидзе, в руках которого тогда сосредоточивалась охрана Кремля. Мы имеем тут логику борьбы и исчезновения путей для легальной работы, развитие этой идеи, упрочение связи Томского и Енукидзе и Рыкова с Ягодой. Томский рассказывал, что Енукидзе согласен принять активное участие в этом перевороте. Томский рассказывал также, что Енукидзе завербовал Петерсона. И тут, выражаясь иронически, от академической постановки вопроса вопрос вызрел в постановку практическую, потому что были налицо элементы организации этого переворота.

Следовательно, уже тогда намечался план и подбирались организационные силы для реализации этого плана, то есть вербовки людей для осуществления «дворцового переворота». В то время возникла политическая блокировка с Каменевым, Зиновьевым. В этот период были встречи с Сырцовым и Ломинадзе.

Я должен сказать, только прошу, чтобы суд не понимал это

так, что я хочу смягчить свои обвинения, что в этой группе была политически не совсем безразличная тенденция, что правые не были объединены с троцкистами, троцкисты рассчитывали на террор, а правые надеялись на повстанческое движение. Правые ориентировали организацию на массовое выступление.

Я думаю, что это не есть смягчение, но в данном случае я рассказываю то, что было и что было известно из докладов, тогда имевших место. Мы рассчитывали привлечь массы.

Я разговаривал с Пятаковым, Томским и Рыковым. Рыков разговаривал с Каменевым и Зиновьев с Пятаковым.

Летом в 1932 году я второй раз разговаривал в Наркомтяжпроме с Пятаковым. Разговаривать тогда мне было очень просто, так как я работал под руководством Пятакова. Он тогда был моим хозяином. Я должен был по делам заходить к нему в кабинет, не вызывая никаких подозрений. Не вызывало никаких подозрений и то, что я долго засиживался у него в кабинете. Мало ли какие дела могли быть!

Вышинский. Использовали все легальные возможности для нелегальных разговоров?

Бухарин. Я использовал легальные возможности для антисоветских, нелегальных целей. Пятаков рассказал в этой беседе, которая происходила летом в 1932 году, о встрече с Седовым, относительно установки Троцкого на террор. В то время мы с Пятаковым считали, что это не наши идеи, но мы решили, что очень быстро найдем общий язык и что разногласия в борьбе против Советской власти будут изжиты. Томский и Рыков, может быть я ошибаюсь, говорили с Каменевым и Сокольниковым. Мне помнится, что в тот период Томский особенно настаивал на осуществлении государственного переворота и на концентрации всех сил, тогда как члены правого центра ориентировались на повстанческое движение.

К концу 1932 года, рютинская платформа датируется осенью — концом лета 1932 года, конференция датируется...

Председательствующий. Заседание подходит к концу, кончайте.

Бухарин. Тогда кончу только мысль, что к концу 1932 года создался уже контрреволюционный блок правых, троцкистов и каменевцев-зиновьевцев.

Председательствующий. На этом заседание заканчивается. Следующее заседание состоится 7 марта в 11 часов утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Утреннее заседание 7 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Бухарин, продолжайте ваши показания о вашей антисоветской деятельности.

Бухарин. Слушаю. Третьего дня я закончил на том, что в конце 1932 года образовался блок правых-троцкистов-зиновьевцев примерно на основе рютинской платформы. Среди участников контрреволюционной организации правых к этому времени уже стали возникать террористические настроения. Их можно было констатировать в кругу так называемых моих учеников, в группе Матвеева, группировавшейся около Угланова, среди сторонников Рыкова и среди некоторых профсоюзников, что в свое время было вскрыто в печати. К этому периоду относится создание группы заговорщиков в Красной Армии. Я об этом слышал от Томского, который непосредственно был информирован об этом Енукидзе, с которым был связан и личными отношениями, а также с которым ему было удобнее сноситься, потому что они жили на одном и том же коридоре, в Кремле.

Оба — и Томский и Енукидзе, как я слышал об этом, вернее слово «слышал» не особенно подходящее слово, скорее информирован был от Томского и Енукидзе, которые говорили мне, что в верхушке Красной Армии произошло в это время объединение правых, зиновьевцев и троцкистов, причем мне были названы имена, я не ручаюсь, что я помню всех их точно, но те, которые я запомнил, — это имена Тухачевского, Корка, Примакова и Путна.

Связь с правым центром, таким образом, шла по такой линии: военная группа, Енукидзе, Томский и остальные. Примерно к этому же времени, то есть к концу 1932 года или началу 1933 года, образовался так называемый контактный центр, куда вошли представители различных антипартийных контрреволюционных течений, в том числе и правые.

Возвращаясь к рассказу или к показаниям относительно преступной активности контрреволюционного правого блока, я прежде всего хочу остановиться на идее государственного переворота, как одной из центральных преступных идей и соответствующей этому практической подготовке, потому что эта самая идея и соответствующая практическая подготовка пришли в за-

висимости от различных периодов и общеполитической конъюнктуры в различных стадиях своего развития.

Зарождение идеи государственного переворота у нас, у правых заговорщиков, относится примерно к 1929—1930 годам, причем в то время, в своем эмбриональном состоянии, этот государственный переворот мыслился, вернее о нем шли разговоры, как о государственном перевороте на очень сравнительно узкой базе. Я бы сказал, что это была идея узкого государственного переворота, вернее, «дворцового переворота» (я опять боюсь сказать, чтобы не получилось впечатления, как будто бы я с себя хочу слагать здесь ответственность), она впервые была высказана Томским, в связи с тем обстоятельством, что у Енукидзе, который был лично связан с Томским и часто с ним общался, в это время была сосредоточена в его руках охрана Кремля, и в то же самое время можно было говорить об использовании служебного положения Рыковым, который был председателем Совнаркома, и в связи с этим имелся целый ряд легальных возможностей и прикрытий, которые облегчали всячески конспиративные преступные действия и поэтому могли служить известным условием, в котором мыслился этот «дворцовый переворот». Это датируется, примерно, 1929—1930 годом, но в то время на осуществление «дворцового переворота» не пошли и не пошли, собственно говоря, по двум основаниям: одно основание — более широкое...

Вышинский. Почему не пошли — это не так интересно, как то, почему пошли; почему не пошли, почему не случилось — это нам неинтересно.

Бухарин. Хорошо, я не буду останавливаться на этом, если неинтересно.

Вышинский. Вы уже подошли к 1933 году.

Бухарин. Я потому хотел упомянуть об этом вопросе, что это имеет связь с практической подготовкой...

Вышинский. Так и скажите о практической подготовке, а вы начинаете говорить, почему то или другое не произошло. Суду интересно — что и почему произошло.

Бухарин. Да, но всякое отрицание имеет утверждение, гражданин Прокурор. Еще Спиноза сказал, что в области детерминации...

Вышинский. Скажите конкретно, как вы готовили захват власти, с помощью кого, какими средствами, во имя каких задач и целей?

Бухарин. Так как мы не пошли на «дворцовый переворот» по причинам, о которых здесь неинтересно слушать, перешли к ориентации на кулацкие восстания...

Вышинский. Что означает выражение «дворцовый переворот»? Идет речь о прямом захвате власти, о захвате власти силами вашего блока. Так я понимаю?

Бухарин. Совершенно верно, политически — силами блока. А почему я говорю «дворцовый переворот»? Значит, силами, которые организационно сосредоточены в Кремле.

Вышинский. Силами такими, какие оказались бы в вашем рас-

поряжении, а совершенно необязательно — силами, которые были в Кремле?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Тогда не лучше ли говорить не о «дворцовом перевороте», а о попытке захвата власти путем вооруженного восстания?

Бухарин. Нет, вооруженное восстание сказать не совсем правильно.

Вышинский. Как же так? С оружием в руках хотели захватить?

Бухарин. Вооруженное восстание есть массовая вещь, а здесь дело идет о более узком...

Вышинский. Какие массы, у вас не было никаких масс.

Бухарин. Следовательно, это не есть восстание.

Вышинский. Восстание при помощи группы?

Бухарин. Если вам угодно определять восстание группы как восстание, — это верно.

Вышинский. Во всяком случае это более правильно, чем говорить о «дворцовом перевороте», который, якобы, совершается в каком-то дворце.

Бухарин. Говоря о «дворцовом перевороте», я имел в виду...

Вышинский. Группу заговорщиков?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Я полагаю, что так лучше и говорить. Скажите, как вы готовили группу заговорщиков к захвату власти?

Бухарин. Это уже относится к следующему периоду. Может быть вы разрешите рассказывать в хронологическом порядке, как у меня расположен материал, — сначала о «дворцовом перевороте», затем переходе к восстанию, от восстания к собственно государственному перевороту.

Вышинский. Скажите, какова была основная задача группы заговорщиков в этой области?

Бухарин. Даже в этот период главной задачей было свержение Советского правительства насильственным путем.

Вышинский. Вот вы и скажите, как готовились к свержению Советского правительства насильственным путем.

Бухарин. В этот период мы уже обсуждали вопрос о свержении Советского правительства насильственным путем, с помощью группы военных участников заговора.

Вышинский. Группы?

Бухарин. Да.

Вышинский. Группы участников вашего заговора?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. В лице Тухачевского, Примакова и некоторых других?

Бухарин. Там была еще группа Енукидзе.

Вышинский. О группе Енукидзе мы уже говорили.

Бухарин. Совершенно верно. К 1931—1932 годам в связи с изменением политической конъюнктуры упор был поставлен на развитие повстанческого движения, и контрреволюционной правой организацией, во главе с правым центром, было спровоци-

ровано несколько кулацких восстаний, о которых, гражданин Прокурор, отчасти уже шла речь, когда вы меня допрашивали в связи с Яковенко, Слепковым и другими.

Вышинский. По вашим непосредственным указаниям и под вашим руководством?

Бухарин. Совершенно верно. Я могу здесь сказать еще об одном факте, который не упоминался. Тогда я говорил относительно самого себя. Я послал Слепкова для подготовки кулацкого восстания на Кубани, Рыков послал на Кавказ Эйсмонта, который вступил в связь с правым Пивоваровым и троцкистом Белобородовым, о чем говорилось на судебном следствии. Кроме того, могу сообщить, что о кулацком саботаже, как некоей предварительной стадии более острых форм борьбы, мне сообщали П. Петровский и Зайцев.

Вышинский. Поскольку вы упомянули об Эйсмонте, я прошу вас показать относительно ваших связей с белогвардейскими кругами и немецкими фашистами.

Бухарин. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Вышинский. Повторяю, расскажите о ваших связях, о связях вашей заговорщической группы с белогвардейскими кругами за рубежом и немецкими фашистами. Вопрос ясен?

Бухарин. Мне это неизвестно. Во всяком случае, я не помню.

Вышинский (к суду). Позвольте Рыкова спросить. Вы слышали мой вопрос? Что вы можете сказать по этому поводу?

Рыков. Мне от Пивоварова было известно, что казацкий союз, который был организован по указанию, по совету Слепкова...

Вышинский. Белогвардейский казацкий союз?

Рыков. Да... он через реэмигрантов, которые входили в состав кадров этой контрреволюционной организации, имел связи с остатками казачьей эмиграции за границей, и в этой связи помощь оказывали немецкие фашисты.

Вышинский. Значит, группа заговорщиков на Северном Кавказе, о чем и вам было известно со слов Пивоварова, была в связи с белогвардейским казачьим союзом за границей и с немецкими фашистами?

Рыков. Да, так.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы об этом знали, знали Пивоварова?

Бухарин. Я Пивоварова не знал.

Вышинский. Кем был Пивоваров на Северном Кавказе?

Бухарин. Он стоял во главе Советской власти на Северном Кавказе.

Вышинский. Значит, вы знали, что Пивоваров был председателем краевого исполкома на Северном Кавказе?

Бухарин. Я знал, что он является председателем краевого исполкома, но лично Пивоварова я не знал.

Вышинский. Рыков знал, что Пивоваров возглавляет на Северном Кавказе местную организацию изменников, контрреволюционеров и что он связан с белогвардейскими казачьими кругами за границей, а вы, Бухарин, не знали?

Бухарин. Я не оспариваю возможность такого факта, но я этого не знал.

Вышинский. Был такой факт или не был, что Пивоваров был связан с белогвардейскими казачьими кругами за границей?

Бухарин. Я отрицать этого не могу, я могу только предположительно сказать, что это могло быть, так как у нас была ориентация на использование всяких сил.

Вышинский. В том числе и белогвардейских?

Бухарин. Это не исключалось.

Вышинский. Для вас это было ясно?

Бухарин. То, что это могло быть, я этого не отрицаю, но я не могу вспомнить этого в достаточной степени точно, у меня в сознании нет того, чтобы я мог вспомнить о связи с белогвардейским казачьим союзом за границей.

Вышинский. Я вас спрашиваю, был ли такой факт, о котором говорит Рыков, которому это было известно, как одному из руководителей вашей организации?

Бухарин. У меня в сознании этого факта нет. Но отрицать возможность такого факта я не могу. Больше того, это очень вероятно, что такая связь была.

Вышинский. Вы хотите так изобразить дело, что вы практического отношения к этим преступлениям не имели.

Бухарин. Как же не имел, когда я послал в Сибирь Яковенко для организации вооруженных кулацких восстаний, посылал на Северный Кавказ Слепкова для той же цели.

Вышинский. Подсудимый Рыков, знал об этом факте Бухарин или не знал?

Рыков. Инициатива организации этого союза, по словам Пивоварова, принадлежала Слепкову, которого на Северный Кавказ послал Бухарин и которому, как я полагаю, Бухарин давал определенные указания и директивы.

Вышинский. Стало быть, Слепков посылался на Северный Кавказ по инициативе Бухарина. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. Слепкова я посылал как квалифицированного человека по организации повстанческого движения. Но Слепков на месте мог, ориентировавшись и узнав, какие там имеются организации, мог предпринять некоторые шаги помимо меня.

Вышинский. Несете вы ответственность за эти преступные действия как один из руководителей организации?

Бухарин. Ответственность, безусловно, несу.

Вышинский. За связь вашей организации с белогвардейскими казацкими кругами и немецкими фашистами?

Бухарин. Конечно, несу.

Вышинский. Факт этот был?

Бухарин. Если говорят другие, что факт был, значит — был.

Рыков. Я категорически утверждаю, что поручение это было, что Слепков был направлен на Северный Кавказ, потому что он играл большую роль и мог сколотить контрреволюционную организацию. Я не знаю, разговаривал ли он по этому поводу

с Бухариным, но инициатива была там, по словам Пивоварова, за Слепковым.

Вышинский. Следовательно, эта связь исходила по бухаринской линии?

Рыков. Идея исходила по бухаринской линии.

Вышинский. Идея и практическое претворение ее в жизнь?

Рыков. Слепков это делал.

Бухарин. Что Слепкова я посылал, я не отрицаю. Я посылал его, чтобы он связался с белогвардейскими казацкими кругами.

Вышинский. Что это было в плане вашего руководства?

Бухарин. Я конкретно не говорил.

Вышинский. Вы утверждаете, что о связи с немецкими фашистами и белогвардейскими казацкими кругами вы не знали?

Бухарин. Я не знал.

Вышинский. Рыков знал, Слепков знал, а вы не знали?

Бухарин. Они были там на месте.

Вышинский. Вы посылали Слепкова?

Бухарин. Да, посылал.

Вышинский. Вы были связаны со Слепковым, когда он был на месте?

Бухарин. Нет.

Вышинский. Вы с ним говорили о том, что он делал на месте?

Бухарин. Потом?

Вышинский. Да, потом.

Бухарин. Подробного разговора не было.

Вышинский. А вы с ним встречались?

Бухарин. Один раз я с ним встречался.

Вышинский. Один раз встречались, этого достаточно для того, чтобы узнать, выполнил он ваше поручение или нет.

Бухарин. Нет, мы об этом не говорили.

Вышинский. Расскажите, о чем вы с ним разговаривали?

Бухарин. Мы разговаривали мало.

Вышинский. Вы посылали Слепкова для организации кулацкого восстания. Слепков организовывал это восстание, работал в этом направлении.

Бухарин. Подробного ответа он мне не давал.

Вышинский. Я спрашиваю, было так или нет?

Бухарин. Я его посылал.

Вышинский. Он выполнил ваше задание?

Бухарин. Задание он, очевидно, выполнил.

Вышинский. Очевидно?

Бухарин. Очевидно.

Вышинский. А вам он говорил об этом?

Бухарин. Я говорю, что я виделся с ним один раз.

Вышинский. Вам говорил Слепков, как он выполнил ваше поручение?

Бухарин. Я не помню, чтобы он много говорил.

Вышинский. А почему вы говорите, что детально не говорил?

Бухарин. Он сказал в общем.

Вышинский. В общем сказал?

Бухарин. В общем сказал.

Вышинский. Если в общем сказал, значит, сказал?

Бухарин. Если в общем сказал, значит, сказал.

Вышинский. А вы только что сказали, что он не говорил.

Бухарин. Он детально не говорил.

Вышинский. Я вас спрашиваю, обвиняемый Бухарин, вы посылали Слепкова для организации белогвардейских кулацких восстаний?

Бухарин. Да.

Вышинский. Он вам сообщил, как выполнил ваше поручение?

Бухарин. Он не говорил, как выполнил.

Вышинский. А как он выполнил?

Бухарин. Он говорил, что там были волнения.

Вышинский. Не восстание, а волнения?

Бухарин. Разговор быстро перешел на другую тему — о подготовке конференции в 1932 году.

Вышинский. У вас разговоры, конечно, очень быстро переходили от одной темы к другой. Мне важно установить, что на Северном Кавказе в это время была часть вашей правой заговорщической организации.

Бухарин. Да.

Вышинский. Значит, факт?

Бухарин. Факт.

Вышинский. Что об этом знали вы?

Бухарин. Факт.

Вышинский. Что вы посылали туда для связи с этой организацией Слепкова. Что Слепков там что-то делал в этом направлении, о чем вам говорил... Факт?

Бухарин. Факт.

Вышинский. Что там были волнения кулацкие. Факт?

Бухарин. Факт.

Вышинский. Что это было связано с его деятельностью. Факт?

Бухарин. Факт.

Вышинский. Было связано с вашей деятельностью. Факт?

Бухарин. Факт.

Вышинский. Дальше, известно, что эта северо-кавказская группа была в связи с казацкими белоэмигрантскими кругами... Факт это или не факт?

Бухарин. Я же говорил вам, что не могу отрицать этого факта, гражданин Прокурор.

Вышинский. Подсудимый Бухарин — факт или не факт, что группа ваших сообщников на Северном Кавказе была связана с белоэмигрантскими казацкими кругами за границей? Факт или не факт? Рыков говорит об этом, Слепков говорит об этом.

Бухарин. Если Рыков говорит об этом, я не имею основания не верить ему.

Вышинский. Можете мне ответить без философии?

Бухарин. Это не философия.

Вышинский. Без философских выкрутасов.

Бухарин. Я же показал, что имел объяснения по этому вопросу.

Вышинский. Скажите мне «нет».

Бухарин. Я не могу сказать «нет», и не могу отрицать, что это было.

Вышинский. Значит, ни «да», ни «нет»?

Бухарин. Ничего подобного, потому, что есть факты, независимо от того, входят ли они в сознание того или другого человека. Это проблема реальности внешнего мира. Я не солипсист.

Вышинский. Значит, независимо от того, вошел этот факт в ваше сознание или нет, вам как заговорщику и руководителю был известен такой факт?

Бухарин. Мне он не был известен.

Вышинский. Нет?

Бухарин. Но на ваш вопрос я могу сказать: так как эта вещь лежала в общем плане, я считаю ее вероятной, а так как Рыков говорит об этом положительно, у меня нет никаких оснований ее отрицать.

Вышинский. Следовательно, это факт?

Бухарин. С точки зрения математической вероятности можно сказать, с очень большой вероятностью, что это факт.

Вышинский. Значит, вы просто ответить не умеете?

Бухарин. Не «не умеете», а есть такие вопросы, на которые нельзя сказать прямо «да» или «нет», как вы отлично знаете из элементарной логики.

Вышинский. Позвольте спросить еще Рыкова: Бухарину было известно об этом факте?

Рыков. Я с ним об этом не говорил.

Вышинский. Вот знал ли Бухарин об этом или нет?

Рыков. Я лично считаю с математической вероятностью, что он должен был об этом знать.

Вышинский. Ясно. Подсудимый Бухарин, вам известно было, что Карахан был участником право-троцкистской заговорщической группы?

Бухарин. Известно.

Вышинский. Известно вам было, что Карахан — немецкий шпион?

Бухарин. Нет, это неизвестно.

Вышинский (к Рыкову). Вам известно это было, подсудимый Рыков, что Карахан — немецкий шпион?

Рыков. Нет, неизвестно.

Вышинский. А что Карахан вел переговоры с некоторыми немецкими кругами, это вам неизвестно?

Рыков. Эти переговоры по поводу правого центра?

Вышинский. Да, конечно, по поводу правого центра.

Рыков. Да, да.

Вышинский. Изменнические переговоры?

Рыков. Изменнические.

Вышинский. С кем же он вел, с каким учреждением?

Рыков (молчит).

Вышинский. А!

Рыков. Этого я не знаю.

Вышинский. В каком направлении, скажите, в таком случае велись переговоры?

Рыков. Он вел в направлении... Тогда переговаривались с немецкими правительственными кругами.

Вышинский. С какими это кругами?

Рыков. По вопросу об их отношении к правым, к возможному перевороту правых.

Вышинский. Были переговоры или нет относительно организации поражения СССР?

Рыков. Этого я не знаю.

Вышинский. Тогда я хочу напомнить Рыкову его показания на предварительном следствии, том 1 лист дела 112: «Следовательно в направлении подготовки поражения СССР действовала не только группа Тухачевского, являвшаяся составной частью нашей организации. Это поражение подготовляла вся наша международная ориентация и переговоры Карахана». Правильно это?

Рыков. Правильно.

Вышинский. Что же из этого следует?

Рыков. Я имел в виду поражение не в прямом смысле. Я имел в виду, что если группа заговорщиков какой-либо страны переговаривается с неприятелем, то самый факт этих переговоров, сам по себе, во-первых, должен содействовать ускорению войны, — неприятель тем скорее нападет, чем больше имеет поддержки внутри страны, и, во-вторых, что способность страны обороняться, а другой нападать, соответствующим образом изменяется, то есть оборона ослабевает, а нападение усиливается

Вышинский. Значит, этот факт имел место?

Рыков. Да.

Вышинский. И дальше: «В самой международной ориентировке мы исходили из того, что нужно получить поддержку со стороны международной буржуазии и нашу деятельность и успех своей контрреволюционной работы в СССР мы связывали с прямой поддержкой со стороны фашизма». В скобках указано: «переговоры Карахана». Можно сделать из этого такой вывод, что с вашего ведома Карахан вел переговоры с фашистскими кругами о поддержке вашей изменнической деятельности на определенных условиях? Так было дело?

Рыков. Да.

Вышинский. А условия заключались в чем?

Рыков. Во-первых, в целом ряде экономических уступок, и во-вторых, в так называемом расчленении СССР.

Вышинский. Что это значит?

Рыков. Это значит отделение национальных республик под протекторат или в зависимость, формально не в зависимость, а фактически в зависимость...

Вышинский. То есть территориальные уступки?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Карахан от имени вашего блока предполагал уступить немцам какую-то часть союзной территории?

Рыков. Это было несколько иначе.

Вышинский. Я говорю о смысле этих уступок.

Рыков. Я с Караханом сам не виделся, я знаю это со слов Томского, который излагал это в моем присутствии и в присутствии Бухарина.

Вышинский. Значит и Бухарин знал? Разрешите спросить Бухарина. Вы знали?

Бухарин. Я знал.

Рыков. Изложение было таково, что немецкие фашисты принимают эти условия, то есть льготы по концессиям, торговым договорам и так далее, но со своей стороны они требуют, чтобы национальным республикам было предоставлено право свободного выделения.

Вышинский. Ну, а что это означает?

Рыков. Значит не то, что мы предлагали. Это было новое требование немцев. Это, конечно, означает на деловом языке расчленение СССР.

Вышинский. То есть отдачу части СССР немцам?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Значит, вам известно, что Карахан с вашего ведома вел переговоры с немецкими кругами, чтобы отдать часть СССР. Какую именно часть?

Рыков. Об этом разговора не было.

Вышинский. В вашем плане было отторгнуть Украину в пользу немцев или нет?

Рыков. Я лично относительно Украины не могу сказать, я повторяю, не потому, что мы были против отторжения Украины.

Вышинский. А за отторжение? Против или за?

Рыков. Просто об отторжении Украины у нас разговора не было и вопрос не решался.

Вышинский. Вы имели в виду отторгнуть Украину в пользу германского фашизма?

Рыков. Формулировка такая.

Вышинский. Не формулировка, а практически?

Рыков. Практически речь могла итти насчет Белоруссии.

Вышинский. А насчет Украины?

Рыков. Не было. Мы не могли решать этот вопрос без согласия украинских контрреволюционных организаций.

Вышинский. Тогда я обращаюсь к подсудимому Бухарину. У вас в 1934 году были ли об этом переговоры с Радеком?

Бухарин. Не переговоры, а разговоры.

Вышинский. Пожалуйста, разговоры. Были или нет?

Бухарин. Были только не об этом.

Вышинский. А о чем?

Бухарин. Радек мне рассказал относительно его переговоров с Троцким, что Троцкий имел переговоры с немецкими фашистами о территориальных уступках за помощь контрреволюционным организациям.

Вышинский. Вот, вот.

Бухарин. Я тогда возражал Радеку.

Вышинский. Говорил вам Радек, что, по указанию Троцкого, надлежит уступить, отдать немцам Украину?

Бухарин. Насчет Украины я положительно помню.

Вышинский. Было или нет?

Бухарин. Да.

Вышинский. А насчет Дальнего Востока?

Бухарин. Насчет Украины я положительно помню, речь шла и относительно других областей, но о каких я не помню.

Вышинский. Вы показывали таким образом: «что Троцкий, форсируя террор, все же считает основным шансом для прихода к власти блока поражение СССР в войне с Германией и Японией за счет территориальных уступок (немцам — Украины, японцам— Дальнего Востока)». Было это?

Бухарин. Да, было.

Вышинский. Значит, это и есть уступки.

Бухарин. Я был несогласен.

Вышинский. Дальше сказано: «Я не возражал против идеи сговора с Германией и Японией, но не был согласен с Троцким в вопросах размеров».

Бухарин. Прочтите еще следующую фразу, там объясняются размеры и характер.

Вышинский. Я прочитал, я хочу говорить относительно этого.

Бухарин. Я сказал, что я был против территориальных уступок.

Вышинский. Нет, я хочу об этом сказать. Итак, Радек говорил вам, что Троцкий дал указания итти на уступки немцам Украины. Говорил?

Бухарин. Говорил, но я не считал для себя обязательным указания Троцкого.

Вышинский. Это было известно Рыкову или не было известно об этом разговоре с Радеком?

Рыков. Вы кого спрашиваете?

Вышинский. Бухарина.

Бухарин. Я не помню, говорил ли я Рыкову.

Вышинский. А Рыков?

Рыков. Он мне не говорил.

Вышинский. Следовательно, о разговоре Бухарина с Радеком вы не знали? (Рыков молчит). А он разговаривал частным порядком с Бухариным?

Рыков. Кто?

Вышинский. Радек. Обвиняемый Бухарин, как с вами разговаривал Радек? Какую должность вы тогда занимали?

Бухарин. Дело не в должности.

Вышинский. Какую должность вы занимали?

Бухарин. Я был редактором «Известий».

Вышинский. Вы разговаривали с Радеком как редактор «Известий» или как член заговорщической организации?

Бухарин. Вы отлично понимаете, что я разговаривал с ним как член заговорщической организации.

Вышинский. Рыков и Томский составляли тогда центр и вы при этих условиях ничего об этом разговоре с Радеком не сказали?

Бухарин. Простите, я вам хочу ответить на этот вопрос. На

всякий вопрос я не могу отвечать одним словом, у меня на это нехватит достаточных способностей.

Были конспиративные условия свиданий, так как мы почти не собирались вместе, а говорили от случая к случаю, используя коридорные встречи, встречи на улицах и прочее. Могло случиться, что я мог ему об этом разговоре не говорить. Я говорю не для обеления Рыкова, это объясняется той конспиративной практикой, которая существовала в организации правых.

Вышинский. Вы отрицаете, что передавали Рыкову такой серьезный разговор, который был у вас с Радеком? Вы не передавали Рыкову о серьезных разговорах с Радеком?

Бухарин. Гражданин Прокурор, я не считал директивы Троцкого для всех нас обязательными.

Вышинский. Я не говорю директивы, а разговоры.

Бухарин. Я не помню и поэтому не могу вам сказать, говорил ли я об этом. Я не помню этого.

Вышинский. Вы не отрицаете, но вы не помните. Спрошу Рыкова.

Обвиняемый Рыков, за счет каких частей СССР шла речь о расчленении СССР?

Рыков. При изложении Томским вопроса о дополнительных требованиях немецких фашистов относительно правых, мы в основном, в общем виде это предложение приняли.

Вышинский. О чем здесь шла речь или о каких частях СССР?

Рыков. Конкретно, о каких республиках, о каких частях — речи не было.

Вышинский. Вы показали на предварительном следствии и здесь на суде, что Карахан с немецкими фашистами вел переговоры о помощи вашему заговору. Факт это или этого не было?

Рыков. О помощи заговору? Если иметь в виду политическую помощь, то за благоприятное отношение к нему.

Вышинский. За что?

Рыков. Я уже перечислял.

Вышинский. Уступки территориальные. Какой части СССР это касалось?

Рыков. Этого мы не определяли.

Вышинский. Не уточняли?

Рыков. Не уточняли.

Вышинский. Вы-то имели в виду какую-то часть СССР или нет? Или вообще, абстрактно говорили?

Рыков. Было то, о чем я уже говорил.

Вышинский. То есть?

Рыков. Мы приняли условия, благоприятствующие практической деятельности правого центра. Это реализовалось в работе, в руководстве по отношению к Белоруссии.

Вышинский. Значит, немцы беспокоились о Белоруссии в пользу кого?

Рыков. О чем беспокоились немцы — я не могу сказать.

Вышинский. Они беспокоились о том, что вы отдадите Белоруссию кому? Не немцам?

Рыков. Полякам.

Вышинский. А немцам что? Выходит, что немцы хлопочут ради кого? Ради поляков? Немцы оказывают вам услугу, а вы взамен этого Белоруссию отдаете полякам. Они оказываются в смешном положении.

Рыков (молчит).

Вышинский. Перехожу к первому вопросу. Следовательно, Карахан вел переговоры с немцами. Видимо, это происходило с ведома вашего блока. Бухарин об этом знал?

Рыков. Томский об этом сказал мне и Бухарину.

Вышинский. Значит, Бухарин знал об этом? Подсудимый Бухарин, вы знали об этом?

Бухарин. Гражданин Прокурор, я два раза уже сказал, что знал.

Вышинский. Одобрили это?

Бухарин. Что именно «это»?

Вышинский. То, что вы два раза уже сказали?

Бухарин. Я не одобрял. На предварительном следствии я подробно показывал, что Карахан...

Вышинский. Вы одобрили?

Бухарин. Я был поставлен перед самым фактом, потому что Карахан...

Вышинский. Вы одобрили эти переговоры Карахана с немецкими фашистами?

Бухарин. Я, гражданин Прокурор, говорю, что это был политический факт.

Вышинский. Вы одобрили переговоры Карахана от имени блока с немецкими фашистами?

Бухарин. Вообще относительно переговоров... я одобрял, то есть считал, что целесообразно...

Вышинский. Не вообще, а переговоры, которые вел Карахан?

Бухарин. Я уже вам объяснял, гражданин Прокурор, что дело обстояло таким образом, что Карахан поехал без предварительного решения общего центра и вернулся...

Вышинский. Вам известно было, что Карахан вел переговоры с немецкими фашистами?

Бухарин. Известно. Известно мне это было от Томского, от самого Карахана...

Вышинский. Вы эти переговоры одобрили?

Бухарин. Или дезавуировал? Не дезавуировал, следовательно, одобрил.

Вышинский. Я вас спрашиваю, одобрили или нет?

Бухарин. Я повторяю, гражданин Прокурор: так как не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

Вышинский. Следовательно, одобрили?

Бухарин. Если не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

Вышинский. Вот я и спрашиваю: значит, одобрили?

Бухарин. Значит, «следовательно» — все равно, что «значит».

Вышинский. Что значит?

Бухарин. Значит, одобрил.

Вышинский. А вы говорите, что вы об этом узнали постфактум.

Бухарин. Да, это ни капли не противоречит одно другому.

Вышинский. Разрешите спросить подсудимого Рыкова.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Рыков, эти переговоры Карахан вел по собственной инициативе?

Рыков. Он вел их по поручению, по инициативе Томского, но я и Бухарин эту инициативу одобрили, когда нам докладывали об этих переговорах.

Вышинский. Одобрили не только факт переговоров, но и инициативу, то есть самое дело в целом?

Рыков. Мы оба — не маленькие люди. Если не одобрять такие вещи, тогда с ними надо бороться. В нейтралитет в таких вещах играть нельзя.

Вышинский. Итак, можно установить, что с ведома Бухарина Карахан вел переговоры с немецкими фашистами. Вы это, обвиняемый Рыков, подтверждаете?

Рыков. Да.

Бухарин. Что значит «с ведома Бухарина»? Не было такого положения, что я знал, что он туда едет.

Вышинский. Что он едет — я не об этом говорю. Вы знаете, что такое инициатива...

Бухарин. Смутно догадываюсь.

Вышинский. Смутно? Я вижу, что ваше положение заставляет вас смутно догадываться об очень ясных вещах.

Бухарин. Возможно.

Вышинский. Обвиняемый Рыков сейчас показал перед судом в вашем присутствии, что Карахан начал переговоры с немцами по инициативе не своей, а Томского...

Бухарин. Но тогда ни Рыков, ни я об этом не знали...

Вышинский. Но когда потом узнали, то одобрили?

Бухарин. Рыков здесь уже сказал, что в таких случаях не может быть нейтралитета: если не прервал, то, значит, одобрил. А это — перефраз того, что я сказал: если не дезавуировал, то одобрил.

Вышинский. Итак, подсудимый Бухарин, вы несете ответственность за эти переговоры Карахана с немцами?

Бухарин. Безусловно.

Вышинский. Переговоры о подготовке поражения?

Бухарин. Так вопрос не стоял.

Вышинский. О помощи вам?

Бухарин. Вообще о помощи... о нейтрализации я сказал...

Вышинский. Рыков уже вам объяснил.

Бухарин. Он, мне кажется, суду дает объяснения, а не мне.

Вышинский. Он объяснил, что самый факт переговоров с неприятелем уже означает ему помощь.

Бухарин. Ну, да, в этом смысле, но я различаю вопрос — с юридической стороны не так обстояло дело, потому что...

Вышинский. В чем помощь должна была быть оказана? В содействии успеху заговора?

Бухарин. Во время заговора могла быть немецкая интервенция вообще против нас... Нужно это нейтрализовать, это и есть помощь.

Вышинский. То есть, чтобы они помогли вам удержаться у власти?

Бухарин. Нейтрализовать их и тем самым помочь удержаться у власти.

Вышинский. За счет известных уступок?

Бухарин. Да.

Вышинский. Подсудимый Рыков сказал, что в тот период речь шла о том, чтобы отторгнуть Белоруссию. Так я понимаю?

Бухарин. Я себе представляю это совсем не так.

Рыков. Томский нам передал, что Карахану немцы сказали, что в придачу к экономическим уступкам немецкие фашисты настаивают на предоставлении национальным республикам права выделения. Мы тут же поняли и истолковали это так, что речь идет о расчленении СССР.

Вышинский. То есть о том, чтобы отдать Белоруссию?

Рыков. И тут же в общей форме, насколько я помню (а такие вещи нельзя и трудно забывать), в этой общей форме мы приняли это.

Вышинский. Кто это мы?

Рыков. Я, Бухарин и Томский.

Вышинский. Правильно, подсудимый Бухарин?

Бухарин. Не совсем. Не насчет Белоруссии, а насчет Украины.

Вышинский. Ага, теперь уже насчет Украины. А ведь речь до сих пор шла насчет Белоруссии.

Бухарин. Вы меня по этому поводу не допрашивали, так что у меня нет логически никакого противоречия.

Вышинский. Разрешите предъявить обвиняемому Рыкову его показания, том 1, лист дела 119: «Должен однако сказать, что вопрос об ориентации на Польшу с той точки зрения, чтобы заручиться ее поддержкой на случай нашего прихода к власти, возник значительно раньше, а именно в 1930—1931 годах». Вы подтверждаете это?

Рыков. Да.

Вышинский. Бухарин, вы подтверждаете?

Бухарин. Я этого не знаю и не помню.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, о ком же вы говорили, имея в виду этот вопрос?

Рыков. Речь идет о моих отношениях с представителями белорусской организации.

Вышинский. А с Бухариным вы не обсуждали этот вопрос?

Рыков. Этого я утверждать не могу.

Вышинский. Тогда позвольте прочитать ваши дальнейшие показания: «В тот период этот вопрос был несколько раз предметом обсуждения между мною, Бухариным, Томским с одной стороны» и так далее. Таким образом, я спрашиваю у вас: значит, этот вопрос вы обсуждали с Бухариным?

Рыков. Под этим вопросом разумеется вопрос о соглашении с контрреволюционной белорусской организацией. Может быть я не совсем правильно выразился, но я имел в виду именно это.

Вышинский. Вы имели в виду, очевидно, то, что имелось в

виду. Тут ясно сказано, что вопрос об ориентации на Польшу обсуждался в 1930—1931 годах. А дальше говорится «в тот период», то есть именно в этот период, этот вопрос, то есть вопрос об ориентации на Польшу.

Рыков (после молчания). У меня нет этих показаний, может быть какое-нибудь слово...

Вышинский. Тут каждое слово играет большую роль.

Рыков. Это совершенно верно.

Вышинский. Прямо говорится: в тот период этот вопрос, то есть вопрос, о котором говорилось раньше, вопрос об ориентации на Польшу. Прочтите, пожалуйста.

(Рыкову предъявляют его показания, данные на предварительном следствии.)

Рыков. Тут сказано: «В тот период этот вопрос...», это относится ко всему предыдущему абзацу, а вовсе не к последней фразе этого абзаца.

Вышинский. Оглашаю дальше: «Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками, связь с которыми через Червякова была уже к тому времени восстановлена, мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской Советской Республики».

Верно? С кем вы обсуждали этот вопрос?

Рыков. Я это обсуждал с Голодедом и Червяковым, они были в курсе дела.

Вышинский. Они были в курсе дела? А Бухарин был в курсе дела?

Бухарин. Я не виделся с Червяковым.

Вышинский. Не в том дело, что вы не видались с Червяковым. Я говорю про Рыкова. Я предъявляю ему вот эти три абзаца из его показаний. Первый абзац: «Должен однако сказать, что вопрос об ориентации на Польшу неоднократно обсуждался в 1930—1931 годах». Второй абзац: «в тот период,— то есть в период 1930—1931 годов, — этот вопрос (то есть вопрос, о котором говорилось раньше, вопрос об ориентации на Польшу) был несколько раз предметом обсуждений между мною, Бухариным, Томским и бывшим председателем ЦИК Белоруссии Червяковым. Червяков является скрытым, но чрезвычайно активным участником правой организации с 1928 года». Третий абзац: «общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками, связь с которыми через Червякова была уже к тому времени восстановлена, мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской Советской Республики».

Вы это подтверждаете?

Рыков. Да.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы знали обо всем этом?

Бухарин. В 1930 году не могло стоять такого вопроса, Гитлер к этому времени еще не был у власти.

Вышинский. Но этот вопрос стоял. Не от Гитлера начинается история вашего предательства.

Бухарин. Это верно.

Вышинский. В 1930—1931 годах были у вас разговоры с Рыковым и Томским?

Бухарин. Я не помню этого.

Вышинский. Вот Рыков показывает о том, что такие разговоры были. Я вас спрашиваю — были такие разговоры или не были. Да или нет?

Бухарин. А я говорю — не помню. Я имею право говорить суду не так, как вы хотите, а так, как есть на самом деле.

Вышинский. Я от вас и не требую этого.

Бухарин. Я имею право перед судом говорить и говорю — не помню.

Вышинский. Не помните? Подсудимый Рыков, что вы скажете?

Рыков. Первое сообщение об этом было сделано Томским, он сослался на Червякова, который был у него на даче. И тогда, по сообщению Томского, мы втроем обсуждали этот вопрос и это предложение о контакте с контрреволюционной белорусской организацией приняли. Во всяком случае это было в присутствии Бухарина.

Вышинский. Так как это было в присутствии Бухарина, значит, Бухарин об этом знал.

Разрешите обратиться к Шаранговичу, одному из руководителей белорусской подпольной организации заговорщиков. Что вы по этому поводу скажете, подсудимый Шарангович?

Шарангович. И Голодед, и Червяков об этой установке информировали нашу организацию, как о совершившемся факте. Причем я должен сказать, что в разговорах относительно этой установки Томский никогда не фигурировал, речь шла о Рыкове и Бухарине. При этом Червяков имел несколько разговоров с Бухариным и он после разговоров не только меня информировал, но информировал на совещании центра нашу организацию, со ссылками на Бухарина и Рыкова.

Вышинский. Следующий абзац ответа Рыкова: «Были некоторые варианты, которые состояли именно в этом. Эту компенсацию Польше мыслилось реализовать в условиях прихода к власти в военное время. Факторы, вызывающие войну, нападение империалистических государств (Польши и Германии), войну, которую мы организовывали на приход к власти, этот фактор мы во всей своей практической деятельности всячески обостряли и стимулировали». Подтверждаете показания ваши?

Рыков. Подтверждаю.

Вышинский. Кого вы имели в виду?

Рыков. Я имел в виду центр правых.

Вышинский. Лично кого?

Рыков. Я об этом говорил уже довольно много.

Вышинский. Я хотел, чтобы вы не постыдились и здесь сказали.

Рыков. Я имел в виду Бухарина. Центр состоял из трех лиц: меня, Бухарина и Томского. Следовательно, это относится и к Бухарину.

Вышинский. Следовательно, это относится и к Бухарину?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. В общем, была такая установка центра.

Вышинский. Следующий абзац ответа Рыкова, лист дела 120: «Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность в своих взаимоотношениях с поляками. Он связан был с ними по нелегальной деятельности. Сделал все практические выводы из этой нашей директивы». Вы это подтверждаете, Рыков?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками?

Рыков. Да.

Вышинский. Во исполнение ваших директив?

Рыков. Да.

Вышинский. Это не шпионская связь?

Рыков. Нет.

Вышинский. Какая это связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вышинский. Шпионская связь в части вашей организации имелась с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Шпионская?

Рыков. Конечно.

Вышинский. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вышинский. Значит, вы были шпионами?

Рыков (молчит).

Вышинский. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вышинский. Вы были организатором шпионажа, были шпионом?

Рыков. Можно сказать, да.

Вышинский. Можно сказать, что шпион. Я спрашиваю, вы организовывали связь с польской разведкой и соответствующими шпионскими кругами? Вы признаете себя виновным в шпионаже?

Рыков. Если речь идет об организации, то в данном случае, конечно, признаю себя виновным.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы признаете себя виновным в шпионаже?

Бухарин. Я не признаю.

Вышинский. А Рыков что говорит, а Шарангович что говорит?

Бухарин. Я не признаю.

Вышинский. Когда организовалась в Белоруссии организация правых, вы возглавляли ее, вы это признаете?

Бухарин. Я вам сказал.

Вышинский. Я вас спрашиваю, признаете вы или нет?

Бухарин. Я белорусскими делами не интересовался.

Вышинский. Вы интересовались шпионскими делами?

Бухарин. Нет.

Вышинский. А кто интересовался?

Бухарин. Я об этого рода деятельности не получал никаких информаций.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, получал ли Бухарин какую-нибудь информацию об этого рода деятельности?

Рыков. У меня с ним разговоров об этом не было.

Вышинский. Как не было, а разговор с Бухариным относительно шпионской связи белорусской организации с поляками?

Рыков. Там не было подчеркнуто, что специально шпионская.

Вышинский. Я говорю о характере, о существе.

Рыков. Неизбежно, в этих условиях какая бы ни была связь с поляками, она автоматически и неизбежно, а это понятно для каждого, перерастает очень быстро в шпионскую связь.

Вышинский. Они не только должны были перейти, но они перешли?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Под вашим руководством?

Рыков. То есть переходом этим мы непосредственно не руководили, но вопрос не в непосредственном руководстве, а касается общего руководства. Мы за это отвечаем совершенно определенно.

Вышинский. Вам незачем делать постное лицо, подсудимый Бухарин, и нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имелась группа ваших сообщников, заговорщиков в Белоруссии, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Шаранговичем. Правильно, Шарангович?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. И по директиве Бухарина и Рыкова под их руководством вы связались с польской разведкой и польским генштабом? Правильно, Шарангович?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. И относительно шпионской связи — под вашим руководством. Правильно, Шарангович?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Следовательно, кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

Шарангович. Рыков, Бухарин.

Вышинский. Значит, они были шпионами?

Шарангович. Совершенно правильно.

Вышинский. Так же как...

Шарангович. Как и я сам.

Вышинский. Садитесь (к Рыкову). Подсудимый Рыков, в 1932 году Голодед вам рассказывал, что все сколько-нибудь крупные назначения людей на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывались с польской разведкой?

Рыков. Да.

Вышинский. Бухарин об этом знал?

Рыков. Этого я не могу сказать.

Вышинский. Не знаете? Не хотите выдавать дружка?

Рыков. То есть в том, что я знаю, что он неправильно говорит, я его уличаю, а в том, что я не знаю, — я этого делать не могу и не буду.

Вышинский. Я спрашиваю вас о том, что поляки давали согласие на различные должностные назначения в Белоруссии. Об этом известно было вашему руководящему центру?

Рыков. Мне было известно. С Бухариным я об этом не говорил. Мне было известно также, что Червяков и Голодед имели связь, кроме меня, с Бухариным и Томским. Говорили они об этом с Бухариным или не говорили, я об этом сказать не могу, потому что при этих разговорах я не присутствовал.

Вышинский. Считаете ли вы, что было бы естественно тому же Голодеду иметь разговор с Бухариным по этому вопросу или же они должны были конспирировать это от Бухарина?

Рыков. Я думаю, что, естественно, он говорил с Бухариным, но о чем они говорили, мне неизвестно.

Вышинский. Я теперь в порядке предположения вас спрошу. Вы предполагаете, что Бухарин об этом был осведомлен?

Рыков. Это обстоятельство... Я предпочитаю говорить только о том, что я знаю, а чего я не знаю — мое положение вовсе не таково в этом зале, чтобы я еще высказывал предположения.

Вышинский. А по белорусским заговорщическим делам были разговоры с Бухариным?

Рыков. Единственный разговор, который был и который я помню, может быть были и другие, но я их не помню, — это начальная стадия наших отношений, которые возникли в результате сообщения Томского.

Вышинский. Позвольте, вы же говорили о том, что в период даже 1931 года вы с Бухариным несколько раз говорили по этим вопросам. Я же вам напоминал сейчас листы дела 119—120.

Рыков. Но не только о том, о чем вы спрашиваете, разговор был.

Вышинский. Несколько раз вы говорили с Бухариным?

Рыков. ...О том, что в Белоруссии была организация, уже велась работа...

Вышинский. Какая работа?

Рыков. Контрреволюционная работа по поддержке нашего...

Вышинский. В которую входит также шпионская работа.

Рыков. Об этой специально шпионской работе я не помню разговоров. Я не исключаю, чтобы они были, но я не помню.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, была ли от поляков директива о подрывной работе в области обороноспособности?

Рыков. Я знаю два случая. Вы мне задавали этот вопрос уже два заседания тому назад. Я указывал на два случая, которые мне известны — это конский состав и дорожное строительство. Вы спросили — почему дорожное строительство, я ответил — повидимому потому, чтобы затруднить продвижение наших войск.

Вышинский. Об этом знал Бухарин? Об этой директиве польской разведки — мешать и разрушать нашу обороноспособность?

Рыков. Я на этот вопрос, как и на предыдущие вопросы, ответить не могу.

Вышинский. Насчет изменнической деятельности польского шпиона Ульянова вам известно?

Рыков. Мне известно.

Вышинский. Бухарин об этом знал?

Рыков. Я не знаю.

Вышинский. Насчет изменнической деятельности польского шпиона Бенека известно?

Рыков. Мне известно.

Вышинский. Бухарину известно?

Рыков. Не знаю.

Вышинский. Разрешите тогда, товарищ Председатель, прочитать лист дела 127, где содержится вопрос Рыкову и его ответ: «Вопрос: В отношении осведомленности и руководства деятельностью вашей организации в Белоруссии, вы все время говорите почти исключительно о себе, а какова была роль остальных членов центра? Ответ: То, что я здесь показал...» А вы здесь показали о Бенеке, об Ульянове, о директиве поляков о подрыве обороноспособности, о назначении с ведома польской разведки должностных лиц, — это вы показали?

Рыков. И кое-что еще.

Вышинский. Это показали?

Рыков. Да.

Вышинский. «То, что я здесь показал, знали, разумеется, и остальные члены центра, знали Бухарин и Томский». Подтверждаете вы это?

Рыков. Это относится ко всему нашему отношению к Белоруссии.

Вышинский. Нет, вы здесь не вывернетесь, я прочту дальше... «то, что я здесь показал», а здесь вы показали о польской директиве портить оборонные пути сообщения, — это лист дела 123, о шпионской изменнической работе Бенека, лист дела 124, о шпионской изменнической работе Ульянова, листы дела 125 и 126, это, наконец, лист дела 127, где говорится: «Из информации Червякова я запомнил основное, а именно, что руководству нашей организации в Белоруссии активно помогали польские разведывательные органы в деле разложения революционного движения в Западной Белоруссии» и так далее. И вопрос: вы говорите о себе, а скажите о соучастниках, которые знали. И ответ: знали и остальные члены центра — Бухарин и Томский.

Рыков. Там вставлено слово «разумеется». Это значит, что это мое предположение, моя уверенность не основана на непосредственных фактах.

Вышинский. Я вас спрашивал, вы ответили, что предпочитаете говорить о том, что знаете.

Рыков. А здесь я сделал оговорку «разумеется».

Вышинский. Тогда я прочту дальше: «Знал Бухарин и Томский...» Тут уже не сказано «разумеется», а сказано, знали Бухарин и Томский, «частично в эти дела был посвящен Шмидт,» — вы имеете в виду Василия Шмидта, «но на своей роли я больше

останавливался по той причине, что по решению центра основные связи по белорусской антисоветской организации правых были сосредоточены в моих руках». Ясно?

Рыков. Мне это ясно.

Бухарин. Меня на предварительном следствии об этом не спрашивали ни единого слова и вы, гражданин Прокурор, в течение трех месяцев не допросили меня, ни одного слова.

Вышинский. Я вас сейчас допрашиваю. Это мое право.

Бухарин. Но на предварительном следствии...

Вышинский. Будьте любезны, не поучайте меня, как вести предварительное следствие, тем более, что вы в этом ничего не понимаете. Вы больше понимаете в тех делах, за которые вы очутились на скамье подсудимых.

Бухарин. Возможно.

Вышинский. Связь с контрреволюционными организациями была возложена по вашему постановлению на обвиняемого Рыкова?

Бухарин. В общей форме была возложена.

Вышинский. А вы состояли в законспирированном положении?

Бухарин. Внутри конспирированного положения не было.

Вышинский. По связям с белорусской группой?

Бухарин. Вообще все было законспирировано.

Вышинский. Но вы были особо законспирированы?

Бухарин. Тут нельзя применять этот термин, он не подходит.

Вышинский. Вы хотите спорить о термине?

Бухарин. Нет, я не хочу спорить, наоборот, я умолкаю.

Вышинский. Я прошу суд удостовериться. То, что мною процитировано, имеет полное тождество с тем, что записано в подлинном протоколе, подписанном Рыковым, и я прошу предъявить это Рыкову для того, чтобы он опознал свою подпись.

Рыков. Я не отрицаю.

Вышинский. Слово «разумеется» относится к предыдущей фразе, а в отношении Бухарина сказано без слова «разумеется». «Бухарин и Томский знали, знал частично и Шмидт».

Председательствующий. Подтверждаю, что эти цитаты соответствуют подлинному протоколу, имеющему подпись Рыкова на каждой странице.

Рыков. Я утверждаю — то, что прочитано, к этому относится слово «разумеется».

Вышинский. Слова «разумеется» нет.

Рыков. То, что я показывал: «знал Бухарин и Томский, частично знал Шмидт», надо понимать слово «разумеется». Я не такой хороший стилист. Если я в первой фразе сказал слово «разумеется», а вторая фраза есть пересказ первой фразы, то слово «разумеется» здесь подразумевается.

Вышинский. По вашему предположению Бухарин об этих шпионских связях знал или не знал?

Рыков. Он должен был знать, но менее детально и менее подробно, чем я знал. Но какие детали, какие подробности, ка-

кие факты из того, что я сообщил и что я знал более подробно, чем он, я этого сказать не могу.

Вышинский. Если вы по решению центра были уполномочены на связь с белорусской группой, то это значит, что вы знали все детали по связи.

Рыков. Нет.

Вышинский. По связи, которую вы осуществляли, вы должны знать все.

Рыков. Нет.

Вышинский. По вашей связи, которую вы имели, вы должны все знать, что делали?

Рыков. Что я делал, должен знать? Я не пойму, что вы хотите.

Вышинский. Я спрашиваю, то, что вы делали, вы должны были знать?

Рыков. То, что я делал?

Вышинский. Конечно.

Рыков. То есть вы хотите спросить, был ли я в сознательном состоянии или бессознательном? Всегда в сознательном.

Вышинский. А Бухарин все знал?

Рыков. Я с Бухариным не разговаривал о деталях.

Вышинский. Я спрашиваю вас не о деталях, а о существе. Существо Бухарин знал?

Рыков. О существе связи Бухарин был информирован и знал об этом.

Вышинский. Я это и хотел установить. Позвольте считать установленным, что Рыков и Бухарин знали о существе изменнической связи, в состав которой входил и шпионаж. Правильно, Рыков?

Рыков. То есть вытекал шпионаж.

Бухарин. Таким образом, получается, что я знал что-то, из чего что-то вытекало.

Вышинский. Об этом вы поспорите на досуге.

Рыков. Боюсь, что этого досуга не будет.

Вышинский. Это дело суда. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, продолжайте.

Бухарин. В 1933—1934 годах кулачество было уже разгромлено, повстанческое движение перестало быть реальной возможностью и поэтому в центре правой организации снова наступил период, когда ориентация на контрреволюционный заговорщический переворот сделалась центральной идеей. Таким образом, от «дворцового переворота», комбинации переворота с массовыми восстаниями и ориентация на массовые восстания и соответствующая практика дела перешли к голому контрреволюционному заговорщичеству и в центре стали идеи государственного переворота, осуществляемого путем вооруженного заговора.

Сила заговора — это силы Енукидзе плюс Ягода, их организация в Кремле и НКВД, причем Енукидзе в то время удалось завербовать, насколько мне помнится, бывшего коменданта

Кремля Петерсона, который, кстати сказать, был в свое время комендантом поезда Троцкого.

Затем — военная организация заговорщиков: Тухачевский, Корк и другие.

Вышинский. В каком году это было?

Бухарин. Я считаю, что это было в 1933—1934 годах.

Вышинский. А одновременно вы вели переговоры с Ходжаевым пораженческо-изменнического характера?

Бухарин. С Ходжаевым я имел один единственный разговор в 1936 году.

Вышинский. В 1936 году. А этот разговор о чем был?

Бухарин. Какой этот?

Вышинский. Который вы вели с Ходжаевым.

Бухарин. В 1936 году?

Вышинский. Да.

Бухарин. Собственно говоря, я слышал ведь показания Ходжаева, слышал, как он выступал на суде, и к этим выступлениям я должен внести целый ряд коррективов.

Вышинский. Сначала то, что не требует коррективов, а потом уже корректировать будете.

Бухарин. Пожалуйста.

Вышинский. Вы говорили с Ходжаевым о том, что уже имеется соглашение с фашистской Германией?

Бухарин. Нет, не говорил.

Вышинский (к суду). Позвольте спросить обвиняемого Ходжаева.

Подсудимый Ходжаев, говорил с вами Бухарин?

Ходжаев. Да, говорил.

Вышинский. Как, где, когда, о чем конкретно?

Ходжаев. В августе месяце, когда Бухарин приехал в Ташкент...

Вышинский. Коротко изложите то, что вы показывали уже на суде.

Ходжаев. Я показывал на предварительном следствии, показывал и на суде. Разговор между мною и Бухариным произошел у меня на даче в Чимгане.

Бухарин. Это и я показывал.

Ходжаев. После обзора международного положения СССР, после обзора положения по различным европейским странам, это дано подробно в предварительных показаниях, и затем обзора внутреннего положения Советского Союза, Бухарин сказал, что надо нашу деятельность направить таким образом, чтобы эта деятельность помогла привести к поражению Союза.

Вышинский. То есть это он считал естественным процессом?

Ходжаев. По его словам, внутреннее и внешнее положение вело к этому. Он сказал, что мы, правые, имеем соглашение с фашистской Германией, намечаем соглашение с Японией.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, были вы у Ходжаева на даче?

Бухарин. Был.

Вышинский. Разговор вели?

Бухарин. И вел разговор, и у меня была голова на плечах все это время, но из этого не следует, что я вел разговор о том, о чем сейчас говорил Ходжаев, а я первый раз вел разговор...

Вышинский. Первый или не первый — это неважно. Такой разговор подтверждаете?

Бухарин. Не такой, а другой разговор, тоже конспиративный.

Вышинский. Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре?

Бухарин. В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным...

Вышинский. Я прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что он здесь не философ, а преступник, и о гегелевской философии ему полезно воздержаться говорить, это лучше будет, прежде всего, для гегелевской философии...

Бухарин. Может быть философ — преступник.

Вышинский. Да, то есть те, которые воображают себя философами, оказываются шпионами. Философия здесь не к месту. Я вас спрашиваю, тот разговор, который передает сейчас Ходжаев, вы подтверждаете или отрицаете?

Бухарин. Я не понимаю слово «тот». Разговор на даче был.

Вышинский. Чего же тут не понимать? Разговор того содержания, которое здесь изложил Ходжаев. Ясно это?

Бухарин. Если вы говорите о содержании разговора, то содержание было несколько иное, а разговор этот на даче был.

Вышинский. Какое иное содержание?

Бухарин. Я с Ходжаевым говорил первый раз в жизни политически. Это объясняет характер разговора. Я с ним говорил относительно того, что необходимо быть готовым к свержению Советской власти насильственным путем и для этого необходимо использовать возможные массовые движения, которые бы могли быть там. Во-вторых...

Вышинский. Причем тут соглашение с фашистской Германией?

Бухарин. Я не говорил о соглашении.

Вышинский. Подсудимый Ходжаев, говорил Бухарин о соглашении?

Ходжаев. Я подтверждаю, что им было сказано то, о чем он здесь говорил, но после этого, как раз, он сказал о соглашении с Германией.

Вышинский. Насчет Англии был разговор?

Ходжаев. Да, был. Он сказал, что намечается соглашение с Англией и что правый центр примет со своей стороны меры к тому, чтобы это соглашение было, и что мы — центр националистической организации Узбекистана — также со своей стороны должны предпринять необходимые шаги в этом направлении.

Вышинский. Именно?

Ходжаев. В смысле связи с английскими резидентами.

Вышинский. Через?

Ходжаев. По вопросу о «через» мы — я и Бухарин — вместе

это установили, не в смысле директивы, а просто в виде разговора.

Вышинский. Консультация?

Ходжаев. Да.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, вы подтверждаете эту часть показаний Ходжаева?

Бухарин. Я говорил Ходжаеву, что во внешне-политической ориентации надо использовать все клавиши, в том числе и английские.

Вышинский. Вы говорили не об английской ориентации, а об английских клавишах?

Бухарин. Если вам угодно, об английских клавишах.

Вышинский. А попросту вы бы могли сказать?

Бухарин. Во внешней политике наша ориентация была исключительно на нейтрализацию и поддержку со стороны Японии или Германии, что однако не исключало того, что нужно использовать международные противоречия...

Вышинский. Надо ориентироваться на кого?

Бухарин. Простите, я же говорю, а не вы.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, не забывайте, что не вы регулируете здесь вопросы и ответы.

Вышинский. Я вас спрашиваю, на кого надо ориентироваться по-вашему?

Бухарин. Я ему говорил, что нужно использовать международные противоречия...

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы подтверждаете показания Ходжаева?

Бухарин. Я говорил, что нам придется иметь дело с различными иностранными государствами и что нельзя иметь дело только с одной группировкой, но нужно иметь дело и с другими.

Вышинский. Значит, вы говорили Ходжаеву, что надо ориентироваться на некоторые иностранные государства?

Бухарин. Видите ли, я перестал употреблять выражение ориентация из-за его двусмысленности и поэтому я уточняю...

Вышинский. Вот и уточните.

Бухарин. Я ему сказал...

Вышинский. Об Англии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О Японии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. О Германии был разговор?

Бухарин. Был.

Вышинский. Был разговор о том, что нужно использовать и то и другое в интересах вашей борьбы против Советской власти?

Бухарин. Такой постановки вопроса не было. Я ведь говорил с Ходжаевым первый раз.

Вышинский. Да, что вы! Вы говорили о свержении Советской власти в этот первый раз!

Бухарин. Да, по очень простой причине, напрасно вы машете рукой.

Председательствующий. Обвиняемый Бухарин, не забывайте, где вы находитесь.

Бухарин. Этот разговор шел в терминах, совершенно конспиративных, и не было сказано ни одного слова...

Вышинский. Я вас не спрашиваю о терминах, а спрашиваю о содержании разговора.

Бухарин. Я говорю теми же словами, какими говорил и в своих показаниях на предварительном следствии...

Вышинский. Я же не о словах говорю. Я вынужден буду тогда прекратить допрос, потому что вы, очевидно, придерживаетесь определенной тактики и не хотите говорить правду, прикрываясь потоком слов, крючкотворствуя, отступая в область политики, философии, теории и так далее, что вам нужно забыть раз и навсегда, ибо вы обвиняетесь в шпионаже и являетесь, очевидно, по всем данным следствия, шпионом одной из разведок. Поэтому бросьте крючкотворствовать. Если вы так хотите защищаться, я прекращу допрос.

Бухарин. Я отвечаю на ваши вопросы.

Вышинский. Вы с Ходжаевым разговаривали о свержении Советской власти, подготовлявшемся вашей заговорщической группой?

Бухарин. Говорил в закрытых туманных формулах.

Вышинский. В таких, однако, формулах, чтобы он понял вас?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский (к Ходжаеву). Вы поняли?

Ходжаев. Абсолютно.

Вышинский. Значит, речь идет не о словах, а о содержании. Говорили вы о том, что нужно ориентироваться во внешних отношениях на различные иностранные государства, исходя из внутренних противоречий и международных противоречий в интересах борьбы вашей группы заговорщиков против Советской власти?

Бухарин. Так точно.

Вышинский. Говорили?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. Значит, Ходжаев прав, что вы ему говорили насчет связей с английскими разведчиками?

Бухарин. А этого не было.

Вышинский (к Ходжаеву). Было так, Ходжаев?

Ходжаев. Было.

Бухарин. Это же нелепо, потому что помощь не разведчиками определяется...

Ходжаев. Я говорю не разведчиками, а резидентами.

Вышинский. Как видите, не просто разведчиками, а резидентами.

Ходжаев. Мы установили с ним, что лучше действовать либо через таджикских людей, либо послать в Афганистан человека.

Вышинский (к Бухарину). Это вы отрицаете?

Бухарин. Отрицаю. Меня никто об этом не спрашивал.

Вышинский. Вот я вас и спрашиваю.

Бухарин. За год моего сидения в тюрьме меня об этом ни разу не спрашивали.

Вышинский. Мы вас спрашиваем здесь на гласном пролетарском суде, мы спрашиваем здесь на этом суде перед всем миром.

Бухарин. Но раньше вы не спрашивали об этом.

Вышинский. Я еще раз спрашиваю на основании того, что здесь было показано против вас: не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?

Бухарин. Никакой.

Вышинский. Я к Бухарину пока не имею вопросов.

Председательствующий. Объявляю перерыв на полчаса.

* * *

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Бухарин, продолжайте ваши показания, только говорите поконкретнее.

Бухарин. Хорошо, слушаюсь.

Я закончил свое показание на том, что создалась организация преступного контрреволюционного заговора, в которую входили силы Енукидзе, Ягоды, организации в Кремле, НКВД, военной организации и силы московского гарнизона, которые входили под руководство заговорщиков военной группы, что само собой не исключало и использование других сил и кадров состава троцкистов и зиновьевцев. Тем более, что в самой военной группе, которая была непосредственным организатором сил и фактической организацией военного переворота, был уже сравнительно давно блок между правыми, троцкистами и зиновьевцами, которые, насколько мне память не изменяет, вошли в эту военную группу до того, как был организован контактный центр.

В период около XVII партсъезда, по инициативе Томского, возникла мысль о том, чтобы государственный переворот путем применения вооруженных контрреволюционных сил приурочить как раз к моменту XVII партийного съезда. По мысли Томского, составной частью этого переворота было чудовищное преступление — арестовать XVII партсъезд.

Эта мысль Томского подвергалась обсуждению, правда очень беглому, но против этой мысли со всех сторон раздавались возражения. Я боюсь ошибиться, но мне кажется, что было таким образом, что сперва это обсуждалось в правом центре, но так как там это было провалено, то вопрос этот обсуждался в так называемом контактном центре.

Пятаков против этой идеи высказался не по принципиальным соображениям, а по соображениям тактического порядка, — это вызвало бы исключительное возмущение среди масс. Словом, не по принципиальным соображениям высказывались против, а чисто по тактическим соображениям. Эта идея была отвергнута. Но уже одно то обстоятельство, что эта идея возникла и что

подверглась обсуждению, достаточно ярко говорит о всей чудовищности, преступности подобной организации.

Должен сказать, что еще в гораздо более ранний период я лично давал поручения Семенову об организации террористических групп, причем докладывал об этом в нашем правом центре. Это было принято. Таким образом, я, более чем кто-либо другой из членов центра, ответственен за организацию террористических групп Семенова.

Я должен также остановиться на продолжении мысли, которой отчасти я уже касался, или фактов, о которых я упоминал, — блокировки с различными контрреволюционными силами, в частности и в особенности с эсерами и меньшевиками. Что касается моей непосредственной практической деятельности в то время, а не только теоретически-установочной, то я должен по этому поводу показать, что через нескольких лиц я пытался устанавливать, и я сам лично, такого рода связь. Я давал также поручение эсеру Семенову, о котором речь шла третьего дня на допросе, — связаться с подпольными членами эсеровского ЦК, которые, если не ошибаюсь, находились тогда в ссылке (но это дело не меняет), и, следовательно, несу за это уже непосредственную, даже не только как член правого центра, но и непосредственно, в самом узком смысле слова, ответственность.

Во-вторых, я пытался установить связь с заграничными организациями и группами эсеров через некоего Членова. Это один из работников нашей дипломатической службы, который был мне известен еще с очень давних лет, еще по гимназическим временам, когда он был в социал-демократической организации тогдашних времен. Я это говорю не для того, чтобы в экскурс исторический пускаться, а для того, чтобы объяснить и показать, для чего я к нему, невзирая на конспиративность тогдашней работы, возымел такое доверие. И он пытался установить связь с ЦК эсеров, причем, когда он возвратился, то он не успел со мною переговорить на этот счет подробно, но я из этого разговора выяснил, примерно, следующее. Эсеры принципиальным согласием ответили на поддержание блока и контакта с правыми, троцкистами, зиновьевцами и прочими. Но они потребовали формальных гарантий, чуть ли не в письменной форме. Условия, которые они поставили, сводились к изменению крестьянской политики в духе кулацкой ориентации и затем к легализации партий эсеров и меньшевиков, из чего, само собой разумеется, вытекал и коалиционный состав того правительства, которое имеет возникнуть в случае успеха заговора.

Кроме того, непосредственно лично я во время своей последней заграничной поездки в 1936 году, после разговора с Рыковым, установил связь с меньшевиком Николаевским, который очень близок к руководящим кругам меньшевистской партии. Из разговора с Николаевским я выяснил, что он в курсе соглашений между правыми, зиновьевскими, каменевскими людьми и троцкистами. Что он вообще в курсе всевозможных дел, в том числе и рютинской платформы. То конкретное и новое, о чем шел между нами разговор, заключалось в том, что в случае про-

вала центра правых, или контактного центра, или вообще верхушечной организации всего заговора, у него, Николаевского, будет договоренность с лидерами второго Интернационала о том, что они поднимают соответствующую кампанию в печати.

Кроме меня персонально, некоторые другие из крупных руководителей право-троцкистской организации (я в данном случае могу сказать о правых, о других у меня сведений нет) то же самое имели связи, устанавливали преступный контакт с представителями давно сложившихся контрреволюционных организаций. У Рыкова были связи через Николаевского с меньшевиками. Я позабыл сказать, что свидание с Николаевским мне облегчалось, и не только облегчалось, но и прикрывалось, тем обстоятельством, что по роду своей служебной командировки я должен был с этим Николаевским встречаться. Таким образом, у меня было вполне легальное прикрытие для того, чтобы вести контрреволюционные разговоры и устанавливать те или иные соглашения. Очень крупные связи были у Смирнова, так называемого Фомы, еще с давних времен. Они установились еще тогда, когда он был в Наркомземе, где, как известно, был целый ряд крупнейших деятелей эсеровского или около-эсеровского движения. Всем известно, что часть их прошла по вредительским процессам. И Смирнов точно также со своей стороны налаживал связи с эсерами.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению — и я это вполне целиком и полностью признаю — что кроме блокировки с троцкистами, зиновьевцами, каменевцами, буржуазно-националистическими организациями, была еще совершенно непосредственная и реальная связь с эсерами и меньшевиками, чему непосредственным виновником в значительной мере был я сам, разумеется, в качестве руководителя центра правых. Речь шла в первую очередь об эсерах подпольных, которые оставались здесь, то есть о бывшем центральном комитете официальной партии эсеров и, во-вторых, о заграничной организации, которая, главным образом, сосредоточилась около такой фигуры, как Марк Вишняк, — бывший секретарь учредительного собрания.

После того как произошел большой разгром троцкистов и зиновьевцев в связи с убийством Сергея Мироновича Кирова, после этого...

Вышинский. Вы хотите переходить уже к другому периоду, а я хотел бы спросить по поводу эсеровских вопросов. Здесь Бессонов дал показания относительно его поездки в Прагу и свидания с Сергеем Масловым. Там была в разговоре Бессонова с Масловым ссылка на Бухарина и Рыкова. Бессонов говорил здесь, вы помните?

Бухарин. Мне казалось, он говорил о том, что он был информирован о подпольной деятельности Бухарина и Рыкова.

Вышинский. Вот я и хотел бы спросить предварительно Бессонова. Подсудимый Бессонов, вам говорил Маслов о том, что он в курсе подпольной деятельности Бухарина?

Бессонов. Он говорил, что он в курсе контрреволюционных взглядов правой оппозиции и их подпольной деятельности.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, у вас была непосредственная связь с Масловым?

Бухарин. Нет.

Вышинский. Вам известно, кем был Маслов в Праге, что он был организатором контрреволюционной кулацкой партии, что он жил на средства иностранной разведки и на средства своих газет и журналов. Так, подсудимый Бессонов?

Бессонов. Совершенно верно.

Вышинский. Через кого он был информирован?

Бухарин. Мне это неизвестно, но я предполагаю, что это было сделано через оставшихся членов заграничного центрального комитета эсеров.

Вышинский. Вы были связаны с ЦК эсеров?

Бухарин. Через Членова с Раппопортом.

Вышинский. Эсером?

Бухарин. Этот Раппопорт был связан с Марком Вишняком.

Вышинский. И они были связаны?

Бухарин. Я не знаю, а могу предполагать. Вы знаете, что в эмиграции обычно имеют связь старые знакомые.

Вышинский. Значит, вы предполагаете, что о вашей подпольной деятельности Сергей Маслов был информирован через членов заграничного ЦК эсеровской организации или...

Бухарин. Или Раппопорта или Вишняка.

Вышинский. А по линии Рыкова — через Николаевского?

Бухарин. Нет, это я не думаю.

Вышинский. Обвиняемый Рыков, вы не предполагаете, откуда Сергей Маслов получал информацию?

Рыков. У меня по этому вопросу никаких сведений и предположений нет.

Вышинский. Вы о своей подпольной деятельности сообщали меньшевикам, с которыми были связаны?

Рыков. Нет.

Вышинский. А как же?

Рыков. Они знали, что я веду работу против ЦК.

Вышинский. Откуда знали?

Рыков. От меня знали.

Вышинский. А вы говорили...

Рыков. Тут я понял, что речь идет о том, что определенная организация ведет работу, а какую работу...

Вышинский. Подпольную, антисоветскую работу. Они знали?

Рыков. В этой форме знали, а более конкретных вещей не знали.

Вышинский. И не было необходимости более конкретные вещи знать. Значит, можно предполагать, что в эмигрантском кругу, где вращался Николаевский, были сведения от него о вашей подпольной деятельности?

Рыков. По этому вопросу сказать ничего не могу.

Вышинский. Это не экспертиза, а выяснение тех связей, которые вы имели.

Рыков. Я о своих связях сказал. Вы спрашиваете, перешла ли эта связь к Маслову?

Вышинский. Понятно.

Рыков. Да.

Вышинский. Вы информировали о своей подпольной работе Николаевского?

Рыков. Да.

Вышинский. Можно установить, обвиняемый Бухарин, что из показаний Бессонова видно, что Маслов поддерживал контакт с правыми и был в курсе их контрреволюционной деятельности. Вы, как руководитель этой контрреволюционной организации, следовательно, также были в сфере этого контакта. Вы это подтверждаете?

Бухарин. Я не был в сфере этого контакта. Я был в сфере контакта с эсерами. Что они делали, я сведений не имею, но на ваш вопрос я высказываю предположение, по какой линии это могло быть.

Вышинский. По каким каналам это могло итти?

Бухарин. Да, по каналам, по которым это могло итти.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, продолжайте.

Бухарин. Таким образом, я закончил на вопросе относительно состава «право-троцкистского блока», который, как это видно из всего, называется право-троцкистский центр, а на самом деле имеет гораздо более широкое содержание не только с точки зрения своих хвостов или своего окружения, но с точки зрения самого своего состава.

Вышинский. Говоря об этих связях вашего центра и вашего блока, вы не сказали о связях с иностранной разведкой и фашистскими кругами.

Бухарин. По этому поводу я ничего не имею показать.

Вышинский. Кроме того, что вы показали?

Бухарин. Да, кроме того, что я показал.

Вышинский. Дальше.

Бухарин. С приходом к власти фашистов в Германии среди верхушки контрреволюционных организаций начался обмен мнений относительно возможности использования иностранных государств в связи с военной ситуацией. Здесь я должен прямо сказать, а на суде я рассказываю то, что я именно помню, дело обстояло в этом важнейшем вопросе, который представляет очень крупный объект для суждения суда и для применения тех или иных санкций судебного порядка, дело обстояло таким образом, что у троцкистов с места в карьер речь шла относительно территориальных уступок, тогда как в общем и целом в сферах руководящих кругов правой контрреволюционной организации речь шла в первую очередь относительно концессий, торговых договоров, тарифов, цен, поставки сырья, горючего и тому подобного, одним словом — различных уступок экономического содержания. Я заявил суду в самом начале своих показаний, что я, как один из руководителей контрреволюционного блока, а не как стрелочник, несу ответственность за совокупность решительно всего, что производилось этой организацией. Но, поскольку

речь идет относительно конкретных вещей, мне кажется, что можно охарактеризовать дело таким образом, что ведущим началом в блоке, наиболее активным политическим началом в смысле остроты борьбы, в смысле далеко идущих преступных связей и прочего, — все-таки была троцкистская часть. Опять-таки я говорю не для того, чтобы снять ответственность с правой части, потому что в данном случае с точки зрения криминологии не важно, кто первый сказал «а», кто повторил это «а», кто его раскрыл и его донес, но с точки зрения внутренней механики этого дела и с точки зрения выяснения личной роли Троцкого, который, к сожалению, вне пределов досягаемости отсюда, мне кажется, этот вопрос имеет известное значение и поэтому я осмеливаюсь здесь его подчеркнуть.

Летом 1934 года Радек мне сказал, что от Троцкого получены директивы, что Троцкий с немцами ведет переговоры, что Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных уступок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же фигурировали территориальные уступки и Японии. Вообще, Троцкий вел себя в этих переговорах уже не только как заговорщик, который в будущем имеет надежду на то, чтобы путем вооруженного переворота стать у власти, но уже сам чувствует себя хозяином Советской земли, которую он хочет превратить из советской в несоветскую.

Должен сказать, что тогда, в ту пору, я Радеку возражал. Это Радек в своих показаниях подтверждает, точно также, как он подтверждал на очной ставке со мною, что я против этого возражал, что я считал необходимым, чтобы он, Радек, написал Троцкому, что Троцкий слишком далеко идет в этих переговорах, что он может скомпрометировать не только самого себя, но и всех своих союзников, в частности, нас, правых заговорщиков, и что это обеспечит нам наверняка провал. Мне казалось, что при развитии массового патриотизма, который не подлежит никакому сомнению, эта точка зрения Троцкого политически и тактически нецелесообразна с точки зрения самого заговорщического плана, и что здесь надо действовать гораздо более осторожно.

Вышинский. Кто сказал это?

Бухарин. Я говорил это. Я даже считал, что предварительные переговоры не нужны.

Вышинский. Чтобы не провалиться?

Бухарин. Нет, тут были и другие соображения...

Вышинский. Как вы только-что сказали, вы тогда указывали, что это могло слишком далеко завести... Вы боялись провала?

Бухарин. Я говорю о провале не в смысле ареста, а в смысле провала всего дела.

Вышинский. Я тоже об этом говорю. Из осторожности, чтобы не провалить свое заговорщическое дело, вы высказывали такую точку зрения?

Бухарин. Тут надо перевернуть несколько...

Вышинский. Можете переворачивать как хотите... Это в каком году было?

Бухарин. Разговор с Радеком был летом 1934 года.

Вышинский. А разговор с Караханом был позже?

Бухарин. Был после его приезда в Москву, в 1935 году.

Вышинский. А этому разговору с Караханом предшествовал разговор с Енукидзе, или разговор с Енукидзе на эту тему был позже?

Бухарин. Первый разговор был с Томским.

Вышинский. Таким образом, в основе лежал разговор с Томским?

Бухарин. По этому поводу были три разговора.

Вышинский. Мы перейдем к этому позже. Продолжайте.

Бухарин. Должен ли я остановиться на внутренней стороне дела, на разговорах, которые имели место, или это неинтересно?

Вышинский. Смотря о чем были разговоры.

Бухарин. Конечно, не о погоде.

Вышинский. Говорите о ваших преступлениях.

Бухарин. Томский признавал возможным использование войны и предварительных соглашений с Германией. Тогда я выступил против этого со следующими аргументами. Я говорил, что, во-первых, если речь идет относительно вмешательства в той или иной форме Германии во время войны в помощь контрреволюционному перевороту, то, как всегда это бывает и так как она представляет собой довольно сильный военный и технический фактор, — она неизбежно положит ноги на стол и разорвет всякое предварительное соглашение, которое предварительно было бы заключено. Во-вторых, я выставлял тот аргумент, что, поскольку речь идет о военном перевороте, то, в силу самой логики вещей, будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков и, как всегда бывает в этих случаях, именно эта часть совокупных верхушечных контрреволюционных сил окажется в распоряжении больших материальных сил, а следовательно и политических, и что отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского «потенциальным Наполеончиком», а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами.

Вышинский. А вы считали себя идеологом?

Бухарин. В том числе — и идеологом контрреволюционного переворота и практиком. Вам, конечно, предпочтительнее сказать, что я считал себя шпионом, но я им себя не считал и не считаю.

Вышинский. Это было бы правильнее всего.

Бухарин. Это ваше мнение, а мое мнение другое.

Вышинский. Посмотрим, какое будет мнение суда. Скажите, как вы вели с Томским этот «идеологический» разговор или в другой раз, излагал ли вам Томский два варианта захвата власти?

Бухарин. У меня через несколько строк, как раз будет и об этом.

Вышинский. Я подожду.

Бухарин. Хорошо. Я хотел сказать, что после этих предва-

рительных разговоров в 1935 году, я не знаю, какие факторы еще сыграли роль до принятия какого-нибудь решения со стороны правого центра и со стороны контактного центра, напирал ли на Томского Енукидзе, или военные круги, или Енукидзе, троцкисты и зиновьевцы вместе, — но факт тот, что Карахан уехал без предварительного разговора с членами руководящего центра, за исключением Томского.

Вот теперь я хочу передать суду то, что сохранилось в моей памяти по поводу трех разговоров, которые имели место после приезда Карахана. Первый разговор был с Томским, второй разговор с Енукидзе и третий разговор с Караханом, который вносил некоторые детали и добавочный коэфициент в разговор.

Как я вспоминаю, мне рассказал Томский, что Карахан добился соглашения с Германией на более выгодных условиях, чем Троцкий.

Вышинский. Раньше всего скажите насчет Томского. Меня интересует ваша беседа с Томским по существу вашего плана осуществления государственного переворота, как вы называете, захвата власти. Когда был у вас разговор относительно того, чтобы открыть немцам фронт?

Бухарин. Я сейчас перейду к этому.

Вышинский. Нельзя ли коснуться, как вы собирались с Томским открывать немцам фронт в случае войны?

Бухарин. Я об этом скажу несколько позже.

Вышинский. Вы не хотите говорить о том, что интересует сейчас следствие?

Бухарин. Я скажу относительно этого фронта.

Вышинский. Я ставлю третий раз вопрос. Когда у вас был разговор относительно того, чтобы открыть немцам фронт?

Бухарин. Когда я спросил Томского, как он мыслит механику переворота, он ответил, что это дело военной организации, которая должна открыть фронт.

Вышинский. Значит, Томский собирался открыть фронт?

Бухарин. Он этого не сказал.

Вышинский. Да или нет?

Бухарин. Я сказал, как же мыслится механика этого вмешательства.

Вышинский. Чьего вмешательства?

Бухарин. Некоторых иностранных государств.

Вышинский. Как мыслится, он сказал?

Бухарин. Томский сказал.

Вышинский. Томский сказал — открыть фронт?

Бухарин. Я скажу точно.

Вышинский. Что он сказал?

Бухарин. Томский сказал, что это дело военной организации, которая должна открыть фронт.

Вышинский. Почему она должна открывать фронт?

Бухарин. Он этого не сказал.

Вышинский. Почему она должна открыть фронт?

Бухарин. Она, с моей точки зрения, не должна была открыть фронт.

Вышинский. С точки зрения вашей организации?

Бухарин. С точки зрения нашей организации.

Вышинский. С точки зрения Томского, они должны были открыть фронт или нет?

Бухарин. С точки зрения Томского? Он во всяком случае не возражал против этой точки зрения.

Вышинский. Согласен был?

Бухарин. Если он не возражал, то на три четверти, вероятно, был согласен.

Вышинский. Одну четверть все-таки спрятал на запас?

Бухарин. Это я хочу только подчеркнуть.

Вышинский. Я вас спрашиваю. Отвечайте на вопрос.

Бухарин. Гражданин Прокурор, вы сказали, что каждое слово для суда очень важно.

Вышинский. Разрешите мне предъявить показания Бухарина том 5, листы дела 95—96: «Томский сказал мне, что обсуждалось два варианта: случай, когда новое правительство организуется во время мира», а значит заговорщики организуют во время мира новое правительство, и «случай, когда оно организуется во время войны, причем для последнего случая немцы требуют больших экономических уступок», уступки, о которых я уже говорил, — «и настаивают на территориальных уступках». Скажите, правильно это или нет?

Бухарин. Да, это все правильно.

Вышинский (*читает дальше*). «Я спросил Томского, как же мыслится в этой связи механика переворота? Он сказал, что это дело военной организации, которая должна будет открыть фронт немцам».

Бухарин. Да, правильно.

Вышинский. Томский был согласен с этим или несогласен?

Бухарин. Он сказал: «должны», но смысл этих слов не «золлен», а «мюссен».

Вышинский. Вы вашу филологию оставьте. Должен по-русски — это значит должен.

Бухарин. Это значит, что в военных кругах была мысль о том, что в этом случае эти военные круги...

Вышинский. Нет, не мысль, а они должны были. Значит...

Бухарин. Нет, не значит.

Вышинский. Значит, не должны были открывать фронт?

Бухарин. То есть с чьей точки зрения? Томский говорил о том, что ему говорили военные, что говорил Енукидзе.

Вышинский. А вы что показывали?

Бухарин. Я очень хорошо знаю свои показания.

Вышинский. «Томский сказал, что переворот совершить—это дело военной организации, которая должна будет открыть фронт немцам». Ясен вопрос?

Бухарин. Я сказал, я спросил Томского: «А как же мыслится механика этого вмешательства», он сказал: «это дело военной организации, которая должна открыть фронт немцам». На это я ему сказал, что...

Вышинский. Дальше не надо еще. Должны были открыть фронт. Значит, предполагали открыть фронт немцам?

Бухарин. Да.

Вышинский. В чьих кругах?

Бухарин. В кругах военной организации.

Вышинский. Томский согласен был с этим?

Бухарин. Он этого прямо не сказал.

Вышинский. На три четверти он был согласен?

Бухарин. Я вам говорю, что из того, что он сказал, вытекало, что он с этим, вероятно, согласен.

Вышинский. А когда он вам сказал это, вы возражали?

Бухарин. Я возражал.

Вышинский. А почему вы не написали, что «я возражаю»?

Бухарин. Тут уже дальше написано.

Вышинский. А дальше тут написано совсем другое.

Бухарин. Это и значит, что я возражаю.

Вышинский. Дальше написано так: «на это я сказал ему, что в таком случае». В каком случае?

Бухарин. В случае открытия фронта.

Вышинский. Правильно. «В таком случае целесообразно отдать под суд виновников поражения на фронте. Это даст нам возможность увлечь за собой массы, играя патриотическими лозунгами».

Бухарин. Но позвольте, я вам это объясню, если разрешите.

Вышинский. Сейчас. Будем разбираться по порядку. Это есть ваше возражение?

Бухарин. Да.

Вышинский. Так вы ему и сказали: «Открывать фронт нельзя»?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. А где это написано?

Бухарин. Это не написано, но это само собой разумеется.

Вышинский. А что значит играть патриотическими лозунгами?

Бухарин. Это не значит тут «играть» в одиозном смысле...

Вышинский. «Должен» — не в том смысле, «играть» — тоже не в том смысле.

Бухарин. «Должен» имеет в русском языке два значения.

Вышинский. А мы хотим иметь здесь одно значение.

Бухарин. Вам угодно так, а я с этим имею право не соглашаться. Известно, что в немецком языке «золлен» и «мюссен» имеют два значения...

Вышинский. Вы привыкли говорить на немецком языке, а мы говорим на советском языке.

Бухарин. Немецкий язык сам по себе не одиозен.

Вышинский. Вы продолжаете говорить на немецком языке, вы уже привыкли с немцами вести переговоры на их языке, а здесь мы говорим на русском языке. Когда Томский сообщил вам, что нужно открыть немцам фронт, то, если бы вы возражали, то надо было бы сказать так: «Я возражал, я сказал, что

я на такое предательство, на такую измену не пойду». Вы это сказали?

Бухарин. Нет, не сказал. Но если я говорю, что нужно сделать...

Вышинский. Играть патриотическими лозунгами, то есть отыграться, изобразить так, как будто кто-то изменил, а мы — патриоты...

Бухарин. Это не совсем так, потому что в других местах моих показаний, и в том числе на очной ставке с Радеком и во время всех разговоров с Радеком, я Радеку возражал, говорил, что Томский не понимает...

Вышинский. Обвиняемый Бухарин, то, что вы здесь применили иезуитский способ, вероломный способ, свидетельствует и дальнейшее. Позвольте огласить дальше: «Я имел в виду, что этим самым, то есть осуждением виновников поражения, можно будет добиться, избавиться попутно от тревожившей меня бонапартистской опасности».

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вышинский. Так вот как вы «возражали» против открытия фронта.

Бухарин. Одна задача нисколько не мешает другой.

Вышинский. Одна задача — открытие фронта...

Бухарин. Нет, не открытие фронта.

Вышинский. Отдать под суд виновников поражения на фронте, сыграть на патриотических лозунгах и выйти сухими из воды.

Бухарин. Другая совсем ориентация.

Вышинский. Вот такой был разговор с Томским. Правильно записано здесь?

Бухарин. Правильно, конечно, но вы не все прочли.

Вышинский. Я прочел три абзаца, они правильно записаны?

Бухарин. Три абзаца совершенно правильно.

Вышинский. С Енукидзе по этому поводу говорили?

Бухарин. С Енукидзе говорил.

Вышинский. С Караханом говорили?

Бухарин. Говорил.

Вышинский. Что говорили по этому поводу Енукидзе и Карахан?

Бухарин. Енукидзе...

Вышинский. В общем подтвердил это?

Бухарин. В общем подтвердил. Информировали Томского и Карахан и Енукидзе.

Вышинский. То есть?

Бухарин. Они подтвердили, во-первых, что Карахан заключил договор с немцами на условиях уступок экономических и территориальных, на что Карахан ответа не дал, заявив, что это дело должно быть обсуждено. В том числе есть и формула относительно выделения союзных республик. В-третьих, относительно договоров.

Вышинский. В-третьих, об открытии фронта?

Бухарин. В-третьих, относительно договоров СССР с Чехословакией и Францией о взаимной помощи.

Вышинский. У вас договор был с ними?

Бухарин. Я передаю то, что говорил Томский о том, что передавал Карахан. Так он говорил. Немцы требовали разрыва этих договоров.

Вышинский. Кого с кем?

Бухарин. Нового правительства.

Вышинский. Вы думали, что вы уже — правительство?

Бухарин. Не мы думали, а Карахан говорил на случай...

Вышинский. Была санкция?

Бухарин. Потом не возражали, значит санкционировали.

Вышинский. Значит, думали, что вы действуете, как правительство?

Бухарин. Смысл договора...

Вышинский. Тогда вы разрываете союз с Чехословакией.

Бухарин. Вы не дали мне договорить. А Карахан ответил на этот вопрос утвердительно. Мы рассчитывали, что немцев надуем и это требование не выполним.

Вышинский. Значит, все у вас тут построено было на надувательстве, а рассчитывали вас надуть?

Бухарин. Это всегда так бывает.

Вышинский. Использовать вас, а потом выбросить на свалку.

Бухарин. Правильно.

Вышинский. В общем проиграли и вы и они.

Бухарин. К счастью это так.

Вышинский. К нашему счастью это так. А с Караханом вы говорили об открытии фронта?

Бухарин. Карахан сказал, что немцы требовали военного союза с Германией.

Вышинский. А для союзника ворота закрыты?

Бухарин. На это Карахан мне ответил.

Вышинский. Для союзника ворота закрыты?

Бухарин. Нет.

Вышинский. Значит, открыть ворота?

Бухарин. Простите, союза еще никакого не было.

Вышинский. Предположение, планы были.

Бухарин. Вот сейчас Советский Союз находится в союзе с Францией, но это не значит, что он открывает советские границы.

Вышинский. У вас что было?

Бухарин. Ничего не было, были словесные планы.

Вышинский. Вы не хотите признать, что вы были инициатором открытия фронта, в случае нападения немцев?

Бухарин. Нет. А Рыков утверждает это потому, что это теперь совершенно ясно...

Вышинский. А Рыков подтверждает, что Бухарин был инициатором этой мысли. Подсудимый Рыков, правильно это?

Рыков. Об открытии фронта я впервые услышал со слов Бухарина.

Бухарин. И это верно. Но это не значит, что я был инициатором. Это было после разговора с Томским.

Вышинский (обращается к Рыкову). Бухарин возражал против этого?

Рыков. В моем присутствии не возражал.

Вышинский. Садитесь (обращается к Бухарину). Продолжайте рассказывать. Вопрос об открытии фронта я считаю выясненным. У меня больше вопросов нет.

Бухарин. Я позабыл сказать и отметить. Когда Троцкий вел переговоры с немцами, то правые уже были составной частью «право-троцкистского блока» и, следовательно, являлись соучастниками этих переговоров, несмотря даже на то, что Троцкий это делал по собственной инициативе, независимо от предварительного сговора.

В основном у меня, кажется, все.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, подсудимый Бухарин кончил свои показания.

Вышинский. У меня вопросов нет.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, теперь нужно разрешить вопрос о вызове свидетелей. Или сейчас переходить к допросу Бухарина о событиях 1918 года?

Вышинский. Я допросил.

Председательствующий. Надо выяснить вопрос, к какому часу вызвать свидетелей, или сейчас или после перерыва.

Вышинский. Если свидетели доставлены, я просил бы вызвать их сейчас.

Председательствующий. Первым свидетелем намечено вызвать Яковлеву?

Вышинский. Да.

Председательствующий. Вызовите свидетеля.

Вышинский. Пока вызывают свидетеля, позвольте поставить Бухарину вопрос в связи с его показаниями на предварительном следствии, — лист дела 94, том 5. Прошу разрешения огласить.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. «Мы ясно видели гигантский рост советского патриотизма, который (рост) стоял в связи с реально ощутимым ростом мощи, силы и зажиточности широких масс, необычайной популярностью Сталинского лозунга о том, что мы не отдадим ни одной пяди советской земли, что являлось в наших глазах совершенно очевидным показателем этого растущего патриотизма». Это вы подтверждаете?

Бухарин. Подтверждаю.

Вышинский. «Поставить себя против этого лозунга, это, как бы хитроумны ни были здесь политические расчеты, означало бы наверняка изолировать себя от масс целиком и навсегда, заранее сделать свое положение бессмысленным, и полную безнадежность своих планов». Это вы подтверждаете?

Бухарин. Подтверждаю целиком.

Вышинский. Больше вопросов у меня нет.

Председательствующий. Садитесь. (К свидетелю.) Ваша фамилия Яковлева, Варвара Николаевна?

Яковлева. Да. Яковлева, Варвара Николаевна.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу Бухарина Николая Ивановича. Предлагается говорить суду правду. Поскольку вы вызваны по ходатайству Прокурора Союза ССР, он имеет право задавать вам вопросы.

Вышинский (к Яковлевой). Вы припоминаете свое участие в 1918 году в группе «левых коммунистов»?

Яковлева. Очень точно.

Вышинский. Расскажите нам кратко, кто был главным организатором и руководителем этой группы?

Яковлева. Идейным ее руководителем был Бухарин.

Вышинский. Кто был организатором деятельности этой группы?

Яковлева. Фракционным центром антисоветской группы «левых коммунистов» являлось московское областное бюро. Оно избиралось на областной партийной конференции в довольно широком составе с участием местных работников. Затем, для своей постоянной организационной руководящей работы оно выделяло так называемый узкий состав. В конце 1917 года и начале 1918 этот узкий состав состоял сплошь из «левых коммунистов» и он-то и являлся фракционным центром группы «левых коммунистов».

Вышинский. Кто был руководителем этого центра?

Яковлева. Идейным руководителем был Бухарин. Затем был ряд общественных лиц, которые формулировали идеологию «левых коммунистов». Сюда принадлежали Преображенский, Радек, Осинский.

Вышинский. Меня интересуют данные о Бухарине, поскольку он обвиняется по этому делу. Это надо для его характеристики. Скажите, каково было отношение Бухарина к мирным переговорам в Бресте, к заключению Брестского мира?

Яковлева. Бухарин, как и вся группа «левых коммунистов», был против заключения мира с немцами.

Вышинский. Какие шаги он предпринял для того, чтобы сорвать заключение мира?

Яковлева. Имелся ряд выступлений в печати и партийных кругах, затем была и нелегальная деятельность группы «левых коммунистов», которая была направлена к тому же самому.

Вышинский. В чем выражалась подпольная антисоветская деятельность группы «левых коммунистов»? Может быть припомните наиболее яркие факты, характеризующие ее деятельность.

Яковлева. Мне известно о нелегальной деятельности антисоветской группы так называемых «левых коммунистов» следующее. Я упоминала об узком составе бюро, который являлся фракционным центром этой группы. Я являлась секретарем областного бюро, а в момент моего отъезда в Ленинград, это было в начале декабря 1917 года, секретарем бюро был Манцев. В конце февраля 1918 года состоялось заседание московского областного бюро, на котором обсуждался вопрос о заключении мира с немцами. На этом заседании член бюро Стуков внес проект резолюции по этому вопросу и выступил в защиту этого проекта, причем высказался в таком духе, что в политической борьбе про-

тив заключения мира с немцами, в политической борьбе по вопросу о войне и мире не следует останавливаться не только перед сменой руководства в партии и в правительстве, но даже не следует останавливаться и перед арестом руководящей, наиболее решительной части правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы не следует останавливаться даже перед их физическим уничтожением.

Вышинский. Перед физическим уничтожением — кого?

Яковлева. Вождей партии: Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Это было заявлено на секретном заседании бюро?

Яковлева. Заседание это было не секретное, это было открытое заседание узкого состава московского областного бюро.

Вышинский. Значит, можно сказать, что это было заседание «левых коммунистов», других там не было?

Яковлева. Да.

Вышинский. Это сказал Стуков?

Яковлева. Да. Стуков сказал также, что в политической борьбе не следует останавливаться не только перед сменой правительства и даже перед арестом его руководящей и политически непримиримой части, но и перед самой утратой Советской власти, которая, в случае заключения мира с немцами, становится чисто формальной. Проект резолюции, внесенный Стуковым, и его речь на этом заседании в изложении были записаны в книге протоколов московского областного бюро.

В мае 1918 года, в связи с московской областной конференцией, я и Манцев подготавливали к сдаче материал областного бюро, и мне Манцев сказал, что Бухарин настаивает на изъятии из книги протоколов областного бюро этого проекта резолюции и изложения речи Стукова, мотивируя это необходимостью избежать политической компрометации позиции московского областного бюро и разоблачения его нелегальной деятельности. Руководствуясь этой аргументацией, я и Манцев изъяли (вырвали или вырезали) из книги протоколов и уничтожили листы, содержавшие в себе изложение речи Стукова и внесенного им проекта резолюции.

Надо сказать, что речь шла о том заседании московского областного бюро, о котором писал Ленин в своей статье «Странное и чудовищное», причем в этой статье Ленин говорил о пояснительном тексте к резолюции.

Пояснительным текстом к резолюции и был уничтоженный нами лист из книги протоколов областного бюро.

Должна рассказать также о происхождении этого документа. Я лично не присутствовала на указанном заседании областного бюро, была в это время в Ленинграде. Я вернулась в Москву вскоре после этого заседания, дня через два или три. Ознакомившись с протоколом областного бюро, я имела разговор со Стуковым и сказала ему, что считаю внесенный им проект политически необоснованным, причем дала довольно резкую характеристику его речи. Стуков сказал мне, что за политическую обоснованность этого проекта он ответственности не несет, что с этим я должна адресоваться к Бухарину, так как он от Бухa-

рина получил перед заседанием областного бюро из Ленинграда этот проект резолюции вместе с письмом, в котором Бухарин давал ему, Стукову, указания о характере выступления в защиту своего проекта.

Вскоре после этого у меня состоялся по этому поводу разговор с Бухариным. Это было еще до VII съезда партии. Я спросила Бухарина, правильно ли сообщение Стукова. Бухарин подтвердил, что проект резолюции послан был Стукову им и что он, Бухарин, дал Стукову указания о том, как следует выступать в защиту этого проекта. Он указал, что следует осветить перед членами областного бюро возможные перспективы политической борьбы по вопросу о войне и мире и тут, примерно, изложил то, что являлось содержанием речи Стукова и о чем я уже говорила. Я сказала Бухарину, что до сих пор считала, что мысль Стукова об аресте и смене правительства являлась личной позицией Стукова. Бухарин добавил к этому, что в среде «левых коммунистов» найдутся люди, которые сумеют с логической последовательностью, до конца, продумать все возможные перспективы борьбы. Таким человеком он считал Стукова. И считал, что Стуков не побоится прямой и резкой постановки вопроса, и именно поэтому он поручил Стукову написать проект резолюции и проводить перед членами областного бюро мысли, о которых я рассказывала.

Вместе с тем Бухарин сказал мне, что не он один так думает, что он, Бухарин, имел по этому поводу откровенный разговор с Троцким, и Троцкий также полагает, что политическая борьба по вопросу о войне и мире только началась, что «левые коммунисты» должны предвидеть возможности выхода этой борьбы за пределы партии, что нужно искать себе союзников, на которых можно было бы опереться в этой борьбе. Троцкий указывал Бухарину, что в качестве таких союзников могут оказаться «левые» эсеры, позиция которых по вопросу о войне была уже достаточно ясна.

Бухарин сказал также, что и Троцкий полагает также возможность развития борьбы до самых агрессивных форм, не только до смены правительства, но и свержения правительства и физического уничтожения руководящих людей в правительстве и партии. Он тогда назвал Ленина, Сталина и Свердлова.

Вместе с тем Бухарин сообщил мне, что Троцкий в этом разговоре откровенно ему сказал, что его, Троцкого, половинчатые позиции по вопросу о заключении мира — это не более чем тактический прием, что он просто не решается активно высказаться за позицию «левых коммунистов», то есть против заключения мира, что он является в партии человеком новым и если бы он открыто перешел на позицию «левых коммунистов», то стали бы говорить, что Троцкий вошел в партию для борьбы с Лениным.

В этой же беседе, сообщая о линии Троцкого и говоря о возможных союзниках «левых коммунистов», Бухарин касался также Зиновьева и Каменева. Он указал, что Зиновьев и Каменев по вопросу о войне и мире занимают чрезвычайно колеблю-

щуюся позицию и за время борьбы по этому вопросу они неоднократно в частных разговорах высказывались перед Бухариным прямо за позицию «левых коммунистов». Бухарин сказал, что Зиновьев и Каменев не рещаются открыто выступить против Ленина, что они скомпрометированы своей позицией в Октябрьские дни по вопросу об Октябрьском восстании, о социалистической революции, и поэтому против Ленина открыто высказываться не решаются. Он сказал, что Зиновьев и Каменев также предполагают, подобно Бухарину и Троцкому, что политическая борьба по вопросу о войне и мире может выйти за пределы партии и что «левым коммунистам» в этом случае надо думать о союзниках, на которых они могли бы опереться, но, как сказал Бухарин, Зиновьев и Каменев по вопросу о союзниках идут дальше Троцкого и считают, что в качестве таких союзников могли бы явиться также меньшевики и правые эсеры. Бухарин говорил о том, что Зиновьев и Каменев, даже и высказываясь за заключение мира, идут против Ленина, что они не верят в победу революции, не верят в то, что большевики удержат власть. Они считают неизбежной победу контрреволюции и что эта контрреволюция будет беспримерно кровавая.

Вскоре мне самой пришлось слышать от Зиновьева его мнение по этому вопросу. Это было несколько позже, уже во время VII съезда партии. Бухарин затащил меня как-то в номер «Астории» к Зиновьеву. Когда мы пришли, Зиновьев начал немедленно разговор о контрреволюции, о том, что она собирает свои силы, что нам не сдобровать и что кровопускание будет чрезвычайное. Бухарин перевел разговор на вопрос о заключении мира. Зиновьев подхватил эту тему и сказал примерно следующее: «Ну, что же, заключение мира поможет осуществить исторически неизбежную и неумолимо-надвигающуюся контрреволюцию более мирными средствами, с меньшим кровопусканием. После заключения мира Советской власти самой придется под совместным давлением немцев и внутренней контрреволюции итти на уступки и, в частности, включать в состав правительства другие партии». Он говорил, что вообще заключение мира с немцами лишний раз докажет правоту Зиновьева и Каменева, правильность их точки зрения о том, что социалистическая революция не созрела. «После заключения мира немцы, опираясь на силы внутренней контрреволюции, переведут революцию на буржуазно-демократические рельсы и ликвидируют Октябрьский переворот».

Я тогда спросила Зиновьева с большим удивлением, стоит ли он за заключение мира с немцами именно поэтому? Он очень смутился и заявил: «Конечно, нет, я только считаю, что в случае, если силы революции будут недостаточны и контрреволюция неизбежна, то немцы и заключение мира с немцами могут сыграть положительную роль». Таким образом, позиция Зиновьева в вопросе о мире, действительно, оказалась не имеющей ничего общего с позицией Ленина, позиция Зиновьева была насквозь капитулянтской и, в сущности, у меня получилось такое впечатление, что он мечтал о мире, как об одном из способов ликвидации социалистической революции. Затем несколько позже...

Вышинский. Какое отношение к этому вопросу имел Бухарин?

Яковлева. Бухарин здесь присутствовал.

Вышинский. Он не высказывался?

Яковлева. Когда мы вышли оттуда, Бухарин мне сказал: «Зиновьев стесняется, ты ему задаешь такие нескладные, неделикатные вопросы; все-таки он сказал достаточно для характеристики своей позиции». Я ему сказала, что Зиновьев сказал больше, чем достаточно, но я никак не могу понять, почему Бухарин говорил о Зиновьеве и Каменеве как о союзниках «левых коммунистов», как о людях, которых он рассчитывал перетянуть на свою сторону, что, с моей точки зрения, нам капитулянты не нужны. Бухарин мне сказал на это, что я, Яковлева, не умею смотреть вдаль.

Вышинский. Вдаль?

Яковлева. Да.

Вышинский. Что это означало?

Яковлева. Я тогда не придала этому значения, но позже я думала о том, что это означает: что если вы выйдете за пределы партии, то пригодятся и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и что именно поэтому и велись разговоры на темы о союзниках, которых должны будут иметь в виду «левые коммунисты» в случае, если они потерпят поражение в партии.

Вышинский. Независимо от того, что эти союзники представляют собою?

Яковлева. Да.

Вышинский. Продолжайте.

Яковлева. То, что я могу еще рассказать о нелегальной деятельности группы «левых коммунистов», относится к несколько более позднему периоду, примерно, к концу апреля или к маю. В то время уже было совершенно ясно, что в партии «левые коммунисты» потерпели жестокое поражение. Это показал VII съезд партии, это показала позиция большинства местных организаций после VII съезда партии, это, наконец, показало и само отношение населения и партийных кругов к заключенному в то время миру. В конце, примерно, апреля, а может быть в начале мая, — я уже не могу точно сказать, — было нелегальное заседание, частное нелегальное совещание группы «левых коммунистов».

Насколько мне помнится, там присутствовали: Пятаков, Преображенский, Бухарин, Стуков, Лобов, Максимовский, Манцев, Кизельштейн и я. На этом совещании Бухарин сделал доклад. Он указал, что «левые коммунисты» в партии потерпели поражение, но что это не снимает вопроса о «губительных» последствиях Брестского мира, что «левым коммунистам» не следует слагать оружия, что нужно искать союзников вне партии, такими союзниками и являются «левые» эсеры, их позиция по вопросу о войне и мире в это время совершенно определилась. В связи с заключением мира они вышли из состава правительства. Состоялся их второй съезд, который одобрил выход «левых» эсеров из правительства и их позицию против заключения мира. Бухарин сообщил на этом совещании, что «левые» эсеры

еще в феврале затевали переговоры с «левыми коммунистами» о совместном формировании правительства, и он считал бы поэтому целесообразным вступить опять с «левыми» эсерами в переговоры о совместном с ними формировании правительства. Нужно сказать, что в ходе своего доклада Бухарин опять развивал те же самые мысли о перспективах борьбы по вопросу о мире, которые были изложены в свое время Стуковым и о которых он мне говорил во время той беседы, которую я уже изложила сегодня. Он говорил о возможности чрезвычайно агрессивных форм, о том, что теперь уже совершенно ясно стоял вопрос о самом правительстве и о формировании его из «левых коммунистов» и «левых» эсеров, что в ходе борьбы за это может встать вопрос и об аресте руководящей группы правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы возможно и физическое уничтожение наиболее решительной руководящей части Советского правительства. Через некоторое время, очень скоро, опять было созвано совещание, примерно, в том же самом составе. Совещание приняло предложение Бухарина о том, чтобы повести переговоры с «левыми» эсерами о совместном формировании правительства, выяснить их точку зрения. Высказались за то, чтобы такие переговоры провели Бухарин и Пятаков. Через некоторое время, очень скоро, опять было созвано совещание, примерно в том же самом составе. На втором совещании Бухарин сообщил, что переговоры состоялись, что они вели эти переговоры с Камковым, Карелиным и Прошьяном, что «левые» эсеры согласились на совместное с «левыми коммунистами» формирование правительства, намекнули на то, что у них имеется уже конкретно разработанный план захвата власти и ареста правительства и что они выставляют определенные условия, чтобы «левые коммунисты» приняли участие в организационной подготовке захвата власти и смены правительства.

Бухарин предложил дать «левым» эсерам принципиальное согласие на такое участие в организационной подготовке и повести на этой основе переговоры с ними дальше. Совещание присоединилось к точке зрения Бухарина и высказалось за то, чтобы переговоры вести дальше на указанной основе. Через несколько дней после этого совещания состоялась московская областная конференция и на ней «левые коммунисты» снова были совершенно разбиты, областное бюро было распущено и «левые коммунисты» потеряли организационную силу, организационную базу и вообще перестали представлять из себя какую-либо организационную силу. Таким образом, «левые» эсеры никакой организационной помощи со стороны «левых коммунистов» не получили и сделали свое дело собственными силами, то есть я имею в виду июльский мятеж.

Это все, что мне известно по вопросу о нелегальной деятельности «левых коммунистов».

Вышинский. Следовательно, судя по вашим показаниям, вы утверждаете, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, существовал антисоветский заговор в составе Бухарина и его группы

так называемых «левых коммунистов», Троцкого и его группы и «левых» эсеров?

Яковлева. Заговор с «левыми» эсерами несомненно имел место, поскольку с ними велись совершенно конкретные переговоры.

Вышинский. А роль Бухарина в этом деле?

Яковлева. Я сообщила, что Бухарин сам предлагал вести эти переговоры, что он вместе с Пятаковым эти переговоры вел.

Вышинский. Значит, его роль была совершенно практической, как руководителя этого заговора?

Яковлева. Да.

Вышинский. Вы это подтверждаете?

Яковлева. Подтверждаю.

Вышинский. Кроме того, вы подтверждаете, что Бухарин говорил о неизбежности в ходе борьбы не останавливаться перед арестом руководителей партии и правительства?

Яковлева. Он говорил, что в ходе борьбы может так случиться, что перед этим останавливаться не приходится.

Вышинский. Имел в виду?

Яковлева. Имел в виду решительность и политическую непримиримость, то есть готовность бороться до конца за свержение указанных вождей партии.

Вышинский. Вы указывали, что имелись в виду именно Ленин, Сталин и Свердлов?

Яковлева. Да, эти фамилии называл Стуков.

Вышинский. А Бухарин называл?

Яковлева. От Бухарина я тоже слышала.

Вышинский. Слышали?

Яковлева. Это же я слышала от Бухарина.

Вышинский. Вы подтверждаете перед судом, что Бухарин вам тоже говорил о политической целесообразности и необходимости убийства Ленина, как главы Советского государства, Сталина и Свердлова, как руководителей партии и правительства?

Яковлева. Бухарин говорил об этом. Конечно, он говорил об этом вскользь, обволакивал это дело рядом путаных и ненужных теоретических рассуждений, как это вообще любит делать Бухарин; он, как в кокон, заворачивал эту мысль в сумму пространных рассуждений, но он это говорил.

Вышинский. Обвиняемый Бухарин желает что-нибудь сказать?

Бухарин. Я могу сказать по всей совокупности того, о чем говорила Варвара Николаевна.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы были организатором и руководителем так называемой группы «левых коммунистов» в 1918 г.?

Бухарин. Я был одним из организаторов.

Вышинский. Одним из организаторов этой группы вы были?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вели в этот период времени нелегальную работу по борьбе с Советской властью?

Бухарин. Тут надо говорить относительно разных периодов. Если речь идет относительно периода до Брестского мира, то

здесь нелегальщины в строгом смысле слова не было по той простой причине, что все знали об этой борьбе, имелся открытый орган этой борьбы, велись открытые разговоры...

Вышинский. Об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?

Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. До Брестского мира основная ориентация «левых коммунистов» заключалась в том, чтобы завоевать легальными путями большинство в партии...

Вышинский. Какими легальными путями?

Бухарин. Дискуссиями, голосованиями на собраниях и тому подобным.

Вышинский. А когда надежды на это исчезли?

Бухарин. Это было после Брестского мира. Я хочу уточнить этот вопрос для того, чтобы опорочить показания В. Н. Яковлевой. Она говорит о периоде до Брестского мира, что есть явная бессмыслица, потому что тогда у нас вместе с троцкистами было большинство в Центральном Комитете, и мы надеялись на завоевание большинства в партии, так что говорить о заговорщической деятельности в то время было бессмысленно. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство...

Вышинский. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вышинский. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас были переговоры с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным? Разговор был?

Бухарин. Разговор был.

Вышинский. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вышинский. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вышинский. Я спрашиваю, до заключения Брестского мира были переговоры с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да.

Вышинский. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?

Бухарин. После заключения Брестского мира этот разговор действительно был.

Вышинский. А тот разговор тоже был?

Бухарин. Разница в том, что при первом разговоре был дан отрицательный ответ.

Вышинский. Я вас не спрашиваю об ответе, а спрашиваю о

фактах, имевших место. Разговор об аресте Ленина с Карелиным и Камковым был?

Бухарин. Подтверждаю, был.

Вышинский. До Брестского мира?

Бухарин. Да.

Вышинский. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?

Бухарин. Были.

Вышинский. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вышинский. А об аресте?

Бухарин. И об аресте этой тройки, о которой говорила Яковлева.

Вышинский. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Тоже на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась.

Вышинский. А как арестовать, для чего?

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вышинский. А с арестованными что сделать?

Бухарин. Разговора о физическом уничтожении не было.

Вышинский. Но это не исключалось?

Бухарин. Наоборот, все думали, необходимо во что бы то ни стало обеспечить сохранность этих лиц.

Вышинский. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вышинский. Вы имели в виду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вышинский. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вышинский. Значит, решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вышинский. А обстоятельства могут приказать действовать очень решительно?

Бухарин. Да, но дело в том, что «левые коммунисты» тоже не стояли на фаталистической точке зрения, а учитывали обстоятельства. Это не значит, что обстоятельства диктовали им все, что угодно.

Вышинский. Устанавливаем пока то, что бесспорно. До Брестского мира — переговоры об аресте Владимира Ильича Ленина, после Брестского мира — переговоры об аресте Ленина, Сталина, Свердлова и насильственном свержении правительства. Правильно это?

Бухарин. В основном правильно.

Вышинский. Причем, говоря о насильственном свержении Советской власти и аресте товарищей Ленина, Сталина и Свердлова,

говорилось именно о насильственных методах, не упоминая, каких именно?

Бухарин. Так, говорилось только о том, что необходимо во что бы то ни стало обеспечить их сохранность.

Вышинский. Свидетельница Яковлева, что вы об этом скажете? Бухарин говорит правду?

Яковлева. При его переговорах с «левыми» эсерами я не присутствовала.

Вышинский. Что он вам говорил?

Яковлева. Он говорил о том, что такая возможность не исключена.

Вышинский. Какая такая возможность?

Яковлева. Возможность физического уничтожения, то есть убийства, не исключена.

Вышинский. Он говорил вам об этом?

Яковлева. Говорил.

Вышинский. А не говорил о том, что это абсолютно исключено, ибо этим лицам обеспечена сохранность и неприкосновенность?

Яковлева. Об этом я от него не слышала.

Вышинский. А об убийстве?

Яковлева. Слышала, причем повторяю, что этот разговор носил такой характер, что он не напирал на это дело...

Вышинский. Но говорил об этом?

Яковлева. Говорил.

Вышинский. У меня вопросов к Бухарину и Яковлевой нет.

Бухарин. Я имею право задавать вопросы свидетельнице?

Председательствующий. Имеете право.

Бухарин. У меня много вопросов.

Вышинский. Может быть в вечернем заседании?

Председательствующий. Поскольку по регламенту в 3 часа перерыв, объявляю перерыв.

Вышинский. Простите, если на этом мы прерываем допрос свидетельницы Яковлевой до вечернего заседания, я прошу дать мне возможность сделать несколько замечаний.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Во-первых, о заявлении, связанном с обвинением, которое предъявляется подсудимым Плетневу и Левину. Я прошу предъявить это заявление защите указанных подсудимых, а затем разрешите огласить его.

(Заявление предъявляется защите.)

Председательствующий. Защита ознакомилась с заявлением?

Коммодов. Защита не возражает против приобщения заявления к делу.

Председательствующий. Суд приобщает заявление к делу.

Вышинский. Разрешите огласить текст заявления (читает):

«Прокурору Союза ССР товарищу Вышинскому

Ознакомившись с опубликованным 3 марта с. г. обвинительным заключением по делу «право-троцкистского заговор-

щического блока», считаю своим долгом довести до Вашего сведения о нижеследующем:

В качестве врача Санупра Кремля я был командирован во время последнего заболевания Алексея Максимовича Горького к нему на дачу для производства внутривенных вливаний.

Я хорошо помню, что в первые же дни болезни А. М. Горького ему давалось очень много сердечных средств, которые давались как внутрь, так и путем внутривенных вливаний и инъекций.

Так, я лично, по указанию лечащих врачей, а главным образом Л. Г. Левина, производил следующие инъекции и внутривенные вливания: дигален, кардиазол, глюкоза и глюкоза с строфантом и строфантин (кажется, немецкий).

Обращаю ваше внимание, что эти сердечные средства давались с первых же дней заболевания А. М. Горького в больших количествах.

При очередном вливании строфантина я высказал доктору Л. Г. Левину свое сомнение в правильности применения строфантина, который во мне вызывал опасение, применения которого я боялся. Характерно, что Левин сразу же после этого прекратил дальнейшее вливание строфантина. Это тем более знаменательно, что я не являюсь специалистом-терапевтом и с этой точки зрения мое мнение не могло представлять для доктора Л. Г. Левина, при нормальном положении вещей, особого значения.

Необходимо также отметить, что впрыскивание строфантина (внутривенное) производилось одновременно с дигаленом (на протяжении этого отрезка времени).

Приблизительно за 10 дней до смерти А. М. Горького профессор Плетнев, приехавший на дачу Горького для консультации, увидев, что я приготавливал очередное вливание (не помню, какое именно), цинично заявил мне: «Зачем Вы это делаете, надо дать больному в таком состоянии спокойно умереть».

Об этом заявлении Плетнева я тогда же сообщил доктору Левину, который заявил, что вливание надо продолжать.

Все изложенное, в случае необходимости, я смогу подтвердить Вам на суде и за правильность изложенного отвечаю.

Доктор М. Ю. Белостоцкий».

Вышинский. Я ходатайствую перед судом о вызове для дачи показаний в качестве свидетеля доктора Белостоцкого.

Одновременно прошу для выяснения обстоятельств, связанных с умерщвлением А. М. Горького, товарищей Менжинского, Куйбышева, сына Горького М. А. Пешкова и покушением на жизнь товарища Н. И. Ежова, о назначении медицинской экспертизы в следующем составе:

1. Заслуженный деятель науки, профессор Николай Адольфович Шерешевский.

2. Заслуженный деятель науки, профессор Дмитрий Александрович Бурмин.

3. Профессор Владимир Никитич Виноградов.

4. Профессор Дмитрий Михайлович Российский.

5. Доктор медицинских наук Владимир Дмитриевич Зипалов.

В случае удовлетворения моего ходатайства о назначении медэкспертизы и в данном составе, разрешите к вечернему заседанию представить вопросы к экспертизе.

Председательствующий. Защита не возражает против вызова свидетеля и назначения экспертизы?

Коммодов. Защита против вызова свидетеля и против вызова экспертизы не возражает.

Председательствующий. Суд удовлетворил ходатайство Прокурора Союза ССР товарища Вышинского о вызове в качестве свидетеля доктора Белостоцкого Максимильяна Юлиановича, а также о вызове экспертизы в числе пяти человек, названных Прокурором товарищем Вышинским.

Заседание закрывается до 6 часов вечера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Вечернее заседание 7 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Товарищ комендант, вызовите свидетельницу Яковлеву. Подсудимый Бухарин, вы имеете вопросы к свидетельнице Яковлевой?

Бухарин. Да. Несколько вопросов есть, если разрешите.

Председательствующий. Пожалуйста.

Бухарин. Во-первых, я спрашиваю свидетельницу Яковлеву, известно ли ей, что я первый опубликовал разговор с Камковым и Карелиным во время борьбы против Троцкого?

Яковлева. Мне это известно, но мне известно также и то обстоятельство, что когда Бухарин, в разгар борьбы партии с Троцким, сообщил об этом обстоятельстве, он не договорил до конца, и далеко не договорил до конца.

Бухарин. Это другой вопрос...

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, дайте ей кончить.

Яковлева. У него нехватило мужества открыть всю завесу и он приподнял только ее ничтожный краешек. Это мне тоже известно.

Председательствующий. Какие еще вопросы?

Бухарин. У меня еще есть вопрос...

Вышинский. Я извиняюсь. У меня есть вопрос к свидетельнице Яковлевой. Что по вашему мнению скрыл Бухарин, о чем он умолчал?

Яковлева. Он умолчал все то, о чем я рассказала сегодня суду.

Вышинский. То есть?

Яковлева. То есть о том, что заговор «левых коммунистов» с «левыми» эсерами имел место.

Вышинский. Он был организован при непосредственном активном руководящем...

Яковлева. Участии самого Бухарина.

Вышинский (к Бухарину). Это верно?

Бухарин. Верно то, что я показывал.

Вышинский. Это верно?

Бухарин. То, что Яковлева говорит относительно до Брестского мира, — это неверно.

Вышинский (к Бухарину). Я не об этом говорю. Верно ли, что вы были одним из организаторов заговора против Совет-

ской власти, то есть заговора «левых коммунистов» и «левых» эсеров?

Бухарин. Это я показывал. Теперь я хочу спросить, знала ли свидетельница Яковлева, что к «левым коммунистам» принадлежали Куйбышев, Менжинский и Ярославский?

Вышинский. Я прошу отвести этот вопрос, как не относящийся к делу.

Председательствующий. Можете на этот вопрос не отвечать, как не относящийся к делу.

Бухарин. Тогда я прошу гражданина Председательствующего разъяснить мне, имею ли я право задавать те вопросы, какие я хочу, или же мои вопросы определяет гражданин Прокурор?

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, Яковлева была вызвана сюда для того, чтобы давать показания о вашей антисоветской деятельности, деятельности Бухарина Николая Ивановича. Вы, в связи с ее показаниями, хотели задать ей несколько вопросов в отношении дел, касающихся вас, а не в отношении каких-либо других лиц.

Бухарин. Совершенно верно, но я спрашиваю разъяснения гражданина Председательствующего, имею ли я право задавать те вопросы, которые я считаю нужным задавать, или их характер определяет кто-то другой, в частности, гражданин Прокурор. Тогда я, конечно, не могу задавать вопросы.

Председательствующий. Вы задали один вопрос, и на этот вопрос вы получили ответ. У вас имеется еще желание задавать вопросы?

Бухарин. Да, имеется большое желание.

Вышинский. Разрешите мне следующее замечание: я считаю необходимым разъяснить ст. 257 УПК, которая определяет, во-первых, что руководит судебным следствием председатель, а во-вторых, что на судебном следствии председатель устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу.

Бухарин. Тогда я прошу разъяснить мне, гражданин Прокурор...

Председательствующий. Гражданин Прокурор вам ничего не будет разъяснять.

Бухарин. Тогда я прошу гражданина Председательствующего суда разъяснить мне, имеет ли отношение к делу вопрос о составе центральной группы «левых коммунистов» или нет?

Председательствующий. Я устраняю совершенно ваш вопрос. У вас есть вопросы к свидетельнице Яковлевой в части, касающейся вас, или нет?

Бухарин. У меня есть еще целый ряд вопросов.

Вышинский. Я прошу разъяснить Бухарину содержание 257 статьи Уголовно-процессуального кодекса, во избежание дальнейших недоразумений и для того, чтобы подсудимый Бухарин не задавал впредь подобных вопросов.

Председательствующий. Оглашаю статью 257 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

«Председательствующий в судебном заседании управляет хо-

дом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины».

Бухарин. Это я должен понять так, что вы отводите этот вопрос, как не имеющий отношения к существу дела?

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, если у вас есть вопросы к свидетельнице Яковлевой, задавайте ей конкретные вопросы.

Бухарин. Да, у меня есть вопросы. Я прошу сказать, отрицает ли свидетельница Яковлева, что в ЦК перед Брестским миром большинство голосов принадлежало «левым коммунистам» плюс троцкистам?

Председательствующий. Какое отношение имеет этот вопрос к вашей преступной роли?

Бухарин. То отношение, что этим я хочу мотивировать и объяснить, что совершенно бессмысленно было стремиться к заговору.

Председательствующий. Суд интересует ваша роль в заговоре против руководителей Советского правительства и об этом идут сейчас показания.

Бухарин. Хорошо, тогда разрешите мне следующий вопрос задать. Отрицает ли свидетельница Яковлева, что «левые коммунисты» до партийного съезда старались получить большинство легальным путем в партии?

Председательствующий. Вопрос, не имеющий никакого отношения к делу по обвинению вас в организации заговора против Советской власти, поэтому устраняю его.

Бухарин. Отрицает ли Яковлева, что я был одним из членов президиума съезда в Москве, один из членов президиума, который арестовал во время убийства Мирбаха фракцию «левых» эсеров?

Председательствующий. Этот вопрос никакого отношения не имеет к вашей преступной деятельности. Я его устраняю.

Бухарин. Отрицает ли свидетельница Яковлева, что в 1919 году я был ранен на собрании московского комитета «лево»-эсеровской бомбой?

Председательствующий. Вопрос никакого отношения не имеет к обвинению вас в заговоре. Тоже устраняю этот вопрос.

Бухарин. Я больше не имею вопросов.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, есть вопросы к свидетельнице Яковлевой?

Вышинский. У меня вопрос к Бухарину. Все-таки меня интересует, вы были организатором заговора против Советской власти в 1918 году?

Бухарин. Я, гражданин Прокурор, по этому поводу показывал и имел очную ставку в вашем присутствии. Я говорил, что я признаю себя...

Вышинский. Я вас спрашиваю. Угодно вам ответить, говорите; не угодно — не отвечайте. Я спрашиваю вас, в 1918 году

вы были одним из организаторов заговора «левых коммунистов» и «левых» эсеров против Советской власти?

Бухарин. Подготовки такого заговора, да.

Вышинский. Несмотря на все ваши вопросы, которые вы задавали свидетельнице Яковлевой, этот вопрос можно так разрешить, что вы были одним из организаторов заговора против Советской власти.

Бухарин. Но я говорю о точных датах и о точных фактах и говорю, да, был такой момент, когда я был участником переговоров заговорщического порядка, производившихся через Пятакова.

Вышинский. Этот «один момент» сколько времени продолжался?

Бухарин. Он продолжался сравнительно недолго по той простой причине...

Вышинский. Примерно, все-таки сколько?

Бухарин. Думаю, что около нескольких месяцев.

Вышинский. Момент, который продолжался несколько месяцев вашей заговорщической деятельности в 1918 году.

Бухарин. Эта деятельность выражалась в переговорах.

Вышинский. В переговорах, в расчетах на успех, в подготовке всякого рода мероприятий и тому подобном.

С кем вы, конкретно, вели переговоры о заговоре?

Бухарин. Я признаю два криминальных разговора.

Первый разговор с Карелиным, Пятаковым, Камковым до Брестского мира.

Вышинский. Вы считаете этот разговор криминальным?

Бухарин. Я считаю разговор криминальным потому, что...

Вышинский. Почему — я не спрашиваю. Я спрашиваю только, считаете ли вы этот разговор криминальным?

Бухарин. Да, считаю. Другой криминальный разговор был с Пятаковым, которому было поручено вести переговоры такого же порядка с группой «левых» эсеров, с Камковым, Карелиным, еще с кем-то.

Вышинский. Вы лично с кем-нибудь из «левых» эсеров по вопросу о заговоре имели сношения?

Бухарин. Я по этим вопросам сношений не имел.

Вышинский. С Карелиным имели какой-нибудь разговор?

Бухарин. Я с Карелиным общий разговор имел, но по поводу заговора разговоров не имел. А потом наступило катастрофическое изменение ситуации, я был отослан в Германию.

Вышинский. Виноват, вы с Карелиным не имели разговора?

Бухарин. Не имел.

Вышинский. А с Камковым?

Бухарин. И с Камковым не имел.

Вышинский. Я вас спрашиваю: вы имели разговор в 1918 году, в связи с вашими заговорщическими планами, с Камковым, членом ЦК партии «левых» эсеров? Имели или не имели?

Бухарин. Я говорю — не имел. Я имел один разговор...

Вышинский. Виноват. Имели или не имели? Нельзя же так отвечать. Имели или не имели разговор?

Бухарин. После Брестского мира не имел, а до Брестского мира имел один разговор.

Вышинский. Я вас спрашиваю: с Камковым вы имели разговор о заговоре на тему заговорщического порядка?

Бухарин. Я же сказал, что до Брестского мира имел один разговор, но его нельзя интерпретировать так, как вы его интерпретируете.

Вышинский. Разрешите мне огласить том 4, лист дела 92, где Камков показывает: «Бухарин мне заявил: борьба у нас в партии против позиции Ленина по вопросу о Брестском мире принимает острые формы, в наших рядах дебатируется вопрос о создании нового правительства из «левых» эсеров и «левых коммунистов». При этом Бухарин назвал Пятакова как возможного кандидата в руководители нового правительства и заявил, что смена правительства мыслится путем ареста его состава во главе с Лениным».

Вот такой разговор был?

Бухарин. Не совсем такой, но вроде этого.

Вышинский. Похожий на это? Больше вопросов я не имею.

Председательствующий. Свидетельница Яковлева, вы больше не нужны.

Вышинский. Я просил бы ее оставить в зале заседания на время допроса других свидетелей, на предмет очных ставок, которые могут понадобиться.

Председательствующий. Товарищ комендант, пригласите свидетеля Осинского.

(К Осинскому). Ваша фамилия Осинский Валериан Валерианович?

Осинский. Совершенно правильно.

Председательствующий. Вы вызваны в качестве свидетеля по делу Бухарина. Предлагается показывать правду.

Осинский. Слушаюсь.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, вы имеете вопросы к Осинскому?

Вышинский. Да, конечно.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Свидетель Осинский, что вы знаете относительно деятельности подсудимого Бухарина, связанной с его участием в группе так называемых «левых коммунистов»? Я говорю о его преступной деятельности. Известны ли вам какие-нибудь факты в этой области или нет; если известны, то какие?

Осинский. Только относящиеся к 1918 году или же и к 1917 году?

Вышинский. Если имеются относящиеся к 1917 году, то пожалуйста, не возражаю.

Осинский. Бухарин был лидером так называемой «левой коммунистической» фракции, которая сформировалась во второй половине ноября 1917 года в связи с разногласиями, которые возникли по вопросу о заключении Брестского мира с центральными державами. Николай Иванович Бухарин был руководителем этой фракции, в которой и я принимал участие, как член

центра, которым я был. Первоначально деятельность фракции шла по легальному руслу, хотя с самого начала было чрезвычайное заострение борьбы против ленинского партийного руководства. Постепенно обостряясь, борьба к февралю 1918 года получила свое выражение в той резолюции московского областного бюро, по поводу которой Ленин написал свою статью «Странное и чудовищное». Как известно, в этой резолюции московское областное бюро заранее заявило, что в случае заключения Брестского мира Советская власть становится только формальной, что не будет подчиняться директивам, исходящим от Центрального Комитета, руководимого Владимиром Ильичом Лениным. Это было легальное выражение большого заострения антипартийной борьбы, которая проводилась «лево-коммунистической» фракцией. Одновременно с этим была начата и нелегальная, преступная деятельность.

Относительно этой стороны деятельности «левой коммунистической» фракции, руководимой Бухариным, я получил первые сведения в начале марта 1918 года от Яковлевой (одна из активных участниц группы «левых коммунистов»), так как по должности своей — тогда я был председателем Высшего совета народного хозяйства — находился в отъезде, пребывал в Харькове и возвратился в Ленинград, где в то время имел постоянное местопребывание, в первой декаде марта. По возвращении я встретился в Варварой Николаевной Яковлевой, как с моей ближайшей сотрудницей по ВСНХ (она была управляющим делами ВСНХ). Яковлева рассказала мне о том, что происходило в моем отсутствии, и сообщила, что было нелегальное совещание московского областного бюро и других членов «левых коммунистов», на котором участвовали Бухарин, Яковлева, Ломов, Манцев, Стуков и другие. На этом совещании был поставлен вопрос о том, что надо взять весьма резкую активную линию против ленинского партийного и советского руководства, установку на захват власти, свержение и арест правительства Ленина; Яковлева констатировала, что Бухарин склоняется к мысли о том, что явится необходимость при аресте в физическом устранении или, чтобы сказать яснее, уничтожении Ленина, Сталина и Свердлова, как трех виднейших партийных и советских вождей, как людей, наиболее последовательно борющихся за заключение Брестского мира, наиболее опасных противников «левых коммунистов».

Я на предварительном следствии по памяти отвечал, что и Бухарин участвовал в этом заседании. Точно я это утверждать не могу, но что я могу утверждать совершенно точно, это то, что предложения эти были по инициативе, по указанию и по полному согласию с Бухариным внесены и приняты узким составом областного бюро.

Вышинский. А какие у вас основания утверждать, что эти предложения приняты по инициативе, по указанию и с полного согласия Бухарина?

Осинский. Так мне говорила Яковлева. Одновременно с этим было внесено предложение о заключении блока с «левыми» эсерами и о том, чтобы повести в этом направлении переговоры

с «левыми» эсерами. Эти переговоры должны были вести, с одной стороны, Стуков и Бухарин, а с другой — «левые» эсеры Камков, Карелин и Прошьян. Тогда же было решено подготавливать московскую областную организацию к соответствующим выступлениям для захвата власти и ареста правительства. Момент выступления предполагалось приурочить к приезду правительства в Москву, ибо в Москве находилась главная цитадель «левых коммунистов» — московское областное бюро, которое было в наших руках, и естественно поэтому было такое выступление сосредоточить в данном месте и приурочить к данному моменту. Я пришел к выводу, что мне надо спросить об этом самого Бухарина. Разговор наш состоялся через пару дней. Я поставил Бухарину вопрос: точно ли мне Яковлева передала те решения, которые были приняты узким составом областного бюро, согласно его, Бухарина, установке. Бухарин подтвердил, что Яковлева изложила мне точно и что он с этим решением согласен. Тогда я задал ему следующий вопрос: если берется установка на столь чреватое обширными последствиями предприятие, то может ли Бухарин сказать, что это предприятие имеет под собою достаточно солидный политический базис, и можно ли считать таковым соединенные усилия «левых коммунистов» и эсеров? На этот вопрос Бухарин ответил, что вопрос мой и доза сомнения, в нем заключающаяся, обоснованы, что он предпринимает уже шаги к тому, чтобы подвести более широкий базис под намеченный план. Он дал мне обзор и характеристику тех политических группировок как внутри партий, так и вне партий, которые могут быть привлечены к этому блоку. Прежде всего, он в этой связи говорил относительно Зиновьева, Каменева и их окружения и ставил вопрос следующим образом: с первого взгляда может показаться, что Зиновьев и Каменев для привлечения в такой блок — неподходящие партнеры, потому что Зиновьев в настоящее время (так оно и было) выступает на собраниях с речами, докладами и так далее за Брестский мир, но это поведение Зиновьева и Каменева является только очень искусной, двойной игрой, рассчитанной прежде всего на то, чтобы восстановить доверие к себе как у партийного руководства, так и у массы членов партии — доверие, которое было чрезвычайно подорвано предоктябрьским и октябрьским штрейкбрехерством этих людей, репутация которых потерпела сильнейший ущерб. Выступая единым отрядом с партийным руководством, они, прежде всего, стремились восстановить это доверие. Но это отнюдь не значит, что они оставили свои намерения вести борьбу с партийным руководством.

Они, Зиновьев и Каменев, рассматривали положение таким образом, что социалистическая революция в России не может иметь успеха, что России суждено превратиться в буржуазно-демократическое государство, отсюда они считали, что Брестский мир — это поражение Ленинской политики. Для того чтобы вести борьбу против партии, они ввиду своей беспринципности заключают блок с кем угодно, в том числе и с «левыми коммунистами». Поэтому они хотели переговоров и переговоры начаты.

Бухарин констатировал, что эти люди, несмотря на безуслов-

ный ущерб их политической репутации, который они стараются возместить, обладают достаточным окружением и поэтому могут оказаться в блоке достаточно веским слагаемым.

После этого Бухарин перешел к оценке позиций Троцкого и констатировал, что с Троцким примерно получается такое же положение, как с Зиновьевым и Каменевым. Троцкий внешне не выступает ни сторонником «левых коммунистов», ни противником Брестского мира. Он по внешности занимает промежуточную позицию — «ни мира, ни войны». Эта позиция избрана им для прикрытия, чтобы не демонстрировать открыто, что он борется с Лениным. Он согласен вступить в блок, и там окажется достаточно веским слагаемым. Бухарин говорил о третьей силе, которая должна быть привлечена в блок, сколачиваемый «левыми коммунистами» — это эсеры. Чрезвычайно обострены были разногласия между «левыми» эсерами и правыми эсерами по вопросу о выходе России из империалистической войны. Правые эсеры стояли на точке зрения продолжения этой войны до победного конца, а «левые» эсеры поддерживали позицию большевиков в этом вопросе, но в настоящий момент, когда «левые» эсеры выступают против Брестского мира, то совершенно ясно, что разногласия по этому вопросу сгладились и что, таким образом, между «левыми» и правыми эсерами уже устанавливается некоторая общность точек зрения и что поэтому можно, с одной стороны, использовать «левых» эсеров в качестве костяка, который можно перекинуть к правым эсерам и, таким образом, база блока может быть расширена также и включением правых эсеров, которые, разумеется, поддержат всякое мероприятие, направленное как против партийного руководства, так и против мероприятий Советской власти. Поэтому в борьбе против Ленина они несомненно окажутся союзниками. Правые эсеры представляют собою все еще достаточно значительную политическую силу, они имеют значительный актив, значительные связи в деревне и поэтому присоединение их может этот блок укрепить и расширить.

Когда Бухарин закончил обзор этих своих предположений, которые в то время уже начали приводиться в исполнение, я ему задал вопрос: почему все-таки столь важные перемены в политике «лево-коммунистической» фракции принимаются самостоятельно и я, в частности, только сейчас узнаю о еще дальнейшем расширении блока? На это мне Бухарин ответил, что тут мне обижаться не на что, потому что я был в отъезде, а с другой стороны, подобного рода соглашения и переговоры по таким соглашениям требуют чрезвычайно глубокой конспирации, на которой настаивают, между прочим, некоторые будущие партнеры этого соглашения, в частности, Зиновьев и Каменев, потому что всякое разоблачение подобной тайны, если оно произойдет до того, как намеченный план будет осуществлен, или если этот план потерпит неудачу, — всякое разглашение этой тайны приведет к совершенно непоправимой компрометации всех участников этого дела. Поэтому, так как я поставил ему этот вопрос, то он, как член центра этих «левых коммунистов», дает мне эту информацию, но я не должен об этом сообщать никому, кроме тех,

которые об этом знают, и должен соблюдать глубокую тайну в отношении полученной мною информации.

Вот мой разговор с Бухариным, который дополнительно, так сказать, мне прояснил в тот момент вопрос о том, какое направление принимает деятельность «лево-коммунистической» фракции.

Через несколько дней я имел разговор с В. Н. Яковлевой. Она сообщила, что вместе с Бухариным она имела разговор с Зиновьевым, который высказался за борьбу с правительством Ленина, и что Зиновьев идет на соглашение с нами, «левыми коммунистами».

В дальнейшем мне пришлось встретиться с членом ЦК «левых» эсеров Карелиным, которого я единственного, так как он был из лидеров «левых» эсеров, знал еще с дореволюционных времен. И вот я, зная, что переговоры должны быть ведены с ним, и поэтому, не нарушая в этом отношении конспирации, поставил вопрос о том — «как насчет соглашения по поводу предложения Бухарина, которое вам сделано относительно завоевания власти, относительно связанного с этим ареста правительства и со всеми вытекающими отсюда последствиями?»—так, я, примерно, выразился. На это мне Карелин ответил, что все эти предложения приемлемы, что «левые» эсеры их принимают и что они соответственно готовят свою организацию к выполнению этих решений.

Тут же я должен отметить, что, встречаясь с Яковлевой и Ломовым, которые были членами московского областного бюро, я имел от них информацию, что и московская областная организация также подготовляется к тому, чтобы предпринять в соответствующий момент нужные действия. Впоследствии, в более позднее время я снова справлялся у Бухарина по вопросу о том, сформировался ли блок теперь в полном составе и закончены ли переговоры. Это было уже в конце апреля — в начале мая. Бухарин мне ответил, что блок создан, что все намечавшиеся политические группировки изъявили согласие на вхождение в блок и на этой основе объединились. В дальнейшем, однако, как известно, план этот рухнул и не был приведен в исполнение. Произошло это, как известно, вследствие следующих обстоятельств. На майской конференции...

Вышинский. План рухнул, это и хорошо. Нас интересуют факты, которые произошли, которые имели место.

Осинский. Я сейчас к этому собственно и перехожу, при посредстве некоторого промежуточного звена.

Вышинский. Пожалуйста. Только мне, по ходатайству которого вы вызваны сюда в качестве свидетеля, интересно не то, что не произошло, а то, что произошло.

Осинский. Итак, план этот оказался неосуществленным потому, что в мае на конференции московской областной партийной организации «левые коммунисты» потерпели поражение, были разбиты Лениным на-голову и база для осуществления этого плана по линии «левых коммунистов» оказалась выбитой из их рук. Это привело к значительному разброду в среде «левых коммунистов». Мятеж «левых» эсеров был проведен в осуществление плана, намеченного нами — «левыми коммунистами», но он был

подавлен. Этот мятеж был как раз одним из результатов проведения в жизнь тех установок, которые были приняты «левыми коммунистами» еще в конце февраля 1918 года. Дальнейшим результатом установок блока...

Вышинский. Значит, вы утверждаете, что мятеж «левых» эсеров в июле 1918 года был осуществлен «левыми» эсерами в соответствии с установками, которые были выработаны «левыми коммунистами». Чьи это установки были?

Осинский. Установки блока.

Вышинский. Какого?

Осинский. Блока, состоящего из «левых» эсеров, «левых коммунистов», зиновьевцев, троцкистов.

Вышинский. Следовательно, в планы этого блока входило...

Осинский. В планы этого блока входило, прежде всего, — захват власти.

Вышинский. А для этого?

Осинский. А для этого нужно было вооруженное выступление.

Вышинский. И вот это вооруженное выступление «левые» эсеры и осуществили в июле 1918 года?

Осинский. Совершенно несомненно.

Вышинский. А вот тут Бухарин интересовался у допрошенной до вас свидетельницы Яковлевой, — как же это так могло быть, что он подавлял «лево»-эсеровский мятеж? А выходит, что он подготовлял, а не подавлял «лево»-эсеровский мятеж. Так ли я вас понимаю?

Осинский. Так.

Вышинский. Вот вы, как живой свидетель, можете разъяснить, подавлял ли Бухарин мятеж «левых» эсеров?

Осинский. Об этом мне ничего неизвестно.

Вышинский. А подготовлял ли он мятеж «левых» эсеров?

Осинский. Несомненно, он идеологически его подготовлял и подготовлял его организационную сторону переговорами с «левыми» эсерами.

Вышинский. «Левые коммунисты», и вы в том числе, были в курсе мятежного «лево»-эсеровского выступления в то время?

Осинский. Я, в частности, в курсе конкретного выступления не был. Это не было моей специальностью. Моя политическая специальность — литературно-идеологическая.

Вышинский. В курсе чего вы были?

Осинский. В курсе того, что «левые» эсеры ведут подготовку к вооруженному выступлению.

Вышинский. Вы, как «левый коммунист», как член группы «левых коммунистов» и один из руководителей этой группы, были в курсе того, что «левые» эсеры готовят мятеж?

Осинский. Да, я был в курсе и в том смысле, что на вопрос, мною поставленный Карелину, о том, принято ли это соглашение и в каком масштабе, получил ответ, что оно принято в полном масштабе и что «левые» эсеры готовятся к осуществлению его.

Вышинский. А Бухарин был в курсе этого?

Осинский. Несомненно.

Вышинский. Ибо он сам вел эти переговоры?

Осинский. Конечно.

Вышинский. А откуда вам известно, что он вел переговоры?

Осинский. Мне известно от Яковлевой и от самого Бухарина.

Вышинский. Известно от Бухарина? А по поводу предполагавшегося ареста правительства, вам это известно от кого?

Осинский. Это мне впервые стало известно от Яковлевой, а затем подтверждено Бухариным.

Вышинский. А был ли план не только ареста руководителей партии и правительства, но и убийства их?

Осинский. Несомненно, что такой план существовал в качестве руководящей основы и главной перспективы решения вопроса о том, что должно быть сделано с арестованными членами правительства.

Вышинский. Конкретно с кем?

Осинский. С Лениным, Сталиным, Свердловым.

Вышинский. От кого вам известно намерение блока заговорщиков убить товарищей Ленина, Сталина и Свердлова в 1918 году?

Осинский. От Яковлевой, в первую очередь, затем от Бухарина.

Вышинский. Бухарин лично вам подтверждал это намерение?

Осинский. Да.

Вышинский. А вы как к этому относились?

Осинский. Как я к этому относился? Вы желаете знать мое политическое отношение или субъективное отношение? Впрочем, субъективное отношение я оставлю в стороне. Поскольку я против этого не выступал и не возражал, то, следовательно, я с этим согласился.

Вышинский. И вы никуда не сообщили?

Осинский. И никуда не сообщил, следовательно, я с этим согласился.

Вышинский. У меня вопросов нет.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, есть у вас вопросы к свидетелю Осинскому?

Бухарин. Есть. Во-первых, я хотел бы спросить Осинского, не может ли он что-нибудь сказать относительно центральной группы «левых коммунистов» в Петербурге, из кого она состояла?

Председательствующий. Этот вопрос не имеет отношения к заговору.

Бухарин. Имеет, потому что поскольку переговоры велись...

Председательствующий. Сейчас речь идет о подсудимом Бухарине.

Бухарин. Позвольте, я же здесь выступаю в качестве представителя группы «левых коммунистов» и ее центра. Если нас спрашивают о право-левацком центре, то это нас касается, а если о центре группы «левых коммунистов», то нельзя говорить...

Председательствующий. Во всяком случае дело идет о Николае Ивановиче Бухарине.

Бухарин. Мне гражданин Прокурор заявил, что это — не дело, потому что за давностью по закону — это не дело.

Председательствующий. Обвиняемый Бухарин, вы желаете задавать вопросы свидетелю Осинскому?

Бухарин. Да, желаю. Я хочу спросить свидетеля Осинского, входил ли Осинский в центральную группу «левых коммунистов»?

Осинский. Конечно, входил.

Бухарин. Я хочу узнать у свидетеля Осинского, писал ли он генеральные тезисы, которые служили главной платформой «левых коммунистов» в тот период?

Осинский. Совершенно правильно.

Вышинский. С кем вместе писали вы эти тезисы?

Осинский. Вместе с Бухариным, Радеком и Преображенским.

Бухарин. Основной текст этих тезисов кому принадлежал?

Осинский. Основной текст принадлежал Осинскому.

Вышинский. А кто редактировал?

Осинский. Редакция была общая всех участвующих, в том числе и Николая Ивановича Бухарина.

Бухарин. Затем я хотел бы спросить свидетеля Осинского, был ли он накануне Октябрьского восстания в Москве?

Осинский. Да, накануне Октябрьского восстания я был в Москве.

Бухарин. Я хотел бы также узнать, был ли свидетель Осинский и во время Октябрьского восстания в Москве?

Председательствующий. Зачем нужны эти вопросы?

Бухарин. Это мне нужно для защиты, потому что потом я уже не смогу получить ответов на эти вопросы.

Вышинский. Если обвиняемый Бухарин заявляет, что эти вопросы ему нужны для защиты, то, имея в виду, что по нашим законам каждый обвиняемый имеет право на защиту в полном объеме, я ходатайствую не устранять этого вопроса.

Бухарин. Тогда я ходатайствую возобновить все вопросы, которые судом раньше были отклонены.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин, не занимайтесь обструкцией работы суда.

Вышинский. Если обвиняемый Бухарин нуждается в постановке всех этих вопросов для своей защиты, я как обвинитель не возражаю против того, чтобы эти вопросы были здесь поставлены.

Председательствующий. А суд возражает против постановки этих вопросов, как не относящихся к делу.

Вышинский. Подчиняюсь решению суда.

Бухарин. Я тоже подчиняюсь.

Председательствующий. Товарищ комендант, вызовите свидетеля Манцева.

(Обращаясь к Манцеву). Вы — Манцев Василий Николаевич?

Манцев. Да.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу Бухарина Николая Ивановича. Предлагается показывать правду.

Товарищ Прокурор, вы имеете вопросы к свидетелю Манцеву?

Вышинский. Имею. Свидетель Манцев, вы принимали участие в 1918 году в группе «левых коммунистов»?

Манцев. Да, принимал.

Вышинский. Роль ваша в этой группе была рядовая или руководящая?

Манцев. Руководящая.

Вышинский. Кто еще принимал наиболее активное участие в этой группе?

Манцев. Центром практической работы «левых коммунистов» было московское областное бюро, руководящее ядро которого состояло из «левых коммунистов» целиком. Бухарин был лидером фракции «левых коммунистов».

Вышинский. Каковы были отношения между группой «левых коммунистов» и группой «левых» эсеров в то время? Вы не помните?

Манцев. Помню.

Вышинский. Можете сказать кратко?

Манцев. Могу. Уже в апреле месяце, после VII съезда партии и IV съезда советов, мне стало известно, что руководством фракции «левых коммунистов» ведутся переговоры о блоке, о союзе с «левыми» эсерами в заговорщических целях по свержению Советского правительства, для совершения контрреволюционного переворота. На одном из заседаний областного бюро, на котором присутствовали полностью почти все члены фракции «левых коммунистов» — Яковлева, я, Ломов, Максимовский, Стуков, Кизельштейн и целый ряд тех, которые принимали близкое участие в руководстве деятельностью фракции, Бухарин выступил с докладом, в котором заявил, что после одобрения Брестского мира съездом партии и съездом советов, остается путь один — это путь восстания против Советского правительства, свержения Советского правительства. В этом же докладе он сообщил о том, что он считает необходимым условием успешности переворота арест и, в случае необходимости, физическое уничтожение, просто говоря, убийство руководителей партии и правительства — Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Это вы лично слышали?

Манцев. Да, я лично слышал, так же как все те, кто присутствовал на этом собрании. Затем он сообщил о том, что им ведутся, вернее успешно заключены, переговоры с «левыми» эсерами о союзе с ними, также как и тем, кто работал тогда в руководстве фракцией,— о том, что «левые» эсеры готовили тогда восстание против Советского правительства, также как и «левые коммунисты». Бухарин подтвердил существование союза между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами в целях свержения Советского правительства. Он сказал о том, что им лично велись переговоры. Я слышал также, что в этих переговорах участвовали из «левых коммунистов» следующие лица: Стуков, Осинский.

На этом собрании Бухарину было поручено продолжать в дальнейшем переговоры с «левыми» эсерами.

Вышинский. Это все?

Манцев. Нет, не все.

Вышинский. Продолжайте.

Манцев. Дело в том, что еще в феврале месяце выступал не Бухарин, а...

Вышинский. В каком году?

Манцев. В 1918 году. Выступал с докладом Стуков, причем он заявил, что выступает по прямым директивам Бухарина. Стуков был членом областного бюро партии и членом руководства фракции «левых коммунистов».

Я забыл сказать, что Бухарин расценивал существующее Советское правительство, возглавляемое Лениным, как правительство, предающее интересы пролетарской революции, как правительство буржуазно-кулацкое. Стуков еще в феврале или в конце февраля месяца ставил вопрос уже тогда, по прямой директиве Бухарина, о свержении этого правительства и о подготовительной работе по организации восстания против этого правительства.

Вышинский. Когда это было?

Манцев. Это было в конце февраля 1918 года.

Вышинский. Скажите, это обстоятельство было отражено в протоколе?

Манцев. Я вот и хотел сказать об этом. Это было отражено в протоколе.

Вышинский. А потом куда девался этот протокол?

Манцев. Обычно протоколы заседания областного бюро заносились в книгу протоколов. Это была обычная конторская книга, в которую секретарь записывал протокол. В то время секретарем был я, а до меня была Яковлева. Протоколы обычно записывались или мной или Яковлевой. Этот протокол был записан мною.

Вышинский. А потом куда девался этот протокол?

Манцев. Разрешите несколько отступить. На московской областной конференции в 1918 году «левые коммунисты» потерпели поражение. Большинство конференции высказалось за линию ЦК партии и в конце конференции, когда происходили выборы, прошел список ЦК. Из 7 человек по списку ЦК — 5 были сторонниками линии ЦК, линии Ленина, 2 — были выбраны из «левых коммунистов» — это я и Ломов.

На заседании фракции «левых коммунистов», которое состоялось в конце конференции, было постановлено распустить фракцию, прекратить фракционную работу. Я должен сказать, что это было неискренне, потому что на том же заседании фракции постановили, чтобы я и Ломов отказались от участия в работах областного комитета партии, который состоял в большинстве из сторонников ЦК. После заседания фракции состоялось очень короткое летучее заседание бывших членов областного бюро «левых коммунистов», на котором присутствовали все те, о которых я говорил. На этом заседании по предложению Бухарина мне и Яковлевой в целях скрытия от партии истинных позиций «левых коммунистов» по отношению к ЦК партии и правительству (а они заключались в том, что мы готовили свержение этого правительства) было поручено уничтожить ту запись в протоколе, о которой я говорил. Это и было произведено мной.

Вышинский. Уничтожили?

Манцев. Я и Яковлева в этот же вечер или ночью уничтожили этот протокол.

Вышинский. И ничего не оставили для истории?

Манцев. Мы уничтожили тогда для того, чтобы ничего не осталось в то время, а следовательно — и для истории.

Вышинский. У меня вопросов к Манцеву пока нет.

Бухарин (к суду). У меня один вопрос, который заключается в следующем: помнит ли гражданин Манцев, что он с чекистским отрядом руководил операцией против анархистов, союзников «левых» эсеров, которые бросили бомбу в Леонтьевском переулке, причем эта бомба взорвалась на воздух? Подтверждает ли гражданин Манцев, что он руководил этой операцией?

Манцев. Да, я подтверждаю.

Бухарин. У меня вопросов больше нет.

Вышинский. В каком году это было?

Манцев. В конце 1919 года.

Вышинский. Вы тогда состояли членом группы «левых коммунистов»?

Манцев. Тогда этой группы не было.

Вышинский. А когда была эта группа «левых коммунистов», вы выступали против эсеров?

Манцев. Да.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 15 минут.

* * *

Комендант суда. Прошу встать, суд идет.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Товарищ Прокурор, у вас есть еще вопросы свидетелю Манцеву?

Вышинский. У меня есть вопросы к Бухарину.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, что вы скажете по поводу показаний свидетеля Манцева?

Бухарин. Я должен сказать по поводу показаний свидетеля Манцева следующее: я делал доклад на бюро московской организации, я этого не помню, но я этого и не отрицаю, но я совершенно исключаю, чтобы в этом своем докладе говорил в таком духе, как говорил Манцев. Что касается линии на насильственное ниспровержение Советского правительства, то я уже ответил, что был такой момент, когда она была, и я это признаю. Что касается того, будто бы я дал директиву относительно изъятия из протокола какого-то места, то я, во-первых, считаю, что...

Вышинский. Дали такую директиву?

Бухарин. Простите, я, во-первых, считаю, что...

Вышинский. Вы такую директиву дали?

Бухарин. Нет, я такой директивы не давал.

Вышинский. А протокол исчез?

Бухарин. Протокол исчез, это есть совершившийся факт, но я имею...

Вышинский. Сам собою исчез?

Бухарин. Нет, не сам собою, но нельзя все, что происходит на свете, в том числе и исчезновение протокола...

Вышинский. А вы к этому имели отношение?

Бухарин. Нет, я к этому не имел отношения.

Вышинский. Вы утверждаете, следовательно, что показания Манцева в этой части и показания свидетельницы Яковлевой неправильны?

Бухарин. Да, я утверждаю.

Вышинский. Чем вы объясняете, что они говорят неправду?

Бухарин. Вы уж их об этом спросите.

Вышинский. Сейчас спросим. Свидетели Яковлева и Манцев, вот обвиняемый Бухарин говорит, что вы показываете в этой части на него неправду. Что вы по этому поводу скажете?

Яковлева. Я могу сказать следующее. Я слышала показания Манцева. Я на этом заседании, — была какая-то летучая фракция, где было постановление, — не была, очевидно, случайно. Мне просто передал Манцев. Когда мы подготовляли материалы областного бюро, я слышала, что Бухарин настаивает на изъятии не всего протокола, а определенного места из протокола, а именно того места, где была изложена речь Стукова и внесенный им проект резолюции на фракционном заседании областного бюро. Мотивировалось это следующим, что сохранение этого места может разоблачить и нелегальную деятельность «левых коммунистов» и опорочить политическую позицию московского бюро. Мы с Манцевым такое изъятие, как я уже показывала, произвели.

Вышинский. Свидетель Манцев, что вы скажете?

Манцев. Я подтверждаю свое показание, которое я дал. Дело в том, что не на фракции, а было собрание специально для этого, было предложение Бухарина, который знал, что есть такая запись в протоколах бывших членов областного бюро, членов фракции «левых коммунистов». Специально для этого было собрано заседание, поэтому оно было очень небольшое, очень недолго продолжалось.

Вышинский. Летучее.

Манцев. Он предложил, для того чтобы скрыть заговорщическую деятельность «левых коммунистов», изъять этот протокол из книги протоколов.

Вышинский. Он так и мотивировал?

Манцев. Я не помню, была ли там Яковлева, но изъятие такое было сделано.

Вышинский. Вы это изъяли вместе с Яковлевой?

Манцев. Вместе с Яковлевой.

Вышинский (к Бухарину). Вы стоите на своей позиции?

Бухарин. Конечно.

Вышинский. Теперь такой вопрос. Подсудимый Бухарин, вы подтверждаете, что у вас было намерение арестовать товарищей Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Да, я подтверждаю, что был такой момент.

Вышинский. Такой план?

Бухарин. Я не говорю — план.

Вышинский. Такое намерение?

Бухарин. Такое намерение.

Вышинский. Инициатива?

Бухарин. Да.

Вышинский. И кто был инициатором такого намерения, вы?

Бухарин. Инициатором этого намерения был Троцкий.

Вышинский. Вам это Троцкий поручил?

Бухарин. Нет, у нас не было таких отношений, чтобы он мог что-нибудь мне поручать.

Вышинский. Почему же вы инициативу Троцкого приняли, стали осуществлять?

Бухарин. Потому, что в руководящей группе «левых коммунистов» к этому плану было известное сочувствие.

Вышинский. Так что вы согласились с инициативой Троцкого, поддержали его инициативу в вопросе ареста Ленина, Сталина и Свердлова, потому что сами имели подобный план?

Бухарин. В вопросе о переговорах по этому поводу с руководящей группой «левых» эсеров.

Вышинский. Троцкий был инициатором ареста Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вышинский. Вы с этим согласились?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вышинский. Вы это поддерживали?

Бухарин. Фактически поддерживал.

Вышинский. И вы вступили по вопросу об осуществлении этого плана в переговоры с «левыми» эсерами, так?

Бухарин. Так, правильно.

Вышинский. В целях насильственного свержения...

Бухарин. В целях, как это формулировал в то время Троцкий, составления нового кабинета.

Вышинский. Кабинета?

Бухарин. Да.

Вышинский. При этом не исключалось, разумеется, и применение насильственных мер в отношении Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Да, если считать, что арест есть насильственная мера...

Вышинский. И, кроме ареста?

Бухарин. Нет, кроме ареста, ничего; если вы имеете в виду физическое уничтожение, то я повторяю, что по этому поводу не было никаких разговоров.

Вышинский. А что сообщил Стуков?

Бухарин. Что говорил Стуков, я не знаю.

Вышинский. По поводу стуковского сообщения Яковлева говорила?

Бухарин. Яковлевой Стуков при мне не делал никаких сообщений.

Вышинский. Я спрашиваю, по поводу выступления Стукова с вами говорила Яковлева?

Бухарин. По-моему, не говорила.

Вышинский. Свидетельница Яковлева, вы говорили с Бухариным о выступлении Стукова?

Яковлева. Стуков мне сообщил, что он выступал по поручению Бухарина с обоснованием этого дела. В этом выступлении Стукова содержались, как перспективы развития политической борьбы, и арест правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова и даже в случае обострения борьбы возможность физического уничтожения этих трех вождей партии. Я об этом сообщала Бухарину, и он мне подтвердил.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы это подтверждаете?

Бухарин. Этого не может быть, потому что Яковлева относит это к периоду до Брестского мира, что я, как мне кажется, довольно убедительно доказал, было бы абсурдно со всех точек зрения.

Вышинский. Вы говорите о выводе, а я говорю о факте.

Бухарин. Я факт опровергаю. Когда есть два человека, я имею право доказательства от противного.

Вышинский. Вы эти факты отрицаете?

Бухарин. Конечно.

Вышинский. Конечно? А они подтверждают. (*Обращаясь к Манцеву.*) Вы также подтверждаете, что был разговор относительно физического уничтожения Ленина, Сталина и Свердлова?

Манцев. Да.

Бухарин. Я возражаю против того, что говорит Яковлева, потому что она говорит о периоде до Бреста, а Осинский говорит о периоде после Бреста. Им нужно сперва сговориться друг с другом...

Вышинский. Вы-то говорите о каком периоде?

Бухарин. Я говорю о втором периоде, о втором периоде, что был план ареста, было намерение, инициатива, которая принадлежала Троцкому, фактически это было принято и апробировано.

Вышинский. Не вам инициатива принадлежала?

Бухарин. Так как Троцкий...

Вышинский. Вы отвечайте на вопрос: вам или не вам?

Бухарин. Инициатива эта принадлежала Троцкому, а я не Троцкий, следовательно, не мне.

Вышинский. Вы отказываетесь от инициативы?

Бухарин. Я отказываюсь от инициативы, но я не отказываюсь от апробации.

Вышинский. Я потому так ставлю этот вопрос, что у меня есть свидетельские показания, где говорится, что вы были инициатором вместе с Троцким, что вы были также инициатором. Вот почему я вас спрашиваю, но вы это отрицаете.

Бухарин. Да, отрицаю.

Вышинский. Но говорите, что апробировали?

Бухарин. Да.

Вышинский. А я спрашиваю, когда вы после Брестского мира собирались арестовать товарищей Ленина, Сталина и Свердлова,

вы делали это для свержения власти, делали это в процессе насильственной борьбы? Так я понимаю?

Бухарин. Я же говорю, что предполагалось, что этот самый акт можно сделать таким образом, чтобы он был насильственным, но не кровавым, и потому не может быть...

Вышинский. Насильственным, но не кровавым.

Бухарин. Вы меня арестовали, это есть акт насилия, но я, однако, еще жив, я может быть не буду жив и даже почти в этом уверен, но еще жив, чему свидетелем служит то, что я говорю с этой скамьи подсудимых.

Вышинский. Это напрасное отступление от допроса.

Бухарин. Я вам говорю, что было.

Вышинский. Я хочу выяснить только, где вы проводили линию между насильственным арестом в процессе борьбы и между убийством, где вы проводили?

Бухарин. Были разговоры тогда, что нужно обеспечить и гарантировать полную сохранность означенных лиц.

Вышинский. Это вы утверждаете, а Яковлева говорит, что говорилось как раз обратное, значит, она говорит неправду?

Бухарин. Я с этим не согласен и говорю, что она говорит неправду.

Вышинский. Значит, и Манцев говорит неправду?

Бухарин. Да, и он говорит неправду. Я говорю то, что я знал, а то, что они знают, это дело их совести говорить.

Вышинский. Вы должны чем-то объяснить то, что против вас говорят три человека ваших бывших сообщников.

Бухарин. Видите ли, у меня нет ни достаточных материальных, ни психологических данных, чтобы выяснить этот вопрос.

Вышинский. Не можете объяснить.

Бухарин. Не не могу, а просто отказываюсь объяснить.

Вышинский. Свидетель Осинский, вы категорически подтверждаете, что вам от Бухарина было известно о предполагавшемся аресте товарищей Ленина, Сталина и Свердлова и об убийстве их?

Осинский. Я это подтверждаю. Я изложил, что узнал об этом от Яковлевой в той формулировке, которую сообщил Бухарину, и получил от него подтверждение этого.

Вышинский. Следовательно?

Осинский. Бухарин сейчас говорит неправду.

Вышинский. Вы, свидетельница Яковлева, также считаете, что Бухарин говорит неправду?

Яковлева. Да, я сказала, что слышала от Бухарина о физическом уничтожении трех вождей партии.

Вышинский. Следовательно, сейчас, отрицая это, Бухарин говорит неправду?

Яковлева. Да, Бухарин не хочет сказать правду.

Вышинский. А бывало так, что он, делая вид, что говорит правду, не говорил правды?

Яковлева. Мне кажется, что, делая вид, что он говорит правду о заговоре «левых коммунистов» с «левыми» эсерами, он правды не сказал. Это уже исторический факт. А теперь он сам

признал, на ваш вопрос он должен был сказать, что не сказал всей правды.

Вышинский. Правильно это?

Бухарин. Тогда, когда я сказал...

Вышинский. Правильно это, что в свое время вы всей правды не сказали?

Бухарин. Тогда даже эту полуправду отрицала Яковлева, из чего нельзя сделать вывод, что она говорит правду.

Вышинский. Когда будем обсуждать ее поведение, тогда будем говорить о ней. Но сейчас говорит не одна Яковлева об этом факте, говорят и Яковлева и Осинский...

Бухарин. Но они все отрицали эту полуправду.

Вышинский (Яковлевой). Почему вы в свое время отрицали это?

Яковлева. Мы отрицали это тогда, по крайней мере я лично, когда не сложили еще оружия в борьбе с партией и действовали как люди, которые хотели скрыть от партии правду. А когда сложили оружие, тогда считаем, что нужно говорить все, что было.

Вышинский. А Бухарин, очевидно, еще не сложил?

Яковлева. Очевидно.

Председательствующий. Я полагаю оставить в зале всех свидетелей пока.

Вышинский. Я прошу — Манцеву задать еще вопрос.

Свидетель Манцев, скажите, пожалуйста, относительно вот этой операции против дома анархистов, против гнезда анархистов, о чем говорил Бухарин.

Манцев. Это организация анархистов, которая взорвала дом московского комитета партии.

Вышинский. Какое отношение эти анархисты имели к «левым коммунистам»?

Манцев. «Левые коммунисты» тогда не действовали.

Вышинский. А когда «левые коммунисты» действовали, имели ли они какое-нибудь отношение к этим анархистам?

Манцев. Тогда этой группы, этих анархистов, не было в Москве.

Вышинский. Вы тогда в качестве кого выступали по ликвидации этого гнезда анархистов?

Манцев. Я выступал против них в качестве заместителя председателя московской чрезвычайной комиссии.

Вышинский. Значит, вы выступали не по своему личному желанию, а в силу своего должностного положения?

Манцев. Да, в силу занимаемой мной должности.

Вышинский. Что же, это покушение было организовано и направлено специально против Бухарина.

Манцев. Это покушение не имело никакого отношения к Бухарину.

Вышинский. А к кому оно имело отношение?

Манцев. Покушение было направлено против московского комитета партии.

Вышинский. А Бухарин, что же, был секретарем московского комитета в это время?

Манцев. Он не был секретарем.

Вышинский. А он был на этом заседании московского комитета?

Манцев. По-моему, он не был.

Бухарин. Как же я не был, когда я во время этого покушения был контужен?

Манцев. Возможно, что и был, я об этом не помню.

Бухарин. Я там был и читал доклад о заговоре национального центра, расследование о котором я вел в ЧК.

Манцев. Я должен сказать, что это не имеет никакого существенного значения для данного дела.

Вышинский. А вот Бухарин считает, что против него направлено было это покушение.

Манцев. Это неверно. Я сам производил аресты этих анархистов, я сам производил допросы их, и ни один из арестованных ни слова не говорил о покушении на Бухарина.

Вышинский. Значит, Бухарин попал в эту переделку случайно?

Манцев. Он попал случайно. Эти анархисты боролись против большевистской партии и покушение свое сделали против московского комитета партии. Бухарин здесь не при чем.

Вышинский. Значит, к заслугам Бухарина это не имеет никакого отношения?

Манцев. Нет, не имеет.

Разрешите мне еще остановиться относительно того, кто давал директиву о физическом уничтожении вождей партии. Я знал, что кроме союза с «левыми» эсерами у «левых коммунистов» существует единомыслие с Троцким. Об этом я узнал в самом конце, перед роспуском группы «левых коммунистов». А относительно заговора, относительно предполагаемого убийства, я знал, что это есть предложение лидера нашей фракции Бухарина.

Вышинский. Вам пришлось быть у Троцкого и разговаривать на эту тему?

Манцев. Да, я у Троцкого был и разговаривал с ним об этом.

Вышинский. Говорил вам Троцкий о необходимости убийства Ленина, Сталина и Свердлова?

Манцев. Да. Троцкий об этом говорил.

Вышинский. Следовательно, когда Бухарин говорит, что и у Троцкого была такая инициатива, он говорит правильно?

Манцев. Да, в этом случае он говорит правильно.

Вышинский. Значит, можно сказать, что Троцкий вместе с Бухариным собирались убить Ленина, Сталина и Свердлова?

Манцев. Да, это правильно.

Вышинский. Откуда вы знали об этом плане?

Манцев. Я лично это знал от Яковлевой, от Троцкого и других.

Вышинский. Троцкий говорил о необходимости убийства Ленина и Сталина?

Манцев. Да, говорил.

Вышинский. Вам Бухарин говорил о том, что он сам подстрекал к убийству Ленина и Сталина?

Манцев. Это было решение.

Вышинский. Чье?

Манцев. Решение руководящего органа «левых коммунистов».

Вышинский. По инициативе?

Манцев. По инициативе Бухарина.

Вышинский. Теперь расскажите о 1919 годе.

Манцев. После роспуска фракции на майской областной партийной конференции тогда же фракция вынесла решение, чтобы я и Ломов, которые были выбраны по списку Центрального Комитета в областное бюро, отказались участвовать в работе областного бюро. Это являлось доказательством лицемерия. Самое решение о роспуске фракции «левых коммунистов» было неискренним; члены фракции остались при тех же убеждениях, которые у них были раньше.

Я лично не имел связи, не встречался с членами фракции бывших «левых коммунистов» до осени 1919 года. Я тогда был занят работой в московской чрезвычайной комиссии. Осенью 1919 года я встретился с такими лицами, как Кизельштейн, Максимовский, Бухарин. Это происходило не часто, но встречи такого рода были. Тогда в связи с неудачами на фронте, разрухой, голодом, который был в стране, мы склонны были в разговорах объяснять это неправильной политикой Центрального Комитета партии, правительства и военного командования, причем говорили о том, что в вопросах военных операций решающую роль играет Сталин и поэтому по адресу Сталина делался в этих разговорах ряд упреков. В этот же период мне позвонили из секретариата Троцкого и по его распоряжению попросили меня зайти к нему на квартиру в Кремле. Я у него был тогда же. Троцкий мне сказал, что ему Бухарин передал, что я сейчас являюсь противником той политики, которая ведется Центральным Комитетом партии и правительством. Он сказал, что ему известно, что сейчас ряд бывших «левых коммунистов» непрочь возобновить те планы, которые они намечали в 1918 году. Троцкий сказал, характеризуя тогдашнее политическое положение, что положение Советской власти, вследствие неудач на фронте, разрухи, голода, катастрофическое, что положение на фронте таково, что неизбежна сдача Москвы, по его словам, что виновником этого всего является Сталин, который имеет решающее влияние на Ленина, что поэтому необходимо свержение этого правительства и образование правительства из лиц, которые согласны целиком и полностью стоять на позиции Троцкого и Бухарина. Он вначале говорил, что это с Бухариным у них согласовано.

Троцкий говорил, что залогом или необходимым условием успеха должно быть устранение Сталина. Тогда же он сказал о том, что он хочет воспользоваться одним из конфликтов между

ним и Сталиным по вопросам ведения военных операций и при одном из объездов фронта в том месте, где будет Сталин, арестовать Сталина силами отряда или вернее личной охраной Троцкого. Помню его слова, он говорил, что в этом случае Ленин и ЦК капитулируют. На мой вопрос о том, а если нет, он сказал: останется то же, что и в 1918 году.

После этого я имел также встречу с Бухариным и сказал ему об этом. Бухарин мне сказал, что он солидарен и в оценке положения и в том, что намечает Троцкий, целиком и полностью. Я говорил это на предварительном следствии и говорю об этом сейчас.

Вышинский. Следовательно, в 1919 году была сделана новая попытка организации антисоветского заговора Троцким и «левыми коммунистами»?

Манцев. Да. Вскоре после этого мне пришлось уехать из Москвы, как развивалось это дело — я не в курсе.

Вышинский. А дело это расследовалось?

Манцев. Нет, это дело тогда не расследовалось.

Вышинский. Почему?

Манцев. Потому что я об этом ничего не сказал.

Вышинский. А вам не пришлось с Троцким говорить по этому поводу?

Манцев. Я и говорю про разговор с Троцким.

Вышинский. Говорить относительно того, что не надо расследовать дело?

Манцев. Вы говорите это о другом случае, это было в 1920 году.

Вышинский. А вы говорите о 1919 годе?

Манцев. Да. О разговоре с Троцким в 1919 году. Это было накануне наступления Красной Армии и разгрома Деникина.

Вышинский. Вы никому не сказали, и это дело так потонуло?

Манцев. Да.

Вышинский. А как дело было дальше, в 1920 году, что было?

Манцев. Я был тогда председателем Всеукраинской чрезвычайной комиссии и начальником Особого отдела фронта. При отъезде Сталина из Харькова я был информирован начальником ОТЧК (отдел транспортной чрезвычайной комиссии) харьковского узла о том, что обнаружены следы покушения на тот поезд и на тот вагон, в котором находился Сталин. Было заведено дело, которое было передано следователю Гусакову, который являлся следователем президиума ВУЧК (Всеукраинская чрезвычайная комиссия). Вскоре после этого приехал Троцкий. Должен сказать, что я в то время был еще начальником тыла фронта. При докладе Троцкому в его вагоне, я в числе прочих вещей рассказал ему об этом случае. Троцкий улыбнулся и сказал, что не стоит раздувать этого дела, потому что от этого могут пострадать наши товарищи. Дело это было до конца не расследовано, отправлено в харьковский ревтрибунал и там прекращено.

Вышинский. Следовательно, по прямому указанию кого?

Манцев. Этого я не знаю.

Вышинский. Но вы должны были расследовать дело?

Манцев. По моему указанию дело было отправлено в ревтрибунал. Дело было не доследовано. Следовательно, моя вина и преступление состоят в том, что дело было прекращено и смазано.

Вышинский. Я это и говорю. А это вы сделали после разговора с Троцким?

Манцев. Да.

Вышинский. Следовательно, по его указанию?

Манцев. Совершенно правильно.

Вышинский. У меня к Манцеву вопросов нет.

Бухарин (к суду). У меня есть вопрос. Здесь гражданин Манцев сказал, что решение об убийстве Ленина, Сталина и Свердлова было принято по решению руководящего центра «левых коммунистов». Так как это было сказано вот этими словами, я вправе спросить Манцева, кто входил тогда в этот центр «левых коммунистов», о чем Манцев должен знать, как секретарь крупнейшей организации в Москве.

Манцев. Я уже сказал в своем показании о том, что практически центром для руководства фракционной деятельности, а в дальнейшем заговорщической, было областное бюро партии.

Бухарин. Вы говорите о решении центра, разве такие вопросы подсобное бюро решает?

Манцев. Это областное бюро партии, а не подсобное бюро. В этом областном бюро все руководящее ядро состояло из «левых коммунистов», причем в это число входили вы и я, Яковлева, Стуков.

Бухарин. Я входил?

Манцев. Да, или во всяком случае вы принимали ближайшее участие во всех заседаниях, где решались все вопросы, также как и Осинский. Все это было в одной комнате, которую тогда занимало областное бюро, это было тогда на Советской площади.

Я должен сказать, что на заседании фракции «левых коммунистов» во время IV съезда советов было выбрано бюро фракции, в которую входили: вы, Ломов, Радек, Осинский и Яковлева. Но дело в том, что это бюро фракции занималось выработкой тезисов всей практической работы «левых коммунистов». Оно руководилось московским областным бюро партии. Вы, если не были членом, я не помню, но во всяком случае принимали в этом практическом руководстве, в этой работе участие, также как и Осинский, который не входил в это бюро, но принимал участие.

Бухарин. Ввиду того, что Яковлева относит все эти вещи к периоду до Брестского мира, а я в это время не был вовсе в Москве, и центр руководящих тогдашних товарищей фракции «левых коммунистов» находился в Петербурге, Манцев этого не будет отрицать, московское бюро не было такой центральной группой, а было одной из центральных групп. Я тогда также был в руководящем центре.

Манцев. Хотя и вы были в Петербурге, тогда Ломов, Осинский и Яковлева тоже были в Петербурге, но я здесь утверждаю, что о всех планах и практических шагах областного бюро и вы, и Осинский, и Ломов, и Яковлева, — Яковлева этого здесь не

отрицает, — вы были в курсе этого дела, и не только в курсе, а целый ряд решений иногда передавались вами из Петербурга. Был целый ряд таких решений, которые вы передавали из Петербурга. Они проводились решениями областного бюро. Поэтому то, что вы хотите сказать, что вы были в Петербурге, а поэтому за это не можете отвечать, — это неправильно.

Затем хочу еще отметить одно обстоятельство, что до съездовского периода, до заключения Брестского мира, это было в феврале месяце, Стуков прямо заявил, что он выступает по вашему указанию, выражает ваши принципы. Затем вы после заключения Брестского мира подтвердили это.

Бухарин. Я спрашиваю о том, что до Брестского мира центр руководящих работников «левых коммунистов» был в Петербурге. Вы же изображаете дело таким образом, что областное бюро принимало решения, а я был в курсе дела, то есть руководил, то есть был в курсе того, что решало областное бюро в Москве. Я спрашиваю не об этом, а спрашиваю о том, кто был в руководящей группе «левых коммунистов» в Петербурге. Ответьте на этот вопрос, а если не можете ответить, то не отвечайте.

Председательствующий (обращается к Манцеву). Вы же ответили на этот вопрос?

Манцев. Да, я ответил и еще раз подтверждаю: несмотря на то, что вы были в Петербурге, сюда передавались ваши позиции и учитывали ваши взгляды, потому что вы были лидером фракции, лидером «левых коммунистов», и от этого отказываться нечего.

Бухарин. Это верно. Разрешите сказать, тут какое-то большое недоразумение. Я не отказываюсь от лидерства...

Вышинский. Были у вас такие случаи в практике тогдашней вашей работы в этой группе «левых коммунистов», чтобы вы единолично принимали то или другое решение как руководитель?

Бухарин. Нет, не было. Вы хотите помочь мне поставить тот вопрос, который я не могу сформулировать?

Председательствующий. Вам никто не хочет помочь, а товарищ Прокурор задает вам вопрос.

Вышинский. Я спрашиваю: были такие случаи, чтобы вы единолично принимали решения?

Бухарин. Таких случаев не было.

Вышинский. Можно спросить Осинского?

Бухарин. Он скажет, что он был на Украине.

Вышинский. Я прошу разрешения задать вопрос свидетелю Осинскому. (К Осинскому.) Бухарин уже предрешил ваш ответ. Действительно были такие случаи?

Осинский. Вы не разрешите кое-что еще к этому добавить?

Вышинский. По существу?

Осинский. По существу московского областного бюро и единоличных решений. Существовал центр «левых коммунистов». Я могу назвать приблизительно его состав, если это потребуется.

Вышинский. Пожалуйста.

Осинский. Кроме меня, входили: Бухарин, Яковлева, Радек,

Пятаков, В. М. Смирнов, может быть, еще кто-нибудь. Существовал центр «левых коммунистов», который собирался в Ленинграде в тот период, когда я находился в Ленинграде, затем собирался в Москве после переезда в Москву. С другой стороны, существовало областное бюро, московская организация, в которую входил целый ряд руководящих «левых коммунистов». Отношение его к центру «левых коммунистов» было, примерно, такое, как партийной организации московской к ЦК, то есть, это была крупнейшая организация и даже больше, она имела значение, потому что, в сущности, московская областная организация была единственной, в которой «левые коммунисты» имели и большинство и прочную почву.

Вышинский. В то время?

Осинский. В то время.

Вышинский. А в Ленинграде?

Осинский. А в Ленинграде они никакой почвы не имели.

Вышинский. Значит, были там центровики?

Осинский. Были там центровики.

Вышинский. А тут?

Осинский. А тут были практические кадры.

Вышинский. А было такое положение, что удельный вес московской группы «левых коммунистов» повысился?

Осинский. Конечно. Практически и политически это был решающий центр.

Вышинский. И стоило разгромить эту московскую группу организации «левых коммунистов», как разгром сказался бы по всей линии?

Осинский. Совершенно правильно.

Вышинский. И центр перестал бы существовать?

Осинский. Совершенно правильно. Теперь относительно центра «левых коммунистов» и об отношении его к вопросу о принятии этой установки, я не могу сказать, обсуждал ли областной центр этот вопрос, потому что я тогда...

Бухарин. Был, конечно, на Украине.

Осинский. Я могу документально доказать, что я в двадцатых числах февраля выехал в Харьков и приехал оттуда в первой декаде марта.

Вышинский (к Бухарину). А вы что говорите?

Бухарин. По поводу чего?

Вышинский. Вы сейчас что-то сказали по поводу показаний Осинского.

Бухарин. Я хочу сказать, что Осинский был на Украине.

Вышинский. А он говорит, что он был в Москве.

Бухарин. Он сам сказал, что он был на Украине.

Осинский. В начале марта я вернулся с Украины в Ленинград.

Вышинский. Осинский говорит, что в марте 1918 года он с Украины уехал и поехал в Ленинград.

Осинский. Был в Ленинграде.

Вышинский (к Бухарину). Тогда что же вы говорите?

Бухарин. Я говорю о другом периоде, более интересном с точки зрения процесса.

Вышинский. Послушайте, что говорит Осинский, и не мешайте ему.

Осинский. Я не могу припомнить, чтобы этот центр «левых коммунистов» обсуждал бы этот вопрос в моем отсутствии. Я склонен думать, что он не обсуждал этого вопроса, потому что мой разговор с Бухариным, как я имел честь доложить, показал, что Бухарин предпринимает действия по расширению блока, безусловно, уже без обсуждения в центре, потому что он и мне-то сказал ...«Раз ты меня спросил, а ты член центра, я тебе скажу, но это дело очень конспиративное и должно быть известно только ограниченному кругу лиц...»

Бухарин. А об убийстве настолько неконспиративно, что обсуждается на собрании?

Манцев. А об убийстве настолько неконспиративно, что обсуждается на собрании, в котором принимают участие четыре человека. Я не знаю, был ли пятый — Бухарин, но я-то помню четыре человека, которые являлись решающими в этом деле. Следовательно, из этого мне представляется совершенно ясным, что, конечно, Бухарин предпринимал такие единоличные действия, которые он согласовывал и говорил по выбору с некоторыми лицами в видах чрезвычайной конспирации.

Вышинский (обращаясь к Бухарину). Так было?

Бухарин. Так не было и не могло быть.

Вышинский. А вот Осинский утверждает, что были такие случаи, когда вы единолично решали те или иные вопросы и осведомляли по своему выбору тех или иных членов вашего центра из конспиративных соображений.

Бухарин. Тогда были такие времена, гражданин Прокурор, что это совершенно немыслимо было.

Председательствующий (обращаясь к Прокурору). У вас есть еще вопросы к свидетелям?

Вышинский. Нет.

Бухарин. Разрешите, у меня есть вопросы.

Председательствующий. К кому?

Бухарин. К Манцеву и к Осинскому.

Председательствующий. Какой вопрос к Манцеву?

Бухарин. К Манцеву такой вопрос: насколько я вас понял, гражданин Манцев, по вашим показаниям выходит, что вопрос о физическом уничтожении обсуждался на собрании центра?

Манцев. Вопрос этот обсуждался на собрании областного бюро партии.

Бухарин. Вы сказали, что этот вопрос был принят по решению центра?

Манцев. Я говорю: на заседании областного бюро партии, которое являлось фактическим центром, потому что тот центр, о котором говорил Осинский (он тут несколько перепутал фамилии), он практической деятельностью «левых коммунистов» не руководил. Осинский правильно сказал здесь, что кадры находились именно в московской областной организации «левых ком-

мунистов». Скажем, Урал вел сношения и получал директивы от московского областного бюро. Точно также московское областное бюро было фактически центром деятельности «левых коммунистов» и в этом московском областном бюро — я не знаю, о каких четырех человеках говорил Осинский, но я думаю, что здесь было пять—шесть человек, которые знали о ваших предположениях, которым вы предлагали и обсуждали. Об этом я и говорил.

Бухарин. Хорошо, я больше не имею вопросов.

Председательствующий. Товарищ комендант, вызовите свидетеля Камкова.

(Вводят свидетеля Камкова.)

Председательствующий. Ваша фамилия Камков, Борис Давыдович?

Камков. Да.

Председательствующий. Вы в 1918 году были членом ЦК партии «левых» эсеров?

Камков. Да.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу Бухарина Николая Ивановича. Предлагается говорить правду на вопросы. Товарищ Прокурор, имеются вопросы?

Вышинский. Скажите, свидетель Камков, вам приходилось в 1918 году вести переговоры с Бухариным по поводу взаимных и совместных действий группы «левых коммунистов» и группы «левых» эсеров?

Камков. Да.

Вышинский. В каком направлении? Что вы помните тогда? О чем говорили, что предполагали, какие планы строили и так далее? Скажите кратко.

Камков. Я припоминаю следующее. Как-то в Смольном институте меня при выходе из комнаты по направлению, кажется, в залу заседания Президиума ЦИК, нагнал Бухарин. Он был еще с кем-то. С кем, припомнить не могу. Со мной тоже был товарищ, «левый» эсер, тоже не могу припомнить сейчас, кто это был. Здесь Бухарин меня остановил и сказал приблизительно следующее: положение в партии большевиков, в связи с отношением к Брестскому миру, осложняется и приняло довольно острые формы. У нас, сказал он, дебатируется вопрос о возможности создания антибрестского правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров во главе...

Вышинский. Во главе?

Камков. Здесь же было произнесено имя Пятакова, как возможного председателя этого нового правительства. Здесь же, не помню точно, в каком контексте, но, кажется, на мой вопрос, как это практически мыслится осуществить, и была произнесена затем много раз повторявшаяся после выступления Бухарина в 1924 году в печати, который впервые довел до сведения широких масс и вообще всех об этом, здесь же была произнесена фраза об аресте Ленина.

Вышинский. Эту фразу вы произнесли или он произнес?

Камков. Что касается вопроса о том, кто это произнес, я могу

сказать следующее, что за все время существования партии «левых» социалистов-революционеров, вплоть до ее исчезновения, партия никогда не делала попытки перенести ответственность за эти события, которые развернулись в связи с борьбой против Брестского мира, на кого бы то ни было. Что касается специально меня, то в тяжелые времена, которые мне пришлось переживать, я ни разу в течение многих лет не поднял этого вопроса, хотя в памяти моей этот разговор с Николаем Ивановичем Бухариным был довольно прочно закреплен. И, таким образом, я не делал попытки, что, может быть, было бы несколько естественно в том положении, в котором я находился, перенести часть ответственности за события, развернувшиеся в связи с борьбой против Брестского мира, на кого бы то ни было. Исходя из этих предпосылок, я думаю, что мне не было бы никакого смысла изобразить дело иначе, чем я изобразил. Самый факт нашего разговора был впервые обнародован Бухариным. И я должен сказать, что уже в 1924 году я был крайне поражен, когда прочел в газетах всю эту историю. Меня удивило здесь не то, что этот факт был обнародован. Для этого, может быть, были серьезные политические соображения и, может быть, этот факт не представлял серьезного секрета. Но меня удивило то, что была поставлена неправильно перспектива, что вопрос был поставлен вверх ногами, что слова, произнесенные Бухариным, были приписаны мне.

Вышинский. Следовательно, на мой вопрос, кто поставил этот вопрос — Бухарин или вы, вы отвечаете, что этот вопрос был выдвинут Бухариным?

Камков. Я отвечаю на этот вопрос, что не мною, а Бухариным были произнесены эти слова. Что касается того, на чьей стороне здесь правда, поскольку дата нашего разговора отделена от сегодняшнего дня 20 годами, я должен сказать, что не только фактически дело было так, как я совершенно ясно помню, но иначе и быть не могло по следующим соображениям: для того, чтобы мне сделать члену Центрального Комитета партии большевиков предложение о составе правительства без Ленина, предложив арестовать Ленина, — для этого я должен был иметь какие-то полномочия. С другой стороны, у меня должна была быть твердая уверенность, что это не станет завтра же известно Центральному Комитету партии большевиков в целом и что отсюда вытекает целый ряд самых неблагоприятных для нас последствий. Кроме того, в тот момент — и я это утверждаю категорически — у нас вопрос так и не стоял, и мысли о повороте дела с арестом председателя правительства и других членов правительства, которые стояли на той же позиции, что и Ленин, у нас, в частности у меня, такой мысли не было. И вот, исходя из фактического положения вещей, как я твердо помню, исходя из того, что меня никто на такой разговор и на такое предложение не уполномачивал, я самостийно выступить перед членом Центрального Комитета большевистской партии не мог. Наконец, третий аргумент, тоже довольно существенный. Уже в 1924 году, когда я прочитал в печати об этом инциденте, где моя фамилия

упоминалась и мне придавалась инициатива, довольно неприятная инициатива об аресте Ленина, я уже тогда не понял, из каких это мотивов дело так изображено, есть ли это простая ошибка памяти или этим преследуются какие-нибудь политические задачи, мне не могущие быть известными в то время, потому что я находился в ссылке в Челябинске и был оторван от политической жизни и не мог знать тех мотивов, которые руководили Николаем Ивановичем Бухариным, когда он это дело так изобразил. Я тогда обратился к председателю Челябинского губисполкома Парамонову, который тоже пришел с этой газетой, и спросил — в чем здесь дело. Я ему изложил и сказал, что меня удивляет, как это дело изображено в несколько ином виде. Этот диалог у нас был — это факт, и факт, что он имел политическое значение, и факт, что он касался тех вопросов, по которым я, обратившись к председателю губисполкома, думал, что косвенно сколько-нибудь могу содействовать исправлению ошибки. Резюмируя эту часть своих показаний, я должен сказать, что я твердо стою на своей позиции и не ошибаюсь, что предложение об аресте Ленина было сделано Бухариным. Я, конечно, не отвечаю за отдельные слова, — двадцать лет нас отделяют, но за суть этого диалога, как он был тогда, я отвечаю, я настаиваю, что это было как раз высказано Бухариным, а не мною.

Вышинский. У вас был тогда контакт с «левыми коммунистами» по борьбе с Советской властью?

Камков. Что касается контакта с «левыми коммунистами» в тот период, я бы затруднялся ответить категорически, что был контакт. Что было тогда практически? Если разрешите, я сделаю некоторый вывод, чтобы было понятно, почему так произошло. Партия «левых» эсеров организовалась и отпочковалась от партии эсеров в борьбе с партией эсеров, главным образом, по вопросу войны и мира. Мы в связи с этим считали некоторые положения Циммервальдской конференции догмой, от которой ни в коем случае отрешиться нельзя; нам казалось, что это — измена, не субъективная, а объективная, и поэтому не было более чувствительного вопроса для партии эсеров, чем вопрос о войне и мире и тактике эсеров в этом вопросе. Вполне понятно, что когда, совершенно неожиданно для нас, из революционно-стратегических соображений, как потом оказалось в дальнейшем, довольно правильных...

Вышинский. Довольно правильных или абсолютно правильных?

Камков. Абсолютно правильных, когда Ленин предложил заключить сепаратный мир с Германией, мир, который он сам назвал похабным, — мир с контрибуциями, с аннексиями — нам это казалось совершенно неприемлемым.

Вышинский. Что вы предприняли для того, чтобы сорвать этот мир?

Камков. Мы прилагали все усилия, чтобы сделать этот мир невозможным, чтобы сорвать в той или иной степени его развитие. Но, будучи партией только слагавшейся, еще неокрепшей, мы на этом остановились бы, так далеко не пошли бы, если бы

параллельно с этим не было налицо другого явления, которое нас крайне обнадеживало.

Вышинский. Что же вас обнадеживало?

Камков. Это наличие группы «левых коммунистов», антибрестские настроения в партии.

Вышинский. Антибрестских и антиленинских настроений в партии?

Камков. И вот в связи с этим мы, конечно, искали все время тот или иной контакт с «левыми коммунистами».

Вышинский. Искали и нашли его?

Камков. На это я сейчас отвечу. Искали контакта для возможности совместной борьбы против Брестского мира.

Вышинский. Было ли достигнуто соглашение с «левыми коммунистами» о борьбе против Советского правительства, возглавляемого Владимиром Ильичом Лениным?

Камков. Мне известно в этой области...

Вышинский. Вы можете ответить на этот мой вопрос? Было ли достигнуто соглашение между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами на известных условиях о совместной борьбе против Советского правительства, возглавлявшегося Владимиром Ильичом Лениным.

Камков. В какой период?

Вышинский. В этот период, в период после Брестского мира или, если хотите, в брестский период.

Камков. Вы имеете в виду — до июльского восстания?

Вышинский. До июльского восстания. Было соглашение или не было?

Камков. Такое соглашение было, поскольку мне известно.

Вышинский. Было или не было?

Камков. Поскольку я сам не заключал...

Вышинский. Вы же были членом ЦК «левых» эсеров, должны знать, было такое соглашение или не было?

Камков. Такое соглашение было достигнуто.

Вышинский. На каких условиях, в чем это соглашение заключалось?

Камков. Я конкретизировать это соглашение затрудняюсь, но я могу передать беседу, которая у меня была с Карелиным.

Вышинский. Что же, это личное дело Карелина? Вы за него не отвечаете, как руководитель ЦК «левых» эсеров?

Камков. Я не говорю, что не отвечаю.

Вышинский. Это было соглашение Карелина или дело вашего тогдашнего ЦК «левых» эсеров, в котором вы были одним из руководителей, действовавшего под вашим руководством?

Камков. Постановления ЦК о таком соглашении я не знаю.

Вышинский. Вы же знаете, что не все постановляется.

Вы вели эти переговоры с Карелиным, будучи членом ЦК «левых» эсеров?

Камков. Да, как член ЦК.

Вышинский. Вы были в курсе дела?

Камков. Я был в курсе дела, меня информировали.

Вышинский. Вы отвечаете за это соглашение?

Камков. Как член ЦК, конечно, отвечаю за деятельность ЦК, хотя это было завуалировано.

Вышинский. «Левые» эсеры оказывали помощь и организационную и политическую?

Камков. Да.

Вышинский. Было так?

Камков. Да, было.

Вышинский. И второе. Совместными действиями «левых» эсеров и «левых коммунистов» должно было бы быть свергнуто Советское правительство, возглавлявшееся Владимиром Ильичом Лениным, Сталиным и Свердловым, и сформировано новое правительство из «левых» эсеров и «левых коммунистов». Так или нет?

Камков. Точно я затрудняюсь сказать.

Вышинский. А мысль?

Камков. Мысль приблизительно правильная.

Вышинский. Не являлся ли «лево»-эсеровский мятеж в 1918 году развитием этого соглашения?

Камков. Я затрудняюсь ответить на это категорически, являлся ли он в плане.

Вышинский. Но он был в связи с этим соглашением?

Камков. Если бы мы были изолированы вообще, мы бы, «левые» эсеры, так далеко не пошли.

Вышинский. Вы пошли на мятеж, рассчитывая...

Камков. На антибрестские настроения в стране вообще и антибрестские настроения в партии.

Вышинский. На помощь кого вы рассчитывали?

Камков. На помощь «левых коммунистов».

Вышинский. «Левые коммунисты» знали о том, что вы готовили убийство Мирбаха и организацию июльского мятежа?

Камков. Я на это пытался ответить как-то...

Вышинский. Я спрашиваю очень просто, и вы мне просто отвечайте, да или нет.

Камков. Я, к сожалению, не могу здесь ответить, да или нет.

Вышинский. А на предварительном следствии вы как отвечали на этот вопрос?

Камков. Я тоже затруднялся ответить.

Вышинский. Позвольте мне огласить показания Камкова, том 44, лист дела 42 оборот, допрос Камкова Прокурором Союза, последний абзац: «После этого (то есть после изложения соглашения и условий) «левые» эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж». Правильно это?

Камков. Правильно.

Вышинский. Кстати сказать, в организации убийства Мирбаха вы, как член организации «левых» эсеров, принимали непосредственное участие?

Камков. Принимал.

Вышинский. «В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа «левые коммунисты» были полностью». Подтверждаете это?

Камков. Я это подтверждаю.

Вышинский. Следовательно, «левые коммунисты» были в курсе июльского мятежа?

Камков. Да.

Вышинский. Полностью?

Камков. Полностью, как я показал на предварительном следствии, согласно той информации, которую я получил от Карелина.

Вышинский. Ну, конечно, согласно какой-то информации.

Камков. Это я и хотел сказать.

Вышинский. Значит, все ясно. Я спрашиваю вас, был ли в частности Бухарин, как руководитель «левых коммунистов», в курсе того, что готовится мятеж эсеров, который и разразился в июле 1918 года?

Камков. Согласно информации Карелина, он был в курсе.

Вышинский. Был в курсе? Полностью?

Камков. Вероятно, не частично, а полностью.

Вышинский. У меня вопросов нет.

Бухарин (к суду). У меня есть. Я хотел спросить Бориса Камкова, утверждает ли он, что я говорил ему при первом свидании в Смольном, что у нас уже до разговора с ним в кругах «левых коммунистов» дебатируется вопрос о свержении Советского правительства во главе с Лениным?

Камков. О возможности создания правительства из «левых коммунистов» и «левых» эсеров?

Бухарин. Да, дебатировался этот вопрос?

Камков. Да.

Бухарин. Больше мне ничего не нужно.

Вышинский. А мне нужно.

Бухарин. Пожалуйста.

Вышинский. Что значит дебатируется вопрос?

Камков. По-моему, дебатируется, значит обсуждается.

Вышинский. А решение?

Камков (молчит).

Вышинский. А соглашение ваше, о котором вы говорили? Соглашение между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами», о котором говорил вам Карелин?

Камков. Если Карелин говорил, значит было.

Вышинский. О чем соглашение?

Камков. О том, что будет поддержка со стороны «левых коммунистов» в свержении при нашем выступлении.

Вышинский. Значит, так было решено, если было соглашение?

Камков. Кем?

Вышинский. Вами и «левыми коммунистами» вместе.

Камков. Я этого вопроса не понимаю. Мы отдельно решали, у нас не было совместных решений. Мы решили убить Мирбаха и сорвать Брестский мир.

Вышинский. Это было решено?

Камков. Да.

Вышинский. А потом проектировался мятеж? Это было решено?

Камков. Было решено.

Вышинский. Так вы и сделали?

Камков. Так и сделали.

Вышинский. Значит, вопрос не дебатировался, а был решен.

Бухарин. Позвольте, но ведь...

Вышинский. Я прошу предложить обвиняемому Бухарину не вмешиваться в мой допрос. Я веду себя достаточно сдержанно, требую, чтобы и мой противник вел себя сдержанно. (К Камкову). Я спрашиваю у вас, было решение свергнуть Советскую власть?

Камков. В таком аспекте...

Вышинский. Аспект один, свергнуть Советскую власть.

Камков. У нас был поставлен вопрос о том, чтобы сорвать Брестский мир, убить Мирбаха и в вооруженной борьбе пытаться создать антибрестское правительство.

Вышинский. Это было решено или только дебатировалось?

Камков. У нас решено.

Вышинский. У вас обсуждалось или было решено о целесообразности заключения соглашения с «левыми коммунистами»?

Камков. Я уже на это ответил, что заседаний и обсуждений таких не было.

Вышинский. Я не об этом спрашиваю, были ли заседания или нет. Меня интересует вопрос, было ли у вас принято решение, у центра «левых» эсеров в 1918 году, о том, чтобы вместе с «левыми коммунистами» повести свою борьбу против Советского правительства. Было такое решение?

Камков. Такого решения не было.

Вышинский. А согласие было такое?

Камков. У нас было решено — вести борьбу против «брестского» правительства, т. е. против правительства, заключившего Брестский мир, начать с убийства Мирбаха и, как неизбежное следствие — вооруженное столкновение вести до конца на предмет создания антибрестского правительства. Это у нас было твердо решено.

Вышинский. И вы в этой своей операции рассчитывали на «левых коммунистов»?

Камков. Да.

Вышинский. Почему? Потому, что договорились уже?

Камков. Потому, что была договоренность, согласно информации Карелина.

Вышинский. Значит, не просто дебатировали о совместном действии «левых» эсеров с «левыми коммунистами», а договорились. Я так вас понимаю?

Камков. По информации Карелина мы рассматривали поддержку со стороны «левых коммунистов»...

Вышинский. То есть договорились о сотрудничестве.

Камков. Правильно.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Бухарин. Я хочу задать вопрос. На очной ставке Камков показал, что у них в ЦК «левых» эсеров вопрос этот не обсуждался вообще. (Обращается к Камкову). Вы это подтверждаете? Вопрос относительно соглашения с «левыми коммунистами» на предмет свержения Советского правительства?

Камков. Я этого не помню.

Бухарин. Теперь я хотел спросить...

Вышинский. ЦК «левых» эсеров из кого состоял тогда?

Бухарин. Я не окончил вопрос, гражданин Прокурор.

Вышинский. А я задаю вопрос свой.

Бухарин. Я остановился на полуфразе...

Вышинский. Вы один вопрос задали — получили ответ.

Я вас спрашиваю (*обращается к Камкову*), из кого состоял центральный комитет «левых» эсеров в то время?

Камков. Из меня, Карелина, Спиридоновой, Майорова, Прошьяна, Трутовского.

Вышинский. Все?

Камков. Сейчас точно не могу сказать.

Вышинский. Кто фактически руководил комитетом? Кто играл наиболее активную, выдающуюся роль из этих семи человек?

Камков. Пожалуй, Спиридонова.

Вышинский. Далее.

Камков. Я, Карелин, Прошьян.

Вышинский. Значит, четверка?

Камков. Самая руководящая четверка.

Вышинский. Спиридонова Мария, вы, Карелин и Прошьян. Относительно убийства Мирбаха, это вчетвером решили вопрос?

Камков. Это без ЦК.

Вышинский. Относительно июльского мятежа, кто решал вопрос?

Камков. У нас отдельно не обсуждался, а совместно обсуждался вопрос о том...

Вышинский. Кто решил?

Камков. ЦК.

Вышинский. А «хотя не обсуждался».

Камков. Отдельно, я говорю, не обсуждался.

Вышинский. Что значит «отдельно не обсуждался»?

Камков. Так как он вытекал из убийства Мирбаха, то это было одно обсуждение.

Вышинский. Было постановление ЦК поднять мятеж? Постановление ЦК есть такое?

Камков. Этого в нашем постановлении не значилось, так как такого постановления не было.

Вышинский. А решение было?

Камков. Решение было.

Вышинский. Значит, постановления не было, а решение было.

Камков. Либо я вас не понимаю, либо мы говорим о разных вещах.

Вышинский. Я вас понимаю очень хорошо.

Камков. А я совсем вас не понимаю.

Вышинский. Постановление имелось?

Камков. Нет, не имелось. У нас решался так вопрос: убить Мирбаха и затем членам ЦК уйти в штаб на случай вооруженной борьбы, которая считалась возможной, может быть даже неизбежной, — уйти в штаб в Варсонофьевском переулке.

Вышинский. Штаб Попова?

Камков. Да, штаб Попова.

Вышинский. Такое было решение?

Камков. Такое было решение.

Вышинский. А планы относительно того, как действовать, в каком направлении и так далее?

Камков. В ЦК это не обсуждалось.

Вышинский. Нет? А что же это было?

Камков. Это были размышления об этом...

Вышинский. Это были размышления Камкова, Карелина, а может быть за всех вас Спиридонова размышляла?

Камков. Я не могу вам сказать.

Вышинский. Теперь я хочу спросить: вы говорили на предварительном следствии, что было достигнуто соглашение с «левыми коммунистами». Я вам уже оглашал эти два пункта. Кто этого соглашения достиг?

Камков. Карелин.

Вышинский. Самолично?

Камков. Он вел переговоры.

Вышинский. От своего лично имени?

Камков. Не думаю. Он член ЦК.

Вышинский. От имени кого же?

Камков. Должен был вести, конечно, от имени ЦК.

Вышинский. От имени вашей партии?

Камков. Должно быть от имени партии.

Вышинский. Она одобрила эти его переговоры?

Камков. Я вам уже ответил, что доклада его не было.

Вышинский. А без доклада вы что-нибудь можете сказать?

Камков. Бесспорно.

Вышинский. Имею ли я право сделать вывод, что соглашение «левых» эсеров с «левыми коммунистами» о совместной борьбе в этих двух случаях, о которых мы здесь говорили и которые я дополнительно оглашу, было достигнуто Карелиным с представителями «левых коммунистов» и одобрено центральным комитетом «левых» эсеров?

Камков. Вывод можно сделать, но, так как одобрение не значит постановление, то логически вытекает...

Вышинский. Вы понимаете разницу между записанным постановлением и одобрением активнейшей головки того или другого учреждения? Или надо так сказать: никакого соглашения у «левых» эсеров с «левыми коммунистами» не было, а Карелин достиг какого-то соглашения за свой личный риск и страх. Так можно сказать?

Камков. Нет, я думаю, что это будет неправильно.

Вышинский. Значит, Карелин достиг соглашения не за свой личный страх, а от имени кого?

Камков. От имени партии.

Вышинский. Значит, ваша партия одобрила это?

Камков. Одобрила тем, что она его не дезавуировала.

Вышинский. Правильно, следовательно, можно сказать, что партия заключила соглашение?

Камков. Можно.

Вышинский. Так и было?

Камков. Раз можно сказать, значит было.

Вышинский. У меня вопросов нет.

Бухарин. У меня один только вопрос. Я хотел спросить Камкова относительно того, что я и другие мои тогдашние коллеги по фракции «левых коммунистов» знали относительно плана убийства немецкого посла графа Мирбаха и этого июльского мятежа только от Карелина?

Камков. Только.

Бухарин. А от Прошьяна вы этого ничего не знали?

Камков. От Прошьяна не знал.

Бухарин. От Спиридоновой ничего не слыхали?

Камков. От Спиридоновой лично я не слыхал.

Бухарин. Ничего не слыхали?

Камков. Нет.

Бухарин. От Трутовского ничего не слыхали?

Камков. От Трутовского ничего не слыхал.

Бухарин. Больше я вопросов не имею.

Вышинский (к Камкову). Скажите, пожалуйста, вам по этому поводу приходилось говорить со Спиридоновой?

Камков. Нет.

Вышинский. Вам приходилось говорить с Трутовским по этому поводу?

Камков. Нет.

Вышинский. Поэтому вы и не слыхали?

Камков. Нет.

Вышинский. Больше вопросов не имею.

Бухарин. Тогда разрешите мне один вопрос. Я хотел сказать так: вы не слыхали, потому что вы не разговаривали, но я задаю вам такой вопрос — а, собственно говоря, почему вы о таком важнейшем вопросе не разговаривали с такими выдающимися своими коллегами по руководству вашей, такой молодой еще, не сложившейся партии?

Камков. Видите ли, у нас в партии дело не обстояло еще так, что все вопросы обсуждались обязательно, дебатировались и так далее. У нас еще в это время было довольно анархическое состояние в центральном комитете «левых» эсеров.

Вышинский. Как и в группе «левых коммунистов»?

Камков. Так что у нас, возможно, были такие факты, что, допустим, Карелин ведет переговоры и может не информировать того или другого. Но так как в данный момент вопрос шел о нашем восстании «левых» эсеров, то вопрос о возможной поддержке антибрестских элементов (по крайней мере, я так понимаю), не стал предметом обсуждения нашего ЦК.

Вышинский. Разрешите мне в связи с этим вопрос. Значит, переговоры с «левыми коммунистами» о блоке главным образом кто же вел у вас?

Камков. Карелин, но я точно не знаю.

Вышинский. Вам неизвестно, может быть, Карелин говорил по этому поводу с Прошьяном или со Спиридоновой?

Камков. Возможно.

Вышинский. Вопросов больше нет.

Бухарин. И у меня тоже нет.

Председательствующий. Товарищ комендант, вызовите свидетеля Карелина.

(Обращаясь к Карелину). Ваша фамилия Карелин?

Карелин. Карелин.

Председательствующий. Имя, отчество Владимир Александрович?

Карелин. Владимир Александрович.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу Николая Ивановича Бухарина, вы должны суду говорить только правду.

Товарищ Прокурор, у вас имеются вопросы к свидетелю Карелину?

Вышинский. Да. Свидетель Карелин, вам не приходилось в 1918 году, будучи членом ЦК партии «левых» эсеров, вести переговоры с Бухариным? Вы знаете Бухарина?

Карелин. Знаю.

Вышинский. И здесь можете его узнать?

Карелин. Да.

Вышинский. Где он сидит?

Карелин. Крайний.

Вышинский (обращаясь к Бухарину). И вы знаете Карелина?

Бухарин. Знаю. Мы же на очной ставке у вас были.

Вышинский. Вы его и до очной ставки видели?

Бухарин. Знал в 1918 и 1919 годах.

Вышинский. Этот Карелин здесь стоит в качестве свидетеля?

Бухарин. То есть он настолько изменился, что я не сказал бы, что это тот Карелин, но, очевидно, этот Карелин есть развитие того Карелина, который был тогда.

Вышинский. Каждый человек изменяется с летами. Но мой вопрос об этом — серьезный вопрос.

Бухарин. Я понимаю, гражданин Прокурор, но я этим не хотел сказать какую-нибудь остроту. Я хотел сказать, что то его содержание, которое у него имеется сейчас, очень отличается от того, что было.

Вышинский. Я этот вопрос задал не случайно. Видите ли, Карелин изменился...

Бухарин. Мы же у вас встречались.

Вышинский. И я спрашиваю вас, действительно ли вы узнаете в этом свидетеле Карелина Владимира Александровича, бывшего члена ЦК эсеров? Вы помните его?

Бухарин. Мне трудно было узнать его у вас, но после того, как я увидел его у вас, я узнаю в нем то же самое лицо и никакого сомнения нет.

Вышинский. Это серьезный вопрос. Вы напрасно шутовство затеваете. Это серьезный вопрос.

Бухарин. Я вовсе не в шутку это сказал.

Вышинский. Вот скажите, гражданин Карелин, приходилось ли вам в 1918 году, будучи членом ЦК партии «левых» эсеров,

вести переговоры или встречаться с Бухариным на почве его деятельности, как руководителя группы так называемых «левых коммунистов»?

Карелин. Да, приходилось.

Вышинский. Можете сказать, где, когда, по какому поводу вы с Бухариным встречались? И, во-вторых, в чем заключалось содержание ваших разговоров во время этих встреч?

Карелин. Тогда, может быть, разрешите мне коснуться последних месяцев ноября-декабря 1917 года, потому что вопросы, заданные вами, как будто касаются этих переговоров.

Вышинский. Пожалуйста.

Карелин. Я в качестве члена ЦК партии «левых» эсеров встретился первый раз с Бухариным во второй половине ноября 1917 года. В этот период ЦК «левых» эсеров пришлось разрешать вопрос относительно тактики на ближайшее время в связи с тем, что вопрос относительно заключения мира приобрел тогда большую остроту. Образование группы «левых коммунистов» ЦК «левых» эсеров рассматривалось как чрезвычайно важный пункт тех прогнозов, которые были тогда у этой партии. И в ноябре месяце, в дни, связанные непосредственно с днями, когда Бухарин приехал из Москвы в Петроград для того, чтобы на заседании ВЦИК делать отчет об Октябрьском восстании в Москве, в эти дни мне и пришлось вести разговор с Бухариным относительно позиции группы «левых коммунистов», которая нас тогда очень интересовала. Мы выяснили тогда, я говорю мы, потому что несколько лиц из ЦК партии «левых» эсеров вели эти переговоры.

Вышинский. Кто это мы?

Карелин. Камков, Прошьян и я. Нам были поручены ЦК такого рода переговоры. В этом разговоре Бухарин занял совершенно определенную позицию. Мне запомнилась фраза его относительно того, что группа «левых коммунистов», — тогда это отождествлялось организационно с московским областным бюро коммунистов, — возьмет под свой контроль действия ЦК Коммунистической партии. Это говорилось в том смысле, что будет обеспечена линия на срыв мирных переговоров. Этот вопрос как раз и интересовал нас, «левых» эсеров. В декабре эти переговоры уже были сильно заострены на чисто практическом вопросе. Ведь тогда как раз велись переговоры в Бресте. Мы знали, и, в частности, по той информации, которая давалась Прошьяном, о том, что в ЦК Коммунистической партии чрезвычайно усилились разногласия. Мы знали, что Троцким выдвинута была тогда формула, что мира не заключаем и войны не ведем. И мы отдавали отчет в том, что практически эта формула значила разрыв переговоров, а следовательно, осуществление того, что в смысле лозунга тогда определялось, как революционная война, то есть отказ от политики немедленного заключения мира.

И когда в конце декабря или в начале января встал вопрос относительно посылки усиленного состава мирной делегации в Брест, который должен осуществить разрыв переговоров, в этот

состав вошел между прочим и я, как член тогдашнего правительства, тогда Натансон, тоже член центрального комитета «левых» эсеров, передал, что с Бухариным было уточнено, что позиция эта будет осуществляться полностью, что она пройдет в Бресте, таким образом, брестские переговоры будут разорваны и результатом этого будет революционная война. Вот декабрь месяц. Вы хотите знать дальше, относительно январских переговоров, потому что переговоры эти продолжались?

Вышинский. Как сложился блок «левых» эсеров с «левыми коммунистами»?

Карелин. Блок этот можно было считать заключенным уже в декабре 1917 года. В январе ЦК «левых» эсеров проявил определенную инициативу не только в переговорах, ведшихся с Бухариным, но и с рядом других лиц. Переговоры велись с Пятаковым, с Радеком, а с нашей стороны вели переговоры Натансон, Камков, я и Прошьян. Об этих переговорах все мы отчитались на ЦК «левых» эсеров. Известно было из этих переговоров, что позиция «левых коммунистов» в этот период определялась чрезвычайно резко и была позицией замены правительства. В переговорах, которые велись в период февраля с «левыми коммунистами», подчеркивалась снова та же самая мысль относительно необходимости свержения Советского правительства и замены его новым, мыслилось коалиционное правительство в составе «левых» эсеров и «левых коммунистов». В этих переговорах позиция Бухарина сводилась к тому, что их группа считает необходимым выждать результатов VII партийного съезда. Смысл этой выжидательной позиции заключался в том, что «левые коммунисты» в лице Бухарина рассчитывали, что им удастся завоевать большинство на VII партийном съезде. Таким образом, получилось — выступление было отсрочено до выяснения результатов VII партийного съезда, хотя в этот период позиция Бухарина была совершенно четкой, и в той информации, которую давал Прошьян на заседании ЦК «левых» эсеров, говорилось, что Бухарин стоит на точке зрения свержения Советской власти, не останавливаясь даже перед физическим уничтожением вождей Советского правительства и партии.

Вышинский. То есть, не останавливаясь перед убийством руководителей партии и правительства?

Карелин. Ну да, перед физическим уничтожением или убийством.

Вышинский. Кого именно?

Карелин. Говорилось о вождях и говорилось персонально относительно Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Об этом вас информировал кто?

Карелин. Прошьян.

Вышинский. А кто говорил это?

Карелин. Он ссылался на слова Бухарина.

Вышинский. Прошьян вел переговоры с Бухариным?

Карелин. Да, вел.

Вышинский. По поручению?

Карелин. По поручению центрального комитета партии эсеров.

Вышинский. А вы лично с Бухариным об этом говорили?

Карелин. Да, у нас был разговор на эту тему.

Речь идет о разговоре, бывшем у меня с Бухариным, после окончания заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в апреле 1918 года. На этом заседании Владимир Ильич Ленин делал известный доклад «Об очередных задачах Советской власти». По поручению центрального комитета партии «левых» эсеров на этом заседании я выступил с очень резкой речью, в которой заострил вопрос на тех пунктах, которые тактически были согласованы между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами».

Вышинский. Значит, вы выступали против Ленина по предварительному соглашению «левых коммунистов» с «левыми» эсерами?

Карелин. Да, по предварительному соглашению «левых коммунистов» и «левых» эсеров, хотя не именно по данному выступлению...

Вышинский. А по основным вопросам?

Карелин. Да, по основным вопросам, которые я заострял...

Вышинский. Заостряли там, где это было нужно заострить?

Карелин. Да, и там, где это вытекало из того блока, который к этому времени создался.

Вышинский. Значит, блок этот был?

Карелин. Был. Он, конечно, не представлял собою какой-нибудь подписанной бумаги, но, само собой разумеется, договоренность была полная.

Вышинский. Кто эту договоренность осуществил?

Карелин. Я не совсем понимаю вопрос.

Вышинский. Кто договаривался и договорился со стороны «левых» эсеров и с кем — со стороны «левых коммунистов»?

Карелин. Я считаю, что те этапы переговоров, которые все больше и больше уточняли то положение, которое я изложил и которое санкционировалось со стороны центрального комитета «левых» эсеров, — они и являлись осуществлением этой договоренности; со стороны же «левых коммунистов» представительство осуществлялось Бухариным, Пятаковым, Радеком и в некоторой мере отдельными другими лицами; со стороны «левых» эсеров это представительство осуществлялось Камковым, мною, Прошьяном и отчасти Натансоном.

Вышинский. Говорил ли вам Бухарин при этой встрече о том, что необходимо прибегнуть к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова?

Карелин. Он говорил о том, что необходимо предпринять прямое действие, не останавливаясь перед физическим уничтожением.

Вышинский. Скажите, «лево»-эсеровский мятеж был произведен вами в результате предварительных переговоров по этому поводу с «левыми коммунистами»?

Карелин. «Лево»-эсеровский мятеж, происшедший в начале

июля 1918 года, явился результатом прямой инициативы ЦК «левых» эсеров, причем считались установившимися отношения блока между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами, в частности, вполне конкретное осведомление и соглашение, которое по данному вопросу было между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами».

В конце июня 1918 года, когда все диспозиции были даны, когда в конце концов был выработан четкий организационный план, разработанный «лево»-эсеровским ЦК, я в последней декаде июня в 1-ом доме советов вел разговоры с Бухариным.

Вышинский. О чем?

Карелин. Относительно предстоящего выступления.

Вышинский. Говорили о предстоящем мятеже «левых» эсеров?

Карелин. Конкретно в данном случае не говорилось, когда будет это выступление, не упоминалось числа, но в этом разговоре Бухарин ссылался на те переговоры, которые у него в этот же период времени шли с Прошьяном, о которых Прошьян докладывал ЦК «левых» эсеров. В частности, в организационный план «лево»-эсеровского мятежа входило, как первое звено, — террористический акт против германского посла Мирбаха. Прошьян говорил о том, что при разговоре с Бухариным последний сказал, что этот план срыва мира и этот акт убийства Мирбаха вообще эффектен и эффективен.

Вышинский. Бухарин говорил о том, что убийство посла...

Карелин. Террористический акт против германского посла Мирбаха является эффектным и эффективным шагом для срыва Брестского мира.

Вышинский. Имело ли какое-нибудь отношение к плану убийства Ленина, Сталина и Свердлова покушение на Владимира Ильича Ленина эсеровской террористкой Каплан 30 августа 1918 года?

Карелин. Да. В результате июльского мятежа «левых» эсеров было то, что «левые» эсеры чрезвычайно быстро пошли по пути установления организационного контакта с правыми эсерами. Раскол произошел в октябре 1917 года, и период октябрь 1917 года — июнь 1918 года проходил на началах, несколько настороженных, моментами враждебных отношений для разгрома «лево»-эсеровского мятежа 1918 года.

Последовавший в результате этого разгрома переход большей части партийных организаций и учреждений в подполье несколько создал базу для совместной деятельности и политики. Кроме того, здесь опять-таки получились предпосылки для блока, который начал реализовываться немедленно. И вот в этот период Прошьян, который ведал делами боевой организации «левых» эсеров, ссылался в докладе центральному комитету партии «левых» эсеров на то, что со стороны Бухарина настойчивость, проявлявшаяся ранее по вопросу относительно террористического акта, чрезвычайно усилилась и, должен сказать, что центральный комитет «левых» эсеров, хотя это в течение почти двадцати лет было под спудом и завуалировано, конечно, был определенно в курсе этих событий.

Вышинский. То есть в курсе чего?

Карелин. В курсе подготовлявшегося правыми эсерами, силами их боевой организации, террористического акта против Владимира Ильича Ленина.

Вышинский. Значит, ЦК партии «левых» эсеров был в курсе подготовлявшегося убийства товарища Ленина?

Карелин. Да.

Вышинский. А Бухарин при чем тут?

Карелин. Бухарин, по сообщению Прошьяна, ведшего с ним переговоры, носившие официальный характер, форсировал вопрос о совершении террористического акта. Таким образом, когда «левые» эсеры сообщили правым, дали им знать о том, что со стороны партии «левых» эсеров как бы обеспечивается политическая поддержка этому акту, с этого момента полностью учитывалось то, что группа «левых коммунистов», будучи разгромленной, стала на точку зрения прямой борьбы, не останавливаясь перед самыми решительными средствами, вплоть до террористических актов.

Вышинский. Так что вы подтверждаете, что подготовлявшееся правыми и «левыми» эсерами покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина было организовано совместно с Бухариным?

Карелин. С «левыми коммунистами». Бухарина мы рассматривали как лидера «левых коммунистов».

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили, что двадцать лет скрывался от советского народа тот факт, что вы совместно с правыми эсерами, по настоянию Бухарина, пытались убить Ленина. Вы это подтверждаете?

Карелин. Я подтверждаю, что настояние со стороны Бухарина, как лидера группы «левых коммунистов», было. Эти настояния играли очень большую роль при осуществлении всего этого преступления.

Вышинский (к суду). Позвольте задать вопрос Осинскому. Свидетель Осинский, скажите, пожалуйста, какие у вас имеются данные о причастности Бухарина к покушению на жизнь Владимира Ильича Ленина в 1918 году?

Осинский. Я должен предварительно сказать следующее. После июльского мятежа «левых» эсеров я ушел из «левых коммунистов» и в начале 1918 года вступил в другую группу демократического централизма. Уход мой из группы «левых коммунистов» был связан с отказом от методов борьбы, применявшихся «левыми коммунистами». Тем не менее, я с отдельными бывшими «левыми коммунистами» сохранил знакомство, в том числе со Стуковым.

В конце 1918 года у нас со Стуковым зашел разговор о состоянии Ленина после его ранения террористкой Каплан. Стуков по этому поводу сказал следующее: а знаете ли вы, что выстрел Каплан является не только результатом директивы, данной центральным комитетом партии правых эсеров, но также прямым результатом тех мероприятий, которые были в свое время намечены блоком для свержения правительства, и в част-

ности установки на умерщвление вождей правительства? Так как я в то время не стоял на точке зрения допустимости террора как приема борьбы, то я сделал резкое замечание по этому поводу Стукову, и разговор на этом оборвался, так что деталей я не спрашивал. Поэтому персонально относительно Бухарина сказать ничего не могу, но этот факт мог сообщить.

Вышинский. Следовательно, вам Стуков говорил о том, что выстрел правой эсерки Каплан в Ленина являлся результатом тех установок и тех организационных мероприятий, которые в свое время были разработаны, приняты и проведены кем?

Осинский. Блоком.

Вышинский. Каким?

Осинский. Начиная от «левых коммунистов» и кончая правыми эсерами.

Вышинский. И Бухарин здесь выступал как руководитель группы «левых коммунистов»?

Осинский. Совершенно правильно.

Вышинский. Это вам говорил Стуков?

(Обращается к Бухарину). Что вы скажете, обвиняемый Бухарин?

Бухарин. Я скажу, что все это неправда.

Вышинский. Насчет вашей прикосновенности к покушению на убийство Владимира Ильича Ленина вы слышали показания?

Бухарин. Да.

Вышинский. Что скажете?

Бухарин. Я категорически отрицаю какую бы то ни было связь.

Вышинский. Арест признаете?

Бухарин. Да.

Вышинский. План убийства Владимира Ильича был?

Бухарин. Отрицаю.

Вышинский. И конкретное отношение к преступлению Каплан отрицаете?

Бухарин. Абсолютно.

Вышинский. В этом вас уличает Карелин.

Карелин. Да, я это подтверждаю.

Вышинский. Осинский дал объяснения.

Бухарин. Осинский сказал, что обо мне он ничего не может сказать.

Вышинский (обращаясь к Карелину). Вы считаете, что покушение Каплан являлось мероприятием, подготовленным планом борьбы с Советским правительством и организации террористических актов «левых» и правых эсеров и «левых коммунистов»?

Карелин. Мне говорил Стуков.

Вышинский. Это было согласовано с установкой Бухарина на террор?

Карелин. Была установка, которая выходила из этого.

Вышинский (обращаясь к Бухарину). Кроме того, Яковлева показывает, что у вас в 1918 году была установка и план ареста и убийства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Карелин показывает то же самое, Осинский показывает то же самое, Манцев показывает то же самое. Я вас спрашиваю, — кто вам дал задание подготовить это преступление, какая разведка дала?

Бухарин. Я отрицаю вообще этот факт.

Вышинский (обращаясь к Карелину). У меня больше вопросов нет. Садитесь.

Бухарин. У меня есть вопрос к Карелину.

Во-первых, я спрашиваю, скажите, гражданин Карелин, подтверждаете ли вы то, что говорили на очной ставке относительно того, что в первый период, до Брестского мира, инициатива блока принадлежала «левым» эсерам, а во вторую половину, то есть после Брестского мира, принадлежала «левым коммунистам»?

Карелин. Я подтверждаю, что в период до разрыва переговоров в Бресте 10 февраля, то есть когда еще не было ясно, чем же кончатся разговоры о мире и формула «ни мира ни войны»,— в этот период, собственно говоря, была инициатива одна и у той и у другой группы. В период после разрыва и дальнейшая инициатива была у «левых» эсеров, которые предлагали поспешить с этим выступлением, а «левые коммунисты» в лице Бухарина считали, что «попытка не пытка», что нужно выжидать результатов VII съезда партии большевиков, ибо в этот момент они рассчитывали, что им удастся получить большинство на VII съезде. После VII съезда партии и IV съезда советов, ратифицировавшего уже Брестский мир, инициатива была в руках «левых коммунистов».

Бухарин. Вы на очной ставке показали, что при том разговоре, первом, в Смольном, о котором шла речь, разговоры относительно возможного ареста Ленина исходили от «левых» эсеров. Вот об этом первом разговоре я вас и спрашиваю.

Карелин. При первом разговоре в Смольном?

Бухарин. Тогда вы говорили вместе с Камковым, а с нашей стороны были я и Пятаков.

Карелин. Я этого не говорил.

Бухарин. На очной ставке вы говорили, что тогда предложение относительно ареста Ленина принадлежало «левым» эсерам, а потом, в следующий после Брестского мира период, речь шла относительно того, что «левые коммунисты» это говорили.

Карелин. После, до VII съезда предложение об ускорении выступления было в руках «левых» эсеров, проявлявших инициативу. Это я подтверждаю.

Бухарин. Второй вопрос, разрешите. Известно ли гражданину Карелину, что во время московского мятежа «левых» эсеров одним из главных оперативно-действующих лиц в боевом техническом смысле против «левых» эсеров был «левый коммунист» Бела Кун?

Карелин. Мне было известно относительно того, что персонально некоторые «левые коммунисты», — а относительно Бела Куна я знаю, что он являлся в то время «левым коммунистом», членом этой группы, — что они принимали участие в подавле-

нии «лево»-эсеровского мятежа, в частности, Бела Кун руководил отрядом, который сражался около телеграфа, захваченного «лево»-эсеровским отрядом, но это было уже в тот период, когда определилась неудача восстания. В этот период мы это рассматривали, как эвакуацию с тонущего корабля.

Бухарин. Хорошо. Разрешите еще один вопрос? Вы здесь подтверждаете, что Прошьян и другие ваши коллеги в ЦК отчитывались на заседаниях ЦК о переговорах с «левыми коммунистами»?

Карелин. Да.

Бухарин. Я больше вопросов не имею.

Председательствующий (к Прокурору). У вас есть вопросы к свидетелю Карелину?

Вышинский. У меня вопрос, в связи с вопросом Бухарина: что же, это регулярно происходило и о всех заседаниях и решениях ставились доклады, отчитывались на ЦК «левых» эсеров или бывали такие вопросы, в которых не отчитывались?

Карелин. Иногда отдельные решения ЦК «левых» эсеров принимались в более узком кругу руководителей. Иногда это делалось путем опроса, не созывая специального заседания. В конце концов ЦК — политическая группа; особенно в такой период, как тогда, вряд ли можно по каждому своему шагу и по каждому решению немедленно издать протокол с параграфами.

Вышинский. К Карелину вопросов нет. Бухарину вопрос: вы когда приехали из-за границы?

Бухарин. В каком смысле?

Вышинский. Как в каком смысле? Приехать можно только в одном смысле.

Бухарин. Я приехал из-за границы, я думаю, в апреле месяце 1917 года.

Вышинский. Когда вы начали сколачивать группы «левых коммунистов»?

Бухарин. «Левых коммунистов»? В 1918 году.

Вышинский. А в последние месяцы перед Октябрьской революцией вы где находились?

Бухарин. В Москве.

Вышинский. А во время Октябрьского переворота?

Бухарин. Тоже в Москве.

Вышинский. После Октябрьского переворота?

Бухарин. После Октябрьского переворота я поехал по поручению московских большевиков с докладом о ходе московского восстания, когда мы тут взяли власть. Делал я этот доклад...

Вышинский. Вы начали сколачивать группу «левых коммунистов» в Ленинграде или в Москве?

Бухарин. В Ленинграде.

Вышинский. Тогда же, сейчас же?

Бухарин. Нет, не сейчас же. Вначале вопрос о мире...

Вышинский. Я понимаю, это же вопрос о вашей тактике.

Бухарин. Нет, не о тактике.

Вышинский. А группа ваших сторонников была с вами?

Бухарин. Нет.

Вышинский. Вы один рассчитывали мирными средствами притти к власти или с группой?

Бухарин. Тогда еще вопрос не стоял об этом, а разногласия начались по вопросу о мире.

Вышинский. Я вас спрашиваю не о разногласиях, а спрашиваю, когда, к какому времени вы начали сколачивать группу «левых коммунистов»?

Бухарин. Я считаю, что к 1918 году.

Вышинский. С начала 1918 года?

Бухарин. Не помню, в каком месяце, гражданин Прокурор, двадцать с лишним лет прошло.

Вышинский. Во всяком случае, когда вы вступили в переговоры с «левыми» эсерами, у вас эта группа была?

Бухарин. Совершенно верно.

Вышинский. Следовательно, вы уже организационно оформили свою группу, а затем вступили в блок с «левыми» эсерами, или это переплеталось?

Бухарин. Нет, у нас уже тогда была, я не скажу уже сложившаяся, группа. Вы, гражданин Прокурор, вы меня извините, очень персонально ставите вопрос. Это течение возникло...

Вышинский. Я не спрашиваю, когда это течение возникло, я спрашиваю, когда эта группа организовалась?

Бухарин. Я вам сказал, в начале 1918 года.

Вышинский. Я вас прошу сказать точнее: вы вступили в переговоры с группой «левых» эсеров после того, как ваша группа организовалась?

Бухарин. Это было, по-моему, тогда, когда она в основном уже сформировалась.

Вышинский. Скажите, у вас настроения были очень резкие тогда против Брестского мира и против руководства?

Бухарин. Настроения были довольно резкие.

Вышинский. Довольно резкие?

Бухарин. Да.

Вышинский. Так что в условиях таких настроений не случайно сложилась мысль об аресте?

Бухарин. Нет, я бы, видите ли, так не сказал.

Вышинский. То-есть вполне понятно, что в обостренной, раскаленной атмосфере...

Бухарин. Но я хочу сказать, что до Брестского мира...

Вышинский. Я это не спрашиваю...

Бухарин. До Брестского мира такой идеи с положительным отношением к ней ни у меня, ни у других не было.

Вышинский. А после Брестского мира?

Бухарин. А после Брестского мира она всплыла.

Вышинский. Я и спрашиваю об этом. Очень озлобленное у вас настроение было?

Бухарин. Это не был вопрос личного озлобления против личностей и против вождей.

Вышинский. Я говорю — накалена атмосфера была достаточно?

Бухарин. Да, горячность по линии фракционной борьбы была очень большая.

Вышинский. Атмосфера была накалена горячо?

Бухарин. Достаточно.

Вышинский. И в этой атмосфере вопрос об аресте, а у некоторых, быть может, об убийстве, не исключался?

Бухарин. Насчет ареста я признаю, относительно убийства мне ничего ровно неизвестно.

Вышинский. А атмосфера была...

Бухарин. Атмосфера была атмосферой.

Вышинский. Атмосфера была достаточной для того, чтобы такие мысли и планы могли родиться в разгоряченных головах?

Бухарин. Может быть, у кого-нибудь рождались, но я лично никаких симптомов этого не замечал.

Вышинский. И вас никто на это не толкал?

Бухарин. Нет, никто не толкал.

Вышинский. Никто не указывал, что нужно устранить Ленина, Сталина и Свердлова?

Бухарин. Нет, гражданин Прокурор, нет, этого не было.

Вышинский. Никакие специальные органы?

Бухарин. Ни органы, ни лица.

Вышинский. Никакие специальные органы вам поручений не давали?

Бухарин. Нет, не давали.

Вышинский. А эти показания свидетелей вы целиком отвергаете?

Бухарин. Нет, я их отвергаю не целиком.

Вышинский. А в этой части?

Бухарин. А в этой части целиком.

Вышинский. А почему говорят об этом и «левые коммунисты» бывшие, и «левые» эсеры, — все?

Бухарин. Нет, это говорят не все: из двух «левых» эсеров только один.

Вышинский. Говорят, что вы подготовляли, как изменник революции, арест Ленина, Сталина, Свердлова.

Бухарин. Это я признаю.

Вышинский. А к этому они добавили, что вы готовили и убийство.

Бухарин. А с этой добавкой я абсолютно не согласен, я это категорически отрицаю.

Председательствующий. Вопросов нет?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. Полагаю, что свидетели могут уйти из зала.

Вышинский. У меня есть еще заявление относительно экспертизы.

Председательствующий. Разрешите объявить перерыв на 10 минут. Объявляю перерыв на 10 минут.

***

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается. Для установления ряда обстоятельств, связанных с умерщвлением Алексея Максимовича Горького, Валериана Владимировича Куйбышева, Вячеслава Рудольфовича Менжинского, Максима Алексеевича Пешкова, а равным образом для выяснения ряда обстоятельств, связанных с покушением на отравление Николая Ивановича Ежова, Военной Коллегией Верхсуда СССР по ходатайству Прокурора Союза вызвана экспертиза в составе: заслуженного деятеля науки профессора Николая Адольфовича Шерешевского, заслуженного деятеля науки, профессора Дмитрия Александровича Бурмина, профессора Владимира Никитича Виноградова, профессора Дмитрия Михайловича Российского и доктора медицинских наук Владимира Дмитриевича Зипалова.

Вызванные эксперты находятся в зале заседания. Профессор Шерешевский Н. А., профессор Бурмин Д. А., профессор Виноградов В. Н., профессор Российский Д. М., доктор медицинских наук Зипалов В. Д.

(Вызванные эксперты занимают приготовленные места).

Вышинский. Вопросы обвинения экспертизе заключаются в следующем. По первому разделу — по умерщвлению А. М. Горького, первый вопрос: допустимо ли, чтобы больному с резко выраженным пневмосклерозом, с наличием бронхо-эктазов и каверн, эмфиземы легких и перерождения сердечно-сосудистой системы, страдающему тяжелыми периодическими кровохарканиями, назначался режим длительных прогулок после обеда, особенно в сочетании с утомительным трудом?

Второй вопрос. Мог ли подобный режим, проводимый в течение продолжительного времени, вызвать у больного ухудшение состояния здоровья и, в частности, сердечно-сосудистой системы?

Третий вопрос. Допустимо ли помещение подобного больного в квартиру, где заведомо имелись больные гриппом?

Четвертый вопрос. Правильно ли было ведение больного, правильно ли велась история болезни и лечения А. М. Горького во время его последнего заболевания с 31 мая по 18 июня 1936 года?

Пятый вопрос. Допустимо ли вообще длительное и одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности, у тяжелобольного А. М. Горького, 68 лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?

Шестой вопрос. Каковы могли быть последствия такого лечения у А. М. Горького при его последнем заболевании?

Седьмой вопрос. Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без злого умысла?

Восьмой вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горь-

кого был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали обвиняемые Левин и Плетнев?

По второму разделу— по умерщвлению товарища Куйбышева.

Первый вопрос. Допустимо ли было назначение больному В. В. Куйбышеву, страдавшему приступами грудной жабы и распространенным артерио-склерозом, длительных приемов больших доз дигиталиса (наперстянки)?

Второй вопрос. Могло ли применение больших доз препаратов наперстянки в продолжение длительного срока (нескольких месяцев) способствовать учащению припадков грудной жабы?

Третий вопрос. Допустимо ли в состоянии припадков грудной жабы разрешать больному двигаться и подыматься по лестницам, и можно ли оставить больного с припадком грудной жабы без оказания немедленной врачебной помощи?

Четвертый вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения В. В. Куйбышева был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для этого как специальных познаний, которыми располагали обвиняемые, так и метода умышленного оставления В. В. Куйбышева без медицинской помощи при очередном припадке грудной жабы?

По умерщвлению товарища Менжинского.

Первый вопрос. Допустимо ли было у больного В. Р. Менжинского, страдавшего артерио-склерозом с тяжелыми припадками грудной жабы и имевшего инфаркт миокарда, длительное применение препаратов наперстянки, особенно в сочетании с лизатами, могущими усиливать действие препаратов наперстянки?

Второй вопрос. Могло ли применение такого метода лечения способствовать истощению сердечных мышц и тем самым способствовать наступлению смертельного исхода?

Третий вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что обвиняемые Левин Л. Г. и Казаков И. Н. применяли заведомо вредительские методы лечения тов. Менжинского, поставив своей преступной целью скорейшее наступление его смерти, которая и явилась результатом их преступных действий?

По умерщвлению Максима Алексеевича Пешкова.

Первый вопрос. Правильно ли велось лечение М. А. Пешкова, болевшего крупозным воспалением легких, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина?

Второй вопрос. Мог ли подобный неправильный метод лечения, проводимый обвиняемым Левиным, способствовать смертельному исходу болезни?

Третий вопрос. Можно ли считать установленным, что обвиняемый Левин, поставив своей преступной целью ускорение смерти М. А. Пешкова, применял заведомо вредительское лечение для осуществления своей преступной цели?

Наконец, вопросы к экспертизе по покушению на отравление Николая Ивановича Ежова.

Первый вопрос. Можно ли на основании представленных экспертизе материалов заключить об организации отравления товарища Н. И. Ежова и притти к заключению, что обвиняемые Ягода Г. Г. и Буланов П. П. применяли для достижения своей преступной цели крайне опасные и весьма действенные способы постепенного отравления товарища Н. И. Ежова?

Второй вопрос. Можно ли считать установленным, что в результате примененных обвиняемыми Ягодой Г. Г. и Булановым П. П. способов отравления товарища Н. И. Ежова, его здоровью был причинен значительный ущерб, и если бы это преступление не было своевременно вскрыто, то жизни товарища Н. И. Ежова угрожала бы непосредственная опасность?

Позвольте мне передать один экземпляр этих вопросов экспертизе.

Председательствующий. Пожалуйста.

(Прокурор передает экспертизе перечень вопросов.)

Председательствующий. У защиты дополнительные вопросы экспертной комиссии будут?

Коммодов. Защита в перерыве ознакомилась с вопросами, считает их исчерпывающими и никаких добавлений не имеет.

Председательствующий. Обвиняемые имеют дополнительно вопросы к экспертизе? (Голоса обвиняемых: «Нет».)

Разъясняю, эксперты могут оставаться в зале заседания, они допущены к изучению всех материалов дела и в результате своей работы должны дать суду заключение, строго соответствующее обстоятельствам дела и вытекающее из тех специальных знаний, которыми обладают товарищи эксперты.

Вышинский. Позвольте мне обратиться к суду с ходатайством: я прошу разъяснить экспертам, что их заключение должно быть ими дано также на основании объяснений, которые в суде будут даны обвиняемыми по настоящему делу и свидетелем Белостоцким, вследствие чего в это время, я считаю, присутствие экспертов в зале заседания обязательно.

Председательствующий. Я это и имел в виду: если товарищи эксперты будут находиться в зале во время допроса Левина, Плетнева, Казакова, то тем самым они будут в курсе их показаний.

Заседание закрывается до 11 часов утра 8 марта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Утреннее заседание 8 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Переходим к допросу подсудимого Левина.

Подсудимый Левин, показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Левин. Подтверждаю.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, у вас есть вопросы?

Вышинский. У меня есть несколько вопросов.

Подсудимый Левин, расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Ягодой и каковы были результаты вашей близости к Ягоде?

Левин. С Ягодой знакомство началось у меня еще с начала 20-х годов. Я лечил покойного Дзержинского, Менжинского. Встречался от поры до времени с Ягодой и оказывал ему медицинскую помощь. Более частые встречи с ним стали устанавливаться у меня, примерно, с 1928 года, в связи с приездом в Москву А. М. Горького.

Всем известно, что А. М. Горький с молодых лет болел туберкулезом в очень тяжелой форме. Он жил ряд лет, и до революции и после революции с 1921 года, в Италии. За эти годы А. М. Горький очень стосковался о Союзе, его тяготила чрезвычайная оторванность от Союза, невозможность получать часто сведения. Он стал все чаще поговаривать о необходимости вернуться. Вернуться совсем по состоянию здоровья нельзя было и он решил приезжать в Союз периодически. С 1928 года он приезжал в Москву на летние месяцы, когда климатические условия под Москвой для легочных и сердечных больных были относительно благоприятными, когда, наоборот, в Италии становится слишком жарко. С этого года он стал приезжать к нам на летние месяцы, на зимние снова возвращался в Италию.

Был установлен порядок, что в Италии он должен оставаться под наблюдением кого-нибудь из советских врачей. Так как я считался его постоянным врачом, мне было поручено подобрать группу врачей и профессоров, которые разделили бы это полугодие на три двухмесячника, чтобы каждый по два месяца оставался в Италии с тем, чтобы не отрываться от постоянной здешней работы. В числе этой группы был я и несколько ленинградских и московских врачей. Я каждый раз уезжал с ним из Ита-

лии, приезжал с ним в Москву, уезжал из Москвы, как постоянный врач. Остальные — поочередно.

Во время приездов в Москву я, как постоянный врач А. М. Горького, бывал у него чрезвычайно часто. Он жил за городом, под Москвой. Я оставался у него на ночь, даже в тех случаях, когда не было ничего экстренного.

Одновременно в этом доме также часто бывал Ягода. Там мы часто встречались. Установились не отношения случайного врача и больного, а отношения знакомых людей.

В то же время участились и мои посещения Ягоды у него на дому или на даче, потому что, примерно, кажется, около 1930 года стала часто хворать его жена — Авербах, хроническая больная, болевшая очень часто с частыми обострениями по характеру ее заболевания. Во время этих обострений ее болезни мне приходилось иногда ежедневно бывать в доме или одному или с кем-нибудь из врачей санчасти ОГПУ, даже с покойным хирургом Розановым, который был в качестве врача близок к этому дому. Таким образом, устанавливалось все более близкое знакомство.

Нужно сказать, что Ягода относился ко мне очень хорошо, проявляя разные признаки внимания. Откровенно говоря, это не казалось мне чем-то необычным, потому что мы — врачи, довольно часто видим, как больные желают чем-то отблагодарить нас и показать свое внимание. Одним словом, в этом я не видел ничего предосудительного или непонятного для меня. Эти признаки внимания с его стороны мне льстили.

Вышинский. В чем выражалось это внимание?

Левин. Ну, например, у него были прекрасные цветы, оранжерея, и он посылал мне цветы, посылал очень хорошее французское вино. Один раз он сделал мне весьма ценный для меня подарок: предоставил мне в собственность дачу в подмосковной местности, где я и проживал в течение 5—6 лет в летние месяцы со своей семьей.

Вышинский. Специально выстроил для вас дачу?

Левин. Нет, дачу он предоставил мне в собственность...

Вышинский. То есть подарил вам дачу?

Левин. Да, я смотрел на это, как на подарок.

Вышинский. Оказывал Ягода вам содействие в ваших поездках за границу, устраняя различные таможенные формальности?

Левин. Да, он давал знать на таможню, что меня можно пропустить из-за границы без осмотра.

Вышинский. Как вы это использовали?

Левин. Я привозил вещи жене, женам своих сыновей, детские вещи, женские вещи, привозил мелкие подарки на службу...

Вышинский. Одним словом, все, что хотели, привозили беспошлинно, бестаможенно?

Левин. Да, но это не были ценности...

Вышинский. Конечно, вы же не торговали этими ценностями.

Левин. Я привозил их для родных.

Вышинский. Я понимаю, для себя, для родных, друзей, знакомых, приятелей.

Левин. Конечно.

Вышинский. Для вас пограничных и таможенных законов не существовало?

Левин. Совершенно верно.

Вышинский. И долго так продолжалось?

Левин. В 1934 году я еще был за границей.

Вышинский. А началось это «особое» внимание к вам когда?

Левин. С первой моей поездки к Алексею Максимовичу, в 1928 или 1929 году и до последнего времени.

Вышинский. Ну, что же дальше? Это вы считали обычными знаками внимания? Так вообще пациенты проявляют свое внимание к врачам?

Левин. Вы, вероятно, знаете, что не так.

Вышинский. Ни поездками за границу, ни подарками, ни дачей, ни таможней, ни пошлиной?

Левин. Понятно.

Вышинский. Значит, вы считали это обычным?

Левин. Для него, это вероятно, было обычным.

Вышинский. А для вас?

Левин. Для меня это, конечно, не было обычным.

Вышинский. Вы не думали, почему это происходит, какая причина этому вниманию?

Левин. Я об этом не думал, потому что считал, что для него эта вещь не представляет большого значения, по его масштабу это были небольшие знаки внимания.

Вышинский. А вы сравните по своим масштабам, — для вас это было обычное явление?

Левин. Конечно, это было не обычное явление. Но это был и не обычный пациент.

Вышинский. Значит необычный пациент оказывал вам необычное внимание?

Левин. Да, да, конечно.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, что из всего этого произошло?

Левин. Для обычного больного сделать подарок трудно, поскольку...

Вышинский. Извините, я вас еще раз перебью. Когда вас освобождали от всякого рода таможенных осмотров, вы считали, что это естественно и законно?

Левин. Я не считал это естественным и законным, но я знал, что это практикуется достаточно часто.

Вышинский. Кем практикуется и откуда вы это знали?

Левин. Я знал, что целый ряд людей пользуется дипломатическими паспортами и так далее.

Вышинский. Значит, вы рассматривали себя как дипломата?

Левин. Нет, конечно, я себя так не рассматривал.

Вышинский. Вы понимали, что вы пользовались грубым нарушением советских законов и шли на это беззаконие из-за корыстных целей?

Левин. Да, я понимал. Но должен сказать, что убытки госу-

дарству от этого были очень маленькие, я привозил каких-нибудь пару галстухов, мелочь.

Вышинский. Но из маленьких частных убытков складывается один большой убыток. Так, между прочим, всякий преступник оправдывает свое преступление. Даже тот, кто украдет миллион золотом, он может по отношению к такому могучему, богатому государству, как наше, сказать, что убыток для государства все-таки небольшой.

Левин. Разрешите продолжить вашу мысль и пересчитать на деньги, сколько таможня должна была взыскать. Получится небольшая сумма.

Вышинский. Вы до сих пор не понимаете тяжести вашего преступления?

Левин. Нет, нет я понимаю.

Вышинский. Тогда продолжайте ваше объяснение.

Левин. Я должен признаться, что такое внимание, оно даже мне льстило. Это было внимание со стороны руководителя такого органа, как ОГПУ. Я видел в этом определенное признание и доверие ко мне со стороны руководителя такого учреждения. Мне никогда не могло притти в голову то, о чем я теперь узнал.

Вышинский. Потом пришло в голову?

Левин. Да, пришло.

Вышинский. Как это случилось?

Левин. В 1932 году Алексей Максимович решил совсем переехать в Москву со всей своей семьей. В составе семьи был его сын Максим Алексеевич Пешков. В начале 1933 года зимой во время одного из моих посещений Ягоды, во время прогулки у него на даче он начал со мной разговор, к которому несколько раз потом возвращался, разговор относительно сына Алексея Максимовича — Максима Алексеевича Пешкова. Он говорил, что он недоволен его образом жизни, его поведением. Недоволен тем, что он не прикасается ни к какой работе, что ничем не занимается. Недоволен тем, что он злоупотребляет спиртными напитками. Но это был такой разговор, который более или менее соответствовал тому, что к тому времени М. А. Пешков, будучи отцом двоих детей, не имел никакой обязательной работы, обязательного труда, не имел определенных занятий, просто в доме отца жил. Так что эти разговоры пока не внушали никаких основных подозрений.

Во время одной такой беседы он и сказал мне: видите ли, Макс, как он его называл, не только никчемный человек, но и оказывает на отца вредное влияние. Отец его любит, а он, пользуясь этим, создает нежелательное и вредное окружение в доме у Алексея Максимовича. Его необходимо убрать. Нужно сделать так, чтобы он погиб.

Вышинский. То есть?

Левин. Добиться его смерти.

Вышинский. Значит, его убить?

Левин. Конечно.

Вышинский. И Ягода, значит, предложил вам осуществить это дело?

Левин. Он сказал: «Вы должны нам в этом помочь». Мне не нужно здесь передавать психологического ощущения, насколько мне было страшно это слушать, — думаю, что это достаточно понятно, но потом... такое непрекращающееся смущение. Меня отделяет от этого срок — шесть лет, поэтому я не ручаюсь за стенографическую передачу этого рассказа, а только за сущность его. Он дальше сказал, что вы знаете, кто с вами говорит, руководитель какого учреждения с вами говорит? Вы знаете, что я ответственен за политику партии и за жизнь крупнейших руководителей партии и правительства, а также за жизнь и деятельность Алексея Максимовича, а поэтому, раз это нужно в интересах Алексея Максимовича — устранить его сына, поэтому вы не должны останавливаться перед этой жертвой.

Вышинский. Так он мотивировал?

Левин. Так.

Вышинский. Вы считали?

Левин. Я ничего не считал. Он говорит, пока давайте оставим этот разговор, вы обдумайте дома, а через несколько дней я вызову вас.

Вышинский. Но что обдумать?

Левин. Согласиться или не согласиться.

Вышинский. Кроме того, но обдумайте еще что?

Левин. Как это выполнить. Он сказал: «Учтите, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Раз я вам оказал в этом доверие, раз вам оказывается доверие в этом деле — вы это и должны ценить и вы должны это выполнить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят. Вы в этом не сомневайтесь, вы это сделайте. Вы обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к этому. Через несколько дней я вызову вас». Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и мне и моей семье. Я считал, что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться. Опять-таки, когда смотришь с перспективы, с сегодняшнего дня на 1932 г., когда видишь, насколько мне, как беспартийному человеку, казался всемогущим Ягода, то, конечно, очень трудно было отвертеться от его угроз, от приказов его.

Вышинский. А вы пробовали отвертеться?

Левин. Я пробовал в душе отвертеться.

Вышинский. В душе, а отпора у вас не было?

Левин. Не было.

Вышинский. Пробовали протестовать, сказать кому-нибудь об этом, сообщить?

Левин. Нет, я ничего не сделал, не попытался отвертеться. Я никому не сказал и принял решение. Приняв решение, приехал к нему. Ягода сказал мне: «Вам одному, вероятно, это трудно будет сделать. Кого вы думаете привлечь к этому делу?» Я ему ответил, что вообще ввести нового врача в дом Алексея Максимовича очень трудно, там этого не любили. Но есть один врач, который все-таки бывал у Максима Алексеевича во время одного из моих отпусков, это — доктор Виноградов А. И. из санчасти ОГПУ. Его хорошо знал Крючков. Виноградов был

направлен им, если не ошибаюсь (Крючков был постоянным секретарем Алексея Максимовича). Я сказал, что его надо будет обязательно к этому делу привлечь. Затем я говорил, что если бы нужно было привлечь еще кого-нибудь из консультантов, то единственный консультант, который в этом доме бывал, это профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев. Я не указывал сейчас на него реально, а говорил, что если при такой болезни нужно было бы, чтобы кто-нибудь из консультантов был, то единственный человек, который мог бы туда приехать, — это Д. Д. Плетнев. Так шел 1933 год. Он меня торопил.

Вышинский. Кто он?

Левин. Ягода. В это время возник у него новый замысел. При встречах Ягода часто спрашивал меня о состоянии здоровья Вячеслава Рудольфовича Менжинского, тогдашнего председателя ОГПУ, который тогда тяжело хворал. Ягода был заместителем председателя ОГПУ. Нужно сказать, что Менжинский с первых лет революции был моим постоянным пациентом. В 1926 году у него был тяжелейший припадок грудной жабы. С тех пор надорвалось его здоровье, он стал болеть. Я, как вообще всякий терапевт, в этом состоянии мало мог ему помочь и, как всегда в этих случаях бывает, начинают кидаться на чудеса. Одним из чудес тогда прозвучало такое средство профессора Шварцмана—миоль, которое он рекламировал, как спасительное средство от грудной жабы. Шварцман был вызван из Одессы и некоторое время он производил хорошее впечатление на Менжинского. Потом — разочарование в Шварцмане. Затем была другая реклама, начали шуметь вокруг Игнатия Николаевича Казакова, и тогда он (Менжинский) обратился к Казакову.

С 1932 года Вячеслав Рудольфович стал постоянным пациентом Казакова. Он сделался не только его постоянным пациентом, но и поддерживал его славу, но и был одним из небольшой группы крупных людей в то время, которым казалось, что он чрезвычайно им помогает. И этот шум вокруг Казакова, эти постоянные споры вокруг него в Москве привели к тому, что в Совнаркоме состоялось специальное заседание, посвященное вопросу о лечении методами Казакова, заседание, на котором присутствовал Менжинский и там поддерживал славу Казакова.

Вышинский. Заседания, которые были в правительственных учреждениях, никакого отношения не имеют к данному вопросу.

Левин. Я говорю о заседании, на котором обсуждался вопрос о лизатах Казакова.

Вышинский. Расскажите, что же конкретно вам говорил Ягода о Менжинском?

Левин. На этот вопрос я сразу ответил Ягоде...

Вышинский. На какой вопрос?

Левин. Несколько раз он просто расспрашивал о состоянии здоровья Менжинского, а в октябре или ноябре он меня опять спросил, «как здоровье Менжинского?» Я сказал, что, по моим сведениям, очень плохо. Но он говорит: «Зачем же тянуть? Он обреченный человек.» Он и считался тогда больным почти безнадежно в смысле восстановления работоспособности.

Вышинский. Сказали ли вы Ягоде, что Менжинский может бороться за свою жизнь неопределенный срок?

Левин. Простите, я не расслышал вашего вопроса.

Вышинский. Я вас спрашиваю: на вопрос Ягоды о состоянии здоровья Менжинского, не сказали ли вы Ягоде, что Менжинский может бороться еще неопределенный период времени?

Левин. Да, конечно.

Вышинский. А что Ягода сказал в ответ на это?

Левин. А он сказал, что «у меня есть сведения, что он живой труп».

Вышинский. А не сказал ли он иначе — «зачем это нужно»?

Левин. Сказал.

Вышинский. Не сказал ли он, что нужно это ускорить?

Левин. Да, сказал. Я к этому и иду. Я ему сказал тут относительно того, что он с 1932 года является ревностным поклонником доктора Казакова и если так вопрос стоит...

Вышинский. Говорите откровеннее, не стесняйтесь.

Левин. Я говорю откровенно.

Вышинский. Не говорил ли вам Ягода, что необходимо убить Менжинского?

Левин. Говорил.

Вышинский. И вы тогда сказали, кого для этого нужно привлечь?

Левин. Доктора Казакова.

Вышинский. Вы вызывали Казакова для чего? Для лечения или для умерщвления?

Левин. Для второго.

Вышинский. Почему именно Казакова?

Левин. Он лечил лизатами, а лизаты приготовлял Казаков сам у себя в лаборатории.

Вышинский. Значит, он мог приготовить все, что угодно?

Левин. Приготовить такие лизаты, которые бы не помогали, а вредили.

Вышинский. Это равносильно яду.

Левин. Совершенно верно. Тут я сказал Ягоде: «Поскольку в курсе лечения бывают перерывы, паузы, а в период этих перерывов я бывал у Вячеслава Рудольфовича Менжинского, то я могу соединить лизаты с каким-либо сердечным лекарством, которое в комбинации с лизатами могло бы приносить вред».

Вышинский. Вы объяснили это Ягоде?

Левин. Да, Ягоде.

Вышинский. А Ягода что сказал?

Левин. Он сказал, что с Казаковым он поговорит и директиву даст. Когда я увиделся с Казаковым в конце 1933 года, я узнал, что его вызывал Ягода для беседы, он знает, что делать и со мною поговорит, как будут приготовляться лизаты. Меня он спросил, какие сердечные лекарства буду я предлагать во время моего посещения.

Вышинский. Обвиняемый Казаков, вы подтверждаете показания Левина сейчас?

Казаков. В основном, подтверждаю.

Вышинский. Вы подтверждаете, что с вами говорил Левин?

Казаков. Да.

Вышинский. Что именно он вам говорил?

Казаков. Я виделся с Левиным три раза и он постепенно меня вовлекал, — была майская, июньская и, наконец, октябрьская встреча.

Вышинский. В каком году?

Казаков. В 1933 году.

Вышинский. Значит, в 1933 году было три встречи?

Казаков. Три встречи.

Вышинский. Первая встреча майская, о чем вы разговаривали?

Казаков. Здесь он выразил сочувствие, что я изолирован от врачей, что на меня нападают врачи и что я нахожусь в таком тяжелом состоянии. Он рекомендовал мне быть поближе к врачам, причем сказал: «С вами я поговорю особо». Я спросил: о чем? Он сказал: «О здоровье Менжинского».

Вышинский. Ближе к какому врачу или вообще к врачам рекомендовал он вам держаться?

Казаков. Я держался в стороне, потому что была очень жестокая борьба.

Вышинский. А Левин высказал вам сочувствие?

Казаков. Во время майской встречи он сказал, что зря вы возитесь с Менжинским. Менжинский — живой труп. Я считал, что у Менжинского развивался хронио-сепсис. Левин со мною не согласился, и в результате этого я был отстранен. Я ему в резкой форме сказал, что я недоволен его поведением по отношению ко мне. Он мне сказал, что «мы с вами особо по этому вопросу поговорим». Правда, этот циничный ответ его, что Менжинский — труп и не стоит с ним возиться, меня покоробил.

Вышинский. Почему покоробил?

Казаков. Потому что это цинично. Я знал, что Вячеслав Рудольфович, когда лечился у меня, стал на ноги.

Вышинский. Словом, заявление его было для вас циничным?

Казаков. Конечно, циничным. Как только у него получалось улучшение, так вдруг я отстранялся.

Вышинский. Кто вас отстранял?

Казаков. Левин. 5 марта я вновь явился и потом снова был отстранен до июня месяца. Я ему это сказал.

Вышинский. Он что ответил?

Казаков. Он? Как всегда — улыбочкой...

Вышинский. Дальше?

Казаков. В июне я встретился с ним. Он высказал мнение, что я был прав в своем диагнозе относительно развившегося у Менжинского хронио-сепсиса на почве гриппа. Там была группа врачей, и они не возражали, чтобы я начал лечить его.

Вышинский. Вы очень длинно рассказываете. Ведь мы будем допрашивать вас еще особо. Сейчас расскажите коротко — о чем был второй разговор?

Казаков. Он сказал, что не возражает, чтобы я приступил к лечению Менжинского...

Вышинский. Словом, допустил вас?

Казаков. Да. Я приступил к лечению Менжинского.

Вышинский. А вас это не удивило?

Казаков. Он сказал одну фразу: «Я думаю, что вы меня поняли».

Вышинский. А вы его поняли?

Казаков. Я ничего не понял.

Вышинский. В таких случаях, когда не понимают тех, которые говорят, что «вы меня поняли», спрашивают: в чем дело. А вы спросили?

Казаков У меня был большой негативизм...

Вышинский. А по-русски?

Казаков. Неприязненное отношение к Льву Григорьевичу.

Вышинский. Тем более надо было спросить, что значит эта двусмыслица?

Казаков. Надо было, а я не спросил.

Вышинский. Может быть, вы действительно его поняли?

Казаков. Нет, нет.

Вышинский. Значит, он вам сказал: «вы меня поняли?» А вы что ответили?

Казаков. Я просто посмотрел на него, выпучив глаза, и не сказал ничего. Я приступил к лечению Менжинского, и Менжинский встал.

Вышинский. Вы поменьше говорите о своих заслугах, а говорите по существу заданного вам вопроса. Почему вы не спросили его: «в чем дело? Я вас не понимаю». Обыкновенно не спрашивают тогда, когда понимают. Правда?

Казаков. Да, это верно.

Вышинский. Вы тогда кое о чем догадывались?

Казаков. Нет, я в тот момент не догадывался. Потом, в октябре месяце, он сказал: «Я вас считал умнее, а вы меня не поняли».

Вышинский. В чем ваш ум должен был проявиться?

Казаков. Он мне в резкой форме сказал: «Удивляюсь я вам, что вы так рьяно взялись за лечение Менжинского и даже укрепляете его здоровье, зря допустили его к работе». И дальше он сказал такую фразу, что «этим вы раздражаете Ягоду».

Вышинский. А вы что?

Казаков. И он добавил, что это к добру не приведет.

Вышинский. А вы что?

Казаков. Я слушал, что дальше будет.

Вышинский. Почему же вы слушали? Разве не ясно уже было, в чем дело?

Казаков. Я хотел выслушать, до чего он дойдет.

Вышинский. До чего же он дошел?

Казаков. В октябре Левин сказал мне: «Вы поймите, что Менжинский — фактически труп, а восстанавливая его здоровье, допуская его к работе, вы тем самым восстанавливаете против себя Ягоду. Поймите, что Ягода заинтересован в устранении Менжинского, и если вы не подчинитесь ему — Ягода с вами расправится».

Вышинский. Он пугал вас?

Казаков. Да. Вы ни слова не говорите Менжинскому, потому что все равно от Ягоды не уйдешь. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, он вас достанет из-под земли.

Вышинский. Это он вас пугал?

Казаков. Он заявлял в такой форме.

Вышинский. Вы испугались?

Казаков. Я задумался. Дальше Левин мне сказал: «Имейте в виду, что с вами будет разговаривать Ягода». По совести говоря, я здесь был совершенно растерян, испугался и не знал, что предпринять.

Вышинский. Что вы ответили Левину?

Казаков. Ничего не ответил.

Вышинский. Выходит, что все три раза вы ничего не отвечаете, молчите?

Казаков. Я не знал, что отвечать на эти циничные разговоры. Может быть Левин является агентом Ягоды, потому что со мною так откровенно разговаривать у него не было никаких оснований.

Вышинский. Следовательно вы утверждаете, что Левин вас запугивал, угрожал?

Казаков. Да.

Вышинский. Обвиняемый Левин, правильно то, что передает Казаков?

Левин. Не знаю, возражать тут же, в этот же момент или потом. Тут столько какой-то путаницы...

Вышинский. Задача судебного следствия и заключается в том, чтобы распутать всю эту путаницу.

Левин. Я не знаю, причем тут такие выражения, как «запугивание», «выпучил глаза», ссылка на то, чтобы он меня понял по одному выражению моих глаз. Я не считал Казакова таким умным, чтобы он мог понять с одного взгляда.

Я думаю, что не стоит останавливаться на этих мелочах. Конечно, если суд потребует, я могу рассказать все подробно.

Вышинский. Я вас спрашиваю, действительно ли вы застращивали Казакова?

Левин. Это фантастично уже потому, что весь мой разговор с Ягодой о Менжинском был осенью 1933 года, а в мае я должен был знать, что надо было убить Менжинского. Казаков относит мой разговор к маю.

Казаков. Первый разговор был в мае месяце.

Вышинский. При первом разговоре он вас застращивал?

Казаков. Нет. Второй разговор был в июне.

Вышинский. Застращивал?

Казаков. Нет, не было.

Вышинский. А когда?

Казаков. В октябре месяце, когда я вернулся из Кисловодска, он мне откровенно сказал.

Левин. Да, тогда я сказал Казакову, что Ягода сказал то-то и то-то, что он вас вызовет и расскажет вам подробности.

Вышинский (к Казакову). Это вам Левин говорил?

Казаков. Да.

Вышинский. Вы отрицаете, обвиняемый Левин, что вы запугивали Казакова?

Левин. Я сказал, что я настолько запуган Ягодой...

Вышинский. Сам запуган?

Левин. Я сказал, что бороться с ним не имею возможности.

Вышинский. Подсудимый Казаков, правильно говорит Левин?

Казаков. Левин сказал одну фразу, что Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, и если будете сопротивляться, он наверняка вас лишит жизни.

Левин. Это совершенно верно.

Вышинский. Вы говорили это?

Левин. Да.

Вышинский. И поэтому что же?

Левин. Если вам угодно, я могу рассказать вам о майско-июньском разговоре.

Вышинский. Нет.

Левин. Я думаю, что тоже не стоит.

Вышинский. Значит?

Левин. Если Ягода может решиться на все...

Вышинский. Следует подчиниться?

Левин. Да.

Вышинский. Говорили это?

Левин. Да, и решили.

Казаков. Я ничего не решал.

Вышинский. Вам говорил Левин, что вас вызовет Ягода?

Казаков. Говорил.

Вышинский. Вы ответили?

Казаков. Нет, ничего не отвечал.

Вышинский. На чем кончилась ваша беседа?

Казаков. Мы разговорились...

Вышинский. Соглашение было достигнуто?

Казаков. Нет, я ничего ему не сказал.

Вышинский. Обвиняемый Левин, вам ничего Казаков не сказал?

Левин. До свидания с Ягодой — ничего.

Вышинский. Значит, ваша задача была в том, чтобы информировать Казакова о предстоящем свидании с Ягодой на предмет преступного разговора?

Левин. Да. Я передал Казакову, что его вызовет Ягода и все ему расскажет.

Вышинский. Подсудимый Ягода, давали вы поручение Левину о вызове к вам Казакова для разговора?

Ягода. Я этого человека вижу первый раз здесь.

Вышинский. Значит, такого поручения вы Левину не давали?

Ягода. Я давал поручение Левину переговорить...

Вышинский. С кем?

Ягода. С Казаковым, но сам лично его не принимал.

Вышинский. Я вас не спрашиваю, принимали вы его или нет, а я спрашиваю, давали вы поручение Левину переговорить с Казаковым?

Ягода. Поручения переговорить с Казаковым я не давал.

Вышинский. Вы только что сказали, что давали Левину такое поручение.

Ягода. Я давал Левину поручение об умерщвлении Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, и только.

Вышинский. А насчет Менжинского?

Ягода. Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не умерщвлял.

Вышинский. Это мы обсудим, когда будем вас допрашивать. Мне важно сейчас проверить, правильно ли показывает Левин, что вы ему поручали переговорить с Казаковым о том, что он будет вами вызван.

Ягода. Никаких поручений Левину о разговоре с Казаковым я не давал.

Вышинский. Не давали?

Ягода. Нет.

Вышинский. Левин, вы слышали это объяснение Ягоды?

Левин. Слышал.

Вышинский. Кто же прав?

Левин. Я не знаю, как понять сейчас заявление Ягоды. О том, что Казаков был вызван к Ягоде, Казаков сам...

Вышинский. Я спрашиваю не об этом. Поручение вам давал Ягода?

Левин. Давал.

Вышинский. Вы передали Казакову?

Левин. Передал.

Вышинский. Казаков был вызван?

Левин. Был.

Вышинский. Откуда вам известно, что он явился на вызов?

Левин. Он это сам показывает.

Вышинский. Вам откуда известно, что он явился?

Левин. Казаков мне сам об этом рассказал.

Вышинский. Казаков, вы были вызваны к Ягоде?

Казаков. Да, 6 ноября 1933 года, в 3 часа дня.

Вышинский. Вы явились?

Казаков. Да, за мной прислали машину.

Вышинский. Ягода вас принимал?

Казаков. Принимал.

Вышинский. Вы с ним разговаривали?

Казаков. Да.

Вышинский. Вы до этого видели Ягоду?

Казаков. Нет, это было в первый раз.

Вышинский. А о чем с вами говорил Ягода?

Казаков. Я должен сначала сделать одно маленькое вступление. Почему я явился 6 ноября. 5 ноября вечером был перевезен Менжинский с Шестых Горок в Москву на 2-ю Мещанскую улицу во вновь отремонтированный особняк. Менжинского я не видел до этого недели две-три. 6 ноября за мной приехала машина ОГПУ, и я поехал на Мещанскую улицу. Войдя в помещение, куда вечером прибыл Менжинский с семьей, я застал, прежде всего, неимоверно удушливую атмосферу...

Вышинский. Вы не рассказывайте, пожалуйста, таких подробностей, мы будем вас специально допрашивать, а скажите то,

что нас интересует, в связи с заявлением Ягоды, что он вас никогда не видел.

Казаков. 6 ноября, после того, как я вернулся от Менжинского к себе домой, мне позвонили по телефону и сказали, что сейчас за мной придет машина от Ягоды. На этой машине я и прибыл к первому подъезду ОГПУ.

Ягода меня встретил и спросил — как вы находите здоровье Менжинского? Я сказал, что Менжинский сейчас, после перенесенных припадков бронхиальной астмы, находится в тяжелом состоянии. Дальше он меня спросил — а говорили вы с Левиным? Я ответил — да, говорил. Так что же вы умничаете, — заявил Ягода, — почему вы не действуете? Я оказал Менжинскому медицинскую помощь, он был в тяжелом состоянии. Я даже вместе с шофером вынес его на веранду, потому что он был в состоянии припадка, в результате той удушливой атмосферы, какая была в помещении. «Кто вас просил оказывать помощь Менжинскому?» Ягода пришел в буквальном смысле слова в ярость и сказал мне: «На Менжинского все махнули рукой, вы зря возитесь с ним. Жизнь его никому не нужна, всем мешает. Я вам предлагаю вместе с Левиным выработать такой метод лечения, при котором можно было бы скорее закончить жизнь Менжинского. Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить».

Вышинский. Что же вы ему ответили?

Казаков. Ягода продолжал: «я умею ценить людей, которые подчиняются мне. Вы от меня никуда не спрячетесь». Я спросил, что нужно от меня. Он повторил, что я должен с Левиным повидаться и выработать метод, который помог бы ускорить наступление смерти Менжинского. Я совершенно растерялся. Из страха я подчинился. Я сказал, что повидаюсь с Левиным. В конце декабря я с ним виделся.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, Казаков показывает, что вы его к себе вызвали, что вы с ним виделись и дали ему определенное поручение. Что вы на это скажете?

Ягода. В показаниях Казакова сказано, что он был у меня, был вечером.

Вышинский. Вы ответьте на мой вопрос: вызывали ли вы Казакова и виделись ли с ним?

Ягода. Этого человека я увидал в первый раз здесь. Я с ним не разговаривал никогда на эти темы.

Вышинский. Почему вы говорили на предварительном следствии об этом иначе?

Ягода. Это неправильно, что я говорил на предварительном следствии.

Вышинский. Прошу предъявить том 2, лист дела 196.

Показания обвиняемого Ягоды от 28 декабря 1937 года (лист дела 196).

«Известно, что последние годы Менжинский больше болел, чем работал. Руководил работой я. Было ясно, что с его смертью председателем ОГПУ буду я. С этой мыслью я свыкся и ждал

смерти Менжинского, а он не умирал. Когда я дал задание Левину убрать Макса»...

Вышинский. Обвиняемый Левин, кто это Макс?

Левин. Максим Алексеевич Пешков.

Вышинский. «...я подумал, почему не сделать это же самое с Менжинским. В одном из разговоров с Левиным я ему об этом прямо сказал. Он уже был связан со мной в подготовке преступлений и не мог от этого отказаться».

Обвиняемый Ягода, Левин был с вами связан в подготовке преступлений?

Ягода. В отношении Макса нет.

Вышинский. А кого?

Ягода. Куйбышева и Максима Горького.

Вышинский. А это говорили на предварительном следствии?

Ягода. Говорил.

Вышинский. «Но он заявил, что не имеет доступа к Менжинскому, что постоянно лечащим доктором является Казаков и что без него не обойтись. Я поручил Левину привлечь к этому Казакова».

Вы это показывали, обвиняемый Ягода?

Ягода. Я сказал, что показывал, но это неверно.

Вышинский. Почему вы это показывали, если это неверно?

Ягода. Не знаю, почему.

Вышинский. Садитесь.

«Я вызвал Казакова к себе, подтвердил ему мое распоряжение... он сделал свое дело, Менжинский умер».

Показывали это, обвиняемый Ягода?

Ягода. Показывал.

Вышинский. Значит, вы встречали Казакова?

Ягода. Нет.

Вышинский. Почему вы показывали неправду?

Ягода. Разрешите на этот вопрос не ответить.

Вышинский. Вы отрицаете, что вы организовали убийство Менжинского?

Ягода. Отрицаю.

Вышинский. В этом показании вы это признали?

Ягода. Да.

Вышинский. Когда вас допрашивал Прокурор Союза, то вы как ответили на этот вопрос о своем отношении к убийству Менжинского?

Ягода. Тоже подтвердил.

Вышинский. Подтвердили. Почему вы подтвердили?

Ягода. Разрешите на этот вопрос не ответить.

Вышинский. Тогда ответьте на мой последний вопрос. Вы заявляли какие-нибудь претензии или жалобы по поводу предварительного следствия?

Ягода. Никаких.

Вышинский. Сейчас тоже не заявляете?

Ягода. Нет.

Вышинский. Садитесь.

Продолжайте, обвиняемый Левин.

Левин. Я упустил одну подробность, которую необходимо сказать. Ягода мне сказал, что у него был разговор с Крючковым.

Вышинский. Подсудимый Крючков, какой разговор был у вас с Ягодой?

Крючков. Ягода мне сказал, что необходимо устранить Максима Пешкова.

Вышинский. Что значит устранить?

Крючков. Убить Максима. «Дело, говорит, не в Максиме, а главным образом, в Горьком. Надо уменьшить активность Горького, активность Горького мешает некоторым людям». Из дальнейшего разговора я понял, что он подразумевал Рыкова, Бухарина и других. В этом разговоре я узнал от Ягоды, что предполагается контрреволюционный переворот и что он является участником этого переворота. Он мне прямо сказал: в СССР будет скоро новая власть, новая власть больше соответствует вашим настроениям.

Вышинский. Чьим?

Крючков. Моим.

Вышинский. А ваши настроения были какие?

Крючков. По разговору, который я вел в 1933 году, приблизительно он мог так заключить, что я близок к организации правых. Я его спросил: что же мне делать? Он говорит: вы знаете, как Алексей Максимович любит Макса. Смерть Макса будет большим ударом по Горькому и превратит его в безобидного старика. Вы должны убить Макса. При этом прибавил несколько угрожающих фраз. Я принял предложение Ягоды. Ягода мне сказал, что вы раньше пили с Максом, а теперь начните его спаивать...

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вы говорили с Крючковым о заговоре?

Ягода. Нет. С Крючковым о заговоре я никогда не говорил.

Вышинский. На политические темы говорили с ним?

Ягода. Нет, я ему никогда не доверял.

Вышинский. Так что все, что говорит Крючков...

Ягода. Все ложь.

Вышинский. Вы ему такого поручения о Максиме Пешкове не давали?

Ягода. Я заявлял, гражданин Прокурор, что в отношении Максима Пешкова никаких поручений не давал, никакого смысла в его убийстве не вижу.

Вышинский. Так что Левин врет?

Ягода. Врет.

Вышинский. Казаков говорит ложь?

Ягода. Ложь.

Вышинский. Крючков?

Ягода. Ложь.

Вышинский. Крючкову по поводу смерти Максима Пешкова поручений не давали? Вы на предварительном следствии...

Ягода. Лгал.

Вышинский. А сейчас?

Ягода. Говорю правду.

Вышинский. Почему вы врали на предварительном следствии?

Ягода. Я вам сказал. Разрешите на этот вопрос вам не ответить.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Левин.

Левин. В результате наших совместных вредительских действий в мае месяце, почти в один день, день через день, погибли и Вячеслав Рудольфович Менжинский и Максим Алексеевич Пешков. Я попрошу разрешения у суда и у вас, гражданин Прокурор, в эту минуту не останавливаться пока на подробностях того, как мы это сделали, и сказать несколько слов еще о дальнейшей беседе с Ягодой по поводу следующих наших жертв. Я потому думаю этот порядок избрать, что для того, чтобы вам, не врачам, было понятнее то, что мы делали в отношении вредительства, мне нужно будет дать коротко, очень коротко, медицинские предпосылки, тогда вам будет яснее наш образ действий, однотипный в отношении всех четырех случаев. Так что сейчас я остановлюсь только на том, что в результате наших совместных вредительских действий Менжинский умер 10 мая 1934 года, а на следующий день Максим Алексеевич Пешков. Эти преступления были совершены. Нечего говорить, как они отвратительны, омерзительны в руках каждого врача, независимо от того, к какому больному и в какой обстановке они применяются. Но тягостно мне это особенно было выполнить в отношении к Менжинскому, к которому я всегда относился очень хорошо...

Вышинский. Это мы видим.

Левин. И который ко мне относился очень хорошо, и особенно в отношении сына Алексея Максимовича Горького.

Но я тогда не знал еще, что ждет меня впереди. Через несколько дней после похорон В. Р. Менжинского и М. А. Пешкова меня снова вызвал к себе Ягода и сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках, и вы должны итти на то, что я вам сейчас предложу, гораздо более серьезное и важное. Я вас предупреждаю, что то, что я вам сейчас поручу, для вас так же обязательно, как в отношении прежних моих поручений. Но для того, чтобы вам было понятно, что я вам скажу и что вы должны сделать, я должен вам дать краткую информацию о положении в стране. Вам, человеку, далекому от политики, беспартийному, вам тогда будет понятнее, что нужно сделать». Затем он стал говорить мне о том, что в партии крепнет, растет большое недовольство партийным руководством, смена власти неизбежна, предрешена и неминуема, что во главе движения стоят Рыков, Бухарин и Енукидзе. И так как это неизбежно, так как это все равно произойдет, то чем скорее это произойдет, тем лучше. А для того, чтобы это скорее произошло, для того, чтобы облегчить этот процесс, нам нужно устранить с политической арены некоторых членов Политбюро, а также Алексея Максимовича Горького. Это — историческая необходимость. Но вы меня остановили, гражданин Прокурор, когда я хотел вам сказать о своих, в связи с этим, переживаниях.

Поэтому я об этом не буду ничего говорить, а буду излагать сухо только факты по вашему желанию. Так что после такой паузы он сказал, что «вы напрасно так волнуетесь, вы поймите, что это неизбежно, что это есть момент исторический, это есть историческая необходимость, это есть этап революции, через который мы должны пройти и вы вместе с нами его пройдете и будете его свидетелем, и вы должны теми средствами, которые в ваших руках, нам помочь, и вы, чем волноваться, скажите, кого вы можете взять на себя, кроме Алексея Максимовича Горького». Я опять-таки остальное отстраняю и скажу, что в тот день больше разговоров у нас не было. Через несколько дней я снова был у Ягоды и сказал ему, что я вынужден выполнить и эту его директиву. В этом разговоре Ягода добавил: «Алексей Максимович человек очень близкий к высшему партийному руководству, человек очень преданный той политике, которая ведется сейчас в стране, очень преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину, человек, который никогда не изменит, никогда не пойдет с нами по пути. А вы знаете, с другой стороны, каким авторитетом пользуется слово Горького у нас в стране и далеко за ее пределами, каким влиянием он пользуется и как много вреда он может сделать своим словом нашему движению. Нужно вам решиться на это, — сказал он, — и вы пожнете плоды при приходе новой власти».

Когда Ягода меня спросил, кого я мог бы еще наметить, я ему сказал, что это можно осуществить по отношению к такому человеку, который часто болеет, который нуждается в частой медицинской помощи, к члену Политбюро Валериану Владимировичу Куйбышеву. Я могу привлечь Дмитрия Дмитриевича Плетнева, который знал Валериана Владимировича. Оба мы его знали лет двенадцать.

Плетнев его знал так же, как и я, оба мы его знали лет двенадцать, как больного. Я еще сказал о том, что в медицинских кругах в Москве все знают, что настроение Дмитрия Дмитриевича Плетнева антисоветское, он легче пойдет, чем кто-либо другой. Ягода сказал: «хорошо, я поговорю сам. Вы предупредите Плетнева, что я вызову его сам и поговорю. Кроме того во всем, что касается Алексея Максимовича, Крючков может помочь, а в отношении Валериана Владимировича в курсе будет его секретарь Максимов».

Вышинский. Значит, умерщвление А. М. Горького вы организовали?

Левин. Да.

Вышинский. Кого вы привлекли к этому преступному делу?

Левин. Профессора Плетнева.

Вышинский. Кто были соучастниками в этом деле?

Левин. Петр Петрович Крючков.

Вышинский. По чьему поручению вы действовали?

Левин. Ягоды.

Вышинский (к суду). Разрешите спросить подсудимого Ягоду?

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Ягода, в этой части вы подтверждаете показания обвиняемого Левина?

Ягода. Да, подтверждаю.

Вышинский. Вы такое поручение давали?

Ягода. Давал.

Вышинский (к Левину). По чьему поручению вы также организовали умерщвление Валериана Владимировича Куйбышева?

Левин. По поручению Ягоды.

Вышинский. Привлекши к этому преступному делу?

Левин. Максимова и профессора Плетнева.

Вышинский. Подсудимый Крючков, вы подтверждаете то, что сказал Левин?

Крючков. Я подтверждаю, что Ягода мне давал поручение убить А. М. Горького.

Вышинский. Подсудимый Максимов-Диковский, вы подтверждаете показания Левина?

Максимов-Диковский. Подтверждаю, но меня привлек не Левин, а Енукидзе и Ягода.

Вышинский. Подсудимый Плетнев, вы подтверждаете показания Левина, ссылавшегося на ваше участие в этом преступлении?

Плетнев. Подтверждаю.

Вышинский. Садитесь. Вопросов у меня пока нет.

Председательствующий. Подсудимый Левин, продолжайте.

Левин. Я просил бы разрешить мне маленькое отступление для чисто медицинских пояснений, чтобы было понятным, как мы действовали.

Председательствующий. Пожалуйста.

Левин. Для того, чтобы заболеть каким-нибудь инфекционным заболеванием, скажем, дифтеритом, не надо непременно, чтобы во рту сидела дифтерийная палочка, или чтобы заболеть крупозным воспалением легких, не надо, чтобы непременно в нашем дыхательном органе сидел пневмококк, который является возбудителем болезни. Эти бактерии могут находиться в организме и до поры до времени не причинять вреда — они не вирулентны; но наступает момент, когда они становятся вирулентными. Для того, чтобы этот момент наступил, надо создать в организме такую обстановку, при которой он мог бы потерять свою сопротивляемость, защитную силу, сделался бы способным воспринять какую-нибудь инфекцию. Для того, чтобы заболеть, скажем, воспалением легких или другим острым заболеванием, достаточно иногда бывает одной только простуды. В этом я твердо уверен, несмотря на то, что есть врачи, которые считают, что простуда — вещь не реальная. Но я считаю несомненным, что если мы откроем здесь с двух сторон окна, то завтра многих здесь не будет. Для того, чтобы ослабить сопротивляемость организма, надо знать, что в этом организме слабо, что в этом организме является местом наименее сопротивляемым, какие органы наиболее раздражимы и легче воспринимают ослабление. Наконец не надо думать, что человек отравляется только каким-нибудь ядом. Надо знать, что каждое лекарство в своем

существе заключает в себе яд, дело зависит от дозы; каждое лекарство, самое простое, в неподходящей дозе и в неподходящий момент можно сделать ядом. Я приведу один наглядный пример. Все знают, что при сахарной болезни, при диабете, люди лечатся инсулином; люди впрыскивают этот инсулин себе сами два раза в день, носят его в кармане, впрыскивают очень большие дозы —80—100 единиц. Если же вы впрысните маленькую дозу — 5—10 единиц человеку, не подходящему для впрыскивания инсулина, человеку, у которого пониженное количество сахара и крови, он может умереть от припадка так называемого гипоклитического шока. Вот, исходя из этих соображений, мы и подходили к нашим жертвам. Не желая применять остродействующих отравляющих веществ, мы действовали неправильным лечением.

Вышинский. Кто это «мы»?

Левин. Я, Плетнев, Виноградов, Казаков. Все, которых я вам уже называл.

Вышинский. Этот план вы разработали самостоятельно или с кем-нибудь из названных лиц?

Левин. План в отношении Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева я разрабатывал с профессором Плетневым. План в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского — с Казаковым.

Вышинский (к суду). Позвольте Плетнева спросить.

Подсудимый Плетнев, вы разрабатывали подобного рода план с Левиным?

Плетнев. Да.

Левин. Скажу о всех четырех случаях. Когда встал вопрос относительно умерщвления Максима Пешкова, то здесь мы подготовили ослабление организма чрезмерным употреблением спиртных напитков. Относительно вина нужно сказать, что есть люди, которые очень хорошо переносят спиртные напитки. Вся Европа пьет вино и не всем оно приносит вред. А есть организмы, для которых небольшое количество вина приносит чрезвычайный вред. К числу таких организмов относился и организм Пешкова. У него было три системы, которые очень легко можно было использовать: это сердечно-сосудистая, чрезвычайно возбудимая система, его дыхательные органы, унаследованные от отца не в смысле туберкулеза, а в смысле слабости, и, наконец, вегетативно-нервная система. Небольшое количество вина и то влияло на его организм, а он пил, несмотря на это, большое количество вина. В этом был его грех. В этом отношении Петр Петрович Крючков составил ему компанию. Крючков пил довольно много, но с той разницей, что на него вино действовало хорошо, он переносил это безвредно, а Пешков переносил совсем по-иному.

Вот здесь и началась подготовка ослабления организма Максима Пешкова, усилилось потребление им спиртных напитков, что для больного было просто очень легко и приятно. Он не видел в этом для себя никакой обузы, а ослабляло это его организм чрезвычайно.

Затем в ослабленном состоянии, в один очень жаркий день в апреле, а весна в том году в Москве была чрезвычайно жаркой, Макс, разгоряченный, потный, по предложению Крючкова, который принимал участие в ослаблении организма Пешкова, был уложен на скамью недалеко от реки. Его обдувало ветром, он был потный, лежал без сорочки в течение двух часов. Ясно, что он простудился, заболел, и через день обнаружилось крупозное воспаление легких.

Это первая часть вредительства — подготовка больного. Эта подготовка больного была произведена. Больной был очень расслаблен, сердце было в отвратительном состоянии; нервная система, как мы знаем, играет огромную роль в течении инфекционных болезней. Все было возбуждено. Все было ослаблено и болезнь приняла чрезвычайно тяжелый характер.

Я вам уже сказал, что в первом своем свидании с Ягодой я говорил о том, что я не знаю, будет ли привлечен к этому профессор Плетнев, и я не стал этого делать, потому что ясно было, что эта болезнь тяжело протекает. Я пригласил Плетнева на консультацию, мы были с ним два раза и видели, что течение болезни тяжелое. Об этом же знал и А. И. Виноградов, который был приглашен в качестве дежурного врача. Ухудшило течение этой болезни то, что были устранены те средства, которые могли принести большую пользу для сердца, и наоборот, давались те, которые ослабляли сердце. И в конце концов, как я уже говорил, 11 мая, после воспаления легких он погиб. Вот как произошло наше первое вредительство.

Перехожу ко второму случаю — умерщвлению Вячеслава Рудольфовича Менжинского...

Ягода (к суду). Разрешите мне задать вопрос Левину?

Председательствующий. После того как кончит показания Левин.

Ягода. Это касается вопроса о смерти Максима Горького.

Председательствующий. Вот когда кончит подсудимый Левин, тогда пожалуйста.

Левин. Мы довольно редко встречались с Казаковым у Менжинского. Он обычно приглашал то меня, то Казакова. Он в то время был большим поклонником именно Казакова, и, как я уже говорил, когда в казаковском лечении были паузы, в эти периоды бывал у него я, почти всегда с кем-нибудь из врачей санчасти ОГПУ.

Есть две системы лизатов, одна так называемая симпатико-тропная, которая состоянию сердечной деятельности Менжинского, безусловно, вредила, и другая система — ваготропные лизаты, которые успокаивали сердце и были для него полезны.

Казаков стал давать ту систему лизатов и ту группу, ту смесь, которая вредит сердцу Менжинского. Учитывалось также, что комбинация лизатов с сердечными средствами могла привести к ускорению процесса, то есть к ухудшению основного в состоянии здоровья — миокардита и грудной жабы, — что в свою

очередь должно было привести к новым припадкам грудной жабы.

Смерть Вячеслава Рудольфовича Менжинского и произошла от нового припадка грудной жабы...

Председательствующий. Продолжайте, продолжайте.

...Теперь в отношении Куйбышева. Слабым местом в его организме было сердце, на которое был направлен наш удар. Мы знали о плохом состоянии его сердца в продолжении значительного периода времени. Он страдал поражением сосудов сердца, миокардитом, у него бывали небольшие припадки грудной жабы. В этих случаях необходимо щадить сердце, необходимо избегать остродействующих сердечных средств, которые очень возбуждали бы деятельность сердца и приводили бы постепенно к его дальнейшему ослаблению. Эти средства, опять-таки, — не нужно в них искать яда. Тот же препарат дигиталиса даже полезен, если давать его в умеренных дозах и больному с другими сердечными заболеваниями. Препарат желез внутренней секреции тоже полезен, но эти препараты нужно давать с известными перерывами. Мы применяли в отношении Куйбышева возбуждающие сердце средства без перерывов, в течение продолжительного периода времени, вплоть до его командировки в Среднюю Азию. Начиная с августа по сентябрь — октябрь 1934 года он непрерывно получал впрыскивание специальных препаратов эндокринных желез и другие средства, возбуждающие деятельность сердца. Это усилило и участило припадки грудной жабы. В таком болезненном состоянии он и уехал в Среднюю Азию. Там у него случилось непредвиденно острое заболевание — он заболел тяжелой формой ангины с нарывом в горле и ему пришлось делать операцию. Куйбышев вернулся из командировки, не избавившись от ангины. Выслушивание его сердца показало, что оно находится в очень плохом состоянии. При таком состоянии больного нужно было уложить в постель, запретить ему всякую работу, чего я не сделал. Он работал. Затем он пошел в Совнарком, и вот в Совнаркоме, в его кабинете, произошел припадок грудной жабы. Его секретарь Максимов сделал то, что ускорило, несомненно, гибель Куйбышева. Дело в том, что Максимов при встречах меня спрашивал, как состояние здоровья Валериана Владимировича Куйбышева, что ему может быть полезно и что вредно. Мы не говорили о том, что знаем друг о друге. Я ему говорил, что у него может произойти припадок грудной жабы. Во время припадка, Куйбышев должен был лежать без всяких движений, совершенно спокойно. Все это я ему говорил, но знал, что он сделает противоположное тому, что я говорю, так как от Ягоды он знал об этом деле — об организации убийства Куйбышева. Что же было сделано? Не знаю, Максимов или кто другой был около него, но в состоянии припадка грудной жабы ему дали возможность пойти из здания Совнаркома до дому одному, он вышел из подъезда, прошел под арку, прошел мимо амбулатории, где сидели врачи, но никаких врачей к нему не позвали. Он поднялся на третий этаж на ногах. Дома была, правда случайно, домаш-

няя работница. Когда она увидела, что ему стало очень плохо, она позвонила Максимову. Уже затем был вызван дежурный врач. Потом позвонили мне. Когда я пришел, я застал Куйбышева уже мертвым.

И наконец, последнее умерщвление — Алексей Максимович Горький. К этому времени он был уже очень больным человеком. Плохо у него обстояло дело с легкими, они у него были в угрожающем состоянии после тех туберкулезных вспышек, как я уже говорил, которые у него неоднократно бывали. Кроме того, изменения в легких страшно затрудняли деятельность сердца, так что у него одновременно и со стороны легких и со стороны сердца было чрезвычайно неблагополучно.

В 1935 году зимою он был в Крыму, и мы там говорили с Крючковым, который постоянно ездил в Крым и который вообще заправлял всем, что было в доме Горького. Договорились о мероприятиях, вредных Алексею Максимовичу, я ему говорил, что Алексей Максимович очень любит прогулки. Большие прогулки ему нельзя делать, это его утомляет. Он все время говорил, что он страдает от того, что он все время сидит, ведет сидячий образ жизни. Я сказал, что нужно прогулки практиковать. Горький очень любил труд, любил в парке, в саду рубить сучья деревьев или скалывать кусочки скал. Все это было ему разрешено во вред его здоровью. Это его сильно утомляло. Целый день он сидел в кабинете, потом гулял и в течение полутора часов на прогулке производил эти работы. Эти работы его очень утомляли. Вторая страсть у него была к огню. Горький любил огонь, пламя, и это было нами использовано. Для него разжигался костер. Как раз после утомления Горького работой, собиралось все в кучу, срубленные сучья, разжигалось пламя. Горький стоял около этого костра, было жарко, и все это вредно действовало на его здоровье.

Для приезда Горького в Москву опять-таки было условлено — выбрать такой момент, чтобы он мог заболеть гриппом. Он был очень склонен к заболеванию гриппом и грипп часто осложнялся бронхитом или воспалением легких. Узнав, что в доме Максима Горького гриппозное заболевание (дети болели тогда гриппом), Ягода сообщил об этом в Крым и Крючков организовал возвращение Максима Горького как раз в это время в Москву. И действительно, приехав в эту гриппозную квартиру, на второй или третий день Горький заболел гриппом, который очень быстро осложнился крупозным воспалением легких, принявшим сразу тяжелое течение. Но, тем не менее, мы с профессором Плетневым считали, что тот план, который мы выработали, надо провести и использовать для этого те из лекарств, которые могли быть для него вредными. Мы не применяли каких-нибудь особенных лекарств, которые вызвали бы недоумение, почему они были применены тут. Мы применяли только те лекарства, которые в этих случаях обычно применяются, но применяли их в очень большом количестве. В данном случае они переходили в свою противоположность. Опять-таки сердечный мотор, бесконечно нажимаемый, сдавал свои силы, терял свою работоспособность

и в конце концов он не выдержал. Если разрешите, я два слова скажу о том, о чем вы вчера заявили, по линии лекарств, что получилось письмо от доктора Белостоцкого, в котором указано, что применялось большое количество впрыскиваний и что применялся одно время строфантин. Я не знаю, тут ничего нового нет. Мы же это сами не скрываем, что его применяли в очень большом количестве. Строфантин есть один из препаратов и очень ценный как и препарат дигиталиса, — я его не очень любил, побаивался, не часто к нему прибегаю, — он был рекомендован на одной из консультаций, между прочим, пару раз впрыснут. Когда, как совершенно верно доктор Белостоцкий пишет, он спросил меня, стоит ли его продолжать, я сказал, что не стоит продолжать, потому что препараты дигиталиса мы и так даем. Так что это письмо не заключает каких-нибудь фактов, которые мы бы скрыли, оно продиктовано бдительностью советского врача, который решил доложить, что он знал, и только подтверждает то, что я говорил сейчас.

Председательствующий. Вы кончили?

Левин. Я кончил.

Председательствующий. Перерыв на полчаса.

***

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Товарищ Прокурор, у вас есть еще вопросы к подсудимому Левину?

Вышинский. Да. Но кажется обвиняемый Ягода хотел задать вопросы подсудимому Левину.

Председательствующий. Подсудимый Ягода, можете задать вопросы.

Ягода. Я прошу ответить Левина, в каком году постановлением лечебной комиссии Кремля он, Левин, был прикомандирован ко мне, как лечащий врач, и к кому еще он был прикомандирован?

Председательствующий. Подсудимый Левин, вы помните?

Левин. Нет, в каком году я был прикомандирован, я не могу вспомнить, а к кому был прикомандирован — могу, это большой список людей.

Председательствующий. Ну, примерно, когда?

Левин. Тоже не могу вспомнить. Это было, несомненно, в конце двадцатых годов.

Ягода. Постановление лечебной комиссии Кремля было о том, что вы прикомандировываетесь ко мне, как лечащий врач.

Левин. Это не лечебная комиссия делает, а Санупр Кремля, но Санупр Кремля никаких письменных постановлений на этот счет не выносит, а было это так: вызывают меня в кабинет к начальнику Санупра и говорят — возьмите на себя лечение таких-то ответственных работников. Вот в последнее время у меня был список в 24 человека, но это делалось опять-таки в последнее время, когда несколько больных выбыло из моего списка и меня вызвали в кабинет начальника Санупра и сказали: «У вас

освободилось столько-то мест, возьмите на себя лечение новых наркомов». Таким образом, никаких постановлений, которые помогли бы вспомнить, когда я был прикомандирован к тому или иному больному, повторяю, не было никаких, это прикрепление мое к больным нигде не фиксируется, а имеются списки в Санупре Кремля, где говорится, что у Левина такие-то больные, у Бурмина — такие-то больные.

Ягода. У меня нет вопросов.

Вышинский. Велась ли история болезни Максима Алексеевича Пешкова?

Левин. Историю болезни мы не имели.

Вышинский. Велась ли?

Левин. Нет, конечно. У нас имеется такой медучет, архив, в этом архиве хранятся все истории болезни.

Вышинский. Когда лечили Максима Алексеевича Пешкова, вы ничего не записывали в историю болезни?

Левин. Нет, ничего.

Вышинский. Почему?

Левин. Потому, что у нас имеется лечебная карточка на Алексея Максимовича Горького, а затем в эту карточку вписывается его семья, так что, собственно говоря, на попечении Санупра Кремля находится Алексей Максимович Горький.

Вышинский. Но вот лечили вы Максима Алексеевича Пешкова, но истории болезни на него не вели?

Левин. Нет.

Вышинский. Вы лечите Алексея Максимовича Горького, который состоит на учете в Санупре. У него есть сын Максим Алексеевич, он тоже состоит на учете, но истории болезни его вы не ведете?

Левин. Нет.

Вышинский. А почему? Вы объясняете это тем, что он не имел самостоятельной регистрации?

Левин. Нет, это очень просто, Санупр Кремля считал, что на его попечении и на его большом внимании находится основной владелец карточки, а это — так называемые члены семьи.

Вышинский. Значит, истории болезни для членов семьи не полагается?

Левин. Нет.

Вышинский. Вы обычно ведете на членов семьи историю болезни?

Левин. Нет, не ведем.

Вышинский. Все те, которые у вас лечатся, они имеют историю болезни?

Левин. Нет. Основные работники имеют так называемые санжурналы и они хранятся в медучете.

Члены семьи не имеют права даже посещать так называемую центральную поликлинику.

Вышинский. Какой смысл имеет история болезни? Какое назначение имеет история болезни?

Левин. Видите ли, когда больной лежит в больнице, там есть целый ряд людей.

Вышинский. Я спрашиваю, какой смысл имеет история болезни, для чего предназначена история болезни?

Левин. Чтобы оставить след.

Вышинский. Я спрашиваю, в отношении Максима Алексеевича Пешкова был оставлен след?

Левин. Нет.

Вышинский. Уточните мне дозировку тех средств, которые применялись в отношении Алексея Максимовича Горького.

Левин. В отношении Алексея Максимовича установка была такая: применять ряд средств, которые были в общем показаны, против которых не могло возникнуть никакого сомнения и подозрения, которые можно применять для усиления сердечной деятельности. К числу таких средств относились: камфара, кофеин, кардиозол, дигален. Эти средства для группы сердечных болезней мы имеем право применять. Но в отношении его эти средства применялись в огромных дозировках. Так, например, он получал до 40 шприцев камфары.

Вышинский. В течение какого времени?

Левин. В сутки — от 30 до 40 шприцев. Для него эта доза была велика.

Вышинский. Мы спросим у экспертов.

Левин. Совершенно верно. Но хирург впрыскивает зараз 6 шприцев. Мы впрыскивали от 30 до 40. Это само по себе не было вредно.

Вышинский. 30—40 шприцев камфары, это, во-первых, плюс...?

Левин. Плюс 2 инъекции дигалена.

Вышинский. Это 42, плюс...?

Левин. Плюс 4 инъекции кофеина.

Вышинский. Это 46, плюс...?

Левин. Плюс 2 инъекции стрихнина.

Вышинский. Это — 48.

Левин. 48. Кроме меня был привлечен крупный профессор из Ленинграда — Ланг, и такой крупный физиолог, как профессор Сперанский. Я хочу сказать, что такое большое количество можно применять, но не для Алексея Максимовича, не для него. Я позволю себе сделать маленькую медицинскую предпосылку. Для другого человека это не страшно, а для него это было...

Вышинский. Страшно?

Левин. Конечно. Для Горького, после того, как он столько перенес, при таком состоянии сердца и легких, применение такой дозы было вредным.

Вышинский. Вы знали, что это для него было вредно?

Левин. Конечно.

Вышинский. Вы сознательно это делали?

Левин. Конечно.

Вышинский. Чем был болен Максим Алексеевич Пешков?

Левин. Он был болен крупозным воспалением легких.

Вышинский. В этом случае применяется антипневмококковая сыворотка?

Левин. Применяется.

Вышинский. Вы ее применяли?

Левин. Нет.

Вышинский. Почему?

Левин. Из вредительских соображений.

Вышинский. Значит, вы сознательно не применяли те средства, которые обычно должны быть применены?

Левин. Это верно.

Вышинский. Из вредительских целей? Так я понимаю?

Левин. Вы верно понимаете.

Вышинский. А сейчас позвольте спросить относительно Алексея Максимовича Горького — какие средства и в какой дозировке применялись к нему?

Левин. От 30 до 40 ампул камфары в сутки, 2 ампулы стрихнина, 2 ампулы дигалена, 4 ампулы кофеина. Это — как выработанная нами с профессором Плетневым норма на каждый день, с первого же дня болезни; конечно, эти дозы постепенно, с нарастанием слабости больного увеличивались, что окружающим могло казаться естественным, так как его сердце требовало подкрепления. Но его сердце, его легкие были таковы, что эта доза подкрепления была чересчур велика. Затем, кроме того, впрыскивался ему целый ряд других вещей, однако уже полезных для него. Так, например, ему вводился в вену уротропин, что является обычным средством при такого рода заболеваниях, ему вводилась глюкоза — прекрасное спасительное средство для сердца. Это делал тот самый доктор Белостоцкий, который направил вам это письмо и которого я сам привлек туда.

Вышинский. По поводу показаний доктора Белостоцкого я попрошу у суда вести допрос тогда, когда эти показания здесь будут даны.

Следующий вопрос. Я хотел бы, чтобы вы уточнили, какие сердечные средства применялись в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского в последний период его болезни.

Левин. Повторяю еще раз, что это все может быть понятно в связи с той маленькой предпосылкой, которую я сделал. Если я сделаю перечень этих средств, то он не представит ничего особенного. Там был дигиталис, адонис-вероналис, строфант. Все это — средства, усиливающие, возбуждающие деятельность сердца. Одновременно с этим в этом же направлении действовал и Казаков со своими лизатами. Одно потенцирует другое. В комбинации это все усиливается до чрезмерной для сердца Вячеслава Рудольфовича степени.

Вышинский. Но здесь дозировки также играют роль?

Левин. Дозировки здесь нормальные.

Вышинский. Секрет заключался не в дозировках? А в чем же?

Левин. В количестве и в том, с чего я начал — в том, что методы лечения противопоказаны (что одному хорошо, то другому плохо).

Вышинский. Следовательно, средства легальные, но их комбинация, и их количество, и их назначение данному больному не соответствует состоянию его здоровья, его организма?

Левин. Да. У Вячеслава Рудольфовича был огромнейший инфаркт, который вместо мышц сердца оставил рубцы.

Вышинский. И в этих условиях...

Левин. Нельзя было давать таких сильных средств.

Вышинский. А вы давали?

Левин. Да.

Вышинский. Опять-таки в преступных целях?

Левин. Конечно.

Вышинский. Позвольте задать аналогичный вопрос относительно Валериана Владимировича Куйбышева.

Левин. Гипертония, повышенное кровяное давление и стенокардиальное давление, то есть маленькое проявление намечающейся грудной жабы. В этом случае надо считать, что венечные сосуды сердца поражены склеротическим процессом. Мышца сердца не может уже питаться так, как она может это делать. Мышца сердца требует постоянного притока крови, так как мышца руки, когда вы работаете, требует усиленного притока кислорода. Если этого нет, то это может привести к закупорке, к тромбозу, что и произошло. На вскрытии была найдена закупорка внешней артерии. Это явилось результатом припадка грудной жабы. Эта закупорка ускорила припадок, хотя по состоянию здоровья это получилось бы в будущее время, а благодаря этому мы тут имеем ускоренное приближение этих припадков.

Вышинский. В результате...

Левин. Вредительских действий.

Вышинский. В результате так называемого «лечения»?

Левин. В результате вредительских действий.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Брауде (к суду). У меня есть вопросы, разрешите?

(К Левину). Сообщите, пожалуйста, некоторые краткие биографические сведения.

Левин. Я скажу очень кратко. Родился я в 1870 году, в бедной мещанской семье. С 14-ти лет должен был зарабатывать уроками, будучи гимназистом, деньги, чтобы продолжать свое воспитание и помогать семье. Окончил естественный факультет в Одессе, после этого медицинский факультет в Москве, с 1896 года работаю врачом. Таким образом, я работаю врачом 42 года. В течение этих лет я до революции все время работал в больницах, работал в московской рабочей больнице, одновременно на фабриках и заводах в качестве врача. С самого начала революции я немедленно включился в работу Наркомздрава. Поступил в наркомздравовский госпиталь, так называемый курортно-отборочный госпиталь, откуда был мобилизован в Красную Армию. В Красной Армии служил в войсках внутренней охраны Республики. Одновременно с этим был в высшей медицинской комиссии и оттуда в 1920 году был откомандирован приказом Наркомздрава в кремлевскую больницу, с какого года я непрерывно и неотрывно, то есть без всякого совместительства, все время работал в Санупре Кремля. Работал в штатной должности и в качестве консультанта санитарной части НКВД.

Вот это мой, так сказать, служебный, рабочий стаж. Все это время я работал, никогда никаких недоразумений не имел, под

судом не был и в первый раз на скамью подсудимых на 68-м году жизни меня посадил Ягода.

Брауде. Обрабатывая вас на убийство Максима Пешкова, Ягода не делал вам каких-нибудь намеков, что это убийство — не только его директива?

Левин. Он мне сказал, что дело идет о группе крупных политических деятелей, среди которых он мне назвал имена Рыкова, Бухарина и Енукидзе, которого я знал лично.

Брауде. Не связал ли он вас с одним из участников этой организации? К Енукидзе он вас не направлял?

Левин. Совершенно верно.

Брауде. Расскажите, что говорил Ягода о Енукидзе и о чем вы говорили с Енукидзе?

Левин. Это было в той беседе, относящейся к 1934 году, когда он говорил мне о Валериане Владимировиче Куйбышеве и Алексее Максимовиче Горьком. Он просил зайти к Енукидзе, который знает, что я посвящен в это дело, и хочет со мной об этом поговорить. Енукидзе также был моим постоянным пациентом. Я пришел к нему на другой день в Кремль. Он также спросил меня о том, кого я могу взять, и был очень разочарован, услышав, что я говорю только о Куйбышеве. Он сказал: «Ну что ж, начинайте с этого». Он просил меня подумать о соучастнике, я сказал, что подумаю и расскажу об этом Ягоде.

Брауде. А скажите, через кого еще Ягода воздействовал на вас? Кто был непосредственным вашим начальником по вашей работе в качестве врача?

Левин. В последнее время Ходоровский.

Брауде. К Ходоровскому он вас направлял?

Левин. Он меня сначала направил к Металикову. Я уезжал тогда в отпуск, а когда вернулся (это было осенью 1934 года), у нас была смена руководства и начальником Санупра Кремля был уже не Металиков, а Ходоровский. Я сказал Ягоде, что Ходоровский новый человек, я его не знаю, но он ответил мне, что Ходоровский в курсе дела, зайдите к нему и поговорите. Ходоровский был человек очень краткий и отрывистый на разговоры. Он меня не любил вообще, да и я его особенно не обожал. Я все же пришел к нему, но не решился сразу начать с разговора на эту тему, а сказал, воспользовавшись случаем, о состоянии здоровья Енукидзе. Он меня выслушал и спросил: а больше он вам ничего не говорил? Я ответил, что он еще кое-что мне сообщил. Ходоровский сказал: я знаю, о чем вы говорили. Давайте об этом не говорить, действуйте, а если вам нужна будет моя помощь, заходите ко мне, но делайте это реже, в крайних случаях. Этим наша краткая, единственная беседа и ограничилась.

Брауде. И из этой беседы вы поняли, что ваше непосредственное начальство...

Левин. Что оно не противится...

Брауде. И санкционирует ваши преступные злодейские действия?

Левин. Да.

Брауде. Скажите, пожалуйста, какой вы конкретно датой да-

тируете ваше вступление на путь этих ужасных преступлений, считая и начало переговоров.

Левин. Совершенно точно могу сказать. Это зима 1933 года.

Брауде. Может быть вы конкретно суммируете те внутренние причины, по которым вы, старый врач, с 40-летним стажем, согласились на злодейские, ужасные предложения Ягоды.

Левин. О своих психологических настроениях я уже делал попытку говорить, но...

Председательствующий. Защита задает вам вопросы, пожалуйста, отвечайте.

Левин. Был совершен какой-то акт безумия с моей стороны, акт идиотизма: вдруг без всякого побуждения притти и убить Максима Пешкова. Эту семью их я очень любил, я был близким в их семье. Алексея Максимовича я очень любил, считал его одним из величайших людей в нашей стране и во всем мире. Почему я мог дойти до этого и почему Ягода может говорить здесь о том, что я пошел на убийство Максима Пешкова без его прямых указаний. Почему я согласился на это — я уже сказал. Я говорю это не в оправдание, а в объяснение. Я — человек, далекий от политики, беспартийный человек. Я неправильно, может быть, был ослеплен властью представителя ОГПУ, мне казалось, что это — всемогущий человек, в руках которого сосредоточена огромная власть, и если этот человек говорит, что я должен это сделать, то я на это пошел. Психологически я объясняю это какой-то трусостью, причем не за свою жизнь, это я говорю со всей искренностью. Меня больше страшило то, что он пригрозил разгромить мою семью. А семья моя — хорошая, трудовая, советская семья.

Брауде. Скажите, пожалуйста, была разница в смысле методов обработки вас Ягодой между моментом, когда он вас уговаривал насчет убийства Максима Пешкова, и позднейшим временем, когда он говорил о дальнейших преступлениях?

Левин. Конечно, разница была очень большая. Он говорил сначала о том, что я совершаю дело нужное. Он говорил об этом преступлении, как об акте, необходимом для спасения Алексея Максимовича от каких-то врагов. А потом, когда я к нему пришел, он сразу заявил мне — вы в моих руках.

Брауде. Он рассказал, какие директивные организации руководят этим делом?

Левин. Я об этом ничего не знал. Я узнал об этом только на самом процессе.

Брауде. Он говорил вам о том, что есть какая-то группа, которая стремится к свержению Советской власти?

Левин. Он говорил, что это очень большая и влиятельная группа.

Брауде. И с этого момента вы почувствовали, что вы связаны с этой группой, зная, что это контрреволюционная группа и что ваша судьба зависит от судьбы этой группы?

Левин. Такое сознание было, что вместе с Ягодой погибну и я.

Брауде. У меня больше вопросов нет.

Коммодов. Разрешите мне вопрос?

Председательствующий. Пожалуйста.

Коммодов. Скажите, Левин, к какому времени относится ваш разговор с Казаковым по вопросу об умерщвлении Менжинского?

Левин. Это было в конце 1933 года.

Коммодов. Это было до свидания Казакова с Ягодой?

Левин. Конечно.

Коммодов. А вредительские методы в лечении Менжинского вы начали проводить после свидания с Казаковым, или до?

Левин. После.

Коммодов. Вы знали от Ягоды относительно Казакова?

Левин. Мне было известно, что Менжинский является постоянным пациентом Казакова и пациентом, очень ему верящим. Я помню, что когда Менжинский был в Сочи еще в 1932 году и почувствовал себя не совсем хорошо, он вызвал Казакова в Сочи. Я помню также, что когда Менжинский уезжал в Кисловодск, это было кажется в 1933 году, он высказал пожелание, чтобы и Казаков был вызван туда. Он с Казаковым был в тесной связи и без него я не мог действовать.

Коммодов. Но вредить практически вы стали после того, как Казаков повидался с Ягодой и Ягода с ним разговаривал?

Левин. После того, как Казаков имел разговор с Ягодой. После этого мы с Казаковым выработали план нашей вредительской деятельности, о котором я уже говорил, — о лечении сердца лизатами.

Коммодов. Плетневу вы сказали о планах Ягоды, о заданиях Ягоды, о свидании Плетнева с Ягодой?

Левин. Это было очень скоро после смерти Максима Пешкова. Я сказал, что его вызовет по очень трудному делу Ягода и сам ему скажет, в чем дело.

Коммодов. До вызова Ягодой Плетнева вы какие-нибудь вредительские мероприятия совместно с консультацией Плетнева проводили в отношении того или другого?

Левин. Нет. Это было только после того, как профессор Плетнев имел свидание с Ягодой. Мы с ним опять встретились, он мне подтвердил, что, также, как и я, считает неизбежным принять директиву Ягоды, и мы с ним посоветовались относительно того, как проводить наши вредительские действия в отношении Валериана Владимировича Куйбышева и Алексея Максимовича Горького, и мы решили тогда именно начать с Валериана Владимировича, что мы и сделали в 1934 году, а в начале 1935 года он скончался.

Коммодов. Вы говорили Ягоде, чтобы он сам лично вызвал Плетнева?

Левин. Я тогда ему назвал, что соучастником может быть Дмитрий Дмитриевич Плетнев. Он сказал, — вы предупредите Плетнева, что я его вызову к себе, и, кажется, как будто, Ягода вызвал его к себе под видом медицинской консультации. Я не знаю точно, Дмитрий Дмитриевич сам об этом расскажет, но мне кажется, что он вызвал как бы посоветоваться относительно состояния своего сердца.

Коммодов. Значит, Ягода вам сказал, что он вызовет Плетнева под видом консультации?

Левин. Он не сказал, но мне помнится, что Дмитрий Дмитриевич так сказал. Может быть Дмитрий Дмитриевич это опровергает.

Коммодов. А вам сам Ягода сказал?

Левин. Да, он сказал, что он сам вызовет Плетнева и поговорит с ним.

Бухарин. У меня вопрос к доктору Левину.

Не был ли он непосредственно во время Октябрьской революции и после ее одним из участников саботажа против восставшего пролетариата?

Левин. Я не мог быть не только руководителем, но даже участником саботажа, потому что в то время я ни в какой больнице не работал. В чем заключается саботаж? В отрыве от своей работы.

Бухарин. Я это знаю. Не был ли доктор Левин меньшевиком, либо непосредственно сочувствовал меньшевикам?

Левин. Если вы сейчас спросите меня, что такое меньшевик, то я так опозорюсь в этом зале, что лучше меня об этом не спрашивать.

Вышинский. Я с вами говорил относительно организации тех убийств, о которых вы здесь говорили. Ягода, как я вас понял, излагал вам и политические мотивы, по которым действовали?

Левин. Излагал. Я о них уже говорил. Он говорил о том, что в партии растет недовольство партийным руководством.

Вышинский. Это Ягода говорил?

Левин. Да. Что недовольство это ширится по всей стране, что нет почти ни одного крупного учреждения, в котором не сидели бы люди, недовольные этим руководством и считающие нужным руководство это сменить и заменить другими людьми. Он при этом мне сказал о необходимости прихода к власти других людей...

Вышинский. Путем? При помощи?

Левин. Вот когда он кончил эту вступительную историческую справку, он сказал: для облегчения этого дела мы должны устранить с политической арены несколько членов Политбюро и Алексея Максимовича Горького. Во второй беседе он мне объяснил, почему Алексея Максимовича, — потому, что Алексей Максимович является сторонником, стойким сторонником линии партийного руководства, в частности, большим поклонником и опять-таки сторонником всей политики Сталина, является и личным его другом, никогда ему ни при каких условиях не изменит, всегда нам будет стоять на пути, всегда нам будет портить. Его необходимо устранить.

Вышинский. Подсудимый Левин, замышленные Ягодой убийства политических деятелей нашего государства носили совершенно явный, открыто перед вами выраженный контрреволюционный политический характер?

Левин. Да. Тут уже было ясно.

Вышинский. И вы не просто относились к этому делу как техник, но и как политик?

Левин. Я не знаю, как вы это хотите понять, я политиком никогда в жизни не был.

Вышинский. Вы говорите, что вы никогда политикой не занимались?

Левин. Никогда.

Вышинский. Но действуете вы, как политический враг.

Левин. Действовал, как орудие политического врага.

Вышинский. И следовательно?

Левин. Как политический враг.

Вышинский. Являлись вы, таким образом, вовлеченным не только в эти убийства, но и в целую цепь преступлений...

Левин. Я невольно служил этим заговорщикам.

Вышинский. Вы понимали, что речь идет о борьбе с Советской властью?

Левин. Того, что я понял здесь на суде, тогда я еще не понимал.

Вышинский. Вы на суде увидели такую страшную картину...

Левин. Да, тогда я этого не понимал и не знал.

Вышинский. Но то, что вы тогда знали, тоже потрясающе страшно.

Левин. Да, понимаю.

Вышинский. Вы понимали, что речь идет о борьбе с Советской властью?

Левин. Понимал.

Вышинский. И вы стали, будучи вовлеченным в это искусными действиями Ягоды, стали на сторону врагов Советской власти? И в этой борьбе против Советской власти, в борьбе, к которой вы примкнули, вы приняли на себя также участие в этой борьбе?

Левин. К несчастью, да. Я хотел бы только...

Вышинский. Это уже политическая деятельность?

Левин. Да.

Вышинский. Хотя и бандитского характера. Правильно это или нет?

Левин. Да. Я хотел только указать, что можно примкнуть сочувствуя, будучи участником, будучи единомышленником. Я только хотел подчеркнуть не для того, чтобы себя оправдать, я говорю тут правду, с самого первого дня как я вступил в тюрьму, я примкнул к этому делу в результате рокового стечения обстоятельств, не потому, что я сочувствовал приходу к власти...

Вышинский. Но вы если бы были честным человеком, честным советским гражданином, вы должны были бы к кому-то притти, кому-то сказать об этих угрозах и так далее.

Левин. Он мне говорил, что имейте в виду, что я слежу за каждым вашим шагом, прежде чем вы переступите чей-нибудь порог, вы будете у меня в руках.

Вышинский. Вот теперь вы переступили порог...

Левин. Да.

Вышинский. Если вы считали себя честным гражданином своей родины...

Левин. Считал.

Вышинский. Советским врачом...

Левин. Считал.

Вышинский. Узнавши о таком страшном заговоре, что вы должны были бы сделать?

Левин. Должен был бы о нем заявить.

Вышинский. Получивши предложение быть соучастником и даже больше, — организатором убийства выдающихся советских людей и гения русской культуры, Горького, что вы должны были сделать, если вы действительно любили бы и Горького и родину?

Левин. Отказаться от всего этого и выдать Ягоду.

Вышинский. Почему вы не сделали этого?

Левин. Из трусости.

Вышинский. Вы, следовательно, думали, что сильнее кошки зверя нет?

Левин. Да.

Вышинский. Что самая страшная и сильная кошка это Ягода?

Левин. Совершенно верно.

Вышинский. А как вы сейчас думаете?

Левин. Да, это ясно.

Вышинский. Я еще вас хочу спросить — по совести, как бы вы ответили: вы думали, что никакой управы на Ягоду нет?

Левин. Я очень ясно понимаю сейчас, вообще, когда ретроспективно смотришь на прошлое, думаешь: «Боже, почему я не сделал того, почему я не поступил так?».

Вышинский. Сколько продолжалось ваше участие в этой преступной деятельности?

Левин. Три года.

Вышинский. Три года! Вы имели тысячи возможностей за это время поступить честно.

Левин. Да, и не использовал этого.

Вышинский. И не использовали этого, потому, что, как вы говорите, вы трусили?

Левин. Да.

Вышинский. Вы такой трус?

Левин. Да, трус.

Коммодов. Разрешите мне задать вопрос подсудимому Левину.

Председательствующий. Пожалуйста.

Коммодов. В связи с вопросом к вам подсудимого Бухарина, скажите, пожалуйста, вы в момент Октябрьской революции что делали?

Левин. К этому времени еще функционировали в Москве госпитали для жертв войны, так называемые. Я заведывал несколькими такими госпиталями.

Коммодов. И продолжали работать все время?

Левин. Да.

Коммодов. Ни одного дня не были вне работы?

Левин. Ни одного дня. А потом, когда госпитали были закрыты, я получил назначение в Наркомздраве. Когда кончилась работа в госпитале, я пошел в Наркомздрав и попросил там работу и через некоторое время я получил назначение в курортный госпиталь...

Коммодов. Так что подозрения в отношении саботажа с вашей стороны не подтверждаются?

Левин. Нет, конечно. Можно было ординатору больницы саботировать, но я таким не был.

Коммодов. Вы к каким-нибудь партиям принадлежали?

Левин. Нет.

Коммодов. Может быть, к каким-нибудь национальным партиям, к еврейской, например?

Левин. Ни к каким партиям, только к партии врачей.

Коммодов. Но такой партии мы не знали.

Председательствующий. У экспертизы есть какие-нибудь вопросы к подсудимому Левину?

Шерешевский и Виноградов. У экспертизы никаких вопросов нет, все ясно.

Председательствующий. Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:
Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:
Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Вечернее заседание 8 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

Подсудимый Буланов, вы подтверждаете ваши показания, данные на предварительном следствии?

Буланов. Да, подтверждаю. Ряд фактов и данных, которые я сообщал на предварительном следствии, на допросах у Прокурора, о которых я буду показывать сейчас, мне известны лично со слов, из разговора с Ягодой или из разговоров его в моем присутствии с другими соучастниками.

За годы работы у Ягоды в качестве личного секретаря и секретаря наркомата, я привык смотреть на все глазами Ягоды, проводя значительную часть суток в течение ряда лет в наркомате, около Ягоды и для Ягоды, оторванный целиком и полностью от партийной жизни, от партии, от общественности. Если можно так выразиться, это был один свет для меня в окошке. И в конце концов Ягода сделал из меня полностью преданного ему человека, в отношении которого он знал, что этот человек его не выдаст, и поэтому ни в разговорах со мною, ни в разговорах при мне с другими, он не делал никаких секретов, не было никаких элементов конспирации. Отсюда — моя осведомленность о преступлениях, которые мне известны от него.

Должен сказать, что, примерно, в 1931 году, впервые, неожиданно для меня, очевидно считая, что я уже совершенно вышколенный и обработанный человек, Ягода сказал мне, что он — правый. О заговоре впервые я услышал от Ягоды в 1934 году. Постепенно отдельными беседами Ягода вводил меня в курс контрреволюционной работы. Оторванный от партийной жизни, я во всем ему, Ягоде, слепо доверял.

Вышинский. В каком году вы говорите Ягода сказал вам, что он — правый?

Буланов. В 1931 году.

Вышинский. С какого времени вы служите вместе с Ягодой?

Буланов. Примерно с конца 1929 года.

Вышинский. Продолжайте ваши показания.

Буланов. Ягода как-то в разговоре сказал мне, что они (это значит — он и стоящие за ним — правые) объединились с троцкистами и зиновьевцами, что нормальным путем, путем легальной борьбы в партии рассчитывать на какой-нибудь успех со-

вершенно нечего, что для достижения власти в их распоряжении остается единственное средство — это насильственный способ прихода к власти путем непосредственного вооруженного переворота.

Одну из главных ролей переворота, по его словам, должен был выполнить Енукидзе и вторая, пожалуй, не менее важная роль, по его словам, ложилась на его, Ягоды, плечи. У них была сфера влияния: Кремль — у Енукидзе, аппарат НКВД — у Ягоды. Сам Ягода в этот раз и неоднократно мечтал, правда я не назову это мечтами, потому что он достаточно реально представлял, что в случае удачи переворота, в будущем Совнаркоме он должен был быть председателем Совнаркома.

Вышинский. Председателем Совнаркома?

Буланов. Так. Партийная работа ложилась, по его определению, на Томского, Бухарина и Рыкова, причем Томский, по их предположениям и расчетам, как и был, должен был остаться на роли руководителя профсоюзов. Секретарями ЦК должны были быть Рыков и Бухарин, причем Ягода подчеркивал, что когда он будет председателем Совнаркома, — роль секретарей ЦК при нем будет совершенно иной. Какой именно — я едва ли смогу объяснить.

Мне припоминается, — я прошу суд учесть, что то, что я показываю, не является предметом одного какого-нибудь разговора, — я говорю из разновременных разговоров, из разговоров только со мной и в присутствии других. Ягода меня совершенно не стеснялся, я суммирую все разговоры, причем за точность изложения я отвечаю полностью.

Мне вспоминается в связи с этим параллель, которую Ягода проводил между будущим секретарем будущего ЦК Бухариным и Геббельсом. Должен сказать, что Ягода вообще сильно увлекался Гитлером.

Вышинский. Вообще фашизмом увлекался? А конкретно?

Буланов. Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга «Моя борьба» действительно стоющая книга.

Вышинский. Стоющая?

Буланов. Он подчеркивал неоднократно, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие лица.

Вышинский. А Ягода сам не был унтер-офицером раньше?

Буланов. Я не знаю, но поведение его от унтер-офицерского мало отличалось.

В будущем правительстве, если память мне не изменяет, председателем ЦИК назывался Енукидзе.

Вышинский. А Геббельс причем тут?

Буланов. Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса.

Вышинский. Это он говорил о Бухарине?

Буланов. Надо полагать, что когда он проводил эту параллель, насколько я понимаю и разбираюсь, он вкладывал тот смысл, что он, председатель Совнаркома, при таком секретаре типа Геббельса и при совершенно послушном ему ЦК, будет

управлять так, как захочет. Так я его понимал. Думаю, что по отношению к нему я составил себе правильное представление.

Мысль такова, что Бухарин будет у него в руках марионеткой, и будет делать все, что ему, Ягоде, угодно.

Вооруженный переворот, по определению Ягоды, они приурочивали обязательно к войне. Я как-то задал Ягоде недоуменный вопрос: я, собственно, не понимаю — война, непосредственная опасность, напряженное положение и в это время правительственное потрясение — так на фронте дела могут весьма и весьма пошатнуться. Ягода мне на это прямо сказал, что я — наивный человек, если думаю, что они, большие политики, пойдут на переворот, не сговорившись с вероятными и неизбежными противниками СССР в войне. Противниками назывались немцы и японцы. Он прямо говорил, что у них существует прямая договоренность, что в случае удачи переворота, новое правительство, которое будет сконструировано, будет признано, и военные действия будут прекращены.

Вышинский. На каких условиях?

Буланов. Я боюсь сказать точно, но у меня в памяти осталось насчет концессий и уступок. Тогда же впервые я услышал о том, что Крестинский и Карахан — это целиком их люди, причем люди не только ответственные, но и умеющие работать, конечно, работать в контрреволюционном смысле. Уже гораздо позже я услышал фамилию Тухачевского, который должен был в будущем правительстве быть народным комиссаром обороны.

Вышинский. А вот о связях с троцкистами что вы можете рассказать.

Буланов. Я перейду к этому дальше.

Чтобы быть кратким и в то же время точным, я перейду к той части преступления, в которой я, по прямому указанию Ягоды, принимал непосредственное участие, — к отравлению.

Вышинский. Может быть вы раньше расскажете обо всех преступных связях, которые были, и сговоре, который был, а затем и о конкретных фактах отравления.

Буланов. Хорошо, пожалуйста.

Вышинский. Известно ли вам о том, что Ягода был, как член центра правых, связан с троцкистами?

Буланов. Известно.

Вышинский. Откуда это было вам известно? С кем он был связан и как был связан?

Буланов. Совершенно очевидно, что Ягода был в самой тесной связи с лидерами правых. Он был связан и с троцкистами. Об этом я сужу потому, что я был не раз свидетелем его непосредственных заданий, по линии оперативной, которые он соответствующим лицам, ведающим определенной частью работы, давал в той или иной мере прямые или косвенные указания о неразвертывании дел троцкистов, наоборот, о свертывании ряда дел и троцкистов, и правых, и зиновьевцев.

Вышинский. То есть, что он их покрывал?

Буланов. Я бы сказал, что не только покрывал, но помогал им работать.

Чтобы не быть голословным, я приведу несколько фактов. Например, Ягода дал указание, чтобы Угланов держался, не выходя из таких рамок, в своих показаниях.

Вышинский. Не припомните ли вы зловещую фигуру одного из предыдущих процессов, фигуру Дрейцера? Какие с ним у Ягоды были отношения?

Буланов. Я помню, что, несмотря на то, что соответствующий начальник отдела располагал совершенно конкретными, точными данными о продолжительной троцкистской деятельности Дрейцера, Дрейцер не был арестован. И вообще я должен сказать, что линия у Ягоды в отношении правых, и троцкистов, и зиновьевцев была определеннейшим образом повернута на свертывание борьбы.

Вышинский. Меня интересуют конкретные факты.

Буланов. Это была общая линия, и только когда было партийное напоминание или общественное напоминание, когда открыто выпирал целый ряд одиозных лиц, тогда он репрессировал, причем репрессии эти носили совершенно условный характер.

Вышинский. Ягода знал о заговорщической деятельности Дрейцера и прикрывал его?

Буланов. Совершенно точно.

Вышинский. А не помните ли вы другую фигуру одного из предыдущих процессов, не менее зловещую фигуру,— Ивана Никитича Смирнова? Не известно ли вам, был ли и с ним связан Ягода и не покрывал ли он его?

Буланов. Из фактов относительно Смирнова я знаю точно, что когда Смирнов был в тюрьме, Ягода посылал Молчанова и через него дал указание Смирнову, в каких рамках держаться в случае необходимости, когда от него потребуют те или иные показания. Это совершенно точно.

Вышинский. А неизвестно ли вам, что сделал Ягода, когда Смирнова из этой тюрьмы доставили в Москву?

Буланов. Я знаю, что Ягода нарушил свое обычное поведение. Он обычно в тюрьму не ходил, а по прибытии Смирнова ходил к нему.

Вышинский. В камеру?

Буланов. Да.

Вышинский. Чем он там занимался?

Буланов. Я слышал его разговор с Молчановым о том, что за поведение Смирнова на суде он, Ягода, спокоен.

Вышинский. Значит, он его обработал. Каково отношение было к Каменеву после убийства Сергея Мироновича Кирова?

Буланов. Когда было вынесено решение об аресте Каменева и Зиновьева, Ягода послал меня арестовать Каменева.

Вышинский. С кем он вас посылал?

Буланов. Я был с Паукером.

Вышинский. Кто такой Паукер?

Буланов. Начальник оперативного отдела.

Вышинский. И вместе с тем, кто он?

Буланов. Человек, целиком посвященный в заговорщические

дела и один из исключительно доверенных людей, который был связующим звеном с Енукидзе.

Вышинский. Не был ли Паукер германским разведчиком?

Буланов. Я узнал потом, что он был шпионом.

Вышинский. Германским разведчиком?

Буланов. Совершенно точно.

Вышинский. Обвиняемый Ягода, вам известно было, что Паукер — германский разведчик?

Ягода. Да, известно.

Вышинский. Садитесь. Значит Паукер и вы, Буланов, были посланы Ягодой арестовать Каменева. А Зиновьева кто должен был арестовать?

Буланов. По-моему, Молчанов и Волович.

Вышинский. Кто такой был Молчанов?

Буланов. Начальник секретно-политического отдела НКВД и член организации.

Вышинский. Какой организации? Подпольной организации правых?

Буланов. Да.

Вышинский. А Волович?

Буланов. Волович — заместитель начальника оперативного отдела, — известно, что он причастен к шпионажу.

Вышинский. Подтверждаете ли вы, Ягода, что Волович был также германским шпионом?

Ягода. Да, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Буланов, как же вас инструктировал Ягода, направляя для ареста Каменева и Зиновьева?

Буланов. Инструктаж был простой: привези, обыска не делай. Это я и выполнил.

Вышинский. Это вы и выполнили. Продолжайте теперь дальше рассказывать.

Буланов. Я перейду прямо к тем конкретным преступлениям, участником которых был лично и я. Со слов Ягоды я знаю, что решение об убийстве Николая Ивановича Ежова...

Вышинский. Вам неизвестно, где хранился секретный архив Рыкова?

Буланов. Он у Ягоды.

Вышинский. Заговорщический архив?

Буланов. Если бы он не был заговорщическим, едва ли бы Рыков такое надежное место искал.

Перехожу к покушению на жизнь Н. И. Ежова. Со слов Ягоды, решение об убийстве Николая Ивановича Ежова ими, то есть центром, было принято исключительно с политическими целями. Это был один из этапов или одна из мер к обеспечению их от провала, как участников заговора, а значит и сохранения возможности осуществления и самого заговора. Причиной, которая послужила, чтобы вынести такое решение, было то, что вскоре тут же, или вернее, после убийства Кирова, Ежов по поручению ЦК ВКП(б) наблюдал за следствием. И я лично от Ягоды знаю, что тут же вскоре, во все нарастающем темпе, обострялось чрезвычайное беспокойство Ягоды этой работой Н. И. Ежова. Ягода

подчеркивал, что Ежов чрезвычайно быстро, как он говорил, осваивается и усваивает все особенности работы Управления государственной безопасности и что нет абсолютно никакой уверенности в том, что он, в конце концов, не придет прямо к раскрытию истинного положения вещей, к раскрытию заговора. Ягода, я знаю это опять-таки из разговоров его с рядом начальников оперативных отделов и, в то же время, членов заговорщической организации, Ягода использовал все, чтобы дезинформировать Н. И. Ежова. Материалы, соответствующие информации, протоколы — посылались Ежову только те, которые определялись Ягодой и его помощниками. Прятались, утаивались соответствующие сообщения, документы. В общем, делалось все, чтобы затруднить работу Ежова. И все-таки, к началу первой трети 1936 года Ягода сказал прямо, что у него абсолютно нет не только никакой уверенности, никакой гарантии, что Ежов не докопается до истинного положения вещей, но что, наоборот, он уже теперь убежден, что тот стоит настолько на верном пути, что нужны какие-то решительные меры, чтобы локализовать реально назревшую опасность.

В первой половине 1936 года я узнал впервые, что в свое время Ягоде было известно о том, как было организовано убийство Кирова. Как-то я зашел, как всегда, без доклада, без предупреждения, в кабинет Ягоды и застал его в сильно возбужденном состоянии, когда он беседовал с Молчановым. Когда Молчанов ушел, Ягода в состоянии большого раздражения бросил фразу: «Кажется Ежов докопается и до ленинградского дела». Потом, спохватившись, хотя он обычно от меня ничего не скрывал, он, предупредив меня об исключительной конспирации этого сообщения, которое будет сделано, и лишний раз в двадцатый или сороковой, пообещав, «в случае чего» оторвать голову, сказал, что ему было известно, что готовится покушение на Сергея Мироновича Кирова, что в Ленинграде у него был верный человек, посвященный во все — заместитель начальника управления НКВД по Ленинградской области Запорожец, и что тот организовал дело так, что убийство Николаевым Кирова было облегчено, проще говоря, было сделано при прямом попустительстве, а значит и содействии Запорожца. Я помню, что Ягода мельком рассказал, ругая, между прочим, Запорожца за его не слишком большую распорядительность: был случай чуть ли не провала, когда по ошибке охрана за несколько дней до убийства Кирова задержала Николаева и что у того в портфеле была найдена записная книжка и револьвер, но Запорожец вовремя освободил его. Ягода далее рассказал мне, что сотрудник ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить. По указанию Ягоды Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию. Борисов был при этой аварии убит

и таким образом они избавились от опасного свидетеля. Мне стала тогда понятна та исключительно необычайная забота Ягоды, которую он проявил, когда Медведь, Запорожец и остальные сотрудники были арестованы и преданы суду. Я припомнил, что лично мне он поручил заботу о семье Запорожца, о семье Медведя, помню, что он отправил их для отбывания в лагерь не обычным путем, он их отправил не в вагоне для арестованных, а в специальном вагоне прямого назначения. Перед отправкой он вызывал к себе Запорожца и Медведя.

Опасность провала была настолько очевидной для них и реальной, что Ягода решил стать на путь более решительных действий, просто говоря, он решил убить Н. И. Ежова. Со слов Ягоды я знаю, что летом 1936 года он поручил другим лицам, не проходящим по этому делу, отравление квартиры, в которой жил Ежов. Как, когда, чем, при каких обстоятельствах это было сделано, он мне не говорил и я этого не знаю, но что это было сделано, в этом я уверен, потому что я знаю, что у Ягоды слово с делом чрезвычайно редко расходилось.

Когда он был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, здания НКВД, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов. Он дал мне лично прямое распоряжение подготовить яд, а именно взять ртуть и растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, путаюсь в названиях, но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе. Это было 28 сентября 1936 года. Это поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер было произведено Саволайненом в присутствии меня и Ягоды. Это было 29 сентября. Ягода сказал мне, что это опрыскивание нужно делать 5—6—7 раз, что и было сделано. Я два или три раза приготовлял большие флаконы этого раствора и передавал их Саволайнену. Распрыскивал тот из пульверизатора. Помню, что это был большой металлический баллон с большой грушей. Я знаю этот пульверизатор, он был в уборной комнате у Ягоды, заграничный пульверизатор. Второй и третий раз разбрызгивание производил Саволайнен в моем присутствии, остальные разы без меня. Обо всем он говорил и мне, и докладывал Ягоде.

Должен еще добавить, что 28 сентября, когда был этот разговор, Ягода вынул из своего шкафчика, где у него находилось много каких-то вещей, в частности, пузырьков, и передал мне две ампулы, по внешнему виду нерусского производства, сказав мне при этом: это — яды, которые нужно разбрызгивать одновременно с ртутным раствором. Что это было, как это называлось, я не знаю. Я это передал Саволайнену и тот разбрызгал вместе с ртутным раствором.

Вот все, что мною сделано в части покушения на жизнь Николая Ивановича Ежова.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, Ягода вообще интересовался ядами?

Буланов. Исключительно.

Вышинский. В чем же выражался этот его особый интерес к ядам?

Буланов. Такая заинтересованность появилась у него, примерно, с 1934 года. Я повторяю, гражданин Прокурор, что мог судить об этом не только на основании разговоров, но и тех действий, которые мне были известны. Я знаю, что он, например, свел чрезвычайно близкое знакомство с рядом химиков, давал прямое задание о постройке, вернее, об организации химической лаборатории.

Вышинский. Для чего?

Буланов. Все время при этом подчеркивалось, что она должна находиться в распоряжении Ягоды, так как в его арсенале нет достаточного количества ядов, как средства, необходимого для определенных целей.

Вышинский. Каких?

Буланов. Это потом было продемонстрировано совершенно реально.

Вышинский. То есть?

Буланов. Для контрреволюционных целей, для целей убийства. Я знаю, что у него был к этой работе привлечен ряд лиц. Организация этой лаборатории была реальным фактом. Это я знаю потому, что мне лично он приказал подыскать соответствующее помещение и передать его определенным лицам. И я это сделал. Здание я нашел и передал. Я, правда, там не бывал, но от этих лиц слышал, что для организации этой лаборатории делалось все, причем Ягода предупредил меня, что это настолько важное дело, что указанным лицам нужно предоставлять неограниченные средства, не контролировать их расходование.

Вышинский. Этот интерес к ядам был связан с его заговорщическими действиями и планами?

Буланов. Совершенно определенно. В одном из частичных разговоров, когда речь шла о том государственном перевороте, который они организовывают, Ягода говорил, что для осуществления этого переворота нужны будут все средства — и вооруженное выступление, и провокация, и даже яды, потому что иногда, как он определил, бывают моменты, когда нужно действовать медленно и чрезвычайно осторожно, и бывают моменты, как он говорил, когда нужно действовать и быстро, и внезапно. Смысл такой был, что все средства хороши и церемониться в применении средств не следует.

Вышинский. И что при перевороте яд может сыграть важную роль?

Буланов. Он даже сказал, как мне помнится, — «решающую».

Вышинский. После снятия Ягоды с должности народного комиссара внутренних дел вы еще оставались на работе в Наркомвнуделе?

Буланов. Да, я остался там работать.

Вышинский. И долгое время вы там работали?

Буланов. До ареста.

Вышинский. Примерно до какой поры?

Буланов. До конца марта 1937 года.

Вышинский. А Ягода когда был снят?

Буланов. В конце сентября 1936 года.

Вышинский. Скоро ли после того, как ушел Ягода, было приступлено к отравлению?

Буланов. Первое опрыскивание было произведено 29 сентября, второе было сделано через два-три дня, а последнее, если память не изменяет, — в декабре. Всего было сделано 6 или 7 опрыскиваний.

Вышинский. 6 или 7 таких опрыскиваний?

Буланов. Да.

Вышинский. А вы лично при каких опрыскиваниях присутствовали?

Буланов. Я помню точно. Это было первое, второе, третье и последнее. Всего 4 раза.

Вышинский. А между этими опрыскиваниями кто их производил?

Буланов. Это делал Саволайнен.

Вышинский. Вы об этом знали?

Буланов. Да, знал.

Вышинский. А кто его инструктировал?

Буланов. Как я уже показывал, первое опрыскивание делал Саволайнен в присутствии Ягоды и меня.

Вышинский. Это было когда?

Буланов. Это было точно — 29 сентября.

Вышинский. То есть?

Буланов. Накануне ухода Ягоды.

Вышинский. Кроме злодейской подготовки отравления, направленного против Николая Ивановича Ежова, вам известны еще какие-нибудь преступления такого же рода, совершенные Ягодой и вами или только Ягодой?

Буланов. Да, мне совершенно точно известно об умерщвлении Менжинского, Алексея Максимовича Горького и Максима Алексеевича Пешкова.

Вышинский. Расскажите об этих случаях коротко.

Буланов. Умерщвление А. М. Горького было предпринято Ягодой, как одна из реальных мер к созданию условий успеха в случае удачи переворота. Ягода говорил, что, когда правые убедились, что Алексей Максимович не только целиком и полностью разделял политику партии и правительства, но что и сам, со свойственным ему энтузиазмом, включился в строительство социалистического государства, когда они видели, слышали и наблюдали, с каким исключительным восхищением Алексей Максимович по каждому поводу говорил о роли Сталина в строительстве социалистического государства, то они пришли единодушно к выводу, что в случае удачи переворота Алексей Максимович поднимет открытый голос против них, а при том авторитете, который Горький имел во всех слоях населения в Советском Союзе и при том его исключительном значении пе-

ред культурно-мыслящими людьми за границей, этот бунт — как Ягода говорил — Горького против новой власти был бы исключителен по своим последствиям. Поэтому они решили своевременно убрать Горького.

Со слов Ягоды я знаю, что в этом преступлении принимали участие доктор Левин, профессор Плетнев и секретарь Горького Крючков. Я лично несколько раз слышал, как Ягода инструктировал Крючкова о том, что он должен постараться простудить Алексея Максимовича, говоря, что при том состоянии легких, которое было у Горького, простуда может быть чревата последствиями, а остальное все, что нужно, сделают Плетнев и Левин. Насколько мне известно, Левина Ягода привлек, завербовал к этому делу и вообще к случаям отравления, используя какой-то компрометирующий против него материал (какой, я не знаю), и то, что он подкупал Левина. Лично я, например, организовывал ту дачу, о которой говорил здесь доктор Левин. Я лично доктору Левину не один раз давал, по распоряжению Ягоды, когда Левин ездил за границу, деньги в иностранной валюте.

Вышинский. Кстати, не припомните ли вы, сколько вы давали?

Буланов. Это было два или три раза, боюсь сказать точно, думаю, что доктор Левин, который получал, точнее меня скажет, но порядка так около тысячи долларов каждый раз. За точность суммы я не ручаюсь, но такого порядка. И по приказу же Ягоды я давал указание на границу о том, чтобы доктора Левина пропускали без таможенного осмотра. А по словам Ягоды, Крючкова и особенно убеждать не приходилось, так как он сказал, что Петр Петрович сам заинтересован в известной мере, как литературный наследник, — смысл так я понял у него, — после Алексея Максимовича Горького. Из того, что мне говорил Ягода, я знаю, что Крючковым было так и сделано, что по настоянию Ягоды он перевез Горького в Москву в неудобное, кажется, по климатическим условиям время года, что здесь по приезде он направил его на городскую квартиру, где кто-то болел гриппом, то есть в атмосферу, где вернее всего, при слабости Алексея Максимовича, он должен был заразиться гриппом. А дальше, при лечении его, так, как я говорил, и Левин, и Плетнев, путем заведомо неправильного лечения, сделали свое дело. Вот все, что я знаю по поводу умерщвления Алексея Максимовича Горького.

Вышинский. А умерщвление Менжинского было произведено по прямым указаниям, кого?

Буланов. По указанию Ягоды. Причем должен сказать, если в умерщвлении Горького были, как он говорил, исключительно политические мотивы, то здесь я от него знаю о мотивах уже личного порядка.

Вышинский. То есть?

Буланов. О личных мотивах человека, который хочет всеми средствами, всеми путями сделать себе карьеру, то есть ускорить освобождение поста, сделать пост председателя ОГПУ вакант-

ным, считая, очевидно, что при этом положении он, Ягода, — единственная кандидатура на пост председателя.

Вышинский. Это ваш анализ?

Буланов. Конечно, здесь играли роль и политические мотивы. Центру правых, вообще заговорщиков, больше чем интересно иметь во главе карательного органа своего человека, одного из своих лидеров, то есть создать гарантию, почти полную возможность любые концы спрятать в воду.

Но Ягода мне лично говорил и мотивы личного характера. Он не раз подчеркивал, что Менжинский фактически не работает длительное время, а работу приходится нести ему, Ягоде. Точку над «и» он поставил, по-моему, в 1933 году, когда он мне сказал прямо, что он решил ускорить, то есть, попросту говоря, уничтожить Менжинского, что он к этому делу приспособил доктора Левина, но что у Левина чего-то не вышло. А потом я от него знаю точно, что он в качестве прямого исполнителя привлек доктора Казакова.

Вышинский. Кстати, вам не известно — был Казаков у Ягоды в Наркомвнуделе, в его кабинете, по этому вопросу?

Буланов. Если Ягода давеча заявлял, что он первый раз видит Казакова, так я жду теперь, что он скажет, что он и меня первый раз в жизни видит. Казакова, конечно, он видел и видел неоднократно. Я, например, лично припоминаю случай, когда Казаков был в кабинете у Ягоды. Это у меня сохранилось в памяти потому, что это было в выходной день. За числа я не ручаюсь.

Вышинский. Позвольте Казакова спросить. Обвиняемый Казаков, когда это было?

Казаков. 6 ноября.

Вышинский. Год?

Казаков. 1933 год.

Буланов. У меня осталось в памяти, что это был выходной день, выходные дни мы обычно соблюдали, а в этот день мы были в управлении. Что Ягода Казакова видал очень часто у Менжинского, — это факт, Казаков приходил очень часто к Менжинскому в кабинет.

Вышинский. Казаков часто бывал в кабинете у Менжинского?

Буланов. Да, очень часто.

Вышинский. И Ягода не мог его не видеть?

Буланов. Да, Ягода видел Казакова не раз в кабинете Менжинского.

Вышинский. Значит, Ягода неправду здесь говорит?

Буланов. Неправду. Откуда бы я взял, что Ягода мне сказал, что привлечен к этому делу — делу убийства Менжинского — и доктор Казаков и что они проделывают это вдвоем с Левиным, что Казаков употребляет такие мудреные лекарства, которые не только неизвестны медицине, но слабо известны самому Казакову, так что следы после этого отравления найти будет трудно. Это говорил мне Ягода.

Откуда бы иначе я взял?

Вышинский. Подсудимый Ягода, вы слышали показания Буланова по поводу отравления Менжинского?

Ягода. Да, слышал.

Вышинский. После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будете продолжать отрицать это участие?

Ягода. Нет, я подтверждаю свое участие.

Вышинский. Подтверждаете?

Ягода. Да.

Вышинский. Подсудимый Буланов, а умерщвление Максима Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

Буланов. Конечно.

Вышинский. Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?

Ягода. Признавая свое участие в болезни Пешкова, я ходатайствую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание.

Вышинский. Я не возражаю.

Подсудимый Буланов, вот вы нам нарисовали здесь чудовищную картину ряда преступлений, совершенных вами под руководством Ягоды. Кто еще из руководителей «право-троцкистского блока» участвовал в этих преступлениях по вашим данным?

Буланов. Мне Ягода говорил прямо, что решение об отравлении Ежова и умерщвлении Горького было принято Рыковым, Бухариным...

Вышинский. И Енукидзе?

Буланов. И Енукидзе, само-собой.

Вышинский. Словом головкой «право-троцкистского блока»?

Подсудимый Рыков, известно ли вам о том, что было принято «право-троцкистским блоком» решение физического уничтожения Алексея Максимовича Горького?

Рыков. Нет.

Вышинский. А что вам известно было об этом?

Рыков. Мне было известно то чрезвычайно враждебное отношение к Алексею Максимовичу Горькому, которое проявлялось со стороны троцкистов, в некоторых кругах правых на протяжении ряда лет.

Вышинский. У вас был разговор с Енукидзе в конце 1935 г. на эту тему?

Рыков. С Енукидзе? Да, был.

Вышинский. Какой разговор?

Рыков. Мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии. Поэтому, как он выразился, они считают необходимым, ввиду такого значения Горького, — а значение его и за границей, и у нас не нуждается в подтверждении, — они настаивают, как он выразился, на ликвидации его политической активности.

Вышинский. Значит, Енукидзе говорил о необходимости ликвидировать политическую активность Горького?

Рыков. Да.

Вышинский. Каким образом и в каком смысле?

Рыков. Он говорил в настолько повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно (так как речь идет главным образом со стороны троцкистско-зиновьевской части), что за этим тоном кроется возможность применения и насильственных мер.

Вышинский. Из разговора с Енукидзе вы заключили о том, что речь идет об устранении политической активности Горького разными средствами, вплоть до насильственных мер?

Рыков. Да, может дойти в случае чего и до этого.

Вышинский. А что такое довести до насильственных мер? Можно понимать и до убийства?

Рыков. Конечно.

Вышинский. Значит, вы знали о готовящемся убийстве Горького?

Рыков. Не совсем так.

Вышинский. Что оно готовится, вы знали об этом?

Рыков. Я знал о том, что я вам уже говорил.

Вышинский. А этого разве недостаточно для квалификации?

Рыков. Для той квалификации, о которой вы говорите, это недостаточно. Может быть я недооценивал того, что говорил Енукидзе.

Вышинский. Недооценивали?

Рыков. Может быть у меня не было такого убеждения или мнения, что готовится покушение на жизнь Горького. У меня не было этого.

Вышинский. Но что такая задача может встать? То есть, иначе говоря, разговор с Енукидзе дал вам возможность понять, что можно не останавливаться перед убийством Горького?

Рыков. В этом разговоре с Енукидзе я достаточно категорически высказался против этих нападок.

Вышинский. Это вы, а я спрашиваю о блоке.

Рыков. Это я признал как один из участников блока.

Вышинский. Это ваше дело, признавать или не признавать.

Рыков. Я сказал и о моем протесте против этого.

Вышинский. Протест против чего?

Рыков. Против того тона, тех выражений, тех нападок, которые были со стороны Енукидзе по отношению к Горькому. Так как это было в той стадии, когда вопрос мог только возникнуть в таком смысле, я думаю, что мое категорическое вмешательство и решительный протест эту возможность исключали.

Вышинский. Я формулирую то, что вы сейчас сказали, чтобы устранить в дальнейшем спор по этому вопросу, следующим образом: первое — в 1935 году вы имели разговор с Енукидзе, при котором он резко говорил, что троцкистско-зиновьевский блок настаивает на ликвидации политической активности Горького.

Рыков. Да.

Вышинский. Второе — по тону, по враждебности, по озверелости этого разговора можно было заключить, что для устранения политической активности А. М. Горького они не остановятся ни перед какими средствами.

Рыков. Сказать теперь об этом задним числом, это совершенно ясно.

Вышинский. А как вы тогда себе представляли?

Рыков. Я сказал, что я недооценивал эту опасность.

Вышинский. Это уже будет характеристика вашего отношения к факту, а меня интересует самый факт. Вы подтверждаете, что из разговора с Енукидзе можно было понять, что в целях ликвидации политической активности Горького, как он говорил, они не остановятся ни перед чем?

Рыков. Я бы просто сказал, что они могут не остановиться перед насильственными средствами.

Вышинский. Так. И третье — из этого разговора с Енукидзе было ясно, что может итти речь о террористическом акте против Горького.

Рыков. Да, так вопрос мог ставиться.

Вышинский. Это было ясно. Садитесь, пожалуйста.

Председательствующий (к Буланову). Вы кончили ваши показания?

Буланов. Кончил.

Вышинский. У меня есть вопрос к Буланову. Не известен ли вам случай, чтобы Ягода пересылал деньги Троцкому?

Буланов. Совершенно точно известно.

Вышинский. В каком году?

Буланов. О том, что Ягода снабжает Троцкого деньгами, я узнал от Ягоды не сразу. В 1934 году Ягода вызвал меня и сказал, что ко мне придет один человек, которому я должен выдать 20 тысяч долларов.

Вышинский. 20 тысяч долларов? Для чего и для кого?

Буланов. Я никогда не спрашивал Ягоду зачем и для чего. Я этому человеку деньги выдал.

Когда на другой день я доложил о том, что это распоряжение выполнено, тогда Ягода мне сказал, что этому человеку мне придется и впредь давать те суммы денег, которые он будет указывать. И он между прочим сказал, что этот человек является его прямой связью с Троцким, что Троцкий за последнее время испытывает очень большую нужду в деньгах и что те суммы, которые я выдал и буду выдавать, идут непосредственно Троцкому. Действительно, этот человек являлся на протяжении 1934—1936 годов четыре-пять раз, и я ему выдавал деньги каждый раз, получая, конечно, от Ягоды распоряжение о выдаче.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. У защиты вопросы есть?

Защита. Нет.

Председательствующий. У подсудимых имеются вопросы?

Рыков. Буланов говорил относительно моего архива, найденного у Ягоды. Я хотел бы, чтобы он познакомил с находкой, — откуда этот архив, что в нем содержится и откуда он знает об этом.

Буланов. Если бы я знал точно, что там находится и размеры этого архива, я своему сопроцесснику ответил бы обязательно. К сожалению, я этими сведениями не располагаю. Я говорил об

этом архиве на основании вот чего. Когда Ягода перебирался из одного помещения в другое при переделке здания, я не помню при каких обстоятельствах, но во всяком случае среди части вещей, которые лежали долгое время в несгораемом шкафу, я обнаружил кипу документов. Я спросил Ягоду. Он мне сказал: не разбирайте, это — архив Рыкова. Этого, мне кажется, было достаточно для того, чтобы сделать это заявление.

Председательствующий. Объявляю перерыв на полчаса.

***

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Ягода, показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Ягода. Я подтверждаю.

Председательствующий. Что вы желаете сказать суду о ваших преступлениях?

Ягода. Начало моей антисоветской деятельности надо отнести к 1928 году, когда я вступил в антисоветскую организацию правых. Этому предшествовали мои переговоры с Рыковым, с которым у меня были довольно дружеские личные отношения.

Особенность моего положения в организации правых заключалась главным образом в том, что я, как заместитель председателя Объединенного Государственного Политического Управления, в то время не мог участвовать в открытой контрреволюционной борьбе правых и находился в законспирированном положении. О такой моей роли в организации правых знали несколько человек: Рыков, Бухарин, Угланов, Смирнов А. П. (Фома), Томский. На первом этапе борьбы правых против Советской власти моя роль заключалась в том, что я снабжал организацию правых — Рыкова и Бухарина — тенденциозно подобранными секретными материалами ОГПУ, которые они — Бухарин и Рыков — использовали в своей борьбе против партии.

В дальнейшем, когда правые перешли на нелегальное положение в борьбе с партией и Советской властью, центром правых была на меня возложена задача ограждения организации правых от провала. И по этой договоренности я на протяжении ряда лет принимал все меры к тому, чтобы оградить организацию, в особенности ее центр, от провала. Я должен здесь со всей ответственностью заявить, что виною тому, что Советская власть и органы НКВД только в 1937—1938 годах смогли вскрыть и ликвидировать контрреволюционную деятельность организации правых и «право-троцкистского блока» является моя предательская работа в системе Народного Комиссариата Внутренних Дел. Если бы советская разведка была свободна от контрреволюционной группы правых и шпионов, которые благодаря мне сидели в аппарате НКВД, заговор против Советской власти несомненно был бы вскрыт в своем зародыше.

Эту свою вину я целиком признаю перед Советским судом. Наряду с этим ответственность за все это должны разделить

со мною сидящие здесь на скамье подсудимых, в первую очередь— Рыков и Бухарин. В 1931 году, в период активизации нелегальной деятельности правых, когда задача ограждения организации от провала стала наиболее актуальной, руководители центра правых потребовали от меня внедрения на руководящую работу ОГПУ активных участников организации правых; для того, чтобы не быть голословным, я приведу конкретный факт назначения начальником секретно-политического отдела, который должен был вести борьбу с право-троцкистскими организациями, — участника организации правых Молчанова. Томский, в 1931 году, пригласил меня к себе на дачу, где кроме него был еще Фома (Смирнов) и предложил мне это сделать в самой категорической форме, что я и сделал. Молчанов был назначен начальником секретно-политического отдела ОГПУ. Тогда же Томский проинформировал меня о плане правых в отношении захвата власти и намечающемся блоке троцкистов и зиновьевцев с правыми. В связи с этим предложением, главным образом для того, чтобы, повторяю, оградить организацию непосредственно от провала, они и мотивировали необходимость назначения Молчанова, члена этой организации. К этому же периоду времени (1931—1932 годы) относится создание мною в аппарате ОГПУ группы правых из работников ОГПУ. Сюда входили: Прокофьев, Молчанов, Миронов, Буланов, Шанин и ряд других работников. В 1932 году, в связи с общим планом правых на свержение Советской власти и захват власти в свои руки, по предложению Томского, я устанавливаю связь с Енукидзе. Предложение это было не случайно. Тогда ведущей идеей правых и отправным пунктом деятельности организации была ставка на контрреволюционный переворот путем захвата Кремля. Я считаю излишним объяснять здесь суду, что сама по себе постановка этого вопроса являлась результатом краха ставки на массовое восстание, в первую очередь, на кулацкие восстания, которые в какой-то мере мыслились в период трудностей, то есть в 1930—1931 годах. В конце 1932 года, когда победа колхозного строя лишила нас ставки на массовые кулацкие восстания, ставка на так называемый «дворцовый переворот» стала главенствующей. Отсюда совершенно ясно, что моя роль в организации, роль человека, занимающего должность заместителя председателя ОГПУ, в руках которого находились технические средства переворота, то есть охрана Кремля, воинские части и так далее, была поставлена в центре внимания и именно поэтому, по предложению центра правых, и установлена была мною связь с Енукидзе (тогда он занимал пост секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР) — одним из руководителей заговорщической работы правых.

Одно предшествующее обстоятельство, в начале 1933 года, внесло серьезные коррективы в наш план. Я говорю о приходе к власти в Германии фашистов. Если до этого времени основная установка правых зиждилась на идее «дворцового переворота» собственными силами, то, начиная с 1933 года, была взята ориентация на фашистскую организацию.

Прежде чем ответить на вопрос, к чему конкретно сводилась

ориентация на фашистскую Германию, я хочу заявить следующее: когда речь шла о так называемом «дворцовом перевороте», то имелось в виду арестовать, свергнуть руководство Советской власти, партии и, свергнув Советскую власть, восстановить капиталистические отношения в стране, — то, чего Бухарин в течение его допроса не имел смелости заявить ясно и точно. Ставили ли мы задачу свержения Советской власти? Я на этот вопрос отвечаю положительно. Какой общественный политический строй мы восстановили бы в стране после свержения Советской власти? Я и на этот вопрос отвечаю прямо — капиталистический строй.

Перехожу к конкретному изложению фактов моих преступлений. С Енукидзе я связался в конце 1931 года или в начале 1932 года. К концу 1932 года я встречался с ним систематически, вместе с ним неоднократно обсуждал вопросы о так называемом «дворцовом перевороте». Со слов Енукидзе я узнал, что в Кремле была создана военная заговорщическая организация, которая в любой момент готова совершить переворот. С его слов я узнал и относительно ориентировки на германский фашизм, пришедший к власти в 1933 году.

В 1933 году был организован и оформился центр, блок троцкистов, правых и зиновьевцев. Я узнал также, что блок через Рыкова связан с меньшевиками и через Бухарина — с эсерами. О решениях этого центра меня осведомлял Енукидзе. От него я узнал, что в январе 1934 года готовился государственный переворот с арестом состава XVII съезда партии, который происходил в то время.

Перехожу к изменнической работе «право-троцкистского блока», к его связям с иностранными государствами.

Во-первых, я должен заявить суду, что под моим покровительством в самом аппарате ОГПУ, а затем НКВД, существовала группа моих сторонников, группа шпионов различных иностранных разведок. О шпионской деятельности Запорожца, Гая, Воловича, Паукера, Винецкого и других я знал, но в интересах заговора благоприятствовал их работе, считая их ценной силой при реализации заговорщических планов, в особенности по линии связи с иностранными разведками. Несомненно, что через этих шпионов иностранные разведки были осведомлены о моей принадлежности к организации правых и о моей роли в организации их. О существовании и деятельности всего «право-троцкистского блока» они также были хорошо осведомлены. Факты, подтверждающие это положение, я могу сообщить суду на закрытом заседании. Именно через одного из этих шпионов, в частности, через Винецкого, который занимал должность инспектора при Рыкове в Народном Комиссариате Связи, и была налажена связь блока, персонально Рыкова, с заграничным центром меньшевиков, с Николаевским.

Кроме этой группы шпионов в НКВД, мне известны и другие связи «право-троцкистского блока» с иностранными государствами. Я имею в виду участника заговора Карахана, связь которого я установил в 1935 году. Карахан меня посвятил во внешне-политическую ориентацию «право-троцкистского блока», по поруче-

нию которого он, Карахан, вел переговоры с германскими фашистскими кругами. «Немцы, — как говорил мне Карахан, — помогут блоку в деле свержения Советской власти». Карахан рассказал мне, что Троцкий давно уже ведет переговоры с немцами и слишком «ангажировался» (я беру это в кавычках), обещав им за помощь в борьбе с большевиками много лишнего. Троцкий обещал отдать немцам Украину, Японии—Приморье. Блок, по словам Карахана, поручил ему поторговаться с немцами. «Конечно, кое-что уступить придется», — говорил Карахан. Карахан потребовал у меня информацию об организации «право-троцкистского блока» по Союзу для предстоящей беседы с фашистскими немецкими кругами. Я дал ему эту информацию об организации. Знаю, что у него состоялась встреча с руководящими фашистами, что было достигнуто тогда соглашение о поддержке немцами антисоветского блока, но детали переговоров, в том смысле, какой ценой достигнуто это соглашение, мне неизвестны. С кем он виделся персонально, я скажу на закрытом заседании.

Перехожу к террористической деятельности «право-троцкистского блока» и моей, в частности. Не для того, чтобы в какой-либо мере смягчить свою вину, но лишь в интересах установления истинного положения вещей, я должен заявить суду, что попытки со стороны некоторых обвиняемых по настоящему делу представить меня как профессионала-террориста, неверны по существу своему. Я не хочу и не могу опорочивать ни одного из предъявленных мне обвинений по части совершенных террористических актов. Но я хочу только подчеркнуть, что ни один из этих актов не совершен мною без директивы «право-троцкистского блока». Чем объяснить, что мое имя в первую очередь связывается с этими террористическими актами? Это объясняется очень просто: только специфичностью моего положения в организации правых, а также объясняется это и тем, что я, как бывший народный комиссар внутренних дел, имел в своих руках больше технических возможностей для выполнения решения центра, нежели другие участники блока. Из прошедших на суде допросов ясна фактическая сторона совершенных террористических актов. Я хочу остановиться на политической стороне дела.

Во-первых, — убийство Кирова. Как обстояло дело? В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся решении центра «право-троцкистского блока» об организации убийства Кирова. В этом решении принимал непосредственное участие Рыков. Из этого сообщения мне стало совершенно известным, что троцкистско-зиновьевские террористические группы ведут конкретную подготовку этого убийства. Излишне здесь говорить, что я пытался возражать, приводил целый ряд аргументов о нецелесообразности и ненужности этого террористического акта. Я даже аргументировал тем, что за совершение террористического акта над членом правительства в первую очередь ответственность несу я, как лицо, ответственное за охрану членов правительства. Излишне говорить, что мои возражения не были приняты во внимание и не возымели своего действия. Енукидзе

настаивал на том, чтобы я не чинил никаких препятствий этому делу, а террористический акт, — говорил он, — будет совершен троцкистско-зиновьевской группой. В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность заместителя начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым. Спустя некоторое время Запорожец сообщил мне, что органами НКВД был задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова. Николаев был освобожден. Вскоре после этого Киров был убит этим самым Николаевым. Таким образом я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький.

Как тут обстояло дело? Еще до убийства Кирова умер сын Горького — Максим. Я уже заявлял суду, что я признаю свое участие в заболевании Макса и ходатайствую вторично у суда о перенесении моих объяснений по этому делу на закрытое заседание суда.

Вышинский. У меня в связи с этим есть один только вопрос. Вы признаете себя виновным, как вы выражаетесь, в заболевании Пешкова?

Ягода. Все объяснения по этому вопросу я дам на закрытом заседании суда.

Вышинский. Хорошо. А в смерти Пешкова вы признаете себя виновным?

Ягода. Я говорю точно: все объяснения по этому вопросу я дам по совокупности на закрытом заседании суда.

Вышинский. Признаете вы себя виновным или не признаете?

Ягода. Разрешите на этот вопрос не отвечать.

Председательствующий (к Прокурору). У вас нет возражений, чтобы вопрос о смерти Пешкова перенести на закрытое заседание суда?

Вышинский. Я не возражаю, имея в виду, что результаты этого выяснения могут быть оглашены на открытом заседании.

Председательствующий. Суд определил ходатайство подсудимого Ягоды удовлетворить, и вопрос о смерти Пешкова переносится на закрытое заседание.

Подсудимый Ягода, продолжайте дальше.

Ягода. К этому времени было произведено умерщвление Менжинского. Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической организации. Решение центра по этому вопросу мне было передано лично Енукидзе. В обоих этих случаях были использованы врачи, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасение, что прямой террористический акт может провалить не только меня, но и всю организа-

цию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь.

Действительно, через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким. Мне было понятно решение относительно Куйбышева, но я никак не мог понять относительно совершения террористического акта над Горьким. Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский блок», имея в виду, как ближайшую перспективу, свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства и несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков. Учитывая огромный авторитет Горького внутри и вне страны, центр, по словам Енукидзе, принял категорическое решение о физическом устранении Горького.

Енукидзе предложил мне послать к нему Левина, ввиду моего категорического отказа. Я это выполнил, и после прихода Левина от Енукидзе я этот акт подтвердил. И в дальнейшем сам имел несколько разговоров с Левиным и по его предложению вызвал Плетнева к себе.

Я заявляю, что сидящие здесь, на скамье подсудимых, Рыков, Бухарин и другие несут полную ответственность за эти террористические акты. Я заявляю, что по их решению эти акты были осуществлены. Как это было сделано, это лучше меня скажут врачи.

Еще на одном факте я хочу остановить внимание суда. Это — факт попытки группы заговорщиков отравления Ежова.

После назначения Ежова народным комиссаром внутренних дел было совершенно ясно, что вся деятельность нашей группы, а также «право-троцкистского блока» будет вскрыта. Ежов уже начал разгром кадров заговорщиков и, конечно, мог добраться до центра блока, и до меня, в частности.

И вот, во имя спасения нашей организации, во имя спасения Рыкова, Бухарина и других, мы решили убить Ежова. Отравление производил Буланов, он об этом суду рассказал. Я некоторые моменты в его речи отрицаю, но они не меняют факта и не меняют существа.

Я не отрицаю также факта посылки по требованию Енукидзе денег Троцкому через Мирова-Абрамова.

Вот те сведения, которые я считаю нужным довести до сведения суда.

Председательствующий. Есть вопросы у вас, товарищ Прокурор?

Вышинский. Конечно.

Значит, если подытожить ваши объяснения, то можно будет сказать следующее:

Первое. — Что вы признаете себя виновным в давнишнем участии в подпольной работе правых.

Ягода. Да.

Вышинский. Второе. — Что вы признаете себя виновным в том, что были одним из руководителей «право-троцкистского подпольного блока».

Ягода. Да, признаю.

Вышинский. Третье. — Что вы преследовали вместе с этим блоком цель свержения Советской власти и восстановления в СССР капитализма.

Ягода. Да, признаю. Была задача захватить Кремль.

Вышинский. Что вы избрали средством для свержения восстание в момент преимущественно войны. Это так?

Ягода. Нет, это не так. Вооруженное восстание — это бессмысленная вещь. Об этом могли думать только эти болтуны.

Вышинский. А вы думали о чем же?

Ягода. О «дворцовом перевороте».

Вышинский. То есть, о насильственном перевороте, произведенном узкой группой заговорщиков?

Ягода. Да, также как и они.

Вышинский. Преимущественно приурочивая к военному нападению на СССР иностранных государств, или у вас были разные варианты?

Ягода. Вариант был один: захватить Кремль. Время не имеет значения.

Вышинский. Вы стояли на точке зрения целесообразности в случае войны подготовить и обеспечить поражение СССР?

Ягода. На этой точке зрения стоял блок, значит, и я.

Вышинский. Вы также признаете себя виновным и в шпионской деятельности?

Ягода. Нет, в этой деятельности я себя виновным не признаю.

Вышинский. Но вы сами сказали, что под вашим непосредственным руководством работало несколько шпионов?

Ягода. Да, это я признаю.

Вышинский. Вы знали, что они являются шпионами?

Ягода. Да, знал.

Вышинский. Вы знали, что они выполняют шпионские обязанности?

Ягода. Да, знал.

Вышинский. Значит, вы им помогали?

Ягода. Я в такой же мере отвечаю за этих шпионов, как...

Вышинский. Волович был шпион?

Ягода. Да.

Вышинский. Вы за Воловича отвечаете?

Ягода. Так же, как Рыков за Шаранговича.

Вышинский. О них будет особый разговор. Сейчас я говорю о вас. Вы признаете, что под вашим крылышком сидел целый

ряд разведчиков, немецких и польских шпионов? Правильно это или нет?

Ягода. Да.

Вышинский. Вы знали об их шпионской деятельности и вы эту шпионскую деятельность покрывали?

Ягода. Да.

Вышинский. Я считаю, что раз вы покрывали их шпионскую деятельность, значит, вы им помогали, содействовали?

Ягода. Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки.

Вышинский. Это было бы делом этих государств. Волович был шпионом?

Ягода. Я это сказал.

Вышинский. Вы знали об этом?

Ягода. Знал.

Вышинский. Вы его не арестовали и не расстреляли?

Ягода. Нет.

Вышинский. Обнаруженных вами шпионов вы были обязаны арестовывать и расстреливать?

Ягода. Разумеется.

Вышинский. Значит, вы этого не сделали, то есть, иначе говоря, помогали шпионам действовать, как шпионам.

Ягода. Я покрывал их.

Вышинский. Вы помогали?

Ягода. Помогал—если бы я собирал материалы и передавал им.

Вышинский. А вы знали, что они передавали материал?

Ягода. Не всегда.

Вышинский. А иногда знали?

Ягода. Знал.

Вышинский. Значит, они передавали иностранным разведкам материал с вашего ведома?

Ягода. Нет.

Вышинский. Вы были осведомлены о том, что они передавали иностранным разведкам материал?

Ягода. Безусловно.

Вышинский. Раз были осведомлены, значит, с вашего ведома?

Ягода. При моем покровительстве.

Вышинский. Хорошо, при вашем покровительстве тому, что они делали и о чем вы знали. Это установлено?

Ягода. Да.

Вышинский. Вы также признаете себя виновным в том, что государственные средства по поручению блока передавали в распоряжение Троцкого?

Ягода. Признаю.

Вышинский. И признаете себя виновным в организации и осуществлении террористических актов: первое — убийство товарища Кирова по поручению блока и по предложению блока?

Ягода. Признаю себя виновным в соучастии в убийстве.

Вышинский. В соучастии в убийстве или в умерщвлении Менжинского признаете себя виновным?

Ягода. Признаю.

Вышинский. В организации убийства Куйбышева признаете себя виновным?

Ягода. Признаю.

Вышинский. В организации убийства Алексея Максимовича Горького признаете себя виновным?

Ягода. Признаю.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. У защиты вопросы есть?

Коммодов. Подтверждает ли подсудимый Ягода свои показания, данные на предварительном следствии в части, касающейся свиданий с Плетневым?

Ягода. Я это сказал.

Коммодов. Тоже самое в отношении свиданий с Казаковым?

Ягода. Я это подтвердил.

Коммодов. У меня вопросов нет.

Брауде. Кому принадлежит сама идея смерти от болезни?

Ягода. Я сказал — Енукидзе.

Брауде. Позвольте спросить, какими методами вы добивались согласия Левина на осуществление этих террористических актов?

Ягода. Во всяком случае не такими, какими он здесь рассказывал.

Брауде. Вы подробно сами говорили об этом на предварительном следствии. В этой части вы подтверждаете ваши показания?

Ягода. Они утрированы, но это не имеет значения.

Брауде. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. У подсудимых есть вопросы к Ягоде?

Рыков. У меня тот же самый вопрос относительно архива, о котором говорил Буланов.

Ягода. Никакого архива Рыкова у меня не было.

Вышинский. У меня вопрос к Буланову. О каком архиве Рыкова у Ягоды вы говорили?

Буланов. Я говорил в своих показаниях суду. Я повторяю. При переезде из одного помещения в другое, участвуя в этом, я обнаружил ряд документов личного характера, я не помню какие, из которых было ясно, что это личные документы Алексея Ивановича Рыкова. Я спросил Ягоду, он мне это подтвердил; что там, в каких размерах — я говорил и говорю: этого не знаю.

Ягода. Разрешите вопрос. Может быть вы вспомните хоть один документ и скажете какой?

Буланов. Если бы я вспомнил, я бы уже сказал.

Ягода. Довольно странно. Человек определяет, что это архив Рыкова, по каким же документам? По одной фамилии, что ли?

Буланов. Я могу на это только одно ответить, — что в свое время Ягода ни на одну секунду не сомневался в моих способностях очень быстро при всяких обстоятельствах ориентироваться и соображать. Почему он сейчас отрицает заведомо для меня ясную вещь, я не знаю, я сказал то, что я знал и считал нужным это сказать.

Ягода. Во всяком случае, если архив и был бы, то по сравнению с другими преступлениями архив Рыкова — это пустяки.

Вышинский. Скажите, подсудимый Ягода, вы в своей преступной деятельности покрывали меньшевиков?

Ягода. Меньшевиков, в какой период?

Вышинский. В 1935 году, подпольную преступную деятельность меньшевиков?

Ягода. По моим данным, особо активной роли меньшевики не играли.

Вышинский. Какую-нибудь роль играли?

Ягода. Почти никакой.

Вышинский. Значит, кое-какая была?

Ягода. Самая незначительная.

Вышинский. Но вы-то, по крайней мере, эту даже самую незначительную роль меньшевиков покрывали?

Ягода. Я не смогу вам ответить на этот вопрос.

Вышинский. Позвольте мне предъявить Ягоде его показания в томе 2, лист дела 135. «Вопрос: вам предъявляется документ из материалов НКВД, в котором сообщается о меньшевистском центре за границей и об активной его работе в СССР». Вы припоминаете этот факт?

Ягода. Да, я знаю, я только не смогу на это ответить здесь.

Вышинский. Я и не хочу, чтобы вы отвечали. На этом документе в ноябре 1935 года наложена следующая резолюция: «Это давно не партия и возиться с ней не стоит». «Ответ: да, эту резолюцию писал я». И дальше ваше объяснение: «Это только одно из проявлений того, как я оберегал от провала и отводил удар от меньшевиков, потому, что они находились в контакте с правыми». Подтверждаете это?

Ягода. Да.

Вышинский. Значит, из этого можно сделать заключение, что правые были в контакте с меньшевиками в подпольной заговорщической работе и что вы покрывали эту их подпольную заговорщическую работу, отводили от них удар за ударом. Так?

Ягода. Это не совсем так.

Вышинский. А как? Вы подтверждаете это показание?

Ягода. Я подтверждаю показание, но для того, чтобы объяснить вам, должен сказать об этом документе.

Вышинский. Я знаю. Вы признаете ваши показания правильными?

Ягода. Показание мое правильно.

Вышинский. Следовательно, так и было, как вы показывали, в вашей практике?

Ягода. Так и было.

Вышинский. Следовательно, в вашей практике вы оберегали от провала меньшевиков? Правильно?

Ягода. Правильно.

Вышинский. Вот это я вас и спрашиваю. Теперь скажите, пожалуйста, какова была роль по вашим данным, подсудимых Рыкова и Бухарина в умерщвлении Алексея Максимовича Горького?

Ягода. Со слов Енукидзе я знал, что они принимали участие в обсуждении этого вопроса.

Вышинский. По поводу Рыкова мы этот вопрос выяснили. Рыков признал, что в разговоре с Енукидзе у них стоял вопрос о возможности террористического акта. Я хотел бы спросить Бухарина по этому поводу.

Бухарин. Я не принимал никакого участия.

Вышинский. Я вам еще не задал вопрос, а вы торопитесь отвечать.

Бухарин. Вы сказали, хотели меня спросить по этому поводу.

Вышинский. Я сказал, что по этому поводу, но вопроса я еще не задал, а ответ уже почти получил.

Я хочу вас спросить, какое было отношение Алексея Максимовича к Троцкому?

Бухарин. Резко отрицательное.

Вышинский. А вам известно, какое отношение было Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому?

Бухарин. Тоже самое, резко отрицательное. Прикажете рассказать более подробно?

Вышинский. Нет, сейчас это не требуется. Я хотел бы спросить Бессонова. Подсудимый Бессонов, вы подтверждаете, что отношение Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому было резко отрицательное?

Бессонов. Да, я подтверждаю.

Вышинский. На основании каких фактов?

Бессонов. На основании того, что высказал Троцкий в личном разговоре со мной.

Вышинский. Вы подтверждаете то, что вы показали на суде, что Троцкий передал через вас директиву о физическом уничтожении Горького?

Бессонов. Да, я передал это задание Троцкого Пятакову.

Вышинский. Троцкий выбрал Пятакова, как одного из главарей блока? Так, что ли?

Бессонов. Да.

Вышинский. Вы с Пятаковым были связаны по подпольной заговорщической работе?

Бессонов. Совершенно верно.

Вышинский. Вам известно, подсудимый Бухарин, что это враждебное отношение к Горькому имело место не только со стороны Троцкого, но и троцкистов?

Бухарин. Да, конечно, потому что Троцкий и троцкисты это — единая суть, заговорщики подчинялись на военный манер.

Вышинский. Вам известно, что это отрицательное отношение к Горькому со стороны троцкистов имело отчетливую форму?

Бухарин. Вы спрашиваете меня о том разговоре, который был у меня с Томским?

Вышинский. Если это есть доказательство того, о чем мы говорим.

Бухарин. У меня был один разговор с Томским.

Вышинский. Где был разговор, когда?

Бухарин. В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий гото-

вит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького.

Вышинский. Вы узнали от Томского, что Троцкий подготовляет какой-то враждебный акт против Горького и не спросили Томского, откуда ему это известно?

Бухарин. Нет. Я предполагаю, что это ему было известно от троцкистских участников блока.

Вышинский. Он вам не сказал, почему троцкисты готовили эту враждебную акцию или акт против Горького?

Бухарин. Он этого не сказал. Он сказал, что это акция против «сталинца Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности. Думаю, что здесь речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности.

Вышинский. Не касался ли этого момента Томский, в связи с вопросом о свержении Советской власти?

Бухарин. Нет, гражданин Прокурор.

Вышинский. Это вы хорошо помните?

Бухарин. Это я хорошо помню.

Вышинский. Разрешите напомнить мне то, что говорил Бухарин на предварительном следствии, том 5, лист дела 117: «Троцкисты, говорил мне Томский, аргументировали свое положение тем, что если серьезно ставить вопрос о свержении сталинского руководства, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в лице А. М. Горького право-троцкистская организация натолкнется на активного и очень влиятельного противника. Томский говорил мне, что троцкисты категорически настроены на своем предложении и оно осуществляется».

Бухарин. Это, видите ли, гражданин Прокурор, так как меня допрашивали, какой я смысл вложил в эти беглые замечания Томского и какое впечатление сложилось от этого разговора, то я это более подробно изложил, причем это есть мое впечатление, которое я припомнил, когда меня спрашивали относительно разговора с Томским.

Вышинский. Скажите, совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского правительства?

Бухарин. По существу связывал.

Вышинский. По существу он связывал?

Бухарин. Да, я ответил.

Вышинский. Меня интересует существо.

Бухарин. Но вы спрашиваете конкретно...

Вышинский. Ваша беседа с Томским дала основание считать, что вопрос о враждебном акте против Алексея Максимовича Горького ставится в связи с задачей свержения сталинского руководства?

Бухарин. Да, по существу это можно было сказать.

Вышинский. Следовательно, вы знали, что идет речь о каком-то враждебном акте против Горького?

Бухарин. Да.

Вышинский. О каком же, по вашему мнению, враждебном акте шла речь?

Бухарин. Я тогда об этом совершенно не думал и у меня в мыслях не было...

Вышинский. Что вы думали, скажите?

Бухарин. Я ничего почти не думал.

Вышинский. Но дело-то серьезное? Разговор идет о чем?

Бухарин. Разрешите мне объяснить в паре слов. Сейчас, постфактум, теперь, во время следствия, я могу сказать...

Вышинский. Не во время следствия, а во время разговоров с Томским.

Бухарин. Но это был беглый разговор, разговор во время заседания Политбюро, который длился всего несколько секунд.

Вышинский. Меня не интересует, сколько времени длился разговор, вы могли целый час беседовать с Томским где-нибудь в уголке, поэтому для меня ваша аргументация не имеет значения, мне важны факты, я хочу их установить. Имели место следующие факты: в 1935 году, в начале (если вы правильно говорили на предварительном следствии) 1935 года, у вас с Томским был разговор. Томский вам сообщил, что троцкистско-зиновьевская часть «право-троцкистского блока» затевает враждебный акт против Горького, как против сторонника сталинского руководства. Так?

Бухарин. Это так можно формулировать.

Вышинский. Это факт?

Бухарин. Это факт.

Вышинский. Как вы расценили это сообщение?

Бухарин. Я прошел мимо этого сообщения.

Вышинский. Прошли мимо?

Бухарин. Да.

Вышинский. Когда говорят о враждебном акте, то можно разуметь и очень серьезные враждебные акты, вплоть до террористических?

Бухарин. Да, от выступления в печати, неприятного разговора до террористического акта — амплитуда колебания очень большая.

Вышинский. А вы в то время как относились к этому?

Бухарин. Я в то время совершенно на эту тему не разговаривал, в моем сознании ничего не было...

Вышинский. Что же, это такое ничтожное заявление, что на нем не следует останавливаться?

Бухарин. Это было беглое замечание...

Вышинский. Хотя бы и беглое. Вам говорят, что против Алексея Максимовича Горького готовится враждебный акт...

Бухарин. Дело, примерно, было так. Я серьезно формулировал уже на допросе, потому что я хотел припомнить, не проливает ли этот момент беседы какой-нибудь свет на тот материал, который имеется в распоряжении следствия, и под углом зрения этого материала все приняло определенные очертания. А тогда у меня в сознании этого не было, я не подумал о смысле этого факта.

Вышинский. Не исключено, что именно тогда и шла речь о физическом устранении, об убийстве Горького?

Бухарин. Теперь я считаю, что это не исключено.

Вышинский. Значит, то, что говорил Томский, давало основание думать, что речь шла о террористическом акте против Горького?

Бухарин. Теперь я утверждаю, что да.

Вышинский. А тогда вы не поняли?

Бухарин. А тогда я абсолютно ничего не понял.

Вышинский (к суду). У меня вопросов больше нет.

Председательствующий (в сторону подсудимых). Вопросы к Ягоде у кого-либо имеются?

Рыков. Ягода упомянул здесь фамилию Винецкого как человека, который являлся моим соучастником и связывал меня с кем-то. Я просил бы сказать, откуда это известно и кто такой Винецкий; знает ли Ягода об этом от самого Винецкого или из другого источника. Никаких инспекторов у меня лично не было.

Ягода. Винецкий — инспектор связи Наркомата Связи и одновременно инспектор связи в НКВД. Однажды он мне позвонил и сказал, что Рыков просит его свезти пакет к Николаевскому за границу, — может ли он его взять. Я сказал: переговорите с Рыковым, если он даст — возьмите. Отсюда я вижу, что Винецкий является связью между Николаевским и Рыковым.

Председательствующий (к Прокурору). Больше вопросов у вас нет?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. У суда вопросов также нет. (К Ягоде). Садитесь, пожалуйста.

Переходим к допросу подсудимого Крючкова.

Подсудимый Крючков, поскольку вы подтвердили уже свои показания, данные на предварительном следствии, расскажите вкратце о ваших преступлениях.

Крючков. Я показания свои подтвердил полностью. Я предательски убил Максима Горького и его сына Максима Пешкова. Оба убийства я совершил по указанию Ягоды и под влиянием его угроз.

Давая мне поручение убить Максима Пешкова, Ягода осведомил меня о предполагаемом государственном перевороте и о его, Ягоды, участии. Принимая это поручение, я стал участником контрреволюционной организации правых.

Я не могу скрыть перед судом, как это я показывал и на предварительном следствии, что мои личные интересы совпадали, переплетались с политической подкладкой этого преступления. Ссылаясь на Ягоду, я нисколько не хочу уменьшить степени своей виновности. К разрушению здоровья Максима Горького я приступил после больших колебаний. В смерти же Максима Пешкова я был лично заинтересован. Я полагал, что со смертью Максима Пешкова я останусь единственно близким человеком к Горькому, человеком, к которому может впоследствии перейти большое литературное наследство Горького, которое даст мне в дальнейшем средства и независимое положение.

С Ягодой я познакомился в 1928 году. Наиболее близкая связь установилась в 1931 году. В 1932 году мы стали встречаться чаще. Ягода часто разговаривал со мной, говорили мы об Алексее Максимовиче, о его роли как политического деятеля, о его близости к партии, к Сталину. Говорили о той работе, которую Максим Пешков ведет при Алексее Максимовиче. Ягода выяснял и мои политические настроения. Я не верил в силы индустриализации страны, я не верил в коллективизацию страны.

В 1932 году в разговоре со мной Ягода часто намекал мне, что ему известно, что я живу довольно широко и трачу сравнительно большие средства на себя.

Вышинский. Откуда у вас эти средства были?

Крючков. Я растрачивал большие деньги Горького, пользуясь его полным доверием. И вот это поставило меня в какую-то зависимость перед Ягодой. Я боялся того, что он знает, что я трачу деньги и совершаю уголовное преступление. Ягода стал пользоваться мной, чтобы войти в дом к Горькому, стать ближе к Горькому. Я ему помогал во всем.

В начале 1933 года Ягода в один из разговоров со мной сказал, что Алексей Максимович может скоро умереть, что он стареет, что после смерти Алексея Максимовича распорядителем литературного наследства Горького останется сын Макс. Вы же привыкли, говорит Ягода, жить хорошо, а останетесь в доме в роли приживальщика. Это замечание Ягоды смутило меня, и это мое смущение заметил Ягода. На этом разговор и кончился.

В 1933 году, кажется весной, как я уже сегодня показывал, Ягода снова возобновил этот разговор со мной и тогда ставил вопрос прямо об устранении, точнее сказать, об убийстве Максима Пешкова.

Он тогда говорит мне так: дело тут не в Максиме Пешкове, необходимо уменьшить активность Горького, которая мешает «большим людям» — Рыкову, Бухарину, Каменеву, Зиновьеву. Разговор происходил в кабинете Ягоды. Он мне говорил также о контрреволюционном перевороте. Насколько я помню его слова, он говорил о том, что в СССР скоро будет новая власть, которая вполне будет отвечать моим политическим настроениям. Активность Максима Горького стоит на пути государственного переворота, эту активность нужно уменьшить. «Вы знаете, как Алексей Максимович любит своего сына Максима. Из этой любви он черпает большие силы», — сказал он.

Я ему сказал, что мешать ему, Ягоде, не собираюсь, и спросил, что мне нужно делать. На это он мне ответил: «Устранить Максима» и прибавил, что смерть Максима повлияет на Горького и сделает его безобидным стариком. В дальнейшем разговоре он мне сказал: ваша задача очень проста, начните спаивать Максима. Я разговаривал с доктором Виноградовым и знаю, как губительно действует на организм Максима вино.

Я был удивлен, что он советовался по этому поводу с Виноградовым, и высказал свое удивление. Он мне сказал, что для этого дела привлечены доктор А. И. Виноградов и доктор Левин.

Я принял поручение и приступил к подготовке убийства

Максима Пешкова. Я начал спаивать его, причем вино получал непосредственно от Ягоды в довольно большом количестве. Но все же крепкий организм Максима Пешкова не поддавался. И вот в 1934 году Ягода торопит меня, советует мне простудить Максима. «Вы, — говорит Ягода, — оставьте его как-нибудь полежать на снегу». В марте или апреле месяце, незадолго до основной болезни Максима Пешкова, я так и сделал, но Максим Пешков тогда отделался небольшим насморком. 2 мая я, предварительно напоив Максима, как здесь сегодня показал доктор Левин, оставил его в саду на скамейке спать на несколько часов. День был холодный, и с этого момента Максим заболел, а 11 мая умер. 3 мая вечером Максим мне сказал, что ему нездоровится, он смерил температуру, оказалось 39,5; несмотря на это, я врача не вызвал. Я ему посоветовал согреться, выпить еще водки. Медицинский работник Олимпиада Дмитриевна Черткова, верный друг дома Горького, очень обеспокоилась и потребовала немедленно вызвать врача. Я сказал, что можно подождать до утра. Утром вызвал Левина.

Левин приехал и поставил диагноз, что у Максима в легкой форме грипп. При этом он отозвал меня в сторону и сказал, что вот вы добились того, к чему стремились. Я был немножко удивлен этими словами, откуда он знал о моем участии в этом преступлении. Раньше между нами бывали разговоры о здоровьи Максима Алексеевича Пешкова, но прямо мы не говорили никогда как преступник с преступником. Через несколько дней случайно к Алексею Максимовичу Горькому приехал доктор Бадмаев. Бадмаев осмотрел Максима Пешкова и сразу же определил крупозное воспаление легких и удивленно спросил: что же Левин не осматривал его, что ли? Когда Максим Пешков узнал, что он болен крупозным воспалением легких, он попросил — нельзя ли вызвать А. Д. Сперанского, который часто бывал в доме Горького. Алексей Дмитриевич Сперанский не был лечащим врачом, но Алексей Максимович его очень любил и ценил как крупного научного работника. Я сообщил об этом Левину, Левин на это сказал: ни в коем случае не вызывать Сперанского. Левин добавил, что он в скором времени приедет вместе с доктором А. И. Виноградовым. И, действительно, к вечеру они с доктором Виноградовым приехали. Доктор Виноградов, еще не видя больного, привез с собой какие-то лекарства. Я помню, тут была какая-то стычка с Олимпиадой Дмитриевной Чертковой, когда Виноградов дал Максиму лекарства, минуя ее, — она постоянно ухаживала за всеми больными в доме Горького и требовала, чтобы все шло через ее руки. И она дала лекарства, которые были в домашней аптеке Горького.

7 или 8 мая Максиму Алексеевичу стало лучше. Я сообщил об этом Ягоде, Ягода возмущенно сказал: «Чорт знает что, здоровых залечивают, а тут больного не могут залечить». Я знаю, что после этого Ягода говорил с доктором Виноградовым и доктор Виноградов предложил дать Максиму Пешкову шампанского. Левин тогда сказал, что шампанское очень полезно дать, потому что у больного депрессивное состояние. Шампанское

было дано Максиму Алексеевичу и вызвало у него расстройство желудка при большой температуре.

После того, как расстройство желудка появилось, Виноградов лично — это я знаю наверняка — дал больному слабительное и, выйдя из комнаты больного, сказал: «Для непосвященного ясно, что при такой температуре нельзя давать слабительное».

Консилиум, который был созван по настоянию Алексея Максимовича Горького, поставил вопрос о применении блокады по методу Сперанского, но доктор Виноградов, Левин и Плетнев категорически возражали и говорили, что надо подождать еще немного. В ночь на 11 число, когда Максим уже фактически умирал и у него появилась синюха, решили применить блокаду по методу Сперанского, но сам Сперанский сказал, что уже поздно и не имеет смысла этого делать.

Итак, 11 мая Максим умер. Я уже показывал, что я лично был заинтересован в убийстве Максима Пешкова. Ягода дал мне нож в руки. Я убил Максима по указаниям Ягоды.

Я забыл еще прибавить. Когда был разговор Ягоды со мной об убийстве Максима Пешкова, он мне сказал: «Петр Петрович, я в два счета могу отстранить вас от Горького, вы в моих руках. Малейший нелойяльный шаг по отношению ко мне повлечет для вас более, чем неприятные последствия».

Совершив это преступление, я вынужден был пойти на более ужасное преступление — на убийство Горького. Ягода поставил прямо вопрос, что необходимо приступить к разрушению здоровья Горького. Я заколебался, стал уклоняться от исполнения этого поручения. Ягода сказал, что он не остановится перед тем, чтобы разоблачить меня, как убийцу Максима Пешкова. При этом Ягода дал мне недвусмысленно понять, что если бы я вздумал сослаться на него, — из этого ничего не выйдет. «Следствие ведь будут вести мои люди» — заметил Ягода, и я пошел на это преступление. Левин сегодня показал, как я простужал Горького. Здесь наши действия были согласованы, то есть я спрашивал совета Левина. Зиму 1935/36 года Максим Горький проводил в Крыму в Тессели. Я жил в Москве, но каждые три недели, месяц я приезжал туда. Я устраивал длительные прогулки Алексея Максимовича, я организовал постоянные сжигания костров. Дым костров, естественно, действовал на разрушенные легкие Горького. И в это время, в период 1935—36 года Горький в Крыму не отдохнул, а наоборот, усталый возвращался в Москву. Возвращение его в Москву было организовано или, вернее, ускорено Ягодой, который как с убийством Максима Пешкова, так и с убийством Горького торопил меня. Когда я был в Крыму, я по телефону говорил с Ягодой. Ягода меня торопит, говорит: необходимо привезти в Москву Горького, — несмотря на то, что в Крыму была в это время очень теплая погода, а в Москве холодная. Я говорю Горькому о поездке в Москву, Горький соглашается, собирается ехать и, приблизительно, 26 мая 1936 года Надежда Алексеевна Пешкова, вдова Максима Алексеевича Пешкова, позвонила по телефону,

сообщила, что ехать ни в коем случае нельзя, погода в Москве холодная и к тому же внучки Алексея Максимовича, то есть ее дочери, находящиеся в Москве, больны гриппом при довольно высокой температуре. Через день или два я опять разговариваю с Ягодой. Ягода говорит мне, что внучки совершенно здоровы, поправились и необходимо уговорить Алексея Максимовича ехать. Я Алексею Максимовичу передал это, и 26—27 мая мы выехали в Москву. 31-го немедленно по приезде Алексей Максимович отправился к внучатам, которые действительно болели гриппом, температура была повышена, и он 31 мая заболел. 31 мая вечером был вызван доктор Левин. Левин определил небольшой грипп, но 2 июня сам Алексей Максимович, разговаривая со мною утром, спросил: «Что говорят врачи?» Я ответил: «Грипп», а он говорит: «По-моему, у меня начинается воспаление легких, я вижу по мокроте». Я тогда позвонил Левину. Левин приехал и с диагнозом, поставленным самим больным, согласился немедленно. После этого началось лечение в кавычках. Лечили Горького профессор Плетнев и доктор Левин. Я наблюдал это лечение и должен сказать, что критическое значение сыграло то, что Горькому давали дигален, о чем у суда данные имеются. Если до 8 июня 1936 года пульс Горького все же был ровный и доходил, кажется, до 130 ударов в минуту, то после дачи дигалена он сразу стал давать резкие скачки.

Вот мое второе ужасное преступление. Я кончил.

Председательствующий. У Прокурора есть вопросы?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Коммодов. Нет.

Брауде. Нет.

Председательствующий. У подсудимых есть вопросы? (Нет.) У экспертизы есть вопросы? (Нет.)

Объявляется перерыв до 11 часов утра 9 марта 1938 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Утреннее заседание 9 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается.

Подсудимый Плетнев, расскажите суду о ваших преступлениях перед Советской властью.

Плетнев. Летом 1934 года ко мне обратился доктор Левин и сказал, что меня хочет повидать Ягода, причем сказал, что он будет ко мне обращаться не как пациент. Темы разговора он не конкретизировал, так что точно я не знал, о чем будет речь, но он говорил, что внутри правительства идут разногласия, существует известный антагонизм, и что, вероятно, на эту тему будет со мною беседовать Ягода. Он мне не называл ни имен, ни фамилий, ни конкретных фактов.

Через несколько дней за мною прислали машину, и я был привезен в кабинет Ягоды. Он начал со мною беседу на политическую тему. Он сказал, что назревает переворот, в котором он участвует; из других лиц он назвал только одного Енукидзе. Через некоторое время Левин кроме Енукидзе назвал мне участником антисоветского заговора еще Рыкова. Ягода сказал, что они с Енукидзе решили привлечь, помимо Левина, и меня и что требуется наша помощь в деле устранения двух лиц. Эти два лица были: Максим Горький и Куйбышев. Я возражал, говоря, что, во-первых, Максим Горький — писатель, что, во-вторых, это — два больных человека, которым, по существу, не так долго осталось жить. Ягода сказал: «Они больны, но они чрезвычайно активны, и вопрос не в том, чтобы устранить только здоровых, а в том, чтобы уменьшить продолжительность и интенсивность активности этих лиц», и добавил, что Максим Горький особенно значителен как внутри страны, так и за границей. Он сказал, что выбрал меня не только как медицинское лицо, но и потому, что знает мое антисоветское настроение. Предложение его было подкреплено сильными угрозами по отношению ко мне и по отношению к моей семье. Он сказал, что знает мое отношение к доктору Никитину. Относительно доктора Никитина я должен сказать следующее: доктор Никитин был любимым врачом Льва Толстого, с ним ездил, жил у него в Ясной Поляне, когда он был болен, ездил в Крым, а затем служил в той самой больнице, где и я. Он обратился ко мне с разговором

насчет группировки, которая существует среди врачей. Но я никогда не мог считать доктора Никитина мало-мальски каким-нибудь политическим деятелем, и, как я показывал на следствии, так и сейчас говорю, что я отклонил с ним разговор, а через некоторое время я узнал, что их несколько человек поехали в ссылку. Таким образом, в чем состояло существо их деятельности, кроме этих бесед, я лично затрудняюсь сказать. Но я в так называемом никитинском деле не принимал решительно никакого участия. Я редко бывал у Куйбышева. У Горького я бывал с доктором Левиным, когда Горький тяжело болел. Я был консультантом, домашним врачом Горького был Левин.

План лечения был выработан мною совместно с Левиным, я за него несу ответственность так же, как и Левин.

Изложенное Левиным я подтверждаю. Горький был очень слаб здоровьем, что было известно тогда всем врачам. Это на вскрытии было подтверждено, что Горький жил с одной третью легких, следовательно, физическое переутомление, какая-нибудь инфекция — это могло оказаться роковым. Никаких посторонних ядов не вводилось, а был проведен режим, который был вреден для Горького.

Доктор Левин совершенно правильно сказал, что когда велось лечение, никаких переходных граней через допустимые и возможные дозы не было. Вчера доктору Левину задавали вопрос, впрыскивал ли он по 30—40 ампул камфоры. Это не грань. Мне пришлось впрыснуть одной старушке с крупозным воспалением легких гораздо большее количество камфоры — 50 ампул. С той поры прошло 8 лет, она из года в год показывается мне. Камфора исчезает из организма в 25—30 предельных минут. Но это не есть абсолют, и вместе с тем, то, что для Ивана оказывается нормальной, возможной дозой, для Петра это будет велико. То же можно сказать и с алкоголем. Одному достаточно 3 рюмок для того, чтобы опьянеть, а другому 2 бутылки выпить ничего не стоит.

Количественно и качественно лекарства были все допустимы, а индивидуально для Горького они были вредны. Конечно, это не меняет сути дела. Токсическое влияние, вредное влияние проявилось потому, что предел выносливости у Горького был меньше, чем у другого человека.

Что же касается до умерщвления Куйбышева, то изложенное Левиным совершенно правильно. Вследствие очень напряженной, очень нервной жизни у Куйбышева нехватало сил, нужны были возбуждающие средства, которые впрыскивались ему в виде разнообразных гормонов. Их нельзя было впрыскивать непрерывно в течение 365 дней в году, нужно делать перерывы, а эти перерывы не делались. Соответствующее влияние оказывала также дача и сердечных лекарств, которые Левин назначал.

Как видите, мои показания совпадают с показаниями Левина, может быть отличаясь от них какими-нибудь мелочами, но здесь мелочи не решают дела, и я несу наравне с ним одинаковую ответственность.

Может быть теперь разрешите ответить на те вопросы о про-

исхождении, работе и другие, которые вчера задавались Левину и которые, очевидно, будут заданы и мне.

Вышинский. Как вы характеризуете свои настроения в то время, когда были приглашены Ягодой для сговора об убийстве Куйбышева и Горького? Были у вас тогда антисоветские настроения?

Плетнев. Были.

Вышинский. А вы маскировали эти настроения?

Плетнев. Да.

Вышинский. Каким образом?

Плетнев. Неоднократно говорил о полной поддержке всех тех мероприятий, которые проводились Советской властью.

Вышинский. А в действительности?

Плетнев. Я был несоветским человеком.

Вышинский. Антисоветским?

Плетнев. Да.

Вышинский. Маскировались?

Плетнев. Да.

Вышинский. Двурушничали?

Плетнев. Да.

Вышинский. Лгали?

Плетнев. Да.

Вышинский. Обманывали?

Плетнев. Да.

Вышинский. Из чего складывался план, который вырабатывался вами вместе с Левиным в отношении умерщвления Алексея Максимовича Горького? Формулируйте кратко.

Плетнев. Утомить организм и тем понизить сопротивляемость.

Вышинский. Настолько...

Плетнев. Чтобы не было... одним словом, понизить сопротивляемость, добиться того, чтобы организм не мог сопротивляться.

Вышинский. До предела понизить?

Плетнев. Да.

Вышинский. До возможного предела?

Плетнев. Да.

Вышинский. До возможного и доступного человеческим силам предела?

Плетнев. Да.

Вышинский. Воспользоваться этим состоянием ослабленного организма для чего?

Плетнев. Для возможной простуды и связанной с простудой инфекции.

Вышинский. То есть умышленно создать обстановку неизбежного заболевания какой-либо болезнью?

Плетнев. Да.

Вышинский. И воспользоваться болезнью, чтобы что сделать?

Плетнев. Чтобы применить неправильный метод лечения.

Вышинский. Для чего?

Плетнев. Для умерщвления Горького.

Вышинский. Вот это и был ваш план?

Плетнев. Да.

Вышинский. И вы его выполнили?

Плетнев. Да.

Вышинский. Как вы подготовили организм Горького к тому, чтобы он не в состоянии был сопротивляться болезни?

Плетнев. Эту технику здесь изложил Левин.

Вышинский. Вы этот план поддерживали?

Плетнев. Да.

Вышинский. В этом деле ваше мнение тоже было, имело оно значение?

Плетнев. Технически я ничего предвидеть не мог, но я несу за это полную ответственность.

Вышинский. Ответственность вы, конечно, несете в полной мере. Меня сейчас интересует другой вопрос: в чем выразилось ваше фактическое участие. В том, что вы вместе с Левиным разработали этот преступный, чудовищный план? Так я понимаю?

Плетнев. Да.

Вышинский. В том, что вы вместе с Левиным этот план проводили в жизнь? Правильно я вас понимаю?

Плетнев. Да.

Вышинский. Вы добились вместе с Левиным намеченного вами чудовищного результата?

Плетнев. Да.

Вышинский. В отношении Валериана Владимировича Куйбышева вы тоже вместе с Левиным разрабатывали план его умерщвления?

Плетнев. Тоже вместе с Левиным.

Вышинский. И вы вместе с Левиным заботились о том, чтобы этот план был выполнен?

Плетнев. Постольку, поскольку его Левин выполнял, это был общий план.

Вышинский. А почему Левин выбрал вас в свои помощники или руководители, это как вы сами считаете?

Плетнев. Нам с ним очень часто приходилось встречаться на консультациях в правительственных кругах.

Вышинский. Не только с вами он встречался.

Плетнев. Я думаю, что он лучше ответит на этот вопрос, чем я.

Вышинский. А вы как сами смотрите?

Плетнев. Вероятно из-за этих антисоветских настроений.

Вышинский. Они ему были известны?

Плетнев. Были известны.

Вышинский. Вы давно с Левиным знакомы?

Плетнев. Лет 40.

Вышинский. Со студенческой скамьи?

Плетнев. Немножко позже.

Вышинский. А имел он основание считать, что вы его не выдадите?

Плетнев. Я вас не понял.

Вышинский. Вы не опасались, что Левин может вас подвести?

Плетнев. Я не могу этого сказать.

Вышинский. Вы опасались или нет?

Плетнев. Все равно я отвечаю за это дело.

Вышинский. Но вы опасались или нет, что он вас выдаст?

Плетнев. Я об этом и не думал.

Вышинский. Понятно. Вы приняли с сочувствием этот план?

Плетнев. Я уже показывал на предварительном следствии, что тут была тяжелая борьба.

Вышинский. Почему вы не отказались от этого преступного плана?

Плетнев. Были угрозы со стороны Ягоды по моему адресу.

Вышинский. Почему вы придавали серьезное значение угрозам Ягоды?

Плетнев. Все-таки это был нарком внутренних дел.

Вышинский. Ну а когда он перестал быть наркомом, что вас тогда удерживало от того, чтобы явиться в надлежащие органы и выполнить свой долг гражданина?

Плетнев. Я считал вопрос законченным и умершим.

Вышинский. Умершими были ваши жертвы, а вопрос до сих пор жив.

Плетнев. Теперь я вижу, что он жив.

Вышинский. Вы боялись Ягоды, когда он был руководителем НКВД, но ведь был такой момент, который длился не день и не месяц, когда Ягода никакой опасности для вас не представлял, когда его сняли с работы в НКВД.

Плетнев. Я думал, что с кошмаром покончено...

Вышинский. Что концы в воду, что никто ничего не знает?

Плетнев. Да.

Вышинский. И что вы попрежнему можете фигурировать как медицинское светило, будучи в действительности светилом бандитского мира. Это так?

Плетнев. Да.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Коммодов. В ваших показаниях, подсудимый Плетнев, есть место, где вы говорите, что при разговоре с Ягодой, когда вы стали возражать, он вам заявил: предложение дано не для дискуссии, а для проведения в жизнь. Было такое место?

Плетнев. Да.

Коммодов. Был ли случай при свидании с Ягодой, когда Ягода сказал, что против вас имеется компрометирующий материал?

Плетнев. Он мне его не показал, но он говорил об этом.

Вышинский (к Плетневу). А вы не спрашивали, какой же это материал?

Плетнев. Нет, не спрашивал.

Вышинский. А может быть и материала не было?

Плетнев. С моей точки зрения? Я до сих пор не знаю.

Вышинский. Если бы вы были серьезным человеком, вы должны были бы спросить, какой материал.

Плетнев. Я этого не спросил. Но мое кадетское прошлое...

Вышинский. Кадетское прошлое не у вас одного, что же тогда вас испугало?

Плетнев. Общая ситуация.

Вышинский. Понятно.

Коммодов. У вас были антисоветские настроения?

Плетнев. Да, как я говорил.

Коммодов. Вы могли думать, что органы государственной безопасности знают о ваших антисоветских настроениях?

Плетнев. Раз у меня они были, было и основание для такого предположения.

Коммодов. Ваши антисоветские настроения сами по себе могли бы толкнуть вас на совершение преступления в вашей работе, если бы не было указаний Ягоды?

Плетнев. Ни в коем случае.

Коммодов. Сколько лет вы занимаетесь врачебной деятельностью?

Плетнев. 40 лет безупречного врачебного стажа.

Коммодов. Эти 40 лет вы провели в качестве практикующего врача или занимались научной деятельностью?

Плетнев. Я был практикующим врачом, был педагогом, вел научно-исследовательскую работу и был редактором одного из руководящих медицинских журналов в СССР.

Коммодов. У вас имеется научная работа?

Плетнев. У меня имеется целый ряд работ.

Коммодов. Больше вопросов нет.

Вышинский (к Плетневу). Сколько вы сказали у вас лет вашего врачебного стажа?

Плетнев. 40.

Вышинский. Вы считаете безупречным этот стаж?

Плетнев. Да, я считаю.

Вышинский. Безупречным?

Плетнев. Да, я считаю.

Вышинский. За эти 40 лет у вас не было никогда никаких совершенных в области вашей профессии преступлений?

Плетнев. Вам одно известно.

Вышинский. Я спрашиваю вас, потому что вы заявляете о безупречности вашей работы за 40 лет.

Плетнев. Да, но, как я тогда отрицал...

Вышинский. Вы считаете, что тот приговор, который имеется по хорошо вам известному делу о насилии, учиненном вами над пациенткой, есть момент позорный для вашей деятельности?

Плетнев. Приговор, да...

Вышинский. Приговор порочит вашу деятельность или нет?

Плетнев. Порочит.

Вышинский. Значит за 40 лет были порочащие моменты?

Плетнев. Да.

Вышинский. Вы себя ни в чем не признали виновным?

Плетнев. Я не могу сказать, что ни в чем.

Вышинский. Значит, в чем-то признали?

Плетнев. Да.

Вышинский. Это порочит вас?

Плетнев. Да.

Вышинский. Значит, за 40 лет были порочащие моменты?

Плетнев. Да.

Вышинский. Больше вопросов нет.

Председательствующий. У других подсудимых нет вопросов? (Вопросов нет.) У экспертизы есть вопросы? (Вопросов нет.) (К Плетневу.) Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Казаков, вы подтверждаете ваши показания на предварительном следствии?

Казаков. Подтверждаю.

Председательствующий. Расскажите суду о вашей преступной деятельности.

Казаков. Мои преступления связаны, в частности, с убийством Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Мое отношение к Менжинскому разделяется на два периода. Первый период — до ноября месяца 1933 года, когда я правильно лечил его и добился определенных результатов. Второй период — когда я применял неправильный метод лечения, это было после встречи с Левиным и после встречи с Ягодой. Менжинский до моей встречи с ними был в тяжелом состоянии и около 6 или 7 месяцев не вставал с постели. Я был приглашен к тяжело больному. У него было наличие грудной жабы и одновременно бронхиальная астма, и припадки бронхиальной астмы особенно тяготили его по ночам, а припадки грудной жабы периодически наступали, усиливаясь и ослабляясь после того припадка, который у него был в 1926 году, и закончились тяжелым инфарктом миокарда, что подтверждено электрокардиаграммой, хранящейся в деле. Электрокардиаграмма показывала наличие тромбозов одной из ветвей венечных артерий.

После моего лечения в апреле 1932 года Вячеслав Рудольфович встал и приступил к работе, об этом вчера говорил Левин. Это было зафиксировано в протоколе за моей подписью, доктора Левина и еще одного профессора в кабинете Вячеслава Рудольфовича, и протокол был представлен высшим инстанциям, что он может приступить к работе. В процессе наблюдения за Вячеславом Рудольфовичем я замечал некоторые особенности в поведении по отношению ко мне доктора Левина. Прежде всего его пренебрежительное отношение ко мне, меня стали дискредитировать и в конце ноября 1932 года я был почему-то отстранен от Вячеслава Рудольфовича, когда он находился в хорошем состоянии. 5 марта 1933 года я был снова приглашен к Менжинскому и застал его в тяжелом состоянии: после перенесенного гриппа у него был хронио-сепсис. Припадки астмы сменялись припадками жабы. Мы тогда разошлись с доктором Левиным по поводу оценки его состояния. Я был отстранен от лечения Менжинского. С Левиным мы встретились в мае, он высказал мне некоторое сочувствие по поводу отрицательного отношения ко мне группы врачей, с которыми я вел научную борьбу, и сказал, что зря я вожусь с Менжинским, что толку из этого никакого не будет и на нем карьеру себе сделать невозможно. Потом он сказал: «Ну как-нибудь в другой раз поговорим».

В июне я снова с ним встретился. Я узнал, что за это время был консилиум у Менжинского, этот консилиум решил, что у Менжинского хронио-сепсис и принял противосепсическое лечение лизатами. Встреча с Левиным и разговор были неожиданными, ибо раньше он считал ненужным продолжение такого лечения Менжинского. Я начал лечить Менжинского с 19 июня. В конце июля Менжинский снова мог приступить к работе. Август, сентябрь мы провели вместе в Кисловодске, Менжинский там был в хорошем состоянии. В октябре месяце он уже приступил опять к работе.

В конце октября я встретился с доктором Левиным, и здесь уже произошел откровенный разговор, тот, который вчера подтвердил доктор Левин. Он сказал мне: «Удивляюсь я вам, что вы так рьяно взялись за лечение, за восстановление здоровья Менжинского. Напрасно вы его допустили к работе. Напрасно вы возитесь с этим живым трупом. Ведь этим вы только раздражаете Ягоду, и это вас к добру не приведет». Тут я совершенно оторопел. Левин продолжал: «Поймите, что Менжинский мешает Ягоде, и Ягода заинтересован в скорейшем устранении его. Предупреждаю вас, что если вы скажете Менжинскому об этом, то Ягода вас, конечно, уничтожит и нигде вы не спрячетесь от Ягоды. Ягода такой человек, который ни перед чем не останавливается, ничего не забывает. Предупреждаю вас, что Ягода вас вызовет к себе».

Этот разговор по своей откровенности переходил всякие границы. Конечно, это обязывало меня тут же кому-либо сообщить, я этого не сделал, думая, что здесь какая-нибудь провокация со стороны доктора Левина, и решил ждать, что мне скажет Ягода. С доктором Левиным, который относился к той группе врачей, с которыми я вел определенную борьбу, у меня не было хороших отношений и у меня не было оснований особенно верить ему.

События развернулись дальше. Одно время я перестал ездить к Менжинскому. Дело в том, что нужно знать, что к Менжинскому просто поехать я не мог, как Левин. Я мог поехать только, если меня доставит туда машина, имеющая определенный пропуск, значит, машина, едущая от НКВД. Если машину за мной не посылают, то я не могу поехать к Менжинскому, и, действительно, я тогда дней 15, может быть, немного больше, Менжинского не видел, но знал, что он работает. Шестого ноября — я твердо это помню — за мною приехала машина с начальником Санчасти ОГПУ, с которым я всегда ездил, и неожиданно для меня доставили меня не в Шестые Горки, куда я обычно ездил, а на одну из Мещанских улиц, в только что отремонтированный особняк. Войдя в этот одноэтажный особняк, мы в буквальном смысле слова задохнулись. Тяжелейший, удушливый запах. Явно чувствовался запах скипидара, но был еще запах какого-то особого вещества. Члены семьи Менжинского мне объяснили так: 5 ноября, то есть вчера, семью Менжинского и его самого перевезли сюда. Здесь была сделана покраска и поскольку осенью краска медленно сохнет, то к краске было до-

бавлено какое-то вещество, сикатив, способствующий высыханию. Надо сказать, что этот сикатив обладает очень едким запахом. Мы, здоровые люди, в буквальном смысле слова задыхались. Что же было с Менжинским, страдающим бронхиальной астмой! Когда я вошел к Менжинскому, я застал его в вынужденно-сидячем положении, он с трудом мог говорить, совершенно отек за ночь. Я послушал легкие — всюду звонкие, типично-астматические сухие хрипы, удлиненный выдох, дышит он крайне затрудненно. Я и шофер взяли его на стул и вдвоем вынесли на балкон, сейчас же открыли все окна. Прежде чем его вынести, я сделал инъекцию, чтобы как-нибудь ослабить тяжелейший припадок бронхиальной астмы. Часа три я продержал Менжинского на веранде. После этого мы его внесли обратно. Я уехал домой. Дома вскоре раздался звонок, мне было сказано, что говорят от Ягоды, просят меня туда приехать, за мною сейчас прибудет машина. Действительно, в скором времени за мною прибыла другая машина и меня доставила к первому подъезду. Я поднялся и встретил Ягоду, что он вчера на вечернем заседании подтвердил.

Здесь произошел следующий разговор. Вначале спокойно, вежливо он спросил: скажите, пожалуйста, вы видели Вячеслава Рудольфовича?

— Да, видел сегодня.

— В каком состоянии вы его нашли?

— В очень тяжелом состоянии.

После небольшой паузы Ягода говорит:

— Собственно говоря, на Менжинского все махнули уже рукой.

Меня это несколько удивило.

Дальше Ягода задает вопрос: скажите, пожалуйста, мы с Левиным разговаривали?

— Да, разговаривал.

— Так почему же вы... (Тут он вышел из границ обычной элементарной вежливости и передо мной предстал самый настоящий необузданный сатрап.) Почему вы умничаете, а не действуете? Кто вас просил вмешиваться в чужие дела?

Тут я понял, что он участник какого-то дела, что он знает о том, что было 3—4 часа тому назад. Я спросил у Ягоды: что вы хотите от меня? Ягода ответил: вы должны с доктором Левиным выработать такой метод лечения Менжинского, чтобы он скорее закончил свою бесполезную и многим мешающую жизнь. Предупреждаю вас, если вы вздумаете сопротивляться, я сумею с вами справиться. Вы от меня никуда не уйдете... Если бы у меня сейчас Прокурор спросил, знаете ли вы Ягоду, я бы ответил — знаю. Если бы Прокурор спросил, узнаете ли вы Ягоду, я бы сказал — не узнаю, то есть тот Ягода и настоящий Ягода — большая разница. Сейчас он очень скромный, тихий, а там он был другим.

Я понял, что попал в жуткие тиски. Я думал, как выйти из этого положения? Через день я видел Вячеслава Рудольфовича. Это было 8 ноября. У Вячеслава Рудольфовича в это время началось осложнение с почками. Я предложил вызвать доктора

Левина и урологов, так как это не по моей специальности. Может быть я должен был вмешаться, потому что я Вячеслава Рудольфовича хорошо знал; может быть возможно было оказать ему скорую помощь, но я этого не сделал. Правда, Вячеслав Рудольфович обратился ко мне, как обычно всегда в очень мягкой форме, и говорит, что привезли его сестру из Стокгольма в тяжелом состоянии с обсемененным раком, находится она сейчас в Кремле и испытывает мучительные рвоты так называемой лучистой болезни. Она была очень энергично облучена радием, рентгеном, но все это бесполезно и она была почти без сознания. Он говорит,— хотя я знаю, что это совершенно бесполезно, но прошу вас заняться Людмилой Рудольфовной. Я приехал в Кремль и до смерти Людмилы Рудольфовны ежедневно там бывал. Кстати, должен сказать, что и Вера Рудольфовна, которая тогда была в тяжелом состоянии благодаря этой катастрофе, обратилась ко мне с просьбой помочь ей, и я ей тут же помог.

В конце ноября я видел Левина, и вместе с ним был выработан метод, который заключался в следующем: прежде всего были использованы два основных свойства белка и белковых продуктов. Первое: продукты белкового распада — гидролизы обладают свойством усиливать действие лекарственного вещества. Второе: лизаты подымают чувствительность организма. Вот эти два свойства и были использованы.

В-третьих, были использованы особенности организма Менжинского — комбинация бронхиальной астмы с грудной жабой. Всем известно, что при бронхиальной астме находится в возбуждении так называемый парасимпатический отдел вегетативной нервной системы. Поэтому при бронхиальной астме даются вещества, возбуждающие противоположный отдел, то есть симпатической щитовидной железы. Таким препаратом является препарат надпочечника, препарат продукта мозга.

При грудной жабе находится в возбуждении как раз симпатический отдел, идущий от подшейного сплетения симпатического узла. Вот — та тонкость, которая была использована.

Если вы меня спросите, нужно ли было Менжинскому давать вещества симпатикотропные, то я должен сказать — да, если была бы только бронхиальная астма, но давать было нельзя, так как у него имелась грудная жаба. И только невежественный человек мог допустить дачу препаратов мозгового слоя надпочечника при комбинации этих болезней.

Вышинский. Невежественный или же?

Казаков. Или же с заранее обдуманными целями.

Вышинский. С преступными целями?

Казаков. Да.

Вышинский. А может быть здесь налицо были и невежественность и преступление?

Казаков. Нет, здесь было чистое преступление. Постепенно включались одни и выключались другие. Поэтому я не знаю, могли ли сами эти препараты дать тот эффект, который они должны были дать. Надо было еще включить ряд сердечных лекарственных веществ — дигиталис, адонис, строфант, которые

заставляли сердце энергично работать. Введение этих лекарств проводилось в таком порядке: давались лизаты, потом был перерыв в лечении лизатами, затем давались сердечные лекарства. В результате такого «лечения» наступила огромная слабость, и Менжинский скончался с 9 на 10 мая.

Я знаю, вы меня спросите — почему я не сообщил об этом преступлении советским органам? Ягода держал меня под сугубым наблюдением. Это я знал, это я чувствовал.

Вы меня спросите, вероятно, — какие же мотивы объясняют мое молчание? Я должен сказать — мотивы низменного страха. Ягода занимал высокий пост. И второй момент — в Санчасти находилось большинство врачей моих научных противников. Я думал, что может быть наступит момент, когда я сумею свободно работать, может быть Ягода сумеет остановить их.

Вышинский. В награду за ваше преступление?

Казаков. Да.

Вышинский. Вы говорите, таким образом, что у вас были соображения чисто карьеристического порядка. Против вас была настроена медицинская наука и вы рассчитывали устранить ваших противников?

Казаков. То есть нейтрализовать и дать мне свободно работать или же сдержать их.

Вышинский. И вы тогда будете вести научную работу?

Казаков. То есть я буду свободно работать.

Вышинский. А до тех пор вы работали не свободно?

Казаков. В тот период я с большими ущемлениями работал.

Вышинский. Это ваше личное переживание, потому что оспаривалось значение вашей научной работы. Но я спрашиваю, государство обеспечило все возможности вашей научной работы?

Казаков. Государство мне обеспечило полностью, но среда...

Вышинский. Погодите. Советским государством был дан вам институт?

Казаков. Да.

Вышинский. Большой или маленький?

Казаков. Лучший институт в Союзе.

Вышинский. Как же вы осмеливаетесь говорить, что у вас не было возможности свободно работать?

Казаков. Но печатать мои труды...

Вышинский. Правительство приказать печатать ваши труды не может, это вы должны понимать. А я вас спрашиваю, институт был дан?

Казаков. Был.

Вышинский. Лучший в Союзе?

Казаков. Лучший.

Вышинский. Работники были даны?

Казаков. Да.

Вышинский. Средства были даны?

Казаков. Да.

Вышинский. Какие средства?

Казаков Большие.

Вышинский. Большие, гигантские. Как же вы осмеливаетесь говорить то, что вы сейчас сказали? Вы и здесь думаете клеветать? Продолжайте ваши объяснения.

Казаков. Были моменты тяжелого личного переживания. Действительно, я все-таки должен сказать, что на съездах мне даже заключительного слова не давали. Я был программным докладчиком, и здесь многие присутствуют, которые знали об этом. Мне заключительное слово не дается, первый раз в истории медицины! Против меня выступают мои оппоненты, а мне заключительного слова не дают.

Вышинский. Вы в историю медицины вошли достаточно крепко своими чудовищными преступлениями, поэтому говорите о преступлениях.

Казаков. Сейчас я предстал перед судом и оправданий я себе не нахожу. Для меня это кошмар, который мучил меня 4 года. Я старался 4 года, как и до этого, честно работать.

Вышинский. Когда?

Казаков. До этого преступления и после этого преступления. Старался сделать, дать максимальный вклад в науку, но этот кошмар меня мучил и я ждал случая, когда можно будет от него освободиться. Суд для меня является сейчас тем моментом, когда я могу честно рассказать о всем случившемся и, прежде всего, внутренне освободиться от сознания совершенного преступления.

Вышинский. Скажите, пожалуйста, вашу формулу № 2, при помощи которой вы погубили Менжинского.

Казаков. Формулу № 2?

Вышинский. Вот этот лизат печени.

Казаков. Лизат печени, необходимый при бронхиальной астме, при грудной жабе...

Вышинский. Лизат щитовидной железы?

Казаков. Необходим при бронхиальной астме и противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. Вы его применяли?

Казаков. Да, применял.

Вышинский. В усиленной дозе?

Казаков. Нет, в небольшой дозе.

Вышинский. Но больше чем обычная доза?

Казаков. Не больше, но он совершенно противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат придатка мозга?

Казаков. Противопоказан при грудной жабе.

Вышинский. А лизат мозгового слоя надпочечника?

Казаков. Противопоказан.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты в каких целях?

Казаков. В преступных целях.

Вышинский. В целях убийства?

Казаков. Да, да.

Вышинский. Кто контролировал ваши рецепты?

Казаков. Никто не контролировал.

Вышинский. Вы могли вместо лизата щитовидной железы

дать что-нибудь нейтральное при грудной жабе и тянуть, надувать Ягоду. Вы могли сказать Ягоде: «Вы требуете от меня, чтобы я его убивал. Хорошо, я его буду убивать», — а рецепты вы могли составлять так, чтобы не было вреда больному. Можно было это сделать?

Казаков. Можно, но за мною был другой контроль.

Вышинский. В этих лизатах, вы сказали, контроля не было?

Казаков. В этих лизатах не было.

Вышинский. Я прошу экспертизу ответить на вопрос, был ли какой-нибудь контроль за лизатами Казакова или он мог дать тут все, что хотел? Я прошу экспертизу ответить и на вопрос, сыграли ли роль эти три лизата в отравлении Менжинского? Если вы делаете сейчас вид кающегося грешника, то скажите по чести, — если у вас есть остаток чести, — скажите суду, что вам мешало надуть, как вы выразились, сатрапа и дать больному нейтральный состав?

Казаков. Я должен сказать, как указывал и на предварительном следствии, сами по себе лизаты такого действия не могли дать.

Вышинский. Нет, вы уходите от ответа. Скажите о трех лизатах: щитовидной железы, придатков мозгового слоя и мозгового слоя надпочечника, эти три лизата сыграли серьезную роль? Кстати я прошу экспертизу ответить на этот вопрос, сыграли ли роль эти три лизата в преступном отравлении Менжинского? Казакова я прошу ответить, кто вам мешал в этих трех лизатах дать нейтральные элементы? Кто-нибудь мешал вам, кто-либо понимал, что вы там делаете в своей волшебной кухне?

Казаков. У меня волшебной кухни не было.

Вышинский. Это мы видим теперь, а можете ответить, почему не вывели эти элементы? Кто-нибудь мог вас проверить? Да или нет?

Казаков. Думаю, что нет.

Вышинский. У меня больше нет вопросов.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Коммодов. Скажите, когда, по времени, было последнее свидание с Левиным, где он вам совершенно ясно и точно сказал, что желает Ягода от вас в смысле результатов вашего решения по отношению к товарищу Менжинскому?

Казаков. Точно числа я не помню, это было примерно около 20 октября.

Коммодов. Когда после этого вы увиделись с Ягодой в его кабинете?

Казаков. Я увиделся с Ягодой 6 ноября.

Коммодов. Когда у вас было посещение Менжинского, не в Горках, а здесь в особняке на Мещанской?

Казаков. 6 ноября.

Коммодов. До свидания с Ягодой?

Казаков. До свидания с Ягодой и после свидания 8 ноября.

Коммодов. А до 8 ноября вы были у Менжинского, прежде чем поехать к Ягоде?

Казаков. Да.

Коммодов. Когда вы проветривали комнату?

Казаков. Это до свидания с Ягодой.

Коммодов. При вашем свидании с Ягодой в ноябре 1933 года он потребовал определенного метода лечения или определенных результатов?

Казаков. Он требовал такого метода лечения, который ускорил бы смерть Менжинского.

Коммодов. Как вы поняли, что нужно было Ягоде?

Казаков. Ягоде нужно было скорее освободиться от Менжинского.

Коммодов. Скорейшая смерть Менжинского, и вы дали согласие действовать именно в этом направлении?

Казаков. Да.

Коммодов. Как скоро наступила смерть Менжинского после разговора с Ягодой?

Казаков. Через 6 месяцев. Этот разговор был 6 ноября 1933 года, а смерть наступила 10 мая 1934 года.

Коммодов. После свидания с Ягодой вам приходилось часто видеться с Левиным или вы проводили метод лечения один?

Казаков. Нет, мы виделись с Левиным на нейтральной почве. У Менжинского Левин бывал чаще, бывал и без меня. У меня в лечении были паузы. Когда Левин там бывал, я встречался с ним редко.

Вышинский (Казакову). На вопрос защитника Коммодова вы сказали, что Ягоде было безразлично, как вы «лечите» Менжинского, ему нужен был только результат, то есть смерть.

Казаков. Ягода за мной следил через Левина.

Вышинский. Левин контролировал ваши лизаты?

Казаков. Нет, он не контролировал, а устанавливал состояние Менжинского, и отсюда он контролировал реализацию нашего преступного плана.

Вышинский (к суду). Позвольте спросить подсудимого Левина по этому вопросу.

Левин. Я не мог контролировать лизаты, потому что я никогда не верил в метод лечения Казакова.

Вышинский. Почему вы не верили в этот метод, вы считали, что это шарлатанство?

Левин. Я считаю это авантюризмом. Никто не знал, как Казаков приготовлял лизаты.

Вышинский. Контролировать их можно было?

Левин. Очень трудно. Он приезжал всегда со своим чемоданчиком и там были какие-то ампулы.

Вышинский. Считали ли вы, что лечение Казакова есть сплошное шарлатанство?

Левин. По-моему, это авантюризм. То, что он ссылается на борьбу с известной группой...

Вышинский. Я не спрашиваю вас об этом. Можно ли сказать, что это есть шарлатанство?

Левин. Это был авантюризм.

Вышинский. Для лечения этот метод не годится?

Левин. Доктор Казаков считал, что неизлечимых болезней нет, он издевался над врачами, которые говорят...

Вышинский. Это другой вопрос. Я спрашиваю, для лечения не годился этот метод?

Левин. В некоторых случаях лизаты помогали, но если бы их изготовляли в лаборатории.

Вышинский. А если бы он хотел изготовить их плохо?

Левин. Он имел к тому все возможности.

Вышинский. Бесконтрольное дело?

Левин. Да.

Разрешите мне задержать вас еще на одну минуту. Я хочу опровергнуть, как и вчера, заявление Казакова о майской и июньской беседах со мной относительно Менжинского. Он просто путает, он говорит неправильно. Он говорил здесь о том, что я заявлял: «зачем вы возитесь с таким трупом?» Это возмутительно, я не мог допустить такие слова.

Вышинский. Значит, вы такие слова не могли допустить, они слишком возмутительны, а делать такие возмутительные дела вы могли. Это были возмутительные дела?

Левин. Дела возмутительные.

Вышинский. Подсудимый Казаков, я спрашиваю вас: могли ли вы Ягоду провести в этом деле, то есть представить дело так — делаю все, чтобы умертвить, но не выходит, организм жизнеспособный, борется? Такая постановка вопроса возможна или нет? (Казаков молчит.) Или вы хотели того же результата, которого хотел и Ягода, потому что рассчитывали, что может быть вам Ягода тоже потом пригодится в борьбе за вашу так называемую научную карьеру? Вы понимаете мой вопрос?

Казаков. Понимаю. Надо помнить, что это был 1933 год...

Вышинский. Я знаю, что это был 1933 год, и от этого ничего не изменяется...

Казаков. И тогда еще не был достаточно изучен в смысле биологическом эффект лизатов...

Вышинский. Опять у вас — «биологический, потенциальный, непотенциальный, сенсибилизация» и тому подобные умные слова, а дело идет о простом отравлении, об убийстве. От вас требуется результат, то есть — умертвить. Я вас спрашиваю: могли вы изобразить дело так, что стараюсь, но не выходит, или не могли?

Казаков. Если бы сегодня меня спросили...

Вышинский. Нет, не сегодня. Я вас спрашиваю: могли бы вы или кто-нибудь на вашем месте, не желая стать соучастником такого кошмарного злодейства, занять такую позицию в данном вопросе, если вы не могли кому-либо сообщить или доложить? (Казаков молчит.) Если вы поставили вопрос личного вашего благополучия выше жизни руководителей нашей партии и правительства, выше интересов Советского государства, если вы так низко пали, то не могли ли вы найти последнее убежище в том, чтобы провести Ягоду, сказать: я делаю, стараюсь, чтобы был смертельный результат, но не выходит это? Могли или не могли?

Казаков. Я вам отвечу, что если вы введете эти три лизата...

Вышинский. Я не об этом вас спрашиваю. Вы поняли мой вопрос? Могли ли бы вы не выполнить своего обязательства перед Ягодой, обмануть его? В медицине Ягода понимал что-нибудь? Врачи не разбирались в вашей волшебной кухне, так что же говорить о Ягоде. (Казаков молчит.) Могли вы или не могли сделать вид, что вы выполняете его указания, а в действительности, про себя, не выполнять их?

Казаков. Мог бы. Я должен сейчас сказать, что эти три лизата являются противопоказанными при грудной жабе, но если мы сейчас выберем любого больного с грудной жабой и введем эти три лизата, то они не вызовут смерти. Даже адреналин дается.

Вышинский. Значит, что выходит?

Казаков. Значит, выходит, что я рассчитывал убить, но я не убил.

Вышинский. Вы вводили эти лизаты для чего? Для того, чтобы убить Менжинского? (Казаков молчит.)

Вы вводили лизаты с этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступлениям?

Казаков. Видите ли, лизаты имеют двоякое действие.

Вышинский. Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата были безвредны для Менжинского?

Казаков. Да, эти три лизата были безвредны.

Вышинский. А могли ли вы провести Ягоду?

Казаков (молчит.)

Вышинский. В виду невозможности получить прямой ответ на этот ясный вопрос, я прошу суд прервать заседание, и дать возможность экспертизе ответить на вопрос, поставленный мною Казакову.

Председательствующий (к экспертам). Можете вы сейчас ответить?

Эксперты. Нет, мы просим после перерыва.

Председательствующий. Объявляется перерыв на полчаса.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Эксперты могут дать заключение по дополнительным вопросам Прокурора?

Эксперт профессор Бурмин. Да, мы готовы (зачитывает).

ОТВЕТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ

Вопрос: Был ли какой-либо контроль и мог ли быть этот контроль при приготовлении лизатов И. Н. Казаковым?

Ответ: Никакого контроля не было и быть не могло, ибо в то время (в 1933 и первой половине 1934 года — время лечения Казаковым покойного товарища Менжинского) метод приготовления лизатов был Казаковым абсолютно засекречен.

Вопрос: Сыграло ли решающую роль применение Казаковым лизатов щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников в ухудшении состояния здоровья товарища В. Р. Менжинского?

Ответ: Применение указанных выше лизатов (щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников) при тяжелом сердечном заболевании, которым страдал покойный В. Р. Менжинский, было недопустимо, и этого не мог не знать И. Н. Казаков.

Вредные действия этих лизатов в данном конкретном случае усугублялись тем обстоятельством, что В. Р. Менжинскому в течение длительного времени одновременно применялись препараты наперстянки, действие которых под влиянием лизатов безусловно усиливалось.

Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В. Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

Эксперты:

Заслуженный деятель науки профессор *Д. А. Бурмин*
Заслуженный деятель науки профессор *Н. А. Шерешевский*
Профессор *В. Н. Виноградов*
Профессор *Д. М. Российский*
Доктор медицинских наук *В. Д. Зипалов*

9 марта 1937 г. Москва.

Председательствующий. В связи с заключением экспертизы есть вопросы к подсудимому Казакову?

Вышинский. Я прошу разрешения огласить показания Казакова, имеющиеся в т. 19 на листах 68 и 69, где он изложил содержание формулы № 2 и показал следующее: «Поскольку в эту формулу входили уже три симпатикотропных лизата, лизат щитовидной железы, мозгового слоя надпочечников и придатка мозга, причем в повышенной дозе приема внутрь, процесс ослабления и истощения запасных сил больного сердцем Менжинского, вследствие усиленной работы, вызванной комбинацией лизатов и сердечных лекарств, начал резко нарастать и в ночь с 9 на 10 мая Менжинский скончался при явлениях упадка сердечной деятельности».

Казаков. Совершенно правильно, ничего здесь не расходится.

Председательствующий. Позвольте, вас еще не спрашивают.

Вышинский. И следующая часть:

«Хотя Менжинский имел бронхиальную астму, но у него на первый план резко выступала грудная жаба, поэтому при правильной формуле для него допустимы были лишь те лизаты против бронхиальной астмы, которые не влияли на грудную жабу. Так была вначале построена правильная формула... но с декабря 1933 года были включены (по предложению Ягоды и Левина истощать сердце Менжинского) противопоказанные при грудной жабе три лизата и выключены необходимые лизаты».

Вы это показание подтверждаете?

Казаков. Это какое-то недоразумение. Я это показывал раньше и показываю это сейчас.

Вышинский. Подсудимый Казаков, вы и сейчас согласны с тем показанием, которое было вами дано раньше?

Казаков. Согласен и подтверждаю полностью.

Коммодов. Правильно ли я понимаю, что та формула № 2, о которой говорил здесь товарищ Прокурор, сводится к тому, что комбинированное лечение вашими лизатами совместно с сильными дозами сердечных средств должно было неминуемо привести к ослаблению сердечной деятельности товарища Менжинского? Правильно это?

Казаков. Да, совершенно правильно. Иначе не было бы этих результатов. Настоящим контролем в этом случае была только смерть, от которой никуда не уйдешь. А если бы я попытался обмануть Ягоду, то мог это сделать на 3—4 дня, а дальше он меня возьмет. А от этого единственного контроля нельзя было уйти.

Вышинский. Контроля смерти?

Казаков. Да, контроля смерти.

Вышинский. А вы ее помощник?

Казаков. Да. Я с самого начала сказал, что на сердце воздействовали эти средства. Формула № 2 была назначена в апреле, потому что первая формула действовала слабо, а вторая более сильно.

Вышинский. Вопрос заключался в одном: лизаты щитовидной железы, придатка мозга и мозгового слоя надпочечников в данной комбинации были для Менжинского вредоносными. Вы это признаете?

Казаков. Я этого никогда и не отрицал.

Вышинский. Вопрос этот перед экспертизой был поставлен потому, что вы говорили, будто эти лизаты были нейтральными.

Казаков. Я не мог этого говорить, потому что лизаты не могут быть нейтральными.

Вышинский. Я думаю, что поскольку мы имеем определенное заключение экспертизы, а Казаков отказался от своего утверждения о нейтральности этих лизатов, вопрос можно считать исчерпанным.

Председательствующий. У вас вопросов больше нет?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. У защиты имеются какие-нибудь вопросы?

Защита. Нет.

Председательствующий. Не имеется ли вопросов у подсудимых?

Подсудимые. (Нет.)

Председательствующий. Переходим к допросу подсудимого Максимова-Диковского.

Максимов-Диковский. Показания, данные мною на предварительном следствии, я целиком подтверждаю.

Председательствующий. Расскажите о вашей антисоветской деятельности.

Максимов-Диковский. Мое сближение с правыми относится к 1928 году. В институте я близко познакомился с аграрником Гайстером, который тогда был уже правым. Он у меня вызывал полное доверие, был достаточно авторитетным в моих глазах. На протяжении 1928 года я неоднократно с ним встречался, разговаривал на различные политические вопросы, особенно по вопросам политики партии. Он меня убеждал и скоро убедил в том, что здесь правые стоят на более правильной позиции, чем Центральный Комитет, приводил в подтверждение различные тенденциозно подобранные материалы о хозяйственно-политическом положении страны, материалы, которые были клеветническими и ничего общего с действительным положением страны не имеющими.

С начала 1929 года я также уже стоял на позициях правых, вступил на антипартийный контрреволюционный путь.

Следуя тактике центра правых, я не только никогда не выступал против политики партии, но даже старался не сближаться с теми правыми, которые уже успели скомпрометировать себя. Как и все правые, я маскировался и двурушничал.

В последующие годы, в 1930, 1931, мои связи с правыми усилились. Я знал через Гайстера о том, что тройка — Рыков, Бухарин и Томский — усиливает свою борьбу с партией, что в ряде областей РСФСР и национальных республик они создали свои подпольные нелегальные организации. В конце 1931 года, в одну из встреч с Гайстером он упрекнул меня в пассивности. Когда Гайстер узнал, что я кончаю институт, он спросил меня, как бы я отнесся к тому, если бы он рекомендовал меня на довольно ответственную работу в секретариат Куйбышева. Я не отказался. В начале 1932 года я был вызван к Куйбышеву и через некоторое время приступил к работе.

На протяжении 1932 года связь с правыми усиливалась. Я познакомился через Гайстера с другими правыми — с Розенталем и Кравалем. Я познакомился со Смирновым — работником Госплана, с Дейчем и так далее. Затем Гайстер связал меня с Енукидзе. Он сообщил мне о том, что Енукидзе сам правый и по его словам он близок или входит в центр правых. «Так как вы работаете чуть ли не в одном коридоре, тебе необходимо созвониться и связаться с Енукидзе». Созвонившись с Енукидзе, я к нему зашел. Он уже знал о том, что я должен к нему зайти. Состоялось знакомство. Опускаю целый ряд подробностей наших дальнейших встреч. От Енукидзе я узнал, что правые стоят за свержение существующего руководства для того, чтобы изменить политику, направить развитие страны по пути реставрации капитализма.

В середине 1934 года, в конце августа, Енукидзе позвонил мне однажды и вызвал к себе для разговора, который имел для меня в дальнейшем наиболее серьезные последствия. Во время этого разговора Енукидзе сказал мне: «Если раньше правые рассчитывали на то, что удастся свергнуть Советскую власть при помощи организации отдельных наиболее антисоветски настроенных слоев, и в частности, кулачества, то сейчас положение измени-

лось. Ставка на это бита и необходимо перейти к более активным методам захвата власти». Эти наиболее активные методы он мне тут же расшифровал: «центр правых в согласии с троцкистами принял решение о необходимости учинить ряд террористических актов против членов Политбюро. Это должно быть достигнуто методом подрыва здоровья вождей». Он одновременно рассказал о том, что часть врачей из Санупра Кремля завербована или привлечена к этому делу, что этот метод наиболее удобен тем, что он внешне придает характер несчастного исхода болезни и тем самым дает возможность прикрыть эту террористическую деятельность правых.

«Вы, — говорит он, — должны принять участие в террористическом акте против Куйбышева; подготовка к этому уже начата. Врачи Левин и Плетнев сумеют сделать свое дело. От вас требуется, во-первых, дать им возможность, не мешать тому, чтобы они часто посещали больного, чтобы не срывались их так называемые. визиты к больному. И второе: в случае острого заболевания, припадков каких-нибудь, не торопиться с вызовом врача, а если нужно, то вызывать только тех врачей, которые его лечат».

Несмотря на то, что я сам был участником контрреволюционной организации правых, должен сказать, что этот поворот разговора несколько ошеломил меня, здорово ошеломил. Я не ожидал такого поворота, довольно спокойно выслушал его, пока шла речь вообще. Заметив, что я несколько взволнован, Енукидзе продолжал разговор дальше. Вы, — говорит, — очевидно, недооцениваете силу правых в стране; у нас организаций правых и участников гораздо больше, чем вы предполагаете. Тут же он сказал, что нашим участником является Ягода, что он имеет возможность к любому нашему сторонникy, становящемуся предателем, принять те или иные меры, которых у него в распоряжении вполне достаточно.

Я ему не ответил ни да, ни нет. Разговор был отложен, но вскоре возобновлен. Вскоре он вызвал снова меня к себе, тут же присутствовал и Ягода, присутствие которого после той характеристики, которую давал прошлый раз Енукидзе, было достаточно красноречивым. Опять зашла речь исключительно о подготовке террористического акта против Куйбышева. Я на это пошел. События дальше развертывались быстрыми темпами. В результате так называемого лечения, здоровье Куйбышева все ухудшалось. Наступил период, когда Куйбышев стал собираться в командировку в Среднюю Азию. Енукидзе опять меня вызвал и потребовал: «Во время поездки в Среднюю Азию, вам обязательно надо вызывать врача из Москвы. Поедет Левин». По приезде в Среднюю Азию Куйбышев заболел ангиной. Затем появился нарыв в горле. Куйбышев отказался от вызова врача из Москвы, и операцию делал местный врач в Ташкенте. Операция прошла благополучно. Но по возвращении в Москву здоровье Куйбышева ухудшилось, получились осложнения после перенесенной болезни в Средней Азии. Несмотря на такое состояние здоровья, врачи, которые были у него раза три, на-

ходили состояние здоровья его удовлетворительным. А я его утешал, ссылаясь на заявления врачей. Наконец, разразилась катастрофа, в тот самый день, когда Куйбышев находился на работе. Он почувствовал себя плохо, был очень бледен, налицо были несомненно те признаки, что приближается припадок. Это было в 2 часа дня. Он ушел домой. Я позвонил Енукидзе и сказал, что Куйбышев ушел домой, что ему очень плохо. Я не сомневался, что это — результат лечения, которое проводилось. Енукидзе потребовал от меня — не нервничать и выполнять то, что требуется, не торопиться с вызовом врача. Прошло минут 15—20. Куйбышев ушел в 2 часа, а смерть его наступила в полчаса третьего. Мне позвонили из дому, что с Куйбышевым плохо.

Я врача вызвал, но когда врач приехал, Куйбышев уже был мертв, было слишком поздно.

Вот так обстояло дело на самом деле. Вот то, что я должен был рассказать о том террористическом акте, который был организован Енукидзе и Ягодой по директиве центра, в осуществлении которого я принял преступное участие.

Председательствующий. Товарищ Прокурор, у вас вопросы есть к обвиняемому?

Вышинский. Да, есть.

Вы кем были вовлечены в заговор?

Максимов. Енукидзе вместе с Ягодой.

Вышинский. Вам приходилось разговаривать с Ягодой об этом деле?

Максимов. Приходилось.

Вышинский. Когда это было?

Максимов. Первый разговор был в присутствии Енукидзе.

Вышинский. О чем?

Максимов. О подготовке смерти Куйбышева тем методом, о котором я рассказывал, с моим участием.

Вышинский. При разговоре был Енукидзе, Ягода тоже был?

Максимов. Да. Кроме того, у меня был разговор на квартире у Енукидзе.

Вышинский. Кто был в квартире в то время, когда умер Куйбышев?

Максимов. Я сказал — домашняя работница.

Вышинский. Были ли причастны к убийству Куйбышева Бухарин и Рыков?

Максимов. Енукидзе говорил, что в этом деле принимает участие центр правых, то есть Бухарин, Рыков и Томский.

Председательствующий. Есть еще вопросы?

Вышинский. Больше вопросов нет.

Бухарин. У меня есть вопрос.

Подтверждаете ли вы, что в первый раз вашего разговора с Енукидзе он сказал относительно постановления этой тройки?

Максимов. Да, говорил.

Бухарин. Это было в 1932 году?

Максимов. Это было в 1934 году.

Бухарин. Вы сказали, что Енукидзе посвятил вас в этот заговор против Куйбышева?

Максимов. Я говорил, что свидание с Енукидзе было узкое. Он говорил о заговоре, о террористическом акте. Это было в 1934 году.

Бухарин. Значит, не в первом разговоре?

Максимов. Не в первом разговоре.

Бухарин. Вас Гайстер свел с Енукидзе?

Максимов. Да, в конце 1932 года.

Бухарин. Вы получили указание не в конце 1932 года, а в 1934 году?

Максимов. Да.

Бухарин. В первом разговоре он сообщил вам о том, что Ягода входит в организацию?

Максимов. Он видел, что я колеблюсь, и назвал такую фамилию, как Ягода.

Бухарин. Во второй раз после этого вы имели уже свидание с Енукидзе в присутствии Ягоды?

Максимов. Да.

Бухарин. Теперь позвольте спросить, сколько раз виделись с Енукидзе до 1934 года и разговаривали ли вы на политические темы контрреволюционного характера?

Максимов. Конец 1932 — начало 1933 года, первая половина 1934 года, был несколько раз.

Бухарин. Но все-таки?

Максимов. Несколько раз, раз семь—восемь.

Бухарин. Для чего же вам тогда понадобилось, чтобы вас Гайстер рекомендовал?

Максимов. Потому что Енукидзе меня в конце 1932 года не знал.

Бухарин. Гайстер вас познакомил с Енукидзе в котором году?

Максимов. В конце 1932 года.

Бухарин. И в 1934 году во второй раз вы виделись и с Енукидзе и с Ягодой?

Максимов. Да.

Бухарин. Больше ничего.

Вышинский. Значит, в 1934 году вас знакомит, вернее, сводит с Енукидзе Гайстер?

Максимов. Совершенно верно. На нашем языке это называлось «свести».

Вышинский. После этого вы с Енукидзе встречались несколько раз?

Максимов. Да, несколько раз, мы ведь работали в одном коридоре.

Вышинский. По каким поводам происходили ваши встречи?

Максимов. С одной стороны, он информировал меня, потом он у меня брал некоторые информации...

Вышинский. Словом, встречались как соучастники?

Максимов. Да.

Вышинский. К правым вы когда примкнули?

Максимов. В общем, в 1928 году, а более оформилось это в 1929 году.

Вышинский. Следовательно, у вас к этому времени был уже известный подпольный стаж?

Максимов. Да.

Вышинский. Когда вы в первый раз заговорили с Енукидзе о заговорщических делах?

Максимов. Заговорил он со мною в 1932 году.

Вышинский. Значит, уже начиная с 1932 года Енукидзе вас знал как члена подпольной организации правых?

Максимов. Совершенно верно.

Вышинский. Когда вы впервые с ним на эти подпольные темы стали разговаривать и на этом пути стали сближаться, он сразу поставил вопрос о терроре или постепенно подготавливал?

Максимов. Он поставил этот вопрос значительно позже...

Вышинский. Значит, он постепенно подходил к этому вопросу?

Максимов. Да.

Вышинский. И последний вопрос, который интересовал Бухарина: в первом, следовательно, разговоре с Енукидзе он вам раскрыл тайну подготовки террористического акта?

Максимов. Не сразу.

Вышинский. А предварительно вас к этому вопросу...

Максимов. Подготавливал.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. У защиты вопросы есть?

Коммодов. Нет.

Брауде. Нет.

Председательствующий. У подсудимых имеются вопросы? (Нет.) (К Максимову.) Садитесь, пожалуйста.

Объявляется перерыв на 10 минут.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Я прошу коменданта вызвать свидетеля Белостоцкого.

Председательствующий (к свидетелю). Ваша фамилия, имя, отчество?

Белостоцкий. Белостоцкий, Максим Юлианович.

Председательствующий. Вы вызваны по ходатайству Прокурора свидетелем по данному делу. Предлагается точно и правдиво показать суду, что вы знаете по данному делу.

Товарищ Прокурор, у вас есть вопросы?

Вышинский. Что вам известно относительно неправильности лечения Алексея Максимовича Горького и почему это известно вам?

Белостоцкий. Я Лечсанупром Кремля был прикомандирован к Алексею Максимовичу Горькому для проведения внутривенных вливаний. Не много раз мне, как не терапевту, приходилось лечить таких больных. В первый раз я за свою врачебную дея-

тельность очутился у кровати такого тяжело-больного и такого выдающегося человека. Вполне понятно, что сейчас я фотографически помню то, что происходило в последнее время заболевания Алексея Максимовича Горького, и я считал своим гражданским долгом подать заявление в надежде, что я смогу помочь чем-нибудь советскому суду.

Вышинский. В чем заключались ваши наблюдения и что конкретно вы хотите сказать суду?

Белостоцкий. Мне приходилось почти с первых дней заболевания Алексея Максимовича производить довольно большое количество внутривенных вливаний и инъекций сердечных средств, как, например, дигален, кардиозол, глюкоза с строфантом, глюкоза, потом строфантин.

Вышинский. Что же, вы считали это нормальным или нет?

Белостоцкий. Я считал совершенно нормальным это. Я с исключительной четкостью и вниманием выполнял задания, которые давались врачами.

Вышинский. Дальше.

Белостоцкий. Был один такой случай — насчет глюкозы с строфантом и строфантином. Я опасался этого препарата. Я знал из литературы, что этот препарат очень опасный, что он должен применяться при исключительных показаниях. Я позволил себе обратить внимание профессора Левина, стоит ли применять такой препарат. Левин сейчас же отменил применение этой инъекции.

Вышинский. Почему?

Белостоцкий. Очевидно, он подумал и решил, что, действительно, может быть, не стоит применять сейчас этот препарат.

Вышинский. А почему до этого не подумал он об этом, он же терапевт?

Белостоцкий. Не знаю.

Вышинский. Вы его не спрашивали?

Белостоцкий. Нет, не спрашивал.

Вышинский. Вы считали неправильным применение этого средства?

Белостоцкий. Я считал тогда, что это не совсем правильно.

Вышинский. Хотя вы в этой области и не специалист?

Белостоцкий. Да, я не специалист.

Вышинский. Что еще желаете доложить суду?

Белостоцкий. Я вспоминаю, что было сделано очень много сердечных инъекций. Я хочу обратить внимание на то обстоятельство, что во время приготовления очередного внутривенного вливания ко мне подошел профессор Плетнев и сказал на ухо: «зачем вы это делаете? При таком состоянии больного надо дать ему спокойно умереть».

Вышинский. Не спасать?

Белостоцкий. Не спасать.

Вышинский. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. У экспертизы нет вопросов? У защиты нет? У подсудимых нет? Свидетель Белостоцкий, вы свободны от дачи дальнейших показаний.

Вышинский. У меня вопросов к подсудимым больше нет. В связи с этим эпизодом, а затем, когда мы перейдем к следующему вопросу, у меня будут дополнительные вопросы к окончанию судебного следствия.

Полагал бы целесообразным заслушать сейчас заключение экспертизы.

Председательствующий. Заключение экспертизы еще не готово. Объявляю перерыв на 20 минут, после чего будет заслушано заключение экспертизы.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание продолжается.

Для оглашения заключения экспертизы слово предоставляется заслуженному деятелю науки профессору Бурмину.

Эксперт профессор Бурмин (читает):

ОТВЕТЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ

1. По умерщвлению А. М. Горького.

Вопрос. Допустимо ли, чтобы больному с резко выраженным пневмо-склерозом, с наличием бронхоэктазов и каверн, эмфиземы легких и перерождения сердечно-сосудистой системы, страдающему тяжелыми периодическими кровохарканиями, назначался режим длительных прогулок после обеда, особенно в сочетании с утомительным трудом.

Мог ли подобный режим, проводимый в течение продолжительного времени, вызвать у больного ухудшение состояния здоровья и, в частности, сердечно-сосудистой системы?

Ответ. Такой режим безусловно недопустим и мог обусловить ухудшение здоровья больного и, в частности, ухудшение состояния сердечно-сосудистой системы.

Вопрос. Допустимо ли помещение подобного больного в квартиру, где заведомо имелись больные гриппом?

Ответ. Абсолютно недопустимо, ибо этим обеспечивается заражение данного больного гриппом.

Вопрос. Правильно ли было ведение больного, правильно ли велась история болезни и лечение А. М. Горького во время его последнего заболевания с 31 мая по 18 июня 1936 года?

Ответ. Констатация тяжелого состояния больного нашла достаточное отражение в истории болезни, проводимое же лечение зарегистрировано преступно небрежно.

Вопрос. Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а, в частности, у тяжело-больного А. М. Горького, 68-ми лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?

Ответ. Абсолютно недопустимо.

Вопрос. Каковы могли быть последствия такого лечения у А. М. Горького при его последнем заболевании?

Ответ. Такой метод лечения вообще должен был привести к истощению сердечной мышцы, а в данном случае — мог обусловить смертельный исход.

Вопрос. Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без злого умысла?

Ответ. Этого допустить нельзя.

Вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горького был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали обвиняемые Левин и Плетнев?

Ответ. Да, безусловно можно считать установленным.

2. По умерщвлению В. В. Куйбышева.

Вопрос. Допустимо ли было назначение больному В. В. Куйбышеву, страдавшему приступами грудной жабы и распространенным артерио-склерозом, длительных приемов больших доз дигиталиса (наперстянки)?

Ответ. Нет, недопустимо.

Вопрос. Могло ли применение больших доз препаратов наперстянки в продолжение длительного срока (нескольких месяцев) способствовать учащению припадков грудной жабы?

Ответ. Да, могло способствовать учащению припадков грудной жабы.

Вопрос. Допустимо ли в состоянии припадка грудной жабы разрешать больному двигаться и подниматься по лестнице и можно ли оставить больного с припадком грудной жабы без оказания немедленной врачебной помощи?

Ответ. Абсолютно недопустимо и преступно, так как это может привести, а в данном случае и привело к смерти.

Вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения В. В. Куйбышева был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для этого как специальных познаний, которыми располагали обвиняемые, так и метода умышленного оставления В. В. Куйбышева без медицинской помощи при очередном припадке грудной жабы?

Ответ. Да, безусловно можно считать установленным.

3. По умерщвлению В. Р. Менжинского.

Вопрос. Допустимо ли было у больного В. Р. Менжинского, страдавшего артерио-склерозом с тяжелыми припадками грудной жабы и имевшего инфаркт миокарда, длительное применение препаратов наперстянки, особенно в сочетании с лизатами, могущими усиливать действие препаратов наперстянки?

Ответ. Нет, безусловно недопустимо и преступно.

Вопрос. Могло ли применение такого метода лечения способствовать истощению сердечной мышцы и тем самым способствовать наступлению смертельного исхода?

Ответ. Да, безусловно могло.

Вопрос. Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что обвиняемые Левин Л. Г. и Казаков И. Н. применяли заведомо вредительские методы лечения товарища Менжинского, поставив своей преступной целью скорейшее наступление его смерти, которая и явилась результатом их преступных действий?

Ответ. Да, безусловно можно считать установленным.

4. По умерщвлению М. А. Пешкова.

Вопрос. Правильно ли велось лечение М. А. Пешкова, болевшего крупозным воспалением легких, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина?

Ответ. Лечение М. А. Пешкова, как оно изложено в показаниях обвиняемого Левина, велось неправильно и преступно:

1) не применялась лечебная антипневмококковая сыворотка, которая, по собственному признанию обвиняемого Левина, могла бы быть полезной в лечении больного; 2) назначались в недопустимо высоких дозах наркотики — морфий и пантопон; 3) не применялись сердечные средства.

Вопрос. Мог ли подобный неправильный метод лечения, проводимый обвиняемым Левиным, способствовать смертельному исходу болезни?

Ответ. Подобное лечение не только не способствовало организму в его борьбе с болезнью, но наоборот ухудшало положение больного.

Вопрос. Можно ли считать установленным, что обвиняемый Левин, поставив своей преступной целью ускорение смерти М. А. Пешкова, применял заведомо вредительское лечение для осуществления своей преступной цели?

Ответ. Да, безусловно, можно считать установленным.

Заслуженный деятель науки профессор *Д. А. Бурмин.*
Заслуженный деятель науки профессор *Н. А. Шерешевский.*
Профессор *В. Н. Виноградов.*
Профессор *Д. М. Российский.*
Доктор медицинских наук *В. Д. Зипалов.*

9 марта 1938 г. Москва.

По отравлению товарища Н. И. Ежова.

Вопрос. Можно ли на основании представленных к экспертизе материалов об организации отравления товарища Н. И. Ежова притти к заключению, что обвиняемые Ягода Г. Г. и Буланов П. П. применили для достижения своей преступной

цели крайне опасные и весьма действенные способы постепенного отравления товарища Н. И. Ежова?

Ответ. На основании предъявленных материалов химических анализов ковра, гардин, обивки мебели и воздуха рабочего кабинета товарища Н. И. Ежова, а равно и анализов его мочи и характера возникших у него болезненных проявлений, следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление товарища Н. И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления.

Вопрос. Можно ли считать установленным, что в результате примененных обвиняемыми Ягодой Г. Г. и Булановым П. П. способов отравления товарища Н. И. Ежова, его здоровью был причинен значительный ущерб и, если бы это преступление не было своевременно вскрыто, то жизни товарища Н. И. Ежова угрожала бы непосредственная опасность?

Ответ. Да, следует считать установленным, что в результате примененного обвиняемыми Ягодой Г. Г. и Булановым П. П. способа постепенного отравления товарища Н. И. Ежова его здоровью был причинен значительный ущерб и если бы данное преступление не было своевременно вскрыто, то жизни товарища Н. И. Ежова угрожала непосредственная опасность.

Заслуженный деятель науки профессор *Д. А. Бурмин.*
Заслуженный деятель науки профессор *Н. А. Шерешевский.*
Профессор *В. Н. Виноградов.*
Профессор *Д. М. Российский.*
Доктор медицинских наук *В. Д. Зипалов.*

9 марта 1938 г. Москва.

Председательствующий. Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к экспертизе?

Вышинский. Только один — являются ли ответы на эти вопросы единодушным мнением всей экспертизы или кто-нибудь из экспертов имеет особую точку зрения?

Бурмин. Единодушным.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Брауде. Нет.

Председательствующий. У подсудимых есть вопросы? (Нет.) (К Прокурору.) В связи с экспертизой есть вопросы?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. У защиты нет, у обвиняемых друг к другу нет? Есть какие-нибудь дополнения, вопросы?

Вышинский. К экспертизе у меня нет вопросов. Есть вопросы к отдельным подсудимым.

Председательствующий. Пожалуйста.

Вышинский. Обвиняемый Розенгольц, как видно из акта, находящегося в томе 6, на листе дела 17, при аресте Розенгольца у него был обнаружен в заднем кармане брюк зашитый в мате-

рию маленький кусочек сухого хлеба, завернутый в отрывок газеты и в этом кусочке хлеба листок с рукописной записью молитвы. Я хочу просить суд разрешить мне огласить некоторые места этого текста так называемой молитвы и просить подсудимого Розенгольца дать по этому поводу свои объяснения. (К Розенгольцу). Факт этот вы отрицаете? Вот этот текст:

«Да воскреснет бог и расточатся врази его и да бежат от лица его все ненавидящие его, яко исчезает дым, да исчезнет, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бесы от лица любящих бога...

Живый в помощи вышнего в крови бога небесного, водворимся речам господеви: заступник мой еси и прибежище мое, бог мой и уповаю на него яко тои любовию тя от сети ловчи и словеса мятежна плещма своими осенит тя и подкрыле его надеешся. Оружием обыдет тя истина его. Не убоишася от страха ночного от стрелы летящая во дни, отведи во тьме преходящая яко подстрекающаго беса полуденного...»

Как это попало к вам в карман?

Розенгольц. Однажды этот небольшой пакетик, перед уходом моим на работу, жена положила мне в карман. Она сказала, что это на счастье.

Вышинский. А когда было это дело?

Розенгольц. За несколько месяцев до ареста.

Вышинский. И вы несколько месяцев носили это «счастье» в заднем кармане?

Розенгольц. Я даже не обращал внимания...

Вышинский. Все-таки вы видели, что ваша супруга делает?

Розенгольц. Я торопился.

Вышинский. Но вам было сказано, что это семейный талисман на счастье?

Розенгольц. Примерно в таком роде.

Вышинский. И вы согласились стать хранителем талисмана? У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. К другим подсудимым нет вопросов?

Вышинский. Нет.

Председательствующий. У защиты нет вопросов?

Защита. Нет.

Председательствующий. После часового перерыва заседание суда будет происходить при закрытых дверях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*

Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Закрытое судебное заседание 9 марта 1938 года

На закрытом заседании подсудимые Раковский, Гринько, Розенгольц и Крестинский дали показания о своих изменнических и шпионских связях с некоторыми официальными представителями некоторых иностранных государств.

На суде были точно установлены как эти представители, с которыми были связаны указанные выше заговорщики из антисоветского «право-троцкистского блока», так и представляемые ими государства.

На этом же закрытом заседании подсудимый Ягода Г. Г. дал показания, в которых он полностью признал организацию им умерщвления товарища М. А. Пешкова, сообщив при этом, что, наряду с заговорщическими целями, он преследовал этим убийством и личные цели.

Утреннее заседание 11 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.
Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.
Заседание продолжается.
Слово имеет Прокурор Союза ССР товарищ Вышинский.

Вышинский. Товарищи судьи, члены Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР!

Приступая к своей обвинительной речи по настоящему делу, представляющему собой исключительное явление, имеющему чрезвычайное общественно-политическое значение, я хотел бы раньше всего остановить ваше внимание на некоторых отличительных чертах этого дела, на некоторых выдающихся его особенностях.

Не в первый раз Верховный Суд нашей страны рассматривает дело о тягчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества — отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится рассматривать такое дело как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед вами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников.

В самом деле, какой судебный процесс из всех тех, которых, в силу условий классовой борьбы и ожесточенного сопротивления делу социализма со стороны наших врагов, прошло у нас за последнее время немало, может сравниться с нынешним процессом по чудовищности, наглости и цинизму преступлений, совершенных этими господами!

В каком другом процессе удалось вскрыть и обнаружить с такой силой и глубиной подлинную природу этих преступлений, с такой силой сорвать с лица негодяев их коварные маски и показать всему нашему народу и всем честным людям всего мира

звериное лицо международных разбойников, искусно и умело направляющих руку злодеев против нашего мирного социалистического труда, воздвигнувшего новое, счастливое и радостно-цветущее социалистическое общество рабочих и крестьян!

Уже это одно обстоятельство говорит достаточно ясно о громадном общественно-политическом значении этого процесса, о том, что данный процесс представляет собой выдающееся явление, что данный процесс имеет значение историческое.

В чем заключается историческое значение данного процесса? В чем заключаются некоторые его особенности?

Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей.

Ровно год назад товарищ Сталин, анализируя недостатки нашей работы и указывая меры ликвидации троцкистских и иных двурушников, говорил:

> «Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений».

Прошел год. На примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев.

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок», верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных.

Так называемый «право-троцкистский блок» — это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам.

У блока нет ничего идейного, ничего, так сказать, «духовного», ничего идеологического. Что когда-то в какой-то мере у некоторых из участников этого блока было, то давным давно растеряно, утрачено, давным давно исчезло, истлело в смрадном, отвратительном шпионском подполье.

Правда, некоторые из подсудимых, особенно подсудимый Бухарин, делали на этом процессе не раз попытки сохранить, как

говорят французы, хорошую мину при плохой игре, принять вид «идейных» людей, прикрыть свою бандитско-уголовную деятельность всякого рода «философскими», «идеологическими» и тому подобными разговорами.

Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений свести к каким-то «идейным установкам», о которых он пробовал говорить длинные и напыщенные речи. Бухарин говорил здесь о разделении труда в этой шпионско-вредительской организации, о каких-то «программных пунктах», о какой-то «идейной ориентации», хотя — добавлял он — идейной ориентации на кулачество.

Свою собственную роль в этой банде Бухарин пробовал изобразить, как роль «теоретика». На четвертый день процесса, когда уже были полностью разоблачены уголовно-шпионские преступления этого, так называемого, блока, он не постеснялся заявить буквально следующее:

> «Я главным образом занимался проблематикой общего руководства и идеологической стороной, что, конечно, не исключало ни моей осведомленности относительно практической стороны дела, ни принятия целого ряда с моей стороны практических шагов».

Извольте оценить роль этого господинчика, занимающегося якобы не руководством всевозможных и при том самых чудовищных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организацией этих преступлений, а «идеологической стороной» этого черного дела. Оцените роль этого господинчика, который ведет самую оголтелую вредительско-подрывную работу, используя, по собственному признанию, все трудности Советской власти, который готовит и кует черную измену родине, готовит поражение своей страны в войне с фашистскими врагами и думает прикрыть свою измену развязной и циничной болтовней об использовании войны, которая «прогностически стояла в перспективе». Оцените роль этого господинчика, болтающего о том, что обер-бандит и англо-германский шпион Троцкий уже в 1932 году сбросил свой, как сказал здесь Бухарин, «левацкий мундир» и что он, Бухарин, вместе с Рыковым и Томским вооружили эту банду преступников своей «идеологией».

Схваченный за руку, пойманный с поличным, Бухарин призывает в свидетели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какие-то ученые слова, лишь бы как-нибудь замести следы. Но он не выдерживает и свой учено-бредовый лепет заканчивает признанием:

> «Мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родины, мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством, хотели опрокинуть Советскую власть пролетариата».

Бухарину к этому надо было добавить: «Мы превратились в полицейское отделение японо-германской разведки, мы превратились в бесстыдных торговцев родиной».

Блок — это агентура иностранных разведок. Члены блока и его руководители вроде Троцкого, который не сидит здесь на скамье подсудимых, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца и рядовые его члены вроде Зубарева, Максимова-Диковского и других — это рабы этих разведок, это невольники своих хозяев.

Какая же здесь может быть идеология, какая «проблематика» или «прогностика», теория или философия?

Философия, за дымовой завесой которой пытался здесь укрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены.

Литературно-философические упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается укрыться от своего окончательного разоблачения.

Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместные!

Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кистенем!

Историческое значение этого процесса заключается, в первую очередь, в том, что он до конца разоблачил бандитскую природу «право-троцкистского блока», его идейную выхолощенность, разоблачил, что блок — все эти правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее, и тому подобное — все это наемная агентура фашистских разведок.

«Право-троцкистский блок» — это не политическая группировка, это банда разведчиков, агентов иностранных разведок.

Это доказано полностью и неопровержимо. В этом громадное общественно-политическое и историческое значение данного процесса.

«Право-троцкистский блок», сидящий сейчас на скамье подсудимых, — как это со всей очевидностью показало судебное следствие, — это лишь передовой отряд международного фашизма, это свора палачей и подпольных убийц, при помощи которых орудует фашизм в разных странах, в первую очередь в Испании и Китае.

Вот почему разоблачение «право-троцкистского блока», как шпионской банды, имеет огромное значение не только для нашей социалистической революции, оно имеет громадное значение для всего международного пролетариата. Оно имеет громадное значение для дела мира во всем мире. Оно имеет громадное значение для всей человеческой культуры, для борьбы за подлинную демократию и свободу народов, для борьбы со всеми и всякими поджигателями войны, со всеми международными провокациями и провокаторами.

Вот почему за ходом этого процесса с трепетным вниманием

следят трудящиеся массы всех стран мира, особенно же тех стран, где народ ведет героическую борьбу за свою свободу против фашистского ига.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Ходжаевы и Шаранговичи под руководством Троцкого, под руководством германской, японской, польской и других разведок делают свое черное дело по приказу своих хозяев не только в нашей стране, но и в Испании, и в Китае, всюду, где идет классовая борьба трудящихся, где идет борьба честных людей за подлинную свободу, за подлинную демократию, за подлинную человеческую культуру.

Бухарины и Рыковы, Ягоды и Булановы, Крестинские и Розенгольцы, Икрамовы, Шаранговичи, Ходжаевы и другие — это та же «пятая колонна», это тот же ПОУМ, это тот же Ку-Клукс-Клан. Это один из отрядов фашистских провокаторов и поджигателей войны, действующих на международной арене.

Разгром этого отряда — великая услуга делу мира, делу демократии, делу подлинной человеческой культуры.

Исключительное значение настоящего процесса, однако, не ограничивается сказанным.

Здесь, на скамье подсудимых, сидит не одна какая-либо антисоветская группа, агентура не одной какой-либо иностранной разведки. Здесь, на скамье подсудимых, сидит целый ряд антисоветских групп, представляющих собой агентуру разведок целого ряда враждебных СССР иностранных государств.

В этом «деле» завязли остатки всех антисоветских сил, групп и организаций, завязли, по крайней мере, как это с точностью установлено судебным следствием, четыре иностранных разведки: японская, германская, польская и английская и, разумеется, все другие иностранные разведки, которые поддерживают с указанными разведками дружественный, так называемый, оперативный контакт.

В самом деле, если говорить о Троцком, то его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана уже на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Теперь же доказано, что его связи с немецкой политической полицией и разведками других стран относятся к значительно более раннему периоду времени, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года. Об этом совершенно точно показал Крестинский на настоящем судебном процессе. Теперь доказано, что Троцкий был связан с английской разведкой «Интеллидженс-Сервис» с 1926 года. Об этом точно показал, — и это доказано, — обвиняемый Раковский. Весь блок во главе с Троцким целиком состоял из одних иностранных шпионов и царских охранников.

Бухарин и Рыков через своих сообщников были связаны с рядом иностранных разведок, которых они систематически обслуживали.

Ягода, как мухами, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как это

он сам здесь признал, но через которых он вел шпионскую работу, передавая разведкам секретные государственные материалы, продавая и предавая нашу страну этим иностранным разведкам.

Крестинский, по собственному признанию, — германский шпион с 1921 года.

Розенгольц — один из руководителей троцкистского подполья, как установлено, начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба, как он сам признал, в 1923 году, а для английской разведки, как он сам тоже признался в этом преступлении, — в 1926 году.

Раковский — один из ближайших и особо доверенных людей Троцкого, по его собственным показаниям, являлся агентом английской разведки «Интеллидженс Сервис» с 1924 года и агентом японской разведки с 1934 года.

Чернов начал свою шпионскую работу в пользу Германии, по его собственному показанию, в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии небезызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Гринько, по его собственным словам, стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году, а до этого поддерживал шпионскую связь с этими разведками, особенно с польской разведкой.

Икрамов и Ходжаев через своих курбаши «работают» под руководством Бухарина над организацией связей с резидентами английской разведки, над укреплением которой немало поработал на средне-азиатских границах СССР небезызвестный разведчик и авантюрист Лоуренс.

Потом идут провокаторы и агенты царской охранки — Зеленский, Зубарев, Иванов. Иванов к тому же еще и английский шпион.

Прибавьте к этой компании группу отравителей-убийц Левина, Плетнева, Казакова, Крючкова, Максимова-Диковского и других, связанных с ними, и тогда морально-политический облик этого блока и каждого из его участников станет ясным до предела.

Вот почему мы можем сказать — вот зловонная куча человеческих отбросов, не останавливавшихся ни перед чем, не брезгавших ничем, готовых на все — на взрывы заводов и железнодорожных поездов, на истребление скота, на порчу хлеба, на убийство, шпионаж и измену.

Именно все эти качества, уголовно-политические и моральные, и сделали правых и троцкистов таким ценным материалом для провокации, для разжигания войны, для подлейших преступлений фашизма. Никто не умеет так маскироваться, как они. Никто не овладел в такой мере мастерством циинического двурушничества, как они.

Перед всем миром разоблачается теперь презренная предательская, бандитская деятельность Бухариных, Ягод, Крестинских,

Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленить страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов.

Таков был приказ их хозяев, и они выполняли этот приказ как могли, стараясь изо всех сил.

Они старались изо всех сил поджечь наш родной дом с четырех концов, торопились открыть ворота врагу, чтобы дорваться до власти, хотя бы ценой иудиной измены, чтобы уничтожить плоды героического труда нашего народа, построившего новое, социалистическое общество, чтобы вернуть власть помещиков и капиталистов, на которых эти предатели работали, не покладая рук.

Таковы эти люди, таковы их планы и расчеты, таковы их позорные и чудовищные преступления.

Подсудимый Бухарин хвастливо говорил здесь, что это они, правые, капиталистические подпевалы, вооружили троцкизм «духовным» оружием теории реставрации капитализма.

О какой «теории» говорит Бухарин, этот прожженный политический плут и один из крупнейших организаторов иностранного шпионажа против СССР?

Как чорт от ладана, Бухарин бежит от признания своей вины. Бухарин отрицает здесь свою вину.

Но что стоит его отрицание этого преступления в свете признания им своей вины в других тягчайших преступлениях, органически связанных с этим преступлением?

Что стоит это отрицание в свете имеющихся у нас против Бухарина доказательств?

Напомню лишь, что в утреннем заседании 7-го марта Бухарин и Рыков были полностью уличены в шпионских связях и в шпионской работе в пользу германской и польской разведок. Я напомню кратко диалог с Рыковым на утреннем заседании 7-го марта.

На следствии Рыков сказал, что:

«Червяков развернул в Белоруссии чрезвычайно активную деятельность. В своих взаимоотношениях с поляками он и связанные с ним по нелегальной деятельности сделали все практические выводы из этой нашей директивы».

Рыков это подтвердил и на суде. Его спрашивал на суде государственный обвинитель:

«Следовательно, Червяков и люди, связанные с вами, имели систематическую связь с поляками?

Рыков. Да.

Вопрос. Какая это связь?

Рыков. Там была и шпионская связь.

Вопрос. Шпионская связь в части вашей организации имелась с поляками по вашей директиве?

Рыков. Конечно.

Вопрос. В том числе и Бухарина?

Рыков. Конечно.

Вопрос. Вы и Бухарин были связаны?

Рыков. Безусловно.

Вопрос. Значит, вы были шпионами?

Рыков. (Молчит).

Вопрос. И организаторами шпионажа?

Рыков. Я ничем не лучше шпиона.

Вопрос. Вы были организаторами шпионажа, были шпионами?

Рыков. Можно сказать — да».

А Бухарин, при этих условиях, говорит о какой-то «теории», пытаясь «теоретически» объяснить ход вещей, приведших правых в стан заклятых врагов Советской власти и советского народа...

Эти объяснения незачем искать в бухаринской «теории». Их надо искать в бухаринских преступлениях, хотя и прикрывавшихся чем-то вроде «теории».

Именно они, эти преступления, объясняют действительный ход вещей, действительную логику событий и борьбы, поставивших лицом к лицу два мира, два блока — блок изменников, наймитов иностранного капитала, разоблаченный и раздавленный сейчас гневом и мощью великой Советской страны, блок предателей, покрытых вечным презрением, позором и проклятием миллионных масс трудящихся народа всего мира, — и блок советских патриотов, великих и непобедимых в любви к своей родине, выдержавших не одну историческую битву с врагами, готовых под руководством Коммунистической партии и великого Сталина дать сокрушительный отпор любому врагу в любых условиях, в любое время, откуда бы он ни появился, несмотря ни на какую измену, ни на какое предательство.

Значение настоящего судебного процесса определяется, разумеется, и теми уроками, которые неизбежно необходимо извлечь всем нам, патриотам Советской земли, из этого процесса.

Наша родина наслаждается счастьем социалистической победы, счастьем и радостью освобожденного от капиталистического ига труда.

Двадцать лет стоит, как несокрушимый утес, Советское государство — социалистическое государство рабочих и крестьян.

Двадцать лет в великой стране победившего социализма идет героическая работа по организации нового общественного и государственного строя, свободного от эксплоатации, от нищеты и страданий миллионных народных масс, порабощенных игом капитализма почти во всех остальных странах мира.

Двадцать лет упорно и настойчиво идет дружная работа многочисленных народов, объединившихся в братский Союз Советских Социалистических Республик, построенный гением вождей социалистической революции Ленина и Сталина.

За эти двадцать лет когда-то бедная и слабая страна превратилась в страну богатую и могучую, в страну мощную и непобедимую.

За эти двадцать лет Российское государство превратилось в государство социалистическое.

На Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов, принявшем великую Сталинскую Конституцию, товарищ Сталин говорил:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм. Основным принципом этой фазы коммунизма является, как известно, формула: «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

За эти двадцать лет под руководством партии Ленина — Сталина в нашей стране окончательно уничтожена эксплоатация человека человеком, окончательно утверждена общественная, социалистическая собственность, как незыблемая основа нашего советского общества.

За эти двадцать лет в корне изменился весь облик нашей страны, превратившейся в богатейшую и могущественнейшую пролетарскую державу.

«В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР, — говорит товарищ Сталин, — мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни».

Социализм вошел в быт нашего народа, социализм победил в нашей стране. И нет силы в мире, которая могла бы ослабить значение или величие этой социалистической победы. И это, несмотря на все трудности, стоявшие и еще стоящие на нашем пути. И это, несмотря на все усилия враждебных нам иностранных государств и отживших и умирающих остатков эксплоататорских классов в нашей стране задержать прогрессивное развитие нашего общества, помешать нашим социалистическим успехам, сорвать нашу мирную творческую работу по построению в СССР социализма.

Можно без всякого преувеличения сказать, что за истекшие 20 лет советской истории наше государство и наш народ не знали ни одного года, ни одного месяца и дня, когда бы не нападали на нас враги — злобные, коварные, жестокие, мстящие за свои поражения, понесенные ими от руки наших рабочих и крестьян, мстящие за «утерянный рай» своего экономического и политического господства.

От первых дней великого Октября до блистательных дней величайшей из исторических эпох — эпохи Сталинской Конституции — молодая Республика Советов не выходит из огня классо-

вого нападения эксплоататоров и их бесчисленной агентуры — троцкистов, меньшевиков, эсеров, бухаринцев, зиновьевцев, муссаватистов, дашнаков, грузинских, узбекских и других националистов, черносотенцев, белогвардейцев, кадетов, попов, кулаков и так далее, и тому подобное.

Этот процесс еще раз нам напомнил, и при том напомнил с небывалой силой и остротой, что два мира стоят, как непримиримые и смертельные враги, друг перед другом — мир капитализма и мир социализма.

Логика классовых противоречий и классовой борьбы толкает остатки эксплоататорских классов внутри СССР и эксплоататорские классы за пределами СССР на все более и более ожесточенные нападения на государство трудящихся, прокладывающее широкую дорогу для лучшей, для новой жизни трудящимся и угнетенным народам всего мира.

На опасность для дела социализма в СССР капиталистического окружения не раз обращали наше внимание наши учителя Ленин и Сталин.

На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года Ленин говорил:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен» (т. XXIV, стр. 122). «Надо помнить, — учил Ленин, — что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (т. XXVII, стр. 117).

Товарищ Сталин на-днях еще раз напомнил нам о капиталистическом окружении.

«В самом деле, — писал товарищ Сталин в своем историческом ответе тов. Иванову, — было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты, не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпы или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальством свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ».

На успех интервенции в течение ряда лет надеялись наши враги, организуя и воодушевляя на борьбу с Советской властью

различные антисоветские группы внутри СССР, рассчитывая при помощи этих групп осуществить свой разбойничий замысел.

Вся история буржуазной контрреволюции в СССР связана с активными попытками наиболее реакционных кругов международной буржуазии свергнуть власть Советов. Ни один сколько-нибудь серьезный заговор против Советской власти в СССР не обошелся без прямого и самого активного участия в нем иностранных капиталистов и военщины.

В 1921 году Ленин нас предупреждал: «Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию» (т. XXVI, стр. 348).

Товарищ Сталин неустанно напоминает нам об опасности капиталистического окружения, доказывает, что «...сопротивление отживающих классов нашей страны происходит не изолированно от внешнего мира, а встречает поддержку со стороны капиталистического окружения» («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 386).

Разве не об этом говорит известное шахтинское дело, где главная дирижерская роль принадлежала польско-французско-немецким капиталистам, объединившимся с вредителями в борьбе против СССР?

Разве польский фабрикант Дворжанчик, французские акционеры Сансе, Ремо и Буроз, германская АЕГ и поддерживающая и первых, и вторых, и третьих военщина ряда капиталистических стран, — разве все они не были вдохновителями шахтинского заговора, собиравшегося вкупе с иностранными генштабами залить кровью нашу землю в 1928 году?

Разве не об этом же говорит известное дело «Промпартии», где, наряду с Рамзиным и Чарновским, первую скрипку играли белоэмигранты Рябушинский и генерал Лукомский, английский разведчик — полковник Лоуренс и французский генерал Жуанвиль, известный участник северной интервенции в 1919 году и военный атташе при Колчаке?

Известно, что и шахтинцы и промпартийцы не только занимались вредительством и готовили на случай войны диверсионные акты, но систематически вели шпионскую работу, причем, как это выяснилось по делу «Промпартии», для ведения этой шпионской работы Рамзин организовал даже особую комиссию под председательством вредителя профессора Осадчего, бывшего в то время заместителем председателя Госплана. В программе «Промпартии» заострялось внимание на диверсиях в Москве, Ленинграде, Донбассе, на Урале путем взрывов мостов, порчи железнодорожных путей, взрывов электростанций, остановки заводов и фабрик.

Разве не о дьявольской работе иностранных разведок в нашей стране говорит и дело английских инженеров Торнтона, Макдональда и других, разоблаченных в 1933 году агентов «Интеллидженс-Сервис», организаторов вредительства и диверсий на некоторых наших электростанциях, людей, подготовлявших опорные пункты для предстоящей интервенции?

Разве не о том же, наконец, говорят последние судеоные процессы 1936—1937 годов, разоблачившие чудовищные преступления шпионско-террористических банд троцкистов, зиновьевцев и других антисоветских элементов, ставших на службу иностранным полицейским охранкам, превратившихся в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру этих охранок? Да, да, об этом с полной убедительностью говорят, кричат кошмарные преступления этих бандитских шаек, уничтоженных по приговорам нашего советского суда.

Процесс Зиновьева — Каменева, процесс Пятакова — Радека, процесс группы военных изменников — Тухачевского, Якира и других доказали, что враги не думают потихоньку «вползать в социализм», как это, для прикрытия своей гнусной, предательской работы, проповедывали обвиняемые Бухарин, Рыков и иже с ними, что враги хватаются за самые крайние, за самые жестокие средства борьбы.

Это же полностью показал и настоящий судебный процесс, главными «героями» которого являются организаторы и вдохновители «право-троцкистского блока», изобличенные как закоренелые враги социализма, нашей родины, нашего народа.

Вот почему значение настоящего процесса далеко выходит за обычные, так сказать, криминальные рамки и приобретает поистине огромное историческое значение.

Этот процесс подводит итог борьбы против партии Ленина — Сталина и Советского государства людей, которые, как это с исключительной яркостью и убедительностью доказало судебное следствие, всю свою жизнь ходили под маской, которые начали эту борьбу задолго до нынешнего времени, которые, под прикрытием громких провокаторских фраз, служили не революции и пролетариату, а контрреволюции и буржуазии, которые обманывали партию, Советскую власть, чтобы удобнее делать свое черное дело измены, чтобы дольше оставаться неразоблаченными.

Презренные преступники путем обмана, лицемерия и двурушничества сумели отсрочить до последнего времени час своего разоблачения. Но час этот настал, и преступники разоблачены, разоблачены полностью и до конца.

В свете фактов, установленных на этом процессе, становится ясной и понятной вся преступная деятельность троцкистов и бухаринцев, скрывавших под искусной личиной свое настоящее лицо заклятых врагов советского народа...

Маска сорвана. Их настоящее лицо, их действительный облик ясен теперь каждому. Каждому ясны и их позорные дела, как ясен их жалкий, позорный удел.

Судебные процессы по делу Зиновьева — Каменева и Пятакова — Радека завершили разоблачение троцкистско-зиновьевского отребья, как оголтелой и беспринципной банды вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Судебный процесс 1937 года, где на скамье подсудимых сидели троцкистские атаманы Пятаков, Радек, Сокольников и дру-

гие, разоблачил политическую платформу троцкистов, несмотря на то, что они упорно прятали эту платформу от народа.

Да и как было им не прятать этой своей платформы, сотканной из предательства, измены и коварства, подчиненной одной задаче — обеспечить свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР.

Настоящий процесс показал, что эта, с позволения сказать, «программа» была списана троцкистами у правых, о чем не без бахвальства заявил на суде обвиняемый Бухарин.

Нынешний процесс полностью и до конца разоблачил теперь, как фашистскую агентуру, не только троцкистов, но и бухаринцев, в течение длительного времени искусно маскировавшихся, искусно избегавших своего разоблачения, как убийц, шпионов и провокаторов.

Теперь ясно всем и каждому, что собой представляют правые, которые давно уже, как и троцкисты, перестали быть политическим течением и превратились в такую же, как и троцкизм, оголтелую и беспардонную банду уголовных преступников.

Теперь окончательно выяснился весь процесс этого их превращения в контрреволюционную шайку, превращения, наметившегося уже давно и неоднократно разоблаченного нашей партией и лично товарищем Сталиным.

Мы еще специально остановимся на преступлениях обвиняемого Бухарина в 1918 году; сейчас напомним о них лишь для того, чтобы в свете этих преступлений лучше и отчетливее представить себе путь этого превращения.

В самом деле, начавши в 1918 году с заговора против Ленина, как главы Советского государства, подняв в 1918 году свою преступную руку на Ленина, разве мог кончить Бухарин иначе, чем кончил сейчас, — этой позорной скамьей подсудимых, ждущий сурового, но справедливого суда советского народа, с проклятием произносящего сейчас это ненавистное имя!

Начавши со знахарской «теории» о мирном врастании кулаков в социализм, ведя все эти последние десять лет подпольную борьбу с партией и советским народом, мог ли иначе кончить свою политическую карьеру Бухарин, чем он ее кончает, кривляясь и фиглярничая даже сейчас, на пороге своего, быть может, последнего, смертного часа!

К шпионскому блоку с троцкистами Бухарин, Рыков, Ягода и другие правые пришли не случайно. В том, что такой блок сложился и, наконец, в 1932 году окончательно оформился, нет ничего неожиданного — к этому шло все развитие отношений между правыми и троцкистами, представляющими, по сути дела, разновидности одного и того же явления.

На XVI съезде партии в 1930 году товарищ Сталин, разоблачая двойственность троцкизма, указывал, что этой двойственностью «...объясняется тот факт, что свои «бешеные», будто бы, атаки против правых уклонистов троцкизм (это капитулянтство под маской. — А. В.) обычно увенчивает б л о к о м с ними, как с капитулянтами без маски» («Вопросы ленинизма», 10-е издание, стр. 419).

Троцкисты и правые — это капитулянты. Одни — капитулянты под маской истеричных провокационных, «революционных» фраз, другие — капитулянты без маски.

На XVII партконференции в докладе о второй пятилетке тов. Молотов показал полное родство душ правых и троцкистов. Троцкисты выступают против первой пятилетки с клеветническими контр-тезисами. Им поддакивают правые, противопоставляя сталинской пятилетке рыковскую двухлетку.

Троцкисты клевещут о росте кулацких элементов и о зависимости от них государственного хозяйства в СССР. Правые изо дня в день пищат, что «основным источником хлеба будут еще долгое время индивидуальные хозяйства крестьян (то есть кулацкие хозяйства. — А. В.), а потому потише с наступлением на кулака».

Троцкисты клеветнически шипят о «термидоре», то есть о крахе нашей революции. Правые пищат, вторя им, что наши заводы и фабрики в скором времени могут достаться белогвардейцам. Правые иногда, правда, дрались с троцкистами, но, как это показал уже товарищ Сталин, это были «петушиные бои», которые «правые уклонисты обычно увенчивают закулисными переговорами с троцкистами насчет б л о к а с ними». («Вопросы ленинизма», 10-е издание, стр. 421).

И так из года в год, на всем протяжении нашей революции, за все время существования Советского государства.

Чем объясняется эта родственность позиций троцкистов и правых, их постоянное тяготение друг к другу, постоянное искание блоков, наконец, наличие этих блоков на различных этапах их борьбы против партии, Советского государства и социалистического строительства?

Это, разумеется, объясняется прежде всего общностью социальной базы троцкистов и правых. Это объясняется тем, что и троцкисты, и правые отражают давление капиталистических элементов, сопротивляющихся успехам социализма, не собирающихся мирно и тихо уходить с исторической сцены.

Это объясняется, как мы знаем теперь, тем, что и те и другие действовали по приказу одних и тех же хозяев, сидящих в генштабах и разведках враждебных к СССР иностранных государств.

Троцкисты и бухаринцы уже много лет назад очутились в лагере контрреволюции. Троцкизм и правые превратились уже много лет тому назад в оруженосцев буржуазной контрреволюции. Троцкисты и правые снабжают уже в течение многих лет контрреволюционную буржуазию оружием для борьбы с Советским государством. Троцкисты и правые делают одно и то же черное дело измены.

Вот факты, приобретающие сейчас новый смысл в свете тех обстоятельств, которые теперь полностью и с абсолютной достоверностью установлены на судебном следствии по настоящему делу.

Факты устанавливают с полной бесспорностью как неизбежность и естественность блока, заключенного правыми и троцкистами, так и превращение этого блока в агентуру иностранных фашистских разведок.

Как боролись троцкисты и зиновьевцы против Ленина, против социализма, против героических усилий пролетарской революции построить в СССР новое социалистическое общество, — показали с исчерпывающей полнотой два предыдущих судебных процесса на примере Пятакова, Зиновьева, Каменева, Радека, Смирнова и других.

Я хотел бы сейчас напомнить некоторые факты, характеризующие с этой точки зрения позицию и поведение некоторых героев настоящего процесса и в первую очередь подсудимых Бухарина и Рыкова.

Бухарин любит, как я уже сказал, изображать из себя «теоретика», да еще марксиста, да еще самого что ни на есть ортодоксального. А как дело обстоит в действительности, это видно из краткой исторической справки об антипартийных выступлениях Бухарина, начиная с 1909 года по 1936 год включительно.

Несколько кратких справок:

1909 год — Бухарин примыкает к отзовизму.

1914—1917 годы (период империалистической войны) — Бухарин «левый коммунист», отрицает программу-минимум, ведет борьбу против Ленина.

1914 год — он носится с планом издания собственной газеты, противопоставляя ее большевистской печати, ленинской печати.

Весна 1915 года — Бухарин троцкист. На Бернской конференции он выступает против лозунга гражданской войны, за единство с троцкистско-меньшевистским «Нашим словом». Ленин пишет статью «О национальной гордости великороссов». Бухарин трактует это как проявление социал-патриотизма.

Осень 1915 года — Бухарин выступает с тезисами, отвергающими право наций на самоопределение.

Февраль 1916 года — Бухарин солидаризируется с полуанархической программой голландских левых социал-демократов.

В 1916 году Бухарин выступает в журнале «Интернационал молодежи» с анархистскими, антиленинскими взглядами по вопросу о государстве, против диктатуры пролетариата.

В статье «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.) Бухарин открыто защищает троцкистский тезис о том, что разрозненные выступления пролетариата отдельных стран победить не могут. Иначе говоря, Бухарин откладывал социализм, как говорил Ленин, «до греческих календ, то есть до «никогда» (Ленин, т. XIX, стр. 221). Владимир Ильич писал о нем в 1916 году, что он — Бухарин — «(1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски неустойчив». (Ленин, т. XXIX, стр. 229).

«Война, — писал Ленин, — толкнула его к идеям полуанархическим. На совещании, вынесшем бернские резолюции (весна 1915 г.), он дал тезисы... — верх нелепости; срам; полуанархизм».

В 1916 году, как я уже сказал, в журнале «Интернационал молодежи» Бухарин развивал анархо-синдикалистские мысли о принципиальной враждебности пролетариата к государству, о взрыве всякого государства.

Впоследствии, через год после смерти В. И. Ленина, Бухарин

выступил с наглым утверждением, что в этом вопросе ошибался не он, Бухарин, а Ленин.

1916 — 1917 годы — Бухарин вместе с Троцким редактирует троцкистскую газету «Новый мир» (Нью-Йорк), в которой отрицает возможность победы социализма в одной стране.

1917 год — на VI съезде партии Бухарин выступает с троцкистской схемой. В дни Октября вновь и вновь отстаивает невозможность победы социализма в России.

1918 год — Бухарин лидер «левого коммунизма». Этот эпизод со всей тщательностью рассмотрен на судебном заседании.

8-го октября 1918 года на пленуме Моссовета Бухарин заявляет об ошибочности своего «левого коммунизма». «Я был против Брестского мира в свое время, но никогда не защищал срыв мира, как «левые» эсеры. Теперь я должен честно и открыто признать, что мы, противники Брестского мира, были неправы — прав был Ленин». Мы знаем, что на суде Бухарин должен был признать, что на деле он активно боролся за срыв Брестского мира.

1919 год — VIII съезд партии — Бухарин снова выступает против признания права наций на самоопределение.

Дальше идут IX, X съезды партии, где Бухарин неизменно ведет «свою» линию, направленную против партии, против Ленина, против Сталина.

В 1921 году Бухарин в интересах Троцкого занимает позицию буфера, предательски разжигая дискуссию, подливая в нее, по выражению Ленина, «буферный керосин».

В антиленинской фракции Бухарин выступает вместе с Серебряковым, Радеком, Крестинским, Пятаковым и другими троцкистами.

Конец 1920 года — начало 1921 года — идет дискуссия о профсоюзах. Страна готовится к переходу к новой экономической политике. Бухарин выступает в роли «буфера», затем полностью переходит на позиции Троцкого. А на X съезде заявляет, что «республика висит на волоске».

В 1923 году Бухарин в «Правде» в статье «Долой фракционность» говорит об ошибках Троцкого и, глухо, «ряда других товарищей», умалчивая о себе.

В 1922 году Ленин громит Бухарина за его попытку сорвать монополию внешней торговли. Ленин прямо разоблачает Бухарина как заступника спекулянта, мелкого буржуа, как защитника интересов кулацкой верхушки крестьянства, выступающего против промышленного пролетариата (Ленин, т. XXVII, стр. 381).

В 1923—24 годах Бухарин блокируется с Каменевым и Зиновьевым против товарища Сталина. Накануне дискуссии Бухарин выступает со статьей, проповедующей в завуалированном виде теорию врастания кулака в социализм.

1925 год — кулацкий лозунг Бухарина «Обогащайтесь». Правда, в книжке «Цезаризм под маской революции» и на XIV съезде партии Бухарин признал ошибочность этого лозунга, но здесь на суде Бухарин признал, что это «раскаяние» было не более, чем тактическим маневром, обманом.

1928 год — Бухарин заявляет на пленуме ЦК партии об отсутствии разногласий с партией и одновременно ведет переговоры и вступает в тайный сговор с Каменевым. Пишет «Заметки экономиста».

1929 год — Бухарин в «Правде» заявляет об ошибочности своих взглядов. «Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Теперь на суде он показал, что и это был тактический маневр, что и тогда в 1929 году он также лгал. Ибо как раз в это время оформлялась подпольная организация, которая с оружием в руках стала выступать против Советской власти.

Чтобы не быть голословным, я напомню вам показания Бухарина, Рыкова, наконец, Иванова о том, как Бухарин разжигал борьбу на Северном Кавказе, как через своего ученика и подручного в этом деле Слепкова он организовывал кулацкие восстания против Советской власти, как посылал Яковенко в Сибирь, как им всем удалось спровоцировать кулацкое восстание в Бийском округе и других местах. Напомню, что в это же самое время Бухарин, выступая в печати, говорил: «приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов». Бухарин лгал и здесь.

15 декабря 1929 года Бухарин помещает в «Правде» статью, в конце которой перечисляет и осуждает свои ошибки. И в то же самое время он ведет подпольные разговоры с Каменевым.

В то же время, как это он сам теперь признал, вместе с Рыковым посылает Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко — в Сибирь, чтобы поднять кулацкие восстания против Советской власти. На суде Бухарин признал, что именно ими были спровоцированы в то время такие-то и такие-то кулацкие восстания.

А как вел себя тогда Бухарин?

С лицемерным видом святоши, прикрываясь маской искренности, еще в самом начале борьбы Бухарин стал осуществлять подлые, интриганские, фракционные, тайные махинации против партии и ее руководства. Он заключил блок с злейшими, разоблаченными врагами большевизма, только что в ноябре 1927 года выступавшими против Советской власти с антисоветской демонстрацией на улицах Москвы и Ленинграда.

В 1930 году Бухарин вновь подает заявление в ЦК и признает свои ошибки. Бухарин заявляет о «безоговорочном осуждении мною всех и всяких покушений на единство партии, всякой фракционной работы, всяких попыток скрытой борьбы с партийным руководством, скрытой защиты другой политической линии, отличной от линии партии». А на деле, вы слышали из показаний Бухарина, на деле он именно в это время вел переговоры с Семеновым об организации террористического акта против руководителей нашей партии и правительства.

В январе 1933 года Бухарин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) («Правда» № 14) выступает с речью, в которой требует «суровой расправы с группировкой А. П. Смирнова», гово-

рит о своей «право-оппортунистической, совершенно неправильной общеполитической установке», о своей «вине перед партией, ее руководством, перед Центральным Комитетом партии, перед рабочим классом и страной», говорит о Томском, Рыкове, как о своих «бывших соратниках по руководству правой оппозицией». Вообще «критикует» свои «прежние» взгляды.

А на деле это был первый год оформления «право-троцкистского блока», который приступил к выполнению таких задач, как террор, шпионаж, диверсии, вредительство, измена родине, отторжение от СССР национальных республик.

Начало 1934 года — XVII съезд партии — выступление Бухарина, в котором он одобряет «беспощадный разгром всех оппозиций и правой оппозиции, как главной опасности, то есть той самой группировки, к которой я когда-то принадлежал».

А в это же время мобилизует все силы для того, чтобы усилить преступные действия своей группы, уже превратившейся в группу подлинных шпионов, убийц, разведчиков.

Начало 1936 года — Бухарин в статье в «Известиях» обозвал русский народ «нацией Обломовых». В номере «Известий» от 14 февраля 1936 года Бухарин заявляет об ошибочности этого своего утверждения («Неверное утверждение», об этом «выражаю свое глубокое сожаление»).

Таков Бухарин — эта лицемерная, лживая, хитрая натура. Этот благочестиво-хищный и почтенно-злой человек, эта, как говорил Максим Горький про одного из героев из галлереи «Бывших людей», — «проклятая помесь лисицы и свиньи».

Не лучше и другие — тоже «герои».

Подсудимый Рыков. До вступления в партию большевиков Рыков входил в Саратове в объединенную партию эсеров и социал-демократов.

1909—1911 г.г. — Рыков полутроцкист, полуликвидатор. В период Апрельской конференции Рыков и Каменев за объединение «живых сил» революционной демократии, то есть за союз с эсерами и меньшевиками.

В октябре 1917 года вместе с Каменевым, Зиновьевым, Рыков дезертирует.

В декабре 1917 года Рыков каркает о непрочности Советской власти, говоря, что «не может удержаться чисто большевистская власть в отсталой стране в то время, как в Европе не произошла социалистическая революция».

В 1920 году Рыков с сапроновцами выступает против Ленина, за коллегиальность.

Рыков против ленинского плана ГОЭЛРО, он погряз с головой в обывательском «реализме», погряз по-уши в рутине (как писал о нем тогда В. И. Ленину товарищ Сталин).

А потом? Потом 1928, 1929, 1932 годы — блоки, центры, заговоры, измена.

Другие обвиняемые не лучше.

Вот старый троцкист и германский шпион Крестинский, начавший свою предательскую карьеру еще при жизни Владимира Ильича Ленина. Крестинский передает шпионские сведения немец-

кой разведке и получает ежегодно по 250.000 марок золотом от германского рейхсвера в пользу подпольной троцкистской работы.

Вот такой же матерой троцкист Розенгольц, который был германским шпионом с 1923 года и английским шпионом с 1926 года.

Вот кто, вместе с Троцким, с Пятаковым, Ягодой, Бухариным и Рыковым, являлись главными воротилами этого блока, этого «центра центров» всех антисоветских фашистских сил в нашей стране.

Я считаю необходимым кратко остановиться на имевшем здесь место исследовании обстоятельств заговора против Владимира Ильича Ленина в 1918 году.

И на предварительном следствии и на суде Бухарин пытался всячески отвертеться от 1918 года, уйти от ответственности перед историей, перед рабочим классом, перед всем честным человечеством за чудовищное преступление, организованное Бухариным вместе с «левыми» и правыми эсерами, вместе с Троцким и его группой и отчасти осуществленное.

Бухарин позорно лгал в октябре 1918 года, открещиваясь от «левых коммунистов». Бухарин позорно лгал и в 1924 году, когда он под давлением обстоятельств приподнял краешек завесы, скрывавшей от нас настоящую правду в этом тяжком, кошмарном преступлении.

Бухарин лгал, например, в 1924 году, отрицая наличие блока между ним и «левыми» эсерами в 1918 году.

Бухарин говорит неправду и здесь, на суде, пытаясь отрицать факты, удостоверенные здесь рядом свидетелей.

Между тем, эти факты чрезвычайно важны как с точки зрения окончательного разоблачения предательского лица Бухарина, так и с точки зрения наиболее полного и правильного понимания всей последующей преступной деятельности Бухарина и его сообщников — бухаринцев.

Нужно вспомнить факты, обстановку и условия 1918 года, чтобы по достоинству оценить всю глубину адского преступления Троцкого и Бухарина против революции, всю глубину их предательства!..

Эти факты, товарищи судьи, разумеется, сейчас принадлежат уже в значительной мере истории, но они проливают полный свет на вопрос, интересующий нас, интересующий многих и особенно тех, кто не искушен еще в знании прошлого Бухарина и антисоветских группировок, — как могло случиться, что Бухарин и Рыков, которые в течение стольких лет выдавали себя за сторонников социализма, за сторонников социалистической борьбы, оказались в стане самых отъявленных врагов Советской власти, в стане изменников и предателей революции, советского народа, родины!

Эти факты, уже покрытые архивной пылью, в свете настоящего процесса оживают и начинают говорить вновь полным голосом, голосом обличителя, требующего виновных к ответу, если не перед уголовным судом, связанным рамками уголовной дав-

ности, то, во всяком случае, перед судом истории, не знающей никакой давности, не знающей и никакой пощады!

1918 год. Молодая Советская республика напрягает все свои силы, чтобы преодолеть гигантские трудности, вставшие на ее пути к утверждению и закреплению победы социалистической революции.

Страна была тогда, в буквальном смысле этого слова, повергнута в прах. Ее нужно было поднять на высоту новых, величайших исторических задач, каких не знала до того ни одна революция трудящихся.

> «От периода триумфального шествия, — говорил по этому поводу В. И. Ленин, — предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности». (Стенограф. отчет VII съезда партии, стр. 19).

В этих условиях борьба за мир являлась борьбой за все будущее пролетарской революции, судьба которой была в буквальном смысле этого слова поставлена на карту.

В этих условиях вопрос о войне и мире сводился, по существу, к одному вопросу — быть или не быть Советской власти, Советскому государству, Советской стране.

Гениальная ленинская стратегия решила этот вопрос положительно. История подтвердила правильность этого решения. Она сказала: «Быть».

Ленинизм учит не только искусству наступления, но и искусству отступления.

> «...Нельзя,— писал Ленин,— победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению» (т. XXV, стр. 177).

Товарищ Сталин по этому поводу говорил:

> «Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление. Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина».

Эта стратегия, гениальная стратегия Ленина — Сталина, полностью себя оправдала. Она спасла новую Россию и Советскую власть от неминуемой гибели.

В 1924 году товарищ Сталин напомнил по этому поводу:

«Теперь даже последний дурак» видит, — говорил Ленин спустя три года после Брестского мира, — «что «Брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма» («Вопросы ленинизма», 10-е издание, стр. 57).

Известно, что Троцкий и Бухарин со своими приверженцами всячески старались сорвать Брестский мир.

Троцкий и «левые» эсеры, при переговорах с генералом Гофманом, вели себя как провокаторы. «Левые коммунисты» во главе с Бухариным рвали и метали против мирной политики Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым, требуя разрыва переговоров и объявления «революционной войны».

Своими хлесткими, а по сути дела провокаторскими речами и лозунгами, бухаринцы и троцкисты пытались сбить нашу партию с ленинского пути.

«Не мир и не война», «Священная война против всесветной буржуазии» — все эти и подобные им провокаторские лозунги Троцких, Бухариных и др. имели одну единственную цель, — как об этом сказал товарищ Ворошилов в своей речи по поводу 20-летия РККА и Военно-Морского Флота, — впутать нашу страну в вооруженное столкновение с империалистами в момент, когда Советская власть еще не имела своей крепкой армии, и этим самым ликвидировать Советскую власть и расчистить путь для победы буржуазии и полной реставрации капитализма в нашей стране».

До настоящего времени бухаринцам удавалось скрыть от истории истину и в этом вопросе.

Даже на предварительном следствии в показаниях от 2 июня 1937 года Бухарин пытался скрыть действительный характер своей борьбы в период Брестского мира против Ленина, как главы Советского государства.

Бухарин пытался обойти этот вопрос, отделавшись по своей привычке, общими отвлеченными рассуждениями о том, что он якобы «не понимал», что «конкретнейший из конкретнейших вопросов о «мужике» и был именно вопрос о том, чтобы дать массе «передышку», и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищаемо».

Бухарину этот фокус не удался. Следствие на его удочку не попалось. Следствие, наоборот, изобличило Бухарина и изобличило в гораздо более серьезном, чем какие-то «общелитературные рассуждения».

Следствие установило, и я считаю необходимым это вам здесь напомнить, товарищи судьи, в полном объеме, что в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой,

совместно с «левыми» эсерами, организовали заговор против Ленина, как главы Советского правительства.

Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и из «левых» эсеров.

На следствии Бухарину были предъявлены факты, ему было дано пять очных ставок. Тогда подсудимый Бухарин вспомнил кое-что, более серьезное, чем «общелитературные рассуждения». Бухарин вспомнил такой, например, факт, как блок с «левыми» эсерами в 1918 году, в целях борьбы против Советского правительства, такой факт, как прямой заговор против Советской власти, как подготовку ареста Ленина, ареста Сталина, ареста Свердлова.

Все это Бухарин, как вы помните, признал. Но он признал это «со скрипом».

Мы помним свидетелей, которые прошли перед судом, хорошо помним их показания, мы их видели, мы их слышали. Мы помним, как тяжелым свинцом падали их слова на голову Бухарина, вдохновителя провокаторской борьбы против ленинского Совета Народных Комиссаров, Бухарина — организатора, как это с полной очевидностью установлено и судебным следствием, заговора и восстания против Советского государства, подстрекателя к убийству руководителей Советского правительства товарищей Ленина, Сталина и Свердлова.

Я имею полное основание говорить, опираясь на эти данные, что все это точно выяснено, все это достаточно точно установлено, достаточно доказано.

Позвольте остановиться мне кратко на тех доказательствах, которые подтверждают правильность этого заключения. Вы помните здесь показания Камкова. Камков — один из виднейших руководителей ЦК партии «левых» эсеров. Камков показывал, что он с Бухариным вел разговор в 1918 году по вопросу о Брестском мире, что борьба, по словам Бухарина, принимает по этому вопросу чрезвычайно острые формы. Бухарин говорил Камкову об острых формах, о том, что дебатируется в рядах «левых коммунистов» вопрос о создании нового правительства. При этом, сказал Камков, Бухарин назвал Пятакова, как возможного кандидата в руководители нового правительства, и заявил, что сама смена правительства мыслится путем ареста всего состава Советского правительства во главе с Лениным.

Бухарин это не отрицал. Правда, он говорил здесь что-то такое об аресте «на 24 часа». Но это несерьезно. Уже в 1924 году в газете «Правда» Бухарин сам разъяснил, насколько этот план ареста Владимира Ильича Ленина был реален и серьезен. Но Бухарин открещивается от плана убийства наших вождей.

Какие он представил в свое оправдание доказательства по этому вопросу? Никаких, кроме голого отрицания. Его изобличала здесь Яковлева, его изобличал здесь Осинский, его изобли-

чал здесь Манцев, его изобличал здесь Карелин, в соответствующей наиболее существенной части вопроса, изобличал его и Камков, ибо, как вы помните, Бухарин старался даже вопрос об аресте поставить таким образом, что, будто бы, инициатива исходила не от него, а от Камкова, от «левых» эсеров. Камков здесь удостоверял, что инициатива исходила от Бухарина. Я, впрочем, согласен их обоих помирить, ибо, очевидно, инициатива исходила и от тех и от других. Этим объясняется та ожесточенная борьба, которая велась со стороны этих людей против Советского правительства, против Ленина и против его сподвижников — товарищей Сталина и Свердлова.

Бухарин отрицает. Но нельзя же в самом деле считать за аргумент ничем не мотивированное отрицание, тем более, что это отрицание противоречит самой логике вещей.

Если бы этого факта — плана убийства Ленина, Сталина и Свердлова — не было, то зачем бы понадобилось говорить об этом и Карелину, и Яковлевой, и Осинскому, и Манцеву, людям, не в интересах которых сознавать сейчас такой позорный и такой страшный факт, такое чудовищное преступление против родины. А между тем, по показаниям Карелина, Бухарин прямо говорил относительно физического уничтожения Ленина и Сталина. Яковлева также говорит:

«Бухарин мне развил ту мысль, что политическая борьба приобретает все более острые формы и дело не может ограничиться одной лишь политической формулировкой о недоверии к ЦК партии. Бухарин заявил, что дело неизбежно должно дойти до смены руководства, в связи с чем стоит вопрос об аресте Ленина, Сталина и Свердлова и даже о физическом их уничтожении» (том 44, лист дела 77).

Это же подтвердил Осинский, это же подтвердил и Манцев.

Бухарин был не один. С ним эту же позицию разделял, как мы теперь установили, и Троцкий, о роли которого в заговоре против В. И. Ленина в 1918 году мы имеем на этом процессе ряд показаний, в том числе и показание самого Бухарина.

«К этому времени, — показал подсудимый Бухарин, — вновь возникла идея переворота и ареста Ленина, Сталина и Свердлова, как определяющих фигур партийного и советского руководства, на этот раз по инициативе Троцкого, которому предложение «левых» эсеров стало известно очевидно — так я предполагаю — от Пятакова» (т. 5, л. д. 124).

Бухарин не договаривает до конца, оставаясь верным своей тактике полупризнаний.

Но есть два свидетеля — Яковлева и Манцев, которые и в этом вопросе говорят с такой точностью, какая не оставляет никаких сомнений в справедливости и правильности их показаний.

Не достаточно ли этих фактов, чтобы сказать, что заговор бухаринцев, троцкистов, «левых» эсеров в 1918 году против Ленина, Сталина и Свердлова доказан полностью!

Сам Бухарин признал наличие этого заговора, сам Бухарин

признал наличие плана ареста Ленина, Сталина и Свердлова. Бухарин отрицает лишь план убийства Ленина, Сталина и Свердлова.

Однако первым признанием подсудимого Бухарина о плане переворота, о плане ареста, в сущности говоря, подтверждается и последующее. В самом деле, Бухарин признал, что он вкупе со своей группой «левых коммунистов», с Троцким и его группой и с «левыми» эсерами затевали насильственное свержение Советского правительства во главе с Лениным, Сталиным и Свердловым и даже арест Ленина, Сталина и Свердлова.

Но знает ли Бухарин, что означает насильственное свержение? Знает ли Бухарин, что означают аресты, связанные с задачей насильственного свержения? Знает ли Бухарин, что люди, идущие на насильственное свержение и на насильственный арест, тем самым идут на насилие, тем самым идут и на убийство!

Насильственное свержение предполагает, а не исключает такой формы насилия, как физическое уничтожение. Бухарин насильственное свержение признает, физическое устранение — отрицает. Это явная фальшь, это явная нелепица, это явная нелогичность. Но Бухарин в таком положении, что логики от него требовать нельзя.

Факты, установленные на суде, говорят более авторитетно и более убедительно, чем это кажется и хочется Бухарину. Бухарин, правда, сейчас сказал несколько больше, чем, например, в 1924 году, но всего он все же не сказал. Бухарин так действует не впервые. В 1924 году Бухарин кое-что рассказал об этом позорном преступлении, но только кое-что.

В 1938 году Бухарин, припертый к стене, вынужден рассказать уже об этом факте больше. Если бы мы хотели оценить степень фальши, иезуитства и лицемерия Бухарина, достаточно сравнить текст опубликованного им письма в газете «Правда» в 1924 году с тем, что он говорил на предварительном следствии. Он скрыл целый ряд фактов в этом письме, он не говорил, что речь шла о заговоре, он не говорил, что речь шла о прямом сговоре его группы с Троцким, он не говорил не только об убийстве Ленина, но и Сталина и Свердлова. Это вскрыто теперь. Это теперь разоблачено, это открыто, это установлено, об этом возвещено всему миру, вопреки воле Бухарина, при всем его сопротивлении установлению этого факта. Бухарин признал, да и то, как вы видели на судебном следствии, только полупризнал, потому что ему податься некуда, что в 1918 году Бухарин объявлял Советскую власть формальной и предлагал ее ликвидировать.

Ленин разоблачает чудовищность этого бухаринского «тезиса», указывая, между прочим, на исторические примеры Франции в 1793 году и Пруссии начала XIX века, когда лучшие люди этих стран в тяжелую минуту, переживаемую их отчизной, не отчаивались, а ...«подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять подни-

мались и освободились в конце концов (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями)» (Ленин, т. XXII, стр. 302).

Но это были лучшие люди своей страны, а не изменники и провокаторы, которыми оказались на деле так называемые «левые коммунисты» и их подпольные друзья.

Но для этого нужно было, как учил Ленин, любить свою родину и свой народ, а не глумиться над ним, как глумится Бухарин и его оруженосцы, восставшие против Ленина, призывавшего любить и уважать свой народ.

Следствие установило, что в 1918 году Бухарин и Троцкий заключили с эсерами блок для совместной борьбы против Советского правительства, возглавлявшегося тогда Лениным, Сталиным и Свердловым, что они затевали вооруженное восстание, что они шли на арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова.

Доказано это или нет?

Доказано полностью. Доказано показаниями самого Бухарина и показаниями Яковлевой и Карелина, Камкова, Манцева и Осинского.

Бухарин отрицает подготовку убийства, но как он отрицает? Я просил бы вас, товарищи судьи, в совещательной комнате просмотреть протокол соответствующего заседания нашего судебного следствия для того, чтобы со всей отчетливостью вспомнить метод отрицания Бухариным этого факта.

Вот этот разговор. Бухарин признает, что был одним из организаторов этого заговора.

Его спрашивают: об аресте Ленина, Сталина и Свердлова вы открыто говорили?

«Бухарин. Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении. Это было в период не до Брестского мира, а после. В этот период у меня был один разговор с Пятаковым, когда явились Карелин и Камков и заявили, что они предлагают составить новое правительство.

Вопрос. Когда это было?

Бухарин. Это было до Брестского мира. Они предложили составить правительство путем ареста Ленина на 24 часа.

Вопрос. Значит, мы можем сказать, что до заключения Брестского мира у вас были переговоры с «левыми» эсерами Карелиным и Камковым о том, чтобы сформировать новое правительство, то есть предварительно свергнуть правительство во главе с Лениным?

Бухарин. Разговор был.

Вопрос. Об аресте Ленина?

Бухарин. Это эсеры говорили.

Вопрос. По-вашему, эсеры говорили об аресте Ленина, а свидетельница Яковлева утверждает, что об аресте Ленина говорил и Бухарин.

Бухарин. Она путает с этим другой вопрос, она утверждает, что разговор был до заключения Брестского мира.

Вопрос. Я спрашиваю: до заключения Брестского мира были переговоры с эсерами о том, чтобы арестовать Ленина?

Бухарин. Да».

Итак, вначале это эсеры говорили, потом Бухарин показывает, что этот разговор был, и он вел его сам.

«Вопрос. А после заключения Брестского мира тоже были переговоры?

Бухарин. Были.

Вопрос. О чем?

Бухарин. О политическом контакте.

Вопрос. А об аресте?

Бухарин. И об аресте.

Вопрос. Кого именно?

Бухарин. Ленина, Сталина и Свердлова.

Вопрос. Тоже на 24 часа?

Бухарин. Тогда эта формула не употреблялась».

Как видите, раньше на 24 часа, а теперь уже не на 24 часа. Тогда речь шла только о Ленине, а теперь уже выходит, что речь шла о Ленине, Сталине и Свердлове.

«Вопрос. А как арестовать, для чего?

Бухарин. Для того, чтобы составить новое правительство.

Вопрос. А с арестованными что сделать?»

Бухарин торопится: «разговора о физическом уничтожении не было». Но я его об этом еще не спрашивал.

«Вопрос. Когда свергают правительство и арестовывают его, применяют насильственные способы?

Бухарин. Да.

Вопрос. Вы имели ввиду при аресте применить насильственные способы? Правильно это или нет?

Бухарин. Правильно.

Вопрос. Но насильственные способы в чем заключаются? Вы точно установили это?

Бухарин. Нет, не установили.

Вопрос. Значит решили так, как позволят и прикажут обстоятельства?

Бухарин. Да, совершенно верно.

Вопрос. А обстоятельства могут приказать действовать очень решительно?

Бухарин. Да».

Вывод из этого простой — предполагалось свергнуть правительство, для этого арестовать правительство — Ленина, Сталина, Свердлова, применить все те меры, которые могут продиктовать обстоятельства и обстановка борьбы, которая ведется во имя свержения правительства. Борьба была в самой острой форме, и поскольку не было — если встать на точку зрения Бухарина, как он говорил — разговора об убийстве, то ведь сам факт, сама

задача свержения правительства, сама необходимость ареста руководителей того правительства, которое поставили своей целью заговорщики свергнуть, — совершенно естественно говорит, что от убийства руководителей, предполагавшегося убийства, они отрекаться и зарекаться никак не могли.

Вся логика событий, весь смысл этой борьбы, вся ожесточенность той атмосферы, в которой эта борьба шла, вся острота самого вопроса — быть ли Брестскому миру, то есть быть ли Советской стране, стране, строящей социалистическое общество, или не быть Брестскому миру, не быть Советской земле, которую как «формальную» они предполагали отдать на разгромление врагу, — все это со всей серьезностью говорило о том, что дело идет о настоящей борьбе, которая всегда в таких случаях связана с неизбежностью применения и такой меры, результатом которой является смерть, убийство. Вот почему я говорю: для меня не с точки зрения криминологии, ибо сейчас, через 20 лет после того, как совершилось это преступление, мы не предъявляем Бухарину самостоятельного обвинения, — это имеет значение для того, чтобы оценить ту связь, которая существует между заговорщической деятельностью убийцы и контрреволюционера Бухарина и его сообщников с тем, что они делали впоследствии. Все это имеет значение для того, чтобы показать, что Бухарин и сейчас по вопросу, имеющему исторический интерес и значение, не в состоянии, не хочет признать все преступления, которые он совершил в действительности против Советской страны, против Советской власти и против советского народа.

Бухарин в 1924 году по этому поводу писал:

«Я счел своей партийной обязанностью рассказать — в момент ожесточенной фракционной борьбы о предложении «левых» эсеров для того, чтобы парализовать то идиллическое прилизывание событий Брестского периода, какое практиковалось со стороны товарищей из оппозиции»...

Речь идет об аресте Ленина, о свержении Советской власти.

Бухарин, таким образом, в 1924 году признавал, что это было в момент ожесточенной борьбы.

И дальше:

«Они изображали брестские времена в партии как «верх демократии». Я же отлично знаю, что это был период, когда партия стояла на волоске от раскола, а вся страна — на волоске от гибели».

В этих условиях, в условиях ожесточенной борьбы, люди, идущие на арест Ленина, на арест Сталина и Свердлова, руководителей нашей партии и правительства, могут ли остановиться перед возможностью уничтожить своих противников, перед тем, чтобы убить наших вождей? Это ни с чем несуразно, это ни с чем не вяжется. Это есть политика не говорить правду до конца, попытка, мне кажется, здесь полностью разоблаченная показаниями свидетелей и самой логикой развивающихся в это время исторических событий.

Теперь полностью раскрыто и то чудовищное преступление, которое имело место 30 августа 1918 года. Я имею в виду покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года со стороны эсеровской террористки Каплан. По показаниям Карелина и Осинского мы можем судить, как в действительности это покушение было организовано. Карелин здесь заявлял, что в течение 20 лет делались все усилия к тому, чтобы сохранить это страшное преступление в тайне, чтобы не раскрыть его настоящего и действительного содержания и смысла. Карелин утверждал здесь, что вопрос о террористическом акте против Ленина был поднят в 1918 году никем иным, как именно Бухариным. Карелин утверждал, что Прошьян докладывал об этом членам ЦК партии «левых» эсеров. Карелин утверждал, что «такого рода требование «левых коммунистов», заявленное Бухариным, их главарем, сыграло свою роль в смысле ускорения террористического акта против Ленина, совершенного ЦК партии правых эсеров». Это чудовищное преступление — факт.

Осинский показал со слов Стукова, что он, Стуков, был такого же мнения, имел такое же представление о преступлении 30 августа 1918 года.

«В конце 1918 года Стуков, — показывал здесь Осинский,— который вместе с Бухариным был связан с эсерами, сказал мне, что выстрел, произведенный правой эсеркой Фаней Каплан в Ленина, был совершен не только по указанию руководства правых эсеров, но и явился прямым завершением мероприятий, намеченных в свое время блоком к физическому уничтожению Ленина, Сталина и Свердлова».
(т. 44, л. д. 89).

Эти показания достаточно убедительно говорят о той подлой, предательской, дьявольской работе, которую вел Бухарин, этот патентованный лицемер и иезуит.

Чтобы закончить с характеристикой поведения Бухарина и самого Бухарина, надо сказать, что лицемерием и коварством этот человек превзошел самые коварные, чудовищные преступления, какие только знала человеческая история.

Здесь, на суде, он показал себя весь.

Мы проследили шаг за шагом, год за годом политическую жизнь Бухарина.

Сколько раз Бухарин клялся именем Ленина лишь для того, чтобы сейчас же лучше обмануть и предать и партию, и страну, и дело социализма.

Сколько раз Бухарин прикасался к великому учителю с лобзанием Иуды-предателя!

Бухарин напоминает Василия Шуйского и Иуду Искариота, который предавал с лобзанием.

И повадки у Николая Ивановича Бухарина точь в точь, как у Василия Ивановича Шуйского, как изображает его нам знаменитый писатель Островский:

«Василий свет-Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, глядя, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!..»

Так и Бухарин, — вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского: «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича.

Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости.

Судебное следствие вскрыло и доказало с полной отчетливостью, что «право-троцкистский блок» представлял собой подлинную агентуру разведок некоторых иностранных государств, осуществляющих через этот блок, через эту заговорщическую группу шпионаж, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, что этот «право-троцкистский блок» пытался провоцировать военное нападение этих государств на СССР, в целях свержения существующего в СССР социалистического строя, восстановления в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленения СССР и отторжения от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Установлено на этом следствии, что блок имел своих настоящих хозяев в лице Троцкого и иностранных разведок, что вся его преступная деятельность шла под непосредственным руководством и по планам, выработанным в генеральных штабах Японии, Германии и Польши.

Вот показания Чернова. Чернов связывается с полицией или через полицейского чиновника в Берлине с Обергаузом. Обергауз, — говорит Чернов, — сказал мне, что немецкая разведка принимает надлежащие меры для свержения Советской власти. И дальше, обращаясь к Чернову, Обергауз говорит: «Вот вы считаете себя оппозицией в Советском Союзе, вам надо объединиться в организующую силу. Если вы хотите взять власть, то не стесняйтесь в методах борьбы». Говоря о методах борьбы, Обергауз предлагает закрепить связь правых с немецкой разведкой. Он говорил о том, что вся организация правых может быть поставлена на службу целям немецкой разведки.

Здесь, на суде, на вопрос, кто был хозяевами, Чернов ответил: «Кроме Рыкова и немецкой разведки, — никого». Не ясно ли, что организация этого так называемого «право-троцкистского блока» была не чем иным, как экспозитурой некоторых разведок некоторых иностранных государств.

Подсудимый Шарангович здесь полностью подтвердил свою связь с генеральным штабом Польши. Он подтвердил, что, как глава местной белорусской буржуазно-националистической подпольной организации, он ставил своей задачей обслуживание интересов польской разведки и польского генерального штаба.

Он говорил о том, что ему было предложено от имени некоего консула установить тесную связь с рядом людей, входящих в руководство национал-фашистской организации Белоруссии, в том числе с Бенеком. Он говорил, что ему было предложено передавать различного рода сведения, необходимые польской разведке, ему было поручено так тесно связаться с польским генеральным штабом, чтобы польский генеральный штаб мог опереться в своей работе против Советского государства на эту презренную кучку изменников из белорусской национал-фашистской организации.

Основные цели этой организации? Сам Шарангович определил их кратко: свержение Советской власти и восстановление капитализма, отторжение Белоруссии от Советского Союза в случае войны с фашистскими государствами. Для достижения этой цели, как он говорил, подчеркивалась необходимость установления тесной связи с польским генеральным штабом. Это была одна из основных задач, которую, по указаниям центра «право-троцкистского блока», преследовала буржуазно-националистическая организация в Белоруссии. Кому это было нужно? Это было нужно польской разведке, это было нужно польскому генеральному штабу, который рассчитывал, имея в своих руках эту, хотя и маленькую, но все же опасную «пятую колонну» на территории СССР, обеспечить себе успех в необходимых случаях.

Вот почему Рыков совершенно справедливо здесь сказал, что белорусская организация правых была, по существу, экспозитурой польского генерального штаба. Рыков нам говорил здесь, что ему известно было о переговорах Карахана с немецкими фашистами еще в 1933 году, что немецкие фашисты относились, как выразился здесь подсудимый Рыков, с полной благожелательностью к возможности прихода к власти правых и что они обещали всячески приветствовать и поддерживать этот приход.

Благожелательность германской разведки, конечно, продиктована исключительно интересами этой разведки: ведь правые и их организация — это фашистская экспозитура. Имея в своих руках группу изменников, опираясь на них, германский фашизм мог бы более безболезненно для себя осуществить свой разбойничий план военной интервенции СССР. А задачи? Задачи — не только те, о которых говорил Шарангович. Рыков здесь нам дал ясное указание на еще одну в высшей степени характерную черту, которая с головой выдает «право-троцкистский блок» как агентуру некоторых иностранных разведок. В ответ на вопрос по поводу расчленения СССР, отторжения от СССР ряда республик, на вопрос «была ли также задача подготовки фашистам плацдарма для нападения на СССР и для обеспечения их победы?» — Рыков ответил: «Да, это несомненно».

Совершенно очевидно, что задача подготовки плацдарма для нападения на СССР и обеспечения победы над СССР, в случае этого нападения, эта задача была поставлена немецкой, польской и другими разведками перед «право-троцкистским блоком», как перед прямой агентурой фашистских разведок. Это

говорит о том, что прав Чернов, свидетельствующий о том, что настоящим-то хозяином «право-троцкистского блока», кроме Троцкого, были действительно разведки некоторых иностранных государств.

Мы помним, наконец, показания Крестинского. Как мышь, пойманная в мышеловку, он пробовал уже здесь на процессе метаться из стороны в сторону, нащупывая возможные пути своего спасения, но это оказалось безнадежным. Крестинский признал, что уже в 1920—1921 годах по указанию Троцкого, он, Крестинский, вел переговоры вместе с другими троцкистами с генералом Сектом и с германским рейхсвером, он продавал за 250 тысяч золотых марок в год шпионские сведения генеральному штабу Германии и обеспечивал беспрепятственный допуск в пределы СССР германских военных разведчиков.

О чем шла тогда речь, как не о превращении СССР в колонию германского фашизма? В чем сущность этого соглашения с рейхсвером, нити которого тянутся к измене и предательству так называемого «право-троцкистского блока», — об этом сказал сам Крестинский. Позвольте кратко напомнить.

«Мы получаем, — говорит он, — небольшую сумму денег, а они получают шпионскую информацию, которая им будет необходима при военном нападении. Но ведь германскому правительству, — поучает дальше Крестинский, раскрывая свои карты, — в частности Гитлеру, нужны колонии, территории, а не только шпионская информация. И он (то есть Гитлер) готов вместо колоний, из-за которых надо драться с Англией, Америкой и Францией, удовлетвориться территорией Советского Союза».

Вот циничная, обнаженная до пределов человеческой подлости постановка вопроса, которая совершенно отчетливо говорит о том, как подходили некоторые разведки, в том числе и германская разведка, и некоторые наиболее реакционные, преимущественно военные, круги некоторых иностранных государств, к деятельности этого так называемого «право-троцкистского блока». Они подходили к ним, как к своим рабам и пленникам. Они подходили к ним, как хозяева подходят к своим слугам. Они искали помощи этих предателей, для того и потому, что эти предатели держали в своих руках ключи, по крайней мере в их собственном сознании и отчасти используя свое служебное положение, от ворот наших границ. Они были подходящими для того, чтобы открыть ворота врагу. Пытаясь вилять и заметать свои следы, в этом цинично признался в конце концов подсудимый Бухарин. В разговоре с Рыковым и Томским Бухарин говорил о необходимости открыть фронт немцам. Вопрос стоит, что называется, ясно до предела. Карты, хотя и крапленые карты, раскрыты полностью. Они говорили: «мы вам даем не только шпионские сведения, но в нужную минуту мы вам откроем фронт. За это платите нам денежки, на которые мы будем вести свою преступную, подпольную, троцкистскую работу. Зачем вам драться с Англией, Америкой и Францией из-за колоний? Вы можете превратить СССР в свою колонию. По крайней мере ее цветущие окраинные республики, например, Украину. Зачем вам

драться с Америкой, Англией и Францией из-за колоний, когда мы, ваши покорные слуги, готовы вам отдать Советскую землю за те золотые марки, которыми вы поможете нам вести свою подпольную работу».

Вот смысл этого соглашения.

Говорит ли наличие такого соглашения о том, что «право-троцкистский блок» был какой-то политической группой? Нет! «Право-троцкистский блок» — это не только безыдейная, беспринципная банда вредителей, диверсантов, убийц, шпионов, — это чистейшая банда агентов иностранных разведок в подлинном смысле этого самого слова. Она открывает ворота врагу, она стреляет из потаенных окон по улицам, помогая вторгнувшемуся в города и села неприятелю, содействует поражению своей родины.

Крестинский говорил: «Мы шли на восстановление капиталистических отношений в СССР и территориальные уступки буржуазным государствам, с которыми об этом уже договорились».

В этом, в сущности говоря, и есть весь смысл преступной деятельности блока.

От Крестинского в цинизме своих показаний не отстает и Гринько. Гринько, ведь, прямо показывал, что задача, поставленная их иностранно-разведывательными хозяевами, заключается, главным образом, в том, чтобы помочь иностранным агрессорам. Это была, говорил Гринько здесь, общая позиция и троцкистов, и правых, и буржуазно-националистических организаций, и, в частности, украинской национал-фашистской организации.

Это означало подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности, открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны.

Нечего сказать, почетные задачи!

Самый перечень этих преступных целей с головой выдает этот блок, как чистейшую банду шпионско-разведывательских организаций некоторых иностранных государств.

Икрамов здесь нам рассказал о том, как главари «право-троцкистского блока», и в первую очередь Бухарин, уговаривали его принять все меры к тому, чтобы превратиться в подлинную агентуру иностранных разведок.

Московские главари «право-троцкистского блока» информировали Икрамова о японо-германской, как они говорили, «ориентации», о связи с немцами и японцами. Во имя чего? Во имя той же задачи, которая так выпукло была изображена и Гринько и Крестинским.

Вторая встреча была посвящена обсуждению вопроса о вредительстве. Третья встреча была посвящена вопросу о связи с Англией. Об этом здесь очень подробно и полно говорил обвиняемый Ходжаев.

Что же говорил ему Бухарин? Он говорил, что надо ориентироваться на Англию, что если сейчас войны не будет, если скоро интервенции не будет, — нашему делу «капут». Бухарин говорил Икрамову: «Могут всех нас переловить, а вопрос ускоре-

ния войны не можем разрешить из-за Англии, которая в некотором отношении является международным арбитром».

Интересно представление заговорщиков, возлагающих все надежды на военное нападение на СССР, об Англии, как о каком-то международном арбитре. Известно, говорит Бухарин, что англичане давно смотрят на Туркестан, как на лакомый кусочек. Если будут такие предложения, тогда англичане, может быть, скорее перейдут на сторону агрессора против Советского Союза.

Бухарин, в сущности говоря, здесь не отрицал этого разговора. Он говорил о некоторых деталях, спорил о некоторых словах, говорил, что это было иначе формулировано, но в основном Бухарин подтвердил, что такие разговоры были, что была «ориентация на британского арбитра», который готов был заполучить «лакомый кусочек» в виде Туркестана. Это же подтвердил и другой обвиняемый Ходжаев, который признал, что Бухарин вел с ним разговоры, организовывая в Средней Азии ту деятельность, которая целиком и полностью может быть охарактеризована, как государственная измена, как подготовка поражения, расчленения СССР. Отторжение от СССР целых областей и даже союзных республик они рассматривали как плату за ту помощь, которую военный агрессор готов оказать блоку в его преступной борьбе за захват власти, за свержение законного Советского правительства в нашей великой стране.

Я уже сказал, что по всем тем обстоятельствам, которые с такой исчерпывающей полнотой вскрыты на судебном следствии по настоящему делу, видно, что «право-троцкистский блок» представлял собою просто агентуру иностранных разведок. Этим обстоятельством определялся и весь характер и вся природа тех взаимоотношений, которые сложились и существовали между этим так называемым «блоком», с одной стороны, и некоторыми иностранными разведками, являющимися действительными хозяевами этих преступников, — с другой.

О том, каковы были эти взаимоотношения между иностранными разведками и блоком, можно судить по ряду фактов, с непреложностью установленных на настоящем судебном следствии.

Я напомню вам допрос подсудимого Рыкова. На вопрос о том, что представляла собой буржуазно-фашистская организация, действовавшая в Белоруссии под руководством Голодеда, Червякова и Шаранговича, Рыков должен был признать, что даже назначение сколько-нибудь крупное отдельных работников на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывалось с польской разведкой.

Этот факт, сам по себе, уже достаточно ярко характеризует действительную природу тех отношений, которые существовали между «право-троцкистским блоком» и польской разведкой. Если польская разведка решает, кого назначить на те или другие наиболее ответственные должности, ясно, что подлинными, настоящими хозяевами, распоряжавшимися судьбой «право-троцкистского блока», всей его преступной деятельностью являлась польская разведка. Хозяевами этого «блока» являлись также и разведки других государств, с которыми состояли в преступной свя-

зи и отношениях, по поручению, с ведома и согласия руководителей этого «блока» отдельные участники этой заговорщической преступной организации.

Я напомню вам показания подсудимого Иванова, который здесь уже говорил о том, что иногда участники блока не различали, где действуют правые, а где действует иностранная разведка, до такой степени все у них переплелось. Я напомню вам также и то, что, по словам Иванова, Бухарин рекомендовал ему связаться с английской разведкой. Бухарин говорил, что Англия имеет очень большие интересы в Северном крае. Он говорил, что с этой страной у центра правых есть соглашение о помощи правым в свержении Советской власти и что в этом соглашении предусматривается обеспечение интересов английских лесопромышленников в лесном хозяйстве Северного края.

Здесь также ярко выражен конкретный хозяйский интерес той разведки, с которой Бухарин рекомендовал связаться подсудимому Иванову и с которой подсудимый Иванов связался, выполняя это указание Бухарина. Иванов показал, что Бухарин рекомендовал ему поставить дело таким образом, чтобы показать английской буржуазии, что правые охотно идут на удовлетворение всякого рода экономических и финансовых интересов этой буржуазии, рекомендовал выдавать авансы английской буржуазии с тем, чтобы, с одной стороны, не потерять поддержку для себя, а с другой, не потерять доверия.

Ясное дело, что это «доверие» строилось только на одном — на способности этих заговорщиков уплатить чистоганом советской землей и советской кровью за изменническую свою деятельность, за помощь, которую иностранные агрессоры готовы оказать заговорщикам в их преступных целях.

Об этом же говорил, по существу, и Раковский, когда он показывал, какое часто создавалось противоречивое положение для «добросовестных» агентов иностранных разведок, каким выглядит этот умильный старичок, сидящий здесь перед вами на скамье подсудимых. Положение создалось весьма и весьма затруднительное для тех разведчиков, которые сразу служили нескольким разведкам. А такие подсудимые налицо. Сам Раковский представляет такого специалиста, который служил одновременно и японской и английской разведкам и попадал вместе с Юреневым в «тяжелое» для них положение.

«Мы, — говорил здесь Раковский, передавая слова Юренева, — очутились в таком переплете, что иногда не знаешь, как себя вести. Боишься — как бы, удовлетворив одного из наших контрагентов, не обидеть другого. Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а нам приходится иметь связь и с английской и с японской разведками...»

Тяжелое положение для разведчика! Тяжелое положение для английского и японского шпиона.

«...Нам, троцкистам, — говорил Раковский, — приходится играть в данный момент тремя картами: немецкой, японской и английской».

Мы видим, что эта игра ничем хорошим для игроков окончиться не может.

«...Немецкая карта, по крайней мере, в тот момент для меня была недостаточно ясна...»

Хотя и достаточно краплена.

«...Я лично считал, что... Япония... является актуальным агрессором против СССР».

И дальше он продолжает:

«Японская карта была для нас, троцкистов, чрезвычайно важна. Но, с другой стороны, не нужно переоценивать значения Японии, как нашего союзника против Советского правительства. Если даже японская агрессия и сможет продвинуться на территорию СССР, она утонет в пространстве и тайге. А что касается Великобритании, здесь дело посерьезнее. Великобритания в данный момент находится в антагонизме с Японией. Не нужно забывать, что Англия возглавила коалицию против французской революции и 25 лет боролась».

Выходит, что самая сильная карта — карта английской разведки. Но не моя задача разбирать качество всех этих «карт» и их отличие. Я хотел бы только показать, каким затруднительным оказалось положение таких господ, которые умудрялись поклоняться сразу трем богам, служить сразу трем разведкам. Нельзя им по-человечески не посочувствовать, но помочь им мы можем только одним — уничтожить возможность играть в какие бы то ни было карты, как бы эти карты им самим ни казались серьезными.

О связях с английскими агрессорами подсудимый Раковский показал, что блок подготовлял поражение СССР и систематически занимался шпионажем.

В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу иметь отношения не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов. Но и Бухарин должен был поставить все точки над «и». Он сказал:

«Одним словом, я был обязан, как один из руководителей правого центра, доложить одному из руководителей периферийного центра нашу установку».

В чем заключалась эта установка?

«Коротко эта установка заключалась в том, что в борьбе с Советской властью возможно использование военной конъюнктуры и тех или иных уступок капиталистическим государствам для их нейтрализации, а иногда и для помощи с их стороны».

Если расшифровать это витиеватое показание Бухарина, то это значит — прямая измена, переход на сторону врагов в зависимости от военных обстоятельств и от военной обстановки для того, чтобы воспользоваться помощью этих врагов в достижении своих преступных целей.

Когда Бухарину задают об этом вопрос: «Иначе говоря, ориентация на помощь некоторых иностранных государств?» Он отвечал: «Да, это можно и так сказать». Он не хочет прямо сказать, а говорит, что «это можно и так сказать».

Можно и нужно так сказать, ибо это соответствует действительности. На вопрос: «Иначе говоря, ориентация на поражение СССР?» — Бухарин говорит, оставаясь верным своей туманной словесной эквилибристике: «В общем, суммарно, повторяю — да».

Итак, «суммарно» Бухарин признает ориентацию на поражение СССР, а в тех конкретных условиях, в которых он находился, как руководитель «право-троцкистского блока», это «суммарно» означало: «Мы подготовляли поражение СССР, мы готовы были открыть врагам ворота».

«Открыть врагам фронт», — как это подтвердил Рыков, как этого не мог не подтвердить Бухарин.

Я хочу в этой связи обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, как и тут Бухарин пытался вылезти сухим из воды, как он, признавши связь с военной заговорщической организацией Тухачевского и Якира, пытался играть понятием слова «должны» открыть фронт, пытался уйти от настоящего ответа на этот в высшей степени неприятный для него вопрос.

Но как бы Бухарин ни изощрялся в отдельных словах и фразах, как бы он ни пытался уверять, что понятие «должны», хотя и выражается одним словом, но имеет разное значение, — мы отчетливо представляем действительное отношение Бухарина к этому вопросу.

Бухарин вместе с Рыковым и Томским организовали не шуточное дело, а дело серьезное, дело свержения Советского правительства и Советской власти, не стесняясь решительно никакими средствами. Потерявши всякую опору внутри СССР, устремивши все свои надежды на враждебное СССР иностранное государство, они договорились с ним об открытии фронта, о совместном намерении разгромить советский народ, Советское государство, для того, чтобы путем измены пробраться к власти, которую в этот же момент они должны будут целиком, безраздельно и полностью отдать в руки фашистов, в руки своих настоящих хозяев.

Довольно играть словами! Довольно эквилибристики, «философии»! Речь шла о государственной измене, о переходе на сторону врага, об открытии фронта, о поражении СССР, о разгроме нашего отечества.

Вся шпионская работа отдельных соучастников этого заговора на всех участках в целом направлялась Бухариным и Рыковым. Все шпионские сведения шли в соответствующие органы по каналам при помощи средств и связей, которые были в руках Рыкова, Бухарина, Ягоды и их соучастников.

Здесь, на суде, раскрылась в полной мере связь Рыкова, Бухарина и Ягоды с разведками ряда иностранных государств. Вместе с меньшевиками, с Даном, со II Интернационалом, с эсерами, с Масловым, с заграничными иностранными разведками, вместе с агрессорами, они пытались свергнуть Советскую власть и восстановить власть настоящего, матерого, стопроцентного капитализма, настоящего господства помещиков и фабрикантов.

Все эти вредительства, измены, предательства смешивались с систематическим обслуживанием иностранных разведок секретными сведениями и разного рода материалами. Крестинский, Розенгольц, Иванов, Шарангович, Чернов, Раковский, Ягода и другие систематически передавали иностранным разведкам тайны Советского государства.

О систематическом обслуживании заговорщиками из «правотроцкистского блока» иностранных разведок мы имеем достоверные сведения. Я приведу здесь выдержку из токийской газеты «Миако» от 20 февраля 1937 года, которая содержит в себе информацию о секретном заседании так называемой планово-бюджетной комиссии. Депутат Иосида обратился с запросом к военному министру генералу Сугияма: «известна ли ему и армии провозоспособность Сибирской железной дороги». Министр ответил на этот вопрос положительно и сказал, что провозоспособность Сибирской железной дороги им известна, что они имеют систематически сведения о пропускной способности Сибирской железной дороги от имеющихся в России элементов, находящихся в оппозиции к нынешнему Советскому правительству. Через них в Японии получают сведения о Сибирской железной дороге.

Вот они эти элементы, вот они эти лазутчики, разведчики, слуги империализма, торгующие интересами нашей страны. Вот они — агенты военного министра, собирающего свои силы на рубежах нашей страны для нападения на наши священные границы.

Я не могу не привести и еще одного обстоятельства. Орган японского министерства иностранных дел «Джапан Таймс» в январе 1937 года в передовой статье писал:

> «То, что обе страны — Германия и Япония — естественно стремятся получить всякую информацию о СССР, могущую иметь военную ценность, должно быть принято, как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому, государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всеми возможными путями при обеспечении победы при столкновении».

Вы хотите, господа обвиняемые, иметь, кроме ваших показаний, доказательства вашей преступной провокаторской, шпионской, разведывательной работы? Ищите эти доказательства на страницах органа министерства иностранных дел Японии, на страницах токийской газеты.

Японские агрессоры не только не скрывают своих шпионских вожделений, но, как в данном случае, когда это касается СССР, они восхваляют шпионаж как высшую патриотическую добродетель. Ясно, что мы к этим «добродетельным» людям, которые занимают сейчас скамью подсудимых, должны отнестись так, как это соответствует качеству и глубине их шпионской «добродетели».

Бухарин, Томский, Рыков, Ягода собирались открыть фронт. Но и тут, как и везде, как и во всей своей предательской работе, они действовали как провокаторы. И это тоже не случайно, ибо это характеризует метод работы этих господ. Они готовятся открыть фронт, но они хотят так изобразить дело перед рабочими и крестьянами всей нашей страны, перед всем нашим народом, что фронт открыли не они, а кто-то другой, что они, наоборот, против открытия фронта, против измены; они даже сговаривались о том, как этих, кто откроет фронт, по их собственному приказанию, отдать под суд, чтобы сыграть, как цинично выразился Бухарин, на патриотических лозунгах. Я не сомневаюсь, что Бухарин использует либо свою защитительную речь, либо свое последнее слово для того, чтобы еще раз при помощи самой чудовищной цирковой эквилибристики придать этому свой особый смысл, чем тот, который придаю этому я, государственный обвинитель, на этом процессе, но иной смысл, мне кажется, придать этому нельзя.

Я процитировал на одном из заседаний судебного следствия то показание Бухарина, где он говорит о высоко поднявшейся волне советского патриотизма, который не позволит никому и никогда играть своей страной, который за каждый шаг измены потребует расплаты головою, жизнью изменников.

Бухарин и его дружки прекрасно понимали и оценивали значение этого величайшего, подлинно народного патриотизма, на высоком уровне которого стоит вся наша страна, от малого до великого готовая в необходимую минуту своей грудью заслонить свою отчизну от нашествия иностранных интервентов. Они учитывали это, они знали и понимали, что с любовью народа к своей матери-родине нельзя шутить. И учитывая это, они построили всю эту систему провокаций и измены. Они готовы открыть широко ворота иностранной интервенции, но они хотят изобразить это дело так, как будто это дело каких-то чужих рук, против которых они, эти иезуиты и фарисеи, эти иуды искариоты и Василии Шуйские якобы поднимают теперь свой голос «патриотизма». Бухарин говорил — отдать под суд виновных в открытии фронта, играя патриотическими лозунгами.

Игра разоблачена. Предательские маски с их лиц сорваны и сорваны раз и навсегда. Ни один из подсудимых не посмел отрицать своей преступной работы в направлении подготовки поражения СССР и расчленения СССР. Одни говорили об этом просто, грубо, цинично, другие же, опять-таки вернусь к Бухарину и Рыкову, иезуитски вуалировали свои признания, но и они в конце концов не посмели и не могли отрицать этого преступления перед нашим гласным советским судом. Уж слишком сильны улики и слишком убедительны доказательства!

Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и Советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого Бессонова. Он сказал, что соглашение это было заключено на основе тех пяти пунктов, которые он привел в своих показаниях. Это, во-первых, — обоюдный саботаж всех официальных отношений, саботаж нормализации отношений между СССР и Германией. Это что значит?

Это значит система провокаций в международных отношениях. И это конечно не слова, потому что мы знаем, что троцкисты сумели под своей маской двурушничества пролезть на целый ряд достаточно ответственных постов, на которых практически осуществляется наша иностранная политика. Раковские, Крестинские, Юреневы и другие, Бессоновы и им подобные — это же все люди, которые выполняли порученное им дело дипломатического представительства СССР во внешних сношениях. Этим, между прочим, еще больше усугубляется их вина и тяжесть их ответственности перед Советским государством и советским народом.

Посланные для того, чтобы представлять интересы нашего государства, они в действительности всеми мерами боролись против этих интересов. Эти господа использовали свое должностное положение, — и так делал и Раковский, и Гринько, и Крестинский, — для того, чтобы сорвать дело мира, для того, чтобы принять все меры провокации возможных столкновений, в угоду империалистам.

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки «право-троцкистского блока».

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти — естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии, как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдачи их в распоряжение иностранных империалистов.

Бухарин должен был здесь признать, что условия, на которых был заключен этот так называемый союз, — а это вовсе не «союз» (а это есть, в сущности говоря, хозяйско-приказчичий договор) — этими условиями были: расчленение СССР, отторжение от СССР Украины, Приморья, Белоруссии. Я спросил Бухарина: «в пользу кого?» И он ответил: «В пользу Германии,

в пользу Японии, отчасти Англии». Это собственное признание Бухарина, от которого ему некуда уйти и от которого он не уйдет.

Троцкисты и правые действовали именно в соответствии с этим соглашением. Гринько показал, как действовали украинские национал-фашисты во исполнение этого соглашения. Крестинский подтвердил, как они действовали во исполнение этого соглашения. Они, как указывал еще Троцкий, предусматривали диверсионную, шпионскую и вредительскую деятельность, деятельность гитлеровцев и троцкистов в СССР.

В антисоветском «право-троцкистском блоке» видное место занимали буржуазно-националистические группы, образовавшиеся в некоторых национальных республиках под прямым влиянием агентуры тех же иностранных разведок и под непосредственным руководством так называемого центра «право-троцкистского блока».

Изменники Гринько, Ходжаев, Шарангович, Икрамов — это прожженные, матерые контрреволюционеры разных мастей, с большим контрреволюционным стажем от боротьбистов, от «Милли Истиклял» и «Милли Иттихад» до «право-троцкистского блока».

Рыков уверял Ходжаева, что под руководством правых узбекская националистическая организация может добиться «независимости» Узбекской республики.

Ходжаев должен был признать, — а вы видели Ходжаева, это достаточно культурный человек, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях и перипетиях той борьбы, в которой он принимал участие. Ходжаев должен был признать, что он хорошо понимал лживость и фальшь этого лозунга о так называемой независимости Узбекской республики, он понимал прекрасно, что под этим лозунгом скрывается в действительности зависимость узбекского народа от эксплоататоров той капиталистической страны, которая поможет этой республике добиться своей этой призрачной независимости.

Вместе с Рыковым в этом же направлении действовал и Бухарин, восхвалявший, по словам Ходжаева, германский фашизм, говоривший, что фашистская Германия сейчас всеми силами работает над тем, чтобы сделать Германию гегемоном Европы, и что возможно соглашение между Японией и Германией для борьбы с СССР.

Бухарин уговаривал Ходжаева найти пути и дороги к английской разведке через тех курбаши, о которых здесь показывал нам Ходжаев. Бухарин предлагал связаться с английскими кругами, кое-что пообещать Англии. Он говорил: «Не может Узбекистан с 5 миллионами населения сделаться независимым государством между двумя колоссами: с одной стороны Советским Союзом, с другой стороны — Англией. Нужно пристать к какому-нибудь берегу». И Бухарин толкает Ходжаева, достаточно впрочем подготовленного и самого по себе, на то, чтобы пристать к берегу буржуазной контрреволюции.

Бухарин говорит о стабилизации капитализма, о том, что

в этом деле сыграл огромную роль фашизм, особенно немецкий фашизм. Он всячески, как верный пес этого фашизма, радостно лает, возвещая свой восторг перед этим немецким фашизмом.

Бухарин в этом направлении обрабатывал и Икрамова, хотя Икрамов таков, что ему тоже палец в рот не клади. Бухарин лгал на Ленина, он говорил, что колониальные страны не могут притти к социализму при поддержке пролетариата СССР, минуя стадию капитализма, и так далее. Бухарин проповедывал, в интересах окончательного усвоения Икрамовым, теорию и практику реставрации капитализма не только в Узбекистане, но и во всем СССР. Он сказал: «Ваши средства мелочны. Вы хотите ждать, когда придет трудный момент для Советской власти, и тогда вы будете действовать. Нет, лучше надо действовать. Мы одобряем ваши действия в вопросе отторжения Узбекистана. В этом вопросе у правых есть договоренность с украинскими националистами, с белорусскими националистами и националистами других республик».

Право-троцкистские и буржуазно-националистические изменники, в угоду своим капиталистическим хозяевам, хотели вернуть под капиталистическое ярмо освобожденные Великой социалистической революцией, ранее угнетавшиеся царизмом, помещиками и капиталистами, — народы наших братских союзных республик. Не смея открыто сказать о своих предательских планах порабощения народов, поднятых на громаднейшую высоту в результате ленинско-сталинской национальной политики, на высоту культурно-политического и экономического расцвета, — эти предатели практиковали свои предательские, лживые, обманные лозунги и речи о независимости этих республик.

Будто есть другая страна в мире, кроме СССР, где была бы действительно обеспечена подлинная национальная независимость, подлинная и полная национальная культура, подлинное процветание миллионных масс народов! Такой страны, кроме СССР, нет во всем мире! В то время, как в колониях капиталистических стран — в Индии, Алжире, Тунисе, Марокко, как и в восточных странах народы изнывают под тяжелым игом капиталистического гнета, где все больше прогрессирует бедность и нищета, вымирание масс от голода, где процветает сифилис, туберкулез, где все больше и больше процветают разорение и пауперизация, — в СССР, в ее славных одиннадцати союзных республиках все больше и больше растет материальное благосостояние масс, все выше и выше поднимается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура, все радостней и ярче сверкает великими благословенными лучами засиявшее над богатыми необозримыми просторами этих республик новое, социалистическое солнце, солнце неувядаемой славы братского нерушимого союза народов Союза Советских Социалистических Республик.

Провокаторы, разведчики, фашисты, конечно, добивались отделения союзных республик от нашего Союза. Почему они добиваются этого? Потому что, как об этом говорил товарищ Сталин уже 18 лет тому назад, отделение окраин подорвало бы

революционную мощь центральной России, стимулирующую освободительное движение Запада и Востока. «...Сами отделившиеся окраины, — говорил товарищ Сталин, — неминуемо попали бы в кабалу международного империализма». Подлинная независимость национальных республик обеспечивается лишь в условиях Советского государства, в условиях победившего социализма, на основе великой Сталинской Конституции.

Эта шайка изменников действовала уже известными, не раз вскрытыми судом, преступными методами: методом вредительства, диверсии, шпионажа, террора. Вредители, диверсанты, шпионы проникли в ряд отраслей и заняли там руководящее положение. Так было с Черновым, занимавшим высокий пост народного комиссара Земледелия Союза, так было с Гринько, занимавшим высокий пост народного комиссара Финансов СССР, так было с Розенгольцем, занимавшим высокий пост народного комиссара Внешней торговли СССР, так было с Зеленским, бывшим председателем Центросоюза, так было еще в ряде других случаев. В руках этих преступников были, конечно, такие возможности самого широкого и в то же время самого замаскированного и самого опасного вредительства, какие редко бывают в руках преступников.

Основная задача подрывной, вредительской деятельности этого «право-троцкистского блока» была — всячески подорвать экономическую мощь СССР. Ликвидировать советскую социалистическую систему, ослабить обороноспособность СССР, оборонную промышленность, разрушить сельское хозяйство, ликвидировав колхозы и совхозы, разрушить транспорт, роль которого во всем народном хозяйстве исключительно велика — таковы чудовищные задачи, которые ставили перед собой преступники.

Они ставили задачу приурочить наступление всех этих пагубных последствий к моменту военного нападения иностранных агрессоров на СССР и не только приурочить их к моменту нападения, но добиться и того, чтобы эти преступные действия сыграли и самостоятельную роль, как определенные пути к ослаблению мощи Советского государства.

Преследуя свою основную цель — свержение Советской власти, «право-троцкистский блок», — как это показало наше судебное следствие, — не остановился перед самыми грязными и самыми циничными методами, чтобы подорвать доверие масс к органам Советской власти, чтобы посеять среди населения недовольство Советами и восстановить, по возможности, народ против Советской власти.

Эта провокационная деятельность, проводимая каждым из обвиняемых там, где он работал, представляет собой громаднейшую, общеполитическую опасность. Об этом особенно свидетельствуют такие дела, как, например, упоминавшееся здесь на суде Лепельское дело: бесчинства и беззакония, осуществлявшиеся по указке этого блока заговорщиками и преступниками, были направлены к тому, чтобы практикой беззаконных действий дискредитировать в глазах широчайших масс населения Советскую власть.

Суд и следствие показали, как бессовестно-циничны и чудовищно-преступны были те способы и средства, которые блок применял для осуществления своих целей. Эта вредительская подрывная работа представлялась особенно опасной, ввиду того исключительного и особого положения, которое занимал ряд подсудимых в системе советского государственного аппарата.

Возьмите финансы. Основной установкой вредителей в области финансов — как это сформулировал Рыков, с согласия Бухарина — было «ударить по Советскому правительству советским рублем». Это перефразировка старого троцкистского лозунга, который известен по другим процессам через Пятакова — «бить наиболее чувствительными средствами по наиболее чувствительным местам».

«Ударить по Советскому правительству советским рублем» — вот директива, которая определяла всю деятельность Гринько, бывшего народным комиссаром финансов и в то же самое время действовавшего в качестве агента германской и польской разведок и сподручного Бухарина и Рыкова. Именно эту директиву, это решение «блока» он старался провести в жизнь не за страх, а за совесть (хотя и растленную совесть).

Больше того. Известно, что финансовая работа не имеет замкнутого значения, что она определяет собою направление и развитие всех других отраслей промышленности. И это учитывается преступным блоком вредителей. Вредительство в финансовом деле перебрасывается на различные хозяйственные области. В сельском хозяйстве, которое для СССР имеет огромное значение, вредительская работа насколько возможно должна была сорвать задачу 7—8-миллиардного урожая, поставленную перед нами партией и правительством.

Гринько напомнил, как он вредил в области налогового дела, в области сберегательного дела, где стремились всячески озлобить население. Каждый из нас хорошо знает, как безобразно было поставлено сберегательное дело при Гринько, когда нужно было тратить массу времени, наталкиваться на всякого рода бесконечные неприятности и дерзости, грубость и невнимание к вкладчикам, когда старались всячески озлобить и отпугнуть население от сберегательной кассы.

Теперь Гринько прямо сказал, в чем тут секрет, а секрет заключался в стремлении вызвать озлобление вкладчика, подорвать сберегательное дело. Во главе этого дела был поставлен, по собственному выражению Гринько, такой головорез, как Озерянский, который в то же время подготовлял террористические акты против руководителей нашей партии и правительства.

Я не касаюсь других фактов, свидетельствующих о том, что в лице Гринько мы видим старого закоренелого врага Советской власти, целиком и полностью продавшегося немецкой разведке, активно боровшегося путем вредительства, диверсии, измены и террора против Советской власти, за реставрацию капитализма.

Возьмите другого разведчика — Чернова, несомненно, «талантливого» человека, потому что он успел побывать за один только вечер у Дана с Кибриком, подраться

с полицейскими, попасть в полицейпрезидиум и сделаться немецким разведчиком.

Ничего тут невероятного, однако, нет. Так в жизни как раз и бывает с такими людьми, как Чернов. Это теперь у него вид более или менее свежий и здоровый. Заключение ему в значительной степени помогло. На воле у него было иное лицо, испитое лицо алкоголика, который больше пил, чем работал, это был человек, больной социальным недугом — алкоголизмом. И вот по поручению правительства он поехал за границу. Но одновременно берет на себя поручение «блока», который пользуется его случайной командировкой для того, чтобы направить его для организации связи с Даном. Попадает он к Дану и Кибрику. Дан и Кибрик — это ясно — немецкие разведчики. Это видно хотя бы из того, что тот разговор, который он вел с Даном и Кибриком, стал тут же известен разведке полицейпрезидиума.

Говорят, что «стены имеют уши», но есть и такие стены, которые имеют и глаза, стены, через которые все не только видно, но и доступно фотографическому аппарату. И вот, в то время, когда Чернов выпивал и закусывал с Даном и Кибриком, щелкает фотоаппарат и увековечивает на фотопластинке это «свидание друзей» — Чернова и Дана. В руках полицейпрезидиума — документ, который может испортить Чернову всю его карьеру. Поехал он по поручению правительства, а оказался связанным с такими матерыми меньшевиками, как Дан и Кибрик, с ними он ведет шашни. Это может стоить Чернову не только политической карьеры. И на этом играет немецкая разведка. Она не считает Чернова достаточно высокопоставленным человеком для того, чтобы доставить его на такси, — обойдется и троллейбусом. Но в троллейбус садятся люди, которые начинают драку, начинают скандал, который заканчивается в полицейском участке. Хорошая картина — народный комиссар, который заводит скандал и бьет по щеке полицейского. Прибавьте к этому компрометирующие фотоснимки, и Чернов уже «испекся». Чернов должен либо честно рвать и повернуть круто на 180°, либо плыть по тому течению, по которому он поплыл. К этому надо добавить, что Чернов бывший меньшевик, который сохранил свой меньшевизм до последнего часа. Следовательно, он мог бы, так же как Розенгольц, повторять те же слова молитвы — «да расточатся врази». По поводу Чернова даже Рыков сострил, что Чернов в один вечер успел побывать в полицейпрезидиуме и попасть в разведчики.

А разве иначе происходит вербовка агентов разведок? Из множества материалов, печатающихся за последнее время, известно, как ловят и в дансинге, и в частных беседах, и в любовных делах, когда специально подсовывают представительниц прелестного пола, играющих роль далеко не прелестных представительниц, далеко не прелестных учреждений. Известно, что и в картишках ловят, и на бутылке коньяку ловят. Ловят так, как ловят бабочек, летящих на огонек.

На прошлом процессе мы видели, как немецкая разведка, надо ей отдать справедливость, искусно завербовала Строилова.

Раковский тут рассказывал, как его, человека с большим опытом житейских отношений, завербовали английская и японская разведки, и о том, как какой-то Армстронг или Леккерт сделал его английским разведчиком.

Вот Чернов, он действует по заданию немецкой разведки и прямо говорит: «Особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства». С тем, чтобы, как говорил Райвид, не дать лошадей для Красной Армии. Ясная постановка вопроса. Чернову не трудно выполнить это задание, и он приступает к выполнению этого задания. Этот человек специально выделяет 3 фабрики: Кашинцевскую, Орловскую, Ставропольскую. Для чего? Для того, чтобы там вырабатывать, как он выражается здесь, «биопрепараты с неослабленными бактериями». Он это делает для того, чтобы сорвать коневодство, сорвать поголовье, подорвать вообще животноводство.

Конечно, кто же может это сделать, как не лицо, занимавшее такой высокий пост, как не Чернов? Кто еще мог организовать специальные фабрики для выработки заразных препаратов? Только он. И он это осуществлял. Он здесь сам сказал, что 25.000 лошадей погублено по его заданию. В таких краях, как Сибирь, было уничтожено большое количество лошадей. Они специально прививали рожу и чуму свиньям. Делали это и в Воронежской области, и в Азово-Черноморском крае, и в Ленинградской области.

Задача поставлена просто — ослабить обороноспособность Красной Армии. Это не просто вредительство, это шпионское вредительство, это лазутчики военного неприятеля, который решил последовать примеру эпохи Илиады и Одиссеи — ввести Троянского коня во внутрь города, чтобы в случае чего этот конь сыграл роль опорной базы против защитников родины.

Розенгольц тоже действует так, как это интересует немцев и японцев. Он заключает специально в интересах этих иностранных государств нефтяной договор. Он специально вредительски организует экспорт золотоотходов в интересах тех же государств, в прямое нарушение интересов своего отечества. Он организует вредительский и преступный экспорт в Японию чугуна, чтобы этот чугун пошел как раз на те снаряды, которыми собирается японская военщина, если не бомбардировать, то, во всяком случае, пугать наше отечество. Он всячески задерживает оборонный импорт. Он действует так, как ему приказала разведка, используя свое высокое положение, обманывая, предательски-вероломно изменяя своему государственному долгу.

Икрамов вместе с Ходжаевым не отстают во вредительстве от своих центральных «коллег». Он сам показывал здесь о вредительстве в Намангане, о вредительстве на шелкомотальных фабриках, на хлопкоочистительных заводах, о вредительстве в организации хлопкового хозяйства. По их показаниям, в организации этой вредительской подрывной работы роль Рыкова и Бухарина была совершенно отчетливой — роль, которую можно назвать руководящей.

Зеленский. Здесь я только укажу на эту позорнейшую прак-

тику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что било по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле! Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления.

В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке. Именно поэтому задачей всей этой вредительской организации было — добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным, держать рынок и потребности населения в напряженном состоянии. Напомню тут только эпизод из деятельности Зеленского — историю с 50-тью вагонами яиц, которые Зеленский уничтожил сознательно для того, чтобы Москву оставить без этого необходимейшего продукта питания.

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники. Тем более это давало им почву для создания настроений против системы нашего хозяйственного управления, против всей системы Советской власти. Бить по насущнейшим потребностям населения — это, в сущности говоря, выполнять старую директиву Рябушинского, который собирался костлявой рукой голода задушить пролетарскую революцию. Не удалось!

Организуя вредительство, все эти Рыковы и Бухарины, Ягоды и Гринько, Розенгольцы и Черновы и так далее, и тому подобное преследовали в этой области определенную цель: попробовать задушить социалистическую революцию костлявой рукой голода. Не удалось и никогда не удастся!

Шарангович разводит анемию лошадей — падает 30 тысяч лошадей. Шарангович подрывает торфяную промышленность. Шарангович сознательно сеет национальную рознь, развивая националистические чувства среди белорусского населения.

Иванов разрушает заводы, разрушает целлюлозно-бумажную промышленность, хотя и с осторожностью, с оглядкой, как бы слишком не попортить интересам английских хозяев, которым «право-троцкистский блок» хотел передать лесное хозяйство и на которых работал в меру сил своих и возможностей.

Вот вопиющая, чудовищная картина глубоко продуманной, строго организованной, — нельзя преступникам не отдать справедливости, — строго спланированной системы вредительских и диверсионных мероприятий, которые были направлены не только на то, чтобы подорвать обороноспособность и хозяйственную мощь нашей страны, но и на то еще, чтобы спровоцировать недовольство, раздражение в широчайших массах населения при помощи таких средств, которые трудно разоблачить.

И к этому добавляется организация прямых и открытых вооруженных выступлений против Советской власти, которая имеет тоже свою историю. Бухарин посылает вместе с Рыковым Слепкова на Северный Кавказ, Яковенко в Сибирь, которые и

вызывают там повстанческое движение, связываются с казачьими белогвардейскими кругами за границей, готовят казачий десант на Северном Кавказе. Рыков с Зубаревым организуют на Урале повстанческие отряды. Икрамов с Ходжаевым организуют повстанческие отряды под руководством тех же Бухарина, Рыкова и других в Средней Азии из мулл, баев, всякого рода деклассированных элементов. Даже Иванов в Северном крае и тот работает над организацией повстанческих отрядов, по прямому поручению Бухарина, из высланных кулаков, — очевидно таким путем Бухарин и хотел обеспечить кулакам возможность врастания в социализм.

Я перехожу теперь к следующему разделу, а именно — к террористической деятельности обвиняемых и задуманным и осуществленным ими убийствам деятелей Советского государства: убийствам С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и к убийству М. А. Пешкова.

Это один из наиболее мрачных и наиболее тяжелых моментов процесса.

Как Рыков мотивировал переход своей подпольной группы к террору? Очень откровенно. Он говорил: «При нелегальном, заговорщическом характере контрреволюционной организации правых, при отсутствии какой-либо массовой базы для ее контрреволюционной работы, при отсутствии надежды каким-либо другим путем притти к власти принятие террора давало, по мнению центра, какую-то перспективу».

Рыков рассказал на суде полно и последовательно, как в подполье формировалась организация правых, как происходил переход ко все более и более резким формам и методам борьбы. Нарастание террористических настроений Рыков относит еще до 1930 года. Приблизительно в 1932 году оформилось, по показаниям Рыкова, то, что он назвал положительным отношением к применению террора, как метода борьбы за власть. Причем Рыков здесь сделал некоторое философское отступление, подчеркнувши, что он не мыслит себе террора в теории без практики. И действительно, ставши на позицию террора, Рыков сейчас же перешел к организации террористических актов и начал готовить эти террористические акты, подготавливать убийства наших руководителей с такой же педантичностью и с таким же спокойствием, как он давал свои пояснения здесь на суде и как, очевидно, он в свое время подписывал приказы по почтовому ведомству.

Смертельным холодом и смрадом веет от этих показаний Рыкова и других право-троцкистских фашистских заговорщиков.

Террор на полном ходу. Этим террором занимается систематически и педантично весь блок.

Бухарин тоже стоял за террор, хотя, как он заявлял, ориентировался скорее не на террор, а на массовые восстания. Ну, как он там ориентировался, это его дело объяснять, но мы знаем, что он очень давно, — сейчас это надо считать полностью доказанным, — принимал участие еще в 1918 году в организации

террористических актов и Каплан, и «левых» эсеров, и троцкистов, и правых эсеров. Он сам говорит полным голосом о том, что затем в 1932 году он ведет переговоры с бывшим эсером Семеновым, организатором террористических актов и руководителем боевых эсеровских дружин, ведет переговоры об организации террористической борьбы против товарища Сталина и товарища Кагановича. В 1932 году Бухарин через Пятакова и Седова ведет переговоры о том условии, директиве, или, как он называет, установке Троцкого, которая заключалась в необходимости перейти к террору. И характерно, Бухарин тотчас же переходит к практическому осуществлению этой установки. Сейчас ясно, что бухаринская позиция в этом вопросе далеко не теоретическая, он действует как настоящий практик, ибо он то и вел с Семеновым переговоры, он поручал Семенову организацию террористического акта. Именно он, хотя и несколько позже, поручал организацию вооруженного кровавого кулацкого восстания своему выученцу Слепкову и другим. Заговорщический блок широко развертывает организацию террористических групп, которые практически подготовляют совершение террористических актов, убийство Кирова. Это убийство было полностью раскрыто и разоблачено на предыдущем процессе, но только теперь установлено, что деятельность троцкистско-зиновьевского центра, убившего Сергея Мироновича Кирова, не носила самостоятельного характер. Теперь установлено, что Киров был убит по постановлению вот этого именно «право-троцкистского» центра, вот этого блока, который можно назвать центром всех центров.

Обвиняемый Ягода подтвердил на суде, что убийство Кирова совершено по прямому решению «право-троцкистского блока», что это решение осуществлено было Ягодой, на которого и была возложена эта позорная обязанность. И Ягода эту обязанность выполнил. Он дал распоряжение заместителю начальника областного управления НКВД в Ленинграде Запорожцу принять все меры к тому, чтобы это убийство совершилось. За пару месяцев до убийства Леонид Николаев был задержан и приведен в областное управление, у него обнаружили револьвер с патронами и запись маршрута Кирова, которые полностью изобличали подготовку этим негодяем чудовищного злодейства. Но Запорожец, следуя прямым распоряжениям Ягоды, освободил этого негодяя, а через пару месяцев Николаев убивает Кирова, осуществляя этот злодейский акт при непосредственном участии презренного изменника Ягоды, на которого была возложена тогда охрана членов правительства.

Ягода подтвердил на суде, что Рыков и Бухарин участвовали в принятии этого решения; что Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве С. М. Кирова; что Рыков и Енукидзе принимали, таким образом, непосредственное участие в обсуждении самого вопроса об убийстве Сергея Мироновича Кирова. На мой прямой вопрос, правду ли здесь говорят Бухарин и Рыков, заявляя, что они не знали об этом убийстве, Ягода заявил, что этого быть не может, потому что, когда Енукидзе передавал о том, что «право-

троцкистский блок» на совместном заседании решил вопрос о совершении террористического акта над Кировым, — он, Ягода, отказывался от этого по некоторым «тактическим» конспиративным соображениям, но все же был осведомлен, что это — решение их центра, а не выступление какой-то партизанской кучки заговорщиков, что это решение исходило от «право-троцкистского блока», в котором активное участие принимали и Бухарин и Рыков.

Сейчас в точности установлено, что убийство товарища Кирова было совершено при ближайшем участии Ягоды. Я считаю доказанным и то, что убийство было совершено при ближайшем участии Рыкова и Бухарина.

Какие у меня доказательства?

Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на террор, в 1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших сподвижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства.

Бухарин и Рыков знали об этом! Об этом крупнейшем террористическом акте не могли не знать такие крупные главари этого «право-троцкистского блока», какими являлись Рыков и Бухарин. Если бы они не знали об этом, это было бы противоестественно, это лишено всякой логики.

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Политбюро. Об этом же шли переговоры у Семенова с Бухариным или у Бухарина с Семеновым. Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет.

Наконец, Рыков признал, что в 1934 году он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал.

Енукидзе и Ягода были членами центра и ближайшими людьми к Бухарину и Рыкову. Как же можно допустить, что Енукидзе и Ягода — участники убийства Сергея Мироновича Кирова, ближайшие люди к Рыкову и Бухарину, люди, которые были в центре всей системы осуществления террористических актов против руководителей партии и правительства, — как

можно допустить, что именно Рыков и Бухарин не знали о том, что знал Енукидзе — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, что знал Ягода — ближайший друг, соучастник и сообщник Бухарина и Рыкова, а Рыков и Бухарин об этом не знали?

Вот обстоятельства, которые уличают полностью участие Рыкова и Бухарина в организации убийства Сергея Мироновича Кирова.

Но убийством Кирова не ограничивается, как это установлено судебным следствием, террористическая деятельность право-троцкистских изменников.

Как установлено следствием, Алексей Максимович Горький, Вячеслав Рудольфович Менжинский и Валериан Владимирович Куйбышев пали жертвами террористических актов, осуществленных по заданию этого же «право-троцкистского блока». Пал жертвой убийства и сын А. М. Горького — М. Пешков. Ягода по этому вопросу дал такие показания:

«Я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умерщвлены Куйбышев, Менжинский и Горький».

Это же подтвердили и те лица, которые непосредственно принимали участие в этом убийстве. Подлый замысел шефа убийц — Ягоды был осуществлен самым вероломным, подлым и иезуитским способом. Ягода сначала пытался отрицать свое участие в организации убийства Максима Алексеевича Пешкова. Потом он это признал на закрытом судебном заседании. Он полностью подтвердил, как это записано в протоколах судебного следствия, свои показания на предварительном следствии, подтвердил, что он организовал убийство Максима Пешкова, объяснив свое нежелание говорить об этом тем, что мотивы убийства носят сугубо личный характер.

Но относительно убийства Менжинского Ягода говорил и на открытом заседании, отрицая, однако, здесь личные карьеристские соображения. Он прямо сказал:

«Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОГПУ я претендовал не по личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической деятельности».

Это вполне вероятно, но одно не исключает другого. То, что Ягода способен на убийство из личных мотивов, доказывает его личное признание в убийстве Максима Пешкова. Он прямо сказал, что мотивы личные. Следовательно не исключается возможность, что и здесь Ягодой руководили и личные мотивы.

Он говорит, что по этому вопросу было специальное решение центра, переданное ему Енукидзе. Здесь было предусмотрено использование врачей, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Как мы видим, Ягода — не простой убийца. Это — убийца с гарантией на неразоблачение. Его предположения, однако, и здесь не оправдались. Гарантия оказалась гнилой, она провалилась. Ягода и его подлая преступная деятельность разоблачены, разоблачены не той предательской разведкой, которую организовал и которую направлял против интересов Советского государства и нашей революции изменник Ягода, а разоблачены той настоящей, подлинно большевистской разведкой, которой руководит один из замечательнейших сталинских сподвижников — Николай Иванович Ежов.

Енукидзе и Ягода беседуют на тему, как лучше с точки зрения тех гарантий, которых искал Ягода, отправить на тот свет Менжинского и избранные им другие жертвы. Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни, или как он здесь на суде сказал: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова». Это, между прочим, не так парадоксально, как это может казаться на первый взгляд. Подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и расшатанный организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или, как сказал Плетнев, подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать не больному, а инфекции, и, таким образом, свести больного в могилу — это не так парадоксально.

Ягода стоял на высоте техники умерщвления людей самыми коварными способами. Он представлял собою последнее слово бандитской «науки», перекрыв целый ряд других преступников, которые не понимали этих далеко и глубоко идущих преступных замыслов Ягоды.

Енукидзе отклонил предложение Ягоды о том, чтобы Сергея Мироновича Кирова умертвить путем болезни. Он говорил: убийство Кирова должно совершиться так, как намечено центром. Но тут же он обещал, — как говорил Ягода, — что в следующую очередь они используют рецепт и средства, предлагаемые Ягодой.

Эта очередь наступила, когда встал вопрос о последующих убийствах.

«Когда Енукидзе передавал решение контактного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, — говорил Ягода, — что прямой террористический акт может провалить не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это взяли на себя троцкисты и зиновьевцы, а наше дело — не мешать.

Что касается безопасного способа умерщвления при помощи врачей, то Енукидзе сказал, что в ближайшее время центр обсудит, кого именно из руководителей партии и правительства нужно будет убить этим способом в первую очередь».

Можно ли итти дальше в этом беспредельном цинизме и коварстве, когда с омерзительным спокойствием и хладнокровием люди обсуждали, кого лучше убить из руководителей партии и правительства и каким способом, чтобы избегнуть своего разоблачения.

Ягода дальше говорил:

«Через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким. Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский блок», имея в виду, как ближайшую перспективу свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький — непоколебимый сторонник сталинского руководства, и, несомненно, в случае реализации заговора, поднимет голос протеста против нас, заговорщиков».

Вот почему был поставлен вопрос, решенный окончательно этим блоком, об умерщвлении Алексея Максимовича Горького.

Еще одно решение об устранении пало на Валериана Владимировича Куйбышева как на одного из активных членов ленинско-сталинского Политбюро.

Таким образом, за этот короткий срок три жертвы, три преждевременно погибших замечательных человека сошли в могилу по решению «право-троцкистского блока». Трое лучших людей нашей страны, преданные сыны своей родины, пали жертвой бесстыдного заговора предателей. И среди них — гордость русской и мировой литературы — великий русский писатель, гениальный художник Алексей Максимович Горький.

Каждая строка его песен и сказок, повестей и романов дышит благородством, жаром революционных действий. Недаром он свою жизнь связал с великим Лениным и великим Сталиным, как их лучший и ближайший друг. Недаром Ленин не раз писал, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Недаром Ленин писал, что Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим классом России и всего мира. Горький чуял грядущую бурю, он предвещал победу нашего движения, победу светлого пролетарского разума над мраком и подлостью капитализма.

От предательских ударов в больное сердце великого человека погиб лучший из друзей трудящегося человечества, погас один из самых ярких и сильных светильников человеческого разума и человеческой красоты. Этот светильник загасили вот эти изменники, вот эти человекообразные звери, хладнокровно и предательски навеки остановившие горячее и благородное сердце великого человека.

Теперь все раскрыто. Теперь известны не только способы убийства, но их мотивы, и самые убийцы. Бессонов говорит, что, когда он в июле 1934 года виделся в Париже с Троцким, который

всегда злобно ненавидел Горького, как и Горький ненавидел обер-бандита международного шпионажа и предательства Троцкого, тогда Троцкий сказал, что Горького надо устранить во что бы то ни стало, что Горький широко популярен как ближайший друг Сталина, как проводник генеральной линии партии. Троцкий дал Бессонову прямое поручение, которое приказал передать Пятакову. Как говорит Бессонов, поручение это было дано в самой категорической форме: Горького уничтожить физически во что бы то ни стало. И это приказание врага народа и обер-бандита Троцкого было Бессоновым привезено сюда, в СССР, и передано Пятакову, передано блоку, который, как это показал Ягода и как это я докажу дальше, принял это поручение, принял решение об убийстве А. М. Горького. Это так чудовищно, что на этом я считаю необходимым остановиться особо и специально.

Первый вопрос, который я хотел бы здесь поставить, это вопрос о том, участвовали ли в этом деле Рыков и Бухарин, знали ли они о том, что готовится это чудовищное злодеяние. На этот вопрос я отвечаю без колебаний и твердо: да, знали; да, участвовали. Я не хочу оперировать никакими другими показаниями и, в частности, показаниями Ягоды — я буду оперировать: 1) показаниями самих Рыкова и Бухарина и 2) тем, что я называю логикой вещей. Как обстоит здесь дело? Вы посмотрите, что говорит по этому поводу Рыков. Рыков показал, что у него, у Рыкова, имел место разговор с Енукидзе, то есть с одним из активнейших участников и организаторов заговорщического блока. Насколько он был активным в организации убийства, у нас имеются показания Максимова-Диковского. Енукидзе не раз вызывал его к себе и давал указания, как лучше обеспечить смерть Валериана Владимировича Куйбышева. Енукидзе занимался этим «делом» вместе с Ягодой. Вот с этим Енукидзе Рыков ведет разговор. О чем? Возьмем только то, что сказал сам Рыков: «мне Енукидзе сообщил, что троцкисты и зиновьевцы чрезвычайно озабочены тем влиянием, которое приобретает Горький, что он является решительным сторонником Сталина и генеральной линии партии». Это то же самое, что услышал Бессонов от Троцкого в 1934 году и что привез сюда осенью 1934 года и передал воротилам, руководителям, главарям этого блока.

Итак, из показаний Рыкова вытекает первое неопровержимо установленное обстоятельство: Рыков и Енукидзе ведут разговор в 1935 году о Горьком, они говорят о громадном влиянии, которое имеет на общественность Алексей Максимович Горький, как верный друг и сторонник генеральной линии партии, как верный друг и сторонник сталинского руководства. Вот это и беспокоит троцкистов и зиновьевцев, это беспокоит их так же, как беспокоило их тогда, когда они обсуждали убийство Сергея Мироновича Кирова. Ибо Сергея Мироновича Кирова они избрали жертвой своего злодейства по тем же мотивам. И здесь есть полное тождество, полная историческая логика этого заговора.

Что же дальше следует? «Они (троцкисты и зиновьевцы) считают необходимым, — говорит Рыков, — ввиду такого значения Горького, а значение его у нас и за границей не нуждается в

подтверждении — они настаивают, как он выразился, — на ликвидации его политической активности». Если бы Рыков сказал только то, что он сказал, то этого было бы достаточно. Даже для детей совершенно ясно было бы, в чем тут дело. Как можно ликвидировать политическую активность взрослого человека в нашей стране? Как можно было заставить Горького перестать быть политически активным в том направлении, в каком он проявил себя, как борец за большевистскую, ленинско-сталинскую правду? Как можно заставить?

В Америке разные Аль Капоне организуют бандитские налеты, захватывают людей или их детей в плен и потом вымогают деньги. Но у нас этого сделать нельзя, ибо мы рубим руки всяким Аль Капоне. Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишить Горького возможности проявлять политическую активность, иначе как остановив его жизнь? И Рыков на мой вопрос прямо сказал: «Он, т. е. Енукидзе, говорил настолько в повышенных тонах или резко враждебных выражениях, что мне было ясно, что за этим тоном кроется возможность применения насильственных мер». Следовательно, я считаю совершенно точно установленным, что в 1935 году Енукидзе с Рыковым говорили о Горьком в угрожающих для жизни Горького тонах. Причем для Рыкова было совершенно несомненно, что речь идет о применении насильственных мер по отношению к Горькому. И тут я опять задаю тот же вопрос: «Что же это за насильственные меры? Что же вы рассчитывали А. М. Горького изолировать, рассчитывали подвергнуть его какому-нибудь заточению? Как это можно было сделать в нашей стране, в стране пролетарской диктатуры?» Это можно было сделать только одним способом — умертвив Горького. Рыков понимает, что только так этот вопрос и мог стоять, и только так мы имеем право трактовать этот преступный разговор, который был не чем иным, как информацией Рыкова со стороны Енукидзе о подготовлявшемся убийстве Алексея Максимовича Горького.

Наконец, на последний мой вопрос на судебном следствии: «Что означает «довести до насильственных мер?» Можно ли это понимать — довести до убийства?» — Рыков прямо сказал: «Конечно».

Я спрашивал Рыкова: «вы знали о готовящемся убийстве Горького?» Как же должен был ответить на этот вопрос Рыков, если он не знал об этом преступлении? Он должен был бы сказать: «я не знал». А что сказал Рыков? Вот стенограмма, он сказал: «Не совсем так». Получается не с о в с е м так, но т а к!

Я считаю совершенно доказанными и установленными следующие факты, из которых вытекает только один вывод — вывод об участии Рыкова в подготовке умерщвления А. М. Горького. Во-первых, в 1935 году Енукидзе и Рыков говорили об особом озлоблении, которое питает блок к Алексею Максимовичу Горькому. Правда, они сворачивают дело на троцкистско-зиновьевскую часть блока, однако это не меняет ни в какой мере дела. Во-вторых, они это злобное настроение выражали в таких тонах, которые говорили о подготовке насильственных мер, направлен-

ных к «ликвидации политической активности Горького». И, в-третьих, ликвидация политической активности Горького мыслилась вплоть до применения к Горькому насильственных мер.

В-четвертых, эти насильственные меры включали в себя и убийство Алексея Максимовича Горького. Об этих насильственных мерах Рыков и Бухарин знали. Они знали, что готовится убийство Горького, организовывали это убийство, покрывали это убийство. Рыков и Бухарин были, таким образом, участниками этого подлейшего убийства А. М. Горького.

А Бухарин, эта проклятая помесь лисы и свиньи, — как он ведет себя по этому вопросу? Как подобает лисе и свинье. Он вертит, юлит. Но в конце концов, по существу, Бухарин говорит то самое, что говорит Рыков. Возьмем показания Бухарина в этой части. Позвольте мне указать на следующую часть этого показания: «В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Откуда знал Томский об этом? Он знал, конечно, от Бессонова, привезшего эту директиву из-за границы. А какая была директива Троцкого? Уничтожить Горького, физически уничтожить. Бухарин показывает: «Томский сказал, что Троцкий готовит враждебную акцию или враждебный акт против Горького».

Я спрашиваю: через кого готовит Троцкий эту враждебную акцию? Конечно, через блок, который был в руках у Троцкого, через блок, в котором перепутались правые и троцкисты, меньшевики и эсеры, буржуазные националисты и просто проходимцы всех мастей, степеней и категорий.

Этот факт установлен. Сам Бухарин признает, что в 1935 году, за год до смерти Горького, Томский сообщил Бухарину, что Троцкий готовит враждебный акт против Горького. Это совершенно то самое, что говорил Рыков, передавая свой разговор с Енукидзе. А это, в свою очередь, то же самое, что говорил Бессонов, приводя свой разговор в Париже в июле 1934 года с Троцким. Здесь никаких расхождений нет.

Разберем второй вопрос: в чем же заключается этот враждебный акт, что представляет собой этот враждебный акт? От Бухарина получить ответ на прямо поставленный вопрос не так-то легко.

Я спрашивал Бухарина: «В чем заключался этот враждебный акт?» Он прямо ничего не отвечает. Он говорит: «акция против «сталинца Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности». Вот о чем шла речь. «Речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности».

Опять полное совпадение фактов, о которых говорил Рыков, о которых говорил Бессонов, о которых говорил и знал Ягода, о которых говорил и знал Буланов. Здесь все связано органически.

Я спрашиваю: «Совершение враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении Советского прави-

тельства?» Бухарин отвечает, что «по существу связывал». Следовательно, речь шла не просто о том, чтобы причинить личную неприятность Горькому, как замысловато говорил Рыков — «ликвидировать его политическую активность». Речь шла о том, чтобы совершить против Горького такой акт враждебности, который непосредственно представлял бы собой один из элементов свержения Советской власти.

Ясно, что при такой постановке вопроса речь идет не о том, чтобы лишить Горького возможности писать статьи или делать доклады, хотя и это тоже не в вашей власти, господа убийцы. Следовательно, мы здесь должны признать, что подтвердил и Бухарин, что враждебный акт против Горького был связан с задачей свержения Советской власти, был одним из актов борьбы против Советской власти.

Мы знаем, как ставился вопрос заговорщиками о борьбе против Советской власти. Их методы — террор, измена и так далее.

Бухарин говорит, что, когда говорят о враждебном акте, можно разуметь все, вплоть до террористических актов, амплитуда колебаний здесь очень большая. Бухарин признает, что убийство Горького тогда не было исключено. Это — завуалированное признание, которое выдает Бухарина с головой.

Я уже говорил о способах, при помощи которых были осуществлены три террористических акта — против Менжинского, против Куйбышева и против Алексея Максимовича Горького.

Обращает на себя внимание способ, при помощи которого эти убийства совершены. Это — способ постепенного умерщвления, «убийства с гарантией», о котором говорил Ягода, — это способ убийства при помощи использования специальных знаний соучастников. Не плохо задумано! Левин, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков, Буланов — банда убийц, специально подготовленная банда, участвовала в этом «деле». Я хочу обратить ваше внимание на особенный способ и особенную роль в осуществлении этого убийства, которую сыграли обвиняемые врачи — Левин, Казаков и Плетнев. Но предварительно я хочу остановиться на нескольких замечаниях. История и хроника уголовных убийств нам говорит, что за последние десятилетия отравления при помощи профессиональных убийц почти сошли со сцены.

Место этих отравителей заняли врачи. Если вы раскроете учебник судебной медицины доктора Карла Эммерта, профессора Бернского университета, вы найдете здесь чрезвычайно поучительные указания. Эммерт пишет:

«Убийства посредством отравления стали теперь реже сравнительно с прежним, отчасти потому, что для не врача стало труднее добыть яд. Поэтому профессиональных отравителей больше не встречается, как прежде. Если же и бывают подобные случаи, то они часто относятся к лицам врачебного сословия».

Поэтому совершенно не случайно, что Ягода избирает для своего чудовищного замысла и его реализации именно врачей. Он учитывает, так сказать, историческую конъюнктуру.

Мы имеем целый ряд исторических примеров того, как все

стремления убийц, пользующихся всякими средствами отравления, направлены именно на то, чтобы не быть раскрытыми. Очень характерно это обстоятельство, — в целом ряде случаев отравление совершается таким образом, чтобы можно было самый факт отравления объяснить, — как это думал сделать Ягода, — естественной смертью от болезни.

Нужно раньше всего разъяснить, что отравление по современным научным воззрениям это есть один из видов, и при том самый опасный вид, так называемого в науке изменнического убийства, опасность которого заключается в том, что для его осуществления никаких специфических, губительных для человеческой жизни средств не требуется, что могут быть использованы в этих преступных целях любые средства. Как об этом говорит и учит нас история, для такого отравления необходимо лишь тайное введение в организм какого бы то ни было вещества, способного привести к сокращению времени жизни или к смерти. А таким веществом является вовсе не всегда то, что специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годятся для этого, и этим часто пользуются преступники.

Известны из истории, например, из Тацита, такие случаи как убийство Сеяна таким ядом, что, казалось, будто Сеян умер от обыкновенной болезни. В этом и заключается искусство преступления. Известно, что Филипп II весьма широко пользовался для отравления ядом, который нельзя было обнаружить даже при тщательном исследовании, ядом, который был им назван «Requiescat in pace» (пусть почиет в мире). Известно, что Иоанн Кастильский был отравлен при помощи отравленной обуви. Известно, наконец, что папа Климент II был убит при помощи дыма от отравленной свечи. Следовательно, известны способы убийства людей с использованием убийцами своего привилегированного положения и со знанием химии, медицины и фармакологии — способы самые разнообразные.

Мы помним знаменитое дело Бутурлина. Убийцей Бутурлина был не кто иной, как широко известный в дореволюционной России доктор Панченко, который практиковал в дореволюционной России распространение и использование средства, известного под названием «Спермин Пеля». Доктор Панченко под видом «Спермина Пеля» вводил больному дифтерийную культуру, и убил его дифтеритом.

Это было разоблачено совершенно случайно. Если бы не признание доктора Панченко, то убийство Бутурлина, вероятно, не было бы раскрыто. Если бы не признание Левина, то может быть не был бы раскрыт разработанный со всеми тонкостями преступный план убийства товарищей Менжинского, Куйбышева, Горького.

Наконец, я мог бы напомнить о знаменитом деле Прочар, когда этот Прочар у своей жертвы вызвал хронический катарр желудка и таким путем довел ее до гибели. Наконец, дело доктора Пальмера, который отравил свою жертву мышьяком и стрихнином, употреблявшимся в дозах, разрешающихся медициной.

Вот, наконец, пример, который говорит о том, что когда мы говорим об отравлении, то не надо иметь в виду, что для отравления надо применять только цианистый калий, мышьяк и так далее. Нет, очень часто убийцы используют врачей и медицинскую систему, якобы, для лечения, а на самом деле для того, чтобы добиться своей преступной цели.

Дела Пальмера, Прочара, Панченко и множество других исторических примеров можно привести для того, чтобы доказать, что тот путь, который избрал Ягода, был путем, подсказанным тонким изучением истории преступлений, истории убийства в разных странах, организованных разными изуверами рода человеческого.

Я, наконец, должен сказать, что именно в этом плане был задуман преступниками-убийцами террористический акт против Николая Ивановича Ежова. Ведь это убийство тоже было задумано довольно тонко — при помощи отравления воздуха, которым должен был дышать в своем служебном кабинете Николай Иванович Ежов, отравления воздуха ртутью, растворенной в кислоте. Причем Ягода предупреждал — ни в коем случае не в серной кислоте, потому что серная кислота оставляет след и может сжечь те самые шторы и гардины, которые надо было по указанию Ягоды пропитать для того, чтобы, вдыхая этот воздух, мог погибнуть Николай Иванович Ежов.

Я хочу, товарищи судьи, напомнить несколько данных экспертизы по этому вопросу, которые не оставляют никакого сомнения в том, что этот план, очень тонкий, вероломный и подлый, задуман Ягодой с ведома и одобрения право-троцкистского центра, в особенности в отношении Куйбышева, Горького и Николая Ивановича Ежова, которого они хотели устранить для того, чтобы оставаться не разоблаченными.

Прежде всего я обращаю ваше внимание на то, что экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и мировой медицинской науки. Я обращаю ваше внимание, что эта экспертиза пришла к единодушному заключению: экспертиза подтвердила, что меры, принятые убийцами в отношении умерщвления А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, действительно были строго продуманными и имели своим результатом смерть этих выдающихся людей, к которой эти господа стремились. По умерщвлению Горького были заданы экспертизе вопросы:

«Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без умысла?»

Последовал ответ: «Этого допустить нельзя».

Экспертизе был задан следующий вопрос:

«Допустимо ли вообще длительное, одновременное применение больших доз сердечных средств внутривенно, подкожно и внутрь, именно — дигиталиса, дигалена (препараты наперстянки), строфантина и строфанта, а в частности у тяжело больного А. М. Горького, 68-ми лет, страдавшего вышеуказанным поражением внутренних органов?»

Ответ экспертизы: «Абсолютно недопустимо».

Еще вопрос: «Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А. М. Горького был заведомо вредительским...»

Ответ экспертизы: «Да. Безусловно можно считать установленным».

И то же самое мы имеем по другим случаям.

Поэтому я позволю себе заявить, что обвинения, предъявленные в обвинительном заключении и поддерживаемые мною, как государственным обвинителем, и в этой части в полном объеме, можно считать доказанными. Обвинение здесь подтверждается целиком и полностью авторитетнейшей медицинской экспертизой, тщательно разобравшей все те материалы, которые были в ее распоряжении. Признания обвиняемых, разумеется, мы также не можем никак сбрасывать со счета.

Говоря об этой части обвинения, я хочу остановиться специально на двух подсудимых — на Ягоде и Левине.

О Ягоде разговор короткий. Ягода — главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода — не просто Ягода, это бывший в то время заместитель председателя ОГПУ, фактически председатель ОГПУ. Это человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те преступления, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды.

Левин сыграл в этих убийствах тоже виднейшую роль. Левин был главным организатором задуманных Ягодой убийств, им привлечены к этому делу были и Казаков и Плетнев, он, я бы сказал, в этом деле был правой рукой Ягоды, как Буланов был правой рукой Ягоды во всех преступлениях последнего в целом.

Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог — «Последние дни Алексея Максимовича Горького». В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. «Великие люди, — писал он фарисейски, лицемерно, двурушнически, — живут и умирают, как великие люди». «Живут и умирают, как великие люди!» — Левин не добавил, — «от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц!»

Если эту статью сейчас рассматривать в связи с медицинской экспертизой, то она будет представлять некоторый, значительный, по-моему мнению, интерес для оценки роли в этом убийстве Левина.

Во-первых, здесь вскрывается та самая механика умерщвления Алексея Максимовича, которая теперь вскрыта полностью. Это — механика, которая была раньше всего направлена на терапевтическую подготовку убийства Алексея Максимовича.

Левин в этом некрологе писал:

«За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катарральным воспалением легких».

Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью.

«Каждый раз неутомимый боец переносил болезнь тяжело, каждый раз с первых же дней заболевания начиналась тревога. Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья, я всегда отвечал:

— Относительно благополучно, но до первого гриппа».

И дальше:

«Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма — легкие — и как это страшно при его измененных старым туберкулезным процессом легких и его больном сердце. И вот пять раз его могучий организм давал нам возможность одерживать победу, а организм Алексея Максимовича был действительно могучий. Горький был из тех людей, которые доживают до 100 лет, и он несомненно дожил бы до 100 лет, если бы не злой туберкулез».

Убийца выбалтывает тайну убийства. Именно здесь лежит то самое место наименьшего сопротивления, — врачи говорят: locus minoris resistentiae, — по которому организаторами убийства и был направлен основной удар по больному А. М. Горькому.

Позорное двурушничество, вероломство, лицемерие здесь соперничают с бесстыдством отравителя, плачущего у изголовья жертвы его так называемого «лечения».

Таков этот самый Левин! Недалеко ушел от Ягоды!

Я хотел бы напомнить вам в заключение показание Ягоды, в котором он показывает свое настоящее морально-человеческое, если это выражение здесь допустимо, лицо.

Вот выдержки из показаний Ягоды на листе дела 58:

«Всю свою жизнь я ходил в маске, выдавал себя за непримиримого большевика. На самом деле большевиком, в его действительном понимании, я никогда не был».

И дальше:

«Мелко-буржуазное мое происхождение, отсутствие теоретической подготовки, — все это, с самого начала организации Советской власти, создало у меня неверие в окончательную победу дела партии...

Я не разделял взглядов и программы троцкистов, но я все же очень внимательно приглядывался к ходу борьбы, заранее определив для себя, что пристану к той стороне, которая победит в этой борьбе. Отсюда и та особая линия, которую я проводил в то время в борьбе с троцкизмом.

Когда начались репрессии против троцкистов, вопрос о том, кто победит (троцкисты или ЦК ВКП(б)), окончательно

еще не был решен. Во всяком случае, так думал я. Поэтому я, как зам. пред. ОГПУ, в карательной политике исходил из того, чтобы не озлоблять против себя троцкистов. Направляя троцкистов в ссылку, я создавал им там такие условия, при которых они могли продолжать свою деятельность.

Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того, что Рыков говорил мне о правых, о том, что кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, ленинградская организация, профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК. А так как тогда уже ставился вопрос о смене руководства партии и Советской власти, то ясно было, что правые идут к власти.

Именно потому, что правые рисовались мне как реальная сила, я заявил Рыкову, что я с ними.

...Поэтому я и договорился с Рыковым об особом своем положении среди правых».

Оказывается, Рыков влиял достаточно определенно даже на Ягоду. Ведь, в сущности говоря, то, что говорит Ягода — это старая предательская двурушническая школа политического карьериста и бесчестного негодяя, ведь это система Жозефа Фуше. Я не могу не привести всего лишь несколько строк из известной книги Стефана Цвейга «Жозеф Фуше».

«В числе семисот пятидесяти, торжественно вступающих в зал развенчанного короля, входит молча, с трехцветной повязкой поперек груди, народный представитель Жозеф Фуше, депутат от города Нанта. Тонзура уже заросла, духовное облачение давно сброшено: как и все здесь, он надел гражданское платье без всяких украшений.

Какое место займет Жозеф Фуше? Среди радикалов, на горе, или с умеренными, в долине? Жозеф Фуше не долго медлит; он признает только одну партию, которой остается верным до конца; ту, которая сильнее, партию большинства. И на этот раз он взвешивает и подсчитывает про себя голоса; он видит — в данный момент сила еще на стороне жирондистов, на стороне умеренных. И вот он садится на их скамьи, рядом с Кондорсе, Роланом, Серваном, с теми, кто держит в своих руках министерские посты, влияет на все назначения и распределяет прибыли. В их среде он чувствует себя уверенным, там занимает он место».

Вот источник, из которого черпал свои духовные силы Ягода, если он когда-нибудь был знаком с жизнью и деятельностью Жозефа Фуше, — я в этом сомневаюсь, ибо из показаний и материалов дела видно только одно знакомство его с литературой, это — с книгой Александра Дюма «Три мушкетера», которые были идеалом для Ягоды, говорившего, как это видно из показаний

Буланова, что для того, чтобы обеспечить успех захвата власти, нужно подобрать себе несколько десятков таких молодцов, как три мушкетера, с ними можно сделать все, что угодно.

Таков Ягода, которому на скамье подсудимых отведено серьезное место, рядом с Бухариным и Рыковым. Это — один из крупнейших заговорщиков, один из виднейших врагов Советской власти, один из самых наглых изменников, человек, который пытался в самом НКВД организовать группу и отчасти организовал ее из изменников Паукера, Воловича, Гая, Винецкого и других, оказавшихся польскими и немецкими шпионами и разведчиками. Таким являлся и сам Ягода, который вместо того, чтобы нашу славную разведку направить на благо советского народа, на благо социалистического строительства, пытался повернуть ее против нашего народа, против нашей революции, против социализма.

Не удалось, сорвалось! Ягода был разоблачен, выброшен из нашего государственного аппарата, посажен на скамью подсудимых, обезоружен и должен быть теперь выброшен, вычеркнут совсем из жизни.

Я кончаю. В заключение я хочу поставить несколько вопросов, которые я назвал бы юридическими вопросами.

Раньше всего — вопрос о соучастии. Как показало судебное следствие, не все обвиняемые в равной степени участвовали в преступлениях, которые прошли на этом судебном процессе.

Отсюда вопрос — в какой мере и в какой степени каждый из обвиняемых может и должен отвечать за предъявленные им обвинения по обвинительному заключению.

Второй вопрос — в какой мере и степени доказаны предъявленные подсудимым обвинения.

И третий вопрос — какого наказания заслуживают обвиняемые.

Я отвечу, раньше всего, на второй вопрос. Доказаны ли, и в какой степени совершенные обвиняемыми преступления? Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно: да, доказаны. Доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями, прошедшими перед судом, доказаны заключением медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами.

Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления.

Но есть еще одно важнейшее доказательство, это — сама логика обстоятельств дела.

Основное обвинение в настоящем деле предъявлено обвиняемым по ст. $58^{1а}$ и 58^{11} — об организации изменнического заговора. Это обвинение доказано признаниями всех подсудимых, даже тех, кто не признал себя полностью или отчасти виновными в каком-либо другом преступлении. Это надо сказать относительно всех подсудимых.

Во-вторых, в какой мере каждый из подсудимых должен по нашему закону отвечать за всю совокупность совершенных этой заговорщической бандой преступлений. Я на этот вопрос отвечаю: в полном объеме. Почему?

Каждый подсудимый должен отвечать за всю совокупность преступлений, как член заговорщической организации, преступные задачи и цели, преступные методы осуществления которых были каждому из них известны, каждым одобрены и приняты. Здесь мы наблюдаем лишь своеобразное «разделение труда» в преступной деятельности, в зависимости от специальных качеств и средств, находящихся в распоряжении каждого участника банды. Это совершенно естественно и закономерно с точки зрения интересов всего заговора в целом.

Есть мнение среди криминалистов, что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения — неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения. Жизнь знает примеры, когда результат общей преступной деятельности достигается самостоятельным участием в этой деятельности сообщников, объединенных лишь единой, общей для всех преступной задачей.

Для соучастия нужно общее, объединяющее соучастников данного преступления начало, общий преступный замысел. Для соучастия нужно объединение воли в общем и едином для всех участников преступления направлении. Если, скажем, шайка грабителей будет действовать так, что одни из ее участников будут жечь дома, насиловать женщин, убивать и так далее в одном месте, а другая часть шайки — в другом, то хотя бы те и другие не знали о преступлениях, совершенных раздельно какой-либо частью общей шайки,—они будут отвечать за всю совокупность преступлений в полном объеме, если только будет доказано, что они согласились насчет участия в этой банде для совершения тех или других преступлений.

В этом деле, товарищи судьи, налицо заговорщическая группа, агентура иностранных разведок, объединенная общей для всех ее членов волей, единой для них всех преступной целью. Конкретные преступления, совершенные теми или другими преступниками, — это лишь частные случаи этого единого для всех подсудимых плана преступной деятельности.

Эта общность преступной деятельности юридически выражена в предъявленном всем подсудимым обвинении по ст. 58^{11} УК РСФСР.

Это, однако, не означает, что все должны отвечать одинаково. Это не исключает обязанности суда индивидуализировать наказание в зависимости от конкретной роли каждого подсудимого в данном деле.

С этой точки зрения я считаю, что из общего числа обвиняемых надлежит выделить двух — это Раковского и Бессонова. Я считаю, что Раковский, хотя и совершивший тягчайшие преступления против Советского государства, против Советской власти,

всем своим положением в этом заговоре, своей, если можно так выразиться, известного рода оторванностью от всех важнейших преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком», заслуживает того, чтобы к нему была применена менее строгая мера наказания, чем к остальным обвиняемым.

То же самое можно сказать в известной мере и о Бессонове, который, конечно, отличается от Чернова, Розенгольца, Крестинского или Рыкова, хотя бы тем, что его роль ограничивалась ролью связиста, которая хотя также преступна, но по всему своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу.

В отношении этих лиц я считал бы возможным применение закона от 2 октября 1937 года, позволяющего суду в особых случаях избирать меру наказания среднюю между 10 годами лишения свободы и высшей мерой социальной защиты. Я считаю, что в отношении Раковского и Бессонова можно ограничиться 25 годами тюремного заключения.

По обвинительному заключению, все обвиняемые изобличены в том, что в 1932—1933 годах они по заданию разведок иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью совершение преступлений, которые были здесь полностью доказаны.

Доказано, что этот блок состоял из агентов разведок некоторых иностранных государств, доказано, что «право-троцкистский блок» поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения Советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными материалами.

Доказано, что «право-троцкистский блок» систематически осуществлял в этих же целях вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и так далее.

Доказано, что «право-троцкистский блок» организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, что этот «право-троцкистский блок» осуществил террористические акты против С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, а также осуществил умерщвление М. А. Пешкова.

Доказано, что блок организовал, но не успел, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства.

Таковы обстоятельства настоящего дела. Такова роль в этом деле каждого из подсудимых, ожидающих сейчас, товарищи судьи, вашего приговора.

Нет слов, чтобы обрисовать чудовищность совершенных подсудимыми преступлений. Да и нужны ли, спрашиваю я, еще ка-

кие-нибудь для этого слова? Нет, товарищи судьи, эти слова не нужны. Все слова уже сказаны, все разобрано до мельчайших подробностей. Весь народ теперь видит, что представляют собой эти чудовища.

Народ наш и все честные люди всего мира ждут вашего справедливого приговора. Пусть же ваш приговор прогремит по всей нашей великой стране, как набат, зовущий к новым подвигам и к новым победам! Пусть прогремит ваш приговор, как освежающая и всеочищающая гроза справедливого советского наказания!

Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, попрежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем попрежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!

Председательствующий. Объявляю перерыв до 6 часов вечера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:
Армвоенюрист *В. В. Ульрих*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:
Военный юрист 1-го ранга *А. А.Батнер.*

Вечернее заседание 11 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается.

Слово имеет член коллегии защитников товарищ Брауде.

Брауде. Товарищи судьи! Характерной чертой современных заговорщических контрреволюционных организаций является то, что за ними нет никакой массы.

На пленуме ЦК партии в марте 1937 года товарищ Сталин говорил: «Современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя».

Мы видим, товарищи судьи, что для технического осуществления своих вредительских замыслов этим заговорщикам приходится рассчитывать только на свои собственные ничтожные силы и иностранную разведку. Только путем обмана, двурушничества, шантажа им удавалось втягивать в свои злодейские преступления отдельных лиц, которые по своему миросозерцанию ничего общего не имеют с ними.

В самом деле, далекий от контрреволюционного мировоззрения и от контрреволюционных целей Левин, старый врач, был втянут в право-троцкистскую организацию для совершения чудовищных преступлений через врага Ягоду, который сам хотел оставаться в стороне.

И сегодня, товарищи судьи, мне приходится защищать перед вами этого старика — доктора Левина, который к концу своей жизни оказался техническим выполнителем конкретных замыслов «право-троцкистского блока», о самом существовании которого вряд ли имел какое-либо представление, и не только техническим выполнителем, но, как правильно сказал сегодня Прокурор, и принявшим на себя некоторую организующую роль. Как это могло произойти, как случилось, что врач с 40-летним стажем, близкий к Максиму Горькому, врач Куйбышева и Менжинского, сделался убийцей своих пациентов?

Изучая материалы предварительного следствия, допросов Буланова, Ягоды, Левина и других обвиняемых, я видел, что следствие само интересовалось, как мог Левин принять на себя такие

ужасные поручения, что вынудило его на отсутствие надлежащего сопротивления Ягоде. Здесь Прокурор спрашивал Левина: «Почему вы не попытались противодействовать Ягоде»? И, формулируя ответ Левина, Прокурор сказал: «В душе опоры не было, а вовне ее не искали».

И при таком ответе остается неразрешенным вопрос: а почему в душе опоры не было? А почему ее Левин не искал вовне?

Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, мне кажется необходимым сделать небольшой экскурс в прошлое нашей интеллигенции.

Я думаю, что не совершу большой ошибки, если скажу, что, окидывая ретроспективным взглядом прошлое и анализируя настоящее этой интеллигенции, я разделю ее на три группы.

Первая группа — это ничтожная, небольшая часть той буржуазной интеллигенции, которая, занимая в прошлом командные посты у капитала, вынуждена была затем работать с Советской властью. Эта небольшая группа проявила себя на протяжении ряда лет контрреволюционным вредительством во всех областях нашего хозяйства, как одной из форм классовой борьбы. Это вредительство принимало самые разнообразные формы. Вспомните шахтинцев, вспомните дело «Промпартии».

Органами Наркомвнудела, нашими судебными органами вредительские организации были разгромлены, но отдельные осколки их кое-где сохранились, уцелели и продолжали время от времени проявлять себя. Антисоветские настроения у отдельных представителей этой части интеллигенции представляют почву для работы контрреволюционных организаций и для иностранных разведок.

Есть вторая, также не столь большая группа, — это та часть мелкобуржуазной интеллигенции, которая не принимала участия в саботаже и ряд последующих лет честно работала вместе с Советской властью. Но эти люди, оставаясь только специалистами, не сливались органически ни с партией, ни с рабочим классом. Они полагали, что для того, чтобы иметь право называться советскими специалистами, достаточно работать только по своей специальности. Они носят на себе все черты обывателей, мещан, и этими чертами их также нередко пользуются опытные вражеские агентуры, завербовывая их в свои ряды.

И, наконец, третья группа настоящей советской интеллигенции, которая составляет большую часть нашей интеллигенции, ее подавляющее большинство. Это та новая советская интеллигенция, которая выросла из недр рабочего класса, обогатила себя сокровищами старой и новой культуры, прошла суровую школу классовой борьбы. К этой же группе относится, в частности, значительная часть старых специалистов, которая органически слилась с рабочим классом и восприняла его прекрасные черты, его бдительность и умение распознавать классовых врагов, это те, которые имеют право на почетное звание «непартийный большевик».

Если бы Ягода обратился со своими гнусными предложениями к одному из представителей этой подлинно советской интел-

лигенции, составляющей большинство в нашей стране, он был бы немедленно разоблачен, и контрреволюционная, преступная, бандитская организация была бы разоблачена на несколько лет раньше.

Три врача, сидящие на скамье подсудимых, конечно, не могут быть отнесены к представителям настоящей советской интеллигенции.

Я защищаю доктора Левина. До 1934 года доктор Левин очень добросовестно, с большим знанием дела, работал в различных больницах, медицинских организациях, научных обществах. Он лечил Ленина и был близок к Горькому. Пользовался доверием Куйбышева. Он искренне считал, что эта близость дает ему право называться честным советским специалистом. Но он не понял, что эта близость — механическая, политически же он был далек от них. Левин был аполитичен, он даже не разбирается в том, что такое меньшевики. На вопрос о партийности он ответил здесь на суде, что принадлежит к партии врачей. Его ответ подчеркивает всю его цеховую оторванность от рабочего класса. На вопрос Прокурора он ответил, что он — трус, и данные дела, к сожалению, не позволяют в этом сомневаться. Добавьте к этому крайнюю его тряпичность, склонность к панике, и вы получите портрет Левина, как специалиста, принадлежавшего ко второй названной мною группе интеллигенции.

Вербуя врачей по рецептам фашистских разведок, Ягода применил к каждому из них индивидуальный подход. Посмотрим, что рассказывает об этом сам Ягода на предварительном следствии. К Плетневу у него отношение неприкрыто грубое: он подбирает компрометирующий материал о нем. По его словам, «Плетнев был участником какой-то антисоветской группировки и вообще оказался человеком антисоветским». Ягода использовал это.

На Казакова он действует страхом и одновременно зарождает в нем надежду, что он окажет ему какую-то помощь в его борьбе с группой врачей.

Ягода использует корыстные черты Крючкова, возбуждая в нем надежды, что после смерти Максима он станет литературным наследником Горького, а, с другой стороны, действует также страхом, указывая, что ему, Ягоде, известно о растрате Крючковым денежных средств Горького.

И Крючков готов.

О Левине Прокурор сказал, что он был правой рукой Ягоды,— он вместе с Ягодой был организатором. Формально это верно. Но если Левин был правой рукой Ягоды, то нельзя ни на минуту забывать, что мозгом, который руководил этой правой рукой, являлся Ягода. И то, что Левин оказался правой рукой Ягоды, объясняется простой случайностью. Левина Ягода знал, Левин был вхож к больным, к тем прекрасным людям, в устранении которых был заинтересован «право-троцкистский блок». Ягода обрабатывал Левина долго, чрезвычайно изобретательно и тонко.

У Левина в прошлом не было никаких темных мест, не было антисоветских настроений, у него был 40-летний беспорочный трудовой стаж за спиной. До разговора Ягоды он был предан

Советской власти и может быть был привязан к Горькому. Ягода должен был преодолеть внутреннее сопротивление Левина. И Ягода долго, очень долго и тонко обрабатывал его методами, которые превосходят иезуитские методы Игнатия Лойолы. С изобретательностью иностранного разведчика он играет на малодушии, мягкотелости, тщеславии, легковерии и паничности Левина.

Ягода сам показывал, что Левин был лечащим врачом Пешкова и, бывая у Горького, он естественно сталкивался не раз с Левиным. Вот почему именно на Левина Ягода обратил внимание, сделал его правой рукой. Он знал его, часто сталкивался именно с ним, а не с Плетневым и Казаковым.

Левин понадобился для осуществления преступных замыслов, поэтому Ягода стал ближе присматриваться и проявлять внимание к нему. В чем выразилось это внимание? Об этом говорили и сам Левин и Буланов: французское вино, цветы, облегчение таможенных формальностей, доллары на поездку за границу. Все это имело место в порядке постепенной, многомесячной, а может быть и многолетней обработки, ибо задание право-троцкистского центра было дано Ягоде давно. Поэтому обработка обнимает продолжительный промежуток времени до прямого совершения преступления.

Левин, конечно, не понимал и не мог понимать, в чем тут дело. Наивно он думал, что Ягода делает это из уважения к его личным достоинствам и качествам врача. Это приятно щекотало чувство тщеславия, — а то, что Левин был тщеславен, он не скрывает.

Но это-то прекрасно учитывал Ягода. Наряду с признательностью за щедрость и внимательное отношение Ягоды, у Левина появилось чувство некоторой своеобразной зависимости, чего и добивался Ягода.

Приближался час осуществления злодейских замыслов Ягоды в отношении Макса Пешкова. Я должен сказать вам, товарищи судьи, что, слушая объяснения Ягоды о причинах убийства Макса Пешкова, я пришел к такому убеждению, что здесь причины были двоякого рода: причина глубоко низменного порядка Ягоды и задание «право-троцкистского блока» нанести Горькому убийством любимого сына такую психическую травму, которая бы ослабила еще больше физическую сопротивляемость великого писателя в борьбе против болезни. Личные низменные мотивы Ягоды бесспорно совпали с установкой «право-троцкистского блока».

Что говорит Ягода по этому поводу? В одном из его показаний сказано буквально так: «Я вынашивал в себе мысль физически убить Макса Пешкова, он мне мешал». Первоначально была мысль убить Макса Пешкова с помощью бандитов, но казалось опасным втягивать много людей в такое преступление, и у главарей «право-троцкистского блока» возникла идея, что лучший способ умертвить Макса Пешкова — это «смерть от болезни».

Я обращаю внимание суда на то, что идея «смерти от болезни» пришла и возникла не у врачей. Эта идея возникла у

Ягоды, у «право-троцкистского блока». И ее он навязывает врачам. Еще на допросе у следователя, на вопрос следователя — «как это надо понимать?» — Ягода говорит: «Очень просто. Человек естественно заболевает, некоторое время болеет, окружающие привыкают к тому, что больной, что тоже естественно, или умирает, или выздоравливает. Врач, лечащий больного, может способствовать или выздоровлению больного или смерти больного...». «...ну, а все остальное дело техники».

Для воплощения этой идеи в жизнь врач необходим. Чужими руками, руками врача удобно вершить это черное дело, а самому остаться в стороне.

Ягода применяет и теоретическую обработку Левина. Ягода развивает перед Левиным своеобразную «теорию», носящую следы влияния на него немецких фашистских стерилизаторов. Ягода сам показывает, как он обрабатывал Левина извне приобретенными теоретическими суждениями о праве врача прекращать жизнь больного. «Начал я в беседе с Левиным с абстрактного вопроса — может ли врач способствовать смерти его пациента. Получив утвердительный ответ, я спросил: понимает ли он, что больной бывает помехой для окружающих и что смерть такого больного была бы встречена с радостью. Левин сказал, что это вопрос дискуссионный, что врач не имеет права сократить жизнь человека больного. А я спорил с ним и доказывал, что он отсталый человек и что «мы» (надо было понимать под этим — современные люди) придерживаемся другой точки зрения; на эту тему было у меня с Левиным несколько разговоров».

Но этого оказалось мало. Видимо, Левин не шел на эти «теоретические прививки». Тогда Ягода старается представить план уничтожения Максима Пешкова как акт, необходимый в государственных интересах, и, прежде всего, в интересах самого Горького. Он доказывает пагубное влияние его на отца. При дальнейших разговорах он напирает на то, что уничтожение Максима Пешкова — директива не его, Ягоды, а группы ответственнейших руководящих работников. В доказательство этого, чтобы у него не оставалось никаких сомнений, он сводит его с Енукидзе, занимавшим тогда пост секретаря ЦИК СССР, который лично одобряет Левину план убийства посредством «смерти от болезни».

Почему Левин не разоблачил эту фашистскую банду? Я уже говорил о его аполитичности, мягкотелости, бесхарактерности. Но здесь, конечно, основную роль сыграла та комбинация методов, которая была применена против него Ягодой. Левин был уверен, что Ягода не остановится ни перед чем.

В одном из своих показаний Левин с содроганием говорит: «Я вспоминаю каждый раз страшное лицо и угрозы Ягоды. На меня производила страшное впечатление речь Ягоды». Левин — тряпичный интеллигент, старый беспартийный, легковерный, безвольный врач — трепетал не столько за себя, сколько за свою семью, разгромить которую ему угрожал Ягода.

Не вправе ли я, товарищи судьи, сказать, что Левин был психически терроризован Ягодой и что этим объясняется и та роль, которую он сыграл в этих кошмарных убийствах? Левин пока-

зывает: «Я чувствовал себя закабаленным Ягодой, мне было ясно, что при первой попытке отказа от повиновения заданиям Ягоды или даже случайной неудаче, грозящей провалом, погибну не только я, но и моя семья». Об этом он говорил. Он принимал участие в умерщвлении Максима Пешкова, и затем началась сеть последующих страшных преступлений: за Максимом Пешковым — Куйбышев, за Куйбышевым — Максим Горький и Менжинский. Каковы же те мотивы, по которым Левин выполняет эти дальнейшие страшные задания «право-троцкистского блока»?

Старая русская пословица говорит: «коготок увяз—всей птичке пропасть». Совершив одно преступление, сознавая себя скованным преступными узами с Ягодой, Левину еще труднее уйти из-под его влияния.

Ягода это понимает, и тон его с ним резко изменился. Он стал с ним разговаривать грубо, языком угроз. Он раскрывает перед ним с циничной откровенностью карты, он разъясняет ему, в чьих интересах Левин действовал, и аполитичный беспартийный Левин становится политиком поневоле.

Не разделяя убеждений этих господ, Левин фактически — вместе с ними. Он понимает, что, сделавшись их соучастником, он не может не выполнять их поручений. Связав себя с контрреволюцией и преступными делами организации, он разделил судьбу Ягоды. Такова логика контрреволюции.

Но действительно ли, товарищи судьи, Левин без всякого внутреннего сопротивления, без душевной борьбы подчинился Ягоде в его страшных заданиях? Я допускаю, что эпически спокойный рассказ Левина здесь о его преступлениях, в сочетании с письмом в газеты, опубликованным Левиным после смерти Горького, мог произвести впечатление о нем, как о тупом вивисекторе. Но это письмо — не продукт творчества Левина, оно было написано в дни, когда Левин был целиком под влиянием Ягоды, и для меня нет сомнений, что оно было написано под диктовку Ягоды. Иезуитство и фарисейство этого письма нужно отнести целиком за счет Ягоды.

Если ознакомиться с показаниями и письмами Левина, можно убедиться, что он глубоко переживал. Он жил в мучительном бреду. На имя товарища Ежова он, будучи в заключении, послал письмо, в котором, все рассказав, писал, что тяжесть воспоминаний о жутких злодействах давит на него тяжелым грузом. Он пишет: «я почувствовал в эти годы, что меня закрывают от прошлой жизни тяжелые ворота, которые Ягода держал железной рукой и которые открыть я был не в силах. Осенью 1936 г., — пишет он в письме,— я узнал, что Ягода уже не нарком внутренних дел, и я пережил чувство величайшего счастья, я решил остатки жизни посвятить прежней честной работе, отдать остаток своих сил счастью народов, отдать все свои силы, знания, опыт и любовь больным, дальнейшему процветанию нашей прекрасной родины, для счастья и блага которой я смогу вложить крупицу труда. Но тяжелым камнем оставалось на душе мучительное воспоминание о тяжелых преступлениях. Теперь, в тюрьме, расска-

зав все, что творилось в моей душе, я почувствовал глубокое облегчение».

Я глубоко убежден, что когда он написал это признание, обнажая свою душу перед товарищем Ежовым, он не мог не почувствовать облегчения, освобождения от бесконечно тяжелого и до сих пор скрывавшегося им груза. И когда здесь, перед судом народа, перед судом рабочего класса он рассказал о своих преступлениях, это облегчение он продолжал чувствовать.

Я подхожу, товарищи судьи, к концу.

Что же сделать с Левиным? Я не скрою от вас, что в эту минуту, когда я ставлю вопрос о том, что делать с Левиным, перед моим умственным взором всплывают бесконечно дорогие черты великого писателя, нашей национальной гордости, гордости всего трудящегося человечества, Максима Горького, всплывают черты пламенного большевика товарища Куйбышева и непримиримого борца против врагов народа, энциклопедически образованного товарища Менжинского. Если бы не преступления «право-троцкистского блока», которые осуществлены руками Левина и двух других врачей, эти большие люди жили бы сейчас и своей полнокровной, творческой, прекрасной жизнью принесли бы немало пользы для дела строительства социализма, которому они всю жизнь служили и которому служит вся сознательная часть нашей страны.

Но все же я говорю, товарищи судьи, несмотря на тяжесть этих мыслей — Левин должен остаться жить, хотя и должен понести тягчайшее наказание. Сейчас ждут вашего приговора вот эти господа, сидящие на скамье подсудимых, которые совершили ряд тягчайших преступлений, которые со дня революции боролись против своего народа, против рабочего класса, против партии, против независимости своей родины. Они — фактические убийцы Горького, Куйбышева и Менжинского, но они виноваты также и в том, что три врача сделались убийцами. Это тоже лежит на их совести. Они — убийцы этих врачей. В своих гнусных целях они сделали убийцами людей, которые чужды их преступным взглядам, их преступной деятельности. Искусство старого врача в деле помощи страждущему человечеству они превратили в орудие смерти в его руках. Не встречая их, Левин спокойно дожил бы свои последние годы, оказывая помощь страждущим.

Так разве можно ставить знак равенства между Левиным и этими господами, как ни тяжелы его личные преступления? И если они, эти господа, бесполезны и никчемны в грядущей борьбе за счастье человечества, то старый доктор Левин может еще несколько лет, которые остались ему, старику, прожить, попытаться искупить хотя бы частицу своих преступлений помощью страждущему человечеству. Я прошу вас о жизни доктору Левину.

Председательствующий. Слово имеет член коллегии защитников товарищ Коммодов.

Коммодов. Мне кажется, товарищи судьи, нет нужды говорить вам о том, сколь тяжела задача защиты по настоящему делу. Эта тяжесть усугубляется тем суровым требованием государст-

венного обвинителя, которое встречено всеобщим одобрением советской общественности.

Но в пределах возможностей и сил надлежит, хотя бы по крупицам, собрать те доводы, которые дадут возможность нам просить, а вам может быть удовлетворить нашу просьбу и отступить от того сурового требования, которое прозвучало с высокой кафедры государственного обвинителя, в отношении наших подзащитных.

Преступления Левина, преступления Казакова, преступление Плетнева есть несомненно одно звено очень длинной цепи преступлений, которые в своей совокупности характеризуют методы, способы, приемы борьбы с Советской властью ее врагов на протяжении всех этих 20 лет.

Эта борьба временами затихала, но потом снова вспыхивала с большей силой, чем раньше. Особенно она оживилась за последние годы, что, несомненно, нужно поставить в связь с приходом к власти фашизма, который в лице всех контрреволюционных групп внутри СССР нашел себе верных союзников.

Фашизм, как форма управления, основан на унижении человечества и не может мириться с существованием страны, где уклад общественной жизни покоится на принципе социальной справедливости и уважения к человеческому достоинству. Вот почему борьба с Советским Союзом является актуальнейшей задачей фашизма, которая поставлена в порядок дня. И, по существу, они ведь этого не скрывают. Вспомните, товарищи судьи, нюрнбергский съезд в сентябре месяце 1936 года лидеров фашистской партии, которые открыто и цинично проповедывали поход против Советской власти.

Несколько месяцев раньше в польской газете «Бунт млодых» была напечатана следующая заметка: «Главным пунктом современной Польши мы считаем необходимость сломать германо-русские клещи, в которых Польша теперь находится. Ввиду того, что борьба перенаселенной Польши с перенаселенной Германией просто абсурдна, мы должны уничтожить Россию..., отобрать у нее гегемонию на Востоке, а за счет России приобрести земли, необходимые нам для колонизации».

Газета «Правда», поместившая эту корреспонденцию, правильно назвала этих молодых людей безмозглыми. Но характерно, что борьба против Советского Союза ведется открыто через прессу. К этому следует добавить корреспонденцию японской газеты «Реки-си-Коран», которая тоже была помещена в газете «Правда», в которой чиновник японского управления Сиготоми дискутирует идею об общем питании для лошадей и людей в будущей войне. И он исходит из следующего: необходимый японцам рис не будет произрастать на фронтах войны, а имеющиеся запасы продовольствия будут там замерзать.

Совершенно ясно, что здесь речь идет не о войне в Сингапуре, а о войне в холодной России, ясно, что они открыто, цинично проповедуют крестовый поход против Советского Союза.

Таким образом, борьба против Советского Союза фашизма, как актуальная задача, поставлена в порядок дня. Какими же

средствами они борются с нами? Я бы сказал — всеми, которые по их мнению, могут ослаблять Советский Союз и вести к разгрому Советский Союз и помогают и должны им помочь в будущей войне. Не ищите, товарищи судьи, разборчивости в средствах борьбы. Одной из характерных черт прихода власти фашистов является полное растление общественных нравов. Средствами борьбы с Советским Союзом являются шпионаж, вредительство, диверсии, убийства, поддержка вооруженных банд, террор и так далее, весь тот ассортимент средств, который ведет к ослаблению и разгрому Советского Союза. Вам здесь Прокурор приводил бесконечные случаи шпионажа, вредительства, террора. Формы вредительства за последнее время несколько изменились, я бы сказал, они стали более утонченными и более зловредными.

Вспомните здесь вредительство, о котором говорили бывший нарком земледелия Чернов и Ходжаев, вредительство в сельском хозяйстве и вредительство в шелководстве. Подсудимый Чернов рассказывал о том, как, по его указанию, чумная бацилла культивировалась без уничтожения ее вирулентности. Были созданы целые фабрики, откуда эти средства выписывались, как профилактические средства, в то время как они являлись средством заразы.

Для меня ясно, что при таком вредительстве, которое проводилось по директивам Чернова и Ходжаева, несомненно были и невинно пострадавшие люди.

Ходжаев сказал здесь буквально следующее, — что тех, кто противился проведению этих вредительских мероприятий, мы били и били крепко. Мы проводили, как говорит Ходжаев, эти вредительские мероприятия под видом механизации, а тех, кто им противился, обвиняли в антисоветских настроениях и карали их. И вот, мне кажется, много местных работников при этом пострадало, много местных работников, не подозревая всех чудовищных замыслов врагов, явились жертвами этих лиц.

В террористической деятельности тоже появились новые способы устранения политических вождей. Нужно сказать, что террор в фашистских странах пользуется особенно большой популярностью. Они его ценят не только как средство устранить неугодных лиц, но, главным образом, еще и как средство провокации войны. Я скажу больше — нашлись теоретики, которые находят идеологическую базу для оправдания террора как средства борьбы против Советского Союза. В этом отношении весьма характерен доклад некоего профессора Радулеску на 4-й конференции по унификации уголовного законодательства в Париже. На этой конференции профессор Радулеску был официальным докладчиком по вопросу о терроре. И вот интересно, как раскрывал этот профессор смысл и содержание этого международного деликта в своем докладе. «Речь идет о посягательствах, предпринятых с целью или насильственного уничтожения всякой политической и правовой организации общества, посягательств, характеризующих анархистов, или о посягательствах с целью насильственного ниспровержения экономического и социального строя большинства современных государств, посяга-

тельствах, характерных для революционного коммунизма. Революционный коммунизм,— продолжает Радулеску,— составляет в наши дни одну из наиболее опасных угроз публичному порядку вообще».

Повторяю, он был официальным докладчиком по вопросу о терроре. Совершенно открытая циничная проповедь террора против вождей коммунизма, против революционного движения.

Можно было бы указать еще на одну попытку фашистского криминалиста Гарофало, который на Брюссельской конференции поставил в один ряд с международными ворами и фальшивомонетчиками выступления трудящихся, борющихся за освобождение от ига эксплоатации, от капиталистического ига. Что же мудреного, что при таком понимании террора, идеологически обоснованного против Советского Союза, и не только против Советского Союза, а против вождей коммунистического движения вообще, террористическая деятельность оживилась во всех странах мира, и в разных частях света появляются террористические акты. Оживилась она и у нас. В методах и в способах террористических актов тоже произошло, я бы сказал, утончение, и тот способ, который применен по настоящему делу в отношении товарищей Менжинского, Куйбышева и Горького, является по существу новым.

Вы помните, товарищи судьи, ту полосу кулацкого террора, которая была в 1929—30—31 годах, когда погибло много честных советских активистов, избачей, селькоров. Вы помните, что обычным средством совершения этих террористических актов были обрез, колун, кинжал, финка. В дальнейшем мы видим, как террористические акты совершаются по определенному, организованному плану. Вспомните убийство народного трибуна Сергея Мироновича Кирова. По процессу Пятакова и по настоящему процессу мы знаем, что организованы были террористические ячейки по всему Союзу.

Одним из методов и способов убийства в настоящем деле применен способ, который Ягода охарактеризовал, как «смерть от болезней». Я должен сказать, что история человеческих злодеяний не знает этого способа. Товарищ Прокурор приводил случаи многочисленных отравлений через врачей, характерных для средних веков. Это правильно. Вся история Флорентийской республики времени Борджиа, Медичи наполнена отравлениями. Часто и там прибегали к помощи врачей. Папа Александр VI, отравив кардинала Орсиньи через врачей, с иронией обращался к священной коллегии, говоря, что «мы поручили его самым хорошим врачам». В то время отравление, как способ устранения, обычно практиковалось через какие-нибудь вещи — перчатки, книги, цветы, духи, через обстановку.

Но то, что придумал Ягода, это уже носит гораздо более утонченный характер. В русской практике я не знаю таких примеров. В новеллах Стэндаля мне приходилось читать нечто подобное из времен Медичи, но других примеров я не знаю. Первоначально Плетнев также этот способ понял, как предложение действовать ядом, но Ягода ему сказал: нет, это грубо, слишком

грубо и опасно; речь идет о том, чтобы соответствующим методом лечения ускорить конец тех людей, к лечению которых вы будете привлечены.

Всякое отравление ядом несомненно более опасно, чем тот способ, к которому стали прибегать в последнее время, в частности, в настоящем деле. Существуют, правда, яды, которые улетучиваются быстро и в организме не остаются следы паталого-анатомических изменений.

Защитник Брауде говорил, как Ягода объяснял следователю идею «смерти от болезни». Я должен сказать, что читать эти слова в той формулировке, в какой это описал сам Ягода, без содрогания нельзя.

Очень просто, — говорит Ягода. — Человек заболевает, и все привыкают к тому, что он болеет. Врач может способствовать выздоровлению, но врач может способствовать и смерти. Вот главное содержание идеи. «А остальное все, — добавляет Ягода, — дело техники». Когда он сказал это старику Левину, то, по словам Ягоды, Левин был огорошен.

Способов убийства много, и очень много жестоких. Но я должен сказать, что ни один из этих способов не режет так сердце, не бьет так нервы, как тот способ, который описан в настоящем деле, хотя человек умирает не в овраге с разбитой головой, а у себя на кровати, окруженный заботой всех. Ни один способ убийства не может вызвать такого негодования общественности, как этот способ. Это — поругание всех этических принципов врача, который даже на поле битвы должен оказывать помощь врагу. Этот способ убивает доверие между врачом и пациентом.

Вот почему он так потрясает общественное мнение. Он настолько тяжел, что оставляет какое-то депрессивное настроение в душе, когда с ним знакомишься.

Возникает вопрос, как могли пойти на такой способ убийства врачи, у которых по 40 лет врачебной практики, которые поседели в своей профессии?

Товарищи судьи, несомненно, каждая профессия вырабатывает определенные инстинкты, как, например, профессия защитника вырабатывает инстинкт защиты, то же — и у врачей. Пойти на этот способ убийства, надо вытравить этот инстинкт, убить себя как врача, а потом сделать убийство человека. Как же могли пойти на такое преступление? Вот вопрос, который не может не волновать, вопрос, который стоит перед всеми, вопрос, который, может быть, не дает многим спать спокойно. И на нас лежит задача эту тяжелую проблему объяснить.

Легко напрашивается объяснение в том смысле, что, может быть, этому помогли личные жизненные настроения или антисоветские настроения. Я думаю, — причина не та, и позволю сказать почему. Если бы антисоветские настроения Плетнева были достаточным стимулом для того, чтобы пойти на такое преступление, то Левину не пришлось бы прибегать к помощи Ягоды, который должен был нажать на Плетнева, чтобы он пошел на

такое преступление. Достаточно было одному Левину сказать, и Плетнев должен был с готовностью согласиться.

А что мы видим? Мы видим обратное. Левин сказал Казакову, Левин сказал Плетневу, но до свидания с Ягодой ни тот, ни другой никакого вредительства не проводили. Больше того, Казаков 6 ноября был у Менжинского, а в это время Менжинский переехал в Москву в особняк на Мещанскую, Казаков увидел, что воздух был тяжелым, отравленным, в котором задыхался тяжело больной товарищ Менжинский. Казаков велел проветрить все комнаты, вынести на балкон Менжинского. И в этот день он поехал к Ягоде, который встретил его словами: «почему вы все умничаете, а не действуете».

Что означает самый вызов к Ягоде и Плетнева и Казакова? Он означает то, что Левин не рассчитывал, что он мог одним разговором или игрой на низменных чувствах Казакова и антисоветских настроениях Плетнева толкнуть их на чудовищные преступления. И это понятно, потому что прежде, чем пойти на это преступление, тому и другому нужно было изменить природу свою и вытравить инстинкт, выработанный в результате сорокалетней врачебной деятельности.

Но и этого мало. Ягода пытался вовлечь в это преступление Плетнева, играя на его антисоветских настроениях. Он говорил об объединении всех антисоветских сил, убеждал, что он, Ягода, поможет им в их контрреволюционной акции. Но он и сам не надеялся на благоприятные результаты этих убеждений, вот почему он потребовал, чтобы ему дали на Плетнева компрометирующий материал. Но даже и тогда, когда Плетнев увидел собранный против него Ягодой компрометирующий материал, он все же не соглашался.

Тогда Ягода прибегнул к самому действенному средству, он пригрозил и сказал: «Я не остановлюсь перед самыми крайними мерами, чтобы заставить вас служить мне». Прочтите в показаниях Ягоды разговор Ягоды с Казаковым: «Что вы умничаете? Что вы делаете самовольно то, что вы делать не должны?». Когда Казаков начал оправдываться, Ягода говорит: «я ему пригрозил, я кучу угроз ему сказал, и он согласился».

Таким образом, прав был старик Левин, который сказал: «страх перед угрозами, страх перед Ягодой толкнул меня на это преступление». И он был прав не только в отношении себя, но и в отношении своих сопроцессников — и Плетнева и Казакова.

Разрешите мне на этой минуте остановиться. Эта минута самая страшная в их жизни, эта минута более страшная, чем минута суда и приговора, поэтому позвольте несколько задержаться на ней.

Товарищи судьи, шантаж смертью — не шутка. Он сламывает не только разрыхленных жизнью стариков, но иногда и молодых, крепких, сильных, здоровых. В 1880 году, на процессе «16-ти», молодой Окладский сказал в последнем слове: «Я не прошу у суда снисхождения. Всякое снисхождение было бы для меня унижением», а через несколько месяцев он стал предателем. Что произошло за это время? Одно свидание с Судейкиным, кото-

рый сказал ему — «смерть или предательство?», и он выбрал второе. Шантаж смертью — не шутка. А как могли иначе воспринять угрозы Ягоды и Плетнев и Казаков? Как мог иначе воспринять угрозы Ягоды Плетнев, которому Ягода говорил: «Я не остановлюсь перед самыми крайними мерами ни в отношении вас, ни в отношении вашей семьи, чтобы заставить вас служить мне». Как иначе мог воспринять угрозы Ягоды Казаков, которому Левин говорил, напутствуя на свидание с Ягодой: «Вы должны понять, что этот человек ни перед чем не останавливается, этот человек ничего не забывает». А разве Левин был не прав? Разве закон остановил Ягоду от совершения чудовищных преступлений? Разве совесть остановила Ягоду от совершения неслыханных гнусностей? Разве разум остановил его от совершения безрассудства? Что еще могло его остановить? Отсутствие возможностей? Но вы знаете сумму полномочий, которые имел Ягода. Что же ему могло помешать в достижении его гнусных целей? Недостаток силы воли? Слабость нервов? Кто же этому поверит!?

Какую нужно иметь выдержку, какое нужно иметь лукавство, чтобы, занимая такой ответственный пост, будучи на виду у всех, имея основной задачей борьбу за сохранение и охрану социалистического государства, в течение ряда лет ежедневно работать над разгромом государства и оставаться безнаказанным?

В конечном счете и Ягода и его сообщники просчитались. Они не поняли одного, и самого главного. Если есть десятки бессовестных людей, которые подкапываются под Советский Союз, то ведь имеются миллионы честных, которые своею бдительностью и преданностью охраняют его.

Вот почему та гибель, которую они несли Советскому Союзу, а вместе с тем несли каждому из нас, пала на их голову. Кто сеет ветер, тот пожинает бурю.

Но мне не они важны сейчас. Мне важно поведение Плетнева и Казакова в ту зловещую минуту, когда они остались с глазу на глаз в кабинете с Ягодой. Им поставлен был прямо вопрос. Они понимали прекрасно, что угроза, которая стоит перед ними, — реальная угроза. Больше того, и Казаков и Плетнев прекрасно понимали, что Ягода не может не привести своих угроз в исполнение. Это диктовалось положением самого Ягоды. После того, как Ягода сказал о заговоре, после того, как Ягода сказал, что он сам является участником заговора, после того, как он предложил им совершить чудовищное преступление, — он не мог не привести своих угроз в исполнение.

Каким путем он мог обезопасить себя от Казакова и Плетнева, как свидетелей своего разговора с ними?

Тут было два пути: или во что бы то ни стало привлечь их как сообщников преступления и тогда они будут молчать, или заставить их молчать, хотя бы ценою уничтожения. Ничего третьего здесь придумать нельзя. Вот в каких условиях поставлен был вопрос перед Плетневым и Казаковым.

Товарищи судьи, в этих условиях они должны были давать ответ немедленно. Бежать некуда. Размышлять некогда. Вот

минута, в которую решается судьба человека. А в это время зловещим взглядом, сверлящим взглядом смотрит на них Ягода. Мне представляется, что этот роковой, сверлящий взгляд подавлял их сознание, парализовал волю, убивал чувство. Потрясенный разум, товарищи судьи, часто не выдерживает собственной тяжести и впадает в безумие, и человек, внутренне свободный, надломился.

Может быть, у меня нет тех нужных слов, которые дали бы вам возможность почувствовать весь ужас пережитых Плетневым и Казаковым минут. Если бы они у меня нашлись, я бы нисколько не беспокоился за их жизнь.

Ужас часто не в том, что делает человек, а в том, чем он становится после этого. Чем они стали после этой минуты падения? Прежде чем они стали убийцами других, они нравственно убили себя. Это — минута, которая убила их самих. Они совесть свою, совесть врача, сделали черной, как совесть тирана, они забрызгали грязью невероятных преступлений имя профессора, они опозорили ореол ученого, они имя человека раздавили. Только большой психолог может описать такие минуты .

Все остальное есть следствие этой минуты. В ту минуту, когда Ягода их сломил, когда они дали свое согласие, они стали нравственными трупами, они убили себя. И вы, товарищи судьи, знаете, кто толкнул их сначала на нравственное самоубийство, а потом и на убийство других.

Вот почему я прошу снисхождения для них. Вот почему защита просит не ставить их на один уровень в наказании с тем, кто по отношению к ним являлся убийцей.

Есть еще один довод защиты. Прокурор, говоря здесь о соучастии в преступлениях, теоретически правильно развивал мысль о том, что участник организации является ответственным за все преступления, совершенные организацией. Но как практический деятель, как государственный обвинитель он сказал вам, товарищи судьи, что нужно в каждом конкретном случае обсуждать, в какой мере близко подошел к преступлению тот или иной преступник. Это дало ему основание отступить от требования сурового наказания по отношению к подсудимым Раковскому и Бессонову.

По этому признаку разве Плетнев, разве Казаков имеют меньше основания на снисхождение? Они позже втянулись в цепь величайших преступлений. За другими подсудимыми преступления тянутся от 1918 года до наших дней. Мои подзащитные не знали этого, не причастны к этому.

Мы верим, товарищи судьи, что вы учтете эти наши доводы защиты и, несмотря на ряд кошмарных, неслыханных, чудовищных преступлений Плетнева, Казакова и Левина, найдете возможным сохранить им жизнь. И если им суждено жить, после вашего приговора, то пусть они помнят слова одного деятеля Великой французской революции, который сказал: «милосердие тоже может быть оскорблено, если оно дается недостойным». Их задача заключается в том, чтобы остатком жизни своей доказать, что они достойны были того милосердия, которое вы им

оказали. Они признали себя виновными. Они говорили: «Мы раскаиваемся». И я верю им, товарищи судьи. Горе не носит маски.

Когда Плетнев писал в заявлении на имя товарища Ежова, что после того, как он сознался, он почувствовал облегчение, когда Казаков говорит то же, — они не лицемерят. В их положении и сознание, и суд, и наказание, и страдание — единственное, что их, хотя бы в некоторой степени, может примирить с собой. Порой страдания бывают единственной формой правды, и они это прекрасно понимают.

Я сказал, что задача, которая стоит перед ними, если им суждено жить, доказать, что они достойны милосердия, им оказанного. Как это сделать? Нужно забыть себя и отдать все то, что они имеют, в смысле знания, опыта, практики, теории, той родине, которую они предавали. А отдать им есть что. 40 лет врачебной, клинической, профессорской, педагогической деятельности Плетнева составили у него большой багаж знания и он работоспособен, он даже в тюрьме работал над своими научными трудами. Казаков имеет медицинское, химическое, агрономическое образование. 30 лет исследовательской работы несомненно обогатили Казакова, и это богатство он должен передать другим.

Все без остатка они должны отдать родине. Это наказ им их защиты, если им суждено жить. А к вам, товарищи судьи, я обращаюсь с единственной просьбой — сохранить им жизнь.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 20 минут.

* *
*

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Подсудимый Бессонов, поскольку вы отказались от защиты, вы имеете право на защитительную речь или может быть вы желаете соединить вашу защитительную речь с последним словом?

Бессонов. Да.

Председательствующий. Подсудимый Гринько.

Гринько. Я отказываюсь от защитительной речи, соединю ее с последним словом.

Председательствующий. Подсудимый Чернов.

Чернов. Отказываюсь от защитительной речи. Все скажу в последнем слове.

Председательствующий. Подсудимый Иванов.

Иванов. Отказываюсь, буду защищаться в последнем слове.

Председательствующий. Подсудимый Крестинский, желаете воспользоваться правом защитительной речи?

Крестинский. Нет, только последним словом.

Председательствующий. Подсудимый Зубарев.

Зубарев. Отказываюсь от защитительной речи.

Председательствующий. Подсудимый Рыков.

Рыков. Скажу только последнее слово.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович.

Шарангович. Я не собираюсь защищать себя, поэтому отказываюсь от защитительной речи, буду говорить только в последнем слове.

Председательствующий. Подсудимый Ходжаев.

Ходжаев. Я также отказываюсь.

Председательствующий. Подсудимый Зеленский.

Зеленский. Отказываюсь.

Председательствующий. Подсудимый Икрамов, желаете воспользоваться правом защитительной речи?

Икрамов. Отказываюсь.

Председательствующий. Подсудимый Раковский.

Раковский. От защитительной речи я отказываюсь, использую только последнее слово.

Председательствующий. Подсудимый Розенгольц, желаете воспользоваться правом защитительной речи?

Розенгольц. Нет. Воспользуюсь только последним словом.

Председательствующий. Подсудимый Бухарин.

Бухарин. Я отказываюсь от особой речи, защитительной, а защиту по некоторым пунктам обвинения соединю с последним словом.

Председательствующий. Подсудимый Буланов.

Буланов. Воспользуюсь только последним словом.

Председательствующий. Подсудимый Ягода.

Ягода. Только последнее слово.

Председательствующий. Подсудимый Крючков.

Крючков. Только последнее слово.

Председательствующий. Подсудимый Максимов-Диковский.

Максимов-Диковский. Использую последнее слово.

Председательствующий. Таким образом, переходим к последним словам.

Подсудимый Бессонов, имеете последнее слово.

Бессонов. Граждане судьи! Вместе с другими обвиняемыми я отвечаю здесь перед пролетарским судом за тягчайшие государственные преступления, совершенные «право-троцкистским блоком» и лично мною, как его активным участником. Самым страшным, всеобъемлющим из этих преступлений является измена родине, в которой повинен я. Я был посредником и участником преступных переговоров «право-троцкистского блока» с фашистскими кругами Германии. В этих переговорах нашло себе завершение давно начавшееся преступное сотрудничество «право-троцкистского блока» с зарубежной фашистской агентурой, сотрудничество, имевшее целью подрыв военной и хозяйственной мощи СССР, ускорение фашистского нападения на страну победившего социализма.

В этих переговорах поджигатели войны с обеих сторон выработали чудовищную линию на поражение СССР, намечали план громадных территориальных уступок неприятелю.

Суровая рука пролетарского правосудия во-время вскрыла страшный гнойник измены и предательства, разоблачила чудовищный заговор и поставила его участников, в том числе и меня, перед беспощадной ответственностью советского закона.

Я был также посредником и участником в преступной связи

«право-троцкистского блока» с белоэмигрантской частью, так называемой «трудовой крестьянской партией». Лишенные какой бы то ни было опоры внутри страны, подгоняемые своими хозяевами-фашистами, руководители «право-троцкистского блока» пытались собрать под свое крыло всю агентуру фашизма внутри СССР, в том числе и так называемую «трудовую крестьянскую партию». И этой жалкой попытке пролетарское правосудие нанесло сокрушительный удар.

Не все преступления «право-троцкистского блока», в которых повинен и лично я, смогли быть предотвращены правосудием: осуществление злодейского замысла над уничтожением великого писателя рабочего класса, предательское умерщвление некоторых выдающихся деятелей Советской страны. Но помимо тех преступлений, о которых говорилось в обвинительном заключении и в речи гражданина государственного обвинителя, я должен признаться еще в одном преступлении перед пролетарским правосудием, о котором на процессе не говорилось.

За год, прошедший со времени моего ареста, я уже раз стоял перед пролетарским судом, скрыв от него те факты своей антисоветской деятельности, в которых я обвинялся на настоящем процессе.

Я был арестован 28 февраля прошлого года. 5½ месяцев продолжалось следствие по моему первому делу. Органами НКВД был собран обширный материал, допрошено было большое количество свидетелей, устроен был ряд очных ставок, собраны были отзывы обо мне, о моих связях со всех мест моей работы. Проверено было все. Год прошел, и что же?

Воспользовавшись тем, что данные на меня показания лицами, не участвующими на настоящем процессе, не отображали полностью действительности, я упорно отрицал основное из предъявленных мне обвинений, а именно свою принадлежность к нелегальной антисоветской организации.

13 августа прошлого года я предстал перед Военной Коллегией Верховного Суда, заседавшей почти в том же составе, что и на настоящем процессе, но в закрытом заседании, с применением закона от 1 декабря 1934 года. Военная Коллегия подвергла внимательному разбору все предъявленные мне обвинения. Я получил возможность развернутого объяснения по всем поставленным передо мной вопросам. Однако я и на суде продолжал ту же тактику запирательства, которую я усвоил на следствии. После основательного разбора дела Военная Коллегия не признала возможным ни оправдать меня, ни судить, она направила мое дело на дальнейшее расследование.

Прошло еще 4½ месяца. За это время органами НКВД было прощупано несколько нитей, могущих повести к раскрытию моей нелегальной антисоветской деятельности. И только в конце прошлого года впервые была нащупана нить, ведшая от Крестинского ко мне. 28 октября прошлого года, ровно через 10 месяцев после моего ареста, мне предъявили часть показаний Крестинского, который разоблачал меня как связиста «право-троцкистского блока» с заграницей и Троцким. Так как Крестинский после Пята-

кова был единственным человеком, который знал все о моей антисоветской деятельности, я не имел уже сил и не пытался оставаться на прежней своей позиции запирательства, я попросил лишь несколько дней на размышления, которые мне были даны. Передо мной стоял выбор — либо продолжать свою прежнюю тактику запирательства с неизмеримо меньшими шансами на успех, ввиду того, что следствие располагало гораздо большими данными в отношении моей антисоветской деятельности и стояло на безошибочно правильном пути, либо чистосердечно рассказать следствию все, что я знал.

Лишь 30 декабря прошлого года я заявил следствию, что порываю решительно и полностью со своим преступным прошлым и начинаю давать показания чистосердечно и до конца. Я не вилял и не запирался. Разрыв с преступным прошлым — и я это очень отчетливо понимал — мог быть только в одной единственной форме, в форме полных, развернутых, чистосердечных показаний. Я показал решительно все, что знал, и о тех фактах, которые полностью или частично были известны следствию, и о фактах, которые следствию не были известны. Я упоминаю об этом обстоятельстве не потому, что хочу видеть в нем какое-нибудь смягчающее вину обстоятельство, а только для того, чтобы завершить этим штрихом картину десятимесячной бесплодной борьбы с пролетарским правосудием, борьбы, которая имеет печальное преимущество стоять особняком по своей длительности даже на настоящем процессе.

Граждане судьи! Высокие слова неуместны и малоубедительны в устах человека, обвиняемого, подобно мне, в тягчайших государственных преступлениях. Поздно бить себя кулаком в грудь и, повторяя слова гражданина государственного обвинителя, обличать свои собственные преступления. Но одного обстоятельства я не могу не коснуться. Не потому, что я вижу в нем смягчение своей громадной вины, а потому, что оно одно только и дало мне силы воспользоваться правом последнего слова подсудимого. Моя преступная деятельность протекала в условиях заграничной работы. Длительная оторванность от советской действительности объясняет в значительной степени и это мое схождение на преступный путь. Более чем 6-летнее пребывание в обстановке непосредственного капиталистического окружения гибельно отозвалось на моем политическом поведении.

Но в этом факте заграничного пребывания есть и другая сторона, которой я хотел бы коснуться в двух словах. Если бы я был последовательным изменником родине, ничто не мешало бы мне, казалось, остаться по ту сторону границы, в особенности после январского процесса 1937 года, когда был разоблачен и осужден Пятаков — непосредственный руководитель моей преступной работы, относительно возможных показаний которого против меня я мог строить самые мрачные предположения, и, тем не менее, по первому зову в феврале 1937 года я явился в Москву отвечать перед родиной. И вот эта, на первый взгляд, необъяснимая непоследовательность, которая погнала меня на родину, в то время, как преступная логика, казалось, должна была диктовать

мне обратное, — она и дает мне право сказать сейчас: каков бы ни был приговор пролетарского суда, это будет приговор суда моей родины, и я безропотно приму его.

Председательствующий. Подсудимый Гринько, вам предоставляется последнее слово.

Гринько. Я взял последнее слово не для того, чтобы защищать себя перед Верховным Судом. Мне нечего сказать в свою защиту. Я воспользуюсь этим словом и не для того, чтобы просить о смягчении приговора. Я не имею права на смягчение приговора. Я целиком и полностью согласен с той квалификацией и политической оценкой как наших общих преступлений, так и моих преступлений в частности, которая дана в речи Прокурора СССР. Да, дело так и обстоит.

Я стою перед Верховным Судом как изменник родине, как активный участник право-троцкистского заговора против победившего в СССР социализма, как союзник и агент капитализма в его смертельной борьбе против социализма, как государственный преступник, приложивший свою руку к подготовке провокации войны, расчленения СССР в пользу фашизма, приложивший свою руку к подготовке убийства лучших людей нашей страны и к насильственному свержению социалистического государственного и общественного строя в СССР.

Нечего прибавить к этому списку злодеяний. Для меня, как, очевидно, и для некоторых других обвиняемых, многие факты и злодеяния «право-троцкистского блока» впервые стали известны на самом суде. Но я обязан вам прямо сказать, что самые чудовищные из этих фактов — изложенные Ягодой чудовищные убийства лучших людей нашей страны, факты, неизвестные мне ранее, — не удивили меня, ибо я узнавал в них лицо и дела право-троцкистского заговора; я узнавал в них установки «право-троцкистского блока» и его лидеров. Наши бывшие лидеры лучше бы сделали, если бы на суде совсем не пытались в какой бы то ни было мере смягчить свою непосредственную ответственность за все эти дела. Никому из нас не уйти и не надо уходить от этой ответственности.

Я, как и некоторые другие обвиняемые, стою перед судом как прямой агент и шпион фашистских государств и их разведок, как прямой союзник фашизма в его борьбе против СССР.

Но не фашизм сделал меня таким. Фашизм подобрал в свою пользу готовые плоды многолетней борьбы троцкистов и правых против партии и Советской власти. Троцкому и Бухарину обязан я той, с позволения сказать, «идеологией» и той школой чудовищного двурушничества, которые привели всех нас к прямому фашизму.

Я стою перед судом, как украинский буржуазный националист и одновременно как участник «право-троцкистского блока». Это — не случайное сочетание. Ловля буржуазных националистов и политическое растление неустойчивых политических элементов в национальных республиках является давнишней, упорно проводимой тактикой троцкистов и правых.

По преступному, изменническому пути пришла украинская национал-фашистская организация в состав объединенных в «право-троцкистском блоке» сил контрреволюции. Эта украинская национал-фашистская организация действовала одновременно и по заданиям «право-троцкистского блока» и по заданиям фашистских разведок.

Мои тягчайшие преступления, как участника право-троцкистского заговора, в огромной мере отягчаются следующими обстоятельствами.

Во-первых, как один из организаторов украинской национал-фашистской организации, я действовал, в частности, на Украине, то есть у главных ворот, через которые немецкий фашизм подготавливает свой удар против СССР.

По заданиям «право-троцкистского блока» и немецкой разведки украинская национал-фашистская организация, и я в том числе, вела огромную работу по подрыву западной границы СССР. И, мне кажется, только нежеланием сказать полную правду суду объясняется то, что и Рыков, и Бухарин, признавая персональную связь со мною, как участником право-троцкистского заговора, отнекиваются от связи через меня с украинской национал-фашистской организацией, которая была крупной картой в антисоветской борьбе «право-троцкистского блока».

Эта украинская национал-фашистская организация — Любченко, Порайко и другие — завершает собой длинную, с самого начала революции тянущуюся цепь преступлений различных фракций украинского буржуазного национализма против украинского народа.

Прокурор СССР был прав, когда сказал, что под руководством большевистской партии и Советской власти на путях ленинско-сталинской национальной политики украинский народ поднят на такую высоту, которой он никогда не имел в своей истории. Большевистская партия и Советская власть создали украинское государство, сделали Украину богатейшей индустриальной и колхозной страной, подняли на небывалую высоту национальную культуру Украины. И вот та украинская национал-фашистская организация, представлять которую перед судом я имею печальную участь, пользуясь фальшивыми лозунгами национальной «независимости», вела украинский народ в ярмо немецких фашистов и польской шляхты.

Вторым обстоятельством, которое отягощает мою вину участника право-троцкистского заговора, является то, что я в течение больше чем двух лет знал о заговоре в Красной Армии, был лично связан с рядом крупнейших военных заговорщиков, осуществлявших подрыв оборонной мощи и подготовку поражения СССР. Я знал и связан был с людьми как по украинской организации, так и по Красной Армии, которые подготовляли то открытие фронта, о котором шла речь на этом процессе.

Третье обстоятельство, которое отягощает мою вину перед народами СССР, это то, что я в течение нескольких месяцев знал не только общие террористические установки право-троцкистского центра, но и тот факт, что две террористические груп-

пы изо дня в день вели слежку за Сталиным и Ежовым с целью убить их. Иными словами, я поднял свою руку на Сталина, которого, как гения освобожденного человечества, чтят трудящиеся всего мира, и на Ежова, в лице которого воплощена великая целеустремленность партии по разгрому врагов СССР.

Наконец, моя вина отягощается тем высоким положением, тем высоким постом, который я занимал, и тем доверием, которым я пользовался у ЦК и у Сталина.

Из мелкобуржуазного болота подняла меня партия, дала мне высокий государственный пост, высокое общественное положение, доверило мне государственные тайны и контроль над государственными средствами СССР. Я предал эти тайны. Я допустил, я содействовал использованию государственных средств, народных средств СССР на финансирование неслыханного заговора против народов СССР.

Я помню один момент в моей жизни, когда в 1933 году была разгромлена украинская националистическая организация и некоторые ближайшие мои дружки были арестованы, я был серьезно скомпрометирован своей личной связью с ними. Моя партийная организация отшатнулась от меня. Я был одинок и изолирован. И я написал тогда личное письмо Сталину об этом. Я в тот же день, в тот же вечер по телефону получил от руководства ЦК самое теплое, товарищеское ободрение, поддержку, успокоение. А через несколько месяцев после этого я получил такое доверие, о котором только может мечтать член партии. Я был избран в состав ЦК ВКП(б).

И на все это я ответил изменой, черной, как ночь, и партии, и родине, и Сталину.

И вот в этих условиях, граждане судьи, мне нужно сказать вам о своем раскаянии. Я очень хорошо понимаю, каким презрением каждый советский человек встретит слова раскаяния в моих устах. И все же я должен это сказать, ибо это соответствует действительности, ибо мне больше некому об этом сказать. В том положении, в котором я нахожусь, был только один способ — на деле доказать свое раскаяние — это раскрыть перед следствием и судом все факты заговора и всех известных мне участников заговора. Я это сделал до конца. Я в своих показаниях не щадил себя, не щадил никого из своих соумышленников. Я назвал все факты и всех заговорщиков, мне известных. Я должен покаяться, что я сделал это не сразу, но разве можно было сразу сломать в себе инерцию многолетней, упорной и опасной подпольной борьбы против Советской власти, подавить чувство дружбы соучастников, выжечь язву двурушничества, подавить чувство стыда? Словом, разве можно было сразу вынести на свет свою душу предателя, какой свет не видал? Но я это сделал до конца, и суд имел возможность это проверить.

В моем положении есть и другая форма выражения раскаяния. К сожалению, она недоступна для непосредственной проверки суда, но тем не менее, она от этого не перестает существовать. Я говорю о своем внутреннем удовлетворении. Я смею сказать о моей радости по поводу того, что наш злодейский заговор

раскрыт и предотвращены те неслыханные беды, которые мы готовили и отчасти осуществили против СССР. Обновленный Наркомвнудел добил право-троцкистский заговор в его последнем убежище. И я этому рад.

Самый тяжелый приговор — высшую меру наказания — я приму как должное. У меня только есть одно желание: последние остатки моих дней или часов, как бы мало их ни было, я хочу прожить и умереть не как враг, находящийся в плену у Советской власти, а как совершивший тягчайшую измену родине, жестоко ею за это наказанный, но раскаявшийся гражданин СССР.

Председательствующий. Подсудимый Чернов, вам предоставляется последнее слово.

Чернов. Граждане судьи! Я воспользовался предоставленным мне правом последнего слова подсудимого не для того, чтобы защищать или оправдывать себя. Тягчайшие преступления, совершенные мною перед великой Советской страной, не могут быть ни оправданы, ни защищены.

Я изменник социалистической родины. Я продавал интересы родины врагу рабочего класса и всего человечества — фашизму. Я шпион германской разведки, активный участник контрреволюционной организации правых, организации вредительства и диверсий, активный участник «право-троцкистского блока», ставившего себе целью свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии. Я активный участник блока, который для достижения цели восстановления капитализма шел на неслыханно чудовищные преступления и использовал для этой цели весь арсенал бандитов.

Совершенные мною преступления, повторяю, не могут быть ни защищены, ни оправданы. Они заслуживают самого сурового наказания.

Как я, которому партия оказала величайшее доверие, мог изменить партии и родине и стать шпионом германской разведки и членом контрреволюционной организации?

Как я уже показывал на суде, я в течение длительного времени был меньшевиком, и не рядовым членом меньшевистской партии, а руководителем одной из ее организаций, Иваново-Вознесенской. Я был достаточно образован и политически развит, чтобы принять меньшевизм и бороться за его программу защиты капитализма совершенно сознательно.

Я вошел в Коммунистическую партию уже тогда, когда силы внутренней контрреволюции были разгромлены и рабочий класс под руководством большевиков вышел из гражданской войны победителем.

Время моего вступления в Коммунистическую партию совпадало с периодом начала нэпа, который я расценивал не так, как принимали его настоящие большевики, а по-своему, по-меньшевистски. Поэтому, когда партия перешла от политики ограничения кулачества и капиталистических элементов в городе к поли-

тике наступления и разгрома их, моя меньшевистская сущность с такой политикой не могла примириться, и я стал искать среди антисоветских группировок в партии тех единомышленников, взгляды которых отвечали моему меньшевизму и практические цели которых означали бы борьбу за свержение Советской власти и за восстановление капитализма.

Я нашел этих единомышленников в контрреволюционной организации правых. Взгляды и практические цели этой организации целиком и полностью совпадали с моими меньшевистскими взглядами. Я был тогда в 1928 году еще небольшим человеком в партии. Я этим отнюдь не хочу умалить свою вину и смягчить свои преступления. Мои преступления безмерны и чудовищны. Во главе контрреволюционной организации правых стояли такие люди как Рыков, Бухарин, Томский, и что они пришли к цели свержения Советской власти и восстановления капитализма, то есть пришли к меньшевизму, укрепляло меня в моих меньшевистских позициях. Это сыграло свою роль в моем вступлении в контрреволюционную организацию правых.

В моем вступлении на путь немецкого шпионажа сыграл крупную роль Дан. Он при встречах со мной аргументировал необходимость борьбы правых против Советской власти и оказания помощи капиталистическим государствам в их борьбе за то же, то есть за свержение Советской власти. То, что сам Дан, как я потом убедился, является агентом германской разведки, имело крупное значение при даче мною согласия стать немецким шпионом. К числу причин, приведших меня к шпионажу, надо отнести и мою моральную неустойчивость — пьянство.

Вернувшись из Германии в Советский Союз, я обязан был не только как член партии, а как гражданин Советского Союза рассказать об установлении преступной связи с немецкой разведкой. Я восстановил бы себя тогда в рядах честных граждан. Я этого не сделал. Я предпочел оставаться изменником родине. Я в течение 1929 года через Пауля Шефера и в последующий период до своего ареста через Райвида обслуживал немецкую разведку и помогал ей бороться за расчленение Советского Союза, за поражение последнего в войне.

Поручения, которые я получал от немецкой разведки — вредительство и диверсии, совпадали с указаниями, которые я получал через Рыкова, от центра своей контрреволюционной организации правых. Те и другие, по существу, ничем друг от друга не отличались. Те и другие действовали в одном направлении — подорвать экономическую мощь и обороноспособность Советского Союза и тем обеспечить поражение в войне, свержение Советской власти и восстановление капитализма.

Это совпадение целей и практических указаний немецкой разведки и центра правых послужило для меня лишним доводом в пользу того, что шпионскую работу надо продолжать, вредительство и диверсии надо организовывать.

За время моей преступной деятельности, как активного участника контрреволюционной организации правых и как немецкого шпиона, мною проведена чудовищная по своему характеру

и большая по своим размерам вредительская и диверсионная работа. Я о ней подробно показывал на предварительном следствии и рассказывал на суде.

Партия оказала мне величайшее доверие, поставив меня во главе Народного Комиссариата Земледелия. Я же это доверие использовал против партии, использовал против родины. Я выполнял не директивы партии по укреплению колхозного строя, по развитию мощи колхозов, по росту зажиточности колхозников, — я выполнял директивы центра контрреволюционной организации правых и германской разведки по разрушению колхозного строя, по подрыву колхозов. Рыков здесь пытался отрицать дачу мне указаний об организации вредительства в сельском хозяйстве. Я напоминаю об этом опять-таки не для того, чтобы умалить свою вину и переложить ее на другого. Я исключительно делаю это ради установления истины.

Рыков хочет дело изобразить так, что он давал «идеологические установки» о проведении вредительства и не принимал участия в его организации. Это не верно. Или точнее — это полправды, а полправды уже ложь. Рыков от имени центра правых руководил параллельно с германской разведкой всей моей вредительской и диверсионной работой по сельскому хозяйству.

О своей преступной деятельности, как активный участник контрреволюционной организации, как немецкий шпион, я в первый же день своего ареста, на первом же допросе дал следователю искренние, правдивые показания.

Я также дал следователю показания о тех лицах, с которыми я был связан по своей контрреволюционной и шпионской работе. Свои показания я также искренне и правдиво изложил перед судом.

Что заставило меня дать правдивые показания тотчас же после своего ареста?

С 1937 года начался разгром контрреволюционной организации правых. Были арестованы главари организации — Рыков, Бухарин и другие, была разгромлена контрреволюционная организация правых в Наркомземе. Летом 1937 года был арестован резидент немецкой разведки вышеупомянутый Райвид. Все это заставляло меня задуматься над вопросом о том, может ли дать что-нибудь продолжение этой борьбы. Ответ мог быть только отрицательный. Сила Советского государства непобедима!

Что из себя представляла наша контрреволюционная организация? Это была шайка озверевших чиновников, она не имела никаких корней в народе. Ее базой были соглашения с фашистскими правительствами.

Советский народ вопреки всем нашим козням, козням контрреволюционеров, построил социализм и одержал невиданную победу. Сознание этой силы Советской власти и Советского государства и привело меня к тому, что я тотчас же после ареста сложил оружие и дал искренние, правдивые показания.

Преступления мои велики и чудовищны. Любое наказание, которое суд сочтет необходимым вынести мне, не может покрыть эти преступления.

Но я все-таки осмеливаюсь обратиться к суду и просить суд сохранить мне жизнь.

Если суд найдет возможным это сделать и жизнь мне будет оставлена, я все силы отдам на служение великому советскому народу.

Я не могу загладить своих преступлений — они слишком велики. Своей последующей честной работой я постараюсь загладить хотя бы одну небольшую частицу этих тягчайших преступлений перед родиной, перед великой Советской страной.

Председательствующий. Объявляю перерыв до 11 часов утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Утреннее заседание 12 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Заседание продолжается.

Последнее слово имеет подсудимый Иванов.

Иванов. Граждане судьи! В моем последнем слове я хочу сказать суду, что я со всей искренностью и до конца раскрыл историю преступной своей борьбы против партии и Советской власти, советского народа. Я ничего не утаил, ничего не спрятал ни в части моей контрреволюционной изменнической деятельности, ни в части деятельности «право-троцкистского блока», активным участником которого я был.

Я отказался от защитительного слова потому, что признаю полностью и больно чувствую свою тяжкую вину перед Советской страной, и мне нечего сказать в свою защиту.

Единственное, что меня поддерживало в эти тяжелые дни, в дни всенародного моего позора, это — мысль о том, что я, наконец, порвал с этим связывавшим меня проклятым и преступным моим прошлым, порвал бесповоротно, ушел от него.

Когда меня втянули в преступное дело провокации, я был мальчишкой, без всякого жизненного опыта и закалки. Перед лицом первого испытания я не выдержал, струсил, сделал первый шаг измены, затем пошел по наклонной, и меня засосала тина предательства, а у предательства своя логика, и его власть над собою я особенно сильно почувствовал после Октября. Было бы неправдой и ненужным преувеличением, если бы я сказал, что я совсем не сочувствовал Октябрьской революции, не принимал ее. Сила пролетарской партии, сила революции такова, что человек, близкий своим жизненным положением к рабочему классу, — а я был таковым, — испытывает ее воздействие даже в той роли, в которой я находился до победы рабочего класса. В период Октября я чувствовал и радость и страх: радость — вместе с победившими массами, страх — перед угрозой разоблачения. Я должен сказать, что у меня и тогда нехватило мужества притти и открыто заявить о своем предательстве. И то, что я этого не сделал, было, как это явствует из всей моей последующей истории, определяющим. Чем дальше шло время, тем больше я походил на человека, сброшенного в воду с грузом на ногах, человека, страстно желающего выплыть, в то время, как груз его тянет непрестанно на дно, и этим-то дном яви-

лись «левые коммунисты», а затем включение меня Бухариным в ряды организации правых.

Я считал, что с меня будет снята угроза разоблачения моей провокаторской деятельности лишь в том случае, если восстановится власть капитализма. Это постоянно толкало меня на поиски враждебных реставраторских сил для того, чтобы примкнуть к ним. Я искал людей, которые хотят того же, чего и я, хотят буржуазных порядков. Я искал и нашел этих людей в организации правых. Понятно, поэтому, что я сочувствовал всем действиям и выступлениям правых и Бухарина, имевшего со мной антисоветские связи, как лидер «левых коммунистов». Не стоило никакого труда привлечь меня в 1928 году в ряды организации правых. Все дальнейшее же развитие моей антисоветской деятельности шло уже под влиянием Бухарина, который переводил меня со ступеньки на ступеньку по пути преступления.

По заданию Бухарина я в 1928 году пытался организовать кулацкую повстанческую «вандею» на Северном Кавказе. В 1932 году, по его же установкам, я включился в восстание по свержению Советской власти на том же Северном Кавказе, где я в то время работал. В 1934 году он, Бухарин, говорит со мной о необходимости поражения в войне, о необходимости ориентироваться на агрессивные фашистские страны, в первую очередь— на Германию и Японию. В соответствии с этим, группа правых в Северном крае, под моим руководством, развертывает террористическую, диверсионную и шпионскую деятельность. После всего этого странно было слышать здесь заявление Бухарина о том, что он будто бы лишь «чистый теоретик» и занимается только проблематикой и «идеологией». Ломаного гроша, граждане судьи, не стоило бы мое разоружение и раскаяние, если бы я в последнем своем слове не выступил против этой вопиющей неправды. По-Бухарину получается, что в организации правых были чистые, в кавычках, теоретики, лидеры, не отвечающие за конкретные преступления, занимающиеся тонким, благородным, в кавычках, делом — идеологией, и, с другой стороны, были грязные практики, от которых вся порча, которые за все отвечают, которые-де и ставят перед Бухариным конкретные вопросы о терроре, вредительстве, диверсии и шпионаже, а он, мол, Бухарин, только лишь слушает и молчит.

Только в процессах контрреволюционеров возможна такая вещь, когда руководители переносят ответственность на практиков, уклоняясь от нее сами. Да, я делал чудовищные преступления, я за них отвечаю. Но я их делал вместе с Бухариным, и отвечать мы должны вместе. Впрочем, о какой идеологии может итти здесь речь? Ненависть к Советской власти и партии, клевета на ее руководство, — вот и вся наша идеология. Именно потому, что я несу, как активный участник, ответственность не только за свои действия, но и за деятельность всей организации правых, я, граждане судьи, должен твердо и ясно заявить: Бухарин здесь не все сказал, он скрыл многие нити и связи, пытался уклониться от ответственности за тяжкое свое преступле-

ние. Не идеологом был у нас Бухарин. Мы, заговорщики, в идеологах не нуждались. Бухарин был организатором правых заговорщиков, он подбирал и расставлял людей, давал задания и требовал отчета. Бухарин был инициатором практики террора, вредительства, диверсий и всей системы пораженческих мероприятий, он был основным руководителем шпионской деятельности и держал в своих руках концы решающих связей с разведками фашистских стран.

Так, и только так я его знаю, так я воспринимал его, как впрочем воспринимали его и все другие члены организации. Бухарин такими же приемами и методами руководил организацией правых, какими Троцкий руководил всем «право-троцкистским блоком».

Почему Бухарин не договаривает всей правды, — у меня возникает этот вопрос и он не может у меня не возникнуть, — когда мы перед народом несем ответственность за наши тягчайшие, невиданные в истории революционного рабочего движения преступления? Потому Бухарин не договаривает, я думаю, здесь всей правды, что он в течение всех лет революции боролся с ней и сегодня продолжает оставаться врагом, потому, что он хочет сохранить те остатки враждебных сил, которые еще прячутся в своих норах.

Я, как человек, хотя и не принадлежавший к центральному ядру руководства правых, но бывший активным заговорщиком и хорошо знающий Бухарина, считаю своей обязанностью здесь заявить: после краха наших расчетов на кулацкое восстание, единственной нашей надеждой остались упования на поражение Советского Союза в войне. В своих показаниях мне не удалось достаточно выпукло выявить, как глубоко вошло пораженчество в плоть и кровь нашей организации. Нужно подчеркнуть, что мы, члены «право-троцкистского блока», срослись с мыслью о пораженчестве так же крепко, как и с двурушничеством, пораженчество, так же как и двурушничество, вошло буквально в психологию каждого из нас. Где бы я ни встречался с членом нашей организации, непременно заводились разговоры о том, что непременно война начнется в ближайшее время, что подготавливаемый нами разгром Советского Союза в корне изменит наше положение. Я хотел войны, ждал ее. Я помню, что всякие дипломатические успехи Советского Союза, отодвигающие войну, всякие успехи единого фронта в борьбе с фашизмом и войной вызывали у нас у всех уныние и подавленность.

Нужно потерять последние остатки совести, чтобы отрицать нашу ставку на пораженчество и установку фашистской диктатуры.

По вопросу о пораженчестве вспоминаю еще одну характерную подробность, как разговор с Бухариным в 1936 году. Бухарин, утверждая необходимость рядом диверсионных и террористических ударов сорвать оборону страны, говорил о том, что правые в Северном крае очень лениво готовят повстанческие кадры и приводил следующее. Конечно, за помощь придется заплатить уступками окраин. Даром не дают, не помогают. Но в

конце концов необязательно России быть одной шестой частью мира; она может быть и одной десятой. Ведь не в этом главное,— говорил Бухарин,— и этого не понимают лишь люди, боящиеся страшных слов.

Я не утаиваю правды, я не щажу себя. Я также не могу уклониться от правды, чтобы щадить своих сообщников. Я был пораженцем и шпионом, и таким также был и мой руководитель Бухарин.

Чтобы стало понятно состояние мое ко времени ареста, я хочу еще сказать несколько слов о той отравляющей, удушливой атмосфере, которая царила в нашем контрреволюционном подполье.

К массам трудящихся мы, люди подполья, относились трусливо, злобно. Мы, заговорщики, издевались над честными людьми, старались под всякими предлогами затащить честного человека в наше болото, мы двурушничали. Каждого новичка мы старались толкнуть на какой-либо акт вредительства, чтобы взять его затем под свое влияние под страхом его разоблачения. При вербовке кадров мы широко использовали различного рода провокации. Этих новичков заговорщики держали в своих руках.

Как я уже говорил в своем показании, у меня немало было моментов, когда на сердце, что называется, кошки скребли, и настойчиво билась мысль — пойти, рассказать об организации правых, но я этого не сделал.

Мне особенно тяжело перед народом, перед широкими массами, что я стал изменником родины, стал предателем. Но я должен сказать, что теперь я все рассказал суду о своих преступлениях. Когда я начинаю анализировать свои преступления и хочу найти смягчающее обстоятельство для себя, то среди этих гнусных преступлений я не нахожу ничего смягчающего. Только после ареста я почувствовал, что мне стало легче, что действительно я покончил со своими гнусными делами. Я почувствовал, что путь у меня теперь один до конца. Я почувствовал, что я сейчас остался один, а против меня весь народ.

Я не мог больше бороться. Мне стало ясно, что мы очутились перед крахом, что моя борьба с Советской властью закончена, и мне стало очевидно, что продолжать борьбу невозможно. Вот почему я на следствии и на суде рассказал всю правду без утайки. Я рассказал все и до конца. Я сейчас нахожусь в таком положении, когда на мне лежит тяжеловесное преступление: измена, предательство, террор.

Мне сейчас стало гораздо легче, так как я полностью раскрыл свои преступления.

Граждане судьи! Я испытываю сейчас по отношению к приговору двойное чувство: тяжело продолжать жить, когда ты прошел черную зловонную яму. Когда я думал, нет ли чего-либо смягчающего мою вину, нет ли такого преступления, о котором я мог бы сказать, что этого я не делал, то этого я не нашел.

Мои преступления сводились к провокации, к активному участию в «право-троцкистском блоке», измене родине, вредительству, диверсиям, повстанчеству. С таким послужным списком

трудно жить. Но, с другой стороны, живет во мне обратное чувство. Граждане судьи! Я должен сказать, что я приму самый тяжелый приговор, но мне невыразимо тяжело умирать тогда, когда я наконец очистился от всей этой грязи, мерзости. Если мне дадут возможность доказать свою преданность, то я буду честно и преданно работать на пользу народа.

Я прошу советский суд дать мне эту возможность, я прошу пощады у Советской власти.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Крестинский.

Крестинский. Граждане судьи! На скамье подсудимых я один из старейших по стажу активных участников в политической жизни. Я начал мою революционную деятельность 18-летним юношей — в 1901 году, и в течение 20 лет, до 1921 года, то есть до момента, когда я вместе с Троцким начал свою борьбу против партии и Советской власти, приведшую меня в конце концов на скамью подсудимых, я вел честную большевистскую работу.

Во время предварительного следствия и на судебном следствии я ни одним словом не обмолвился об этом, не осветил в моей жизни период революционной борьбы потому, что я считаю, что на скамье подсудимых я должен держать ответ за свои контрреволюционные дела, а не раскаиваться.

И только в последнем слове я нахожу возможным, прежде чем перейти к изложению и суровой оценке своих чудовищных преступлений, вкратце остановиться и на этих моментах моей жизни, так как задача последнего слова — дать суду полное представление о преступнике, в том числе и о том времени, когда он еще не совершал преступных деяний.

Первый этап моей революционной работы (1901—1906 годы) связан с первой революцией 1905 года. Эти годы я частично провел в Петербурге и, главным образом, в Северо-Западном крае. Я, будучи одним из руководящих работников края, работал почти во всех городах Северо-Западного края, подвергался неоднократно арестам в Петербурге и разных краях, высылался и к концу 1906 года не мог оставаться в этом районе, где нелегальная работа была для меня закрыта.

Я перебираюсь в Петербург, где устанавливаю связь с Лениным, Надеждой Константиновной Крупской и Михаилом Ивановичем Калининым, который работал в Василеостровской организации и профсоюзах. Я в этот период работаю в «Звезде» и «Правде». Работая здесь, я имел постоянное руководство со стороны Сталина, руководство Ленина, который, почти ежедневно, присылал свои статьи и письма в «Правду». Я участвовал в избирательной борьбе; был выставлен в IV Государственную думу. Я руководил страховой работой, наконец, работал в IV Государственной думе, в большевистской фракции думы, являвшейся фактическим русским бюро ЦК. Ко мне предъявлялись повышенные требования, и я рос на этой работе. В это время Ленин сидел в австрийской тюрьме, Сталин и Свердлов были в туруханской ссылке. В период войны мы определили свою позицию как

пораженцы, как сторонники превращения империалистической войны в войну гражданскую. Я был на Урале, потом в Свердловске, потом в глухом городке Кунгур.

В марте месяце на происходящем совещании большевиков, руководимом Сталиным, я целиком и полностью поддерживаю Сталина в его борьбе против всех колебаний и шатаний. В 1917 году я перевожусь на Урал, руковожу там работой. В 1918 году перебрасываюсь в центр и после мятежа «левых» эсеров становлюсь народным комиссаром финансов. Потом, после смерти Свердлова я назначаюсь секретарем ЦК. Я был организационным помощником Ленина. Через меня проходила ежедневная текущая работа ЦК.

По всем основным экономическим и политическим вопросам периода гражданской войны я разделял политическую линию Ленина и Сталина и полностью и целиком поддерживал их.

Мое политическое сближение с Троцким, приведшее меня к активной враждебной работе против советского строя, произошло при следующих обстоятельствах.

Перед X съездом партии я принял участие в профсоюзной дискуссии на стороне так называемой цектрановской, троцкистской оппозиции в качестве одного из ее руководителей. В отличие от Троцкого, я рассматривал разногласия по этому вопросу как временные, преходящие разногласия по одному определенному тактическому вопросу. Я полагал, что после съезда я смогу лойяльно продолжать свою партийную работу. Действительно, состоялось решение ЦК о том, что я после отпуска, согласно своему желанию, отправляюсь на Урал в состав Уральского бюро ЦК для партийной работы на Урале. Но когда во время моего нахождения в отпуску в Германии вопрос был перерешен и состоялось постановление о назначении меня полпредом в Германию, Троцкий, по моем возвращении осенью в Москву, стал нашептывать мне, что я, человек, не знающий заграницы, не знающий иностранных языков, не подхожу для дипломатической работы, и мое назначение вызвано отнюдь не деловыми соображениями, а желанием не подпустить меня к партийной работе, и что я уже не смогу нормальным путем снова попасть на руководящую партийную работу.

В 1921 году я принял предложение Троцкого включиться в нелегальную троцкистскую работу, которую он тогда начинал, формируя силы и кадры для последующих открытых выступлений.

Тут же было образовано бюро, состоявшее из Троцкого, Серебрякова, Преображенского, Пятакова и меня. Это было в октябре 1921 года. С этого момента начинается моя нелегальная борьба против партии.

Весной 1922 года, когда я приехал на XI съезд партии, Троцкий поднял вопрос о денежных средствах на внутрипартийную борьбу, на борьбу против ЦК, которая представлялась ему затяжной и острой. Присутствовавший при этом Виктор Копп предложил попытаться получить деньги из германского рейхсвера. Это предложение вызвало сначала некоторое колебание с моей стороны, но потом я принял это предложение и сыграл актив-

ную роль в заключении изменнического соглашения с немцами.

К концу 1923 года происходит открытое нападение троцкистов на партию. Поражение, которое потерпели мы, троцкисты, только усилило наше озлобление и обострило борьбу.

В 1926—1927 годах троцкисты предпринимают ряд вылазок против Центрального Комитета. Одновременно начинается троцкистская борьба и в западных компартиях. Рейхсвер, воспользовавшись этим моментом, предлагает нам не только усилить нашу шпионскую деятельность, но и дать некоторые политические обещания о последующих экономических концессионных уступках на Украине, в случае, если мы придем к власти. Троцкий и мы, боясь в момент острой борьбы лишиться источника средств, даем согласие и идем на углубление этого изменнического соглашения.

В конце 1927 года Троцкий бросает на борьбу все свои силы, но терпит сокрушительное и окончательное поражение. Троцкисты исключены из партии. Большая часть руководителей их отправлена в ссылку. Массы против нас, открытая борьба не сулит нам никакого успеха. Троцкий в связи с этим дает указание всем исключенным и находящимся в ссылке возвращаться в партию, подавая двурушнические заявления об отказе от своих взглядов. Одновременно он дает указание—восстанавливать нелегальную троцкистскую организацию, которая должна носить уже чисто заговорщический характер.

Методы ее борьбы — подготовка вооруженного переворота. Средства для достижения этой цели — террор, вредительство, диверсии.

Параллельно с изменением тактических установок идет и изменение программы. Мы всегда считали невозможным построение социализма в одном СССР, поскольку в других странах сохранялся буржуазно-капиталистический строй, а в некоторых пришли к власти фашисты. Мы считали необходимым перейти на допущение в стране капиталистических отношений, а затем, по мере углубления наших связей с иностранной буржуазией, мы на этом пути дошли до прямого буржуазного реставраторства.

Во время свидания в Мексике, в октябре 1933 года, Троцкий изложил мне в развернутом виде буржуазно-реставраторскую программу нашей заговорщической организации и программу свержения существующего в стране социалистического общественного строя с применением для этой цели террора, вредительства и диверсии и с последующим расчленением Советского Союза с отделением от него Украины и Приморья.

Я принял эту предложенную Троцким программу, согласился и с новыми методами борьбы, и с этой минуты несу полную политическую и уголовную ответственность за все эти методы борьбы.

В феврале 1935 года Пятаков сообщил мне, что между нами, троцкистами, правыми и военной группой Тухачевского состоялось соглашение о совместном совершении вооруженного переворота. С этого момента я несу ответственность не только за

действия троцкистов, но и за действия правых и за действия военных заговорщиков.

Я не могу, однако, не сказать, что моя личная контрреволюционная работа до начала 1937 года носила строго ограниченный характер и сводилась, во-первых, к установлению и поддержанию нелегальных связей между троцкистским центром в СССР в лице Пятакова и Троцким, находящимся за границей, во-вторых, в осуществлении нашего изменнического соглашения с рейхсвером до конца 1930 года, а с конца 1935 года — к подбору кадров для правительственного аппарата, который должен был притти к власти в результате контрреволюционного переворота. По этой своей контрреволюционной работе я был связан с Пятаковым, как руководителем троцкистского центра, с Розенгольцем, который вел ту же работу, с Рудзутаком — представителем центра правых, и с Тухачевским, как руководителем военной заговорщической организации.

Я останавливаюсь на этом ограниченном характере моей личной контрреволюционной деятельности не потому, что хочу снять с себя ответственность за террор, за вредительство, за диверсии, за непосредственную подготовку вооруженного выступления. Я уже сказал, что с конца 1933 года, а затем с конца 1935 года я несу ответственность за все эти виды контрреволюционной работы. Но для установления степени моей личной ответственности, как указал это и гражданин Прокурор, имеет значение, какие контрреволюционные действия совершил я сам и о каких контрреволюционных актах, совершенных другими участниками заговора, я знал.

Поэтому я считаю необходимым подчеркнуть, это суду известно из актов предварительного и судебного следствия, что до начала 1937 года я не принадлежал к числу руководителей ни троцкистской организации, ни право-троцкистского центра. И только с февраля 1937 года, когда я, Розенгольц и Гамарник взяли на себя объединение всей троцкистской нелегальной работы, и когда мы с Розенгольцем вошли в состав центра «право-троцкистского блока», я стал непосредственно заниматься и подготовкой вооруженного переворота и связался с работой по организации террористических актов.

Я считаю необходимым подчеркнуть, что о террористических актах, перечисленных во II разделе обвинительного заключения, я не имел ни малейшего представления и узнал о них лишь когда мне была вручена копия обвинительного заключения.

Дальше я считаю своим долгом сообщить суду, хотя это не уменьшает, а скорее увеличивает мою ответственность, что у меня за последние два года перед моим арестом неоднократно возникало сомнение в правильности того контрреволюционного преступного пути, по которому я шел вместе с другими троцкистами. Я стоял в центре правительственной работы и не мог не видеть, как увеличивались мощь и богатство в Советском Союзе, как росло благосостояние трудящихся и какой огромный культурный подъем происходил в нашей стране.

После ареста Пятакова и Радека и провала троцкистской

организации, я чувствовал, что нужен конец: или пойти и рассказать о своей преступной деятельности, или ускорить переворот. Я скатился к этому последнему, пошел на преступление. Это, конечно, соответствовало и настояниям Тухачевского и Троцкого, и я начал усиленно осуществлять и подготовлять переворот в самом ближайшем будущем.

И только после ареста я подвел критические итоги моей контрреволюционной деятельности. Я убедился в призрачности наших надежд и ощутил всю безнадежность и всю преступность нашей борьбы. Я сделал из этого вывод и сейчас же на первом допросе рассказал следственным органам то, что наиболее тяготило меня последние 15 лет, что было самым тяжелым и позорным фактом в моей жизни, — это о моей связи с германской военной разведкой. Но я не сделал тогда еще всех выводов до конца. Я не рассказал всего, я не раскрыл троцкистской организации, не рассказал о своей преступной деятельности, не назвал всех сообщников. Я это сделал не потому, что хотел дать организации возможность продолжать ее контрреволюционную борьбу. Наоборот, если бы я считал, что организация не разбита, что могут еще последовать террористические или диверсионные акты, я бы рассказал сейчас же обо всем этом, потому что я осознал в первые же дни ареста всю преступность нашей борьбы, но я считал, что организация разбита, разгромлена, что она не способна больше к действию и что речь идет поэтому о разоблачении позорной прошлой деятельности той организации, с которой я был связан 15 лет, и о том, чтобы назвать моих сообщников — людей, уже разбитых, фактически не опасных. Старые навыки мысли, старые личные связи помешали мне тогда сделать это, и потребовалось еще четыре месяца, во время которых я осознал и перестрадал свою преступную деятельность, для того, чтобы я подробно рассказал следствию о всей своей контрреволюционной работе, о работе организации, с которой я был связан, и назвал своих сообщников. Конечно, я не смог дать следствию полной картины всей работы, я не смог назвать всех троцкистов, участвовавших в организации, но только потому, что сам я не знал всего и не знал всех, ибо пришел к руководству организацией только за три месяца до своего ареста, так что никто мне не передавал ни дел, ни связей организации, а я начал в явочном порядке сам собирать силы организации. Я надеюсь, что совокупность моих показаний и показаний других арестованных троцкистов дали в руки следствия необходимую нить и что троцкистская организация в настоящее время ликвидирована с корнем. После этого до суда прошло еще пять месяцев. Я продолжал тяжело переживать свою преступную деятельность. Я не только разоружился, перестал быть врагом,— я перевооружился, я стал другим человеком и во мне не осталось ничего от былого сотрудника Троцкого, который вел активную борьбу против Советской власти.

Этому, граждане судьи, не противоречит мое поведение во время первого дня процесса. Я признаю, что мой отказ признать себя виновным объективно являлся контрреволюционным

шагом, но субъективно для меня это не было враждебной вылазкой. Я просто все последние дни перед судом находился под тяжелым впечатлением тех ужасных фактов, которые я узнал из обвинительного заключения и, особенно, из его второго раздела. Мое отрицательное отношение к преступному прошлому после ознакомления с этими фактами, конечно, не уменьшилось, а только обострилось, но мне казалось выше моих сил перед лицом всего мира, перед лицом всех трудящихся признать себя виновным. Мне казалось, что легче умереть, чем создать представление у всего мира о моем хотя бы отдаленном участии в убийстве Горького, о котором я действительно ничего не знал.

Я кончаю. Мои преступления перед родиной и революцией безмерны, и я приму, как вполне заслуженный, любой ваш, самый суровый приговор. Я прошу вас, граждане судьи, при вынесении приговора учесть, что я сам, добровольно, без предъявления мне очных ставок и других изобличающих материалов, откровенно и до конца рассказал о своей преступной деятельности и о деятельности моей организации. Я прошу вас принять во внимание, что я не принимал непосредственного участия в наиболее острых формах борьбы — в терроре, диверсиях, вредительстве и не знал конкретно об этих действиях. Я прошу вас вспомнить о прежней моей действительной революционной работе, поверить мне, что я за эти девять месяцев коренным образом изменился, и, пощадив мне жизнь, дать мне возможность в любой форме хотя бы частично искупить мои тяжелые преступления.

Председательствующий. Подсудимый Зубарев, имеете последнее слово.

Зубарев. Граждане судьи! Предъявленные мне обвинения в преступлениях против Советской власти я признаю и подтверждаю целиком и полностью. Я являлся одним из организаторов и руководителей контрреволюционной подпольной организации правых на Урале, руководил вредительской работой в области сельского хозяйства и на Урале и здесь, в Москве, когда работал в Наркомземе, являлся одним из руководителей террористической группы, вел шпионскую и провокаторскую деятельность. Я сознаю всю глубину своего падения и всю тяжесть совершенных мною преступлений. Я также сознаю всю тяжесть ответственности перед пролетарским судом. Я целиком и полностью согласен с речью государственного обвинителя, с квалификацией моей преступной деятельности и с его требованием высшей меры наказания. Требуемая мера наказания является заслуженной карой за тяжесть тех преступлений, которые я совершал. И нет такой меры наказания, которая не могла бы быть оправдана тяжестью этих преступлений.

Сознавая свою ответственность, я не могу и не хочу себя ни защищать, ни оправдывать. Было бы смешно и лживо заявлять перед судом, что я — несчастная жертва малоопытности или малой сознательности и введен в заблуждение какой-то посторонней рукой. Но, не защищая себя и не оправдывая, я хочу

заявить вам, граждане судьи, что я до конца сказал все как о своей деятельности, так и о деятельности тех из соучастников, о которых я знал сам лично.

Я, конечно, в моем положении не могу привести никаких фактов и вещественных доказательств искренности моего раскаяния и того, что я все, что имел из своей преступной деятельности, сказал. У меня единственный довод, если только это может служить доводом и основанием, — это предварительный следственный материал и мое честное поведение и признание всех своих преступлений на судебном процессе. И если, граждане судьи, эта искренность хоть бы в какой-нибудь мере могла бы служить основанием для смягчения тяжести моих преступлений и для облегчения судебного наказания, если бы мне была сохранена жизнь, я сумел бы на практической работе оправдать не только на словах, но и на деле выраженное мне судом доверие.

Председательствующий. Подсудимый Рыков имеет последнее слово.

Рыков. В своем последнем слове я подтверждаю то признание в своих чудовищных преступлениях, которое я сделал на судебном следствии. Я изменил родине. Эта измена выразилась в сношениях с заклятыми врагами советов, в ставке на поражение. В своей борьбе «право-троцкистский блок» использовал весь арсенал всех средств борьбы, которые когда-либо применялись заговорщическими организациями.

Я был не второстепенное лицо во всей этой контрреволюционной организации.

Мы подготовляли государственный переворот, организовывали кулацкие восстания и террористические ячейки, применяли террор как метод борьбы. Я организовывал с Нестеровым на Урале специальную террористическую организацию. Я в 1935 году давал задания по террору Котову, возглавлявшему террористическую организацию в Москве, и так далее и тому подобное.

Но государственным обвинителем выдвинуто против меня обвинение в преступлении, в котором я непосредственного участия не принимал и которое признать не могу. Это обвинение в вынесении решения или в даче директивы об убийстве Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького, Пешкова.

Совершенно несомненно, что наша ставка на террор, защита террора не могла не оказать влияния на совершение этих убийств. Если бы террор, как метод, не признавался, если бы мы его не защищали, то не произошло бы убийства этих людей. В этой части я ответственность должен нести.

Тут подробно были изложены те улики, которые по этому поводу выдвигаются против меня, они покоятся на заявлении Ягоды, который ссылается на Енукидзе. Ничего более, уличающего меня, не было приведено на судебном следствии. Судебное следствие не располагает иными материалами. Некоторые из людей, из членов организации, которые имели прямое отношение к этим убийствам, встречались со мной; я себе задаю вопрос, если они знали, что я давал указания или участвовал в ка-

честве руководителя убийства, почему никто из них ни разу, ни одним словом не обмолвился со мной по этому вопросу? Этого не было.

Убийство Кирова было предметом обсуждения двух судебных разбирательств. Перед судом прошли и непосредственные участники, и организаторы, и руководители этого убийства. Я не помню, чтобы тогда было названо мое имя.

Государственный обвинитель во второй части своего обвинения меня по этому поводу пришел к выводу, что мое участие в этих убийствах доказано показаниями Ягоды.

Я должен сказать, что я не могу отрицать того, что государственный обвинитель, исходя из всей суммы моей контрреволюционной деятельности, имеет основание подозревать меня в этих убийствах. Но одних логических построений недостаточно, мне кажется, для того, чтобы обвинить человека, правда уличенного, уличенного в необычайно тяжелых преступлениях, чтобы его обвинить еще в этих убийствах.

Перед нами прошел вопрос блока «левых» эсеров с «левыми коммунистами», имевшего место 20 лет тому назад. И этот эпизод в контрреволюционной борьбе, эпизод, имевший значительное последствие, приведший к убийству Мирбаха, к выстрелу Каплан и ранению Ленина, но имевший давность, все-таки, 20 лет, несмотря до некоторой степени и на историческое значение, был разобран, мне кажется, совершенно исчерпывающим образом, не допускающим никаких сомнений. Были очные ставки, непосредственные прямые свидетели, как из «левых» эсеров, так и из «левых коммунистов», бывших очевидцами и участниками всего этого дела. Почему же по вопросу о моем участии в убийстве пяти ответственнейших политических деятелей можно выносить решение с косвенными уликами?

Мне кажется, что это было бы неправильно. Я, во всяком случае, отрицаю свою виновность в участии в этих пяти убийствах.

До своего ареста я считал, что Горький умер естественной смертью, но во время своего заключения я вспоминал все разговоры, которые были не только с Енукидзе, но и с Авербахом, приблизительно в 1928—1930 годах относительно Горького.

Разговор с Енукидзе был мною недооценен, я недооценил той опасности, которая таилась в этом разговоре для жизни Горького. Но Енукидзе высказывался только по вопросу о ликвидации политической активности Горького, говорил необычайно резко. У меня не создалось впечатления после разговора с Енукидзе о грозящей Горькому опасности. В этой недооценке, я, безусловно, виноват. Теперь мне совершенно ясно, что это был своего рода сигнал готовящегося на Горького покушения.

Когда мы обсуждали вопрос о терроре, мы расценивали террор как средство нанести удар по наиболее ответственному и наиболее мощному звену в партии. Когда мы говорили об этом, перед нами всегда маячили такие имена как: Сталин, Ворошилов, Молотов, Каганович. В связи с этим, ту ответственность, кото-

рая на нас падает за убийство Менжинского, Куйбышева, Максима Пешкова и Горького—убийство, соответствующее установке нашей организации на террор в системе средств нашей борьбы с партией, — это я безусловно должен и обязан принять и для этого я поработал не меньше, чем какой-нибудь другой член контрреволюционной организации. Я на следствии стремился как можно полнее изложить все, что сохранилось в моей памяти относительно контрреволюционной деятельности членов нашей контрреволюционной организации. Это трудно было сделать, речь идет об очень больших промежутках времени — 8—9 лет — и о большом количестве лиц, об очень законспирированной заговорщической организации, законспирированной настолько, что только на этом процессе я впервые узнал о принадлежности к нашей контрреволюционной организации таких ее членов, как Иванов. Так что я не могу и никто из членов центра не может воспроизвести всю картину полностью. Тут возможны отдельные разноречия в показаниях отдельных руководителей контрреволюционной организации. Мне кажется, что эти разноречия и не имеют никакого существенного значения. Но здесь, на судебном разбирательстве, у меня был несколько раз обмен репликами со своим сопроцессником Черновым. Я касаюсь этого вопроса не потому, что это имеет особо большое значение, и то, о чем речь идет, имеет какое-то принципиальное значение. Я касаюсь этого вопроса только для того, чтобы избегнуть упрека в неискренности, упрека в том, что я что-то скрыл. Мне кажется, что Чернов подал мне неправильную реплику. Конечно, у каждого память может изменить в некоторых случаях, но в этом случае я не допускаю, чтобы я мог забыть о том, что я практически руководил контрреволюционным вредительством Чернова в Наркомземе. Забыть этого нельзя. Я этого не помню. В тех случаях, когда было вредительство, не менее тяжелое вредительство, как это было в Белоруссии, я себя целиком виновным признаю. Мне кажется тут подозрительным то, что Чернов всячески старается возвеличить мой авторитет и всячески уменьшить свою роль в этом вредительстве, сделать ее как можно более маленькой. Я должен сказать, что это неправильно. В период моей первой встречи с Черновым в 1928 году, когда я хотел его завербовать в контрреволюционную организацию, я в нем уже встретил совершенно готового контрреволюционера, который дорос и даже перерос те контрреволюционные убеждения, которые у меня были, без всякой помощи с моей стороны. Так что его самостоятельный контрреволюционный рост ни в коем случае нельзя отрицать. Нельзя отрицать, что он самостоятельно вел контрреволюционную работу в Наркомземе и не ждал обязательно указаний или от меня, или от немецких фашистов. Здесь он хочет казаться меньшим, чем был на самом деле.

Относительно Гринько, возможно запамятовал или я или он; я это допускаю, но прошу обратить внимание на то, что речь идет о деле, которое имело место в 1936 году. Он тоже очень чтит мой авторитет. Конечно, мои советы или директивы не могли не иметь своего значения, но вредительство в Наркомфине,

сношения Гринько с немцами были до 1936 года. Это самое существенное, что имеет значение в этом показании Гринько.

Я еще хочу сказать несколько слов о Бухарине. Государственный обвинитель сделал упрек в том, что я выгораживаю своего дружка. Государственный обвинитель был совершенно прав, называя Бухарина моим дружком, потому что я с Бухариным был действительно очень близок. Но я хотел бы сказать, что неправильна, разумеется, ссылка Бухарина на какое-то разделение труда. Он говорит, что нес дополнительную нагрузку как литератор. Он ни в коем случае ни в чем не был меньше активен, чем любой из нас. Я мог бы назвать одну область, в которой ему, мне кажется, принадлежала инициатива и ведущая роль с самого начала, — это сколачивание блока. Она у Бухарина вытекала из того, что еще в период борьбы с Троцким он занимал специфическую позицию и говорил о том, что им нужно сживаться, борясь. Это типичный бухаринский словеснологический курбет, но который означал его желание сохранить Троцкого. С самого начала организации блока Бухарину принадлежала вся активность и в некоторых случаях он ставил меня перед совершившимся фактом. Я, конечно, не хочу снимать с себя ответственности в создании блока. Я принадлежу к достаточно взрослым людям, чтобы мог ссылаться на то, что меня Бухарин вел в ту или другую сторону, но инициатива и наиболее активная роль в этом отношении безусловно принадлежала Бухарину.

Государственный обвинитель по отношению ко мне и к Бухарину был совершенно прав в том смысле, что нам необходимо отвечать за всю совокупность, за все последствия нашей контрреволюционной деятельности. Это совершенно правильно, и поэтому я, как один из основателей контрреволюционной организации правых, пользовавшийся среди правых некоторым, иногда значительным, влиянием, конечно, я отвечаю не только за то, что я лично делал, или за то, что делали по моим указаниям, и за то, что я знал, но и за то, что вышло из этого. Конечно, может быть разная ответственность за то и другое, но я должен отвечать, — государственный обвинитель тут совершенно прав, — за то, что выросло на той чудовищной контрреволюционной основе, в создании которой я принимал, разумеется, немалое участие. И эта ответственность с моей стороны, конечно, превышает все разноречия по поводу отдельных фактов и отдельных деталей, которые до настоящего времени имеют свое место.

Это приблизительно все, что я хотел сказать в своем последнем слове. Может быть я живу уже последние дни, и может быть мое последнее слово является последним в буквальном смысле.

Я хочу под конец использовать последнее слово для того, чтобы по мере сил повлиять на тех моих бывших сторонников, которые может быть до настоящего времени не арестованы и не разоружились и о которых я не знал или запамятовал. Так как я пользовался, правда, не таким, как говорит Чернов, влиянием, но некоторое влияние у меня несомненно было, то я не сомневаюсь, что если эти слова будут напечатаны, то они будут

прочитаны и может быть на тех или других бывших моих единомышленников окажут влияние. Вот в этих целях я хочу, чтобы, во-первых, мои бывшие единомышленники знали, что я всех, кто сохранился на моей памяти, как это принято выражаться в подполье, выдал, всех разоблачил.

Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали. Мне бы хотелось, чтобы они на моем примере убедились в неизбежности разоружения и немедленно разоружились во что бы то ни стало и как можно скорее, чтобы они все поняли, что разоружение, даже с риском каких-нибудь лишений или даже арестов, одно только дает какое-то облегчение и избавляет от того чудовищного груза, который вскрыт был настоящим процессом.

В этом разоружении у них единственное спасение. Единственное спасение, единственный выход их заключается в том, чтобы помочь партии, помочь правительству разоблачить и ликвидировать остатки, охвостья контрреволюционной организации, если они где-нибудь еще сохранились на территории Союза.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Шарангович.

Шарангович. Граждане судьи! Я не собираюсь защищать себя. Я совершил мерзкие, подлые, тяжкие преступления перед страной и народом и хорошо понимаю, что должен нести полную ответственность за них перед пролетарским судом. Я изменил своей родине и как предатель не заслуживаю никакой пощады.

На протяжении долгого периода, начиная с 1921 года, я являюсь польским шпионом и проводил шпионскую деятельность в пользу польских разведывательных органов. За эти годы я по заданиям польской разведки активно осуществлял шпионские, изменнические задания, направленные на подрыв мощи Советского Союза, на поражение Советского Союза в войне с фашистскими государствами. Я был одним из руководителей национал-фашистской организации в Белоруссии, которая вела борьбу против Советской власти, которая вела борьбу за свержение существующего советского строя в стране. Руководствуясь прямыми директивами «право-троцкистского блока», Рыкова и Бухарина персонально, с одной стороны, с другой стороны, указаниями польского генерального штаба, наша организация в своей контрреволюционной деятельности добивалась свержения Советской власти и восстановления вместо нее капиталистического строя. Мы пытались осуществить задачу отторжения Советской Белоруссии от Советского Союза и отдачи под ярмо польских помещиков и капиталистов трудящихся Советской Белоруссии. Мы хотели поражения Советского Союза в предстоящей войне с фашистскими государствами, при помощи которых «право-троцкистский блок», а под его руководством и мы готовили свержение Советской власти. В этом я также признаю себя виновным и еще раз заявляю перед пролетарским судом, что виноват и должен нести полную ответственность.

Я виноват в том, что лично сам и под моим руководством

национал-фашистская организация Белоруссии, руководимая центром правых, провела большую вредительскую, диверсионную деятельность во всех областях народного хозяйства и культуры. Я подрывал вместе со своими сообщниками сельское хозяйство, уничтожал конское поголовье, лишал колхозников приусадебных участков, запутывал посевные площади, озлоблял в провокационных целях колхозников против Советской власти.

В промышленности Белоруссии мы подрывали топливную базу, энергетическое хозяйство, задерживали темпы нового строительства, совершая ряд вредительских диверсионных актов.

Мы всеми мерами старались спровоцировать, опорочить национальную политику, ленинско-сталинскую национальную политику и в этих целях на основных участках культурного фронта — в школах, Академии наук, высших учебных заведениях и других — мы развернули большую вредительскую работу.

Не гнушаясь любых средств в своей борьбе против партии и Советской власти, мы шли по пути организации физического уничтожения руководителей партии и правительства.

Я еще раз заявляю суду о своей деятельности по террору, которую я и наша подпольная организация проводили по директиве «право-троцкистского блока» и польского генерального штаба.

Я несу полную ответственность за создание террористической группы, за подготовку террористических актов против руководства партии и правительства. Во всей цепи совершенных мною преступлений перед Советской властью я многократно виновен, конечно.

Я был сознательным человеком, политически развитым и не могу ссылаться, и не имею права ссылаться ни на свои чувства, ни на свою несознательность, — это была бы ложь, это было бы неправдой.

Я понимал, что значит цель, которую мы ставили — отторжение Советской Белоруссии от Советского Союза. Понимал и не только понимал, но видел рядом, перед собой пример того, что означает это отторжение, что значит протекторат, — пример западной Белоруссии, где трудящиеся находятся под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Мне это было понятно, и однако я шел на эти преступления. Я понимал, что, давая согласие стать польским шпионом и работать на поляков, значит изменить родине. Чувствую все эти тяжелые, изменнические преступления. Я их совершал, в них сознался на следствии, перед вами. Я достоин самого сурового приговора советского суда.

Я не хочу останавливаться в своем последнем слове на всей своей подлой предательской деятельности и предательской деятельности моих соучастников, здесь сидящих на скамье подсудимых наших руководителей, в первую очередь, из которых некоторые, вместо того, чтобы искренно признать свои гнусные кровавые изменнические преступления, стараются при помощи теоретических фраз спрятаться за спины своих сообщников, стараются уйти от ответа перед пролетарским судом. Я думаю, что

суд разберется и вынесет свой справедливый приговор. Я в этом глубоко убежден.

Я прочувствовал весь кошмар совершенных мной изменнических, предательских преступлений против советского народа, против Советской страны. Я заявляю суду, что я искренне, до конца — и на следствии, и здесь, на суде — сказал все. Я хочу только одного, чтобы мои преступления, о которых я рассказал открыто, послужили предупреждением для тех, кто еще попытается вести или ведет изменническую деятельность против Советского Союза, против советского народа. Каждый такой, как я, безусловно будет раздавлен всей мощью Советской власти.

Я не прошу пощады, ибо недостоин, граждане судьи, просить ее. Я рассказал о своих преступлениях все и прошу это пролетарский суд учесть.

Председательствующий. Объявляется перерыв на полчаса.

* *
*

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Последнее слово предоставляется подсудимому Ходжаеву.

Ходжаев. Граждане судьи! Я на предварительном следствии и здесь перед вами рассказал подробно о всех тех тяжких преступлениях, которые были совершены под моим руководством националистическими организациями Узбекистана. Я рассказал вам подробно о всех тех тяжких преступлениях, которые я совершил и как активный участник буржуазно-националистического движения и его руководитель в Узбекистане, и как союзник и участник правых контрреволюционеров и через них — всего «право-троцкистского контрреволюционного блока».

С первого момента моего ареста я встал на путь искреннего признания совершенных мною злодеяний. Я поступил так потому, что понял всю омерзительную сторону того, что было проделано буржуазными националистами в Узбекистане. Я понял, какой огромный вред, какие колоссальные удары в разные периоды развития революции наносились этим буржуазно-националистическим движением и действиями его руководителей. Я понял, что я в качестве одного из руководителей этого буржуазно-националистического движения, в качестве перебежчика на сторону контрреволюционных правых и «право-троцкистского блока», совершил тяжкие преступления перед пролетарским государством, перед народами Союза Советских республик и перед узбекским народом.

Став на путь искреннего признания своих преступлений, я руководствовался только одним соображением: своим искренним признанием помочь следствию раскрыть все то контрреволюционное, черное, с чем я был связан, что меня связывало, что составляло то гнилое, что могло в дальнейшем представлять опасность заразы. Я не пощадил ни себя, ни других участников моих контрреволюционных деяний, чтобы тем легче было Советской народной власти и партии выкорчевать с корнем это зло. Я отказался от слова для защиты, ибо я не нахожу никаких дово-

дов, даже ни одного слова для того, чтобы найти хотя какое-нибудь оправдание моему поведению, моим действиям, тем преступлениям, которые мною совершены. Мне нечем защищаться и я не могу защищаться. Слишком много сделано плохого, слишком тяжелые преступления совершены, чтобы можно было сегодня говорить о каких-то оправданиях или чтобы можно было какими-нибудь словами их загладить.

Но я взял последнее слово и решил воспользоваться этим последним словом для того, чтобы еще раз перед пролетарским судом, перед всей нашей страной сказать, что я искренне, честно раскаялся, чтобы принести через пролетарский суд это свое покаяние всему нашему советскому народу, партии и правительству.

Гражданин государственный обвинитель дал уничтожающую характеристику деяний «право-троцкистского блока». Он остановился и на характере деятельности буржуазно-националистических групп. Он говорил о результатах ленинско-сталинской национальной политики, о достижениях народов Советского Союза.

Я — на скамье подсудимых, я — преступник. Может быть нехорошо будет звучать из моих уст, но я тем не менее хотел бы сослаться на яркий пример той республики, которую когда-то я представлял (я говорю об Узбекистане).

Люди, которые знали Узбекистан до революции, люди, которые побывали там 10 лет тому назад и которые смотрели ее последние годы, не могли узнать лицо этой страны. Почему? Потому, что там все совершенно изменилось. Огромный подъем экономики, культуры, громаднейший рост политической активности широчайших масс народа, — это все в такой сравнительно короткий срок, как 10—20 лет, достигнуто лишь благодаря нашей пролетарской революции, благодаря ленинско-сталинской национальной политике. В Узбекистане было в 1917 году всего $1^1/_2\%$ грамотных, теперь эта страна сделалась страной почти сплошной грамотности.

В стране, где не было абсолютно никакой промышленности, в этой стране теперь работают сотни крупнейших предприятий, сотни тысяч рабочих и работниц.

Когда-то отсталое, нищенское сельское хозяйство Узбекистана, в настоящее время является одним из передовых во всем Советском Союзе.

Материальное благосостояние широких масс трудящихся, особенно дехкан-колхозников, за последние 5 лет поднялось на такой высокий уровень, что трудодень колхозника в 20—30 рублей на одного человека уже никого в Узбекистане не удивляет. Это все результаты благотворной деятельности революции, правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики, той колоссальнейшей помощи, которую оказывал и оказывает русский рабочий класс рабочему и дехканину в Узбекистане.

Это всякому будет ясно при самом беглом анализе общего состояния Узбекистана. И вот я должен перед пролетарским судом сказать, что та линия, которую проводила буржуазно-нацио-

налистическая организация, к которой я принадлежал, и контрреволюционной деятельностью которой я руководил, означала для трудящихся масс Узбекистана возврат к старому. Теперь, когда я осознал всю преступность моих злодеяний, когда я понял всю пропасть, в которую я попал, мне стало более ясно, более очевидно на фоне развертывания дел «право-троцкистского блока», прошедшего на этом процессе, что победа этой контрреволюционной линии означала бы для Узбекистана победу самой черной реакции, реставрацию феодально-капиталистических отношений и, как следствие, — новую кабалу для рабочих и крестьян и широких масс народов Узбекистана. Узбекистан как в своем хозяйственном развитии, так и в культурном отношении был бы отброшен на десятки лет назад. Особенно тяжело мне говорить об этой стороне дела, ибо я теперь ясно это себе представляю, я это понимаю, я чувствую всю глубину моего падения, весь ужас моего позора и всю тяжесть моих злодеяний. Но, тем не менее, став на путь открытого признания всех моих злодеяний, я должен был сказать и об этом перед пролетарским судом и перед общественностью нашей страны.

Да, граждане судьи, я был буржуазным националистом, я много преступлений совершил. Теперь, задним числом, вот этими признаниями, поздним покаянием, к сожалению, вычеркнуть их я не могу. Они остаются висеть надо мной. Но я стал еще более ужасным в своих собственных глазах с тех пор, как я осознал все свои преступления и злодеяния, после того сговора с Рыковым и Бухариным, после тех обстоятельств, о которых я подробно вам рассказал уже здесь на суде, после того, как я включился в этот заговор. Ведь я даже в периоды, когда был националистом, когда я вел тоже антисоветскую работу, когда я работал против советского народа, ведь я тогда еще не был организатором повстанческих групп, я не был тогда участником террористических групп. Я им стал, я об этом говорил вам, граждане судьи, я стал таким только после того, когда перешел на позицию правых контрреволюционеров и через них оказался в лагере «право-троцкистского блока». Таким образом, я сделался участником наиболее острых средств борьбы против нашей родины, против народов нашего великого Союза, против партии и правительства. Это особенно тяжело я переживаю, это особенно тяжело давит мое сознание.

Государственная независимость Узбекистана, которая была обещана в перспективе правыми реставраторами капитализма, эта государственная независимость, если бы даже она стала возможна ценою черного предательства, ценою измены родине, расчленения великого Союза Советских Социалистических Республик, путем подготовки его поражения в грядущей войне, то есть путем совершенно недопустимым для людей, которые сохранили хоть какой-нибудь человеческий облик, если бы, я говорю, это оказалось возможным в первое время, то, само собой разумеется, эта самая государственная «независимость», кажущаяся, была бы новым несчастьем для народов Узбекистана. Я уже об этом частично говорил, когда давал свои показания. Тогда я отвечал на

вопросы государственного обвинителя. Ведь когда я сказал, что, отстав от одного берега, мы, естественно, должны были бы пристать к другому берегу, ведь я же ничего другого не имел в виду, как тот берег, на котором находятся капиталистические страны, империалистический капитал, который давит, угнетает сотни миллионов трудящихся людей. Значит, победа этой линии и в данном случае, даже в случае успеха этого черного, этого отвратительного заговора, могла быть только новыми бедствиями для трудящихся Узбекистана.

Я опозорен. Националистические организации разгромлены. Разгромлен проклятый «право-троцкистский блок». Это — на славу нашей страны, на благо народов нашей великой родины, это — на счастье народов Узбекистана. И вот это сознание в известной мере облегчает эти последние дни моих тяжелых, невероятно тяжелых переживаний.

Гражданин государственный обвинитель, характеризуя «право-троцкистский блок» и его дела, его людей, сказал о том, что должна быть совокупная, общая ответственность всех участников этого блока за все его злодеяния. Я не могу не согласиться с таким определением гражданина государственного обвинителя. Я считаю такое определение абсолютно правильным, хотя лично я никогда до того, как пришел в тюрьму, до того, как приступил к даче показаний, не знал о существовании какого-то контактного центра, не знал о многих его злодеяниях. Я лично никогда не был ни провокатором, ни убийцей. Но какое это может иметь значение, если я оказался так или иначе участником этого блока, занимавшегося провокациями, шпионажем и убийствами, стало быть, я должен отвечать по существу за все его злодеяния.

Перед вами, граждане судьи, не только фигурировал блок, не только были продемонстрированы его дела, но прошли мы все, его участники; ваше дело, граждане судьи, определить, в какой мере каждый из нас должен нести ту или другую ответственность. Ваше дело применять или не применять в отношении к нам то суровое, но справедливое, абсолютно справедливое требование гражданина государственного обвинителя.

Я знал, куда я шел, когда разговаривал с Рыковым, когда разговаривал с Бухариным, хотя многие вещи, открывшиеся перед моими глазами на суде, даже меня, преступника, заставили вздрогнуть, насколько гадко было это.

Разве самый факт заговора, самый факт решения вопроса о том, что правые должны притти к власти, а буржуазные националисты получить независимость, которую они хотели получить ценой поражения Советского Союза, подготовкой этого поражения, разве недостаточен самый этот факт для того, чтобы та суровая мера наказания, о которой здесь говорил гражданин Прокурор, была целиком и полностью применена к нам?

Но тем не менее, граждане судьи, я, находясь здесь на скамье подсудимых, держа свой ответ, не могу становиться в какую-то фальшивую позу, ибо это были бы только гордые слова. Я не могу сказать, что я не прошу пощады. Я этого сказать не могу. Может быть кому-нибудь покажется, что такие слова:

«не прошу пощады» —звучали бы гордо, хорошо, но не в моих устах, в устах человека, который пригвожден к позору, который сидит на этой скамье. У такого человека словам гордости нет места. Гордости неоткуда взяться! Ведь мы не войдем в историю хоть с какими-нибудь показателями службы народу, какими-нибудь благими деяниями. Если мы войдем в историю, то мы в эту историю войдем как самые закоренелые преступники, как герои бандитских дел, как люди, продавшие и честь и совесть. «Гордость» хорошо звучит в устах человека, настоящего человека, о котором когда-то писал великий художник, великий человек нашей земли Горький. Но в устах людей, которые либо сами были причастны к смерти, либо имели отношение к смерти Горького, в устах людей, которые привели этого человека к смерти, — эти слова в устах людей нашего типа звучат фальшиво. Да. Я был бы лгуном, если бы в этот последний час я не сказал, что я прошу пощады. Я хочу жить. Я хочу жить потому, что я понял всю глубину своего падения, я понял всю тяжесть совершенных мною преступлений. Я вынес тяжкий урок, но зато я понял и другое. Мне кажется, что я по-настоящему понял, как должен настоящий человек, настоящий гражданин нашей великой родины служить своему народу, своей стране. И вот, поняв это, разоружившись целиком и полностью, я не могу не просить вас, граждане судьи, о снисхождении, потому что я хотел бы, если бы это было возможно, чтобы мне была сохранена жизнь. Я хотел бы в какой угодно обстановке, в какой-угодно форме, в каком-угодно месте, теперь или когда-нибудь, смыть тот позор, в котором я нахожусь в настоящее время.

Я прошу о жизни, чтобы, может быть, остатком своей жизни снять хоть бы какую-либо частицу тех преступлений и той огромной вины, которая имеется за мной. Я хочу жить для того, чтобы хоть как-нибудь, где-нибудь оказаться еще раз полезным нашей великой стране и служить тому великому делу строительства социализма, которому посвящены все мысли, все силы лучших людей нашего великого Союза Советских Социалистических Республик.

Председательствующий. Последнее слово предоставляется подсудимому Зеленскому.

Зеленский. Граждане судьи! Я пользуюсь последним словом не для защиты или оправдания своих тяжких преступлений. Такие преступления и такие преступники, как я, не имеют права ни на защиту, ни на оправдание.

Мои тяжкие преступления перед партией, страной и революцией привели меня на скамью подсудимых как врага народа и участника «право-троцкистского блока». Тяжелее этого ничего быть не может.

Гражданин государственный обвинитель правильно характеризовал преступную деятельность «право-троцкистского блока» и мои личные преступления, как его участника.

Я виновен в измене, в предательстве революции, в том, что

служил в царской охранке, я виновен в том, что в течение многих лет скрывал от партии эти свои преступления. Я виновен в том, что в 1929 году примкнул к контрреволюционной организации правых, а через нее вошел в «право-троцкистский блок».

Я виновен в том, что, двурушничая и маскируясь, я пробрался на высокие посты, требующие особого партийного доверия. Оказанное мне доверие я использовал для обмана партии, я вел подрывную вредительскую контрреволюционную работу, провоцируя недовольство населения Советской властью.

Гражданин государственный обвинитель, обращаясь вчера к скамье подсудимых, говорил об искренности, которая нужна от нас на пороге нашего последнего часа.

На пороге своего последнего часа я хочу прежде всего рассказать о том, как я дошел до своего падения. Я хочу это рассказать для того, чтобы предупредить на своем примере тех, у кого еще есть шатания, у кого еще есть недовольство, колебания и скрытые сомнения в партийном руководстве и правильности линии партии. Я хочу об этом сказать не для того, чтобы оправдаться или смягчить свою участь, а для того, чтобы показать, каким путем люди скатываются на такие позорные позиции.

Что привело меня на путь измены и предательства? Мелкобуржуазное неверие в силы и победу революции. Трусость за свою жизнь и судьбу толкнули меня в молодости на предательство, на провокаторство, на службу в царской охранке. Уже этим фактом я был сломлен как человек и уничтожен как революционер. Прошлые преступления тяготели надо мной много лет, моя прошлая провокаторская деятельность обусловливала определенную оторванность мою от честных партийцев.

Трудности колхозного строительства породили во мне неверие в силы нашего рабочего класса, неверие в силы нашего государства, и это предопределило мое вхождение в контрреволюционную организацию правых. Войдя в организацию правых, я не сразу встал на путь вредительства. Я пытался протаскивать свои взгляды, проводить их в жизнь, но вредительский характер моих предложений немедленно разоблачался. Надо было либо отказаться от своих правых взглядов и честно работать на советской работе, либо уйти в подполье, заняться вредительством, вербуя для этой цели своих сторонников. Я избрал второй путь, путь борьбы с партией и правительством, путь вредительства, который и привел меня на эту позорную скамью подсудимых. Я продолжал двурушничать, а у двурушников только один путь — путь подпольной контрреволюционной деятельности. К этой контрреволюционной работе я и скатился. Начиная с 1933 года, я встал на путь вредительства и вербовки сторонников правых. Но мне удавалось вербовать на сторону правых только тех, у кого были преступления против партии, либо карьеристов, шкурников и прочих людей. Позорный опыт моего падения показывает, что достаточно малейшего отрыва от партии, малейшей неискренности с партией, малейшего колебания в отношении руководства, в отноше-

нии Центрального Комитета, как ты оказываешься в лагере контрреволюции.

Я занимался вредительством в потребительской кооперации. Гражданин Прокурор характеризует мою вредительскую деятельность, как направленную против роста товарооборота, против развития торговой сети, как направленную к срыву нормального снабжения населения. Он прав, мне нечего прибавить, я ни одним словом не могу возразить против этого заключения. Я показал суду все участки, пораженные вредительством, проводимым мною и моими соучастниками. Я показал суду весь ущерб, причиненный государству и народу моей вредительской деятельностью. Должен сказать, что эта вредительская деятельность значительно активизировалась, начиная с 1935 года, по прямому указанию Антипова. Вредительская деятельность принесла очень большой ущерб и действительно тормозила развитие товарооборота, торговой сети и тем самым ударяла по снабжению рабочих и колхозников. В своих показаниях я старался вскрыть очаги вредительства и методы вредительской работы в интересах скорейшей ликвидации последствий этого вредительства. Я делал это в целях того, чтобы мое саморазоблачение помогло хотя бы в небольшой доле исправить тот огромный вред, который был причинен моей вредительской деятельностью.

Я должен сказать здесь, что советская кооперация очень часто подвергалась и подвергается обстрелу со стороны буржуазных капиталистических кооператоров. Буржуазные кооператоры капиталистических стран, те, которые, подобно нам, контрреволюционерам, находятся на службе у буржуазии, пытаются дискредитировать советскую кооперацию, основываясь на нашей лживой информации, используя нашу вредительскую активность для доказательства невозможности развития советской кооперации. Я должен сказать, что, несмотря на наше вредительство, вопреки ему, вопреки нашей подрывной работе, советская кооперация росла и крепла, а с устранением нас, контрреволюционных вредителей, она пойдет еще дальше.

Мы пытались перенести вербовочную работу в низы. Мы хотели расширить свою базу в деревне, опираясь на кулацкие элементы. Я должен сказать, что сельские кооператоры наши преступные попытки быстро разоблачали, и мы находили суровый отпор со стороны подавляющей массы низовых честных, преданных Советской власти работников кооперации. Эти массы отвергали всякие попытки реставрации капитализма и нас — их носителей. Устранение вредительства, выкорчевывание всех участников нашей подлой деятельности приведет к быстрому, исключительному росту товарооборота и торговой сети.

Граждане судьи! Я должен сказать, что ужасен итог наших преступлений, ужасна наша подлая изменническая деятельность. Оценивая эту деятельность, пытаясь перейти на советские рельсы, я нахожу только одно единственное честное дело, которое мы в процессе следствия, допроса, могли сделать; это единственное честное дело, которое оказалось для нас возмож-

ным, заключается в том, что мы беспощадно, до конца разоблачили перед страной, перед революцией, перед революционным народом всю свою мерзость и преступления, всех своих соучастников и пособников, всю чудовищную преступную деятельность «право-троцкистского блока», путь подрывной работы, на который я встал с самого начала.

Мои показания о своих преступлениях, разоблачение мною своих соучастников вытекает из сознания мною преступности, неправоты, предательства.

Тяжело, страшно тяжело чувствовать себя врагом народа, видеть и знать, что ты неправ, видеть и чувствовать, что народ против тебя, быть всегда в положении фальшивой монеты, скрываться.

Еще задолго до ареста я потерял веру в правых и видел безнадежность их борьбы. Вот почему я сразу дал откровенные показания следствию. Это единственное, что может вернуть меня к советским людям, если не для того, чтобы жить, то хотя бы для того, чтобы умереть как советскому человеку.

Провал правых был для меня давно ясен. Почему я не порвал с ними, не разоблачил себя и своих преступных сообщников? Этот вопрос законно может поставить мне и суд и государственный обвинитель. Я должен сказать, что имея все возможности это сделать, я должен был это сделать, но я был в руках правых, делая свои преступления. Я боялся разоблачения своего прошлого. Неразоблачение бандитской шайки, невыдача своих сообщников — это показывает глубину моего падения.

Провал «право-троцкистского блока» стал для меня ясен, когда мы, правые, пытались сорвать поход на кулачество, разгром кулачества, этого последнего эксплоататорского класса. А когда этот срыв не удался, я вместе с правыми стал на путь прямой фашистской агентуры, на путь вредительства, и, тем самым, я должен признать, моя вредительская работа стала частью общего плана подрывной работы «право-троцкистского блока», совершаемой по заданиям иностранной агентуры и имеющей целью государственный переворот в нашем Союзе.

Чудовищные дела и чудовищные преступления — образец нашей подлой право-троцкистской работы, нашего подлого право-троцкистского подполья, в котором я принимал к своему стыду, позору и несчастью участие. Должен однако заявить, что и для меня, участника этого подполья, многое из того, что выяснилось на процессе, было ново, неизвестно, ошеломило меня.

Разговоры вождя правых Бухарина о предательстве и преступности провокаторов, шпионов не имеют цены, ибо, Бухарин, вы сам первоклассный мастер этого дела, вы показали цепь преступлений и измен против партии и правительства своими делами, своим поведением на суде. Мы щенки перед вами. Вы, Бухарин, хотите быть чистеньким. Вам это не удастся. Вы войдете в историю вместе с нами, с тем позорным клеймом, которое написано на лбу у нас всех. Я слышал здесь выступления и на предварительном следствии и последние слова троцкистов и бухаринцев. Я ожидал, что они действительно разоблачатся до конца. Я ожидал, что троцкисты и бухаринцы откроют здесь еще одну

страницу своих преступлений против Советской власти, против партии, против Ленина, преступлений, совершенных в 1921 году. Они должны были это сделать уже из-за одного того, чтобы разбить легенду о том, что в 1921 году нападение Троцкого представляло из себя какую-то легальную дискуссию. Ничего подобного! Я, пользуясь здесь предоставленным мне последним словом, сделаю это за них. Я хочу помочь суду и следствию в раскрытии этих преступлений. Я хочу осветить факты, бросающие яркий свет на деятельность троцкистов против партии в 1921 году. Факты эти мало известны общественности. Я утверждаю теперь в свете событий 1918 года, вскрытых следствием здесь на суде, что в 1921 году партия имела дело не с дискуссией, а с заговором. Я утверждаю это на основании следующих данных. Выступления в Москве в начале 1921 года троцкистов, бухаринцев вроде Богуславского, Дробниса, Сосновского, Рафаила и других меньшевиков, вошедших тогда в партию, и меньшевиков, оставшихся вне партии, продолжавших выступать легально, как меньшевики, выступления контрреволюционеров, блокирующихся вокруг Троцкого, — ничем друг от друга не отличались и все они носили кронштадтский характер. Все эти антипартийные, антисоветские элементы выступали солидарно, развивая в январе — феврале 21 года бешеную активность, используя продовольственные и топливные трудности, выступали против ЦК и Ленина, пытаясь организовать стачки, пытаясь вывести рабочих на улицу. Я не имею сейчас времени, мое положение не позволяет подробно останавливаться на этом. Я об этом говорю только потому, что сами те, которые пытались спровоцировать рабочих на стачки, которым частично это удалось, пытались проникнуть в Хамовнические казармы, овладеть оружием и увлечь за собою красноармейцев. Попытка эта не удалась. Эти факты и документы имеются в архиве Московского совета и Московского комитета партии. Одновременно с провалом этой попытки был раскрыт заговор в стрелковой дивизии в Замоскворечьи — белогвардейско-офицерско-меньшевистский заговор. По подозрению в причастности к этому заговору был снят командующий войсками Московского военного округа бывший артиллерийский поручик и личный ставленник Троцкого Петряев. Троцкий возражал тогда против снятия Петряева именно потому, что он знал о причастности Петряева к заговору. Теперь можно с уверенностью сказать, что Троцкий тогда использовал свой двурушнический метод: формально оставаясь на позициях Октября, он группировал внутри партии своих сторонников для того, чтобы взорвать партию изнутри. Я это утверждаю. Я утверждаю также, что вооруженной силой этого намечавшегося переворота был военный заговор. В этих условиях попытка проникнуть в Хамовнические казармы была сигналом к началу действия заговорщиков. Об этом вы, господа троцкисты и бухаринцы, умолчали. Я уверен, что подробное расследование фактов даст богатый материал об этом заговоре и покончит с легендой, что в 1921 году имела место простая дискуссия. Как участник «право-троцкистского блока», я не

могу не нести ответственности за его подлую, изменническую, разбойничью деятельность. Я также несу ответственность за те преступления, которые совершал лично сам.

Моя вина усугубляется еще и тем, что я долго обманывал партию, ее доверие, я пробрался на высокие, ответственные посты. Нечего говорить о том, что я раскаиваюсь. Доказательством этого раскаяния являются те показания, разоблачения себя и своих соучастников, которые я дал суду и следствию.

Я говорю последнее слово. Вероятно, это будет последнее слово в моей жизни. Мне трудно просить и ждать, чтобы моим словам поверили. Но я заявляю суду: я не знал, не принимал участия, я отмежевываюсь от таких преступлений, как подготовка переворота военным заговором, я не знал преступного решения центра об убийстве Кирова, не знал о шпионских делах и о связях и не имел отношения к иностранным разведкам, не имел никакого отношения к переговорам с иностранными государствами об отторжении от Союза национальных республик и окраин, я не имел также отношения к террористическим актам, которые проводились Ягодой и другими. Это видно также и из материалов следствия.

Я это говорю не для того, чтобы снять ответственность за эти преступления. За эти преступления я не могу не нести ответственности, так же как Бухарин, и Рыков, и непосредственные исполнители этих злодеяний. Я знаю, что на мне лежит печать и этих позорных дел, как на участнике «право-троцкистского блока», и ничто с меня не снимет этой позорной печати.

Мои преступления перед партией, перед страной и перед революционным народом велики. Именно поэтому я не вижу никаких мотивов, никаких оснований искать обстоятельств, смягчающих мое преступление и вину. Мое раскаяние и признание моих преступлений пришли слишком поздно. Они имели бы цену тогда, если бы я сделал их до ареста. Вот почему я не смею просить о смягчении моей участи. Приговор пролетарского суда я приму как должное возмездие Социалистического государства, народа и партии за мои преступления.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Икрамов.

Икрамов. Граждане судьи! Я отказался от защитительного слова не потому, что я не хотел себя защищать. Если бы я сказал, что я могу защищать и не стал бы защищать себя, это было бы форсом или продолжением фарисейства, двурушничества, которыми я болел до своего ареста, до дачи показаний. Сейчас не такой час, не такая минута, чтобы я сейчас мог форсить или еще продолжал бы фарисействовать и двурушничать. Я не мог найти не только доводов, но даже слов для оправдания и защиты своих преступлений. Едва ли такие преступники, как участники право-троцкистского националистического блока, и не только участники, но и активные участники, каковым являюсь и я, могли бы найти на каком-угодно языке слова для своей защиты. Вот почему я вынужден был отказаться от защиты. Тем более я не

могу себя защищать, что я не политический младенец, и не человек, выживший из ума, как говорят, «старая галоша»; я ни то и ни другое. Я половину своей жизни (мне 40 лет), жил политической жизнью — 20 лет, поэтому неопытность и младенчество я не могу привести в качестве своей защиты. Я не могу и не хочу прятаться за спину Бухарина или еще кого-нибудь. Это не хвастовство. Я может быть теоретически неграмотен, но в политических вопросах разбирался и разбираюсь не хуже Бухарина. Это я говорю не для похвальбы, а для усугубления и раскрытия своего преступления, вот почему я это говорю.

Когда я говорил здесь о вербовке меня со стороны Бухарина или о тех указаниях, которые я получал от право-троцкистского центра через Бухарина или Антипова, этим я никак не хотел, отнюдь не хотел свалить свою вину на кого-нибудь другого. Нет, я только устанавливал факты своего участия и получения отдельных заданий, которые давали правые руководители нам, участникам право-троцкистского националистического антисоветского блока.

Я в своем показании и на предварительном следствии, и здесь, ничего не утаив, все сказал. Я несу ответственность, но не только за преступления, которые я делал или делала националистическая контрреволюционная организация, существовавшая в Узбекистане. Я также полностью несу ответственность за те действия «право-троцкистского блока», как шпионаж или злодейское убийство таких знаменитых людей Советской страны, как Алексей Максимович Горький, Куйбышев, Менжинский и участие в убийстве Сергея Мироновича Кирова. Но, тем не менее, это меня облегчает, что я как участник этого заговора, активный участник, полностью несу ответственность по всем тем пунктам, которые были здесь опубликованы, как выражение этих преступлений в Уголовном кодексе, так и по тем фактам, которые были раскрыты на судебном заседании.

Контрреволюционная организация, существовавшая в Узбекистане, руководимая мною, сблизившаяся с «право-троцкистским блоком», называлась «националистической». Это название «националистическая» может быть некоторым говорит о том, что как будто бы эти люди хотели делать что-то в пользу нации, но они предавали интересы своего народа. Я тогда понял, до какой глубины я пал, до какой глубины дошли мои падения. Посмотрите, националисты как будто бы хотели работать в пользу нации, но на самом деле что получилось? На самом деле они вредили коммунальному хозяйству, они вредили народу, вредили в улучшении бытовых условий, вредили и по сельскому хозяйству для того, чтобы подорвать мероприятия Советского правительства, Коммунистической партии, в то время как Советское правительство, Коммунистическая партия улучшали благосостояние нации. Националисты на словах добивались «независимости», а на самом деле они добивались зависимости. Националисты, которые добивались «независимости», били по карману трудящихся, по их благосостоянию.

Этот позор перед судом, перед трудящимися никак нельзя

оправдать, нельзя оправдать перед народом Узбекистана, в особенности.

Здесь гражданин государственный обвинитель сказал в ярких словах о росте благосостояния культуры народов Советского Союза. Я думаю, я убежден, что одним из ярких примеров этому может быть Узбекистан, в особенности по темпам его роста.

Мы являлись только тормозом, только помехой этому росту. Без нас этих успехов Узбекистан добился бы в еще больших размерах, добился бы еще лучших успехов.

Все знают, что в Узбекистане до революции часто свирепствовал голод, свирепствовала малярия и люди вымирали от этой и других болезней. Умирали люди от голода, от малярии и все это ликвидировала только Советская власть.

Наша националистическая контрреволюционная организация только увеличивала эти болезни, приводила к голоду и вымиранию. И вот поэтому моя вина, мои преступления особенно тяжки.

Националисты хотели затопить Узбекистан в крови рабочих и дехкан. Хотели они как будто «независимости», но логика борьбы довела бы до того, что «независимость» эта превратилась бы в зависимость.

Теперь узбекский народ, как и все народы Советского Союза, ни от кого не зависит; он зависим только от своей коллективной воли, коллективного решения, только в этом он зависим, а в остальном он независим.

«Право-троцкистский блок» хотел отнять независимость и отдать узбекский народ в зависимость империалистических государств, в зависимость бекам, баям, плутократам, тунеядцам. Хорошо, что «право-троцкистский блок» не победил. Если бы «право-троцкистский блок» победил, то на следующий же день была бы настоящая резня, сейчас же начались бы распри между троцкистами и правыми, находившимися в той же Украине, Белоруссии, Узбекистане и других республиках. Идеология правых, если она осталась, это — реставрация капитализма. Идеология националистов,— это идеология кулаков, идеология капиталистов.

И, несмотря на это, произошло такое объединение. Несмотря на такую беспринципность, нашлись принципы объединения. Это еще усугубляет позор участников этого «право-троцкистского блока». Объединил нас всех один единственный принцип — это борьба против Советской власти.

Осознавая все эти преступления, все эти позорные явления, я никак не могу найти довода для того, чтобы просить пощады. Я думал о том, что я тоже один из тех людей, которые давали показания не через 8—10 месяцев, как некоторые говорили, — я дал показания на 6—7-й день следствия. Я думал, может быть это облегчит мои преступления. Все мотивы просить о пощаде у меня выпали. Я перед арестом держал себя очень преступно. Здесь люди говорили, что к ним было доверие, было хорошее отношение со стороны партии и правительства. Услышав это, мне стало очень тяжело, это для меня было самым худшим, самым большим внутренним наказанием, когда люди говорили о доверии.

Что я должен сказать, чтобы оправдать то доверие, которое было ко мне проявлено со стороны руководителей партии и правительства? Вместо того, чтобы оправдать доверие, я злоупотреблял этим доверием.

В 1930 году, когда Зеленский поставил вопрос о снятии меня с работы в Узбекистане, Зеленский получил указание от ЦК, чтобы все материалы, обвиняющие Икрамова, дать Икрамову, ознакомить Икрамова с ними. ЦК полностью выражал мне доверие. Прошел один-полтора месяца. Получаю другую телеграмму, из которой узнаю, что для того, чтобы поддержать Икрамова, ЦК утвердил его секретарем Средазбюро ЦК ВКП(б). Вместо того, чтобы ответить искренностью на это доверие, я двурушничал. Как теперь я могу защищаться, какие слова я могу привести для своей пощады, какие доводы?

Об этом я рассказал кстати. Не знаю, было ли кому-нибудь, сидящим здесь со мной на позорной скамье подсудимых,—было ли этим бывшим людям оказано такое доверие, как мне перед моим арестом.

Перед тем, как меня арестовать, мне показали кучу материалов Наркомвнудела. Это — показания людей, данные в 1937 году, это — материалы, касающиеся меня. Читай и скажи, что правильно, что нет. Я должен сказать, что в этом отношении очень внимательным ко мне был Николай Иванович Ежов, который 4 раза со мной разговаривал. А я что сделал? Начисто все отрицал. Поэтому этот позор никак не может смягчить того обстоятельства, что я на 6-й или 7-й день одумался и стал давать чистосердечные показания. Это ни в коем случае не уменьшает и не облегчает в какой-либо степени мое падение.

Дальше я вам скажу, что я никак не хочу прикрываться Бухариным или «право-троцкистским блоком», но я должен сказать, что наша националистическая программа значительно обогатилась и активизировалась на контрреволюционные действия, именно, благодаря сидящим здесь со мной участникам «право-троцкистского блока» и особенно его правой части под руководством Бухарина и Антипова. Острые методы борьбы мы приняли от них и не только приняли, но давали себе в этом отчет. А они нас подгоняли, почему плохо работаем, плохо вредим, плохо организуем повстанчество и так далее. Иногда вставал вопрос: почему этот новый пункт появился в нашей борьбе с партией? Обычно отвечали, что логика борьбы требует сейчас применения этого метода. А логика борьбы привела нас к тому позору, от которого, будем мы живы или умрем, все равно освободиться мы не сможем. Нам дано совершенно справедливое звание врагов народа, предателей родины, шпионов, убийц.

От этих позорных пятен мы никак не сможем уйти.

Я, в связи с этим, граждане судьи, должен сказать, что когда я раскаялся, когда понял всю тяжесть своих преступлений, для меня было очень тяжело притти сюда и всенародно, перед судом, отвечать за свои преступления. Знаете, когда совесть заговорит, тогда встать перед народом и смотреть ему в глаза очень

тяжело. Когда я давал показания, я очень боялся увидеть сидящих здесь людей.

Полностью признавая все преступления, совершенные мною и совершенные националистической организацией в Узбекистане, которой я руководил, признавая свои преступления как участника «право-троцкистского блока», я все, что знал, раскрыл, всех участников преступлений назвал и сам себя разоружил. Поэтому, если что можно сказать в свою пользу, прося о защите, о пощаде, так это то, что я сейчас — раздетый человекоподобный зверь. Я полностью обо всем, что знал, сказал. Я выбросил весь тот гной, который у меня был внутри. И мне сейчас стало гораздо легче. Я подумал, что если перед судом все это расскажу, народ об этом будет знать, будет знать, что этот Икрамов хоть в последнее время своей жизни ушел и отрекся от той позиции, которой название предательство, шпионаж, враг народа и родины, вот от этой позиции он ушел и умер честным советским гражданином, это меня сильно облегчает. Если это так и будет, то это для меня представляет некоторое утешение.

Я только недавно понял, как тяжело быть врагом народа. Тяжело тем более быть врагом такой родины, какой является Страна советов.

Я все это говорю не для защиты своей поганой шкуры. Я это говорю, чтобы каждый гражданин Советского Союза знал, какими преступниками являемся мы, куда вели и хотели вести националисты народы Узбекистана. Наш путь был путь угнетения, путь закабаления народов Узбекистана.

Путь, к которому ведет Коммунистическая партия — это путь свободной, путь зажиточной, культурной, сытой жизни. Я говорю это, чтобы все знали, что буржуазный националист говорит о нации только для обмана народа, чтобы ни один националист, оставшийся еще не раскрытым, не мог спекулировать на национальных моментах в Узбекистане. Вот почему я здесь о всех своих преступлениях рассказал и подробно о них говорил на предварительном следствии.

Любой приговор суда я буду считать совершенно справедливым и правильным. Но я хотел бы попросту сказать — не хочется умирать, тем более не хочется умирать врагом народа, а я хочу в любом месте, где угодно, искупить то тяжкое преступление, которое я совершил с этой компанией.

Председательствующий. Подсудимый Раковский.

Раковский. Гражданин председатель суда, граждане судьи! Я с величайшим и напряженным вниманием следил вчера за обвинительной речью Прокурора Союза не потому, что я намерен был входить с ним в пререкание. Этого намерения у меня нет. Я признался во всех преступлениях. Какое значение имело бы для существа дела, если бы я здесь перед вами стал бы устанавливать факт, что о многих преступлениях и о самых ужасных преступлениях «право-троцкистского блока» я узнал здесь на суде и с некоторыми участниками я познакомился впервые здесь? Это не имеет никакого значения. Я связан с «право-троцкистским

блоком», конечно, в рамках, предусмотренных Уголовным кодексом, той солидарностью и политической и юридической, которая вытекает из моей принадлежности к этому блоку.

Я, как каторжник, прикованный к своей галере, прикован к «право-троцкистскому блоку» тяжелой цепью своих преступлений. Я являюсь участником подпольной контрреволюционной троцкистской организации до последнего времени, до моего ареста. Я являюсь активным участником «право-троцкистского блока». Я совершил тягчайшие преступления перед государством. Я — двойной шпион. В 1924 году я вступил в преступные связи с «Интеллидженс Сервис», а в 1934 году — в преступные связи с японской разведкой. В 1927 году я вел переговоры с некоторыми правыми французскими капиталистическими кругами, цель которых, в последнем счете, опять-таки была направлена против Советского Союза. В 1935 году я воспользовался пребыванием в Москве французского министра Лаваля, приездом с ним французских журналистов для того, чтобы в разговоре с одним из них (я его назвал) попытаться помешать, сорвать франко-советское сближение. Я вам, граждане судьи, докладывал относительно письма Троцкого от июля 1934 года, в котором он говорил о необходимости изолировать в международном отношении Сталина, то есть усилить, укрепить капиталистическое окружение вокруг Советского Союза. Я принадлежал к так называемой «пятой колонне», о которой говорил вчера Прокурор, и заслуживаю всех тех проклятий, которые несутся теперь со всех уголков Советской земли против нас, находящихся здесь на скамье подсудимых, проклятий, может быть слабым отражением которых явилась обвинительная речь Прокурора, как бы она ни была сурова и остра против нас.

Граждане судьи! Я разделяю сожаление государственного обвинителя, что здесь на скамье подсудимых наряду с нами нет врага народа Троцкого. Картина нашего процесса теряет и в полноте и в глубине от того, что отсутствует атаман нашей шайки. Никто не заподозрит меня, что я говорю это, исходя из желания эгоистического, из низменного побуждения — переложить на Троцкого часть той вины и той ответственности, которую я несу сам. Я старше Троцкого — и по возрасту, и по политическому стажу, и вероятно, не меньше у меня политического опыта, чем у Троцкого. Я сожалею об его отсутствии здесь по соображениям политического характера. Я жалею, потому что отсутствие Троцкого на скамье подсудимых означает продолжение его активности, как бы он ни был ограничен, а это представляет опасность, как бы она ни была мала, опасность для международного рабочего движения. Правда, что Троцкий и за мексиканским меридианом не укроется от той полной, окончательной, позорной для всех нас дискредитации, которую мы здесь выносим.

Этим можно было бы и исчерпать все, что касается, в сущности, до правовой, юридической стороны моего дела, и я отказался бы даже от своего последнего слова, если бы я не считал необходимым в свою очередь, после того, что было сказано здесь Прокурором, постараться указать на исключительное политиче-

ское значение данного процесса. Но мне кажется, что гражданин Прокурор обратил внимание только на одну сторону дела. Да, он подчеркнул чудовищность тех преступлений, которые мы совершили, но я хотел бы обратить внимание, граждане судьи, что чудовищность еще здесь заключается в том, кем совершены эти преступления. Кем совершены шпионаж, вредительство, диверсии, террор, убийства? Они не совершены кандидатами уголовной хроники, которые живут в трущобах или в подвалах. Преступников, которые находятся здесь, нужно было извлекать из Дома правительства. И вот, тот вопрос, который возникает и которому я чувствую необходимость, как один из участников, найти ответ, это есть вопрос, каким образом бывшие члены ЦК, бывшие члены правительства, бывшие полпреды очутились здесь? Какой вид безумия привел их на эту скамью политического бесчестия? Я думаю, что это тем более необходимо, что такой вопрос встает перед всеми и все ищут объяснения. Я укажу на очень ходячее объяснение. Ведь это не первый процесс. Я помню, в связи с другими процессами, как отвечают на этот вопрос. Удовлетворяются тем шаблонным буржуазным поверхностным объяснением, которое говорит, что все революции кончают тем, что пожирают своих детей. Октябрьская революция, мол, не ускользает от этого общего закона исторического фатализма.

Это — смешная, необоснованная аналогия. Буржуазные революции кончали, — вы меня извините, если я привожу некоторые такие теоретические аргументы, но имеющие значение для данного момента, — буржуазные революции действительно кончали, пожирая своих детей, потому что они должны были, после того, как побеждали, расправиться со своими союзниками из народа, со своими революционными союзниками слева.

А пролетарская революция, революция класса, революционного до конца, когда она применяет то, что Маркс называл «плебейские методы расправы», она их применяет не к передовым элементам, она их применяет к тем, которые стоят на пути этой революции или которые, как мы, были с этой революцией, шли известное время вместе, а потом вонзили ей кинжал в спину.

И вот на этот вопрос хочу дать ответ я, как активный троцкист, как ближайший друг, личный друг Троцкого (Прокурор установил, что дружба продолжалась 34 года), как человек, который после того, как многие возвратились (правда, двурушничая) в партию, продолжал еще долгие годы вести открытую борьбу против партийного руководства. Позвольте мне поделиться в этом отношении своими соображениями.

Граждане судьи! Почему я действительно оказался против своей партии и докатился в конце концов до положения преступника? Что такое представляли мы, троцкисты, в партии? Мы были то, что называется инородным телом в живом партийном организме. Троцкий вступил в партию большевиков всего за несколько месяцев до Октябрьской революции, его идеология формировалась в борьбе с большевизмом. Я вступил в партию в кон-

це 1917 года, после того, как в течение больше четверти столетия принадлежал ко II Интернационалу, развивавшемуся при совершенно особых условиях, в условиях мирного развития капитализма, и хотя я принадлежал к его левому крылу, был проникнут его оппортунизмом. Если вы проследите историю других троцкистов, если я возьму для примера Радека, Пятакова, Преображенского, вы найдете у них всех и до Октябрьской революции и после Октябрьской революции ряд значительных уклонов.

И нужно сказать, что с первого же момента, мы, троцкисты, приняли на себя роль антагонистов партийного руководства. С первого же момента. Брест-Литовск. Я не буду здесь ссылаться на те показания (вы их знаете), которые устанавливают роль Троцкого во время Брест-Литовска. Профсоюзная дискуссия. Что это такое было? Это была проверка сил. Обвиняемый Зеленский здесь приводил факты, которые может быть откроют, что там была в общем другая попытка, только, насколько мне помнится, все лица, которых он упоминал, не принадлежали к троцкистской фракции, они принадлежали к так называемой децистской фракции, фракции демократического централизма. Мы терпим поражение и немедленно принимается ориентация на иностранные государства. Достаточно только напомнить вам факт, который был здесь установлен, мы терпим поражение в 21 году на профсоюзной дискуссии. Партия в своем стремлении укрепляет внутреннее единство, выводит целый ряд троцкистов из Центрального Комитета.

В 1921 году Троцкий дает уже первую директиву о создании преступной связи с немецкой разведкой. В 1926 году — вторая директива. Первая директива дана Крестинскому, вторая директива дана Розенгольцу. В конце 1924 года ко мне является вербовщик «Интеллидженс Сервис»,— ведь я его мог спустить с лестницы, потому что он действовал посредством шантажа. Но когда он заявил: «вы не забывайте, что мы дали для вас агреман потому, что мы узнали, что вы троцкист», это уже затронуло троцкистскую фибру. Тогда я ему не дал ответа, поговорил с Троцким. Мы знали, в каком мы находимся положении. Меня тогда должны были снять из Украины, некоторых вывели из состава ЦК, Смирнова сняли из Сибирского ревкома, Радек и Пятаков тоже на отлете, а Троцкий говорил, что он в ближайшее время, в ближайшие дни должен уйти из Ревсовета, если не хочет, чтобы его оттуда ушли с треском.

Я сопоставляю эти факты для того, чтобы было ясно. В 1926 году мы уже входим в связь с иностранной разведкой. В 1927 году становится очевидным, что мы терпим поражение и что это уже будет поражение, после которого никакой маневр не удастся, потому что до этого поражения зиновьевско-троцкистская оппозиция держала руки по швам перед партией и оставалась в партии, продолжая работать против партии, и что самое позднее — на XV съезде партии мы будем исключены, во всяком случае, если не все мы, то Троцкий. Тут уже мы должны были перейти к конспирированной обстановке. После этого я

уезжаю во Францию. В августе, сентябре месяце, я веду переговоры об объединении оппозиции и о том, что мы можем получить от известных французских кругов для нашей победы.

Я не буду рассказывать историю троцкизма, она известна. Я хочу сказать только о создании «право-троцкистского блока». Создание «право-троцкистского блока» — это, если можно так назвать, «брак по расчету», каждый приносит свое приданое. Мы, троцкисты, приносим наши связи с международной разведкой, правые приносят свои кадры, свои связи с националистически-меньшевистскими, эсеровскими и другими элементами, свои связи с кулачеством. Конечно, кроме этого основного нашего капитала каждый еще может кое-что дать. Мы не останавливались перед вероломством, перед обманом, изменой, подкупом, убийством при помощи яда и револьвера вместо традиционного кинжала.

Я не буду говорить о какой бы то ни было идеологии этого блока. Вы слышали здесь платформу моего соучастника по процессу Н. И. Бухарина. Это есть, конечно, восстановление капиталистических отношений в два скачка, через открытый шлюз для свободной внешней торговли, через возвращение кулачества, через ликвидацию колхозов, через широко открытые двери для концессионных капиталов. В чрезвычайно быстрый период мы рассчитывали добиться полного торжества капитализма.

Наша идеология, конечно, была идеологией контрреволюционной. Мы хотели опереться на элементы, которые уже осуждены были пятилетками, элементы, которые выметены, вычищены. Конечно, ничего удивительного нет, когда эти старые обломки обрушились и мы оказались под развалинами этих обломков. Я думаю, что этого недостаточно. По-моему, нет примера, когда бы политические люди, люди, которые имеют известное политическое прошлое, опыт и так далее, давали бы доказательство такой наивности, такого самообольщения, таких иллюзий, которые имели бы над ними власть. Да ведь это же бред, настоящий бред, сумасшедший бред так думать, а мы думали. Мы думали, что мы можем нашими ничтожными силами, не только не имея опоры, но имея против себя рабочий класс, имея против себя партию, — мы думали достичь каких-нибудь результатов. Это — бред, рассчитанный на какую-нибудь внешнюю помощь. Бред в каком смысле? Эта внешняя помощь использует нас, а потом выбросит. Мы из политической силы превратились в орудие.

Бред во всех отношениях. Наше несчастье в том, что мы занимали ответственные посты, власть нам вскружила голову. Эта страсть, это честолюбие к власти нас ослепило. Одной «идеологией» этого нельзя объяснить. Эти два момента, вместе взятые и действующие совместно, привели нас на скамью подсудимых.

Мы считали себя людьми, посланными провидением, утешались тем, что нас позовут, что мы необходимы. Это говорили и троцкисты, это говорили и правые. Мы не заметили, что мимо нас прошло все развитие Советского Союза, мимо нас прошла

мирная революция, преобразившая нашу деревню, мимо нас прошел этот колоссальный рост культурного и политического уровня народных масс и создание новых кадров государственных людей из стахановцев. Все это прошло мимо нас, мы этого не заметили.

Отрезвление должно было наступить. Я может быть несколько противоречу речи Прокурора, но считаю, что «право-троцкистский блок» был обречен на разложение. Это, конечно, не снимает с блока ответственности за совершенные преступления.

Никакого политического будущего перед нами не было. Отрезвление для многих еще не началось, потому что оно началось уже после того, как нас арестовали.

Граждане судьи! Я рассказал все, что мною было совершено, не скрыв и не утаив ни одного факта. И во время судебного следствия, предварительного следствия, и во время суда (мне кажется я не ошибусь, если скажу) я не был уличен ни в одном противоречии и в сокрытии какого-нибудь факта.

Я считаю, что это есть доказательство того, что я перед вами полностью и целиком обнажился, полностью и целиком себя разоблачил.

Я обращаюсь к вам с одним словом, которое никогда не сорвалось бы с моих уст, если бы это был другой суд. Но я обращаюсь к вам с этим словом потому, что в вашем лице я вижу советский суд, пролетарский суд. Это — слово о пощаде. Вчера государственный обвинитель в известном смысле облегчил мне эту задачу, поскольку он не требует применения ко мне высшей меры наказания. Но я должен сказать, что в той градации минимума и максимума, которая была упомянута гражданином Прокурором, есть известный предел, который заходит за пределы моего возраста. Я хочу на это указать только для того, чтобы при применении ко мне соответствующих статей закона вы учли это обстоятельство и сообразовали ваше решение, так сказать, с физиологическими пределами обвиняемого, который находится перед вами.

Граждане судьи! С юного возраста я выполнял честно, верно, преданно свой долг солдата дела освобождения труда. За этой светлой полосой наступила черная полоса моих преступных деяний, измены отечеству, черная серия преступлений, которую я вам сегодня вкратце резюмировал. Я вам сказал все, что я знал, я все рассказал, ничего не скрыл, ничего не утаил, я глубоко и искренне раскаиваюсь и прошу дать мне возможность хотя бы самым скромным трудом в любой обстановке искупить хотя бы ничтожную часть моей вины. Я кончил.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Розенгольц.

Розенгольц. После той характеристики, которая была мне дана в обвинении, мне хочется в моем последнем слове, в моем последнем обращении к людям напомнить самому себе, а также и другим о тех страницах моей жизни, которые я могу

назвать хорошими и которые не вызывают подозрения ни с чьей стороны. Прежде всего, несколько слов о моей биографии. Я тем более хочу об этом сказать, что никогда до этого ни воспоминаниями, ни мемуарами не занимался.

В самые ранние детские годы я был воспитан профессионалкой социал-демократом.

Мои самые ранние воспоминания — это обыски жандармов. Уже в десятилетнем возрасте моя детская рука была использована для того, чтобы ночью прятать, а утром вынимать нелегальную литературу оттуда, куда не могла проникнуть рука взрослого.

Я вступил в большевистскую партию, когда мне было всего 15—16 лет. Мой первый арест был тогда, когда мне было 16 лет. Когда мне было 17 лет, я был выдвинут большевистской группой в качестве кандидата на объединенный съезд партии под кличкой «Степана», под которой я работал.

В тяжелые годы царской реакции я не отходил от партии. В период империалистической войны я защищал активно большевистские пораженческие позиции. Проводил, в частности, в Москве отпор Чхеидзе, я был, в частности, одним из организаторов и председателем собрания рабочих представителей в Москве, которое было в 1915 году. Во время трамвайной забастовки захватили зал городской думы, для проведения мероприятий по поддержанию этой трамвайной забастовки.

Не думайте, что я занимаюсь бахвальством, но все-таки мне хочется вспомнить то, что было хорошего в моей жизни, безусловно хорошего.

В Октябрьскую революцию я привел к Моссовету первую войсковую часть — самокатный батальон. Мне кажется, что я активной своей ролью и в качестве члена революционного комитета могу быть более или менее удовлетворен. В период гражданской войны Центральный Комитет партии командировал меня из одной армии в другую на более тяжелые участки. Доверие ЦК ко мне тогда нашло выражение хотя бы в том, что мне выдан был мандат Лениным и Свердловым, по которому мне было предоставлено единоличное право исключения из партии. Это было в 1918 году. Я могу сказать, что доверия, предоставленного мне этим мандатом, я тогда не нарушил. Я направлялся непосредственно Владимиром Ильичом в ряд армий — и в 7-ю, и в 13-ю, и на ленинградский фронт, и на южный фронт. Я с теплотой вспоминаю то отношение, которое встречал всегда со стороны Владимира Ильича при приездах в Москву с фронта. Я вспоминаю ту огромную поддержку, которую всегда в гражданской войне оказывал мне Сталин. Я вспоминаю хотя бы то, что в период борьбы в 13-й армии на подступах к Туле Сталин по своей инициативе настоял на том, чтобы из армии был удален Пятаков с тем, чтобы я был руководителем армии на этом важнейшем участке. Я вспоминаю, что в 7-й армии у Ленинграда Сталин за месяц до наступления Юденича, приехав по поручению Владимира Ильича, защитил меня от той кампании, которая велась против меня в

ряде стратегических споров, и настоял (я это считаю необходимым отметить, потому что это имеет некоторое значение и историческое, этот факт мало известен), — Сталин настоял и провел командирование и направление под Ленинград значительных войсковых частей, которые пришли как раз перед самым наступлением Юденича. Если бы Сталин этого тогда не провел при поддержке Владимира Ильича, наступление Юденича встретило бы совершенно иную картину.

Если я вспоминаю эти отдельные эпизоды гражданской войны, если я вспоминаю с удовлетворением свою работу в армии, то я это привожу не для смягчения приговора. Я хочу объяснить причину. Простая человеческая причина: после того, что пришлось пережить, после чувства позора, испытанного на этом процессе, после совершенных чудовищных преступлений, нет стимулов и желания просить о смягчении приговора.

Я говорю это не для красного словца. Это не значит, что я не расстаюсь с болью с прекрасной Советской землей. Мы сейчас имеем прекрасные новые всходы, новое поколение, воспитанное большевистской партией. Мы имеем такой подъем в Советском Союзе, какого не имеется нигде в мире. Боль расставания усугубляется тем, что мы имеем уже совершенно реальные результаты социалистического строительства. Впервые имеем жизнь, полнокровную жизнь, блещущую радостью и красками. Миллионы, десятки миллионов людей, дети и граждане Советского Союза, в том числе и мои дети, поют песню — «Хороша страна моя родная... нет такой другой страны на свете, где так вольно дышит человек». И эти слова я повторяю — узник, — я повторяю эти слова: нет такой страны на свете, где был бы такой энтузиазм в труде, где звучал бы такой веселый, радостный смех, где раздавалась бы такая вольная песня, пляска, где была бы такая прекрасная любовь. И я говорю: прощай, страна моя родная! Я хочу, чтобы мне поверили. Мне ничего не нужно ни от суда, ни от людей. Я не хочу и не могу допустить ни одного слова неправды в этом моем последнем обращении к людям.

Ни один человек в мире не принес так много горя и несчастий людям, как Троцкий. Это — самый грязный агент фашизма. Прав Прокурор, прав Раковский, когда говорили, что здесь на скамье подсудимых в первую очередь недостает Троцкого.

Троцкизм — это не политическое течение, а беспринципная, грязная банда убийц, шпионов, провокаторов и отравителей, это грязная банда пособников капитализма. Такую функцию троцкизм выполняет везде, во всех странах, в том числе и в Советском Союзе.

Урок и вывод этого процесса для миллионных масс Советского Союза заключается, в первую очередь, в безусловной чистоте генеральной линии большевистской партии. Беда и несчастье тому, кто отходит хотя бы в малейшей степени от генеральной линии большевистской партии. Я хочу, чтобы вы мне поверили, поверили в искренность произносимых мною сейчас слов.

Я говорю: да здравствует, процветает, укрепляется великий, могучий, прекрасный Союз Советских Социалистических Республик, идущий от одной победы к другой, над которым сияет прекрасное солнце социализма!

Да здравствует большевистская партия с лучшими традициями энтузиазма, геройства, самопожертвования, какие только могут быть в мире, под руководством Сталина! В неизбежном столкновении двух миров победит коммунизм. Да здравствует коммунизм во всем мире!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:

Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

Вечернее заседание 12 марта 1938 года

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Бухарин, вам предоставляется последнее слово.

Бухарин. Гражданин Председательствующий и граждане судьи! Я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчет значения процесса, на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершенные «право-троцкистским блоком», одним из лидеров которого я был и за всю деятельность которого я несу ответственность.

Этот процесс, который в серии других процессов является заключительным, раскрывает все преступления, изменническую деятельность, раскрывает исторический смысл и корень нашей борьбы против партии и Советского правительства.

Я уже больше года сижу в тюрьме и поэтому не знаю, что происходит в мире, но по случайным обрывкам действительности, доходящей иногда до меня, вижу, чувствую и понимаю, что интересы, которые мы так преступно продавали, вступают в новую фазу своего гигантского развития, выходят уже теперь на международную арену, как величайший могучий фактор международной пролетарской фазы.

Мы, подсудимые, сидим по другую сторону барьера, и этот барьер отделяет нас от вас, граждане судьи. Мы очутились в проклятых рядах контрреволюции, стали изменниками социалистической родины.

В самом начале процесса на вопрос гражданина Председательствующего: признаю ли я себя виновным, я ответил признанием.

На заданный мне вопрос гражданином Председательствующим: подтверждаю ли я данные мною показания, я ответил, что полностью и целиком подтверждаю.

Когда в конце предварительного следствия я был вызван на допрос к государственному обвинителю, который контролировал всю совокупность следственных материалов, то он резюмировал эту совокупность следующим образом (том 5, стр. 114, от 1 декабря 1937 года):

«Вопрос: Были ли вы членом центра контрреволюционной организации правых? Я ответил: да, признаю.

Другой вопрос: Признаете ли вы, что центр антисоветской организации, членом которого вы являетесь, осуществлял

контрреволюционную деятельность и ставил своей целью насильственное свержение руководства партии и правительства? Я ответил: да, признаю.

Третий вопрос: Признаете ли, что этот центр осуществлял террористическую деятельность, организовывал кулацкие восстания и подготовлял белогвардейские кулацкие восстания против членов Политбюро, против руководства партии и Советской власти? Я ответил: это верно.

Четвертый вопрос: Признаете ли вы себя виновным в изменнической деятельности, выражавшейся в подготовке заговора с целью государственного переворота? Я ответил: и это верно».

На суде я признавал и признаю себя виновным в тех преступлениях, которые я совершил и которые были мне вменены гражданином государственным обвинителем в конце судебного следствия на основе имевшегося у Прокурора следственного материала. На суде я заявлял, также и сейчас это подчеркиваю и повторяю, что политически я признаю себя ответственным за всю совокупность преступлений, совершенных «право-троцкистским блоком».

Я подлежу самой суровой мере наказания и я согласен с гражданином Прокурором, который несколько раз повторял, что я стою на пороге смертного часа.

Тем не менее, я считаю себя вправе опровергнуть некоторые обвинения, которые появились: а) в печатном обвинительном заключении, в) во время судебного следствия, с) в обвинительной речи гражданина Прокурора СССР.

Считаю необходимым упомянуть, что во время моего допроса гражданином государственным обвинителем, последний заявил в весьма категорической форме, что я, как обвиняемый, не должен брать на себя больше, чем я на себя взял, чтобы я не выдумывал фактов, которых не было, потребовав занесения этого своего заявления в протокол.

Еще раз повторяю, я признаю себя виновным в измене социалистической родине, — самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя, далее, виновным в подготовке заговора — «дворцового переворота». Из этого, между прочим, и вытекает неправильность всех тех мест обвинительной речи гражданина государственного обвинителя, где он изображает дело так, что я становился в позу чистого теоретика, в позу философа и так далее. Это суть вещи, сугубо практические. Я говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела. Из этого вытекает, как это всякому понятно, что многих конкретных вещей я мог и не знать, что их я действительно и не знал, но это ответственности моей не снимает.

Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в «право-троцкистском блоке», хотя я утверждаю:

а) лично я на этой позиции не стоял,

б) фраза об открытии фронта принадлежала не мне, а это был отзвук моего разговора с Томским,

в) если Рыков впервые услыхал эту фразу от меня, то это, повторяю, был отзвук разговора с Томским.

Но я считаю себя ответственным за величайшее и чудовищное преступление перед социалистической родиной и всем международным пролетариатом. Я считаю себя, далее, и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что считаю этот способ борьбы малоцелесообразным. Однако, гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства.

Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем, я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и так далее. Кстати, и Прокурор меня ни единым словом не допрашивал об этих лицах.

«Право-троцкистский блок» есть прежде всего блок правых и троцкистов. Как сюда вообще может входить, например, Левин, который здесь на суде показал, что он и сейчас не знает, что такое меньшевики? Как сюда могут входить Плетнев, Казаков и прочие?

Следовательно, сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа, они суть на разных линиях соучастники заговора, но не группа в строгом и юридическом смысле этого слова. Все подсудимые были так или иначе связаны с «право-троцкистским блоком», некоторые из них и с разведками, но и только. Но это не дает никакого основания заключать, что эта группа есть «право-троцкистский блок».

Во-вторых, действительно существовавший и разгромленный органами НКВД «право-троцкистский блок» сформировался исторически. Он, действительно, был реальностью, пока его не разгромили органы НКВД. Он возник исторически. Я показывал, что еще в 1928 году во время VI Конгресса Коминтерна, которым я тогда руководил, я первый раз говорил с Каменевым.

Как же можно утверждать, что блок был организован по заданиям фашистских разведок? Это в 1928 году-то! Кстати,

в то самое время я чуть не был убит агентом польской дефензивы, о чем прекрасно известно всем, кто близко стоял к партийному руководству.

В-третьих, я категорически отрицаю, что был связан с иностранными разведками, что они были хозяевами надо мной и я действовал, выполняя их волю.

Гражданин Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я и не слыхал до обвинительного заключения.

Мне предъявляется контекст Шаранговича, по которому выходит, что я чуть ли не вырабатывал вредительский план.

Шарангович. Бросьте врать, хоть один раз в жизни. Врете вы и сейчас на суде.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, не мешайте.

Шарангович. Я не мог выдержать.

Бухарин. Иванов. О его показаниях вообще должен сказать следующее. Соответствующие лица, в прошлом связанные с охранкой, показывают, что они из страха перед разоблачениями решили вести борьбу с Советской властью и поэтому пошли к правым, к подпольной организации, ориентирующейся на террор. Но где же тут логика? Замечательная логика из страха перед возможными разоблачениями итти в террористическую организацию, где на-завтра он может оказаться пойманным. Трудно себе это представить, я по крайней мере себе этого не могу представить. Но гражданин Прокурор им поверил, хотя все это звучит явно неубедительно.

Ходжаев утверждает, что я ему советовал связаться с английским резидентом, а Икрамов говорит, будто я ему заявил, что Туркестан является лакомым кусочком для Англии. В действительности дело было совсем не так. Ходжаеву я говорил о том, что нужно использовать противоречия между империалистическими державами и в глухой форме поддерживал мысль о независимости Туркестана. Ни о каких резидентах не было ни единого слова. Гражданин государственный обвинитель спрашивал — а вы видели Ходжаева? Видел. Это было в Ташкенте? Было в Ташкенте. Вы разговаривали с ним о политике? О политике. Значит вы говорили о резиденте. Такие заключения фигурировали не раз, а когда я протестовал против таких заключений, то гражданин Прокурор обвинял меня в том, что я говорю неправду, виляю, желаю скрыть истину и так далее, и был при этом поддержан целым рядом моих сопроцессников. Но мне кажется, что в этом случае настоящая логика стоит целиком на моей стороне. На основании этих материалов гражданин государственный обвинитель заявляет — все шпионские связи шли по каналу Рыкова и Бухарина. А между тем гражданин Прокурор говорил, что здесь каждое слово важно. В речи гражданина Прокурора были ссылки на две японские газеты, но откуда же из этих сообщений вытекает, что речь идет именно обо мне и о правых?

Я, однако, признаю себя виновным в злодейском плане расчленения СССР, ибо Троцкий договаривался насчет территориальных уступок, а я с троцкистами был в блоке. Это факт и это я признаю.

Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению «право-троцкистского блока». Я об этом не знал. Но тут на помощь фактическому содержанию для гражданина Прокурора приходит то, что он называет логикой. Он спрашивает, могли ли Бухарин и Рыков стоять в стороне от этих убийств, и отвечает, что они не могли стоять в стороне, потому что они знали. Но не стоять в стороне и знать — это одно и тоже. Это будет то, что называется в элементарной логике тавтологией, то есть принятие за доказанное то, что нужно доказать. Как же объяснить действительно? Можно спросить — но позвольте, как же вы, злодей, объясняете вот эти самые факты, можете ли вы отрицать, что какое-то решение какой-то части с ведома Енукидзе и Ягоды было, или вы и это отрицаете? Я этого отрицать не могу, граждане судьи. Но если я не могу отрицать и в то же самое время не могу утверждать, я могу сделать известное предположение. Ведь вы же должны иметь в виду конспиративность работы. У центра не было собраний, говорили от случая к случаю, и при таких конспиративных методах общения и связи друг с другом такая вещь вполне возможна.

Максим Пешков. Ягода сам заявляет, что это убийство, лично его касающееся. Я не имею никакого права вторгаться в эту область. Но это есть заявление Ягоды, подкрепленное таким фундаментальным фактом, как просьба его о перенесении этого вопроса в закрытое заседание суда, то есть достаточно весомая величина. Между тем, Крючков говорит, что это сделано для того, чтобы ослабить жизнерадостный тонус Максима Горького. И даже, если не ошибаюсь, один из гражданзащитников также стал на эту точку зрения. Это шито белыми нитками. Против этой аргументации стоит такой колоссальной весомости факт, как личное заявление Ягоды, подтвержденное фактом перенесения этого пункта в закрытое заседание суда.

Менжинский. Буланов показал о личных мотивах точно также. Менжинский уже был болен, он никак не мог вредить «право-троцкистскому блоку».

Каким же образом это может считаться вероятным?

Останавливаюсь на показаниях Буланова.

Самый тяжелый и самый ужасный случай — смерть Алексея Максимовича. Что я показал, как и при каких обстоятельствах я показал? Меня спросили (очевидно, имея уже известный следственный материал по поводу этого дела), не вспоминаю ли я что-нибудь, что проливало бы свет на враждебное отношение правой и троцкистской части блока по отношению к Горькому. Я вспомнил разговор с Томским, о котором я докладывал здесь на суде и о котором спрашивал меня Прокурор. Этот разговор состоял в том, что Томский бегло мне сказал, что троцкисты

против сталинца Горького готовят враждебные акты. Я тогда, в тот момент совершенно не подумал, что речь может итти о каком-то террористическом акте. Я пропустил это мимо ушей. При допросе я вспомнил этот разговор с Томским. На настойчивые требования гражданина Прокурора я все время отвечал, что в моем сознании ни о каком террористическом акте мысли тогда не было. На суде же здесь на один из вопросов гражданина Прокурора я сказал: «А теперь я вижу, что речь шла именно об этом». Тогда гражданин Прокурор делает из этого следующее — говорит: «но что это такое, как не завуалированное признание?» В чем же это завуалированное признание? Признание-то в чем? В том, что я на суде узнал о целом ряде новых фактов, которые не были мне известны, и поэтому можно ретроспективно рассматривать этот разговор, который у меня с Томским был совершенно в другой перспективе? Я считаю, что здесь аргументация гражданина государственного обвинителя не может считаться достаточной.

1918 год. Гражданин Прокурор заявил, что я в 1924 году был вынужден сделать признание относительно разговора такого-то и такого-то в Смольном. Я не был вынужден, никакого абсолютно давления я не испытывал, никто, кроме меня, об этом не заикался, и я этот пример опубликовал для того, чтобы показать в те поры — в 1923—24 годы — всю вредоносность фракционной борьбы, до чего она доходит. Так что я прежде всего хотел бы устранить это недоразумение.

Гражданин государственный обвинитель говорил, что Бухарин ничего не привел против показаний пяти свидетелей, которые прошли здесь перед всеми, перед гражданами судьями по этому делу, которые утверждали, что у меня было намерение, мысль, идея, которую я настойчиво проповедывал, об аресте Ленина и его физическом уничтожении, причем к Ленину еще присоединились фигуры двух других выдающихся деятелей партии — Сталина и Свердлова. Но это неверно, что я не привел никакой аргументации. Гражданин Прокурор может считать ее неверной, слабой, неубедительной, но нельзя сказать, что я ничего не приводил. Я приводил целый ряд соображений.

Главной свидетельницей была Варвара Николаевна Яковлева. Варвара Николаевна Яковлева весь этот инцидент с подготовкой заговора с «левыми» эсерами против Ленина, Сталина и Свердлова, об их аресте и предполагаемом умерщвлении и так далее, все это она относит в своих показаниях, затем на очной ставке, затем на судебном следствии, — все это она относит к периоду до Брестского мира. Я говорил и на очной ставке, и на предварительном следствии, и в суде, что это неверно. Неверно, что «левые коммунисты» и троцкисты до Брестского мира желали произвести государственный переворот насильственными средствами, неверно по той причине, что и у троцкистов, и у так называемых «левых» было большинство в Центральном Комитете, и если бы в решающий момент голосования по вопросу о Брестском мире троцкисты не капитулировали бы, то тогда троцкисты и «левые» имели бы большин-

ство в Центральном Комитете. Так как же можно предполагать в такой ситуации, что они здесь капитулировали для того, чтобы прибегнуть к методам заговора? Всякий, кто переживал те времена, отлично знает, что «левые коммунисты» в это время были настроены так до Брестского мира, что они надеялись завоевать партийное большинство на очередном партийном съезде. Как же в такой обстановке могла итти речь о том, что говорит теперь свидетельница Варвара Николаевна Яковлева? Но я приводил другой пример. Варвара Николаевна Яковлева утверждала, что дело заключалось в том, что у нас фракционным центром «левых коммунистов» было московское областное бюро. Тогда я позволил себе назвать несколько имен, нескольких почтенных членов партии. Я этим хотел только скомпрометировать аргумент Варвары Николаевны Яковлевой. Известно, что целый ряд выдающихся имен — Куйбышев, Емельян Ярославский, Менжинский и другие — они в это время были сторонниками «левых коммунистов», принадлежали к этой моей «левой» группе. Они — эти люди — по своему удельному весу были гораздо выше Манцевых, Стуковых и всяких других, и они по своему политическому темпераменту и по своей политической активности были деятельнее означенных лиц. Поэтому фактически центральная группа в Ленинграде по Брестскому миру включала означенных лиц. Так я вас спрашиваю: как план восстания был бы возможен, если эти лица занимали основное место в центральной группе? Это немыслимо, это невозможно. И тут главная свидетельница против меня Варвара Николаевна Яковлева, она впутывает совершенно другой период, после Брестского мира, московский период.

Я очень извиняюсь перед вами, граждане судьи, что задерживаю на этом ваше внимание, но так как это исключительно тяжкий момент и исключительно интересный и ему на суде было отведено столь большое внимание, то я позволил себе по этому поводу повторить то, что я уже говорил. А между тем, гражданин государственный обвинитель утверждал, что я ничего не привел по этому поводу в свое оправдание.

Не буду останавливаться на других вещах, потому что не хочу задерживать вашего времени. Я признаю тот факт, что был один разговор с Карелиным и Камковым, причем инициатива шла от «левых» эсеров насчет ареста на 24 часа Ленина и дальнейшем блоке с «левыми» эсерами. Но на первый разговор ответ был отрицательный в грубой форме, а насчет того, что впоследствии при посредстве Пятакова велись переговоры с «левыми» эсерами и это можно рассматривать, как сформулировал, если не ошибаюсь, гражданин Прокурор, как попытку свержения Советской власти насильственным путем, — это я признаю, такой момент был. Намерение физического уничтожения — это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель, что насильственный арест означает физическое уничтожение. Учредительное собрание было арестовано, однако никто там физически не пострадал. Фракция «левых» эсеров нами

была арестована, однако там ни один человек не пострадал физически. «Левыми» эсерами был арестован Дзержинский, однако он физически не пострадал, а я говорю, и это было опущено в речи государственного обвинителя, что в этих разговорах, преступных и злодейских, специально говорилось о том, что во что бы то ни стало не был бы задет ни один волос на голове соответствующих лиц. Это может показаться как угодно, но именно так было в действительности.

Этот эпизод после-брестский, он вообще занимал во времени необычайно маленькое место, потому что вскоре после этого «левые» эсеры выступили. Нам приходилось арестовывать «лево»-эсеровскую фракцию, я сам принял участие в этой операции, я сам принял участие в руководстве арестом фракции «левых» эсеров. После этого вообще ничего не было с «левыми» эсерами. Я ездил за границу для революционной деятельности, потом оттуда вернулся, потом, повторяю, я был ранен «лево»-эсеровской бомбой. Я не отрицаю, что это было направлено не лично против меня, как показывал свидетель Манцев, но я хочу сказать, что всем было известно, что в доме МК я должен был читать доклад. В это время и было устроено покушение, причем я был легко ранен. Целый ряд тогдашних деятелей партии был убит. Это покушение было произведено, как известно, блоком «левых» эсеров во главе с Черепановым и его женой Тамарой и так называемых анархистов подполья.

Я назвал Манцева потому, что «левый коммунист» Манцев арестовал Черепанова, потому что он не был союзником этого Черепанова. То обстоятельство, что Бела Кун поощрял «левых» эсеров, это неправильно.

Я хочу сказать, что был один момент преступного заговора «левых коммунистов» с «левыми» эсерами, который быстро лопнул после их выступления, в подавлении которого целый ряд «левых коммунистов» принимал активное участие.

В подкрепление своей речи государственный обвинитель выдвинул еще целый ряд моментов, которые должны подвести базу под полосой, черной полосой моей жизни.

Здесь есть несколько ошибок. Во-первых, я никогда не был отзовистом, как это сказал государственный обвинитель.

Государственный обвинитель ставит мне в вину, что я работал в журнале «Новый мир» редактором вместе с Троцким, что у меня был блок с Троцким. Я против этого возражаю.

Государственный Прокурор меня обвиняет, что в 1924 году я был против Сталина. Такого случая я не помню. Я заканчиваю свои возражения против отдельных обвинений, которые государственный обвинитель предъявил мне во время судебного разбирательства, и возвращаюсь к действительно совершенным мною преступлениям. Я дважды уже их перечислял. Тяжесть этих преступлений огромна. Мне кажется, что повторять уже не следует, ясно и без того, насколько велики эти преступления.

Я хотел только сказать, что троцкистская часть не раз сепаратно выступала, и возможно, что отдельные члены блока, вроде

Ягоды, тоже выступали отдельно, потому что Ягода, по показаниям Буланова, считал Рыкова и меня своими секретарями, а сам здесь меня обозвал болтуном, который организовывал идиотские массовые восстания, когда дело шло о государственном перевороте. Но я связан «право-троцкистским блоком» и совершенно естественно, что политически я за все решительно несу ответственность.

Тягчайший характер преступления — очевиден, политическая ответственность — безмерна, юридическая ответственность такова, что она оправдает любой самый жестокий приговор. Самый жестокий приговор будет справедливым потому, что за такие вещи можно расстрелять десять раз. Это я признаю совершенно категорически и без всяких сомнений.

Я хочу коротко объяснить факты своей преступной деятельности и свое раскаяние в своих злодеяниях.

Я уже указывал при даче основных показаний на судебном следствии, что не голая логика борьбы погнала нас, контрреволюционных заговорщиков, в то зловонное подполье, которое в своей наготе раскрылось за время этого процесса. Эта голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей. Исторические примеры таких перерождений известны. Стоит назвать имена Бриана, Муссолини и так далее. И у нас было перерождение, которое привело нас в лагерь, очень близкий по своим установкам, по своеобразию к кулацкому преторианскому фашизму. Так как этот процесс шел все время у нас очень быстро в условиях развивающейся классовой борьбы, то эта самая борьба, ее быстрота, ее наличность были тем ускорителем, тем катализатором процесса, который нашел свое выражение в ускорении процесса перерождения.

Но этот процесс перерождения людей, в том числе и меня, происходил совершенно не в той обстановке, в которой происходил процесс перерождения международных рабочих деятелей в Западной Европе. Он происходил в обстановке гигантской социалистической стройки, с неизмеримыми масштабами, задачами, победами, трудностями, героикой...

И на этой основе, мне кажется вероятным, что у каждого из нас, сидящих здесь, на скамье подсудимых, была своеобразная двойственность сознания, неполноценность веры в свое контрреволюционное дело. Я не скажу, что это сознание отсутствовало, но оно было неполноценно. Отсюда происходил известный полупаралич воли, торможение рефлексов. Мне кажется, что мы представляем собою людей до известной степени с заторможенными рефлексами. И это вытекало не из отсутствия последовательного мышления, а из объективного величия социалистической стройки. То противоречие, которое получалось между ускорением нашего перерождения и этим торможением рефлексов, выражает собой положение контрреволюционера или развивающегося контрреволюционера в обстановке развивающейся социалистической стройки. Создалась психология двойственная. Каждый из нас может это констатировать в своей собственной

душе, хотя я не буду заниматься далеко идущим психологическим анализом.

Иногда и сам я увлекался тем, что я пишу во славу социалистической стройки, хотя на-завтра это отрицаю своими практическими деяниями преступного характера. Здесь образовалось то, что в философии Гегеля называлось несчастнейшим сознанием. Это несчастное сознание отличалось от обычного только тем, что оно в то же время было преступным сознанием.

Мощь пролетарского государства сказывается не только в том, что оно разгромило контрреволюционные банды, но и в том, что оно внутренне разлагало своих врагов, что оно дезорганизовало волю своих врагов. Этого нет нигде и этого нельзя иметь ни в одной капиталистической стране.

Мне кажется, что когда по поводу процессов, проходящих в СССР, среди части западно-европейской и американской интеллигенции начинаются различные сомнения и шатания, то они в первую очередь происходят из-за того, что эта публика не понимает того коренного отличия, что в нашей стране противник, враг, в то же самое время имеет это раздвоенное, двойственное сознание. И мне кажется, что это нужно в первую очередь понять.

Я позволяю себе на этих вопросах остановиться потому, что у меня были за границей среди этой квалифицированной интеллигенции значительные связи, в особенности среди ученых, и я должен и им объяснить то, что у нас в СССР знает каждый пионер.

Часто объясняют раскаяние различными, совершенно вздорными вещами вроде тибетских порошков и так далее. Я про себя скажу, что в тюрьме, в которой я просидел около года, я работал, занимался, сохранил голову. Это есть фактическое опровержение всех небылиц и вздорных контрреволюционных росказней.

Говорят о гипнозе. Но я на суде, на процессе вел и юридически свою защиту, ориентировался на месте, полемизировал с государственным обвинителем, и всякий, даже не особенно опытный человек в соответствующих отделах медицины, должен будет признать, что такого гипноза вообще не может быть.

Очень часто объясняют эти раскаяния достоевщиной, специфическими свойствами души (так называемой l'âme slave), что можно сказать о типах вроде Алеши Карамазова, героев «Идиота» и других персонажей Достоевского, которые готовы выйти на площадь и кричать: «бейте меня, православные, я злодей».

Но здесь дело совершенно не в этом. В нашей стране так называемая l'âme slave и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюсквамперфектум. Такие типы не существуют у нас, они существуют разве на задворках маленьких провинциальных флигельков, да вряд ли и там существуют. Наоборот, в Западной Европе имеет место такая психология.

Я буду говорить теперь о самом себе, о причинах своего раскаяния. Конечно, надо сказать, что и улики играют очень крупную роль. Я около 3 месяцев запирался. Потом я стал да-

вать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И, наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все это приобретает другие размеры в сознании человека. Это меня в конце концов разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной. И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь; если ты каким-нибудь чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех, враг народа, в положении нечеловеческом, в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни... И тотчас же на этот вопрос получается тот же ответ. И в такие моменты, граждане судьи, все личное, вся личная накипь, остатки озлобления, самолюбия и целый ряд других вещей, они снимаются, они исчезают. А когда еще до тебя доходят отзвуки широкой международной борьбы, то все это в совокупности делает свое дело, и получается полная внутренняя моральная победа СССР над своими коленопреклоненными противниками. Мне случайно из тюремной библиотеки попала книжка Фейхтвангера, в которой речь шла относительно процессов троцкистов. Она на меня произвела большое впечатление. Но я должен сказать, что Фейхтвангер не дошел до самой сути дела, он остановился на полдороге, для него не все ясно, а на самом деле все ясно. Мировая история есть мировое судилище. Ряд групп, лидеров троцкизма обанкротился и брошен в яму. Это правильно. Но нельзя делать так, как делает Фейхтвангер в отношении, в частности, Троцкого, когда он ставит его на одну доску со Сталиным. Здесь у него рассуждения совершенно неверные. Ибо в действительности за Сталиным стоит вся страна, надежда мира, он творец. Наполеон однажды заметил — судьба это политика. Судьба Троцкого — контрреволюционная политика.

Я скоро кончу. Я быть может говорю последний раз в жизни. Я объясню, каким образом я пришел к необходимости капитулировать перед следственной властью и перед вами, граждане судьи. Мы выступили против радости новой жизни с самыми преступными методами борьбы. Я отвергаю обвинение в покушении на Владимира Ильича, но мои контрреволюционные сообщники, и я во главе их, пытались убить дело Ленина, продолжаемое Сталиным с гигантским успехом. Логика этой борьбы со ступеньки на ступеньку спускала нас в самое черное болото. И еще раз доказано, что отход от позиции большевизма есть переход в политический контрреволюционный бандитизм. Теперь контрреволюционный бандитизм разгромлен, мы разбиты, раскаялись в своих ужасных преступлениях.

Дело, конечно, не в этих раскаяниях и в том числе не в моих личных раскаяниях. И без них суд может вынести свой приговор. Признания обвиняемых необязательны. Признания обвиняемых есть средневековый юридический принцип. Но здесь на-

лицо и внутренний разгром сил контрреволюции. И нужно быть Троцким, чтобы не разоружиться.

Я обязан здесь указать, что в параллелограмме сил, из которых складывалась контрреволюционная тактика, Троцкий был главным мотором движения. И наиболее резкие установки — террор, разведка, расчленение СССР, вредительство — шли в первую очередь из этого источника.

Я a priori могу предполагать, что и Троцкий, и другие мои союзники по преступлениям, и II Интернационал, тем более потому, что я об этом говорил с Николаевским, будут пытаться защищать нас, в частности, и в особенности меня. Я эту защиту отвергаю, ибо стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом. Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР. Пусть этот процесс будет последним тягчайшим уроком и пусть всем будет видна великая мощь СССР, пусть всем будет видно, что контрреволюционный тезис о национальной ограниченности СССР повис в воздухе как жалкая тряпка. Всем видно мудрое руководство страной, которое обеспечено Сталиным.

С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Левин.

Левин. Граждане судьи! В своем последнем слове я хочу еще раз подтвердить свою вину.

Государственный обвинитель с исчерпывающей полнотой и объективностью выявил всю мою вину и ярко нарисовал картину тяжести совершенных мною преступлений. Тяжесть этих преступлений я сознавал всегда, и в те годы, когда они совершались под непреодолимым, как мне казалось, давлением жестоких угроз и преступных директив Ягоды, и после этого, вплоть до последних дней. И если в моих показаниях, которые я давал несколько дней тому назад, может быть звучало, как вчера сказал мой защитник, эпическое спокойствие, то это спокойствие надо объяснить не тем, что я был спокоен, когда говорил об этом, а тем, что я, выступая первым из группы врачей, должен был суду подробно, ясно обрисовать всю картину произведенных и осуществленных преступлений, сделать это в такой форме, чтобы это всем было понятно; и для того, чтобы в спокойной форме все это изложить, для того, чтобы побороть совершенно естественное в такой обстановке волнение, я должен был собрать все свои силы, все свое самообладание и постараться выдержать спокойный тон. Кроме того, мне казалось, что в таком положении, в котором я сейчас нахожусь, мне не следует говорить о своих личных переживаниях, о своих волнениях, страданиях, — ни к чему это сейчас и это не нашло бы ни в ком отзвука. Вот две причины, которые может быть создали то впечатление, о котором говорил вчера защитник — впечатление эпического спокойствия от моих ужасных показаний. Спокойствия, конечно, нет, не было

и не будет. Тяжесть моих преступлений я переживал всегда, переживаю и теперь. Но с особой остротой я пережил все только в самые последние дни, в тюрьме еще, за короткое время до начала процесса, когда я впервые имел возможность ознакомиться с обвинительным заключением, когда я впервые из этого обвинительного заключения узнал то, чего я никогда не знал, не предполагал, не мог предположить, не мог себе представить, когда я из этого обвинительного заключения узнал, каким преступником был Ягода уже в 1932 году, когда я узнал, в чьих интересах я вынужден был совершать свои преступления и на какой преступный путь бросил меня Ягода.

Сидя здесь на скамье подсудимых, слушая все те страшные рассказы, которые здесь произносились живыми людьми, слушая рассказы о разных генералах Сектах, о Троцком, об японцах, о немцах, англичанах, поляках, которым пересылаются секретные сведения, которым продаются наши богатейшие области и республики в обмен на какие-то будущие услуги, слушая страшные рассказы о стекле в масле, об уничтожении скота, об уничтожении необходимейших продуктов питания для населения, о подготовке поражения в предстоящей и провоцируемой ими же войне, слушая весь этот ужас и представляя себе все это, как какую-то сатанинскую пляску, я только тут осознал, в какую бездну вверг меня злой гений Ягоды, каким силам он заставил меня служить, для чего и с какой целью он толкнул меня с прямого, трудового, честного пути, по которому я шел около 40 лет, и посадил меня на 68-м году жизни вместе с собой на эту позорную скамью подсудимых.

Моя вина очень велика, граждане судьи. Вина моя такова, что наказание должно быть, конечно, очень сурово, я в этом не сомневаюсь. Сегодня или завтра вы будете решать мою судьбу, и, может быть, в самом решении этой судьбы вы захотите все-таки учесть, что преступления, совершенные мною, совершались не по моей злой воле, не по моим личным устремлениям, личным политическим взглядам, совершались исключительно по злой воле и по директивам Ягоды.

Мой врачебный стаж 42 года, и я никогда на этом пути не совершал никаких преступлений, никогда я их не совершал и после 1936 года, избавившись от кошмарных директив Ягоды. Я не потому и не для того это говорю, чтобы спрятаться за спину Ягоды. Это ни к чему. Но у меня потребность сказать, вам, граждане судьи, и сказать через стены этого дома стране, что если бы не было Ягоды, я никогда не был бы преступником. Я до конца жизни остался бы тем же преданным и честным работником, каким был все 42 года своей трудовой жизни. Я это должен подчеркнуть непременно. Я должен сказать еще раз, что преступления мои я совершил не по преступным своим убеждениям и замыслам, а по навеянным мне и казавшимся мне необходимыми требованиям Ягоды.

С самого начала Октябрьской революции я включился в работу и вел большую, очень большую и напряженную работу в области советского здравоохранения. И до революции, и после

революции я работал много в больницах, я работал, участвовал в научной общественной жизни Москвы. Я состоял старейшим членом терапевтического общества, состоял членом президиума двух медицинских обществ, был членом-основателем общества всесоюзных съездов, был членом оргбюро двух или трех съездов, одного международного съезда и так далее, и тому подобное, читал доклады и участвовал в конференциях, словом, работая очень много практически, не отставал и от научно-общественной жизни. И мне лично самостоятельно, на фоне этой моей работы, огромной всегда, никогда, конечно, не могла бы притти дикая, совершенно нелепая, кошмарная мысль о причинении какого-нибудь самого малейшего вреда кому-нибудь из руководителей партии и правительства, большинство из которых я ведь имел счастье лично знать. Мне никогда не могла бы притти в голову такая же дикая, такая же кошмарная мысль о причинении какого-нибудь вреда, а не то, что смерти Алексею Максимовичу Горькому, которого я горячо любил, это все знают, с которым был близко связан, которого я высоко ценил, как одного из величайших писателей нашей страны и всего мира.

Председательствующий. Нельзя ли не кощунствовать в последнем слове.

Левин. Простите. Во вчерашней своей речи мой защитник приводил доводы, на основании которых он считал возможным просить суд о смягчении моей участи, о даровании мне жизни. В эту минуту можно говорить только правду. И я скажу неправду, если скажу, что я легко и спокойно сейчас, в этот момент, смотрю в глаза смерти. Легко можно умереть политическому бойцу, который умирает за свои идеи, который с гордо поднятой головой идет на плаху, на гильотину. Но умереть позорной смертью, конечно, тяжело. И я не скрою от вас, граждане судьи, что мысль о смерти, конечно, для меня тяжела. Мне, как я уже говорил, 68-й год. Жить мне остается так или иначе недолго, и если вы найдете возможным согласиться с доводами моего защитника и с теми словами, которые я здесь сказал, может быть вы дадите возможность мне остаток своей жизни посвятить еще своей родине и искупить хоть сколько-нибудь честной работой свои преступления, честно прожить остаток моей жизни и окончить эту жизнь в своей хорошей, трудовой, советской семье. Я в преступлениях, мною совершенных, каюсь, мучительно каюсь, горько каюсь, искренно и чистосердечно. Признав во всем свою вину, раскаявшись перед вами чистосердечно, я прошу даровать мне жизнь.

Председательствующий. Перерыв на 20 минут.

* *
*

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Последнее слово предоставляется подсудимому Буланову.

Буланов. Граждане судьи! Я не буду говорить о тех преступлениях, что я делал, потому что они полностью известны и дока-

заны, если, конечно, требовать какого-то доказательства фактов, потому что мои преступления, это голые факты, требующие в лучшем случае просто регистрации, а не какого-то доказательства.

У меня нет никаких оправдательных моментов. У меня нет никаких смягчающих вину обстоятельств, — слишком тяжелы мои преступления.

Я до Ягоды не был ни правым, ни троцкистом. Ягода сделал меня и правым, и троцкистом, короче говоря, врагом народа. У меня нет длительного опыта двурушничества, обмана. Поэтому я просто, когда меня арестовали и затем на суде, рассказал все то, что я сделал, потому что это были факты.

Бухарин, я здесь слышал, разводил какую-то теорию насчет признания, а по сути дело обстоит просто. Ни для меня, ни для Бухарина, ни для других сопроцессников нет никаких оправданий и не может быть никаких обстоятельств, смягчающих нашу вину, потому что если прибавить какие-либо смягчающие обстоятельства, то это значит фактически в какой-то мере оправдывать те преступления, которые мы совершили.

Когда я слушал показания своих сопроцессников, последние слова некоторых подсудимых, то мне кажется, может быть, я ошибаюсь, у некоторых из них проскальзывает желание еще и теперь обмануть партию, хотя каждый обязательно начинал с того, что он целиком и полностью разделяет, признает и отвечает, но это формалистика, общедекларативные заявления. Они пытаются в целом ряде случаев отрицать свою вину, ссылаясь на то, что они что-то не знали. Не мне, конечно, утяжелять обвинение своих сопроцессников, но я думаю, что, поскольку я из-за этих руководителей очутился здесь на скамье подсудимых, как враг народа, я вправе здесь заявить, что некоторые из них, по-моему, стали на путь продолжения борьбы с Советской властью — путь провокации. Я привык вещи называть своими именами, так, как они есть.

Ягода на предварительном следствии через два-три дня после моего ареста и на очной ставке совершенно нагло, в глаза, продолжал отрицать целый ряд обстоятельств. Факты можно отрицать в течение пяти-десяти минут, день-два, но это безумно.

Здесь, на судебном заседании он отрицал какую бы то ни было причастность к двум убийствам. Он—организатор всех известных мне убийств. Что получается: Бухарин ничего не знал, Рыков ничего не знал, Ягода ничего не знал. Значит Николая Ивановича Ежова отравил Буланов? Значит Горького убили Крючков и Левин, значит Куйбышева убил Левин, значит Менжинского убили Казаков и Левин? А Бухарин, Рыков, Ягода не при чем?

И вот здесь, по-моему, совершенно ясны не только для вас, граждане судьи, но и для нас, физиономии этих так называемых вождей. Поздно, но приходится и мне констатировать это. Я думаю, что у меня не прозвучит так дико и фальшиво, так кощунственно, как это прозвучало у Розенгольца, если я скажу, что счастье русского рабочего, счастье русского колхозника, что Николай Иванович Ежов во-время нас поймал и во-время посадил

на скамью подсудимых. Эти люди, и я в том числе, если не смогли бы пустить действительно, то во всяком случае смогли бы создать условия наиболее легкого проникновения на территорию СССР немецким и японским полчищам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я себе представляю, если на минуту допустить, что заговор таких людей, таких «вождей», которые не стесняются здесь, на скамье подсудимых, не стесняются утопить своего же соучастника-стрелочника (Бухарин говорит, что он вождь, а не стрелочник-исполнитель, а я не вождь, я стрелочник-исполнитель), не стесняются продать с потрохами и ногами, чтобы попробовать хотя бы на одну тысячную долю секунды вывернуться самому, — так вот, если бы им, этим руководителям, действительно удалось дорваться до власти, потому что логика борьбы, которую отрицал Бухарин, это логика, по-моему, по-простому, это — логика борьбы за власть, у них лавочка, на вывеске которой были и правые, и троцкисты, и эсеры, и меньшевики, а ассортимент один: убийства, шпионаж, диверсии, предательство во всех его видах, — если бы действительно они дорвались до власти, то мне кажется, что Гитлер, которого образцом для себя считал Ягода, скоро бы позеленел от зависти. Я Бухарину подтверждаю и повторяю, что Ягода мне говорил о том, что вы будете у Ягоды министром агитации, и отвечаю за свои слова. Известно, как Гитлер расправлялся с неугодными ему. И вот я не удивился бы, если бы при председателе Совнаркома Ягоде, вы, Бухарин, первый министр агитации и пропаганды, были бы первым цыпленком на пути у Ягоды.

Граждане судьи! Тяжки мои преступления и никакого, повторяю, оправдания у меня нет. Тяжки в особенности мои личные преступления перед Николаем Ивановичем Ежовым. И я бы хотел, чтобы мое последнее слово, очевидно, последнее в буквальном смысле, как-то дошло до него. Я хотел бы просить Ежова простить меня, просить его не как одного из руководителей партии и Генерального комиссара государственной безопасности, а просить его об этом как человека.

Вам, конечно, нет и не может быть никакого дела до моих личных переживаний, но и здесь прошу поверить, что мне особенно тяжко уходить из жизни с сознанием, что ты умираешь за неправое дело, что ты уходишь из жизни из-за этих людей, физиономия которых ясна всему миру и, к сожалению, поздно, но ясна стала и мне.

Председательствующий. Подсудимый Ягода имеет последнее слово.

Ягода. Граждане судьи! Я хочу рассказать советскому суду, советскому народу о том, как человек, пробывший 30 лет в партии, много работавший, свихнулся, пал и очутился в рядах шпионов и провокаторов.

Прокурор не прав, когда говорит, что я никогда не был большевиком, — я бы не останавливался на своей жизни, если бы не это замечание.

Вот в двух словах моя жизнь: я с 14-ти лет работал в подпольной типографии наборщиком. Это была первая подпольная типография в г. Нижнем-Новгороде. Нас было три брата. Один убит в Сормове во время восстания, другой расстрелян за восстание в полку во время войны. Я могу только позавидовать их смерти. 15-ти лет я был в боевой дружине во время Сормовского восстания. 16—17-ти лет я вступил в партию, об этом знает нижегородская организация. В 1911 году я был арестован и послан в ссылку. В 1913—1914 году вернулся в Ленинград, работал на Путиловском заводе, в больничной кассе по вопросам страхования, вместе с Крестинским. Потом фронт, где я был ранен. Революция 1917 года застает меня в Ленинграде, где я принимаю активное участие, являюсь членом военной организации, формирую отряды Красной гвардии. 1918 год — Южный и Восточный фронты. 1919 год — ЧК.

Все же, независимо от того, что тяжки мои преступления перед народом, перед партией, я осмеливаюсь заявить, что даже в годы моего пребывания в контрреволюционной организации я испытывал мучительную раздвоенность. И понятно, почему. Мне, бывшему руководителю советской разведки, державшему руку на пульсе всей страны, больше чем кому-либо из сидящих на скамье подсудимых была ясно видна вся беспомощность, вся безнадежность каких-либо попыток с нашей стороны свергнуть Советскую власть. Больше всех я знал, что многомиллионный советский народ никому и никогда не даст себя запрячь в ярмо капитализма. Больше чем кто-либо я знал, что никакая интервенция, с чьей бы стороны она ни исходила, не может сломить тяги советского народа к коммунизму. Я, как начальник советской разведки, прекрасно знал врагов Советского Союза, я знал действительные силы германского и японского фашизма. Но я также хорошо знал мощь Советской страны. Именно поэтому я не мог никогда рассчитывать на успех наших контрреволюционных дел. Вот откуда моя реплика относительно болтунов. У меня нехватило большевистской смелости окончательно порвать с правыми, с этой проклятой контрреволюцией, и выдать ее целиком. Были такие попытки с моей стороны? Да, были, но до конца я их никогда не доводил. Я приведу один факт, не для смягчения моей участи, да и не нужно этого, а чтобы показать свою раздвоенность в моей жизни. История с Енукидзе в 1935 году. Я разоблачил его, но далеко не полностью. Я должен был его арестовать, я этого не сделал, потому что был сам заговорщиком. Повторяю, я не в свою защиту привел этот пример и не в свою заслугу ставлю его, а как иллюстрацию своей раздвоенности. Есть и другие факты, останавливаться на них я не буду. Все это половинчато и преступно. Я отлично понимал и понимаю, что нужно было сделать. Конечно, лучше всего было бы, если бы я пришел в Центральный Комитет, выдал себя и всю организацию. Может быть, результат был бы другой. О своих тягчайших преступлениях я рассказал, останавливаться на них второй раз не буду.

Опозоренный, повергнутый в прах, уходя из жизни, я хочу рассказать мой печальный, трагический путь, который послужил

бы уроком для всех тех, кто колеблется, кто не до конца предан делу партии Ленина — Сталина. Я тоже начал с колебаний. Это было в 1929 году. Я ошибочно тогда думал, что права не партия, а правы Бухарин и Рыков.

Мое падение началось с того момента, когда Рыков, узнав о моем сочувствии правым, предложил мне скрывать от партии мои правые взгляды. И я пошел на это. Я стал двурушником. Началась раздвоенность. К сожалению, не нашлось у меня большевистского мужества противостать мастерам двурушничества.

Это мое преступление отразилось на всей дальнейшей жизни и работе. Стало 2 человека. Был один Ягода — член партии, общавшийся ежедневно с величайшими людьми нашей эпохи, и другой Ягода — изменник родине, заговорщик. Первый Ягода видел гигантский рост страны, расцвет ее под руководством Сталинского ЦК; он же видел всю мерзость и грязь право-троцкистского подполья; а второй Ягода был прикован к этому самому подполью, как колодник к тачке, творя те чудовищные преступления, которые здесь разобраны со всей ясностью.

Вот куда приводят попытки однажды пойти против партии. Вот куда приводит тех, кто поднимет руку против партии. Вот жизнь, вот логика падения.

Я хочу уточнить и возразить Прокурору в части тех обвинений, которые он выдвинул. Они не имеют значения для решения моей участи, но не прав Прокурор, когда меня считает членом центра блока. Я не член центра блока. Для меня это важно лично, может быть, что я не принимал участия в решениях блока. Я не принимал участия в этом и я не принимал участия в решении о террористических актах. Меня ставили в известность пост-фактум и предлагали исполнять решения. Это во всех случаях выносилось без меня. Это не смягчает мою вину, но блок состоял из определенных лиц, эти лица выносили решения. Рыков был членом центра блока, он принимал решения.

Второй момент — Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это не верно. Я — не шпион и не был им. Я думаю, что в определении, что такое шпион или шпионаж, мы не разойдемся. Но факт есть факт. У меня не было связей непосредственно с заграницей, нет фактов непосредственной передачи мною каких-либо сведений. И я не шутя говорю, что если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую массу шпионов, которая сейчас переловлена.

Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова. Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник. Соучастие, гражданин Прокурор, вы так же хорошо знаете, как и я, — что это такое. Всеми материалами судебного следствия, предварительного следствия не доказано, что я — соучастник этого злодейского убийства.

Мои возражения по этим моментам не являются попыткой ослабить значение моих преступлений. Моя защита и не имела

бы здесь никакого практического значения, ибо за каждую миллионную часть моих преступлений, как говорит Прокурор, он требует моей головы. Свою голову я положил и отдаю, но я хочу уменьшить свою огромную задолженность перед Прокурором. Я знаю свой приговор, я его жду целый год. В последние часы или дни своей жизни я не хочу лицемерить и заявлять, что я хочу смерти. Неверно это. Я совершил тягчайшие преступления. Я это сознаю. Тяжко жить после таких преступлений, тяжко сидеть десятки лет в тюрьме. Но страшно умереть с таким клеймом. Хочется, хотя бы из-за решетки тюрьмы, видеть, как будет дальше расцветать страна, которой я изменил.

Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек-каналов. Сейчас эти каналы являются украшением нашей эпохи. Я не смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы. Граждане судьи! Наши законы, наш суд резко отличаются от законов и суда всех буржуазных стран. Я вспоминаю, как министр юстиции Германии Фрик на одном из заседаний судей заявил: «законы фашистских стран — это законы мщения, а не исправления». Наши законы построены на другом принципе, наш суд является другим судом. Советский суд отличается от буржуазных судов тем, что он, суд, рассматривая преступления, опирается на законы не как на догму, а руководствуется революционной целесообразностью. Страна наша могуча, сильна как никогда, очищена от шпионов, диверсантов, террористов и другой нечисти, и я прошу вас, граждане судьи, при вынесении мне приговора учтите, есть ли революционная целесообразность в моей казни теперь. Я бы не смел просить о пощаде, если бы не знал, что данный процесс является апофеозом разгрома контрреволюции, что страна уничтожила все очаги контрреволюции и Советская страна выиграла, разбила контрреволюцию на-голову. То, что я и мои сопроцессники сидим здесь на скамье подсудимых и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией. Я обращаюсь к суду с просьбой, — если можете, простите.

Председательствующий. Последнее слово предоставляется подсудимому Крючкову.

Крючков. Граждане судьи, нет таких человеческих слов, которые я мог бы сказать в оправдание моего предательского преступления. Велико мое преступление перед советским народом, перед молодой советской культурой. Признавая полностью свою вину, я еще раз хочу подтвердить суду, что «право-троцкистский блок», в лице одного из участников — Ягоды, использовал меня в своих контрреволюционных целях заговора против советского народа, против пролетарского государства. Ягода оформил и воплотил в жизнь мои преступные мысли, вовлек меня в этот «право-троцкистский блок». Я стал убийцей Горького, которого так любил народ и который такой же великой любовью отвечал народу, его партии, его вождю — могучему Сталину, как часто называл Горький Сталина. Ягода знал об этой любви Горького, он также знал, как жестоко ненавидел Горький всех врагов, а особенно, по определению Горького, самодовольную

скотину Троцкого и всех иже с ним — бухаринцев, зиновьевцев, каменевцев и рыковцев.

«Право-троцкистский блок» боялся авторитета Горького и, твердо зная, что он будет бороться до конца дней своих против заговорщиков и их преступных замыслов, решил убить Горького. Ягода, не останавливаясь перед угрозами, сделал меня непосредственным исполнителем этого злодеяния. Я прошу суд верить мне, что не только мои личные мотивы, которые переплелись с политической подкладкой этого ужасного дела, были решающими в этом преступлении. Я искренне раскаиваюсь. Я переживаю чувство горячего стыда, особенно здесь на суде, когда я узнал и понял всю контрреволюционную гнусность преступлений право-троцкистской банды, в которой я был наемным убийцей. Я прошу вас, граждане судьи, о смягчении приговора.

Председательствующий. Подсудимый Плетнев.

Плетнев. Граждане судьи, все слова уже сказаны и я буду краток. Я стою перед вами как человек, раскаявшийся в своей преступной деятельности. Я старый научный работник. Всю жизнь до последнего времени я работал. Лучшие мои работы относятся к периоду советской медицины, и они, появляясь в западно-европейской литературе, служили доказательством того, что прежним научным работникам, несмотря на их нередко антисоветские настроения, была дана возможность выявить свои творческие способности. И здесь, находясь в заключении, я обратился к руководству НКВД с просьбой дать мне книги, и по моему выбору мне было доставлено из моей библиотеки свыше 20 книг на 4-х языках. Я за этот период времени сумел написать в тюрьме монографию в 10—12 листов. Я это говорю к тому, что я здесь получил и доверие, и возможности, и я хочу надеяться, что этим я тоже показал, что я и хочу, и могу работать, потому что работать в этих условиях, в таком состоянии нервов не так просто, как работать дома. Я прошу учесть, что если бы не встреча с одним из лиц, здесь сидящих, о котором говорил недавно защитник и которое угрожало мне, шантажировало меня смертью, то не могли бы иметь место все последующие деяния. Я ознакомился с деяниями этого блока только из обвинительного акта и из процесса, как он проходил, и я думаю, что это дает мне право полагать, что я не могу полностью разделять его ответственность. Если суд найдет возможность сохранить мне мою жизнь, я полностью и целиком ее отдам моей советской родине, единственной в мире стране, где труду во всех его отраслях обеспечено такое почетное и славное место, как нигде и никогда не было.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Казаков.

Казаков. Граждане судьи! Я стою перед вами, как тягчайший преступник, как убийца председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Мне тяжело говорить о своем преступлении, потому что я как врач, естественно, призван лечить людей, восстанавливать их здоровье, я очернил звание врача и растоптал самое ценное — связь

больного с врачом, это доверие, благодаря которому больной полностью вручает свое здоровье, даже жизнь врачу.

Я стал убийцей, так как в результате неправильного лечения я вместе с доктором Левиным ускорил смерть Менжинского. В настоящее время содрогаюсь, представляя себе всю тяжесть совершенного мною преступления, тем более, что Менжинский относился ко мне, как к врачу, с полным доверием.

К этому преступлению я пришел в результате прямых личных указаний со стороны Ягоды, как первого заместителя председателя ОГПУ, застращивавшего меня угрозами, и в результате я исполнил его волю, совершив это ужасное преступление.

Я задаю себе вопрос: мог ли я тогда провести Ягоду и сделать вид, что я выполняю его указания по умерщвлению Менжинского? Казалось бы, я мог это сделать, так как в моих руках был такой способ лечения, который тогда был еще недостаточно распространен и известен. Но, граждане судьи, сделать это было более чем трудно, я бы сказал невозможно, так как надо мной был контроль, контроль со стороны доктора Левина, прямого исполнителя преступления, преступной воли Ягоды. Надо мной тяготел страх, который вселял в меня Ягода своими угрозами и постоянным наблюдением, кроме этого — истощение запасов сердечных сил Менжинского и смерть, которая должна была последовать за этим в силу наших с Левиным методов лечения. Левин был главным контролем за мной.

Теперь, когда я стою перед вами, граждане судьи, как убийца Менжинского, я не могу без чувства содрогания и ужаса думать о том, в какое гнусное преступление я был вовлечен. Я ни на одну минуту не снимаю с себя вины за это, наоборот, я хочу до конца раскаяться в данном преступлении и освободить себя от этого кошмара.

Но я не имею сил удержаться от чувства ненависти, омерзения, которое я испытываю к Ягоде. Я проклинаю этого человека — изверга, насильника, который угрозами и застращиванием, гнусно играя на моем малодушии, используя в чудовищно злодейских целях то высокое положение, которое он занимал, вырвал меня из орбиты честной научной деятельности честного работника и врача, вовлек меня в преступление безмерной тяжести, сделал преступником великой Советской страны, где работа врача поставлена на столь высокое, почетное место, где ко мне и к моей научной деятельности правительство проявило исключительное внимание и заботливость.

Я должен сказать здесь, что всю свою жизнь до этого преступления и последующие 4 года после этого, я честно и упорно вел научную клиническую работу, желая принести маленькую пользу Советской стране и ее трудовому народу. Я искренне и бережно относился к каждому больному, стараясь максимально восстановить его здоровье.

Четыре года тяготеют надо мной кошмаром совершенных мною преступлений, и этим искренним раскаянием я хочу освободиться от этого кошмара. Я прошу суд поверить в глубину и искренность моего раскаяния. Никогда я не предполагал, что стану

преступником. Я все время стремился только к научной работе, от которой теперь я оторван благодаря этому кошмару. Четыре года кошмара довлеют надо мной. Трудом я старался освободиться от этого кошмара. За четыре года, прошедшие после этого кошмара, я сделал около 40 научных исследований. Но это не освободило меня от тяжести, не облегчило, не дало радости.

Я заслуживаю самой суровой кары и если суд так решит, я приму это решение как должное. Если же мне будет предоставлена возможность работать, то я во всей своей дальнейшей жизни сделаю все, чтобы смыть с себя весь позор, который лежит на мне, и загладить свое преступление честным и упорным трудом, отдав все свои силы, все свои знания великой нашей родине.

Председательствующий. Подсудимый Максимов-Диковский имеет последнее слово.

Максимов-Диковский. Граждане судьи! Когда я давал свои показания на суде, я руководствовался только одним соображением: покаяться, рассказать все и понести заслуженное наказание.

На путь преступления я вступил не сразу. Я не принадлежу к числу тех, которые с самого начала своей партийной деятельности начали борьбу с партией. Я не принадлежу к числу тех, которые вступили в партию, принеся с собой груз чуждого политического багажа. Я с 1919 года, с 18 лет твердо вступил на путь борьбы за укрепление и отстаивание Советской власти. Я арестовывал белогвардейцев, сидел в тюрьме у белых, я был в Красной Армии и дрался на фронтах. Я вел партийную работу после демобилизации и в течение 3 лет проводил партийно-массовую работу на фабрике.

Эти 9 лет были теми годами, когда я под руководством ЦК беззаветно дрался за интересы партии, за интересы страны. И только потом, когда я спутался с правыми, я изменил интересам партии, изменил интересам своей родины. Я стал таким же преступником, какими были те, кто меня на это склонил.

В преступной среде правых заговорщиков я докатился до того, что по требованию центра (а указания центра были достаточно конкретны) я стал участником организации одного из террористических актов. Я совершил тяжелое преступление, нанес большой вред партии и стране.

Преступление, которое я совершил, было для меня той гранью, за пределы которой я не выходил. Я с 1935 года порвал свои организационные связи с заговорщиками и на протяжении последних лет ничего общего с ними не имел, что полностью подтверждается материалами следствия.

Однако, так как у меня нехватило мужества разоблачить их преступления, разоблачить самого себя, я тем самым скрывал эти преступления и, следовательно, объективно продолжал оставаться на вражеских позициях. Арестованный, я покаялся сразу и не запирался даже ни одного дня. У меня не было уже ничего общего с этими старыми, чуждыми связями. Я не имел ничего общего с ними и на той практической работе, которую я вел последние годы на транспорте, где я сумел воочию убедиться, насколько

велики успехи Советской страны, которую не свернуть со своего пути никаким заговорщикам. И я дал показания о всей контрреволюционной работе, о которой знал, я полностью разоружился, не сохраняя за собой никаких тайн и ничем себя не маскируя. Тем более чуждыми показались мне на суде какие-то казуистические выкрутасы Бухарина.

Многое из того, что я узнал на суде, я не знал раньше. И это понятно по той роли, которую я играл среди заговорщиков. Я не мог и не должен был всего знать. Но это не смягчает моей вины, ибо и то, что я знал, а главное то, что я совершил тяжкое преступление, является достаточным для того, чтобы судить меня, как государственного преступника.

Вместе с тем, я хочу сказать, что процесс со всей наглядностью показал, что означает так называемая реставрация капитализма. Процесс показал мне, что это означает такое расчленение страны, когда она оказывается в полуколониальной зависимости от фашистских государств.

Если бы этот преступный замысел осуществился, страна была бы залита кровью десятков тысяч лучших сынов ее, хуже, чем это делали Деникин и Врангель. Это означало бы, что страна была бы отброшена на десятки лет в своем развитии. Это означало бы, что международная борьба пролетариата была бы также затруднена.

Я хочу сказать, что процесс показал мне со всей наглядностью, что Гитлер, Троцкий и Бухарин стоят в одном ряду по своей озверелой борьбе против нашей страны. В свете той картины преступлений, которая была развернута здесь на суде, я не могу не присоединиться к той оценке, которую дал здесь государственный обвинитель: банда изменников и шпионов, диверсантов и предателей, провокаторов и убийц. Это тяжелые, жуткие слова. Но еще тяжелее, еще преступнее дела, совершенные нами, еще гнуснее люди, совершившие эти дела. И как же мне не назвать эти дела их собственными именами, если я хочу полностью раскаяться, не умаляя ни в чем своей вины, ни в чем себя не амнистируя! Я твердо заявляю здесь: в течение нескольких лет был в лагере врагов, я больше врагом не являюсь. Я прошу поверить мне в том, что я не являюсь неисправимым человеком, и если мне будет предоставлена возможность работать, то на любом участке, на любой работе я сумею доказать, что буду не в последних рядах.

Председательствующий. Суд удаляется на совещание.

***

(12 марта в 21 час 25 минут Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР удаляется в совещательную комнату для вынесения приговора. Совещание окончилось 13 марта в 4 часа утра).

***

Комендант суда. Суд идет, прошу встать.

Председательствующий. Объявляю приговор Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюриста В. В. Ульрих.

Членов: Заместителя Председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста И. О. Матулевича и Члена Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР диввоенюриста Б. И. Иевлева.

При секретаре — военном юристе 1-го ранга А. А. Батнер.

С участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского и членов Московской коллегии защитников т.т. И. Д. Брауде и Н. В. Коммодова — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 2—13 марта 1938 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. **Бухарина** Николая Ивановича, 1888 года рождения;
2. **Рыкова** Алексея Ивановича, 1881 года рождения;
3. **Ягоды** Генриха Григорьевича, 1891 года рождения;
4. **Крестинского** Николая Николаевича, 1883 года рождения;
5. **Раковского** Христиана Георгиевича, 1873 года рождения;
6. **Розенгольца** Аркадия Павловича, 1889 года рождения;
7. **Иванова** Владимира Ивановича, 1893 года рождения;
8. **Чернова** Михаила Александровича, 1891 года рождения;
9. **Гринько** Григория Федоровича, 1890 года рождения;
10. **Зеленского** Исаака Абрамовича, 1890 года рождения;
11. **Бессонова** Сергея Алексеевича, 1892 года рождения;
12. **Икрамова** Акмаля, 1898 года рождения;
13. **Ходжаева** Файзуллы, 1896 года рождения;
14. **Шаранговича** Василия Фомича, 1897 года рождения;
15. **Зубарева** Прокопия Тимофеевича, 1886 года рождения;
16. **Буланова** Павла Петровича, 1895 года рождения;
17. **Левина** Льва Григорьевича, 1870 года рождения;
18. **Плетнева** Дмитрия Дмитриевича, 1872 года рождения;
19. **Казакова** Игнатия Николаевича, 1891 года рождения;
20. **Максимова-Диковского** Вениамина Адамовича (Абрамовича), 1900 года рождения и
21. **Крючкова** Петра Петровича, 1889 года рождения —

всех в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58^{1a} 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9} и 58^{11} УК РСФСР, а **Иванова, Зеленского** и **Зубарева,** кроме того, в преступлениях, предусмотренных ст. 58^{13} УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Розенгольц, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Иванов, Зубарев, Зеленский и Чернов, являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932—1933 годах по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик.

«Право-троцкистский блок» поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, руководители «право-троцкистского блока» с целью осуществления своих преступных замыслов заключили через врага народа Л. Троцкого и отдельных участников антисоветского «право-троцкистского блока» соглашение с представителями некоторых иностранных государств о вооруженной помощи в свержении Советской власти в СССР на условиях его расчленения и отторжения от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Средне-Азиатских и Закавказских республик — в пользу упомянутых иностранных государств.

Этот изменнический сговор «право-троцкистского блока» с представителями иностранных государств облегчался тем, что руководящие участники антисоветского заговора являлись прямыми агентами иностранных разведок и осуществляли на протяжении многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Крестинский по прямому заданию врага народа — агента германской и английской разведок Л. Троцкого вступил в изменническую связь с германским рейхсвером в 1921 году и был германским шпионом до дня своего ареста в 1937 году, получая за свою шпионскую работу и на преступную деятельность троцкистской организации по 250 000 германских марок золотом ежегодно.

Розенгольц начал шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, для английской разведки в 1926 году.

Раковский являлся агентом английской разведки с 1924 года и японским шпионом с 1934 года.

Чернов начал шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой при содействии известного меньшевика-эмигранта Дана.

Шарангович был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году и был польским шпионом до дня своего ареста.

Гринько являлся германским и польским шпионом с 1932 г.

По заданию врага народа Л. Троцкого и руководящих участников «право-троцкистского блока» — Бухарина, Рыкова и Ягоды — члены «право-троцкистского блока» Розенгольц, Крестинский, Раковский, Гринько и Бессонов в явно изменнических целях вступили в непосредственные сношения с представителями враждебных СССР иностранных государств и вели с ними переговоры о формах помощи иностранным агрессорам в случае их нападения на Советский Союз (организация террористических и диверсионно-вредительских актов, шпионаж).

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе Рыков, Бухарин и Ягода, были не только полностью осведомлены о шпионской деятельности своих соучастников, но всячески поощряли расширение шпионских связей и сами давали указания участникам «право-троцкистского блока» при их изменнических переговорах с представителями иностранных государств, форсируя подготовку иностранной интервенции.

По прямым директивам иностранных разведок участники «право-троцкистского блока» организовали диверсионно-вредительские группы, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота, и вели разрушительную деятельность, имея своей задачей парализовать хозяйственную жизнь страны и ослабить обороноспособность Советского Союза.

По указаниям японской разведки участники «право-троцкистского блока» организовали в Дальне-Восточном крае крушение поезда с воинским грузом на станции Волочаевка и поезда № 501 на перегоне Хор — Дормидонтовка, а также совершили несколько диверсий на шахтах в Сучане. Все эти диверсии сопровождались человеческими жертвами.

По директиве врага народа Л. Троцкого и на основе сговора с представителями иностранных государств Розенгольц проводил в системе Наркомвнешторга вредительскую работу, направленную на оказание помощи Германии и Японии и сопровождавшуюся нанесением экономического ущерба СССР. Кроме того, Розенгольц путем различных валютных комбинаций систематически финансировал Троцкого.

Чернов по заданию германской разведки и указаниям Рыкова использовал свое ответственное служебное положение в земельных органах СССР для организации через своих сообщников ряда крупных диверсионно-вредительских актов по снижению урожайности сельскохозяйственных культур и порче сельскохозяйственных мобилизационных запасов, по сокращению поголовья конского состава и крупного рогатого скота, в частности путем искусственного распространения эпизоотии, причем только в Восточной Сибири в 1936 году в результате этого пало около 25.000 лошадей.

Гринько по заданию руководителей «право-троцкистского блока» и германской разведки, с целью вызвать недовольство населения и тем самым облегчить вербовку своих сторонников, проводил в системе Народного Комиссариата Финансов широкую вредительскую работу, которая выражалась в задержке выплаты заработной платы, плохом обслуживании населения сберегательными кассами, незаконном взимании некоторых налогов с крестьян и других вредительских мероприятий.

Шарангович, являясь одним из руководителей белорусской национал-фашистской организации, по заданию польских разведывательных органов и руководителей «право-троцкистского блока» — Рыкова и других, развернул широкую диверсионно-вредительскую деятельность в области сельского хозяйства, животноводства и промышленности Белоруссии, облегчая тем самым осуществление задач агрессоров в случае их вооруженного нападения на БССР.

Икрамов и Ходжаев по указанию Бухарина развернули большую диверсионно-вредительскую работу в разных отраслях народного хозяйства Узбекистана с целью вызвать недовольство населения и тем самым создать благоприятные условия для подготовки в период иностранной интервенции вооруженных выступлений против Советской власти.

Зеленский организовал в Центросоюзе и в системе потребительской кооперации вредительские группы и при их помощи, с целью вызвать недовольство населения, запутывал планирование товаров, задерживал продвижение их в деревню, портил и гноил продукты питания, подбрасывал в них стекло и гвозди, умышленно срывал обеспечение предметами первой необходимости низовой торговой сети кооперации.

Иванов по заданию Бухарина проводил вредительско-диверсионную деятельность в лесном хозяйстве Северного края.

Зубарев, являясь активным участником подпольной организации правых, по заданию Рыкова занимался вредительством в сельском хозяйстве в ряде областей РСФСР.

Наряду с активной диверсионно-вредительской деятельностью, участники «право-троцкистского блока» по заданию германской, японской и польской разведок под непосредственным руководством Рыкова и Бухарина и при активном участии Иванова, Ходжаева, Икрамова, Зубарева, Шарановича, Гринько и Зеленского подготовляли в Сибири, на Северном Кавказе, в Украине, Белоруссии, Узбекистане и в других местностях Советского Союза бандитско-повстанческие кулацкие кадры для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР.

В целях расширения бандитско-повстанческой кулацкой базы, по решению руководителей «право-троцкистского блока» Бухарин установил организационные связи с подпольным ЦК эсеровской организации, действовавшей в СССР, а также с заграничным ЦК эсеров.

По прямому сговору с иностранными разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого «право-троцкистский блок»

организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

В 1934 году один из руководящих участников «право-троцкистского блока» Рыков лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

В августе 1937 года Розенгольц лично пытался совершить террористический акт в отношении товарища Сталина, для чего неоднократно добивался у него приема.

Злодейское убийство С. М. Кирова, осуществленное 1-го декабря 1934 года ленинградским троцкистско-зиновьевским террористическим центром, как это установлено предварительным и судебным следствием по данному делу, было организовано по решению «право-троцкистского блока», причем непосредственное участие в организации этого террористического акта принимал подсудимый Ягода, который дал специальные указания своим соучастникам, работавшим в Ленинградском управлении НКВД, не препятствовать совершению этого преступления.

По указанию врага народа Л. Троцкого руководители «право-троцкистского блока» в 1934 году приняли решение убить великого пролетарского писателя Максима Горького. Этот чудовищный террористический акт было поручено организовать Ягоде, который, посвятив в цели заговора домашнего врача М. Горького — доктора Левина, а затем врача Плетнева, поручил им путем вредительских методов лечения добиться смерти М. Горького, что и было выполнено при руководящем участии в этом преступном деле доктора Левина. Активное участие в этом злодеянии принимали участники «право-троцкистского блока» б. секретарь М. Горького — Крючков и б. секретарь НКВД — Буланов.

По решению руководителей «право-троцкистского блока» Ягода организовал методами вредительского лечения убийство председателя ОГПУ тов. В. Р. Менжинского и заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. В. Куйбышева, причем в совершении террористического акта в отношении тов. Куйбышева непосредственное участие принимали Левин и б. секретарь Куйбышева, участник подпольной организации правых с 1928 года, Максимов-Диковский, а в совершении террористического акта в отношении В. Р. Менжинского непосредственное участие принимали Буланов и завербованный Ягодой и Левиным в заговорщическую группу врач Казаков.

Кроме того установлено, что Левин и Крючков, по прямому заданию Ягоды, вредительскими методами лечения умертвили сына А. М. Горького — М. А. Пешкова.

В связи с назначением в сентябре 1936 года тов. Н. И. Ежова народным комиссаром внутренних дел СССР «право-троцкистский блок», опасаясь полного разоблачения и разгрома антисоветских кадров, поручил Ягоде совершить террористический акт в отношении тов. Н. И. Ежова.

Выполняя это злодейское поручение, Ягода при непосредственном участии Буланова покушался осенью 1936 года на жизнь тов. Н. И. Ежова путем постепенного отравления его организма специально приготовленным для этого ядом, вследствие чего был нанесен значительный ущерб здоровью Н. И. Ежова.

Кроме того установлено, что Бухарин по решению центра антисоветской организации правых еще в 1930 году договорился с эсером-боевиком — организатором убийства тов. Володарского и покушения на жизнь В. И. Ленина в 1918 году — Семеновым о создании им ряда террористических групп для подготовки и совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Также установлено, что в 1918 году Бухарин и возглавляемая им группа «левых коммунистов», совместно с Троцким и «левыми» эсерами, организовали заговор против Советского правительства.

Бухарин и его сообщники по заговору имели целью сорвать Брестский договор, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

Выполняя план заговора, «левые» эсеры в июле 1918 года, с ведома и согласия Бухарина, подняли в Москве мятеж с целью свержения Советского правительства; при этом установлено, что совершенное эсеркою Каплан 30-го августа 1918 года покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом преступных замыслов «левых коммунистов» во главе с Бухариным и их сообщников «левых» и правых эсеров.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые по данному делу — Зеленский, Иванов и Зубарев вступили на путь борьбы с революционным движением рабочего класса еще в годы царизма.

Зеленский состоял агентом-провокатором самарского жандармского управления с 1911 по 1913 год.

Иванов состоял агентом-провокатором охранного отделения и жандармского управления в Москве и других городах с 1911 по 1916 год.

Зубарев, будучи завербован в число агентов-провокаторов в гор. Котельниче в 1908 году, занимался провокаторской деятельностью до 1917 года.

Таким образом Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила виновность: **1. Бухарина Н. И., 2. Рыкова А. И., 3. Ягоды Г. Г., 4. Крестинского Н. Н., 5. Раковского Х. Г., 6. Розенгольца А. П., 7. Иванова В. И., 8. Чернова М. А., 9. Гринько Г. Ф., 10. Зеленского И. А., 11. Бессонова С. А., 12. Икрамова А., 13. Ходжаева Ф., 14. Шаранговича В. Ф., 15. Зубарева П. Т., 16. Буланова П. П., 17. Левина Л. Г., 18. Плетнева Д. Д., 19. Казакова И. Н., 20. Максимова-Диковского В. А. и 21. Крючкова П. П.** — в том, что они, являясь активными участниками заговорщической группы под названием «право-троцкистский блок», действовавшей по прямым заданиям разведок

иностранных государств, проводили изменническо-шпионскую, диверсионно-вредительскую, террористическую деятельность, провоцируя военное нападение на СССР этих государств с целью поражения и расчленения Советского Союза и отторжения от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу враждебных к СССР иностранных государств, имея своей конечной целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, то есть в совершении тягчайших государственных преступлений, предусмотренных ст.ст. $58^{1а}$, 58^{2}, 58^{7}, 58^{8}, 58^{9}, 58^{11} УК РСФСР, а **Иванова, Зеленского и Зубарева,** кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58^{13} УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

1. **Бухарина** Николая Ивановича,
2. **Рыкова** Алексея Ивановича,
3. **Ягоду** Генриха Григорьевича,
4. **Крестинского** Николая Николаевича,
5. **Розенгольца** Аркадия Павловича,
6. **Иванова** Владимира Ивановича,
7. **Чернова** Михаила Александровича,
8. **Гринько** Григория Федоровича,
9. **Зеленского** Исаака Абрамовича,
10. **Икрамова** Акмаля,
11. **Ходжаева** Файзуллу,
12. **Шаранговича** Василия Фомича,
13. **Зубарева** Прокопия Тимофеевича,
14. **Буланова** Павла Петровича,
15. **Левина** Льва Григорьевича,
16. **Казакова** Игнатия Николаевича,
17. **Максимова-Диковского** Вениамина Адамовича (Абрамовича) и
18. **Крючкова** Петра Петровича —

к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

19. **Плетнева** Дмитрия Дмитриевича, как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении т.т. В. В. Куйбышева и А. М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению — **к тюремному заключению на двадцать пять лет** с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

20. **Раковского** Христиана Георгиевича и
21. **Бессонова** Сергея Алексеевича —

как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий — **к тюремному заключению сроком: Раковского на двадцать лет и Бессонова на пятнадцать лет** с поражением каждого в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Срок тюремного заключения **Плетневу, Раковскому и Бессонову** исчислять со дня их ареста.

Председательствующий:
Председатель
Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Армвоенюрист *В. Ульрих*

Члены:

Заместитель Председателя Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР
Корвоенюрист *И. Матулевич*

Член Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Диввоенюрист *Б. Иевлев*

Председательствующий. Объявляю судебное заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:
Армвоенюрист *В. В. Ульрих,*
Председатель Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР

СЕКРЕТАРЬ:
Военный юрист 1-го ранга *А. А. Батнер.*

ОПЕЧАТКА

На стр. 528, строка 23 снизу

Напечатано	*Должно быть*
мы	вы